



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

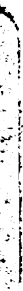
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920206 9



1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

501681

ПАНТЕОНЪ

№ 3.

МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.



СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ **ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ.** Повѣсть въ стихахъ *И. Д. Хооцинской.*
КВАРТИРА ВЪ ТАТАРСКОМЪ КВАРТАЛѢ. Изъ разсказовъ *Я. М. Полонскаго.*
ШЕРЮМАЛЬ МАГУ. Малабарскій разсказъ.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

✓ **ШОПЕНЪ.** Статя Франца Листа.

III. МЕМУАРЫ.

✓ **ВОСПОМИНАНИЕ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЮЗЕФА ГРИМАЛЬДИ.** Изданныя *Дикенсомъ.*

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Французская пословица. — Россини и полный каталогъ его оперъ. — Беллини. — Эллиотическій стиль. — Верди. — Ультра-декламационный стиль. — Риголетто. — 2-й периодъ Верди. — Мейерберъ. — Послѣднія его оперы. Статя *Ростислава.*

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Други изъ романовъ и *Три Мушкетера.* — Бенефисъ Модилье, — Бенефисъ Бертоня. — Возобновленные пьесы. — Водевиль въ бенефисъ г-жи Мила. — *Edgard et sa femme.* — Бенефисъ г-жи Мейеръ. — Пьесы Баира. — *Урна.* — Новая драма Эмиля Ожье. — Водевиль въ бенефисъ г-жи Вольнисъ. — Комедія изъ оперы и новал пьеса со старымъ сюжетомъ. — Статистическіе выводы изъ обзора прошлагодной дѣятельности французской труппы. — Составъ труппы, ея согласіе и усовершенствованіе.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Пѣсня спротивъ Лиза, драма въ 2 дѣйствіяхъ. соч. г. Анца.
2. Женить не ошибитъ, или за двумя зайцами погонимъсь, или одного не поймашь, оперетта въ 1 дѣйствіи.
3. Дипломатика жены, комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго г. *Н. Крестовскимъ.*
4. Жидъ за печатью, шутка въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ польскаго г. *Омискожъ.* (*Бенефисъ г-жи Самойловой 1).*
5. Сумасшедшій, комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. *Жемчужникова.*
6. Занужина невѣста, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *Жорженевскаго.*
7. Неслѣднная ивѣсть лебеди, водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, соч. графа *С. Потемкина.*
8. Сцены изъ трагедіи Шиллера «*Марія Стюартъ.*» (*Прощальный бенефисъ г-жи Самойловой 2).*
9. Не въ свои сани не садись, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г. *Островскаго.*
10. Г-жа Читау и г. Бурднъ. Дебютантки.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

Несколько словъ о *Севастопольскомъ театрѣ.* — Г. Жураховскій и его старіе сотрудники: г-жа Шульцъ, г. Лебедевъ, Алексѣевъ, Зубовичъ и Струковъ. — *Кишиневскіе театры.* Труппы гг. Соколова и Прунгуля. Актеры и артистки. — *Кіевскіе театры:* Труппы гг. Федецаго и Мориса-Шюль. — Артисты польскіе и русскіе. — *Харьковскій театр:* Артисты: г-жи Федорова, Микульская, Червинская и Пронская, и гг. Алексѣевъ, Львовъ, Виноградовъ, Пронскій и Михайловъ. — *Курскій театр:* Труппа г. Воценко-Захарченко. — Поименіе гг. Живокина и г. Орлова. — Антрепренеръ Малъевъ. — Паденіе театра. *Театръ въ Костромѣ.*

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ 10^{го} марта.

Трогательное положеніе корреспондента. — Бальныя наслажденія и бальныя послѣдствія. — Бархатный фракъ и кружевное жабо. — Голова девятнадцатаго столѣтія на туловищѣ восемнадцатаго. — Водевильныя сцены при разлѣдѣ. — Походженія мера и штра терпѣнія его супруги. — Водевиль безъ музыки. — Раздача премій. — Балъ. — Нѣжное сердце Жиль-Жанона. — Кстати, еще маленькій процессъ. — Вторженіе Абъ-эль-Кадера во французскую поэзію. — Академія музыки. *Луиза Миллеръ,* опера Верди, современная и дополненная. — Комическая опера. *Глухой* опера Адольфа Адана; *Свадьба Жаннезъ,* опера Виктора Массе; *Зеркало,* опера, Гастинелли. — Французскій театръ. *Леди Тартюфъ,* ком. г-жи Жирардонъ. — Т. РАЗНООБРАЗІЯ. *Будущіи молотъ здоровья,* вод. Лабиша, Деланда и Делакюра Еще три водевиль. — Т. Веселости. *Дядя Томъ,* драма Анисе Буруа, Вальи и Тексье; *Маленькій Проансъ,* водевиль. — Фарсы театра ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ШАЛОСТЕЙ. — Пай-Ройаль. *Вотъ извольте жить въ своемъ домѣ.* Вод. Баира. — Паря извѣстій изъ Нового-Світа.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАНІИ

Одорованъ Носовъ

ТОМЪ VIII.

МАРТЪ — КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

1853.

Напротивъ, въ мысли и на дѣлѣ
 Мы съ жаромъ и съ любовью къ нимъ
 На общій трудъ всегда ситимъ,
 И въ пламенномъ стремленнн къ дѣлу
 Уиѣмъ многое прощать
 Чтѣ можетъ разочаровагь.

Но безъ пощады, безъ прощенья
 Бываемъ мы къ роднымъ своимъ;
 Намъ въ нихъ отѣнокъ заблужденъя
 Досаденъ и невыносимъ;
 При первомъ спорѣ — мы ужъ чужды,
 Намъ стали непонятны нужды
 И непонятно горе ихъ;
 И если голосъ ихъ затихъ —
 Тѣмъ лучше: для него отвѣта
 Мы бѣ не нашли въ душѣ своей;
 Хоть холодно и скучно ей
 Семью стыскивать по свѣту,
 Но зла и предубѣждена
 Не обращается она.

И мы приводимъ въ оправданье
 Что въ ближнихъ, что въ семьѣ своей
 Досаднѣй намъ непониманье,
 Замѣтнѣй мелочность, что въ ней
 Упрямство видѣтъ намъ грустнѣе,
 Что мы, — чтобъ выразить яснѣе, —
 Страдаемъ больше каждый мигъ
 Несовершенство вида ихъ.
 Но я замѣчу здѣсь смѣренно,
 Что вѣрно бы нашлось у насъ
 Прощенье, еслибы подчасъ
 Покой, комфортъ нашъ драгоценный
 Отъ столкновешн не терпѣлъ, —
 Тогдабъ нашъ умъ смолчать умѣлъ.

Былъ Николай. Его сестра,
 Предметъ для кроткихъ поощреній,
 Товарищемъ въ трудѣ добра
 Была бѣ, ученикомъ прилежнѣйшѣ
 Въ наукѣ, но, ребенокъ нѣжный,
 Она была забыта имъ.
 Простора не далъ онъ благимъ
 Души движеньямъ, излияньямъ,
 Онъ мелочей снести не могъ;
 Холодный въ нихъ нашелъ предлогъ,
 Чтобъ осудить все на молчанье,
 Твердя, чтобъ совѣсть оправдать,
 Что имъ «другъ друга не понять.»

Теперь, когда сестра явилась
 Передъ другимъ, не передъ нимъ,
 Мила, мать брату и не смилось,
 Съ умомъ и свѣтлымъ и правымъ,
 Съ душой доверчивой, прекрасной,
 Гдѣ долго такъ и такъ напрасно
 Скрывалось чувство, но за то
 Сильнѣе было прожито;
 Теперь, когда оно давалось
 Другому — все, и тотъ другой
 Былъ незнакомый, былъ чужой, —
 О, сердце брата оскорблялось,
 И горе новое легло
 Въ него, такъ больно, тяжело...

То было горе сожалѣнья,
 Досада злая, и порой
 Неуловимыя движенья
 Какой-то зависти нѣмой,
 За тѣмъ, что взглядомъ или словомъ
 Не измѣнилъ онъ ей; не ново
 Скрываться было для него!
 Притомъ же, гостя своего
 Онъ полюбилъ, и было бѣ странно
 Покой пріятный возмущать,

И непринично разбирать
Вопрос домашній и туманный.
Теперь съ Айдаровымъ они
Такъ весело проводятъ дни:

Охота утромъ, чтение, споры
О чувствахъ близкихъ, о живыхъ
Всѣмъ общихъ интересахъ. Сборы
Къ отъезду вспомнить гость, и вмигъ
Хозяинъ возражаетъ. — Чтѣ вы?
Куда вы? Развѣ вы здоровы?
Здѣсь воздухъ лучше всякихъ водъ.
Да чтѣ же васъ въ Москву зоветъ?
Вѣдь вы не служите? — « Конечно;
Къ роднымъ я ѣздилъ по дѣламъ,
И кончилъ всѣ; притомъ я самъ
Лѣниться радъ и жить, безопасно,
А снисходительнѣй друзей
Не встрѣтишь и въ семьѣ своей.»

Съ цвѣтами, съ вешнею травою
Растетъ любовь; остается радъ
Влюбленный гость. И за сестрою
Печально наблюдаетъ братъ;
Но будто въ прежнемъ ослѣпленнѣ
Не замѣчаетъ въ ней волненья,
Раздумья, всѣхъ любви примѣтъ;
Легко даетъ себѣ отвѣтъ,
Зачѣмъ такъ Лиза хорошеетъ,
Зачѣмъ такъ милъ ея нарядъ,
Зачѣмъ порою робкнй взглядъ
Какой-то мыслью просвѣтлѣветъ,
Зачѣмъ, какъ-будто смущена,
Уходитъ въ тѣнь аллеи она.

— Какъ всѣ, она дѣтя, кокетка.
Въ глуши забытой и одной
Скучна казалась эта дѣвка,

Занятье гость принесъ съ собою.
 Пора развиться, въ-самомъ-дѣлѣ!
 Насмѣшки наконецъ успѣли
 Ее-жъ народамъ приучить,
 Но безъ жеманства ей не жить.
 Какъ видно, — съ ней оно сроднилось,
 Оно здѣсь въ воздухѣ.... — Такъ брать
 Судилъ, бросая строгій взглядъ;
 Но тяжело въ немъ сердце билось,
 Замѣтивъ съ горемъ, что кругомъ
 Пусто было съ каждымъ днемъ....

Но ей, счастливой, что за дѣло!
 Блаженство въ грудь ей сошло
 И осзативъ ее, согрѣло.
 Дитя забывчиво и зло
 Въ своей любви новорожденной.
 Хотя сто разъ, кротка, смиренна,
 Полна довѣрья и добра,
 Хотѣла бѣдная сестра
 Упасть въ слезахъ на шею брату
 И счастье высказать свое,
 Просить, чтобъ выслушалъ ее,
 Сказала: любилъ-ли онъ когда-то,
 Иль въ мирѣ Божіемъ одни
 Любили, любятъ лишь они?...

А это часто ей казалось.
 Бродя съ нимъ объ руду вдвоемъ,
 Когда за облакомъ скрывалась
 Луна и парь вставала столбомъ
 Надъ рѣчкой, звѣзды чуть мерцали,
 И листья сладко трепетали,
 Какъ-будто вдругъ пробуждены
 Дыханьемъ чьимъ-то съ вышины, —
 Казалось ей, въ смятеннѣ чудномъ,
 Внимна клятвамъ и слезамъ
 И счастья полного словамъ
 Мечтаньямъ дѣтски безразсуднымъ:

Что миръ со всюю красотою
Лишь для любви, въ любви одной.

Ей казалось, — безконечны годы;
Пускай далеко отъ людей
Преклонять жизнь. Для нихъ въ природѣ
Довольно звуковъ и лучей;
Для нихъ заботы и желанья
Въ самихъ себѣ; воспоминанья
Во всякой мелочи, — въ цветкѣ,
Въ слѣдахъ на взвѣянномъ пескѣ...
И этотъ садъ уединенный,
И этотъ дѣтства полный домъ,
И церковь съ золотымъ крестомъ,
И дернъ могилы драгоценной,
Гдѣ ихъ, уснувъ, родные ждутъ, —
Вотъ милый теплый ихъ приютъ!...

О мой читатель, вы любили!..
Быть-можетъ, золотые сны,
Какъ дѣтскія розы, клубами пылаи
Въ стремлѣннхъ дѣтѣхъ утѣсы;
Но вы ихъ видѣли, вы знали
Тѣ сны безъ мысли и печали,
Когда доверчивы къ себѣ
Мы сѣмемъ и въ лицо судьбы
Глядѣть съ доверчивой улыбкой;
Когда насъ время не страшить,
Не возмущаетъ ложный стыдъ,
И не мерещится ошибка,
И сердцемъ чище и святѣй
Мы въ вѣчность вѣруемъ сильнѣй!..

Да, вы любили! Пусть же кѣтно
Благословенъемъ на земли,
Тацтся въ васъ, въ тиши сердечной,
Воспоминаніе любви!
Пусть свѣта ѣдимъ приговоромъ,
Благоразумія уворомъ,

Насыщенной грустном, оно
 Не будет въ васъ обращено!
 Пусть въ немъ хранится припрятно
 Съ толпою нашей молодой,
 Пусть благодарностью святой
 Оно дастъ прошлому значенье,
 Пусть вызоветъ въ отрадный часъ
 Слосу въ вашихъ впаляхъ глазъ!...

Часы проходятъ, дни, недѣли.

Благоуханная весна
 Летать, и рощи потемнѣли, —
 На снѣгу лѣто ждетъ она...
 Сводъ неба майской ночью тмится,
 Закатъ еще желтъ; садится
 Въ туманѣ мѣсяць молодой...
 Передвечернею грозою
 Омывые цвѣты дышали,
 Преледы праздниа возвратъ.
 Балконъ отворенъ. Въ темный садъ
 Ройная звуки вылетали.
 Айдаровъ съ Лизою вѣвоемъ
 Сидѣли... Тихо все кругомъ.

Они молчали. Что напрасно
 Терять слова, когда давно
 Нераздѣлимо и согласно
 Сплелися души ихъ въ одно?
 Такъ время шло. Они молчали,
 Потомъ другъ друга руки взяли,
 Пожали тихо, и для нихъ
 Вся жизнь сказалась въ этотъ мигъ,
 Безъ тайнъ и грустнаго сомнѣнья...
 Послышались шаги. — Вотъ братъ! —
 И кроткій, ясный Лизы взглядъ
 Связь безъ страха и смущенья.
 Айдаровъ торопился встать
 И пачаль ноты разбирать.

— За нушкой! А жалко, Лиза, —
 Входя, ей Николай сказалъ:
 Съ рожаемъ, другъ мой, распротися.
 Сосѣдъ сегодня прискакалъ.
 Я видѣлъ издали кареты.
 Весь домъ сіяетъ. Онъ на гѣто
 Къ собѣ знакомыхъ пригласилъ.
 — Кто вашъ сосѣдъ?—Онъ очень милъ,—
 Иванъ Ивановичъ Долотовъ.
 Онъ долженъ бабушкѣ моей.
 Я радъ, что онъ съ семьей своей
 Пріѣхалъ; вѣрно кончили счеты...
 — Ахъ, что за память у меня!
 Да и нѣ Долотовы родня....

— Родня? — Далекая, но все-же
 У нихъ считался я своимъ.
 Что за забывчивость, мой Боже!
 Я завтра-же отправлюсь къ нимъ.
 Она три года за границей.
 Гулдан. Славная цѣванца.
 Люди. Веселая семья...
 Когда не ошибаюсь я,
 Они давно знакомы съ вами?—
 Необычайно оживленъ
 Вдругъ къ Лизѣ обратился онъ
 И взглядъ ея искалъ глазами,
 И неизвестно почему
 Вдругъ стало совѣстно ему.

А ей... ей вспоминалася встрѣча,
 Та встрѣча первая, когда
 Ей было стыдно такъ.... Далече
 Умчали быстрые года
 Ребенка бѣднаго смущенье,
 Неловность, страхъ и удивленье
 При видѣ комнатъ дорогихъ
 И модныхъ барышень большихъ.
 Ей вспоминался ей печали,

Когда межъ ею и игрой
И мягкой сельской простотой
Онъ какой то тѣнью стали, —
Теперь на радости любви
Онъ, какъ тѣнь, опять нашли...

— Тамъ весело! она твердила,
Когда на завтра у окна
Она ждала, въ саду бродила
Въ волненьи смутномъ и одна. —
Онъ тамъ до вечера пробудеть,
Такъ братъ сказалъ... Но онъ не любить
Ни принужденья, ни гостей.
Конечно, день идетъ скорѣй
При людяхъ.... Какъ бы я хотѣла
Послушать, какъ поетъ Лиди...
Я не ушла бы провести
День безъ занятія, безъ дѣла,
И такъ, чтобъ занимались мной....
Какъ скучанъ этотъ домъ пустой!...»

Увы, предчувствуя, тоскуя,
Не ошибалась она!
Айдаровъ съ нею жизнь иную
Узналъ. Покой и тишина,
Любовь, природа и мечтанья
Прекрасны, но очарованья
И шума свѣта замѣнить
Они не могутъ. Онъ забыть
Успѣлъ въ минуту упоенья
Своей любви, когда предъ нимъ,
Съ ея волненьемъ живымъ
Гдѣ мѣста нѣтъ для размышленья,
Явилась жизнь, къ которой онъ
Былъ съ малолѣтства приученъ.

Та жизнь пуста, онъ это знаетъ;
Но этотъ блескъ, но этотъ шумъ
Его ласкаетъ, забавляетъ.

Смѣлый его игривый уль
 Передъ констативомъ немощеннаго;
 Свободный онъ, неувлеченный,
 О чувствахъ рѣзко говорить:
 Онъ знаетъ — чувства не смутить.
 Какъ-будто онъ опять съ своимъ,
 На роднѣ.... Припоминать,
 Смѣяться, — стѣбитъ лишь начать, —
 И столько общаго межъ нами,
 И проза жизни далеко
 Припрятана; свѣтло, легко....

Когда мелодично вынестъ,
 Сидитъ онъ въ думу погруженъ,
 Нежданно не влетаетъ стая
 Цыплятъ крикливыхъ на балконъ;
 Не слышитъ онъ распоряженій
 О чаѣ, ужинѣ, вареньи;
 Любви таинственныхъ рѣчей
 Не прерываетъ зловъ ключей....
 Все это глупыя бездѣлки, —
 Но охлажденъа колыбель.
 Полна ихъ; вздоры, — но ужель
 Ужъ и не больно-то, что мелко?
 Не разъ случалось имъ рѣшить.
 Погаснуть чувству — или жить....

Айдаровъ воротился поздно,
 Но злымъ раскаленнымъ смущенъ,
 Усталый, сумрачный, серьезный,
 Легко увѣрилъ Лизу онъ,
 Что проскучалъ, что надоѣли
 И толки свѣтскіе, и трели
 Жеманно спѣтыя ландоннеть,
 И нескончаемый обѣдъ.
 — Чтобъ отдохнуть, мы завтра въ поле, —
 Сказалъ онъ. Счастія полна,
 Уснула радостно она.
 Но завтра снова, по невестъ,

Утхалъ онъ: съ зарей, съ письмомъ,
Гонецъ стоялъ наредъ крыльцомъ.

У Лизы съ братомъ нѣтъ сближенья,
Привычекъ общихъ тоже нѣтъ,
И такъ большое затрудненье
День провести съ нимъ тѣло-а-тѣло.
Она отвыкла отъ молчанья,
Но прежней робости влiанье
Въ ней было сильно, и притомъ
Мысль о себѣ и о другомъ
Мѣшала братомъ ей заняться.
Съ нимъ страненъ отвлеченный споръ,
А откровенный разговоръ
Такъ невозможенъ!... Притвораться,
Смѣяться Лиза не могла,
И мучась вечера ждала.

А братъ? Онъ сумрачно, въ молчаньи,
Шагами шѣрилъ садъ и закъ,
Сестры холодность, невниманье,
Характеръ страшный обвинялъ.
— Ей только весело съ чужими....
Но что-же стало между ними?
Зачѣмъ межъ братомъ и сестрой
Необходимъ всегда чужой,
Чтобъ имъ не умереть отъ скуки,
Чтобъ какъ-нибудь свой умъ сроднить,
И цѣлой жизни не прожить
Средь этой нравственной разлуки,
Въ которой чувства, мысли спятъ,
Гдѣ ему физическому радъ?...

День смеркнувъ; къ ночи дождь собрался,
Въ днѣтахъ широкихъ эманталъ.
— Айдаровъ почевать остался, —
Такъ Антъ Николай сказалъ,
Являясь къ чаю. Безотрадно

Ушло сердце въ ней. — Досадно! —
 Блѣднѣя мөлвила она,
 И воцарилась тишина.
 — Когда-нибудь совсѣмъ уйдеть. —
 Такъ межъ двухъ паузъ Николай
 Сказалъ какъ-будто невзначай,
 Не дожидаясь, что отвѣтять.
 Не въ силахъ болѣе снести,
 Привстала Лиза, чтобъ уйти.

— Куда-же ты? — Да тамъ есть дѣло....
 Я вамъ нужна? — Нѣтъ; дождь идетъ?
 — Идетъ. — Вдругъ что-то загремѣло
 Раздался скрыпъ и стукъ воротъ,
 Подъѣхалъ кто-то. Лиза встала....
 Она въ смятеннѣ ожидала
 Чего-то. Братъ свѣчу схватилъ
 И въ залу темную снѣшилъ.
 — Вотъ, батюшка, вамъ гость неожиданный!
 — Настасья Павловна!... Сестра!
 — Не дождалась я до утра;
 Гдѣ-жъ Лизавета Николаевна?
 — Сестра! — И Лиза шла скорѣй
 Встрѣчать сосѣдку у дверей.

— Не мнѣ и гость когда не въ пору,
 Я, батюшка, по дѣлу къ вамъ;
 Не помѣшала-ль разговору?
 — О, нѣтъ. — Хотѣлъ оставить дамъ
 Хозяинъ, въ кабинетъ спастися.
 — Нѣтъ, нѣтъ, мой батюшка, садися;
 Вѣдь въ этомъ дѣлѣ главный — вы,
 Безъ васъ все, какъ безъ головы.
 Я къ вамъ съ прошеньемъ, да съ поклономъ;
 Не откажите, вамъ-же честь.
 Я рѣчи не умѣю вестъ
 Какъ вы, — гдѣ намъ, непросвѣщеннымъ!
 Мнѣ лишь-бы смыслить да сказать,
 А не по васъ, такъ умъ молчать. —

Въ большомъ чашѣ, въ платкѣ козровомъ
 И съ торжествующимъ лицомъ,
 Принявъ въ объятія Лизу снова,
 Сосѣдка сѣла предъ столомъ;
 И рѣчь она вела искусно,
 Что негодится и что грустно
 Дѣвицей дѣлать вѣкъ прожить,
 Что надо за-мужъ выходить, —
 (Предметъ всегда нестоимый,)
 Короче, есть и женишекъ,
 А поискать — онъ недалеко,
 Знакомый — братецъ мой родимый,
 Василь Павлычъ; самъ не свой,
 Какъ васъ увидѣлъ, ангелъ мой!

Во всемъ у нихъ такой достатокъ;
 Есть двадцать-два двора крестьянъ;
 Хозяинъ, любить самъ порядокъ;
 Есть чинъ — въ отставкѣ капитанъ,
 Съ мундиромъ: въ табель надѣваетъ;
 Не курить, въ карты не играетъ;
 А нравъ такой, — я вамъ скажу-сь,
 Что съ звѣремъ я не уживусь, —
 При немъ живу никакъ десятый
 Ужъ годъ. Онъ мнѣ который разъ
 Извольтъ говорить о васъ,
 Да тутъ какой-то франтъ хохлатый
 У васъ гостилъ, знать изъ Москвы,
 И какъ-то загордился вы.

Такъ гдѣ ужъ намъ! а какъ узнали,
 Что съѣдетъ онъ отъ васъ теперь,
 Такъ братецъ къ вамъ меня послалъ.
 Скажите: да, — нѣ: вотъ вамъ дверь!...
 Рѣшенье ваше ожидаю. —
 Хотѣлось страшно Николаю
 Ей милый сей привѣтъ послать,
 Но Лиза посѣдѣла встать.
 — Я васъ благодарю сердечно,

Не о рѣшеніи моемъ
 Позвольте дать вамъ знать потомъ;
 Подумать надо мнѣ — Конечно!
 Я къ братцу съ вѣстью поспѣшу;
 Вотъ будетъ радъ, я вамъ скажу!—

Сестра и братъ одни, въ смущеньи.
 — Что это значить? — Ничего.
 — Ты принимаешь предложенье?
 — Нѣтъ. — Такъ къ чему-нибудь его
 Ты бережешь? Почему я знаю!
 Я ничего не ожидаю
 Хорошаго. Вѣдь намъ вдвоемъ
 Несноснѣй будетъ съ каждымъ днемъ ...
 Василій Павловичъ защита,
 Пріютъ.... — Къ чему напрасный гнѣвъ?
 Сказала Лиза, поблѣднѣвъ, —
 Прямой отказъ всегда обѣда,
 А у меня не стало силъ
 Обидѣть тѣхъ, кто насъ любилъ. —

— Ты осторожна, поздравляю;
 Прекрасно!... Снова тишина.
 Молчала Лиза, грусть скрывая,
 Упреки злымъ оскорблена;
 Тоска любви, сомнѣнья муки,
 Возможность горестной разлуки
 Ее терзали. Братъ не могъ,
 Стыдась, что высказалъ упрекъ,
 Раскаяться и обратиться
 Съ участьемъ къ ней. Но все-равно!
 Они разсталися давно.
 Душамъ лишь стѣять раздѣлиться
 Въ началѣ — и пойдутъ потомъ
 Все расходящимся угломъ.

Поутру гость нѣкъ воротился;
 Слегка смущаясь, обѣщая

Что тамъ онъ на-скоро простился,
 И къ нимъ проститься поспѣшилъ.
 — Что дѣлать съ этими родными!
 Хотятъ, чтобъ я остался съ ними
 Совсѣмъ, гостилъ у нихъ, — а мнѣ
 Такъ хорошо здѣсь въ тишинѣ,
 Въ бесѣдѣ искренней и съ вами....
 — Что жъ дѣлать! Николай сказалъ,
 Разстаться видно часъ насталъ;
 Разставшись — свидимся друзьями.
 Смотрите, тамъ завеселась
 Сосѣдей не забудьте — насъ.

Братъ вышелъ. И въ прохладной заглъ
 Они остался вдвоемъ.
 Касатки весело кричали,
 Гитъздо свивая надъ окномъ,
 Дорожки, цвѣтники горѣли
 На солнцѣ. Ландыши бѣлѣли
 Въ стеклянной вазочкѣ въ тѣни.
 Все тихо; старые одни
 Часы стучать себѣ смиренно.
 Раскрыта книга на окнѣ,
 И пальцы Лизы въ сторонѣ;
 Подъ ними дремлетъ котъ почтенный:
 Въ стеклѣ играетъ тѣнь вѣтвей
 И что-то прошлымъ вѣетъ въ ней ..

— Что съ вами, Лиза, ради Бога?...
 Спросилъ Айдаровъ. Горько вдругъ
 Она заплакала, тревогу
 Не въ силахъ побѣдить, вокругъ
 Взглянуть не въ силахъ... — Я страдаю
 Не меньше васъ, повѣрьте... — Знаю;
 Здѣсь скучно... я прощаю вамъ.
 У насъ тоска; къ цвѣтамъ, къ полямъ,
 Къ однообразнымъ толкамъ скоро
 Привыкнешь, скучно здѣсь.... тоска!
 Идите, жизнь такъ широка!

Что вамъ въ идилліяхъ, въ разборахъ,
И въ ежедневныхъ хлопотахъ,
И въ этихъ четырехъ стѣнахъ?

Вы въ нихъ не выросли; вамъ трудно
Привыкнуть.... Нѣтъ, вы не должны
Здѣсь жить; я плачу безразсудно....
Не правда-ль, слезы такъ смѣшны?
Братъ умираетъ здѣсь отъ скуки,
И вы.... О, не цѣлуйте руки,
Оставьте.... Слишкомъ, можетъ-быть,
Я понимаю. Обвинить
Одну судьбу, судьбу лишь можно!... —
Она руки захватила у ней,
Прижалъ къ груди и долго ей
Шепталъ и жарко и тревожно....
— Такъ не на вѣкъ, не навсегда
Разлука?... — Да, другъ милый, да! —

Она разсталась съ нимъ въ надеждѣ,
Спокойно вышла на крыльцо
И проводила. Такъ какъ прежде
Спокойно милое лицо,
Движенья ровны. Кротко снова
На ежедневный трудъ готова
И вѣрой въ счастье сильна,
Готова счастья ждать она,
И ей не трудно ожиданье:
Жизнь безконечна, а въ любви
Какъ въ вѣчности проходить дни;
Она мечты, воспоминанья,
Блаженство настоящихъ дней
Сливаетъ въ радугъ своей....

Айдаровъ вѣхалъ. Межъ полями
Нарядный мчался фаятошъ, —
И въ даль усталыми глазами
Смотрѣлъ онъ, странно возмущенъ

И грустно думать: — Отчего-же
Его волнение не похоже
На горе тяжкое, когда
Мы съ милымъ сердцу навсегда
Простились съ долгимъ поцѣлуемъ,
И свѣжи слезы на груди,
Ничто не свѣтитъ впередъ.
И мы какъ-будто торжествуемъ,
Гордись, побѣду надъ судьбой,
Когда не плачемъ надъ собой?...

Зачѣмъ теперь не то? Малютка
Прекрасна; взглядъ ея такъ милъ...
Но разумъ повторяетъ — шутка,
Разборъ твердитъ — ты не любишь...
Возвратъ весны, выздоровленье,
Когда сильнѣе впечатлѣнья
И Божій миръ глядитъ свѣтлѣй
Для вновь открывшихся очей,
И сердце слабо и смиренно,
И восторгаться умъ готовъ,
Дыханье солнца и цвѣтовъ,
И старины уединенной
Вліянье, чтенье, тишина —
Причина, кажется, ясна.

Увлекся онъ... Она, быть можетъ,
И любить; жалко, спора нѣтъ, —
Но чье-же сердце не тревожитъ
Любовь въ семнадцать-двадцать лѣтъ?
Быть-можетъ, въ скукѣ одинокой
Любовь измучаетъ глубоко
Ея душу, но всего вѣрнѣй
Пройдетъ, — тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣй...
Но скучно, — Боже, какъ тамъ скучно!
Глядишь въ окно—угрюмый садъ,
Здѣсь — стульевъ неподвижный рядъ
И отголоски компаней звучныхъ....
Нѣтъ, съ сильной волей, съ головой,
Любовью не прожить одной!

Деревья, книги, зелень, авто, —
 Прекрасны, нечего сканать,
 Но блескъ и развлеченья свѣта
 Кто нынѣ стаеть осуждать? —
 Глушесть, кому до нихъ далеко....
 Конечно, требовать жестоко
 Она не стала бы, чтобъ другъ
 Въ глуши съ ней скрылась; модный другъ
 Сама бъ увидѣть захотѣла...
 Ей въ свѣтъ? Ей бросить эту глушь?
 И съ нимъ... такъ онъ ей будетъ мужъ?..
 Онъ — мужъ!!! — Звѣздами ночь горѣла,
 Скрывалась въ сумракъ, въ пыль,
 Усадьба темная вдали...

VII.

— Оставимъ дѣтямъ ихъ забавы,
 Игрушекъ блескъ и прочій вздоръ, —
 Твердимъ мы, думая, что правы
 Произнося свой приговоръ.
 Игрушки дѣтямъ! Ктожъ не дѣти?
 Кого не увлекали сѣти
 Всего, что радужно блеститъ,
 Что сладко мучитъ, что дрожитъ
 Въ недосягаемомъ туманѣ,
 Самолюбивымъ лѣтя мечтамъ,
 Что покидаемъ мы, слезамъ
 Не заплативъ обычной данн,
 Что весело шумитъ кругомъ, —
 Всего, что *свѣтло* мы зовемъ?

О, протъ премудрый назвется,
 Кто хоть однажды не мѣнялъ
 Лѣзая, гдѣ тѣнь прохладно льется,
 На свѣтлый и роскошный балъ,

Не ощутилъ его влѣдья,
 И въ рѣзвой свѣтской щабетань;
 Вдругъ, какъ ребенокъ, не забыть
 Всего, что думалъ, что любилъ!
 Конечно, съвѣсть хлопотливо
 Было вспоминаеть намъ,
 Охотно бы послушалъ самъ
 Ее, — но молодость, игривый,
 Прекрасный, общій всѣмъ порокъ,
 Читаетъ тоже свой урокъ...

И рады мы, или не рады,
 И стыдно, или не стыдно намъ,
 По счастья прочнаго отрады
 Несемъ мы въ жертву суетамъ.
 Примеровъ, къ сожалѣнью, много.
 Судья разборчивый и строгій
 Излилъ бы грозный гнѣвъ рѣкой
 Надъ всей ничтожностью людской,
 Надъ нашимъ жалкимъ ослѣпленьемъ,
 И прочимъ. Я скажу одно:
 Такъ есть — такъ значить быть должно, —
 И возвращусь безъ отступленій
 Къ простой исторіи своей;
 Пора давно покончить съ ней.

Для свѣтской опытной кокетки
 Напрасно не проходятъ дни;
 Для Лизы же свиданья рѣдки
 И пусты, главное, они.
 Айдаровъ явится и съ братомъ
 Займется. Сердце въ ней измято
 Желаньемъ, страхомъ, и порой
 Вниманья молить взоръ нѣмой, —
 Но взора онъ не замѣчаетъ.
 Въ ней силы нѣтъ заговорить,
 Она горда, чтобъ укорить,
 И какъ чужаго провожаетъ,
 Возмущена, оскорблена,
 Того, кѣмъ жизнь ея полна.

Истинная словесность.

Въ ней вѣра есть въ любовь и счастье,
Но вѣрить больше силы нѣтъ.
Онъ холоденъ, покорный власти
Условій свѣта; да, — но свѣтъ
Такъ много требовать не станетъ!
Къ тому-же, кто сюда заглянетъ,
Кто здѣсь увидитъ, если онъ
Минуту будетъ увлеченъ?
Кто здѣсь осудитъ?... Братъ?... Когда бы
Любилъ онъ бѣдное дитя,
Когда бы зналъ онъ... но судья
Жестокій, утѣшитель слабый,
Тоскуя о себѣ самомъ,
Не станетъ думать о другомъ!

Она одна, одна!.. Въ постели
Рыдая, молится она.
Ужель все кончено, ужель
Вся прелесть жизни пройдена?
Чѣмъ провинилась предъ судьбою,
Что бросивъ жадною рукою
Два мѣсяца на долю ей
Блаженныхъ, благодатныхъ дней,
Судьба ей память сохранила
Объ этомъ счастьи, этихъ дняхъ?
А въ этихъ рощахъ и поляхъ,
А въ этомъ домѣ, прежде милымъ,
Что случилось?... Мрачно все вокругъ,
И страшно такъ бываетъ вдругъ,

Какъ будто умеръ кто. Порою,
Ей, прежде тихой и прстой,
Случалось съ насмѣшкой злою
Смотрѣть на все передъ собой;
Потомъ, въ мучительномъ движеньи
Просить, оюмнившись, прощенья
И вновь покорно, робко ждать...
Случалось сладостно мечтать,
Когда предъ зеркаломъ стариннымъ

Ея лицо, весны свѣжій,
Средь черныхъ, шелковыхъ кудрей,
Глядѣлось кротко и невинно,
Такъ—что, казалось, небесаиъ
Нельзя обречь его слезамъ.

Всегда спокойна, за работой
Сидитъ по прежнему она,
Трудомъ, начатыиъ безъ охоты,
Какъ тажиимъ сномъ, утомлена;
Но утомленье кто подмѣтаетъ?..
Настанетъ вечеръ, мѣсяцъ свѣтитъ,
И также отворенъ балконъ;
Но ужъ сосѣду возвращенъ
Рояль,—да и на что онъ болѣ?..
Катися на небѣ ночноиъ,
Зловѣщииъ свѣтится огнемъ
Звѣзда; темно, пустынно поле,
Печалью дышетъ тишина..
Кто скажетъ ей: ты не одна...

Разъ вечеромъ, она далеко
Ушла, измучася долгимъ днемъ.
Разросся вольно и широко
Лѣсокъ кудрявый надъ холмомъ;
Внизу рѣка свѣтло бѣжала
И пѣвася корни обмывала
Березъ плакучихъ, темныхъ ивъ;
Песчаный берега обрывъ
Желтѣлъ при солнечномъ закатѣ.
Разметаны по синевѣ
Тонули облака; въ травѣ
Шумъ замолкалъ На ишистомъ скатѣ
Присѣла Лиза, въ глубѣ воды
Смотря, безъ мысли и мечты.

Вдругъ издали, тамъ, гдѣ катилася
Разлитыиъ золотомъ волна,

Качаясь, лодка появилась
 Пловцями шумными полна;
 Цветные зонтики пестрели
 И въ жаркомъ воздухѣ были
 То складки мягкой кисеи,
 То шарфа легкія струи.
 Веселый говоръ раздавался
 Далеко, берегъ повторялъ;
 Дымокъ прозрачный улеталъ
 Съ сигаръ и тихо разстпался.
 Все такъ нарядно, такъ светло
 Глядѣлось въ влажное стекло.

Какъ бы сквозя сонъ, въ волнубоенья
 За лодкой Лизы взоръ слѣдитъ.
 Айдаровъ здѣсь; онъ съ оживленіемъ
 Къ Лиди склоняясь, говоритъ,
 Довольно, веселъ. Лодкѣ зыбкой
 Его рука движеньемъ глубокимъ
 Стремленіе легкое дала,
 И съ приподнятаго весла
 Сбѣгаютъ капли золотыя.
 Привсталъ онъ; стройный слышетъ
 Чернѣть въ воздухѣ; на свѣтъ
 Устало смотреть молодые
 Глаза,—и шуткою опять
 Лиди умѣла ихъ призвать.

Онъ снова къ ней, она любимой
 Слегка касается руки,
 А лодка тихо мчится мимо
 Вдаль по извилинамъ рѣки,
 И исчезаетъ за холмами....
 И Лиза, проводя въ глазами,
 Встааетъ тихонько и домой
 Идетъ. Въ душѣ ея больной
 Нѣтъ слезъ, нѣтъ жалобы; утрата
 Такъ очевидна,—что въ слезахъ?
 Сомнѣнья, ревность, дѣтскій страхъ —

Все оправдилось! нѣтъ возврата. .
 Но что напрасно повторять
 И горе долго разбирать?

Читатель, о болѣзняхъ скучно,
 Да и не принято твердить;
 Пройдутъ онѣ благополучно —
 Прекрасно; сломать—такъ и быть.
 Разборъ принадлежитъ наукѣ;
 Пускай себѣ въ пылкой скукѣ,
 Врачъ размышляетъ надъ однимъ
 Какъ помогать другимъ больнымъ...
 И отъ сердечнаго мученья
 Бываютъ тоже доктора,
 Но, при желаніи добра,
 Въ ихъ толкахъ мало облегченія.
 Разнообразны что-ли мы,
 Уирамы-ль въ насъ сердца, умы,

Но анализъ чужихъ страданій
 Намъ не приноситъ ничего.
 (Онъ развиваетъ пониманье,
 Но лучше былобъ безъ него!...)
 Не вижу, право, наслажденья
 Въ ученомъ долгомъ разсужденіи
 Надъ умирающей душой;
 Слѣдить за болью и тоской,
 Вестъ счетъ слезамъ, послѣдней, первой,
 Ужасно!... Было-бы къ чему:
 Разборъ не нуженъ никому...
 На что вамъ знать, какіе нервы
 Уирутъ въ насъ прежде? Все-равно,
 Когда ужъ все осуждено!

Но къ счастью, горе и страданье
 Догадливо: оно молчать,
 И на разборъ, на испытанье
 Не очень ласково бѣжить.

Кто даль на те совѣтъ, не знаю,
 Но эту скрытность одобряю.
 Вѣдь горе любить жить въ тѣни;
 Къ чему плакать чужіе дни?..

И такъ, за дѣло.—Мчится время.
 Душа веселая опять,
 Любви прошедшей сбросивъ бремя,
 Готова новое поднять;
 Иль, проще выражаясь,—Лизу
 Забывъ, по страсти—ль, по капризу,
 Въ избытокъ-ли душевныхъ силъ,
 Лиди Айдаровъ полюбилъ;
 Или, какъ въ свѣтѣ говорится,
 Онъ ее занялся. Но онъ
 Знать не бывалъ предупрежденъ,
 Что въ свѣтѣ все не такъ творится,
 Какъ въ селлахъ: тамъ предметъ заботъ,
 Любовь, какъ деньги, — любить считать.

Онъ молодъ, онъ хорошъ собою,
 Умень и, главное, богатъ;
 Разстаться жъ съ дочерью большою
 Кто изъ родителей не радъ?
 Не стануть съ-проста и небрежно
 Движеній, разговоровъ вѣжныхъ,
 Ни даже взглядовъ пропускать,
 Такъ мудрено тутъ устоять.
 И остается улыбаться...
 Свершилось! поздно! онъ жепихъ,—
 Быть-можетъ, давняя любовь
 Проснулася въ сердцѣ, нанптъ вновь
 Къ былому—поздно колебаться:
 Его и взгляды и слова
 Разносятъ шумная молва;

И чувство передъ ней безгласно.
 Айдаровъ и не сталъ напрасно

Бороться съ ней; покорно онъ
 Подъ новый вступилъ законъ.
 Не разъ межъ нимъ и томноблѣдной
 Невѣстой промелькнулъ порой
 Прекрасный образъ молодой
 Той дѣвочки, забытой, бѣдной,
 Что такъ любилъ онъ прежде... Но,
 Ужъ онъ женилъ, такъ рѣшено!

И по обычью, принятому
 Отъ вѣка, собралась семья
 Въ Москву. Уборка, выборъ дома,
 Закупки кружева, шитья,
 Все, что для счастья любимой
 Какъ воздухъ, свѣтъ необходимо,
 Отца заботить, мучить мать.
 Женихъ обязанъ провожать
 Въ далекий путь. Вотъ день отъѣзда
 Насталъ.... Но чтожь, счастливецъ, онъ
 Такъ озабоченъ, возмущенъ?
 Какъ будто не мила невѣста,
 Какъ-будто жаль чего ему,
 Какъ-будто стыдно? почему?...

Съ пустыней скучной разставанье
 Какъ-будто горестью грозить...
 Ему неловкое прощанье
 Необходимо предстонтъ.
 Но какъ онъ явится предъ тою,
 Которой тихую судьбою
 Неосторожно пошутить,
 Въ которой живо разбудилъ
 Сознанье, чувство и стремленье
 Къ чему-то лучшему? Въ немъ честь
 Заговорила... Произнести
 Рѣчь безконечныхъ сожалѣній?
 Но переводъ ихъ: «Разстаюсь,
 Затѣмъ, что на другой женюсь!...»

И такъ, онъ разсудилъ за благо
 Себя прещальнаго труда
 Небавить. Есть на то булга, —
 Какъ мертвымъ — жить для ней стыда;
 Она безъ краски, безъ воланья,
 Перецвѣтныя заграженія
 Легко, вѣкорно свосить ложь.
 Не новый способъ, но коронъ.
 Айдаровъ написалъ къ Петрову,
 Что вѣхъ скоро принужденъ,
 Его прощенья просить онъ,
 Что не лжиса; все готово:
 Онъ влѣтъ завтра поутру,
 Благодаря ея сестру

За попеченья, за вниманье;
 Что вѣчно будетъ дружба ихъ
 Жива въ его воспоминанья,
 Что въ нихъ онъ видитъ не чужихъ,
 Что онъ напишетъ издалека,
 И прочее, — но ни намека
 О свадьбѣ, будто все давно
 Извѣстно имъ, и рѣшено
 Межъ ними съ общаго совѣта,
 Какъ слѣдуетъ такимъ друзьямъ.
 Хотя, благодаря вѣстамъ,
 Была не тайна свадьба эта,
 Но вѣсти къ Николаю въ домъ
 Всегда далекимъ шли путемъ.

Стенбѣло. Братъ сидитъ съ сестрою.
 Уютенъ, скромнѣ кабинетъ;
 Сквозь лѣстья рабѣю голубомъ
 Въ окнѣ мелькаетъ лунный свѣтъ,
 Съ нимъ споритъ блескъ свѣчи забытой.
 Прохлада въ воздухѣ разлита,
 Далеко селовой постъ,
 Цвѣтеть левкой, .. — Сегодня годъ
 Какъ я вѣрнула; поминишь, Лиза?

— Да, годъ. — А все знакомства часть,
 Какъ будто не настала для насъ;
 Во вкусахъ, что-ль, мы не сошлись...
 Годъ, — сколько долгихъ скучныхъ, дней... —
 И щеки вспыхнули у ней.

Онъ ей въ лицо взглянулъ и мило
 Ей подавъ руку, тронуть самъ.
 Она ту руку захватила,
 Прижала къ ней, къ своимъ губамъ
 Прижала; ласкою неожиданной
 Пробуждено отрадно, странно,
 Въ ней сердце радостью зажглось.
 — Ахъ, полно! нѣжностей и слезъ
 Я не люблю, что за охота... —
 Вдругъ отворилась дверь. — Что тамъ?
 — «Григорій Александрычъ къ вамъ
 Письмо прислалъ.» — Лиза что-то
 Хотѣла разспросить, узнать...
 — «Отвѣта не велѣли ждать.» —

Письмо вручили Николаю,
 Прочтя, онъ Лизѣ передалъ.
 — Я ничего не понимаю;
 Зачѣмъ онъ ѣдетъ? — Задрожала
 Листокъ у ней передъ глазами.
 Забывшись, горемъ и слезами
 Не въ силахъ больше овладѣть,
 Прося у Бога умереть,
 Она вдругъ громко зарыдала.
 — Мой ангелъ, Лиза, что съ тобой?
 — Онъ обманулъ... о Боже мой,
 Онъ женится! — Она упала
 На шею брату, въ первый разъ,
 Руками крѣпко обвилась.

— Когда бъ ты знала... я такъ любила!
 Давно, сначала, съ первыхъ дней...

Здѣсь все такъ тихо, скучно было...

Прости меня!—Къ груди своей
Тоской болѣзненной сжатой,
Понавѣ обиду, скорбь утраты,
Ея головку онъ прижалъ,
Високъ горячій цѣловалъ,
Какъ мать дитя свое лаская.
— Мы жили-бъ вѣдѣть, всей семьей;
Теперь... какъ жить опять? съ тобой,
Какъ прежде? — Горесть молодая
Неволью вылилась въ упрѣкъ,
И братъ прервать его не могъ.

Въ немъ сердце съ болью незвѣднулось,
Участье, жалость встали въ немъ,
Былое тяжко вспомнунлось
И каждый словомъ, каждымъ днемъ
Его сурово обвинило.
Ребенокъ ласковый и милый,
Довѣрчивъ, горько, въ первый разъ
Рыдалъ, на грудь его склоняся;
А сколько горестныхъ мгновеній,
Нераздѣленныхъ слезъ, скорбей
Бывало прежде?... Онъ предъ ней
Упасть готовъ былъ на колѣни,
Прощенья былъ готовъ просить
Во всемъ... всего не объяснить!

Винновнй не находить слова;
Одно лишь можетъ онъ — ласкать.
Онъ позналъ все: нигъ должно снова
Ихъ жизнь признаньемъ начинать,
И не рѣшаясь, въ утѣшенъи
Предлога ищетъ онъ къ сближенью.
— «Дитя мое, чтожъ! такъ и быть!
Ты будешь снова жить, любить.
Жизнь велика, ты такъ прекрасна!
Поцѣрь, съ любовью, какъ съ весной:
Придетъ спать. Не онъ, — другой.»

Тебѣ-ль забытой быть, несчастной?
Ты женщина,—въ замѣнь любви
Самосознанье призови!

«Года всеильны и уносятъ
И жаръ любви и гора пылъ;
Душа опять любви попросить,
А въ сердцѣ нашемъ столько силъ!
Не пасть мнѣ съ первыми слезами...
Я радъ, что это между нами
Останется, что никогда
Намеконъ, словоиъ, клевета
Не тронетъ милой мнѣ головки,
Моей возлюбленной сестры...»
— Благодарю васъ, вы добры,
Но утѣшаете неловко...
Простите, такъ душа болитъ!...
О, пусть васъ Богъ вознаградитъ

За эти ласки!... Но, не знаю,
Иль вамъ я не понята....
Съ нимъ началась мнѣ жизнь другая,
И эта жизнь—вся прожита!...
Прости мнѣ, другъ мой! безъ упрека,
Но я все выскажу. Жестоко
Свою сестру ты отдалилъ...
Конечно, ты такъ много жилъ,
Такъ много видѣлъ, здѣсь такъ мало
Занятъ, пищи для тебя;—
Но для чегожъ душа твоя
Сестру такъ полно забывала
Что часто не было для ней
Не только чувствъ—пустыхъ рѣчей!

Я знаю, что всему виною
Необразованность моя...
Когдабъ ты зналъ, съ какой тоскою
Одна, трудясь, училась я!

Не вспомни, онъ тогда явился,
 И съ нимъ въ минуту измѣнился
 Моихъ занятій бѣдшій кругъ...
 Онъ былъ внимателенъ, какъ другъ,
 Предъ нимъ ничто не проходило
 Напрасно... Онъ меня развилъ,
 Значенье воли, мысли влилъ,
 И если сердце полюбило
 Того, кѣмъ развито оно —
 Онѣ любить его должно!

Я вновь искать любви не стану.
 Меня ты можешь обвинить,
 Что жизнь я знаю по роману,
 Что я проста, но такъ и быть.
 Я понимаю слишкомъ свято
 И счастье жизни и утраты.
 Моя душа была свѣтла,
 Отъ Бога я любви ждала
 И Богъ мнѣ далъ ее; не смѣю
 Вновь призывать священный даръ;
 А пылкой молодости жаръ
 Отъ скуки расточать въ затѣи,
 Изъ чувства дѣлать ложь, обрядъ....
 Я не могу, не стану, братья!

— «Довольно! ты ребенокъ, Лиза,
 Тебя смѣшное не страшить:
 Съдые волосы, капризы,
 Почтенной дѣвы жалкій видъ,
 Перестарѣлыя мечтанья, —
 Нѣтъ въ мирѣ хуже наказанья!
 Но я, повѣрь, не допущу...»
 — Я избѣжать сама хочу,
 Она покорно отвѣчала,
 Но не смѣшнаго, — скучныхъ дней.
 Чтобъ жизни не пройти моей
 Въ забвеньи, бесполезно, вяло,
 Трудится, думать я должна,
 И — просьба есть... всего одна,

Но не сердись лишь, ради Бога!
 Позволь мнѣ выйти за-гулять; а
 Спокойнѣй буду, и дорога
 Опять изгладится моя.
 О братъ, а девушка врослая!
 Привычнымъ дѣломъ занятая,
 Хозяйствомъ, счетомъ и трудомъ,
 Я позабудусь въ домѣ томъ,
 Что ты... прости мнѣ, — презираешь.
 Я такъ при бабушкѣ росла,
 И, право, счастлива была,
 Спокойно, тихо... ты не знаешь,
 Чтò здѣсь, въ сердечной глубинѣ!
 Сейчасъ рѣшиться должно мнѣ...

Сейчасъ, пока воспоминанье
 Любви не сдѣлалось мнѣй,
 Не влѣдо прелести въ страданье,
 Надежды въ грѣзы горькихъ дней.
 Разумье уничтожить силы!
 Покуда сердце не остыло
 И можетъ, позабывъ мечтать,
 Покой и миръ другому дать,
 Пока мой долгъ я понимаю
 И въ состояннн снова жить,
 Трудясь... — «Да, да, грибы солить,
 Ребятъ неутомонныхъ стаю
 Учить по букварю складамъ,
 И мѣсчину давать пезарямъ...

«О, полно, Лиза! Неужели
 Покой и миръ въ трудѣ одномъ?
 Существованіе безъ цѣли,
 Съ упрямымъ, глупымъ дикаремъ,
 Ужели лучше развлеченій,
 Свободы, — даже слезъ, томленій,
 Тамъ, гдѣ участие ты найдешь,
 Гдѣ ихъ поймутъ? Но ты умрешь,
 Умрешь, дитя мое! довольно!

Ты страшно мучаешь меня!
 Подумай: красота твоя
 Въ забвеньи сибнеть добровольно,
 Тяжелой жизни скучный шумъ
 Погубить сердце.... бѣдный умъ....»

—О другъ мой, но есть выше что-то!
 Насъ въ жизни бросивъ на пути,
 Велѣла высшая забота
 Неуклоняясь идти.
 Не всѣмъ любовь, не всѣмъ и счастье,
 Но трудъ пути—не въ нашей власти,
 Его мы въ правѣль отвергать?
 Не намъ, гордяся, разбирать,
 Что не по насъ и что ничтожно:
 Возьмемъ, что намъ судьба даетъ.
 Рука трудится, сердце плодъ
 Приносить, радуясь тревожно,
 Что счастье кротко и любя
 Творить, хотя не для себя....

И мнѣ, какъ знать, собою счастье
 Быть можетъ суждено прицѣсть!
 Какъ птица въ темное ненастье
 Подъ кровъ и я спѣшу присѣсть....
 О братъ, я буду тамъ любима!
 И день и ночь неутомимо
 Молиться буду я, и мнѣ
 Поможетъ Богъ... Въ тяжеломъ снѣ
 Не дай на вѣчно мнѣ забыться!
 Душа любить сотворена,
 Но нѣтъ любви, такъ пусть она
 Въ заботѣ поспѣшить разлится,
 На дѣло промѣнявъ мечты...
 — «За чтожь меня забыла ты?»

Вскричалъ онъ горестно:— «Ужели
 Заботъ не стоять динь мои

Безъ дружбы, безъ любви, безъ дѣла,
 А наконецъ и безъ семьи?
 Души усталость и паденье,
 Когда безъ дѣла, въ отчужденнѣ
 Убить годъ жизни молодой
 Не страшны-ли? Когда собой
 Ты хочешь жертвовать въ отраду
 Другимъ,—сестра, пожертвуй мнѣ!...
 О, много въ этой тишинѣ,
 Въ уныломъ домѣ, въ тѣни сада
 Прошло... не отойщи теперь!
 Я пенялъ, сознаюсь,—повѣрь!

Не знаю, что насъ отдаляло,
 Но, добрый ангелъ мой, прости!
 Когда ты можешь жить, сначала
 Мы будемъ нашу жизнь вести.
 За прежній холодъ, невниманье, —
 Когда ты можешь, упованье
 Мнѣ въ душу сладко перелой;
 Въ груди измученной моеи
 Пусть встрепенется чувство снѣга,
 Желанья истины, добра
 И бодрость... Бѣдная сестра,
 Дай слышать мнѣ живое слово...
 Ты знаешь, все въ тебѣ одной!
 Не оставляй меня, постой!

Онъ обнималъ ее, глазами
 Въ ея глазахъ искалъ отвѣтъ...
 И заливаясь слезами
 Она сказала кротко:—Нѣтъ!
 У насъ съ тобою равны утраты;
 Какъ я, ты счастливъ былъ когда-то,
 И сожалѣннѣмъ вдвоемъ
 Сильнѣй мы горе разовьемъ.
 Тамъ—долгъ велить, я все забуду;
 Здѣсь—ласна каждая твои,
 Здѣсь каждый уголокъ для меня

Воспомянь; здѣсь я буду
Свободно плакать... жизнь твою
Еще сильнѣй я отравлю.

Нѣтъ, не такое утѣшенье
Ты можешь, долженъ призывать!
Опять въ глуши, въ уединеннн
Съ сестрой забытой прозябать!...
Довольно испытанья года.
Скорѣй, бери свою свободу,
Тамъ ты полезенъ будешь, другъ.
Иди, страхи свой злой недугъ;
Взгляни на жизнь съ надеждой ясной;
Пусть обновляется душа,
Опять доврчиво служа
Всему, что свято и прекрасно...
Она взойдетъ на прежнй путь, —
О другъ мой, стоить вспомнать!...

Прошло, прошло!... гроза прончалась ..
Изято сердце, — такъ и быть!...
О другъ, намъ розное осталось:
Тебѣ — припомнить, мнѣ — забыть;
Намъ счастья нѣтъ въ соединенн.
Пусть это бѣдное творенье,
Что ты такъ сладко полюбилъ,
Въ тебя вдохнетъ остатокъ силъ
Для жизни высшей; въ кругъ свой бѣдный
Оно нисходитъ... Братъ, прости!
Будь твердъ, не думай, не грусти!
Трудиться мелко, незамѣтно
Душа привыкла издавна...
Я такъ росла, такъ рождена!... —

Востокъ зардѣлся, холодъ влажный
Въ окно повѣялъ; надъ травой
Роса заискрилась; протяжно
Пропѣлъ цѣстухъ... Рука съ рукой,

Еще все тихо говорили
 Сестра и братъ. Часы пробили.
 — Пора, прощай!— Въ послѣдній разъ
 Еще простились, утомясь,
 И дверью разной вышли оба,
 И обратились оба вдругъ
 Здумчиво взглянувъ вокругъ...
 Мелькнула-ль мысль, что имъ до гроба
 На разномъ жизненномъ пути,
 Не повстрѣчаяся, пройти?..

Читатель, въ тихій часъ разлуки
 Бывала-ль мысль когда у васъ,
 Что руку въ дорогя руны
 Кладете вы въ послѣдній разъ?
 Хотѣлъ надежда близкой встрѣчи
 Свѣтила вамъ,—въ живыхъ рѣчи
 Не принимался-ли тогда
 Невольный вздохъ?... Тоска, бѣда
 Повѣяли крыломъ холоднымъ
 Надъ вашей жизнью издали,
 И сомнѣваясь вы пошли
 Въ вашъ путь далекий... Какъ охотно
 Вы воротились бы назадъ,
 Въ вашъ тихій домъ, въ вашъ тихій садъ!..

Когда нечаянно судьбами
 Въ нашъ край глухой занесены,
 Въ коляскѣ вашей межъ полями,
 Читатель мой, катились вы, —
 Закатъ блѣднѣя разстилался
 И берегъ лентой изгибался
 Надъ затихающей рѣкой,
 И лѣсъ чернѣлъ въ дали ночной, —
 Завидя бѣдное селенье
 И не высокій темный домъ,
 Спросили-бъ, кто хозяинъ въ немъ?
 Зачѣмъ все пусто, безъ движенья,
 И ставни заперты, скрипятъ,

Какъ будто въ домъ отъ насъ снѣтъ?

И вамъ на это-бъ отвѣчали,
 Что братъ съ сестрой здѣсь прежде жилъ,
 Сестру съ сосѣдомъ повѣнчали,
 А братъ въ столицу укатилъ,
 И, говорить, служить принялся;
 И вамъ бы вѣрно показался
 Незанимательный рассказъ
 И сердца бы не тронулъ въ васъ...
 Такъ намъ внушаютъ размышленья
 Люди наши, да кресты носятъ,—
 Какъ будто тотъ языкъ, кто отъ насъ,
 Участья стѣбитъ, сомнѣнья,
 Какъ будто меньше знаетъ домъ,
 Гдѣ жиды проходятъ дома за двора!...

II.

КВАРТИРА ВЪ ТАТАРСКОМЪ КВАРТАЛѢ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ Я. П. КОЛОДСКАГО.

I.

Это было въ самый жаркій часъ едва-ли не самаго жаркаго июльскаго дня въ Тифлисѣ.

Солнце было неумолимо, а я безъ зонтика долженъ былъ идти съ Аглабара на Эриванскую площадь *. Какъ нарочно ни одного извозчика! На старомъ деревянномъ мосту на одну минуту остановился я послушать шумъ Куры, полюбоваться быстротою волнъ, стѣсненныхъ выстувами каменныхъ береговыхъ утесовъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Но на мосту показалось мнѣ еще жарче, чѣмъ на улицѣ; казалось, деревянный мостъ готовъ былъ подо мною вспыхнуть, такъ было горячо подошвамъ. По синему небу не проносилось ни одного облака. Вѣтеръ, который нарѣдка поднималъ пыль, вѣроятно зараждался гдѣ-нибудь по близости, въ ущельяхъ, раскаленныхъ солнцемъ, и не давалъ прохлады.

На Майданѣ * было довольно пусто; кучки азіатовъ сидѣли на бур-

* Мой рассказъ относится къ тому еще времени, когда на Эриванской площади не было театральнаго званія.

** Майданъ татарская базарная площадка.

кахъ, въ тѣни домовъ, или стояли на тротуарахъ, подъ холстинными навѣсами. Запахъ копченой рыбы, нефти, шафрану, мыла и салныхъ свѣчъ попеременно улаждалъ мое обоняніе. Бакалейщики * выливали на мостовую воду, въ которой полоскали пыльную зелень и овощи, дабы полуденный жаръ ихъ не высушилъ.

На Армянской улицѣ мнѣ пришла въ голову мысль отдохнуть въ табачной лавочкѣ.

Забравшись подъ низенькій холстинный навѣсъ, я кивнулъ головой табачному продавцу, вѣроятно арзерумскому или трапезонтскому турку, пасмурному на видѣ, желтому какъ шафранъ и толстому какъ бурдюкъ. Въ коричневой курткѣ, вышитой черными шнурками, и въ чалмѣ, онъ сидѣлъ на широкомъ чистомъ прилавкѣ, свернувши ноги такъ, что одинъ только полосатый носокъ выглядывалъ изъ-подъ складокъ широкихъ шароваръ, и лѣниво покуривалъ трубку съ янтарнымъ мушкетеромъ.

Здравствуй! сказалъ я турку. Здравствуй, отвѣчалъ онъ мнѣ соннымъ голосомъ, и струйка дыму заволокла усы его.

— Есть хорошій табакъ?

— Есть.

— Хорошій?

— *Дурной* вѣтъ.

Я усѣлся подлѣ него на прилавкѣ; свѣсилъ ноги на улицу, снялъ фуражку и вытеръ лобъ.

Купецъ молча предложилъ мнѣ трубку, я молча взялъ ее и сталъ курить... Глаза его, черные и въ тоже время тусклые, какъ-будто сквозь сонъ посматривали на меня съ выраженіемъ совершеннаго равнодушія къ моему присутствію.

Подъ навѣсомъ лавочки были такъ уютно и до того сносно жарко, что я готовъ былъ просидѣть въ ней до самаго вечера.

На улицѣ народу было мало; въ жаркіе дни тифлисская жизнь обыкновенно кипитъ или рано утромъ, или вечеромъ; съ полудня же до пяти часовъ, ѣдутъ и идутъ только изъ крайней необходимости. Противъ меня, на противоположномъ тротуарѣ, сидѣлъ нищій, старикъ сухой, длиннородый и сѣдой, какъ лунь; голова его была покрыта войлочной пыльной шапкой. Старикъ на проходящихъ не обращалъ ровно никакого вниманія, и, какъ философъ, весь былъ погруженъ въ разсмотрѣніе своихъ собственныхъ лохмотьевъ, скудно прикрывающихъ наготу его. Возлѣ этого почтеннаго старца, упираясь головой въ какой-то камень, на голыхъ, солнцемъ раскаленныхъ кирпичачъ, лежалъ маль-

* Бакалейщикъ—продавецъ овощей и фруктовъ.

чѣтъ, гдѣтъ восемь; его была лихорадка; онъ дрожалъ и безпрестанно закрывалъ затылокъ свой коротенькой буркой; у обнаженныхъ, посинѣвшихъ ногъ его лежала косматая баранья шапка, изъ которой торчалъ заржавленный кинжалъ и кусокъ арбуза.

— Какъ жарко! сказалъ я невѣдомо вслухъ, всмотрѣвшись въ живописную группу нищихъ.

— Гм! да!.. жарко! отозвался турокъ...

— Правда-ли, что здѣсь иногда въ простомъ народѣ отъ лихорадки лечатся арбузами?

Купецъ или не понималъ меня, или не расслушалъ. Да, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, — арбузъ хорошо и дыня хорошо...

— Хорошо!.. отвѣсь-же мнѣ фунтъ хорошаго табаку.

Турокъ потянулъ было ноги чтобъ привстать, вѣроятно для того чтобъ взять вѣсы, и опять усѣлся; вставать ему рѣшительно не хотѣлось. Одной рукой стащилъ онъ съ полки листъ оберточной бумаги, другую погрузилъ въ табакъ, насыпанный кучею. Двѣ такіе кучи, одна желто-коричневая, другая коричнево-желтая, возвышались тутъ же, на прилавкѣ, въ тѣсномъ пространствѣ между хозяиномъ и его посетителемъ.

— Чтѣ любишь крѣпкій... А?!

— Люблю.

Турокъ свернулъ бумагу въ трубочку и положилъ туда нѣсколько горстей табаку, всякій разъ захватывая его такимъ образомъ, что желтыя, ароматическія нити его со всѣхъ сторонъ висѣли и тянулись между толстыми, широко-раздвинутыми пальцами.

— Па! сказалъ онъ, послѣ пятой горсти—фунтъ! Больше будетъ, самъ итьрь.

Завернулъ и подалъ.

Я очень хорошо понималъ, что если стану приставать къ нему, нарушу кейфъ его. Честный турокъ однакожь подумалъ, что я сомнѣваюсь въ немъ, взялъ еще двѣ горсти и забилъ въ бумагу.

Я сказалъ, что тутъ больше фунта и что я не хочу больше.

— Ничего. Ты знакомъ человекѣ — ты меня не знай — я тебя знай: отвѣчалъ онъ, дѣлая жестъ рукой, и какъ-бы выражая этимъ жестомъ слѣдующее: я покоенъ, будь же пожалуйста и ты пок оенъ, куру и ты кури; я молчу и ты молчи.

— Чтѣ-же стоить фунтъ?

— Два абасъ.

Я отдалъ деньги и продолжалъ сидѣть, жалѣя о тѣхъ, которыхъ

судьба, въ такой нестерпимой жарѣ, заставила идти по улицѣ. Вдругъ вижу, трое мушей * несутъ чьи-то пожитки.

Мебелью, которая качалась на ихъ согнутыхъ спинахъ, можно было-бы превосходно убрать цѣлую комнату. Крушый потъ катился по коричневымъ отъ загара, суровымъ лицамъ ихъ и въ буквальный смыслъ слова капалъ на мостовую... Казалось, они только что вылезли изъ бани. Какъ теперь помню, на одномъ изъ нихъ вся одежда состояла изъ грязныхъ шараваръ и истертой куртки, безъ обшлаговъ и пуговицъ. На всклокоченныхъ черныхъ и пыльныхъ волосахъ его, едва держалась подвязанная у подбородка плоская имеретинская шапочка.

Нужна большая привычка, чтобъ рѣшиться въ такой жарѣ тащить такую тяжесть. Не скажу чтобъ они, то-есть *муши*, показались мнѣ страдальцами, но мысленно я брашилъ того господина, который нанялъ ихъ въ такое время; отчего бы, думалъ я, не погодить ему до вечера.

Муши прошли и вслѣдъ за ними явился страдалецъ въ полномъ смыслѣ слова. Это былъ человекъ довольно прилично одѣтый, низенькій, худой, неловкій и безсильный; обѣ руки его были заняты: въ одной онъ несъ четыре чубука, въ другой ружье. Это-бы еще не велика бѣда; но у него подъ мышками былъ съ одной стороны какой-то ящикъ, съ другой мѣшокъ съ сапогами; то мѣшокъ, то ящикъ ежеминутно готовы были выскользнуть. Потное лицо его дѣлало такія жалкія гримасы, что я едва могъ узнать его.

— Филать! закричалъ я, соскользнувъ съ прилавка и вставая на ноги.

Филать узналъ меня и былъ въ страшномъ затрудненіи, какъ ему снять картузь; онъ сдѣлалъ пресмѣшное усиліе — поднять одну руку и въ тоже время наклонить къ ней голову.

— Филать! сдѣлай милость не хлопочи кланяться; скажи только, ради Бога, неужели это твой баринъ перемѣнилъ квартиру.

— Баринъ-съ.

— Что это ему вздумалось, въ такой жарѣ?—Ты бы лучше взялъ ружье-то въ одну руку съ чубуками—вотъ такъ;—а ящикъ-то возьми вотъ этакъ.

— Какъ?!

— Да, вотъ этакъ, братецъ! Легче нести.—Да скажи пожалуйста, гдѣ это твой баринъ совсѣмъ пропалъ — нигдѣ не видать его. — Куда это вы перебираетесь?

— Въ такое мѣсто, что сказать совѣстно, просто клѣтушка, а не квартира.

* Муши особый классъ людей въ Тиволисѣ, занимающихся по найму переноскою вещей.

— Гм! какъ это странно! — Постой немного; я сейчасъ напишу къ нему записку. Тутъ я досталъ въ карманѣ карандашъ и клочекъ бумаги, вошелъ въ лавочку, и написалъ:

«Хвилькинъ! чудакъ! Гдѣ ты пропадаешь? куда перебираешься? — Приходи ко мнѣ непременно; завтра воскресенье, и я не пойду въ канцелярію—прощай.»

— На, отдай Михайлу Ивановичу! сказалъ я Филату, который кричалъ въ это время мушамъ, чтобъ они его погнали. — Дороги не знаютъ, а лезутъ! говорилъ онъ съ явнымъ неудовольствіемъ. Я положилъ записку въ его шапку и сказалъ, что я самъ навѣщу его барина.

— А какъ вы найдете нашу квартиру? Приходите сами, мнѣ скучать не велѣно, уныло проговорилъ Филать, и пошелъ, шагая во всю длину короткихъ, жиденькихъ ногъ своихъ, догонять мушей.

— Ба! подумалъ я, что это за таинственность! постой-же Хвилькинъ, мы тебя отроемъ....

II.

Черезъ недѣлю, я узналъ, гдѣ живетъ Михаилъ Ивановичъ. — Но быть-можетъ, вамъ угодно знать, кто такой Михаилъ Ивановичъ? — Это, имѣю честь рекомендовать вамъ, былъ предобрый, пресмѣшной и премилый малый. Всего только два мѣсяца, какъ онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, съ намѣреніемъ найти себѣ какое-нибудь мѣсто, и быть-можетъ, безъ всякаго намѣренія когда-нибудь получить его. — Хвилькинъ пріѣхалъ съ деньгами, могъ угостить шампанскимъ съ полдюжины пріятелей, порядочно игралъ въ преферансъ, и наша молодежь сочла за нужное съ нимъ сойтись и познакомиться.

Хвилькинъ былъ очень простой и въ то же время какой-то мудреный человекъ. Не знаю, удастся-ли мнѣ хоть сколько-нибудь рельефно очертить его. — Въ этомъ человекѣ на первый взглядъ ничего не было рельефнаго. Все было на немъ чинно, гладко, блѣдно и умѣрено. — Лицомъ онъ былъ не дуракъ и далеко не хорошъ. — Оно было безцвѣтно; отлетающая молодость посѣѣшила положить на немъ нѣкимъ невидимое, но всемъ понятное, прощальное клеймо свое. — Ему было на видъ около тридцати лѣтъ; глаза его, болотнаго цвѣта, никогда почти не измѣняли своего апатическаго выраженія, зато маленькія свѣтлорусыя бровки нерѣдко поднимались къ верху, при чемъ всѣ морщины на лбу его приходили слегка въ волнообразное движеніе; ротъ его также отличался необыкновенной подвижностью; каждый свой рассказъ онъ умѣлъ, такъ-сказать, характеризовать гримасой. Никто, быть-можетъ, не умѣлъ

всегда неожиданно сдѣлать тѣло-разнодушной инициативой не то сказанной остроты. Другая особенность его чудакомъ, и Богъ знаетъ почему, нередко одно его появленіе заставляло всю нашу холостую компанію, восаивать, тѣшиться, вызывать на смѣхъ, и громко хохотать отъ каждаго его слова.—Хвилькинъ потѣшалъ насъ; отъ какъ нельзя лучше понималъ роль свою, и нисколько не теряя своего достоинства, старался ее поддѣрживать. Хвилькинъ былъ совершенно спокоенъ, когда всѣ смѣялись, и постоянно кривилъ улыбку, встречаясь съ угрюмыми или прямо молчаливыми лицами.

Отдѣвался онъ не лучше, не хуже другихъ. Днемъ, соломенный картузъ, вечеромъ, круглая черная шляпа и свѣтлогороховое пальто, нисколько не отличали отъ другихъ его невысокое и необъемистое туловище. Хвилькинъ былъ небольшого росту, и въ умственномъ отношеніи умѣлъ казаться по плечу всѣмъ и каждому.—Никто не хотѣлъ въ немъ видѣть человѣка, на что-нибудь способнаго, и въ этомъ, быть-можетъ, заключалась тайна, отчего никто серьезно не бранилъ его.... Хвилькинъ самъ никуда не совался; ни отчего не отказывался, ни отъ попойки, ни отъ новаго знакомства, ни даже отъ щепотки табаку, еслибъ только кому-нибудь вздумалось поднести къ нему растворенную табакерку. Одна очень умная барыня увѣрила меня, что лицо г-на Хвилькина лучшее лекарство отъ скуки, и что чѣмъ онъ печальнѣе, тѣмъ веселѣе тому, кто на него глядитъ. Прошу покорно описать такую физиономію!—Очень веселымъ я никогда не видалъ его, точно также, какъ ни разу не случалось мнѣ видѣть его сердитымъ: человекъ его, Филатъ, разбилъ у него кружку, пролилъ на столъ чернила, забылъ взять сахарей у хлѣбника, и Хвилькинъ прерыводношно говорилъ ему: ты очень глупъ, или что будетъ, если этии чернилами да вымажутъ лицо твое.

Прошедшая жизнь Михаила Ивановича для меня была покрыта мракомъ неизвѣстности, но я скоро сошелся съ нимъ и полюбилъ его. Каждый считалъ его глупѣе себя, а онъ былъ умнѣ многихъ. Я это понялъ потому только, что выучился понимать движеніе губъ и бровей его.—Въ его тонкихъ гримасахъ заключалась вся его философія.—Хвилькинъ казался воплощенной безпечностью, но въ тихомолку любилъ не то грустить, не то размышлять о суетѣ міра сего.—Гм! да! говорилъ онъ тогда, уставя на меня мутно-голубые глаза свои.—И я глупъ, и всѣ мы глупы. Живи, какъ живется, вотъ тебѣ и вся твоя философія! Никто изъ насъ не могъ вообразить себѣ Хвилькина человекомъ разочарованнымъ, и никто не могъ себѣ вообразить его влю-

блениль. При мнѣ одинъ господинъ, спросилъ его: правда-ли, говорятъ, такая-то... тебѣ очень нравится.

— Да, отвѣчалъ онъ, она вчера мнѣ нравилась.

— Ты и третьяго дня за ней особенно ухаживалъ.

— Какъ ухаживалъ?

— Да ты смѣшилъ ее.

— Да я и самъ не знаю, чему она смѣялась?

— Она къ тебѣ не равнодушна.

— А ночёмъ ты знаешь?

— Я замѣтилъ.

— Ну, и поздравляю тебя съ твоимъ замѣчаніемъ.

Одного только я не понималъ въ Михайлѣ Ивановичѣ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Грузію? Что это была за фантазія? Хвилькинъ никого не убѣждалъ, что онъ пріѣхалъ изучать нравы, видѣть край, дѣлать разныя ученныя или коммерческія соображенія; не говорилъ, что онъ влюбленъ въ природу, не готовилъ себя ни въ живописцы, ни въ статистики. Онъ просто говорилъ: я пріѣхалъ потому, что мнѣ такъ вздумалось, а почему ему такъ вздумалось, кто его вѣдаетъ: чужая душа потемки. Безъ всякихъ претензій глубоко понимать характеры; на этотъ разъ расскажу вамъ просто небольшую повѣсть о томъ, въ кого наконецъ влюбился Хвилькинъ, и что изъ этого вышло.

Цѣлую недѣлю я не встрѣчался съ нимъ послѣ нечаянной встрѣчи съ его Филатомъ. Наконецъ встрѣтилъ, и то не его— а Филата же. Постой, говорю, ты теперь не уйдешь отъ меня! теперь, братъ, не такъ жарко; кажи дорогу, веди меня къ твоему барину, или я не отстану отъ тебя до самой полночи.

III.

Уже заря золотила облака и приближались сумерки, но... еще не вѣрела утомлять васъ описаніемъ прекраснаго лѣтняго вечера. Я еще не восхищался имъ, во-первыхъ потому, что было душно; во-вторыхъ потому, что въ тѣхъ закоулкахъ, куда я послѣдовалъ за Филатомъ, была постоянная вонь, и наконецъ въ-третьихъ потому, что я поднимался за гору, безпрестанно, поворачивая то направо, то налѣво, по тропинкамъ, ведущимъ съ кровли на кровлю. У Филата лицо, на этотъ разъ, было нежели когда-нибудь искусанное мушками, такъ лоснилось, какъ-будто онъ вымазалъ его постнымъ масломъ. Филатъ, какъ кажется, страдалъ за барина, и печальнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: Пожалуйста! По доспамъ, укрѣпленнымъ въ видѣ лѣстницы, между двумя грязными

кирпичными стѣнами возбрался я на плоскую, квадратную земляную кровлю, которая служила террасой другому домику, прикинутому задней стѣной своей къ обрыву той самой каменной горы, на которой возвышаются всѣмъ извѣстныя въ Тифлисѣ развалины.

На террасѣ былъ разостланъ персидскій коверъ и стояли покойныя кресла. Хвилькинъ тутъ! подумалъ я, и низенькою дверью вошелъ къ нему въ комнату.

Хвилькинъ лежалъ въ это время на диванѣ, въ красныхъ канаусовыхъ шальварахъ и въ желтой шелковой рубашкѣ. Когда я взошелъ, онъ подвинулъ брови и сказалъ мнѣ: «Здравствуй! Что тебѣ надобно?»

— Что мнѣ надобно? Такъ-то ты встрѣчаешь своихъ пріятелей!

— Гм! пріятель! Ну, сдѣлай милость не смѣши! Тебѣ, можетъ-быть, трубки хочется? А?

— Трубки! Не хочу я трубки!

— Чего-жъ тебѣ хочется?

— Мнѣ хочется разбранить тебя хорошенько, чтобъ ты не дѣлалъ глупостей.

— Гм! разбранить! Сдѣлай милость отложи это до другаго времени.

— Гдѣ ты пропадалъ?

— Не смѣши! Скажи лучше, какъ ты нашелъ меня?

Тутъ, не отвѣчая на вопросъ, я началъ, по праву пріятельства, его допрашивать: зачѣмъ дескать такую прекрасную, такую удобную квартиру, въ лучшей части города, променялъ онъ на какую-то лачужку, состоящую изъ одной только комнаты, низенькой, душной, темной претемной, съ прескверными двумя окошками и что всего хуже, вѣроятно съ скорпионами; потомъ упрекнулъ его за то, что онъ совершенно забывалъ наше общество!

— Гм! пріятель! Да тебѣ-то какое дѣло? Ты-то что? отвѣчалъ Хвилькинъ, глядя въ потолокъ. Я отъ пріятелей-то и спрятался. Ну да видно, отъ нихъ на дѣнь морскомъ не спрячешься, и тамъ найдутъ! Экой народъ эти пріятель! Собаки охотничьи — да и только!

— Такъ ты, варваръ, стало-быть и не радъ, что я зашелъ къ тебѣ?

— Да вѣдь ты и самъ не радъ! Тебя здѣсь скорпионъ укуситъ, ну что изъ этого выйдетъ! самъ посуди.

Спорить съ Хвилькинымъ было напрасно, а вздорить глупо, потому-что намѣкъ его на пріятелей былъ действительно справедливъ, и мнѣ вовсе не хотѣлось своей пріирчивостью обнаружить въ себѣ желаніе, свойственное вообще всѣмъ пріятелямъ — желаніе замѣчать, руководить,

существовать, и исполнение тайных сообществ принимать за личное оскорбление.

— Хвилькинъ, сказалъ я, совершенно извѣняя тонъ разговора: что за великодушіе! Полно бояться за мою безопасность, по случаю скорпіоновъ. Ты не радъ моему приходу, при всемъ желаніи обнять меня—ты видишь, ты долженъ видѣть наконецъ, что, не боясь выпачкать себѣ платье, или ногу сломать, я пришелъ къ тебѣ, отыскалъ тебя, навѣстилъ тебя!

— Пришелъ, отыскалъ, навѣстилъ, хорошо сказано! пробормоталъ мой Хвилькинъ: очень хорошо! Я тебѣ за это велю трубку набить. Филать! набей ему трубку.

— Вотъ добрый хозяинъ! Дай же мнѣ руку по-крайней-мѣрѣ.

— На — хоть обѣ, на! сказалъ онъ, вставая съ дивана и подавая руки. На, радуйся!

— Право я радъ, что нашель тебя.

— Ну, не божись; пойдемъ на чистый воздухъ, возьми стулъ; вынесемъ столъ и будемъ наслаждаться, курить, болтать и тому подобное... Пусти, только я одѣнусь.

— Зачѣмъ одѣваться, и такъ жарко!

— Да пусти хоть туфли—то надѣть по-крайней-мѣрѣ!

Тутъ я взялъ одной рукой трубку, раскуренную Филатомъ, а другою подпалъ стулъ и бокомъ вынесъ его на кровлю.

IV.

Терраса Хвилькина служила кровлей домику, еще ниже построецкому, или лучше сказать плоская кровля нижняго домика служила террасой... Кругомъ ея не было никакой рѣшетки, и спускъ былъ единственный по доскамъ, о которыхъ выше упомянуто. Видъ, съ этого мѣста былъ удивительный, и не потому только, что мнѣ пришлось его описывать; а потому—что дѣйствительно онъ былъ удивительный. Вообразите, почти весь противоположный берегъ Куры, до самаго Навтлуга, передъ глазами. Яркъ освѣщенный заходящимъ солнцемъ, весь этотъ берегъ казался мнѣ, начиная съ бѣлыхъ стѣнъ Метеха, великолѣпной рѣзной картины, возможной только въ Тифлисѣ и еще — не знаю гдѣ!

Вправо отъ банныхъ мостовъ, изъ-за плоскихъ кровель и неуклюжихъ трубъ, сѣрыхъ и пестрыхъ стѣнъ, деревянныхъ со всѣхъ сторонъ съ нимъ примыкающихъ галлерей и точеныхъ столбиковъ свѣтилась полоса Куры и зеленѣли непроглядные виноградники. Хребетъ горы, утѣчанный полуразрушенными башнями, со стороны ботаническаго съ

да, покрывалахъ ихъ обую длинную, перзную тѣню, и прозрачный паръ висѣлъ надъ ущельемъ, гдѣ по каменному ложу скачуть и льются горячіе источники. Неподвижно стояли въ садахъ темныя, пирамидальныя тополя, матушались къ верку, и какъ-будто жалаа достать на воздухѣ все выше и выше уходящій въ небо блескъ вечерняго солнца.

Воздухъ спалъ, но не спалъ еще городъ. Надъ Авлабаромъ какъ дымъ поднималась пыль; группы женщинъ появлялись на кровляхъ, и со всѣхъ сторонъ раздавались звонкіе голоса, дѣтскій плачь, веселый звукъ *байры** и отдаленный топотъ пляски...

Корошій былъ видъ! Но никакой видъ не могъ помирить меня со всѣми неудобствами новой квартиры моего прѣтеля. Онъ медлилъ выходить въ своей берлоги, и я, продолжая наблюдать въ окрестности, наконецъ пересталъ блуждать по отдаленнымъ точкамъ и навелъ свое вниманіе на предметы самые ближайшіе.

Первый предметъ, который попался мнѣ на глаза—это была женщина; она вышла на соседнюю кровлю; — уголъ этой кровли приходился противъ того угла, на которомъ и стоялъ въ созерцательномъ положеніи.

Женщина, какъ и всѣ женщины въ этой части города, была въ національномъ платьѣ. Легкій бѣлый тѣль, какъ плечный туманъ окружалъ ея голову, и вмѣстѣ съ длинными, черными, какъ смоль, косами, ниспадалъ во всю длину спины ея лавровыми складками. Простое, синее платье, опоясанное красной лентой, обрисовывало высокій, стройный станъ ея; черты лица ея были необычайно нѣжны, свѣжи и правильны; каждое движеніе было просто и благородно. Я сталъ наблюдать за ней — не она не обратила на меня почти никакого вниманія, только искоса бросила на меня любовный взглядъ, какъ-бы жалаа удостовѣриться, люблюсь-ли я красотою ея.

Въ моемъ умѣ зашевелилась догадка.

— Михаилъ Ивановичъ, сказалъ я, поди сюда!

— Сейчасъ.

Кивалькимъ вышелъ въ новомъ архагукѣ — я прекрасный янтарный мушкетукъ дымился въ рукѣ его.

— Поздравляю тебя съ обновой! Давно-ли ты снялъ этотъ архагукъ?

— Недавно.... Флягъ! ставь самоваръ. Ну что ты звалъ меня. А?

— Посмотри, какъ хороша эта женщина.

* Бубенъ.

— Гдѣ? и онъ поднялъ лицо свое выше и сталъ глядѣть гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ....

— Если ты не видишь — я буду приходить сюда любоваться.

— Помогь! — гдѣ тебѣ! Смились! — отвѣчалъ онъ, сопровождая слова свои легкими, принужденными смѣхомъ.

— Ну, вотъ увидишь!

— Право смѣяться!

— Я-жѣ тебѣ говорю.

— Да про кого же ты говоришь? покажи! и онъ поднялъ свои маленькія брови.

Я показалъ ему.

— А! знаю, видѣлъ.

— Какова!

— Видѣлъ! Филать, вынеси столъ, и все приготовь, какъ слѣдуетъ — да пожалуйста нельзя-ли такъ сдѣлать, чтобы чай былъ безъ грязи. Вода отстоялась-ли. А?

— Съ утра стойтъ, отвѣчалъ Филать и пошелъ за углемъ.

V.

— Знаю, знаю, видѣлъ, видѣлъ, — и нѣсколько такихъ ненужныхъ повтореній, съ явнымъ намѣреніемъ занять разговоръ о сосѣдѣ, заставили меня сильно подозрѣвать г. Хвилькина. Солнце уже сѣло; поднялся мѣсяцъ — и тихій лампадный свѣтъ его, увлажненный парами ночи, преображалъ весь городъ, засынающій на каменныхъ холмахъ, въ какое-то прекрасное фантастическое видѣніе. Костры на окрестныхъ горахъ, огни на Авлабарѣ, шумъ Куры, напоинающій шумъ столицы, когда, бывало, ночью откроешь окно и слушаешь; бѣлые куполы горячихъ, сѣрыхъ бань, темные тополи, теплый, неподвижный воздухъ, ясное ночное небо, звѣзды, мѣсяцъ, все это вмѣстѣ было въ такомъ гармоническомъ согласіи, такъ хорошо, что остаться бы на кровлѣ у Хвилькина, да и сидѣть бы тамъ цѣлый вѣкъ, еслибъ только цѣлый вѣкъ могла продолжаться такая ночь. Но что я говорю? Трудно отдать отчетъ въ своихъ желаніяхъ, когда душѣ весело и уютно въ груди человека; а между-тѣмъ, ей хочется вырваться на волю, улетѣть, искать чего-то и молиться тамъ, а не здѣсь; но — гдѣ же тамъ? Кто ее вѣдаетъ!! Я понималъ, что глубоко почувствовать красоту грузинской ночи и задремать душею, для европейца вѣтъ возможности: имъ тотчасъ овладѣетъ какая-то жажда, томительная, ему самому непонятная, и любовь, или возвратъ на родину, или еще куда-нибудь дальній путь покажутся единственными ея удовлетвореніемъ.

Хвилькинъ, усѣвшійся въ креслахъ, былъ молчаливъ и, казалось, напрасно искалъ въ головѣ своей опредѣленной мысли, или опредѣленнаго чувства.

Самоваръ начиналъ зашѣвать, и красное пламя, которое поднималось иногда вверхъ изъ самоварной трубы, какъ-бы желая поцѣловать Филата въ губы за его усердіе, по-временамъ на нѣсколько минутъ освѣщало кровлю, и некрасивое, но по своей оригинальности привлекательное лицо моего пріятеля. Оно на этотъ разъ, казалось, совершенно утратило свое насмѣшливо-плаксивое выраженіе, и казалось, ему хотѣлось сообщить мнѣ что-то очень важное, и въ тоже время не хотѣлось насмѣшать меня.

На сосѣднюю кровлю вышла другая женщина, быть-можетъ дѣвушка, веселая, говорливая, — но ея разговорчивость прошла, и обѣ они стали блуждать по кровлѣ, какъ-будто ища удобнаго спуска, чтобы сойти съ нея. Наконецъ, первая изъ нихъ стала на уголь и наклонила голову, какъ бы вслушиваясь въ отдаленные звуки зурны. Таже ночь одѣвала ее своимъ туманнымъ элеромъ, тотъ же самый мѣсяцъ придавалъ особенную чистоту и бѣлизну ея откинутому покрывалу.

— Ну не прелесть ли здѣсь! сказалъ Михаилъ Ивановичъ. Брани меня, что я забрался сюда. Разсказать ли тебѣ, какъ я сюда перѣхалъ; это смѣшно; забавный случай! И онъ сталъ разсказывать, но изъ его разсказа не вышло ничего смѣшнаго, никакого забавнаго случая, не смотря на всю его способность смѣшнить.

— Полно дурачить меня, сказалъ я очень серьезно. Ты просто влюбленъ здѣсь въ кого-нибудь! Иначе я не могу понять твоей фантазіи перѣхать въ эту часть города. Ночь вездѣ хороша, и здѣсь и тамъ; у московской заставы, точно также любятъ этой ночью, какъ и мы съ тобой у банныхъ воротъ. Не надуйвай меня.

— Смѣшишь! отчего мнѣ не надувать тебя, если я часто самъ-себя надуваю.

— Это какими судьбами?! По моему, ты менѣе нежели кто-нибудь способенъ себя обманывать.

— Ну если, точно я по твоему не способенъ себя обманывать, ты правъ, я влюбленъ.

— Ты?

Пока Хвилькинъ не говорилъ мнѣ ни слова, я былъ увѣренъ, что онъ влюбленъ — а сказалъ Хвилькинъ и мнѣ стало не вѣриться! Въ кого же?

— Въ кого? Да вотъ, въ нее же, въ эту самую женщину; она стоитъ отъ насъ въ пяти саженахъ. Чуждакъ, чему же ты смѣешься?

Еслибъ ты всмотрѣлся въ черты лица ея, ты бы сказалъ, что нѣтъ возможности, чтобы лицо женщины было прекраснѣе.

— Послушай сказалъ я, что-жь изъ этого будетъ, что ты влюбленъ! Въ ней ничего и нѣтъ кромѣ наружности.

— А почему ты знаешь, молчи! перебилъ онъ съ досадой и сдѣлай милость не разсуждай. Я люблюсь ею каждый день, и не могу найти въ ней ничего такого, что-бъ мнѣ не нравилось, и самъ прихожу въ отчаянiе, что не могу найти въ ней ничего, кромѣ истинно прекраснаго... Или я слѣпъ, или... поживу здѣсь нѣсколько еще недѣль и посмотрю что будетъ.

— Ты съ ней ни говорилъ ни слова!

— Не смѣши пожалуйста! Я ни слова по-грузински, она ни слова по-русски. Сдѣлай милость, поговори послѣ этого!

— А ты знаешь какъ зовуть ее?

— Кажется Майя, а впрочемъ не знаю.

— Ага! ты уже и имя успѣлъ узнать! — Майя!

— Увы! я, вѣрно, слишкомъ громко произнесъ это имя: сосѣдка оглянулась, и черезъ минуту на сосѣдней кровлѣ не было уже никого, кромѣ кирпичной трубы, съ одной стороны поблѣвшей отъ лучей мѣсяца, съ другой стороны темной, какъ одежда схишника.

VI.

Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили по прежнему; но потухали огни за Курой, и шумъ рѣки становился слышнѣе посреди всеобщаго безмолвiя. Тепла была ночь; но ужъ давно остыли наши стаканы съ чаемъ; потухшій самоваръ пересталъ пищать, и покинутый Филатомъ, грустно стоялъ у двери, какъ единственный стражъ квартиры, быть-можетъ единственной по своимъ неудобствамъ. Не стану припоминать всего, что было переговорено нами въ этотъ вечеръ; Хвилькинъ говорилъ мало, былъ въ какомъ-то странномъ расположенiи духа и ни въ чемъ почти со мной не соглашался.

Часу въ двѣнадцатомъ я простился съ нимъ, пожелавъ ему удачи...

На прощаньи Хвилькинъ далъ мнѣ два совѣта: взять провожатымъ Филата, при чемъ было объяснено, гдѣ мнѣ искать его, и когда придти домой, велѣтъ получше вытереть сапоги свои.

Осторожно спустился я по доскамъ на площадку, которая служила перекресткомъ двухъ узенькихъ тропинокъ; тутъ на лѣво, увидалъ я узенькую дверь; она вела въ саклю или чуланъ съ престранными перегородками. Въ дверяхъ показался Филатъ. Что ты дѣлаешь? спра-

силъ я Филата, замѣтивъ черезъ плечо его, на прилавкѣ: свѣчу, бумагу и чернильницу.

— Ничего-съ! отвѣчалъ Филать.

— Отчего ты такой скучный?

— Да такъ-съ, я ничего.

— У тебя славная передняя.

— Дай Богъ всегда такую переднюю! отвѣчалъ онъ иронически.

— А можешь ты проводить меня до первой улицы; я боюсь забрести на чужой дворъ. Какъ ты думаешь?

— Можно.

— Что можно?

— Можно и на чужой дворъ забрести, и ногу переломить, все можно.

— А проводить меня?... Какъ ты думаешь...

— Можно-съ, я сей часъ только схожу къ барину навѣрть.

— Филать ушелъ, а я тѣмъ временемъ утѣлся въ его какурѣ... Спать мнѣ не хотѣлось, и я полюбопытствовала прочесть его караулъ. Это было письмо; я помню его содержаніе, потому-что оно меня тронуло.

Вотъ оно.

«Милостивому государю батюшкѣ (такому-то) низайше кланяюсь, милостивой государынѣ родной матушкѣ, низайше кланяюсь. Слава Богу, по милости Божьей вашими молитвами живъ и благополученъ, чего и вамъ желаю, и прошу вашего родительскаго благословенія, оно же во вѣки не нарушимое. Писалъ вамъ изъ города Ставрополя, отвѣта не получалъ. Плачу и молюсь денно и ночью. На чужой сторонѣ все не то, что дома. Въ Тифлисѣ и лавки есть, и ширманка ходить, а все скучно. Живемъ мы слава Богу въ какой-то клѣткѣ, на горѣ, ни переулка, ни улицы, ни забора ни кровли ходи какъ знаешь; отъ пыли и жара мѣста нѣтъ. Веду возать въ кожаныхъ мѣшкахъ на лошади, по гривеннику мѣшекъ—дороже приниковъ. Ходять здѣсь не понашему. Ржаного хлѣба ни крошки—квасу также не спрашивай. Пей вино оцѣнѣшь; а не пей—отъ жажды измучишься. Квартира у насъ слава Богу хорошая, баринъ напелъ такую, что и въ Тифлисѣ другой нѣтъ, конура великолѣпная».

— VII.

Письмо Филата, быть-можетъ, давно уже лежало на перекладныхъ въ почтовый чемоданѣ, и Филать съ-тѣхъ-поръ, быть-можетъ, рѣшился уже

утолить жажду своим дешеревымъ грузинскимъ виномъ. На все это можетъ быть. Я знаю только то, и знаю несомненно, что небольшой кружокъ уфлинскихъ моихъ друзей замѣтилъ наконецъ отсутствіе Хвилькина. Вообразили, что Миша Хвилькинъ не вынесъ лѣтнихъ жаровъ, и намъ человекъ свободный, перѣхалъ куда-нибудь въ прохладныя окрестности. Я молчалъ, и моею скромностью рано или поздно думалъ приобрести его доверенность. Трудно было понять, скрываясь въ собачей конурѣ, какъ выразился Филатъ, бѣтается ли онъ нашихъ толковъ, или просто не хочетъ чтобъ кто-нибудь на этотъ разъ мѣшалъ ему. Чего добраго, какъ разъ явится соперникъ! Странная любовь къ какой-то армянкѣ несомненно должна была сдѣлать кой-какія преобразования въ его характерѣ. Богъ съ нимъ! думалъ я, зачѣмъ намъ мѣшать ему! Наша болтовня, карты, обѣды и ужины не дадутъ ему никакихъ воспоминаній о Грузіи. Ну скажи влюбленоса! Хотя и сдѣлано, не все же лучше.

Прошло сколько то дней; послѣ обѣда я сидѣлъ въ клубѣ и по обыкновенію читалъ запоздалыя газеты; человекъ десять еще сидѣло за столомъ: иные еще стучали ножами, другіе допивали послѣднія капли кахетинскаго вина и закуривали папирсы. Вдругъ слышу восклицанія, слышу немножко искусственный, т. е., по просту, но совѣзмъ часто-сердечный смѣхъ, и разпросы самыя пріятельскіе.

— А! Хвилькинъ! гдѣ пропадалъ? откуда? верхомъ, или въ коляскѣ съ мирикригой?... Правда-ли, что ты выигралъ у NN китайскій халатъ и четырнадцать ушывальниковъ?

На всѣ эти разпросы и возгласы Хвилькинъ только поглядывалъ, да руки протягивалъ, не успѣвъ стащить перчатокъ. Поднялъ къ верху свои маленькія брови, сморщилъ лобъ и ротъ разинулъ...

— Постой! наконецъ заговорилъ онъ, приходя въ себя: жостой, дружба послѣ, а теперь обѣдать, я какъ собака голодень!

— Да гдѣ ты живешь теперь? Въ Манглистѣ, или на Бѣломъ кладѣ, или...

— Не скажу гдѣ и живу? Ну... вотъ не скажу?

— Гдѣ ты все это время обѣдалъ? спросилъ я Хвилькина, услышавъ около него, верхомъ на стулѣ.

— На Пескахъ, въ гостинницѣ Зальдина.

— Неужели обѣдъ тамъ лучше?

— Нѣтъ, не лучше; да мнѣ хотѣлось тамъ обѣдать, ну вотъ я такъ и обѣдалъ; гдѣ мнѣ кажется лучше, тамъ и лучше. Не мѣшай мнѣ пить, я хочу пить.

Всѣ захохотали, и компанія оживилась. Одному-назъ насъ, кахетинскому

ночь именовъ Донъ-Педро, пришла въ голову мысль приараться къ какому-нибудь случаю, чтобъ поставить бутылку шампанскаго.

Хвилькинъ понялъ его, и сказалъ, что онъ на новой квартирѣ и что не худо-бы выпить; въ-слѣдствіе чего потребовалъ себѣ еще порцію говядины.

— Съ новосельемъ! закричалъ Донъ-Педро, и велѣлъ поставить въ ледъ бутылку шампанскаго, при чемъ одинъ толстенный румяный человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, залаялъ звонкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ.

Обѣдъ приходилъ къ концу; лакеи открывали ломберные столы; изъ бильярдной комнаты раздалось первое столкновение костяныхъ шаровъ; три и ничего! прокричалъ маркёръ; на улицѣ шарманка заиграла какой-то вальсъ. Хвилькинъ велѣлъ подать другую бутылку шампанскаго.

Вечеромъ того-же дня—всѣ мы собирались ѣхать пить чай за городъ, въ виноградный садъ къ купцу Бакауру, —и стали просить Хвилькина не отставать отъ насъ.

Хвилькинъ сказалъ намъ, что такъ и быть, онъ потѣшитъ насъ что чего другаго мы отъ него не дождемся, а поѣхать, пожалуй онъ поѣдетъ!

Мы отправились всѣ вмѣстѣ, гурьбой; Хвилькина я посадилъ къ себѣ на дрожки. По дорогѣ подражалъ онъ себѣ другаго извозчика и велѣлъ ему за нами-жъ слѣдовать.

— Въдъ я везу тебя! на что-же тебѣ другой извозчикъ?

— А пусть ѣдетъ! ему дѣлать нечего, такъ пусть прогуляется, отвѣчалъ Хвилькинъ.

VIII.

Такъ какъ я пишу не повѣсть, а рассказъ, то надѣюсь, читатели мои не будутъ слишкомъ взыскательны, —и не упрекнутъ меня за ненужныя отступленія. Мнѣ диктуетъ память, и я пишу какъ пишется, не вдаваясь ни въ какія художественныя соображенія.

— *Милости просимъ!* сказалъ намъ хозяинъ сада, снявъ грузинскую шапку и въ знакъ почтенія отнесъ ее немного въ сторону. Хозяинъ былъ человѣкъ бывалый, помнилъ старое время и любилъ насъ. — Самъ соблюдалъ всѣ грузинскіе обычаи, а дѣтей учиться отдалъ въ гимназію. Судя по чертамъ лица его, нельзя было сомнѣваться въ его смышлености. Улыбнувшись необычайно сладкою улыбкою, онъ замахалъ своими откидными рукавами, зашелестилъ своими шараварами—и съ видомъ заботливости, съ явнымъ желаніемъ распорядиться, на цѣлые полчаса ушелъ отъ насъ.

Мы остались полными хозяевами вертограда, и разбрались въ тѣни виноградныхъ куртинъ, отыскивать зрѣлыя ягоды, среди еще не зрѣлыхъ, зеленыхъ гроздй.

Теплый вѣтеръ шелестялъ разогрѣтыми на солнцѣ виноградными листьями, и мы дышали запахомъ уже опадающихъ махровыхъ розъ.

Я зналъ, что не даромъ отъ насъ ушелъ хозяинъ. Принесли большой коверъ и разстлали его въ тѣни двухъ огромныхъ грецкихъ орѣшниковъ. Положили намъ *мушаки*, то есть подушки, въ видѣ мягкихъ валиковъ, и мы, изъ врлиція, снявши галстухи, разлеглись какъ султаны.

Черезъ полчаса мы опять улызали тотъ-же гонестъ *милости* *присылка* и хозяинъ явился въ сопровожденіи огромнаго подноса съ стаканомъ разлитого чаю. Каждому изъ насъ дали по чубуку въ руки, и мы были счастливы.

Общая болтовня не мѣшала намъ любоваться курпуромъ и торжественностью заходящаго солнца; уже край его касался вершины горы, но до береговъ Куръ еще не достигла широко подвигающаяся лиловая тѣнь вечера. По листованнымъ верхушкамъ сада еще бѣгали золотыя искорки; бѣлая гладкая стѣна небольшой загородной старинной церкви сіяла тонко розовымъ, пѣжнымъ, неуловимо-пѣжнымъ блескомъ. Прилегающая головой къ ковру, я видѣлъ, какъ мелькала эта стѣна за низенькой оградой и какъ промешъ узловатыхъ виноградныхъ лозъ, ясно вырѣзывались на ней фигуры нашихъ извожиковъ, стоявшихъ въ совершенной тѣни, на луговинкѣ, за калиткой сада. Хозяинъ поглядывалъ на часы, да рассказывалъ разные анекдоты. Все смѣялись. Я думалъ:

Этотъ великій человекъ въ нашей компаніи совсѣмъ другой, совсѣмъ не тотъ, какимъ, напротивъ, я видѣлъ его у себя дома, въ врлицукѣ, на земляной терасѣ. Кто, глядя на него подумаетъ, что онъ способенъ влюбиться! А вѣдь кажется — весь на распашку! Или влюбившись, онъ первый понялъ, что это какъ-то совсѣмъ неловко къ его комическому лицу; и кто знаетъ, быть-можетъ, онъ за тѣмъ и врлетѣлъ сюда, чтобы подъ новымъ яснымъ небомъ, подъ другимъ жаркимъ солнцемъ искать того, чего не нашелъ на Сѣверѣ....

Часу въ девятомъ вечера хозяинъ сада повелъ насъ въ *маранъ* (зданіе гдѣ дѣлаютъ и хранятъ вино); тамъ приказалъ онъ садовникамъ вскрыть еще засыпанный землею, еще дѣвственный кувшинъ нѣкимъ еще невозмущеннаго вина, и по святія, деревяннымъ ковшемъ, пѣны и заплѣсневѣлой накипи, первый погрузилъ, и за наше здоровье, духомъ вынулъ полную серебряную *азарламу*. Когда мы все поочередно

* Азареша — плоскостопная чаша съ длинной рукояткой.

стали подносить къ губамъ эту круговую грузинскую чашу, оказалось, что Хвилькинъ исчезъ изъ саду. Понялъ я, для чего онъ занялъ лишняго извозчика, и не отставая отъ прочихъ, — порядочно побранилъ его.

IX.

Часовъ до одиннадцати ночи пировалъ я въ саду у гостепріимнаго Бакаурова; въ головѣ моей слегка шумѣло, когда я возвращаюсь домой; руки мои лѣниво слушались, когда я позывывалъ галстухъ; жаркія мечты, странныя предположенія далеко отогнали отъ меня и сонъ и даже желаніе поскорѣй вернуться домой и отдохнуть въ постели. Съ полдороги я отпустилъ извозчика, и разстегнувши жилетъ, пошелъ себѣ безъ определенной цѣли, съ горы на гору, по закоулкамъ стараго Тифлиса. Луна закатилась, ночь была темна, ворота, ставни и двери были заперты, небо, мутно-темное, было усыпано звѣздами, но на югѣ въ жаркія, душныя ночи, звѣзды какъ-будто уходятъ выше подалеже отъ земли, и едва-едва мелькаютъ. Наши сѣверныя звѣзды гораздо ярче; но зато нашъ гиперборейскій мѣсяцъ — далеко не южный. Я въ эту ночь нѣсколько разъ принимался его отыскивать. Передо мной съ одной стороны поднимались какъ уголь черныя массы стѣвъ; съ другой открывалось синее, воздушное пространство, на которомъ рисовались очерки трубъ, кирпичныхъ квадратовъ и усѣченныхъ треугольниковъ. Темная, теплая ночь къ полуночи стала до того тиха, что я слышалъ шорохъ—но что это было такое? Ящерицы-ли пугливо бѣгали по трещинамъ неровныхъ, стародавнихъ стѣвъ, или женщина тихонько раздѣвалась и снимала шелковое платье, собиравъ у родной трубы на плоской кровлѣ — лечь на пыльный матрацъ и заснуть подъ открытымъ небомъ. Нервы мои тихо вздрагивали, мнѣ чудилось кто-то стоналъ и жарко бредилъ посреди всеобщаго молчанія; помню, шагахъ въ десяти отъ меня, окруженное мракомъ и таинственностью, свѣтилось какое-то окошечко; помню розовая занавѣска долго дразнила и бѣсила меня, но почему и отчего, не помню.

Вдругъ пришла мнѣ въ голову мысль... и показалось мнѣ, что недалеко до обиталища моего друга—Хвилькина; смѣло рѣшился я одолѣть все препятствія, и удостовѣриться: спитъ-ли онъ. Вспомнилъ я, что онъ такъ измѣнически покинулъ насъ въ саду Бакаурова, и не то рассердился я, не то захотѣлось мнѣ въ эту ночь обнять его и до утра съ нимъ пробесѣдовать. Пускай спитъ— не бѣда, если я разбужу его. Съ этой мыслию, я до-тѣхъ-поръ блуждалъ, лазилъ, спотыкался, пугалъ собакъ и щупалъ ногами землю, чтобы не провалиться въ трубу,

или не очутиться на чужомъ дворѣ, пока дѣйствительно не отыскалъ досокъ между двухъ стѣнъ, по которымъ я и взобрался на терассу. — Признаюсь, я все еще сомнѣвался, туда-ли я лезу, и не безъ нѣкотораго волненія остановился передъ маленькой дверью знакомой комнаты.

— Хвилькинъ, дома ли ты? Можно ли мнѣ войти къ тебѣ? проговорилъ я съ досадою на самого себя.

Дверь была настежь отворена; передо мной въ неясномъ, красноватомъ сумракѣ, неподвижно сіяло голубоватое пламя свѣчки.

Никто изнутри не отозвался мнѣ. Вѣрно спать, подумалъ я. Войду; еслибъ нельзя было войти, ужь, конечно, дверь не была бы настежь. Я вошелъ.

Хвилькинъ, залажа руки за голову, вытянувшись, лежалъ на спинѣ какъ мертвый и смотрѣлъ въ потолокъ; онъ былъ блѣдный; тѣнь отъ носа его лежала на лбу въ видѣ треугольника, губы его были плотно сжаты, волосы, въ беспорядкѣ поднимаясь къ верху, совершенно обнажали широкіе неровные виски его. Я испугался, но увидавши меня, онъ сдѣлалъ гримасу, и посмотрѣлъ на меня вопросительно. Тутъ я убѣдился, что Хвилькинъ живъ, взялъ его за руку и спросилъ: здоровъ ли онъ?

— Здоровъ. А что?

— Ну, такъ пьянъ.

— Можетъ-быть.

— Отчего же ты не спишь?

— Отчего же, братецъ, ты не спишь?

— Мнѣ хотѣлось навѣстить тебя.

— Удивительно! не смѣши пожалуйста.

— Я сейчасъ только изъ саду Бакауровыхъ.

— Ну такъ что жь, что ты изъ сада Бакауровыхъ, и онъ опять посмотрѣлъ на меня вопросительно, даже немного ротъ разинулъ.

— Куда ты пропалъ отъ насъ? Мы тебя вездѣ искали. Вѣрно сѣднилъ на свиданье. Вотъ и платокъ женскій. Ахъ ты! сказалъ я, выдвигая съ глинянаго полу какой-то шелковой, желтенькій платочекъ.

— Гдѣ платокъ? спросилъ Хвилькинъ, повернувши голову.

— А вотъ, смотри.

— Покажи.

И онъ, молча, мутными глазами сталъ его разсматривать, потомъ тихонько положилъ его на столъ, и задумался.

— Да что съ тобой?

— Да ничего, братецъ, спать пора, вотъ что.

Признаюсь, какъ ни туманна въ эту ночь была горячая голова моя, понятны стали мнѣ и несвоевременность моего посѣщенія и неуѣстность любопытства. Я далъ себѣ слово ни о чемъ его не разспрашивать, и на прощанье попросилъ извиненія, что такъ не встаети пришелъ мѣшать ему.

— Мѣшать! перебилъ онъ насмѣшливымъ и въ то же время соннымъ голосомъ. Какъ-будто я не могу при тебѣ заснуть, и спать сколько моей душѣ угодно. Эхъ ты чудакъ-чудакъ! Вотъ, еслибъ ты пришелъ тому назадъ два часа, ты бы, можетъ-быть, помѣшалъ бы мнѣ сдѣлать глушость, но объ этомъ послѣ. Ужъ если ты такой любопытный, что мнѣ съ тобой дѣлать, когда-нибудь расскажу, насмѣшу тебя пожалуй! Прощай!

Мы пожали другъ-другу руку, и я побрелъ домой.

На обратномъ пути темная ночь не мѣла уже для меня ни магической прелести, я только и думалъ о томъ, чтобъ не слышать себѣ ноги, и слава Богу, дѣланный пришелъ домой, бросился въ постель и заснулъ мертвымъ сномъ.

Х.

Послѣ этого, дней пять или шесть некогда мнѣ было посѣтить добрейшаго Михайла Ивановича, да признаться, мнѣ казалось совѣстно идти къ нему. Чтѣ за непростительное любопытство! Еслибъ онъ желалъ меня видѣть, онъ бы и самъ наконецъ могъ придти ко мнѣ. Дружба-дружкой, а все же не мѣшаетъ и поцеремониться. Да и какой я другъ ему, просто такой же пріятель отъ нечего дѣлать, какъ и другіе.

Сяду я дома, вдругъ говорятъ мнѣ Али-Аскаръ пришелъ. Ну зови его.

Али-Аскаръ, татаринъ, малый лѣтъ двадцати восьми, ходитъ въ татарскомъ архалукѣ и въ грузинской шапкѣ, ходитъ едва-едва переваливаясь съ ноги на ногу, плохо говоритъ по-русски, въ носъ, и такимъ медленно-лѣнивымъ голосомъ, какъ-будто каждое слово его стоить червонецъ, и ему жаль его. Али-Аскаръ хорошъ собой, не глухъ но тупъ до невѣроятности. Ни читать ни писать не выучился, какъ ни бился. У него была на базарѣ маленькая лавочка, гдѣ можно было купить, рахат-лукумъ, или банку нибирнаго варенья, но Али-Аскаръ пренебрегалъ торговлей; ему все хотѣлось попасть въ службу.

Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ освѣдомляться, нѣтъ ли мнѣта гдѣ-нибудь въ карантинной стражѣ, или нельзя ли ему куда-нибудь

попасть въ словесные переводчики; уходилъ же онъ отъ меня съ завязкою или достать мнѣ хорошій черешневый чубукъ безъ сучковъ и безъ заплата, или попросить мать свою, татарку, сварить мнѣ пловъ. Пловъ, изготовленный руками его матери, былъ просто объяденье.

Дѣлать мнѣ было нечего, я велѣлъ Али-Аскару садиться на стулъ и заставилъ его рассказывать объ эриванскомъ землетресеніи.

— По какому же ты случаю былъ тогда въ Эриванѣ?

— Да-асъ, по тому случаю, отвѣчалъ онъ мнѣ въ ночь, что и тогда служилъ виѣстѣ съ совѣтникомъ.

То-есть, подумалъ я, ты ему трубки чистилъ.

— Да-асъ, такое было тогда трясенье... Такъ и начало землю качать; одна стѣна было у насъ чуть не упала, только я ужъ успѣлъ выбѣжать, да-асъ! Очень тогда было страшно.

— Ты испугался?

— Да-асъ, я очень тогда испугался. Я и теперь всю ночь не спалъ, проговорилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Когда теперь?

— Вотъ эту ночь, я совсѣмъ не спалъ.

— Отъ чего же?

— Какъ ночь, такъ у насъ и начинаютъ такіе очень большіе кринчиръ летать; даже никто и на кровляхъ не спитъ. Нельзя-съ, какъ разъ до смерти ушибеть. Такъ окошко и вылетитъ, а то и объ дверь ударится.

— Кто же это бросаетъ камни-то, я не пойму тебя.

— Неизвѣстно-съ, отвѣчалъ онъ, равнодушно, оглядывая стѣны.

— Кто нибудь шалить, или ты врешь?

— Нѣ-ѣтъ-съ, зачѣмъ врать! Сколько ужъ ни смотрѣли, откуда камни летятъ, никого не видно. Какъ увидеть?! Сторожъ даже три ночи не спалъ — камни все летятъ туды-сюды... а кто бросаетъ Богъ знаетъ, ничего, нельзя увидеть, такой страхъ! Я ужъ самъ даже не спалъ-съ.

— А ты гдѣ живешь?

— Все тамъ живу, гдѣ жилъ, недалеко отъ баннаго моста, направо.

Я вспомнилъ что и Хвилькинъ тамъ живетъ, и положилъ въ тотъ же день пойти къ нему и расспросить его, что за камни летаютъ по татарскому кварталу, и наконецъ, цѣль-ли онъ и цѣль-ли у него окошки.

Послѣ обѣда небольшой дождикъ прибавилъ городскую пыль, и я отправился.

XI.

Хвилькина я не застаю дома, но какъ нельзя лучше видѣть его сосѣдку. Не только плоская кровля, но и часть глубокаго двора съ каалиткой на другую, неизвестную мнѣ кровлю, съ двумя проложенными по ней тропинками, была видна съ того мѣста, на которомъ остановился я полюбоваться видами.

Майя стояла отъ меня въ шести шагахъ и все остальное исчезло изъ глазъ моихъ. Признаюсь, Хвилькинъ безъ зазрѣнія совѣсти могъ влюбиться въ такую женщину. Повидиму, ей было около двадцати лѣтъ. Ее лицо не было типическимъ, я не узналъ-бы въ ней армянку, — не принялъ-бы ее за грузинку, но понялъ-бы, однакожь, что она не русская. Черные глаза ея свѣтились какимъ-то кроткимъ, задумчивымъ блескомъ. Но когда она обернулась и посмотрѣла вкось, мнѣ показалося — въ ту сторону, куда она бросила взглядъ свой, промелькнула неуловимая молнія. Вообще, какая-то нѣга, что-то свѣтлое было разлито по всему существу ея — На рукахъ ея былъ ребенокъ; она стояла въ двухъ шагахъ отъ своего домика, на чужой кровлѣ, и у какого-то прохожаго инвалида торговала дѣтскіе башмаки. Вѣроятно башмаки показались ей слишкомъ дороги, и она отдала ихъ назадъ. Ребенокъ пугливо-кудрявой головкой припалъ къ плечу ея. Я слѣдилъ за каждымъ малѣйшимъ ея движеніемъ, и готовъ теперь увѣрить, что ея голосъ также нѣженъ, также музыкаленъ, какъ и вся она.

Я вспомнилъ желтый шелковый платочикъ, и Хвилькинъ показался мнѣ счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Я думалъ: вы г. Хвилькинъ просто неблагодарный смертный!

На кровлю Майи вышла еще какая-то дѣвушка съ деревяннымъ лоткомъ на плечѣ. Она вдругъ остановилась, пристально посмотрѣла мнѣ въ лицо, и вѣроятно, довольная тѣмъ, что я не обращаю на нее большаго вниманія поставила на солнце лотокъ, залитый тонкимъ слоемъ красной, постилы, и на нитку, проведенную отъ одной палочки до другой воткнутой между кирпичами, стала развѣшивать небольшія пучки какой-то зелени. Въ этой дѣвушкѣ я сейчасъ узналъ армянскій типъ: низенькій лобъ, тонкій носъ и полныя блѣдныя щеки. — Я видѣлъ ее мелькомъ, совершенно озадаченный красотой Майи.

Вдругъ, слышу, кто-то поетъ.

На колѣняхъ у Венеры!

Сынъ ея игралъ —

Наконецъ кто-то внизу хлопнулъ дверью и побѣжалъ; голова Филата выскочила на поверхность кровли и наконецъ весь онъ появился — весь какъ есть — въ какой-то строй курткѣ и простоволосый.

Онъ никакъ не ожидалъ найти меня и сталъ какъ вкопанный.

— Гдѣ твой баринъ?

— Барина дома нѣтъ, отвѣчалъ онъ, опушта глаза.

— Отчего ты нынче веселъ?

— Ничего-съ. И Филать покраснѣлъ.

— Куда-же пропалъ твой баринъ!

— Должно быть пошли-съ искать квартиру.

— Какъ?

— Да они изволили мнѣ говорить, что переѣзжать хотять.

— Куда?

— Не знаю-съ...

— Ты радъ?

Филать на это не сказалъ ни слова, только посмотрѣлъ на меня изъ подлобья своими маленькими карими глазками, и тихонько кашлянулъ.

— Клянйся твоему барину скажи ему, что я былъ.

— Только вы одинъ здѣсь и бываете, бойко заговорилъ Филать, ни одинъ порядочный человѣкъ сюда и не заглядывалъ. Какой прахъ понесетъ сюда порядочнаго человѣка.

— Ахъ Филать, Филать, развѣ я не порядочный человѣкъ по твоему.

Филать сконфузился.

— Прощай, помни только, что въ Грузіи легко можно сдѣлаться пьяницей, береги самъ себя, если только твой добрый баринъ не убережетъ тебя.

И ушелъ, Филать остался на кровлѣ.

ХІІ.

Хорошо не помню, куда именно въ этотъ разъ я отправился, не заставши Хвилькина, не помню даже, въ тотъ-ли день или на другой день вечеромъ, я встрѣтилъ его у московской заставы. Хвилькинъ былъ верхомъ. Никогда еще не видалъ я его верхомъ на лошади. Даже думаю, не впервые-ли разъ отъ ролу онъ сѣлъ въ сѣдло,—до такой степени онъ плохо ѣздилъ. По всему Головинскому проспекту, до самой рѣки Вары, была бездна гуляющихъ; дамы катались въ небольшихъ коляскахъ, и я видѣлъ, какъ онѣ улыбались во весь ротъ, улыбались вплоть до самыхъ ушей, всякой разъ, когда встрѣчались съ Хвилькинымъ.

— Хвилькинъ! кликнулъ я, потому-что онъ не замѣчалъ ничего и къ слову не кланялся.

Онъ подсекалъ по мнѣ крупной рысью, при чемъ ноги его потеряли стремяна, что однако же его нисколько не сконфузило. Правда, онъ былъ блѣденъ, и когда останавливал свою лошадь, правой рукой вцепился въ гриву, а лѣвую протянулъ ко мнѣ, съ своей обычной равнодушной миной.

— Ну что, здоровъ-ли? спросилъ онъ.

— А ты?

— Я ничего.... здоровъ.

— Ну и я здоровъ. Ты однакожь не советуй хорошо ѣздить верхомъ.

— Я и самъ это знаю, а что?

— Да такъ.

— Я теперь каждый день буду ѣздить, народъ свѣшить, авось когда-нибудь выучусь.

— Нынче я видѣлъ твою Майю.

— Ну не сѣши, сдѣлай милость, гдѣ ты ее нынче видѣлъ?

— Заѣзжай ко мнѣ чай пить, я сейчасъ домой пойду.

— Да нѣтъ, ты скажи мнѣ, гдѣ ты ее видѣлъ....

— А вотъ заѣзжай ко мнѣ, я расскажу тебѣ.

— Такъ не заѣду же, ну.... ну... вотъ не заѣду... Прощай! сказалъ онъ, и вѣвая ноги въ стремяна, еще раза два пробормоталъ мнѣ: прощай. Потомъ, подобравши поводъ, поскакалъ въ галопъ, по направлению къ Эриванской площади. Долго смотрѣлъ я, какъ подпрыгивая на сѣдлѣ, покачиваясь онъ, махалъ локтями и головой потряхивалъ!

Воротившись домой позднѣе 10 часовъ, я узналъ, къ величайшей моей досадѣ, что Хвилькинъ заходилъ ко мнѣ. У меня всегда была особенная страсть къ оригиналамъ; я какъ-то скорѣй привязываюсь, и даже какъ то легче привыкаю къ нимъ. Никогда смѣшное въ человѣкѣ меня не отталкиваетъ. Напротивъ, безъ оригиналовъ было-бы также скучно въ обществѣ, какъ въ саду, гдѣ нѣтъ ни одного криваго, на свободѣ растущаго дерева, и гдѣ каждая вѣтвь подстрижена садовникомъ— Дружба, также какъ и любовь, не рѣдко начинается съ простаго любопытства; Хвилькинъ подстрекнулъ его, и я готовъ былъ не шутя подружиться съ нимъ.

XIII.

Флинтъ сказалъ правду. Хвилькинъ, недѣлю спустя, опять перенесся въ европейскую часть города. Мы, по-прежнему, каждый день стали встрѣчать его въ нашемъ небольшомъ, нецеремонномъ обществѣ. Все, рѣшительно все шло по старому: тотъ же зной, тѣ же прогулки

за горсть, тѣже зеленые стали, тѣже остроги и акидеты; которые, сказать по правдѣ, порядочно надоѣли намъ; но дѣлать было нечего! Хвилькинъ, къ досадѣ, его пріятелей, сталъ гораздо рѣже сѣдѣть компанію. Выиграть у него тридцать или сорокъ рублей, съ прикупою или безъ прикупки, было гораздо легче, чѣмъ напиримѣръ допытаться у него, куда и зачѣмъ пропадалъ онъ въ июль мѣсяцѣ. Никто, признаться, и не допытывался. Въ этомъ отношеніи Тифлисъ безконечно лучше и сноснѣе тѣхъ пріятныхъ городовъ, гдѣ нельзя чикнуть безъ того, чтобъ объ этомъ не узналъ весь городъ. Равнодушіе къ чужимъ поступкамъ итеть свою хорошую сторону; оно мѣшаетъ развиваться сметливости. Хвилькинъ былъ правъ, когда на вопросъ мой: зачѣмъ онъ нанялъ такую квартиру, отвѣчалъ мнѣ: О! пріятель! Да тебѣ-то какое дѣло, ты-то что?

Время шло. Хвилькинъ похудѣлъ; въ немъ происходило что-то не лобное: цѣлыя ночи сталъ проводить онъ за картами — и проигрывалъ. Прогрывать нисколько не сердилъ его; почтенные любители преферанса не иначе какъ съ уваженіемъ стали произносить имя Хвилькина. Ко мнѣ заходилъ онъ, скучный, и усталый. Однажды, утромъ, мы сошлись съ нимъ въ корпусномъ саду, и усѣлись на лавочкѣ, около бассейна, въ которомъ лебеди плаваютъ. Передъ нами плакучая ива спускала къ водѣ свои длинныя бѣлесоватыя вѣтви; за нами тяпулась густая куртина, увѣшанная лавовыми кистями винограда. Я малъ въ умалъ научіе листы грецкаго орѣха.

— Ну, что твоя Майя? спросилъ я Хвилькина. Ты признавался мнѣ, что ты влюбленъ въ нее.

Хвилькинъ посмотрѣлъ на меня, какъ человекъ озадаченный, сморщилъ лобъ и задумался.

— Ну, вотъ есть о чемъ думать! сказалъ я, не зная что сказать.

— А почему ты знаешь, о чемъ я думаю?

— Тебя, что-то мучить, я это вижу, а что такое, Господь тебя знаетъ.

— У меня, братецъ ты мой сказалъ онъ, снѣвши шляпу и тоскливо поглядывая куда-то всторону: у меня такъ ужъ видно на роду написано; изъ всего у меня выходитъ вздоръ: изъ дружбы вздоръ, изъ любви вздоръ, изъ денегъ вздоръ. Я самъ начинаю смотрѣть на себя какъ на вздоръ. Не думай пожалуста, что я влюбленъ и до-сихъ-поръ мѣшаю такъ себѣ... для ирпровожденія времени; я хотѣлъ на ней жениться, и женился бы, еслибъ даже вы все, сколько васъ тутъ ни есть, стали бы сѣдѣть надъ моимъ выборомъ.

Я, въ свою очередь, посмотрѣлъ на Хвилькина, какъ человекъ озадаченный.

— Ну, что ты такъ на меня глядишь! эхъ ты, сказалъ онъ мнѣ, тряхнувъ головой и насмѣшливо улыбнулся. Минуть пять * прошло въ обоюдномъ молчаніи; потомъ, мало-по-малу, Хвилькинъ разсказалъ мнѣ исторію любви своей, съ явнымъ желаніемъ выставить ее съ забавной стороны, не смотря на то, что положеніе Хвилькина было далеко не такъ забавно.—Слово въ слово я не берусь вамъ передать разсказъ его. Но во всякомъ случаѣ, взявшись за перо, я долженъ вамъ какъ нибудь передать его.

— Ты, быть-можетъ, думаешь, ее зовутъ *Майя*?—да, началъ Хвилькинъ, — какъ не такъ! Я самъ думалъ, что *Майя*, а вышло просто Елена. Да это бы еще ничего, пускай бы себѣ она была Елена, а то сверхъ, что у ней живетъ ея племянница, лѣтъ шестнадцать, такая пухлая на лицо, ты ее видѣлъ, ну вотъ, ее то, братецъ ты мой, и зовутъ *Майя*. Знай я грузинскій языкъ, всё бы это было ни почемъ, ну смѣшалъ имена, не бѣда, а тутъ, ты самъ посуди, могъ ли я лично вести переговоры, нужны были посредники... понимаешь. Думалъ выѣхать на посредникахъ!... ну вотъ, я и завелъ переговоры, ну и вышелъ вздоръ. Влюбленъ то я былъ въ Елену, а въ любви-то увѣралъ *Майю*. Что-жь ты не смѣешься?

— Погожу, что будетъ.

— Ну хорошо, можешь и погодить, если хочешь; мнѣ самому было не до смѣху, тяжело было, да дѣлать нечего! Мои увѣренія, мои подарки, все это тайкомъ передавалось неопытной, глупенькой дѣвочкѣ, о которой я и не думалъ. Чемъ больше она вѣрила въ любовь мою, тѣмъ рѣже появлялась на кровлѣ, и стало-быть я ничего не могъ замѣтить прежде времени. Мнѣ дали знать, что я любимъ и чтобъ я былъ какъ можно осторожнѣе.—Предоставляю тебѣ самому разсуждать, какое впечатлѣніе произвело на меня это слово: любимъ! любима, быть-можетъ, въ первый разъ отъ роду, любима такой красавицей, какой не случилось мнѣ видѣть ни на одной картинѣ въ академіяхъ. Я сталъ отъ радости щедрѣе турецкаго султана, въ какія-нибудь двѣ недѣли я изстратилъ около 400 рублей и... добился наконецъ свиданья, чтобъ рѣшить судьбу нашу...

Такъ и порывался я уѣхать отъ васъ изъ саду Бакауровыхъ,—въ этотъ вечеръ я думалъ быть счастливѣйшимъ въ смертныхъ. Не шутя, я долженъ сказать тебѣ, что моя любовь возвышалась до какого-то иступленнаго благоговѣнія; я долженъ былъ услышать ея согласіе на нашъ бракъ.

И на щекахъ Хвилькина показался румянецъ, онъ закурилъ верхнюю

губу, и только черезъ минуту способенъ былъ продолжать рассказъ свой въ предельнѣ тонѣ.

— Часу въ десятомъ, помнишь, какъ нарочно, ночь такая темная; одна только тишина ея меня бѣсила. Я ждалъ,—не вѣрилось... я разбилъ двѣ трубки отъ нетерпѣнья, вздумалъ, расхаживая, чубукомъ махать. Часу въ десятомъ, не то въ одиннадцатомъ я отворилъ дверь и вприсѣлъ на порогѣ, меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Наконецъ мнѣ послышался шорохъ женскаго платья. Мнѣ дали знать: пришла! съ четверть часа послѣ этого я ждалъ ее. Майя была на дѣлщинѣ и не рѣшалась войти... Эти четверть часа показались мнѣ вѣчностью.

— Ну и что-жь наконецъ? сказала я Хвилькину...

— Ну и не та, братецъ! совѣтъ другая! Чему же ты смѣешься!... Въдъ я, повѣришь ли ты, я чуть съ ума не спятилъ... Вообрази себѣ, ну, ты вообрази, что бышь такое я началъ тебѣ рассказывать, ахъ да, я не зналъ, что мнѣ и дѣлать... право!

И Хвилькинъ разставилъ руки, какъ бы еще соображая, что ему было дѣлать въ этомъ случаѣ.

— Какъ нарочно, въ эту ночь ты, негѣный человекъ, вздумалъ вѣстѣннѣ меня, пришелъ и зачѣмъ пришелъ; шутъ тебя знаетъ!... Какъ нарочно еще догадало тебя найти у меня этотъ желтыйикий платочекъ; этотъ желтыйикий платочекъ былъ для меня хуже всякаго скорпиона.—На всѣ брошенные мною деньги, я купилъ какой-то платочекъ съ головы какой-то глупенькой дѣвочки!...

На другой день рано, часу въ пятомъ утра, блѣдный отъ досады и мучительной бессонницы, вышелъ я на кровлю,дохнуть свѣжимъ воздухомъ, и какъ нарочно, вижу, стойтъ Елена (я ужъ послѣ узналъ какъ зовутъ ее). Отъ роду я не видалъ такой красавицы! На ней была катиба, черныя косы, полузиплетенныя, полуразвитыя, длинными косами лежали по плечамъ, жаркая зоря освѣщала ея лицо и кисти рукъ, сложенныхъ на груди. Замѣтилъ-ли ты, какія у ней прекрасныя руки!...

— Нѣтъ, не замѣтилъ...

— Ну, такъ я тебѣ не стану ее описывать. Елена вышла на кровлю, для того, я думаю, чтобъ позвать водовоза, который по сосѣдству опоражнивалъ кожаные мѣшки свои. Я,—ну, что мнѣ сказать тебѣ;—я обомлѣлъ, сердца въ себѣ я не чувствовалъ, даже не знаю, билось ли оно въ эту минуту, я стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ преступленіи. Она обернулась и стала пристально и строго смотрѣть мнѣ въ глаза.—Наконецъ, она многозначительно и насмѣшливо улыбнулась, махнула рукой водовозу, и сошла внизъ. Это была вѣмая сцена. Еслибы

ты смотрѣлъ на насъ со стороны, ты бы увидалъ двѣ провѣи, изъ которыхъ на одной стоитъ Хвилькинъ, а на другой какая-то женщина, и ничего бы не поналъ. Изъ ея улыбки я поналъ только одно, что.... для меня все кончено, что ей известно болѣе, быть-можетъ, чѣмъ я самъ знаю изъ всей этой проклятой исторіи. Все это утро, я какъ сумасшедшій обдумывалъ планъ, войти къ ней въ саклю и броситься къ ногамъ ея, то-то бы насѣшилъ! Ну вотъ, я тебѣ все сказалъ! Ты видишь самъ, что для тебя тутъ ничего нѣтъ интереснаго.

Я сталъ думать, о томъ, какъ бы мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ Хвилькину, и не зналъ чѣмъ помочь.

— Видишь-ли ты ее теперь хоть изрѣдко?

— Полно смѣшить! Зачѣмъ? Вѣдь она знаетъ, что я видѣлся съ ея племянницей.

— Пойдемъ нынче вечеромъ.

— Куда?

— Туда на кровлю.

— Зачѣмъ? Вѣдь она замужемъ. Пойдемъ лучше въ клубъ. Я хочу завтракать—мы встали и пошли.

— Вообрази, заговаривалъ онъ дорогой, какой это негостепріимный кварталъ; я не совѣтую тебѣ слишкомъ часто ходить туда, особливо ночью, тамъ никто еще изъ русскихъ не занималъ квартиру, я первый поналъ, и наваялъ за большія деньги. Старый хозяинъ, изъ татаръ, ни за что не хотѣлъ разстаться съ своимъ обиталищемъ... Мое появленіе въ тѣхъ мѣстахъ возбуждало не то ревность, не то подозрѣніе. Часто эти краснобородыя лица, съ красными нависшими бровями, осматривали меня съ головы до ногъ, какъ бы спрашивая: кто тебя звалъ сюда? ты зачѣмъ здѣсь поселился. Два за три до моего оттуда выѣзда, вечеромъ, кто-то швырнулъ ко мнѣ на терасу препорядочный кусокъ извести, и ранилъ моего Филата въ ногу. Филатъ былъ въ драбромъ расположеніи духа, и подобравъ куски, съ остервененіемъ сталъ бросать ихъ во всѣ стороны.

— Я вспомнилъ Али-Аскара, и подумалъ.

Всякая негѣность имѣетъ однако-же свое основаніе.

III.

ШЕРЮМАЛЬ МАГУ.

Малабарскій разсказъ.

I.

БАГГЕРОВЪ.

Подъѣзжая къ Малабарскому берегу со стороны великаго Индйскаго Океана, сначала замѣчаешь цѣнь зубчатыхъ горъ, синія вершины которыхъ едва отдѣляются отъ лазури неба. По мѣрѣ приближенія обозначаются второстепенныя возвышенности, болѣе темныя отъ лѣсовъ, которые ихъ покрываютъ. Онѣ тянутся правильными линиями, будто ступени гигантской террасы. Наконецъ, песчаный берегъ, повсюду покрытый кокосовыми деревьями, кажется, выступаетъ изъ волнъ, безпрестанно омываемый ихъ матовою серебряною пѣною. Прекрасныя кокосовыя деревья, символъ тропическаго климата, растутъ густыми рощами вдоль всего берега, начиная отъ острова Салсетты до Цейлона, гдѣ они достигаютъ чрезмѣрной высоты. Подъ болѣе густою тѣнью банановъ укрываются безчисленныя деревни, населенныя бѣдными рыбаками. Ихъ хижины такъ низки и хорошо защищены густою зеленью, что, плывя вдоль берега на разстояннн полу-мили, нельзя даже подозревать ихъ существованія. Вездѣ, гдѣ природа образовала пристань, въ глубинѣ заливовъ, при устьѣ рѣкъ, возникли города, болѣе или менѣе знаменитые въ исторіи: Бомбей, Гоа, Какапоръ, Кошинъ, Калькутта, Кандль. Множество маленькихъ влaстителей раздѣляютъ между собою

эту плодоносную страну, изобилующую самыми богатыми произведеними. Эти главы поколѣній проводятъ жизнь съ азіатскою глѣнью и роскошью, завися вполнѣ отъ доброй воли и разорительнаго покровительства Остъ-Индской Компаніи. Травалкорскій райя, владѣнія котораго занимаютъ сто сорокъ миль въ длину и отъ сорока до пятидесяти въ ширину, справедливо можетъ похвалиться, что владѣетъ самою лучшею частію. Этотъ прелестный край представляетъ рядъ высокихъ холмовъ и глубокихъ долинъ, прорѣзанныхъ ручьями, такъ что въ этомъ маленькомъ уголкѣ земли, расположенномъ въ тропическомъ полѣсѣ, царствуетъ постоянная свѣжесть. На склонахъ горъ, въ самой возвышенной части Травалкорскаго государства, встрѣчаются удивленные и таинственные лѣса, скрывающіе самыя драгоценныя ароматическія растенія, ладанъ, савдаль. Тамъ, посреди чудныхъ цвѣтовъ, порхаютъ самыя красивыя птицы, колыбри и попугаи. Безобразныя и хищныя обезьяны прогуливаются многочисленными толпами, всегда готовыми спуститься въ долину и ограбить фруктовые сады. Въ самыхъ густыхъ чащахъ бродятъ спокойно слонъ, тигръ, буйволъ, страшныя животныя, предъ которыми трепещетъ нагой и безоружный Индѣецъ. Земледѣліе процвѣтаетъ въ долинахъ, какъ ни въ одной другой провинціи индѣйскаго полуострова. По своему положенію на самой оконечности этого полуострова, Травалкоръ пользуется благодѣяніями двойнаго муссона. Благодаря дождямъ, орошающимъ его два раза въ годъ, рисъ поспѣваетъ превосходно, безъ помощи искусственныхъ поливоекъ. Неурожаи никогда не бываютъ; земледѣлецъ, увѣренный въ своемъ прокормленіи, имѣетъ довольно времени заниматься произрастеніемъ кокосовъ, перца, плодовъ, которыми Провидѣніе надѣлило эти плодоносныя страны.

Жители Травалкорскаго государства, какъ и соседнихъ земель, не пользуются *репутациею* особенной честности. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они плуты, лгуны, искусно обманываютъ въ торговыхъ дѣлахъ, одними-словомъ, не слишкомъ разборчивы въ средствахъ, употребленныхъ ими въ борьбѣ съ бѣдностію. Лишь только европейскій корабль броситъ якорь у этаго берега, его немедленно окружаютъ лодки и пироги, изъ которыхъ бросаются словно на abordажъ рыбаки, мелочныя торговцы, *добаки* (переводчики); они окружаютъ капитана и пассажировъ, крича все разомъ. Одинъ держитъ въ рукѣ корзину съ плодами, другой несетъ подъ мышкой чучело каймана, третій показываетъ рыбу, прыгающую на дѣхъ лодки; но беда, если матросы, развлеченные шумомъ, забудутъ на палубѣ лотъ, мундаль, кѣшкы съ гвоздикомъ: эти чернокожіе, у которыхъ нѣтъ ни кармановъ, ни сумокъ, съ неуврачивою ловкостію подбираютъ все, что падаетъ имъ подъ руку. *Правильно*

манать соронанъ и коршунамъ подбирать въ своихъ хитринныхъ вермахъ и прохи рыбы, падающія изъ рта во время обѣда, они, можетъ-быть, и себя считаютъ въ правѣ брать на валубахъ большихъ кораблей все, что только могутъ.

Двое изъ этихъ береговыхъ жителей, два брата, занимающіяся рыболовствомъ, поселились въ маленькой безъимянной деревушкѣ, расположенной близъ Алепо, на сѣверной границѣ Траваллорскаго государства. Въ одинъ вечеръ, по своему обыкновенію развѣсивъ вермя сѣти на вѣтвяхъ и вытянувъ на берегъ свою широгу, они леглись подъ тѣнію падытъ. Однообразный плескъ волнъ, разбиавшихся о рифъ, вскорѣ усмирилъ ихъ. Около полуночи, вѣтеръ, дувшій съ земли, усилился, и широкіе, въ видѣ зонта, листья, защищавшіе ихъ отъ росы, зашелестили. Тирувалла, старшій изъ двухъ братьевъ, вытянулся во весь ростъ, посмотрѣлъ на небо, на море приготовился отправиться на рыбную ловлю. Меньшой братъ, Тирупатти, послѣдовалъ его примѣру. Не сказавъ другъ-другу слова, повинуясь одной прыжкѣ, они положили въ широгу сѣти, весла и парусъ. Въ самую минуту отправления, Тирувалла остановилъ брата:

— Если хочешь, скавалъ онъ ему, мы выйдемъ въ открытое море, настрѣчу европейскимъ кораблямъ; теперь время, въ которое фирени приплываютъ къ берегу.

— Хорошо, отвѣтилъ Тирупатти. А что бы намъ взять такое, чтобы понравиться иностранцамъ?

— Кокосовъ, — разумѣется, вполнину высохшихъ; — жалко было бы продать пьянницамъ кокосы, полные свѣжимъ молокомъ.

— Послушай; я возьму съ собою также ту гадкую птицу съ желтою головою, которую унесъ вчера съ кѣткою съ португальскаго брика, пришедшаго изъ великаго Китая.

— Дѣло, прибавилъ Тирувалла, пятьдесятъ зеленыхъ банановъ и несколько грузъ; если выручка будетъ хороша, мы погуляемъ.

Окончивъ эти приготовления, оба брата бросили въ море горсть риса, чтобы сдѣлать себѣ благоприятнымъ бега водъ. Сильною рукою, они сдвинули широгу въ грозныя волны, представляющія около берега довольно трудную преграду, вскочили въ утлый челнокъ и поплыли. Распустивъ маленькій парусъ на бамбуковой мачтѣ, они снова замолчали. Младшій изъ двухъ рыбаковъ лежалъ въ передней части широгы, и качаемый движеніемъ волнъ, смотрѣлъ на вѣтвяды; сидя на кормѣ, старшій сжималъ подъ мышкой весло, заминаящее руль. Они быстро шли въ открытое море, оставляя позади себя пѣныстый слѣдъ, въ которомъ блистали тысячи фосфорическихъ искръ. По временамъ, чтобы ра-

зогнать сонъ, къ которому клонили ихъ свѣжесть и качка воды, они напѣвали въ полголоса одну изъ монотонныхъ и меланхолическихъ пѣсень, свойственныхъ первобытнымъ народамъ и почти схожихъ съ воркованіемъ дикаго голубя. За часъ до разсвѣта, вѣтеръ съ земли стихъ; прозрачный туманъ, спустившись съ вершинъ горъ, повисъ, словно газовое покрывало, надъ затихшими волнами. Парусъ и мачта, сдѣлавшіеся бесполезными, были положены на дно пироги; оба брата рѣшились закинуть свои сѣти. Легкая дрожь пробѣгала по ихъ обнаженному тѣлу; они почти забыли при такой теплой температурѣ, которую наше тяжелое одѣяніе заставляетъ находить слишкомъ жаркою.

Вдругъ солнце занялось подобно маяку на отдаленной скалѣ, розовый свѣтъ разлился по склону горъ и морю, гоня передъ собою утренній туманъ. Вдали показался парусъ; онъ раздувался слегка первыми дуновеніемъ морскаго вѣтра.

— Парусъ! вскричалъ Тирупатти, указывая пальцемъ на бѣлую точку, которую его братъ уже разсматривалъ съ вниманіемъ.

— Вытащимъ сѣти, возразилъ послѣдній, пожавъ плечами: я вижу въ нихъ съ полъ-дюжины хорошевькихъ рыбокъ, которыя будутъ прибыльще этаго мусульманскаго корабля. Не выпался развѣ ты, что не узналъ остроконечнаго паруса арабскаго *багерова*? Пассажиры его не дадутъ тебѣ и *пайсы* *) за твою китайскую птицу.

— И всѣ травалкорскіе плоды, прибавилъ Тирупатти, не стоятъ для нихъ тѣста изъ финиковъ, заваренныхъ въ сахарѣ, съ мухами, вмѣсто гвоздики!

Онъ выбросилъ на дно пироги рыбу, бившуся въ сѣтяхъ. Они продолжали свою ловлю, а *багерова*, огромный парусъ котораго шелестилъ подъ свѣжѣющимъ вѣтромъ, подходилъ къ нимъ. Это былъ *Фатахъ-ер-рогаманъ* изъ Маската, съ двадцатью-пятью матросами съ восточнаго берега Аравіи. Обнаженные до пояса, въ чалмахъ яркихъ цвѣтовъ, сыны Измаеля смотрѣли разсѣянными взоромъ на еще отдаленную землю и маленькую пирогу, качаемую волнами. На кормѣ, Юсуфъ-Али курилъ важно свою длинную трубку. Коричневый кафтанъ окутывалъ его съ головы до ногъ; видны были одни тонкіе пальцы правой руки и строгій профиль, обрамленный черною бородою. Видъ корабля, котораго поднятая корма возвышалась, подобно спинѣ верблюда, надъ моремъ, тогда какъ его длинный носъ разсѣкалъ волны, подобно птичьему клюву, его простая и первобытная оснастка, состоявшая въ одной мачтѣ и одномъ парусѣ, какъ на тѣхъ баркахъ, на которыхъ Греки

* Маленькая вѣдная монета.

отправились осаждать Трою, все показывало, что это одно изъ тѣхъ первоначальныхъ судовъ, которыя пещщали во времена Александра устье Инда, и доселѣ плаваютъ по Индійскому Океану въ—продолженіе столѣтій въковъ. Слѣдуя попутнымъ вѣтрамъ, Юсуфъ отправлялся ежегодно изъ Меската въ Травалкоръ, на авось, не прибѣгая къ октанту, употребленія котораго онъ не зналъ. Инстинктъ, преданіе, смутное понятіе объ астрономіи, замѣняли для него науку. Онъ превосходно зналъ, что его корабль находился въ тридцати миляхъ на западъ отъ Алене, мѣста его назначенія, и объ этомъ не имѣлъ нужды справляться у двухъ рыбаковъ, которые, съ своей стороны, не занимались нисколько арабскимъ судномъ, угрожавшимъ опрокинуть ихъ пирогу.

Когда *багеровъ* находился отъ рыбаковъ на разстояніи одного только кабельтова, одинъ изъ матросовъ, выучившій въ портахъ Индіи нѣсколько словъ по—англійски, приложилъ объ руки ко рту, наподобіе рупора и сталъ кричать: «Fisher boat, агн! ай! рыбацья лодка.»

— Matchhli, bahout khoub matchhli, есть рыба, очень хорошая рыба! отвѣтилъ Тирупатти, по своему понявшій призывъ арабскаго матроса.

Въ ту минуту, какъ онъ подыгалъ голову въ направленіи къ *багеросу*, подавая обѣими руками корзинку, наполненную трепещущею рыбою, старая, мокрая швабра покрыва его голову до плечъ. Грѣшникъ смѣхомъ была принята на палубѣ *багерова* эта морская шутка; Тирупатти отвѣтилъ на нее крикомъ гнѣва. Откачнувшись назадъ подъ ударомъ, онъ опрокинулъ углую пирогу и упалъ въ море съ своимъ братомъ Тирувалла. Отдать парусъ, дать знакъ рулевому, поставить румпель такъ, чтобы ослабить ходъ судна, потомъ надѣлать свондъ матросовъ вѣсколькими сильными ударами веревки, все это для Юсуфа было дѣломъ минуты. Оба рыбака, вскорѣ всплыли на поверхность воды, и перевернули опять свою пирогу, приподнявъ ее на плечахъ; прибрежныя индѣйцы плаваютъ всѣ, какъ акулы. Они собрали весла, плававшія вокругъ нихъ, разсѣянные кокосы, парусъ, которому мачта не дала встому; но китайская птица погибла, сѣти пошли ко дну, и рыбы не упустили прекраснаго случая возвратиться въ свою стихію. Поправивъ, какъ могли, беспорядокъ, причиненный этимъ несчастнымъ случаемъ, оба брата поймали веревку, опущенную имъ съ *багерова*, и взгляли на палубу. Накодахъ (капитанъ) посмотрѣлъ на нихъ, не сказавъ ни слова, и убѣдившись, что они не ранены, сѣлъ снова на свой коверъ, разошедшій на югъ.

— Ахъ! *накодахъ сагебъ* (господинъ капитанъ), вскричалъ Тирувалла, жестикულიруя руками и ногами: мы бѣдные люди, мы раззорены.

Что мы сдѣлали, чтобы заслужить такое обращеніе отъ вашихъ матросовъ? Наши съѣты, наша добыча, все погибло!...

— Намъ на то что товарищъ дать ршеу нашимъ дѣтямъ, вскричалъ въ свою очередь Тирупатти, который былъ холостъ также, какъ и его братъ. Милостивецъ, сжался надъ тѣми, которыхъ вы довели до бѣдности!

Говоря такимъ образомъ, они плакали, били себя въ грудь и вздыхали. Истощивъ все свое краснорѣчіе, они легли на палубѣ, объявивъ, что упруть въ глазахъ жестокаго иностранца, который не хочетъ оказать имъ снисхожденія. Юсуфъ отдалъ приказаніе поставить судно въ должный путь; по окончаніи маневра, велѣлъ подать себѣ чашку превосходнаго кофе, заткнувъ свою трубкою, потомъ, уставивъ прощительные глаза на обитыхъ братьевъ, спросилъ:

— Все-ли вы сказали? кончили свои выдумки и гримасы?

И какъ они готовились начать снова свои жалобы и крики.

— Молчать! закричалъ онъ: вотъ двадцать руній: десять за съѣты, которыя всего стоили пять, пять за рыбу, пойманную вами, и за ту, которую вы могли-бы поймать въ цѣлую недѣлю; остальные пять въ утѣшеніе за страхъ, причиненный вамъ морскою ванною.

— А моя птица, красивѣе фазана нашихъ лѣсовъ, ученѣе поугай изъ Миссури, чѣмъ замлатите вы за нее? спросилъ Тирупатти, обладаженный предложеніемъ двадцати руній; она утонула и съ клятвою, бывшее животною, говорившее на языкѣ *фирмово* и на вашемъ, нагодахъ сагебъ!

— Возьмемъ все-таки двадцать руній, а те онъ пожалуй раздумаетъ, сказала тихо Тирувала: что если онъ велитъ выбросить насъ за бортъ!

Эта мудрая мысль была внушена старшему изъ рыбаковъ видомъ гнѣвнаго облака, омрачившаго лобъ нагодаха. Трусость заставила замолкнуть въ нихъ чувство жадности; они сватали на лету комелекъ, брошенный имъ Юсуфомъ, отступили задомъ до мачты, кланяясь съ почтительнымъ униженіемъ нагодаху и даже матросамъ, и спустились ловко по веревкѣ на свою широгу. *Багеро*, гонимый вѣтромъ, усиливавшимся по мѣрѣ того, какъ солнце поднималось къ зениту, вскорѣ прибылъ въ рейдъ Алепо. Рыбаки поплыли тою-же дорогою, какъ и арабское судно; прежде, нежели вернуться въ свою деревню, они хотѣли купить съѣты въ городѣ Алепо, чтобы замѣнить потеряныя. Море стало бушевать; утлая широга скрывалась между волнъ и показывалась снова на ихъ вершинахъ, словно ласточка, перелѣтающая черезъ поле, пролетающее бородами.

— Сообразивъ все, сказалъ Тирупатти своему брату въ ту минуту, какъ они приставали къ землѣ: день былъ не дурной; двадцать рупій вывезуть насъ далеко.

— Да, возразилъ Тирувалаа: но надо имъ отплатить за злую штуку, которую они съ нами сыграли!

На это Тирупатти отвѣтилъ герловымъ восклицаніемъ, означавшимъ на ихомъ языкѣ малабарскихъ рыбаковъ: «Мы посмотримъ!»

II.

МАЛЛКА.

Уже болѣе пятидесяти лѣтъ базарокъ Фатама-ер-роламале, несколько разъ перемѣнный, плавалъ въ Индійскомъ Океанѣ. Эти суда, впрочемъ нестроенныя изъ дерева teak, живутъ почти также долго, какъ мы. Въ продолженіе десяти лѣтъ Юсуфъ былъ его матрономъ и ходилъ на немъ изъ Маската въ Алепо и изъ Алепо въ Маскатъ. Въ мѣсяцъ произведеній своей страны, соли, кофе, шерсти, онъ нагружался на берегу травалкорскомъ строевымъ и маточнымъ лѣсомъ, веревками, однимъ-словомъ, всѣми принадлежностями мореплаванія, которыхъ Аравія почти вовсе не имѣетъ.

Когда судно стало на якорь, Юсуфъ отправился на суму. Былъ вечеръ; нѣсколько индійскихъ купцовъ, обвѣшенныхъ до пояса, подъ зонтикомъ зонтикомъ, плоскихъ и круглыхъ, какъ щиты, были видны еще на берегу, гдѣ не раздавался болѣе шумъ работы, прерванной наступившимъ жаромъ. Юсуфъ прошелъ длинную аллею изъ прекрасныхъ деревь, шившая базары, не останавливаясь, дошелъ до конца предмѣстья и достигнулъ хорошеькаго сада, посреди котораго была выстроена лавка, покрытая пальмовыми листьями. Съ одной стороны высилась гора большихъ покосовыхъ деревьевъ; съ другой широкая рѣшетка поддерживала гибкіе стебли дерева, производящаго перецъ. Накадакъ прокрался тихонько вдоль забора, отдѣлявшаго садъ отъ дороги. То онъ смотрѣлъ вокругъ себя, жалая убѣдиться, что никто его не видитъ, то поднимался на цыпочки, стараясь заглянуть свергъ кустарниковъ. Вдругъ его пылкій взоръ загорѣлся: черезъ заборъ, онъ замѣтилъ молодую дѣвушку, на краю колодца, подъ тѣнью бамбука. Это была Малла, дочь садовника: она села спокойно, склонивъ свою головку на руку, въ такомъ прелестномъ положеніи, которое избралъ-бы живописецъ, чтобы представить сонъ въ видѣ женщины.

— Наконецъ, сказалъ про себя Юсуфъ: вотъ онъ въ полномъ блескѣ, этотъ очаровательный цвѣтокъ, котораго разцвѣта я ждалъ дѣ-

уже три года! Пусть меня постигнет смерть, если другой протянет руку, чтобы сорвать его!

Разсуждая такимъ—образомъ, онъ увидѣлъ, съ другой стороны ограды, гдѣ покоилась Маллика, индѣйца, который медленно подвигался, сидя на спинѣ слона. Подъѣхавъ къ молодой дѣвушкѣ, индѣецъ тихонько ударялъ своимъ желѣзнымъ крючкомъ по шеѣ животнаго. Слонъ, протянувъ хоботъ, сорвалъ съ вѣтки акаціи красный цвѣтокъ, покачалъ его въ воздухѣ нѣсколько разъ, и бросилъ прямо въ лобъ Малликѣ. Она проснулась внезапно, потомъ, улыбаясь, закрыла глаза.

— Это ты, мой добрый Субала, сказала она въ полголоса: благодарю за твой подарокъ. Вотъ тебѣ за твой трудъ. Она бросила слону большой бананъ, желтый какъ золото, который животное поймало налету и съ видимымъ удовольствіемъ положило въ свой широкій ротъ.

— А мнѣ, сказалъ индѣецъ, ничего не будетъ, даже дружескаго слова? Слона ласкаютъ, а бѣднаго *магу** не удостоиваютъ и взгляда!

— Субала, возразила молодая дѣвушка, все обращаясь къ уминому животному, скажи Шерюмалу, твоему господину, что лучшее средство поправиться молодой дѣвушкѣ — не прерывать безъ причины ея сна.

Слонъ сдѣлалъ три поклона своимъ хоботомъ, какъ—бы въ доказательство, что понялъ, и сталъ на колѣно такъ граціозно, какъ только позволяло ему тучное его тѣло. На голосъ своего вожатаго — которому холодный пріемъ Маллики не общалъ ничего хорошаго, слонъ поднялся и отправился далѣе. Нѣсколько разъ, магу Шерюмалъ обращивался; онъ все еще надѣялся, что молодая дѣвушка вознаградитъ своимъ жестокія слова дружескимъ жестомъ, но ожиданія его не оправдались. Слонъ Субала также смотрѣлъ назадъ; можно было подумать, что онъ удалялся съ сожалѣніемъ отъ прекрасной Маллики; — истиннѣтъ говорилъ ему, что онъ внушалъ ей привязанность, въ которой она отказывала его господину. Гордый этимъ лестнымъ отличіемъ, онъ подводилъ съ шумомъ своимъ огромными ушами, слѣдуя по тропинкамъ, которыя онъ загромождалъ своею огромною массою.

Пока происходила эта неожиданная сцена, Юсуфъ, притаившись за заборомъ, не спускалъ глазъ съ дѣйствующихъ лицъ. Послѣ того, какъ магу скрылся за поворотомъ тропинки, и только былъ слышенъ отдаленный трескъ вѣтвей, ломаемыхъ по дорогѣ колоссальнымъ слономъ, Юсуфъ раздвинулъ тихонько кустарникъ и вышелъ впередъ. На этотъ разъ Маллика проснулась въ—самомъ—дѣлѣ; она открыла съ удивленіемъ свои большіе глаза, остѣненные длинными рѣсницами, нѣжные, какъ глаза

* Въ Индіи называютъ такъ вожатаго слона.

серны. Она не вскрикнула отъ ужаса, даже не показала знака негодованія; но быстрымъ движеніемъ набросила на грудь покрывало, соскользнувшее во-время сна, и медленно отошла къ порогу своего дома. Недвижная и важная, она, казалось, живостію своего взгляда, запрещала слѣдовать за собою слишкомъ смѣлому нападку. Появленіе иностранца производило на нее впечатлѣніе совершенно противоположное тому, которое причинило присутствіе магу. Съ раскраснѣвшимися отъ волненія щеками, коричневаго индѣйскаго каштана, она, казалось, говорила арабу: Что тебѣ надо? Откуда ты явился? Последний смѣло подошелъ къ Малликѣ, онъ привѣтствовалъ ее съ едва замѣтною улыбкою, приложивъ руку ко лбу, и положилъ подлѣ нея, на окраинѣ колодца, золотой браслетъ. По-крайней-мѣрѣ, онъ не даромъ прервалъ сонъ молодой дѣвушки, какъ вожатый слона. Онъ думалъ, что самая вѣрная дорога къ сердцу бѣдной и несвѣдущей малабарки щедрость и богатство. Къ своему подарку Юсуфъ не прибавилъ никакой сентиментальной пантомимы. Не сказавъ ни слова, онъ удалился, поклонившись во-второй разъ и рассчитывая, что драгоценный подарокъ, на которомъ искрились лучи солнца, будетъ говорить гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ онъ самъ.

Словно птичка, привлеченная видомъ спѣлаго плода, Маллика наклонилась надъ браслетомъ. Никогда еще такая драгоценность не ослѣпляла ее взора. Она смотрѣла на него съ восхищеніемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ, и сама не знала — взять его или оставить. Полюбовавшись имъ нѣсколько минутъ, она надѣла его на руку, потомъ сняла поспѣшно и спрятала за поясъ. Мычаніе быковъ возвестило ей возвращеніе отца, вспахавшаго отдаленный уголокъ сада. Старый садовникъ, сгорбленный лѣтами, медленно возвращался съ своею упряжью? Усталыя, съ поблѣшею мордою, терпѣливыя животныя остановились передъ хижиню; они ожидали съ самоотверженіемъ, пока имъ позволятъ пойти къ пруду, гдѣ они остаются въ водѣ до-тѣхъ-поръ, какъ спадетъ жаръ. Маллика поспѣшила помочь своему отцу отпрячь быковъ. Необычайно взволнованная, она чувствовала нужду въ движеніи. Она, также не вѣдая того, повиновалась желанію нравиться, какъ-будто чувствуя, что другіе глаза, кромѣ старика, были устремлены на нее. Довольно трудное это дѣло Маллика исполнила съ необыкновенною легкостію и граціею. Происходя отъ племени полудикаго, выросши подъ открытымъ небомъ, она была одарена силою, составляющею прелесть молодости. Съ раняго возврата и безъ всякаго принужденія, она получила привычку помогать отцу въ его работахъ. Въ этотъ день она чувствовала себя еще дѣятельнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Она вспоминала, что уже нѣсколько разъ этотъ иностранецъ бродилъ около ея жилища; такъ это для нея

онъ проходилъ мимо сада, молчаливый и внимательный, какъ-будто видя цвѣты и плоды и вѣлъ для него неопредѣленную прелесть?

Какъ скоро были освободившись изъ-подъ ярма, молодая дѣвушка побѣжала за блюдомъ риса, благо какъ снѣгъ, который она полила соусомъ киччу и посыпала краснымъ перцемъ. Старый садовникъ съ жадностію занустилъ туда руку, и вынувъ большую горсть, началъ жевать.

— Малина, сказалъ онъ немного погодя: ты добрая дочь! Вотъ блюдо риса, которое подкрѣпитъ и умиращаго. Ты моя утѣха на старости, и подпора, дитя мое! Чтѣ-бы я былъ безъ тебя? Одна тѣмъ человѣческая.

III.

ГОРОДЪ АЛНО.

На слѣдующій день, около полудня, Юсуфъ снова отправился въ садъ, гдѣ жила Малика. Какъ въ первый разъ, онъ засталъ ее, лежащую около колодца. Спала она действительно, или только мечтала, закрывъ глаза, кто ее знаетъ. Юсуфъ и не терялъ минуты на разрѣшеніе этого вопроса. Отъ легкаго шума, который онъ сдѣлалъ, перебѣжавъ изгородь, Малика не шевельнулась. Юсуфъ, подойдя къ ней осторожно, положилъ къ ея ногамъ пару серегъ изъ того же металла, какъ и браслетъ. Когда молодая дѣвушка открыла глаза, тогда робкою рукою, она взяла серьги, гора уже нетерпѣніемъ надѣть ихъ, Юсуфъ исчезъ. Волоча въ пыли свои бабучи изъ желтой кожи, держа одну руку за кушакомъ, другою опираясь на палку съ загнутыми концами, носилъ древнихъ пастуховъ Іемена, — арабъ возвращался въ городъ. По временамъ онъ гладилъ свою бороду, улыбался самодовольно. Онъ исчислялъ барыши своихъ прошлыхъ вѣтешествій, тѣ, которые онъ надѣялся еще получить, и радовался, помышляя о прекрасныхъ подаркахъ, которые могъ сдѣлать Маликѣ. Между-тѣмъ, какъ онъ наслаждался своими мечтами, два рыбака караулили его, спрятавшись за кустами по дорогѣ.

— Смотри, говорилъ Тирувалла своему брату: намъ слѣдуетъ расчитаться съ арабомъ; надо выманить у него нѣсколько денегъ.

— Намъ двое противъ одного, прибавилъ Тирупатти, это правда; но я не рѣшусь напасть на него. Не лучше-ли отложить намѣреніе это до завтра? Сегодня вечеромъ, я бы набралъ въ газани джину друзей...

— Съ которыми пришлось бы неслѣ дѣлаться, врѣвалъ Тирувалла,

имать насчаши. Послушай, согласишь ты сдѣлать, что я тебѣ скажу; на насъ двоихъ придется, по-крайней-мѣрѣ, тридцать рупій.

— Что дѣлать-то? спросилъ Тирупатти.

— Пустяки! вывести его изъ терѣвнїа; ты знаешь онъ горячъ... люди эти горды, злы...

— И когда начинаютъ бить, то почувствуешь.

— Именно этого-то намъ и надо.

— Какъ-такъ? возразилъ младшій изъ двухъ рыбаковъ, который боялся побоевъ, какъ и всѣ его соотечественники.

— Въ Бенгалѣ, отвѣтилъ Тирувалла: за каждый ударъ кулакомъ платятъ двадцать пять рупій, по тарифу. Я полагаю, что накодахъ, утопленный нашимъ крикомъ, поколотить тебя: мы побѣдимъ къ судья, я объясню въ чемъ дѣло, и съ араба сдерутъ пеню.

Тирупатти молчалъ; положивъ локти на колѣна, голову въ обѣ руки, онъ уставилъ на своего брата глухие глаза.

— Такъ рѣшено? спросилъ Тирувалла, поспѣшно вставая.

— Неужли непременно надо, чтобы онъ меня оттузилъ? спросилъ Тирупатти.

— Непременно, и ты поймешь почему, отвѣтилъ Тирувалла. Ты известный трусъ; судья сейчасъ смекнетъ, что ты самъ не посмѣлъ бы наступить къ накодаху. Ну, смотри-же, не плошай! Да хватить ли у тебя духу прикрикнуть на него и погрозить?

Тирупатти покачалъ головою.

— Ну, такъ я самъ это сдѣлаю, продолжалъ Тирувалла: я беру на себя самое трудное дѣло, то, которое выше твоихъ силъ. А на твою долю останется только — не мѣшать мнѣ дѣйствовать, подвернуться ему подъ руку и принять его удары... Вотъ онъ. Зайди къ нему съ тыла, а я между-тѣмъ прегражу ему дорогу.

Тирупатти шмыгнулъ за кусты, какъ дворняшка, уступающая первенство бульдогу; братъ его сталъ подходить къ Юсуфу, задралъ голову кверху. Но мало-по-малу, жаръ его остывалъ — Тирувалла, былъ болѣе дерзокъ, чѣмъ смѣлъ; арабъ шелъ къ нему съ увѣренностью и это его смутило.

— Накодахъ сагебъ прогуливается? сказалъ онъ ему вкрадчивымъ голосомъ. — Юсуфъ не отвѣчалъ. — Накодахъ сагебъ, вѣрно, не узнаетъ меня? Я рыбакъ, котораго несчастіе, причиненное экипажемъ *бангерова*, довело до бѣдности...

— Я тебѣ заплатилъ, и болѣе, чѣмъ слѣдовало, возразилъ Юсуфъ: ступай прочь.

— Великодушный человекъ, началъ снова Тирувалла: вы мнѣ да-

ли столько, что я могъ купить себѣ новыя сѣти, и я не объ этомъ прошу; но вашъ багерровъ раскололъ мою бѣдную маленькую перегу; она такъ течетъ теперь, что мы не можемъ выйти въ море...

— Ты лжешь; все, что ты можешь ожидать отъ меня, это полдюжины палокъ, чтобы заплатить за твою дерзость. Прочь съ дороги, дай мнѣ пройти!

Тирувалла сдѣлалъ знакъ своему брату, подошедшему сзади на цыпочкахъ, минута была благоприятная, начать правильную атаку. И такъ рыбацкъ выпрямился съ наглостію:

— Вы не пройдете! вскричалъ онъ: есть правосудіе въ Алено. Бей, если ты смѣешь, нагодахъ, бей!.. Съ котораго времени мусульмане господствуютъ въ странѣ Травалкорской.*

Въ то время, какъ его братъ выражался такимъ образомъ, возвышая голосъ, Тирупатти схватилъ нагодахъ за широкіе рукава его кафтана и сталъ трясти его обѣими руками и кричать, что—есть силы: Двадцать пять рупій, намъ надо двадцать пять рупій, тридцать рупій...

Юсуфъ обернулся; онъ занесъ руку, чтобы ударомъ кулака отдѣлаться отъ другаго противника, лавшаго у него за спиною. Тирупатти испустилъ крикъ и пустился бѣжать черезъ поле; его братъ, считая дѣло конченнымъ, такъ же бросился прочь со всѣхъ ногъ, и арабъ остался одинъ, посреди дороги, столь же удивленный смѣлымъ нападеніемъ двухъ индѣйцевъ, какъ и ихъ проворнымъ бѣгствомъ. Тирувалла успѣшилъ соединиться съ своимъ братомъ, который лежалъ въ кававѣ, держась за лѣвый бокъ.

— Ты видишь, что надо было немного смѣлости и хладнокровія, сказалъ онъ ему. Теперь пойдемъ къ судѣ; если у тебя выломано ребро, такъ тамъ его починять.

Съ помощію своего брата, Тирупатти всталъ, и они медленно отправились въ городъ. Было довольно разныхъ разностей въ магазиннахъ базаровъ, чтобы прельстить взоры бѣдныхъ рыбаковъ. Матерія, вышитыя золотомъ и серебромъ, тонкія ткани Лагора и Кашемира, шарфы изъ Дакка, на которыхъ блистали птицы и цвѣты, китайскіе шелки, все, что восточный вкусъ можетъ произвести самаго яркаго и богатаго, бросается тамъ въ глаза прохожаго. Деревья всѣхъ родовъ, высокіе кокосы, манги съ широкими вѣтвями, мимозы въ цвѣтахъ, подобныхъ шелковымъ пучкамъ, покрываютъ своею тѣнью кривыя улицы базаровъ, надъ которыми висятъ куполы пагодъ.

* Это единственная страна на Малабарскомъ берегу, которая никогда не была завоевана и управляема мусульманскими государями.

— Видишь, говорилъ Тирувалла своему брату, сколько прекрасныхъ вещей! Какъ только судья заставитъ заплатитъ намъ, я куплю тебѣ одинъ изъ этихъ хорошенькихъ шарфовъ съ серебряною бахромой на чалму... И это тебѣ будетъ стоить только нѣсколькихъ ударовъ кулакомъ.

Тирупатти щелкнулъ языкомъ.

— Развѣ больно? спросилъ его братъ. Хорошо будетъ однако слодить къ судѣ сегодня же; а то арабъ пожалуй насъ предупредитъ и подастъ жалобу, подкрѣпивъ ее какими-нибудь подаркомъ.

— Если ты такъ торопишься, то ступай одинъ, возразилъ Тирупатти: ты видишь, я наслу перевозу духъ.

Дѣйствительно онъ едва передвигалъ ноги. Дойдя до одного изъ многочисленныхъ деревянныхъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ ручьи, которые орошаютъ во всѣхъ направленіяхъ этотъ странный городъ, онъ остановился. Легкія пироги, выкрашенные яркими красками, и съ виду гораздо красивѣйшія, чѣмъ самая лучшая венеціанская гондола, скользили по этимъ мелкимъ рѣчкамъ.

— Послушай, сказалъ Тирупатти: я лучше пойду въ гребцы на одну изъ этихъ лодокъ; мнѣ скучно на сушѣ...

— Когда ты выздоровѣешь, мы опять примемся за рыбную ловлю, отвѣчалъ Тирувалла: отдохни немного, если ты усталъ, а потомъ мы отправимся къ судѣ...

— Да еще захочетъ ли судья насъ выслушать.

— Ты ему покажешь свой сныкъ; онъ будетъ говорить за тебя, если ты самъ боишься объясненій. Впрочемъ, я все это беру на себя.

— Хорошо, коли есть сныкъ, а какъ нѣтъ! отвѣчалъ Тирупатти, вприподнимаясь постепенно, какъ больной, чувствующій себя лучше... Вся боль моя, кажется, была слѣдствіемъ одного испуга. Когда онъ ведалъ на меня руку, я отскочилъ назадъ...

— Ну, спросилъ Тирувалла, разинувшій ротъ отъ изумленія.

— Ну, онъ и промахнулся.

— Ты трусливѣе сороки, вскричалъ Тирувалла съ гнѣвомъ: трусость твоя разстроила планъ, который я обдумывалъ два дня. Убирайся прочь, или я тебя сброшу съ этого моста.

Тирупатти, видя грозу, не заставилъ повторить себѣ два раза, онъ впустился бѣгомъ, между-тѣмъ какъ братъ его, жестикулируя и говоря самъ съ собою, отправился въ гавань, обычное прибрежье негодяевъ всякаго рода и праздношатающихся.

Сказать правду, настоящей гавани въ Алепо нѣтъ; суда стоятъ на акорѣ на рейдѣ, въ полумиліи отъ песчаного берега, на которомъ

лежать вытасканные пироги туземцевъ. На самомъ берегу возвышается родъ сарая, служащаго складочнымъ мѣстомъ для привозимыхъ товаровъ. Подъ тѣнью прекрасныхъ деревьевъ, окружающихъ его, собираются кунцы, моряки и весь этотъ миръ труженниковъ, бродягъ и праздношатающихся, которыхъ привлекаетъ дѣятельность и пожива торговыхъ городовъ. Здѣсь проходятъ *кули* (чужаки), согнувшись въ дугу подъ тяжелою ношею; здѣсь раздаются монотонный и жалобный крикъ носильщиковъ паланкиновъ. Ниліе, покрытые равами, умоляютъ о милосердіи иностранцевъ оглушительными криками. Въ жаркихъ странахъ, гдѣ постоянная теплота климата заставляеть человѣка ходить нагимъ нищета все-таки не теряетъ своего печальнаго образа; если на бѣдномъ нѣтъ рубища, то его сморщенная кожа, повисшая на костяхъ, его впалые бока, его члены, потерявшие естественную гибкость, представляютъ несомнѣнные признаки голода и страданій. На этихъ человѣческихъ тѣлахъ, истощенныхъ голодомъ и употребленіемъ испорченной пищи, глазъ открываетъ съ ужасомъ страшныя болѣзни, какъ на корѣ дерева, котораго соки испорчены, мы часто видимъ чудовищныя наросты или глубокія язвы. Но болѣе всего печалитъ иностранца на этомъ берегу, такъ пышно одаренномъ природою, видъ бѣдныхъ женщинъ, которыя переносятъ на головахъ огромныя коранны перцу, изъ складочныхъ магазиновъ на корабли. Однѣ изъ нихъ едва вышли изъ дѣтскаго возраста, но отъ тяжкаго труда уже отиѣчены первыми признаками слоновой проказы и едва передвигаютъ ноги; другія, старыя и безобразныя, уходятъ по ледяжку въ раскаленный песокъ, рассыпающійся подъ ихъ ногами, и кажется, готовы упасть на каждомъ шагу. Подверженныя, въ-продолженіе дѣлаго дня, жару тропическаго солнца, черныя, какъ кроты, терпѣливыя, какъ муравьи, онѣ идутъ по двѣ въ рядъ, не понимая, можетъ-быть, сожалѣнія, которое внушаютъ свѣжему зрителю. Надъ этимъ дряхлымъ и болѣзненнымъ населеніемъ, европейскій имѣетъ тоже превосходство какое, имѣетъ плодъ, развитый садоводствомъ передъ дикимъ плодомъ; однако, его некрасивый и лишенный изящества костюмъ отнимаетъ у него часть этихъ преимуществъ. Совершенно другое дѣло съ арабомъ: пышность его одѣянія, скрывающая нѣсколько худощавыя и непріятныя формы его тѣла, тюрбанъ съ широкими складками, окутывающій его косою лобъ и округляющій плоскіе его виски, торжественная медленность его походки, затрудняемой неудобною обувью, — все это возвышаетъ его достоинство.

Когда Юсуфъ вернулся вечеромъ на этотъ берегъ, онъ нашелъ нѣсколько наकाховъ, своихъ соотечественниковъ, которыхъ моравли стояли на якорѣ въ рейдѣ, рядомъ съ его судномъ. Онъ сѣлъ съ ними

ностъ колесами. Эти арабскіе моряходы оставляли живописную группу, сидя на тикахъ съ шерстью и кура изъ своихъ длинныхъ чубуковъ, враспад толпы невольниковъ. Мало-по-малу берегъ опустѣлъ; накопились возвратились на суда, и ночная тѣнь легла на всю окрестность. Нарѣдка только слышенъ былъ визгивый голосъ матросовъ и рыбаковъ, арившихъ себя рязъ надъ открытымъ небомъ. Тирувалаа также возвратился на свою пирогу. Подъ нарусамъ, покрывавшемъ ее въ родѣ налетки, уже спалъ его младшій братъ Тирупатти. Онъ легъ подлѣ него, не сказавъ ни слова; гнѣвъ его прошалъ. Такъ два воробья, угрожающіе другъ-другу за минуту клювомъ и лапами, братски летятъ на ночь въ общее душо.

IV.

СЛОНЪ СУВАЛА.

Въ ожиданіи удобнаго случая достать себѣ новыя сѣти и снасть прилетѣлъ на старое ремесло, оба рыбака бродили по берегу. Эта лѣтняя и праздная жизнь надѣла младшему изъ братьевъ; но онъ не смѣлъ александъсь, опасаясь раздражить Тирувалаа, который часто переканъ его въ томъ, что онъ упустилъ великолѣпный случай содрать перидочный кушъ съ накотаха. Они всѣмъ рассказывали, что арабъ Юсуфъ съ багерова Фатахъ-эръ-рохаманъ, который старался потопить ихъ пирогу въ открытаѣ морѣ, хотѣлъ убить ихъ у веротъ города. Оттого всюду, гдѣ проходила накотаха, всѣ уступали ему дорогу съ глубочайшъ ужасомъ. Мало было дѣла арабу до того, что говорилъ или думали о немъ. Его занимали только двѣ мысли: овладѣть Малликой, и нагружая судно, поскорѣе возвратиться въ Москатъ. Каждый день, въ одинъ и тотъ же часъ, онъ отправлялся. окольными дорогами въ садъ молодой надыяни. То онъ тихонько клалъ къ ея ногамъ новыя подарки, то чуть показывался и посылалъ ей черезъ заборъ преданные поклонны. Эти таинственныя появленія и щедрость накотаха производили на умъ молодой дѣвушки сильное впечатлѣніе; они возбуждали ея любопытство и не давали покоя ея воображенію. Малликъ скоро надѣло играть роль нѣмой эрительницы, къ ногамъ которой незнакомецъ безмолвно кладетъ свое приношеніе. Она рѣшилась шитъся передъ иностранцемъ во всемъ блескѣ украшеній, полученныхъ отъ него-же. Она обернула верхнюю часть своего тѣла прозрачнымъ перфомъ съ красными налосками, чтобы скрыть отъ постороннихъ взоромъ украшения, которыя были слишкомъ богаты для бѣдной дочери ея-

довника и должны были блестять только для глазъ того, кто считалъ ее достойною носить ихъ.

Маллика провела цѣлый часъ за своимъ туалетомъ; поставивъ на голову корзину съ плодами, она быстро пошла черезъ базары. Было утро. Накодать только-что пришелъ къ каналу, въ которомъ хранится лѣсъ для постройки кораблей. Этотъ каналъ, служащій истокомъ въ море для всѣхъ маленькихъ потоковъ, прорѣзывающихъ городъ Алепо, довольно широкъ и очень мелокъ. Пять или шесть слоновъ, принадлежащихъ травалкорскому райѣ, ежедневно вытаскиваютъ изъ воды — гдѣ изъ держать для предохраненія отъ дѣйствія солнца, — бревна и стволы деревъ, вырубленныхъ въ лѣсахъ внутренней страны. Сидя подъ тѣнью кокосовъ, Юсуфъ надиралъ за тѣмъ, какъ вытаскивали выбранныя имъ бревна. Вотъ какимъ-образомъ, происходитъ эта работа. Каждый магу подвигаетъ, въ свою очередь, слона, которымъ онъ управляетъ. Животное беретъ изъ рукъ своего вожаго толстую веревку, связанную въ видѣ кольца, и подсовываетъ ее подъ бревно. Движеніемъ своего хобота сильное животное стягиваетъ веревку; потомъ пятясь задомъ по крутому берегу канала, вытаскиваетъ на песокъ такую тяжесть, которую сорокъ сильныхъ рукъ едва могли-бы сдвинуть съ мѣста. По окончаніи этой первой операціи, слонъ оборачивается, перемѣняя точку своей опоры; потомъ идетъ впередъ, поднимаетъ свою ногу въ сторону, поддерживая ее коленнымъ, толкаетъ ее съ одного конца, потомъ съ другаго, и дѣйствуетъ такъ, что безъ помощи человѣческихъ рукъ, складываетъ совершенно правильныя и довольно высокія кучи бревенъ. Это таже самая работа, которою занимаютъ каторжанковъ въ военныхъ портахъ Франціи, а потому французскіе моряки и называютъ этихъ слоновъ травалкарскими галерниками. Самый большой и сильный изъ слоновъ, работавшихъ въ этотъ день въ глазахъ Юсуфа, былъ Субала, тотъ самый, который, подъ управленіемъ магу Шерюмала, бросалъ такъ ловко цвѣты акаціи прекрасной Малликѣ. Когда пришла его очередь спуститься въ каналъ, онъ приблизился величественно, подобно движущейся башнѣ, махая съ живостію, на концѣ своего хобота, толстымъ канатомъ, которымъ онъ долженъ былъ захватить свой грузъ.

— Это, это! вскричалъ Шерюмалъ, указывая пальцемъ огромное бревно, покрытое тинкою и отяжелѣвшее отъ продолжительнаго пребыванія въ водѣ: возьми это, Субала!

Слонъ послушно подвелъ свою веревку подъ бревно и оперся четырьмя ногами, чтобы поднять его; послѣ тщетной попытки, онъ посмотрѣлъ на своего корнака, какъ-бы желая сказать: «Ты видишь, что это невозможно!» Но Шерюмалъ не былъ тронутъ безмолвнѣю просъ-

бодъ животного; онъ сильно ударилъ его въ затылокъ своими желѣзными крючкомъ. Слоноу попытался еще разъ поднять бревно, которое, казалось, было связано съ тиною невидимомъ цѣпью: жилы на его шеѣ надулись, какъ веревки, готовыя лопнуть; онъ наклонился назадъ, чтобы увеличить свою силу всею тяжестью своего тѣла.

— Сильнѣй, Субала! сказалъ Шерюмалъ, продолжая бить его своими желѣзными крючкомъ: сильнѣй, о самый храбрый, самый сильный изъ слоновъ, которыхъ вскорнили травалкорскіе лѣса! — Повинуясь приказанію надъ плечами животного, онъ кричалъ и хлопоталъ до такой степени, что толпа собралась на двухъ берегахъ канала. Въ—продолженіе нѣсколькихъ минутъ, слонъ оставался неподвиженъ въ водѣ, гдѣ онъ завязъ по колѣна, какъ—будто сбравъ всѣ свои силы на послѣднюю попытку; магу Шерюмалъ также переводилъ духъ, отвѣчая еѣ большими жестами на многочисленные голоса, подававшіе изъ толпы совѣты.

— Подвинь животное въ воду, ему будетъ удобнѣе взяться, говорилъ одинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отодвинь его назадъ, говорилъ другой: ты видишь, что тина вязка и его ноги скользятъ.

— Никогда ему не сдвинуть этого бревна, прервалъ торговецъ плечами, поставившій свою корзину на песокъ и сложившій руки съ равнодушнымъ видомъ челоуѣка, который видитъ для себя забаву въ затрудненіи другаго.

— Съ такимъ слономъ, какъ этотъ, ничего нѣтъ невозможнаго, прибавилъ взглядыми голосомъ нищій, чудовищная нога котораго была также толста, какъ у слона: еслибы не моя болѣзнь, я—бы съѣлъ на него, вмѣсто Шерюмала, и поднялъ—бы это бревно въ минуту.

Всѣ эти рѣчи досаждали магу и возбуждали его самолюбіе: онъ снова принялся колоть своего слона, начинавшаго терять терпѣніе. Первый знакъ негодованія, вырвавшійся у животного, былъ сильный ударъ ногою посреди канала; зрители, покрытые брызгами и тиною на двадцать шаговъ въ окружности, поняли, что благоразумнѣе будетъ убраться по лобу по здорову.

— Субала, Субала, сказала, трясясь отъ гнѣва и стыда, магу Шерюмалъ: причинишь—ли ты мнѣ такую обиду предъ всѣми? Кто воспиталъ тебя, кто обучалъ тебя, съ того дня, какъ ты былъ взятъ, еще маленькій, охотниками райа? Субала, еще усміе, и я поведу тебя завтра къ прекрасной Малликъ!...

Послѣднія слова, произнесенныя въ полголоса на ухо слову, казалось, подѣйствовали на благородное животное, какъ талисманъ. Онъ такъ сильно дернулъ бревно, что вырвалъ его изъ пазу; но оно тотчасъ

же опять удало. Субала, разсерженный своимъ поразеніемъ, повелъ хоботъ, испустилъ глухой ревъ, и толпа струсела. Глядя олаживая гигантскимъ животнымъ; она возвращалась въ дикое состояніе, и угрожала выхватить первый припадокъ ярости на магу. Шерюмаль понималъ всю огромность опасности; но честь магу заставляла его испытывать все, что физически было возможно, для усмиренія опаснаго животного, вървеннаго его колючею. Въ ту минуту, какъ бѣдный видѣецъ, потерявъ почти надежду на свои усилія, старался криками и ударами вынудить слона послушанію и страху, Субала вдругъ смирился. Движенія его стали менѣе рѣзки; онъ пересталъ трясти корняка, цѣплявшагося за его дно; наконецъ, его хоботъ не махалъ болѣе въ воздухѣ, какъ грозная палка. Нужный голосъ, болѣе зазвучавшій въ его ушахъ, окончательно успокоилъ его: это былъ голосъ Маллика. Привлеченная толпою къ каналу, молодая дѣвушка скоро отлучилась болѣе блѣде лица араба посреди чернокожихъ видѣйцевъ.

— Э! мой бѣдный Шерюмаль, сказала она магу, подойди къ нему; ты вѣрно дурно обошелся съ Субалой, что такъ разсердилъ его?

— Моя—ли вина, возразилъ Шерюмаль, едва говорившій, отъ страха, радости и смятенія: моя—ли вина, если вотъ этотъ накодахъ вздумалъ вытаскивать изъ канала бревно, которыя лежатъ въ немъ болѣе пятидесяти лѣтъ, потому—что ихъ оттуда никогда не могли вытащить?

— Онъ имѣетъ право выбирать, если у него есть средства заплатить, возразила Маллика. Неужели ты будешь плакать предъ всеми жителями Алепо?

— Если я плачу, такъ это отъ досады, съ живостью отвѣчалъ магу, и снова погналъ слона въ каналъ. Сильное животное подвинуло, не безъ труда, бревно, которое оно уже вырвало изъ пла. Отступая маленькими шагами и съ осторожностію, слонъ вытаскивалъ его вполонину на берегъ, приподнявъ слеза, и наконецъ положилъ на должное мѣсто. Все эти движенія, которыя требовали столько-же точности, сколько и соображенія, слонъ исполнялъ, такъ сказать, въ тактъ, подъ руководствомъ Шерюмала, остроконечная палка котораго дѣйствовала на него, какъ руль на корабль. Возвратившіеся зрители толпой окружили слона и выражали свое одобреніе криками и рукоплесканіемъ. Маллика оставалась нѣсколько минутъ въ кружкѣ, образованномъ любопытными. Она стояла неподвижно, съ корзиною плодовъ на головѣ, въ положеши прекрасныхъ гранитныхъ пазухъ, украшающихъ портики пагоды. Вѣтеръ распахнулъ шарфъ, покрывавшій ея плеча, и ея богатая утренняя обстановка какъ молнія, отъ солнечныхъ лучей. Юсуфъ, услышавшій ее—

дом, бежит при ее приближении; она смотрит на нее восторг, который заставил бы ее покраснеть, если бы удовольствие, что ее назвали красивей, не лишило ее разума. Этот припадок кометства продолжался не более минуты. Пристыженная мысль, что она крадется враг посторонним, и опасаясь обидеть иностранца, нестужки которого, изволы, должны были внушать ей самой больше скромности, молодая девушка скрылась в толпу, как звезда скрывается за облака.

Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, подангъ слона Субала былъ назначенъ на базаръ. Говорили, что одна молодая дѣвушка овладѣла странное животное и его магу. Шерюмаль въ-самока-дѣль вѣрять въ волшебную силу прекрасной Малики. Она принимаетъ меня съ пренебреженіемъ, думалъ онъ печально, а я все-таки не могу не любить ее. Когда я далеко отъ нея, мнѣ хочется сказать ей тысячу вещей, а какъ скоро ее увижу, языкъ у меня прилипаетъ къ гортани... Даже это странное животное, съ которымъ мнѣ нѣтъ сирены, послушно одному ея слову! Сейчасъ она спасла меня отъ большой опасности; безъ нея Субала раздвинулъ бы меня ногами, и что жъ я? далъ ей уйти и даже не благодарилъ за услугу... О Малика! кунмишамъ (волуды) научили тебя магическимъ тайнамъ, которыми усмирняютъ животныхъ и очаровываютъ людей!

Погруженный въ эти размышленія, Шерюмаль повелъ своего слона въ лесовыя дѣла, куда обыкновенно его товарищи загоняли своихъ животныхъ, для кормленія новѣ работы. Другіе магу отправились къ каравансерая александрскому: это красивый, маленький деревянный дворецъ, рѣзба живописно трапальморского райа, находящійся нѣмѣ въ большенъ заустыни. Въ немъ видна изящная скульптурная работа, гдѣ фантастическіе вымыслы вѣдѣснаго искусства перекрѣплены съ подробностями, зашествовавшими у мавританскаго стила. Онъ выстроены между береговъ и городомъ, посреди обширной площади, усаженной прекрасными деревьями. На многы террасы, господствующей надъ фанголами азіаи, иностранцы, которые вѣрѣжуютъ въ Аленю, смотрятъ на слоновъ, приводимыхъ кораблями. Они бросаютъ имъ нѣсколько пашлесъ въ награду за ихъ неукладжіе покладъ, а какъ эта щедрость путешественниковъ составляетъ маленький доходъ магу, то кометіе магола не пропускаютъ случая лѣвиться на дворъ каравансерая. Шерюмаль обыкновенно такія отправлялся туда; но въ этотъ день у него не было слѣдъ заниматься работамъ Субалу въ клѣткѣ ученаго звѣря. Привязавъ его за заднюю ногу къ телегой палки, онъ зашествовалъ передъ нимъ странную кучу кородовыхъ животныхъ, свѣжей травы, бамбуковаго тростника, и подождъ дожъ въ тѣни, но для того что-бы не потерять: а тебѣ негодники на свободѣ. Корвалъ и слонъ ссорились

нормного другъ на друга; человекъ негодовалъ на животное за его невнимание и стыдъ, причиненный ему; животное гнѣвалось на человека за слишкомъ трудную работу, которую онъ его заставлялъ исполнять. Съѣвъ свою порцію, достаточную для десяти рослыхъ лошадей, Субала предался кейфу своего рода. Онъ покрылъ свою спину; шею и голову вѣтвями и травою, чтобы предохранить себя отъ укушенія мухъ, и опустилъ внизъ свой хоботъ. Неподвижный на своихъ четырехъ крѣпкихъ и морщинистыхъ ногахъ, подобныхъ стволамъ деревъ, онъ походилъ на одну изъ тѣхъ грубыхъ хижинъ, какія обыкновенно дровосѣки строятъ себѣ въ лѣсахъ.

V.

РЫБАКЪ ТИРУВАЛА.

На слѣдующій день утромъ, до восхода солнца, старый садовникъ, отецъ Маллика, лазилъ по своимъ кокосамъ и собиралъ плоды. Вооруженный серпомъ, онъ прорубалъ ступени въ стволахъ деревъ и занимался такимъ-образомъ шагъ за шагомъ, до листьевъ, вѣтвямихъ изъ вершину. Воздухъ былъ свѣжъ и теплый; коршуны стряхивали росу съ своихъ крыльевъ, и черная кукушка выпускала крикъ, похожій на жалобу большого человека. Маллика, растянувшись на рогожкѣ, курила свой фукка и мечтала. Сидя на шеѣ слона Субала, Шерюмаль проѣзжалъ мимо изгороди; старый садовникъ, замѣтивъ его издали, махнулъ ему рукой.— приглашая подъѣхать.

— Хорошо въ это время прогуливаться, какъ райя, на спинѣ слона, сказалъ старикъ.

— У всякаго ремесла есть своя невыгода, не говоря объ опасностяхъ, отвѣтилъ Шерюмаль: вчера еще я счастливо отдѣлался.

— Отъ каприза Субала? спросилъ садовникъ.

— Отъ настоящаго припадка ярости, который-бы худо кончился, если-бы Маллика не вступилась; она сказала слово, и злое животное — утихло.

— Скажи, какая странная дѣвушка! вскричалъ старикъ: сознайся, Шерюмаль, вѣдь въ цѣломъ Травалинорѣ нѣтъ подобной ей красавицы.

— Это правда, возразилъ магу со вздохомъ: ея взглядъ и голосъ стареваютъ людей и животныхъ. Вездѣ говорятъ, что она владѣетъ магическими тайнами.

— Справедливо ... А кто научилъ ее? Ужъ конечно не я, потому-что, ты знаешь, я не колдунъ.

— И не я, сказалъ навзглаго Шерюмаль. Вчера, я былъ тамъ встрѣ-

помощь; что и не поблагодарилъ ее даже за услугу.... Не словами, а поступками я бы желалъ выразить ей мою благодарность. Прежде, нежели я оправдаю себя передъ Малаикой, отдай ей этотъ маленькій подарокъ.... единственную драгоценность, завѣщанную мнѣ моею покойною матерью.

Онъ подалъ на концѣ своего желѣзнаго крючка коралловое ожерелье, которое старикъ, нагнувшись къ нему, взявъ, стоя на верху дерева:

— У тебя доброе сердце, мой сынъ, сказалъ старый садовникъ растроганнымъ голосомъ. Малаика будетъ благодарна за твой подарокъ.

— О! нѣтъ, отвѣтилъ магу: она меня не любитъ! Лишь-бы только она приняла это ожерелье и не возвращала мнѣ его, я ужъ и тѣмъ буду доволенъ. Скажи ей, что я не буду болѣе беспокоить ее моими вѣщаніями; но если когда-нибудь присутствіе бѣднаго магу переставеть ей быть неприятнымъ, пусть она надѣнетъ ожерелье, и я забуду всѣ страданія, которыя она мнѣ причиняетъ.

Старикъ едва слышалъ послѣднія слова; онъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на магу, который медленно удалялся. Шерюмалъ поѣхалъ на берегъ канала, куда призывала его обычная работа. Вблизи отъ него, на берегу моря, завтракали наши два рыбака.

— Когда же мы опять на рыбную ловлю? спросилъ Тирупатти у своего брата. Мнѣ-бы хотѣлось попробовать новыя сѣти.

— Пока этотъ проклятый *багеровъ* въ аленскомъ рейдѣ, намъ надо остаться на берегу, отвѣтилъ Тирувалла. У насъ еще не кончены два счета съ нагодахъ: одинъ за зло, которое онъ намъ сдѣлалъ, и другой за зло, которое мы не могли ему сдѣлать!

— Посмотри, съ какимъ крикомъ порхаютъ чайки надъ волнами, шепталъ Тирупатти: тамъ должны быть цѣлыя стада рыбъ.

— Посмотри лучше, какъ, лежа на коврѣ, словно *набабъ* какой, иногда плыветъ въ своей лодкѣ на берегъ; словно смѣется надъ нами.

— Это онъ? спросилъ Тирупатти. Въ такомъ случаѣ, я удираю.

— А я остаюсь, сказалъ Тирувалла.

Онъ дѣйствительно остался. Когда нагодахъ, выйдя на берегъ, отправился въ городъ, рыбаки подошелъ къ матросамъ *багерова* съ индѣйскими *саламами*. Узнавъ между матросами того, который опрокинулъ его пирогу въ день приѣзда, онъ взялъ почтительно его руку.

— Чтѣ тебѣ надобно? спросилъ, улыбаясь, арабъ: я, кажется, тебя уже разъ выкупалъ.

— Ва! это было въ шутку, отвѣтилъ Тирувалла: вамъ нагодахъ нынѣ щедро наградилъ за это; Индѣецъ не злопамятенъ.... Если вѣтъ иного чѣмъ-нибудь, то я готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Намъ ничего не надо, сказалъ матросъ: завтра вечеромъ мы отправимся.

— Уже? вскланянулъ Тирувалла, поднимая руки къ небу.

— Намеднѣ торопится; его грузъ готовъ, и онъ убралъ свою палатку шейха.... Должно быть онъ нашелъ въ Алехъ радкую птицу, что приготовилъ для нея такую красивую клетку ...

— Это не касается до насъ, бѣдныхъ рыбаковъ, сказалъ равнодушно Тирувалла. Да пошлетъ вамъ Небо тихое море и благоприятный вѣтеръ!

— *Аллахъ габимичъ* (да хранить васъ Господь)! отвѣтилъ матросъ и поцѣлалъ къ своимъ товарищамъ, сбѣгавъ въ душѣ надъ выдѣнцемъ, который, казалось, своимъ униженіемъ просилъ у него прощенія въ полученной обидѣ. Тирупатти подошелъ къ своему брату, лишь только увидѣлъ, что онъ одинъ.

— Ступай же, сказалъ ему Тирувалла: неужели ты все еще боишься? Я прощаю твою трусость, но съ условіемъ, что ты удовлетвори исполненію моей мысли. Если ты согласишься, я раскажу тебѣ все завтра; или меня здѣсь.

Хитрый рыбакъ отыскалъ Шерюмала, честно занимавшагося своимъ работою. Онъ выжидалъ бѣже часу случая поговорить съ нимъ наединѣ; наконецъ, когда магу отвелъ своего слона въ лѣсъ, гдѣ онъ обыкновенно давалъ ему кормъ, Тирувалла сѣлъ подлѣ него:

— У тебя славный слонъ; я такого огромнаго еще съ роду не видалъ.

На этотъ пошлый комплиментъ, который ему такъ часто дѣлали, Шерюмалъ не обернулъ даже головы; онъ чесалъ своимъ желѣзнымъ крючкомъ морщинистую спину слона, который, казалось, принималъ съ удовольствіемъ этотъ особенный родъ ласки.

— На базарѣ, сегодня только и толковъ, что о Субалѣ и его магу, продолжалъ рыбакъ. Знаешь-ли, что еще говорятъ?

— Мнѣ некогда осведомляться объ этомъ, отвѣтилъ Шерюмалъ, который, какъ всѣ трудолюбивые работники, не любилъ праздныхъ нересудовъ.

— Да, время — вещь дорогая, сказалъ Тирувалла; вотъ и у меня цѣлаго дня едва хватаетъ, чтобъ достать себѣ хлѣба. Если я оставлю свое пирогу и разговариваю съ тобою, такъ это потому, что дѣло до тебя касается, Шерюмалъ.

— Базарные толки пустые слухи; слушь тотъ, кто вѣрить имъ, сказалъ магу.

— Какъ знать? Если я тебѣ дамъ средство сказать усугну шире-

нѣшней дѣвушкѣ, которая спасла тебя вчера отъ смерти, ты, Магу, не скажешь, что это вздоръ.

— Ба! сказалъ Шерюмаль; она вовсе не нуждается во мнѣ....

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія, возразилъ Тирувалла: я не буду терять своего времени на чужія дѣла. Бѣдная Малика! отъ тебя зависило спасти ее!

— Спасти ее.... отъ чего?... спросилъ Шерюмаль съ пылкостью. Она прислала тебя? или ты пришелъ отъ ея отца? Кто ты? Я даже не знаю твоего имени!... Какъ же мнѣ тебя повѣрить?

— Тебѣ нѣтъ надобности вѣрить мнѣ на слово; довольно будетъ, если повѣришь своимъ глазами. Будь сегодня и завтра, во время заката солнца, около сада Малики, такъ и увидишь, полезно-ли ей твое присутствие!...

Шерюмаль слушалъ еще обоими ушами, но Тирувалла исчезъ. Магу не понималъ смысла его неопредѣленныхъ словъ и не довѣрялъ рыбаку. Последний не сказалъ ничего болѣе, потому-что въ его планахъ было далѣе разспрѣтать дѣлу какъ можно шире. Тревожный безпокойствомъ, котораго онъ не могъ преодолѣть, Шерюмаль цѣлый вечеръ бродилъ около сада Малики, и не открылъ ничего, что могло-бы оправдать его спасенія. Обѣщая себѣ возвратиться на слѣдующій день, онъ не переставалъ думать, что рыбаку посидѣлся надъ его простотою.

Однако Маликѣ угрожала дѣйствительная опасность, именно—пленность въ сѣти, разставленныя ей Юсюфомъ Али. Въ самый этотъ день арабъ пришелъ въ садъ молодой дѣвушки, не въ полдень, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, но вечеромъ. Малика тѣмъ болѣе была рада видѣть его, что она безпокоилась объ его отсутствіи; она бросилась къ нему, лишь только заслышала его приближеніе. Въ своемъ невѣдѣніи, она искренно любила иностранца, нежалѣвшаго для нея подарковъ; ей казалось, что онъ болѣе всѣхъ достоинъ любви, потому-что красивѣе другихъ и лучше одѣтъ. Чѣмъ долженъ былъ казаться ей подлѣ него бѣдный магу Шерюмаль въ своемъ кисейномъ тюрбанѣ и кускѣ бѣлой бумажной матеріи, въ которую онъ укутывался, какъ въ саванъ, ложась спать подъ тѣнь пальмы? Идтица въ ея глазахъ не окружало никакое очарованіе; онъ былъ бѣднякъ, и бѣднякъ всѣмъ извѣстный. Она привыкла даже къ его безусловной покорности. Онъ бросился-бы для нея въ огонь и воду; Малика это знала и пренебрегала преданностію сердца, которое желало только повиноваться! У Юсюфа, напротивъ, выражалась во взорахъ и во всѣхъ поступкахъ гордость, происходящая отъ снѣзости и привычки новелѣвать. Храбрый и вмѣстѣ осторожный, онъ прокрался къ Маликѣ и

сказала ей твердым голосомъ: Я ѣду завтра! Молодая дѣвушка смѣшалась при этихъ неожиданныхъ словахъ. Юсюфъ продолжалъ:

— Я ѣду завтра, хочешь-ли послѣдовать за мною? Ты будешь коведиторница въ моемъ москатскомъ домѣ, настоящемъ дворцѣ въ сравненіи съ твоимъ драхмою хижиною.... Десять невольниковъ будутъ повиноваться твоей волѣ. Ты вѣрно слыхала объ Аравіи, о ея счастливыхъ климатахъ? Это рай земной. А еслибы ты видѣла, какое жилище приготовилъ я для тебя на моемъ кораблѣ!...

— А мой отецъ? спросила Маллика, которая, казалось, хотѣла еще противиться обаянію, противъ котораго у нея не было довольно силы бороться.

— Твой отецъ, если захочетъ, придетъ къ тебѣ.... Въ будущемъ году, въ первое мое путешествіе, я привезу его, или если ты пожелаешь, то сама придетъ за нимъ. Завтра вечеромъ ты должна быть готова?...

— Завтра вечеромъ! отвѣтила Маллика: зачѣмъ же ты меня не предупредилъ раньше?

— Мнѣ надо возвратиться на корабль, возразилъ арабъ: я не могу терять ни одной минуты.... Завтра вечеромъ, послѣ заката солнца, я буду здѣсь. Отвѣчай, Маллика, прибавилъ онъ болѣе вѣжливымъ голосомъ: приходитъ-ли мнѣ?

— Приходи! сказала тихо молодая дѣвушка. — И онъ удалился; говоря про себя: Она моя!

VI.

ЛОДКА И ПИРОГА.

Юсюфъ Али не принадлежалъ къ рыцарской породѣ гренадскихъ жавороковъ. Онъ не заботился о томъ, что бѣдная индѣянка, перевезенная въ Москаты и заключенная между четырехъ стѣнъ гарема, съ пятью или шестью другими ревнивыми женами, будетъ только тосковать о своемъ родномъ садѣ. Онъ ослѣпилъ ее драгоценностями, какъ птицеловъ превращаетъ жаворочка зеркаломъ и заковываетъ въ свои сѣти. Молодая, неопытная Маллика попала въ засаду съ легкомысліемъ ребенка, которому хочется нравиться. Она помыслилась непреодолимому влеченію своего сердца, какъ это часто бываетъ съ восточными женщинами, воспитаніе которыхъ въ совершенномъ пренебреженіи. Всю ночь она видѣла во снѣ отъѣздъ, открывавшій ея смущенному воображенію привлекательныя перспективы. Когда насталъ день, ей показалось, что солнце возшло блестящимъ обыкновеннаго и что цвѣты въ саду благоухаютъ пріятно, тѣмъ, всегда

Взгляд диверсивной ибнкости, обращенный на все отсюда, ибнское смутал ее. Такъ она оставитъ его одного въ этой оградѣ, гдѣ она одна была едн страданъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ! Можетъ-быть, онъ умретъ съ печалю!... Но арабъ обещалъ перевозитъ его въ свою землю. Значитъ они скоро свидятся. Радость свиданія заставитъ забыть непріятность кратковременной разлуки! Такъ думала Маллика; и украдкой приготовлялась къ отъезду.

Съ своей стороны, Юсуфъ былъ готовъ распустиль нарусь. Его вѣтры въ этотъ день наполнили ибнхъ изъ козышекъ кожь прѣною водою. Какъ скоро ночь спустилась на землю, нагодахъ оставилъ свое судно и сѣлъ въ челнокъ съ двумя гребцами. Онъ вошелъ въ каналъ, чрезъ который внутреннія воды изливаются въ Опсанъ; и пробѣжалъ городъ Алепо, поднимаясь вверхъ по теченію одного изъ орошающихъ его ручьевъ. Добравъ такимъ-образомъ почти до сада Маллики, онъ приказалъ гребцамъ дожидаться, и отправился по узкимъ тропинкамъ, по которымъ такъ часто проходилъ. Маллика ожидала его въ уединенномъ углу сада; она поняла, что уже болѣе не принадлежала самой-себѣ, и ея первое движеніе было схватить руку иностранца, располагавшаго ея участію. Юсуфъ поспѣшилъ къ своей лодкѣ; онъ увлекалъ только дѣвушку, желая убѣдиться, что она твердо рѣшилась слѣдовать за нимъ. Молодая дѣвушка колебалась съ минуту. Дребезжащій голосъ отца, загонявшаго быковъ, поразилъ ея слухъ; она вздохнула и выронила слезу, — нервую въ жизни. Воспоминанія о счастливыхъ дѣтствѣ воскресли въ ея сердцѣ; она испугалась и вздрогнула... Какъ бы желая избавиться отъ подавлявшаго ее волненія, Маллика спрятала свою голову на груди Юсуфа, и сдѣлала шагъ впередъ. Она ушла! Отырлась на руку араба, и дѣвушка шла, не говоря ни слова, едва оставая на пыли слѣды своихъ босыхъ ножекъ. Вдругъ Юсуфъ остановился; онъ услышалъ шумъ ломаемыхъ вѣтвей, возвѣщавшій приближеніе слона; животное приближалось къ нему, преграждая ему дорогу. Онъ всталъ Маллику на руки, перелѣзъ чрезъ изгородь, отдѣлявшую его отъ соседняго поля, и пустился бѣжать къ своей лодкѣ. Никакой слѣды не выдавалъ ихъ: они могли теперь достигнуть *башерога*, не оставивъ другаго признака своего бѣгства, кромѣ легкой борозды на водѣ, такъ скоро исчезающей послѣ маленькой лодки. Повинуясь знаку своего наставника; вѣтры гребли съ возможною легкостью и въ сѣзномъ глубокости ищачивъ. Они даже не водняли глазъ, чтобы взглянуть на молодую женщину, слѣдующую по слѣдамъ нагодаха. Юсуфъ окуталъ ее въ длинное покрывало, и Маллика приняла эту ревнивую предосторожность за собственную заботу уваженія.

Однако Шерриаль—ибо это был братикъ съ своимъ слоненъ Субилой—указалъ тогда—замѣтивъ тѣмъ, скользящую между деревьевъ. Даже слонъ, въ ту минуту, какъ некогда поребѣвалъ черезъ изгородь, повелъ ушко широколи ушани. Встревоженный магу посетилъ расамъ въ дому молодой няньки и сталъ звать Маллику.

— Кто тамъ? кто спрашиваетъ Маллику? отвѣчалъ старей садонникъ.

— Дона-ли ваша дочь? она съ вами? спросилъ магу.

— Нѣтъ, мой сынъ, возразилъ тихо старикъ: она вѣрно въ каменную пещеру утку сада обрести илони...

Несомнѣнно, вспоминая съ безпокойствомъ, что его дочь всегда была дома въ эту часть, онъ сталъ свѣтъ возмущеннымъ голосомъ: Маллима! Маллима!...

— Никто не отвѣчаетъ, сказалъ магу: вы видите, что со нѣтъ адво. О! отецъ мой, что если съ ноню случилось какое-нибудь несчастіе!...

Слова эти явились на старика дѣйствіе ума налицо; онъ узналъ, который съ рѣдкостью нилъ свое любимой дочери. Шерриаль не старался его утѣшить. Не отдавая себѣ отчета въ избранной нилъ дорѣтъ, онъ прямо отправился на берегъ канала, на то мѣсто, гдѣ онъ ежедневно работалъ съ своимъ слоненъ. Лодка араба скользяла безъ шуму по водѣ, скрытая нальманн. Какъ скоро Шерриаль услышалъ приближеніе лодки, онъ наклонился впередъ; ему было невозможно узнать и даже признать Маллику подъ закрывавшемъ ее покрываломъ. Съ возрастающимъ безпокойствомъ, слѣдилъ онъ взоромъ за таинственнымъ лодкомъ и за движеніями своего копытнаго животнаго. На этотъ разъ Субила опять наострила уши, и Шерриаль обликнулъ лодку:

— Маллима, ты здѣсь? Заклинаю тебя именемъ твоего отца, отвѣчай!

Маллима не отвѣтила; но движеніе, слѣженное закутанною женщиною, чтобъ набѣгнуть взоромъ магу, во было нилъ оставлено безъ вниманія. Онъ вогналъ своего слона въ средину канала; вода, раздвинувшаясь водъ ногами тяжелого животнаго покрыва лодку, и она чуть не опрокинулась. Матросы такъ сильно налегли на весла, что маленькая лодка пролетѣла, какъ стрѣла; можно было принять ее за летучую рыбу. Выотчаяніи, что пропустилъ свою добычу, Шерриаль вышелъ на берега, въ намереніи выждать арабовъ при входе ихъ въ море. Волна, которая нѣжится вдоль всего берега, дѣлаетъ опаснымъ и труднымъ порывомъ отъ прѣсной воды къ соленой. Въ ту минуту, какъ приближалась волна поднялась во всю свою высоту, испуганная Маллима вскрикнула. Гребцы, опершись на свои весла, выждали, пока волна удеглась, чтобы по-

днѣ вперёдъ: бурнѣ быть пройденъ. Тогда Шеремаль бросился съ своимъ своимъ въ волны. Животное, опустившись по грудь въ море, захватило своимъ хоботомъ лодку, какъ багровѣ.

— Остановитесь, или я васъ потоплю, кричалъ ману: по отступитъ, Субала!

Слово не покидало добычи. Юсуфъ вскричалъ и эстрикъ своего крестна угрожалъ хоботу животного.

— Спаси Маллику, мой добрый Субала, вскричалъ Шеремаль: спаси ее и потопи разбойниковъ!

Субала понялъ слова своего господина; его широкая лапа раздвинула, какъ скорлупу орѣха, углый челнѣ, въ то время, какъ онъ своимъ гибкимъ хоботомъ хватывалъ потихоньку дрожащее тѣло Маллики. Онъ поднял ее на воздухъ и передалъ въ объятія ману этотъ драгоценный трофей своей побѣды; потомъ онъ вышелъ на берегъ, не обращая вниманія на матросовъ и наводоха, борющихся съ волнами. Бурнѣ скоро выбросилъ на песокъ обломки лодки съ арабами. Два гребца дрожали отъ страха, а Юсуфъ отъ гнѣва. Торопясь вернуться на свое судно, чтобы скрыть тамъ свой стыдъ и свою печаль, Юсуфъ искалъ какую-нибудь пирогу вдоль берега. Два рыбака встрѣтились ему, какъ будто ожидали его на проходѣ. Тирупатти, младшій и самый трусливый изъ двухъ братьевъ, съ ужасомъ увидѣлъ себя такъ близко отъ страшнаго наводоха; но Тирувалла сказалъ ему тихо на ухо: «На этотъ разъ ты не подвергаешься никакой опасности»... Потомъ, обращаясь къ Юсуфу, онъ продолжалъ:

— Наводоха желаетъ отправиться на свое судно; ему хорошо извѣстно, что наша бѣдная пирога въ дурномъ состоянн...

— Позднѣ, сказалъ Юсуфъ: вотъ рупія.

— Наводоха человекъ великодушный, продолжалъ рыбакъ, видѣвшій издали неудачу арабовъ: какое несчастіе, что лодка его разбилась о бурнѣ! Окунуться въ воду ничего не значить для бѣдныхъ рыбаковъ, привыкшихъ жить въ водѣ; но для васъ, знаменитый наводоха, это всебѣ другое дѣло. Ваше прекрасное платье совершенно испачкано влагою и грязью... Посмотри-ка, Тирупатти!

Арабы вскочили въ пирогу, которая переправилась черезъ бурнѣ съ легкостію пера; четверти часа достаточно было, чтобы привести ихъ здоровыми и невредимыми на *багероу*. Пожелавъ Юсуфу и его экипажу счастливаго пути и всякаго благополучія, рыбаки удалились. Когда пирога находилась въ такомъ разстоянн, что ее не могли болѣе видѣть арабы, Тирувалла сдѣлалъ знакъ своему брату, чтобы онъ пересталъ грести.

— Теперь, сказалъ онъ ему, мы покопчимъ съ этими собаками; еще немного терпѣнія, и ты увидишь, бѣнется-ли маленькая рыбка кита. Накодахъ хочеть отправиться въ эту ночь, а я тебѣ объявляю, что у него не будетъ вѣтра; видишь, какой туманъ поднимается съ берега.

Дѣйствительно, тонкіе пары начинали покрывать землю и распространяться надъ поверхностію воды. На палубѣ *багерово* раздался тамбуринъ; тяжелый рей поднялся при иѣрныхъ крикахъ экипажа; гигантскій парусъ распустился во всю свою ширину, но немедленно упалъ на вантъ совершенно лишенный вѣтра. Такимъ-образомъ, прошло нѣсколько часовъ; море оставалось спокойно и гладко, какъ озеро. Мало-по-малу, *багеро* повернулся кормою къ берегу; начинался приливъ. Арабы принуждены были остаться еще на день; матросы взгѣзли на рей и стали собирать парусъ. Юсуфъ прогуливался нѣсколько времени по палубѣ; огонь въ его трубкѣ, свѣтлся какъ отдаленная звѣзда, обозначалъ его взорамъ рыбаковъ, неперестававшихъ наблюдать. Наконецъ капитанъ ушелъ въ свою каюту, такъ хорошо убранныю для приѣма Малликки, а экипажъ расположился спать на палубѣ.

Въ эту минуту Тирувалла попробовалъ на ладони лезвие своего остраго ножа, и приказалъ своему брату грести къ *багеро*. Тируатти ударилъ нѣсколько разъ веслами и пирога быстро полетѣла; вдругъ онъ увидѣлъ съ удивленіемъ, что Тирувалла бросился въ море, вооруженный своимъ ножомъ. Въ водѣ хитрый рыбакъ спряталъ свою голову подъ волнами; онъ плылъ безъ шума, словно акула. Все приближась къ *багеро*, Тирувалла достигнулъ каната, соединявшаго арабское судно съ его якоремъ. Съ помощію ножа, который онъ употребилъ вѣдѣсто пилы, онъ перерѣзалъ канатъ, и тяжелое судно пошло по теченію, увлеченное къ берегу. Индѣйскій рыбакъ возвратился на свой челнъ, показывая пальцемъ своему брату *багеро*, стремившіся къ явной гибели.—Ты видишь, сказалъ онъ; что рано или поздно они должны были заплатить намъ за свою злую шутку. Поѣдемъ за ними потихоньку, чтобы попользоваться крохами, какъ все пойдетъ ко дну.

На этомъ низкомъ и плоскомъ берегу морская волна, ударяясь о землю, поднимается на высоту нѣсколькихъ футовъ и падаетъ потомъ съ шумомъ. Пока *багеро* шелъ по тихому и голубому морю, экипажъ и накодахъ Юсуфъ не примѣчали угрожающей имъ опасности. Вскорѣ однако судно коснулось мели. Арабы проснулись, вскочили испуганные, не понимая сначала причины страшнаго толчка, который сбросило рей на палубу. Рей увлекъ за собою огромный парусъ. Подъ вторю двойною тяжестью, павшею на одинъ бокъ, судно покачнулось и тръзалось въ песокъ; бурнъ наглынулъ съ силою на *багеро*. На

на палубѣ произошло страшное смятеніе; раненные матросы выпускали жалобные крики, и тѣ, которые слышали ихъ съ берега, не понимали опасности, чтобы подать имъ дѣйствительную помощь. Въ такую минуту, хладнокровіе и опытность капитана могутъ спасти судно. Къ несчастію, Юсуфъ находился еще въ болѣе критическомъ положеніи, нежели его матросы. Застыгнувшій въ своей каютѣ водою, нахлынувшюю на корму *багерова*, онъ былъ отброшенъ на ютъ. Съ проломленною головою, едва не задушенный водою, онъ старался открыть дверь кюсты и выйти на палубу. Дверь вдругъ уступила усилію посторонней руки, и онъ увидѣлъ передъ собою радостное лицо Тируваллы.

— Это я, сказалъ индѣецъ съ зѣвскою улыбкою: твои деньги, твои сокровища! Давай скорѣе, или я тебя убью!

Юсуфъ бросилъ на рыбака пламенный взглядъ, въ которомъ выразились вмѣстѣ злость и презрѣніе.

— Время не терпитъ; ты видишь, что твой *багеровъ* ломается въ куски, продолжалъ Тирувалла: отдай мнѣ деньги и я спасу тебя.

Время дѣйствительно было дорого. Индѣецъ исчислялъ жадными взорами, сколько минутъ разбитое судно могло еще просуществовать. Вмѣсто всякаго отвѣта, наковахъ бросился на рыбака; въ руки его блеснула кинжалъ съ загнутымъ лезвіемъ. Борьба длилась секунду. Оба врага, крѣпко сдѣлпившись, упали на дно каюты, вполонину затопленной водою. Они наносили страшные удары въ темнотѣ; индѣецъ старался вырваться и бѣжать; но арабъ, подобно умирающему льву, который давить своею лапою опрокинутаго охотника, не переставалъ ударять его своимъ оружіемъ. Эта смертельная борьба кончилась только тогда, какъ сильный толчекъ потрясъ все судно, и кормовая часть съ трескомъ разлетѣлась въ куски. При отливѣ, погибшее судно осталось на сушѣ; арабскій экипажъ болѣею частью спасся, но Юсуфа не было видно. Тирупатти, высадившій своего брата на *багеровъ*, также напрасно ждалъ его до разсвѣта. Видя, что онъ не возвращается съ добычею, которую долженъ былъ принести, благоразумный рыбакъ вышелъ въ открытое море. Единственный наслѣдникъ пироги и новыхъ обрядовъ, нуленныхъ въ Аленъ, Тирупатти возвратился въ свою деревню и принялся тамъ за старое ремесло. Онъ навсегда отказался отъ опаснаго промысла, къ которому хотѣлъ его приучить братъ и которое никакъ не согласовалось съ его честной натурой и робкимъ характеромъ.

VII.

ТОЛКИ НА БАЗАРЬ.

Послѣ отъѣзда Шерюманя, старый садовникъ, съмѣ началъ кликать свою дочь. Съ лампою въ рукѣ, онъ бѣгалъ между калесами и рылся въ кустарникахъ, какъ скупецъ, потерявшій свое сокровище. Слѣды толки не его сдѣлалъ бородѣ, несвязныя слова срывались съ языка. Онъ позомъ былъ на сумасшедшаго; однако ни его странныя жесты, ни его смѣшная суетливость не вызвали бы улыбки на лицо прохожаго; потому-что слезы этого сумасшедшаго слезникомъ сильно говорили сердцу. Правда, живая скорбь была непродолительна. Онъ наконецъ закрылъ лицо руками, и опершись локтями о козлы, застылъ въ этомъ положеніи на своемъ порогѣ. Только вѣтеръ игралъ разогрѣанными слезами правды его неподвижной головы. Гордый своей конюшою, слонъ Субала между-тѣмъ возвращался величественно по пустыннымъ тропинкамъ, съ прекрасною Малиною, вырванною изъ рукъ похитителя. Шерюманя была счастлива, что могъ возвратитъ ее отцу и тѣмъ заглавить своей долгу благодарности. Онъ держалъ ее передъ собою на шнѣ слона, но спрашивалъ объ опасностяхъ, которыми она подвергалась. Внимательно рукою онъ отстранялъ вѣтви деревьевъ, которые могли ее задѣть, и уважалъ ее горе. Любовь его была слезникомъ глубока, чтобъ онъ рѣшился заговорить о ней въ такую минуту. Ему почти было стыдно, что Малинка сидѣла прядь нить, потупивъ глаза, безвружкая, безъ слезъ, тогда, какъ прежде такъ часто забавлялась его смущеніемъ и унизительна его своими выходками. Когда онъ заметилъ надала старика, который, поставивъ лампу на правъ козлы, в ярю ее освѣщенный, все еще сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, Шерюманя наклонился къ молодой дѣвушкѣ.

— Малинка, сказала онъ, подними голову: начини говорить, чтобъ твой слонъ могъ услышать звукъ твоего голоса!

Молодая дѣвушка, какъ бы пробужденная отъ сна, поднялась медленно. — Ты опасна, Малинка, продолжалъ нагу: это я! Не бойся ничего, я отнялъ тебя изъ рукъ похитителей...

— А кто тебѣ сказалъ, что меня насильно похитили? возразила молодая дѣвушка съ тѣмъ же уверека.

Бѣдный Шерюманя не ожидалъ такого отвѣта; онъ понялъ, что въ этого времени Малинка должна была его ненавидѣть, за то, что онъ такъ неловко вмѣшался въ дѣло, до него не касавшееся. Вся скорбь, отъ которой онъ избавлялъ старика, пала на его собственное сердце.

Одинокъ въ ночь естиваломъ еживалъ добраго дѣла и онъ не снн-
вннъ расказывалъ въ своенъ неувѣстномъ рвенн.

— Отца твоего, сказала она старику: вотъ ваша дочь; попросите ее
простить мнѣ... а думалъ, что поступилъ... хорошо.

Старый садовникъ предавалъ морю безпредѣльной радости и не
внчалъ смысла этихъ словъ. Онъ плакалъ и смѣялся въ то же время и
ласкалъ свое бездѣнное дитя. — Сойди съ скала, кричалъ онъ уда-
мшемуся Шерьялю! Иди сюда, мой добрый Шерьяль! Теперь оче-
редь Маллику поблагодарить тебя... Ты мнѣ возвратилъ жизнь, ишу;
но, что принадлежитъ мнѣ, отнынѣ твою!

Но видѣвщъ почесъ въ темнотѣ, не отвѣтилъ ни слова.

На слѣдующій день, много толковали въ Алепѣ о погребенн *багеровъ*.
Они говорили, что нападкъ неправильныхъ маневровъ направилъ свое
судно на берегъ; другіе полагали, что экипажъ вобунтовалосъ, зарывалъ
своего капитана и погубилъ судно, съ цѣлю изгладить всякій слѣдъ
преступленія. Нѣкоторые винушки утверждали даже, что нападкъ не
умеръ, что видѣли, какъ онъ несея въ галонъ въ сторону Кошима, на
крылатой лошади, держа въ своенъ объятнхъ прекрасную дѣвушку,
похищеную изъ Алепо. Таинн-образенъ, изъ каждаго элемента, по-
служившаго къ развлечѣнн этой единственной драмы, общественная мнѣнн
составляла ложную и неправдоподобную исторію. Эти слухи скоро дос-
тигли Маллики со всѣми комментаріями; она не сказала ни слова: она
знала, что равнодушный и безглазый мнръ очень мало расположенъ
внмать минутное заблужденіе. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ
она оставалась въ своенъ суду, проводила дни въ обычной работѣ и въ
заботахъ объ отцѣ. Старикъ, который не подозревалъ, что дочь его
уступила глупому увлеченію, часто говорилъ ей о печали и смутѣ,
которая господствуетъ въ гаремахъ арабовъ. Слова его ннгда имѣли
дѣйствіе на Маллику; она знала, что они искренни и сказаны безъ на-
внренія. Мало-помалу, мелодя дѣвушка спросила самое себя, не скры-
тан-ли гордые пріемы очарованнаго ее иностранца ственнъ и тщесавіе,
ннкого преданности и любви? Этотъ вопросъ, она общала себя объ-
ясннть, когда нападкъ возвратится въ Алепо. На слѣдующій годъ, нннн
ещъ не дѣлаясь въ обычную пору, она подумала, что онъ ее забавъ и
ннведя покинулъ. Что касается до вѣстія объ его смерти, Маллика
не могла этому вѣрнть; ревнивое сердце ея вѣрнло только развнзду,
который представлялъ Юсуфа означущнхъ ее похищенною женщиною.
Таинн-образенъ, съ помощью размышленія, исчезло сомнѣніе, а раз-
внннхъ изгладила последнее чувство. Дочь садовника призналась въ своенъ
завнннннхъ отцу.

Съ своей стороны, магу Шерюмаль не выдалъ тайны, которая отчасти касалась и его. Могъ-ли онъ открыть обстоятельства бѣгства Малики, но показать, что въ этотъ вечеръ онъ игралъ роль одуряченнаго? Къ тому же, честный магу не былъ изъ тѣхъ людей, которые истаютъ за насѣянкой молодой дѣвушки извѣномъ. Хотя Малика часто принимала его дурно и оттолкнула съ жестокостію въ послѣдній день, онъ не переставалъ думать о ней. Съ-тѣхъ-порт, какъ онъ ее бѣге не видѣлъ, печаль овладѣла его сердцемъ, а Субала часто обмундывалъ припадки дурнаго расположенія.

Разъ, проѣзжая недалеко отъ дома стараго садовника, Шерюмаль задумался такъ, что не видѣлъ, какъ слонъ незамѣтно приблизился къ саду, и увидѣвъ Малику, остановился, чтобы сдѣлать ей *саламъ*.

— Субала, сказала въ полголоса Малика: ты меня спасъ отъ большой опасности, но не тебѣ одному я благодарна....

Шерюмаль открылъ глаза и поднялъ голову, подобно птицѣ, разбуханной дневнымъ свѣтомъ: онъ увидѣлъ, что у Малики на шеѣ коралловое ожерелье.

— Такъ ты меня простила? спросилъ онъ поспѣшно.

— Батюшка, сказала молодая дѣвушка, призывая стараго садовника: посмотри, посмотри, какой чудакъ Шерюмаль; онъ не смѣетъ смотрѣть на меня прямо въ глаза, все боится, чтобы я его не околдовала.

— А! магу! вскричалъ старикъ: въ твои дѣла я былъ смѣльчакъ! Что до колдовства, то самое сильное заключается въ двухъ прекрасныхъ глазахъ, потому-что они могутъ излечить зло, которое сдѣлали. Подойди ближе.... Ты видишь, что тебя Малика простила за услугу, которую ты ей оказала!...

Съ этого дня къ магу возвратилась его веселость, и Субала пересталъ капризничать. Если случайно вы будете въ Алею, то, конечно, защитите прекраснаго слона, который превосходно дѣлаетъ поклоны: это тотъ самый Субала. Когда въ каравансераѣ алепскомъ останавливаются знатные иностранцы, онъ является, ведомый Шерюмалемъ, веселое лицо котораго не сохранило слѣдовъ прошедшихъ страданій. По знаку своего хозяина, послушное животное поднимаетъ и сажаетъ верхомъ на своей лоботѣ двухъ или трехъ ребятишекъ, которые, новидному, играютъ съ нимъ, какъ съ другомъ. Покачавъ ихъ осторожно въ воздухъ, онъ перелаетъ одного за другимъ въ объятія ихъ матери, которая смотритъ съ любовію на малютокъ и съ благодарностію на слона. — Мать эта — прекрасная Малика.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ШОПЕНЪ.

СТАТЬЯ ФРАНЦА ЛИСТА.

Какъ-бы ни сожалѣли о немъ и артисты, и всѣ, кто зналъ его, однакожъ намъ позволительно сомнѣваться, что уже настало время, въ которое, общенный по достоинству, онъ займетъ высокое мѣсто, кѣ-рство, уготованное ему въ будущемъ.

Какъ-бы молодые поколѣнія артистовъ не возставали противъ за-водимыхъ, привыкшихъ унижать живыхъ мертвыми авторитетами, одна-кожъ, въ музыкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ, иногда одно только время обнаруживаетъ всю красоту и всю заслугу произведеній.

Многообразныя формы искусства суть не иное что, какъ заклина-нія, которыя должны вызывать чувства и страсти, дѣлать ихъ осяза-тельными, сообщать имъ трепетъ; поэтому гений обнаруживается изобрѣ-теніемъ новыхъ формъ, приравняемыхъ иногда къ чувствованіямъ, еще не явившимся въ волшебномъ кругу. Можно-ли надѣяться, что въ тѣхъ искусствахъ, гдѣ чувствованіе связано съ ощущеніемъ безъ посредства мысли и размыслиенія, одно введеніе новыхъ формъ и образовъ уже не есть преграда немедленному уразумѣнію произведенія?... Удивленіе,

даже усталость, причиняемая странностью пробуждаемых или впечатлѣній, не бываютъ-ли причиною, что такое произведеніе кажется большинству какъ-будто написаннымъ на незнакомъ языкѣ и, отъ того самого, сначала дикимъ?... Уже одна мысль, что къ нему должно приучить ухо, отталкиваетъ отъ него многихъ, упорно избѣгающихъ послѣдовательнаго изученія. Только самыя живыя и молодыя организаціи, менѣе скованныя привычкою, сперва изъ любопытства, а потомъ по страсти берутся за новый идиомъ; черезъ нихъ-то онъ проникаетъ далѣе, и овладѣваетъ упорными областями публики, которая напослѣдокъ начинаетъ понимать его смыслъ, значеніе, устройство и отдаетъ справедливость его достоинствамъ или богатствамъ. По этому-то музыкантамъ, не подчиняющимся условной рутинѣ, болѣе нежели прочимъ артистамъ необходима помощь времени. Они даже не могутъ надѣяться, что смерть на мгновеніе увеличитъ цѣну ихъ труда, какъ это случается съ живописцами, и никто изъ музыкантовъ не могъ-бы возобновить, въ пользу своихъ рукописей, уловку того великаго фламандскаго мастера, который вздумалъ при жизни извлечь пользу изъ своей будущей славы, поручивъ женѣ распустить слухъ о своей смерти, чтобы дороже продать картины, висѣвшія въ мастерской.

Какова-бы ни была популярность нѣкоторыхъ произведеній того, чья жизнь задолго до кончины сокрушилась отъ страданій, должно однакожъ предполагать, что потомство будетъ судить объ его сочиненіяхъ не такъ поверхностно, какъ современники. Будущіе историки музыки отдѣлятъ въ ней должную, и большую, часть тому, кто обозначился столь рѣдкимъ мелодическимъ гениемъ, столь счастливымъ и замѣчательнымъ расширеніемъ гармонической ткани, что его завоеванія будутъ, по справедливости, предпочтены многимъ произведеніямъ, обширнѣйшимъ своею поверхностью, играннымъ и переиграннымъ множествомъ инструментовъ, пѣтымъ и перепѣтымъ множествомъ примадоннъ.

Замкнувъ свой талантъ исключительно въ рамку фортепьяно, Шопень, по нашему мнѣнію, доказалъ самое существенное достоинство писателя: вѣрную оцѣнку формы, въ которой онъ назначилъ себѣ отличиться; по-крайней-мѣрѣ, это обстоятельство, виднаемое ему въ серьезную заслугу, повредило его славу. Едва-ли другой, владѣющій столь высокими средствами мелодіи и гармоніи, устоялъ-бы отъ искушеній, представляемыхъ пѣвьемъ смычекъ, протяжною точностью флейты, оглушительными звуками трубы, до-сихъ-порѣ упрямо признаваемой за единственную вѣстницу древней богини, у которой мы просимъ неожиданной милости. Какое разсудительное убѣжденіе необходимо было ему, чтобы ограничить себя кругомъ, повидимому безплоднымъ, и гениемъ своимъ заставить расцвѣ-

еще въ немъ то, что, казалось, не могло раздаться на этой почвѣ? Сколько сознательной проникательности обнаруживается въ этомъ исключительномъ выборѣ, который, вырывая различныя инструментальныя эффекты изъ постоянной ихъ области, затопленной шумомъ, переносилъ ихъ въ сферу, болѣе-сжатую и болѣе-идеальную! Сколько довѣрія въ будущность своего инструмента должно было присутствовать при этомъ добровольномъ отреченіи отъ эмпиризма, до того распространявшагося, что другой счелъ-бы за надѣжность отнимать столь великія мысли у настоящихъ ихъ истолкователей! Какъ часто мы должны сердечно удивляться этому единственному занятію прекраснымъ для прекраснаго, которое отклоняло талантъ Шопена отъ общей страсти дробить каждый до-скутокъ мелодіи между сотнею нюансовъ, и заставляло его увеличивать средства искусства, сосредоточивая ихъ на мѣльцѣмъ пространства!

Не добиваясь трескотни оркестра, Шопенъ удовольствовался кожнымъ воспроизведеніемъ своей мысли на кости клавиатуры, и поставилъ себѣ цѣлью — придать ей всю должную энергію, безъ притязаній на эффекты ансамбля и на кисти декоратора. Въ наше время еще не обсудили серьезно и внимательно цѣну рисунковъ нѣжной кисти Шопена, потому что привыкли считать тѣхъ только композиторовъ за достойныхъ громкаго имени, которые оставили по себѣ по-крайней-мѣрѣ полдюжины оперъ, столько же ораторій и нѣсколько симфоній, требующихъ отъ каждаго музыканта, чтобы онъ дѣлалъ все, и даже немножко больше, нежели все. Справедливость такого мнѣнія, хотя общепринятаго, очень загадочна. Мы вовсе не возстаемъ противу славы, приобретаемой большимъ трудомъ, и противу дѣйствительнаго превосходства эпическихъ поэтовъ, разсказавшихъ на обширномъ планѣ свои роскошныя созданія; но мы желали-бы, чтобы къ музыкѣ примѣняли оцѣнку, принятую для матеріальныхъ размѣровъ въ другихъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ, оцѣнку, которая, на-примѣръ, въ живописи ставитъ крошечную картину Рубенса, *Кладбище*, написанную на двадцати квадратныхъ дюймахъ, выше многихъ огромныхъ картинъ, хотя-бы онѣ были писаны Рубенсомъ или Тицианомъ. Развѣ не *соната* Пастрарра обаяла своею силой, а многие-ли, изъ самыхъ ревностныхъ почитателей его благодѣянной мозаикъ, знаютъ о существованіи его поэмы... *Африка*? Не смѣиваемся, что предрасудокъ, который ослѣпляетъ у артиста, ислѣдовавшаго сонаты въ родѣ шубертовскихъ, преимушество надъ тѣмъ чуждымъ композиторомъ, плодившимъ вѣдныя мелодіи въ дюжины оперъ, постепенно исчезнетъ, и что наконецъ и въ музыкѣ, особенно въ мелодіи произведенійхъ, обратятъ вниманіе на краснорѣчіе и талантъ, съ которыми будутъ выражаться мысли и чувства, каковы-бы, впрочемъ,

не были пространством и средства, употребленные для ихъ истолкованія.

Внимательно разбирая сочиненія Шопена, находишь въ нихъ красоты первоклассныя, выраженія совершенно новыя и гармоническія сочетанія, столь же оригинальныя, какъ ученія. У него, снѣлость всегда оправдана; богатство, даже излишество, не исключаетъ ясности; странное не переходитъ въ уродливость; рѣзья подчинена условіямъ порядка, и роскошь орнаментовъ не обременяетъ изящества главныхъ линий. Лучшія пьесы его изобилуютъ соображеніями, можно сказать, составляющими эпоху въ механизмѣ музыкальнаго стиля. Снѣлыя, блестящія, увлекательныя, онѣ скрываютъ свою глубину подъ такою граціей, и локость подъ такою прелестью, что едва можешь воздержаться отъ нихъ увлекательности, чтобы хладнокровно обсуживать ихъ съ теоретической точки зрѣнія.

Шопену обязаны мы этою растяжимостью аккордовъ, ровныхъ или въ арpeggiaхъ, хроматическими или энгармоническими излучинами, поразительные примѣры которыхъ встрѣчаются на его страницахъ; этины маленькими группами нотъ, подающихъ подобно капельчамъ разноцвѣтной росы на мелодическую фигуру. Онъ далъ этому наряду, для котораго брали образцы только съ *фиоритуръ* старинной школы итальянскаго пѣнія, неожиданность и разнообразіе; изобрѣлъ удивительныя гармоническія прогрессіи, придавшія серьезный характеръ даже тѣмъ страницамъ, которыя, по легкости своего сюжета, кажется, и не должны были имѣть притязаній на такую важность. Но какое дѣло до сюжета? Развѣ онъ возвышается, облагороживается и увеличивается не отъ мысли, которую извлекаютъ изъ него, не отъ ощущеній, которыхъ трепѣть возбуждаетъ въ немъ артистъ? Сколько задумчивости, остроумія, пронипательности и, особенно, *искусства* въ образцовыхъ созданіяхъ Лафонтена, написанныхъ на обыкновенные сюжеты и съ такими скромными заглавіями! Названія *эпизодовъ* и *ярелюдій* такъ же точно просты; однакожь пьесы Шопена, вышедшія подъ этими заглавіями, тѣмъ не менѣ останутся типами совершенства, въ созданномъ имъ родѣ, обнаруживающемъ, какъ и все его сочиненія, характеръ его поэтическаго гена. Пьесы эти, написанныя въ одинъ пріемъ, запечатлѣны юношескимъ жаромъ, который охлаждается въ многихъ послѣдующихъ его сочиненіяхъ, выработанныхъ, доконченныхъ, обдуманыхъ, и совершенно пропадаетъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, написанныхъ подъ вліаніемъ раздраженной чувствительности, которая какъ-будто истощилась.

Еслибъ намъ должно было говорить здѣсь школьными терминами о развитіи фортепьянной музыки, мы раздробили-бы эти богатые страницы,

представляющія столь обильную жатву наблюдѣній, и поистинѣ бы, на первой линіи *ноттуры*, *баллады*, *impromptu*, *scherzo*, исполненныя столь же неожиданныхъ, какъ неслыханныхъ гармоническихъ тонкостей, которыя также находятся и въ его *польскихъ*, *мазуркахъ*, *вальсахъ*, *болеро*. Но здѣсь не мѣсто подобному труду, занимательному только адептамъ контра-пункты и генералъ-баса.

Произведенія Шопена обязаны своею популярностью переполняющему ихъ чувству, въ высшей степени романтическому, личному чувству автора, и однакожь симпатизирующему съ каждымъ, кого трогаетъ бѣга и слезы любви.

Шопенъ, не довольствуясь рамками, которыхъ очерки, такъ счастливо избранныя, завистливы совершенно отъ него, захотѣлъ, въ то же время, включить свою мысль въ классическіе предѣлы. Онъ писалъ прекрасныя *концерты* и прекрасныя *сонаты*; но, во всякомъ случаѣ, въ этихъ произведеніяхъ не трудно замѣтить болѣе воли, нежели вдохновенія, — а воля его была настойчивая, странная, необдуманная, и онъ насилуовалъ своей гевій всякій разъ, когда пытался подчинить его правиламъ, классификаціи, порядку, чуждымъ ему, и несогласнымъ съ требованіями его ума, одного изъ тѣхъ умовъ, которыхъ прелесть являлась особенно тамъ, гдѣ они, кажется, несутся по-вѣтру.

Можетъ-быть, Шопенъ увлекся двойнымъ успѣхомъ поэта, который, подаривъ своей литературѣ фантастическую поэму и романтическія баллады, въ 1818 году создалъ новую школу, и потомъ доказалъ, что онъ такъ же умѣлъ торжествовать надъ трудностями, которыя представляла вдохновенію классическая форма, и былъ властелиномъ своей мысли, когда брался за перо старинныхъ поэтовъ. Шопенъ, съ такими же попытками, по нашему мнѣнію, успѣлъ не вполне. Онъ не могъ удержать въ угловатой и жесткой выкройкѣ волнистый контуръ, составляющій прелесть его мысли; не могъ замкнуть облачную и растушеванную неопредѣленность, которая, сглаживая всѣ рѣзкія черты формы, драпировуетъ ее длинными складками, какъ хлопьями тумана, подобными тѣмъ, которыми были окружены фен Оссіана, когда ихъ нѣжный профиль показывался въ изгибахъ облаковъ передъ взорами смертныхъ.

Однакожь эти опыты блестятъ рѣдкою красотой стили и заключаютъ въ себѣ мѣста, исполненныя высокаго интереса, отрывки, поражающіе величіемъ. Для примѣра, приведемъ *адажіо* втораго *Концерта*, которое замѣтно нравилось самому композитору и которое онъ игралъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Обрисовка подробностей здѣсь принадлежитъ къ самой счастливой манерѣ автора, и главная фраза въ пьесѣ изумляетъ своимъ широтой

Вся эта пьеса идеалъ совершенства; чувство въ ней, то лучезарно, то полно грусти. Она заставляетъ мечтать о великолѣпномъ пейзажѣ, облитомъ солнечными лучами, о какой-то счастливой Темпейской доли-нѣ, въ которую композиторъ помѣстилъ плачевный разсказъ, печальную сцену. Кажется, будто неистѣвная скорбь овладѣваетъ повтомъ въ присутствіи этой роскошной природы. Контрастъ поддерживается слияніемъ тоновъ, постепеннымъ смягченіемъ оттѣнковъ, такъ, что никакой толчекъ, никакая неожиданность не производятъ диссонанса въ потрясающемъ впечатлѣніи, которое, въ одно и тоже время, заставляетъ радость призадуматься и печаль — улыбнуться.

Глухой гнѣвъ, подавленная досада встрѣчаются во многихъ пассажахъ произведеній Шопена, и многихъ его *эмодахъ*, также, какъ его всегда рисуютъ сосредоточенную раздражительность, надъ которою носится отчаяніе, то ироническое, то высокомерное. Эти иррачные припадки его музы болѣе проходили незамѣченными и менѣе были понимаемы, нежели пьесы, написанныя нѣжнѣйшимъ колоритомъ, — чему способствовалъ и личный характеръ Шопена. Снисходительный, при-вѣтливый, сговорчивый, всегда въ ровномъ и крѣпкомъ расположеніи духа; онъ не обнаруживалъ тайныхъ судорогъ, волновавшихъ его сердце. Не легко было уловить такой характеръ, состоявшій изъ тысячи оттѣнковъ, которые скрывались одни подъ другими, и съ перваго взгляда казавшіяся загадкою.

Слабая и болѣзненная организація не позволяла Шопену энергиче-ски выражать свои страсти, и онъ дѣлился съ друзьями только сла-достными и нѣжными. Въ тѣснотѣ большихъ городовъ, гдѣ каждый за-нять своимъ дѣломъ, гдѣ ни у кого нѣтъ времени разгадывать чужую судьбу, гдѣ о каждомъ судятъ по его вѣншей дѣятельности, безъ со-мнѣнія, не многіе углубляются далѣе поверхности характеровъ. Но прибли-женные къ Шопену, бывшіе съ нимъ въ частыхъ сложеніяхъ, замѣчали въ немъ, во временахъ, нетерпѣніе и досаду. Будучи слишкомъ слабъ, чтобы передавать это нетерпѣніе энергіей своей игры, онъ вознагра-ждалъ себя, мотряя его бумагъ, и любилъ слушать, когда другіе съ силою и выраженіемъ исполняли его пьесы, въ которыхъ всплы-ваетъ горестъ чловѣка, снѣдаемаго глубокою раной, какъ около наряднаго фрегата, готоваго идти ко дну, всплываютъ обломки его боковъ, отрывааемыхъ волнами.

Впечатлѣнія этого рода были тѣмъ важнѣе въ жизни Шопена, что они чувствительно проявлялись и въ его сочиненіяхъ. Мало-по-малу они перешли въ какую-то болѣзненную вспыльчивость, которая, достигнувъ лихорадочнаго трепета, произвела складъ мысли, замѣчаемый въ послѣд-

нихъ его произведеніяхъ. Мелодія его сдѣлалась *безпокойною*; нервическая и тревожная чувствительность повела къ упрямымъ мотивамъ, тягостнымъ, какъ зрѣлище мученій, происходящихъ отъ душевныхъ или тѣлесныхъ болѣзней, изцѣляемыхъ только смертью. Шопень страдалъ одною изъ такихъ болѣзней; усиливаясь съ каждымъ годомъ, она похитила его въ цвѣтъ лѣтъ, и въ произведеніяхъ, о которыхъ мы говоримъ, видны слѣды разрушительныхъ страданій, какъ на прекрасномъ тѣлѣ видны слѣды когтей хищной птицы.

Эти aberrации чувства, впрочемъ, однакожъ, не уменьшающія красоту гармонической основы, а напротивъ еще дѣлающія ее любопытною для изученія, рѣдко встрѣчаются въ пьесахъ Шопена, наиболѣе извѣстныхъ, и наиболѣе нравящихся большинству. Хотя *польскіе* Шопена, по трудности ихъ исполненія, не пользуются успѣхомъ, котораго заслуживали бы, однакожъ принадлежать къ прекраснѣйшимъ его вдохновеніямъ; они нисколько не напоминаютъ жеманныхъ и нарумянанныхъ *польскихъ* à la Помпадуръ, играемыхъ бальными оркестрами, виртуозами въ концертахъ, и внесенныхъ въ репертуаръ салонной музыки.

Первоначальный характеръ *польскаго* теперь трудно угадать: до такой степени онъ переродился. Притомъ же, большая часть народныхъ танцевъ теряютъ свою оригинальность, когда свойственная имъ одежда имъ выходитъ изъ употребленія. *Польскій* проходятъ теперь безъ всякихъ быстрыхъ движеній, безъ *па* — въ хореографическомъ смыслѣ слова; онъ обратился въ простую, кругообразную прогулку. По какому-то рѣзкому исключенію, танецъ этотъ былъ назначенъ для того, чтобы выставить преимущественно мужчинъ, и выказывать имъ ловкіе приемы.

Этимъ танцемъ хозяинъ дома открывалъ каждый балъ, выбирая, не самую красивую, но наиболѣе уважаемую даму. За хозяиномъ слѣдовали прочіе, по степени ихъ важности и значенія. Прежде, проходить *польскій* было гораздо труднѣе, нежели теперь. Кавалеръ первой пары долженъ былъ водить шествіе безчисленными излучинами, по множеству комнатъ, до самыхъ отдаленныхъ галлерей, иногда даже въ садъ и боскеты, куда музыка долетала слабымъ эхомъ. После того, какъ хозяинъ уже отдалъ дань гостепріимству, открывъ балъ, каждый изъ гостей имѣлъ право замѣнять его и идти съ его дамой. Такимъ-образомъ, дамы, перемѣняя своего кавалера всякій разъ, какъ новый танцоръ просилъ чести вести первую изъ нихъ, поочередно становились въ первую пару; между-тѣмъ часто случалось, что кавалеръ, открывшій шествіе, занималъ въ немъ послѣднее мѣсто, а иногда и вовсе выходилъ изъ танца, прежде его окончанія.

Кавалеръ, зашедшій нѣсто въ главѣ колонны, старался превзойти своихъ предшественниковъ замысловатостью изворотовъ, которые, ограничиваясь одною залой, еще могли ясно обозначиться, и рисовали граціозныя арабески и даже цифры! Дамы и всѣ, которымъ оставалось только слѣдовать данному направленію, должны были, не влачить шаги по полу, но идти въ-ладъ, мѣрно, и гармонически покачиваться всѣмъ тѣломъ. Пары не торопились смѣнять одна другую, но скользили, подобно лебедямъ по рѣкѣ, какъ-будто невидимая влага приподнимала и опускала ихъ гибкія талии. Мужчина подавалъ дамѣ то одну, то другую руку, то едва касаясь кончиковъ пальцевъ, то сжимая ее дѣлою ладонью; переходилъ направо и налѣво, не оставляя однакоже своей дамы, и эти движенія, подражаемые каждою парой, пробѣгали, какъ дрожь, гигантской змѣи. Кавалеръ, повидимому, озобоченный этими многочисленными маневрами, находилъ, однакожъ, время наклониться къ своей дамѣ, и пользовался удобными мгновеньями, чтобы шепнуть ей любезность, если она была молода, и любопытную новость, если дама уже вышла изъ тѣхъ лѣтъ, для которыхъ существуютъ нѣжныя признанія.

Первоначальная музыка польскихъ, судя по ея образчикамъ, восходящимъ не далѣе какъ за одно столѣтіе, не имѣетъ большой цѣны для искусства. Характеръ этой музыки совершенно измѣнился, и уже въ польскихъ Липинскаго мелодія начинаетъ обрисовываться болѣе и болѣе, распространяя ароматъ молодости и любви. Мейзедеръ придалъ польскимъ очаровательную увлекательность концертной музыки. Подражатели его затопили насъ пьесами, которыя, подъ названіемъ *полонезовъ*, вовсе уклонились отъ прежняго стиля.

Геніальный человекъ — Веберъ возвратилъ этотъ стиль. Веберъ, принимаясь за какой-бы ни было сюжетъ, выжималъ изъ него, какъ сокъ, всю поэзію, и овладѣвалъ мыслью, такъ полновластно, что, послѣ него, трудно было приступить къ ней, въ надеждѣ произвести такой же эффектъ. Однакоже, Шопенъ превзошелъ его въ этомъ вдохновеніи, столько же числомъ и разнообразіемъ сочиненій въ этомъ родѣ, какъ и новостью гармоній. Его польскіе въ *la* и *la-bémol majeur* наиболѣе приближаются, по направленію, къ веберову польскому въ *mi-majeur*. Шопенъ развивалъ эту тему иначе, — всегда ли счастливые — вопросъ неясный въ подобномъ дѣлѣ. Можно ли стѣснять права поэта на разныя стороны изобрааемыхъ имъ сюжетовъ? Развѣ не позволено поэту веселиться, когда другіе скорбятъ, и быть мрачнымъ посреди всеобщаго джованья?

Самый замѣчательный и наиглубже задуманный польскій Шопена —

Ronde Polonaise въ *sa-diéze mineur*, вставленный въ мазурку: гениальный капризъ бала.

Въ *польскомъ-фантазіи*, принадлежащемъ къ послѣднему періоду сочиненій Шопена, и написанномъ подъ вліяніемъ какой-то болѣзненной тоски, нѣтъ никакого слѣда роскошныхъ картинъ.

Мазурки Шопена, относительно выраженія, значительно отличаются отъ его *польскихъ*. Въ нихъ совершенно иной характеръ; это другая середина, въ которой нѣжные, блѣдые и измѣняющіеся оттѣнки замѣняютъ богатый колоритъ. Въ мазуркахъ впечатлѣніе чисто индивидуальное; женскій и женственный элементъ, вмѣсто того, чтобы скрываться въ таинственную полутьму, является на первомъ планѣ, и получаетъ столь большое значеніе, что другіе исчезаютъ, уступая ему мѣсто, или, по-крайней-мѣрѣ, служатъ ему только аккомпаниментомъ.

Удовольствіе всегда отравляется грустью. Народные напѣвы модулируютъ это и въ музыкѣ и въ словахъ, почти всегда присоединяемыхъ къ ней, и воспроизводятъ контрастъ этого страннаго и привлекательнаго эффекта, возбуждаемаго, въ дѣйствительности, потребностью *разрешенія въ горь*, которая заставляетъ искать очаровательнаго забвенія въ прелести мазурки и мимолетныхъ ея грезахъ. Слова, распѣваемые подъ ея мелодію, даютъ, сверхъ того, грезамъ возможность тѣснѣе, нежели другія танцевальныя арии, сближаться съ прошлою любовью воспоминаніемъ. Свѣжіе и звучные голоса не разъ повторяли это воспоминаніе въ одиночествѣ, по утрамъ, въ веселые часы бездѣлья. Не эти ли пѣсни звучали въ лѣсу, на лодкѣ, въ тѣ минуты, когда нами вдругъ овладѣвало душевное потрясеніе; когда встрѣча, картина, неожиданное слово озарали незабвеннымъ для сердца блескомъ часа, минуту, которымъ суждено было просочиться въ нашей памяти, сквозь отдаленнѣшіе годы и области будущаго?

Шопень чрезвычайно счастливо воспользовался этими вдохновеніями. Вышлировавъ эти алмазы тысячею граней, онъ открылъ весь огонь камня, и, собравъ самую пыль его, обративъ ее въ розы. Да и притомъ, какая другая рама способствовала бы ему нарисовать сцены, описать эпизоды, развить цѣлыя поэмы, которыя звучали бы далѣе прѣсловъ своего источника и впредь принадлежали бы къ разряду идеальныхъ типовъ, освѣщенныхъ лучезарнымъ пламенемъ искусства?

Чтобъ понять, какъ эта рамка соответствовала оттѣнкамъ чувствъ,

которыя Шопенъ умѣлъ включить въ нее такими радужными красками, надобно видѣть мазурку тамъ, гдѣ понимаютъ всю прелесть этого танца. Мужчина, выбранный дамой, овладѣваетъ ею, какъ добычей, которую онъ гордится, и показываетъ ее своимъ соперникамъ прежде, нежели унести ее въ вихрь. Что можетъ быть очаровательнѣе зрѣлища, представляемаго баломъ, когда, въ началѣ мазурки, вниманіе всей залы, вмѣсто того, чтобы развлекаться множествомъ лицъ, устремляется на одну пару, которая пустилась въ пространство залы! Кавалеръ, такъ-сказать, ставитъ ударенія на своихъ па, оставляетъ на мгновенье даму, какъ-будто для того, чтобы лучше разсмотрѣть ее; потомъ послѣшно беретъ ее за руку, или же самъ дѣлаетъ кругъ, какъ обезумѣвшій отъ радости. Иногда, двѣ пары пускаются въ одно время, кавалеры мѣняются дамами, или же является третій, хлочая въ ладоши, и похищаетъ одну изъ дамъ у своего партнера.

Вальсъ и галопъ разрозниваютъ танцующихъ и представляютъ, для присутствующихъ, какую-то спутанную картину; кадрили похожи на урокъ фехтованья, въ которомъ участвующіе наступаютъ и парируются съ одинаковымъ равнодушіемъ, и рисуются небрежною граціею; живость вольки сдѣлалась очень загадочною; фанданго, тарантеллы, менуэты — маленькія любовныя драмы, различныя по характеру, занимательны только для самихъ танцующихъ; здѣсь мужчина не выставляетъ женщины, и публика остается только слѣдовать за кокетствомъ принужденной шатлонны, которая вовсе до нея не касается; въ мазуркѣ, напротивъ, публика участвуетъ въ дѣйствіи, и роль мужчины не уступаетъ ни въ важности, ни въ граціи роли женщины.

Длинные промежутки времени, раздѣляющія появленіе паръ, представляются бесѣдъ танцоровъ; но когда снова приходитъ имъ очередь выступить на сцену, — въ этой бесѣдѣ участвуетъ и публика. Передъ нею-то мужчина гордится дамой, которая отдала ему преимущество; передъ нею-то онъ долженъ показать свое искусство, потому-что удивленіе кавалеру — самое лестное торжество для его дамы. Но, при послѣднемъ мгновеньи, она формально отдаетъ ему одному эти похвалы, порхнувъ къ нему и отдыхая на его рукѣ: движеніе съ тысячею отгѣнковъ, отъ страстнаго увлеченія до самаго разсѣяннаго равнодушія.

И сколько различныхъ моментовъ, пока пара обойдетъ залу! Начиная съ какою-то робкою нерѣшительностью, женщина сперва покачивается изъ стороны въ сторону, какъ птичка, готовая улетѣть; долго скользнуть одною ногою по зеркалу паркета, потомъ бѣжить, какъ дитя, и вдругъ улетаетъ. Тогда вѣки ея поднимаются, и, какъ Діана-охотница, съ возвышеннымъ челомъ, вздымающемся груди, она разсѣкаетъ

воздухъ, и какъ-будто играетъ пространствомъ. Послѣ того, она опять начинаетъ кокетливое глоссѣ, осматриваетъ зрителей, посылаетъ нѣсколько улыбокъ, нѣсколько словъ тѣмъ, къ кому наиболѣе расположена; протягиваетъ руки къ догоняющему ее кавалеру, и снова предается своимъ нервическимъ па, которыя съ изумительною быстротою переносятъ ее изъ конца въ конецъ залы. Она скользитъ, бѣжитъ, летитъ; усталость окрашиваетъ ея щеки, зажигаетъ ея взоръ, наклоняетъ ея талію, замедляетъ ея шаги, до-тѣхъ-поръ, пока, едва переводя духъ, въ изнеможеніи, она мягко опускается въ объятія своему кавалеру, который, схвативъ ее сильною рукою, мгновенно подымаетъ на воздухъ, прежде, нежели окончить съ нею упительный кругъ.

Этотъ торжественный бѣгъ варьируется безчисленными фигурами. Въ первой цѣпи, всѣ пары берутся за руки и, образуя большой кругъ, освѣпляющій своимъ мгновеннымъ вращеньемъ, плетутъ гирлянду, въ которой каждая женщина—единственный цвѣтокъ въ своемъ родѣ, и однообразный мужской костюмъ, подобный чернымъ листьямъ, придаетъ еще болѣе блеска разнообразію красокъ. Потомъ, всѣ пары съ сверкающимъ одушевленіемъ устремляются въ пространство, и чрезъ часъ или два кругъ снова замыкается, и танецъ кончается. Въ тѣ дни, когда забава и удовольствіе разливаютъ на всѣхъ восторженную веселость; играющую, какъ сокъ виноградныхъ кистей, въ иныхъ впечатлительныхъ организаціяхъ, общая прогулка начинается опять, и ускоренный шагъ ея не позволяетъ подозрѣвать ни малѣйшей усталости въ нѣжныхъ женщинахъ, какъ-будто члены ихъ надѣлены послушною и неутомимою гибкостью стали.

Почти всѣ мазурки Шопена исполнены этой влюбленной легкости, которая, подобно электрической струѣ, носится сквозь его *прелюдіи, нѣттурны, экспромты*, представляющіе, одно за другимъ, всѣ видоизмѣненія страсти: прелестные обманы кокетства; неосязаемые узы расположения; своиравные узры фантазій; томленіе радости, которая не выпускаетъ отростковъ, родится умирающею—цвѣткомъ печали, похожій на черныя розы, наводящія грусть даже запахомъ своихъ лепестковъ, падающихъ съ хрупкихъ стеблей при малѣйшемъ дуновеніи; искры безъ отблеска, зажигаемая ложнымъ тщеславіемъ, подобныя блеску гнилаго дерева, замѣтному въ темнотѣ; удовольствія безъ прошлаго и безъ будущаго, отнятыя у случайныхъ встрѣчъ; эскизы чувствъ, которыхъ гамма безконечна, и которымъ мы приписываемъ дѣйствительную поэзію, высоту, прелесть, благородство.

Въ болѣе части шопеновыхъ *вальсовъ, балладъ, этюдовъ*, и въ упомянутыхъ нами пьесахъ, почіетъ набальзамированная память той

летучей поэзіи, которую онъ идеализируетъ иногда до такой тонкости, что она кажется принадлежащею, не нашей природѣ, а міру волшебства, и раскрываетъ намъ тайны пери, Титаній, Аріэлей, царицъ Мабъ, духовъ воздуха, воды и пламени... Пьесы эти—то фантастическія, веселыя, какъ топотъ ножекъ упрямой сѣльфиды; то—бархатистыя и мягкія, какъ платье саламандры; ныя похожи на спазмы сдержанныхъ рыданій; другія остроумны и насмѣшливы, играютъ исключительно на черныхъ, и напоминаютъ веселость Шопена, который также точно касался только верхнихъ клавишъ ума, былъ воплощеннымъ аттицизмомъ, удалялся отъ простонароднаго разгула, грубаго хохота, какъ отъ животныхъ, болѣе противныхъ, нежели ядовитыхъ, одинъ взглядъ на которыхъ отталкиваетъ чувствительныя и нѣжныя натуры.

Въ мазуркахъ Шопена господствуетъ чрезвычайное разнообразіе сюжетовъ и впечатлѣній; многія между ними перемѣшаны съ брацаньемъ шпоръ, но еще въ большихъ, прежде всего, чувствуешь легкой шорохъ крепа и газу подъ дыханьемъ танца, шелестъ вѣтеровъ, столкновение золота и алмазовъ. Однѣ изъ нихъ, кажется, рисуютъ удовольствіе, но подрытое страхомъ—бѣгъ наканунѣ разлуки: сквозь танцевальный тактъ слышишь вздохи и прощанье;—другія разоблачаютъ тоску, страданія и тайную скорбь, внесенныя на пиръ, котораго шумъ не можетъ заглушить воплей сердца;—въ иныхъ слышишь страхъ, предчувствіе любви, которая борется съ ревностью, видитъ себя побѣжденною, и сожалеетъ, не рѣшаясь проклинать;—даже, вихрь, бѣшенство; мелодія пробѣгаетъ по немъ туда и сюда, задыхаясь, отрывисто, какъ бѣіеніе сердца, которое пухнетъ отъ горести, разрушается, и гибнетъ о любви;—еще да же, отголосокъ лавтавръ, какъ воспоминаніе о турнирѣ. Въ иныхъ изъ этихъ мазурокъ, ритмъ неопредѣлтеленъ, какъ чувство двухъ молодыхъ любовниковъ, смотрящихъ на звѣзду, которая одиноко взошла на небесномъ сводѣ.

...Разъ, послѣ обѣда, насъ было трое, въ томъ числѣ дама, пользовавшаяся въ Парижѣ большимъ уваженіемъ. Шопенъ игралъ на фортепьяно; дама болѣе и болѣе погружалась въ размышленіе, подобное тому, какое вселяетъ видъ надгробныхъ камней, раскиданныхъ на поляхъ Турціи, которой цвѣтники и тѣнистыя деревья предвѣщаютъ веселый садъ путешественнику. Дама спросила у Шопена, откуда происходитъ невольное уваженіе, преклоняющееся передъ памятниками, по видимому, только красивыми, и какимъ именемъ назвать необыкновенное чувство, которое влагалъ онъ въ свои произведенія, какъ неизвѣстный прахъ въ драгоцѣнную урну?... Артистъ, побѣжденный слезами, увлажившими прекрасныя рѣсницы, и съ откровенностью, весьма рѣдкою

при его скрытности во всемъ, что касалось душевныхъ сокровищъ, которая влагалъ онъ въ блестящую оправу своихъ произведеній, отвѣчалъ слушательницѣ, что она не ошиблась въ его мечтательной тоскѣ; потому-что, допуская мимолетное развлеченіе, онъ, однакоже, никогда не отрывался отъ чувства, которое было, такъ-сказать, почвою его сердца, и для котораго онъ не находилъ другаго выраженія, кромѣ слова: *жалъ!*

Шопенъ, исполняя свои сочиненія, всегда волновалъ мелодію, и обозначилъ на нихъ эту манеру, придававшую совершенно-особый отпечатокъ игрѣ, словами *tempo rubato*, — темпъ украдчивый, отрывистый, мѣру гибкую и въ тоже время полную нѣги, похожую на дрожаніе пламени подъ вѣтеркомъ. Впослѣдствіи Шопенъ пересталъ прибавлять это слово на своихъ изданіяхъ, будучи убѣжденъ, что понижающіе его произведенія не могутъ не угадать этого правила неправильности. Оттого, всѣ пьесы Шопена должно играть съ какинъ-то акцентированнымъ колебаніемъ, котораго тайну трудно постичь, не слышавъ, какъ онъ передавалъ ихъ самъ. Ему, кажется, хотѣлось завѣдать эту манеру своимъ многочисленнымъ ученикамъ и ученицамъ, и они или, вѣрнѣе, онъ слѣдили за всѣми колебаніями его лазурной влаги.

Сказавъ о композиторѣ въ сочиненіяхъ, куда, какъ слезы въ слезо-траншею, вылились всѣ воспоминанія его молодости, всѣ оболещенія сердца, всѣ восторги стремленій и недосказанныя увлеченія; о сочиненіяхъ, гдѣ, пройдя за предѣлы нашихъ чувствованій, для него слышались тупыхъ, нашихъ воспріятій, для него слишкомъ тусклыхъ, онъ вторгается въ область дріздъ, ореадъ, океанидъ; намъ оставалось бы сказать объ его исполнительномъ талантѣ, еслибъ у насъ достало смѣлости, еслибъ мы могли вырыть изъ праха ощущенія, связанные съ самыми задушевными личными воспоминаніями и окрасить ихъ саванъ въ яркіе цвѣта. Но мы не чувствуемъ въ себѣ силы для этого, да и къ чему повели бы наши усилія? Возможно ли тѣмъ, которые не слышали Шопена, передать прелесть поэзіи, тонкую и проникательную, какъ легкій экзотическій ароматъ желѣзнака или *calla-ethiopica*, ароматъ, распространяющійся только въ покояхъ рѣдко посѣщаемыхъ и исчезающій, будто въ мсугъ, посреди многолюдства, гдѣ воздухъ сгущается, и сохраняетъ только живой запахъ вполне расцвѣтшихъ туберозъ, или пылающихъ свомы.

Шопенъ зналъ, что онъ не дѣйствуетъ на толпу, не можетъ поразить массу, потому-что, подобно свинцовому морю, волны ихъ, какія бы ни были, огнѣ, однакоже не легко сдвинуть съ мѣста, и онъ тре-

буютъ могучей руки работника, чтобы вылиться въ форму, въ которой растопленный металл вдругъ превращается въ мысль и чувство. Шопенъ говорилъ, однажды, своему другу, приобрѣтшему, вносѣдствіи, артистическую извѣстность: «Я не гоужусь для концертовъ; мнѣ страшно въ публикѣ, дѣлается дурно отъ ея дыханія; меня парализуетъ любопытный взоръ, я нѣмѣю передъ незнакомыми лицами; но вы—назначены давать концерты; если бы вамъ не удалось задобрить публику, у—вась есть, чѣмъ ее уничтожить.»

Понимая взыскательную природу своего таланта, онъ очень рѣдко игралъ въ публикѣ и, кромѣ нѣсколькихъ концертовъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, при дебютѣ своемъ въ 1831 году, давалъ концерты только въ Парижѣ; слабость здоровья, столь хилаго, что иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ лежалъ при смерти, не позволяла ему путешествовать. Въ поѣздкѣ на Югъ, предпринятой въ надеждѣ на благотворное дѣйствіе теплаго климата, Шопенъ былъ такъ опасно боленъ, что содержатели гостиницы не разъ требовали отъ него полной платы за кровать и матрацъ, чтобы потомъ съечь ихъ, полагая, что онъ пріѣхалъ въ томъ періодѣ грудной болѣзни, когда она дѣлается скоро прилипчивою.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что эти концерты утомляли не только физическое сложеніе Шопена, сколько его артистическую раздражительность. Подъ добровольнымъ отреченіемъ отъ шумныхъ успѣховъ, онъ, кажется, скрывалъ душевное сокрушеніе. Онъ ясно чувствовалъ свое превосходство; но, можетъ-быть, отсюда-ски извнѣ не поселяли въ немъ спокойной увѣренности, что онъ будетъ оцѣненъ вполне. Ему недоставало шумныхъ похвалъ, и онъ, конечно спрашивалъ у себя, до какой степени избранные салоны замѣняли своими рукоплесканіями публику, которой онъ избѣгалъ? Не многіе понимали его; но эти немногіе достаточно ли его поднимали? Быть можетъ, его сѣдало неопредѣленное неудовольствіе на самого себя, Похвалы были ему почти неприятны. Тѣ, на которыя онъ имѣлъ право, не доходили до него широкой волною, а изолированныя похвалы казались ему жалкими. Сквозь холодно-вѣжливыя фразы, съ какими онъ часто отряхалъ ихъ, какъ докучную пыль, можно было, безъ особенной пронизательности, замѣтить, что рукоплесканія находилъ онъ не только скучными, но даже неумѣстными, и желалъ бы лучше, чтобы ими не тревожили его уединенія и чувства.

Слишкомъ хорошо понимая насмѣшку и будучи самъ слишкомъ остроумнымъ насмѣшникомъ, чтобы подставлять грудь подъ сарказмъ, Шопенъ не драпировался непонятымъ гениемъ. Подъ наружнымъ удовольствіемъ, онъ такъ искусно скрывалъ рану справедливой гордости, что почти не-

возможно было ее замѣтить. Но рѣдкость его концертовъ * принисывалъ, и не безъ причины, скорѣе желанію набѣгать случаевъ, которые не принесли бы ему всей должной дани, нежели слабости здоровья, разстроеннаго многочисленными уроками и трудомъ.

Достоинъ сожалѣнія, что несомнѣнная для артиста выгода имѣть дѣло съ избранною публикой—уменьшаются отъ излишней бережливости, съ какою она выражаетъ свое сочувствіе. Доскъ, которыми покрывается она свое одобреніе, и невозмутимое спокойствіе ея энтузіазма недостаточны для артиста. Поэтъ, оторванный отъ своего одинокаго вдохновенія, можетъ опять найти его не иначе, какъ въ живомъ и одушевленномъ участіи слушателей, и никогда не почерпнетъ этого вдохновенія въ холодномъ взорѣ ареопага, собравшагося судить его. Артисту должно видѣть, что онъ потрясаетъ слушателей; что его чувство нашло въ нихъ созвучіе тѣхъ же самыхъ истиннѣйшихъ; наконецъ, что онъ увлекаетъ ихъ за собою, въ своемъ переселеніи къ безконечному, какъ предводитель крылатой стаи, когда онъ даетъ сигналъ къ отлету, и за нимъ слѣдуетъ вся станица къ лучшимъ берегамъ.

Но было иначе. Собралъ ли Шопенъ всю дань восторженнаго удивленія, котораго заслуживалъ, слушали ль его, какъ многихъ другихъ, во всѣхъ климатахъ; получалъ ли онъ блистательные триумфы, признали ль его, вмѣсто тысячъ, только сотни, — мы не остановимся однакожь въ исчисленіи его успѣховъ.

Что букеты для тѣхъ, которые ищутъ лавровыхъ вѣнковъ? Эфемерное сочувствіе, похвалы мимоходныя, тяжело упоминать возлѣ поглы, вызывающей къ полной славѣ. Созданіемъ Шопена суждено вносить въ отдаленныя страны и годы радости, утѣшеніе, благотворныя ощущенія, возбуждаемыя произведеніями искусства въ душахъ страдающихъ, алчущихъ, падающихъ или твердыхъ и полныхъ вѣры, которымъ посвящены эти сочиненія, и заключать обшую связь между возвышенными натурами, на какомъ бы пунктѣ земли, въ какое бы время ни жили онѣ, — неразгаданная своими современниками, пока онѣ молчали, и часто непонятая ими, когда говорили!

«Есть разные вѣнки», сказалъ Гёте: «иные можно собирать, прогуливаясь». Последніе могутъ вращаться на нѣсколько мгновеній своею благоуханною свѣжестью; но мы не доложимъ ихъ рядомъ съ вѣнками, которые Шопенъ снискалъ постояннымъ, прилежнымъ трудомъ, серьезною любовью къ искусству, и горестнымъ прочувствованіемъ впечатлѣній, которыя онъ такъ прекрасно выражалъ.

* Въсѣмъ лѣтъ Шопенъ вовсе не игралъ въ публикѣ, и концертъ его, въ 1844 г. въ залѣ Плейель, данъ послѣ десятилѣтняго промежутка.

Самыя лучшія пальмы, какія артистъ можетъ получить при жизни, были вручены Шопену *знаменитыми ровнями*, и восторженное удивленіе было выражено ему публикою, еще тѣсвѣйшею, нежели кружокъ любителей, посѣщавшихъ его концерты. Группа знаменитыхъ именъ составляла эту публику, и имена эти преклонились передъ нимъ, какъ герои разныхъ странъ, собравшіеся торжествовать одного изъ своихъ собратьевъ. Они—то вполне принесли ему должную дань.

Въ гостиной Шопена не разъ сходились замѣчательнѣйшіе умы Парижа, сходились, правда, не на періодическіе вечера, какіе представляетъ себѣ воображеніе иныхъ переменно-скучныхъ кружковъ; потому—что веселость, одушевленіе, увлеченіе ни къ кому не приходятъ въ назначенный часъ, а еще менѣе къ истиннымъ артистамъ. Притомъ—же, для поэтовъ и художниковъ, веселость—вещь рѣдкая! Нѣкоторые изъ нихъ, правда, имѣютъ счастливый даръ перевозомать внутреннее нездоровье, всегда легко нести свое бремя, смѣяться съ своими спутниками надъ препятствіями пути, и сохраняютъ благосклонную ясность, которая, какъ подразумеваемый залогъ надежды и утѣшенія, одушевляетъ, и оживляетъ ихъ въ этой пріятной атмосферѣ.

Шопенъ собственно не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; онъ владелъ тою врожденною прелестью обходительности, которая не только подчиняетъ хозяина законамъ долга гостепрѣимства, но еще заставляетъ его отречься отъ всякаго вниманія къ себѣ, и покоряться желаніямъ и удовольствіямъ тѣхъ, кого онъ принимаетъ. Хотя Шопенъ очень замѣтно избѣгалъ общества, однакожъ былъ предупредителенъ, когда друзья дѣлали вторженія въ его гостиную, гдѣ, повидимому, не занимаясь никѣмъ, онъ успѣвалъ занять каждаго тѣмъ, что ему наиболѣе нравилось.

Не безъ труда можно было уговорить Шопена, чтобы онъ отворилъ свою дверь и фортепяно для тѣхъ, которымъ дружба позволяла просить этого настоятельно. Не одинъ изъ насъ, безъ сомнѣнія, помнитъ первый вечеръ, импровизованный у него, не смотря на всѣ отговорки, когда онъ жилъ въ *Chaussée-d'Antin*.

Квартира, нечаянно наводненная посѣтителями, была освѣщена свѣчами, разставленными вокругъ одного изъ тѣхъ плейелевыхъ фортепіанъ, которыя онъ особенно любилъ за ихъ серебряную звучность, отчасти томную, и за легкость туша, позволявшую извлекать изъ инструмента звуки, выходившіе какъ—будто изъ тѣхъ гармоникъ, которыхъ монополію сохранила Германія, и которыя такъ искусно устроивали старинный мастеръ, сочетая хрусталь съ водою.

Мебель, покрытая бѣлыми чалмами, неопредѣленной формы, рисовалась въ полусвѣтѣ, какъ призракъ, явившіеся слушать звуки, которые вызвали ихъ. Свѣтъ, сосредоточенный около фортепяно, падалъ на паркетъ, скользилъ по немъ волною, и сливался съ блескомъ ламина, въ которомъ, по временамъ, вспыхивалъ оранжевый пламень, низкій и широкій, какъ гномы, привлеченные словами ихъ языка. Одинъ только портретъ — портретъ пьяниста и друга, полнаго симпатіи — былъ приглашенъ въ совѣщательные слушатели прилива и отлива тоновъ, которые стонали, гремѣли, шептали и умирали въ рамѣ стоявшаго подъ нимъ инструмента.

Около фортепяно, въ лучезарномъ полукругѣ, сгруппировалось нѣсколько головъ.

Гейне слушалъ, съ любопытствомъ соотечественника, рассказы Шопена о таинственныхъ странахъ, которыя также часто навѣщала его фантазія. Слушатель и повѣствователь понимали другъ друга изъ полуслова, изъ полужвука, и музыкантъ отвѣчалъ изумительными разсказами на вопросы, молча предлагаемые ему поэтомъ.

Возлѣ Гейне сидѣлъ Мейерберъ, для котораго уже давно истощались все междометія, выражающія удивленія, и гармонистъ циклопическихъ сооружений съ удовольствіемъ слѣдилъ за арабесками, облекавшими мысль Шопена въ прозрачную блонду.

Даже, Адольфъ Нурри, благородный артистъ, страстный и строгій, мечтавшій о славѣ съ восторженностью среднихъ вѣковъ, который, въ послѣдніе годы своей жизни, отказался передавать своимъ талантомъ чувства поверхностныя и служилъ искусству съ цѣломудреннымъ уваженіемъ, смотря на него, какъ на хранителя истины и красоты. На челѣ артиста, свѣдаемаго задумчивою страстью къ прекрасному, уже лежала роковая тѣнь, которую отчаяніе слишкомъ поздно объясняетъ людямъ, любопытствующимъ постигнуть тайны сердца и неспособнымъ ихъ разгадать.

Былъ здѣсь также Гиллеръ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ друзей Шопена, родственникъ ему по таланту. Мы часто собирались у Гиллера, и въ ожиданіи великихъ произведеній, изданныхъ имъ впоследствии, между которыми первое было его замѣчательная ораторія «Освобожденный Іерусалимъ», онъ писалъ пьесы для фортепяно. Многія изъ нихъ, подъ названіемъ *этюдовъ*, смѣлыхъ эскизовъ съ законченнымъ рисункомъ, напоминаютъ этюды зелени, въ которыхъ пейзажистъ набрасываетъ цѣлую поэму тѣни и свѣта однимъ деревомъ, одною вѣтвой, однимъ мотивомъ, развитымъ счастливо и широко.

Евгений Делакруа сидѣлъ молча и въ раздумьи передъ видѣніями,

наполнявшими воздухъ. Быть можетъ, онъ спрашивалъ у себя, какую взять палитру, какія кисти, какое полотно, чтобы оживить ихъ своимъ искусствомъ? Можетъ-быть, онъ думалъ, не взять ли полотно, сотканное Арахной, кисть—сдѣланную изъ рѣсницъ феи, палитру—покрытую испареніями радуги,—и улыбался въ душѣ на эти предположенія, и предавался вполнѣ рожденному ими впечатлѣнію...

Углубившись въ кресла и облокотясь на консоль, сидѣла госпожа Сандъ, внушившая своею энергическою личностью нѣжной натурѣ Шопена то удивленіе, которое точило его, какъ слишкомъ крѣпкое вино разрушаетъ слишкомъ хрупкія вазы...

Биографіи людей, посвятившихъ огромные таланты на прославленіе благородныхъ чувствъ въ произведеніяхъ искусства, гдѣ они блещутъ роскошными метеорами, естественно возбуждаютъ любопытство въ глазахъ удивленной и очарованной толпы. Она спрашивается — да иначе и невозможно—чѣмъ эти люди, влюбленные въ прекрасное, отличили свое существованіе отъ существованія большинства? Какъ дѣйствовала эта гордая поэзія, когда боролась съ вещественными интересами? Какъ эти невыразимыя ощущенія любви освободились отъ горечи и плѣсени, которыя обыкновенно ихъ отравляютъ?

Никакая изъ многочисленныхъ складокъ характера Шопена не обнаружилась ни одного движенія, ни одного побужденія, которое бы не было подсказано самымъ утонченнымъ чувствомъ чести и благороднѣйшимъ понятіемъ о любви. И между-тѣмъ трудно найти натуру, болѣе-склонную къ желчи и отрывистымъ странностямъ. Воображеніе его было пламенное, чувствительность раздражительная: у него была слабая и болѣзненная организація. Кто могъ измѣрить глубину страданій, происходившихъ изъ этой противоположности? Они разрывали душу; но онъ не показывалъ ихъ, хранилъ втайнѣ, скрывалъ отъ всѣхъ взоровъ, подъ непроницаемою ясностью гордаго самоотреченія.

Нѣжность сложенія и сердца придавали его какую-то женственность. Исключенный своимъ здоровьемъ изъ сферы обыкновенной дѣятельности, не терпя безполезнаго жужжанья, въ которомъ нѣсколько пчелъ, тратя изобиліе своихъ силъ, мѣшались съ роемъ шмелей, — онъ создалъ себѣ ячейку вдали отъ истоптанныхъ и слишкомъ людныхъ дорогъ. Никакія приключенія, никакіе эпизоды не ознаменовали его жизни, которую онъ упростилъ до-нельзя, хотя былъ окруженъ обстоятельствами, неблагоприятными для достиженія этого результата. Собственные чувства и впечатлѣнія были для него событіями, болѣе-важными, нежели перемѣны и случайности, приходившія извнѣ. Уроки, которые онъ давалъ

постоянно, съ аккуратностью и стараніемъ, были его ежедневнымъ и домашнимъ долгомъ, — и онъ исполнялъ этотъ долгъ совѣстливо и съ удовольствіемъ. Шопенъ взглялъ свою душу въ свои сочиненія; въ нихъ лежалъ онъ то, что души чистыя произносятъ, стоя на колѣняхъ: тайны страсти и скорби, которыя человекъ можетъ понимать безъ словъ, потому-что ему не дано высказывать ихъ словами.

Шопенъ старательно избѣгалъ знаковъ жизни; не вѣшивался ни въ какое дѣйствіе, ни въ какую драму, ни въ какую завязку или развязку; не обнаруживалъ своего вліянія ни на чье существованіе. Воля его никогда не брала верха надъ желаніемъ, чьимъ бы то ни было; онъ не сжималъ, не давилъ ни чьего ума своимъ собственнымъ, не былъ деспотомъ ни одного сердца, не налагалъ покоряющей руки ни на одну судьбу; онъ ничего не домогался, и считалъ унижительнымъ что-либо просить.

Но, зато, онъ ускользалъ отъ всѣхъ узъ, отъ всякой дружбы, которыя хотѣли увлечь его и бросить въ шумныя сферы. Готовый отдать все, онъ не отдавалъ самого-себя. Можетъ-быть, онъ зналъ, какую исключительную преданность, какое безпредѣльное довѣріе онъ достоинъ былъ внушить и раздѣлить! Можетъ-быть, онъ думалъ, какъ нѣкоторыя честолюбивыя души, что любовь и дружба, если онъ не все, то—ничто! Можетъ-быть, ему труднѣе было принять часть ихъ, нежели никогда не касаться этихъ чувствъ! Но точно-ли было такъ — никто не зналъ этого наверно, потому-что онъ никогда не говорилъ ни о любви, ни о дружбѣ. Онъ не былъ взыскателемъ, какъ тѣ, которыхъ права и справедливыя требованія простираются гораздо далѣе того, что имъ предлагаютъ. Самые близкіе къ нему знакомые не проникали до убѣжища, въ которомъ жила его душа, не причастная къ остальной его жизни, — убѣжища, такъ хорошо скрытаго, что его едва можно было подозрѣвать.

Въ сношеніяхъ и разговорахъ своихъ, онъ, повидимому, интересовался только тѣмъ, что занимало другихъ, и остерегался выводить ихъ изъ круга изъ личности и вводить въ свою. Разговоръ его рѣдко останавливался на потрясающихъ предметахъ. Личность Шопена не возбуждала любопытныхъ изслѣдованій; онъ слишкомъ нравился, чтобы заставлять рефлексировать. Все въ немъ было исполнено гармоніи и, повидимому, не требовало комментарій. Взглядъ его былъ скорѣе остроумный, нежели мечтательный; улыбка кроткая; тонкость и прозрачность его кожи краснела глаза; волосы у него были бѣлокурые и шелковистые; носъ прямой; ностиль и манеры чрезвычайно благородныя; жесты граціозныя и живые; звукъ голоса всегда глухой; ростъ не высокій; члены тонкіе. Вся его наружность напоминала растеніе *convolvulus*, котораго

вѣтчикъ, зыблющійся на тонкомъ стеблѣ, сотканъ такъ воздушно, что разлетается отъ малѣйшаго прикосновенія.

Въ обществѣ, Шопенъ былъ иррава ровнаго, какъ человекъ, котораго не смущаетъ никакая скука, потому-что онъ не ждетъ ничего занимательнаго. Онъ, по обыкновенію, былъ веселъ; насмѣшливый умъ его быстро схватывалъ смѣшное, не останавливаясь на поверхности, какою оно поражаетъ глаза; онъ любилъ выставлять въ каррикатурахъ странныя привычки нѣкоторыхъ виртуозовъ, передразнивалъ ихъ жесты, движенія, фзіономію, съ такимъ искусствомъ, которое въ одну минуту обрисовывало личность. Тогда невозможно было его узнать; но, передавая уредливое и смѣшное, черты его не терали врожденной граціи.

Впрочемъ, бывали ипгovenья, когда мы заставляли его глубоко взволнованнымъ; онъ блѣднѣлъ и смѣлъ, какъ трупъ. Но и посреди живѣйшихъ сердечныхъ ощущеній, онъ оставался сосредоточеннымъ, и тогда очень-мало, по обыкновенію, говорилъ о своихъ чувствахъ. Минутное размышленіе навсегда скрывало тайну перваго впечатлѣнія. Эта постоянная власть надъ своимъ характеромъ напоминала печальное превосходство существъ, которыя ищутъ силы въ осторожности и уединеніи, зная, какъ бесполезны взрывы гнѣва, и будучи слишкомъ ревнивы къ тайнѣ своихъ страстей, чтобы открывать ее постороннимъ.

Онъ умѣлъ благородно прощать, и не пыталъ ни малѣйшей злобы къ тѣмъ, которые огорчали его; но какъ оскорбленія эти очень глубоко западали въ его душу, то они зрѣли въ ней неясною мукой, и когда самая причина ихъ уже давно изгладилась изъ его памяти, онъ еще чувствовалъ тайное жало.

Осторожность разговоровъ Шопена простиралась на всѣ предметы, съ которыми связанъ фанатизмъ мнѣній. Будучи въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми замѣчательнѣйшими политическими людьми нашего времени, онъ умѣлъ разграничивать свои сношенія съ ними личною благосклонностію, совершенно независимую отъ единства мнѣній. Онъ слѣдилъ издали за событіями, и пронцательность взгляда, каковую сначала трудно было въ немъ угадать, часто заставляла его предсказывать то, чего не ожидали люди, наиболѣе свѣдующіе. Но если и вырывались у него подобныя замѣчанія, онъ не развивалъ ихъ, и его короткія фразы обращали на себя вниманіе тогда уже, когда онѣ оправдывались событіями. Здравый смыслъ скоро внушалъ Шопену совершенную пустоту большей части ораторскихъ разлагольствій, философскихъ споровъ, и онъ съ раннихъ поръ пришелъ къ любимому правилу чрезвычайно умнаго человека, маркиза Жюля де-Ноайля, который, говаривалъ людямъ, увлекавшимся борьбою мнѣній: «Вы убѣдитесь когда-нибудь, подобно мнѣ, что нѣтъ никакой

возможности говорить о чемъ-бы ни было, съ кѣмъ-бы то ни было». Слова эти, въ то время, удивляли наше неопытное нетерпѣніе, но впоследствии поразили насъ своею вѣрностью.

Въ одномъ только случаѣ, Шопенъ нарушалъ свое обдуманное молчаніе и обычную нейтральность: когда возникалъ вопросъ объ искусствѣ, — единственный вопросъ, въ которомъ онъ, при каждомъ случаѣ, высказывалъ ясно свое сужденіе, и на который онъ настоятельно простиралъ свое вліяніе и свою волю. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ съ большимъ знаніемъ дѣла участвовалъ въ спорахъ; но потомъ, когда торжество его идей уменьшило интересъ роли, онъ уже не искалъ случая снова стать въ главѣ какой-либо фаланги.

Въ 1832 году, вскорѣ по пріѣздѣ Шопена въ Парижъ, въ музыкѣ, какъ въ литературѣ, возникла новая школа, и появлялись молодые таланты, блистательно сбрасывавшіе съ себя иго старинныхъ формулъ. Романтизмъ сдѣлался дневнымъ вопросомъ, и о немъ жарко спорили за и противъ. Не было никакого перемирія между тѣми, которые не допускали ни малѣйшихъ уклоненій отъ прежде-существовавшихъ формъ, и тѣми, которые хотѣли предоставить художнику свободу — выбирать какумъ-угодно форму для выраженія своего чувства, и думали, что, по согласію правила и формы съ чувствомъ, какое хотятъ выразить, каждое особое чувство необходимо допускаетъ особую форму для своего выраженія. Одни вѣрили въ существованіе вѣчной художественной формы, которой совершенство представляло типъ прекраснаго, и съ этой точки зрѣнія судили о каждомъ произведеніи; но утверждая, что эти великіе мастера достигли послѣднихъ рубежей искусства и высочайшаго совершенства, они предоставляли послѣдующимъ художникамъ только приближаться, болѣе или менѣе, къ образцамъ подражаніемъ, отнимая даже надежду сравниться съ ними, потому-что усовершенствованіе способа никогда не можетъ возвыситься до изобрѣтенія. Другіе отрицали, что прекрасное можетъ имѣть форму постоянную и безусловную; различныя формы, проявлявшіяся въ исторіи искусства, казались имъ шагами, разбитыми на дорогѣ идеала, — минутными стоянками, къ которымъ, по временамъ, приходитъ гений, и далѣе которыхъ должны уйти его наслѣдники. Одни хотѣли заключить въ симметрическую ограду вдохновеніе самыхъ различныхъ временъ и натуръ; другіе хотѣли предоставить каждому вдохновенію свойственную ему одежду, принимая за правило только то, что истекаетъ изъ прямыхъ отношеній чувства къ формѣ, чтобы послѣдняя была равна первому. Существующіе образцы, какъ-бы ни были они превосходны, казалось этой школѣ, еще не истощили всѣхъ чувствъ, которыми можетъ овладѣть искусство, и всѣхъ

формъ, какими оно можетъ пользоваться. Не останавливаясь на превосходствѣ формы, они заботились о ней на столько, сколько безукоренное ея совершенство необходимо для полнаго раскрытія чувства; они не знали, что чувство неполно до-тѣхъ-поръ, пока форма, будучи несовершенною, заслоняетъ его лучезарность, какъ темное покрывало. Такимъ-образомъ, они подчиняли поэтическому вдохновенію работу, ремесло, приказывая терпѣнію и гению отыскивать въ формѣ то, что необходимо требованіямъ вдохновенія, и упрекая своихъ противниковъ въ томъ, что они обрекли вдохновеніе на муку Прокуста, не допуская невыразимости нѣкоторыхъ чувствъ въ формахъ, опредѣленныхъ заранѣе, и, такимъ-образомъ, напередъ вычеркнувъ изъ искусства всѣ произведенія, которыя послыгнули-бы ввести въ него новыя чувства, облеченныя въ новыя формы, почерпнутыя въ постепенномъ развитіи человѣческаго разума и матеріальныхъ орудій и средствъ искусства.

Люди, видѣвшіе, какъ пламя таланта сожигаетъ старыя подиестки, примкнули къ музыкальной школѣ, самымъ смѣлымъ и даровитымъ представителемъ которой былъ Берліозъ. Шопенъ присоединился къ нимъ, и былъ одинъ изъ самыхъ ревнительныхъ дѣятелей, старавшихся освободить искусство отъ ига условеннаго стиля, и въ то же время преслѣдовать шарлатанство, которое замѣнило старыя злоупотребленія новыми злоупотребленіями.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ этой кампаніи романтизма, породившаго мастерскіе опыты, Шопенъ казался неизвѣстнымъ въ своихъ симпатіяхъ и отвращеніяхъ. Онъ не отсрочивалъ расчета ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, которые, по его понятіямъ, не показывали чистосердечной преданности этому успѣху въ музыкѣ, и разрывалъ связи, когда онъ стѣсняли его и удерживали у берега ржавыми цѣпями. Съ другой стороны, онъ отказывался входить въ дружественныя сношенія съ молодыми артистами, которые излишне возвышали какую-нибудь заслугу. Шопенъ не удѣлялъ ни малѣйшей похвалы тому, что не казалось ему дѣйствительнымъ приобрѣтеніемъ для искусства, или серьезнымъ сознаніемъ обязанности артиста. Онъ не хотѣлъ покупать похвалы ни у тѣхъ, ни у другихъ пощадою, уступками, которыя дѣлаютъ себѣ разныя школы въ лицѣ своихъ вождей, и которыя ввели во вражду, въ набѣгъ разныхъ стилей на разныя вѣтви искусства, переговоры, условія и трактаты. Не лица посторонней помощи своимъ произведеніямъ, Шопенъ говорилъ, что въ нихъ довольно собственной красоты, чтобы заслужить справедливую оцѣнку, и не торопился, чтобы ихъ тотчасъ признали.

Онъ давалъ нашимъ опытамъ, нашей тогдашней борьбѣ, еще сомнительной и встрѣчавшей болѣе недоумчивыхъ, нежели славныхъ пресни-

нравъ, спору спокойнаго, непоколебимаго убѣжденія, стойкаго характера, надоступнаго усталости и обольщенія, и осязательную помощь — собственныя свои произведенія, лучшее доказательство правоты дѣла. Силъ Шопена сопровождалась такою прелестью, жѣрностью и знаніемъ, что его довѣріе къ своему гевію было оправдано общими удивленіемъ, которое онъ внушилъ. Твердое образованіе, обдуманность, къ которой привыкъ онъ съ юности, уваженіе къ классическимъ красотамъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, предохраняли его отъ растраты силъ въ несчастныхъ попыткахъ и полудачахъ, — удѣлъ не одного приверженца новыхъ идей. Трудолюбивое терпѣніе, съ какимъ выработывалъ и отдѣлывалъ онъ свои произведенія, обезопасило его отъ критики, раздражаемой разномысліемъ. Шопенъ шелъ впередъ, въ силу своего основнаго начала, не махаясь въ преувеличенія, не обольщаясь мировыми сдѣлками, и охотно оставлялъ теоретическія формулы, стремясь только къ ихъ результатамъ. Думая болѣе объ оправданіи себя прекрасными произведеніями, нежели о спорахъ школы, онъ счастливо избѣжалъ личной неприязни и жалкихъ размиреній.

Шопенъ сохранилъ благоговѣйную любовь къ искусству, какую питалъ къ нему первые маэстро среднихъ вѣковъ; какъ для нихъ, искусство было для него прекраснымъ, святымъ призваніемъ, которымъ онъ гордился. Шопенъ доказалъ это чувство, въ часъ своей смерти, изъявивъ желаніе, чтобы его положили въ гробъ, въ томъ фракѣ, въ которомъ онъ игралъ въ своихъ концертныхъ: мысль внушенная неизскакающимъ энтузіазмомъ къ любимому искусству, въ то мгновеніе, когда, исполнивъ послѣдній долгъ христіанина, онъ оставлялъ все, чего не могъ унести съ земли въ вѣчность. Задолго до своей кончины, онъ передавалъ безсмертію свою любовь и вѣру въ искусство, и легъ въ могилу, выразивъ еще разъ, безмолвнымъ символомъ, убѣжденіе, которое хранилъ неприкосновеннымъ во всю свою жизнь. Онъ умеръ, вѣрный самому себѣ, почитая въ искусствѣ его мистическое величіе.

Удалась, какъ мы сказали, отъ тревогъ общества, Шопенъ ограничилъ свою заботливость и привязанность радіусомъ семейства и знакомствъ своей молодости, и поддерживалъ частыя съ ними сношенія. Особенно любилъ онъ сестру свою, Люзу, и сходство ихъ ума и интонацій еще болѣе скрѣпляло эту дружбу. Люза нѣсколько разъ прѣзжала въ Парижъ, видѣться съ братомъ, и пробыла у него три мѣсяца, ухаживая за нимъ во время его послѣдней болѣзни.

Шопенъ велъ постоянную переписку съ родными, — но только съ родными. Одна изъ странностей его заключалась въ томъ, что онъ ни

къ кому не писалъ писемъ. Не разъ, онъ лучше соглашался проѣхать весь Парижъ, изъ конца въ конецъ, чтобы справиться о чемъ-нибудь или отказаться отъ обѣда, нежели написать пару строчекъ. Большая часть друзей не знали его почерка. Шопенъ очень хорошо говорилъ по-французски, но не любилъ объясняться на этомъ языкѣ, находя его невзвучнымъ и холоднымъ.

Въ сношеніяхъ съ родными, Шопенъ не ограничивался одною перепиской; но, съ милою предупредительностью, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, посылалъ имъ тысячу сюрпризовъ, бездѣлушекъ, которыя могли нравиться по своей новости. Онъ желалъ, чтобы эти вещицы берегли, какъ-будто онъ самъ присутствовалъ посреди тѣхъ, кому онѣ назначались, и, въ свою очередь, считалъ драгоценностью каждый предметъ, который присылали ему изъ дому, и не только не позволялъ никому пользоваться имъ, но даже показывалъ неудовольствіе, когда до него дотрогивались.

Матеріальное изищество было также врожденно Шопену, какъ изищество ума, и столько же оказывалось въ принадлежавшихъ ему предметахъ, какъ въ благородствѣ его приемовъ. Онъ любилъ цвѣты, и не приближаясь къ блистательному богатству, съ какими иныя парижскія знаменитости украшали въ это время свои покои, онъ умѣлъ здѣсь, какъ и въ своей одеждѣ, держаться, между изиществомъ и недостаткомъ, инстинктивной линіи *comme il faut*.

Не смѣшивая своего времени, своей мысли, своихъ поступковъ съ чьими-бы ни были, онъ предпочиталъ дамское общество, потому-что оно не требовало дальнѣйшихъ знакомствъ. Деревенская жизнь ему очень нравилась; онъ разнообразилъ ея удовольствія и плодилъ веселые эпизоды; кромѣ-того, онъ любилъ работать въ деревнѣ, и во многихъ лучшихъ его произведеніяхъ, написанныхъ въ эти минуты, заключается воспоминаніе о лучшихъ его дняхъ.

Шопенъ родился въ мѣстечкѣ Вогъ, близъ Варшавы, въ 1810 году. Въ первые годы своей жизни, — что очень рѣдко случается съ дѣтьми, — онъ не зналъ своего возраста, и смутно припоминалъ его только по часамъ, съ надписью: «*Каталани, десятилѣтнему Фредерику Шопену*», которые подарила ему эта пѣвица, въ 1820 году. Артистическое предчувствіе, можетъ-быть, предсказало ребенку его будущность! Впрочемъ, дѣтство его не ознаменовалось ничѣмъ особенно замѣчательнымъ, и развивалось, вѣроятно, безъ большихъ проявленій. Такъ-какъ Шопенъ былъ слабаго сложенія, то все вниманіе родителей обратилось на его здоровье. Безъ сомнѣнія, что съ-тѣхъ-поръ, желая

успокоить ихъ, онъ привыкъ къ мягкости обхожденія, уступчивости и скрытности. Ни преждевременное развитіе способностей, ни какой другой признакъ замѣчательной душевной силы не обнаруживали въ немъ, съ дѣтства, будущей возвышенности души, ума или таланта. Хворый ребенокъ улыбался, былъ терпѣливъ и веселъ, и въ немъ до такой степени нельзя было предвидѣть страшный и пасмурный нравъ, что родители, вѣроятно, любовались его качествами, предполагая, что ребенокъ предается своимъ мыслямъ всѣмъ сердцемъ и безъ всякой обдуманности. Нѣкоторыя души, при самомъ вступленіи своемъ въ жизнь, похожи на богатыхъ путешественниковъ, которые, случайно очутившись въ средѣ простыхъ пастуховъ, пока живутъ съ ними, осмысливаютъ ихъ дарами, ничтожными сравнительно съ собственнымъ ихъ богатствомъ, но во всякомъ случаѣ достаточными для того, чтобы изумить своихъ хозяевъ и поселить счастье въ ихъ бѣдномъ быту. Души эти дарятъ нѣжныхъ изліяній столько же, и даже болѣе, нежели окружающіе ихъ; мы считаемъ ихъ щедрыми, между-тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, онѣ вовсе не такъ изліятельны и не расточаютъ своихъ сокровищъ.

Шопенъ возрасталъ, какъ въ прочной и мягкой колыбели, въ привычкахъ быта однообразнаго, спокойнаго, трудолюбиваго, и оттого эти привычки простоты, набожности и благородства остались для него навсегда самыми приятными и самыми дорогими. Семейныя добродѣтели, милосердіе, воздержность, скромность окружали его чистою атмосферою, въ которой воображеніе его приняло нѣжную бархатность растений, не подверженныхъ пыли большихъ дорогъ.

Музыку началъ учиться Шопенъ очень-рано, на девятомъ году, и вскорѣ затѣмъ былъ ввѣренъ страстному ученику Себастьяна Баха, Живитъ, который, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, направлялъ его музыкальное образованіе, слѣдуя заблужденіямъ самой классической школы. Можно предполагать, что когда Шопенъ вступилъ на поприще музыканта, ни тщеславіе, ни фантастическая перспектива не ослѣпляли его глазъ и надеждъ его семейства. Его заставляли учиться серьезно и добросовѣстно, чтобы, со-временемъ, онъ сдѣлался искуснымъ и знающимъ учителемъ, и неслишкомъ беспокоились о болѣе или мѣншей извѣстности, которая была бы плодомъ этихъ уроковъ и трудовъ.

Благодаря покровительству одной знатной особы, всегда ободрявшей искусства и молодые таланты и умѣвшей опредѣлять имъ цѣну, съ проицательностью зоркаго чловѣка и отличнаго артиста, — Шопенъ былъ помѣщенъ въ одинъ изъ первыхъ варшавскихъ пансіоновъ, и пока находился тамъ, тотъ же покровитель помогалъ весьма скуднымъ

средствами его семейства. Таинствъ-образецъ, Шопенъ получилъ прекрасное воспитаніе, не пренебреженное ни съ которой стороны.

Говоря объ этомъ періодѣ жизни Шопена, съ удовольствіемъ приводимъ нѣсколько прекрасныхъ строчекъ, пригнѣвшащихся къ нему гораздо вѣрнѣе, нежели прочія страницы, на которыхъ думали схватить его сходство, но гдѣ мы находимъ его въ той ложной пропорціи, какую принялъ бы силуэтъ, нарисованный на эластической ткани, которую растянули наизкосъ съ двухъ противоположныхъ концовъ.

«Кроткій, чувствительный, утонченный во всемъ, Шопенъ, пятнадцати лѣтъ, соединялъ въ себѣ всѣ прелести отрочества съ важностью зрѣлаго возраста. Онъ остался нѣженъ тѣломъ и умомъ; но это отсутствіе мускульнаго развитія сохранило ему красоту, особенную фizioномію, не имѣвшую, такъ-сказать, ни возраста, ни пола. Это былъ не мужественный и смѣлый видъ и, въ то же время, не женственная милосивность съ розовыми щеками: это было какое-то идеальное созданіе, существо, съ лицомъ прекраснымъ, какъ у женщины, погруженной въ печаль, съ формами чистыми и стройными, какъ у юнаго олимпійскаго героя, и въ довершеніе этого ансамбля — съ выраженіемъ нѣжнымъ и строгимъ, дѣломудреннымъ и страстнымъ.

«Такова была основа его существа. Мысли — самыя чистыя и восторженные, привязанность прочная, исключительная, строгаише преданная... Но это существо понимало только то, что было тождественно съ нимъ; остальное существовало для него, какъ докучливый сонъ, изъ котораго онъ пытался увернуться, живя въ свѣтѣ. Онъ терпѣлся въ своихъ грезахъ и не терпѣлъ дѣйствительности. Будучи ребенкомъ, онъ не могъ дотронуться до ножа, безъ того, чтобы не обрѣзать руку; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ не могъ сойтись лицомъ къ лицу съ человѣкомъ другаго характера, безъ того, чтобы не спетнуться объ это живое противорѣчіе.

«Отъ безпрестаннаго антагонизма предохраняла его добровольная и скоро вкоренившаяся привычка — не видѣть и не слушать того, что неприятно дотрогивалось до его личныхъ наклонностей. Существа, думавшія иначе, казались ему какини-то призраками, и какъ онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, то и можно было принять за благосклонность то, что, на самомъ дѣлѣ, было холоднымъ пренебреженіемъ, и даже непреодолимымъ отвращеніемъ.

«Минутную назидательность души онъ выкупалъ цѣлыми часами молчанія, нравственные причины котораго, по своей утонченности, ускользали отъ простаго глаза. Надо было вооружиться микроскопомъ, чтобы читать въ этой душѣ.

«Очевь странно, что, при такомъ характерѣ, Шоленъ могъ имѣть друзей. Однакожь, они были у него, — не только друзья матери, уважавшіе въ немъ сына благородной женщины, но и молодые люди, сверстники, пламенно его любившіе, и имъ любимые... Онъ составилъ себѣ высокое понятіе о дружбѣ, и въ возрастѣ первыхъ очарованій думалъ, что друзья и онъ, воспитанные почти одинаково и въ однихъ и тѣхъ же правилахъ, никогда не переиضاютъ мнѣнія, и не будутъ въ рѣшительномъ разладѣ.

«Наружно, онъ былъ такъ обходителенъ, отъ хорошаго воспитанія и по врожденной прелести; что нравился даже тѣмъ, которые не знали его. Приятная фізіономія предупреждала въ его пользу; слабость тѣлосложенія дѣлала его интереснымъ въ глазахъ женщинъ; богатство и легкость ума и оригинальность бесѣды обращали на него вниманіе людей просвѣщенныхъ. Люди же, закаленные не такъ тонко, любили въ немъ необыкновенную вѣжливость, не понимая въ простотѣ сердца, что эта вѣжливость была — исполненіе долга, безъ малѣйшаго оочувствія.

«Еслибъ такимъ людямъ удалось проникнуть тайну, они сказали бы, что онъ — болѣе любезный человекъ, нежели любящій — и, въ отношеніи къ нимъ, это было бы правдою.

«Въ подробностяхъ жизни, его обращеніе отличалось прелестью. Всѣ формы приличія получали у него необыкновенную грацію, а благодарность выражалъ онъ съ глубокимъ душевнымъ потрясеніемъ, которое платило съ лихвою за дружбу.

«Ему вообразилось, что онъ умираетъ съ каждымъ днемъ, и, съ этою мыслію, онъ принималъ заботы друга и скрывалъ отъ него короткій срокъ, который, казалось ему, остается для того, чтобы пользоваться ими. Шоленъ, повидимому, былъ очень бодръ душою, и если не съ геройскою безвѣчностью молодости допускалъ мысль о близкой смерти, то, по-крайней-мѣрѣ, ожидалъ ее съ какимъ-то горькимъ наслажденіемъ.»

Въ эту пору молодости, онъ влюбился въ дѣвушку, которая не переставала приносить ему чистую дань удивленія; но уѣхавъ далеко отъ своей родины, Шоленъ прервалъ эту первую любовь... Съ-этихъ-поръ онъ болѣе не встрѣчалъ счастья, о которомъ мечталъ съ нею, и встрѣтилъ славу, о которой, можетъ-быть, и не думалъ. Дѣвушка эта, прекрасная и кроткая, съ серьезною иѣжностью во взорѣ, осталась спокойна, но печальна, и печаль, безъ сомнѣнія, увеличивалась въ этой чистой душѣ, когда узнала она, что преданность, подобная ей

преданности, не усладила существованія того, котораго она почитала съ простодушною вѣрностью, съ наивнымъ и высокимъ довѣріемъ.

Неожиданно разставшись съ Шопеномъ, эта дѣвушка осталась вѣрна всему, что напоминало о немъ; съ дочернею заботливостью ухаживала за его родителями, и отецъ Шопена не хотѣлъ, чтобы портретъ его, который нарисовала она въ дни надежды, былъ замѣненъ въ домѣ другимъ, хотя бы написаннымъ самою опытною кистью. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, мы видѣли, какъ блѣдныя щеки этой горюющей дѣвушки медленно покрывались румянцемъ, подобно алебастру передъ огнемъ, когда, смотря на этотъ портретъ, она встрѣчала глазами взоръ отца.

Прекрасный и уживчивый характеръ Шопена уже на школьной скамейкѣ снискалъ ему любовь товарищей, и какъ многіе изъ нихъ принадлежали къ знаменитымъ фамиліямъ, то доставилъ ему входъ въ лучшіе дома. Въ нихъ-то Шопенъ приучился къ мысли, что приличіа, вмѣсто того, чтобы быть однообразною маской, скрывающею подъ симетрію линий отдѣльные характеры, служатъ только къ тому, чтобы смягчать ихъ тоны, сглаживать реализмъ выраженія, который унижаетъ ихъ, непринужденность, которая доходитъ до рѣзкости.

Шопенъ былъ такъ глубоко и такъ исключительно проникнуть чувствами, типы которыхъ онъ узналъ еще въ юности, чувствами, которыя одни онъ считалъ достойными сдѣлаться достояніемъ искусства, и на послѣднее смотрѣлъ онъ такъ неизмѣнно, съ одной и той же точки зрѣнія, что такое настроеніе духа не могло не отозваться и въ склонностяхъ артиста. Въ великихъ образцахъ искусства, онъ искалъ единственно того, что соответствовало его природѣ. Что приближалось къ ней — нравилось ему; тому, что уклонялось отъ нея, онъ едва отдавалъ справедливость. Соединя въ самомъ-себѣ, часто противоположныя одно другому, качества страсти и граціи, онъ судилъ очень вѣрно и остерегался мелочнаго пристрастія; однакожь не останавливался передъ величайшими красотами и самыми важными заслугами, если онъ оскорбляли ту или другую сторону его поэтическаго взгляда. При всемъ уваженіи къ Бетховену, онъ находилъ, что нѣкоторыя части его сочиненій обдѣланы слишкомъ рѣзко; атлетовская постройка ихъ не нравилась ему; порывы ихъ казались ему слишкомъ бурными, страсть — похожею на потопъ; львиный мозгъ, заключающійся въ каждомъ членѣ бетховенской фразы, казался Шопену слишкомъ матеріальнымъ, и рафаэлевскіе профили, являющіеся посреди могучихъ созданій этого гения, дѣлались для него иногда почти тягостными, отъ чрезвычайно рѣзкаго контраста.

При всей справедливости къ красотамъ шубертовыхъ мелодій, Шопенъ неохотно слушалъ тѣ изъ нихъ, которыхъ очерки были слишкомъ рѣзки для его уха, — гдѣ чувство является какъ-будто обнаженнымъ, гдѣ, такъ-сказать, чувствуешь трепеть мяса и трескъ костей въ объятияхъ горести. Всѣ дикія рѣзкости отталкивали Шопена. Въ музыкѣ, какъ въ литературѣ, какъ домашнемъ быту, все, подходящее къ мелодрамѣ, было для него мучкой. Онъ не терпѣлъ растрепаннаго и гзступленнаго романтизма, раздражающихъ душу эффектовъ и безумныхъ восторговъ. «Онъ любилъ Шекспира съ большими ограниченіями; находилъ характеры списанными слишкомъ съ природы; ему болѣе нравились энические и лирические синтезы, оставившіе въ тѣни бѣдныя подробности челоѣчества. Вотъ почему онъ говорилъ мало и почти не слушалъ, и высказывалъ свои мысли или собиралъ чужія, когда онѣ восходили на извѣстную высоту».

Натура эта, постоянно владѣвшая собою, осмотрительная, осторожная, для которой угадываніе, предчувствіе доставляли прелесть приближенности, столь любимой поэтами, умѣющими доканчивать прерванныя слова и обрѣзанныя мысли, — натура эта ощущала какую-то скуку тамъ, гдѣ не оставалось ничего угадывать, и еслибъ Шопену надо было выразить свое мнѣніе съ этой стороны, онъ сознался бы, что его душѣ позволено было выражать чувствованія въ той мѣрѣ, чтобы лучшая часть ихъ оставалась загадкою. Если, такъ-называемый, классицизмъ въ искусствѣ казался ему налагающимъ слишкомъ методическія ограниченія; если онъ не хотѣлъ заключиться въ холодъ условной системы, въ клятку симметріи, — то не хотѣлъ для того, чтобы уноситься въ облака, лѣтъ, какъ жаворонокъ возлѣ голубаго неба, никогда не спускаться съ этихъ высотъ, и отдыхать не иначе, какъ парѣ въ возвышенныхъ сферахъ, какъ райская птичка, которая, говорятъ, ситъ съ распростертыми крыльями, баюкаемая дыханіемъ пространства тамъ, гдѣ остановился ея полетъ.

То, что въ итальянской музыкѣ такъ чистосердечно, лучезарно, лишено всякихъ прикрасъ, также мало нравилось ему. Отзываясь о Шубертѣ, Шопенъ сказалъ однажды, «что высокое гибнетъ, когда его снѣваетъ тривіальное». Изъ композиторовъ для фортепьяно, болѣе другихъ доставлялъ ему удовольствія Гуммель, а Моцартъ казался ему идеальнымъ типомъ, поэтому по преимуществу, потому-что онъ рѣже всякаго другаго переступалъ границы, отдѣляющія благородное отъ тривіальнаго. Шопену нравилось въ Моцартѣ именно то, что заслужило ему упрекъ отъ отца, который сказалъ ему послѣ представленія *Идоменей*: «Напрасно ты не далъ никакой пищи для чужихъ

ушиамъ». Веселость Папагено отвѣчала веселости Шопена; Зарли-на и Мазетто забавляли его утонченною наивностью; онъ понималъ мщеніе донны Анны, потому—что оно еще болѣе прикрывало ея скорбь. И между—тѣмъ сибаритская чистота, отвращеніе отъ общихъ мѣсть были такъ сильны въ Шопенѣ, что даже въ *Донъ-Жуанъ*, даже въ этомъ безсмертномъ образцовомъ произведеніи, онъ открывалъ пассажи, которые казались ему недостойными находиться въ такомъ твореніи. Отъ этого, уваженіе Шопена къ Моцарту не уменьшалась, но принимало какой-то печальный отбѣнокъ. Иногда, впрочемъ, онъ забывалъ то, что его отталкивало, но примириться съ нимъ—не могъ. Не подчинился ли онъ, въ этомъ случаѣ, горестнымъ условіямъ высотныхъ и безжалостныхъ инстинктовъ, которые, несмотря на на какія убѣжденія, ни на какіе доводы, не могутъ преодолѣть отвращеніе къ предметамъ своей антипатіи?

Пройдя курсъ гармоніи съ профессоромъ Іосифомъ Эльснеромъ, научившимъ его двумъ труднѣйшимъ вещамъ—именно: быть взыскательнымъ къ самому себѣ и пользоваться выгодами, которыя получаютъ терпѣніемъ и трудомъ,—Шопенъ, по желанію родителей, отправился путешествовать, чтобы ознакомиться съ исполненіемъ великихъ твореній. Съ этою цѣлью, онъ побывалъ во многихъ германскихъ городахъ; въ 1830 году прибылъ въ Вѣну, далъ тамъ нѣсколько концертовъ, но не произвелъ впечатлѣнія, какого вправѣ былъ ожидать, и отправился въ Лондонъ. Въ паспортѣ было сказано: *проѣздомъ черезъ Парижъ*. Въ этихъ словахъ заключалась вся будущность Шопена. Спустя много лѣтъ, уже освоившись съ Франціей, онъ еще говаривалъ, смѣясь: «Я здѣсь—только проѣздомъ».

Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ далъ рядъ концертовъ, которыми возбудилъ живое удивленіе, какъ образованнаго общества, такъ и молодыхъ артистовъ. Мы помнимъ первое его появленіе въ залѣ Плейеля, гдѣ самыя восторженныя рукоплесканія, казалось, еще не вполне выражали наше восхищеніе, въ присутствіи таланта, который открывалъ новую сторону въ поэтическомъ чувствѣ и счастливыя нововведенія въ формѣ искусства.

Вопреки бѣльшей части пріѣзжихъ артистовъ, онъ не увлекся ни на минуту ослабленіемъ и упоеніемъ торжества; принялъ его безъ гордости и безъ ложнаго смиренія, не чувствуя ребяческаго тщеславія, неизбежнаго у высокочекъ. Шопенъ долгое время держался по-отдалъ отъ парижскихъ знаменитостей; шумная свита ихъ приводила его въ смущеніе. Съ своей стороны, онъ менѣе, нежели онѣ, подстрекалъ любопытство, потому—что въ характерѣ и привычкахъ его болѣе было

истинной оригинальности, нежаны наружной асимметричности. Свердл- того, онъ очень ѣдко отвѣчалъ тѣмъ, которые неосторожно пытались пользоваться его талантомъ. Послѣ одного обѣда, неловкій аментрионъ раскрылъ передъ Шопеномъ фортепьяно, простодушно обѣщая гостяиъ, вмѣсто рѣдкаго десерта, какую-нибудь пьеску, которую сыграетъ этотъ артистъ. Шопень сначала отговаривался, но потомъ, когда настоятель- ныя просьбы ему наскучили, сказалъ хозяйну: «Милостивый государь, а вѣдь я почти не обѣдалъ».

Въ 1836 году, госпожа Жоржъ Сандъ часто слышала, отъ одного музыканта, о необыкновенномъ талантѣ Шопена, узнала его произведе- ния и была въ восхищеніи. Особенно поразила ее въ этой поэзіи — обиліе чувства, изліянія сердца, высказанныя съ высокими благород- ствомъ

Видя, что артистъ этотъ, не воплощаетъ своей фантазіи въ порфиръ и мраморъ, не воздвигаетъ изъ своихъ созданий кариатиды, а напротивъ, отнимаетъ у нихъ всякій вѣсъ, стираетъ ихъ контуры и, въ случаѣ надобности, готовъ поднять съ земли самой архитектуру и развѣсить ее на облакахъ, какъ воздушные дворцы фата-морганы, — госпожа Сандъ еще болѣе увлеклась неосязаемою легкостью этихъ формъ, какъ-будто прозрѣвая сквозь нихъ идеалъ. Рука ея, довольно сильная, чтобы вы- стькать рѣзкія выпуклости, могла, въ то же время, дѣлать барельефы, столь вѣжные, что, казалось, вѣрляла камню только тѣнь слугота. Госпожа Сандъ необыкновенная женщина; передъ нею природа какъ- будто развязала свой поясъ, и обнаружила всѣ прихоти, прелести, игры, которыми надбляетъ она красоту. Взоръ ея, будучи въ состоя- нии обнимать огромные размѣры, не пренебрегалъ свѣтлыми жилинами крыльевъ бабочки; научалъ симметрическое и удивительное свѣтатое сплетеніе, которое папоротникъ разстиляетъ багдахиномъ надъ лѣсною земляничкой; слѣдилъ за салтареллами блудячихъ огоньковъ на краю полянъ и болотъ, и угадывалъ, къ какимъ химерическимъ жилищамъ изъ прелательская пляска ведетъ запоздалыхъ пѣшеходовъ; она прислу- шивалась къ концертамъ стрекозы, и заучила имена всѣхъ жителей крылатаго царства, которыхъ она такъ же хорошо различаетъ по ихъ пер- вымъ платьямъ, какъ по ихъ насмѣшливымъ руладамъ или жалоб- нымъ крикамъ. Она знала всю мягкость тѣла лиліи, ослѣпительный ея цвѣтъ, и отчаяніе Женевиэвы, дѣвушки, влюбленной въ цвѣты. Оттого- то ей хотѣлось узнать артиста, стремившагося къ этимъ пейзажамъ, невыразимымъ, но существующимъ гдѣ-нибудь на землѣ или на какой- нибудь планетѣ, которые такъ пріятно созерцать въ лѣсу, при закатѣ

луны, и не хотѣвшаго воротиться ни сердцемъ ни воображеніемъ къ здѣшнему міру, похожему на морской берегъ скалистой страны, гдѣ можно спастись отъ тины не иначе, какъ взбираясь на голый гранитъ одинокихъ утесовъ.

Шопенъ боялся этой женщины, которая, какъ дельфійская пѣвица, рассказывала столько вещей, неизвѣстныхъ другимъ. Онъ избѣгалъ ея, откладывая встѣчу съ нею. Госпожа Сандъ, не зная объ этой боязни, пошла ему навстрѣчу, — и въ немъ разсѣялось предубѣжденіе противъ женщинъ-писательницъ.

Осенью 1837 года, Шопенъ почувствовалъ признаки болѣзни, отнявшей у него половину жизненныхъ силъ. Симптомы, возбуждавшіе сильное безпокойство, заставили его ѣхать на Югъ, чтобы избѣжать тамъ зимняго холода. Госпожа Сандъ, по всегдашнему сочувствію къ страданіямъ друзей, не хотѣла, чтобы онъ отправился одинъ, когда положеніе его наиболѣе требовало попеченій, и рѣшилась сопровождать его. Рѣшено было ѣхать на островъ Маіорку, гдѣ морской воздухъ и постоянно теплый климатъ особенно помогаютъ страждущимъ грудными болѣзнями. Хотя, передъ отъѣздомъ, Шопенъ былъ такъ слабъ, что не надѣялся на его возвращеніе, однакожь его здоровье поправилось тамъ на нѣсколько лѣтъ.

Климатъ ли одинъ возвратилъ ему жизнь, или, можетъ-быть, онъ жилъ, потому-что хотѣлъ жить? Ктѣ знаетъ, гдѣ предѣлъ воли надъ нашими тѣломъ? Какой внутренней ароматъ отдѣляетъ она, чтобы предохранять его отъ упадка, какую энергію можетъ она вдохнуть въ разслабленные органы?

Въ эту эпоху жизни Шопена соединились всѣ призмы счастья. Удивительно ли же, что онъ снова зажглы жизнь, и что въ это мгновеніе она горѣла своимъ живѣйшимъ блескомъ? Уединеніе, окруженное голубыми волнами Средиземнаго Моря и тѣнью лимонныхъ деревъ, по самому мѣстоположенію своему соответствовало пламенному влеченію молодой души, наввно вздыхающей о счастьи на *дикомъ островѣ!* Здѣсь онъ вдохнулъ въ себя воздухъ, о которомъ такъ жестоко тоскуютъ натуры, чужія подлунному міру; воздухъ, который можно найти вездѣ и не встрѣтить нигдѣ, смотря потому, какія души вдыхаютъ его вѣстѣ съ нами; воздухъ фантастическихъ странъ, который, вопреки дѣйствительности и всѣмъ препятствіямъ, такъ легко находишь, когда ищешь его вдвоемъ; воздухъ идеальной родины, куда хотѣлось бы увлечь то, что любишь, повторяя съ Миньоною: *Dahin! dahin!... lass uns ziehen!*

Во все время болѣзни Шопена, госпожа Сандъ не покидала изголовья того, кто любилъ ее до самой смерти, и остался ей вѣренъ

дна посреди своихъ страданій. Кажется, что это крупное существованіе испепелилось въ горнилахъ удивленія... Другіе ищутъ счастье въ своей привязанностяхъ, и если не находятъ ихъ, то привязанности эти уходятъ потихоньку. Эти *другіе* любятъ, какъ всѣ; но онъ любилъ — для любви. Его не могло остудить никакое страданіе. Онъ могъ войти къ новую сферу—сферу скорби, истощивъ сферу упоенія, но былъ недоступенъ для охлажденія. Привязанность сдѣлалась для него жизнью, и очаровательная или горькая была эта привязанность — онъ не могъ оторваться отъ нея ни на мгновеніе.

Воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ на островѣ Маюркѣ, сохранилось въ сердцѣ Шопена какъ восторгъ, который судьба только одинокъ разъ даетъ своимъ ближайшимъ любимцамъ. Онъ жидъ не на землѣ, но посреди золотыхъ облаковъ и благоуханій, и если иногда, на лучезарной сферѣ, случайно показывался маленькій волшебный фонарь земли, Шопену дѣлалось больно, какъ—будто, въ серединѣ высокаго концерта, кричущая віола принимала свой острый звукъ и площадной мотивъ къ мыслямъ великихъ мастеровъ. Впоследствии, онъ отзывался объ этомъ періодѣ съ благодарностью, какъ о благодѣяніи, достаточномъ для счастья дѣлой жизни, и не надѣясь, чтобы возможно было когда-либо снова найти блаженство, въ которомъ нѣжность женщины и проблески гения, чередуясь, обозначали время, какъ цвѣточные часы, устроенныя Линнеемъ въ упсальской оранжереѣ, показывали каждый часъ дня своимъ пробужденіемъ, испуская всякій разъ новый ароматъ, и обнаруживая новыя красоты, но жръ того, какъ раскрывались ихъ разнообразныя чашечки.

Великолѣпныя мѣста, по которымъ прѣзжали возгъ и музыкантъ, жественнѣ поражали воображеніе нерваго. Красоты природы дѣйствовали на Шопена не такъ опредѣлительно, однакоже не съ меньшою силой. Душа его волновалась отъ нихъ и прямо гармонировала съ ихъ величіемъ и чарами, не требуя, чтобы умъ анализировалъ ихъ, распределялъ по классамъ, называлъ по именамъ. Она дрожала унисономъ съ прелестными пейзажами, хотя не могла, въ ту минуту, указать на источникъ каждаго впечатлѣнія. Какъ настоящій музыкантъ, онъ довольствовался тѣмъ, что схватывало чувство изъ видимыхъ картинъ, оставляя безъ вниманія пластическую часть, живописную форму, которая не слодетвовала съ формою его искусства и не принадлежала къ его спиритуальной сферѣ. И однакоже (обстоятельство, часто встрѣчаемое въ подобныхъ ему организаціяхъ), тѣмъ болѣе удался онъ въ мгновеній и сценъ, въ которыя душевное ощущеніе затемняло его чувства, какъ дымъ благоуханій охватываетъ бурлящую, — тѣмъ вы-

пугать дѣлались для его глазъ рисунки и очарки мѣстъ и пейзажей. Въ послѣдующіе годы, онъ вспоминалъ ихъ съ восхищеніемъ; но тогда онъ былъ вполнѣ счастливъ, не дѣлая о нихъ счастья, предаваясь ему, какъ всѣ мы предаемся ему въ дѣтскія лѣта,—подчиняясь безотчетному вліанію природы, и только въслѣдствіи находя въ нашей памяти вѣрный образъ каждаго предмета, который мы въ состояніи описать только послѣ долгой разлуки.

Да и зачѣмъ было-бы ему обращать наблюдательный взоръ на мѣстности Испаніи, сдѣлавшіяся рамкою поэтического счастья? Не дѣлались онъ еще прекраснѣе подъ вдохновеннымъ перомъ его спутницы? Онъ видѣлъ снова эти очаровательныя мѣста, сквозь колоритъ ея таланта, какъ сквозь красныя стекла видишь всѣ предметы, и самую атмосферу, въ огненномъ блескѣ.

Съ 1840 года, здоровье Шопена, послѣ разныхъ колебаній, постоянно разрушалось. Недѣли, которыя проводилъ онъ въ деревнѣ Ноафъ, были въ теченіе многихъ годовъ, лучшимъ его временемъ. Работая здѣсь съ удовольствіемъ, онъ всякій годъ выносилъ отсюда по нѣскольку сочиненій; но съ возвращеніемъ зимы, страданія усилывались. Движеніе сдѣлалось для него, сначала, труднымъ, а вскорѣ—невозможнымъ. Съ 1846 по 1847 годъ, онъ почти не ходилъ, и не могъ подниматься по лѣстницѣ, безъ болѣзненной одышки.

Весною 1847 года, здоровье разстраивалось со дня на день, и кончилось болѣзью, отнявшею всѣ надежды. Онъ былъ спасенъ въ послѣдній разъ, но эта эпоха ознаменована столь тягостнымъ разрывомъ для его сердца, что онъ назвалъ его смертельною. И дѣйствительно, онъ недолго пережилъ разрывъ дружбы съ госпожею Сандъ, случившійся въ это время. Мадамъ Сталь,—сердце исполненное доброты и страсти, умъ острый и живой, котораго единственный недостатокъ заключался въ частомъ перебошеніи фразы падаантизму, отнявшему у него прелесть непринужденности,—мадамъ Сталь, въ одну изъ тѣхъ дней, когда живость омуценіи сбрасывала съ нея женскую важность, воскликнула: «Въ любви существуютъ—только начинанія!..» Восклицаніе горькаго опыта надъ безсміемъ сердца выполнить все прекрасное, о которомъ мечтаетъ воображеніе.

Шопенъ говорилъ тогда часто и почти предпочтительно о госпожѣ Сандъ, говорилъ безъ жалчи и безъ ронета. Слезы выступали у него при одномъ ея имени, но онъ съ нѣкимъ-то наслажденіемъ предвзвѣдалъ горестному воспоминанію прошлыхъ дней, уже лишенныхъ своего поэтического значенія. Несмотря на всѣ старанія друзей, удалять отъ этой предѣлы нѣтъ его памяти, и омасти его отъ умаснаго душевного

вотрясенія, онъ любилъ возвращаться къ нему, какъ-будто хотѣлъ разрушить свою жизнь тѣми самыми чувствами, которые нѣкогда одушевляли его. Для него было послѣднею прелестью — содрогаться, видя, какъ изображается его послѣдняя надежда. Тщетно старались отклонить его мысль въ другую сторону: онъ постоянно заговаривалъ о любимыхъ предметѣхъ, а если и не говорилъ, то не продолжалъ ли думать о немъ? Страдалецъ жадно глотать адъ, чтобы мѣнѣе чувствовать его вкусъ.

Какъ ни огорчительно было число дней, оставленныхъ ему слабостью физическаго сложенія, но онъ еще могъ бы избѣжать печальныхъ страданій, которыя пресѣкли ихъ. Одаренный душою нѣжною и пламенною, но искательнымъ въ своихъ привязанностяхъ и антипатіяхъ, онъ удовольствовался жизнью посреди лучезарныхъ припарковъ, которые умѣлъ вызывать, и посреди благородной скорби, которой далъ приютъ въ своей груди. Онъ былъ благородною жертвою мгновеннаго влеченія двухъ, противоположныхъ по своимъ наклонностямъ, натуръ, которыя, внезапно встрѣясь, чувствуютъ удовольствіе, и, принимая его за чувство прочное, создаютъ неосуществимыя грезы. Въ минуту пробужденія, разумаются и гибнетъ та възъ двухъ натуръ, которой впечатлѣнія глубже, для которой пересаживать свои надежды и привязанности на другую почву—дѣло невозможное.

Шопенъ чувствовалъ, и часто повторялъ, что съ разрывомъ этихъ узъ, этой долголѣтней дружбы—разобьется его жизнь.

Въ продолженіе этой болѣзни, Гутманъ, отличившій ученіемъ и, въ послѣдніе годы, лучший другъ Шопена, предоставилъ ему живѣйшія доказательства своей привязанности. Поправленіе здоровья Шопена было медленное и тягостное. Въ это время, онъ такъ перемѣнился, что его невозможно было узнать.

Слѣдующее лѣто принесло ему временное облегченіе, какое ежминутная природа обыкновенно даруетъ умирающимъ. Онъ не хотѣлъ оставить Парижъ, и думалъ себя чистаго деревенскаго воздуха и благодѣяній этой живительной стихіи.

Зима 1847 — 1848 года была тягостною и продолжительною снѣжною выдоровленіемъ и новыхъ припадковъ болѣзни. Однакожъ, Шопенъ рѣшился исполнить весной свое давнишнее намѣреніе — побывать въ Лондонѣ, куда онъ собрался ѣхать еще въ то время, когда молодость и жадность рисовали передъ нимъ радужную перспективу. Въ апрѣлѣ, онъ отправился въ Англію, гдѣ его произведенія уже нашли образованную публику, были извѣстны и заслужили общее удивленіе. Шопенъ оставилъ Францію въ расположеніи духа, которое англичане называютъ

low spirits. Политическія событія той эпохи возбуждали въ немъ только сожалѣніе надъ человѣческимъ безразсудствомъ. Онъ предавался исключительно искусству, съ такимъ рвеніемъ, какъ въ дни полного расцвѣта жизни и надеждъ. Передъ отъѣздомъ изъ Парижя, онъ далъ концертъ въ залахъ Шлефеля, одного изъ самыхъ постоянныхъ и проданныхъ своихъ друзей, который потомъ принесъ дань его памяти и дружбѣ, открывъ водниску для сооруженія ему памятника надъ могилой. Въ этомъ концертѣ Шопена, публика его, избранная и вѣрная, слышала его въ послѣдній разъ...

Въ Лондонѣ, Шопена встрѣтили съ восхищеніемъ, которое заставляло его сбросить печаль и разсыло его уныніе. Онъ надѣялся забыть все прошлое, даже привычки; пренебрегалъ совѣтами врачей, не обращалъ вниманія на предосторожности, которыхъ требовало его болѣзненное состояніе; игралъ два раза въ публикѣ, и много разъ въ домашнихъ концертахъ; посѣщалъ общества, проводилъ ночи безъ сна, уставалъ, не останавливаясь предъ предосторожностями, которыхъ требовало здоровье.

У герцогини Соутерландской, онъ былъ представленъ королю; самымъ блистательнымъ гостиння искали удовольствія принять его. Изъ Лондона, онъ поѣхалъ въ Единбургъ, котораго климатъ особенно ему повредилъ. По пріѣздѣ изъ Шотландіи, Шопень чрезвычайно ослабѣлъ; доктора совѣтывали ему, какъ можно скорѣе, оставить Англію, но онъ медлилъ отъѣздомъ. И кто знаетъ, отчего онъ медлилъ?...

Въ этотъ разъ, при самомъ пріѣздѣ въ Парижъ, Шопена поразила неожиданная печаль: докторъ Молень, котораго совѣты и умное руководство уже спасли ему жизнь, зимою 1847 года, и которому одному онъ считалъ себя обязаннымъ продолженіемъ своего существованія на нѣсколько лѣтъ, докторъ Молень умеръ. Потеря эта привела Шопена въ такое уныніе, въ ту минуту, когда разсудокъ сильно дѣйствуетъ на развитіе болѣзни, что онъ потерялъ довѣріе ко всемъ другимъ врачамъ. Съ-этихъ-поръ онъ мѣнялъ ихъ безпрестанно, недовольный ни однимъ, и не полагаясь ни на чье знаніе.

Съ зимы 1848 года, онъ не могъ даже работать послѣдовательно, и только по временамъ исправлялъ набросанные на-скоро листы, будучи не въ состояніи связать въ нить мысля. Уваженіе къ собственной славѣ побудило его сжечь ихъ, чтобы они не были изувѣчены, урѣзаны, и не обратилась въ посмертныя сочиненія, недостойныя композитора.

Шопень оставилъ въ рукописи только двѣ доконченныя пьесы: послѣдній *котурнъ* и *вальсъ*, очень коротенькій, — лоскутокъ на

живеть. Въ последнее время, онъ намѣревался составить фортепьянную методу, въ которой хотѣлъ изложить свои понятія о теоріи и техникѣ искусства, плодъ долговѣстныхъ трудовъ, счастливыхъ новозрѣній и мудраго опыта: дѣло серьезное, требовавшее удвоенной усидчивости, даже отъ такого прелезнаго труженника, каковъ былъ Шопенъ. Упадая въ эти безплодныя области, онъ, можетъ-быть, искалъ въ однообразномъ и гнетущемъ занятіи того, чего Манфредъ тщетно просилъ: *забвенія!*... Забвенія, не доставляемаго развлеченіями, которыя, напротивъ, съ язвительною хитростью, вознаграждаютъ за него, растагивая время, отнятое у горести? Другой поэтъ, также бывшій жертвою безутѣшной меланхоліи, также точно, дожидаясь предвѣренной смерти, старался успокоить свои горести трудомъ, къ которому зываетъ онъ, какъ послѣдшему убѣжищу отъ жизненныхъ золъ, въ концѣ мужественной элегіи, названной *Идеалами*:

«Другъ вѣрный, трудъ неутомимый,
 «Кому святая власть дана:
 «Всегда творить, не разрушая,
 «Мирить печальнаго съ судьбой,
 «И силу въ сердца водворяя,
 «Беречь въ немъ ясность и покой.

Но Шопену не достало силъ для исполненія своихъ плановъ: это было занятіе слишкомъ отвлеченное, слишкомъ утомительное. Онъ преслѣдовалъ мысленно очеркъ своего проекта, принимался говорить о немъ, но не могъ; набросалъ нѣсколько страницъ — и сжегъ ихъ, вмѣстѣ съ прочими

Наконецъ болѣзнь Шопена такъ усилилась, что опасенія друзей его перешли въ отчаяніе. Вскорѣ, онъ уже не вставалъ съ постели, и не говорилъ почти ни слова. Сестра его, пріѣхавшая, по полученіи этого вѣстія, не отходила отъ подушки больнаго. Онъ видѣлъ страхъ, печаль окружающихъ, но не показывалъ впечатлѣнія, какое они производили на него, и спокойно, съ христіанскимъ самоотверженіемъ говорилъ о своей смерти, не переставая, однакожъ, думать о завтрашнемъ днѣ. Страсть къ переменѣ имѣть обнаружилась въ немъ еще разъ: онъ нанялъ другую квартиру, велѣлъ омеблировать ее за-ново, заботился обо всѣхъ мелочахъ; всѣ распоряженія его были исполнены, — и случилось такъ, что утромъ въ день кончины его перенесли мебель въ квартиру, въ которой ему не суждено было жить.

Съ недѣли на недѣлю, со дня на день, тѣнь смерти болѣе и болѣе ступала. Болѣзнь доходила до послѣдняго предѣла; страданія дѣлались изнурительнѣе, кризисы многосложнѣе, и болѣе и болѣе походила на агонию. Когда же они прекращались, Шопенъ сохранялъ до конца при-

существомъ духа, не утративъ ни ясности мыслей, ни проминательности впечатлѣній. Желанія, выраженные имъ въ эти минуты отдыха, свидѣтельствуя о спокойной торжественности, съ какою вглядѣлъ онъ приближеніе своей смерти. Онъ желалъ быть похороненнымъ возлѣ Беллини, съ которыми находился въ частныя и дружескія сношенія, во время его пребыванія въ Парижѣ. Беллини похороненъ на кладбищѣ Отца-Лавеза, рядомъ съ Керубини, и желаніе — познакомиться съ этимъ великимъ композиторомъ, къ которому Шопень получилъ уваженіе вмѣстѣ съ воспитаніемъ, было одною изъ причинъ, побудившихъ его, въ 1831 году, при поѣздкѣ изъ Вѣны въ Лондонъ, свернуть въ Парижъ.... Теперь, Шопень покоится между Беллини и Керубини, гениями отличными одинъ отъ другаго, но къ которымъ онъ приближался въ одинаковой степени, столько же уважая въ одномъ науку, сколько цѣняя въ другомъ расположеніе; дыша чувствомъ мелодіи, какъ творецъ *Порры*, и стремясь къ гармонической глубинѣ, какъ ученый старецъ; желая соединить въ одной великой и возвышенной манерѣ — воздушную легкость порыва съ достоинствомъ довершенныхъ мастеровъ.

Сохраняя до смерти осторожность въ своихъ сношеніяхъ, Шопень ни кого не звалъ проститься, но отвѣчалъ трогательною благодарностью тѣмъ, которые приходили его навѣстить. Первые дни октября разсѣяли всякое сомнѣніе и отняли всякую надежду. Роковое мгновеніе приближалось; нельзя было ручаться за завтрашній день, за слѣдующій часъ. Сестра и Гутманъ не отлучались отъ больного. Графиня П*** нарочно воротилась въ Парижъ, какъ только узнала о неминуемой опасности любимаго артиста. Находившіеся при умирающемъ не могли оторвать глазъ отъ зрѣлища этой прекрасной и высокой души въ рѣшительное мгновеніе.

Какъ-бы ни были бурны или легкомысленны страсти, волнующія сердца; сколько-бы не обнаруживали они силы или равнодушія въ присутствіи неожиданныхъ несчастій, но зрѣлище медленной и прекрасной смерти такъ величественно, что потрясаетъ, смягчаетъ и возвышаетъ души, даже мало-приготовленные къ чистымъ размышленіемъ. Медленный и постепенный отходъ одного изъ насъ къ берегамъ вѣчности; таинственная важность его думъ, припоминаніе мыслей и дѣлъ на узкомъ порогѣ, отдѣляющемъ прошедшее отъ будущаго, волнуютъ насъ глубже, нежели что-либо въ здѣшнемъ мірѣ. Пропавши, разверзаемыя землею подъ нашими ногами; пожары, охватывающіе цѣлые города огненнымъ поисемъ; бѣдствіе хрущаго корабля въ объятіяхъ бури; кровь, проливаемая оружіемъ въ дыму битвы — не такъ осязательно удаляютъ насъ отъ мелочей земнаго, какъ видъ души, бездующей съ собою, и

бессильна созерцающей многообразныя измѣненія времени и нѣмыя врата вѣчности...

Въ гостиной, смежной съ спальнею Шопена, постоянно находились лица, подходившія къ нему, чтобы уловить хотя жестъ, хотя взглядъ, если слова уже замерли на его устахъ. Въ воскресенье, 15 октября, кризисы, болѣзненные прежнихъ, продолжались нѣскольکو часовъ сряду. Онъ выдержалъ ихъ терпѣливо и мужественно. Графиня П^{***}, присутствовавшая, при этомъ, была сильно тронута. Шопенъ замѣтилъ ее, стоящую въ ногахъ, у постели, высокую, стройную, въ бѣломъ, похожую на очаровательное видѣніе, и, нѣскольکو успокоившись послѣ припадка, попросилъ ее свѣтъ. Просьбу эту приняли—было за бредъ, но Шопенъ повторилъ ее настоятельно. Можно-ли было отказать? Фортельяно придвинула въ гостиной къ дверямъ спальни, и графиня зашла. Голосъ ея рыдалъ, слезы струились по ея щекамъ; еще никогда этотъ прекрасный талантъ и этотъ удивительный голосъ не достигали такого патетическаго выраженія. Шопену какъ-будто стало легче отъ этихъ звуковъ. Она пѣла вѣстный гимнь, который, говорятъ, спасъ жизнь Страдальца. «Прекрасно! Боже мой, какъ это прекрасно!.. Еще... еще!» говорилъ Шопенъ, и графиня, исполняя послѣднее желаніе своего друга, сняла съ фортепьяно и зашла псаломъ Марчелло. Шопену сдѣлалось дурно; всѣ были объаты ужасомъ, вдругъ упали на колѣни, никто не смѣлъ говорить, и голосъ графини одинъ парилъ, какъ дивная мелодія, надъ вздохами и рыданиями, которые были для нихъ глумитъ и издевательскимъ аккомпаньментомъ. Это было пѣль-вечеръ; сумерки нам брасывали таинственную тѣнь на печальную картину; сестра Шопена, на колѣняхъ возлѣ постели, плакала и молилась, и не выходила изъ этого положенія до-тѣль-поръ, пока душа не покинула ея любимаго брата.

Ночь, болѣзнь уснула; утромъ, въ понедѣльникъ, ему сдѣлалось лучше; онъ пожелалъ исповѣдаться, причаститься Св. Таинъ въ присутствіи своихъ друзей; потомъ велѣлъ имъ поочередно приближаться къ постели, и простился съ каждымъ, призывая на него Божье благословеніе.

Кризисы, одни мучительнѣе другихъ, продолжались цѣлый день; ночью, съ понедѣльника на вторникъ, онъ не произносилъ ни слова; и, наконецъ, уже не узнавалъ окружающихъ. Къ одиннадцати часамъ вечера ему сдѣлалось легче, и какъ только онъ почувствовалъ въ себѣ силу говорить, то пожелалъ прочесть, со священникомъ, отходную. Шопенъ прочелъ ее на латинскомъ языкѣ, громко и внятно. Съ этой минуты, онъ постоянно лежалъ, опершись головою на плечо Гутмана; продолженіе всей этой болѣзни, дни и ночи

Лихорадочная дремота продолжалась до 17 сентября. Около двух часовъ, началась агонія; холодный потъ выступилъ крупными каплями на лбу умирающаго; послѣ короткаго забытья, Шопенъ спросилъ чуть слышно: «Кто возлѣ меня?», — поцѣловалъ руку Гутмана, который поддерживалъ его, и отдалъ душу въ этомъ послѣднемъ знакъ дружбы и благодарности: умеръ какъ жилъ — любя!

Когда дверь гостиной распахнулась, всѣ окружили бездыханное тѣло, и долго, долго лились на него слезы...

Зная страсть Шопена къ цвѣтамъ, на другой же день убрали ими смертный одръ и всю комнату: умершій, казалось, отдыхалъ въ саду; лицо его сдѣлалось спокойнымъ и опять явилось въ юношеской красотѣ, давно изглаженной страданіями. Скульпторъ Клезингеръ воспроизвелъ эти черты въ эскизѣ, съ котораго послѣ исполнилъ мраморный бюстъ для его гробницы.

Питая высокое уваженіе къ гению Моцарта, Шопенъ просилъ, чтобы на его похоронахъ былъ исполненъ *Requiem*. Отпѣваніе совершено въ церкви Магдалины, 30 октября 1849, и отложено для этого дня для того, чтобы исполненіе *Requiem* было достойно учителя и ученика. Знаменитѣйшіе парижскіе артисты пожелали участвовать въ этомъ великомъ произведеніи; Реберъ инструментовалъ, нарочно на этотъ случай, *Похоронный маршъ* Шопена, а Лефевюръ Вели сыгралъ на органѣ его *прелюдіи* въ *si* и *mi* мінеур. Соловые партіи *Requiem* передали г-жи Віардо и Кастелланъ, а Лабашъ спѣлъ изъ него *Tuba mirum*, которое пѣлъ онъ, въ 1827 году, при погребеніи Бетховена. Мейерберъ игралъ партію на литаврахъ.

При всей недостаточности этихъ страницъ, мы надѣемся однакожъ, что прелесть, справедливо возбуждаемая именемъ Шопена, дополнитъ то, чего имъ недостаетъ.

Если намъ выпало на долю пережить его, то мы хотѣли, по-крайней-мѣрѣ, выразить свою скорбь, и сочли себя обязанными положить дань благоговѣйнаго сожалѣнія на могилу замѣчательнаго музыканта, жившаго въ нашей средѣ. При нынѣшнемъ, всеобщемъ и величавомъ развитіи музыки, онъ предстзвляется намъ, по многимъ причинамъ, тѣмъ, чѣмъ были живописцы четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, которые втѣсняли свои гениальныя произведенія на поля пергамента, но рисовали миниатюры столь счастливыми чертами, что Франзіа, Перуджини и Рафаэли впоследствии перенесли эти очаровательнѣйшіе типы на полотно и фрески.

МЕМОАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ,

ИЗДАНЫЯ ДИККЕНСОМЪ.

ГЛАВА V.

1798.

Притная и неприятная находка. — Законоическое посланіе. — Два важна бесѣды съ мистромъ Гамзоу и забавный случай съ завистливымъ пріятелемъ. — Приготовленія къ свадьбѣ. — Новая роль.

Насталъ день. Солнце разливало блѣдный свѣтъ по безмолвнымъ еще улицамъ, по которымъ встрѣчались только пріѣзжіе, едва только вышедшіе изъ дилижансовъ или катеровъ. Хотя Гримальди съ дѣтства обыкновенно жилъ въ Лондонѣ, однако онъ зналъ городъ мѣтѣе каждаго шпорника, разъ побывавшаго въ столицѣ; а ту часть, по которой онъ шествовалъ въ это время, онъ никогда еще не видывалъ. Все ему было ново, и на каждомъ шагѣ онъ встрѣчалъ предметы, занимавшіе и удивлявшіе его. Вдругъ онъ наступилъ на что-то, лежащее на мостовой;

онъ взглянулъ, — это былъ щегольской вязанный кошелекъ, туго набитый золотомъ. Сначала онъ остановился въ недоумѣніи, не смѣя поднять кошелекъ; потомъ осторожно оглянулся кругомъ, какъ человекъ, поднимающійся на дурное дѣло, и не видя никого, взялъ находку и опустилъ ее въ карманъ. Наклонившись, онъ замѣтилъ подлѣ кошелька маленькую пачку бумажекъ, которую также поднялъ. Можно представить себѣ его удивленіе, когда, по разсмотрѣніи, оказалось, что пачка состояла вся изъ банковыхъ билетовъ!

На улицѣ мало-по-малу начинали появляться прохожіе. Гримальди часа два ходилъ взадъ и впередъ, вглядываясь въ каждое встрѣчное лицо, и будто спрашивая каждого взоромъ: «Не обронили ли вы чего?» Но нѣтъ; никто ничего не искалъ, и не спрашивалъ его о находкѣ; ни на одномъ лицѣ не было даже признаковъ безпокойства, или тому подобнаго. Онъ возвратился въ почтамтъ, не встрѣтивъ законнаго обладателя клада; нашему пріятелю Гримальди найденныя деньги, съ непривычки, казались такою громадною суммою, что потеря ихъ, по его мнѣнію, непременно была на лицѣ написана у потерявшаго. Между тѣмъ и еще долгое время спустя онъ былъ самъ не свой отъ сильнаго безпокойства. Ему казалось, будто онъ совершилъ воровство, которое будетъ непременно открыто и наказано; ноги подъ нимъ такъ дрожали, что онъ едва могъ ходить; сердце его страшно билось, а на лбу отъ времени до времени выступалъ холодный потъ. И чѣмъ болѣе онъ размышлялъ о своемъ положеніи, тѣмъ становилось ему страшнѣе. Ну что, если найдутъ при немъ деньги, кто повѣритъ, что онъ нашелъ ихъ на улицѣ? Каждый подумаетъ, что онъ ихъ укралъ! А если его обвинять въ воровствѣ, чѣмъ докажетъ онъ свою невинность? Нѣскольکو разъ былъ онъ готовъ бросить роковой кладъ и бѣжать со всѣмъ ногъ! Но прохожіе могли это увидѣть; его стали бы разспрашивать, и его отвѣты какъ-разъ возбудили бы подозрѣніе. Казалось бы, кто бы изъ насъ не счелъ за счастье найти подъ ногами кошелекъ, полный золота? Гримальди же, тревожимый этими мучительными мыслями, считалъ себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Найдя почтовую контору еще закрытою, онъ побрелъ домой по Городскому-проспекту (City-road), который въ то время шелъ между огородами, и за исключеніемъ немногихъ домовъ, представлялъ длинный, непрерывный рядъ заборовъ. Это было самое удобное мѣсто, чтобы рассмотреть поближе находку. Въ кошелекъ были одинъ гинеи; банковые же билеты были на разныхъ суммы, отъ пяти до пятидесяти фунтовъ. Впрочемъ, нигдѣ ни имени, ни адреса, ничего такого, что могло бы повести на слѣдъ законнаго владѣтеля. У Гримальди тѣнѣло въ глазахъ

и руки дрожали; онъ не въ состоянн былъ считать; только послѣ уже, жна, принялся онъ за это дѣло, и узналъ, что гиней было 280 штукъ, а билетовъ на 200 фунтовъ; всего 599 фунтовъ.

Онъ пришелъ домой въ восемь часовъ утра, тотчасъ улегся и проспалъ нѣсколько часовъ. Когда онъ проснулся, первую его мысль были найденныя деньги; но первымъ дѣломъ — послѣдовать совѣту мистъ Гюзъ, и написать вторично къ ея отцу. Отправивъ письмо на почту, онъ принялся опять размышлять, какъ поступить ему съ деньгами. Оставить ихъ у себя было бы очень недурно; но совѣсть говорила, что не должно утратить ни одного средства, чтобы отыскать ихъ хозяина. После долгихъ совѣщаній съ самимъ-собою, онъ рѣшился на послѣднее, и въ тотъ же вечеръ пошелъ посоветоваться съ однимъ старичкомъ, другомъ его отца. Старикъ подкрѣпилъ голосъ совѣсти, и они рѣшили, вѣроятно, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль внимательно читать объявленій о потеряхъ, во всѣхъ лондонскихъ газетахъ, которыхъ тогда было не такое безконечное множество, какъ нынче, и сами нѣсколько разъ объявить о находкѣ. Не смотря на всѣ эти мѣры, хозяинъ клада не отыскался, и Грималди до конца жизни не узналъ, какой добрый человекъ обронилъ для него эти деньги.

Прошло четыре дня, весьма тяжелыхъ для Грималди, для котораго дѣло шло о деньгахъ и о невѣстѣ. На пятый, въ субботу, получивъ онъ отвѣтъ мистра Гюзъ, можетъ-быть, самый короткій, какой когда-либо перевозился въ почтовомъ брикѣ. Содержаніе его было слѣдующее: «Любезный Джо, мы увидимся денька черезъ два. Душевно преданный вамъ Р. Гюзъ.»

Если изъ этого посланія нельзя было вывести положительнаго благопріятнаго заключенія, то не было въ немъ ничего таковаго, отъ чего слѣдовало бы Грималди приходять въ отчаяніе. Мистръ Гюзъ, очевидно, не оскорблялся его дерзостью, — просить руки его дочери. Къ такому выводу, по-крайней-мѣрѣ, пришелъ Грималди, и это, вмѣстѣ съ возвращеніемъ Мери изъ Гревзенда, наполнило его душу невыразимой радостью. Онъ поспѣшилъ показать посланіе невѣстѣ, которая, однако, не обратила на него вниманія. — «Помилуй, Мери! вскричалъ удивленный женихъ: я показываю тебѣ письмо твоего отца, а ты почти не смотришь, словно оно до тебя и не касается!»

— Я скажу тебѣ правду, Джо! отвѣчала Мери, улыбаясь: отецъ уже пришелъ. Онъ былъ уже здѣсь, когда я возвратился домой, и побуждалъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ желаетъ поговорить съ тобою въ полдень утромъ.

Гримальди вытянул такое печальное лицо, какъ-будто все пропало. — Я думаю, унывать тебѣ незачѣтъ, продолжала Мери: я, въ крайней-мѣрѣ, ничего не боюсь, и не сомнѣваюсь въ благопріятномъ результатѣ.

Женихъ, напротивъ того, очень боялся и сомнѣвался; однако его нѣсколько успокоило увѣреніе дѣвушки, что отецъ, при свиданіи съ нею, былъ такъ же добръ и милъ, какъ всегда. Затѣмъ они провели день довольно весело, и спокойно ожидали часу, который долженъ былъ рѣшить ихъ судьбу.

Наступилъ наконецъ роковой понедѣльникъ, и Гримальди, скрѣпя сердце, отправился въ Садлервельскій театръ, гдѣ засталъ мистра Гьюза въ кассѣ. Мистръ Гьюзъ дружески поздоровался съ нимъ, но послѣ нѣсколькихъ незначащихъ словъ сказалъ: — И такъ, Джо, вы собираетесь оставить Садлервельскій театръ и своихъ старыхъ друзей, изъ того только, что въ другомъ мѣстѣ дадутъ вамъ нѣсколько лишнихъ фунтовъ?

Гримальди былъ такъ пораженъ, что въ первую минуту не зналъ, что сказать; однако скоро оправился и отвѣчалъ:

— Увѣряю васъ, что я объ этомъ и не думалъ, да и не могъ думать, потому-что я съ вами связанъ контрактомъ.

— Вы забываете, возразилъ мистръ Гьюзъ нѣсколько сурово: что вашему контракту вышелъ срокъ.

Гримальди долженъ былъ сознаться, что контракту его дѣйствительно вышелъ срокъ, и что онъ забылъ объ этомъ.

— Странно забывать такія важныя вещи! замѣтилъ мистръ Гьюзъ. Скажите же мнѣ откровенно, знаете ли вы мистра Кросса?

Мистръ Кроссъ былъ директоромъ Цирка, что вышче Суррейскій театръ, и неоднократно дѣлалъ Гримальди очень выгодныя предложенія, съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ Садлервельскій театръ и поступилъ къ нему. Эти предложенія были возобновлены за нѣсколько дней до настоящей бѣсѣды; но Гримальди всегда отказывался отъ нихъ наотрѣзъ, имѣя слишкомъ уважительныя причины, удерживающія его на театрѣ, на которомъ онъ началъ свое пеприще съ дѣтства. Изъ словъ мистра Гьюза онъ тотчасъ догадался, что кто-нибудь постарался его оговорить, и съ радостью вспомнилъ, что имѣлъ при себѣ письма мистра Кросса и отпуски своихъ отвѣтовъ, которые онъ и представлялъ для своего оправданія. — Сэръ, сказалъ онъ: я не имѣю чести знать мистра Кросса лично; но мнѣ очень пріятно, что я могу сію же минуту представить вамъ мою переписку съ нимъ.

Мистръ Гюзъ пробѣжалъ письма, и, повидимому, остался вполне доволенъ. — Хорошо, сказалъ онъ, улыбаясь: — я вижу, что вы даете предпочтеніе старымъ друзьямъ; слѣдовательно, мы можемъ переговорить о новомъ контрактѣ. Вы донятъ получали по четыре фунта въ недѣлю; чтó скажете на контрактъ на три года, съ жалованіемъ на первый годъ по шести, на второй по семи, а на третій по восьми фунтовъ въ недѣлю? Довольны ли?

Это было гораздо болѣе, чѣмъ Гримальди ожидалъ, и онъ не задумался принять предложеніе. Мистру Гюзю очевидно хотѣлось порѣшить это дѣло немедленно; онъ послалъ за двумя свидѣтелями, и контрактъ былъ тутъ же написанъ и подписанъ. Когда они остались опять одинъ, мистръ Гюзъ, послѣ непродолжительнаго разговора, всталъ и сказалъ: — Я, безъ сомнѣнія, увижусь еще съ вами нынче вечеромъ, потому-что собираюсь въ Дрюриленскій театръ, посмотрѣть Синюю-Бороду.

Онъ хотѣлъ уже выйти, но остановился въ дверяхъ, и спросилъ: — Не имѣете ли еще чего сказать мнѣ?

Пришло время приступить рѣшительно къ дѣлу. Гримальди собрался съ духомъ, изложилъ свое желаніе и просьбу, и заключалъ тѣмъ, что счастье его и Мери зависитъ отъ согласія мистра Гюза. Отецъ отвѣчалъ, что онъ уже думалъ объ этомъ, что молодые люди еще слишкомъ молоды, — однако согласился. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отвернулъ дверь смежной комнаты, гдѣ, случайно или съ умысломъ, находилась Мери, и сказалъ ей: — «Поди сюда, Мери; Джо ждетъ тебя, поцѣлуй жениха.» Мисъ Гюзъ, какъ послушная дочка, пришла поцѣловать счастливаго жениха, какъ заслуживала его искренняя и многолѣтняя любовь. Въ радости своей, они и не замѣтили, что дверь въ эту минуту оставалась отворенною, и что третье лицо было свидѣтелемъ ихъ нѣжнаго привѣтствія.

Этотъ день былъ отмѣченъ въ календарѣ Гримальди краснымъ крестикомъ, и хорошо случилось, что роль его на этотъ вечеръ заключалась только въ нѣсколькихъ сценахъ въ концѣ пьесы. Когда онъ пришелъ въ театръ, мистръ Гюзъ былъ уже тамъ, и осматривалъ машины къ послѣдней сценѣ Синей-Бороды, которую онъ хотѣлъ поставить въ Эксетерѣ. Увидѣвъ Гримальди, онъ замѣтилъ, что механизмъ очень сложенъ.

— Вы правы, сказалъ Гримальди: и что еще хуже, скверно дѣйствуетъ.

— Я такъ и думалъ, подхватилъ мистръ Гюзъ: боюсь, что мои люди въ Эксетерѣ съ нимъ не справятся; нельзя ли бы въ немъ кое-что пережбнить?

Къ разнообразнѣмъ занятіямъ, которыми Гримальди посвящалъ свои досужные часы, принадлежало сочиненіе моделей для превращеній и пантомимныхъ чудесъ. Онъ занимался этимъ до самой смерти и оставилъ множество отличныхъ моделей; нѣкоторыя изъ нихъ онъ продалъ, въ 1836 году, директору Дрюриленскаго театра, Бѣнну, для ставившейся въ то время пьесы «Арлекинъ и Гуртонъ»*. Онъ дѣлалъ модели со всѣхъ замѣчательныхъ машинъ, какія случалось ему видѣть на театрѣ, и нѣрѣдко улучшалъ ихъ; такъ было и съ машинами къ послѣдней сценѣ Сидней-Бороды. Эта страсть пришла въ это время какъ нельзя болѣе кстати. Гримальди хотѣлось угодить мистру Гьюзу, и онъ предлагалъ ему свои модели и услуги. Мистръ Гьюзъ былъ этимъ столько же обрадованъ, сколько и удивленъ, и пригласилъ его на слѣдующее утро къ завтраку, разумеется, съ своими моделями и проектами, усовершенствованными и неусовершенствованными.

При этомъ свиданіи произошелъ забавный случай. У Гримальди было нѣсколько неблагопріятелей, которые были въ то время ангажированы на Садлервэлъскомъ театрѣ, и изъ артистической зависти, рады были случаю досадить ему. Одинъ изъ нихъ, узнавъ отъ горничной, которая служила ему лазутчицею, о нѣжной встрѣчѣ мистъ Гьюзъ и Гримальди при открытыя дверяхъ, подстергъ мистра Гьюза, и принявъ личную усердія и негодованія, поспѣшилъ увѣдомить его о событіи, столь близко касающемся его отеческаго достоинства; при этомъ онъ конечно пустился въ весьма краснорѣчивыя и чувствительныя разсужденія о неблагодарности Гримальди и мелодыхъ людей вообще, которые за глазами свѣтъ благодѣтелей любезничаютъ съ ихъ дочерьми, и о томъ, что за комиссія быть отцомъ дочери и невѣсты. Мистръ Гьюзъ выслушалъ все это съ снохоиствиемъ, которое сначала очень изумило ябедника, но которое онъ потомъ приписалъ подавляемой въ душѣ ярости. Когда онъ окончилъ свое донесеніе, мистръ Гьюзъ съ тѣмъ же снохоиствиемъ сказалъ ему: — Не откажите мнѣ въ чести видѣться съ вами на моей квартирѣ, завтра, въ девять часовъ утра.

— Къ вашимъ услугамъ, только приказывайте, сэръ.

— А между-тѣмъ, продолжалъ мистръ Гьюзъ: позвольте мнѣ теперь же изъявить вамъ мою благодарность за участіе, которое вы позволите принимать въ обстоятельстве, столь близко касающемся моего семейнаго счастья. Не прикажете ли рюмочку мадеры, сэръ?

* Gurton или Gammar Gurton, тетка Гуртонъ, нѣчто въ родѣ нашей Яги-Бабы.

— Съ искренною благодарностью.

И другъ удалился, вышивъ рюмку за усѣхъ службы, которую онъ, во своему мнѣнью, сослужилъ негодному Гримальди.

На слѣдующее утро Гримальди всталъ съ нѣтудами, чтобы сдѣлать послѣднiя улучшенiя въ своихъ моделяхъ. Онъ былъ доволенъ своею работою, и въ назначенный часъ; сунувъ модели въ карманъ, отправился къ будущему тестю. Тамъ встрѣтила его та самая служанка, которая выболтала исторiю поцѣлуя, и сказала, что мистръ Гюзъ ждетъ его въ кассѣ; но сказала это такимъ двусмысленнымъ тономъ, что бѣднаго Гримальди взялъ тайный страхъ, не случилось ли какой бѣды, которая разрушитъ его счастье. — Мистръ Гюзъ одинъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ, у нихъ есть гость, отвѣчала служанка, и произнесла имя, которое еще болѣе усилило безпокойство молодого человѣка. Однако онъ собрался съ духомъ и вошелъ въ кассу. Мистръ Гюзъ поклонился ему очень холодно, а ябедникъ отвернулся, не удостоивъ его ни одного слова. Гримальди стоялъ какъ осужденный. — Мистръ Гримальди, началъ хозяинъ убійственно церемоннымъ и торжественнымъ тономъ: я имѣю сообщить вамъ весьма прискорбное обстоятельство; на васъ поступила очень важная жалоба.

— Вы удивляете меня, сэръ! вскричалъ Гримальди.

— Я думаю! подхватилъ ябедникъ, заранѣе торжествуя побѣду.

— И эта жалоба, кажется, не лишена основанiя, продолжалъ мистръ Гюзъ: боюсь, что вы не въ состоянiи будете отъ нея очиститься. Впрочемъ я намѣренъ соблюсти къ вамъ самую строгую справедливость, — жалоба будетъ принесена въ вашемъ присутствiи. Потрудитесь, сэръ, повторить то, что вы извелили сообщить мнѣ вчера вечеромъ.

Ябедникъ разразился презлою рѣчью, не безъ ораторскихъ достоинствъ, собравъ въ ней все, что только могъ придумать о злѣшномъ вѣроломствѣ молодого человѣка, согрѣтаго на груди печеннаго и счастливаго семейства, и покушающагося похитить у своихъ благодѣтелей дочь, невинную дѣвушку лишитъ принадлежащаго ей положенiя въ свѣтѣ и собрать на ея главѣ всѣ бѣдствiя и страданiя, которыя неизбежно должны послѣдовать отъ ея союза съ кочующимъ актеромъ, не имѣющимъ ни средствъ, ни родины. Гримальди былъ пораженъ какъ громомъ, тѣмъ болѣе, что мистръ Гюзъ, повидному, со вниманiемъ слушалъ обличенiе и показывалъ возрастающiй гнѣвъ, и отъ времени до времени обдавалъ обвинителя взоромъ и наклоненiемъ головы, что, конечно, не могло придать мужества бѣдному Гримальди.

— Вы совершенно правы, сказалъ наконецъ мистръ Гюзъ: ничто въ свѣтѣ не можетъ оправдать такого поведенiя, — ничто, кромѣ одного.

— Мистръ Гюзъ, перебилъ благодѣтель чужаго семейнаго счастья: ваша доброта мнѣ известна, — такъ известна, что и убѣжденъ, что вы станете отыскивать обстоятельства, могущія уменьшить вину неблагодарнаго; однако позвольте мнѣ, какъ постороннему, безпристрастному судѣ, замѣтить вамъ, что нѣтъ такнхъ обстоятельствъ, которыя могли бы оправдать молодого человѣка, вкравагося въ невпнное сердце дѣвушки, стоящей несравненно выше его въ свѣтѣ, и притомъ дочери его благодѣтели.

— Благоволите потерпѣть минутку, чтобы дать мнѣ кончить мою фразу! сказалъ мистръ Гюзъ, съ изумительнымъ спокойствіемъ.

— Я слушаю.

— Когда вы меня такъ невѣжливо перебили, я только что хотѣлъ сказать, что вполне согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, и что описанное вами поведеніе молодого человѣка ничѣмъ не можетъ оправдаться, кромѣ одного развѣ согласія родителей дѣвушки; когда же родители ея согласны, и она сама не противъ того, онъ имѣетъ полное право ухаживать за нею, какъ женихъ.

— Безъ сомнѣнія, сэръ; но въ настоящемъ случаѣ...

— Настоящій случай именно подходитъ подъ это исключеніе. Моя дочь, Мери, получила мое согласіе на бракъ съ мистромъ Гримальди, и я не сомнѣваюсь, что чрезъ нѣсколько недѣль будетъ въ нашемъ домѣ свадьба.

Обвинитель совершенно растерялся, потому что никакъ не ожидалъ такой развязки, а Гримальди былъ въ восторгѣ: онъ наконецъ догадался, что мистръ Гюзъ хотѣлъ тодько одурачить и порядкомъ проучить ябедника. Мистръ Гюзъ обратился къ будущему зятю, стараясь принять строгій видъ и тщетно сляясь удержать улыбку, и сказалъ:— Гѣмъ не менѣе, мистръ Гримальди, вы поступили неосторожно, поцѣловавъ мою дочь при открытыхъ дверяхъ, и прошу васъ впредь, если вы и ваша невѣста находите такія нѣжности вещью необходимою, предаваться имъ, только когда увѣрены, что никто посторонній васъ не видитъ. Этому требуютъ принятые въ обществѣ законы; да оно, вѣроятно, и согласитѣсь быть съ дѣвичьею скромностью вашей невѣсты.

Затѣмъ мистръ Гюзъ отвѣсилъ низкій поклонъ непрошеному другу, отворилъ дверь и приказалъ служанкѣ проводить гостя, а Гримальди повелъ въ столовую, гдѣ его ждали къ завтраку мисъ Мери и ея мать. Съ этого времени ничто не возмущало спокойствія влюбленныхъ, а обхожденіе мистра Гюза съ Гримальди доказывало, что онъ умѣлъ цѣнить достоинства молодого человѣка, который изъ тѣсныхъ обстоятельствъ умѣлъ проложить себѣ путь трудомъ и честностью.

Въ первую субботу послѣ разсказаннаго происшествія, Гримальди занялъ свою новую квартиру, а въ свѣтлое воскресенье молодые люди были въ первый разъ оглашены въ церкви женихомъ и невестою.

На слѣдующій день начались, по обыкновенію, представленія на Салервальскомъ театрѣ, и Гримальди явился въ новой роли, которая была важнѣе всѣхъ прежнихъ его ролей, и доставила ему огромную славу. Мѣсяцевъ пять передъ тѣмъ провелъ онъ почти въ совершенномъ отдыхѣ; быстрый переходъ отъ бездѣйствія къ новой и трудной роли чрезвычайно утомилъ его, и онъ съ этого времени началъ чувствовать то постепенное истощеніе силъ, которое составляетъ неизбежный удѣлъ всѣхъ актеровъ въ этомъ родѣ. Всѣ они, подобно Гримальди, подвержены ранней и болѣзненной старости, не говоря ужь о случайныхъ поврежденіяхъ членовъ, отъ которыхъ, также немногіе изъ нихъ избавлены. Публика безпрестанно осыпала Гримальди восторженными рукоплесканіями, которые побуждали его къ новымъ усиліямъ; зато, по окончаніи этого представленія онъ былъ такъ истощенъ, что едва могъ стоять на ногахъ, съ трудомъ дотащился до дому, и принужденъ былъ лечь въ постель.

Въ—послѣдствіи онъ говаривалъ, что усилія его въ самую блестящую пору его драматическаго поприща были совершенно равны его сценическимъ успѣхамъ, что онъ вполнѣ зарабатывалъ свое жалованье. Это онъ говорилъ по горькому опыту—и былъ правъ. Только очень богатое содержаніе можетъ вознаградить человѣку, особенно такому раздражительному и чувствительному, каковъ былъ Гримальди, преждевременную старость со всеи съ страданіями.

На слѣдующее утро Гримальди почувствовалъ себя совершенно бодрѣе и освѣженнымъ; но зато проспалъ до одиннадцати часовъ, порыли него весьма позднею, потому—что обыкновенно онъ бывалъ уже на ногахъ въ семь часовъ, кормилъ голубей, игралъ на скрипкѣ, дѣлалъ модели, или занимался чѣмъ—либо другимъ. Праздность утомляла его хуже работы; онъ никогда не могъ постигнуть блаженства *del dolce far niente*. На этотъ разъ ему тѣмъ досаднѣе было проспать до такого поздняго часу, что послѣ перваго представленія новой пьесы всегда бывала утромъ репетиція, на которой дѣлались сокращенія и измѣненія, оказавшіяся нужными. Занимая одну изъ главныхъ ролей въ новой пьесѣ, Гримальди не могъ пропустить репетиціи; онъ одѣлся на-скоро и отправился въ театръ.

ГЛАВА VI.

1780.

Двадцатый и забавный случай съ старикомъ Лукою и широкимъ судомъ. — Волшебный серебряный жезлъ. — Два оригинальных пари.

Все пространство, занимаемое ныне Клермонтскимъ, Мидлтонскимъ, Лейбсскимъ и Вильмингтонскимъ окрестностями, съ безчисленными улицами, переулками и въ всѣхъ направленіяхъ, состояло въ то время изъ луговъ и садовъ, и называлось Садлервельскимъ полемъ. Гримальди долженъ былъ переходить его, отправляясь въ театръ. Въ это утро, какъ нарочно, собралась тутъ толпа, — болѣе тысячи человекъ, — занимавшая тѣмъ, что дразнила бѣшеннаго быка: забава весьма любимая въ то время низшими классами лондонскаго населенія, и очень опасная для мирныхъ прохожихъ; нынче она уже почти вывелась, въ-сѣдствіе застройки площадей и полей, которыхъ, недалѣе какъ за четверть столѣтія, было еще такое множество въ столицѣ Англіи. Гримальди остановился въ раздумьи, не лучше-ли ему вернуться назадъ и избрать другую дорогу, посвободнѣе. Въ эту минуту подошелъ къ нему незнакомый молодой человекъ, и внимательно осмотрѣвъ его, спросилъ, не онъ-ли Гримальди?

— Я самъ, сэръ; позвольте спросить о причинѣ вашего вопроса?

— Причина та, отвѣчалъ незнакомецъ, указывая на стоявшаго въ нѣкоторомъ разстояніи человека: что я слышалъ, какъ тотъ старикъ произнесъ это имя, разговаривая съ своимъ спутникомъ.

Старикъ, на котораго указывалъ незнакомецъ, былъ въ то время очень извѣстенъ и весьма ненавидимъ въ Клерквэллѣ и околѣдѣ. Называли его старикомъ Лукою, и онъ занималъ должность констебля. Старикъ Лука былъ ненавистенъ изъ всѣхъ своимъ собратьямъ въ Лондонѣ, и вполне заслуживалъ эту общую нелюбовь, если только все, что о немъ разсказывается, не чистая выдумка. Говорили о немъ, что за недостаткомъ основательныхъ жалобъ, онъ сочинялъ ложныя и подтверждалъ ихъ присягою и подкупленными свидетелями, для того только, чтобы взять небольшую денежную награду, опредѣленную въ пользу констеблей при уличеніи подкушаннаго. Какъ слава старика дошла и до Гримальди, то сообщеніе молодого человека поразило его весьма неприятнымъ образомъ. Онъ съ безпокойствомъ спросилъ знакомаго, точно-ли онъ увѣренъ, что констебль произнесъ его имя. — Совершенно увѣденъ, отвѣчалъ тотъ: и тѣмъ

болѣе, что видѣлъ, какъ онъ записалъ это имя въ своей книжкѣ, и сказала спутнику, что онъ можетъ арестовать васъ, когда ему заблаго-разсудится.

— Чортъ его побери! чѣмъ это я его разгнѣвалъ? Во всякомъ случаѣ, искренно благодарю васъ за предупрежденіе, хотя и не вижу изъ него, какъ мнѣ миновать бѣды.

Они разошлись; молодой человѣкъ вѣшался въ толпу, а Грималди вернулся назадъ, и пошелъ въ театръ другою дорогою, болѣе отдаленною, но зато безопасною, и отъ быка, и отъ старика Лука. Въ театрѣ онъ тотчасъ занялся дѣломъ, и забылъ о случившемся происшествіи. Только вечеромъ, отправляясь опять въ театръ, вспомнилъ онъ о немъ, и рассказалъ своимъ пріятелямъ, въ томъ числѣ знаменитому коннику Дюбуа, другому актеру Дэвису и извѣстному канатному танцору Риче. Разсказъ возбудилъ общій смѣхъ, и всѣ стали дразнить бѣднаго Грималди старикомъ Лукою.

— Этотъ старикъ, сказалъ Дюбуа, корча печальную рожу: отъявленный мерзавецъ. Ему все нипочемъ, и онъ не посоветится задернуть бѣднаго Джо на висѣлицу за два фунта, пожалуй даже за два шиллинга. Повѣрь, Джо, что онъ не даромъ записалъ твое имя.

— Разумѣется, что не даромъ, подхватилъ Дэвисъ: онъ хочетъ содрать съ Джо порядочныя деньжонки! Но не бѣйся, Джо, мы ужъ съумѣемъ проучить стараго плута.

Грималди было вовсе не до смѣху; а чѣмъ болѣе онъ задумывался, тѣмъ болѣе дразнили его пріатели, придумывая, какое бы злодѣяніе старикъ Лука могъ взнести на него. Одинъ полагалъ, что онъ обвинитъ его въ убійствѣ, другой—въ подлогѣ, что стоило перваго, третій утѣшалъ бѣднаго Джо, увѣряя, что дѣло можетъ еще кончиться благополучно, хотя, правду сказать, Лука имѣетъ огромное вліяніе, и изъ трехъ его обвиненій два всегда ведутъ къ смертной казни. Грималди очень хорошо видѣлъ, что пріатели его шутили; однако не могъ освободиться отъ нѣкотораго безпокойства, и взвѣшивалъ вѣроятность и неустойчивость разныхъ предположеній относительно видовъ констабля, когда театральныи слуга подбѣжалъ къ нему и сказалъ, что кто-то требуетъ его немедленно.

— Кто такой? вскричалъ Грималди въ испугѣ.

— Да тотъ, въ очкахъ, — старикъ Лука.

Всѣ присутствующіе расхохотались, а Грималди сталъ какъ вкопанный. Насмѣявшись вдоволь, пріатели наконецъ сами привздумались, и Дюбуа сказалъ: — Любезный Джо, шутка шуткой, а дѣло дѣломъ; мы

посыпались, и ты не сердился на насъ; когда же дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, ты увидишь, что мы будемъ тебѣ вѣрными друзьями, и ничего не пожалѣемъ, чтобъ тебя выручить.

Всѣ изъявляя ту же готовность служить товарищу, который искренно поблагодарилъ ихъ, я рѣшился идти вмѣстѣ съ Гримальди, и окунуть стараго мошенника въ Новую-канаву, если онъ позволитъ себѣ какое-нибудь оскорбленіе. Затѣмъ вся ватага, поставивъ Гримальди въ средину, сошла внизъ, на театральныи подъѣздъ, гдѣ ждалъ констебль. Гримальди и одинъ изъ его друзей разомъ спросили, что ему угодно.

— Чтобы вы шли со мною въ Гаттонгарденъ, грубо отвѣчалъ старикъ Лука. — Извольте идти немедленно, мнѣ некогда ждать.

Поднялся шумъ; многіе голоса приглашали старика отправиться туда, гдѣ ему будетъ потеплѣе, другіе требовали, чтобы онъ представилъ приказъ объ арестованіи. Лука не отвѣчалъ на эти требованія, а только грубо спросилъ Гримальди, намѣренъ ли онъ идти; на что всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ прогнѣли «нѣтъ!»

— Послушайте, старикъ, сказалъ Дюбуа, выступая впередъ: это вы старый мошенникъ, извѣстно всѣмъ, а всего лучше—вамъ самимъ. Что же касается мистра Гримальди, извольте предъявить приказъ, которымъ вамъ дается право вести его; въ противномъ случаѣ уберите поскорѣе, если не хотите выкупаться.

Эта угроза была подтверждена многими одобрительными восклицаніями, ибо къ этому времени около нашихъ пріятелей сошлось множество постороннихъ людей. Лука выждалъ, чтобъ шумъ стихъ, и тогда сказалъ: — Я не съ вами имѣю дѣло, мистръ Дюбуа! Идете вы, мистръ Гримальди, или нѣтъ?

— «Не пойдетъ, пока мы не увидимъ приказа!» вскричалъ канатный танцоръ Ршэ.

— Не пойдетъ безъ приказа! подхватилъ Дэвисъ.

— Не пойдетъ ни подъ какимъ видомъ! заревѣлъ Дюбуа. — Приказъ на лицо, или вы отправитесь....

— Что вы изволите говорить, мистръ Дюбуа? — куда я отправлюсь?

— Въ Новый-каналъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Старикъ Лука призадумался, сталъ помягче и повѣжливѣе, и среди всеобщаго хохота сказалъ: — Ваша правда, я приказа не имѣю. Онъ рѣдко требуется, потому-что всѣ знаютъ, какую должность я занимаю. Впрочемъ, если мистръ Гримальди и его почтенные друзья этии не довольствуются, я не буду настаивать, чтобъ онъ шелъ за мною теперь, если только онъ самъ и всѣ присутствующіе общаются завтра въ одиннадцать часовъ явиться въ Гаттонгарденъ, къ мистру Бламайру.

Получивъ общанія, констебль поспѣшилъ удалиться; но около него собралась уже многочисленная толпа, и изъ среды ея возвысился голосъ:

— Что такое, Джо?

— Дѣло въ томъ, господа, вскричалъ Дюбуа, ставъ на верхнюю ступень подъязда: что этотъ мошенникъ констебль хочетъ вести Гримальди въ тюрьму.

— За что?

— Да такъ, безъ всякой причины!

Толпа кричала и шумѣла; Лука прибавилъ шагу, но не могъ убраться такъ скоро, чтобы не получить порядочнаго количества комковъ грязи, гнилыхъ яблокъ, и тому подобныхъ гостинцевъ. Представленіе пошло своимъ чередомъ, и Гримальди отправился домой въ сопровожденіи друзей, которые обѣщали, на слѣдующее утро идти съ нимъ къ мирному судѣ. Вместе съ тѣмъ они распорядились объ отысканіи молодого человѣка, предупредившаго Гримальди о намѣреніяхъ констебля.

Въ назначенный часъ, все общество явилось въ мирный судъ; мистръ Блэмайръ, судья, принялъ его очень вѣжливо, и пригласилъ старика Луку изложить свою жалобу. Констебль съ невозмутимымъ нахальствомъ сталъ рассказывать, что Гримальди, проходя черезъ Салдверельское поле, вздумалъ дразнить быка и привлечь къ этой забавѣ множество другихъ людей; что быкъ пришелъ въ бѣшенство, чѣмъ была подвержена опасности жизнь многихъ прохожихъ; что онъ, констебль, былъ всему этому свидѣтелемъ, и могъ представить еще другихъ свидѣтелей. Затѣмъ онъ позвалъ своихъ свидѣтелей, тѣхъ самыхъ людей, которые наканунѣ окружали констебля; они подтвердили его показанія.

Затѣмъ судья пригласилъ обвиненнаго представить свое оправданіе. Гримальди рассказалъ все, какъ было, и сослался на свидѣтельство молодого человѣка, предупредившаго его. Это былъ сынъ почтеннаго торговца, жившаго въ околдѣ; онъ подтверждалъ слова Гримальди, и сказалъ, что Гримальди не только не дразнилъ животнаго, но даже вовсе не принималъ участія въ этой забавѣ, пробылъ на мѣстѣ всего нѣсколько минутъ, и потомъ пошелъ другою дорогою.

Мирный судья выслушалъ всѣ эти объясненія и многіе неслыханно вѣжливыя отзывы Дюбуа и другихъ лицъ на счетъ констебля, съ спокойствіемъ и терпѣніемъ, и затѣмъ сказалъ подсудимому: — Мистръ Гримальди, я вполне убѣжденъ въ совершенной истинѣ вашихъ словъ, однако долженъ дѣйствовать на основаніи показаній констебля и его свидѣтелей, и, противъ своего желанія, наложить на васъ штрафъ, и, впрочемъ, для васъ не будетъ тягостенъ, а вашему обвиненію,

тею дать небольшую поживу. Вы ищите заплатить пять шиллинговъ штрафу, и затѣмъ вы свободны. Вамъ же, Лука, совѣтую вообще быть добросовѣстнѣе и пострже выбирать свидѣтелей.

Гримальди и его друзья смотрѣли на это рѣшеніе, какъ на полную побѣду, и по уплатѣ обвиненнымъ пяти шиллинговъ и еще лишняго шиллинга за свое освобожденіе, отправились въ таверну «Клоуна», противъ Садлервельзскаго театра, позавтракать и посмѣяться досадѣ старика Луки, который столько надѣлалъ себѣ хлопотъ изъ ничего. При этомъ, конечно, не обошлось безъ различныхъ глубокомысленныхъ разсужденій о томъ, какъ мирный судья долженъ выслушивать обвиненія отъявленнаго лжесвидѣтеля, и въ-слѣдствіе ихъ налагать штрафъ на обвиненнаго, будучи убѣжденъ въ его невинности. Между-тѣмъ, какъ они разсуждали такимъ-образомъ, кто-то вбѣжалъ въ таверну и вскричалъ: — «Гримальди, Гримальди, старикъ Лука опять тутъ!» Всѣ, не исключая самого Гримальди, расхохотались, принявъ это за шутку. Но они ошибались: черезъ нѣсколько минутъ Лука явился лично.

— Какъ вы успѣли явиться сюда? гнѣвно вскричалъ Дюбуа.

— У меня есть здѣсь дѣло, проворчалъ Лука. Мистръ Гримальди долженъ былъ заплатить пять шиллинговъ штрафу и шиллингъ за свое освобожденіе; но не заплатилъ ни того, ни другаго, слѣдовательно, онъ еще мой плѣнникъ.

Гримальди отвѣчалъ, что онъ заплатилъ все, и друзья подтвердили его слова.

— Чтò ни говорите, ничто не поможетъ, сказалъ Лука съ злобною усмѣшкою: извольте заплатить, или идти со мною.

Гримальди объявилъ рѣшительно, что не заплатитъ и не пойдетъ.

— А вотъ увидимъ! подхватилъ Лука, приближаясь къ нему.

— Посмѣйте только меня тронуть! вскричалъ Гримальди: прибью! вотъ увидите, прибью! берегитесь!

Лука однако не испугался, бросился на него, дернулъ его со стула, разорвалъ ему камзолъ и манишку, таща его къ дверямъ; но и Гримальди сдержалъ слово, и ударилъ констебля такъ сильно, что тотъ повалился на полъ и всталъ съ весьма невзрачнымъ, разбитымъ въ кровь носомъ. Взбѣшенный первою неудачею, старикъ выдернулъ свою констебльскую палочку, и готовился возобновить борьбу съ подкрѣпленіемъ; но въ ту самую минуту незнакомый господинъ, сидѣвшій въ той же самой комнатѣ, грозно поднялъ на констебля такую же палочку, только серебряную, и закричалъ: — «Я не допущу до новыхъ нападкѣй. Пусть всѣ идутъ къ мирному судѣ; и если мистръ Гримальди

сказалъ правду, а вы только хотите вынудить лишнія деньги, — въ чемъ я, впрочемъ, нисколько не сомнѣваюсь, — ты вы будете нѣтъ дѣла со мною; даю вамъ слово, что я приму нѣры, чтобы это не обошлось вамъ даромъ.»

Лука отступилъ съ явною досадою, и всѣ вторично отправились къ мистру Блэмэйру, который не мало удивился ихъ появленію, и разбитому носу констебля; незнакомаго же господина съ серебряною палочкою встрѣтилъ, какъ хорошаго знакомаго. По приказанію его, старикъ Лука изложилъ свою новую жалобу, будто Грималди не заплатилъ штрафа, (писецъ, на вопросъ судьи, съ лукавою улыбкою опровергъ это показаніе), и будто бы онъ, констебль, вѣжливо приглашалъ Грималди слѣдовать за нимъ, но тотъ ударилъ его.

— И разбилъ вамъ носъ? спросилъ судья.

— Точно такъ, сэръ!

— И по дѣломъ! сказалъ мистръ Блэмэйръ, среди всеобщаго смѣха. Мистръ Грималди, ваша очередь объяснить дѣло.

Грималди разсказалъ случившееся въ нѣсколькихъ словахъ, и незнакомецъ съ серебряною палочкою подтверждалъ его показанія, и прибавилъ нѣсколько строгихъ замѣчаній относительно злонамѣренныхъ дѣйствій констебля.

«Кто былъ этотъ господинъ, таинственно прибавляетъ Грималди въ своихъ запискахъ: я никогда не могъ узнать въ точности; но по почтенію, которое ему оказывали въ мирномъ судѣ, полагаю, что онъ былъ человекъ, облеченный большою властью. Мнѣ говорили въ послѣдствіи, что это былъ Сити-маршалъ*, котораго власть распространилась и за черту города; но перучиться въ вѣрности этого объясненія я не могу.»

Мирный судья присудилъ констебля къ уплатѣ пяти фунтовъ штрафа, въ пользу нуждающихся въ округѣ, и сверхъ-того приказалъ ему просить прощенія у Грималди и вознаградить его за убытки. Старикъ Лука походилъ въ эту минуту на бѣшенаго быка, первато я повиннаго виновника всей этой глупой исторіи. Онъ съ гнѣвомъ ревелъ, что не заплатитъ ни гроша; на что мирный судья отвѣчалъ спокойнымъ приказаніемъ вывести его и посадить подъ арестъ, къ великой радости, не только Грималди и его друзей, но и низшихъ чиновниковъ

* City-marshal, высшій мирно-судебный или полицейскій саюмикъ. Сити значитъ городъ, въ томъ смыслѣ, какой придавался этому слову встарину, и какой сохраняется еще теперь въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ собственно *городомъ* называется только нѣкоторыя части всего города. *Прим. Перев.*

суда, которые, знали очень хорошо всё продолжки и плутни старого констебля.

Гримальди и его друзья возвратились по домамъ. На другой день они узнали, что старикъ Лука, просидѣвъ и побѣсившись подъ арестомъ шесть часовъ, заплатилъ штрафъ; а часа два по освобожденіи, написалъ очень униженное письмо къ Гримальди, прося его о прощеніи, и спрашивая, какого вознагражденія онъ потребуетъ за испорченное платье. Гримальди счелъ за лучшее оставить все дѣло въ покоѣ, такъ—какъ разбитый носъ старика былъ достаточнымъ наказаніемъ за испорченный камзолъ. Старикъ Лука, съ своей стороны, рассудилъ также за благо не тревожить болѣе Гримальди. Впрочемъ это было, можетъ статься, отъ того только, что онъ самъ, вскорѣ затѣмъ, лишился своего констебльскаго мѣста.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того прошли весело и радостно, какъ свадебный звонъ, а одиннадцатаго мая и дѣйствительно раздался свадебный благовѣстъ. Гримальди и Мери Гюзъ сочетались законнымъ бракомъ въ церкви святаго Георгія, что на Ганноверъ-скверѣ, съ полного согласія родителей невесты и къ немалой радости старушки Гримальди, которая съ давнихъ лѣтъ любила Мери, какъ родную дочь.

На пятый день послѣ свадьбы, молодые поѣхали съ первыми визитомъ къ родителямъ. Послѣ непродолжительнаго разговора, Гримальди отправился въ Садлервельскій театръ, на пробу, гдѣ къ нему подбѣжалъ Раше, и сталъ съ любопытствомъ разспрашивать, кто такая дама, съ которою онъ вѣхалъ за полчаса передъ тѣмъ.

— Я скажу, кто она! подхватилъ Дюбуа: это мисъ Мери Гюзъ.

— Извини, возразилъ Гримальди: она называется совсѣмъ иначе.

— Право? А я готовъ былъ биться объ закладъ, что это была мисъ Гюзъ! сказалъ Дюбуа.

— И пробилъ бы: эта дама, дѣйствительно, называлась прежде мисъ Гюзъ, но съ понедѣльника уже называется мистрисъ Гримальди.

Эта радостная вѣсть разнеслась по всему театру съ быстротою молніи; со всѣхъ сторонъ посыпались поздравленія и желанія счастья, и общій восторгъ сталъ такъ шуменъ и неугомоненъ, что директоръ былъ принужденъ отмінить пробу и распустить артистовъ. Въ тотъ же вечеръ, свадьба Джо была отпразднована роскошнымъ ужиномъ въ театральномъ фойе, а въ слѣдующее воскресенье обѣдомъ, для низшихъ членовъ труппы. Однимъ словомъ, молодой человекъ, достигнувъ счастья, котораго ждалъ столько лѣтъ, хотѣлъ, чтобы всѣ, отъ перваго до послѣдняго, приняли участіе въ его радости.

Лѣтомъ этого же года, Гримальди держалъ пари, такой странный и

необыкновенный, что, по нашему мнѣнію, его стоить рассказать. Гримальди былъ въ это время знакомъ съ однимъ талантливымъ писателемъ, и имъ обомъ въ одно и тоже время понадобилось ѣхать въ Гревендъ; они сговорились совершить эту поѣздку на общій счетъ, взяли почтовыхъ лошадей и отправились почти на-зарѣ, чтобы къ вечеру быть назадъ въ Лондонъ, потому-что Гримальди долженъ былъ играть на Садлервельскомъ театрѣ. Поѣздка была очень пріятна, и время проходило незамѣтно. Пріятель Гримальди былъ острякъ, шутникъ, морившій хохотомъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Онъ ни минуты не могъ посидѣть спокойно, безпрестанно взглядывалъ то въ одно окно, то въ другое, то взадъ, то впередъ, отпуская самыя забавныя замѣчанія на счетъ мѣстности и проезжихъ. Милыхъ въ трехъ отъ Дартфорда, онъ замѣтилъ человѣка, ѣхавшаго верхомъ, на ружейный выстрѣлъ отъ экипажа, и очевидно имѣвшаго намѣреніе обогнать ихъ.

— Джо, взгляните на этого мужичка, что ѣдетъ за нами, скажутъ спутникъ Гримальди. Славная у него лошаденка!

Гримальди взглянулъ; всадникъ быстро приближался къ нимъ, на прекрасной, но здоровой лошади; самъ онъ былъ рослый мужчина, сложенный смачомъ, и по своему наряду принадлежалъ къ мызникамъ.

— Вижу, сказалъ Гримальди: но не нахожу ничего особеннаго ни въ немъ самомъ, ни въ его лошади.

— Особеннаго въ нихъ ничего и нѣтъ; однако, при такой рыси, кую онъ гонитъ свою лошадку, онъ скоро обгонитъ насъ? Какъ вы думаете?

— Обгонитъ, безъ всякаго сомнѣнія; минуты черезъ двѣ онъ уже поравняется съ нами.

— Ну, а если я предложу вамъ пари объ одной гинеѣ, что онъ насъ не обгонитъ?

— Вы шутите.

— Держите?

— Ни за что! Это значило бы украсть ваши деньги.

— Это моя забота; я не буду смотрѣть на вашъ выигрышъ какъ на кражу; готовъ даже назначить еще болѣе благоприятныя условія. Чѣмъ же, идетъ? Я говорю, что онъ не обгонитъ насъ до Дартфорда.

— Идетъ! сказалъ Гримальди, ясно видя, что всадникъ объѣдетъ ихъ черезъ полминуты, если только какая-нибудь непредвидимая причина не побудитъ его удержать лошадь.

— Только еще одно условіе, подхватилъ его спутникъ: если вы ѣдете свѣтлѣе, или только улыбнетесь, такъ что онъ увидитъ, вы проиграли. Идетъ?

— Идетъ! отвѣчалъ Гримальди, которому становилось очень любопытно видѣть, какое средство придумаетъ его пріятель, чтобы выиграть пари.

Между-тѣмъ, топотъ лошади слышался уже за самымъ экипажемъ. Шутникъ долго не задумывался надъ средствами. Онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ, поспѣшно высунулся въ окно, и грозно сталъ прицѣливаться въ мызника, который, испуганный этою неожиданною встречей, поблѣднѣлъ и скорчилъ такую уморительную рожу, что Гримальди, смотрѣвшій въ заднее окошечко, не могъ удержаться отъ хохота. Всадникъ, разумѣется, остановилъ лошадь на всей рыси. Нѣсколько минутъ за тѣмъ онъ медленно слѣдовалъ издали за экипажемъ, не спуская съ него глазъ и обдумывая, что ему дѣлать; потомъ вдругъ далъ шенкеля лошади и пустилъ ее во всю рысь, чтобы объѣхать экипажъ съ другой стороны. Но спутникъ Гримальди былъ приготовленъ къ этой военной хитрости; онъ бросился къ другому окну и опять такъ же грозно поставилъ всаднику пистолетъ. Мызникъ еще съ большимъ страхомъ дернулъ поводья, далъ экипажу отъѣхать на безопасное разстояніе, и уже не пытался опередить его. Гримальди, между-тѣмъ, захохотавшись и видя, что онъ проигралъ пари, хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, хорошенько позабавиться, и принялся разыгрывать сцену съ напуганнымъ мызникомъ, высунувшись въ другое окно, и стараясь объяснить знаками, чтобы тотъ не смѣлъ приближаться, если ему дорога жизнь. Всадникъ прінялъ увѣщаніе очень серьезно, и въ свою очередь сталъ дѣлать разные знаки и ужимки, стараясь всевозможными пантомимными средствами показать, что-де онъ понимаетъ, что господинъ съ пистолетомъ — сумасшедшій, какъ-нибудь случайно добывшій такую опасную игрушку. Гримальди, знаками же, утвердилъ простака въ его мнѣніи, давъ ему понять, что самъ онъ приставленъ къ сумасшедшему для прімотра. Минутный сумасшедшій не переставалъ прицѣливаться въ всадника, а всадникъ, держась въ почтительномъ разстояніи, не переставалъ отвѣчать по-своему на всѣ подмигиванія, пожиманія плечъ и другіе знаки Гримальди. Такимъ образомъ доѣхали они до Дартфорда. Въѣхавъ въ городъ минный сумасшедшій опустилъ пистолетъ въ карманъ, утѣлся въ свой уголъ, и Гримальди отсчиталъ ему проигранныя деньги; мызникъ же, не видя болѣе страшнаго оружія, далъ шенкеля лошади, стегнулъ ее кнутомъ, и пронесся стрѣлою по всему городу, къ немалому удивленію глазѣвшихъ прохожихъ.

Этотъ пари далъ шутнику поводъ рассказать другой пари, знаменитаго Шеридана съ прицѣмъ Валлисскимъ, о которомъ въ то время то-ковали.

Георгъ IV, будучи еще принцемъ Валлискимъ, каждый день про-
сидивъ по нѣскольку часовъ у окна одного моднаго клуба, и смо-
трѣлъ на улицу. Въ этомъ занятіи, конечно, помогали ему всегда нѣ-
которые изъ его любимцевъ, а всего чаще Шериданъ, бывшій тогда
главнымъ хозяиномъ и директоромъ Дрюриленскаго театра. Между про-
чими предметами, которые принцъ и Шериданъ подмѣчали въ эти часы
праздности, особенно обратила на себя ихъ вниманіе одна дѣвушка, ко-
торая проходила постоянно каждый день, въ определенное время, неся
стронную корзину разнаго гончарнаго товара; они дивились ловкости и
силѣ молодой разнощицы, которая ходила по улицамъ съ такою ношею,
не оступаясь подъ ея тяжестью, ни за что не задѣвая, и искусно
увертывалась отъ толчковъ въ самой тѣсной толпѣ. Однажды, когда она,
по обыкновенію, шла изъ Пикадилли въ Сейнтъ-Джемъ-Стритъ, Ше-
риданъ сказалъ принцу:

— Вотъ опять наша горшечница! и несетъ товару еще больше обык-
новеннаго.

— Не думаю, возразилъ принцъ, подходя къ окну.

— Не смѣю спорить, ваше высочество, но посмотрите сами. Право,
ея корзина почти вдвое больше обыкновеннаго. Посмотрите, какъ она
платается подъ тяжестью ноши. Вотъ упадетъ! — нѣтъ, удержалась,
бѣдняжка!

— Принцъ, какъ внимательно ни смотрѣлъ, а не замѣчалъ, чтобы
корзина была тяжелѣе обыкновеннаго, или чтобы дѣвушка шла съ боль-
шимъ трудомъ. Между-тѣмъ Шериданъ продолжалъ говорить вполголоса,
будто про себя: — Упадетъ непременно! не дойдетъ до угла и упадетъ!

— Ей упасть! возразилъ принцъ: какъ-бы не такъ! она привыкла!
ей ходить съ такою ношею ни по чемъ!

— А сегодня непременно упадетъ! подхватилъ Шериданъ.

— Пари, что она не упадетъ! сто фунтовъ! вскричалъ принцъ.

— Идетъ! сказалъ Шериданъ.

— Идетъ! повторилъ принцъ.

Дѣвушка дѣйствительно не дошла до угла клуба, и упала; конечно
случайно, потому-что кому же охота унестъ съ умысломъ, да еще когда
идешь цѣлую корзину глиняной посуды? Однако нѣкоторые злые языки
уверждали, будто паденіе дѣвушки было не случайное, и произошло
только не отъ чрезмѣрной тяжести ноши. Не берясь рѣшать этотъ споръ,
а скажемъ только, что Шериданъ въ этомъ случаѣ доказалъ свою не-
обыкновенную проницательность на такого рода вещи.

* Такія предѣлки были совершенно въ духѣ Шеридана. Однажды, напротивъ, прогнан-

Спутникъ разсказывалъ этотъ анекдотъ между-тѣмъ, какъ въ экипажъ закладывали другихъ лошадей. Его склонность къ школьническимъ шуткамъ разыгралась, и онъ не упустилъ случая повторить сцену пистолета въ новомъ видѣ. Стоявшій на дорогѣ обозъ остановилъ экипажъ передъ гостиницею, изъ которой одинъ господинъ, вытѣсавшись въ окно, смотрѣлъ на улицу съ весьма довольнымъ видомъ. Это былъ человѣкъ большого роста и тучный, въ военномъ сюртукѣ, съ огромными бакебартами и чрезвычайно важною и воинственною наружностью. Шутникъ-приятель началъ съ того, что кашлянемъ и чиханіемъ обратилъ на себя вниманіе воинственного господина, который посмотрѣлъ на него съ величавымъ, презрительнымъ удивленіемъ. Тогда шутникъ принялъ видъ сумасшедшаго, пришедшаго въ ярость, схватилъ пистолетъ и уставилъ его прямо противъ лица важнаго господина, который поблѣднѣвъ, закрылъ лицо руками, и — отступилъ-ли назадъ или уналъ, — во всякомъ случаѣ скрылся изъ окна. Шутникъ вихлаторно опустилъ пистолетъ въ карманъ, а Гримальди едва не лопнулъ отъ хохоту.

ГЛАВА VII.

Встрѣча съ Шериданомъ. — Семейныя горести. — Арлекинъ Амулетъ, новая эра въ пантомимѣ. — Любители голубей и ихъ пари. — Первая поездка въ провинцію. — Джонъ Камбъ и Иуда Давидъ. — Успѣхи въ Мэйдстонѣ и Кентербѣри. — Объясненія съ Камблемъ.

Лѣто прошло очень весело; въ сентябрѣ начались представленія на Дрюриленскомъ театрѣ; но какъ въ то же время на Садлервельскомъ театрѣ представленія прекратились, а Дрюриленская дирекція разсудила на этотъ годъ опять замѣнить пантомиму великолѣпнымъ спектаклемъ, то Гримальди былъ почти совершенно свободенъ.

Около этого времени, Гримальди встрѣтился случайно съ Шериданомъ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Ну, Джо, живы-ли вы?

— Живъ, сэръ, какъ видите; женатъ и живу счастливо.

— И жена хорошенькая, Джо?

— Очень хороша.

кался пѣшкомъ съ своимъ товарищемъ по управленію театра, Ричардсономъ, и не имѣя денегъ, вздумалъ онъ прѣзжаться въ каретѣ и заставить Ричардсона заплатить извознику. Для этого, подъѣзжая къ своему дому, онъ завязалъ съ Ричардсономъ горячій споръ, и когда отъ ссора перешло къ крупнымъ словамъ, онъ выскочилъ изъ кареты, объявивъ, что съестъ же позволить ему на минуту долге сидѣть съ такимъ человѣкомъ, какъ Ричардсонъ. Послѣднимъ пришлось заплатить за поездку.

— Это дѣло; живите добрымъ семьяниномъ, Джо; только въ семейной жизни можетъ человекъ достигнуть истиннаго счастья. Я самъ живу семьяниномъ, сказалъ Шериданъ, прищуривъ глазки съ тѣмъ невыразимо-шиорстическимъ выраженіемъ, котораго никто не забудетъ, кто только разъ видѣлъ его. Живите добрымъ семьяниномъ, продолжалъ онъ. Но что дѣлаетъ бѣдная ваша жена по вечерамъ, когда вы играете на театрѣ? Не годится, Джо, оставлять молодую жену одну по цѣлымъ вечерамъ! Совсе не годится! Вотъ я пособлю вамъ развлечь ее, — приду ей даровые билеты, для нея съ пріятельницею! — разумѣется съ пріятельницею, а не съ пріятелемъ, — иначе оно вышло-бы еще опаснѣе; что вы на это скажете, Джо?

И онъ поспѣшно удалился, не дождавшись отвѣта; но не забывъ обещанія, и съ слѣдующаго вечера мистрисъ Грималди стала почти постоянно посѣщать театръ.

Безмятежно, приятно и быстро промелькнули осень и зима. Въ слѣдующемъ 1799 году, надежда быть скоро отцомъ, еще увеличила счастье мужа, — увы! не надолго. Но къ чему слишкомъ распространяться о тяжелыхъ горестяхъ семейной жизни, которыхъ мы такъ много видимъ каждый день около себя? Послѣ многихъ колебаній между страхомъ и надеждою, Грималди лишился жены — той, которую онъ такъ страстно любилъ почти съ дѣтства, о душевныхъ свойствахъ которой онъ съ такою вѣжностію вспоминалъ до самой смерти. — «Бѣдный Джо! о Ричардъ, люби моего бѣднаго Джо!» Это были послѣднія ея слова къ брату. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, предъ нимъ лежалъ одинъ безжизненный трунъ. Она умерла 18 октября 1799 года, и бранные останки ея были положены въ семейномъ снѣгѣ Гьюза, въ Сейнтъ-Джемской церкви, въ Кларкенвелѣ.

Въ первое время Грималди былъ убитъ горестью. Друзья его боялись даже за его жизнь, не отходили отъ него ни на минуту, и только въ неуспѣшная заботливостъ, ихъ теплое участіе могли мало-по-малу утѣшить его жгучую скорбь. Они также знали и любили ее; они говорили съ нимъ о ней, и вѣсть съ нимъ оплакивали ее! Ричардъ Гьюзъ, братъ покойной не забывъ предсмертнаго завѣщанія сестры; онъ остался искреннѣе и искреннимъ другомъ Грималди до самой его кончины.

Два мѣсяца провелъ Грималди, погруженный въ горестныя думы объ отсутствіи надеждахъ и утраченномъ счастьи. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ рѣшился онъ снова показаться на сценѣ, и первое появленіе его сопровождалось оглушительнымъ хохотомъ публики. Слѣды глубокой скорби на лицѣ продали подъ слоемъ краски, и весь театръ встрѣтилъ своего любимаго громкими и единодушными изъявленіями восторга.

Это было въ пантомимѣ, данной къ святкамъ на Дрюризонскомъ театрѣ. Она называлась «Арлекинъ Амулетъ, или волшебникъ острова Моны»*, имѣла огромный успѣхъ и давалась почти безъ перерыву до Пасхи 1800 года. Авторомъ ея былъ Поуель, а постановку принималъ на себя балетмейстеръ Джэмъ Бёртъ. Она отличалась нѣкоторыми особенностями и нововведеніями, а именно, новою костюмировкой и совершенно новымъ значеніемъ, даннымъ арлекинову характеру. Костюмъ арлекина до того времени состоялъ изъ широкихъ шароваръ и куртки, а всѣ его тѣлодвиженія ограничивались пятью опредѣленными положеніями, которыя онъ безпрестанно мѣнялъ. Бёртъ, въ первый разъ явившійся въ этомъ году въ роли Арлекина, бросилъ всѣ эти старыя условія, и создалъ изъ него новый типъ. Всѣ его тѣлодвиженія, положенія, прыжки были новы; костюмъ также подвергся современному преобразованію; Бёртъ сшилъ его изъ бѣлой шелковой матеріи, съ замысловатыми цвѣтными заплатками, также шелковыми; и онъ такъ глѣбо сидѣлъ на тѣлѣ, что нигдѣ не видно было ни складочки; множество рассыпавшихъ по немъ богатыхъ блескокъ и гадуновъ придали ему необыкновенный блескъ. Это нововведеніе увлекло зрителей, и Бёртъ былъ привѣтствованъ самыми восторженными рукоплесканіями, — «и вполне заслуженными, прибавляетъ Гримальди: ибо, по моему мнѣнію, Бёртъ былъ лучшимъ арлекиномъ своего времени, да и съ-тѣхъ-поръ немногіе только подходили къ нему, а никто не могъ его превзойти.»

У Гримальди была въ этой пантомимѣ очень трудная и утомительная роль. Онъ являлся сначала Пунчемъ**, потомъ, въ теченіе пьесы, превращался въ клоуна. Въ Пунчѣ онъ имѣлъ такой успѣхъ, что Шериданъ изъявилъ желаніе, чтобы онъ осѣвдался этимъ лицомъ до конца пьесы; но Гримальди отъ этого отказался на-отрѣзъ. Въ Пунчѣ его давили и душили два огромные и тяжелые горба, одинъ на спинѣ, другой на груди, высокій колпакъ въ видѣ сахарной головы, маска съ предлиннымъ носомъ и тяжелые деревянные башмаки. Въ этомъ неудобномъ нарядѣ онъ долженъ былъ напрягать всѣ силы, безпрестанно выдѣлывать самыя разнообразныя и хитрыя полишинелевскія штуки, такъ, что къ концу шестой сцены онъ выбивался изъ силъ и принужденъ былъ превращаться въ клоуна. «Мисъ Менажъ, говоритъ Гримальди: исполняла роль Коломбины, и была въ ней удивительно хороша. Я думалъ тогда, да и теперь еще думаю, что я никогда не видывалъ такого превосходнаго Арлекина и такой отличной Коломбины, какъ Бёртъ и мисъ Менажъ.»

* Мона, древнее имя острова Энгльзи, считавшагося особенно священнымъ у Друзовъ.

** Итальянскій Пудъчивелла.

«Аргентъ-Амулетъ» давали каждый день, до самой Пасхи, такъ, что Гримальди былъ постоянно занятъ. Это, впрочемъ, имѣло на него благотворное вліяніе, тѣмъ, что отвлекало его мысли отъ горестной утраты.

По смерти жены, онъ немедленно переѣхалъ на другую квартиру, въ Бейнъ-роу, и тамъ, для развлечения, завелъ себѣ голубятню, гдѣ часто просиживалъ по нѣскольку часовъ, любуясь на быстрый полетъ своихъ голубей, которыхъ у него было болѣе тридцати паръ, и все самыхъ отличныхъ породъ. Съ немалою гордостью рассказываетъ онъ объ одномъ пари съ какинъ-то мистромъ Ламбертомъ; предметомъ этого пари былъ голубь, отличавшійся необыкновенными свойствами.

«Этотъ мистръ Ламбертъ, говоритъ Гримальди: былъ, подобно мнѣ, страстный охотникъ до голубей; но присоединялъ къ этой страсти другую, совершенно худую мнѣ страсть—къ хвостовству.» И такъ, мистръ Ламбертъ, въ порывѣ хвостовства, вздумалъ утверждать, что его голуби во всѣхъ отношеніяхъ превосходили голубей всѣхъ другихъ лондонскихъ голубятниковъ. Само-собою разумѣется, что такой отзывъ задалъ за живое всѣхъ содѣжателей голубей, въ томъ числѣ и Гримальди. Мистръ Ламбертъ предложилъ пари въ томъ, что у его соперниковъ не найдется ни одного голубя, который могъ бы пролетѣть двадцать миль въ двадцать минутъ. Гримальди принялъ пари. Въ назначенный день, избранный голубь былъ отданъ въ шесть часовъ утра одному пріятелю, съ приказаніемъ пустить его ровно въ двѣнадцать часовъ, близъ Сент-Альбанса, въ двадцати миляхъ отъ дома Гримальди. Затѣмъ часы были поставлены по Кларкенвальскимъ церковнымъ часамъ, и пріятель отправился съ голубемъ и съ однимъ свидѣтелемъ со стороны противника. Погода была неблагопріятная; все время шелъ частый и крупный снѣгъ съ дождемъ. Но въ условіяхъ пари погода не была оговорена, и въ двѣнадцать часовъ Гримальди и Ламбертъ, сопровождаемые нѣсколькими свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ, отправились на голубятню. Ровно въ девятнадцать минутъ по полудни голубь опустился на крышу. Гримальди тутъ же было предложено за него двадцать фунтовъ; но онъ съ негодованіемъ отказался отъ этого предложенія.

Не всегда, однако, голуби летали такъ быстро, или были такъ исправны. Иной разъ они странствовали такъ долго, что хозяинъ терялъ надежду ихъ видѣть. Однажды отсутствіе ихъ продолжалось четыре часа. Онъ съ отчаяніемъ снѣдалъ на голубятнѣ, какъ вдругъ три оставшіеся голубя обратили на себя его вниманіе. Они вытянули шейки и устремили неподвижные взоры къ небу. Гримальди взглянулъ въ томъ же направленіи, но долго ничего не видѣлъ. Наконецъ ему показалось,

что онъ различилъ черную точку на ужасной высотѣ; точка эта постепенно приближалась и расширялась, и наконецъ, къ невыразимой его радости, всё его голуби опустились на голубятню. Они возвращались, безъ сомнѣнія, изъ дальняго путешествія; можетъ-быть пролетѣли нѣсколько сотенъ миль.

По окончаніи представленій пантомимы, Гримальди почти ничего было дѣлать на Дрориленскомъ театрѣ. Его занятія ограничивались незначительными ролями въ «Лодонскѣ», въ «Рыцарскихъ временахъ», и тому подобныхъ шесакъ, такъ что ему не трудно было поспѣвать туда по окончаніи главной нѣсы на Садлервельзскомъ театрѣ. Въ іюнѣ Дрориленскій театръ закрылся; и открылся уже въ сентябрѣ, по окончаніи Садлервельзскаго сезона. Но настоящая его дѣятельность должна была начаться только въ декабрѣ, такъ, что онъ могъ улучшить нѣсколько времени въ ноябрѣ, чтобы совершить свою первую артистическую поѣздку въ провинцію.

Въ труппѣ Садлервельзскаго театра былъ тогда одинъ талантливый актеръ, по имени Луидъ, который, въ свободное время, присоединился къ провинціальной труппѣ мистрисъ Бекеръ. Ему былъ назначенъ, на 15 число, бенефисъ въ Рочестерѣ. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, явился къ Гримальди, и просилъ его принять участіе въ бенефисѣ. Гримальди никогда не отказывалъ въ просьбѣ такого рода, если только могъ ее исполнить; такъ и тутъ онъ тотчасъ изъявилъ свое согласіе. Въ назначенный день онъ прибылъ въ двѣнадцать часовъ въ Рочестеръ, сдѣлалъ пробу нѣсколькими пантомимными сценами, потомъ пообедалъ, и отправился въ театръ, который къ шести часамъ былъ уже биткомъ набитъ. Его появленіе было привѣтствовано олушительными рукоплесканіями; онъ долженъ былъ повторить по три раза каждую изъ своихъ комическихъ пѣсень, и вся игра его возбуждала живѣйшее оцущеніе. Мистрисъ Бекеръ немедленно предложила ему играть слѣдующіе два вечера, съ тѣмъ, чтобы половина сбора принадлежала ему. Онъ принялъ предложеніе, и старушка директриса была въ такомъ восторгѣ, что не снимая шляпки и платка, въ томъ самомъ видѣ, какъ стояла въ кассѣ, вышла на сцену, чтобы объявить почтенной публикѣ объ ожидаемомъ ее на два слѣдующіе вечера; само-собою разумется, что это извѣстіе было принято со стороны публики съ громкими выраженіями радости.

Мистрисъ Бекеръ была очень замѣчательная особа. Она вела свои дѣла сама, и имѣла особенную систему финансоваго управленія. Она никогда не давала денегъ на проценты, и вообще не пускала ихъ ни въ какіе торговые обороты, а хранила ихъ въ семи или восьми пушневыхъ

бюжеляхъ, которые всегда стояли на верхней полкѣ шкафа; только отъ времени до времени доставляла она себѣ чрезвычайное наслажденіе, снимая бокалы одинъ за другимъ, съ полки, и налюбовавшись на нихъ досыта, ставила ихъ на прежнее мѣсто. У нея былъ довѣренный чело-вѣкъ, помогавшій ей во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ храненія денегъ; это былъ вѣкто Лонгъ, но чрезмѣрной своей худобѣ получившій прозвище *Костля-саю*. Послѣ спектакля, за ужиномъ, въ которомъ участвовали Лундъ, Гримальди, Генри, Вильямъ Доутоны (сыновья знаменитаго актера), директриса и Лонгъ, было условлено, что Гримальди будетъ на слѣдующій день играть Скарамучью въ «Донъ-Жуанъ». Представилось не-большое затрудненіе въ томъ, что Гримальди привезъ съ собою только костюмъ клоуна; но мистрисъ Бекеръ тотчасъ помогла этой бѣдѣ съ помощью одного портнаго, Памера, который при этомъ случаѣ открылъ въ себѣ необыкновенный талантъ по части театальной костюмировки. Вскорѣ послѣ того онъ переселился въ Лондонъ и поступилъ костюме-ромъ, сначала къ Ковентгарденскому театру, а потомъ къ Дрюрилен-скому, и занимаетъ эту должность по настоящее время *.

Ко второму представленію всѣ билеты были разобраны въ полчаса, и многимъ охотникамъ пришлось еще отказать; къ третьему вечеру, когда Гримальди долженъ былъ играть въ послѣдній разъ, и въ двухъ роляхъ, клоуна и Скарамучью, оркестръ былъ обращенъ въ ложи, а за сценою не оставалось полуаршина свободнаго пространства, на которомъ не было бы устроено помѣщенія для зрителей. Мистрисъ Бекеръ не вишила такого богатаго сбора.

Гримальди обѣщала мистрисъ Бекеръ пріѣхать къ ней въ мартѣ мѣсяцѣ и дать нѣсколько представлений съ ея труппою въ Мейдстонѣ, если только лондонскія обязанности его позволятъ. На слѣдующее утро, Костлявый принесъ ему счетъ и слѣдовавшія ему деньги, 160 фунтовъ стерлинговъ, и затѣмъ онъ возвратился въ Лондонъ, очень довольный первою своею артистическою поѣздкою.

Къ святканъ, на Дрюриленскомъ театрѣ, вмѣсто новой пантомимы былъ возобновленъ «Арлекинъ-Амулетъ», который давалъ опять полные сборы, почти безъ перерыва, до конца января. Въ это время явил-ся въ первый разъ на Дрюриленской сценѣ старинный пріятель Гри-мальди, Дэвисъ, или Іуда Дэвисъ, какъ его называли обыкновенно. Онъ былъ извѣстенъ, между прочимъ, какъ отчаянный шутникъ, и о немъ рассказывали забавный случай съ Кемблемъ.

* Въ 1838 году.

** Дэвисъ славился въ свое время, какъ лучший актеръ на роли джидоу.

Кембль давалъ однажды представленіа въ сѣверной Англїи, и игралъ Гамлета на провинціальномъ театрѣ, на которомъ былъ ангажированъ Дэвисъ. Само собою разумѣется, что вся труппа должна была участвовать въ представленіи, въ томъ числѣ и Дэвисъ, которому дали роль могильщика. Все шло хорошо до первой сцены пятаго дѣйствїа, то-есть до появленїа Дэвиса. Онъ привыкъ корчить самыя уморительныя рожи, которыя могли быть очень забавны въ комедїяхъ и фарсахъ, но въ трагедїи, а слѣдовательно и въ *Гамлетѣ*, были не совсѣмъ у мѣста. А что было еще хуже, публика привыкла хохотать до упаду рожами Дэвиса, такъ, что нравственно-философскїя размышленїа великаго трагика надъ Юриковымъ черепомъ были безпрестанно прерываемы страшнымъ хохотомъ, возбуждившимъ въ немъ великій гнѣвъ и досаду.

По окончанїи пьесы, Гамлетъ крѣпко выбранилъ могильщика, и изъявилъ надежду, что въ будущую встрѣчу ихъ въ тѣхъ же роляхъ, Дэвисъ воздержится отъ такого безсмысленнаго паясничества. Это не помогло; Дэвисъ не терпѣлъ осужденїи и наставленїи, и отвѣчалъ довольно рѣзко, что не учиться ему у мистра Кембля своему искусству. Кембль оставилъ его въ покоѣ, и продолжалъ свои представленїа съ такимъ успѣхомъ, что былъ ангажированъ еще на нѣсколько вечеровъ.

Въ послѣднее представленїе давали опять *Гамлета*. На этотъ разъ, какъ и прежде, все шло отлично до сцены могильщиковъ. Кембль ждалъ реплики, и съ досадою слушалъ, какъ нѣчто злоеющее, оглушительный хохотъ, сопровождавшїй бесѣду могильщиковъ. Въ ту самую минуту, какъ онъ выходилъ на сцену, Дэвисъ отпустилъ уморительную гримасу, и хохотъ возобновился. Запылалъ гнѣвомъ Кембль. Первые слова его не произвели никакого впечатлѣнїа, а когда онъ обратился къ Дэвису, онъ замѣтилъ, что тотъ, стоя въ могилѣ, корчилъ самыя комическія, но крайне-неумѣстныя рожи. Терпѣнїе Кембля лопнуло. Онъ въ бѣшенствѣ топнулъ ногою и пустилъ сквозь зубы словечко, очень выразительное, но вовсе не принадлежавшее къ роли. Дѣйствїе его было самое неожиданное. При видѣ Гамлетова гнѣва, могильщикъ всплеснулъ руками отъ страха, вскрикнулъ такъ ужасно, что всѣ слушатели вздрогнули, растянулись на днѣ могилы, и уже не хотѣли ни говорить, ни выходить оттуда. Затѣмъ сцена была разыграна по возможности безъ могильщика, а зрители, во все продолженїе ея, громко выражали свое безпокойство и спрашивали отъ времени до времени, не случилось ли какого несчастїа съ мистромъ Дэвисомъ?

Съ полгода спустя, Шериданъ случайно увидѣлъ Дэвиса гдѣ-то въ провинціи, и былъ такъ пораженъ его талантомъ, что немедленно ангажировалъ его къ Дрюриленскому театру. Въ первый же день сезона

онъ формально представилъ его директору, Джону Камблю, который сначала не узналъ его, а показалось ему только, что онъ гдѣ-то видалъ это лицо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, онъ вскрикнулъ: — «А, помню, помню! вы не тотъ ли господинъ, что вдругъ рѣс- тивулся въ могилѣ, и забылъ оттуда выйти?»

Дэвисъ успѣшилъ просить извиненія въ своей неумѣстной шуткѣ. Случай былъ рассказанъ Шеридану, который, будучи самъ отъявлен- нымъ школьникомъ, пришелъ отъ него въ восторгъ. Даже самъ Гам- летъ забылъ гдѣ въ и досаду, и всѣ трое сѣбялись отъ души.

Когда представленія *Арлекина-Амулета* прекратились, Грималь- ди почти нечего было дѣлать въ Лондонѣ. Помня данное обѣщаніе, онъ поѣхалъ, въ началѣ марта, къ старой директрисѣ, въ мейдстонъ, и на слѣдующее же утро мирный городокъ внезапно засуетился, прочитавъ объявленіе, что знаменитый лондонскій клоуиъ явится на мейдстонскомъ театрѣ, въ роли Скарамуччи. Въ половинѣ пятого часу не было уже проходу по улицѣ, которая вела къ театру. Мистрисъ Бекеръ отъ роду не видала такой давки, и попеременно то радовалась, то приходила въ ужасъ. Она встробовала нѣсколько лишнихъ констеблей, и по приходѣ ихъ, немедленно велѣла отворить двери, и открыла кассу, крича непре- станно: — «Партеръ или ложу? — партеръ или галерею? — ложу или партеръ?»

— Партеръ, партеръ! кричалъ десятокъ ветерпѣливыхъ охотниковъ, крѣпко хватаясь за перила, чтобы ихъ не оттиснули.

— Такъ давай скорѣе два шиллинга и проваливай, ротозѣй! отвѣ- чала старуха. Такъ нецеремонно обращалась она не только въ этотъ вечеръ, но и каждый разъ, какъ въ кассѣ было много народа, и со всеми, не смотря ни на какое званіе.

Внукъ, въ этотъ вечеръ, начался въ пять часовъ, и какъ только театръ наполнился, мистрисъ Бекеръ закрыла кассу, побѣжала на спе- цу, и велѣла тотчасъ начинать, объясняя весьма основательно, что «въ театрѣ больше народу, чѣмъ помѣстится; не усадишь, и что чѣмъ скорѣе начнемъ, тѣмъ скорѣе съ плечъ сбудемъ». И представленіе тотчасъ началось, къ великой радости жителей, и кончилось въ началѣ десятаго.

Жители Мейдстона приняли Гримальди какъ нельзя лучше, и на слѣдующее утро всѣ городскія власти и знаменитости наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали его къ обѣду. Но онъ отказался отъ всѣхъ приглашеній, потому что былъ уже завербованъ директрисою, которая не сводила съ него глазъ. Утромъ, когда онъ появился на улицѣ, тогда мальчишескъ узнала его и, какъ въ Лондонѣ, проводила его радо-

сидели кивалики. На второе представление театръ былъ еще полнее перваго раза, хотя оно и назалось бы невозможнымъ; но сторожа какъ то уловившись, чтобы втиснуть въ залу длинную толсотню людей. Въ первое представлѣніе было собрано 154, во второе 157 фунтовъ, изъ которыхъ Гримальди получилъ ровно половину.

Мистрисъ Бекеръ предложила ему ѣхать въ Кентербюри, и дать тамъ также два представлѣнія, на тѣхъ же условіяхъ. Онъ согласился, и директриса велѣла немедленно написать объявленіе и послать въ типографію. Въ четыре часа утра объявленіе были готовы и отправлены съ нарочнымъ въ Кентербюри, а въ девять часовъ утра весь городъ зналъ уже объ ожидавшемъ его удовольствіи. Мистрисъ Бекеръ держала театры въ Рочестерѣ, Мейдстонѣ, Кентербюри и во многихъ еще другихъ городкахъ; а какъ всѣ эти театры были почти одной величины, то одніи и тѣже декорации годились для всѣхъ. Въ назначенный день вся труппа отправилась въ Кентербюри на рѣсвѣтъ; Гримальди же поѣхалъ поздне, на почтовыхъ, и прибылъ въ часъ пополудни. Пробу дѣлать было не для чего, потому—что актеры, музыканты, машинисты и даже служители были всѣ тѣ же. Всѣ мѣста были уже разобраны. Мистрисъ Бекеръ угостила Гримальди отличнымъ обѣдомъ, а потомъ онъ отправился въ театръ, и игралъ, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и на слѣдующій, такой же успѣхъ, какъ въ Мейдстонѣ. Въ Кентербюри пришлось на его долю 155 фунтовъ девять шиллинговъ, такъ, что онъ воротился въ Лондонъ, изъ четырехъ—дневной поездки, съ 312 фунтами и 19 шиллингами въ карманѣ.

Вскорѣ по возвращеніи онъ съ удивленіемъ прочиталъ на афишахъ Драматическаго театра, что въ непродолжительномъ времени будетъ возобновленъ Арлекинъ Амuletъ, въ которомъ мистръ Гримальди будетъ исполнять прежнюю роль. Это объявленіе было противно условіямъ его контракта, и никакъ не могло согласиться съ его обязанностями относительно Садлервельскаго театра. Поэтому онъ рѣшился идти немедленно къ директору, Джону Кемблю, и объясниться съ нимъ.

Онъ засталъ директора въ театрѣ. Кембль принялъ его съ тѣмъ директорскимъ величіемъ и повелительнымъ видомъ, которыя онъ принималъ каждый разъ, какъ ожидалъ сопротивленія своей волѣ. Гримальди вѣжливо поклонился, а Кембль важно и церемонно приложилъ руку къ шлѣпѣ, и холодно спросилъ, что ему угодно. Гримальди объяснилъ, что онъ по своему контракту обязанъ послѣ Пасхи играть только въ названныхъ пьесахъ, а не въ пантомимѣ, и что ему даже невозможно играть въ ней по причинѣ контракта съ Садлервельскимъ театромъ; что оба дирекціи всегда распорядились такимъ образомъ, чтобы не пра-

исполнить ему въ исполненіи обоихъ контрактовъ; и что ему будетъ весьма прискорбно, если отъ отказа его произойдетъ какая-либо неприятность, но что ему невозможно явиться въ той роли, которая объявлена на афишахъ Дрюриленскаго театра.

Кембль выслушалъ представление Гримальди съ холодною важностью, помолчалъ съ минуту, и потомъ сказалъ торжественнымъ, голосомъ: — «Джо, я скажу вамъ одно слово, которое стоитъ тысячи: вы должны играть».

Гримальди стало ужасно досадно; потому что слово «должны» сказано было съ неприятнымъ выраженіемъ. Онъ ушелъ минутнымъ гнѣвомъ, и отвѣчалъ заисключиво: — «Хорошо, сэръ. На ваше «должны» я отвѣчу однимъ же словомъ, — *не хочу, сэръ!*»

— Не хотите, Джо? не хотите?

— Не хочу.

— Вотъ что? сказала Кембль рѣзкимъ, ироническимъ, голосомъ, а Гримальди повторилъ еще съ большою досадою: — «Не хочу!»

— Въ такомъ случаѣ нѣтъ чести свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, отвѣчалъ Кембль, снявъ шляпу и низко кланяясь.

Гримальди также снялъ шляпу и поклонился, и съ тѣмъ они разошлись. На другой же день имя Гримальди на афишѣ сдѣнилось именемъ какого-то новаго, совершенно неизвѣстнаго въ Лондонѣ клоуна, которому пришлось исчезнуть со сцены такъ же быстро, какъ онъ явился. Добуть его былъ такъ неудаченъ, что послѣ перваго представленія пантомима была отказана.

Гримальди между-тѣмъ готовилъ новую и очень значительную роль въ пьесѣ, ставившейся на Садлервельскомъ театрѣ, подъ благозвучнымъ и заманчивымъ названіемъ «Большаго дьявола». Онъ полагалъ большія надежды на роль и на пьесу; но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VIII.

1801 — 1803.

Какъ добываются деньги. — Отказъ отъ Дрюриленскаго театра и новый ангажементъ. — Монахъ Ливисъ. — Ливисъ и Шериданъ. — Семейное притвореніе и денежная убица.

«Большой дьяволъ» вполнѣ оправдалъ ожиданія Гримальди; но этого успѣха стоилъ ему большихъ трудовъ. Онъ игралъ въ пьесѣ двѣ роли,

и кромѣ фехтовальныхъ и другихъ упражненій, долженъ былъ переодѣваться девятнадцать разъ. Пьеса много шумѣла и давалась въ-продолженіе всего сезона.

Въ предыдущей главѣ мы показали, что приносила Гримальди его артистическая дѣятельность; теперь кстати покажемъ, чего стоило ему добывать эти деньги. Ежедневная служба его начиналась на Садлервельскомъ театрѣ, гдѣ онъ игралъ длинную, трудную роль въ «Большомъ дьяволѣ». Потомъ онъ былъ клоуномъ при танцованіи на канатѣ и въ пантомимѣ; въ послѣдней онъ пѣлъ двѣ комическія пѣсни, которыя долженъ былъ каждый разъ повторять по два и по три раза. Когда все это было кончено, ему надо было на скоро переодѣться и спѣшить — иногда бѣжать — въ Дрюриленскій театръ, чтобы участвовать тамъ въ послѣдней пьесѣ.

Послѣ шести такихъ вечеровъ, на седьмой день онъ былъ совершенно разбитъ. Онъ, очевидно, слишкомъ напрягалъ свои силы, и это было, безъ сомнѣнія, первою причиною ослабленія, постигнаго его въ послѣдніе годы жизни; онъ имѣлъ полное право, на старости, говорить, что если онъ и получалъ хорошія деньги, то эти деньги не равнялись четвертой части трудовъ, которыхъ онъ ему стоили.

Иногда представленіе на Садлервельскомъ театрѣ было такъ продолжительно, что занавѣсъ опускался въ то самое время, когда начиналась послѣдняя пьеса на Дрюриленскомъ театрѣ. Тогда онъ бывалъ принужденъ бѣжать туда, не останавливаясь ни разу, чтобы перевести духъ. Какой онъ былъ въ то время мастеръ бѣгать, доказывается тѣмъ, что однажды, когда представленіе на Садлервельскомъ театрѣ задержало его долѣе обыкновеннаго, онъ съ своимъ товарищемъ, мистромъ Фербротеромъ, добѣжалъ оттуда до Дрюриленскаго театра въ восемь минутъ. Въ другой разъ, — это было въ то время, когда дрюриленская труппа играла въ зданіи Итальянской Оперы, — они вводемъ пробѣжали туда въ четырнадцать минутъ, и исполнивъ тамъ свое дѣло, то-есть явившись въ большой выходъ въ «Кимонѣ», возвратились въ Садлервельскій театръ въ тринадцать минутъ, какъ разъ во-время, чтобы Гримальди успѣть переодѣться и явиться клоуномъ въ пантомимѣ.

Гримальди былъ всегда чрезвычайно точенъ и совѣстливъ въ исполненіи своихъ обязанностей, такъ что во все продолженіе его многолѣтняго и труднаго поприща, онъ ни разу не обманулъ ожиданіе публики, и ни разу не отказался отъ роли, объявленной на афишѣ.

Послѣ своего объясненія съ Кемблемъ, онъ три мѣсяца исполнял свои обязанности на Дрюриленскомъ театрѣ, и ссора ихъ, повидному, не имѣла никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что Кемблѣ не оказывалъ

ему прежняго расположенія, и встрѣчаясь съ нимъ, кланялся ему очень важно и холодно. Гримальди, съ своей стороны, соблюдалъ ту же холодную и чопорную вѣжливость. Однако опасенія его наконецъ сбылись; 26 юна онъ получилъ записку, подписанную Поувлемъ, тогдашнимъ суфлеромъ, въ которой онъ извѣщался отъ имени дирекціи, что она, для своей пользы, признавала нужнымъ на будущее время обойтись безъ его услугъ.

Эта записка очень огорчила Гримальди; поступокъ дирекціи казался ему жестокимъ и несправедливымъ. Сначала онъ думалъ подать жалобу въ судъ на Шеридана, какъ главнаго владѣльца Дрюриленскаго театра, и по смыслу своего контракта, онъ долженъ-бы непремѣнно выиграть процессъ. Но потомъ онъ отказался отъ этого намѣренія и пошелъ за совѣтомъ къ своему вѣрному другу, мистру Гьюзу, который, прочитавъ записку, сказалъ ему: — «Бросьте записку, и не думайте объ этомъ. По окончаніи садлервельскаго сезона, вы поѣдете со мною въ Эксетеръ и пробудете тамъ до открытія его вновь. Вы получите за это время, по четыре фунта въ недѣлю и полный бенефисъ. Это будетъ для васъ чуть-ли не выгоднѣе Дрюриленскаго театра.»

Гримальди не поколебался принять предложеніе мистра Гьюза, и не думалъ болѣе о причиненной ему обидѣ.

Лѣтній сезонъ на Садлервельскомъ театрѣ прошелъ очень быстро, до августа мѣсяца. Въ это время случилось происшествіе, которое могло имѣть для Гримальди очень горестныя послѣдствія. Играя въ «Большомъ дьяволѣ» разбойничьяго есаула, онъ имѣлъ въ сапогѣ пистолеть, который онъ долженъ былъ въ одномъ мѣстѣ посѣбно вытаскивать и выстрѣлять изъ него. Однажды онъ при этомъ задѣлъ курокъ, и пистолеть выстрѣлилъ и разорвалъ ему сапогъ. Не смотря на страшную боль, Гримальди не хотѣлъ прервать представленія и остался на сценѣ до конца пьесы. Когда онъ вышелъ, и сапогъ былъ снятъ съ ноги, оказалось что пыжъ и чулокъ загорѣлись отъ выстрѣла, и горѣли все время. Гримальди послѣ того четыре недѣли не могъ выхлѣпть изъ комнаты. Во все это время, одна актриса Дрюриленскаго театра, мисъ Бристау, ухаживала за больнымъ съ заботливостью родной сестры; каждое утро приходила она перевязывать ему ногу, и просиживала у него по цѣлымъ часамъ, чтобы разсвѣять его скуку. Изъ благодарности онъ слѣдующею же зимою женился на ней и прожилъ съ нею, въ совершенномъ счастіи, до самой ея смерти, то-есть болѣе тридцати лѣтъ.

Представленія на Дрюриленскомъ театрѣ возобновились 30 сентября, пьесой «Какъ вамъ угодно», и «Сиднею бороною.» Въ послѣдней роль Гримальди заключалась преимущественно въ фехтовальной сценѣ, вста-

вленной для того, чтобы дать время для нужных приготовлений къ последней картинѣ. Кембль не подумалъ объ этомъ, и вмѣсто того, чтобы приискать кого-нибудь на мѣсто Гримальди, велѣлъ просто выпустить сцену, что очень не понравилось публикѣ. Театръ былъ въ этотъ день полонъ, и все шло отменно до последней картины. Начать ее вслѣдъ за предыдущею было невозможно, и зрителямъ, вмѣсто фехтовальной сцены, приходилось смотрѣть другъ на друга, или на глупую декорацию. Началось шиканье, а вслѣдъ за тѣмъ партеръ сталъ громко требовать фехтовальной сцены; нѣкоторые хотѣли, чтобы Кембль вышелъ извиниться и объяснить причины, по которымъ фехтовальная сцена была выпущена; другіе — чтобы онъ самъ дрался на эспадронахъ, если ему некого заставить драться. Наконецъ, началась послѣдняя картина, но шумъ все возрасталъ, и занавѣсъ опустился при неистовомъ шиканьи, свистѣ и другихъ изъясненіяхъ неудовольствія.

Шериданъ, въ этотъ вечеръ, сидѣлъ въ своей ложѣ съ пріятелями, и неоднократно радовался множеству зрителей и успѣшному ходу представленія. Внезапная перемена въ расположеніи публики очень раздосадовала его и вмѣстѣ съ тѣмъ удивила, потому-что онъ не номиналъ причины ея. Какъ только занавѣсъ опустился, онъ выбѣжалъ на сцену, и прислонясь спиной къ занавѣсу, гнѣвно спросилъ собравшихся актеровъ, изъ чего могъ произойти этотъ адскій шумъ? Актеры боялись встрѣчаться съ Шериданомъ въ такое время, когда онъ бывалъ раздраженъ, и потому никто сначала не рѣшался отвѣчать на его вопросъ; наконецъ Барриморъ выступилъ впередъ, и сказалъ, что въ прежнее время Роффей и Гримальди вставляли передъ послѣднею картиною фехтовальную сцену, нынче же эта сцена выкинута, и что это обстоятельство и было причиною неудовольствія публики.

— Зачѣмъ же эта сцена нынче выкинута? спрашиваю васъ, зачѣмъ? гдѣ Гримальди?

— Право, не умѣю вамъ сказать, сэръ; директоръ уволилъ нашего стараго товарища Гримальди еще въ концѣ прошлаго сезона.

Шериданъ очень разсердился и наговорилъ множество неприятныхъ вещей, въ родѣ того, что онъ хочетъ быть у себя хозяиномъ, и просить директора не мѣшаться въ чужое дѣло, и прочая. Затѣмъ онъ послалъ немедленно къ Гримальди, просить его пожаловать на другой день въ театръ, ровно въ двѣнадцать часовъ, и важно поклонившись актерамъ, вышелъ въ сильномъ неудовольствіи. На слѣдующій день онъ принялъ Гримальди любезнѣе, чѣмъ когда-либо, тотчасъ возобновилъ контрактъ и прибавилъ къ его прежнему содержанію одинъ фунтъ въ недѣлю.

Всѣмъ затѣмъ афиши объявилъ, что въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ возобновленъ *Арлекимъ-Амулетъ*. На первой пробѣ Кемблъ подошелъ къ Гримальди, и сказалъ, что ему очень пріятно его видѣть опять на Дрюриленской сценѣ, и что онъ надѣется, что они уже не скоро разстанутся. Гримальди отвѣчалъ въ томъ же смыслѣ, и такимъ-образомъ, его увольненіе не имѣло другихъ непріятныхъ послѣдствій, кромѣ увеличенія его содержанія. О предпологавшейся поѣздкѣ въ Эксетеръ не было уже рѣчи, потому-что мистръ Гьюзъ устраивалъ ее только для пользы своего зятя.

«Въ это время, говоритъ Гримальди, я очень часто видалъ покойнаго Люиса: Онъ имѣлъ удивительно женское лицо, вѣчно торчалъ въ уборной Дрюриленскаго театра и говорилъ съ актерами и актрисами ужасно жеманно и приторно, что большей части изъ нихъ очень надоѣдало. Литературные труды его доказываютъ, что онъ былъ человекъ съ дарованіемъ и образованный; изъ разговора же его этого никакъ нельзя было замѣтить. Шериданъ вѣчно посмѣивался и подтрунивалъ надъ нимъ, нерѣдко даже открыто. Между-тѣмъ его «Замокъ привидѣній»* имѣлъ огромный успѣхъ на Дрюриленскомъ театрѣ, давалъ хорошіе сборы и большинство публики было отъ него безъ ума. Если слѣдующій анекдотъ справедливъ, то изъ него должно заключить, что Шериданъ судилъ эту пьесу совсѣмъ низче. Между нимъ и Люисомъ завязался однажды споръ въ тавернѣ, за бутылкою вина. Люисъ, разгорячившись, предложилъ биться объ закладъ. — «Хорошо, но о чемъ?» спросилъ Шериданъ, начинавшій уже сомнѣваться въ своей правотѣ. — «Одинъ сборъ «Замка привидѣній!» вскричалъ авторъ. — «Это много для такого пустаго спора, отвѣчалъ Шериданъ: — а вотъ, если хотите, будемъ биться объ всеи внутреннемъ достоинствѣ вашей «Замка», какъ литературнаго произведенія.»

Люисъ переносилъ все подобныя выходки своего остроумнаго соубытчика съ примѣрною кротостью и безобидчивостью. Гримальди тутъ же рассказываетъ другой анекдотъ, который мы передадимъ въ собственныхъ его выраженіяхъ.

«Зимой 1802 года, я часто имѣлъ честь видѣть его величество короля Георга IV, бывшаго тогда еще его высочествомъ, принцемъ Валлескимъ. Онъ часто приходилъ за кулисы Дрюриленскаго театра и восхищалъ всѣхъ своею обходительностью, благородствомъ манеръ и остроуміемъ. Въ Крещенье, вечеромъ, по обычаю, издавна существую-

* Пьеса крайне ничтожная, скучная и незвая; но привидѣнія были тогда въ большомъ модѣ.

щелу у артистовъ Дририленскаго театра, мы все собирались въ уборной, на святочный пирогъ *, въ исполненіе духовнаго завѣщанія покойнаго Баддели, который отказалъ на этотъ предметъ Дририленской труппѣ три гиней ежегоднаго дохода.»

Въ 1801 и 1802 годахъ на Дририленскомъ театрѣ не было спектаклей; на Садлервельской театрѣ также не было ничего новаго въ 1802 году, и очень скучно, потому-что Гримальди было вовсе не до того; 21 ноября, Богъ, къ великой его радости, послалъ ему сына.

Впрочемъ 1802 годъ не во всѣхъ отношеніяхъ былъ для него такъ счастливъ. Приписать ли это злой судьбѣ, или собственной неосторожности, или неопытности въ мірскихъ дѣлахъ, но онъ опять лишился, и самымъ неожиданнымъ образомъ, небольшого капитала, который успѣлъ скопить трудомъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ познакомился съ однимъ купцомъ, Чарльзомъ Нюлендомъ, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ и слылъ за ужаснаго богача. Однажды утромъ, въ февралѣ, Нюлендъ пришелъ къ нему, и сказалъ, тономъ человѣка, которому самому странно и смѣшно, что онъ можетъ нуждаться въ нѣсколькихъ сотняхъ фунтовъ: — «Любезный Гримальди, вы удивитесь, когда узнаете, зачѣмъ я пришелъ: не можете ли ссудить меня нѣсколькими сотнями фунтовъ, — если только это васъ не стѣснитъ. У меня много денегъ, да все въ оборотѣ, а въ настоящее время нужно нѣсколько

* Святочный пирогъ играетъ большую роль въ святочныхъ удовольствіяхъ лондонцевъ. Онъ печется изъ сладкаго тѣста, съ сахаромъ, изюмомъ, миндаемъ, коринками и разными пряностями, никогда не готовится дома, а берется у кондитеровъ, всегда бываетъ круглымъ и украшенъ различно, по усмотрѣнію кондитера; на вершкѣ его всегда кладется вѣнокъ. Цѣна измѣняется, по объему пирога, отъ десяти шиллинговъ (3 руб. сер.) до десяти фунтовъ (62 руб. 50 коп. сер.). Ольдерменъ Бёрчъ, знаменитый въ свое время кондитеръ, бывшій полковникомъ лондонскихъ городскихъ волонтеровъ, а въ послѣдствіи и лордомъ-меромъ, испекъ однажды святочный пирогъ такого росту, что нужно было впрячь въ него лошадь, чтобы вытащить его изъ печи, и продавалъ его по фунтамъ. При святочномъ пирогѣ дается колода картъ, изображающихъ арлекина, коломбину и всѣ лица пантомимы, старыхъ дѣвъ, стараго холостяка, и прочая. Гости съ кускомъ пирога выдвигаютъ наудачу карту, и на весь вечеръ сохраняютъ званіе выдвинутой фигуры. Въ послѣднее время этотъ обычай мало-по-малу выводится, и всегда ограничивается однимъ Лондономъ.

Помянутый Ольдерменъ Бёрчъ, кромѣ своего кондитерскаго достоинства, былъ еще извѣстенъ какъ типъ кореннаго лондонскаго мащанна, вытѣшаго въ большіе чины. Другъ Шеридана, Ричардсонъ, сочинилъ ему шутивую эпитагію, употребивъ въ ней реченія, ввобличающія лондонца низшихъ классовъ:

Here lies alderman Birch,
Our late worthy Lord Mayor;
He's left *this here* world,
'And gone to *that there*.

Прим. Шер.

малыныхъ». Грамалди не трогалъклада, найденнаго имъ на улицѣ, а напротивъ еще увеличилъ сумму, такъ-что она въ это время заходила за шестьсотъ фунтовъ. Онъ успѣшнѣе вручить свое богатство пріятелю, увѣряя, что далъ бы и больше, еслибъ было у самого. Бумажъ далъ ему росписку и отправился домой. Черезъ нѣсколько дней открылось, что онъ былъ несостоятеленъ, бѣжалъ въ Америку и умеръ на пути. Такимъ-образомъ весь капиталъ Грамалди пропалъ до послѣдней копейки.

ГЛАВА IX.

1803.

Замѣчательный случай.

Однажды вечеромъ, около половины ноября 1803 года, слуга пришелъ къ Грамалди, въ уборную Дрюриленскаго театра, сказать ему, что два господина ждали на подъѣздѣ и ждали его видѣть. Грамалди въ это время сходилъ на сцену, и потому велѣлъ сказать гостямъ, что выйдетъ къ нимъ, какъ только кончитъ роль. Окончивъ свое дѣло и вышедши на подъѣздъ, онъ увидѣлъ двоихъ молодыхъ людей, одѣтыхъ очень прилично, изъ которыхъ одинъ пріѣхалъ къ нему съ особеннымъ жаромъ. Онъ казался почти однимъ лѣтъ съ Грамалди, но сильный загаръ очевидно свидѣтельствовалъ долгое пребываніе его въ болѣе знойномъ климатѣ. На немъ были, по тогдашней модѣ, снѣгій фракъ съ золочеными пуговицами, бѣлый жилетъ, длинныя узкія панталоны, и въ рукѣ тонкая трость съ золотымъ набалдашикомъ. — Джо, Джо, какъ поживаешь, старый другъ? вскричалъ онъ, протягивая руку къ Грамалди. Такое короткое обращеніе со стороны совершенно незнакомаго лица очень удивило Грамалди, и онъ очень церемонно спросилъ, съ кѣмъ имѣлъ честь говорить. — Какъ, не узнаешь? Вотъ забавно! вскричалъ незнакомецъ, и захохоталъ; слушникъ его захохоталъ также. Грамалди неможно обидѣлся и хотѣлъ уже удалиться; но незнакомецъ раскрылъ рубашку на груди, и Грамалди, увидѣвъ на груди рубецъ, узналъ по этой примѣтѣ давно пропавшаго брата. Они принялись обниматься и со слезами радости разсказывали другъ друга о своемъ житье-бытьѣ.

— Пойдемъ со мной на верхъ, сказалъ Грамалди: тамъ увидишь ты и мистра Роутона, того, что сварадилъ тебя въ море; онъ очень обрадуется твоему возвращенію.

Они пошли на верхъ, а спутникъ воротившагося брата, о которомъ они въ радости своей совѣтъ забыли, закричалъ имъ вслѣдъ: — Такъ до свиданія-же, Джонъ! — Джонъ крикнулъ ему въ отвѣтъ, что будетъ у него завтра утромъ, ровно въ десять часовъ, и отправился съ братомъ въ уборную, гдѣ былъ представленъ многимъ товарищамъ Джозефа.

Занятія на сценѣ не позволили Гримальди вступить въ длинный разговоръ съ братомъ; однако онъ успѣлъ урывками узнать, что Джону повезло за моремъ. — Вотъ и въ настоящую минуту, сказалъ Джонъ, указывая на бумажникъ въ карманѣ, я имѣю при себѣ шесть-сотъ фунтовъ.

— Немножко опасно носить при себѣ большія деньги, замѣтилъ Джозефъ.

— Вздоръ! отвѣчалъ Джонъ, улыбаясь: мы, моряки, знать не хотимъ опасности. Впрочемъ, если у меня и украдутъ эти деньги, я по міру отъ того не пойду. И лукавый взглядъ, сопровождавшій эти слова, доказалъ Джозефу, что братъ его дѣйствительно хорошо устроилъ свои дѣла.

Въ эту минуту Джозефъ былъ отозванъ. Въ отсутствіе его, мистръ Роутонъ вступилъ въ разговоръ съ морякомъ, который повторилъ то, что говорилъ брату, и въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ туго набитый кошелекъ.

По окончаніи пьесы, Джозефъ возвратился, и когда мистръ Роутонъ простился съ ними, спросилъ брата, давно-ли онъ въ Лондонѣ, и что намѣренъ дѣлать? Джонъ отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ всего часа за два или за три передъ тѣмъ, только-что успѣлъ пообѣдать и тотчасъ отправился въ театръ, и что онъ еще ни о чемъ другомъ не думалъ, кромѣ того, чтобы увидѣться съ матерью и братомъ. Джозефъ пригласилъ его поселиться у него, на что Джонъ охотно согласился, прибавивъ, что долженъ видѣть мать въ тотъ же вечеръ, и что безъ того не заснетъ. Джозефъ объяснилъ ему свою квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что пусть лучше Джонъ дастъ ему только время переодѣться, и пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Джозефъ Гримальди былъ такъ сильно взволнованъ, что руки его дрожали, ничто не шло на ладъ, и онъ употребилъ на переодѣваніе гораздо болѣе времени, чѣмъ-бы слѣдовало. Сходя на сцену, онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Поуэля, поздравившаго его съ радостнымъ происшествіемъ. Чтобы чѣмъ-нибудь отвѣчать на поздравленіе, онъ спросилъ Поуэля, давно-ли онъ видѣлъ его брата? Да, съ минуту назадъ, отвѣчалъ Поуэль; онъ ждетъ васъ на сценѣ. Но не хочу васъ задерживать; онъ и то уже жалуется, что вы долго заставляете его ждать!

Гримальди посѣвшиль на сцену; — брата его тамъ не было. — Кого вы ищите, Джо? спросилъ Баннистеръ. — Брата; я оставилъ его здѣсь за четверть часа. — Да я сію-же минуту самъ видѣль его и говорилъ съ нимъ, ввизу, на подъѣздѣ; полагаю, что онъ вышелъ изъ театра.

Гримальди сбѣжалъ на подъездъ и сторожъ сказалъ ему, что братъ его вышелъ сію минуту, и врядъ-ли успѣлъ дойти до конца улицы. Джо пробѣжалъ нѣсколько разъ отъ одного конца улицы до другаго, — но Джона нѣтъ какъ нѣтъ. — Онъ, вѣроятно, зашелъ къ какому-нибудь старому пріятелю, живущему по близости, съ тѣмъ, чтобъ тотчасъ-же воротиться въ театръ, подумалъ Гримальди, и вспомнилъ, что за нѣсколько домовъ отъ театра жилъ нѣкто Боулей, школьный ихъ товарищъ и другъ. Онъ тотчасъ побѣжалъ на квартиру Боулея, и сталъ крѣпко стучаться; Боулей самъ отворилъ ему дверь, и повидимому былъ очень удивленъ. — Да, я видѣль Джона, отвѣчалъ онъ на вопросъ Гримальди: и, признаюсь, отъ роду не помню такого неожиданнаго случая!

— Онъ еще здѣсь?

— Нѣтъ, онъ только-что вышелъ.

— Куда-же онъ пошелъ?

— Повернулъ къ Герцогской улицѣ.

— Вѣроятно, пошелъ на нашу старую квартиру, къ Бэйли, подумалъ Гримальди, отправляясь туда-же. Долго пришлось ему стучаться, потому-что въ домѣ всѣ уже спали. Наконецъ служанка взглянула изъ окна, и съ сердцемъ закричала, что-де она разъ уже сказала, что хозяйна нѣтъ дома, и что ни на что не похоже такъ безъ нужды будить людей. Узнавъ однако Гримальди, она смягчилась, и объяснила ему, что не задолго передъ нимъ стучался какой-то господинъ, спрашивалъ мистра Бэйли, и узнавъ, что его нѣтъ дома, ушелъ. Гримальди спросилъ о наружности этого господина, но служанка замѣтила только, что на немъ былъ бѣлый жилетъ.

Какой-то смутный страхъ сталъ щемить сердце Гримальди; онъ побѣжалъ въ театръ, но Джонъ туда не приходилъ, обошелъ всѣ дома, въ которыхъ могъ надѣяться найти брата, но нигдѣ его не видали и не слышали о немъ; опять побѣжалъ онъ въ театръ, — театръ уже былъ запертъ. Тутъ только вспомнилъ онъ, что объяснилъ ему свою квартиру; всего вѣроятнѣе казалось, что сынъ, такъ давно не видавшій матеря, пошелъ къ ней. Гримальди побѣжалъ домой, стараясь скрыть душевное волненіе; ему показалось, что мать была блѣднѣе обыкновеннаго, Джона же при ней не было.

— Ничего не случилось особеннаго, матушка? спросилъ онъ

— Нѣтъ; я по-крайней-мѣрѣ не слыхала.

— Никто не приходилъ? — никакой близкій человекъ, послѣ много-лѣтней отлучки? продолжалъ Гримальди, котораго опасенія возрастали.

— О комъ ты это говоришь?

— О комъ-же, какъ не о братѣ! Джонъ живъ и здоровъ; онъ воротился и привезъ столько богатства, что всѣмъ намъ можно будетъ жить на славу.

Старушка вскрикнула и лишилась чувствъ. Когда она пришла въ себя, Гримальди разсказалъ ей все случившееся. И мать его и жена были очень удивлены. Мистрисъ Гримальди заключила, что Джонъ зашелъ къ какимъ-нибудь друзьямъ, и что онъ еще придетъ, а что Джозефу надо лечь отдохнуть, потому-что онъ усталъ. Сама она проспала всю ночь, дожидая давно невѣданнаго сына; но съ этого дня не было о немъ ни слуху, ни духу, ни даже слѣда, по которому можно-бы догадываться о вѣстившей его судьбѣ.

Гримальди, конечно, не оставилъ этого происшествія безъ самыхъ точныхъ розысковъ, въ чемъ содѣйствовали ему всѣ его знакомые. Одинъ весьма важный и сильный человекъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ; всѣ суда, прибывшія около этого времени, были тщательно осмотрѣны, вся полиція была поставлена на ноги, для розысковъ во всему городу. И все было напрасно; нигдѣ не открылось слѣдовъ молодого моряка, или хотя его смерти. Само-собою разумеется, что не обошлось безъ разныхъ предположеній насчетъ его участи. Благородный лордъ полагалъ, что Джонъ былъ завербованъ въ матросы и погибъ въ одномъ изъ морскихъ сраженій, которыхъ въ то время было такъ много. Онъ съ самаго начала принялъ вымышленную фамилію, почему отыскать его въ корабельныхъ спискахъ было невозможно. Еще правдоподобіе была догадка одного опытнаго полицейскаго чиновника, который полагалъ, что несчастный молодой человекъ былъ завлеченъ мошенниками, знавшими о его деньгахъ, въ какой-нибудь воровской притонъ, обокрасть и зарѣзать. Джонъ былъ всегда легкомысленъ и сговорчивъ, и презиралъ опасности; притонъ неизвѣстный другъ, приходившій съ нимъ въ театръ, также пропалъ безъ вѣсти. Еслибъ онъ не зналъ о внезапномъ сокрытіи Джона, то, безъ сомнѣнія, пришелъ-бы справиться о немъ, тѣмъ болѣе, что между ними было назначено свиданіе на слѣдующее утро; а онъ не явился, и всѣ мѣры къ отысканію его остались безуспѣшны. По всѣмъ этимъ причинамъ, родные Джона признали его неизвѣстнаго друга за виновника или соучастника преступленія, лишившаго ихъ во второй разъ сына и брата. Справедливо-ли было ихъ подозрѣніе, или нѣтъ, — вѣроятно, навсегда останется тайною.

ГЛАВА X.

Семейство Болонья. — Поѣздка въ Кентъ. — Мистръ Макинтошъ. — Большая охота. — Проществіе въ трактирѣ.

Слѣдующій Болонья, болѣе извѣстный между друзьями подъ именемъ Джака Болонья, былъ землякъ отца Гримальди, изъ Генуи, и прибѣжалъ въ Англію въ 1787 году, съ женою, двумя сыновьями и дочерью. Самъ онъ былъ отличный пантомимный артистъ; жена его танцевала на канатѣ; сыновья, Джонъ (въ-послѣдствіи извѣстный арлекинъ) и Люисъ и дочь Барбара, были очень хорошіе танцоры. Сначала они аягажировались на Садлервельзскій театръ, гдѣ они и познакомились съ семействомъ Гримальди. Джозефъ, еще ребенкомъ, игралъ по утрамъ на улицѣ, а вечеромъ являлся на сценѣ съ маленькими Болоньями, и тутъ возникла между ними дружба, не измѣнявшаяся до самой смерти.

Въ 1804 году Гримальди опять встрѣтился на Садлервельзскоу и на Дриффленскомъ театрахъ съ Джономъ Болоньею, и они возобновили знакомство, прерванное многолѣтнею отлучкою послѣдняго. Однажды друзья жаловались на то, что занятія ихъ по двумъ театрамъ совершенно истощали ихъ силы; при этомъ Болонья вспомнилъ, что у него былъ знакомый въ Кентѣ, который не разъ приглашалъ его къ себѣ погостить, предоставляя ему привезти съ собою пріятелей и общая устроить для нихъ охоту. Болонья предложилъ Гримальди ѣхать съ нимъ для отдыха; въ тотъ же день написалъ о томъ своему провинціальному знакомцу, который возобновилъ приглашеніе, и въ первыхъ числахъ ноября наши друзья отправились изъ Лондона въ Кентъ. Дорогою Болонья разсказалъ своему спутнику, что мистръ Макинтошъ, къ которому они ѣхали, былъ богатый помѣщикъ, жившій доходами съ своихъ земель и имѣвшій прекрасныя лѣсныя дачи, очень обильныя дичью. — Я никогда еще не бывалъ у него, прибавилъ Болонья, но когда онъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, онъ безпрестанно посѣщаетъ театръ, водится со всѣми актерами, и много разъ уже звалъ меня къ себѣ на охоту.

Слушая это, Гримальди уже заранѣе гордился своимъ будущимъ знакомствомъ съ знатнымъ и богатымъ помѣщикомъ. Между-тѣмъ друзья наши подѣхали къ мѣстечку Бромли, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ усадьбы мистра Макинтоша; тутъ встрѣтился имъ человекъ въ камлѣтѣ изъ толстаго сѣраго сукна, ѣхавшій въ одноколѣкѣ, запряженной маложидкою, хромую лошадею. Поравнявшись съ ними, онъ остановился и фавшально обнякнулъ ихъ. Это очень удивило Гримальди, который прежде не видывалъ этого человека; но еще болѣе удивился онъ, когда

Болонья дружески пожалъ руку незнакомцу въ сѣромъ камзолѣ, и представилъ его своему спутнику подъ именемъ мистра Макинтоша.

— Миѣ весьма пріятно познакомиться съ вами, мистръ Гримальди, сказалъ Макинтошъ, принимая покровительственный видъ: — я такъ и думалъ, что встрѣчу васъ здѣсь, — и выѣхалъ, чтобы служить вамъ прожататымъ.

Гримальди сказалъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ въ отвѣтъ на эту любезность, и одноколга и кабриолетъ пустились въ путь радомъ. — Съ прискорбіемъ долженъ я предупредить васъ, началъ мистръ Макинтошъ, что вы не совсѣмъ удачно выбрали день, по-крайней-мѣрѣ для охоты, потому-что завтра праздникъ. Впрочемъ, завтра вы осмотрите здѣшнія мѣста, а послѣзавтра — зададимъ мы дива всему околку.

— Много въ нынѣшнемъ году дичи? спросилъ Болонья.

— Пропастъ! отвѣчалъ мистръ Макинтошъ.

Гримальди во все это время не спускалъ глазъ съ новаго знаконца, тщетно стараясь узнать въ немъ знатнаго и богатаго помѣщика, какииъ описывалъ его Болонья. Но ему предстояло еще многому подивиться. Провѣхавъ мила двѣ, Болонья спросилъ, далеко-ли еще до дому. — Нѣтъ, теперь ужъ недалеко, вотъ мой домъ, отвѣчалъ Макинтошъ, указывая на постоянный дворъ, весьма скромной наружности, съ выѣскою, на которой было имя Макинтоша и надпись: «Постой и кормъ для людей и для скотовъ». Болонья взглянулъ на Гримальди, потомъ на постоянный дворъ, потомъ на мнимаго помѣщика; но послѣдній слишкомъ самодовольно засмотрѣлся на свои владѣнія, чтобы замѣтить удивленіе гостя. — Да, продолжалъ онъ, тутъ найдете вы вина высшихъ сортовъ, пиво, эль, постель, табакъ, сарай для лошадей, кегли, словомъ все, чего вы пожелаете.

— Позвольте однако, перебилъ Болонья, котораго очевидно забрала досада, между-тѣмъ какъ Гримальди съ трудомъ удерживался отъ смѣху: — я полагалъ, что вы человѣкъ независимый и не пускаетесь въ дѣла?

— Я дѣйствительно не занимаюсь дѣлами, отвѣчалъ Макинтошъ: заведеніе принадлежитъ матушкѣ.

На лицѣ Болоньи выразилась еще большая досада, а Гримальди фыркнулъ; но Макинтошъ нисколько этимъ не обидѣлся; онъ даже улыбнулся съ самодовольствіемъ, какъ-будто видѣлъ въ этомъ какую-то лесть себѣ. — Да, продолжалъ онъ, я могу считать себя въ высшей степени независимымъ человѣкомъ, развѣзжаю себѣ только въ своей колымагѣ, или брожу съ ружьемъ или съ удочкою. Матушка сама ведетъ все дѣ-

ла. Впрочемъ я у нея одинъ сынъ, и когда-нибудь придется мнѣ принять заведеніе въ свое управленіе. Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ дружески ударилъ Болонью по плечу кнутомъ, и сказалъ: — А вамъ и не грѣзлось, дружнице, что вы приѣдете гостить на постоянный дворъ?

— Да, я этого не ожидалъ! отвѣчалъ Болонья съ сердцемъ.

— Я такъ и думалъ, что вы очень удивитесь, сказала Макинтошъ, сѣясь отъ души: — я никогда не показываю своимъ лондонскимъ знакомымъ, кто я и что я такое, если только они не такіе добрые мои приятели, какъ, на-примѣръ, вы и мистръ Гримальди. Я только навожу ихъ на мысль, что я долженъ быть очень значительнымъ лицомъ, а дальше ни на шагъ. Какая бѣда, что люди вообразятъ меня тѣмъ, чѣмъ я никогда не бывалъ? Но вотъ мы приѣхали, выходите изъ кабриолета, и будьте увѣрены, что Макинтошъ, хотя не дворянинъ и не помѣщикъ, а съумѣетъ принять гостей, которыхъ любить и уважаетъ!

При всей необтесанности этого человѣка, въ его прямодушномъ обращеніи и неподдѣльной добротѣ было что-то такое, отъ чего сердце неволью лежало къ нему. Гримальди чувствовалъ это, и старался своею любезностью вознаградить его за сердитое молчаніе Болоньи. Хозяинъ, повидимому, былъ ему за это очень благодаренъ, повелъ гостей въ свои покои и представилъ ихъ матери, какъ близкихъ и много-уважаемыхъ друзей. Старушка приняла ихъ какъ гостепріимная хозяйка, а черезъ полчаса они сидѣли уже за простымъ, но обильнымъ и вкуснымъ обѣдомъ, который, при содѣйствіи отличнаго, шипучаго эля, совершенно разсѣялъ досаду Болоньи.

Послѣ обѣда, они отправились гулять; окрестности были очень хороши, и друзья воротились только къ ужину, который былъ такъ-же вкусенъ и прошелъ такъ-же весело, какъ обѣдъ. Ложась спать, Болонья сознался, что не такъ уже скверно они попались; но благоразумно замѣтилъ, что конецъ дѣло вѣнчаешь, и воздержался отъ похвалъ хозяину, чтобы посмотреть сначала, что скажетъ обѣщанная имъ охота. Слѣдующій день прошелъ очень весело въ ѣдѣ, питьѣ, разговорѣ съ хозяевами и посѣтителями заведенія, и приготовленіи ружей; друзья наши все мечтали объ опустошеніи, которое они произведутъ въ дачахъ своего хозяина, а Макинтошъ не переставалъ восхвалять богатство своихъ лѣсовъ дичью. На третій день, они встали на разсвѣтѣ, закусили на скорую руку, и отправились въ походъ; Макинтошъ не взялъ ружья, говоря, что онъ будетъ только вожатымъ. Черезъ нѣсколько времени, они пришли къ косягу, взобрались по нему, прошли небольшой пере-
лѣсокъ, и достигли низкихъ рѣшетчатыхъ воротъ, которые вели въ за-

стѣнное поле. Вожатый, нѣсколько отставшій отъ нихъ, закричалъ имъ чтобы они подождали :

— Постоите, постоите минуту; вы не знаете здѣшней охоты такъ, какъ я. Съ этими словами онъ подошелъ къ воротамъ, заглянулъ въ поле, и сказалъ: — Теперь самая пора; въ полѣ цѣлая стая птицъ.

Гости подошли также къ воротамъ, и очень удивились, увидѣвъ только множество голубей.

— Какова вереница! сказалъ Макинтошъ съ самодовольствіемъ.

— Какая вереница? гдѣ? возразилъ Гримальди: — я вижу однихъ голубей.

— Однихъ голубей! развѣ этого мало? а вы чего-же хотѣли?

— Фазановъ и куропатовъ! вскричали оба охотника въ одинъ голосъ.

Злость взяла опять Болонью, и онъ готовъ былъ излить ее на хозяина; но Макинтошъ былъ очень удивленъ, или прикидывался очень удивленнымъ притязаніями гостей. — Фазановъ и куропатовъ! повторилъ онъ: ну, ужъ извините; я звалъ васъ въ Кентъ пострѣлять, но не общалъ вамъ ни фазановъ, ни куропатовъ, которыхъ негдѣ взять; да и чѣмъ не хороши голуби? Стрѣляйте ихъ если угодно. Я съ своей стороны исполнилъ все, къ чему обязался. Фазановъ и куропатовъ! да откуда вы взяли, что они здѣсь водятся?

— Хозяинъ-то выходитъ пустомеля и хвастунишка! шепнулъ Болонья своему спутнику: — нечего дѣлать, будемъ стрѣлять голубей.

Они выстрѣляли по разу, и произвели порядочное опустошеніе. На одномъ полѣ собрали они штукъ двадцать, да штукъ десять на другомъ, не говоря о тѣхъ, которыхъ не могли отыскать въ кустарникѣ. Удачный выстрѣлъ и удовольствіе подбирать голубей развеселили ихъ, и все шло отлично, пока Макинтошъ не подѣхалъ съ вопросомъ. — Кажется, всѣхъ уже подобрали?

— Кромѣ тѣхъ, что упали туда, въ кустарникъ, отвѣчалъ Болонья.

— Тѣхъ уже тамъ и оставьте, сказалъ Макинтошъ: и послушайтесь моего совѣта, — убирайтесь скорѣе по-добру по-здорову.

Болонья и Гримальди взглянули на него въ нѣмомъ изумленіи.

— Право, послушайтесь, и убирайтесь отсюда! повторилъ Макинтошъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ Болонья.

— Известно зачѣмъ! тутъ и спрашивать нечего, — затѣмъ, что настрѣляли голубей!

— Да что за притча такая, что мы должны убираться за тѣмъ, что стрѣляли голубей?

— Эхъ, какъ вы сегодня безтолковы! Неужто вы не понимаете,

какъ будетъ сердиться помѣщикъ, когда узнаетъ? Оно ясно, какъ день, что если вы не уберетесь во-время, онъ въ гнѣвъ своемъ велитъ васъ схватить и засадить. Понимаете теперь? Такъ послѣдуйте-же моему совѣту, и улетайте какъ можно скорѣе, пока онъ не выслалъ за вами погони!

— Ба, плохо-же вы знаете законы! презрительно возразилъ Болонья. Никакой помѣщикъ въ Англии не можетъ схватить и засадить насъ за то только, что мы подстрѣлили нѣсколько десятковъ вашихъ голубей, хотя-бы мы охотились и безъ билетовъ.

— Мохъ голубей! вскричалъ Макинтошъ: да они никогда не были моими! они принадлежатъ помѣщику, который отъ нихъ безъ ума, и чортъ знаетъ какъ взбѣсится, когда узнаетъ, какое вы произвели между ними опустошеніе! Послушайтесь-же благоразумнаго совѣта; настрѣляли голубей, подобрали ихъ, такъ теперь уберите скорѣе.

Болонья и Гримальди были поражены какъ громомъ. Они не вѣрили ушамъ, переглядывались другъ на друга, дрожа сначала отъ гнѣва, потомъ отъ страха. Они сдѣлали строгій выговоръ Макинтошу, который выслушалъ его съ удивительнымъ спокойствіемъ, и наконецъ благоразумно рѣшили, что имъ оставалось только немедленно послѣдовать его совѣту. Не теряя времени, воротились они на постоянный дворъ, уложили своихъ голубей, позавтракали, усѣлись въ кабриолетъ и простились съ хозяйномъ и его шатерью. Макинтошъ, повидимому, очень радовался ихъ отъѣзду и безпрестанно дѣлалъ имъ лукавые, таинственные знаки, которые были такъ забавны, что гости, несмотря на свою досаду, не могли удержаться отъ смѣху.

На слѣдующее утро Болонья и Гримальди встрѣтились случайно въ Ковентгарденѣ. Взглянувъ другъ на друга, они оба захохотали, и отправились въ таверну подъ вывѣской «Гарриковой головы», выпить бутылочку хересу и поговорить о своихъ вчерашнихъ похожденияхъ. Сержателемъ таверны былъ въ то время нѣкто Спенсеръ, отставной арлекинъ Дрюриленскаго театра. Болонья и Гримальди встрѣтили его у входа, и предложили ему выпить съ ними стаканчикъ; онъ охотно принялъ приглашеніе, и отвелъ ихъ въ свои покои, гдѣ они, за бутылкой вина и при общемъ хохотѣ, рассказали ему свои кентскія приключенія. Когда они насмѣялись вдоволь, онъ сказалъ имъ: — Напрасно вы не сказали мнѣ, что желали поохотиться, я доставилъ-бы вамъ это удовольствие; я самъ родомъ изъ Гейза, у меня по всему Кенту разсыяны родичи, и притомъ я въ дружбѣ почти со всѣми лѣсничими графства. Она всегда останавливается у меня, когда бываютъ въ городѣ, и мнѣ

стояло—бы только слово замолвить моимъ добрымъ друзьямъ, — они ни въ чемъ не откажутъ.

— И мы могли бы стрѣлять куропатокъ вмѣсто голубей! подхватилъ Болонья, у котораго ужъ текли слюнки отъ такого лакомаго кусочка

Спенсеръ опять захохоталъ; но хохотъ его былъ прерванъ приходомъ молодаго человѣка, котораго Болонья и Гримальди не знали. Спенсеръ дружески пожалъ ему руку, просилъ его сѣсть и сказалъ:—Ну, Джозефъ, что принесло тебя такъ скоро назадъ въ городъ?

— Ахъ, пренепрятное дѣло! отвѣчалъ молодой человѣкъ. Забрались въ наши стороны какіе-то два негодяя изъ Лондона, настроили у моего помѣщика штукъ шестьдесятъ голубей и украли ихъ. Вотъ я и пріѣхалъ отыскивать ихъ и жаловаться на нихъ въ судъ; со мною и констебль, чтобы арестовать молодчиковъ; я оставилъ его внизу, въ буфетѣ, за стаканомъ вѣю.

Болонья поблѣднѣлъ, а Гримальди покраснѣлъ какъ ракъ; но Спенсеръ подмигнувъ имъ, и послѣ нѣкотораго размышленія, сказалъ:—Какъ же ты думаешь справиться съ этимъ дѣломъ, Джозефъ? Лондонъ вѣдь городъ большой; выслѣдить въ немъ человѣка не то, что у васъ въ деревнѣ.

— Въ томъ-то и дѣло, что слѣдъ уже найденъ! отвѣчалъ глѣбничій. — Я вывѣдалъ, что мошенники стояли у старухи Макинтошъ, и что они пріятеля съ ея сыномъ. Вчера вечеромъ я былъ у него, чтобы узнать ихъ имена и мѣстожителства, но онъ, не давъ мнѣ слова выговорить, сказалъ: «О, я знаю, зачѣмъ вы пожаловали! недочетъ въ голубяхъ!» Я погрозилъ ему, что его самого засадятъ, если онъ не дастъ свѣдѣній, но онъ отвѣчалъ, что вовсе съ ними не знакомъ, что она ему вовсе не пріятеля, а просто какіе-то лондонскіе актеры; одинъ клоувъ, другой арлекинъ. Больше онъ мнѣ сказать или не могъ, или не хотѣлъ; но я знаю, что ты знакомъ со всѣми почти актерами, и потому пришелъ къ тебѣ за помощью; не можешь-ли сказать мнѣ, кто бы такіе именно были этотъ клоувъ и этотъ арлекинъ?

— Такъ помѣщикъ очень сердитъ?» спросилъ Спенсеръ.

— Ужасно сердитъ; говорить, что во что бы ни стало, а добьется, чтобы виновные были наказаны по всей строгости законовъ.

Гримальди былъ въ сильномъ волненіи; онъ былъ увѣренъ, что Спенсеръ ни за что не выдастъ ихъ, но боялся какъ бы имъ самимъ не проболтаться. Что-жъ касается Болоньи, на него стояло только взглянуть, чтобы узнать въ немъ виновнаго: лицо его было пепельнаго цвѣта, и онъ такъ дрожалъ, что не могъ поднести стакана ко рту, и

принужденъ былъ поставить его на колѣна; глаза его съ выраженіемъ ужаса приковались къ лѣсничему.

— Объ одномъ только, кажется, забылъ твой помѣщикъ, сказалъ Спенсеръ: прежде чѣмъ наказывать, надо добратся до виновныхъ.

— Оно, конечно, такъ, отвѣчалъ лѣсничій, и я боюсь, что не доберусь до-нихъ во вѣки вѣковъ, если только ты не поможешь. Вѣдь въ Лондонѣ много клоуновъ и арлекиновъ?

— Очень много; я самъ, на-примѣръ, также изъ нихъ.

— Былъ, возразилъ лѣсничій, улыбаясь: но не ты, конечно, украдъ голубей!

— Конечно не я, отвѣчалъ Спенсеръ очень спокойно: но что, если я скажу тебѣ, что воры—близкіе мнѣ люди, добрые пріатели?

Невольное восклицаніе удивленія вырвалось съ устъ Джозефа; а Болонья бросилъ на Гримальди такой взглядъ, который ясно говорилъ, что все пропало, и что имъ не уйти.

— Тебѣ пріатели, — гмъ! сказалъ наконецъ лѣсничій, призадумавшись: — слѣдовательно отъ тебя помощи не жди?

— Разумѣется, отвѣчалъ Спенсеръ: а ступай ты съ Богомъ во всѣ театры, насмотришься на всѣхъ клоуновъ и арлекиновъ, трудъ прощаній не будетъ! Покажутъ тебѣ такихъ чудесъ, такихъ штукъ, что ты въ вѣкъ не нахохочешься.

Лѣсничій опять задумался, и наконецъ сказалъ: — Ну, если они тебѣ пріатели, Спенсеръ, такъ дѣло другое.

— Послушай, Джозефъ, перебилъ Спенсеръ: не говори болѣе объ этомъ, а друзья мои заплатятъ за голубей такъ, чтобы ни кому не было обидно, и сегодня же поставятъ тебѣ бифтексъ и бутылочку вина. Согласенъ?

Лицо лѣсничяго прояснилось. — «О, вскричалъ онъ, что до голубей, мы уже какъ-нибудь поладимъ. Если эти господа тебѣ пріатели, такъ и дѣло въ шляпѣ,—я ужъ берусь образумить помѣщика. Что же касается бифтекса и бутылки вина, такъ ты самъ знаешь, что я не сдѣсивъ, и отъ хорошаго угощенія никогда не отказываюсь; только уговоръ: твои пріатели должны зато на будущей недѣлѣ пріѣхать ко мнѣ въ Кентъ, а тамъ ужъ мое дѣло будетъ устроить имъ небольшую олоту.

— Дѣльно сказано, братъ! такъ по рукамъ! сказалъ Спенсеръ, вставая, и затѣмъ, очень чинно и церемонно представилъ своихъ гостей другъ другу.—Джозефъ, вотъ эти господа,— мистръ Болонья, мистръ Гримальди. Господа, мой пріатель, мистръ Джозефъ Кларкъ.

Новые знакомые сѣли за столъ, смѣялись, ѣли, пили, разговарива-

ли очень весело. Болонья и Гримальди съ радостью приняли приглашеніе Кларка, и въ назначенный день поѣхали опять въ Кентъ, гдѣ застрѣлили, на этотъ разъ, не голубей, а четырехъ зайцевъ и десять фазановъ. Къ прежнему своему другу Макинтошу они и не заходили; но возвращаясь въ Лондонъ, не могли нахвалиться новымъ пріателемъ, мистромъ Кларкомъ, который, вѣроятно, не обидится, если мы выскажемъ свое смиренное предположеніе: не стаянулся ли онъ съ мистромъ Спенсеромъ, чтобы подшутить надъ Боловѣй и Гримальди, панугать ихъ и вкусно пообѣдать на ихъ счетъ?

На Дрюриленскомъ театрѣ не было ничего новаго до праздниковъ. Джонъ Кембль оставилъ этотъ театръ еще въ концѣ предыдущаго сезона, и перешелъ въ Ковентгарденъ, купивъ акціи мистра В. Люкса. Его тотчасъ назначили директоромъ, а въ Дрюриленъ выбрали на его мѣсто мистра Роутона.

Въ январѣ 1805 была дана на Дрюриленскомъ театрѣ жалкая пантима *«Арлекинъ въ домашнемъ быту»*, которая однако, противъ всѣхъ ожиданій, продолжалась нѣсколько недѣль, и дала хорошіе барыши. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; поэтъ Дибдинъ очень основательно говорилъ удивлявшемуся Гримальди, что пьеса сама по себѣ была дрянь, но что она не могла не имѣть успѣха при превосходной игрѣ дрюриленскихъ артистовъ. Не видимъ ли и мы тоже самое почти каждый день?

Представленія на Саллервельзскомъ театрѣ начались, по обыкновенію, на Пасхѣ. Гримальди и Болонья были ангажированы оба, и сезонъ оказался очень блистателенъ и выгоденъ. На Дрюриленскомъ театрѣ, по окончаніи представленій *«Арлекина въ домашнемъ быту»*, Гримальди почти не являлся. Театръ закрылся въ іюнѣ, и снова открылся въ концѣ сентября, *«Венеціанскимъ мавромъ»* и *«Лодомскою»*. Въ послѣдней пьесѣ играла не только самъ Гримальди, но и мать его и жена.

Въ это время Гримальди имѣлъ съ директоромъ разговоръ, который былъ сначала очень пріятенъ и обѣщалъ ему большія выгоды, но кончился тѣмъ, что черезъ шесть недѣль онъ долженъ былъ отказаться отъ театра, на которомъ въ первый разъ выступилъ передъ публикой и съ успѣхомъ подвизался почти двадцать четыре года

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

СТАТЬЯ I.

Французская пословица. — Россини и полный каталогъ его оперъ. — Беллини. — Элегическій стиль. — Верди. — Ultra-декламационный стиль. — Риголетто. — 2-й періодъ Верди. — Мейербергъ. — Последнія его оперы.

У каждаго народа есть свои, пословицы, въ которыхъ говорятъ отражается и разумъ и духъ народный. Французы говорятъ, напримеръ; «Il n'y a pas de rose sans épine», или, нѣтъ удовольствія, въ которое не вкрались-бы непріятности! Легкомысліе и такъ-сказать безвѣчная вѣтренность французскаго нрава, какъ нельзя лучше выражается въ этой пословицѣ. Удовольствіе въ жизни ихъ первый номеръ! У русскаго народа есть поговорка гораздо глубокомысленнѣе «Нѣтъ худа безъ добра!» и дѣйствительно, человѣчскій родъ ищетъ такое непреодолимое стремленіе къ первому, что одна уже мысль о возможности извлечь доброе и полезное изъ того, что такъ часто попадаетъ на пути жизни, отрадная и утѣшительна.

И странно! то и другое нарѣченіе подходятъ, однакожъ, какъ нельзя лучше, къ обстоятельствамъ человѣческой жизни. «Il n'y a pas de rose sans épine» скажемъ мы говоря о водвореніи въ Петербургѣ Итальянской Оперы. Ежегодное присутствіе у насъ нервоклассныхъ европейскихъ

артистовъ, безспорно, доставляетъ намъ величайшее наслажденіе, развиваетъ и совершенствуетъ музыкальный вкусъ нашей публики, но... невольно приходитъ въ голову мысль, что, можетъ-быть итальянская опера остановила развитіе русской оперы! — За то нынѣ наша публика оцѣнила-бы гораздо лучше, вѣрнѣе и основательнѣе произведенія М. И. Глинки; она не запинаясь признала бы огромное дарованіе нашего національнаго композитора; прелесть его вдохновенныхъ мелодій, богатство и изящество его инструментовки, глубокое знаніе контрапункта, музыкальной колоритъ, все это было бы нынѣ совершенно взвѣшено и оцѣнено. — Слѣдовательно, прекрасный составъ нашей Итальянской Оперы, кромя доставляемыхъ наслажденій, принесъ очевидную пользу, усовершенствовалъ музыкальное наше образованіе; но неменѣе того Глинка умолкъ; и многие, можетъ-быть, отечественные даровитые музыканты не осмѣлились выступить на поприще состязанія, покинутое добровольно гениальнымъ композиторомъ.

Къ тому же, вслушавшись однажды въ очаровательное пѣніе итальянскихъ артистовъ, трудно удовольствоваться другими пѣвцами; писать же музыку на чуждыя слова не всякой способенъ; — потому что человеческія мысли иначе слагаются на чужомъ языкѣ.

Глукъ, Моцартъ, Россини и даже Мейерберъ составляютъ самыя рѣдкія исключенія, да и эти гениальные композиторы, сочиняя на иностранномъ языкѣ, перенесли въ свои оперы отпечатокъ, такъ-сказать, роднаго слова. Въ «Армидѣ» Глука слышенъ безпрестанно германскій отголосокъ; многія мелодіи въ «Донъ-Жуанѣ», этомъ совершеннѣйшемъ произведеніи Моцарта, не совсѣмъ итальянскаго происхожденія. Знаменитая, наирѣзвѣстнѣе, теноровая арія «*Il mio tesoro intanto*» и по вымыслу и по семитактному музыкальному ритму первой фразы, конечно далеко не итальянская. Въ дуэтѣ «Карла Смѣлаго» Россини, мелодія «*Oh! Mathilde idole de mon âme*», несмотря на кровное французское происхожденіе, не могла, намъ кажется, быть задумана иначе, какъ итальянцемъ. — Въ «Робертѣ» Мейербера очень часто обороты фразъ и въ особенности ферматы и украшенія напоминаютъ германское образованіе композитора. Изъ этихъ немногихъ примѣровъ очевидно, что и для гениальныхъ композиторовъ трудно и почти невозможно преодолѣть вліяніе роднаго языка. Написать же итальянскую оперу на русскій языкъ было-бы эстетически непростительно.

Вотъ почему, съ водвореніемъ у насъ итальянской оперы отечественнымъ музыкантамъ оставалось только умолкнуть на время. Въ этомъ случаѣ мы конечно не приведемъ русской поговорки, а упомянемъ французскую поговорку «*Il n'y a pas de rose sans épines*», и скажемъ съ полнымъ

убжденіемъ, что придетъ счастливая пора и для нашихъ композиторовъ. Истинны мало-по-малу ссформируются, музыкальный вкусъ болѣе и болѣе будетъ развиваться, и въ добавокъ будущіе наши сочинители найдутъ дѣятелей съ полными музыкальными образованіемъ. Въ ожиданіи этой благополучной эпохи, нѣкоторые изъ нашихъ композиторовъ, какъ напримеръ, Даргомыжскій, Ф. Толстой, Рубинштейнъ и другіе пишутъ сѣтнами и печатаютъ иногда десятками музыкальныя сочиненія, которыя, за неимѣніемъ другаго названія, именуютъ *романсами*. Тяжело утратить художническую дѣятельность, и когда мысли долго клубятся въ главѣ, волею или неволею приходится ихъ вынудить на бѣлый свѣтъ; въ томъ или другомъ видѣ. Произведенія, о которыхъ мы упоминали имѣютъ тотъ недостатокъ, что для тѣхъ диалеттантовъ, которые ищутъ дешевыхъ куплетовъ и еще легчайшаго аккомпанемента, они не по силамъ; часто въ этихъ такъ-называемыхъ *романсахъ* встрѣчаются и замысловатая гармонія, и небольшіе контрапункты, и слишкомъ, можетъ-быть, драматическая декламация — плоды музыкальнаго развитія и дѣятельности, которымъ не даютъ простора. Не всякой оценитъ эти, всмѣшныя творчества. Съ другой стороны любители, привыкшіе пѣть большія арии, не находя въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ, речитатива, анданте и неизбежной кабаллеты, оставляютъ ихъ въ пренебреженіи. «Нѣтъ худа безъ добра» скажемъ мы на этотъ разъ! Какое дѣло, что наши трущеники артисты не заслуживаютъ пока громкой славы своими произведеніями, мысли ихъ несовершенно пропадаютъ, и рано или поздно отычутся подъ горами *романсовъ*, и отзвучатъ громко и далеко.

Прому извинить за это отступленіе отъ основнаго предмета моей статьи, т. е. отъ «обозрѣнія прошлаго сезона».

«Но это только предисловіе

«Теперь къ разсказу приступлю.»

Изъ *статистическихъ* свѣдѣній, которыя будутъ помѣщены въ концѣ обзора, мы видимъ, что въ сезонъ 1852—1853 на нашей оперной сценѣ преобладала итальянская музыка, и преимущественно русскій языкъ; въ—слѣдствіе чего мы полагаемъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о состояніи музыки и искусства пѣнія въ Италіи, до появленія Россіи.

Можно любить или не любить итальянскую музыку, — это зависитъ отъ вкуса или болѣе правильнаго направленія вкуса; но во всякомъ случаѣ, нельзя не признать въ ней мелодическаго достоинства, безъ котораго музыка, и въ особенности драматическая, почти ничего не выражаетъ.

невозможно не изумиться тому, какое огромное количество даровитѣйшихъ сценическихъ композиторовъ произвела Италия съ начала 16-го столѣтія до нашихъ временъ. Въ первомъ періодѣ, т. е. до 1760 год, блистають и отличаются Скарлати, Лео, Дуранте, Перголезе, Порпора, Жомелли; позже Пиччини, Саккини, Гульельми, Чимароза Паззелло, Перъ, Павези, Фиорованти; въ наше время Керубини, Спонтини, Россини, Беллини, МеркадANTE, Донизетти, Пачини, Верди. Изумительное богатство, и тѣмъ болѣе, что если мы обратимся къ другимъ странамъ Европы, то насчитаемъ весьма немного драматическихъ композиторовъ; конечно между знаменитыми именами мы назовемъ и величайшихъ, всемірныхъ гениевъ, но зато объ остальныхъ почти и не стоить упоминать. Гендель, Гайднъ, Глукъ и Моцартъ, незабвенныя имена для каждаго музыканта, занимають первое мѣсто; Мегюль, Веберъ, Боельде, Мейерберъ, Оберъ, Герольдъ и Галеви замыкають, если не ошибаемся, блестящую плеяду, доставшуюся въ удѣлъ остальной части Европы *.

Съ музыкою, Шпора, Линдпартнера, Флотова, Лорцинга, Лахвера, Вагнера и другихъ мы весьма мало знакомы.

Давно уже принято, что Италия родина мелодіи и хорошихъ голосовъ, слѣдовательно, и успѣхъ и упадокъ въ искусствѣ пѣнія принимаютъ начало въ Италіи, и распространяются оттуда на весь музыкальный міръ. Въ началѣ XVIII столѣтія оперы писались не многосложныя; финалы и вообще *troupeaux d'ensemble* не были еще въ употребленіи; главную роль играли арии, которыя отличались простотою основной мелодической мысли, но зато каденцы, ферматы, фиоритуры оставались на произволь пѣвцовъ и давали имъ средства высказать самую изумительною и часто самую вычурную вокализацию. Композиторы были совершенно подъ властію знаменитыхъ пѣвцовъ, и нерѣдко со слезами отставали каждую музыкальную фразу, потому что иному пѣвцу она казалась слишкомъ длинна, другому коротка, и проч. и проч. Представителями блистательнѣйшей эпохи пѣнія были: Кафарелли, Фаринелли, Бернаки, Минготи, Фаустини, Паньероти, Габриелли, Маркези, Грассини и проч.

Гульельми и Чимароза первые укротили своевоіе пѣвцовъ; мелодіи Чимарозы имѣли слишкомъ уже важное значеніе, чтобы ихъ предоставить произволу исполнителей; однакожь окончательной переверотъ и переходъ власти отъ пѣвцовъ къ композиторамъ былъ совершенъ вліаніемъ Россини.

Въ 1814 году, Россини, присутствуя при первой репетиціи

* Намъ кажется что Гретри, Рамо, Люли, Монсиньи, Адаи и Фелисьена Давида нельзя поставить въ разрядъ замѣчательнѣйшихъ композиторовъ, а національная склонность не позволяетъ намъ упомянуть о Глинкахъ.

своей оперы «*Angeliano in Palmira*», приведенъ былъ въ восторгъ пѣннѣмъ Велути (знаменитаго сопраниста). На второй репетиціи Россини съ нетерпѣніемъ ожидалъ понравившихся ему пассажей, но они были замѣнены другими.—На третьей репетиціи Велути заливался такими неслыханными руладами, трелями, исполнялъ такіа неожиданныя фіоритуръ, что Россини не узнавалъ уже своей музыки.—По окончаніи репетиціи, озадаченный маэстро подошелъ къ знаменитому пѣвцу.

— Вы поете отлично, *illustrissimo*, робко замѣтилъ Россини: но нельзя-ли вамъ пѣть мою музыку, а не собственныя ваши импровизаціи.

Велути посмотрѣлъ свысока на молодого маэстро, потрепалъ его по щекѣ, пожалъ плечами и не удостоилъ отвѣта.

Огорченный маэстро задумался: «Хорошо, если всегда будетъ попадаться таковой пѣвецъ, какъ Велути; говорить онъ про себя: а какъ вѣткнешься на бездарнаго артиста, который Богъ знаетъ чего наставитъ въ оперу; что тогда будетъ съ твореніемъ композитора?»

Съ-тѣхъ-поръ Россини, котораго слава росла ежедневно, сталъ писать ферматы со всѣми руладами, пассажами, и требовалъ отъ пѣвцовъ, чтобъ они исполняли партіи совершенно такъ, какъ онѣ имъ были написаны. Начало было хорошо; самое даже достоинство композиторовъ требовало укромненія своеволія пѣвцовъ; но къ сожалѣнію, Россини увлекся производимымъ эффектомъ на слушателей придуманными имъ-же фіоратурами и руладами, и не довольствовался писать ихъ для ферматъ, а ввелъ ихъ въ самый составъ мелодій, что не мало помрачило истинное драматическое выраженіе.

Рулады напр: въ знаменитой фразѣ «*Se il padre m'abbandona*», когда Дездемона, простертая у ногъ своего отца, умоляетъ его о прощеніи, поражаютъ своею несообразностію. Однакоже должно сознаться, что рулады Россиніевская эпоха имѣла свою полезную сторону.

Въ то время пѣвцу нельзя было предстать предъ публикою, не изучивъ основательно искусство пѣнія; нѣсколько лѣтъ неуспѣшныхъ трудовъ, ежедневныхъ солфеджіи едва были достаточны, чтобъ пригото-вить пѣвца для сцены. Отъ него требовались, кромѣ правильнаго *изложенія* голоса (*emission de voix*), быстрыя восходящія и нисходящія гаммы, группетти, морденти и настоящая звучная трель, а не слабое дребезжаніе голоса, какъ нынѣ это часто дѣлается.

Музыкальное вліяніе Россини тѣмъ болѣе было велико, что блистательный маэстро, несмотря на огромное свое дарованіе, не прокладывалъ новой стези, а шелъ сначала по стопамъ своихъ мелодическихъ предшественниковъ. Прокладывать новый путь, преодолевать препятствія было повсе не въ духѣ Россини; онъ сладко распѣвалъ мотивы,

которые сотнями заражались у него въ головѣ, и все Италия поетъ за нимъ дивныя его мелодіи.

Сначала нововведенія Россіи шли только на нѣкоторыя незначительныя формы кантатъ, потомъ онъ ввелъ, какъ мы уже сказали, руданды и фіоритуръ въ составъ своихъ мелодій, пополнилъ инструментацию, въ операхъ сѣтя уничтожилъ совершенно речитативъ говоркомъ съ аккомпаниментомъ клавикордъ, и замѣнилъ его речитативомъ съ полнымъ оркестромъ. — Наконецъ, Россіи развилъ до чрезвычайности квартеты, квинтеты, финалы въ своихъ операхъ, и положилъ вѣнецъ своей славы, написавъ, въ 1827 году, «Вильгельма Телля», образцовое произведеніе, въ которомъ соединены достоинства: прелестнѣйшихъ и самыхъ богатыхъ мелодій, блистательныя инструментовки и самого вѣрнаго и высокаго драматизма.

Съ 1810 по 1829 годъ, Россіи написалъ 37 оперъ и 9 большихъ кантатъ; въ каждомъ изъ произведеній Россіи виднѣтъ несомнѣнный отпечатокъ дарованія, но нѣкоторыя изъ нихъ нынѣ вовсе забыты, а другія до сихъ поръ сохранили прелесть и живость мелодій.

Представляемъ здѣсь списокъ лучшимъ операмъ Россіи, съ краткими отбѣтками замѣчательнѣйшихъ нумеровъ. *

1.) *Demetrio e Polibio* — была первая опера Россіи, мало известная и нынѣ вовсе забытая.

2) *L'inganno felice* (1812), для Венеціи. Первая опера, въ которой талантъ Россіи выказался яркими красками; она долго держалась на репертуарѣ; въ особенности замѣчательна въ ней терцетъ, который въ послѣдствіи вставлялся въ разныя оперы.

3) *Tancredi* (1813), для Венеціи. — Въ *Танкредѣ* самостоятельность Россіи высказывается уже вполне. — Прекрасныя речитативы, умѣстные риторіи, измѣненныя формы интродукціи, финаловъ и вообще *troupeaux d'ensemble* доказываютъ гениальность маэстро. — *Танкредъ* произвелъ въ Венеціи неописанный восторгъ. Отъ знатнаго патриція до послѣдняго гондольера все пѣвали дивныя мелодіи новой оперы. — Известную арію «*Di tanti palpiti*» пѣли и во всѣхъ палацахъ и на всѣхъ перекресткахъ улицъ. — Имя пѣвицы Миланоте, для которой была написана партія Танкреда, вскорѣ сдѣлалось известно всей Италиі.

4) *L'Italiana in Algieri* (1813), для Венеціи. Прелестная комическая опера въ двухъ актахъ, которая дышетъ неподдѣльною веселостію отъ начала до конца. Знаменитый буфъ того времени Паччи,

* Каталогъ операмъ Россіи и хронологическія свѣдѣнія почерпнуты изъ сочиненій Стендала и Біографическаго Словаря Фетиса.

который исполняя роль Тадео (мужа итальянки) говаривалъ, что онъ не прожидаетъ ни на какіе обѣды, шеры и прогулки въ гондолахъ, удовольствія сыграть роль messer Тадео.

Арія тенора «*languir per una bella*» свѣжа и прелестна до-сихъ-поръ (замѣтимъ мимоходомъ, что ее пѣвалъ встарину съ необычайнымъ успѣхомъ Давидъ, въ пользу котораго недавно еще давали концертъ въ нашей залѣ Дворянскаго Собранія).

Дуетъ «*se inclinassi aprende moglie*» прекрасенъ; другой дуетъ «*ai carpiaci della sorte*» самое граціозное и кокетливое произведеніе въ этомъ родѣ. Ничего не можетъ быть забавнѣе и живѣе финала перваго акта «*Sono come una cognachia, che spreotta fa crà crà*, т. е. я, какъ ошпанная ворона, которая съ горя кричатъ: кра, кра. Трудно описать гомерическій смѣхъ, которымъ заливались бывало всѣ зрители во время исполненія этого истинно-комическаго финала. Во второмъ актѣ также много прекраснаго, но въ-особенности хорошъ терцетъ «*Paratasci*», который до-сихъ-поръ поется и приводитъ въ восхищеніе слушателей самыми свѣжими мелодіями. Последняя арія «*Pensa alla patria*» остается въ памяти всѣхъ современныхъ диллетантовъ.

5) *Angelina in Palmira* (1814), для Милана. Эта опера вобще забыта, но мы ей обязаны укрощеніемъ своеволія цѣвцовъ, о чемъ мы выше упомянули. Велути имѣлъ въ этой оперѣ большой успѣхъ, но сама опера ушла.

6) *Il Turco in Italia* (1814), для Милана. Странно, что эта опера въ свое время имѣла весьма мало успѣха, и только въ-послѣдствіи поправилась и осталась въ репертуарѣ до-сихъ-поръ. Самые замѣчательные въ ней нумера: дуетъ «*d'un bel uso de Turchia*» и квинтетъ, кончающійся самымъ увлекательнымъ вальсомъ.

7) *Elisabetta* (1815), для Неаполя. Замѣчательна тѣмъ, что увертюра, для нея написанная, взята потомъ въ «Севильскаго Цирюльника»! Весьма странно, потому-что *Elisabetta opera seria*.

8) *Il barbiere de Siviglia* (1816) для Рима. Въ этомъ образцовомъ произведеніи Россіи въ комическомъ родѣ все прелестно отъ начала до конца; у насъ «Севильскаго Цирюльника» знаютъ наизуѣтъ, слѣдовательно, и описывать его мы почитаемъ излишнимъ; но мы осмѣлимся сообщить читателямъ нѣкоторыя разсужденія, порожденные конечно заслуженнымъ, но необычайнымъ успѣхомъ «Севильскаго Цирюльника». Безспорно, мелодіи этой оперы живы, прелестны и увлекательны, но и въ «Итальянкѣ въ Алжирѣ», напримѣръ, онѣ также прекрасны и въ тому же веселые мотивы въ ней перемежаны съ выразительными кантатами. Въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» инструменталія игрива, въ

рези concertati голоса сочетаются весьма искусно, но и въ других операхъ Россіи есть тѣ же достоинства. Отчего же «Севильскаго Цирюльника» предпочитаютъ всѣмъ комическимъ операмъ Россіи, и съ 1816 года до нашихъ временъ не перестаютъ давать на всѣхъ европейскихъ театрахъ? Первою тому причиною, мы полагаемъ, остроумный сюжетъ Бомарше и хорошо веденная интрига, а вторая и главная причина столь блистательнаго и долговременнаго успѣха основана на томъ, что въ Фигаро отразился живой, веселый, безпечный нравъ самого Россіи. Блестящему стилю маэстро тутъ полный разгулъ.

Россіи, которому сначала его музыкальнаго поприща все въ жизни улыбалось, не для чего тутъ принимать личину мрачнаго драматизма; характеры блистательнаго Альмавивы, хитраго и веселаго Фигаро, своенравной Розины, безтолковаго Бартоло, лукаваго Базилиа — всѣ ему подьстать. Вотъ почему Россіи предпринялъ смѣло написать музыку «Севильскаго Цирюльника» на сюжетъ, въ которомъ знаменитый Паиззелло имѣлъ огромный успѣхъ, и еще при жизни этого маэстро; вотъ почему Россіи написалъ эту очаровательную музыку въ *тринадцать дней*; и наконецъ: «Севильскій Цирюльникъ», будучи самое полное и самостоятельное выраженіе гениальнаго таланта величайшаго итальянскаго композитора нашей эпохи — не могъ не имѣть огромнаго успѣха, затѣвующаго отчасти всѣ прочія произведенія того же маэстро.

9) *Otello* (1816), для Неаполя. Въ «Отелло» — Россіи въ первый разъ употребилъ для речитативовъ постоянный аккомпаниментъ оркестра. Хотя въ этой оперѣ онъ еще не возвысился до степени драматизма, которой онъ достигъ въ послѣдствіи, но многія въ ней мѣста величественны и поразительны эффектны. Входная арія Отелло «*Ah si per voi gia sento*» прекрасно изображаетъ воинственный характеръ полководца мавра. Квнтетъ «*incerta l'anima*» въ мелодическомъ отношеніи превосходенъ. Дуэтъ «*l'ira d'avversa*» выразителенъ до крайности. Третій актъ намъ намъ кажется совершеннѣйшимъ въ оперѣ; знаменитый романсъ Дездемоны, баркаролла «*nessun maggior dolore*» и финальный дуэтъ исполнены истиннаго драматизма.

10) *La Cenerentola* (1817), для Рима. Эта опера, по нашему мнѣнію, немногими уступаетъ «Севильскому Цирюлику», въ-особенности въ мелодическомъ отношеніи; но неправдоподобность содержанія либретто и тривіальность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ оставляютъ ее на второмъ планѣ. Впрочемъ, трудно придумать что-нибудь прелестнѣе въ этомъ родѣ, какъ напримѣръ, арія «*Don Magnifico*», квнтетъ «*Signer una parola*»; секстетъ «*Questo un nodo*» и проч.

Трудно повѣрить — но по свидѣтельству большей части современ-

ныхъ журналовъ, Ченерентола въ первое время не имѣла никакого успѣха въ Миланѣ. Всѣмъ извѣстно, что и «Севильскаго Цирюльника» въ первое представленіе освистали въ Римѣ — но это было только для выраженія негодованія за выборъ сюжета, на который Паззелло написалъ музыку.

11) *La gazza ladra* (1817). Судя по приему, сдѣланному «Ченерентолѣ»; Россини не безъ опасенія предсталъ предъ миланскою публикою; но опасенія его оказались напрасны! Послѣ перваго мотива увертюры, публика пришла уже въ совершенное волненіе, и увертюра окончилась при самыхъ восторженныхъ, оглушительныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ «*Eviva Rossini*».

Дѣйствительно, первое впечатлѣніе этой увертюры поразительно! Завязка драмы основана на томъ, что Фернандо — солдатъ, служившій въ какомъ-то полку, принужденъ дезертировать, для избѣжанія послѣдствій, сдѣланнаго имъ вызова на поединокъ старшаго себя по чину. Россини, для опредѣленія воинственнаго сюжета драмы, открываетъ увертюру барабанною дробью, которая начинается тихо, мало-по-малу возвышается, потомъ вновь уменьшается, и теряется вдали. Съ послѣдними ея звуками весь оркестръ вдругъ раздражается съ необычайною силою, и раздражается не однимъ шумомъ, а прекраснымъ величественнымъ мотивомъ, самого опредѣленнаго ритма и музыкальнаго рисунка. Новизна эффекта и твердость очертанія музыкальной мысли произвели, какъ мы уже сказали, неописанный восторгъ, и съ первой минуты до послѣдней все представленіе было настоящее торжество для Россини, который выбился изъ силъ, безпрестанно раскланиваясь, для изъявленія своей благодарности за «*Eviva maestro*», неумолкавшіе въ продолженіе всей оперы. Въ оперѣ «Сорока воровка» столько прелестнѣйшихъ мелодій, что всѣ перечестъ ихъ здѣсь невозможно; но въ-особенности замѣчательны: интродукція, арія «*di piacer mi balza il cor*», фиваль перваго акта во-время допроса Нинеты, хоръ втораго акта, слѣдующій за нимъ квинтетъ и арія Фернандо, погребальный маршъ и пр. и пр..

Огромный успѣхъ «Сороки-воровки» имѣлъ однакоже, по нашему разумѣнію, довольно прискорбныя послѣдствія: общій восторгъ, произведенный драматическою оперою, подалъ мысль Россини, что настоящее его призваніе къ патетической, а не къ комической музыкѣ, и съ-тѣмъ-поръ гениальный маэстро пересталъ вовсе писать искрящаяся веселостію, живостію, огнемъ оперы — и предался совершенно драматическому ролю.

12) *Mosi in Egitto* (1818), Неаполь. Съ появленіемъ оперы

«Моисей» начинается вторая эпоха таланта Россини, или, какъ иные называютъ, вторая его манера. Известно, что Россини въ своей молодости учился музыкѣ весьма поверхностно; онъ не болѣе года оставался подъ руководствомъ знаменитаго контрапунктиста, Padre Mattoi, и оставивъ, въ 1808 году, болонскій лицей, почти тотчасъ же принялся писать кантаты и оперы. Италия привѣтствовала съ восторгомъ появленіе молодого маэстро, у котораго прелестныя мелодіи рождались, такъ-сказать, съ каждою взмахою пера. Россини даскала, любилъ и, какъ говорится, носилъ на рукахъ; жизнь его протекала въ ширшествахъ и шумныхъ безсѣдахъ съ многочисленными поклонниками и друзьями. Когда тутъ было изучать серьезно музыку? Да кажется Россини и не находилъ въ томъ нужды, потому-что, когда въ партитулѣ его, которая онъ болѣею частію писалъ окруженный друзьями, проглядывали иногда задревченныя видѣнья, несправильныя реголюціи, или рѣзкіе переходы, онъ отмѣчалъ подобныя промахи крестикомъ и писалъ въ выноскахъ: *Pel sonno piasego dei v-gi pedanti*, то-есть «для наибольшаго удовольствія гг. педагоговъ». Одновременно гениальная организація Россини замуштвовала его вопреки разбѣжной его жизни, и открывая ему безъ труда и ученія таинства искусства, вкладывала молодому маэстро новый муть.

Чтобы вполнѣ охарактеризовать Россиниеву эпоху съ 1810 по 1818 г. приведемъ собственные отзывы знаменитаго маэстро о себѣ:

«Меня укоряютъ господа педанты (*rigoristi* какъ выражается Россини), зачѣмъ въ моихъ партитулахъ проскакиваютъ орфографическія ошибки; оно не безъ того, но можетъ ли быть иначе при моемъ образѣ жизни? Посудите сами! Я страствую изъ одного города въ другой, и пишу всегда къ известному сроку. За шесть недѣль до началія сезона, прѣзжаю въ какой-нибудь городъ; въ день моего прѣзда окружаютъ меня неистовые поклонники (*amigatori e diletanti furiosi*), начинаютъ серенады, пьры, ужины и проч. Это продолжается, но-крайней-мѣрѣ, десять дней. Признаться сказать, я и самъ впрочемъ повеселиться, да когда же и веселиться, какъ не въ мои дѣта и при моихъ успѣхахъ! (*Succesi in ogni generi*) прибавляетъ лукаво маэстро. Другіе десять дней проходятъ въ спорахъ съ поэта (сочинителемъ либретто) который вытаскаетъ спустить подъ моимъ флагомъ (*sotto la mia bandiera*) всякую возможную дребедень. Къ тому же надобно ознакомиться со средствами възвонъ. Часте случается, что у контральта недостаетъ нѣсколькихъ нижнихъ нотъ, у тенора верхнихъ, басъ хрипитъ, баритонъ кричитъ; все это надобно уладить, ко всему приноровиться, а между-тѣмъ время летитъ безъ пощады! Не успѣешь опомниться, какъ до перваго представления остается какихъ-нибудь двѣ недѣли. Тутъ ужъ я прини-

каюсь серьезно за дѣло, пещу день и ночь, упорно отказываюсь отъ званыхъ обѣдовъ и ужиновъ; но отъ поклонниковъ отдѣлаться невозможно! Они наполняютъ мою комнату, суетятся, шумятъ вокругъ меня! Часто случалось, что я принужденъ былъ скрываться отъ нашествія сарваровъ въ постели. Окончивъ дуэтъ или арію, отсылаю партію къ перенисчикамъ, которые выписываютъ партіи и отдаютъ ихъ разучивать. Конечно, при такомъ способѣ сочиненія не можетъ быть безъ грѣха; но я отвѣчаю за вдохновеніе, потому-что чувствую, какъ оно движется въ голосѣ (*come si muove nel cervello*), а за орфографическія ошибки, слуга покорный!»

Этотъ отзывъ Россинца о самомъ себѣ почерпнуть нами изъ разговоровъ съ современниками великаго маэстро. Въ пребываніе мое въ Италію, въ 1833 году, несмотря уже на владычество Беллини, всѣ истинные любители музыки еще проникнуты были воспоминаніями о Россини. Понятно послѣ этого, что появленіе оперы «Моисей» поразило неожиданно всѣхъ поклонниковъ Россини. Ко всеобщему удивленію знатоковъ, маэстро явился въ этой оперѣ въ полномъ блескѣ. Во многихъ мѣстахъ видны контрапунктическія намѣренія (въ особенности въ интродукціи), оркестровка обработана тщательно и искусно, всѣ партіи написаны съ истиннымъ знаніемъ музыки. Болѣе всего привела въ восторгъ слушателей знаменитая молитва. Давно на итальянской сценѣ не раздавались такіа величественные, торжественные звуки. Минорный мотивъ, который начиналъ Порта (исполнявшій роль Моисея), переходить отъ одного дѣйствующаго лица къ другому; по мѣрѣ присоединенія голосовъ, онъ растетъ, развивается; наконецъ, народъ, толпившійся вокругъ Моисея, падаетъ на колѣна, и мотивъ разражается въ мажорномъ тонѣ съ новою силою.

Пламенные итальянцы были такъ поражены неожиданностію впечатлѣнія, что всѣ присутствующіе въ ложахъ и въ партерѣ встали съ своихъ мѣстъ, заплѣли въ одинъ голосъ вмѣстѣ съ хоромъ, и по окончаніи молитвы долго оглашали залу восторженными криками. «*Eviva Rossini, il gran maestro*». Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что подобныя впечатлѣнія, истинно эстетическія впечатлѣнія, потому-что онѣ основаны на высокихъ музыкальных наслажденіяхъ, а не на эквилибристикѣ, оптикѣ, или искусствѣ декоратора, средствахъ, къ которымъ нынѣ во рѣдко прибѣгаютъ.

43) *La donna del-lago* (1849), Неаполь. Опера эта замѣчательна въ оперномъ колоритомъ, который умѣлъ ей придать Россини; въ ней въ первый разъ показана пѣвица Pizzoni, которая въ послѣдствіи

имѣла большой успѣхъ; изъ этой же оперы, въ 1842 г., Россіи извлекъ гимнъ въ честь папы Пія IX.

14) *Semiramide* (1823), Венеція. У насъ эта опера весьма известна; всѣ помнятъ прекрасныя хоры интродукціи, финалъ перваго акта, дуэтъ, начинающійся речитативомъ «*è duncue vego audase*» дуэтъ 2-го акта «*quella ricordati*» и пр. и пр. Для составленія предлагаемой статьи, мы пробѣжали старинныя журналы тѣхъ годовъ, въ которыя давались оперы Россіи, и хохотали отъ души, прочитавъ критику на «Семирамиду», въ которой рецензентъ осуждалъ Россіи, по поводу этой оперы, за *германское ея направленіе!!* Отчего съ 1823 по 1826 годъ музыкальная дѣятельность Россіи уменьшилась, опредѣлить въ точности мы не можемъ; но слѣдя внимательно за произведеніями великаго маэстро, можно вывести слѣдующее предположеніе. Мы сказали выше, какъ огромный успѣхъ «Сороки Воровки» подалъ Россіи мысль, что его призваніе къ патетическому, а не къ комическому роду музыки. Съ тѣхъ-поръ однакожь, кромѣ «Моисея», всѣ оперы Россіи не имѣли полнаго, единодушнаго успѣха, и даже Семирамида была принята довольно равнодушно. Россіи не довольствовался рукоплесканіями однихъ своихъ поклонниковъ—онъ искалъ общаго восторга; возвратиться къ комическому роду казалось ему недостойнымъ его таланта; гений его жаждалъ болѣе широкаго поприща. Россіи обратилъ взоры на Парижъ, который въ то время держалъ скипетръ моды и управлялъ самовластно всемірнымъ вкусомъ.

Три года Россіи посвятилъ на изученіе французскаго языка и разработку новаго плана. Побуждаемый однакожь нетерпѣніемъ парижской публики, онъ передѣлалъ изъ «Магомета II» первую свою оперу на французскомъ языкѣ и поставилъ подъ именемъ:

15) *Le Siege de Corinthe* (1826), Парижъ. Опера эта хотя имѣла успѣхъ, но не удержалась на репертуарѣ.

16) *Le comte Ory* (1827) Парижъ. Въ этой оперѣ *demi-seria*, замѣтно вліяніе французской музыки и французскаго вкуса. Необычайная легкость, и такъ-сказать кокетливость мелодій, соединена съ нѣкоторою изысканностію инструментовки. Въ особенности въ этой оперѣ замѣчательны: финалъ 1-го акта и 2-го квинтетъ и хоръ пилигримовъ.

Наконецъ появляется «Карлъ Смѣлый», это совершеннѣйшее лирическое произведеніе XIX-го столѣтія. Въ этой оперѣ гений Россіи выказывается вполне; изумительное богатство мелодій, свойственное изъ современныхъ музыкантовъ одному Россіи, интересная и разнообразная инструментовка, искуснѣйшее употребленіе хоральныхъ массъ, глубокое чувство драматизма—все въ этой оперѣ.

соединяется и образуетъ изъ нея совершеннѣйшее твореніе Россіи. Увертюра, начинающаяся кантаденою виолончелей, раздѣленныхъ на четыре голоса, имѣетъ совершенно пасторальный колоритъ; изъ оркестра вѣетъ свѣжимъ, горнымъ воздухомъ. Сладкое и тихое чувство овладѣваетъ душою;—но вдругъ появляется легкое тремоло въ струнныхъ инструментахъ; прерывающіеся звуки духовыхъ, на самыхъ верхнихъ нотахъ, накрапываютъ крупнымъ дождемъ на волнующіеся аккорды. Тремоло болѣе и болѣе уедличивается; хроматическія гаммы всѣхъ высокихъ инструментовъ съ силою раздражаются и потокомъ стремятся внизъ; басы подвигаются къ нимъ навстрѣчу, и какъ эхо отвѣчаютъ бурнымъ порывамъ. Но вскорѣ гроза укротилась, завыванія бури утихли. Небо ясно, воздухъ чистъ и благоуханенъ; вдали, съ цвѣтистой поляны слышны тихіе звуки пастушеской свирѣли. Невозможно ничего вообразить прелестнѣе, свѣжее и проще этой дивной мелодіи, отъ которой вѣетъ весеннимъ воздухомъ. Последняя часть увертюры (*allegro*) не соответствуетъ, по нашему мнѣнію, высоко-художественному ея началу; зато, однакожъ, мотивъ *allegro* (въ родѣ галопа) исполненъ живости и огня. Впрочемъ, нужно слышать его въ парижской консерваторіи, чтобы составить себѣ о немъ полное понятіе; невозможно описать энергіи, съ какою исполняютъ скрипки *allegro* этой увертюры! Интродукція такъ проникнута пасторальнымъ колоритомъ, она такъ очаровательно изображаетъ мирный сельскій бытъ, что мрачные звуки Вильгельма Теля, въ душѣ котораго волнуются замыслы нарушить эту мирную тишину, грустно сжимаютъ сердце. Вообще, вся интродукція Вильгельма Теля совершенство—отъ начала до конца. Тутъ каждый звукъ на своемъ мѣстѣ, каждая мелодія глубоко проникаетъ въ душу слушателя. Еслибы мы вздумали описывать всѣ красоты этой оперы, то намъ и цѣлой книги «Пантеона» наврядъ достало бы; въ-слѣдствіе чего мы, къ сожалѣнію, удовольствуемся только указать на самыя перазительныя мѣста; какъ напримѣръ: дуэтъ Вильгельма Теля съ Ариольдомъ: какое удивительное музыкальное очертаніе характеровъ. Вильгельмъ Тель постоянно мраченъ и суровъ, Ариольдъ пылокъ и страстенъ. Что за удивительныя мелодіи. «*Oh Mathilde, idole de mon âme*», и далѣе: *Oh ciel, tu sais si Mathilde m'est chere*. Возможно ли придумать что-нибудь употребительнѣе этихъ страстныхъ звуковъ.

Мотивъ танцевъ въ *te minor* свѣжъ и оригиналенъ до чрезвычайности; финаль 1-го акта безподобенъ, никто, конечно, въ наше время не сумѣетъ лучше расположить голосныхъ массъ.

Терцетъ 2-го акта останется навсегда образцомъ для всѣхъ будущихъ произведеній въ томъ же родѣ; кто не помнитъ впечатлѣнія, ко-

терее производить душевный вопль Арнольда. «*Mon pere tu m'a fait mourir*», и этот поражающий эффект достигнут самым простым средством, переходомъ изъ *mi majeur* въ *do majeur*, оставляя въ басу общую ноту обонихъ нотамъ *mi*. Конечно послѣ подобнаго *andante* и прекраснѣйшаго перваго *allegro*, которое въ особенности замѣчательно благородствомъ выраженія музыкальныхъ фразъ, почти невозможно было ожидать еще поразительнаго окончательнаго *allegro* — и безпристрастие побуждаетъ насъ сказать, что относительно послѣдняя часть терцета не соответствуетъ достоинствамъ начала, и могла бы быть интереснѣе. Для описанія финала 2-го акта мы не находимъ словъ! Это цѣлая поэма, въ которой великій маэстро звуками очерталъ различные характеры жителей швейцарскихъ кантоновъ.

То въ горахъ раздаются рога, то съ полянъ слышна свирѣль, то на гладкой поверхности озера переливается тихая пѣсня гребцовъ... наконецъ всё сходится. Въ узкомъ ущельѣ, окруженномъ высокими горами, собираются поселяне на призывъ суроваго Вильгельмъ Теля.

Глухой, но быстрый пичикато всѣхъ струнныхъ инструментовъ предшествуетъ прекрасному хору фугато; всѣ покоряются волѣ одного; единодушіе, смѣлость, энергія выражены тутъ неподобно.

Въ прекрасномъ речитативѣ Вильгельмъ Тель объясняетъ свои намеренія; слѣдующій за нимъ общій хоръ, неописанно величественъ. Музыкальную фразу «*Si parmi nous il est un traître*» голосныя массы исполняютъ унисономъ, но въ оркестрѣ басы сильно звучатъ на нижней секундѣ, что производитъ мрачное и поразительное впечатлѣніе. Довольно... мы и такъ слишкомъ увлеклись. Въ заключеніе скажемъ, что послѣдніе два акта гораздо, по нашему мнѣнію, слабѣе первыхъ. Но я спрашиваю, могло ли быть иначе!

Человѣческому вдохновенію должны быть предѣлы, не то утлая наша физическая природа не выдержитъ напора, разрушится и погибнетъ.

Намъ кажется, что послѣ финала 2-го акта вдохновенію Россини слѣдовало ослабнуть, или ему самому погибнуть.

Россини не погибъ, но увы! онъ умолякъ, и умолякъ во всей силѣ несравненнаго своего таланта, на 37-мъ году отъ рожденія, и никакія убѣжденія въ мірѣ не могли поколебать съ-гѣхъ-норъ упорнаго его молчанія. Извините! мы ошибаемся. Россини написалъ (кажется въ 1842 или 1843 году) *Stabat Mater*; но хотя въ немъ есть прекраснѣйшія мѣста; мы не можемъ не пожалѣть, что онъ нарушилъ роковое, завѣтное свое молчаніе для произведенія, которое не вполне соответствуетъ громадности его таланта.

Если бы представили довольно широкій списокъ твореній Россини

и распространялись, по возможности, насчетъ его оперъ — то это собственно потому, что мы почитаемъ его величайшимъ гениемъ XIX столѣтія въ мелодическомъ отношеніи. Мелодія-же — душа драматической музыки, первая служитъ ей (то-есть драматической музыкѣ) прочнымъ основаніемъ и придаетъ ей колоритъ, инструментовка ее поддерживаетъ и украшаетъ. Соединеніе трехъ этихъ началъ (какъ напряміръ въ Вильгельмъ Тель) составляетъ совершенство.

Если мелодія слата и коротка, это доказываетъ недостаточность вдохновенія композитора; чѣмъ мелодія шире, тѣмъ яснѣе выраженіе мысли. По нашему уразумѣнію, стиль Россіи раздѣляется на три періода. Къ первому (отъ 1810 до 1818) принадлежатъ прелестнѣшія комическія оперы: *Italiana in Algeri*; *Turco in Italia*, *Barbiere di Siviglia*, *Semiramide* и даже опера *Fanni-seria Gazza ladra*.

Жизненность и сила юного вдохновенія Россіи выказываются въ этомъ періодѣ яркими красками.

Къ второму періоду (отъ 1818 до 1823) принадлежатъ *Moise*, *Mathilde de Saba*, *La donna del lago* и *Semiramide*.... Въ этихъ операхъ есть прекраснѣшія мѣста, мелодіи въ нихъ истекаютъ изъ того же источника; но въ нихъ множество драматическихъ несообразностей, которыя поврачаютъ живость произведеній, и потому онѣ не оставляютъ полноты впечатлѣнія, которое должно производить истинно художественное твореніе.

Опера «*Le Comte Ory*» не принадлежитъ собственно ни къ какому періоду, и хотя въ ней видны свойственныя Россіи достоинства — но въ ней также замѣтно постороннее вліяніе. Къ третьему періоду принадлежитъ единственная, неподражаемая опера «*Карлъ Сильный*» или стрѣе сказать, первые два акта этой оперы. Тутъ сосредичены все качества лирическаго произведенія: богатая и прелестная мелодія, колоритъ и музыкальное очертаніе характеровъ, искуснѣшія инструменталія. Намъ прискорбно остановиться на мысли, что причина удаленія Россіи изъ Италіи была основана на одномъ матеріальномъ расчетѣ. Мы предпочитаемъ приписать ее тому, что высокое эстетическое чувство само Россіи не удовлетворилось *руладнымъ*, анти-драматическимъ рекомъ, который онъ самъ же развилъ въ Италіи.

Увлеченіе итальянцевъ было такъ велико, они съ такимъ наслажденіемъ слушали вокальныя упражненія любимыхъ ими певцовъ, что Россіи показалось труднымъ разрушить разомъ то, что онъ соорудилъ съ такимъ быстрымъ и блистательнымъ успѣхомъ; продолжать идти по старому, которую онъ признавалъ не художественною, онъ не могъ — и не хотѣлъ болѣе! Между-тѣмъ, вопоръ по удаленіи Россіи и

въ самой Италіи нѣкоторые любители съ истиннымъ драматическимъ чувствомъ стали задумываться, и слегка порицая руладную систему, начали приискивать средства, какъ-бы возвратиться къ болѣе естественному выраженію драматизма. Для осуществленія этой мысли явился наконецъ Беллини.

Vincenzo Bellini родился въ Сициліи, въ городѣ Катаньи, 3 ноября 1802. Слабое здоровье и нѣкоторыя домашнія обстоятельства были причиною, что Беллини довольно поздно началъ изучать музыку. На восемнадцатомъ году отъ рожденія онъ поступилъ въ неапольскую консерваторію, и хотя учитель композиціи Трито жаловался на глупость молодого Vincenzo — однако онъ обратилъ на себя вниманіе директора консерваторіи Зингарелли, который и принялъ Беллини подъ личное свое руководство.

Во-время пребыванія своего въ консерваторіи, Беллини болѣе занимался поэзіею, чѣмъ музыкою; по цѣлымъ днямъ онъ углублялся въ чтеніе любимыхъ имъ поэтовъ Альфіери, Манзони, Сильвіо Пеллико — и пристрастился даже къ Шиллеру и Гёте. Замѣчательно, что Беллини не игралъ ни на какомъ инструментѣ и пѣлъ довольно плохо, имѣя весьма слабый и неопредѣленный голосъ. Въ-послѣдствіи, онъ прекрасно изучилъ пѣніе, слушая безпрестанно неподражаемаго Рубини, для голоса котораго Беллини и писалъ болѣшую часть теноровыхъ партій.

Въ первой оперѣ (*Bianca e Gerlando*, 1826), которую написалъ Беллини, замѣтно уже эллигическое направленіе, и хотя она не имѣла большаго успѣха, — однакожь обратила на себя нѣкоторое вниманіе, въ-слѣдствіе чего молодой маэстро вызванъ былъ въ Миланъ, гдѣ и написалъ, въ 1823 году, для Пасты и Рубини «Пирата». Въ этой оперѣ Беллини обнаружилъ неотъемлемый талантъ въ декламациі. — Онъ удалилъ изъ среды своихъ кантиленъ, рулады и украшенія и изгналъ ихъ въ ферматы и окончанія музыкальныхъ фразъ. Вообще, мелодіи Беллини плавны, пѣвучи, проникнуты чувствомъ, но къ сожалѣнію слишкомъ однообразны. Въ Пиратѣ въ особенности замѣчательны: Каватина тенора «*Nelfuror delle tempeste*», allegro этой каватины «*per te di vane lagrime*» чрезвычайно выразительно и поразило слушателей простотою и ясностью изложенія. Во второмъ очень хороши дуэтъ и финальная арія «*Tu vedrai la sventurata*. Кабалета «*Ah non fia sempre odiata*» положила основаніе всѣмъ будущимъ кабалетамъ Беллини; — всѣ онѣ имѣютъ родство между собою и иногда разительное сходство, какъ напримѣръ, кабалета въ *Сомнамбулѣ* «*Ah perche non posso odiarti*». «Пиратъ» имѣлъ огромный успѣхъ, и несмотря на нѣкоторыя его достоинства мы, по совѣсти, полагаемъ, что Беллини этимъ обязанъ болѣею частью, по-крайней-мѣрѣ, Рубини и Пастѣ, дивное пѣніе которыхъ украсило произведеніе

начинающаго маэстро. Какъ-бы то ни было, но съ-тѣхъ-поръ Беллини сдѣлался кумиромъ Италіи. Обращая особое вниманіе на выраженіе словъ, Беллини вынудилъ пѣвцовъ отчетливо выговаривать и тѣмъ оказалъ не малую услугу драматическому пѣнію и даже драматическому искусству, потому-что съ-тѣхъ-поръ стали осторожнѣе въ выборѣ содержанія оперы, — а до того времени итальянскія либретто были часто образцамъ негнѣности.

Въ 1828 году Беллини написалъ «la Straniera», въ 1830, «Beatrice», въ 1831 «la Sonnambula». Въ этой прелестной оперѣ все основано на глубокомъ чувствѣ; каждый звукъ дышетъ любовью. Съ перваго до послѣдняго, всѣ нумера были приняты публикою съ восторгомъ. Въ финалѣ перваго акта «Vogli il cielo che il mio tormento» Рубини пѣлъ такъ выразительно и увлекательно, что слушатели заливались слезами. Сцена соннабулизма и финальная арія Пасты «ah t'abbraccia» произвели также неописанное впечатленіе. Публика была растрогана и взволнована до чрезвычайности; мнѣ случилось быть въ Миланѣ годъ спустя послѣ представленія Соннамбулы, но и тогда прекрасныя миланки говорили еще со слезами о прошедшемъ впечатлѣніи.

Въ 1833 году Беллини написалъ «Норму», которая имѣла также весьма большой успѣхъ, но по нашему мнѣнію, несмотря на видимое замѣреніе маэстро возвысить свой стиль, Соннамбула совершеннѣе. Въ Нормѣ попадаются драматическіи несообразности, какъ напримѣръ allegro арія casta diva. Въ устахъ величественной Нормы мотивъ «Ah bello à me ritorno» кажется вовсе неумѣста; онъ слишкомъ игривъ и развязенъ. Не менѣе того въ Нормѣ есть прекраснѣйшія мѣста; финалы перваго и въ особенности втораго акта весьма выразительны.

Мѣстами Норма выше Соннамбулы — но она не представляетъ въ себѣ той изящной полноты Соннамбулы.

Въ 1834 году Беллини написалъ «Пуританъ». Въ этой оперѣ успѣхи молодаго маэстро очевидны; — мысли въ ней болѣе развиты, инструментовка искуснѣе, въ мелодіяхъ болѣе разнообразія. Но увы! это было послѣднее произведеніе даровитаго Беллини. Шестъ мѣсяцовъ спустя послѣ перваго представленія «Пуританъ», Беллини скончался, на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, искренно оплакиваемый всѣми любителями его замѣчательнаго таланта. Странное и роковое сближеніе участи многихъ даровитыхъ художниковъ! Перголезе, Рафаэль, Моцартъ, Беллини умерли въ тридцатыхъ годахъ ихъ жизни, а Россини умолокъ на тридцать-седьмомъ году.

Здѣсь мы вновь приведемъ французскую поговорку «Il n'y a pas de rose sans épines». Аллегорическій и декламационный стиль Беллини ока-

валъ весьма важную услугу драматической музыкѣ. Онъ заималъ наслажденія слуха наслажденіями сердечными; но къ сожалѣнію, масса слушателей неспособна къ слишкомъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, и хотя Беллини оставилъ въ каденцахъ и нѣкоторыхъ окончательныхъ кабалетахъ фіоритуры и различныя трудности, публика, затронутая глубокими, душевными впечатлѣніями, перестала обращать исключительно вниманіе на искусство пѣвцовъ. Слушатели приходили въ восторгъ отъ выразительнаго пѣнія, и холодно выслушивали руды. Пѣвцы, замѣтивъ вкусъ публики, стали пренебрегать софеджіями и вообще основательнымъ изученіемъ труднаго искусства пѣнія. Звучный и вѣрный голосъ, хорошій выговоръ, и менѣе или болѣе чувства, были достаточными орудіями для совершеннаго успѣха. «Разумѣется что рѣчь идетъ о искусствѣ пѣвцовъ; артисты же, подобные Рубини, Тамбурини, Виадо и проч., составляютъ исключеніе. Они хотя иногда, повидимому, и подчиняются вкусу большинства публики, но истинно артистическая ихъ природа побуждаетъ ихъ изучать сокровеннѣйшія и драгоцѣннѣйшія тайны искусства, почему и бываютъ замѣтны въ нихъ исполненія проблески, обобщающіе другую эпоху искусства, различную съ современнымъ направленіемъ.

Мало-по-малу основныя начала и правила хорошей методы стали исчезать, и послѣ смерти Беллини едва осталось въ Италіи нѣсколько избранныхъ артистовъ, вѣрныхъ стариннымъ преданіямъ, но и тѣ сдѣлали оставить родину и разсѣялись по Европѣ.

Къ тому же всегда находятя люди, стремящіеся къ преувеличенію. Беллини удачно выражалъ тихія сердечныя, меланхолическія чувства; энтузіасты драматической выразительности не довольствовались этимъ: имъ хотѣлось перенести на лирическую сцену порывы бурныхъ страстей, изступленія, гнѣва и ревности. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ появился въ Италіи Верди.

Онъ засталъ искусство пѣнія въ упадкѣ, а вкусъ публики стремящимся къ преувеличенію истиннаго драматическаго чувства. Не находилъ хорошихъ пѣвцовъ. Верди прибѣгнулъ къ вспомогательнымъ средствамъ шумнаго оркестра; онъ ввелъ безпрестанное употребленіе громкихъ инструментовъ, трубъ, тромбоновъ, офиклейдъ и даже турецкаго барабана.

Пѣвцы, нерѣдко заглушенные громкими своими союзниками, то-есть, инструментами, оркестра, котораго непосредственное назначеніе сопровождать пѣніе, а не заглушить его, стали неможливо форсировать голосъ, надрываться и, наконецъ, кричать.

Первыя оперы Верди Nabucco, Ernani, Lombardi, и многія другія наполнены маршами, хорами, громко и сильно инструментованы, но

истиннаго пѣнія, хорошаго камтабиле, вѣрной декламациа въ нихъ весьма мала. Не менѣе того, у Верди много дарованія и въ вдохновеніи нѣтъ недостатка; доказательствомъ тому служить, что музыкальную его фразу не по обставленію, но по одному ея очерку можно узнать; это доказываетъ, что у него есть свой типъ, своя печать такъ-сказать, а въ искусствѣ вообще это весьма важно. Впрочемъ, очевидно, что когда Верди писалъ первыя свои оперы, онъ еще мало былъ знакомъ съ искусствомъ пѣнія, потому-что большаая часть метрическихъ задуманъ скорѣй для какого-нибудь духоваго или струннаго инструмента, чѣмъ для человеческого голоса. Вникните, напримѣръ, въ поллаку Ломбардовъ — мелодія ея, конечно, прекрасна, исполнена жизни и огня; но вокализациа въ ней совершенно *инструментальная*, если можно такъ выразиться.

Давно послышавъ слухи, что Верди вслушался наконецъ въ справедливыя жалобы пѣвцовъ, вникнулъ въ нѣкоторыя безпристрастныя критики, и измѣнилъ нѣсколько свою шумную методу. Говорили, что въ оперѣ «Риголетто» совершился этотъ важный переворотъ.

Вотъ и у насъ поставили на сцену Риголетто! Дѣйствительно въ Риголетто менѣе шуму, чѣмъ въ предшествовавшихъ ей операхъ; декламациа гораздо естественнѣе; пѣвцы не вынуждены кричать; инструментовка не оглушительна, разнообразна и занимательна. Во многихъ мѣстахъ Верди выказываетъ истинно поэтическія — музыкальныя наклоненія. Но къ сожалѣнію, самостоятельный Вердиевскій типъ, по которому можно было узнать музыкальную фразу Верди по одному ея очерку, почти совершенно утраченъ въ оперѣ Риголетто. Мелодія ея правильнѣе прежнихъ, но часто выцѣпляютъ мелодія другихъ композиторовъ, и въ томъ-то (la tonalité) замѣчается какая-то пысканность, которой прежде не было замѣтно у Верди. Впрочемъ, послѣдніе обстоятельство доказываетъ только, что маэстро еще не сталъ ловко на новой стезѣ, но, судя по дарованію Верди, можно надѣяться, что самостоятельность его явче выкажется, когда онъ болѣе свыкнется и усвоитъ себѣ новыя свой стизы.

Послѣдній актъ въ Риголетто — самый замѣчательный; въ немъ много музыкальнаго колорита, т. е. характеры дѣйствующихъ лицъ ярже очерчены, музыкальныя фразы умѣстны и выразительны, инструменталія интересна и живописна.

Въ этомъ актѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ квартетъ, въ которомъ разнородныя характеры прекрасно выражены мелодически, и отлично обрисованы, отъ начала до конца. Граціозное и веселое пѣніе тенора, пролическій смѣхъ контралята, удачно изображенный даувязными нотами, выразительное и грустное пѣніе сопрана, перерывающіяся фразы

баритона, все это искусно сочетается, но не сливается, — и каждую музыкальную фразу можно различить и проследить от начала до конца андакте. Въ-течение того-же акта, Верди мастерски употребилъ въ дѣло грозу и молнію, которая сливается въ оркестръ хроматическими гаммами и быстрыми тріолетными фразами, не мѣшая ходу гармоніи и развитію другихъ музыкальныхъ мыслей. — После Риголетто, Верди написалъ оперу «Луиза Миллеръ». Сюжетъ этотъ почерпнутъ изъ драмы «Коварство и любовь». По словамъ Берліоза, турецкій барабанъ вовсе изгнанъ изъ этой оперы, и успѣхи Верди въ развитіи музыкальныхъ мыслей и въ правильной декламациіи весьма замѣтны. Душевно радуемся! потому-что музыкальное вліяніе Верди въ Италиіи чрезвычайно велико, — слѣдовательно и благоразумная переиѣна въ его стилѣ непременно отзовется и въ искусствѣ пѣнія; а всѣмъ извѣстно, что въ хорошихъ пѣвцахъ нынѣ большой недостатокъ. Говорятъ, что въ январѣ мѣсяцѣ Верди поставилъ новую оперу въ Римѣ, подъ названіемъ «Il Trovatore». Опера имѣла успѣхъ, но подробностей насчетъ ея, еще не имѣется.

Судя по всегдашнему стеченію публики въ операхъ Мейербера можно заключить, что первенство успѣха въ истекшій сезонъ осталось за нимъ. Мы почитаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, какъ о происхожденіи знаменитаго маэстро, такъ и о произведеніяхъ его вообще.

Мейерберъ родился въ Берлинѣ 1794 года. Богатое состояніе его родителей было не малою помѣхою въ избранномъ имъ артистическомъ поприщѣ; его предназначали къ болѣе положительной и выгодной карьерѣ; но истинное призваніе Мейербера восторжествовало надъ препятствіями, и онъ совершенно предался рациональному изученію музыки. — Главный его наставникъ въ таинствахъ гармоніи и контрапункта былъ одинъ изъ извѣстѣйшихъ теоретиковъ Германіи, аббатъ Фоглеръ. У аббата Мейерберъ познакомился и подружился съ Карломъ-Марією-Веберомъ. Веберъ имѣлъ не малое вліяніе на музыкальный стиль молодого композитера, обративъ особенное его вниманіе на изученіе оркестровки. На 18-мъ году отъ рожденія Мейерберъ выступилъ на ярическое поприще трехъ-актной оперой «La fille de Jerphé». Эта опера (написанная вѣроятно на нѣмецкій текстъ) была представлена въ Мюнхенѣ и не имѣла никакого успѣха. — Неудача не испугала молодого маэстро! Годъ спустя, ему удалось поставить въ Вѣнѣ новую оперу, подъ названіемъ «Les deux califes». Таже участь постигла и новое произведеніе, и Мейерберъ въ томъ-же году, по совѣту извѣстнаго композитора Сальери, отправился въ Италію. — Въ Венеціи Мейерберъ услышалъ въ первый разъ «Танкредя».

России. — Прелестная эта опера (въ мелодическомъ отношеніи) такое произвела впечатлѣніе на Мейербера, что несмотря на сильное его предубѣжденіе противъ итальянской музыки, онъ тотчасъ-же рѣшился попробовать написать оперу на итальянскомъ языкѣ. — Въ Падуѣ ему посчастливилось, и первая его итальянская опера «*Romilda e Costanza*» имѣла блистательный успѣхъ — частью по милости знаменитой Пизарони, которая исполняла главную роль *. Вслѣдъ за тѣмъ и въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Мейерберъ не переставалъ писать для Италіи. *Emma de Rosburgo*, *Marguerite d'Anjou*, *Il Crociato* (который былъ поставленъ въ Венеціи въ 1825 году) упрочили славу Мейербера въ Италіи и сдѣлали имя его извѣстнымъ и въ другихъ странахъ.

Въ 1825 году, Мейерберъ былъ призванъ въ Парижъ, для постановки оперы его *Il Crociato*. **

Вскорѣ послѣ представленія *il Crociato*, Мейерберъ приглашенъ былъ написать большую оперу, собственно для парижской сцены. Мейерберъ весьма хорошо понималъ, что для парижской Большой Оперы нельзя писать также, какъ для Италіи. — Французамъ нужна интересная драма, великолѣпный спектакль, танцы и пр.; одними мелодіями ихъ не затронешь. — Мейерберъ сталъ прилѣжно изучать всю старинную и современную французскую музыку, и въ головѣ его набралось столько французскихъ мелодій, что онъ во множествѣ набросалъ ихъ въ 4-мъ своемъ произведеніи, написанномъ для парижской сцены. Но развитіе мыслей, необычайный музыкальный колоритъ, драматическое очертаніе дѣйствующихъ лицъ дѣлаютъ изъ «Роберта» высоко-художественное произведеніе. — Въ Робертѣ ясно выказывается глубокая мысль: изобразить духовную борьбу злаго начала съ вліяніемъ добрыхъ и чистыхъ помысловъ. — Мрачные звуки Бертрама шипятъ и *зміялся* въ-теченіе оперы и составляютъ отличный контрастъ съ простыми, навными кантиленами Алены. — Описать всѣ красоты «Роберта» мѣсто намъ не позволяетъ; къ тому же мы разобрали уже разъ эту оперу во всѣхъ ея подробностяхъ въ трехъ длинныхъ статьяхъ. Нынѣ мы скажемъ только, что интродукція перваго акта, финаль, всѣ танцы вообще, заклинаніе съ тромбоннымъ соломъ (которое хотя и имѣетъ свое начало въ безсмертной фразѣ тоже тромбона въ *Requiem* Моцарта, но производитъ

* Замѣтимъ здѣсь, что почти всѣ нѣмецкіе великіе драматическіе композиторы писали оперы на итальянскія слова, многіе даже изучали композиціи въ Италіи. Глюкъ, Гендель, Гайднъ, Моцартъ написали множество итальянскихъ оперъ. — Намъ кажется, что изъ числа истинныхъ знаменитостей, одинъ Веберъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе.

** Россіи былъ также призванъ въ Парижъ въ 1821 году. Роковое сближеніе въ исторіи искусства, потому-что восплаивъ славу, будто-бы огромнѣйшій успѣхъ «Роберта» пріобрѣлъ прежде ременнаго молчанія Россіи.

невнятное впечатлѣніе и въ Робертѣ), молитва, окончателный терцетъ, всѣ мѣста, нами названныя, останутся навсегда образцовыми музыкальными произведениями.

Съ появленія «Роберта» Мейерберъ сталъ во главѣ современныхъ композиторовъ, и каждое изъ рѣдкихъ его новыхъ твореній, появлявшихся десятилетиями, составляетъ эпоху въ музыкальномъ мірѣ.

И Россія болѣе двадцати лѣтъ хранитъ упорное молчаніе?! Россія, величайшій современный мелодическій гений, терпѣливо переноситъ первенство ослѣпавшаго соперника! Россія не состязается! непонятно!

Десять лѣтъ спустя послѣ «Роберта», т. е., если не ошибаеся, въ 1839 году, Мейерберъ поставилъ на парижской же сценѣ «Гвельфовъ и Гибеллиновъ». Въ этой оперѣ, намъ кажется, еще болѣе чувства и энергіи. — Въ ней маэстро противопоставилъ мирское светное чувство строгому, религиозному убѣжденію. — Въ прелюдіи Мейерберъ мастерски сочеталъ величественный хоралъ съ живыми, веселыми музыкальными фразами. — Мотивы эти сочетаются, какъ мы выразились, но не сливаются, а рѣзко отдѣляются другъ отъ друга. — Музыкальное очертаніе характера Марселя выдержано отъ начала до конца, и хоралъ Лютера проходитъ чрезъ всю оперу, сокрушая часто на пути, строгимъ своимъ величіемъ, игривыя мирскія мелодіи.

Въ третьемъ актѣ, во время кроваваго заговора, талантъ Мейербера достигаетъ величайшихъ размѣровъ. — Первая фраза, «*roug sette saize saite*», не имѣетъ, по видимому, сначала, большого мелодическаго значенія; но тутъ композиторъ доказалъ, что значить умѣнье развить музыкальную мысль и окружить ее всеми сокровищами гармоніи, контрапункта и могущественной оркестровки. — Съ каждымъ изложеніемъ основная мысль растетъ и принимаетъ новый видъ.

Вскорѣ входятъ главные заговорщики и за ними толпа народа; въ оркестрѣ раздаются трубные, продолжительные, зловѣщіе звуки. — Странно звучитъ неуловкаемая труба, какъ-бы напоминающая непреклонность кроваваго замысла. — Тяжелая, свинцовая можно сказать музыкальная мысль служитъ очертаніемъ преступныхъ намѣреній заговорщиковъ. — Однимъ изъ нихъ излагаетъ въ речитативѣ гнусныя наставленія для предстоящаго кровопролитія — Въ оркестрѣ глухо раздаются стоны и жалобы; мѣдные инструменты тихо содрагаются на нижнихъ нотахъ, скрипки взвизгиваютъ и извиваются. — Волненіе болѣе и болѣе увеличивается, растетъ, возвышается; въ изступленіи фанатизма всѣ заговорщики обнажаютъ мечи, и въ это время разоблачается вновь основная мысль, но въ новомъ, поразительнѣйшемъ изложеніи: — голоса маэсы, духовые и мѣдные инструменты и басы оркестра исполняютъ мелодію

увисаю;—скрипки триолетами упорно звучатъ на верхнемъ si.—По окончаніи каждаго ритма, т. е. послѣ каждаго четырехъ тактовъ, весь оркестръ поднимается и опускается громовымъ crescendo.—Духъ захватывается, слушая эти ужасающіе звуки, и, признаюсь откровенно, что, къ стыду моему, я заплакалъ, какъ ребенокъ, когда въ первый разъ услышалъ этотъ поражающій музыкальный эффектъ.

Изумительно, что послѣ такого огромнаго развитія массъ и сильной звучности, впечатлѣнія еще не истощаются, и слѣдующій за симъ дуэтъ слушается съ напряженнымъ вниманіемъ.—Причиною тому истинно драматическое положеніе дѣйствующихъ лицъ и удачный выборъ мелодій, которыя представляютъ самый разительный контрастъ съ предыдущими музыкальными фразами.

Въ 1849 году, Мейербергъ поставилъ въ Парижѣ «Осаду Гента» * Много было толковъ объ этой оперѣ.—Иные приписывали огромный ея успѣхъ постороннимъ обстоятельствамъ, независящимъ отъ достоинствъ музыки; увѣряли, что великолѣпная обстановка, катанье на конькахъ, электрическое освѣщеніе и пр. не мало содѣйствовали ея успѣху.—Другіе утверждали, что въ этой оперѣ стиль Мейербера достигъ до полнѣйшаго драматическаго развитія, и что никогда еще самостоятельность знаменитаго маэстро не выказывалась такими яркими красками.

Наконецъ, въ концѣ прошедшаго сезона, и у насъ поставлена была новая опера Мейербера.—Трудно еще рѣшить, что произвело болѣе всего впечатлѣнія на публику въ этой оперѣ: музыка-ли? или великолѣпная обстановка и роскошные *аксессуары*.—Основная мысль драмы кажется намъ не совсемъ удачною. — Въ «Робертѣ» сюжетъ фантастическій, въ «Гвельфахъ и Гибеллинахъ» касается возвышеннѣйшихъ чело-вѣческихъ чувствъ. — Въ новой-же оперѣ вся завязка основана на томъ, что злонамѣренные люди увлекаютъ въ преступные свои замыслы легковѣрнаго которой оказывается въ-послѣдствіи порочнымъ властолюбцемъ, предпочитающимъ самоубійство искреннему раскаянію.—Отступничество самозванца отъ матери даетъ поводъ конечно къ весьма драматической сценѣ,—но самое основаніе драмы шатко и не имѣетъ возвышеннаго интереса.—Мысли Мейербера такъ тѣсно соединяются съ мыслью драмы, что недостатки поэмы необходимо отражаются и въ музыкѣ оперы.—Въ «Гвельфахъ» хораль Лютера служитъ, такъ-сказать, вѣрнымъ основаніемъ, на которомъ сооружаются, развиваются и красуются другія музыкальныя мысли.

* Песнь Гвельфовъ и Гибеллиновъ Мейербергъ написалъ оперу «Силезскій лагерь», но не имѣлъ ее ни сдѣлать, ни разсказать себѣ не въ правѣ ее описывать.

Величественная эта фраза съ твердостью гранита выдерживаетъ все гармоническія украшенія, избыточные контрапункты и измѣненія ритма, которые плодovitое воображеніе композитора смѣло громоздитъ на ней. Въ новой оперѣ есть также хоралъ, который появляется неоднократно; но ханжество анабаптистовъ отразилось и на вымыслѣ этой музыкальной фразы. На шаткой мысли невозможно соорудить ничего прочнаго.

Хоралъ «въ Осадѣ Гента» бѣденъ и тощъ; вотъ почему Мейерберъ не украсилъ его контрапунктами; маэстро въ-теченіе оперы изрѣдка прибѣгаетъ къ сильной звучности для изложенія хорала, но излагаетъ его въ одномъ и томъ же тонѣ, безъ всякаго измѣненія гармоній, и наконецъ, какъ бы самъ убѣжденный въ безсиліи музыкальной этой мысли, покидаетъ ее, не удостоивъ малѣйшаго развитія. Конечно и въ новой оперѣ, Мейерберъ выказываетъ глубокое обдумываніе предмета, искусство въ оркестровкѣ, умѣнье приготовить и произвести музыкальные эффекты; но намъ кажется, что вся опера непроникнута высокою, творческою мыслию. Самая замѣчательная и интересная роль въ оперѣ, безспорно принадлежитъ Фидесѣ; основанная на безпредѣльной материнской любви, она возвышается надъ прочими родами, двигателями коихъ (исключая Берты) мѣнѣе или болѣе преступныя страсти. Мейерберъ, вынужденный соблюсти постепенность въ развитіи характера Фидесы, сдѣлалъ роль ея, такъ-сказать, двойственною. Сначала драмы, Фидеса представлена какъ женщина добрая и простая; вотъ почему и кантилены ея чрезвычайно просты и напоминаютъ отчасти фактурою пѣсни или романсы. Но съ той минуты, какъ Фидеса услышала, что народъ возносить мольбы за благоденствіе самозванца, котораго она признаетъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій отечества и собственныхъ ея несчастій, съ той минуты, какъ она, въ незнаніи, проклиная своего сына, думая проклинать злодѣя, извѣстнаго ей только по его преступленіямъ, музыкальный очеркъ характера Фидесы вдругъ измѣняется, и высокій лиризмъ преобладаетъ во всѣхъ ея выраженіяхъ. Конечно эти перемены вынуждены драматическимъ положеніемъ; но не нарушаетъ ли это художческаго единства, и можетъ ли вдругъ, внезапно, добрая и простая старушка преобразоваться въ величественную Норму? Это еще вопросъ!!

Роль Югана, сына Фидесы, намъ кажется, также немного натянута, неестественна, и эти недостатки съ такимъ колористомъ, какъ Мейерберъ, разумѣется отражаются и на музыкѣ. Въ роли Югана всего *даль* небольшія естественныя и милыя кантилены (мы здѣсь не упоминаемъ о вакхической пѣсни, а почему — объяснимъ ниже).

Первая фраза «le jour baisse et ma mère» прекрасна именно своею

простотою (несмотря даже на вычурную гармонію въ окончаніи ритма). Тутъ Іоганъ выражается просто — потому-что и положеніе его естественно.

Разсказывая свое сновидѣніе, Іоганъ самъ не свой, и въ-слѣдствіе этого пріобрѣгаетъ къ такимъ изысканнымъ звукамъ, что врядь ли самъ Маріо узнаетъ свой собственный голосъ. Въ этомъ *симфоническомъ* речитативѣ есть, конечно, прекраснѣйшія мѣста, какъ напримѣръ: ригурнель, который подтверждаетъ, такъ-сказать, предсказаніе сновидѣнія, тихо обрисовывая мелодію женскаго хора, во-время коронованія, и возгласъ Іогана «Clemenza». Но неужели можно или слѣдуетъ такъ писать для голоса? Время рѣшить! Послѣ сновидѣнія Іоганъ поетъ *pastorale*: *roug Bertha moi je soupire*. Эти мелодіи прелестны, и прелестны потому именно, что онѣ естественны и что въ этомъ мѣстѣ характеръ Іогана простъ и натураленъ. Но съ той минуты, какъ онъ предается вліянію анабаптистовъ, бѣдный трактирщикъ Іоганъ самъ себя не понимаетъ.

Почти до самаго конца оперы, всякой разъ, какъ ему приходится пѣть, онъ вдается въ самую неслыханную гармонію. Гимнъ «*Dieu des rois*» подлежитъ исключенію; онъ величественъ и гармонія его замысловата. Въ особенности насъ *поражаютъ* гармоническая прогрессія во время *эксорсизма*. Просимъ любителей изучить эту прогрессію и сдѣлать ей логическое опредѣленіе! и тѣмъ болѣе досадно, что это очевидно только капризъ композитора, потому-что того же воздушнаго, колеблющагося эффекта можно было бы достигнуть правильною гармоніею, — обстоятельство, конечно извѣстное Мейерберу болѣе, чѣмъ кому-нибудь.

Въ самомъ почти концѣ оперы оказывается, какъ мы говорили, что Іоганъ порочный властолюбецъ, и болѣе ничего. Мы видимъ его окруженнаго одазлыками, съ кубкомъ вина въ рукахъ; — онъ безопасно распѣваетъ, въ то время, какъ уже сдѣланы имъ самчи распоряженія похоронить себя и всѣхъ приеутствующихъ на пиршествѣ, подъ развалинами великолѣпнаго замка. Можно ли имѣть участіе къ подобному человѣку? И что могъ придумать для него маэстро иначе, какъ вакхическую пѣснь. Но вотъ обстоятельство, превышающее наши понятія! Фидеса, ирива, преданная Фидеса, которая достигаетъ до величія безпредѣльности любви своей къ заблудшему сыну — является на сцену, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ, и къ несказанному нашему удивленію, поетъ также *вакхическую пѣснь*.

Кстати! Вслушайтесь хорошенько въ мелодію этой пѣсни, которую Маріо поетъ между прочимъ неподобно! вслушайтесь! и съ ужасомъ узнаете въ ней, подъ прикрытіемъ легкаго темпа въ $\frac{6}{8}$ л., безсмерт-

ний мотивъ изъ Дюль-Жуана «L'air dans le tapot». Какъ и почему это сдѣлано, объяснить мы не беремся, но всякій разъ, какъ мы слышимъ вакхическую пѣсню, странное это сходство — болѣзненно сжимаетъ наше сердце. Мы рассматривали двѣ главныя роли этой оперы съ драматической точки, стараясь изискать, какое вліяніе имѣлъ вымыселъ поэта на вымыселъ музыканта. Что же касается до музыки вообще, то въ новой оперѣ есть много прекрасныхъ отдѣльныхъ пѣсень. Въ первомъ актѣ замѣчательнѣе прочихъ интродукція, tempo di mezza hora алабастровъ, дуэтино «Ah monseigneur», вальсъ въ трактирѣ, романсъ Маріо, и Віардо.

Во второмъ актѣ танцы и катанье на конькахъ обратили на себя особое вниманіе публики; дагѣ терцетъ названный, буффе.

Въ концѣ 2-го акта замѣчательны электрическое солнце и гниль. Третій актъ, безспорно, интереснѣе всѣхъ, какъ въ музыкальномъ, такъ и въ драматическомъ отношеніяхъ; въ сожалѣнію однакъ, интересъ музыкальный не выдержанъ въ финалѣ, и вдохновеніе маэстро вдругъ прекращается послѣ хора, который поется за-время присяги самозванца. Вообще намъ кажется, что новая опера далеко уступаетъ предъидущимъ операмъ Мейербергера — и въ особенности въ мелодическомъ отношеніи. Намъ возразятъ, что есть драматическія положенія, которыя не дозволяютъ пространныхъ мелодій;

«Кто сильно чувствуетъ

Тотъ не держитъ словъ».

сказалъ мнѣ одинъ любитель. Согласенъ! но въ такомъ случаѣ замолчите! а не повторяйте одно и тоже десять разъ, какъ напр. фразу «L'ingrat il ne me resonnait pas». Но почему же эта мелодія вамъ не нравится? спросите вы почтенный читатель. Попробуемъ удовлетворить вашему любопытству.

Въ шитикѣ составъ стихотворнаго періода опредѣленъ слѣдующимъ образомъ «Соединеніе стиховъ, выражающихъ мысль вполне развитую и оконченную, образуетъ *периодъ стихотворный*».

Совершенно тоже можно сказать о мелодіи. Члены періодовъ, которые отдѣляются другъ отъ друга, вѣсто знаковъ препинаній четверть и полукаденцами, составляютъ періоды, отдѣляющіеся цѣлыми каденцами; нѣсколько же періодовъ составляютъ мелодію, которую тогда только можно назвать хорошею, когда она *полна, развита и окончена*. Изложите напр. слѣдующую мысль:

Терекъ востъ дикъ и злобенъ!

Повторяйте эту фразу сколько вамъ угодно разъ, говорите ее тихо,

прокричите ее во весь голосъ, мысль отъ этого не измѣнится, и слушатель составляетъ себѣ только весьма ограниченное понятіе о томъ, что «Терекъ и дикъ и злобенъ.»—Но исполните эту фразу:

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурь плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летать.

Тогда представляется воображенію дѣлая жизненная картина, — мысли здѣсь находятся въ логической послѣдовательности, и воображеніе и разумъ вполне удовлетворены. Хорошія мелодіи должны быть сооружены совершенно на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ; члены періодовъ, должны, такъ-сказать, истекать одинъ изъ другаго, ритмъ долженъ соответствовать другому ритму, и всѣ мысли должны быть изложены ясно и логично. Позвольте кстати обратить ваше вниманіе на удивительное открытіе, сдѣланное г. Скудо въ области искусства.

Въ *Revue des deux Mondes* 15 декабря прошлаго года, говоря о неспособности Верди развивать мелодическія мысли, г. Скудо выражается слѣдующимъ образомъ «*L'art de developper une idée melodique s'appelle dans science tout simplement contrepoint.* — Каково положеніе? вотъ вся ваша наука и терминологія, разрушенная до основанія.

То, что почиталось *гармонію*, дѣлается *мелодію*, и вѣроятно на оборотъ.—Въ теоретическихъ книгахъ (*у Рейхе напр.*) сдѣлано слѣдующее опредѣленіе контрапункту.

«*Les mots contrepoint et harmonie sont synonymes*» etc., и далѣе «*Bien que le mot contrepoint pris à la lettre signifie harmonie; on n'emploie ce mot dans la pratique moderne que pour désigner une harmonie renversible.*—То-есть, хотя контрапунктъ значить, гармонія т. е. (сочетаніе двухъ, трехъ и болѣе голосовъ), но подъ этимъ именемъ обыкновенно подразумѣваютъ и гармонію *удобо-обращаемую*,—т. е. изблѣчаютъ такого роду музыкальныя фразы, которыя могли-бы безъ всякаго измѣненія быть переносимы изъ одного голоса въ другой. — Наконецъ, скажемъ, что самое слово *contrepoint* означаетъ точка противу точки, или нота противу ноты, а не нота за нотю.—Слѣдовательно, мелодію можно украсить *контрапунктомъ*,—но развивать ее другими способами, потому-что мелодія можетъ-быть исполнена въ полномъ ея развитіи *однимъ голосомъ*, а для контрапункта необходима, по крайней-мѣрѣ, *двѣ партіи*

Впрочемъ: И на старуху

Бываетъ проруха

Или приводимъ пословицу, которая гораздо полезнѣе въ житейскомъ быту.

• Каждый сверчокъ
Знай свой шестокъ. •

Ergo—tacet какъ пишется нерѣдко въ партіяхъ оркестра; (желательно чтобы для турецкаго барабана это выраженіе писалось-бы почаще.)

РОСТИСЛАВЪ.

II.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Драмы изъ романовъ и *Три Мушкетера*. — Бенефисъ Мондидье — Бенефисъ Бертоня. — Возобновленныя пьесы. — Водовилъ въ бенефисъ г-жи Мила. — *Edgard et sa femme*. — Бенефисъ г-жи Мейеръ. — Пьесы Базра — *Урна*. — Новая драма Эмиля Ожье. — Водовилъ въ бенефисъ г-жи Вольманъ. — Комедія изъ оперы и новая пьеса со старыми сюжетомъ. — Статистическіе выводы изъ обзора прошлогодней дѣятельности французской труппы. — Составъ труппы, ея согласіе и усовершенствованіе.

Первые два мѣсяца нынѣшняго года, — послѣдніе прошлогодняго сезона, замѣчательны не столько количествомъ, сколько качествомъ новыхъ и возобновленныхъ пьесъ, игранныхъ въ это время. Ихъ было всего двадцать одна. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой, по порядку ихъ появленія на сценѣ.

Въ бенефисъ г. Мондидье шла *хроника* въ десяти картинахъ: *Молодость Мушкетеровъ* (*La jeunesse des mousquetaires*), взятая изъ известнаго романа Дюма имъ же самимъ. Несмотря на громкое названіе пьесы, это не только не *хроника*, — къ какимъ принадлежать историческія драмы Шекспира, но даже и просто не пьеса, а наборъ отдельныхъ сценъ изъ романа, то идущихъ подрядъ, какъ въ романѣ, то прерывающихся вдругъ въ-продолженіе нѣсколькихъ томовъ, — безо всякой причины, — точно также, какъ безо всякой причины выбирались изъ романа другія сцены для драмы. Есть между этими сценами и занимательныя, есть и утомительныя, но цѣлаго никакъ не поймешь лица, читавшаго романа. Впрочемъ, кто же изъ посѣщающихъ театръ не читалъ этаго романа, хотя бы въ русскомъ переводѣ? Кого не интересуютъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эти Атосы, Портосы, Арамисы, — господа весьма храбрые и почтенные, хотя и несовсѣмъ правдоподобные и возможные. И кто станетъ требовать, въ наше время, правдоподобія романа? Недовольно-ли того, если онъ займетъ насъ на нѣсколько часовъ, дней, или мѣсяцевъ? А если эти мѣсяцы сложатся въ года, и любовь наше не охладѣетъ, если судьба героевъ романа не перестаетъ занимать насъ въ промежутки между важными занятіями и не-

обходимыми развлечениями, — не довольно ли этого для успеха романа, для славы автора? Чего еще въ-правѣ мы требовать отъ писателя: психологическихъ изслѣдованій, анатомическаго анализа свойствъ и страстей челоуѣка?... Но вѣдь чтеніе подобныхъ произведеній тотъ же трудъ, — а развѣ мы и безъ того мало трудимся въ жизни? Люди, понимающіе дѣло, не будутъ требовать отъ романа ничего, кромѣ самаго романа, то-есть выдумки, сказки, невозможнаго. На что намъ возможно? Оно около насъ, подлѣ насъ, въ насъ самихъ, и наскучило намъ именно потому, что возможно. Давайте намъ Монте-Кристо съ его миллионы, Мухкетеровъ... у этихъ, правда, нѣтъ миллионъ, но легко могли бы быть, еслибы они ихъ не пропивали, не проѣдали и не употребляли на другія занятія. И если пріятно встрѣчаться съ подобными героями въ романѣ, то, конечно, еще пріятнѣе видѣть ихъ олицетворенными, живыми на сценѣ. Мы жалѣемъ только, что въ хроникѣ девять картинъ, а не девяносто-девять; что самая незначительная часть подвиговъ мушкетеровъ умѣстилась въ этихъ девяти картинахъ; что авторъ не переложилъ всѣхъ главъ въ явленія, всего романа въ пьесу. Къ сожалѣнію, мы сами видимъ, что это невозможно. Читать можно съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой; смотрѣть и слушать надо напряженно, усилленно, постоянно. Надъ романомъ можно, почитавъ его, уснуть немножко, и проснувшись, опять спокойно приняться за продолженіе.... Можно, конечно, уснуть и въ пьесѣ — что и пробовали, какъ намъ показалось, нѣкоторые лица, вѣроятно не такъ хорошо знавшіе романъ; — но во-первыхъ, отъ сна могъ очень непріятно разбудить вопль какого-нибудь героя, у котораго отравляютъ его возлюбленную, а во-вторыхъ, вздремнувъ хотя на нѣсколько минутъ, можно потерять нить пьесы, безъ того поминутно прерывающуюся, и не понять наконецъ ровно ничего изъ всей этой массы лицъ и происшествій, мѣняющихся передъ вашими глазами съ калейдоскопическою быстротою. Мы на однимъ глазомъ не спали во-время представленія драмы, но еслибы насъ спросили: почему одно явленіе слѣдовало за предшествовавшимъ, зачѣмъ такое-то лицо выходитъ на сцену и о чемъ оно говорить, привнаемся, — этотъ вопросъ поставилъ бы насъ въ большое затрудненіе. Мы не можемъ даже отвѣчать положительно, имѣла ли успѣхъ пьеса и понравилась ли публикѣ. Должно быть понравилась, потому что на масляницѣ ее играли довольно часто.

Водовиль *Обоаженный мужа* (Un mari brûlé), игранный въ этотъ же бенефисъ, принадлежитъ къ числу пьесъ, которыя смотрятся съ удовольствіемъ, хотя и не оставляютъ потомъ никакого впечатлѣнія. Мужъ, обжегши себя лицо, убѣждаетъ отъ своей жены, изъ боязни,

чтобы она не разлюбила его, веди его безобразно; когда же онъ выключается и возвращается, жена не узнаетъ его и не хочетъ вѣрить, что это былъ ее мужъ. Вотъ все содержаніе водевиля, озаглавленнаго такъ, разумеется, благополучно.

Другой новый водевиль, данный въ бенефисъ Вертоте: *Господина котормый никакъ не хочется уйтить* (*Un monsieur qui ne veut pas s'en aller*) исключительно слабъ: это исторія человека, жившагося нанять квартиру въ домѣ, откуда еще не выжили прежніе жильцы и распояганнаго въ этой квартирѣ, несмотря на сопротивление жильцовъ. Остальные вѣсы этого бенефиса были возобновленныя, но до-сихъ-поръ еще правяшіяся и действительно весьма замѣчательныя: это пятнадцатая драма *Шазэ и Милю* (*Chazé et Milou*) и одноактная *Ромма*. Въ первой изъ нихъ, хотя не совсѣмъ согласно съ исторіей, но хорошо очерчены Филиппъ IV, исамаеиш, и его дщерь. Во второй сильно и живо изображены страданія художника, принужденнаго разбить свою статуу, къ которую онъ перелаяетъ всю жизнь.

Въ третій бенефисъ—г-жа Милю—данъ пять новыиъ водевилей; оперъ изъ которой передѣлавъ одинъ изъ этихъ водевилей: *Однаго часа замужества* (*Une heure de mariage*) пять серокъ, весьма небольшие. Давали онъ и на русской сценѣ подъ тѣмъ же названіемъ. Содержаніе ее состоитъ въ томъ, что строгій дядюшка требуетъ, чтобы племянница ее вышла замужъ на одной особѣ, и тотъ просить эту особу согласиться назваться его зятемъ, хотя она уже замужемъ и самъ онъ женатъ. Изъ заблужденія дяди происходятъ множество смѣшнотъ, потому-что изъ прекрасно разыгрываютъ, но черезъ чуръ избитыиъ и устарѣлыиъ по доломению. Другой водевиль этого бенефиса: *Господинъ прилестокъ* (*Monsieur l'aimable*) также весьма пустой. Одна гитлетта дуетъ у себя убѣждая друиъ, и та, въ благодарность, спасаетъ ее отъ одного кокетты, доказавъ ей, что этотъ господинъ волюбился прежде за ней... А еслибы она не знала его, то какъ бы свела свою подругу?..

Третій водевиль, названный первымъ стихомъ извѣстной басни Лафонтена: *Великъ соудъ оказанъ ей разя*, хорошъ потому, что заранее знаетъ его содержаніе изъ самаго названія и единаго дѣйствующаго лица. Два замѣчательныя престыжница живутъ марше; покажутся къ нимъ не приближаться изъ декордант сестра изъ Парима, въ которую они оба влюблены; но она объявляетъ имъ, что уже невѣста, и она успокоивается. Незамысленно и неинтересно.

Четвертый водевиль *La femme avec ses yeux d'or* заключается въ томъ-что: Писемница, чтобы выманить денегъ у двухъ дядюшекъ, пишетъ одному, что женатъ на испанцѣ, другому—на англичанинѣ. Тѣ принимаютъ

ему денег на свадьбу, потомъ на крестины. Онъ собирается просить денег на похороны жены, какъ вдругъ оба дядюшки прѣзжаютъ въ одно время; но племянника выручаетъ изъ бѣды его сосѣдка, олтѣвющаяся попеременно испанкою и англичанкою и выдающая себя за жену племянника. Все это не ново, не правдоподобно но занимательно. Лучшею пьесою бенефиса и вообще однимъ изъ лучшихъ водевилей всего сезона былъ: *Edgard et sa bonne*. Это исторія молодого человѣка, которому поправилась горничная его матери и который поставленъ, въ-слѣдствіе этого заблужденія молодости, въ весьма непріятное и затруднительное положеніе. Жаль только, что авторы водевиля прибавили нѣсколько вовсе ненужныхъ фарсовъ къ этому даже не смѣшному положенію.

Всего въ восемнадцать спектаклей января мѣсяца сыграно было десять новыхъ пьесъ.

Февраль начался бенефисомъ г-жи Мейеръ. Двухъ-актная комедія—водевилъ Баара: *Thérèse ou l'ange et le diable* и трехъ-актная: *Матушкинъ сынокъ* (*Un fils de famille*) этого же писателя принадлежатъ къ послѣднимъ произведеніямъ этого замѣчательнаго водевилиста, умершаго такъ рано для искусства. Начавъ свое драматическое поприще съ сотрудничества Скрибу, Бааръ написалъ и самъ потомъ множество замѣчательныхъ пьесъ, до-сихъ поръ не сходящихъ съ репертуара. Въ каждомъ его произведеніи видно большое знаніе сцены и умѣнье поддерживать интересъ пьесы. Обѣ новыя пьесы его отличаются тѣми же самыми достоинствами. *Тереза*, не новая по идеѣ, выкупается именно мастерски веденнымъ ходомъ дѣйствія. Двѣ сестры, одна честная дѣвушка, другая порочная женщина, живутъ въ разныхъ слояхъ общества и такъ похожи другъ на друга, что дѣвушку всѣ принимаютъ за другую и на нее обрушиваются всѣ несчастія; она теряетъ доброе имя, жениха, и невинность ея обнаруживается только въ концѣ пьесы. Комедія расположена такъ, что обѣ сестры ни разу не встрѣчаются, и нѣтъ играетъ одна актриса. Г-жа Мейеръ прекрасно исполнила эту двойную роль. Немножко холодная въ тѣхъ мѣстахъ, отъ которыхъ требуется сильное и глубокое чувство, она недоображаема въ роляхъ наивныхъ и веселыхъ женщинъ. Напрасно только авторъ окончилъ комедію—трагедію, заставивъ одного изъ ея обожателей убить виновную сестру,—конечно нечаянно. *Матушкинъ сынокъ* тоже очень занимательная исторія одного молодого человѣка, поступившаго, несмотря на свое богатство, простымъ солдатомъ въ военную службу, чтобы искупить шалости молодости. Недостатокъ этой пьесы состоитъ только въ томъ, что она немножко длинна. Въ этотъ же бенефисъ играна была также премьера драматическая послѣдняя остроумнаго *Октава Фелле*, — *Урна*, кото-

ремъ на представляемой въ переводѣ читателямъ въ нынѣшнемъ же номерѣ нашего журнала, — и возобновленный водевилъ: *A la belle étoile*, гдѣ всего два дѣйствующихъ лица, разныхъ половъ, и которымъ приходится, въ слѣдствіе разныхъ приключеній, проводить вмѣстѣ ночь на улицѣ.

Въ бенефисъ нашей первой драматической артистки, г-жи Вольнистъ, шла наконецъ давно ожидаемая драма Эмиля Ожье, лучшаго современнаго французскаго драматурга — *Діана*. На нѣмецкой сценѣ она была еще прежде играна въ переводѣ. Весьма-бы желали мы увидѣть ее и на русской, гдѣ имѣлъ такой успѣхъ *Бенвенуто Челлини*, пьеса, несравненно слабѣйшая. *Діана* — лучшее произведеніе Ожье, послѣ *Авантюристки*, хотя и напоминаетъ нѣсколько известную французскую драму *Marion de Lorme*. Сюжетъ ея основанъ на одномъ изъ заговоровъ противъ кардинала Ришелье и на известномъ эдиктѣ кардинала, запрещающемъ дуэли подъ смертною казнью. Молодой, бѣдный дворянинъ Польде Мирмандъ убиваетъ на поединкѣ маркиза де-Крюа, оскорбившаго его сестру, Діану. Де-Пиеннъ скрываетъ у себя въ домѣ Поля, когда сыщики Ришелье являются взять преступника. Лаффема, вида, что Діана отправилась къ де-Пиенну, заключаетъ, что она пошла на свиданіе съ братомъ. Діана, чтобы спасти брата, говоритъ, что она пришла на свиданіе не къ нему, но къ де-Пиенну. Поль слышитъ это и не принимаетъ жертвы сестры, но выходитъ изъ своего убѣжища. Діана бѣжитъ во дворецъ просить у короля прошенія ея брату, и случайно дѣлается свидѣтельницею разговора Людовика XIII съ Ришелье; изъ этого разговора она узнаетъ всю великую душу кардинала, и видитъ, какъ онъ необходимъ для Франціи. Зная о заговорѣ и любя отечество болѣе всего на свѣтѣ, — она рѣшается предупредить Ришелье, и говоритъ, чтобы онъ не ходилъ на другой день къ герцогу Гастону, гдѣ его должны убить. Ришелье хочетъ полнаго признанія и именъ заговорщиковъ. — Я не могу назвать ихъ, потому-что люблю одного изъ нихъ, — отвѣчаетъ Діана. Видя ея непоколебимость, Ришелье прощаетъ ея брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается узнать тайну Діаны. Подозрѣвая, что она любитъ де-Пиенна, онъ даетъ ему опасное порученіе, и Діана сама угощаетъ его ѣхать. Де-Пиеннъ предлагаетъ ей свою руку передъ отъѣздомъ, — Діана отказывается, говоря, что любитъ другаго. Де-Пиеннъ умираетъ въ отчаяніи, рѣшаясь умереть, тогда какъ Діана, любя его страстно, только потому и отказалась отъ любви его, чтобы спасти его отъ мщенія Ришелье....

Вотъ блѣдный очеркъ этой превосходной драмы, написанной звучными, сильными стихами. Всѣ лица очерчены мастерски: король, кар-

дьяналъ, Лаффера, пылкій, но вѣтряный Поль, благородный де-Шенъ, герцогиня де-Роганъ, гордая и ревнивая женщина, любимая де-Шенна, Грандентъ, заговорщикъ по неволѣ, Парнажонъ, тиня вѣрнаго слуги, и наконецъ, сама Діана, характеръ мужественный, непоколебимый, способный на всѣ жертвы.

Выполненіе этой трудной роли приноситъ честь г-жѣ Вольвилье.

Всѣ остальные артисты также хорошо сыграли свои роли.

Два водевиля, игранные въ этотъ-же бенефисъ: *Два капли воды* (Deux gouttes d'eau) и *Подтяжки Цезаря* (Les bretelles de César) очень забавны. Въ первомъ есть даже хорошая мысль. Довольно вѣтренный супругъ, котораго, кромѣ его домашняго крова и суда, гдѣ онъ исполняетъ должность адвоката, видятъ часто въ разныхъ увеселительныхъ мѣстахъ и на загородныхъ балахъ, увѣряетъ, что въ Парижѣ есть другой человекъ, похожій на него, какъ двѣ капли воды, до того, что онъ самъ удивился, встрѣтись съ нимъ однажды. Жена, конечно, не очень вѣрить существованію этого двойника и убѣдился въ томъ, что мужъ обманывается ее — ставить его въ весьма непріятное положеніе, разсказывая ему, что онъ только-что сейчасъ ушелъ отъ нея, послѣ разговора, въ которомъ былъ очень ласковъ. Мужъ приходитъ въ отчаяніе отъ своей собственной выдумки, и когда узнаетъ, что жена, въ свою очередь, подшутила надъ нимъ, успокаивается, собирается придумать что-нибудь поумнѣе и позамысловатѣе на будущее время. *Подтяжки Цезаря* основаны на разрывѣ двухъ любящихся сердець, послѣ котораго одинъ возвращаетъ другой вышитыя ею подтяжки. Два акта наполнены похождениями этихъ подтяжекъ. Водевилъ много выигралъ-бы, впрочемъ, если бы былъ короче.

Въ бенефисъ — г-жи Плесси — шли двѣ новыя пьесы и одна возобновленная. Последнею былъ старинный, но очень смѣшной водевилъ. *La mère et l'enfant se portent bien*, принадлежащій къ разряду тѣхъ пьесъ, которыя французы называютъ *égrillardes*. Нѣтъ пьесы были также не очень новы: одна изъ нихъ: *Les diamants de la comtesse*, известная опера Скриба и Обера, игранная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, изъ которой выбросили только всю музыку. Сюжетъ пьесы самый омерзительный, неправдоподобный до крайности, но очень замѣлательный. Дѣйствіе происходитъ въ Португаліи, и героиня пьесы въ первомъ актѣ предводительница шайки фальшивыхъ монетчиковъ, во второмъ является подъ видомъ знатной дамы, а въ третьемъ дѣлается чужою персоною, что зритель становится въ тупикъ. Вторая новыя трехъ-актная комедія *Солливанъ*, тоже не совсѣмъ нова. Пьеса, которую лѣтъ тому назадъ, на французской-же сценѣ явилась пьеса *Le comte de...*

Robin, игранная и по-русски въ переводѣ. Въ этой одноактной комедіи извѣстный актеръ Гаррикъ, въ котораго влюбляется молоденькая дѣвушка, видѣвшая его на сценѣ, излечиваетъ ее отъ этой любви тѣмъ, что притворяется скупымъ, пьяницей, дурнымъ человѣкомъ. Въ *Солливанъ* точно тоже содержаніе, съ тою только разницею, что Гаррикъ замѣненъ актеромъ гораздо менѣе извѣстнымъ—Солливаномъ, и пьеса оканчивается тѣмъ, что, не смотря на леченіе актера, влюбившаяся въ него особа все-таки кончаетъ тѣмъ, что выходитъ за него за мужъ. Не смотря на весьма не новое содержаніе, *Солливанъ* веденъ очень хорошо, занимателенъ и очень понравился; въ немъ прекрасно очерчено англійское общество средняго круга.

Кромѣ-того, передъ самой масляницей возобновили старую и умную комедію *Маркиза Сеннетеръ* (La marquise de Senneterre), въ которой извѣстная Маріона де-Лормъ даетъ такіе прекрасные уроки молодой женщинѣ, какъ возвратитъ любовь вѣтреннаго мужа.

Всего въ февралѣ было сыграно одиннадцать новыхъ пьесъ, въ двадцать восемь спектаклей, считая въ этомъ числѣ семь утреннихъ, шесть вечернихъ спектаклей на масляницѣ и два въ посту — для иностранцевъ, втораго и третьяго марта.

Приведемъ теперь нѣсколько статистическихъ выводовъ, въ дополненіе къ обзору дѣятельности нашей французской труппы въ-продолженіе сезона 1852 года.

Начавшись съ 3-го апрѣля 1852 года и окончившись 3-го марта 1853, этотъ сезонъ продолжался, стало-быть, ровно одиннадцать мѣсяцевъ, за исключеніемъ двухъ-недѣльнаго поста въ августѣ. Въ-продолженіе этого времени, въ первый разъ въ прошедшемъ сезонѣ явилось *сто двадцать шесть* пьесъ. Всѣхъ французскихъ спектаклей въ это время было *сто сорокъ четыре*; бенефисовъ было *пятнадцать*; въ нихъ сыграно и возобновлено новыхъ пьесъ *пятьдесятъ одна*. Въ ста двадцати шести пьесахъ всего *двѣсти пятьдесятъ пять* актовъ и эти пьесы, повторявшіеся нѣсколько разъ, были играны *четыреста шестидесятъ семь* разъ въ сто сорокъ четыре спектакля. Составъ труппы былъ слѣдующій:

Актрисы: Плесси, Вольнисъ, Мейеръ, Мила, Мальвина, Лемениль, Пеллетье, Бурде, Варле, Бра, Амели, Шамарандъ, Элиза.

Актеры: Бертоиъ, Лемениль, Верне, Руже, Мондидье, Готти, Давлуи, Дешанъ, Варле, Дюссеръ, Пешена, Люге, Шамарандъ, Аликсъ, Викторъ, Феде, Франсисъ.

Объ удивительномъ согласіи этихъ артистовъ въ исполненіи пьесъ, объ исторической вѣрности костюмовъ, роскоши декораций и монтажи вообще считаемъ излишнимъ говорить. Такихъ труппъ, какъ наша, не много въ Европѣ; дѣятельность ея изумительна. Мы не знаемъ ни одной пьесы, которая когда-нибудь была-бы дурно разыграна на французскомъ театрѣ. Многія изъ нихъ, напротивъ, успѣхомъ своимъ одолжены единственно игрѣ артистовъ, — и если въ послѣднее время на французской сценѣ являлось не такъ много образцовыхъ пьесъ, — виною этому конечно не наша труппа, выбирающая лучшія пьесы изъ репертуара *всѣхъ* французскихъ театровъ. Что-же дѣлать, если часто не изъ чего или не возможно выбрать? Во французскомъ театрѣ отдыхаешь душой; изъ него выходишь часто совершенно довольный, даже тронутый. Три, четыре спектакля въ недѣлѣ даютъ время артистамъ добросовѣстно обдумать пьесы, изучить роли; артисты не считаютъ унизительнымъ занимать самыя ничтожныя роли въ хорошихъ пьесахъ, для совершеннаго ихъ ансамбля. Самымъ лучшимъ доказательствомъ совершенства этой труппы служитъ то, что многіе артисты ея образуются и играютъ лучше съ каждымъ годомъ, приобретаая все болѣе и болѣе любовь публики, какъ напримѣръ, гг. Бертонъ и Дешанъ и г-жа Мальвина.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Нѣмая сиротка Лиза; драма въ 2 дѣйствіяхъ, соч. г. Анца.

Женихъ по ошибкѣ, или за двумя зайцами погонисься, ни одного не поймашь, оперетта въ 1 дѣйствіи.

Дипломатія жены, комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго г. Н. Крестовскимъ.

Жидъ за печатью, шутка въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ польскаго г. Онисомъ.

(Бенефисъ г-жи Самойловой 1).

Сумасшедшій, комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. г. Жемчужникова.

Замужняя невѣста, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Корженевскаго.

Последняя пѣснь лебедя, водевилъ въ 3 дѣйствіяхъ, соч. графа С. Потемкина.

Сцены изъ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ»

(Прощальный бенефисъ г-жи Самойловой 2);

Не въ свои сани не садись, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г. Островскаго.

Гжа Читау и г. Бурдишъ. Двѣютантки.

Прошедшій мѣсяцъ былъ для петербургскаго театра траурнымъ мѣсяцемъ; въ теченіе четырехъ недѣль умерли три артиста, составлявшіе честь и украшеніе нашей сцены. Умеръ Яковъ Григорьевичъ Бранскій, ровно черезъ недѣлю послѣ него умерла Елена Ивановна Гусева, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ нея скончался Василій Андреевичъ Каратыгинъ 4. Въ теченіе этого-же времени сошла со сцены Вѣра Васильевна Самойлова 2-я. Грустно театральному зрѣтелищу приниматься за перо, послѣ столькихъ утратъ, тяжело рассказывать о вымышленныхъ, неоставляющихъ впечатлѣнія драмахъ, послѣ столькихъ дѣйствительныхъ, глубоко-потрясшихъ насъ драмъ. Но читателю нѣтъ дѣла до того, что чувствуетъ подрадившійся рассказывать ему оженіесячно о театральныхъ новостяхъ; читатель хочетъ знать о бенефисѣ госпожи Самойловой 1, о томъ сколько разъ вызвали въ прощальномъ бенефисѣ ея сестру, почему продавались мѣста, много-ли было народу.

* Обо всемъ этомъ подробно рассказано въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ», подъ рубрикою «Общественная жизнь».

Какое дѣло намъ, страдали-ли ты, или нѣтъ?

Зачѣмъ намъ знать твои волненія...

Вы совершенно правы, любезнѣйшій читатель, совершенно правы, и мы не станемъ вамъ разсказывать ни о страданіяхъ нашихъ, ни о волненіяхъ, а повѣдаемъ вамъ о страданіяхъ и волненіяхъ *нѣмой сиротки Лизы*, которыя, разумѣется, должны быть несравненно занимательнѣе и раздирательнѣе. Впрочемъ, мы предвидимъ одно очень важное затрудненіе: страданія *нѣмой сиротки Лизы* принадлежатъ къ разряду драмъ, которыя забываются на другой же день, а мы видѣли ее мѣсяць тому назадъ. Попытаемся, однако-же, припомнить.

Лиза осиротѣла и онѣмѣла въ одно и то-же время; когда она была еще ребенкомъ, какой-то злодѣй убилъ ея родителей; она была свидѣтельницею этого убійства, и лишилась, отъ страха, способности говорить. Потомъ.... Что-же потомъ?... Право не помнимъ хорошенко.... помнимъ только, что въ роли сиротки была очень хороша госпожа Андреева, и что она, то-есть сиротка, или госпожа Андреева, какъ хотите, потому-что въ сущности это одно и то-же, получила подъ конецъ пьесы даръ слова, въ-слѣдствіе сильнаго потрясенія, произведеннаго на нее видомъ убійцы. На насъ, какъ видите, эта драма произвела совершенно противоположное дѣйствіе....

Гораздо лучше помнимъ мы оперетту неизвѣстнаго автора «*Женихъ по ошибкѣ, или за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*». Почему мы помнимъ эту пьеску лучше *Нѣмой сиротки Лизы*, ужъ право не умѣемъ вамъ сказать, но только мы помнимъ ее, и готовы доказать это на дѣлѣ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ полковникъ Свѣтковскій; у него было три сына... виноватъ, двѣ дочери; старшую звали Зиночкой, младшую Наташей. Обѣ онѣ были уже дѣвушки на возрастъ, дѣвушки — невѣсты, и потому полковникъ сталъ помышлять о томъ, какъ-бы ихъ пристроить. Зиночка и Наташа были дѣвушки хорошенкія, приданое было у нихъ также хорошее, слѣдовательно, за женихами дѣло не стало-бы; можно было даже опасаться, что ихъ явится слишкомъ много. Къ счастью, первый представившійся женихъ пришелся полковнику очень по вкусу, и онъ тотчасъ же обѣщалъ ему руку Зиночки, не спросивъ даже ее, согласна-ли она. Впрочемъ, онъ имѣлъ полное право надѣяться, что Зиночка будетъ согласна, потому-что женихъ имѣлъ важный чинъ и хорошее состояніе. Правда, онъ былъ уже не въ первой молодости, даже вовсе не молодъ, скорѣе старъ, но чадолюбивые родители, особенно же въ водевиляхъ, рѣдко обращаютъ на это обстоятельство вниманіе, и считаютъ его ничтожнымъ, когда оно сопровождается туго-набитымъ

карманомъ и болѣе или менѣе значительнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Давъ слово генералу Пермскому, полковникъ призвалъ Зиночку и спросилъ ее, хочеть-ли она замужъ? Вы скажете, пожалуй, что полковникъ немного поздно подумалъ объ этомъ; согласны, но вѣдь вы знаете пословицу: лучше поздно, чѣмъ никогда. Притомъ же на этомъ обстоятельстве основана вся пьеса, и безъ нея мы не имѣли-бы удовольствія рассказывать вамъ исторію о женихѣ по ошибкѣ.

— Такъ скажи-же мнѣ, Зиночка, сказалъ полковникъ Свѣтковскій: хочешь-ли ты за мужъ?

Зиночка покраснѣла, сконфузилась, потупила глазки. — Полно, дурочка, не робѣй, продолжалъ полковникъ, говори прямо, я вѣдь отецъ твой. Ты уже дѣвушка на возрастѣ, я старъ, могу умереть, желалъ-бы пристроить тебя, — и такъ далѣе, все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ *благородными отцами*.

Какъ вы думаете, что отвѣчала Зиночка?

— Хочу папаша, очень, ужасно хочу за мужъ!

Да, такъ-таки и отвѣчала. Васъ это удивляетъ? А между-тѣмъ, это какъ нельзя болѣе похоже. Не говоря уже о томъ, что въ дѣвущкѣ на возрастѣ весьма естественно желаніе выйти за мужъ, обзавестись собственнымъ домкомъ, и такъ далѣе, у Зиночки была и другая, весьма побудительная къ тому причина: Зиночка любила поручика Лескова. Но, спросите вы, что общаго между поручикомъ Лесковымъ и генераломъ Пермскимъ? — Общаго между ними, правда, ничего нѣтъ, но вѣдь полковникъ не сказалъ Зиночкѣ, за кого онъ ее хочеть выдать, а какъ Зиночка, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, рѣшила вѣстись съ Лесковымъ, что онъ будетъ просить у полковника ея руку, то радость и согласіе ея были совершенно естественны: она думала, что дѣло идетъ о Лесковѣ. Каково же было ея разочарованіе, когда она узнала, что отецъ говорилъ о Пермскомъ! Румянецъ и улыбка сбѣжали съ лица бѣдняжки, уступивъ мѣсто блѣдности и двумъ непрощенымъ слезамъ, которыя навернулись на глазахъ ея. Но дѣлать было нечего: робость и стыдъ мѣшали Зиночкѣ открыть отцу всю правду.

Богъ знаетъ, какъ-бы кончилось это дѣло, еслибъ не вѣшалась въ него Наташа, дѣвушка бойкая, рѣзвая и предприимчивая. Наташа выручила сестру свою. Она стала кокетничать съ Пермскимъ, и до того умѣла ему понравиться, что онъ влюбился въ нее по уши, забывъ о Зиночкѣ, и даже рѣшился написать ей письмо, съ самымъ страстнымъ выраженіемъ своихъ чувствъ. Этого только и нужно было Наташѣ. Она назначила Пермскому свиданіе, распорядившись, чтобъ ихъ засталъ отецъ, а когда отецъ пришелъ, она отдала ему, въ присутствіи Зиночки

и Лескова, полученное ею от Периского письмо. Развязку угадать не трудно: Звичка отказала Перискому под тѣмъ предлогомъ, что онъ любитъ Наташу; Наташа также отказала ему, притворившись оскорбленной тѣмъ, что онъ искалъ ея руки, будучи женихомъ сестры. Перискій удалился со стыдомъ, а Лесковъ, какъ вы догадываетесь, женился на Звичкѣ.

Пьеска эта названа на афишѣ опереттой, вѣроятно потому, что г-жа Самойлова 1, играющая роль Наташи, поетъ въ ней нѣсколько куплетовъ, музыка которыхъ аранжирована К. Н. Лядовымъ; но музыка эта чисто водеvilная, давно уже известная публикѣ, и потому гораздо лучше-бы назвала пьеску водевилемъ. Впрочемъ, это вопросъ неважный. Пьеска недурна; она написана, какъ насъ уверяли, женщиной.

Кромѣ этихъ двухъ пьесъ, давали еще, въ бенефисъ госпожи Самойловой 1, «Дипломатію жены» и «Жидъ за печатью»; первая изъ этихъ пьесокъ очень удачная переводка г. Крестовскаго (не беллетриста) изъ миленькой французской комедіи «La diplomatie d'un ménage», знакомой читателямъ «Пантеона» по отчетамъ о французскихъ театрахъ; вторая — очень неудачное заимствованіе г. Оника изъ какой-то польской пьесы, съ которой намъ вовсе не хотѣлось-бы знакомить читателей.

Жидъ вошелъ продавать свои товары въ старый, полуразвалившійся домъ, въ ту самую минуту, когда этотъ домъ заперли и зачѣтали, въ опасеніи, чтобъ онъ на кого-нибудь не обрушился. Единственная дверь, въ которую вошелъ жидъ, сдѣлалась непроходимой, потому-что стѣна, обрушившаяся вслѣдъ за входомъ жидъ, завалила ее кирпичами. Жидъ началъ плакать, *пѣть пѣсни*, звать на помощь; наконецъ его выпустили. Можетъ-быть все это и смѣшно, но только мы, несмотря на все наше желаніе, не могли даже улыбнуться.

Театръ въ бенефисъ госпожи Самойловой 1-й былъ совершенно полонъ.

Промысленный бенефисъ госпожи Самойловой 2, оставившей сцену, состоялъ: изъ комедіи Корженевскаго «Замужняя невѣста», комедіи въ стихахъ г. Жемчужникова «Сумасшедшій», водевиля графа С. Потемкина «Последняя пѣснь Лебеда» и сценъ изъ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ».

О комедіи Корженевскаго мы говорить не будемъ, потому-что она была напечатана въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ «Пантеона».

Новая комедія г. Жемчужникова гораздо лучше первой его комедіи *Странная ночь*; въ основаніи ея лежитъ мысль въ-самомъ-дѣлѣ ко-

ническая, но развитіе этой мысли въ дѣйствіи, такъ-же, какъ и въ *Странной ночи*, грѣшитъ противъ естественности, о чемъ нельзя не пожалѣть, потому-что комедія имѣетъ и другое достоинство: она написана очень хорошими стихами.

У каждаго человѣка есть какая-нибудь любимая мысль, слабая сторона, *конекъ*, и если вы посмотрите на человѣка съ этой слабой стороны, въ ту минуту, когда онъ выѣзжаетъ на своемъ *конькѣ*, человѣкъ вамъ непременно покажется смѣшнымъ и страннымъ. Возьмите ученаго, въ ту минуту, когда онъ вздумаетъ развивать предъ вами свою любимую мысль, въ-особенности-же специалиста, посмотрите на него по-серьознѣе, онъ покажется вамъ мономаномъ, помѣшаннымъ на этой мысли. То-же можно сказать и о людяхъ обыкновенныхъ, людяхъ свѣтскихъ.

У каждаго конекъ есть свой....

На этой-то мысли построилъ г. Жемчужниковъ свою комедію, но избралъ, къ сожалѣнію, для выраженія этой мысли въ дѣйствіи, лицъ, слишкомъ ничтожныхъ въ нравственномъ отношеніи, и не сумѣлъ, сверхъ-того, сдѣлать ихъ естественными и занимательными.

Дѣйствіе происходитъ въ гостиной женщины высшаго общества, графини; это ея день, и потому къ ней съѣзжаются гости. Полковникъ, князь Порѣцкій, влюбленный въ княгиню, открываетъ ей, что одинъ изъ тѣхъ, кто будетъ у нея вечеромъ, сумасшедшій; графиня наблюдаетъ, въ-слѣдствіе этого, за каждымъ изъ своихъ гостей по очереди, и все они, поочередно, кажутся ей сумасшедшими. Но въ заключеніи открывается, что Порѣцкій назвалъ сумасшедшимъ Волунина, копію съ Чацкого, господина, озлобленнаго на людей и свѣтъ за его пороки и положившаго цѣлю своей жизни преслѣдовать ихъ словомъ и дѣломъ. Такой господинъ можетъ дѣйствительно показаться сумасшедшимъ, но и прочія лица комедіи показались намъ такими-же, чего никакъ бы не должно быть.

Одинъ изъ нихъ, баронъ Blumenбахъ, помѣшанный на своихъ поведеніяхъ надъ женщинами, выражается слѣдующимъ образомъ:

Жизнь моя летитъ, какъ сонъ,
Исполненный сердечныхъ приключеній....
Вездѣ мнѣ слышатся признанья и мольбы,
Вездѣ разставлены мнѣ сѣти искушеній.

ГРАФИНЯ.

Вы правы. Вамъ нельзя не обвинять судьбы,
И на нее, баронъ, сердиты вы за дѣло.

БАРОНЪ.

Нѣтъ, не шутя, мнѣ жизнь такая надоѣла.
Отъ женщинъ нѣтъ свободы ни на мигъ!

Мнѣ кажется, по мнѣнию ихъ,
 Мои способности такъ низки,
 Что созданы для одной я съ ними переписки!
 Я утро каждое, едва глаза открывъ,
 Читаю письма.... что-жь? вѣдь отвѣчать обязанъ....
 Ну, словомъ, по рукамъ и по ногамъ я связанъ!
 (Вынимаетъ изъ кармана письмо).
 Сейчасъ я получилъ отвѣтъ на мой разрывъ.
 (Обращаясь къ графинѣ и къ Волунинѣ).
 Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было.
 (Показываетъ письмо).

Слезъ больше, нежели чернила!
 Прислали не письмо, а носовой платокъ!
 Все заученое! упрёки, клятвы тѣ-же....
 (Вынимаетъ цвѣтокъ изъ кармана).
 А вотъ вамъ свѣженькій цвѣтокъ изъ ручки свѣжей
 Дѣвицы свѣженькой, свѣжѣе чѣмъ цвѣтокъ!
 (Графинѣ).

Вы эту знаете дѣвицу.
 Онъ стоитъ, чтобъ заткнуть его въ петлицу.
 (Затываетъ цвѣтокъ въ петлицу и встаетъ).
 Мнѣ очень жаль ее. На ней я не женюсь...
 Жениться я всегда боялся и боюсь!
 Зато охотницы до титула баронессы
 Произвели меня въ опасные повѣсы,
 Въ угодность маменькамъ и тетушкамъ своимъ...
 (На лестницѣ слышенъ звонокъ).
 Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было.

А вотъ графъ Касимовъ, помѣшанный на англоманіи; онъ вездѣ
 ищетъ себѣ рыжаго кучера, я зная, что Волунинъ только-что возвра-
 тился изъ поѣздокъ по Россіи, обращается къ нему съ вопросомъ:

Видали-ль вы вблизи, или хоть издалека
 Рыжеволосаго, большаго мужика,
 Лѣтъ двадцати пяти, худаго, съ длиннымъ носомъ,
 Который съ виду глупъ, неловокъ и лѣнивъ,
 А въ обращеніи грубъ, суровъ и молчаливъ?

ВОЛУНИНЪ, смотря на него съ удивленіемъ.

Не помню. Можетъ-быть.

ГР. КАСИМОВЪ.

Не правда! Быть не можетъ!
 Простите мнѣ, я неучтивъ....
 Но это фактъ! и онъ давно меня тревожить.
 Такихъ не встрѣтите у насъ, ручаюсь я!
 Россія, слова нѣтъ, богата и пространна,
 Но я вездѣ искалъ, нигдѣ найти нельзя! и т. д.

Третій изъ гостей графини помѣшанъ на желудкѣ, четвертый на
 французскихъ маркизахъ, пятый только смѣется и ничего не говоритъ.
 Согласитесь, что можно было бы выбрать характеры немного посерьез-
 нѣе, а эти всѣ господа, съ позволенія вашего, просто глупы.

Комедія г. Жемчужникова была отлично разыграна лучшими арти-
 стами нашей труппы, но имѣла весьма незначительный успѣхъ, потому

что, кромѣ упомянутыхъ нами недостатковъ, она имѣетъ еще одинъ, очень важный и общій всѣмъ, такъ называемымъ *салоннымъ пьесамъ*, введеннымъ въ моду пословицами Альфреда де-Мюссе: въ ней нѣтъ дѣйствія, и все, что желалъ выразить авторъ, выражается монологами дѣйствующихъ лицъ. Даже самые характеры этихъ лицъ, какъ бы могли замѣтить изъ сдѣланныхъ нами выписокъ, дѣлаются понятными изъ того, что лица говорятъ сами о себѣ, а не изъ дѣйствія.

Изъ «Марин Стюартъ» г-жа Самойлова 2-я выбрала сцену свиданія съ Елизаветою, и сыграла ее довольно славно.

О водевилѣ графа Потемкина мы просимъ позволенія не говорить, изъ уваженія къ имени автора и къ его вполне достойному похвалы настренію. Мы смотримъ на его пьесу, какъ на любезность бенефицианткѣ, какъ на желаніе привлечь въ театръ нѣсколько лишнихъ зрителей. Онъ вполне успѣлъ въ этомъ, потому что театръ былъ полонъ сверху до низу, несмотря на то, что цѣны нѣстажъ были баснословныя. Бель-этажъ продавался по 50 рублей серебромъ, первый рядъ креселъ по 25, послѣдній по 5 и т. д.

Бенефициантку вызвали, по окончаніи спектакля, болѣе двадцати разъ.

И такъ, г-жа Самойлова 2-я сошла со сцены — потеря чувствительная, особенно въ настоящее время, когда русскій театръ лишился трехъ первокласныхъ артистовъ. Г-жа Самойлова была актриса даровитая, умная, добросовѣстная. Драма и комедія, въ-особенности же такъ называемыя салонныя пьесы, многого въ ней лишились. Мы не всегда бывали согласны съ г-жою Самойловой въ возрѣніи на роли, не разъ высказывали ей откровенно наше мнѣніе на этотъ счетъ, но всегда уважали въ ней даровитую артистку, и считаемъ долгомъ поблагодарить ее здѣсь, въ послѣдній разъ, за многія минуты наслажденія, которыя часто доставляла намъ ея игра.

Какъ въ природѣ мы встрѣчаемъ очень часто рядомъ съ ядомъ противудіе, такъ и въ жизни за печалью часто слѣдуетъ радость, за утратой — вознагражденіе. Многого лишились мы въ-теченіе прошедшаго мѣсяца, но вознагражденіе уже началось. Мы убѣдились недавно, что одна изъ нашихъ молодыхъ артистокъ, на которую мы, впрочемъ, не разъ обращали вниманіе читателей, обладаетъ первостепеннымъ дарованіемъ, которому недостаетъ только нѣсколькихъ достойныхъ его ролей, чтобъ явиться во всемъ блескѣ своемъ. Мы говоримъ о госпожѣ Читау, сыгравшей недавно съ замѣчательнымъ искусствомъ очень трудную роль, въ новой комедіи А. Н. Островскаго «Не въ свои са-ди не садись». Г-жа Читау показала въ этой роли столько художественнаго такта, столько неподдѣльнаго чувства, что мы, точно

танъ же, какъ и публика, были въ восторгѣ. Рѣдко случалось найтъ роль, исполненную съ такою отчетливостію и полнотою. Мы не можемъ сдѣлать за нее госпожѣ Читау рѣшительно ни одного серьезнаго упрёка, и отъ всего сердца благодаримъ ее.

Самая комедія г. Островскаго явленіе въ высшей степени отрадное; она далеко оставляетъ за собою все видѣнное нами въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вѣрность и выдержанность характеровъ, истерское изложеніе, ни на минуту не ослабляющій интересъ дѣйствія, и при всемъ этомъ необыкновенная простота и безыскусственность, какъ въ изложеніи, такъ и въ дѣйствіи, ставятъ эту комедію на ряду съ лучшими произведеніями нашей литературы. Мы посвятимъ ей въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Пантеона» отдѣльную критическую статью. Комедія имѣла большой успѣхъ и выдержала, въ теченіе десяти или двѣнадцати дней, семь представленій, на которыя трудно было доставать билеты.

Для развитія сценическихъ талантовъ необходимы хорошія пьесы; это мы говорили не разъ, и теперь видимъ подтвержденіе словъ нашихъ. Комедія г. Островскаго выдвинула впередъ не одну госпожу Читау, она дала случай еще одному молодому артисту, г. Бурдину, показать публикѣ свое дарованіе. До-сихъ-поръ г. Бурдинъ оставался въ тѣни, хотя игралъ иногда очень недурно, и часто замѣщалъ, въ случаѣ болѣзни, первыхъ нашихъ артистовъ; роль князя Бородинна, человека наружно-смѣшнаго, но въ сущности благороднаго и цылкаго, сыгранная имъ очень отчетливо, вѣрно и съ увлеченіемъ, обратила на него вниманіе публики, и дастъ ему, мы надѣемся, средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Вообще комедія г. Островскаго была разыграна на нашей сценѣ дружно и согласно, хотя нѣкоторыя роли были, по нашему мнѣнію, исполнены не вполне отчетливо. Мы поговоримъ обо всемъ этомъ подробно въ обѣщанной нами статьѣ.

Было два дебюта: г-жи Ленской, дочери извѣстнаго водевиляста и московскаго актера, и г-жи Румянцовой, воспитанницы театральнаго училища. Г-жа Ленская, дебютировавшая въ «Материнскомъ благословеніи», показала дарованіе и много сценическаго такту; но она еще очень молода, физическія средства ея, какъ, напримѣръ, голосъ, не достигли еще полнаго своего развитія, и потому мы совѣтовали бы ей не торопиться играть большія драматическія роли, а начать съ такихъ, которыя не требуютъ отъ актрисы большихъ физическихъ средствъ.

Г-жа Румянцова дебютировала въ двухъ водевиляхъ: «Нежная» и «Взаимное обученіе». Мы, пока, ничего еще не можемъ сказать о ней.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о *Севастопольскаго театра*.—Г. Жураховскій и его старіе сотрудники: г-жа Шульдъ, г. Лебедевъ, Алексѣевъ, Зубовичъ и Струковъ. — *Кишиневскіе театры*: Труппы гг. Соколова и Прункула. Актеры и актрисы. — *Кіевскіе театры*: Труппы гг. Федецаго и Морисъ-Пюнь. — Артисты польскіе и русскіе. — *Харьковскій театр*. Артисты: г-жи Федорова, Миккульская, Червинская и Пронская, и гг. Алексѣевъ, Львовъ, Виноградовъ, Пронскій и Михайловъ. — *Курскій театр*: Труппа г. Вощенко-Захарченко.—Появленіе гг. Живокини и г. Орлова.—Антрепренеръ Малъевъ.— Паденіе театра. *Театръ въ Костромѣ*.

Между множествомъ газетныхъ новостей, въ послѣднее время, мы вычитали одну интересную — для нашего отдѣла. Изъ нея мы узнаемъ, что г. Жураховскій съ труппою своею пріѣхалъ; на время, въ Севастополь. Это навело насъ на мысль познакомить нѣсколько нашихъ читателей съ г. Жураховскимъ, старымъ и опытнымъ антрепренеромъ, который, съ незапамятныхъ временъ, въ южныхъ губерніяхъ Россіи, дѣлалъ свои сценическіе успѣхи вмѣстѣ съ г. Зелинскимъ, антрепренеромъ Ставропольскаго театра... Тотъ и другой вполнѣ труженики и любители своего дѣла; они малю, или почти — незнакомы большинству читателей, слѣдящихъ усердно за успѣхами провинціальной сцены.

Первымъ основателемъ провинціального театра и первымъ антрепренеромъ въ Россіи — былъ, когда-то, Штейнъ. «Труппа его, говоритъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, кочевала отъ Нижняго до Херсони, и вездѣ была принимаема съ радушіемъ и истиннымъ удовольствіемъ. Въ этой труппѣ актеры служили *постоянно* * и вѣрно своему *содержателю*. — Штейнъ весьма нерѣдко выколачивалъ платъе на своихъ сюжетахъ, давалъ имъ, въ то же время, уроки хореграфіи и драматическаго искусства.... И теперь, что есть лучшаго въ провинціи—все это изъ расседника школы Штейна».

* Провинціальные артисты не улавляютъ на одномъ мѣстѣ — это перелетныя птицы.

Немного осталось послѣднихъ: иные одряхлѣли и отжили свое время, другіе умерли, а третьи далеко ушли впередъ отъ своихъ собратьевъ, и не хотятъ вспомнить ни ихъ, ни почтеннаго Штейна.... не назовемъ этихъ счастливицевъ!

Преемниками дѣятельности Штейна и образователями провинціальныхъ труппъ могутъ назваться гг. Жураховскій и Зелинскій.... До сихъ-поръ мы еще такъ мало любимъ исторію нашихъ провинціальныхъ театровъ, что много говоря о настоящемъ (не интересномъ впрочемъ), ничего не сказали о прошедшемъ**.... и именно никто изъ нашихъ почтенныхъ корреспондентовъ не занялся о трудахъ и дѣятельности двухъ нами поименованныхъ лицъ.

Скажемъ, что знаемъ объ одномъ изъ нихъ.

Г. Жураховскій, какъ купецъ, душою и тѣломъ принадлежалъ когда-то славнымъ Ромнамъ, какъ артистъ—Севастополю. Всѣмъ извѣстно, что въ названномъ нами городѣ потребность къ удовольствіямъ и наслажденіямъ гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ уголкѣ Россіи. Обитатели древнаго Ахтіара, въ обиліи служебной дѣятельности, небогаты минутами, которыя могутъ посвятить отдохновенію и удовольствіямъ, а потому, дорожатъ этими немногими минутами, и рады нечастымъ развлеченіямъ. И должно сказать кстати, что въ рѣдкомъ городѣ провинціальный артистъ найдетъ столько образованныхъ и опытныхъ дѣятелей искусства, какъ въ Севастополѣ. Здѣсь большинство публики составляютъ русскіе моряки, люди болѣе или менѣе съ образованіемъ европейскимъ, всѣ знакомые съ столичными сценами, а нѣкоторые и съ заграничными, особенно съ театрами Венеціи и Триеста. Стало-быть, здѣсь плохая посредственность не назовется гениемъ, и провинціальный гений не избадется отъ лишнихъ похвалъ....

Севастополь посѣщали труппы Зелинскаго, Мочалова, Рекаловскаго, Полони и другихъ. Всѣ они являлись и исчезали незамѣченными, непризнанными, не повѣтными ни плющемъ, ни лавромъ. Одна только труппа Зелинскаго пользовалась заслуженнымъ вниманіемъ публики, потому-что и самъ антрепренеръ ея человекъ съ большимъ знаніемъ своего дѣла, и помощники его почти всѣ безъ исключенія принадлежали къ числу провинціальныхъ знаменитостей. Такъ-напримѣръ: дочери содержателя, потомъ г. Рыбаковъ, Алексѣевъ, Соленикъ и другіе. Но въ тѣ минувшія времена Севастополь, имѣя актеровъ, можно-сказать, не имѣлъ театра. Послѣдній помѣщался гдѣ-то въ Артиллерійской слободкѣ, за гранью базара,

** Усердно просимъ нашихъ почтенныхъ корреспондентовъ, по возможности, подѣлиться съ редакціею свѣдѣніями, какія имъ извѣстны и которыя касаются исторіи провинціальныхъ театровъ.

въ неказистой и темной мазанкѣ, тѣсной до того, что г. Полоин, чрезвычайно размашистый декламаторъ, первый трагикъ въ комическихъ роляхъ и первый комикъ въ драмѣ, невольно забылъ здѣсь свою милую привычку раскидывать руками....

Съ появленіемъ г. Жураховскаго Севастополь обзавелся и театральнымъ зданіемъ. Человѣкъ ловкій, коммерческій, любезный съ каждымъ, услужливый для всѣхъ, г. Жураховскій съ перваго шага къ своимъ предпріятіямъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ истинныхъ любителей искусства встрѣтилъ добрыхъ друзей.... При ихъ матеріальной помощи онъ успѣлъ выстроить театральное зданіе, которое нынѣ помѣщается между бульваромъ и обрывомъ надъ дорогою, идущею въ обрѣзъ правымъ берегомъ южной бухты. Немногіе провинціальныя города наши имѣютъ такое удобное и чистенькое театральное зданіе, какъ Севастополь. Театръ Жураховскаго имѣетъ два яруса ложъ, до сотни стульевъ, галерею для разночинцевъ и довольно обширную сцену съ двумя уборными. Кромѣ-того въ немъ нѣсколько комнатъ служатъ помѣщеніемъ для артистовъ, двѣ для буфета и одна для билліарда. Наглядно г. Жураховскій небогатъ костюмами. Въ его уборной встрѣтятся до пяти париковъ, изъ шерсти крымскихъ иноходцевъ, — на полякахъ два крѣпко подпоясанныхъ пейзажа изъ коленкора, да четыре, если не три, французскихъ камзола, отъ которыхъ отказался-бы каждый блузникъ, на томъ основаніи, что всѣ эти камзолы весьма наивно напекиваютъ кое-гдѣ урѣзанные, кое-гдѣ украшенные блестками свитки херсонскихъ чумаковъ.... Но мы уже сказали, что г. Жураховскій человѣкъ коммерческій, человѣкъ разчета... Въ его сумдукахъ, но не въ уборной, хранится порядочный запасъ мишуры, шелка и даже бархата, въ которыхъ онъ наряжаетъ или себя, или артистовъ заслуженныхъ, перваго амплуа, и тѣхъ въ особенности, которые не имѣютъ обыкновенія уснуть въ костюмѣ послѣ спектакля... Такихъ немного, и г. Жураховскій находитъ, и весьма справедливо, что коленкоръ терпѣливѣе бархата!

Лѣтъ восемь или болѣе, какъ г. Жураховскій остается единственнымъ антрепренеромъ севастопольскаго театра, и въ-продолженіе этого времени у него переслужили почти всѣ замѣчательные артисты провинціи.... Изъ первыхъ, послѣ *первыхъ*, въ этой труппѣ, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, были гг. Лебедевъ, Зубовичъ, г-жа Шульцъ, Алексѣевъ, Струковъ и.... но всѣхъ не помню. Скажемъ нѣсколько словъ о пяти нами названныхъ артистахъ, тѣмъ болѣе охотно, что о нихъ, если исключить г. Зубовича, еще никто не отозвался, да кажется и самое имя ихъ провинціальная Мельпомена спрятала въ мѣшокъ забвенія.

Г. Лебедєвъ, молодой человекъ, курскій уроженецъ, когда-то студентъ медицины, человекъ съ душою, съ умомъ и съ большою страстью къ театру, обладалъ большимъ драматическимъ талантомъ. У старожиловъ Севастополя должно остаться на памяти исполненіе имъ нѣкоторыхъ ролей изъ драмъ Н. В. Кукольника. Этотъ артистъ, ученикъ покойнаго Мочалова (московского), шелъ постоянно его дорогою на поприщѣ искусства. Къ чему не лежала его душа, гдѣ не воспринимала она — тамъ онъ являлся самою плохою посредственностію, но если роль требовала одушевленія, если эта роль затрогивала его сердце — онъ былъ поразительно отчетливъ и хорошъ.... Любимою его ролью была роль Проккопа Ляпунова, въ пьесѣ «Скопинъ Шуйскій». Въ ней онъ являлся артистомъ, обладавшимъ изумительнымъ постиженіемъ драмы... Особенно въ сценѣ, когда онъ приносятъ отравленнаго Скопина, и потомъ, когда Екатерина подъ ножомъ Ляпунова пьетъ отраву.... Не рожденный для водевиля, онъ и въ немъ, нерѣдко и по необходимости, удачно и добросовѣстно выполнялъ комическія роли.... О г. Алексѣевѣ*, какъ о хорошемъ исполнителѣ — сказать нечего, но какъ о полезномъ сотрудникѣ г. Жураховскаго должно сказать многое. Не обладавъ дарованіемъ первокласснымъ, даже не выходя изъ колен посредственности, по таланту, этотъ актеръ прекрасно зналъ сцену, и потому въ труппѣ былъ постояннымъ режиссеромъ, готовымъ не сходить со сцены ни днемъ, ни ночью, замѣняя больныхъ и *скоропомстижно* захворавшихъ товарищей.... Въ цѣломъ репертуарѣ водевилей, комедій, драмъ и даже оперъ, нельзя отыскать роли, которой-бы когда-нибудь не исполнялъ г. Алексѣевъ... Въ-послѣдствіи его замѣнилъ Струковъ, перейдя съ симферопольской сцены на севастопольскую. Въ немъ было болѣе сценическихъ данныхъ, нежели въ г. Алексѣевѣ, но онъ имѣлъ право только на ремесло актера, которому нужна указка и руководитель, и потому въ г. Струковѣ севастопольская сцена пріобрѣла только невзрачнаго комика, но не режиссера.... Дѣла пошли хуже!

Рѣдко встрѣчаются артистки до такой степени полезныя, талантливыя и разнообразныя въ своихъ амплуа, какова была г-жа Шульцъ. Такая актриса въ небольшой провинціальной труппѣ кладъ, сокровище! Въ-продолженіе одного вечера, г-жа Шульцъ, уже немолодая женщина, часто являлась въ четырехъ совершенно разнохарактерныхъ роляхъ, вездѣ и во всемъ оставаясь удовлетворительною. Послѣ удачно выполнен-

* Просить не смѣшивать съ нимъ его однофамильца, единственнаго комика провинціальной сцены, который нынѣ, кажется, въ Харьковѣ.

ной роли Ангелики въ «Уголино», она такъ же удачно выполняла роль палуши Лизы въ «Лисичкинѣ».

О Зубовичѣ мы уже высказали свое мнѣніе. (Пантеонъ № 11, ноябрь 1852 года). Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ г-нѣ Жураховскомъ.

Какъ актеръ, г-нъ Жураховскій не оставитъ потомству своего бюста, повѣстаго лавромъ. Имѣя талантъ на нѣкоторыя комическія роли, онъ много теряетъ въ глазахъ зрителя своею принужденною манерою, апатическою дикціею и произношеніемъ, по которому нельзя не признать, что родина г. Жураховскаго Полтава.... Еще страннѣе встрѣтить этого актера въ драмѣ и въ роли юноши или молодого человѣка, а онъ нѣрѣдко является въ нихъ, разумѣется, не по страсти къ пьесѣ и роли, но потому, что это часто бываетъ неизбѣжно. За то немного, если только не двое, гг. Микульскій и Дрейсихъ, найдется по плечу г. Жураховскому въ роляхъ, которыми обрисованъ характеръ Малороссіянина... Въ этихъ роляхъ г-нъ Жураховскій артистически хорошъ!

Какъ антрепренеръ и содержатель театра, онъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Его умѣнье выбрать актера *недорогаго*, но хорошаго, можетъ служить наукою для многихъ. Дѣятельный, запасливый и расчетливый, онъ всегда готовъ со своими сотрудниками переключать на время въ другой городъ, рѣдко оставляя Севастополь совершенно безъ артистовъ. Онъ успѣваетъ явиться и въ Вознесенскѣ, бывалъ и въ Херсонѣ, и прежде всѣхъ почти постоянно кончить дѣла съ хозяйкою елисаветградскаго театральнаго зданія, и явится туда на время смотровъ и гб-та.... Но обратимся къ послѣднимъ новостямъ.

Мы уже говорили, что Кіевъ, Кишеневъ и Полтава имѣютъ по два театра и по двѣ труппы. Теперь, имѣя изъ первыхъ двухъ городовъ болѣе обширныя и положительныя свѣдѣнія, передаемъ ихъ нашимъ читателямъ.

КИШЕНЕВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ былыя времена, для странствующей Мельпомены отводилось въ г. Кишеневѣ помѣщеніе гдѣ-нибудь и какое-нибудь; часто богиня театра воевала у насъ въ сквозныхъ шалашахъ, и еще чаще чахла въ сырыхъ подвалахъ. Первымъ устройствомъ сколько-нибудь приличнаго театральнаго зданія Кишеневъ обязанъ князю Гагарину. Съ этого времени, можно сказать, начинается исторія кишевскаго театра и постоянное пре-

бываніе въ городѣ русской труппы, которой содержателемъ почти все время оставался предприимчивый, понимающій свое дѣло, антрепренеръ г. Соколовъ. О немъ издавна отзывались, не рѣдко и печатно, какъ объ умномъ режиссерѣ и хорошихъ артистѣ.

Г. Соколовъ, въ—продолженіе трехъ лѣтъ не оставлялъ Кишинева. Совершенно преданный своему дѣлу, а въ тоже время и обладая дальновидностію, онъ на заработанный имъ трудовой капиталъ выстроилъ въ городѣ новый театръ, далеко превосходящій, по удобству и красотѣ, старый. Последний, въ свою очередь, несмотря на его ветхость, потоки грязи на стѣнахъ и кривой потолокъ, обещающій когда-нибудь рухнуть на контробасы — не остался. Нашелся человекъ, который кое—какъ исправилъ руины древняго Коллизея и сталъ потѣшать въ немъ публику. Такимъ—образомъ, въ Кишиневѣ теперь два театра: старый состоитъ подъ управленіемъ мѣстнаго жителя Прункула, а новый, подъ управленіемъ Соколова. Въ старомъ, доживающемъ свою годовщину, обращаетъ на себя вниманіе г—жа Кравченкова. Мягкость голоса, непринужденность игры, благородныя манеры и наконецъ, не послѣднее достоинство въ артистѣ, стройный ростъ, пріятная наружность и честное прозваніе сдѣлали ее любимицею публики. И нельзя не сознаться, что подобной драматической артистки въ Кишиневѣ никогда не бывало. Кто видѣлъ ея игру, тотъ безусловно согласится съ мнѣніемъ кишиневской публики, что г—жа Кравченкова истинно сокровище для этой сцены.

Г—нъ и г—жа Бобровы въ составѣ этой труппы занимаютъ также первое мѣсто. Г—нъ Бобровъ—какъ прекрасный комикъ, а г—жа Боброва какъ миленькая актриса, исполняющая роли молоденькихъ, наивныхъ дѣвушекъ. Въ водевилѣ никто лучше ея не поетъ куплетовъ. Голосъ ея свѣжъ, чистъ и звученъ; каждый выходъ г—жи Бобровой встрѣчается шумнымъ аплодисментомъ. Г—жа Протасова 1—я въ роляхъ старухъ весьма натуральна. Ей знакомы почти всѣ провинціальныя сцены, и вездѣ она играла съ большимъ успѣхомъ. Г. Леоновъ, бывший когда—то на роляхъ молодыхъ людей, прежде живой, полный энергіи, развязный г. Леоновъ теперь кажется вялымъ, безжизненнымъ. Еще можно не безъ удовольствія видѣть его въ нѣкоторыхъ драмахъ. Г. Протасовъ, конечно, не безъ дарованій и опытности, но большой охотникъ до фарса, особенно въ роляхъ простаковъ—гдѣ эти фарсы переходятъ за предѣлы комизма и становятся черезъ чуръ приторны. О немъ же, какъ о режиссерѣ труппы, мы должны замѣтить, что многіе изъ сюжетовъ часто бывають на ша своихъ мѣстахъ, между—тѣмъ, какъ въ болѣе эффектныхъ роляхъ мы видимъ самаго г. режиссера. Объ остальныхъ актергахъ и актрисахъ,

нать-те : о г-жахъ Левинкой, Михайловой 2-й и о гг. Дмитріевъ, Пошиновъ, Козобродкомъ, мы когда-нибудь поговоримъ отъ скуки. Впрочемъ, долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что эти актеры не такого рода персонажи, которые уже вовсе для сцены не годятся. Къ этому роду театральныхъ сюжетовъ принадлежитъ только одна Протасова почти безталантная и въ драмѣ, и въ комедіи, и въ водевилѣ, и какъ фигурантка, и какъ статистка. Она постоянно играетъ въ роляхъ самыхъ важныхъ съ кокетливыми манерами, съ фальшивымъ голосомъ и даже съ обыкновеннымъ нвогда незнаемъ и самой роли. Объ этомъ театрѣ мы должны замѣтить еще одно и весьма важное недлжерство. Здѣсь играть нбсы съ мѣньшими или большими пропусками, смотря по количеству посѣтителей. Напримеръ: недавно давали Эсмеральду, и такъ-какъ было мало зрителей, то «четыре рода любви», изъ любви къ быстротѣ, были превращены въ Тришкинъ кафтанъ. Музыка стараго театра весьма плоха. Арии и куплеты всегда поются въ диссонансъ съ музыкой. Въ антрактахъ трагедій и водевилей вѣчно слышится марша или старый вальсъ и полька. Далѣе, къ недостаткамъ стараго театра должно отнести: 1) уничтоженіе прежде бывшаго фойе, въ которомъ было, при г. Соколовѣ, все такъ чисто и опрятно, причемъ посѣтитель могъ пользоваться нѣкоторыми журналами и періодическими изданіями, и 2) наглухо забыты всѣ прежде бывшіе выходы изъ театра, кромя однихъ главныхъ, а это заставляетъ зрителей, выходящихъ изъ галлерей, ложъ и кресель, представлять картину толкачаго рынка... Сказавъ нѣчто о старомъ, обратимся къ новому театру, въ составѣ труппы котораго занимаютъ первое мѣсто г-нъ и г-жа Михайловы. Эти даровитые сюжеты, старые друзья Кишенева и давно не расстаются съ Кишеневымъ. Особенно хорошъ г-нъ Михайловъ въ малоросійскихъ роляхъ; а г-жа Михайлова въ драмѣ истинно прекрасна. Дѣвицы Эльстраки, 1-я и 2-я, хорошія пѣвицы, но дурно владѣютъ русскимъ языкомъ... Г-жа Людвигъ, послѣ бенефисныхъ букетовъ и стюловъ, постоянно доказываетъ игрой своей, что оцѣнила эти поощренія, и теперь съ каждымъ спектаклемъ она видимо идетъ впередъ. Г-нъ Громовъ извѣстенъ не одному Кишеневу, какъ драматическій артистъ и какъ переводчикъ драматическихъ пьесъ съ польскаго. Г-нъ Соболевъ (недавно прибывшій), при первомъ спектаклѣ, въ роли «Ляпунова», былъ болѣе, чѣмъ хорошъ. Г. Сливскій, недавно появившійся на сценѣ новаго театра, успѣлъ уже понравиться публикѣ; талантъ его разнообразенъ, усердія много. Что же касается до гг. Охотникова, Григорьева, Звѣздочкина, то объ нихъ повторимъ то самое, что сказали о театральной мебели стараго театра. Конечно

намъ бы слѣдовало указать и на игру г. Соколова, но на него не поднимается рука! Почтенный труженикъ искусства въ послѣднее время почти совершенно потерялъ зрѣніе, а съ этой печальной утратой, и ощущенья на сценѣ—уйти далеко нельзя. Оркестръ новаго театра сформированъ довольно хорошо. Дирижеръ его, г. Ляхеръ, даровитый музыкантъ и знатокъ своего дѣла; при этомъ считаемъ не излишнимъ замѣтить, что въ нашемъ новомъ театрѣ костюмы всѣ безъ исключенія очень стары. Желательно, чтобы г. Соколовъ замѣнилъ эту печальную ветость чѣмъ-нибудь поприличнѣе. Декораціи таковыя же, какъ костюмы. Театръ освѣщается ни лучше, ни хуже, какъ всѣ таверны Лондонскихъ Тайнъ и Подземелья Радаклифъ. Заключимъ наше краткое сказаніе о кишеневскихъ театрахъ немногими словами, которые вполне выражаютъ желаніе большинства кишеневской публики. Два театра не улучшаютъ и не увеличиваютъ нашихъ сценическихъ удовольствій, которыя несомнѣнно могутъ увеличиться тогда только, когда обѣ труппы г. Соколова и г. Прункула соединятся вмѣстѣ... Успѣхъ отъ этого дѣла очевиденъ: у г. Соколова есть *умъ*, а у Прункула *мѣтъве*... Чего не слѣдуетъ практическій умъ съ деньгами.

И. ГИРВАНОВСКІЙ.

КИЕВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ Кіевѣ также два театра, и замѣтите, что — оба временныя, первый, въ Липкахъ, въ домѣ генерала Бѣлоградскаго, подъ управленіемъ К. Федецаго, (контрактъ заключенъ на три года), другой, на Подолѣ, подъ управленіемъ бывшаго директора варшавскаго балета, г. Мориса-Піонъ (по контракту на шесть лѣтъ). Такъ-какъ труппа г. Мориса-Піонъ еще не давала своихъ представленій, а только намѣрена начать съ открытіемъ контрактовъ, то мы и сообщимъ о нихъ при первой возможности. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о театрѣ въ Липкахъ. Помѣщеніе этого театра уже чрезъчуръ миниатюрное, оно состоитъ: изъ 96-ти креселъ 17-ти ложъ и партера; полный сборъ простирается не свыше 150 рублей серебромъ, а съ такими доходами далеко не увидешь! Спектакли состоятъ изъ польскихъ и русскихъ одноактныхъ водевилей, а иногда и изъ пяти-актной комедій, напримѣръ, «Ревизоръ» — Гоголя... Трудно и грустно вспомнить объ исполненіи этой пьесы труппою Федецаго, и мы рѣшительно не вызывали бы минушаго, еслибъ роль Хлестакова исполнялъ кто-нибудь другой, а не любимецъ харьковской публики — г. Зубовичъ, который былъ хорошъ, безъ

никакого упрека... О другихъ исполнителяхъ молчимъ; плохихъ и бездарныхъ артистовъ вездѣ много, дурно играютъ пьесы не въ однихъ Липкахъ, и потому, давая полный отчетъ о исполненіи «Ревизора», мы ничего не скажемъ новаго и пріятнаго... Труппою г. Федецкаго первый спектакль данъ былъ 18-го ноября прошлаго года, и состоялъ изъ пьесъ, на русскомъ языкѣ: «Дѣвушка—Гусаръ» Э. А. Конн, на польскомъ: «Путешественникъ и путешественница», и на малороссійскомъ: «Москаль—Чаривникъ». Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ разнообразіи и на случай открытія театра — онъ былъ полонъ посѣтителями. Такъ-какъ въ театрѣ этомъ только бельэтажъ, а бевуара нѣтъ, то большая часть зрителей смотрѣла изъ-подъ ложъ. Какое же оставилъ по себѣ впечатлѣніе первый спектакль?.. Право, рѣшить трудно... Тѣ, которые понимаютъ польскій языкъ, оставя театръ, вынесли съ собою много удовольствія, доставленнаго имъ игрою г. Федецкаго, его женою и сестрою; — дѣйствительно всѣ трое сыграли превосходно, и пьеса прошла плавно, хорошо, живо и согласно! Пьесы русскія прошли холодно, незамѣтно, и мы не могли бы прослушать ихъ безъ признательной зѣвоты, еслибы къ довершенію зла и горя — въ нихъ не приняла участія г. Рекановскій (Чупруна), гг. Звѣревъ (школара), Степановъ (сынъ пивовара), а г-жа Звѣрева (Габріель). Труппа г. Федецкаго въ настоящее время сдѣлалась еще меньше; сперва она состояла изъ 9-ти лицъ, а теперь ограничивается скромною цифрою 6. Г-жа Звѣрева, и г. Сазоновъ и Степановъ перешли въ труппу г. Мориса—Піонъ.

Самъ г. Федецкій занимаетъ амплуа (въ польскихъ пьесахъ) молодыхъ кутизъ, фатовъ, повѣсь и любовниковъ. Игра его вездѣ легкая, плавная и непринужденная. Обладая пріятною дикціею и благородною манерою, онъ отлично выполнялъ роли: Держантіеръ (Захожденіе солнца), Шарлеманъ, Дюкре (Карета) и многія другія. Немалое достоинство въ немъ то, что онъ знаетъ прекрасно мимику, понимаетъ сцену, и до конца выдерживаетъ пьесу. Отъ души советуемъ ему не братьяся за русскія роли, но играть только въ пьесахъ на польскомъ языкѣ.

Г-жа Федецкая и ея хорошенькая сестрица играютъ очень мило, но такъ же не въ русскихъ, а въ польскихъ пьесахъ; онѣ обѣ довольно развязны, несмотря на то, что дѣвницѣ Федецкой едва-ли исполнилось 14 лѣтъ... Есть въ Кіевѣ такіе дилеттанты, которые апплодируютъ ей въ русскихъ роляхъ... Но это ужъ *рыцари люстры*... Судя ихъ Фебъ! Очевидно, что они не друзья, а враги молодой актрисы... Своимъ шумнымъ браво съ хлопнушкой они не поощряютъ, а обязуютъ актрису, потому-что она сама знаетъ, что дурно говоритъ по русски, ибо часто смѣется на сценѣ неудачно произнесенному ею слову.

Амплуа молодихъ любовниківъ, те-есть, самыя неблагодарныя роли, играть г. Столицель, у котораго запасъ дарованія не составляетъ большаго груза; однако есть надежда, что онъ разовьется и, при стараніи, будетъ однимъ изъ хорошихъ актеровъ въ провинціи. Кроме названныхъ нами актеровъ на польскія роли, въ труппѣ г. Федецкаго есть еще г. Шмитковъ и г-жа Дріонъ — но о нихъ ни намъ, ни исторіи говорить не слѣдуетъ...

Изъ актеровъ для русскихъ ролей, можно сказать положительно, кромѣ г. Зубовича никого нѣтъ, и онъ безпрепятственно занялъ здѣсь первое амплуа, которое, до его пріѣзда, было постоянно вакантно. Г. Зубовичъ артистъ съ большимъ талантомъ, и кievская публика полюбила и приняла его отъ души. Пераші дебюты его были въ первыхъ числахъ января, въ роляхъ Губина («Студентъ артистъ, хористъ и аферистъ» Э. А. Кони) и Елизара (Вечеръ на хуторѣ), потомъ онъ игралъ въ продолженіи «Студента-артиста», г. Григорьева, роль Заборскаго (Утка и стаканъ воды), и всадъ былъ превосходенъ. Сердцу больно, когда вспомню, что Зубовичъ попалъ въ ту труппу, гдѣ нѣтъ ему подобныхъ, и можетъ заблаговременно изжить, парасходовать свой талантъ!

Дѣвица Гончарова, молоденькая, рѣзвая, недурная собой и разная актриса, занимаетъ первыя роли въ русскихъ пьесахъ, но тоже не по необходимости, потому—что она одна на русскомъ амплуа. Со временемъ есть надежда, что она будетъ дѣльной актрисой... А теперь, должны безпристрастно сказать, она играетъ посредственно...

Г. Шмитковъ иногда занимаетъ роли молодыхъ людей, а иногда стариковъ... Роль Рожкова (Утка и стаканъ воды) была имъ выдержана довольно хорошо.

Есть еще нѣсколько актеровъ и актрисъ, но всѣ они не выходятъ изъ второй шеренги, и только первыми стоятъ отъ воды.

Декораций довольно удовлетворительны; костюмы, если иногда не соответствуютъ роли, то это въ провинціи бываетъ часто; если въ оркестрѣ играетъ пять и много семь человекъ, то это тоже не бѣда,—мы пришли смотрѣть театръ, а не слушать оперу или концертъ. Вотъ краткій обзоръ труппы и театра г. Федецкаго.

Съ открытіемъ театра и балета г. Морриса-Піонъ будетъ дебютировать первая танцовщица придворнаго вѣнскаго театра, дѣвица Тереза Рица, которая, какъ видно изъ объявленія, выступить въ роли Клеоры, въ балетѣ: «Албаръ, атаманъ морскихъ разбойниковъ».

А. ФОНЪ-ВИКЪ.

ХАРЬКОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Настоящій отчетъ о харьковскомъ театрѣ начинается г-жею Федоровою, и вотъ — какъ двусмысленно нашъ корреспондентъ рисуетъ ея портретъ и говоритъ о ея достоинствахъ. «Г-жа Федорова, наша королева, субретка, героиня, — все, что хотите. Посмотрите на ея величественную походку, на ея гигантскій ростъ, послушайте ея голосъ, и вы станете въ изумленіе, и спросите себя: откуда явилось на сценѣ губернскаго города такое чудо? Это чудо, мм. гг., явилось къ намъ еще въ незапамятное время: откуда — того положительно не знаемъ. Воспитанница школы, она въ первое время выходила угадкою на сцену, но не признанная благодарными столичными жителями, не угнѣвшими цѣнить ея блестящаго дарованія, не видѣвшими огня, таивагося въ ней, — г-жа Федорова бросила столицу и отправилась въ провинцію.... Но ей, какъ видно, на роду написано быть вездѣ *непризнаннымъ гениемъ*, и наконецъ у насъ въ Харьковѣ, благодаря, вѣроятно, климату (?) и другимъ побочнымъ обстоятельствамъ, явилась она то, чего такъ долго искала. Здѣсь она обжилась, и одна дирекція, сдавая другой театръ, движимое и недвижимое имущество, сдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и г-жу Федорову, какъ необходимую принадлежность его... Сначала она играла невинныхъ дѣвушекъ, граціозныхъ созданій, но потомъ взглянула какъ-то въ зеркало, и увидѣвъ свою величественную фигуру, сказала самой себѣ: «Э, да тѣмъ я не героиня!» — И вотъ г-жа Федорова сдѣлалась театралной героиней. Спасибо ей и зато, потому-что тутъ хоть фигура соответствуетъ роли... Но иногда *воспоминанія дѣтства* пробуждаются въ душѣ ея, и она снова является намъ молодою страдальницей, жертвою любви и несчастій. Такъ, я помню, играла она роль Маріи въ драмѣ *Старая мыза*; здѣсь она была молодою дѣвушкой, любящей тайно и боящейся оскорбить честныя сѣдины старика отца... Ее дѣлаютъ царицею праздника розъ, и по принятому въ этихъ случаяхъ обыкновению, несутъ на торжественныхъ носилкахъ... Сидѣтьте, любезные читатели, а мы плакали, плакали изъ сожалѣнія, не къ судьбѣ бѣдной дѣвушки, а къ участи бѣдныхъ носильщиковъ... и проч. и проч., все въ такомъ же родѣ... Да не оскорбится г-жа Федорова моими замѣчаніями, говорить рецензентъ; виноватъ ли я, что у нея такъ мало таланта, что дикція ея монотонна и однообразна, никогда не повышается и не понижается, что голосъ ея дребезжитъ, какъ слабо натянутая струна, и что читая какой-нибудь страстный монологъ, она похожа на школьника, говорящаго дурно и занкаясь вытверженную басенку.

Если современемъ у насъ будутъ писаться роли для рослыхъ артистокъ, то и г-жа Федорова займетъ первое амплуа...

Но перейдемъ къ г-жѣ Микульской, недавно выступившей на сцену нашу и успѣвшей уже снискать себѣ расположеніе и любовь той части публики, которая не увлекается партіями, съ нѣкоторыхъ поръ такъ сильно дѣйствующими въ Харьковѣ, — и смотреть равно строго на всѣхъ артистовъ. Г-жа Микульская на нашей сценѣ всего два мѣсяца; первый дебютъ ея былъ въ водевиляхъ: «Барабанщикъ», «Двое за шестерыхъ» и «Взаимное обученіе». Признаюсь, не совсѣмъ блапріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ первый дебютъ, и хотя въ нѣкоторыхъ сценахъ артистка выказала присутствіе въ ней истиннаго, врожденнаго таланта, но все какъ будто-бы чего-то не доставало для того, чтобы можно было сказать: «вотъ отличная актриса!» Во второй разъ видѣлъ я ее въ *Полковникъ старыхъ временъ*, и съ восхищеніемъ поздравилъ и себя и харьковскую публику съ новымъ, отличнымъ приобретеніемъ: такъ хороша она была въ этой пьесѣ, такъ ловко и ново передала она роль Юлія де Креки, столько разъ игранную и переигранную.... Немногіе забудутъ, надѣюсь, прекрасныя минуты, доставленныя намъ нашею новою гостью въ роляхъ Ршелье (Первое волокитство Ршелье), Анеты (Комедія съ лядушкой), Полинки (Новички въ любви), Сабини (Деревенская простота) и т. п. Главное амплуа ея — роли мужскія, вѣтренныхъ и вмѣстѣ наивныхъ дѣвушекъ; — но что будете дѣлать съ нашею дирекціею, или скорѣе, съ нашею публикою. Извѣстной части публики нужны непремѣнно большія драмы, дирекція должна ихъ ставить; г-жа Федорова теперь играть не можетъ, — я вотъ на артистку водевильную взвалили огромныя драмы, въ родѣ Живой Покойницы, Антонія, Смерть или Честь, Каспара Гаузера, и т. п. Глядя на г-жу Микульскую въ этихъ пьесахъ, видно было, что у ней есть и душа и чувство, что она ясно сознаетъ то, что играетъ, чувствуетъ не какъ актриса, а какъ женщина, но нѣтъ навыка, нѣтъ еще умѣнья передать вполне драматическую роль.... Согласитесь, что большая часть нашихъ драматическихъ ролей поставлены на ходули, самое простое чувство облегчено часто въ напыщенныя фразы, лишено натуры, и поэтому, чтобы стать на ходули, нужно упражненіе, навыкъ, а этого еще нѣтъ у г-жи Микульской: драму она читаетъ какъ-то на распѣвъ, и видно, что ей трудно покамѣсть сладить съ своимъ новымъ амплуа. Зато какъ перерождается она въ *своихъ* пьесахъ, какъ входитъ она въ свою роль! Вы часто забываете, что видите актрису: вамъ кажется, что передъ вами или ловкій полковникъ стараго времени, безпечный, влюбчивый, благородный, или мальчикъ Ршелье, этотъ молодой любимецъ женщины. Одно изъ большихъ достоинствъ

г-жи Микульской—это пламенная любовь ея къ сценѣ и вниманіе къ ролямъ своимъ, (что, между нами будь сказано, рѣдкость между нашими актерами: иной выходитъ на сцену и не прочитавши роли, и когда его спросишь: «какъ вы станете играть», онъ молча указываетъ на суфлерскую будку, какъ на спасительный барказъ, а на суфлера, какъ на кормчаго, который долженъ провести его черезъ всѣ подводные камни....) Это усердіе къ искусству даетъ намъ право надѣяться, что г-жа Микульская станетъ со-временемъ на ту степень развитія, на которую становится истинный талантъ, когда, пройдя различныя испытанія, повстрѣчавъ много хорошаго и дурнаго, онъ является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Не можемъ еще умолчать объ умѣньи г-жи Микульской одѣваться и о богатствѣ ея костюмовъ, дѣйствующихъ на публику тѣмъ болѣе пріятно, что наши театральные испанцы одѣты часто французами, время Людовика XIV, а французы той эпохи ходятъ въ кафтанахъ временъ XVIII-го столѣтія.

Послѣ г-жи Микульской нельзя не отдать должной справедливости г-жѣ Ладной, занимающей роли комическихъ старухъ и исполняющей ихъ съ неподдѣльнымъ, истиннымъ комизмомъ. Это артистка толковая, очень даровитая, и ни одного замѣчанія не можемъ мы ей сдѣлать, развѣ только то, чтобы она не бралась за роли старухъ серьезныхъ. Впрочемъ, тутъ не ея вина: ей даютъ эти роли, и отказываться нельзя.

Но тише, тише.... слышите пѣсню:

-Это онъ, это онъ, мой полкъ родной!-

слышите? это поетъ нашъ закулисный чижикъ, г-жа Червинская. Г-жа Червинская пріѣхала къ намъ года полтора тому назадъ изъ Вильны и привезла съ собою мѣстный выговоръ, непріятно подѣйствовавшій на насъ, привыкшихъ слышать чисто русскія рѣчи; вмѣстѣ съ этимъ выговоромъ привезла она излишнюю самоувѣренность въ своемъ талантѣ. Правда, что съ теченіемъ времени рѣзкость выговора ея немного изгладилась, правда и то, что игра ея значительно улучшилась, но самоувѣренность осталась, поддерживаемая еще болѣе *любезными кавалерами*, нахвастывающими безпрестанно молодой актрисѣ, что она чуть-чуть не Самойлова.... Вѣрьте мнѣ, г-жа Червинская, не увлекайтесь похвалами тѣхъ, которымъ нѣтъ дѣла до развитія вашего театральнаго дарованія, а которые заботятся только о развитіи вашей красоты; (такъ какъ красота актрисы не составляетъ предмета рецензій, то я умолчу объ этомъ достоинствѣ г-жи Червинской); начните заниматься ролями, идите въ нихъ, слѣдуйте примѣру хорошихъ артистовъ и учитесь у

нихъ, не думайте, что безъ васъ нельзя обойтись и что вы одна опора нашего театра, и я увѣрю васъ, что отъ этого будетъ лучше и вамъ, и публикѣ. Природа надѣлила васъ известною степенью таланта, требующаго долгаго и долгаго развитія; зачѣмъ же пренебрегать даромъ природы? «У меня хорошій голосъ, скажете вы, и съ нимъ я все сдѣлаю». Положимъ, у васъ голосъ хорошъ, и даже, если это вамъ нравится, увлекателенъ; но не забудьте того, что у насъ не оперная труща, что въ водевилѣ, драмѣ и комедіи голосъ не составляетъ главнаго, и что если вамъ и будутъ аплодировать за него, то все же вашъ драматическій талантъ не пойдетъ впередъ, и тамъ, гдѣ не нужно вамъ пѣть, зрители должны будутъ жить только воспоминаніемъ о вашемъ голосѣ, а вѣдь это черезъ чуръ идеальная пища, и ее не сварить никакой естетической желудокъ.

Наконецъ передъ нами еще одна артистка—г-жа Пронская, сначала заставлявшая думать, что она пойдетъ впередъ, но до-сихъ-поръ не оправдавшая надеждъ. Игра г-жи Пронской, что называется, ни то, ни сѣ: нѣтъ одушевленія, нѣтъ живости, нѣтъ чего-то, что заставляетъ публику сочувствовать актрисѣ. Были роли, (Денззы въ пьесѣ: Жена-барыня, а мужъ слуга, Анеты въ водевилѣ: Утка и стаканъ воды и т. п.), когда мы думали, что изъ г-жи Пронской выйдетъ хорошая актриса, тѣмъ болѣе, что она еще очень молода; но вдругъ талантъ ея остановился на точкѣ замерзанія. Вообще съ нѣкотораго времени замѣтно въ ней больше, чѣмъ когда-либо, отсутствіе всякой энергіи, она какъ бы убита чѣмъ-то, и выходя на сцену, часто говоритъ такъ, что васъ или обдастъ холодомъ, или вы въ первомъ ряду креселъ ничего не слышите. Отчего это происходитъ— пусть рѣшить какой-нибудь другой смертный, а я не берусь.... Одинъ очень важный совѣтъ, который мы позволимъ себѣ сдѣлать г-жѣ Пронской— заключается въ томъ, чтобы она старалась избѣгать игры въ драмахъ, потому-что въ водевиляхъ ей помогаетъ хотя наивность, а въ драмѣ читаетъ она такъ, что голосъ ея походитъ на завываніе осенняго вѣтра.... Дай Богъ ей успѣха, дай Богъ, чтобы прежнія надежды наши на нее оправдались! Она еще молода, занимается ролями, и, можетъ-быть, со временемъ изъ нея что-нибудь выйдетъ.

Вотъ и весь прекрасный полъ нашъ; правда, въ глубинѣ театра топчятся еще г-жи Новикова, Соколова, Чертова и т. п.; но о нихъ, *aut bene, aut nihil*.... я избираю последнее.

Теперь пойдете на мужскую половину и протянемъ сначала руку г. Алексьеву, нашему первому комику и любимцу всей харьковской пу-

блин. Главныя роли, которыя онъ выдерживаетъ съ большимъ успѣхомъ—молоденькія поселенно-дурочки, робкіе молодые люди и старинно-волокиты; въ нихъ заставляеть онъ васъ любоваться имъ, свѣтиться неспротиворѣчимъ смѣхомъ и дружно ему аплодировать. Но ири всемъ имѣть уваженіе къ таланту г. Алексѣева, да позволить онъ мнѣ сдѣлать ему два замѣчанія, и да не сочтеть ихъ упрекомъ, а просто голосомъ чело-вѣка, желающаго отъ души не видѣть въ любимомъ артистѣ никакихъ недостатковъ: 1-е однообразие въ приѣмахъ, жестахъ и въ тонѣ голоса и 2-е не всегдѣшнее глубокое изученіе ролей, (въ этомъ второмъ недостаткѣ нельзя, впрочемъ, зломъ упрекнуть нашего комика: его заставляютъ играть такъ часто и въ столькихъ пьесахъ, что, право, не станеть времени даже для изустнаго изученія). Еслибы г. Алексѣевъ принялъ мои скромныя замѣчанія къ сердцу, еслибы хотѣлъ онъ исправиться въ томъ, что замѣтилъ не одинъ я, а многіе, — то нѣтъ сомнѣнія, что талантъ нашего любимаго артиста стагъ-бы высоко, и мы не завидовали-бы вамъ, гг. столичныя жители! — Публика наша любитъ и уважаетъ г. Алексѣева; театръ всегда полонъ въ бенефисы его, и каждый, посмотрѣвъ на веселую, живую игру нашего комика, приноситъ ему душевное *спасибо* и желаетъ большаго и большаго усовершенствованія. Ничто не достается безъ труда, и алмазъ нуждается въ отдѣлкѣ, и самое блестящее дарованіе погибаетъ, если не сопровождается развитіемъ....

Г. Львовъ, нашъ первый драматическій актеръ, чело-вѣкъ съ душою, исполненною неподдѣльной, истинной теплоты, понимающій драматическое искусство не такъ, какъ понимаютъ его наши провинціальныя трагики: онъ не смѣется адскимъ смѣхомъ, не колотитъ себя неистово въ грудь и не смотритъ на публику такъ свирѣпо, какъ-будто говорить: «постойте, вотъ я васъ пройму.» Дикція его отличается чистотою и правильностію; манеры благородны, фигура соответствуетъ ролямъ, которыя онъ занимаетъ, и только въ страстныхъ сценахъ, гдѣ нужно увлеченіе, гдѣ говорить пылокое, молодое сердце, жаждущее одной любви, г. Львовъ холоденъ и какъ-будто не на своемъ мѣстѣ....

Замѣчательное дарованіе обнаружилось съ перваго дебюта въ г. Вилноградѣ, сыгравшемъ въ первый разъ роль Горбуна-де-Крэнъ въ драмѣ «Пятый актъ», и сыгравшемъ ее съ рѣдкимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла. Мы отъ души радовались новому приобрѣтенію и ждали новизны, прекрасныхъ минутъ.... Правда, ожиданія наши не совсѣмъ были обмануты, но и не совсѣмъ оправдались. Ангела г. Вилноградца—вообще-то люди, политическіе старини и коледные злодѣи; не во-всѣхъ этихъ роляхъ замѣтна извѣстная холодность, отсутствіе всякой

энергій. Мы часто говорили объ этомъ г. Виноградову, и онъ всегда отвѣчалъ, что хочетъ какъ можно ближе подойти къ натурѣ. Положимъ такъ: но каждая натура, какъ-бы неподвижна она ни была, все-таки имѣетъ отличительныя черты свои, оттѣнки, составляющіе ея разнообразіе, — а этого нѣтъ у г. Виноградова: у него во всѣхъ роляхъ почти одинъ и тотъ же тонъ, одно и тоже безстрастіе... А между-тѣмъ врожденнаго таланта у него бездна: одно появленіе его, одинъ взглядъ часто заставляютъ смѣяться отъ души; (стоитъ вспомнить *Землянку* въ Ревизорѣ, *барона де-Бель-Шасъ* въ «Первомъ волокитствѣ Ршпелье», *Шалюмо* въ фарсѣ: «Одинъ стулъ для двоихъ», и тому-подобное).

Упрекъ въ холодности и безстрастіи еще больше можно отнести къ г. Пронскому, нашему *jeune-premier*; — говорю, *больше*, потому-что тутъ онъ не можетъ уже отговориться стараніемъ приблизиться къ натурѣ: роли, которыя онъ занимаетъ, требуютъ большой живости, одушевленія, а онъ стоитъ на сценѣ точно не живой; для него все-равно сказать: «Я умираю, помни обо мнѣ!» и «человѣкъ, дай мнѣ стаканъ воды.» На лицѣ всегда одно и тоже выраженіе, одна и таже неподвижность; иногда промелькнетъ улыбка, но она похожа на маленькій кусокъ неба, когда онъ проглянетъ сквозь густыя тучи и потомъ опять спрячется.... Одинъ разъ г. Пронскій былъ очень и очень не дурень, именно въ роли Хлестакова, которую, нужно замѣтить, онъ разучилъ въ одинъ день. Хорошее выполненіе этой трудной роли навело на мысль, что г. Пронскій могъ-бы быть очень дѣльнымъ актеромъ, еслибы кто-нибудь, что называется, наставилъ его.... На сценѣ онъ всего годъ съ небольшимъ, одѣвается съ большимъ вкусомъ, держитъ себя очень прилично, дарованіе есть, — вотъ данныя, ручающіяся за то, что при большей живости и развязности г. Пронскій займетъ видное мѣсто на провинціальной сценѣ... Не мѣшаетъ ему замѣтить еще и то, что нерѣдко роль его исполняется суфлеромъ.

Наконецъ мы должны упомянуть о г. Малевскомъ, пріѣхавшемъ къ намъ очень недавно на комическія роли. За недѣлю до его появленія были разосланы объявленія, въ которыхъ извѣщалось, что скоро будетъ играть пріѣхавшій изъ Вильны (опять изъ Вильны!) *извѣстный артистъ* г. Малевскій. Кому онъ былъ извѣстенъ, — это никому не извѣстно; но скоро стало извѣстно то, что г. Малевскій говоритъ не по-русски а по-польски, что русскія слова у него получаютъ совсѣмъ другое значеніе, (такъ существительное *западъ* превратилось въ глаголъ *западъ*), что на сценѣ онъ довольно развязенъ, и что если онъ считался нѣкоторыми извѣстнымъ артистомъ, то этимъ онъ *дѣлалъ* *дѣла*

воить. Впрочемъ, онъ сыгралъ у насъ всего три или четыре роли, и окончательнаго сужденія о его талантѣ провѣзности мы не можемъ.

За ними слѣдуютъ еще: г. Михайловъ, актеръ полезный, но оправдывающій поговорку, что полезное не всегда соединится съ пріятнымъ; г. Пилони, актеръ бездарный, съ голосомъ, непріятнымъ... За ними... не тутъ слѣдуютъ уже г. Новиковъ, отчаянно водащій глазами, свирѣпо смотрящій на публику, въ пьесахъ играющій наперсниковъ, а въ антрактахъ скромно передвигающій кулисы и исправляющій должность машиниста; г. Чернухинъ, съ вѣчной улыбкой на устахъ, со взоромъ, который, кажется, говоритъ публикѣ: «не трогайте меня, я вѣдь и воды не замутилъ»; г. Ладинъ, нашъ *котариусъ*, очень эффектно исполняющій нѣмныя роли, и пр. и пр. и пр.

Изъ всего этого вы видите, что если въ театрѣ нашемъ есть довольно много дурнаго, то зато есть на что посмотреть; а между-тѣмъ, въ театрѣ всегда почти пусто, и лучшіе актеры наши, теряя всякое одушевленіе, играютъ, что называется, спустя рукава. Отчего же это? спросите вы. Оттого, что здѣсь не заботятся о постановкѣ новыхъ пьесъ, а намей публикѣ нужно всегда новое, оттого, что репертуаръ нашъ гибнетъ, оттого, что пьесы обставляются часто неудовлетворителенъ, (такъ въ Ревизорѣ роль городничаго исполняютъ г. Малевскій, роль Осипа г. Пилони, надъ ролями Бобчинскаго и Добчинскаго гг. Чернухинъ и Дмитренко); оттого что всѣ древніе костюмы у насъ дѣйствительно сильно нахнутъ древностію; оттого.... да мало-ли отчего? всѣхъ причинъ не перескажешь. А между-тѣмъ, эта холодность публики вредитъ не столько театру, сколько актерамъ, которые не видятъ поощренія, тратятъ «и силу, и душу, и чувство», тратятъ ихъ передъ пустыми мѣстами, и наконецъ утрачиваютъ все, что составляетъ имъ славу и украшеніе!

***.

КУРОКІЙ ТЕАТРЪ.

Съ 11-го апрѣля прошлаго 1852 года, въ Курскѣ пребываетъ постоянно вновь сформированная труппа. Актеры болѣею частью были аганжированы въ Москвѣ — страстнымъ любителемъ театра, по имени г. А. Е. Вощенко-Захарченко, который имѣетъ прекрасный оркестръ. Можно сказать, что г. Вощенко-Захарченко не щадитъ ни трудовъ, ни денегъ — и какъ человѣкъ очень образованный, выказываетъ возможность ставить на маленькой сценѣ драму, трагедію и

блестательные спектакли съ огнемъ и фонтанами, началъ съ водевилей которые, при строгомъ выборѣ и тщательной постановкѣ, шли кругло, отчетливо. Несмотря на весеннее время, театръ былъ почти всегда полонъ, такъ-что билеты нужно было приобретать за недѣлю.

Первое мѣсто между артистами, составлявшими труппу, принадлежало, безспорно, г-жѣ Аллинской. Она обладаетъ приятнымъ голосомъ, званіемъ сцены и развязностію.

За нею назовемъ г-жу *Гусеву 2-ю*, которая недурна въ роляхъ главныхъ дѣвушекъ, крестьянокъ и въ роляхъ съ переодеваньемъ.

Г-жа *Лилъева* производила фуроръ цыганскими пѣснями.

Г-жа *Гусева 1* Фигура ея баснословно массивна, и въ комическихъ роляхъ, особенно въ пейзажномъ костюмѣ, она производила удивительный эффектъ. Пѣла прекрасно и играла всегда съ душой и съ замѣтнымъ стараніемъ.

Г-жа *Полякова*. Такъ-себѣ! За неимѣніемъ лучшей, играла вторыя роли старухъ; но въ роляхъ простыхъ бабъ, въ родѣ слесарши въ «Ревизорѣ», она неподражаема.

Г. *Артуръ-де-Сегенъ*, роли первыхъ любовниковъ, фатовъ, повѣсь, отчаянныхъ кутилъ и т. п. игралъ чень хорошо. Имѣя въ высшей степени подвижную физиономію и множество неподдѣльнаго комизма, онъ приводилъ курскую публику въ восторгъ и былъ первымъ изъ ея любимцевъ.

Г. *Садовскій 2*. На роли резонеровъ и на амлуа втораго комика... былъ недуренъ.

Г. *Васильевъ 2*. Молодой человекъ съ талантомъ и приятною наружностію; отличался незнаніемъ ролей, и однажды отличился въ пьесѣ «Еще Робертъ» (Роберта) и въ роли Спичкина въ *Водевилѣ* съ переодеваньемъ.

Г. *Докучаевъ*. Счастливой наружности, съ приятнымъ голосомъ, и приятной манерой. Только въ однихъ роляхъ — перваго любовника онъ былъ неудовлетворителенъ: говорилъ такъ сладко, чуть дыша, со вздохами и плаксивою физиогноміей, которая нисколько не шла къ его порядочному росту.

Г. *Жермень* (Большаковскій). Въ роляхъ простаковъ очень хорошъ, въ-особенности Жано Бижу (Цирюльникъ-Стихотворецъ) и Жужу (Парикъ).

Г. *Александръ* (Александровъ, Дрейеръ). Былъ меньше, нежели ничто; и находясь въ хорошей труппѣ, вскорѣ на нашихъ глазахъ — переродился совершенно... Занимался изученіемъ ролей, внимательно наблюдалъ игру товарищей — и изъ суфлерской будки (откуда часто

выводятъ лучшіе провинціальныя актеры) явился на сценѣ, удачно, къ общему изумленію, исполнивъ роль Шапо (Взаимное обученіе). О г. Драво, Васильевѣ, Стотти — сказать нечего!

Въ маѣ мѣсяцѣ труппа отправилась въ Лебедки, и около 20 іюня возвратилась изъ Коренной ярмарки опять въ Курскъ. Публика, насытившись вдоволь всѣми удовольствіями, разбрелась по деревнямъ. Городъ опустѣлъ. — Въ театрѣ продолжались регулярно три раза въ недѣлю спектакли. Сборы сдѣлались очень плохи и часть труппы неизбежно должно было отпустить. Въ августѣ мѣсяцѣ, случайно, какъ-то проѣзжалъ черезъ Курскъ г. Живокинн 1, съ сыномъ Живокинн 2 (гг. столичные артисты къ намъ попадаютъ всегда почти случайно). Имя такого гостя, какъ г. Живокинн, не могло не сдѣлаться общою приманкой, и театръ въ пять спектаклей — былъ совершенно полонъ. Наконецъ кончился и триумфъ заѣзжаго гостя, а съ нимъ затворились и двери опустѣлаго храма Талин. Бездѣйствующая труппа оставила Курскъ и перебралась въ Орелъ, гдѣ, не жалѣя никакихъ издержекъ, г. Вощенко-Захарченко устроилъ въ манежѣ сцену, кресла, партеръ и проч. Въ Орелъ случайно явился тотъ же г. Живокинн, и участвовалъ въ десяти спектакляхъ. Не съ большими успѣхами труппа возвратилась въ родной городъ Курскъ, гдѣ ее ждало то же невниманіе. Театръ былъ пустъ совершенно. Нѣкоторые изъ хорошо знакомыхъ со вкусомъ публики совѣтывали измѣнить репертуаръ и ставить драмы, что г. Вощенко-Захарченко и сдѣлалъ. Явился г. Рыбаковъ съ своей супругой. Первый игралъ въ роляхъ Гамлета, Нино, Доверстона, Дятла, свирѣпствовалъ, оглашая раздирающими звуками залу, плакалъ; но толпа ему не внимала, и послѣ двухъ представленій театръ совершенно бросили. Рыбаковы брали по 35 рублей серебромъ за спектакль. Г-жа Рыбакова пустилась было въ водевилъ; но и тутъ неудача! Рыбаковыхъ смѣнилъ ветеранъ московской сцены г. Орловъ, и игрою Осипа, (Ревизоръ) которою онъ говорятъ когда-то производилъ чудеса въ Москвѣ — не произвелъ никакого эффекта. Появленіе Орлова было лебединою пѣсней. Театръ покинули совершенно, къ нему охладѣли рѣшительно. Г. Вощенко-Захарченко снова увезъ труппу въ Орелъ, на масляницу, и говорить, театръ былъ полонъ. Нѣкоторые изъ артистовъ на великій постъ возвратилась въ Курскъ, другіе остались въ Орлѣ. Г. Захарченко привезъ изъ Москвы артистку балетной труппы г-жу Каблукову и, кажется, вмѣстѣ съ нею передалъ всю труппу П. В. Малѣву. На громкое воззваніе г. Малѣва (въ Кур. Губ. Вѣд. и С. Пет. Вѣд.) поддержать театръ абонементомъ на десять спектаклей, въ ожиданіи будущаго удовольствія, курская публика отвѣтствовала равнодушнымъ

выгнанимъ. Г. Малъевъ, чрезъ два мѣсяца разстался съ дѣтими Апполона и передалъ ихъ другимъ, а какъ всякіе дѣти, не исключая и Апполоновыхъ, у семи навекъ бывають безъ глазу, то и курская труппа, переходя изъ однихъ рукъ въ другія—совершенно въ послѣдствіи не была уже похожа на первую. Изъ порядочныхъ артистовъ остались одни Гусевы — и какъ жаль видѣть ихъ на сценѣ, окруженныхъ Павловыми, Даниловыми и т. п. Подъ-пару къ послѣднимъ недостаетъ еще Ижорскаго и Ижорской (Виноградова). Послѣдняя въ труппѣ г. Воиенко-Захарченко была на выходахъ и иногда, для вящаго разнообразія, качучировала и тамбурировала, все на одинъ ладъ, и ихъ-то хотять вынимать!

Теперь мы въ совершенной безнадежности. Долго и очень долго намъ не наслаждаться удовольствіями сцены... Вѣрно въ Курскѣ на во двору хорошая труппа!

В. И. ГРАХОВСКІЙ.

ТЕАТРЪ ВЪ КОСТРОМѢ.

Въ последнее время Кострома несказанно богата удовольствіями: театръ, благородный спектакль, балы въ домѣ Собранія и въ частныхъ домахъ, маскерады, гулянья, концерты, московскіе цыгане — все! желать нельзя болѣе! Взглянувъ на этотъ перечень наслажденій — вслѣпій можетъ думать, что скука въ Костромѣ вещь необыкновенная. Но кто такъ думаетъ, тотъ ошибется, и ошибется жестоко. Скука здѣсь дѣло обыденное и на частныхъ вечеринкахъ, и на большихъ пирахъ. У насъ отъ скуки играютъ, отъ скуки зѣваютъ, отъ скуки бѣгутъ и непременно попадаютъ на нее. Если же Кострома теперь веселится, такъ это дѣло случая, стеченіе разныхъ непредвидѣнныхъ, и слѣдовательно, неходящихъ въ обыкновенный, всеневный расчетъ обстоятельство.

Новости театральныя и хороши, и дурны... Къ числу первыхъ отнесемъ пріездъ новаго актера: г. *Гумилевскаго* съ женою и актера *Чернышева*. Послѣдній человекъ съ большимъ дарованіемъ, и именно такой, въ какомъ нуждалась труппа: аншла его никѣмъ не было занято, за немѣнимъ кандидатовъ, и по этой причинѣ многія прекрасныя пьесы оставались нетронутыми и невзвлеченными изъ пыли театральнаго архива. Г. Чернышевъ комикъ, вполне удовлетворяющій своему назначенію. Мы даже смѣло назовемъ этого актера художникомъ, какой нуженъ въ-такъ называемыхъ классическихъ пьесахъ, въ которыхъ тонко и съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца

отчетливые характеры требуют художественной отделки, понимания этих характеров и изучения самой природы человеческой. Онъ игралъ Гарпагона въ Мольеровой пьесѣ: «Скупой», и надо отдать ему справедливость, что одна эта роль доставляетъ ему заслуженную похвалу и благодарность со стороны публики. Здѣсь не помогаетъ рутинна, здѣсь фарсы и пошлые куплеты, сказанные на распѣвъ, съ особеннымъ удаченіемъ, не являются на выручку бездарному актеру. Гарпагонъ типъ, типъ многосторонній и требующій основательнаго и долгаго изученія. Ухватки, увертки, гримасы, дрожаніе мускуловъ и судорога ихъ не даютъ намъ вѣрнаго понятія о характерѣ Гарпагона; одинъ только талантъ сильный, находчивый, одаренный пониманіемъ и воспріятіемъ человеческой страсти, можетъ передать его. За эту роль можетъ взяться или сила, или истинный талантъ. Приятно сознаться, что г. Чернышевъ выполнилъ эту трудную задачу съ честью, и заставилъ публику, такъ легко скучающую въ классическихъ пьесахъ, съ удовольствіемъ и истиннымъ для актера вниманіемъ слѣдить за ходомъ мольеровскаго «Скупца». Въ-особенности г. Чернышевъ хорошъ былъ въ послѣдней сценѣ третьяго дѣйствія. Надѣмся, современемъ, если онъ останется въ Костромѣ, сообщать объ немъ подробнѣе. Къ неприятнымъ вѣстямъ принадлежатъ отъѣздъ г. Садовскаго, Бѣляева и четы Докучаевыхъ, которые, по разнымъ недоразумѣніямъ съ антрепренеромъ, оставили нашъ городъ. Скажемъ имъ спасибо за доставленное намъ удовольствіе и пожелаемъ имъ счастливаго пути!

Въ остальномъ составѣ труппы замѣчается, какъ и прежде, все тотъ же недостатокъ въ женскихъ персонажахъ на роли любовницъ и вообще молодыхъ дѣвицъ. Вообще хорошихъ актрисъ здѣсь слишкомъ мало въ сравненіи съ составомъ труппы; оттого многія пьесы идутъ дурно, а другія остаются совершенно неисполненными. Пренебреженіе этой частью даетъ намъ право вывести заключеніе, что г. Соловьевъ, антрепренеръ труппы, худо понимаетъ свою собственную выгоду и вообще немного смыслить въ театральномъ дѣлѣ.

Г. *Платоновъ*, молодой человѣкъ прекрасной наружности (это, впрочемъ, величшее условіе для актера въ роляхъ первыхъ любовниковъ), недавно поступившій на сцену, подаетъ пока только надежды на будущее. Если онъ оставитъ нѣкоторую манерность, которая сильно проявляется въ его пѣніи куплетовъ, станетъ тверже выучивать свои роли, и будетъ подражать болѣе природѣ, то, быть-можетъ, со временемъ приобрететъ имя полезнаго актера.

Къ ужасу всѣхъ *меломановъ*, на нашей сценѣ кочуетъ цыганскій таборъ. Примадонны, весьма старыя, любопытныя только для

антикварія, заглушаютъ всѣхъ своимъ дикимъ, неистовымъ ревомъ. Репертуаръ у нихъ очень бѣденъ, но грудь, къ несчастію, очень здорова. Удивляемся, и, простите нашему профанизму, не понимаемъ, кому этотъ крикъ и гамъ могутъ нравиться. Животное, находясь подъ пыткой истязанія, не можетъ кричать неистовѣе, пронзительнѣе этихъ дикарей. Какъ бы они хорошо сдѣлали, еслибы оставили нашу маленькую сцену, сказавъ себѣ: «Мнѣ душно здѣсь — я въ лѣсъ хочу!» Тамъ ить и дорога!

Какъ-будто въ насмѣшку, судьба прислала намъ концертиста, играющаго на *гитарѣ*. Кажется, контрастъ не можетъ быть разительнѣе!

Г. *Соколовскій* артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на такомъ бѣдномъ и неблагоприятномъ инструментѣ, какъ гитара, удовлетворилъ всѣхъ вполне; публика была въ восхищеніи отъ его игры «Рондо изъ оперы «Пуритане», съ аккомпаниментомъ фортепьяно, исполнено было съ большимъ эффектомъ «Carnaval de Venise» забавляя насъ, какъ подражаніе, какъ фокусъ-покусъ, но отнюдь не какъ музыкальная пьеса. Carnaval неподражаемая, кокетливая, восхитительная пьеса на скрипкѣ, но на гитарѣ — это тыква въ-сравненіи съ ананасомъ!

Приятнымъ долгомъ считаемъ извѣстить о двухъ благородныхъ спектакляхъ, заслуживающихъ похвалу, какъ по исполненію ихъ и наслажденію, ими доставленному, такъ и по своей благотѣльной, благородной цѣли. Первый былъ данъ въ пользу костромскаго дѣтскаго пріюта, второй въ пользу дѣтскаго пріюта и бѣдныхъ жителей города Костромы. Благодарны мы должны быть, какъ г. Начальнику губерніи, принимавшему такое дѣятельное участіе въ составленіи ихъ, и всѣмъ участвующимъ, за ихъ прекрасную игру, такъ и нашей публикѣ, съ такою готовностію и усердіемъ поддержавшей это истинно благородное предпріятіе. Задолго до дня спектакля не было возможности добиться билета: всѣ ложи и кресла были заняты, несмотря на высокую цѣну.

Выборъ пьесъ во второмъ спектаклѣ (о первомъ не говоримъ, потому-что намъ не удалось быть въ немъ) былъ самый удачный: «Женитба Гоголя» «Богатый холостякъ и двое женатыхъ» «Путешественникъ и Путешественница» и разнородный, прекрасный «Дивертисманъ».

Роль Подколесина была исполнена извѣстнымъ нашимъ писателемъ *А. О. Писемскимъ*, въ высшей степени превосходно; мнѣ кажется, нельзя и опытному артисту вѣрнѣе и лучше олицетворить этого нерѣшительнаго флегматика Подколесина, какимъ представилъ его г. Писемскій. Это былъ типъ, срисованный вѣрною рукою художника съ натуры; вы забыли бы, что дѣйствіе происходитъ на сценѣ — намъ

непретѣнно показалось бы, что предъ вами самъ нерѣшительный Подколесинъ, со всѣмъ своимъ тревожнымъ спокойствіемъ. Г. Писемскій не игралъ Подколесина, а весь переродился въ него. Превосходна была особенно сцена молчанія съ невѣстой (въ третьемъ дѣйствіи), которая была передана съ неподражаемымъ юморомъ. Хлопотунъ Кочкаревъ (графъ А. Д. Толстой) былъ преуморителенъ, и съ такимъ искусствомъ сдѣлали публику онъ и морякъ Жевакинъ (А. А. Потькинъ) въ первомъ дѣйствіи, что вся публика разразилась единодушнымъ, гоме-рическимъ хохотомъ. Рѣдко удавалось мнѣ слышать на сценѣ такой, въ высшей степени естественный, хохотъ, каковымъ владѣеть г. Потькинъ; нѣтъ возможности удержаться, по неволѣ расхохочешься, самъ не зная чему.

М. И. Готовцева, въ роли Феклы Ивановны была прелестна; не постигаю, гдѣ ей удалось перенять ухватки и увертки настоящихъ свать.

Г. Колупановъ (эксекюторъ Яичница), г. Н. В. Калычевъ (гостинодворецъ Стариковъ), выполнили свои роли прекрасно и съ большою ловкостью.

Сцена молчанія (во второмъ дѣйствіи), гдѣ всѣ женихи на лицо, усѣлись и не знаютъ, съ чего начать разговоръ съ предметомъ общаго обожанія, Агафьей Тихоновной (судруга г. Писемскаго), была истинно художественная сцена, возбуждавшая общій восторгъ. Вообще пьеса шла, какъ нельзя лучше, и была принята отлично.

Г. П. А. Сальковъ (въ роли Моршки въ Богатомъ Холостякѣ) и г. Н. П. Лопатинъ (Чухломскій въ той же пьесѣ) были до того хороши каждый въ своемъ родѣ, что право не знаю, которому изъ нихъ отдать преимущество. Роли свои они знали прекрасно, рисовались подлѣ ихъ съ рѣдкимъ искусствомъ, и выдержали до конца характеръ. Игра ихъ развязна и доказываетъ большой навыкъ и прекрасный талантъ. Роль слуги Алексѣя была выполнена г. А. М. Зузинымъ мастерски.—

Г-жи Н. В. Голоушева (Цвѣткова въ «Богатомъ Холостякѣ» и «Путешественница»), К. И. Матюкина (Прибирохина), Е. П. Писемская (Агафья Тихоновна въ «Женитьбѣ»), О. А. Владимірова (Арина Пантелеймоновна въ «Женитьбѣ»), дѣвица В. О. Жолова (служанка въ «Богатомъ Холостякѣ», Дунаша въ «Женитьбѣ», трактирщица въ «Путешественникѣ»), заслуживаютъ полную благодарность за свою прекрасную, развязную, ловкую игру.

А. А. Потькинъ, потѣшившій насъ до нельзя, какъ морякъ Жевакинъ въ «Женитьбѣ», привелъ всѣхъ въ восхищеніе въ девертисманѣ, декламацию разсказа охотника изъ водовилля: «Вѣкъ живи, вѣкъ

учись, или жовни». Онъ незадражаемо и съ такимъ одушевленіемъ передалъ эту сцену, что никто не могъ устоять противъ могущаго его таланта. Не знаю, можетъ ли кто-нибудь послѣ него взяться за эту роль — онъ не знаетъ въ ней соперниковъ!

Вотъ краткій очеркъ этого прекраснаго въ эстетическомъ отношеніи вечера. Общество въ театрѣ было самое изысканное; дамы всѣ въ прелестныхъ нарядахъ, съ истиннымъ удовольствіемъ просидѣли до перваго часа по полуночи.

В. ГРИНБЕРГЪ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Заграничная корреспонденція.

1.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ 10^{го} марта.

Трогательное положеніе корреспондента. — Важныя наслажденія и большія послѣдствія. — Бархатный фракъ и кружевное жабо. — Голова девятнадцатаго столѣтія на туловищѣ восемнадцатаго. — Воденьныя слезы при разлѣдѣ. — Похожденія мера и мѣра терпѣнія его супруги. — Водевиль безъ музыки. — Раздача премій. — Скаковая лошадь и M-lle de la Seiglière. — Бааръ. — Нѣжное сердце Жиль-Жанена. — Кстати, еще маленькій процессъ. — Вторженіе Абд-эль-Кадера во французскую поэзію. — Академія музыки. *Луиза Миллеръ*, опера Верди, сокращенная и дополненная. — Комическая опера. *Глухой* опера Адольфа Адана; *Свадьба Жаметы*, опера Виктора Массе; *Зеркало*, опера, Гастинелли. — Французскій театръ. *Леди Тартюфъ*, ком. г-жи Жирардонъ. — Т. Разнобразія. *Будутъ молоть оздоръ*, вод. Лабина, Деланда и Делекура. Еще три водевиля. — Т. Веселости *Дядя Томъ*, драма Анисе Буржуа, Вальи и Тексе; *Маленькій Провансъ*, водевиль. — Фарсы театра Драматическихъ шалостей. — Пале-Рояль. *Вотъ извольте жить въ своемъ домѣ*. Вод. Баара. — Пара новостей изъ Ново-Свѣта.

Въ этотъ разъ, мой изящный «Пантеонъ» я заплатился за свое усердіе собирать для тебя новости. На столѣикъ съ рѣзными ножками

на этомъ станкѣ изъ розоваго дерева, на которомъ я всякій мѣсяцъ плету для тебя кружева изъ парижскихъ новостей, — поднимается благоуханною струйкой паръ фіалки, которая, въ видѣ цѣлительнаго питья, явилась утѣшать *инфлюэнцу*, или, пожалуй, гриппъ — называйте, какъ угодно. И по дѣломъ! Зачѣмъ было мнѣ не вѣрить газетамъ и въ слякоть бѣгать отъ бульвара Магдалины въ улицы Houssaye и Chaussée d'Antin, чтобы удостовѣриться, что тамъ действительно отстраиваются, изъ плитняка и желѣза, два дома, въ которыхъ точно восемь тысячъ пять сотъ оконъ и дверей? Зачѣмъ было тискаться на балъ, на которомъ прекрасный полъ растерялъ на паркетѣ столько башмаковъ, что ими можно-бы наиолнить цѣлую лавку? Зачѣмъ было, въ потѣ лица, пробираться къ буфету, когда я зналъ навѣрное, что вмѣсто оржаду мнѣ дадутъ стаканъ мутной холодной воды?... Но по-крайней-мѣрѣ я не пропустилъ ни одного замѣчательнаго бала. *Ab uno disce omnes, по одному суди обо всѣхъ*; общее правило: какъ ни трудно получить входъ на оффиціальный балъ, но все-таки гораздо легче было попасть въ залы, нежели выбраться изъ нихъ на улицу, сквозь неподвижныя волны платьевъ и фраковъ. Вѣроятно, вы уже знаете, что нѣкоторымъ парижскимъ денди вздумалось, нынѣшней зимою, воскресить балный нарядъ временъ Людовика XV: фантазія выгодная для портныхъ, но едва-ли исполнимая въ нашъ экономическій вѣкъ. Впрочемъ, вотъ этотъ костюмъ, какъ онъ явился на балѣ, въ Ратушѣ: бархатный фракъ, покроя à la маркизъ де-Монкадъ, съ пуговицами стальными, или изъ драгоценныхъ камней (поддѣльныхъ), на бѣлой атласной подкладкѣ; бѣлый атласный жилетъ съ разноцвѣтнымъ шитьемъ; панталоны изъ бѣлаго казимира или бархату, такого же, какъ фракъ; блѣдно-розоваго цвѣта шелковые чулки; башмаки лакированные, съ пряжкой; кружевные манжеты, падающія до пальцевъ; густое кружевное жабо; кисейный галстухъ, безъ воротничковъ и безъ узла; стальная шпага въ ножнахъ изъ шагреновой кожи; складная шляпа съ чернымъ плюмажемъ... и при этомъ костюмѣ — борода, усы, англійскій прѣборъ, тутъ подстрижено, здѣсь — завито: голова девятнадцатаго вѣка на туловищѣ восемнадцатаго! Особенно красиво выглядывали изъ этого наряда плѣшивыя головы! Рѣшительно умора! Эти послѣдніе забыли, что во времена фраковъ à la Монкадъ, общепринятый парижъ прикрывалъ всѣ лысины, и гладко выбритый подбородокъ придавалъ всему лицу видъ опрятности, которая теперь уступила мѣсто артистическому безвкусію. Правда, что черный фракъ и панталоны въ обтяжку, по-англійски, рисовались очень жалко посреди возобновленнаго наряда маркизовъ; но развѣ нельзя, между эксцентрическою модою Аль-

бюна и костюмомъ кавалеровъ Маривб, найти среднюю пропорціальную, благоразумную и осуществимую моду? Какъ-бы ни было, но кажется, можно утвердительно сказать, что возстановленіе стариннаго роскошнаго костюма удалить многихъ изъ гостинныхъ; одни не покорятся этому шутству по солидному характеру, по робости; другіе и уступили-бы реформѣ—да не достанетъ средствъ идти за нею. Первое обзаведеніе маркизскими костюмомъ, съ головы до ногъ, стоить очень-дорого; поддерживать его—также разорвительно. Для свѣжести лакированнаго башмака нуженъ экпажъ, а шелковый чулокъ надо бросать, какъ только распухнетъ одна петелька. Свѣтлый жилетъ бросается въ глаза и примелькается съ двухъ разъ; ergo — заказывайте, виѣсто одного, три дюжины. Бархатный фракъ хорошъ, пока не измятъ,—а складки на немъ уже не изгладишь; кромѣ-того, толкотня у буфета угрожаетъ ему всѣми возможными патнами, а люстры усыпаютъ его безжалостно спермацетомъ. А кружева-то? Можно-ли носить подѣльные кружева при дамахъ, у которыхъ вы завоевали ихъ роскошное убранство? Впрочемъ, какъ только пройдетъ первый пылъ, съ какимъ молодежь бросается на каждое нововведеніе въ одеждѣ, уровень ея опредѣлится самъ-собою и мало-по-малу.

Самые блестящія балы, не говоря уже о шпильерійскомъ, о которомъ вы, безъ сомнѣнія, уже читали во всѣхъ газетахъ, были у маршала Сентъ-Арно, военнаго министра, у Бароша, предѣлителя государственнаго совѣта и г. Друэнь-де-Люиза, министра иностранныхъ дѣлъ. Общій недостатокъ всѣхъ баловъ заключается въ несоразимности вмѣщающаго съ вмѣщаемымъ. Тоже случилось и съ баломъ, даннымъ въ Ратушѣ. Нѣкоторымъ пришлось ждать два часа на лѣстницѣ, пока отыскали они... своихъ. Экипажи стояли на протяженіи версты въ окружности. — Жена говоритъ мужу: мнѣ душно... я умираю отъ жажды... у меня разорвали блондовые воланы... я потеряла эмалевый браслетъ... и башмакъ... Велите подать карету.

Мужъ, вообще, не охотникъ до баловъ, въ душѣ очень-радъ уроку, который получила жена, и отвѣчаетъ:

— Кажется, моя милая, здѣсь вовсе не такъ жарко... Весьма сожалѣю о твоёмъ воланѣ, о твоёмъ браслетѣ, у меня разрывается сердце отъ твоего башмака; но если мы попали на балъ, то будемъ наслаждаться имъ волюй... Ты же такъ долго мечтала о немъ....

— Да, но я не предвидѣла... я не знала... я не.... Велите подать карету.

— Не пройтить-ли еще разъ по заламъ?

— Покорно благодарю. Чтобы потерять и другой башмакъ?

Сказавъ это, она увлекаетъ мужа. Англичанинъ, въ красномъ мундирѣ, наступаетъ ему на ногу оксфордскою ботфортой. Мужъ, въ своей очередь, выходитъ изъ терибня и желаетъ удалиться. Вотъ, наконецъ, слѣдуя по теченью толпы, они добрались, черезъ часъ, до прихожей. Въ—продолженіе этой переправы, супруга успѣла потерять свой шарфтъ. Мужъ оставляетъ жену въ прихожей, и идетъ на лѣстницу, звать Жана. Но на лѣстницѣ такое множество Жановъ, и ихъ кличутъ столько разомъ, что искомаго невозможно отыскать, тѣмъ болѣе, что искомый Жанъ ушелъ въ угловой погребокъ, прохладиться, а можетъ-статься, развѣсилъ уши, слушая рѣсказни себѣ подобныхъ. Тщетно вызывая своего Жана, супругъ пытается самъ завоевать плащъ и мантилю, оставленные въ гардеробной. Но гардеробная — недоступная Колхида, и Язону легче было увезти золотое руно, нежели озабоченному супругу добыть женину и свою одежду. Въ отчаяніи, онъ рѣшается самъ отыскать карету, и бѣжитъ на улицу — въ бархатномъ фракѣ и шелковыхъ чулкахъ. Пока Язонъ превращается въ Христофора Колумба, дама, разумѣется, *descoltée*, забнеть на лѣстницѣ, напрягая всѣ силы, чтобы потокъ удаляющихся гостей, которые тоже бѣгутъ искать своихъ Жановъ и Жаковъ, не унесъ ее на улицу. Наконецъ, Колумбъ находитъ пустой фіакръ; извоинокъ спрашиваетъ за прѣздъ три франка, совершенно *по тарифу* (за полночь), но проситъ сверхъ этой платы, еще десять франковъ *на водку*. Нечего дѣлать! Господинъ беретъ фіакръ — вмѣсто плаща, — но несчастному надо цѣлый часъ, чтобы по лѣстницѣ добраться, сквозь толпу, до дражайшей и дрожащей половинны, надѣваетъ ей на плеча фуляръ, вмѣсто палантина. Слава Богу: вышли на тротуаръ!

— А гдѣ же мой фіакръ? — спрашиваетъ господинъ, смотря туда, гдѣ велѣлъ ему ждать.

Увы! Пока мужъ отыскивалъ жену, какой-то лордъ уже успѣлъ заключить договоръ съ извоиномъ; соблазнилъ его двадцатью франками на водку, сверхъ установленной платы, и умчался въ свою отель.

Между-тѣмъ дрожащей четѣ надо же воротиться домой; пѣшкомъ идти еще можно — квартира не далеко; но безъ плаща и безъ мантиль!

— Любезнѣйшій! — говоритъ бархатный фракъ изношенному каррику, гороховаго цвѣта, который, сидя на тумбѣ, любитъ, сквозь дымъ своей трубки, на общую суматоху: — любезнѣйшій, не продашь-ли мнѣ вотъ это?

Это — былъ старый каррикъ.

— Мой каррикъ о шести воротникахъ?

— Да. Я дамъ по лундору за воротникъ.

— Идетъ. Посмотримъ, что за лундоры.

Мѣна состоялась. Дама надѣла на плеча отвратительную обновку, и въ деревянныхъ башмакахъ, купленныхъ у того же каррика, отпра- вилась въ путь. Судите сами, какой гриншъ, на другой же день, при- говорилъ супруговъ къ лекарству!... Вернитесь домой въ грязномъ, изорванномъ, сальномъ каррикѣ!... Пусть этотъ урокъ послужитъ въ пользу дамашъ, слишкомъ настойчивымъ, когда дѣло идетъ о балѣ.

Другая исторія — о мерѣ и его супругѣ.

На одинъ изъ послѣднихъ баловъ былъ приглашенъ меръ, только- что прѣхавшій изъ провинціи. Какъ не воспользоваться случаемъ, взгля- нуть на парижскія знаменитости и не показать ихъ супругѣ? Въ девять часовъ, супруга господина мера, нарядившись во всѣ брилліанты, сѣла въ наешную карету. Добравъ до рѣшетки ярко-освѣщенной отеля, ка- рета остановилась, и примкнула къ безконечной вереницѣ экипажей, въѣз- жавшихъ одинъ за другимъ въ главные ворота.

— Не пройтись-ли намъ пѣшкомъ до подъѣзда? спрашиваетъ мерша: иначе придется намъ ждать битыхъ два часа.

— Хорошо, мой другъ, отвѣчаетъ меръ.

Идутъ; дорога усыпана пескомъ.

При входѣ, швейцаръ спрашиваетъ у г. мера приглашительные би- леты.

— Вотъ мой билетъ.

— Но это только одинъ. А билетъ вашей дамы?

— Развѣ моей супругѣ нуженъ особый билетъ?

— Непремѣнно.

— Странное дѣло; я думалъ, что, приглашая меня, приглашаютъ и мою супругу. Мы вездѣ бываемъ вмѣстѣ; мы составляемъ единицу.

— Извините, сударь, но я не могу пустить безъ билета.

— Чортъ возьми? Это, право, досадно; одѣваться, нанимать каре- ту — и по пустякамъ. Что же намъ дѣлать?

— Да, что намъ дѣлать?

— А вотъ что, моя милая: я оставляю тебя на минуту у швей- цара, обойду разокъ залы, брошу общій взглядъ, и сейчасъ ворочусь. Позвольте, швейцаръ, вѣрить вамъ мою супругу: я тотчасъ вернусь.

— Не оставайся долго, мой другъ.

— Говорю тебѣ, что я только брошу общій взглядъ.

Мерша съѣла въ швейцарской, меръ пошелъ по лѣстницѣ. Давка. Онъ пробирается бочкомъ, употребляя въ дѣйствіе локти, достигаетъ до залы; пространство, необходимое для одного человѣка, занимаютъ пятеро или шестеро. Вальсъ. Надо подождать, пока онъ кончится. Послѣ вальса, толпа снова пускается въ путь. За вальсомъ, кадрили — и новый отдыхъ для прилива: ни туда, ни сюда. Въ часъ, мера придвинули къ буфету; онъ проглотилъ рюмку сотерна, на-лету поймалъ тартинку.... Но не стану воспѣвать всю его Одиссею; дѣло въ томъ, что онъ присоединился къ своей супругѣ въ три часа: бѣдняжка спала въ швейцарской....

Одинъ мой пріятель непрежѣнно хотѣлъ воспользоваться этими эпизодами и настрѣпать изъ нихъ водевилей. Я совершенно согласенъ съ мыслью пріятеля, и совѣтовалъ ему осуществить ее, какъ можно скорѣе: не то придется ему пустить водевилъ безъ куплетовъ, или съ куплетами, но безъ музыки; потому-что между драматическими писателями и композиторами романсовъ возникъ споръ о музыкальной собственности, и дѣло пущено въ ходъ судебнымъ порядкомъ. Повѣренный общества, основаннаго музыкантами, предложилъ комиссіи драматическихъ авторовъ окончательное и положительно установить, что должно платить музыкантамъ за ихъ сочиненія, которыя водевилисты будутъ брать для своихъ куплетовъ? Вопросъ этотъ назначено рѣшить черезъ три мѣсяца.

Между-тѣмъ вопросъ о наградахъ за лучшія драматическія произведенія кончился назначеніемъ двухъ премій: въ пять тысячъ франковъ, г. Серрэ, за драму въ пяти дѣйствіяхъ, *les Familles*, и въ три тысячи франковъ, господамъ Мишелю Массону и Анисѣ Буржуа, за пятиактную пьесу, *la Mendiante*. Газеты находятъ, что такое присужденіе награды уклонилось отъ утвержденныхъ правилъ, а именно, что первая изъ двухъ увѣнчанныхъ пьесъ выходитъ изъ предѣловъ года, опредѣленнаго декретомъ: она написана прежде его изданія, значитъ закону дано обратное дѣйствіе; а вторая — въ пяти дѣйствіяхъ, тогда какъ декретъ назначаетъ премію въ три тысячи франковъ за пьесу въ трехъ дѣйствіяхъ. Упрекъ газетъ падаетъ на г. Сентъ-Бѣва, докладчика комиссіи, которая, подъ предсѣдательствомъ Ромьё, состояла изъ гг. Скриба, Лебрёна, Меримэ, Филарета Шаля, Лефевра-Демье, Перро и Делаборда. Всего было представлено на конкурсъ пятьдесятъ двѣ пьесы, изъ которыхъ четыре десятка тотчасъ же отвергнуты комиссіей. Ктѣ-бы повѣрилъ, что въ числѣ этихъ отвергнутыхъ были: *M-Ne de*

la Seiglière, Sullivan, Diane, Ulysse, le Coeur et la Dot? Могли-ли ждать этого Жюль Сандо, Мельвилль, Эмиль Ожье, Понсаръ и Малльфиль?

Говоря о драматическихъ потеряхъ, я долженъ сообщить вамъ печальную новость: смерть Бааръ, который тридцать лѣтъ, и почти всегда безъ страха и упрека, подвизался на драматическихъ турнирахъ, и умеръ полный таланта и остроумія, въ ту минуту, когда на двухъ сценахъ ставились его новыя пьесы.

Жанъ-Франсуа-Альфредъ Бааръ родился въ Шароллѣ (департаментъ Саоны-и-Лоары), 17 марта 1796 года. Большая часть французскихъ водевиллистовъ получили образованіе въ Школѣ Правъ. Бааръ тоже предназначали къ тогѣ адвоката, но судьба распорядилась иначе. Усердно изучая Дигесты и Пандекты, онъ сдѣлался отличнѣйшимъ водевиллистомъ. Общее правило: парижскій студентъ правъ, въ-продолженіе перваго года своего курса, пописываетъ куплеты къ сосѣдкѣ — модисткѣ или цвѣточницѣ; потомъ, выдержавъ экзаменъ на бакалавра, пріобрѣтаетъ новыя познанія, посѣщая Люксембургскій театръ, и черезъ три мѣсяца пишетъ для него пьесу: — за водевилль платится юному автору, обыкновенно, двѣнадцать франковъ; наконецъ, наступаетъ третій и послѣдній годъ; черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ работы, подобной предыдущей, бакалавръ защищаетъ свою тезу, съ величайшимъ успѣхомъ, а потомъ, сдѣлавшись адвокатомъ, защищаетъ, для дебюта, процессъ директора Ambigu или Gaité, которые, съ своей стороны, допускаютъ къ предварительному чтенію его мелодраму, въ болшемъ или меньшемъ числѣ актовъ. Но какъ въ Парижѣ слишкомъ-мало — всего двадцать съ чѣмъ-то! — театровъ для восьми или девяти-сотъ писателей, которыхъ ежегодно производитъ драматическая школа площади Пантеона; то изъ девяти-сотъ адептовъ, двадцати пяти или тридцати удается, въ-послѣдствіи, занять мѣсто рядомъ съ своими прежними сотоварищами — Скрибомъ, Мельвилемъ, Бааромъ, и проч., между-тѣмъ какъ остальные восемь-сотъ семьдесятъ, помечтавъ о славѣ, кулисахъ, и авторскихъ правахъ, подъ-конецъ покупаютъ себѣ нотаріальную вѣнтору, или поступаютъ просто писцами, смотря по тому, счастливо-ли успѣютъ жениться.

Баару было двойнѣ предназначено занять со-временемъ видное мѣсто въ водевильной литературѣ; потому-что, до вступленія въ Школу Правъ, онъ кончилъ курсъ въ заведеніи Ste-Barbe, — разсадникѣ драматическихъ писателей, романистовъ и журналистовъ. Основатель этого пансіона, г. Делонно, какъ-будто предвидѣлъ многочисленную фалангу

литераторовъ, которые сзрѣютъ подъ его бдительнымъ надзоромъ, и поэтому составилъ и издалъ въ свѣтъ *Словарь рифмъ*, — заключающій въ себѣ почти всю бібліотеку нынѣшнихъ водевиллистовъ.

Успѣхъ первой пьесы Баяра доставилъ ему дружбу Пикара и безденежный входъ въ театръ. Этого ободренія было довольно для начинающаго автора, и занимаясь адвокатствомъ, онъ посвящалъ свободныя минуты любви къ драматическому искусству. Первые пьесы Баяра — многія между ними въ стихахъ — были представлены на сценѣ Одеона, котораго партерь безжалостно выражаетъ свое неудовольствіе на писателей. Значитъ, литератору-дебютанту, имѣющему дѣло съ такими судьбами, надо строго обсуживать свои произведенія, и пускать ихъ въ ходъ доконченными, отдѣланными, по возможности. Оттого-то первые драматическіе опыты Баяра не остались безплодными для его будущности, и если въ-послѣдствіи публика признала даже въ самыхъ простыхъ его водевиляхъ настоящія идеи комедій и отблески сцены болѣе-возвышенной, то авторъ былъ обязанъ успѣхомъ своему первому, серьезному труду.

Когда Волшебный стрѣлокъ, подъ названіемъ *Robin de Bois*, завладѣлъ Одеономъ и вытѣснилъ изъ него комедію, Баяръ отправился на театръ Гимназіи, тогда бывшій въ модѣ, и здѣсь огромный успѣхъ пьесы, *la Reine de seize ans*, оставленной при содѣйствіи добраго Девозья, рѣшилъ участь Баяра. Съ-тѣхъ-поръ, онъ вѣдался исключительно водевилемъ. Незадолго до вступленія своего на театръ Гимназіи, онъ желался на племянницѣ Скриба.

Изъ двухъ-сотъ пьесъ Баяра, игранныхъ на всѣхъ сценахъ, а на-попню важъ главнѣйшія, которыя почти всѣ переведены на русскій языкъ, и если теперь сошли со сцены, то по-крайней-мѣрѣ прежде постоянно являлись на афишѣ.

На театрѣ Одеона: *Oncle Philibert*.

Комическая-Опера: *le Remplaçant*.

Драматическая Гимназія: *la Reine de seize ans*, — *la Manie des places*, — *les Actionnaires*, — *le Serrurier*, — *le Gardien*, — *la Fille de l'avare*, — *la Lectrice*, — *le Gamia de Paris*, — *le Muet d'Ingouville*, — *Moiroud et Compagnie*, и друг.

Т. Водевиль: *Marie Mignot*, — *Mathilde ou la jalousie*, — *le Démon de la nuit*.

Т. Разнообразія: *le Père de la débutante*, — *Mathias l'invalido*, и друг.

Въ 1847 году, Баяръ получилъ орденъ Почетнаго Легіона, но не

быть членомъ Французской Академіи, въ которой давнымъ-давно за-
сѣдаютъ г. Ансло, авторъ вылыхъ и водянистыхъ комедій, осужденныхъ
на забвеніе павлиннымъ перомъ Жюль Жанена.

Кстати. Неподражаемый театральныи критикъ недавно попалъ, по
очереди, на цѣлыя двѣ недѣли, въ присяжные судьи благочинія. Добрый,
веселый Жюль-Жанень надѣлъ мантию, чтобы разбирать права на собствен-
ность украденныхъ носовыхъ платковъ, и примирять хозяекъ съ кухарка-
ми! Впрочемъ, съ перваго же засѣданія, судьи замѣтили, что присяжные
представили имъ бездну, такъ-называемыхъ, *circonstances atténuantes*,
обстоятельствъ, смягчающихъ вину, и судьи сперва не поняли, откуда
произошла такая необыкновенная доброта. Начали добираться до ея источ-
ника, и вотъ что оказалось: оказалось, что Жюль Жанень простеръ
свое вліяніе на присяжныхъ. Это вліяніе обнаружилось по поводу дѣла о
шестидесятилѣтней старухѣ, которая посягнула... на рубашку и пару
башмаковъ, — всего на шесть франковъ. Судьи оправдали старуху, и
она ушла домой, да притомъ и не съ пустыми руками, а съ деньжонками,
которыя, въ томъ же засѣданіи, собрали ей присяжные между своею
братіей, по предложенію мосье Жанена. Но правительство справедливо раз-
судило, что такая поблажка, такое наводненіе смягчающихъ обстоятельствъ,
приводимыхъ кстати и некстати, могутъ имѣть опасныя послѣдствія,
и что неголяи воспользуются имъ, и въ полночь подстерегутъ, на углу
улицы Vaugirard, самого же присяжнаго, когда онъ будетъ возвращаться до-
мой послѣ представленія новой пьесы, или послѣ партіи домино, въ
второмъ каждый вечеръ онъ поражаетъ Понсара, — и потому за-
претило г. Жанену умиляться предъ человѣческою слабостью.

Какъ я заговорилъ о судѣ, то вотъ два слова о процессѣ, который
затѣялъ-было директоръ Итальянской Оперы, г. Конти, съ пѣвицею
Крувелли. 25 января назначена была опера *Луиза Миллеръ*. Сеньора
Крувелли, игравшая въ этой пьесѣ, 23 числа вечеромъ получила
обычную повѣстку, но въ день представленія сказалась больною. По-
слали доктора, для освидѣтельствованія; всулашь увѣдомилъ директора,
что у госпожи Крувелли нѣтъ ни лихорадки, ни особеннаго жара, ни
омышки, ниже какого либо признака болѣзни, препятствующей явиться въ
должность. Однакожь, больная все-таки не поѣхала въ театръ. Въ-слѣдствіе
чего Конти призвалъ ее въ судъ, требуя двѣ тысячи франковъ штрафа. Отъ
привадоны потребовали объясненія. Она объявила, что по формальному
условію съ директоромъ, послѣдній обязался внести банкиру, не позже
2 февраля, тридцать пять тысячъ франковъ, слѣдующихъ ей до окон-
чанія театральнаго сезона, а между-тѣмъ денегъ этихъ не вноситъ. Судьи

подумали — и рѣшили: что сенъора Крувелли должна внести сенъору Конти двѣ тысячи франковъ штрафу, поелику не играла роли *Луиза Миллеръ* и тѣмъ нанесла ущербъ театру, а сенъоръ Конти обязанъ внести сенъорѣ Крувелли тридцать пять тысячъ франковъ, и не позже, какъ черезъ три дня. Затѣмъ, истецъ и отвѣтчикъ раскланялись съ судьями и поѣхали домой.

Во всемъ этомъ очень мало поэзіи; впрочемъ, не думайте, что муза рѣшительно замолкла во Франціи: она поетъ — и въ столицѣ и въ департаментахъ. Недавно нѣкто г. Легильонъ издалъ стихотворный сборникъ, въ которомъ помѣщенъ, между французскими поэтами, — кто бы вы думали? — *Абд-эль-Кадеръ!*...

И такъ, поэзія еще здравствуетъ. Журналистика тоже начинаетъ оживляться. Въ Парижѣ явилось нѣсколько новыхъ газетъ и журнальцевъ, болѣею частью, художественнаго и юмористическаго содержанія: *Paris, — Critique, — l'Europe artiste*, и другіе. Есть, впрочемъ надежда, что эти свѣжіе листки упадутъ, какъ только расгустятся листья на деревьяхъ.

Въ нынѣшній разъ, болѣе нежели когда-нибудь, я вправѣ жаловаться на недостатокъ театральнаго новостей, разумѣется, замѣчательныхъ; потому-что въ фарсахъ не бываетъ неурожая, особенно въ карнавальное время, когда дирекціи театровъ лезутъ изъ кожи, чтобы тѣшить почтеннѣйшую публику.

Въ Императорской Академіи Музыки даютъ попрежнему оперу Верди: *Луиза Миллеръ*, сокращенную и дополненную: довольно-странное сочетаніе двухъ прилагательныхъ, противорѣчащихъ одно другому. Дополненіе заключается въ томъ, что изъ трехъ-актной пьесы, какъ она дается въ Италіи, переводчикъ сдѣлалъ четыре акта. Сокращеніе же — выкинулъ изъ партитуры мѣста, которыя не по силамъ пѣвцамъ и пѣвицамъ. Можете вообразить, какъ выиграли отъ этой передѣлки искусство и публика, хотя, впрочемъ, дирекція не въ убыткѣ.

Пока на одномъ театрѣ такъ безцеремонно обошлись съ Верди, Комическая-Опера поставила давно-извѣстную, по сюжету, оперу въ трехъ дѣйствіяхъ: *Глухой* или *полный трактиръ* (*le Sourd, ou l'Auberge pleine*), съ музыкой Адольфа Адана. Названіе пьесы популярное: пьеса эта обошла всѣ сцены. Ей апплодировали всѣ поколѣнія, ее играли всѣ знаменитые комики. *Глухой* пользовался въ-продолженіе сорока лѣтъ неслыханнымъ успѣхомъ, какимъ не могутъ похвалиться многія образцовыя произведенія. Въ первый разъ комедія подъ этимъ названіемъ была представлена въ 1790 году. Роль Данъбера создалъ тотъ-

да Бантисть—младшій, вставившій въ нее уморительныя шутки, и между прочимъ забавную сцену, въ которой Даньеръ устроиваетъ себѣ постель изъ трактирнаго стола и разныхъ принадлежностей столовой, какія попадаются ему подъ руку. Это было въ 1790 году; въ 1853, Даньеръ ситтъ въ креслахъ. Соли, которая восхищала парижскую публику за шестьдесятъ лѣтъ, тоже нѣтъ въ пьесѣ. Вообще, она потерпѣла значительныя перемѣны; остался на прежнемъ основаніи только желтый фракъ Бантиста. Ему наследовала теперь Сентъ—Фуа, играющій свою роль весело, игриво, къ совершенному удовольствію партера, которому, впрочемъ, не менѣе нравится —

Свадьба Жаннеты (Les Noces de Jeannette), опера въ одномъ дѣйствіи, пьеска простенькая, съ музыкой Виктора Массе, написанная на слова г.г. Корре и Жюля Барбе, неразлучныхъ, какъ чашка и блюдечко. «Свадьба Жаннеты» нѣсколько, и даже порядочно, похожа на «le Châlet». Исторія простая: Жану хотѣлось, страхъ какъ хотѣлось жениться на сосѣдкѣ, мамзель Жаннетѣ. Она согласилась; женихъ и невѣста приходятъ къ меру, чтобы подписать контрактъ; но въ то мгновеніе, какъ надо было произнести рѣшительное: да, и подписаться, Жанъ убѣжалъ изъ меріи. Не думайте, чтобы онъ не любилъ Жаннеты: нѣтъ, но ему, просто, сдѣлалось страшно. Жанъ возвращается домой, снимаетъ фракъ и хочетъ еще разъ насладиться холостую жизнью съ товарищами. Жаннетта, разумѣется, требуетъ, чтобы онъ объяснилъ свой страшный поступокъ. Жанъ отвѣчаетъ, что онъ раздумалъ, не хочетъ жениться, и идетъ гулять съ пріятелями. Жаннета была огорчена, однакожь, прикинулась равнодушною.

Жанъ подгулялъ и едва поддерживаетъ равновѣсіе. Жаннета приходитъ усовѣстить его, и говоритъ, что въ этотъ разъ онъ долженъ дать отвѣтъ не ей, но ея отцу, отставному солдату, который, несмотря на свою болѣзнь, всталъ съ постели, и потребуетъ у него объясненія. Жану остается только одно средство выпутаться изъ бѣды: подписать бумагу, которую подаетъ ему Жаннетта. Вы уже угадали, что эта бумага — свадебный контрактъ, Жаннета знаетъ, что Жанъ въ душѣ добрый малый, и такъ твердо увѣрена снова пріобрѣсти его любовь, что тутъ же и сама подписываетъ контрактъ. Жанъ приложилъ подпись, не прочитавъ бумаги: у него рябило въ глазахъ; но какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, то пришелъ въ ярость и, разумѣется, началъ ломать стулья. «А, мамзель Жаннета! вы хотите быть моею женою! Хорошо же: вы будете у меня ѣсть черствый хлѣбъ, пить воду, спать на соломѣ; я заставлю засѣ пасти телятъ, водить лошадей на водочной, и проч. и проч.» Изливъ негодованіе, Жанъ хлопнулъ дверью, gle

и пошелъ спать на чердакъ. Пока вино испарялось въ глубокомъ снѣ, Жаннета поставила, вмѣсто старой мебели Жана, другую, новую, которая досталась ей въ наследство отъ крестной матери; приготовила ему ужинъ, такъ, что, проснувшись, Жанъ не вѣрилъ глазамъ. Нечего и говорить, что эти доказательства любви Жанкеты подѣйствовали на него, и онъ сію-же минуту пошелъ къ меру, засвидѣтельствовать подлинность подписи, которая его такъ ужасала.

Мадмуазель Міоланъ чрезвычайно мила въ роли Жанкеты, а Кудеркъ, играющій Жана, восхитилъ публику, какъ пѣвецъ, и какъ прекрасный комикъ.

Третья новость Комической-Оперы, —

Зеркало (le Miroir), не та необходимая мебель прекраснаго пола, которую, въ прошломъ столѣтіи, называли *дамскимъ совѣтникомъ*, но волшебное зеркало, придуманное Баяромъ и д'Овриньи, которое имѣетъ удивительное свойство: тускнуть, какъ только въ него поглядится невѣрная супруга, или дѣвушка, позволившая поцѣлывать себя какому-нибудь любезнику.

Это ужасное зеркало подаетъ совѣты въ бѣдной тирольской деревнѣ, у фрау Беатрисы. Если ревнивые и мнительные мужья въ восхищеніи, что у нихъ есть пробный камень узнавать вѣрность женъ, зато послѣдніи очень имъ недовольны, и въ одинъ прекрасный день, когда все мужское народонаселеніе деревни отправилось на стрѣльбу въ дѣль, жены прибѣжали толпою къ Беатрисѣ, чтобы разбить предательное зеркало, — и непременно исполнили бы свое намѣреніе, еслибъ не вмѣшался въ дѣло бургомистръ, Фришманъ, который хочетъ жениться на Эднѣ, племянницѣ Беатрисы, и жаждать-бы узнать ея расположеніе къ своей персонѣ.

Между-тѣмъ, охотники пріѣзжаютъ, чтобы по мѣстному обычаю назначить «королеву» королю охоты. Выборъ падаетъ на Эднѣ. Представьте ея удивленіе, когда она узнаетъ въ охотникѣ—Карла, красиваго молодаго чело-вѣка, черты котораго вѣзались у ней въ сердцѣ съ того дня, когда онъ чуть не погибъ, срывая для нея незабудку на краю пропасти! Карлъ также сохранилъ вѣжную привязанность къ Эднѣ, и доказываетъ свою любовь, не только на словахъ, но на дѣлѣ: онъ поцѣловалъ ее. «Вы погубили меня!» вскричала дѣвушка, закрывъ лицо руками, и убѣжала.

У Эднѣ есть подруга, Мина, на которой Карлъ обѣщалъ жениться, если будетъ богатъ. Встрѣтась съ Миной, онъ сдѣлалъ довольно-неловкую мину, однакожъ, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, цѣлуетъ свою прежнюю невѣсту. Въ это ровное мгновеніе, входитъ бургомистръ;

Миша бѣжить опрометью въ ту комнату, гдѣ спряталась Эднѣ. Геръ Фринманъ думаетъ, то охотникъ поцѣловать его будущую супругу; но, въ это время, двѣ дѣвушки выходятъ разомъ изъ одной комнаты. Которую же такъ коварно поцѣловалъ Карлъ, — Эднѣ или Мишу? Надо спросить у зеркала: бургомистръ, по глушости, вѣрить въ его волшебное дѣйствіе. Начинается испытаніе. Миша, зная по опыту безславіе зеркала, не колеблется предстать на его судъ. Стекло отражаетъ ея черты и не тускнеть. Но Эднѣ ни за что не хочетъ поднять глаза на судью. Дѣло рѣшено: ее поцѣловалъ Карлъ, и бургомистръ предлагаетъ свою руку Мишѣ, чрезвычайно довольной судьбою.

Однакожь Карлъ не хочетъ, чтобы на его возлюбленную надалъ оскорбительный упрекъ, называетъ волшебную силу зеркала — сказкою, и разбиваетъ его кулакомъ. О чудо! Съ дребезгами зеркала посыпались золотыя и серебряныя монеты, которыя фрау Беатриса скопила въ приданое своей племянницѣ, показывая, разумѣется не даромъ, свое зеркало любопытнымъ. Славную штуку сыграла, фрау Беатриса! Да у нея одной больше ума, нежели у цѣлой деревни!

Зеркало—первое произведеніе композитора Гастинеля, получившаго институтскую премію въ 1846 году. Въ партитурѣ много мелодій, и мелодій оригинальных; жаль только, что ихъ заглушаетъ оркестровка, вѣскольکو шумная и слишкомъ ученая. Во всякомъ случаѣ, молодого композитора можно скорѣе упрекнуть въ избыткѣ, нежели въ недостаткѣ таланта.

Капитальная сценическая новость прошлаго мѣсяца—пяти-актная комедія, въ прозѣ, *Леди Тартюфъ* (*Lady Tartuff*). Каждое драматическое произведеніе г-жи Жирарденъ—событіе въ драматической литературѣ; оттого и назвая пьеса этой смѣлой, чрезвычайно даровитой писательницы привлекла во Французскій Театръ самое блестящее общество. Ложи, галлерей, кресла были заняты всѣми возможными знаменитостями большаго свѣта и умственной дѣятельности.

Леди Тартюфъ происходитъ по прямой линіи отъ Мольерова *Тартюфа*, только эта леди—современная и дочь французскихъ нравовъ. Ее зовутъ Виргинія де-Блоссакъ, а новое прозваніе она получила послѣ своего путешествія по Шотландіи. Женщина эта скрываетъ подъ личиною кротости и доброты величайшее честолюбіе. Главная цѣль у ней—выйти за-мужъ за г. д'Эстиньи, и для достиженія этой цѣли, леди Тартюфъ приобретаетъ союзника въ лицѣ друга д'Эстиньи, баронѣ Детурьерѣ, одолживъ ему, въ критическую минуту, двадцать тысячъ франковъ. Заемъ этотъ, разумѣется, ставитъ барона въ совершенную зависимость отъ кредитора.

Д'Эстиньи намѣревается на-дняхъ выдать свою племянницу, невинную, простодушную дѣвушку, Жанну де-Клермонъ, за-мужъ за Гектора де-Ренвиля. Матери этой Жанны, графинѣ Клермонъ, обязана Виргинія прозваніемъ «леди Тартюфъ», и какъ притворница уже четыре года влюблена безъ памяти въ Гектора, то теперь въ ней вспыхиваютъ разомъ ненависть, обманутая любовь, честолюбіе и ревность, и она рѣшается, какими-бы ни было средствами, разстроить предполагаемый бракъ. Мадамъ де-Блоссакъ клевететь на свою соперницу, которая будто-бы вела, въ Блуа, интригу съ Шарлемъ де-Вальре, и въ тоже время захватываетъ довѣрчиваго д'Эстиньи въ свои сѣти, такъ что онъ выгоняетъ изъ дому г-жу Клермонъ вмѣстѣ съ ея дочерью.

Гекторъ не сомнѣвается въ чистотѣ Жанны и требуетъ, чтобы мадамъ де-Блоссакъ объяснила ему, изъ какихъ видовъ она очернила его невѣсту. Тогда Виргинія открывается ему въ любви и общается сама придти къ нему и рассказать всю истину. Но Гекторъ не такъ простъ, какъ старый д'Эстиньи, и соглашается на предложеніе хитрой женщины только для того, чтобы оправдать Жанну.

Между-тѣмъ Детурбьеръ освобождается отъ обязательности леди Тартюфъ, заплативъ ей занятые двадцать тысячъ франковъ, и принимаетъ сторону слабыхъ.

Какъ разъяснить темное дѣло? На какомъ основаніи могли подозрѣвать Жанну? Призываютъ Леонарда, стараго садовника замка г-жи Клермонъ, человѣка честнаго, неспособнаго на ложь, и который, говорить, былъ свидѣтелемъ свиданія своей молодой хозяйки съ Шарлемъ де-Вальрэ. Леонардъ подтверждаетъ, что онъ видѣлъ собственными глазами, какъ Жанна провожала, г. де-Вальрэ до садовой калитки. Однакожъ рассказъ этотъ не можетъ поколебать довѣрія Гектора де-Ренвиля, и онъ проситъ г-жу Клермонъ позвать дочь. При имени де-Вальрэ, Жанна покраснѣла и подняла глаза. Она дала клятву хранить втайнѣ это приключеніе, но теперь, по настоятельнымъ просьбамъ матери, простодушно открываетъ истину. Назадъ тому съ годъ, графиня Клермонъ была больна при смерти, и только продолжительный сонъ могъ ее спасти. Но едва больная заснула, какъ въ саду раздался лай сторожевой собаки; Жанна бросилась изъ комнаты матери, и увидѣла, что Медоръ гонится за г. де-Вальрэ. Чтобы унять собаку, дѣвушка подошла къ молодому человѣку, начала съ нимъ дружески разговаривать, взяла его подъ руку, вывела изъ саду, и Медоръ замолчалъ, увѣрившись, что Шарль — домашній! Но какъ и зачѣмъ де-Вальрэ попалъ въ садъ, Жанна рѣшительно не

понимаетъ. Такимъ-образомъ, Жанна оправдана въ глазахъ матери и жениха. Остается только уличить клеветницу, и Детурбьеръ является грозною Немезидой, представивъ живѣйшія доказательства, что Шарль де-Вальрэ, мнимый почитатель Жанны, попалъ въ лапы Медору, выскочивъ изъ окна сосѣднаго дома, и что въ томъ домѣ жила не иная кто, какъ леди Тартюфъ!

Въ комедіи мадамъ Жирарденъ бездна ума, много сердца, но публика и газеты говорятъ единогласно, что контуру главнаго лица пьесы недостаетъ твердости, и что безъ игры такой актрисы, какова Рашель, роль Виргиніи — невозможна.

Но — довольно серьезнаго. Пойдемте лучше въ театръ Разнообразія: тамъ

Будутъ молотъ вздоръ (On dira des bêtises), и очень забавный, потому-что для него сошлись три веселые водевилета: Лабишъ, Деландъ и Делакуръ. Не угодно-ли?

Москѣ Дюбукѣ пріѣхалъ изъ Прованса въ Парижъ, прискаты себѣ мѣстечко, да кстати повеселиться о масляницѣ, и остановился у своего племянника, Поля, служащаго на какой-то конторѣ. Роясь въ бумагахъ племянника, дядюшка нечаянно находитъ приглашеніе на балъ, присланное модисткою, мадамъ Сень-Леонъ. На запискѣ былъ оригинальный post-scriptum: «будутъ молотъ вздоръ!» Поль-же кстати въ этотъ день былъ приглашенъ на вечеръ къ мадамъ де-Преванъ, которая взялась вывести Дюбукѣ въ люди, — и дядюшкѣ ничто не мѣшаетъ замѣнить племянника. Дюбукѣ беретъ своего друга, Бигоро, и отправляется по указанному адресу.

Но тутъ вышло маленькое недоразумѣніе: два провансальца ошиблись дверью, и попали, вмѣсто третьяго этажа, въ бель-этажъ; шли молотъ вздоръ у мадамъ Сень-Леонъ, а очутились на свѣтскомъ балѣ, у мадамъ де-Преванъ. Но Дюбукѣ, ничего не подозревая, старается изъ всѣхъ силъ гѣшить гостей; выдѣлываетъ разныя невѣроятныя па въ китайскомъ вкусѣ, бросаетъ подъ ноги хлопущки, привлекаетъ къ стѣнѣ бумажку съ надписью: *будутъ молотъ вздоръ!* и сверхъ-того отворяетъ дверь ватагѣ пьерро, дебардеровъ, пастушекъ, которые являются сюда съ бала мадамъ Сень-Леонъ. Можно себѣ представить какія выходятъ изъ всего этого суматоха на тонномъ вечерѣ. Но дѣло объясняется; публикѣ жаль, что такъ скоро развязался забавный фарсъ, и завѣсъ опускается при громѣ аплодисмановъ. Разумѣется, что Поль женится на племянницѣ мадамъ де-Преванъ, и что этому браку помогаетъ почтеннѣйшій Дюбукѣ, подаривъ племяннику сотню ты-

сячь франковъ, — то-есть, почти столько-же, сколько этотъ водевилъ доставить прибыли театру.

Театръ Разнообразія угадалъ вкусъ своей публики. Другія пьесы, представленныя на этой сценѣ, не уступаютъ ни на волосъ въ веселости водевилю, который я сейчасъ разсказалъ вамъ; но я не стану анатомировать ихъ; потому-что

Дочка мадамъ Грегуаръ (La Fille de madame Grégoire), водевилъ Мишеля Деланпорта и Монто,

Блдовый другъ (Un Ami achainé), комедія водевилъ, Лабаша и Желли, и

Огородъ Колифиче (le Potager de Colifichet), водевилъ Бризбарра и Нью,—всѣ три одно-актныя,—назначены, не для литературной критики: это путаница веселыхъ сценъ, написанныхъ собственно для актеровъ.

Я хотѣлъ бы разсказать вамъ содержаніе драмы, *Дядя Томъ* (L'Oncle Tom), въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ, передѣланной изъ того же романа Генриэтты Стувъ, изъ котораго l'Ambigu выкроилъ драму la Case de l'oncle Tom; но эта такая великолѣпная чепуха, такое сплетеніе обстоятельствъ, что вы ничего не узнаете изъ маленькаго очерка, а разсказывать подробно — не стоить, хотя *Дядя Томъ*, сочиненіе Анисе Буржуа, Вальи и Тексье, и доставляетъ огромные сборы Театру Веселости.

Въ противоположность этой драмѣ, исполненной сильныхъ ощущеній, здѣсь даютъ, для съезда каретъ, преуморительный водевилъ въ одномъ дѣйствіи, *Маленькій Провансъ* (la Petite Provence), неистомимый каскадъ каламбуровъ. *Маленькимъ Провансомъ* называется часть Тюльерійскаго сада, куда собираются няньки съ дѣтьми и старики, живущіе своими доходами; здѣсь же отдаются въ наемъ стулья и газеты. Случилось однажды, что мосье Кло-Вужо, зайдя въ Тюльерійскій садъ, чтобы убить время, увидѣлъ на рукахъ піонера ребенка.

— Чей это малютка? спрашиваетъ онъ у сына Марса и Беллоны.

— Чей? Разузнется, мой! Это мой сынъ! отвѣчаетъ піонеръ, чтобы прикрыть безпечность кормилицы, которая попросила его подержать малютку.

Папенька взбѣшенъ, отнимаетъ своего будущаго наследника изъ рукъ піонера и бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Піонеръ бѣжитъ за папешкой, кормилица бѣжитъ за піонеромъ, мадамъ Кло-Вужо бѣжитъ за кормилицей, ловкій франтъ бѣжитъ за мадамъ Кло-Вужо. Изъ всей этой

блгоутн выходитъ пропасть забавныхъ quiproquo. Наконецъ, ребенка находятъ на печуркѣ у привратника, кладутъ въ люльку и дѣло разясняется, къ общему удовольствію. Публика надрываетъ животники въ-долженіи всей пьесы.

Къ этому же разряду невиннаго вздора принадлежать, поставленные на театрѣ Драматическихъ Шалостей: *Карнавалъ мужей* (le Carnaval des maris), водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Кармона и Гранже; *Баль съ смѣльными ощущеніями* (Un bal à émotions), водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненія Буассло.

Единственная порядочная комедія съ куплетами принадлежитъ покойному Баару, и представлена въ Пале-Ройялѣ, подъ названіемъ: *Вотъ извольте жить въ своемъ домѣ!* (Habitez-donc votre immeuble!) Дюроше наскучило выдѣлывать антрша въ Оперѣ, и онъ хочетъ отдохнуть въ собственномъ домѣ, нажитомъ въ потѣ ирѣ и пятокъ. Но едва поселился онъ посреди своихъ пенатовъ, съ своею воспитанницей, какъ ему начинаютъ надоѣдать жилицы. Сначала, мосѣ Александръ, его племянничекъ, который живетъ подъ крышею, въ пятомъ этажѣ, и питаетъ высокую любовь къ мамзель Виргиніи, вѣтренной бдительному надзору бѣднаго Дюроше, а потомъ мамзель Леопольдина, старинная страсть нынѣшняго домохозяина, занимающая квартиру въ нижнемъ этажѣ. Бель-этажъ занимаетъ чета, состоящая изъ бенгальскаго тигра и чувствительной жены, которая сдаетъ въ наемъ одному офицеру часть квартиры четвертаго этажа. Дюроше стоитъ подъ перекрестнымъ огнемъ: съ одной стороны — любовь племянника и воспитанницы; съ другой — просьбы жилицы бель-этажа, которая умоляетъ хозяина выпроводить изъ четвертаго этажа несправнаго постояльца; здѣсь — мелкіе жилицы требуютъ починокъ, тамъ — идетъ нестерпимый запахъ изъ лавочки. Дюроше узнаетъ, но уже поздно, что единственное наслажденіе владѣть домомъ — не платить за квартиру, и радъ-радехонецъ, что можетъ сбыть его съ рукъ, отдавъ его въ приданое за мамзель Виргиніи, на которой женится Александръ.

Вотъ и все. Бѣдный мѣсяцъ для драматической литературы; зато, вотъ вамъ пара новостей, привезенныхъ изъ Новаго Свѣта съ послѣднимъ пароходомъ:

— Въ Чипчинпати умеръ, на пятьдесятъ-седьмомъ году, знаменитѣйшій трагическій актеръ Соединенныхъ-Штатовъ, Юніусъ-Брутусъ Бутъ, игравшій роли героевъ съ такимъ совершенствомъ, что его прозвали вторымъ Киномъ. Бутъ нажилъ порядочное состояніе и былъ замѣчательнымъ эксцентрикомъ въ домашней жизни.

— Въ мирномъ и красивомъ городѣ Лимѣ произошла ссора между двумя странствующими труппами актеровъ, въ которой игралъ рядочную роль перуанскій журналистъ, el Соггео.

На одномъ и томъ же театрѣ давали испанскую драму и итальянскую оперу. Пѣвцы играли два раза въ недѣлю, а драматическіе актеры — три раза. Публика предпочитала итальянцевъ. Это не понравилось испанцамъ, и они открыли огонь, изъ столбцевъ газеты el Соггео, нападками на примадонну, мадамъ Борили-Торнъ. Нападки продолжались до того дня, когда дилетанты, наконецъ, открыли автора пристрастныхъ статей. Испанская труппа была ошканиваема во время представленія и удалена со сцены до окончанія пьесы; а въ тотъ же вечеръ, восторженные меломаны дали, подъ окнами примадонны, серенаду съ факелами. Но торжество сеньоры Борили было непродолжительно: el Соггео на другой же день возобновилъ нападки. Мужъ пѣвицы, сынъ нью-йорскаго миллионера Торна, счелъ долгомъ вступиться за жену; подстерегъ редактора el Соггео, и желая наказать его, ошибкою ранилъ одного француза, вовсе не причастнаго къ дѣлу. Торнъ, разумѣется, тотчасъ же былъ схваченъ, и теперь производится слѣдствіе. Театръ закрыли, а итальянцы отправились въ Санъ-Франциско. Какъ-бы только не перессорились они съ калифорнійскими журналистами!

А. БОНАВЕНТУРА.

II.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА, отъ 11/23 февраля 1853 года.

Англійская литература.—Мистрисъ Горъ, леди Джоржіана Фоллертонъ и Корреръ Белъ.— Романъ автора «Дженни Эйръ», — «Вильетта.» — Бальверъ. — Лондонскіе театры. — Макбетъ. — Новая пьеса Дугласа Джерольда. — Сентъ-Джемскій театръ и французская труппа. — Коминъ Равель.—Концерты.

Погода стоитъ дурная, и никуда не хочется выходить изъ дому. Мы играемъ по вечерамъ въ пикетъ и толкуемъ о послѣднемъ романѣ мистрисъ Гарриетъ Стувъ, которую, какъ говорятъ, пригласили въ Англию ливерпульскія и Глазговскія дамы. Необыкновенный успѣхъ «Дяди Тома» вывелъ изъ бездѣйствія здѣшнихъ писательницъ. Англійскіи

дны не остались въ долгу у Америки. Три романа вышли почти въ одно время. Мистрисъ Горъ написала «Дочь декана»; леди Джорджиана Фоллертонъ издала свой романъ «Леди Бердъ», а авторъ «Дженни Эйръ» скрывающій свое настоящее имя подъ псевдонимомъ Корреръ-Беля, явилась въ свѣтъ съ новымъ романомъ «Виллетта», который чрезвычайно нравится англійской публикѣ. Признаюсь, я развернулъ его съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, вспомни про неудачу «Ширлея», но прочтя нѣсколько словъ, убѣдился вполне, что одна эта книга могла бы сдѣлать имя Корреръ Беля извѣстнымъ въ литературѣ. Въ этомъ романѣ, какъ и въ Дженни Эйръ, авторъ заставляетъ героиню Люси Сновъ, разсказывать свою исторію. Оба разсказа имѣютъ, конечно, нѣкоторое сходство, но оно ни мало не вредитъ занимательности. Элементы характера тѣже—избытокъ чувствительности, какая-то врожденная прелесть и сила воли, при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. Обѣ героини не блестятъ красотой, обѣ любятъ со всею пылкостью души, и обѣ привязываютъ къ себѣ почти одинакими качествами. Здѣсь прекращается сходство, и положеніе Люси Сновъ такъ мало напоминаетъ Дженни Эйръ, а человекъ, котораго она любитъ, Поль Эммуэль, такъ не похожъ на Рочестера, что всякое сравненіе дѣлается невозможнымъ.

Впрочемъ, достоинства этого романа заключаются не въ сюжетѣ. Положеніе бѣдной дѣвушки, гувернантки въ одномъ изъ брюссельскихъ пансіоновъ не представляетъ никакихъ драматическихъ эффектовъ, но зато даетъ случай автору мастерски очертить совершенно новые характеры. Содержательница пансіона, мадамъ Бекъ, съ ея кошачьею походкою, живыми, бѣгающими глазами и неподвижнымъ лицомъ, такое существо, для очерка котораго необходимъ гениальный талантъ. Ни малѣйшій оттѣнокъ не ускользнулъ отъ наблюдательности автора. Ни въ чемъ не видно преувеличенія,—жизнь является передъ нами такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Этотъ романъ можно смѣло рекомендовать читателямъ, и мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ него небольшую выписку, чтобы дать понятіе о содержаніи и слогѣ.

Весь интересъ романа раздѣляется между Люси Сновъ и Полиной Хонъ, милымъ созданіемъ, надъ портретомъ которой съ особенною любовью останавливается писательница. Въ первой части вы видите ее ребенкомъ, но во второй она является уже очаровательною женщиною, съ дѣтскими же сердцемъ и дѣтскою оригинальностью. Мы выпишемъ здѣсь эпизодъ изъ жизни мистрисъ Меримондъ, у которой въ домѣ живетъ въ-послѣдствіи Люси Сновъ.

— «Дитя мое, сказала она, наканунѣ Рождества я принадлежала

въ ожиданіи жедна, съ которымъ мы скоро должны были обвѣнчаться. Я съла и стала ждать. Какъ теперь, я помню эту минуту, какъ теперь вижу дневные лучи, прокрадывающіеся ко мнѣ въ окно, у котораго не снушена была стора, потому—что мнѣ хотѣлось видѣть, какъ онъ поѣдетъ мимо; какъ теперь, чувствую теплоту огонька, пылавшаго въ каминѣ, отражавшагося на моемъ шелковомъ платѣ, и вижу молоденькое лицо свое въ зеркалѣ. Я вижу, какъ полная луна тихой зимней ночи поднимается, свѣтлая и холодная, надъ темнымъ кустарникомъ и посеребренными полями моей мызы. Я жду, съ нетерпѣніемъ въ душѣ, но безъ сомнѣнія въ сердцѣ. Огонекъ потухъ въ каминѣ, и угли еще не остыли; луна поднялась высоко, но все еще видна была изъ окна; часы пробили десять; онъ рѣдко пріѣзжалъ позже этого времени, но раза два случалось, что онъ опаздывалъ.

— Неужели онъ не пріѣдетъ?— Нѣтъ, этого быть не можетъ; да вотъ онъ и ѣдетъ, ѣдетъ шибче, чтобъ вознаграить себя за потерянное время. Франкъ, вы нетерпѣливый ѣдокъ, сказала я въ душѣ, съ радостью, но и съ безнокойствомъ въ душѣ прислушиваясь къ лошадиному топоту; но я васъ побраню: я скажу вамъ, что вы не бережете моей шеи, потому—что все ваше—мое. Онъ прискакалъ: я видѣла его; но кажется, слезы не дали мнѣ хорошенько разглядѣть его. Я видѣла лошадь, слышала топотъ, я видѣла какую-то массу — слышала крикъ. Чтѣ-же это несли черезъ дугъ? Какъ назвать то, чтѣ луна освѣтляла предо мною? Какъ выразить чувство, стѣспившееся въ моей груди.

Я могла только выбѣжать. Вороная лошадь Франка, дрожа и фыркающая, стояла у воротъ. Кто-то держалъ ее: я думала, Франкъ.

— Чтѣ случилось? спросила я.— Ступайте въ домъ, сударыня, рѣдко отвѣчалъ слуга нашъ Томасъ. И потомъ, обращаясь къ женщинѣ, выбѣжавшей изъ кухни, прибавилъ: «Уведи отсюда барышню». Но я стояла на колѣнахъ на сѣтгу, возлѣ чего-то лежавшаго, возлѣ—чегото, стопавшаго на моей груди. Онъ не былъ мертвъ; онъ еще не совсѣмъ лишился чувствъ. Я велѣла внести его въ комнату; я не слушала, когда мнѣ приказывали отойти прочь. Во мнѣ было столько твердости, что я могла повелѣвать не только собою, но и другими. Со мною стали обращаться, какъ съ ребенкомъ, какъ всегда обращаются съ людьми, убитыми горемъ; но я не слушала никого, кромѣ доктора, и когда онъ сдѣлалъ все, чтѣ могъ, я перенесла умирающаго Франка въ свою комнату. Онъ собралъ послѣднія силы, чтобы обвѣять меня, чтобы произнести мое имя; онъ могъ слышать, какъ я тихо надъ нимъ молчалась, и чувствовать, какъ я старалась его утѣшить.

— Мерси, сказалъ онъ, я умираю счастливымъ. Эти слова вырвались у него съ послѣднимъ дыханіемъ. Когда наступило утро Рождества, моего Франка уже не было на свѣтѣ.»

Большверъ окончилъ и издалъ въ свѣтъ свой романъ «Моя повѣсть» (My Novel), печатавшійся въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ. Содержаніе довольно интересное, и напоминаетъ нѣсколько «Семейство Кекстоновъ», но растянутасть и безпреставныя отступленія отъ главнаго сюжета отнимають у него много достоинствъ.

Несмотря на упадокъ англійской драмы, пьесы Шекспира имѣютъ постоянный успѣхъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ ихъ стали чаще давать на сценѣ. Въ Виндзорскомъ замкѣ недавно поставлены были *Макбетъ* и *Гекрихъ IV*, и послѣ того первая изъ этихъ драмъ дана была на театрѣ Принцессы (Princess Theater). Кинъ игралъ роль Макбета; мистрисъ Кинъ—роль леди Макбетъ, и представленіе шло превосходно. При поднятій занавѣса на сценѣ совершенно темно, и глазъ не вдругъ различаетъ въ этой темнотѣ три формы вѣдьмъ. Вообще въ сценахъ, гдѣ являются вѣдьмы, декорациі не измѣняются, но сцена дѣлается совершенно темною. Когда Геката исчезаетъ въ воздухѣ, темнота нѣсколько разсѣвается, и при лунномъ свѣтѣ видны вдали горы. Тѣнь *Банко* является сначала при яркомъ свѣтѣ, сосредоточенномъ на его лицѣ, а потомъ показывается сквозь каменную колонну, сдѣланную прозрачною, а призраки королей видны въ полусвѣтѣ. Послѣднія сцены чрезвычайно эффектны, въ особенности, когда молодого короля Малькольма воины въ триумфѣ поднимають на щитъ. Декорациі великолѣпныя.

Новая пьеса Дугласа Джерольда «Доротей», данная сначала въ Виндзорскомъ замкѣ, недавно перешла оттуда на театръ Принцессы, но не имѣла никакого успѣха. Мы шли въ театръ въ полномъ ожиданіи видѣть интересную завязку, новые характеры и тѣму остроумія, котораго такъ много бываетъ у Джерольда; но Доротей не прибавитъ ни одного листка къ его лаврамъ. Можетъ-быть, въ Виндзорскомъ замкѣ не зѣвали изъ этикета, но на театрѣ Принцессы многіе изъ зрителей проносили свой приговоръ этою многозначущею пантомимю. Дѣйствіе происходитъ въ 1715 году, въ то время, когда мысль о возстановленіи Стюартовъ явилась у нѣкоторыхъ лицъ и обратила на себя вниманіе правительства. Меръ, разсматривая письма, распечатываетъ одно, показавшееся ему подозрительнымъ. Въ этомъ письмѣ какаа-то Доротей Будъ пишетъ между-прочимъ своей подругѣ, что цыганка предсказала ей необыкновенное счастье: что внукъ ея будетъ герцогомъ.

что она будетъ имѣть до пяти сотъ фунтовъ въ годъ на булавки, свон карету, жокеевъ и прочее. Въ этой пустой запискѣ меръ видятъ слѣдствіе какого-то заговора и приказываетъ навести справки. Племянникъ его, серъ Валентинъ, раздѣляетъ мнѣніе дяди; будучи обожаемъ прекраснаго пола, онъ, отъ нечего дѣлать, отправляется отыскивать сочинительницу письма, которую воображеніе его уже окружило всѣми прелестями красоты и молодости. Очень мило написана декорация «Сиреней», мѣстечка близъ Кенсингтона, гдѣ живетъ Доротея, и куда приходитъ серъ Валентинъ. Отецъ Доротеи, докторъ философіи Будъ, занимается обученіемъ англійскаго юношества. Онъ въ отчаяніи: каникулы приходятъ къ концу, а у него нѣтъ гувернера. Объявленіе, обѣщавшее завидную плату по десяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ, чело-вѣку, чувствующему себя въ состояніи обучать греческому, латинскому и еврейскому языкамъ, математикѣ, танцованію и музыкѣ, не произвело никакого дѣйствія. Увидя Доротею, серъ Валентинъ влюбляется въ нее и рѣшается поступить въ гувернеры, чтобы жить въ одномъ домѣ съ нею. Но въ домѣ уже поселился двоюродный братъ Доротеи, Бельфлеръ, также очень неравнодушный къ своей кузинѣ, которая однако не платитъ ему тѣмъ же. Серъ Валентинъ узнаетъ, что Бельфлеръ приверженецъ Стюартовъ и намекаетъ ему объ этомъ; соперники вызываютъ другъ друга на дуэль, и серъ Валентинъ, обезоруживъ противника, щадитъ его жизнь. За такое великодушіе, Бельфлеръ платитъ неблагодарностью:

Онъ открываетъ Доротеѣ, что гувернеръ — переодѣтый шпионъ, который для своихъ видовъ играетъ ея чувствами. Между-тѣмъ серъ Валентинъ влюбленъ не на шутку и хочетъ оставить домъ доктора Буда; но когда Доротея, со всею горечью обиженной любви, упрекаетъ его въ низости, онъ остается и даже прикидывается приверженцемъ Стюартовъ, такъ, что бѣдная дѣвушка начинаетъ бояться за его безопасность. Между-тѣмъ дядя, который въ первомъ дѣйствіи страдалъ подагрой, является сюда и подслушиваетъ этотъ разговоръ; думая, что измѣнникъ хочетъ вкрасться въ довѣріе дѣвушки, онъ объявляетъ ему, что попалъ на слѣдъ Бельфлера. Узнавъ это, серъ Валентинъ помогаетъ убѣжать своему сопернику, и потомъ объявляетъ Доротеѣ свое настоящее имя и проситъ ея руки. Докторъ Будъ въ изумленіи узнаетъ, что его гувернеръ не гувернеръ, а баронетъ, и не знаетъ, какъ благодарить цыганку, которая за шиллингъ предсказала его дочери такое неожиданное счастье.

Эта пьеса, бѣдная своимъ содержаніемъ, еще бѣднѣе характерами. Одна только роль доктора Буда довольно интересна; изъ остальныхъ, при всемъ стараніи актеровъ, нельзя было ничего сдѣлать.

На Геймаркетскомъ театрѣ, для открытія, давали комедію Бульвера «*Мы не такъ дурны, какъ кажемся*». Я еще не видѣлъ ее и потому ничего не могу сказать, но говорятъ что авторъ «*Денегъ*» очень скученъ и утомителенъ въ своей новой пьесѣ.

На Дрюриленскомъ театрѣ даютъ переводъ драмы Казимира Делвиня «*Людвика XI*».

Сентъ-Джемскій театръ, гдѣ даются только французскія пьесы, также недавно открытъ для лондонской публики. На нынѣшній сезонъ содержатель театра, Митчель, ангажировалъ изъ Парижа, изъ театра Пале-Рояля, извѣстнаго комика Равеля и М-ле Лаберь, изъ Gymnase — М-ле Лютеръ, изъ Varietés — М-ле Пажъ, изъ Французскаго Театра Мадельну Брoganъ. Актеры все старые знакомцы лондонской публики: Лафонъ, Ренье и Буффе. Рашель также ангажирована на двѣнадцать представленій, въ числѣ которыхъ обѣщаютъ дать «*Діану*» Эмиля Ожье. Съ каждымъ годомъ французскіе спектакли болѣе и болѣе привлекаютъ англичанъ; они становятся равно необходимы и для забавы публики, и для развитія драматическаго искусства въ Англии, служа въ тоже время школою и актерамъ и критикамъ.

Равель явился въ первый разъ въ маленькой пьесѣ: *Un monsieur qui suit les dames*. Какъ комическій актеръ онъ имѣетъ рѣдкую способность возбуждать смѣхъ, не прибѣгая ни къ смѣшнымъ костюмамъ, ни къ чудовищнымъ парикамъ, ни къ другимъ фарсамъ, которыми пользуются только посредственные актеры. Лучшіе англійскіе комики, Чарльзъ Матьюсъ и Бокстонъ уступаютъ ему въ разнообразіи игры. На Сентъ-Джемскомъ театрѣ до-сихъ-поръ давали еще пьесы: *Le Chevalier des dames*, *La fièvre brillante*, *Edgar et sa bonne*, *Tambour battant* и *l'Etourneau*.

Музыкальный міръ начинаетъ также мало-по-малу оживляться. Здѣсь очень много филармоническимъ обществъ, которыя по очереди даютъ концерты. Вотъ что обѣщано въ будущемъ мѣсяцѣ любителямъ музыки. Духовно-гармоническое общество (*Sacred Harmonic Society*) даетъ *Иуду Маккавей* Генделя; Гармоническое собраніе (*Harmonic Union*) *Мессію* его же, а Лондонское общество — *Сотвореніе міра* Гайдна.

Мадамъ Шлейель продолжаетъ восхищать лондонскую публику. На театрѣ *Luceum* она играла недавно варьяціи Листа изъ *Prophète* и *Тарантеллу* Тальберга, въ концертѣ Алькрофта, гдѣ участвовала также М-ле Фіорентини. Напрасно думаютъ, что англичане не любятъ музыки; здѣшніе концерты почти всегда полны, и артисты встрѣчаютъ самый

благосклонный приемъ. Въ залы Гармоническаго общества почти невозможно бываетъ достать билетъ.

Выставка картинъ въ нынѣшнемъ году не представляетъ ничего особеннаго; въ слѣдующемъ письмѣ я скажу о ней нѣсколько словъ.

И. Ч—В.

СМЪСЪ.

УРНА.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ *

(Октава Фелье).

(Дѣйствіе происходитъ во времена пудры, мушекъ и роботовъ)

Передъ замкомъ красивый дугъ. Свѣтлое весеннее утро. Одна въ замкѣ открыты и освѣщены солнцемъ. Отъ подъезда идетъ длинная аллея. За деревьями виднѣтъ направо паркъ, накрытый еще утреннимъ туманомъ. Издали мелькаютъ статуи и фонтаны. ДИЗА ухаживаетъ за дѣтаны, посаженными въ китайскіе вазы. Подлѣ нея маленькій арабъ, въ красной лаврѣ съ золотомъ, обрызгиваетъ сухія вѣтви и поблекшіе цвѣты:

ДИЗА (поетъ спологоса).

Вчера еще цвѣты блистали
Такъ ярко, пышно... Ночь одна!..
Они свѣрнулись и завяли.
Я срѣзать, бросить ихъ должна ..

* Представлена 1-го февраля, на Михайловскомъ театрѣ, въ бенефисъ г-ни Миллѣ.

Ахъ дѣвушки! и вы цвѣтете,
Весна васъ грѣетъ и живитъ.
Вы веселитесь и поете...
Но вдругъ зима, — цвѣтокъ забыть...

Кто это тамъ ѣдетъ по аллеѣ... Посмотри-ка, черномазый!.. Я узнаю его по шитому кафтану и по хлысту, которымъ онъ сбиваетъ листья съ деревь... Это, кажется, маркизъ...

НЕГРЪ. Да! это баринъ.

ЛИЗА. Баринъ! Глупецъ! Надобно звать его маркизомъ, говорить ему ваше сіятельство... Откуда онъ однакоже такъ рано, въ восемь часовъ утра. (*Маркизъ влѣзаетъ верхомъ, а Лиза притворяется испуганною*). Ай, вы задавите меня...

МАРКИЗЪ. Ахъ, это ты, Лизета. Ты ужъ проснулась... Чего же ты испугалась?.. Не бойся! Чтѣ ты здѣсь дѣлаешь? Рвешь букетъ цвѣтовъ... Плутовка! Знаешь ли, что ты сама похожа на корзинку съ цвѣтами... (*Слѣзаетъ съ лошади*). Эй! Боабдиль! отведи лошадь... Ну, чтѣ жена?..

ЛИЗА. Маркиза еще не вставала; она играетъ съ своимъ краснымъ попугаемъ... А вы, вѣрно, на охотѣ были?

МАРКИЗЪ. Нѣтъ! ѣздилъ до города, разсѣять свою меланхолію... (*Негръ уводитъ лошадь*).

ЛИЗА. Знаете ли, что меланхолія очень опасная болѣзнь.

МАРКИЗЪ. А ты боишься меланхоликовъ?

ЛИЗА. Конечно... Вѣдь имъ можетъ придти въ голову Богъ знаетъ чтѣ.

МАРКИЗЪ. Ты дѣвушка ушная, и не будешь пугаться всякихъ пустяковъ... А вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ я въ отчаяніи. Ты очень хорошо знаешь, что я люблю жену... Послушай, ты вѣдь знала ея покойнаго мужа. Скажи мнѣ, пожалуйста, по совѣсти, между нами, неужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ такой удивительный челоѣкъ, что о немъ все еще можно до-сихъ-поръ плакать? Неужели онъ стоить того, чтобы маркиза безпрестанно представляла его мнѣ какъ образецъ всѣхъ добродѣтелей?

ЛИЗА. Развѣ я смѣю судить объ этихъ вещахъ? Могу вамъ сказать только, что мы все его любили. Вы не позволили видѣть портрета который маркиза поставила ему въ паркѣ?

МАРКИЗЪ. Нѣтъ! Я не любопытенъ. Такъ этотъ графъ ~~Борисъ~~ настоящій фениксъ. Я то же не такъ дуренъ собою, не хуже ~~этихъ~~ ихъ... Но вотъ ужъ больше полгода напрасно ищущаю ~~всѣхъ~~ всѣхъ средствъ,

чтобъ утѣшить его вдову, и между-тѣмъ я до того влюбленъ, Лиза.. Не могу тебѣ разсказать всякъ подробностей моего несчастья, но ты бы очень удивилась... ты бы не повѣрила...

ЛИЗА. Какъ бытъ, счастье и несчастье приходятъ попеременно.

МАРКИЗЪ. Да мнѣ-то въ удѣлъ достается одно несчастье... Послушай, Лиза. Видѣ у тебя не каменное сердце, а ты тоже съ жестокостію обходишься съ бѣднымъ моимъ Лафлѣромъ. Мнѣ его жаль. Онъ все плачетъ. Берегись, онъ превратится въ фонтанъ.

ЛИЗА. Развѣ въ винный..

МАРКИЗЪ. Ты несправедлива... я еще сегодня не утру видѣть, что у него глаза были заплаканы... Если онъ тебѣ рѣшительно не нравится, я отошлю его. Нельзя же, чтобъ мой камердинеръ былъ плакса... Скажи: ты не хочешь выйти за него замужъ?

ЛИЗА. Могу ли я думать о свадьбѣ, когда сама безпрестанно плачу о моемъ покойномъ Фронтенѣ?..

МАРКИЗЪ. Какъ? И ты вдова? И у графа былъ камердинеръ?

ЛИЗА. Какъ же-съ! Два года тому побѣжалъ онъ вмѣстѣ съ графомъ на бракосочетаніе испанской инфанты, и погибъ, храбро сражаясь съ алжирскимъ корсаромъ... Несчастный корсаръ!.. Ужасный Фронтенъ!..

МАРКИЗЪ. Ты спуталась, моя милая... Но кто тебѣ сказалъ, что твой Фронтенъ убитъ... Въ донесеніи о смерти графа ни слова объ этомъ не сказано.

ЛИЗА. Неизрѣнно убитъ! Еслибъ онъ былъ такой трусъ, или пьяница, какъ вашъ Лафлѣръ, онъ конечно бы спрятался во-время сраженія за винную бочку... Но онъ былъ такой храбрый, храбрый, такой... ахъ, и онъ убитъ. *(Плачетъ)*.

МАРКИЗЪ. Значитъ и я, и Лафлѣръ одинаково несчастны... Не плачь же, Лизета, а не то я право расхожусь... *(Хочетъ уйти)*.

ЛИЗА. Вы не въ царѣ ли, посмотрѣть памятникъ?

МАРКИЗЪ. Убрайся ты съ памятникомъ... *(Останаавливается)*. Послушай, Лиза, можетъ-бытъ я за это дѣло не такъ взала...

ЛИЗА. Можетъ-бытъ.

МАРКИЗЪ. Можетъ-бытъ, я напрасно такъ сильно выражаю ей всю любовь...

ЛИЗА. Можетъ-бытъ...

МАРКИЗЪ. Но въ томъ-то и бѣда, что я ее люблю сильно и искренно.

ЛИЗА. Дѣйствительно бѣда.

МАРКИЗЪ. А гдѣ жѣ доставленъ этотъ знаменитый памятникъ?

ЛИЗА. Ничто все по этой аллее и потомъ поверните направо.

МАРКИЗЪ (*сѣлъ на мѣсцо около шавовъ, возвращается*). Ты говоришь, что графиня еще не встала... Не пойти ли мнѣ къ ней? Иногда самъ оставляю въ сердцѣ такую теплоту, такое расположеніе, вѣжностъ... Нынешнее утро такъ хорошо, солнце такъ ярко свѣтитъ, эта зелень, эти цвѣты, должны бы, кажется, смягчить тигровъ... Какъ ты думаешь, Лиза?..

ЛИЗА. Это до меня не касается...

МАРКИЗЪ. Ну, такъ хорошо, я пойду... (*Идетъ къ подъѣзду*).

ЛИЗА (*смотритъ вслѣдъ*). А жаль бѣдняжку!

II.

Комната маркизы. — Маркиза лежитъ въ утреннемъ пеньюарѣ на кушеткѣ и корчитъ попуга.

МАРКИЗА. Да, попинька! Ты одинъ все мое утѣшеніе на свѣтѣ. Я только тебя теперь и люблю... Положеніе наше одинаково. Когда ты причеши головку свою подъ крылушко, то вѣрно мечтаешь о своей родинѣ, гдѣ яхонты и изумруды распускаются на солнечныхъ лучахъ и гдѣ ты вѣрно оставилъ подругу сердца... Ты тоскуешь по ней... Фу! Да какой ты жадный! все бы вѣл!.. (*Стучать*). Ахъ, Боже мой! Кто тамъ?

МАРКИЗЪ (*входя*). Это я... Какое прекрасное зрѣлище... Какая картина...

МАРКИЗА. Какъ вы смѣли войти, маркизъ? Оставьте меня.

МАРКИЗЪ. Не стоило бы труда и приходить, чтобъ тотчасъ вернуться.

МАРКИЗА. Но развѣ можно войти ко мнѣ такъ внезапно... съ хлыстомъ, въ охотничьихъ сапогахъ... Полно, во Франціи ли мы? Неужели въ двухъ миляхъ отъ Версаля... Такъ поступаютъ только въ Тембуку...

МАРКИЗЪ. За что вы сердитесь? Мнѣ вздумалось пораньше засядѣть съ вами мое почтеніе...

МАРКИЗА. И вы явились только для этого?

МАРКИЗЪ. Можеть-быть. (*Подходитъ къ полукю*): Попышка, нравствуй, дай воцѣловать головку.

МАРКИЗА. Оставьте, пожалуйста, моего попуга.

МАРКИЗЪ. Развѣ и опъ также сердить на меня, какъ вы?..

МАРКИЗА. Я была бы очень рада, еслибъ опъ васъ укушилъ...

МАРКИЗЪ. Да за что-же? Что я вамъ сдѣлалъ?.. Вчера вы было заравили меня своимъ Медоромъ, который и теперь на меня бросился. Сегодня отдаете меня на съѣдене попугаю... За что? Будьте справедливы! Неужели только зато, что я васъ такъ люблю?

МАРКИЗА. Зачѣмъ вы пришли сюда? Я сперва думала, что вы мнѣ расскажете о какой-нибудь важной новости. Но вотъ ужъ полчаса вы стоите передо мною, какъ ширмы передъ солнцемъ, и въ рѣчахъ вашихъ нѣтъ ни толку, ни смысла... Чего же вы хотите?

МАРКИЗЪ (*обидясь*). Ничего.

МАРКИЗА. Такъ ступайте къ себѣ.

МАРКИЗЪ (*махнувъ рукою, хочетъ уйти, но останавливается*). Однако, послушайте, маркиза. Нельзя же, чтобъ это всегда такъ продолжалось...

МАРКИЗА. Что, продолжалось?..

МАРКИЗЪ. Другіе давно потеряли-бъ терпѣніе...

МАРКИЗА. Глупцовъ на свѣтѣ много.

МАРКИЗЪ. Конечно... Но вотъ полгода, какъ мы женаты, а жизнь въ очень странномъ положеніи.

МАРКИЗА. Такъ что же?

МАРКИЗЪ. А то, что... Мнѣ пришла мысль прогуляться сегодня съ вами по окрестностямъ...

МАРКИЗА. Это зачѣмъ?

МАРКИЗЪ. Чтобъ хоть нѣсколько смягчить ваше сердце вліяніемъ весны... Я не охотникъ до злого, но утро безподобное... Я ѣздилъ верхомъ и былъ въ восторгѣ... Вездѣ въ природѣ радость и любовь... Одинъ я, какъ-будто чужой на этомъ всеобщемъ праздникѣ.

МАРКИЗА. Какія романческія мечты!

МАРКИЗЪ. Я не смѣюсь, маркиза; мнѣ грустно въ моемъ уединеніи... Напрасно я оглядываюсь; подлѣ меня нѣтъ руки, которая бы пожалала мою руку, нѣтъ сердца, которое бы отозвалось моему сердцу, нѣтъ души, которая бы поняла мои ощущенія... Я думалъ о тебѣ, Луиза, о твоей красотѣ, молодости, прелести, и не постигалъ, какъ этотъ идеалъ пигмалионовой статуи осудилъ себя быть вѣчно холоднымъ... Я думалъ, что чувства мои согревуть, одушевятъ тебя... Неужели я ошибся?..

МАРКИЗА (*подвигравает на себя несколько времени*). Вы очень хорошо играете комедию... Пошлите мнѣ, пожалуйста, мою горничную... Вы вѣдь знаете ее...

МАРКИЗЪ (*встаетъ, колочитъ*). Энаи! (*Уходитъ*).

МАРКИЗА (*вполн минутнаго молчанія*). Боже мой! какъ я страдаю. Какъ я несчастна! (*Рыдаетъ*). Досадите всего, что я сама не знаю, чѣмъ страдаю... Вижу только, что мнѣ никто не хочетъ помочь, что меня непременно уморятъ... Докторъ мой пошлый дуракъ... Утверяетъ, что я совершенно здорова.... А маркизъ вѣритъ ему.... Пусть же они думаютъ, что я здорова... Скоро они увидать... Я, можетъ-быть, съ виду и здорова... Но то, что я чувствую въ головѣ, въ сердцѣ... это неопредѣлимо... У меня вѣрно порвалось нѣсколько жилъ... и непременно съ ума сойду, или умру... А вѣдь я еще молода... почти ребенокъ... О, какъ я несчастна!.. Все меня бросили... (*Встаетъ*). Однако, не надобно отчаяваться. (*Входитъ Лиза*). А это ты, наконецъ...

ЛИЗА. Простите; меня опять задержалъ маркизъ.

МАРКИЗА. Чтѣ мнѣ до этого за дѣло.

ЛИЗА. Когда насъ даскаютъ, то никогда не спрашиваютъ: нравятся ли намъ это.

МАРКИЗА. Ты права, Лиза. Мужчины все таковы. У нихъ ужъ такая грубая натура... (*Садится къ туалету*). Представь все нравственные совершенства, все сокровища, все утонченности чувствительнаго сердца, самое рѣдкое достоинство, страсть, переживающую даже смерть, однимъ-словомъ—все, что можетъ увлечь порядочнаго человека,—они не тронутся, они будутъ холодны, какъ мраморъ—и покажи имъ только маленькую ножку, булавочную ручку, они земнутся, какъ порохъ... это я очень хорошо знаю... (*Глядя въ окно*). Кто это тамъ поскакалъ на лошади?...

ЛИЗА. Это Лафлёръ.

МАРКИЗА. Лафлёръ!... А! Маркиза не внасть?

ЛИЗА. Никакъ нѣтъ-съ... Ахъ, позвольте... вотъ онъ! Прикажете позвать его.

МАРКИЗА. Боже сохрани!.. Чѣмъ онъ занимается?...

ЛИЗА. Стоитъ, скрестивъ руки на груди, подъ болыиимъ кантаревинымъ деревомъ, и кажется, о чемъ-то думаетъ...

МАРКИЗА. Странный, непонятный человекъ...

ЛИЗА. Онъ пошелъ въ садъ... и кажется къ памятнику, который вы поставили...

МАРКИЗА. Въ-самомъ дѣлѣ? Это любовничко... Зачемъ ему туда идти? Замѣчай, что онъ будетъ дѣлать...

ЛИЗА. Онъ подошелъ къ памятнику....

МАРКИЗА. Ну, что-жь онъ дѣлаетъ?

ЛИЗА. Что-то разсуждаетъ самъ съ собою... *(Отскакиваетъ).*
Ахъ!...

МАРКИЗА. Что ты?

ЛИЗА. Маркизъ сюда идетъ скорыми шагами и несетъ что-то тяжелое на рукахъ...

МАРКИЗА. Боже мой!... Онъ хочетъ убить меня... Лиза! не уходи отсюда... защищай меня. *(Входитъ Маркизъ, неся урну).*

МАРКИЗЪ *(мрачно).* Что это за урна, маркиза?

МАРКИЗА. Это урна... она, кажется, изъ порфира... *(Лиза смѣется).*

МАРКИЗЪ. Лиза! *(Указываетъ ей на дверь, Лиза уходитъ).* Я серьезно спрашиваю васъ, маркиза, что это за урна и что за смыслъ этой надписи?...

МАРКИЗА. Надписи?...

МАРКИЗЪ. Да, сударыня! Прочтите: «Въ память благороднѣйшаго изъ людей, у котораго былъ одинъ только недостатокъ. Онъ былъ не долговѣченъ.» — Что вы объ этомъ скажете!

МАРКИЗА. Ничего... Кажется надпись не дурна...

МАРКИЗЪ. Вы, кажется, увѣрены, что терпѣніе мое безпредѣльно. Но есть всему границы... Когда вы согласились отдать мнѣ свою руку, то просили у меня позволенія поплакать еще нѣсколько времени надъ покойнымъ мужемъ... я думалъ, что это минутный капризъ—и поступилъ довольно глупо, согласившись на это условіе... Но этотъ трауръ въ замужствѣ поставилъ насъ наконецъ въ самое странное и даже смѣшное положеніе.

МАРКИЗА. На что же вы жалуетесь?.. Вы сами общали... сами согласились на всѣ условія... это было великодушно съ вашей стороны... я не скрывала отъ васъ моего сердца и любви къ покойнику... я просила уважить память погибшаго героя—и вы общали...

МАРКИЗЪ. Общала... общала! это правда. . Но, во-первыхъ, о подобныхъ предметахъ не спорить до свадьбы, и даже не объясняются. Я, разумеется, надѣялся, что моя любовь скоро заставитъ васъ забыть человека, съ которымъ вы, по слухамъ, вовсе не такъ были счастливы... Но я ошибся... вы всякой день болѣе влюбляетесь въ тѣнь умершаго, безпрестанно говорите о немъ, вспоминаете всѣ малѣйшія обстоятельства, —и наконецъ воздвигли ему памятникъ, и паркъ мой превратили въ кладбище... это ужъ не трауръ вдовы, а насмѣшка жены... я помню

въ исторіи женоу Мавзолея... она съ горя выпивала всякой дрянью по частицѣ пѣла своего мужа... но когда проглотила послѣднюю порцію, то успокоилась и не говорила уже объ немъ.

МАРКИЗА. Ошибаетесь, маркизъ. Вы не знаете исторію. Бѣдная вдова черезъ годъ умерла съ горя...

МАРКИЗЪ. Или отъ несваренія желудка.... Ну, да все—равно... Что-жь вы не подражаете ей... Вѣдь только этого и не достасть, чтобъ заставить всѣхъ надо мною сибѣться...

МАРКИЗА. Сибѣться!... такъ вотъ что васъ больше всего трогаетъ...

МАРКИЗЪ. Разузнѣется, Развѣ вы думаете, что никто не видитъ странности нашего положенія? Каково-же мнѣ быть предметомъ насмѣшекъ? Клянусь вамъ, что для меня гораздо было бы легче, еслибъ у меня былъ живой соперникъ... я бы конечно справился съ нимъ... но съ мертвецами мнѣ дѣлать нечего...

МАРКИЗА. Стыдитесь, маркизъ! Какъ можно говорить съ неуваженіемъ о тѣни героя...

МАРКИЗЪ. Я бы, напротивъ того, желалъ, чтобы онъ былъ живъ... я бы его отправилъ туда, гдѣ онъ теперь...

МАРКИЗА. Довольно, маркизъ. Если женщина видитъ себя предметомъ подобныхъ оскорбленій,—ей остается молчать. Обнажите, сударь, свою шпагу—и проколите мнѣ сердце, я не пошевельюсь.

МАРКИЗЪ. Нѣтъ, маркиза!... Я не обнажу шпаги, не проколю вашего сердца... это не въ нашихъ нравахъ... я сдѣлаю гораздо лучше... Я предложу вамъ иначе прекратить все это,—попросимъ развода.

МАРКИЗА. О! какъ я вамъ буду благодарна... тогда я вполне могу предаться своей горести.

МАРКИЗЪ. Такъ утѣжайте къ вашему батюшкѣ...

МАРКИЗА. Сегодня-же.

МАРКИЗЪ. Но съ условіемъ...

МАРКИЗА. Съ какими?

МАРКИЗЪ. Возьмите съ собою и эту урну.

МАРКИЗА. О! съ восторгомъ! Въ ней вся моя жизнь, все счастье, вся любовь, всѣ воспоминанія молодости...

(Лиза быстро вбѣгаетъ, запыхавшись).

ЛИЗА. Ахъ, какой неожиданный ударъ... какое счастье — хотѣла я сказать...

МАРКИЗА. Что случилось, Лиза?

ЛИЗА. Фронтенъ, мой Фронтенъ воротился...

МАРКИЗА. Камердинеръ графа?... быть не можетъ... Онъ умеръ...

ЛИЗА. Нѣтъ, онъ увѣряетъ, что живъ... хотя онъ и лгалъ вамъ

своемъ живѣть, но нельзя ему не вѣрить въ этотъ случай... Какое удивительное приключеніе!

МАРКИЗА. Это невѣроятно!.. И онъ здѣсь?

МАРКИЗЪ. Не обманщикъ-ли это какой-нибудь?

ЛИЗА. Мнѣ ли не знать своего Фронтена? Онъ проситъ позволенія видѣть васъ, сударыня.

МАРКИЗА. Веди его! скорѣе.

ЛИЗА (*отворяя дверь*). Войди сюда, Фронтенъ.

(*Маркизъ съ неудовольствіемъ садится въ уголь. Фронтенъ входитъ съ нѣкоторою келовкостію.*)

МАРКИЗА. Такъ это ты самъ, Фронтенъ?...

ФРОНТЕНЪ. Я самъ. Воротился, какъ видите.

МАРКИЗА. Онъ едва на ногахъ стоитъ, Лиза... подай ему стулъ... Бѣднякъ усталъ...

ФРОНТЕНЪ. И есть отчего, а вы, добрая наша графиня, вы все также снисходительны...

МАРКИЗА. Графиня!... Да! вѣдь онъ еще не знаетъ о моемъ за-
куствѣ... Лиза, не говори ему покуда. Откуда же ты теперь?

ФРОНТЕНЪ. Прямо изъ Алжира...

МАРКИЗА. Несчастный!.. какъ-же это ты добрался сюда?

ФРОНТЕНЪ. Все пѣшкомъ, графиня.

МАРКИЗЪ. Какъ, негодяй! по морю пѣшкомъ?

ФРОНТЕНЪ. То-есть, изъ Тулона пѣшкомъ.

МАРКИЗА. Понимаю... Посмотри Лиза, какъ онъ похудѣлъ. Вѣрно ты много страдалъ въ плѣну?...

ФРОНТЕНЪ. Особливо отъ жажды.

МАРКИЗА. Да! въ жаркомъ климатѣ... Лиза! дай ему бисквитовъ и рюмку кипрскато вина... да вели приготовить ему завтракъ. (*Лиза наливаетъ ему нѣсколько рюмокъ и кормитъ бисквитами*). Ну, что хорошо-ли? легче ли тебѣ?...

ФРОНТЕНЪ. Гораздо легче.

МАРКИЗА. Теперь расскажи мнѣ... не бойся расшевелить мою горсть. Я такъ тверда, такъ привыкла къ печали... Въ ней все мое утѣшеніе. Расскажи мнѣ все. Не скрывай ни малѣйшей подробности.

ФРОНТЕНЪ. Если прикажете...

МАРКИЗЪ. Бездѣльникъ еще церемонится. Рассказывай, да не лги.

ФРОНТЕНЪ (*Лизѣ*). Кто этотъ господинъ, который такъ громко поговариваетъ.

ЛИЗА. Сосѣдъ.

ФРОНТЕНЪ. Очень неприятный соседъ... (*Маркизь*). Вы помните, что графъ былъ посланъ королею въ званіи посланника къ испанскому двору, чтобъ присутствовать при свадьбѣ Инфанты... Впрочемъ, противъ этого, имѣли мы и секретныя порученія... вы конечно не извѣстите... и я вамъ могу открыть, что по инструкціямъ нашимъ мы должны были все высмотрѣть, разузнать, провѣрить... вы понимаете.

МАРКИЗЪ. Къ дѣлу, болванъ!

ФРОНТЕНЪ. Какой неприятный соседъ!.. И такъ, торжество брака совершилось съ обычнымъ великолѣпіемъ... Былъ бой быковъ, карусель, и другія удовольствія въ испанскомъ вкусѣ... Мы участвовали во всѣхъ этихъ празднествахъ и провели время самымъ пріятнымъ образомъ, не забывая и своихъ инструкцій, которыя, какъ вы знаете...

МАРКИЗЪ. Опять!

МАРКИЗА. Кончай скорѣе, Фронтенъ... Вы отправлялись обратно изъ Кадикса?..

ФРОНТЕНЪ. Да, мы нарочно выбрали этотъ городъ, чтобъ посмотреть на тамошнихъ... (*Остатковъ не остается*).

МАРКИЗА. На кого смотрѣть?

ФРОНТЕНЪ. Да на всѣхъ жителей... на окрестности...

МАРКИЗЪ. Узнаю графа. Онъ готовъ былъ слѣзть сто миль лѣшнихъ, чтобъ посмотреть на хорошій ландшафтъ... Онъ страстно любилъ природу...

ФРОНТЕНЪ. Да-съ! Всю природу... Вотъ мы 13 миль и отправились въ Марсель... О! тутъ мнѣ надобно собрать всѣ свои силы (*Протягиваетъ рюмку Лизъ, та наливаютъ*). Вы конечно знаете, что море составляетъ обширный водоемъ, подверженный притягательной силѣ луны...

МАРКИЗА. Знаю, знаю...

ФРОНТЕНЪ. Вотъ отъ этого-то и произошло наше несчастіе... Боясь силы прилива, мы непрежде вышли въ море, какъ уже ночью... Вдругъ встрѣтили мы ужасную алжирскую фелуку, которая поочтивала насъ задомъ со всего борта...

МАРКИЗА. И сраженіе началось...

ФРОНТЕНЪ. Оно было очень непродолжительно. Турки, по привычкѣ, бросились на abordажъ... Я тотчасъ залѣзъ на мачту... знаете, чтобъ наблюдать за ходомъ сраженія... И еслибъ всѣ послѣдовали моему примѣру, то конечно не было бы никакихъ несчастій... Сидя тамъ, я безпрестанно заряжалъ ружье, такъ что послѣ сраженія нашли въ насъ пятнадцать патротовъ...

МАРКИЗА. Пятнадцать?..

ФРОНТЕНЬ. Да, дѣлѣхъ пятнадцать!.. Я ужасно разгорячился.

МАРКИЗЪ. Скажи лучше, бездѣльникъ, что ты струслилъ и не валь со страха, что дѣлалъ...

ФРОНТЕНЬ. Если вы лучше моего знаете дѣло, извольте рассказывать, а я буду слушать.

МАРКИЗА. Ну, что же дальше, Фронтень... Расскажи о несчастномъ графѣ.

ФРОНТЕНЬ. О! это великій человекъ... Окруженный непріятелемъ, купался онъ въ ихъ крови и наводилъ страхъ на всѣхъ корсаровъ... Вдругъ шнага его переломилась у самого эфеса.

МАРКИЗА. Боже мой! И тутъ злодѣи умертвили его...

ФРОНТЕНЬ. Умертвили? Какъ умертвили? Никакъ нѣтъ-съ. Онъ, слава Богу, живъ и здоровъ...

МАРКИЗА. Кто? графъ? Графъ живъ?

МАРКИЗЪ. Что ты сказалъ, бездѣльникъ?

ФРОНТЕНЬ. Повторяю вамъ, что графъ здоровехонекъ... Ему немножко скучно въ пѣвну, вотъ и все...

МАРКИЗА (*падала на диванъ*). Онъ живъ! (*Лиза помогаетъ ей*),

МАРКИЗЪ. Боже мой! Маркиза! Успокойтесь... Это какой-нибудь обманъ... Я все узнаю... Этотъ плутъ лжець и мошенникъ.

ФРОНТЕНЬ. Извините, я сказалъ сущую правду... (*Маркиза открываетъ глаза и вслушивается*). И я и графъ были ранены, взяты въ пѣвнъ, и черезъ полтора года Дей отпустилъ меня, чтобы привести выкупъ за графа... Со мною всѣ бунаги, всѣ документы... и вотъ во-первыхъ письмо отъ пріора, съ печатью и подписею...

МАРКИЗЪ (*прочтя*). Ты это могъ поддѣлать...

ФРОНТЕНЬ. Протѣжая черезъ Парижъ, я далъ засвидѣтельствовать подпись въ министерствѣ...

МАРКИЗЪ. Можно поддѣлать и подпись...

ФРОНТЕНЬ. А вотъ и свидѣтельство неаполитанскаго консула въ Алжирѣ.

МАРКИЗЪ. Консула Гаррига... Покажи, я съ нимъ хорошо знакомъ и знаю руку его, какъ свою собственную.

ФРОНТЕНЬ. Вотъ извольте... (*Подаетъ. Маркизъ внимательно разсматриваетъ*).

МАРКИЗА (*слабымъ голосомъ*). Что маркизъ?

МАРКИЗЪ. А то, что я рѣшительно въ отставку... (*Съ сердцемъ бросается съ кресла*).

МАРКИЗА. И такъ, все это правда! И тебя прислали ко мнѣ, Фронтенъ?

ФРОНТЕНЪ. Къ вамъ... Вы знаете, что все имѣніе графа при первомъ слухѣ о его смерти, перешло въ руки наследниковъ его... Надобно начинать съ ними тяжбу, а между-тѣмъ графъ будетъ томиться въ плѣну... И потому графъ увѣренъ, что вы заплатите за него требуемый выкупъ.

МАРКИЗА. А сколько?

ФРОНТЕНЪ. Да за обоихъ насъ Дей хочетъ сто тысячъ червонныхъ.

МАРКИЗА. Это конечно много, Фронтенъ; впрочемъ, я и больше-бы отдала, если-бы у меня было.... Но продавши все свое имѣніе, а все-таки не соберу ста тысячъ червонныхъ.... я готова на все.... если графу угодно....

ФРОНТЕНЪ. Теперь ему угодно было-бы покуда не получать палочныхъ ударовъ по пятамъ.... У алжирцевъ это весьма непріятная привычка.

МАРКИЗА (*съ разстановками*). Послушай, Фронтенъ... Вернись опять въ Алжиръ.... и скажи графу.... что я не переставала проливать слезы съ того дня, какъ получила извѣстіе о его смерти; что моя вѣрность и любовь безграничны; что мнѣ впрочемъ остается не долго жить на свѣтѣ.... я больна — и доктора отказались уже отъ меня.... ста тысячъ червонныхъ у меня нѣтъ теперь.... но я съ нынѣшняго же дня буду питаться хлѣбомъ и водою, чтобъ скопить требуемую сумму.... надѣюсь что черезъ нѣсколько лѣтъ.... если я доживу до того...

МАРКИЗЪ. Извините, маркиза. Я не допущу до этого.... Женщина которая была ко мнѣ такъ добра.... не должна страдать.... У меня есть сто тысячъ червонныхъ... Я ей даю займы — не вамъ, вы-бы можетъ быть отказались, — но графу, котораго освобожденіе нашъ общій долгъ....

ФРОНТЕНЪ. Ахъ, чудно! вотъ прекрасная черта съ вашей стороны.

МАРКИЗА. Это благородно, маркизъ.... Но мнѣ нужно поговорить съ вами.... Лиза, отведи Фронтена на кухню и накорми его.

ФРОНТЕНЪ. Еще разъ, скажу сударь, вы прекрасно поступили.... Пойду — и выпью за ваше здоровье. (*Уходитъ съ Лизой*).

МАРКИЗА. Вашъ поступокъ, маркизъ, очень великодушень.... но я боюсь, чтобъ вы не разстроили своего состоянія....

МАРКИЗЪ. Нѣтъ, маркиза.... Для моей будущей жизни мнѣ не много надобно....

МАРКИЗА. Какой жизни?...

МАРКИЗЪ. Вѣчнаго холостяка.... Нашъ бракъ теперь недействителенъ.... я хочу навсегда ухать изъ Франціи.... Здѣсь мнѣ было-бы тяжело оставаться. Но въ Америкѣ теперь война, и я посмотрю, не нужна-ли будетъ тамъ одна лишняя шпага французскаго дворянина. *(Лиза входитъ)* Позвольте, маркиза, написать въ вашемъ кабинетѣ письмо къ моему нотаріусу насчетъ ста тысячъ....

МАРКИЗА. Вы здѣсь хозяинъ.... *(Маркизъ входитъ въ кабинетъ, не запирая двери. Маркиза садится на диванъ и погружается въ размышленіе. — Лиза стоитъ передъ нею).*

МАРКИЗА *(печально Лизѣ).* Ну что, Лиза?

ЛИЗА. Ничего, маркиза. Что вы?

МАРКИЗА. Я такъ рада, Лиза. *(Плачетъ).*

ЛИЗА. И я тоже. *(Тоже плачетъ).*

МАРКИЗА. Я плачу потому, моя милая, что у женщинъ всѣ сильныя чувства выражаются слезами.

ЛИЗА. А я плачу ужъ конечно не отъ радости.

МАРКИЗА. Что ты говоришь? Когда судьба возвратила тебѣ Фронтена.

ЛИЗА. Судьба ужъ слишкомъ милостива.... Онъ гораздо больше мнѣ нравился, когда не возвращался.... Чтобъ подстрекнуть Лафлѣра, я придумывала, вспоминая съ нимъ о Фронтенѣ, тысячу добрыхъ качествъ, которыхъ у Фронтена вовсе не было.

МАРКИЗА. Это кокетство, Лиза.

ЛИЗА. Какъ быть! Главная бѣда въ томъ, что я наконецъ сама себя увѣрила, что Фронтенъ былъ порядочный малый. Вотъ почему въ первую минуту я и обрадовалась, увидѣвъ его. Я надѣялась впрочемъ, что несчастія исправили его... Но вышло напротивъ. Вотъ ужъ съ четверть часа, какъ онъ здѣсь, а наставлялъ мнѣ столько глупостей, что на цѣлый годъ станеть. Вы давеча изволили замѣтить, что онъ еле на ногахъ стоитъ.... Я думала, что это отъ усталости и изнуренія.... а онъ просто былъ пьянъ.... Вы же приказали поднести ему нѣсколько рюмокъ, и онъ теперь рассказываетъ, съ пьяныхъ глазъ, Лафлѣру такіе турецкія исторіи, что я бѣжала.... Ну, если графъ возвратится.... а по словамъ Фронтена нельзя и сомнѣваться въ этомъ, тогда и вамъ придется испытать....

МАРКИЗА. Но у графа при отъѣздѣ не было такихъ недостатковъ.... или ты замѣтила въ Фронтенѣ.

ЛИЗА. Конечно-съ.... Только онъ и тогда строилъ комедию въ сѣмь женщинамъ....

МАРКИЗА. Будто онъ былъ вѣтренникъ?

ЛИЗА. О! за это я вамъ могу поручиться.... Сверхъ-того онъ бывало цѣлыя ночи просиживалъ за картами. Дузелъ у него конечно не было, — потому-что въ храбрости его всѣ сомнѣвались.... любилъ онъ тоже плотно поужинать въ холостой компаніи.... а впрочемъ, у него не было никакихъ недостатковъ.

МАРКИЗА. Я этого не знала.... или лучше сказать забыла.... Помню только, что онъ немножко былъ упрямъ.... и не очень чувствителенъ.... Но къ чему ведутъ наши разсужденія?... Развѣ ты мнѣ хочешь доказать, что у маркиза больше достоинства въ одномъ пальцѣ, чѣмъ у графа съ ногъ до головы? Къ чему это? Развѣ я виновата въ томъ, что случилось?... Развѣ я могу помѣшать графу воротиться?... Развѣ ты хочешь, чтобы я пришла въ отчаяніе, чтобы совершенно растерялась?... Оставьте меня! я хочу быть одна.... (*Видитъ вдругъ маркиза, тихолько вышедшаго изъ кабинета*) Это вы?... Вы были здѣсь?... Вы насъ подслушали?... (*Лиза уходитъ*).

МАРКИЗЪ. Нѣтъ! я былъ занятъ.... Дверь была не заперта, — и только нѣсколько словъ долетѣли до меня. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы при мнѣ не повторите ихъ....

МАРКИЗА (*встаетъ и подходитъ къ нему, говоря ласково и тронутымъ голосомъ*). Нѣтъ, маркизъ, я никогда не отпираюсь отъ своихъ словъ.... Я очень передъ вами виновата и жестоко за это наказана.... Я играла вашими чувствами.... Это было очень дурно.... Но я была ребенокъ.... котораго, по несчастію, всѣ баловали.... Когда я вышла за графа, то раскрыла ему все свое сердце и мысли.... Я надѣялась этими средствами заставить полюбить меня.... Мнѣ это, къ сожалѣнію, не удалось, хотя мои чувства были самыя искреннія.... Вышла за васъ, я вздумала дѣйствовать совершенно наоборотъ, и надѣялась быть счастливѣе.... Повѣрьте, что притворство это дорого мнѣ стоило. Какъ часто.... Еще сегодня поутру, когда вы мнѣ говорили такія милыя вещи.... и хотѣла броситься къ вамъ на шею.... но побоялась.... я думала, что обнаруживъ вамъ любовь мою, я уменьшу вашу. Притомъ же самолюбіе женщины.... Простите мнѣ... Но вы сами также виноваты.... Вамъ такъ легко было вырвать глаголющую тайну изъ моего сердца и побѣдить мое ребяческое упрямство.... а вы... Вы слишкомъ добры, маркизъ.... вотъ вашъ недостатокъ.... Женщины

непремѣнно надобно чувствовать по временамъ свою зависимость.... Что мнѣ еще сказать вамъ.... я худо принялась за дѣло, это правда.... Но и вы не должны были оставлять меня безъ сожалѣнія и состраданія.... Послушайте.... неужели нельзя этого поправить?... (*Сложивъ руки, умоляющимъ голосомъ*) Прошу васъ.... возьмите меня, увезите куда хотите.... въ Америку.... въ дремучія лѣса.... къ дикарямъ.... я послѣдую за вами повсюду, — буду вездѣ счастлива, — вездѣ, всегда! Я буду благословлять васъ, если вы меня спасете отъ тиранства графа.... котораго я ненавижу, который не былъ никогда достоинъ любви моей, который мучилъ меня во все время замужства.... (*Плачетъ*) и который теперь нарочно возвратился, чтобъ окончательно меня замучить, и въ ту самую минуту, какъ я хотѣла сказать вамъ, что люблю васъ отъ всего сердца....

МАРКИЗЪ (*посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени пристально, медленно подходитъ къ урнѣ, приноситъ ее къ окну и кричитъ внизъ*). Берегись, ушибу. (*Бросаетъ урну*). Еслибъ я смѣлъ броситься къ вашимъ ногамъ, маркиза, — я былъ-бы самымъ счастливымъ человекомъ, потому-что вы въ эту минуту самое прелестное созданіе на свѣтѣ.... Но съ законами шутить нельзя... я женился на замужней женщинѣ — и бракъ мой недействителенъ.... (*Стучать*) Кто тамъ? (*Входитъ Лиза*) Что тебѣ, Лиза?

ЛИЗА. Письмо, съ которымъ курьеръ прискакалъ изъ Версаля.

МАРКИЗЪ. Подай.... (*Читаетъ*).... Вѣрно у васъ, маркиза, есть пріятеля, которые распоряжаются судьбою.... Это письмо отъ генералъ-полицеймейстера.... Онъ пишетъ, что Фронтенъ бѣжалъ съ тулонскихъ галеръ, гдѣ сидѣлъ за воровство, — и вздумалъ воскресить своего графа чтобъ выманить у васъ сто тысячъ червонныхъ....

МАРКИЗА. Возможно-ли? (*Вырываетъ письмо*).

МАРКИЗЪ (*Лизѣ*). Бѣги, и смотри, чтобъ негодяй не скрылся....

ЛИЗА. О, нѣтъ, ваше сіятельство, не уйдетъ.... Онъ лежитъ безъ чувствъ. (*Уходитъ*).

МАРКИЗЪ. Теперь, позвольте спросить, въ сердцѣ вашемъ тѣ ли еще чувства, или вы уже перемѣнили ваше намѣреніе?

МАРКИЗА. О, нѣтъ!... Только это письмо послѣло во-время.... Да и все прочее такъ хорошо уладилось.... Послушайте, однако.... Вы сегодня поутру куда-то ѣздили.... Потомъ Лафлёръ куда-то поскандаль.... Между вами и Фронтеномъ замѣтила я нѣкоторые таинственные взгляды.... все это кажется мнѣ немножко нечисто.... Признайтесь....

МАРКИЗЪ. Какъ можно, маркиза....

МАРКИЗА. Говорите, положи руку на сердце.... Какую роль играли вы въ этой комедіи? Обманутаго, или обманщика?..

МАРКИЗЪ (*смѣется*). Вы ужъ слишкомъ догадливы, маркиза.... И если графъ умеръ, — рѣшительно умеръ — неправда ли?... (*Маркиза киваетъ головою, — Маркизъ ставитъ на одно колено и беретъ ея руку*) — Ну, такъ откровенно признаюсь.... я былъ немножко.... обманщикомъ.

ПАСТЕТЪ.

Разсказъ В. Иванickaго.

Въ жизни человѣческой встрѣчается много случаевъ, часто ничтожныхъ, быстро мелькнувшихъ, а между-тѣмъ, имѣющихъ огромное влияние на людей, на ихъ предпріятія, надежды и даже цѣлую судьбу. Иногда, какъ-нибудь бѣшеная муха, не во-время укусившая губу человѣка — лишаетъ его званаго и вкуснаго обѣда; иногда мелькнувшая подъ носомъ карета, брызнувъ изъ-подъ колесъ цѣлымъ фонтаномъ грязи, пачкаетъ бѣлоснѣжные брызжи франта, и какое-нибудь интересное свиданіе, по поводу непризваннаго пятнышка, отлагается надолго, надолго! Адамъ Адамычъ сватался десять лѣтъ, и въ двадцать восьмой разъ не получилъ ни руки, ни сердца — сердцу милой, зато только, что наступилъ на хвостъ сонной шавкѣ, любимицѣ будущей тещи. Какой-то прекрасный гдадалго, во-время карнавала въ Ливъ, лишился глаза — потому только, что не увернулся отъ апельсина, кинутаго ему не въ бровь... Но можно ли пересчитать всѣ микроскопическія неудачи, которыя мѣшаютъ удовольствіямъ цѣлой жизни? Исторія Ивана Семеныча Ключика, какъ нельзя лучше, посвящаетъ непрочность человѣческихъ предложеній, разлетающихся въ мелкій прахъ, какъ мыльный пузырь, отъ одного дуновенія вѣтра.

Семень Иванычъ былъ человѣкъ весьма положительный: никогда ни у кого не занималъ и никому не давалъ въ займы на слово... Семень Иванычъ началъ жить съ мѣднымъ грошемъ, а въ сорокъ лѣтъ своей практической и резонной жизни уже имѣлъ домишко, гдѣ-то тамъ, на Петербургской, и въ шкатулкѣ ломбардный билетецъ, единственнаго друга своего одинокаго быта. Семень Иванычъ не былъ писателемъ или ученымъ; не хватая звѣздъ, онъ и не гонялся за ними, разсуждая, какъ человѣкъ положительный: «что звѣзды — такъ себѣ звѣзды, блестать заимствованнымъ свѣтомъ!» Онъ не былъ даже поэтомъ, что на петербургской — между старыми холостяками, рѣдкость... Однако Семень Иванычъ слылъ человѣкомъ спеціальнымъ въ наукѣ коноводства и коноторговли. Лошади составляли единственную мечту Семена Иваныча; на лошадяхъ же онъ и вывезъ своего ломбарднаго товарища. Бывало съ зарею поднимется Ключикъ, кое-какъ пригладить свои русыя кудри, накинеть шинель, заложить саврасенькую, и провожаемый любопытными глазами всѣхъ невѣсть Плуталовой улицы, отправится на Пески, и возвращается домой уже на пѣгой, или на сѣрой въ аблокахъ, встрѣчаемый тѣмъ же взорамъ...

Казалось, Семень Иванычъ такъ и скоротаеъ свою скромную, положительную жизнь, гдѣ-нибудь на торной дорогѣ, испытывая бѣгъ рьянаго иноходца... Но нетакъ случилось!

Показалось однажды Семену Иванычу, что сосѣдка, хорошенькая дочь весьма почтеннаго челоуѣка, очень пристально на него поглядываетъ... Сердце не камень. Просто-ли шалунъ Амуръ ушибнулъ черствое сердце холостяка, или по другой причинѣ, только съ этой минуты Ключикъ чаще сталъ запираеть замокъ своей двери и прогуливаться подь окнами сосѣда, иногда даже заговаривалъ съ Аксиньей, своею кухаркою, е томъ: какъ люди женятся, и для чего они женятся и какъ ихъ женеть?

— Вѣстимо, какъ... отвѣчала Аксинья.

— Ну, а какъ? спрашивалъ Семень Иванычъ.

— Да просто... У насъ, вотъ и *всегда* такъ: возьмутъ да и повѣнчаютъ.

— Возьмутъ, да и повѣнчаютъ! обыкновенно возражалъ Ключикъ... Вѣдь, для того, чтобы отвѣчать, прежде надо посватать!

— А, вѣстимо *надоть*... А то какъ же! Ну, тамъ женихъ, на предки, что ни на есть подарить невѣстѣ...

— Вотъ ужъ ты, Аксинья, и лжешь! возражалъ Семень Иванычъ... Этого не бываетъ и быть этого не должно!.. Подарить! говорилъ онъ съ какимъ-то трусливымъ волненіемъ, и на этомъ словѣ кончалъ свои разпросы и разговоръ, изрѣдка повторяя вполголоса:

— Подарить! Хмъ! и подарить? А, какъ не женишься... вѣдь бываетъ же такъ, что подарить, да и не женишься.... Нѣтъ, это ужъ не резонъ.... Это, выходитъ, не расчетъ, промахъ, за который долго придется каяться.... Нѣтъ, нѣтъ.... Глухой порадокъ.... Ну, еще жегъ подарить — ничего! Это все-таки мое и будетъ; потому-что и жена моя, а то.... невѣстѣ.... Ну право — не резонъ! При этомъ Семень Ивановичъ всѣмъ корпусомъ наклонялся и махалъ рукою.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ-продолженіе которыхъ Аксинья не разъ замѣчала, по вечерамъ, долгое отсутствіе своего господина, какъ однажды, въ ноябрьское, морозное утро, Семень Иванычъ быстро сбѣжалъ въ свою квартиру. Овальное лицо его играло румянцемъ, тусклые глаза оживили, и несмотря на озабоченный видъ, улыбка удовольствія покрывила его уста.

— Аксинья! вскричалъ онъ, противъ своего обыкновенія, небрежно бросая на стулъ шивель свою.

— Чего изволите? откликнулась женщина.

— Чтобы сегодня у насъ все было чистого.... слышишь — все! Вы-

ной она, помы, достань у жильцовъ чистую скатерть, нѣсколько ножей, вилочекъ, тарелочекъ, стакановъ, стульевъ... лембарный столъ.... и блюдо! Особенно блюдо!

— Да дадутъ ли они такую обузу добраго?

— Дадутъ! Скажи я прошу.... Хозяинъ, скажи — молю, приказалъ кланяться и просить!... Ну! валяй! мой, мойся, чисти, убирай и убирайся за посудой!

Семеновъ Иванычъ такъ размахивалъ руками, такъ быстро шагалъ по комнатѣ, что уже, не считая многосложныхъ приказаній, одна его необыкновенная, подвижная и быстрая жестикуляція—привела въ изумленіе вѣрную слугу.

— Ну, чего-жъ ты дожидаясь! вскричалъ онъ.... Сказано—надо дѣлать! Сегодня у меня гости, и очень важные гости!

— Кто же это, Семеновъ Иванычъ?

— Кто? Ужъ, вотъ не догадаешься, Аксинья? А! Ну-но раскнижь умомъ разумомъ!

— Не знаю.

— Просто за просто, невѣста съ отцемъ.... Женюсь, другъ мой.... Пропадай холостая жизнь!... Вотъ какъ надоѣла.... И Семеновъ Иванычъ, при этомъ, прорѣзалъ себя рукою по горлу.... Надоѣла она! Теперь хозяйка у тебя будетъ, Аксюша... молодая, такъ-сказать, Амуръ писанный; на двухъ языкахъ говоритъ, французскія книги читаетъ, умница такая, что хоть кого защемляетъ! У!... Ну, и отецъ—человѣкъ... ничего! Съ головой человѣкъ, а тебѣ скажу.... Сварливъ немного.... ну, да уживеся—ничего!

— Да, какъ же это вы такъ скоро округились, Семеновъ Иванычъ; увидали, да и на!

— Скоро! Нѣтъ голубушка, ужъ дѣло-то я запрягъ два мѣсяца тому назадъ.... Знаешь Охлопкиныхъ?

— Марью Сергѣевну? Еще отецъ-то такой здоровый; всегда въ старой шляпѣ ходить....

— Ну.... ну—да! Вотъ, видишь ты, какъ исторія-то порѣшилась.... Дочь мнѣ приглянулась.... Я, знаешь ли, чтобы на свяхъ не тратиться, попросилъ пріятеля, того молодого Сусликова, познакомить меня съ Охлопкиными.... Онъ сватался на ней, да сдуру-то меня и отреккомендуи, а я ему и подрадѣлъ.... Ха, ха, ха! А? Хорошо вѣдь? Вотъ тебѣ и пріятель! Ну, да известное дѣло: куда-жъ ему?... Мальчишка: поцѣпи за душой нѣтъ! А сегодня-то отецъ и приговорился побывать у меня.... Итъ, изволишь ты видѣть, рассказали; что и окрага-то и, и брюзга; и живу-то не не состояніи.... такъ, то-есть, гряз-

невько. Я, выходятъ, небудь пронахъ.... да съ разу, чтобы не ударить въ грязь лицомъ, взялъ да и пригласилъ ихъ ужинать.... Ну, думаю, куда ни шло нѣсколько рублей, зато ужъ жена будетъ персикъ, абрикосъ.... миндалина!

— Ужинать? съ большимъ изумленіемъ спросила Аксинья.... Да какъ же это ужинать, когда мы и обѣда-то не готовили?

— Ужъ не безпокойся.... Будетъ паштетъ! Съ благовоной начинкой, великолѣпнѣйшій, съ этими.... какъ ихъ называютъ.... маленькіе огурчики.... Удивительное кушанье!... Сахаръ, малина, такъ-сказать.... обѣдательное печенье! Я, знаешь ли, бросился, было, на Невскій.... тамъ есть этакій сытный магазинъ.... Странно какъ-то называется.... Кажется, *Пате-а-суа* .. то-есть, перевести на русскій, значить: поди-ка сюда! Ну, вотъ я туда бѣгомъ. Вошелъ. Такая хорошенькая Нѣмка спрашиваетъ:

— Чего вамъ?

— Паштетъ мнѣ, говорю.... А самъ, такъ, нехотя, глаза вытаращилъ.... Очень хорошенькая.... въ локонахъ....

— Въ какую, говорить, цѣну?

— Подешевле, сударыня; мнѣ не обширный, а такъ, чтобы двое—трое могли быть сыты...

Улыбнулась злодѣйка, кликнула какого-то господина въ бѣломъ кофакѣ, сказала ему нѣсколько словъ, не по-русски .. Смотрю, выносятъ паштетъ, такой величественный, корочки румяно поджарились . пышка пышкой стойтъ на подносѣ.

— Ну, говорю, что стойтъ эта лакомая штука?

— Двадцать руб. серебромъ... Серебромъ, Аксюша, прошу замѣтить... Меня какъ-будто кипяткомъ обдало... Ужъ и не помню, судорога-ли, лихорадка-ли, горячка-ли .. только вотъ такъ отъ головы до пятъ и провоздило. И холодно, и жарко стало!

— Да, что-же это, сударыня, позволилъ я себѣ замѣтить... Червонцами онъ начиненъ, смѣю васъ спросить?

— Пѣтъ, говорить: тамъ курица, дичь... грибки...

— Но, помилуйте! вскричалъ я съ невыдержаннымъ азартомъ: неужели эти курицы несли золотыя яйца!

Нѣмка надула немного свои хорошенькія губки.... и вообрази! переважно обращаясь къ господину въ кофакѣ, махнула рукой... и паштетъ исчезъ... Я оттуда въ трактиръ къ Власову. Ну, и тамъ заказалъ отличный, по самой дешевой цѣнѣ... Должно быть, что это некое кушанье... При мнѣ еще какой-то господинъ заказалъ большой

пантеть. . Въ очагахъ такой солидный господинъ: онъ живетъ съ нами рядомъ... Смотри-же не прозѣвай... а теперь за дѣло.

Къ шести часамъ вечера скромная комната Семена Иваныча приняла видъ праздничный. Окна были вымыты, полы тоже, ломберный столъ, съ поставленными на него двумя свѣчами, помѣщался у дивана, вѣтые на прокатъ стулья стояли на виду, хозяйскіе въ тѣни. Самъ Ключикъ торжественно расхаживалъ между этою новою мебелью, любуясь въ зеркало своими густыми бровями и классическимъ носомъ. Онъ тревожно переставлялъ домашнія статуетки на своей этажеркѣ, передвигалъ стулья, бросалъ подъ нихъ каждую встрѣчную соринку и отдавалъ приказанія своей Аксиньѣ. Малѣйшій шумъ подъ окнами заставлялъ трепетать взволнованное сердце холостяка; съ каждымъ новымъ скрипомъ двери, Семенъ Ивановичъ лихорадочно произносилъ:

— А... вотъ идутъ!—и опрометью бросался къ двери, желая встрѣтить дорогихъ гостей. Наконецъ торжественная минута настала...

Высокій, плотный мужчина, съ румянымъ лицомъ, вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдовала молодая дѣвушка, стыдливо опустивъ глазки и стараясь спрятаться за плотную синюю своего цапаша.

— Мое глубочайшее почтеніе Семену Иванычу и дому его благоденствіе! сказалъ толстякъ, протянувъ руку хозяину.

— Очень радъ-съ... Несказанно обрадовали! отвѣчалъ оторопѣвшій Ключикъ, бросая на свою суженую взглядъ, полный страстнаго выраженія.

— Вы-съ столь были великодушны, продолжалъ онъ, манерно рисуясь передъ нею, что посѣтили мой укромный уголь... такъ сказать... уголь... того... изволите видѣть... этого... очень, весьма и много обязали... Аксинья! трубку Акакію Сазоновичу....

— А!—да зятекъ—голубокъ! подхватилъ гость, знаетъ службу... Давайте трубку и стаканъ воды .. Дѣло будетъ...

— Сейчасъ чай, почтенѣйшій Акакій Сазоновичъ! съ крутымъ поклономъ замѣтилъ хозяинъ.

— Чай чаемъ, отецъ и благодѣтель, да мы и за водой не поскузаемъ! Вотъ какъ-съ! эффектно подмигнувъ, отозвался гость.

Трубку и воду подали. Будущій тестъ Ключика нецеремонно раскинулъ ноги, какъ-будто-бы перекидываясь черезъ сѣдло, пыхнулъ дымомъ и хлебнулъ воды.

— А матку правду молвить, дорогой мой,—началъ онъ, дворъ-то у васъ грязнекъ... солома, сѣно... Просто грязи—по колѣно!... Ха, ха, ха! А... разлюбезный мой Семенъ Иванычъ... Ась!

— Что дѣлать... Нельзя-съ... Лошади свои... знаете... дворъ не обширный...

— Повяло, повяло! разувѣтся... Можнаестя. Вѣдь я только такъ, съ проста... какъ съ мосту... Ха, ха, ха!... Така-то!

— Какъ время изволите проводить Марья Акиевна, сѣзая Ключица, обращаясь къ своей невѣстѣ.

— Читаю... вышиваю...

— Такъ съ... Что изволите читать? Вѣрно романы? Отъ... дѣлунки большія охотницы-съ—де притытыхъ рассказовъ.

— Я теперь читаю «Mémories de Talma».

— Ну, вотъ, подхватываю отца, развѣ Семень Иванычъ повянетъ, что ты говоришь; отвѣчай, душа моя, по-русски....

— Это Записки Тальмы, известнаго французскаго актера....

— А, вотъ-съ что? глубокомысленно замѣтилъ женихъ. Я думаю, очень любопытны эти записки?

— Ахъ, очень, очень... Особенно исторіи желтой шляпки...

— Вы вѣрно любите театр?

— Люблю.... Это лучшее мое наслажденіе....

— И мое также. Знаете, я, просто иногда ночью не сплю, когда посмотрю какую-нибудь драму съ ужасами.... «Черную Немочь»—педрильеръ.... или Мартынова—такъ сказать....

— Да, это искусство съ большимъ талантомъ....

— Съ ужасѣйшимъ, я вамъ скажу.... Съ ужасѣйшимъ, повторилъ женихъ. Вѣдь какъ это у него все сѣбно выходитъ.... удивительно!... Просто иной разъ нехотя смѣешься... Знаете, у меня однажды захворала лошадь.... Скука напала на меня смертная.... Хожу, какъ помѣшанный... Думаю: куда? Ну въ театръ—поѣхала!... Что-жъ вы скажете? какъ рукой сняло, когда посмотрѣлъ Мартынова. Удивительный человекъ!

Въ этомъ родѣ разговоръ не прерывался за чаемъ и послѣ чая. Наконецъ Акиевна просунула свою рыжую голову въ полурастворенную дверь и позвала зачѣмъ-то своего хозяина. Послѣдній извинился передъ гостями и вышелъ.

— Ну, что? сказалъ Охлопкинъ, обращаясь къ дочери и таинственно указывая на дверь... Что скажешь, моя красотка, вѣдь женихъ-то нехорош!

— Помилуйте, папашенька; онъ говорить порядочно не умѣетъ.

— Важная притча.... Зато молвить правду матку—имѣть свою лошадку....

— Онъ старъ, папашенька....

— Девочки есть... Полно, ударь-ка по рукамъ, улыбнись молодцу. да и къ вѣнцу...

Дядюшка тамъ же надощилъ.

Между-тѣмъ Ключикъ, переступивъ порогъ прихожей, остановился у окна въ какомъ-то торжественномъ удивленіи. Диво-диновъ, огромный налетъ прасоловъ на этомъ окнѣ...

— Ай да Власовъ! променталь Семашъ. Изначаль. Вотъ не ожидае-то.... Ну! одолжилъ, канашка!... Съ цѣлый корабль менеть штуку, и за такія небольшие деняги! При этомъ Ключикъ невольно покалъ плечами.... Вотъ онъ, добрый-то человекъ.... честный, добродетельный, а не выжмика какая-нибудь, не швецъ, который грошевою булку съ грабамъ продаетъ за двадцать рублей серебромъ.... Да еще серебромъ, прахъ его возьми! Вотъ вышеть, такъ вышеть! Дѣловый, солидный, румяный, со ведежни, а думаю, спешивъ—и съ казанчу—ростомъ.... Bravo! Пстой-же, не шкивать пригвастьуть.

— Баянъ Аннина за Сусликовомъ, сказалъ Семашъ Иванычъ, и скажи, что, дескать, баринъсмотри, скажи баринъ.... прощай те-себѣ закусаю.... Пусть у него глаза разбегутся: на завтра всё съѣди буду звать.... наковы ны!

Алексѣя брѣснлась за званьями, а улыбающейся и какъ-то жгучей бо-лга довольной Семашъ Иванычъ возвратился къ гостямъ.

— Ну, другъ мой, вы у васъ засидѣлись.... Чувствую и знаю самъ, что пора по домамъ!... Прощайте! сказалъ Охлопкинъ, оставая съвер-ху.

— Ничъ, ничъ, Аваній Сазономычъ!... Слѣви просить васъ заку-сить — чѣмъ Богъ послалъ.... Угощу васъ вышетою отличныи! За-казываю марина на Новгородъ.... Два дни покчи — таково етъ ужъ устрейсва.

— А! это дѣло—въ время пошѣло.... Резонъ не дурень, чѣло уманъ... Пенанду же очень радъ, дѣлать. Я же оставинъ до зачоровай страши.

— Сно мнуду, сино мнуду, дорогой гость.

Между-тѣмъ явился и Сусликовъ. Молодой человекъ встрѣченный притворною ласкою хозяина, пенально переглянулся съ дядюшкою, по-чтительно поклонился ей отцу и широко прижился въ уголь...

Въ то же время ломбардный столъ накрылся чистою скатертью, на немъ явились куверты, бутылка непризнаннаго харесу.... и востеть!

Госди, звучали междунами въразамъ свое изумленіе пригвадъ грошавой дымъ тѣста...

— Ну батюшка.... порція не мала.... честь вамъ и хвала! снъ-зачъ Охлопкинъ.... Это называется: ятъ-оста-въ печи... все на етоль мечи! Извините, дорогой мой.... Попросту безъ затѣй — яншъ-ба-ва-кумать сытнѣй, а принусъ пластать эту печеную скалу....

И Акакія Сазоновичъ, медленно и самодовольно улыбаясь, взялся за ножикъ.

Ключикъ торжествовалъ....

Вдругъ въ прихожей послышался громкій говоръ, за тѣмъ шумъ и споръ, въ которомъ безпрестанно слышались слова: «Да ты скажи, съѣли вы что-ли!»...

— Что это такое? Что случилось? въ одинъ голосъ спросили и гости и хозяйки.

— Не знаю.... рѣшительно не знаю! отвѣчалъ оробѣвшій Семень Иванычъ. Но онъ не успѣлъ еще и кончить своей фразы, какъ въ комнату вбѣжалъ молодой парень и прямо бросился къ столу.... Въ то же мгновеніе онъ опустилъ на столъ маленькій каравай, вырвавъ изъ-подъ ножа Охлопкина великолѣпный паштетъ.

— Вотъ вашъ-то, а не этотъ!... Больно лакомы, сударь! ска- залъ парень, бросивъ презрительный взглядъ на Акакія Сазоновича.

— Что ты! Что это такое? вскричали Ключикъ и Охлопкинъ.

— Ничего больше, какъ не своимъ добрымъ хотѣли поживиться... Сами, господа, изволите знать; можно-ли въ два-то рубля серебромъ испечь этакой паштетъ.... Вашъ его принесли ошибкой, а вы и того... Этотъ паштетъ готовился вонъ для того господина, что живетъ насу- противъ васъ....

Съ этими словами и съ великолѣпнымъ паштетомъ парень исчезъ.

Ключикъ стоялъ, какъ пронизанный молніею. Сусликовъ и дѣвушка помирали со смѣху. Охлопкинъ побагровѣлъ отъ досады.

— Да, что-же это, вскричалъ онъ, бросивъ на столъ ножикъ съ не- выдержанною досадою.... На столъ поставили цѣлаго верблюда, паштетъ съ добрую корзину, а неугодно-ли.... предлагаютъ ѣсть не больше, не меньше печенье ростомъ съ дрянную табакерку.... Благодарю покорно! Смѣяться изволите? Ась! Нѣтъ, такъ извините.... этого я не по- зволю. Не нужно намъ васъ.... У моей дочери есть женихъ.... Гос- подинъ Сусликовъ.... Маша домой! Николай Петровичъ помогите ей одѣться.... Прощайте, сударь, прощайте!

Торжествующіе молодые люди оставили комнату и убитого холостака; за ними вышелъ Охлопкинъ.

Когда грустная тишина водворилась въ комнату — Ключикъ печаль- но посмотрѣлъ на окружавшіе его предметы, тяжело вздохнулъ, и бу- скалъ на диванъ, прошепталъ:

— Все кончено! предательское печенье... вотъ тебѣ и паштетъ, Анисья!

СОВРЕМЕННОЕ *

ЛИТЕРАТУРА. — Новалис (Фридрих фон-Гарденбергъ. — Очеркъ современной поэзіи въ Германіи. — Дочь Седена. — ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВО. — Исторія одного музанта, рассказанная Арсеномъ Гуссе. — Предсказаніе г-жи Денорманъ. — Вызовъ автора. — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ. — Зимнее воздушное путешествіе. — Таинъ химіи. — ШЕДЕВРЫ РАЗСКАЗОВЪ И НОВОСТЕЙ, АНЕКДОТОВЪ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ. — Палашіе деревни въ Капрі. — Поѣздка на Чинчайскіе острова за гуано. — Встрѣча двухъ каравановъ. — Жизнь въ Корсики. — Суздъ и пустыня. — Необыкновенное сходство. — Роза и Октавіа.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Новалисъ (Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ.) Его жизнь. — Сказаніи Людвига Тика. — Геніальное дѣтство. — Фантастическія игры. — Занятія положительными науками. — Литература и литераторы того времени. — Пилкіе планы и бездѣльность души. — Смерть. — Отрывки изъ поэмы «Гимнъ Ночи» и два лирическія стихотворенія. — Германскій поэтъ, которому великій Гёте предрекалъ славу законодателя въ литературѣ, и дарованіе котораго, по словамъ извѣстнаго критика, Людвига Тика, нигдѣю такое сильное вліяніе на направленіе современной ему поэзіи Германіи, — поэтъ жившій въ самомъ блестящемъ періодѣ европейской литературы, — Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ, извѣстный подъ вымышленнымъ именемъ Новалиса, родился 2 мая 1772 года, въ сельскомъ имѣніи Мансфельдскаго графства. Отецъ его, баронъ фонъ-Гарденбергъ, былъ директоромъ саксонскихъ соледеленъ, и кромѣ его, имѣлъ еще десять человѣкъ дѣтей, которыхъ постоянно соединяла самая вѣрная дружба, самая горячая любовь. Этотъ дѣятельный глава семейства, за частыми отлучками своими изъ дому, предоставилъ почти все домашнее воспитаніе о дѣтяхъ — своей женѣ. Ея-то теплая любовь и вѣрное дружество старшей дочери ея воспитали самостоятельный характеръ Новалиса.

* Заимствовано изъ журналовъ: Voleur, Revue des deux mondes, Journal des Débats, Erbeiterungen, Novellen-Zeitung, Moden-Zeitung, Litterary-gazette, Revue de Paris, Magazin für die Litteratur des Auslandes.

Съ самаго младенчества, слабое и болѣзненное дитя, Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ былъ вѣчно грустенъ, молчаливъ, убѣгалъ общества и игръ сверстниковъ. На девятомъ году, перенесъ страшное воспаленіе внутренностей, — оны вдругъ какъ-бы переродился... и изъ хилого ребенка сдѣлался дѣятельнымъ мальчикомъ.

По двѣнадцатому году, оны оказалъ замѣчательные успѣхи въ древнихъ языкахъ и исторіи; болѣе же всего оны пристрастился къ фантастическимъ вымысламъ народныхъ сказокъ и повѣрій. Однимъ изъ его лучшихъ биографовъ, Людвигъ Тикъ, рассказываетъ объ оригинальной и любимой игрѣ маленькаго Новагиса—съ двумя младшими братьями. Каждый изъ нихъ представлялъ особеннаго генія. Одинъ—былъ геніемъ воды, другой земли, третій неба... И каждый воскресный вечеръ, забившись въ тѣсный уголъ полуосвѣщенной комнаты, маленький поэтъ—таинственнымъ и трепетнымъ голосомъ рассказывалъ своимъ товарищамъ импровизованныя событія, случившіяся будто-бы въ области каждаго изъ нихъ... Часто самъ оны, испуганный мрзраками своего вымысла, прижимался къ боязливымъ слушателямъ, боясь выдуманныхъ имъ самимъ привидѣній...

Въ 1789 году, Новагисъ сталъ посѣщать гимназію. Черезъ годъ оны отправился учиться въ Іену, и здѣсь оставался до 1792 года. Наконецъ, посѣтивши Лейпцигъ, оны прибылъ въ Виттенбергъ, и здѣсь уже окончилъ академическое ученіе. Не имѣя постояннаго руководителя, оны остался въ своемъ образованіи самостоятельнымъ, и приобрѣлъ тотъ оригинальный взглядъ на вещи, который такъ ясно выражается въ его произведеніяхъ. Около этого времени оны познакомился съ Фихте. Шлегель былъ также однимъ изъ его близкихъ друзей.

Изъ Виттенберга, Новагисъ отправился въ Ариштадтъ, къ Тарнигію, для усовершенствованія въ практическихъ искусствахъ и наукахъ. Поэтическая таланты его не презирала и прозы жизни. Хитрости и великодушныя нравы оны занимался также съ большимъ рвеніемъ. Въ томъ, къ чему оны стремился, оны искалъ всегда цѣлости выполненія, глубины истины. Ничего оны не касался поверхностно; часто два три раза передѣлывалъ одну и ту же работу... Новую книгу оны прочитывалъ въ-четверо скорѣе другихъ; потому оны ее откладывалъ всторону, — и, казалось, болѣе не думалъ о ней. Если-же кому случалось, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ, спросить его мнѣніе объ этой книгѣ, оны не только могъ разсказать все ея содержаніе, подробности замѣчательныхъ мѣстъ, но зналъ даже ея малѣйшіе недостатки и достоинства. Такъ читалъ оны, такъ работалъ, такъ научалъ людей.

Знакомство со многими изъ славныхъ и великихъ ученыхъ, личная дружба съ нѣкоторыми изъ нихъ, доставили ему случай изучать разнообразныя средства и системы въ трудахъ ихъ на философскія науки и литературы. Любимую книгу его въ это время былъ знаменитый всѣмъ Вильгельмъ Meisterъ, Гёте.

Послѣдовательность въ идеяхъ, эстетическая тонкость вкуса и фантазіи, и наука, въ ея обширномъ смыслѣ, — вотъ что занимало всю жизнь Новагиса.

Въ ранней молодости онъ привязался чувствомъ самой чистой любви къ одной дѣвушкѣ. Этому прекрасному и гнѣвному существу онъ, въ своемъ воображеніи, придавалъ самые поэтическіе образы. Двадцатилѣтнъ онъ былъ съ нею помолвленъ. Его мать и сестры восхищались почти столько-же, какъ и онъ, прекрасною невѣстою. Новалисъ прославилъ ее въ своихъ стихахъ... Но неожиданная смерть, послѣ тяжелой и быстрой болѣзни, прекратила дни дѣвушки. Счастье молодого поэта исчезло; но покорный воля Неба, на одной жалобы, ни одной слезы не пролилъ онъ... И въ «Гимнахъ ночи» художественной пѣсни души тоскующей, но полной вѣры въ будущее, — онъ незримо для всѣхъ, тихомолкомъ выплакалъ свое земное горе... «Гимны Ночи» написаны мѣрною прозою и стихами. Мы приводимъ ниже отрывки изъ нихъ.

Прекрасное сердце Новалиса еще болѣе уязвлено въ прозвѣніи другаго чувства. Нѣжнѣйшая дружба связывала его съ самымъ дѣтства съ любимымъ, младшимъ братомъ его Эразмомъ. Самые свѣтлыя надежды улыбались имъ въ будущемъ... Но однажды, въ часъ безвѣстной радости, въ кругу семейнаго званника, Новалисъ вдругъ получилъ письмо съ извѣстіемъ о смерти Эразма, и снова счастье покинуло поэта... Въ чемъ-же измѣлилась его горькая тоска? Въ отчаяніи, въ ревотѣ на судьбу?—Нисколько... Вотъ слова его къ другому брату своему: «Утѣшься, другъ!... Эразмъ оставилъ насъ, но знай: душевные шты любимаго вѣка здѣсь разрываются только для того, чтобы вѣкогда вновь соединиться тамъ, гдѣ все прекрасно, благо и вѣчно!...»

Какъ ни твердо перенесъ Новалисъ эти потери, но два удара жестоко потрясли душу его, и съ новаго отъѣзда его изъ Тюрингена въ Фрейбергъ начинается достопамятная эпоха его жизни...

Городъ Фрейбергъ находится въ Саксоніи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Альтенбурга. Здѣсь Новалисъ, подъ вліяніемъ тихой грусти и сладкихъ воспоминаній съ какою-то лихорадочною дѣятельностью преданъ занятію положительными науками.

Получивъ новое призваніе, Новалисъ, съ расчетливостью самаго страшнаго скупца, сталъ считать минуты своей завидной жизни въ области наукъ. Природа, здравая философія и въ-особенности бессмертіе души были главными предметами его занятій. Теперь, находясь при саксонскихъ соделомняхъ, онъ сталъ изучать исключительно физіку, химію, математику, геологію, металлургію, технологію, горное искусство, даже медицину...

Но подобно любимцу своему, Фридриху Великому, который часто на барабанѣ, подъ громомъ пушекъ, писалъ самые восторженные стихи, Новалисъ, занимаясь изученіемъ самыхъ отвлеченныхъ и сухихъ предметовъ, даже дѣлая метеорологическія наблюденія для усовершенствованія разныхъ частей горнаго искусства. — еще съ болѣею ревностью служилъ поэзіи.

Къ этому времени относятся его: «Цѣлты», «Любовь и Вѣра», или «Король и королева», и «Сайскіе ученики». Онъ помѣщалъ ихъ подѣ

именемъ Новалиса, въ ежемѣсячныхъ прусскихъ издавiяхъ 1798, и въ Шлегелевомъ Атенеѣ, 1799 и 1800 годовъ.

Около этого-же времени онъ познакомился съ двумя военными людьми, Функомъ и Тилеманомъ. Они пробудили было въ поэтѣ страсть къ искусству Цезаря и Наполеона... Было время, — впрочемъ еще въ ранней юности Новалиса, — когда онъ хотѣлъ даже поступить въ военную службу. Я. Тикъ съ восторгомъ вспоминаетъ въ своихъ послѣднихъ сочиненiяхъ о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ, которые онъ провелъ съ Новалисомъ въ этомъ обществѣ, возвышаемомъ присутствiемъ Шлегеля.

Здѣсь-то родилась въ пылкой головѣ Новалиса мысль написать романъ, идеею котораго было: изображенiе апофеоза поэзiи. Въ 1800 году уже онъ писалъ къ одному изъ литературныхъ друзей своихъ: «Мой Генрихъ фонъ-Остердингенъ (задуманный романъ) въ полномъ ходу. Весь планъ его, уже составленный — у меня въ головѣ. Первый томъ уже готовъ; онъ будетъ основою другихъ... Цѣлое должно быть апофеозомъ поэзiи!... Въ первой части Генрихъ фонъ-Остердингенъ будетъ выведенъ человѣкомъ, въ которомъ только начинаютъ созрѣвать сѣмена будущаго плода. Во второй, онъ является уже поэтомъ. Это первая попытка вновь пробудившейся фантазiи. Между спекуляциями, я было самъ чуть не сталъ спекуляциею... Въ этомъ романѣ много вѣсенъ въ моемъ вкусѣ... Голова моя кипитъ идеями.... И новыя вскризы романовъ, даже драмъ, рождаются въ ней незванныя, но дорогие гости!»

Скоро Новалисъ уже читалъ своимъ прiателямъ лучшiя главы изъ этого романа; но онъ никогда не былъ конченъ. И при всѣхъ достоинствахъ его поэтической идеи, при всѣхъ яркiхъ и свѣжихъ краскахъ художественной формы, Генрихъ фонъ-Остердингенъ останется однимъ изъ слабѣхъ произведенiй Новалиса. Въ немъ отзывается духъ и направленiе Гётевскаго Вильгельма Мейстера, — отъ котораго Новалисъ не могъ оторваться до самой кончины. И однакоже онъ самъ сказалъ: «Философiя наука высокая, если не считать ее исходною точкою практической жизни. Но одна математика не сдѣлаетъ никого генiемъ механики или военнаго искусства, — точно такъ и одна философiя — не сдѣлаетъ никого человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова».

Фантазiя и необыкновенная теплота сердца были главными свойствами Новалиса; онъ придали ему неподражаемую оригинальность, и проявились въ его вѣжной привязанности къ родителямъ, въ его дружбѣ къ братьямъ и сестрамъ, въ любви къ невѣстѣ, въ стремленiи къ тихому кругу домашней жизни, даже въ дѣтскихъ играхъ, наполненныхъ представленiями привраковъ изъ міра духовъ.

Съ каждымъ годомъ эти поэтическiя чувства крѣпли въ немъ, и горизонтъ ихъ сливался въ одно цѣлое, прекрасное, святое чувство стремленiя души къ источнику свѣта и блаженства. Религiя стала предметомъ его поэзiи, потребностью всей жизни. Въ Новалисѣ родился поэтъ, полный вдохновенiя истиннаго; но рано умолкла эта жизнь. Ему было двадцать-восемь лѣтъ, когда вновь помолвленннмъ,

Вѣселою, съ одной прекрасною и образованною дѣвушкою, онъ готовился къ счастью семейной жизни, и въ это время — родные и друзья его вдругъ стали замѣчать въ счастливомъ женихѣ перемѣну. Блѣдность лица и одышка при самыхъ легкихъ движеніяхъ — обезпечили всѣхъ: ему запретили употребленіе вина, мяса, кофе, и позволили только молоко и овощи. До свадьбы оставалось нѣсколько мѣсяцевъ.

Давно, — еще въ лѣта первой юности, задумалъ Новалисъ составить книгу священныхъ, поэтическихъ пѣсенъ. Теперь желаніе осуществить эту мысль забилося въ его сердцѣ живѣе и опредѣленнѣе. Тигъ далъ ему слово — участвовать своими трудами въ этомъ предпріятіи. Пѣсни новыхъ христіанъ, составляютъ одну изъ блестящихъ сторонъ прекрасной поэзіи Новалиса. Если онъ не былъ — подобно Рембрандту въ области живописи — знакомъ съ классическими образцами музыки древнихъ грековъ и римлянъ; если изъ новыхъ поэтовъ, онъ зналъ только одного Гёте, и былъ чуждъ законовъ новѣйшей теоріи изящнаго, — то драгоценнѣйшее въ поэзіи — теплота чувствъ и вдохновенная фантазія ставятъ его въ число лучшихъ поэтовъ прошлаго вѣка.

Его «Священныя пѣсни», кромѣ полнаго изученія духа христіанства, — изображаютъ самыя трогательныя думы.

Достоинно замѣчанія, что отецъ его, всегда сурово глядѣвшій на артистическое направленіе сына и, между-тѣмъ, бывавшій подчасъ въ восторгѣ отъ его произведеній, — угрюмо встрѣтилъ и эти «Священныя пѣсни». Но однажды вошелъ онъ въ церковь. Тамъ-хоръ пѣлъ такую высоко-гармоническую духовную пѣсню, какой онъ еще никогда не слыхивалъ. Тронутой, со слезами на глазахъ, выходилъ онъ изъ церкви во окончаніи службы.

— Не знаете-ли, чье произведеніе — эта духовная мелодія, и чьи слова къ ней? спросилъ онъ сосѣда.

— Какъ! вы этого не знаете? отвѣчалъ ему раздосадованный бюргеръ.... Вы не знаете Новалиса, сочинителя этой пѣсни? И не подорѣвая, что онъ говорить съ отцомъ поэта, простодушный сосѣдъ сталъ рассказывать ему о поэзіи Новалиса.

Такъ росла и крѣпла, вмѣстѣ съ славою, сила генія Новалиса. Но между-тѣмъ физическая болѣзнь его не дремала....

Это было въ началѣ 1800 года.

Родители и невѣста поэта собрались, вмѣстѣ съ нимъ, ѣхать въ Фрейбергъ, гдѣ предполагали совершить давножеланный бракъ. И вдругъ у Новалиса пошла горломъ кровь.... Однакожъ доктора не видѣли опасности, и объявили, что это не будетъ имѣть важнаго вліянія на его здоровье. Припадки однакоже вскорѣ усилились, и были причиною того, что свадьбу отложили еще на мѣсяць.

Новалисъ переѣхалъ съ своими родителями въ Дрезденъ. Оставшись здѣсь на нѣкоторое время одинъ, онъ получилъ извѣстіе, что маленький братъ его утонулъ, по неосторожности, въ озерѣ; это извѣстіе поразило его такъ сильно, что врачи отказались его лечить. Съ этой поры любимую мыслію Новалиса была поѣздка на югъ.

Въ январѣ 1801 года, онъ возвратился къ своимъ родителямъ въ Вейсенфельсъ. Соважали конекціумъ лучшихъ лейпцигскихъ и іенскихъ докторовъ. Поэтъ не чувствовалъ почти никакой боли въ груди, и по прежнему трудился и писалъ. Онъ задумалъ совершенно перефразировать своего Остердингена.

«Теперь», говорилъ онъ съ восторгомъ: «я исполнѣ чувствую въ себѣ геній художества.... Теперь я понимаю, что такое поэзія, — безчисленныя видѣнія возстаютъ въ моей фантазіи, и образы идеаловъ ея одѣваются прекрасными, невѣдомыми еще доселѣ одеждами.»

Двадцать-пятого марта былъ свѣтлый, теплый день. Съ самаго утра Новалисъ весело и съ увлеченіемъ разговаривалъ о трудахъ на поприщѣ поэзіи, — со своимъ другомъ, Фридрихомъ Шлегелемъ. Вечеромъ попросилъ онъ своего брата дать ему нѣкоторыя изъ любимыхъ его книгъ; заказать себѣ легкую закуску, и просилъ сыграть ему что-нибудь на фортепяно. Услуживый братъ вызвался доставить ему это удовольствіе, — и скоро задумчивые звуки мелодіи Бетховена раздались подъ сводами бѣдно-освѣщенной комнатки. Сопіе скрылось за обнаженными кустами сада. Увидѣвъ, что братъ сладко спитъ, молодой артистъ оставилъ фортепяно, и поцѣловавъ поэта, тихо вышелъ изъ комнаты.

Въ двѣнадцать часовъ ночи Шлегель вошелъ къ нему. На полуоткрытыхъ устахъ Новалиса была тихая улыбка; какая-то высокая идея выражалась въ лицѣ его. Но Фридриха-фонъ-Гарденберга уже не было на свѣтѣ.... Тихо и незамѣтно отлетѣла душа его въ лучшій міръ.

Новалисъ былъ высокаго роста, худощавъ и хорошо сложенъ. Темныя волосы его спускались длинными локонами до самыхъ плечъ. Вѣчно блестящіе, умные глаза были выразительны; разговоръ живъ и звученъ; несмотря на болѣзненное состояніе его, рѣдко было замѣтно въ немъ утомленіе. Онъ любилъ читать одинъ, лежа, передъ своимъ. Ласковость и веселость его были одинаковы со всѣми. Истинна составляла любимый предметъ его разговоровъ, и лучшими изъ этихъ разговоровъ были тѣ, въ которыхъ онъ касался глубины человѣческаго духа. Въ это время — вдохновенный онъ импровизировалъ свои религіозныя думы.

Вотъ переводъ нѣкоторыхъ строфъ его «Гимновъ ночи».

I.

«Кто, полный жизни, полный чувствъ, не полюбитъ, прежде прочихъ явленій міра, — радостнаго *Света*, этого чуднаго созданія, съ его блескомъ, красками, волненьемъ? Кто не полюбитъ его обаятельнаго присутствія при восходѣ майскаго утра? Какъ душа жизни, вдохновляетъ онъ необъятный звѣздный міръ, сверкающій, вѣчно безмолвный, драгоценный камень, растеніе, полное чувствъ и жизни, и дикаго, стройнаго звѣря; но прежде всего вдохновляетъ онъ поэта. Какъ царь земной природы, онъ сзываетъ силы къ безчисленнымъ трудамъ,

онъ отражаетъ свой небесный образъ въ каждомъ земномъ созданіи. Дивное царство міра являетъ намъ присутствіе его!

Перевесусь къ святой неизъяснимой, таинственной Ночи. Вдали покоится міръ, погруженный въ глубокую тьму.

Непонятное чувство забилося въ сердцѣ. Не ужель и ты, тёмная ночь, чаруешь насъ? Чтѣ ты скрываешь подъ своей мантией? Изъ руки твоей, изъ маковой связки, каплетъ бальзамъ драгоцѣнный... Ты поднимаешь отяжелѣвшія крылья духа. Я вижу гордый, благородный образъ; тихо и благоговѣнно склоняется онъ на грудь мою. Какъ бѣлень, какъ дѣтски неполонъ *Сельтъ* мнѣ теперъ! Закатъ его—моя отрада.

II.

• Опять настало утро! Когда-жъ конецъ владычеству солнца? Дневныя заботы сгоняютъ даже отблескъ плѣнительной Ночи. Неужели вѣчно не горѣтъ таинственному свѣтилу любви? Свѣтъ имѣетъ предѣлы; но безвременно, вѣи пространства, владычество Ночи. Время сна вѣчно! Плѣнительный сонъ, прости глупцовъ, незнающихъ тебѣ, незнающихъ младенческихъ мечтаній, которыя слетаютъ къ намъ въ минуты сладкихъ вечернихъ сумерекъ. Имъ неизвѣстно, что ты, по сказкамъ старины, восходишь въ чертоги феи и несешь ключи къ обителямъ элеса, ты, посолъ молчаливый безчисленныхъ тайнъ!

III.

• Теперь я знаю время, когда взойдетъ для меня послѣдняя заря: не будетъ страшенъ Свѣтъ тогда ни Ночи, ни Любви, и только сонъ одинъ, да блѣдныя видѣнья будутъ царствовать. Я чувствую въ себѣ блаженную усталость. Тяжелъ и далекъ былъ мой путь къ заповѣдной ногтѣ, крестомъ освѣненной.

Я дамъ охотно руку Свѣту для трудовъ; я готовъ славить твой пышный блескъ, слѣдить созданія твоего искусства, разумный ходъ часовъ твоихъ! Но сердце втайнѣ будетъ вѣрно Ночи и сестрѣ ея, Любви. И можешь ли ты мнѣ найти вѣчно-вѣрнаго друга? Имѣетъ ли твое солнце дружескіе взоры, которые утѣшили-бы меня въ горѣ?

Вновь къ землѣ мой духъ стремится—
Прочь тоска души...
Скоро, вольный, отдохну я
Съ милою въ тиши.
Много мыслей, много жизни
Все еще во мнѣ;
Только солнца кругъ багровый
Не блеститъ въ огнѣ...
Не блеститъ и закатился
Въ темные края...

Обойми-жь меня покарче,
 Милая моя!
 Обойми—и задремлю я
 Подъ напѣвъ любви....
 Разлилось въ душѣ томленье,
 Стихнулъ жаръ въ крови!
 Полный духа, упованій,
 Я тоскую днемъ;
 И сгораю въ мракъ ночи
 Неземнымъ огнемъ! —

Вотъ, наконецъ, переводъ двухъ изъ лучшихъ мелкихъ стихотвореній Новалиса. Въ нихъ, какъ и во всемъ вообще, что написалъ рано умершій поэтъ, отразилась свѣтлая душа его и любовь къ небесному.

I.

ВЕЧЕРНІЙ ГИМНЪ.

Въ тысячѣ образовъ я созерцаю тебя,
 Дѣва Пречистая, матеръ спасенія—
 Но всѣхъ вѣрнѣй Тебя только душа моя
 Только она начертитъ въ часъ моленія.

Близится ль часъ этотъ, въ мирномъ сіяніи,
 Звѣзды, какъ птички, на небо слетаются;
 Вижу ль Тебя тогда—въ сладкомъ молчаніи
 Мысли, какъ звѣзды, въ душѣ загораются. —

II.

КРЫЛЬЯ.

Ночь пришла, окошко отворю я,
 Отворю его на дальній югъ;
 Скорбный духъ надеждой оживлю я,
 Оживлю шельбы застывшій звукъ...

Какъ горитъ воздушныхъ странъ дорога!
 Чтобъ летѣть по ней душа могла,
 Намъ любовь, намъ умъ даны отъ Бога—
 Два живыхъ, властительныхъ крыла!

Разверну же ихъ я на свободѣ,
 И душа почитается высоко,
 И любовь и умъ во всей природѣ
 Будетъ мнѣ благословить легко!

Открыть современной поэзіи въ Германіи. — Посреди столькихъ различныхъ мнѣній и убѣжденій въ Германіи, простыя и вѣрующія сердца давно уже нуждались въ истолкователѣ своихъ чувствъ. Онъ явился въ недавнее время, и произведенія его составили эпоху въ литературѣ. Авторъ этотъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ, — а между-тѣмъ уже болѣе четырехъ лѣтъ, посреди множества другихъ событій, впечатлѣніе, произведенное имъ, все еще живо — и поэма его успѣла въ это время дожить до четырнадцатаго изданія. Нельзя вообразить себѣ ничего прелестнѣе, простодушнѣе, вѣжнѣе и благонамѣреннѣе этого произведенія.

Оскаръ Редвицъ-Шмольцъ родился 25 іюня 1833 года въ Лихтенау, близъ Аншпахъ (въ Баварской Франконіи). Онъ принадлежитъ старинной дворянской фамиліи. Отецъ его занималъ важныя публичныя должности. Мать, Анна Миллеръ, племянница извѣстнаго поэта Миллера. Еще въ молодости Редвицъ переселился въ Рейнскую Баварію. Въ 1846 году возвратился онъ въ Шпейеръ, и приготовился къ званію юрисконсульта, исполняя желаніе своего семейства; но поэзія призвала его. Часто она бываетъ только искусственною дѣятельностію ума, но для Оскара поэзія была основою всѣхъ душевныхъ ощущеній.

По смерти отца своего женился онъ на молодой дѣвушкѣ, которой мнѣніе весьма замѣтно въ поэмѣ *Амаранта*, написанной имъ въ то время, когда онъ жилъ близъ своей подруги, въ окрестностяхъ Кейзерлаутерна, въ скромномъ сельскомъ домикѣ, подъ тѣнью соснового лѣса. При внимательномъ разсмотрѣніи этой поэмы, въ ней нѣтъ ничего новаго, — но зато вездѣ искреннее и теплое чувство.

Какъ всѣ произведенія *миннезенгеровъ*, поэма начинается описаніемъ весны. Лѣсъ позелѣнѣлъ и благоухаетъ цвѣтами, птицы поютъ на вѣтвяхъ, ручьи журчатъ во мху, долина покрыта тысячею цвѣтовъ, озябшихъ ярнимъ солнцемъ, — это Черный-лѣсъ, это долина Неккара.

Посреди долины живетъ молодой человекъ. Дѣйствіе происходитъ въ среднихъ-вѣкахъ. Главные миннезенгеры собрались на поэтическое работорство; Гейнрихъ Фрауэнлобъ готовился воспитѣть германскихъ женщинъ; Готфридъ Страсбургскій пишетъ стихи, полные нѣжной задумчивости; Вольфрамъ Эшенбахъ воспѣваетъ высокіе подвиги. Тогда вездѣ процвѣтала поэзія — у герцоговъ и у ландграфовъ, въ сельскихъ хижинахъ, въ стѣнахъ университета, и въ рядахъ войскъ. Вальтеръ, лишивъ отца, воспитанъ былъ въ старинномъ замкѣ своею матерью. Онъ достигнулъ юношескаго возраста, когда природа требуетъ дѣятельности. Охотясь по лѣсамъ, Вальтеръ мечтаетъ какъ-бы возстановитъ древній блескъ своего дома. Но вмѣстѣ съ воинственнымъ жаромъ ощущаетъ онъ и вдохновеніе поэзіи. Воспѣвая битвы и побѣды, вспоминаетъ онъ о матери и мечтаетъ о семейномъ счастьи.

Вальтеръ собирается ѣхать въ крестовый походъ съ императоромъ Фридрихомъ, — и мать уже благословила его. Вдругъ въ замокъ пріѣзжаютъ богатые иностранцы — изъ Италіи. Одинъ италіанскій графъ и отецъ Вальтера были военными товарищами, и дали слово другъ-другу соединить дѣтей своихъ. Графъ присылаетъ къ другу своему просить

руки Вальтера для дочери своей Гисмонды. Вальтеръ отправляется чрезъ Черный-лѣсъ, въ Италію, къ своей нареченной невѣстѣ.

Во второй пѣснѣ является героиня поэмы. Ночь; молнія блеснётъ, дождь ливнемъ льетъ. Рыцаря, закутаннаго въ плащъ, стучится у дверей уединеннаго домика въ лѣсу—это Вальтеръ. Ему отворяетъ дверь молодая дѣвушка; она разводитъ огонь, сушитъ его плащъ и идетъ уведомить отца, что Богъ послалъ имъ гостя. Отецъ и гость садятся за ужинъ; дѣвушка уходитъ въ свою комнату. Вальтеръ влюбляется въ Амаранту. Отецъ ея—миннезенгеръ, воспѣвавшій въ XII вѣкѣ славу и любовь. Онъ былъ женатъ, но одинъ недостойный гость увезъ его жену, и съ тѣхъ—поръ онъ удался въ полуразрушенный замокъ, гдѣ живетъ бѣдѣнъ и недобѣрчивъ къ людямъ. Амаранта осталась единственнымъ утѣшеніемъ, привязывающимъ его къ жизни.

Амаранта также полюбила Вальтера. Одна изъ прекрасныхъ сценъ поэмы та, гдѣ дѣвушка рассказываетъ коню Вальтера то, что чувствуетъ къ молодому человѣку. Вальтеръ застаётъ ее, но помня цѣль своего путешествія, скрываетъ свои ощущенія. Онъ только робко пожимаетъ руку молодой дѣвушки, когда та задумчиво склоняетъ свою голову на его плечо. Но, вскорѣ и она узнаетъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ Вальтеръ. Тогда, затаивъ въ груди любовь, прибѣгаетъ она къ молитвѣ.

Вальтеръ прибѣгаетъ въ Италію. Замокъ отца Гисмонды возвышается на берегахъ Комскаго озера. Здѣсь праздники слѣдуютъ за праздниками — и Гисмонда царицею этихъ баловъ. Она прелестна, горделива и обворожительна. Она полюбила Вальтера — и тотъ покоряется могуществу ея красоты. Но онъ печаленъ. Воспоминаніе объ Амарантѣ все еще живетъ въ душѣ его.

Вскорѣ происходитъ роковое объясненіе; Гисмонда отказываетъ Вальтеру, — и онъ отправляется въ Палестину.

Въ послѣдней пѣснѣ поэмы Вальтеръ возвращается изъ Палестины въ Черный-лѣсъ и отыскиваетъ Амаранту. Онъ находитъ ее, женится на ней и увозитъ въ свой замокъ.

Поэма эта имѣла величайшій успѣхъ, особливо въ южной Германіи. Университеты послали Редвицу дипломы на званіе доктора. Поэма его ходила по всѣмъ рукамъ, — и каждые два мѣсяца появлялось новое изданіе.

Послѣ-того Редвицъ напечаталъ легенду: *Источники и роса*, и Собраніе стихотвореній. Отличительнымъ качествомъ его поэзии смиреніе и простекающія изъ него добродѣтели. «Будьте покорны, — повторяетъ онъ безпрестанно своимъ соотечественникамъ; — будьте скромны какъ дѣти!»

Въ стихотвореніяхъ Редвица много оригинальныхъ балладъ, полныхъ истинной религіозности. *Аинеса* — небольшая драма, гдѣ преимущественно христіанки надъ мусульманкою доказано вѣрно, сильно и естественно. Поэтъ проситъ вдохновенія у каждой травки, у ручья, журчащаго надъ камнемъ, у куста, у птицы, воспѣвающей красоту утра. «Отчего у васъ голосъ такъ чистъ, крылатый пѣвецъ веселаго утра? — Оттого, что вы

нагъ, — отвѣчаетъ птица. Будь таиъ-же нагъ, какъ я, и ты будешь вѣтъ точно также. — Эта идея повторяется у Редвица вездѣ и подъ различными формами.

Успѣхъ Редвица составилъ около него родъ школы.

Изъ-всѣхъ учениковъ его замѣчательнѣе прочихъ Германъ Беккингаль, авторъ двухъ поэмъ, недавно изданныхъ. Первая называется *Гиларіонъ*. Это опроверженіе Фауста и подражаніе книгѣ Іова. Подобно Фаусту, Гиларіонъ изучилъ всѣ науки, которыми человекъ такъ гордится — и признаетъ ихъ совершенное бѣзсиліе для разгадки недоступныхъ человеку тайнъ. Но вмѣсто того, чтобъ, какъ Фаустъ, предаться злему духу, онъ вѣрится Провидѣнію. Изъ этой прекрасной и простой идеи авторъ извлекаетъ много высокихъ истинъ. Это преобразование идеи Фауста — совершенно поэтическое. Напрасно злой духъ смущаетъ Гиларіона. Напрасно всѣ друзья оставляютъ его, жена измѣняетъ ему, сынъ дѣлается неблагодарнымъ. «Что мнѣ всѣ страданія? говоритъ Гиларіонъ... Спокойствіе и радость въ моей совѣсти. Пусть у меня похитятъ всѣ блага земли, небесныя останутся со мною.»

Эта сила духа выражена поэтомъ прекрасно.

Вторая поэма его *Блондель*. Какъ Гиларіонъ былъ символомъ вѣры въ Провидѣніе, такъ Блондель символъ преданности. Но въ самомъ разсказѣ авторъ впадаетъ въ нѣкоторыя погрѣшности. Служитель короля Ричарда воспѣвается какъ герой вѣрности, — это вѣрно и прекрасно; но чтобъ Блондель обратилъ въ христіанство Саладина; чтобъ дочь его Нурмагала вступила въ монахини, а потомъ взошла на престолъ Англіи, — эти вымыслы нашъ критическій вѣкъ найдетъ неуѣстыми и невстетическими.

Редвицъ поселился теперь въ Боннѣ и изучаетъ поэзію среднихъ вѣковъ у извѣстнаго филолога Карла Зинрока, знающаго литературу XII и XIII вѣковъ, которую умѣетъ воспроизводить какъ истинный артистъ. Его переводы въ стихахъ Нибелунговъ, Персивала, Титуреля, и другихъ средне-вѣковыхъ поэмъ можно назвать безукоризненными.

Редвицъ одушевленъ прежде всего теплыми чувствами. Въ немъ нѣтъ глубины Новалиса, блистательнаго воображенія Брентано, ни энергіи Ариана; но зато чувство его вѣрно и возвышенно. Надобно, только опасаться, чтобъ онъ не увлекся мечтами, какъ рыбакъ Гёте коварными ласками Удвивы.

Представимъ теперь обзоръ отдѣльныхъ балладъ и другихъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній, явившихся въ послѣднее время. Конечно, лишенные очарованія мелодическаго размѣра и риѣмы, эти произведенія должны много потерять въ переводѣ, — но и въ прозѣ будетъ видна идея поэта.

Современный германскій поэтъ не *галлофанъ*, не древній тевтонъ, не является однимъ Германомъ, — нѣтъ, онъ любитъ и Францію, и все хорошее чужеземное. Рейнь для него священъ, но онъ радъ, когда западные вѣтры, перелетѣвъ черезъ зеленыя волны, посреди которыхъ Лорелея стонетъ на своей скалѣ, принесутъ ему отголосокъ какой-нибудь веселой пѣсенки. Онъ часто наполняетъ свой лукъ стрѣлами не-

германской ироніи и остроумія, которыми послѣ такъ мѣтко и глубоко поражаетъ своихъ противниковъ, варварскихъ и сантиментальныхъ поэтовъ.

Всегда были писатели сатирики съ холоднымъ и неумолимымъ сердцемъ; иронія которыхъ сокрушала все; — но нашъ поэтъ, владея также искусно этимъ орудіемъ, обладаетъ совершенно-отличительнымъ качествомъ. Въѣстъ съ ненавистію, одушевляеъ онъ любовію, столь-же сильною и искреннею. И это будутъ вовсе не риторическія фразы, если мы скажемъ, что онъ жестокосердъ и нѣженъ, коваренъ и простодушенъ, египтикъ и легковѣренъ, сентименталенъ и насмѣшникъ, страстенъ и холоденъ какъ ледъ, остроуменъ и мечтателенъ, античный и модный человѣкъ; однимъ-словомъ, у него всѣ качества и всѣ недостатки, уничтожающіе другъ друга. Это созданіе, само себѣ противурѣчащее, безъ особенныхъ усилій и безъ твердой рѣшимости. Онъ самъ все это чувствуетъ. Сердце его, какъ зеркало, отражаетъ всѣ изображенія. Никогда Протей не принималъ на себя столько видоизмѣненій; никогда боги Индіи не имѣли столько превращеній. И при всемъ этомъ, онъ вездѣ сохраняетъ чистоту и совершенство пластики. Подъ художественною отдѣлкою нѣмецкій языкъ становится гладкимъ, звучнымъ, изящнымъ, какъ древняя греческая статуя. Изъ тевтоническаго дуба, изъ котораго, казалось, можно только вырубить безобразный кумиръ Ирминсула, изваялъ онъ гармоническую статую Аполлона.

Явившись на литературномъ горизонтѣ позже Виланда, Клопштока, Шиллера, Гёте, онъ вскорѣ вошелъ въ группу этой блистательной плеяды, имѣя возможность избѣгнуть многихъ ошибокъ, въ которыхъ упрекали его предшественниковъ. Клопштока упрекали въ томъ, что онъ утонченъ въ своемъ глубокомъ мистицизмѣ; Виланда, что онъ слишкомъ легокъ; Шиллера, что его идеализмъ часто неестественъ; наконецъ Гёте, хотѣвшаго соединить чувство съ умомъ, упрекали часто въ ледяной холодности. Современный поэтъ чувствителенъ отъ природы, идеалы его вездѣ пластическіе, — и въ особенности онъ вездѣ остроуменъ. Талантъ его не имѣетъ ничего общаго съ Клопштокомъ, потому-что все скучное ему несвойственно. Отъ Виланда заимствовалъ онъ свою чувствительность, отъ Шиллера — истинное чувство, отъ Гёте его спиритуализмъ. Все это онъ слилъ воедино, и составилъ одно прекрасное цѣлое. Идея и формы сливаются у него повсюду; рельефность и оттѣнки его превосходны. Каждая его фраза одушевленный и блистательный микрокосмъ. Кажется, его изображенія выходятъ изъ камеръ-обскуры, фигуры его отдѣляются отъ картины, и появленіемъ своимъ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ еслибы портреты выступили изъ своихъ рамъ и стали разговаривать. Слова его не обозначаютъ предметовъ, но вызываютъ ихъ. Это уже не чтеніе, — это магическое явленіе. Поэтъ ввелъ васъ въ кругъ заклинаній, и около васъ томятся фантастическія существа съ потрясающею истинною формою. Передъ глазами вашими тлѣтся рядъ картинъ, до того невѣроятныхъ, невозможныхъ, что вы чувствуете какое-то головокруженіе.

Для читателя не-Германца это смѣшеніе разнородныхъ элементовъ

покажется удивительнымъ. То вы видите блистательную пронию, которая, кажется, похищена у Кандида, то въ той-же строчѣ докторъ Панглось философствуетъ съ какой-нибудь Эльфой, или русалкою. Въ на-смѣшкѣ Вольтера часто звучитъ меланхолическая нота поэзіи весны и лѣтсовъ. Саркастическій поэтъ спокойно располагается въ готическомъ замкѣ; воспоминаніе прошедшаго одушевляетъ его; оружіе звучитъ по стѣнамъ, цвѣта гербовъ оживляются, разноцвѣтными стекла блестятъ, органы наигрываютъ древнія мелодіи; рыцарь выѣзжаетъ изъ феодальнаго замка на боевомъ конѣ, — и никогда, ни Уландъ, ни Тикъ, ни Шлегель, влюбленные въ рыцарство, не описывали такъ вѣрно среднихъ-вѣковъ. Сила картинъ и чувство красоты увлекли на нѣсколько строчъ нашего поэта, — но вдругъ онъ самъ смѣется надъ своею сентиментальностію, и рукавомъ шутовскаго шаряда утираетъ навернушіяся на глазахъ слезы, звонитъ опять въ свои побрякушки и хохочетъ отъ всей души надъ самимъ-собою. Онъ васъ только дурачить; онъ своею сентиментальностію разставлялъ сѣть, и вы попали въ нее. По-крайней-мѣрѣ онъ увѣряетъ васъ въ этомъ; — но онъ лжетъ; онъ самъ былъ разстроганъ, потому-что въ этой наивной натурѣ все истинно. Не-вѣрьте ему, когда онъ говоритъ, что и смѣхъ его и слезы — все при-творно. Нѣтъ! Смѣхъ гнѣвы, слезы крокодила — не могутъ быть искусственны.

Въ новѣйшихъ балладахъ, несмотря на частую пронию, воскресаетъ жизнь прошедшихъ временъ.

Вотъ еще нѣкоторые изъ лучшихъ балладъ.

ГАРАЛЬДЪ ГАРФАГАРЪ.

Гаральдъ Гарфагаръ обитаетъ въ глубинѣ океана съ прекрасною морскою феею. Годы приходятъ и проходятъ.

Волшебство и очарованіе Ундины удерживаютъ его. Онъ не можетъ ни жить, ни умереть. Вотъ уже двѣсти лѣтъ, какъ продолжается счастливое его мученіе.

Голова Гаральда склонилась на грудь очаровательницы, въ глаза которой онъ всматривается съ любовію. Онъ все еще не можетъ насмотрѣться на нее.

Золотистые его волосы давно уже посѣдѣли, какъ серебро; румяныя щеки пожелтѣли; все тѣло одряхлѣло.

Иногда пробуждается онъ отъ своего влюбленнаго очарованія, когда морскія волны зашумятъ надъ головою его, и кристальный сводъ дворца задрожитъ.

Иногда въ этомъ шумѣ волнъ и въ свистѣ вѣтра все слышится ему военный крикъ норманновъ. Онъ вскакиваетъ, радостно содрогается, протягиваетъ свои руки, — но они опять падаютъ отъ безсилія.

Иногда слышится ему пѣснь моряковъ, поющихъ надъ нимъ военныя пѣсни о подвигахъ Гаральда Гарфагара.

Тогда Гаральдъ стонетъ, плачетъ и рыдаетъ. Но фея быстро склоняется къ нему и цѣлуетъ его своими улыбающимися устами.

УДИНЫ.

Волны ударяють въ пустынный берегъ. Луна встала. Рыцарь огмѣкаетъ на песчаномъ берегу, погруженный въ тысячи мечтаній.

Прелестныя Удины, одѣтыя въ бѣлыя покрывала, выходятъ изъ глубины водъ. Тихими шагами подходятъ онѣ къ молодому человѣку, полагая, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ уснулъ.

Одна съ любопытствомъ прикасается къ перьямъ его берета; другая осматриваетъ его перевязь и шлемъ.

Третья улыбается,—и глаза ея блестятъ. Она вынимаетъ мечъ изъ ноженъ, и опершись на блестящую сталь, съ восторгомъ любитъ рыцаремъ.

Четвертая прыгаетъ вокругъ него и тихо шепчетъ: о! еслибы ты полюбилъ меня, милый рыцарь.

Пятая цѣлуетъ его руку; шестая колеблется, но наконецъ цѣлуетъ его въ щеку и губы.

Рыцарь не глупъ. Онъ не раскрываетъ глазъ — и спокойно даетъ обнимать себя прелестнымъ удинамъ при свѣтѣ луны.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ.

Вотъ нашъ тамбуръ-мажоръ. Какъ онъ усталъ! Во времена французской имперіи онъ славился; онъ былъ веселъ и шутивъ.

Съ улыбкою удовольствія махалъ онъ своею большою палкою. Серебряныя галуны мундира его блистали при солнечномъ сіяніи.

Когда, при звукѣ барабановъ, входилъ онъ въ города и деревни, сердца женщинъ и дѣвушекъ привѣтствовали его.

Онъ приходилъ, видѣлъ — и побѣждалъ всѣхъ красавицъ. Черные усы его всегда были омочены слезами нашихъ сантиментальныхъ вѣжковъ.

Надобно было пережить это! Вездѣ гдѣ проходили иноземные завоеватели. Наполеонъ покаралъ мужчинъ, тамбуръ-мажоръ — женщинъ.

Долго мы съ нѣмцами дубовымъ терпѣніемъ переносили это горе, покуда намъ не помогли сбросить съ себя иго.

Какъ былъ въ день мадритскаго боя сбросили мы съ себя это иго, и зашли диеирамбы Кернера.

О ужасные стихи! Они испугали нашихъ враговъ. Наполеонъ и тамбуръ-мажоръ — оба скрылись отъ нихъ.

Наполеонъ попался въ руки Англичанъ.

Тамбуръ-мажоръ, чтобъ не умереть съ голода, принужденъ былъ служить привратникомъ въ нашемъ домѣ.

Онъ топить печи, натираетъ полы, носить дрова и воду. Съ слезою и трясущею головою, онъ, запыхавшись, взбирается вверхъ по лѣстницамъ.

Всякій разъ, когда другъ мой Фрицъ навѣщаетъ меня, онъ не про-

пускаетъ случая поносить надъ этимъ бѣднымъ, длиннымъ и худощавымъ человѣкомъ—и помучить его.

Оставь свои насмѣшки, о Францъ! Сынамъ Германіи неприлично обременять глупыми шутками несчастіе.

Ты долженъ съ уваженіемъ обращаться съ этими людьми. Кто знаетъ? можетъ-быть этотъ старикъ твой дальній родственникъ.

Мы только назовемъ нѣсколько другихъ балладъ, которыя уже были переведены и всѣмъ извѣстны. Напримѣръ *Два гренадера*, подавшіе ядъ къ *Ночному смотру* Зедлица, явившемуся гораздо позже. *Домъ Клара*, повтореніе *Алмалзора* въ другомъ видѣ. Тамъ мусульманинъ сдѣлался христіаниномъ. Тутъ еврей дѣлается рыцаремъ изъ любви къ дочери Алькада. *Пилгримство въ Кельларъ*—чисто католическое и религиозное стихотвореніе о капеллѣ, гдѣ образъ Мадонны излечиваетъ отъ всѣхъ болѣзней.

Въ Германіи много глубокаго сочувствія къ древней сѣверной поэзіи. Германія любитъ всѣ эти прибалтійскія легенды, эти башни въ которыхъ заперты дочери конунговъ, этихъ женщинъ съ лебедиными шевели, этихъ героевъ съ лазурными бронями, этихъ боговъ, которымъ вѣровны шенчуть науху вѣсти вездѣшняго міра, эти исполнскія борьбы на легкаихъ лодочкахъ. Отгвнокъ Эдды освѣчиваетъ, какъ сѣверное сіяніе, въ спѣвахъ убійствъ и любви, таинственныхъ силъ и наслажденій. Но лучше всего описаніе прелестныхъ и коварныхъ существъ, ужалитъ, русалокъ, эльфовъ, виллисъ, которыхъ обольщеніе срываваетъ погубель, чьи бѣлые руки увлекаютъ васъ въ глубину темныхъ водъ. Несмотря на всю италянскую любезность канцонъ, на гиперболы и кончетты сонетовъ, нажая женщина этихъ балладъ не много русалка, или виллисъ,—и когда поэтъ, говоря о Лузиньянѣ и его феѣ Мелюзинѣ, восклицаетъ: «Счастливы тотъ, у кого возлюбленная только въ половину женщина!»—онъ высказываетъ свою тайную теорію любви.

Во всѣхъ самыхъ страстныхъ стихотвореніяхъ этого рода есть что-то безпокойное. Любовь похожа на дѣвѣты и тѣнистыя деревья; но цвѣты тутъ ядовиты, а тѣни деревьевъ смертельны. Сѣняксы съ лицомъ прелестной дѣвы, съ грудью женщины, съ тѣломъ и когтями льва, улыбаются съ высоты своихъ ираморныхъ цоколей и вынускаютъ острые когти. Въ этихъ волшебныхъ удовольствіяхъ, нѣные очаровываетъ, взглядъ лишаетъ силъ, цвѣты ослѣвляютъ, прелесть коварна, красота вѣроломна, холодныя уста даютъ жгучіе пощѣлун, —а пламенные губы пощѣлун холодныя и мертвыя. Обольщеніе—всегда обманываетъ, всякое очарованіе опасно; повсюду являются смерть и нивѣна. Поэтъ похожъ на человѣка, ласкающаго тигра, играющаго съ гремучей змѣею. И однакожъ опасность ему нравится. Она привлекаетъ его, какъ свистъ змѣи маленькую птичку. Онъ любитъ на правъ бездны срывать незабудки.

Въ описаніяхъ Сѣвернаго моря много картинъ, которыя превосходятъ Бакгюйзена, Фанъ-де-Вельда и Верне. Стрѣфы глубоки какъ океанъ. Ризны дуются какъ волны. Только Байронъ и Шеллей любилъ такую же страстію море. Но по странному своеравію, на берегахъ Балтики, передъ этими льдинами, приплывающими съ полюса, нѣмецъ дѣлается

грекомъ. У него надъ холодными и голубыми волнами поднимаетъ голову Поссидонъ. Въмѣсто сѣверныхъ рыбъ, играютъ классическіе тритоны. Онъ позволяетъ себѣ анахронизмы, какъ Рубенсъ и Веронезъ. Онъ вводитъ въ хижину рыбака переодѣтаго бога Гомеровою мифологіи,—и самъ похожъ на Аполлона въ красной матросской рубашкѣ, осужденнаго не стеречь стада Адмета, а ловить сельдей въ Сѣверномъ морѣ.

Но вмѣстѣ съ созерцаніемъ природы смѣшиваются философія мечтанія и воспоминанія любви. Удаленный хотя на минуту отъ опасности, то есть отъ женщины, онъ уже не такъ остороженъ. Въ морѣ онъ безпеченъ. Тутъ являются скромные и благородные идеалы. Чистая дѣва смѣняетъ чудовище. На днѣ моря поэтъ видитъ потопленный городъ, гдѣ у окошка сидитъ, облокотясь, дѣвушка, которую можно было бы любить безъ страха и ревности. Невозможно передать въ прозѣ этой поэмы, въ которой развиваются столько поэтическихъ впечатлѣній, мечтаній, любви, страданій, восторговъ, очарованій. Это анализъ всей души поэта, со всѣми ея противорѣчіями. Въ этомъ короткомъ переѣздѣ изъ Гамбурга въ Гельголандъ,—а оттуда въ Бременъ, на дреянномъ пакетботѣ, въ кругу грубыхъ матросовъ и скучныхъ пассажировъ, мысль поэта уединяется и дѣлается велика, какъ безпредѣльность моря. Но чтѣ это за любовь, которая какъ молнія освѣщаетъ по временамъ сердце поэта, то окруженная туманами сѣвера, то принимающая классическіе оттѣнки?—Все это найдемъ мы далѣе, въ одной изъ поэмъ *Интермедіи*, гдѣ вся тайна его страданій. Тамъ найдемъ мы идеалъ поэта, бывшій для него тѣмъ-же, чтѣ Лаура для Петрарки, Беатриче для Данте. Но приведемъ прежде еще нѣкоторыя мелкія стихотворенія.

«Вставайте, вѣтавайте, мои пѣсни, мои добрыя пѣсни! Вооружитесь! Трубите въ трубы и поднимите на щиты красавицу, которая должна отнынѣ царствовать надъ моимъ сердцемъ.

«Привѣтъ тебѣ, моя обладательница!

«Съ свѣтлаго солнца сорву я лучшее золото и сдѣлаю тебѣ изъ него вѣнецъ. Изъ лаурнаго атласа, раскинутаго надъ нами и усыпаннаго брилліантовыми звѣздами, я оторву кусокъ и сошью тебѣ изъ него мантию. Придворными твоими будутъ мои советы, терцины и стансы. Умъ мой будетъ твоимъ скороходомъ, воображеніе мое—твоимъ шутомъ, а юморъ—твоимъ пестрымъ герольдомъ. Самъ же я брошусь къ твоимъ ногамъ, и склонясь на бархатную подушку, принесу тебѣ въ дань остатокъ моего разсудка, который оставила во мнѣ твоя предшественница.»

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

На берегу моря сидѣлъ въ задумчивости и удивленіи. Солнце спускалось и бросало на поверхность водъ пламенные лучи. Бѣлыя и широкія волны, поднимаясь въ приливѣ, подвигались впередъ съ шумомъ и пѣною. То былъ странный шумъ свистъ и ропотъ, свѣтъ и

журчанье, вздохи и предсмертныя судороги, переищанные съ пѣжною колыбельною пѣснью. Миѣ казалось, что я слышу рассказы о старыхъ прошедшихъ временахъ, о старыхъ волшебныхъ сказкахъ, которыя сказывали дѣтямъ нашего сосѣда, гдѣ и я, прикурнувъ на камѣ у дверей въ лѣтній вечеръ, слушалъ ихъ со всѣмъ вниманіемъ дѣтскаго сердца, съ открытыми глазами любопытства, — а въ это время взрослые дѣвушки сидѣли у окна надъ нами, близъ горшковъ съ пахучими цвѣтами, и подобно розамъ, улыбались при лунномъ свѣтѣ.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ.

Ночь холодна и безвѣдна. Море бушуетъ, а на морѣ безобразный сѣверный вѣтеръ, растанувшись, какъ ворчунъ-старикъ, болтаетъ что-то таинственнымъ и стѣняющимъ голосомъ, рассказываетъ сумасбродныя сказки, повѣсти объ исполинахъ, старыя исландскія легенды, наполненныя битвами и историческимъ вздоромъ. Въ промежуткахъ хочеть онъ и воетъ, какъ заклинатель Эдды, вызывающій руиническихъ духовъ. Все это, съ такою звѣрскою радостію, съ такими комическимъ буйствомъ, что бѣлые дѣти моря прыгаютъ по воздуху и испускають радостныя крики.

И вотъ по песчаному берегу, гдѣ приливъ оставилъ свои лужицы, приближается путникъ, котораго сердце еще въ большемъ волненіи, нежели волны и вѣтеръ. При всякомъ шагѣ его сыплются искры и хрустятъ раковины. Онъ закутанъ въ сѣрый плащъ, и быстро шагаетъ сквозь ночь и вѣтеръ, слѣдуя за путеводнымъ свѣтомъ, кротко и привлекательно сіяющимъ изъ пустынной хижины рыбака.

Отецъ и братъ въ морѣ. Дома въ хижинѣ осталась одна дочь рыбака, прелестная дѣвушка. Она сидитъ у очага и слушаетъ глухой и фантастическій шумъ кипящаго котла. По временамъ подбрасываетъ она въ огонь вѣтки и раздуваетъ пламя, которое ярко освѣчивается на свѣжемъ лицѣ ея, на бѣлыхъ и пѣжныхъ плечахъ, такъ мило отгѣняющихся отъ ея грубой и сѣрой рубашки, и на ея маленькой ручкѣ, которая заботливо подвязываетъ коротенькую юбочку къ стройному стану.

Но вдругъ дверь отворяется, и ночной путникъ входитъ въ хижину. Кроткимъ и спокойнымъ взоромъ посмотрѣлъ онъ на бѣлую и слабую дѣвушку, которая дрожала передъ нимъ, какъ испуганная лилія, — и сбросивъ на полъ свой плащъ, улыбнулся и сказалъ:

«Видишь-ли, дитя мое; я сдержалъ слово и воротился. Со мною возвратились и древнія времена, когда боги сходили къ земнымъ дѣвамъ. Однакоже, дитя мое, перестань пугаться моего мнимаго божества. Слѣдай миѣ поскорѣ чаю съ ромомъ. Береговой вѣтеръ былъ очень злодѣй, — а въ такія ночи и намъ богамъ холодно, и мы боимся получить ревматизмъ и безсмертныя кашель.»

ПОССИДОНЪ.

Солнечные лучи играли въ бунтующемъ морѣ. Вдали на рейдѣ ви-

дѣнь былъ корабль, который долженъ былъ отвезти меня въ отечество. Но я ждалъ попутнаго вѣтра, и спокойно сѣлъ на песчаномъ берегу; я сталъ читать пѣсни Одиссея, эти старыя, вѣчно-юныя пѣсни, навѣвающія мнѣ шумъ волнъ, шорохъ листьевъ и запахъ божественной амброзіи, великолѣпную весну человечества и блистательное небо Эллады.

Сердце мое усердно слѣдило за всѣми шагами сына Лаорта. Вмѣстѣ съ нимъ садился я, съ печалью въ душѣ, у гостепримныхъ пенелаяцъ, гдѣ королевы ткутъ пурпуръ. Я помогалъ ему лгать и счастливо спастись изъ пещеры великана, или отъ колдовства нимфы—очаровательницы. Я слѣдовалъ за нимъ въ ночь Киммерійскихъ странъ, въ бури и кораблекрушенія,—и переносилъ съ нимъ невыразимыя страданія.

Я говорилъ вздыхая: «о жестокой Поссидонъ! Гнѣвъ твой ужасенъ, и я тоже боюсь, что ты не допустишь меня увидѣть мое отечество.»

Едва произнесъ я эти слова, какъ море покрылось пѣною, — и изъ бѣлыхъ волнъ вышла голова морскаго бога, увѣнчанная осокою. Онъ съ насмѣшкою сказалъ мнѣ: «Не бойся ничего, милый мой маленькій стихотворецъ. Я вовсе не намѣренъ разбивать твоего суденышка, ни беспокоить твою невинную жизнь слишкомъ опасными потрясеніями. Ты, поэтъ, никогда меня не раздражалъ; ты не разрушилъ ни одной башенки священнаго города Пріама, ты не выдернулъ ни одного волоса изъ головы моего сына Полифема, и никогда не получалъ наставленій отъ богини мудрости Паллады—Аѣнны.»

Такъ говорилъ Поссидонъ, и погрузился опять въ море. Эта грубая выходка заставила разсмѣяться подъ водою Амфитриду, эту олимпійскую пуассарду, в глупыхъ дочерей Нереея....

НОЧЬЮ ВЪ КАЮТѢ.

У моря есть свой жемчугъ, у неба свои звѣзды,—но у моего сердца, у моего сердца есть своя любовь.

Море велико, небо обширно, но мое сердце еще обширнѣе, а любовь моя красивѣе жемчуга и блистательныхъ звѣздъ.

Тебѣ, молодая дѣва, принадлежитъ это сердце вполне. Сердце мое, море и небо,—все соединилось въ моей любви.

Я бы хотѣлъ пламеннымъ поцѣлуемъ приложить уста свои къ лазурному своду неба, гдѣ блистаютъ звѣзды, и излить тамъ потокомъ слезъ.

Эти звѣзды также ярки, какъ глаза моей возлюбленной. Съ высотъ своего лазурнаго свода посылаютъ они своимъ блескомъ тысячу искръ вѣстивій.

Часто и долго я смотрѣлъ на эти блестящія свѣтила, — вдругъ маняній покровъ скрылъ ихъ отъ меня.

Въ перегородку, на которую склонилась моя голова, бьютъ волны свирѣпыя волны: Онѣ шумятъ мнѣ въ уши: «Бѣдный сумасбродъ! твоя коротка, а небо далеко. Звѣзды крѣпко прикрѣплены на сводахъ неба».

номъ сводѣ золотыми гвоздями Напрасны твои желанія! Лучше усни!.

Я видѣлъ во снѣ пустынную степь, покрытую бѣлымъ и молчаливымъ снѣгомъ. Подъ этимъ снѣгомъ лежалъ я погребенъ и спалъ споконъ смерти.

И однакоже съ высоты видѣлъ я, что звѣзды и глаза моей возлюбленной попрежнему блистаютъ. Блескъ ихъ спокоенъ и торжественъ, хотя и полонъ любви.

СПОКОЙСТВИЕ.

Море спокойно. Лучи солнца отражаются въ водѣ. На волнисто-серебристой поверхности корабль прорѣзываетъ смарагдовые полосы.

Боцманъ лежитъ у руля и храпитъ. У гротъ-мачты сидитъ юнга, облитый смолою, и чинитъ паруса.

Краска щекъ его видна изъ-подъ слоя грязи; губы его дрожатъ; онъ печально осматривается прекрасными глазами.

Передъ нимъ стоитъ капитанъ, кричитъ и сердится и называетъ его воромъ.—Бездѣльникъ! Ты укралъ у меня въ бочкѣ селедку.

Море спокойно. Маленькая рыбка всплываетъ на поверхность воды, грѣетъ свою головку на солнышкѣ, и весело играетъ своимъ хвостикомъ.

Вдругъ съ высоты налетѣла чайка, схватила трепещущую рыбку, и полетѣла съ нею къ облакамъ.

НА ДНѢ МОРЯ.

Я лежалъ на борту корабля и смотрѣлъ задумчивыми взорами въ свѣлое зеркало водъ. Все глубже и глубже проникалъ я въ бездну. Вдругъ на днѣ морскомъ увидѣлъ я сперва туманные облака, потомъ мало-по-малу различалъ куполы и башни, — а когда солнце освѣтило все это, то и цѣлый городъ древней Голландіи, полный жизни и движенія. Старики, закутанные въ черныхъ плащахъ, съ бѣлыми откидными воротничками, почетными цѣпями, длинными шпагами и длинными лицами, гуляли по площади, близъ ратуши, украшенной бюстами, не очень красиво изваянными. Недалеко оттуда, передъ глазами домовъ съ блистающими стеклами, подъ тѣнью липъ, обстриженныхъ въ видѣ пирамидъ, гуляли молодыя женщины, шумя шелковыми платьями. Розовыя лица ихъ скромно выглядывали изъ черныхъ тесачковъ, и золотистыя локоны спускались на плечи. Толпа красивыхъ рыцарей въ испанскомъ костюмѣ вертѣлась около нихъ, и бросала на нихъ пламенные взгляды. Матроны, одѣтыя въ темныя платья, съ молитвенниками и четками въ рукахъ, шли мѣрными шагами къ большому собору, призываемыя колокольнымъ звономъ и мелкою органною.

При этихъ отдаленныхъ звукахъ пробѣжала по мнѣ дрожь. Непонятныя желанія, глубокая грусть овладѣли моимъ сердцемъ, которое

такъ еще недавно зажило отъ ранъ. Эти раны вновь раскрылись и капаютъ кровью, капля по каплѣ, на старыи домикъ этого подводнаго города. Этотъ домъ съ высокою крышею, кажется, опустѣлъ; только у одного окна сидитъ молодая дѣвушка, облокотясь на руку головою. Я знаю тебя, бѣдное дитя. Въ припадкѣ дѣтскаго своенравія, ты скрылась отъ меня такъ далеко, на дно моря, и не могла уже воротиться оттуда. Вотъ уже столѣтіе, какъ ты здѣсь сидишь, чужая между чужими,—а я, съ душою, полною грусти, такъ долго искалъ тебя по всей землѣ, и всегда любя тебя, наконецъ нашелъ здѣсь. Я вижу твое кроткое лицо, твои умные, спокойныя взгляды, твою тонкую улыбку. Никогда я тебя больше не оставлю. Я сплыву къ тебѣ, простираю къ тебѣ объятія, и хочу прижать тебя къ моему сердцу...

Капитанъ успѣлъ меня охватить за ногу и отдернуть отъ борта, сказавъ довольно грубо: «Послушайте, вы съ ума сошли!»

ОЧИЩЕНІЕ.

Оставайся на днѣ моря, безумная мечта которая нѣкогда по ночамъ обольщала мое сердце ложнымъ счастьемъ и которая еще теперь, какъ призракъ мучитъ меня и днемъ. Оставайся подъ волнами на вѣки. Возьми съ собою всѣ мои страданія и грѣзы, возьми шутковскую мою шапку съ бубенчиками, которая такъ долго звонила около ушей моихъ; возьми и холодное притворство, эту змѣиную кожу, которая такъ долго оковывала мою душу; возьми всѣ болѣзни души, отвергавшей все.... Гойго! Гойго! Вотъ подулъ вѣтеръ! распускайте паруса!—Они заполоскались, вздулись; корабль двинулся по свѣтлому зеркалу воды,—и освобожденная душа испускаетъ радостные крики.

УТРЕННІЙ ПРИВѢТЪ.

Таллато! Таллато! * Привѣтствую тебѣ вѣчное море Тысячу разъ
Море.

привѣтствую тебя радостнымъ сердцемъ, какъ нѣкогда привѣтствовали тебя десять тысячъ греческихъ сердецъ, несчастныхъ въ битвахъ, вздыхающихъ по своему отечеству: — сердца, знаменитыя въ исторіи міра.

Волны вздымались и шумѣли. Солнце проливало на море свои розовые лучи, стаи чайекъ, испуганныя, летѣли съ рѣзкимъ крикомъ; кони били копытами, щиты издавали радостные звуки. Какъ пѣсни побѣды раздавались клики: Таллато! Таллато!

Привѣтствую тебя, вѣчное море. Въ шумѣ волнъ твоихъ слышу я отголосокъ отечества. Изъ поверхности волнъ видятся мнѣ сны моего дѣтства, — и я вспоминаю о всѣхъ благородныхъ и прекрасныхъ подаркахъ, о всѣхъ красныхъ кораллахъ, о жемчугахъ и позолоченныхъ раковинахъ, которыя ты такъ таинственно скрываешь въ своей глубинѣ.

О! какъ мнѣ скучно было на чужбинѣ! Какъ цвѣтокъ, завядшій въ жестяномъ ящикѣ ботаника, сердце мое изнывало въ груди. Мнѣ же

залось, что я, какъ больной, просидѣлъ всю зиму въ темной и нездоровой комнатѣ. И вотъ я покинулъ ее. Зеленая весна, оживленная солнцемъ, сіяетъ передъ моими очарованными взорами; я слышу шорохъ деревьевъ, покрытыхъ благоуханнымъ свѣгомъ. Распускающіеся цвѣты смотрятъ на меня своими пестрыми и разноцвѣтными глазами. Вся атмосфера плачетъ и вздыхаетъ, радуется и улыбается. Птицы въ лазурномъ небѣ восклицаютъ талатто! талатто! О храброе сердце, котораго все мужество состояло въ бѣгствѣ. Сколько разъ варварскія красавицы сѣвера мучили тебя своею любовію. Побѣдоносные большіе глаза бросали въ меня таинственныя стрѣлы; острыя слова хотѣли разрѣзать мое сердце на-двое; длинными своими взорами она лишала расудка бѣдную мою голову, напрасно подставляя я имъ щитъ; стрѣлы свистали, удары раздавались. Наконецъ, эти сѣверныя красоты пригнали меня къ берегу, — и я вздыхаю свободно. Привѣтствую тебя море любимое, море освободительное. Талатто! Талатто!

БУРЯ.

Буря глухо легла на море, и сквозь черную стѣну тучъ дрожитъ зубчатая молнія, которая мгновенно блеснетъ и гаснетъ, какъ мысль, вышедшая изъ головы Зевса-Кроніона. Надъ пустынными и бунтующими волнами медленно гремитъ громъ и скачутъ бѣлые кони Посидона, порожденныя Бореемъ отъ длинно-гривыхъ кобылъ Эрихтона. Морскія птицы кружатся, какъ тѣни мертвыхъ, которыхъ Харонъ отгаливаетъ отъ своей переполненной лодки, везущей черезъ Стиксъ мертвецовъ.

Видѣвъ бѣдный корабликъ, который вдали пляшетъ самую опасную пляску. Эоль послалъ ему самыхъ буйныхъ музыкантовъ, которые кружатъ его самымъ жестокимъ образомъ. Одинъ свиститъ, другой дуетъ, третій играетъ на контробасѣ. Лопманъ стоитъ, шатаясь, у руля, безпрестанно поглядываетъ на компасъ, — и отчаивается въ спасеніи.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Надежда и любовь! Все разбито, — и я, какъ трупъ, выброшенный моремъ съ презрѣніемъ, лежу распростертъ на берегу, на голомъ и пустынномъ берегу. Передо мною разстилается большая водяная степь; за мною — изгнаніе и печаль. Надъ головою моею тянутся тучи, сѣрыя и безобразныя дочери воздуха, которыя туманными ведрами черпаютъ воду изъ моря, съ трудомъ несутъ ее потомъ, и опять низвергаютъ въ море. Печальное, скучное и бесполезное занятіе, такое же, какъ жизнь моя.

Волны шумятъ, чайки кричатъ, воспоминанія прошедшаго приходятъ мнѣ на мысль: это забытыя мечты, изгладившіяся картины, пріятныя и печальныя.

Есть на сѣверѣ одна прелестная женщина; роскошная бѣлая одежда обвиваетъ ея стройный, какъ кипарисъ, станъ; черныя локоны волосъ спускаются съ головы ея, какъ ночь, и своею правдою окружаютъ блѣдное

и кроткое лицо ея, въ которомъ блестятъ, какъ два темныя солнца, большіе и повелительные глаза ея.

О черное солнце! Сколько разъ наливало ты на меня пожирающее пламя восторга, — и сколько разъ находилась я подъ очаровательнымъ вліаніемъ этихъ лучей. Но тогда кроткая, дѣтская улыбка отгіала уста твои, произносишція сладостныя слова, подобныя свѣту луны и запаху розъ. Восторженная душа моя возносилась къ небесамъ.

Замолчите волны и чайки! Счастье и надежда! Надежда и счастье — все погибло! я несчастный лежу на землѣ послѣ кораблекрушенія, — и прижимаю къ сырому песку цылающее чело мое.

ГРЕЧЕСКІЕ БОГИ.

Подъ блескомъ лунныхъ лучей море сіяетъ какъ растопленное золото. Свѣтъ, соединяющій въ себѣ блескъ дневнаго свѣта и очаровательную роскошь ночей, озаряетъ весь берегъ, а на лазурномъ, безвѣдномъ сводѣ неба тихо таятся бѣлыя облака, какъ колоссальныя фигуры древнихъ боговъ, насѣченныя изъ мрамора.

Нѣтъ! это не облака. Это боги Эллады, которые, кажется мнѣ, послѣ паденія своего, странствуютъ въ полночь по небу, какъ испанскія привидѣнія.

Съ изумленіемъ и очарованіемъ смотрѣлъ я на этотъ воздушный Пантеонъ, на эти колоссальныя фигуры, которыя двигались съ торжественнымъ безмолвіемъ. Вотъ Кроціонъ, обладатель Олимпа. Свѣтъ рѣковъ осеребрилъ локоны его волосъ, которые нѣкогда потрясали небо и землю. Въ рукахъ его погасшая молнія; лицо его, полное печали и несчастія, не потеряло еще древней гордости. Я узнаю также гордую Юнону. Увы! твои взоры теперь неподвижны и ледяная рука безсилна. Вотъ и Паллада—Демна.... Я узнаю и тебя, Афродита, прежде влатовласая, теперь сѣдая. Красота твоя наводитъ на меня ужасъ. Еслибы ты полюбила меня, какъ другихъ героевъ древности, а—бы, не жетса, умеръ со страха. Теперь ты богиня смерти, Венера—Либитива.

Грозный Арей не смотреть уже на тебя влюбленными глазами; юный Февъ—Аполлонъ печально склонилъ голову. На лирѣ его, звунавшей прежде на празднествѣ боговъ, оборваны всѣ струны. Ганимедъ печаленъ и не оспариваетъ уже у Гебы права наливать нектаръ богамъ. Веселіе исчезло между вами. Я никогда не любилъ васъ, обитатели Олимпа, — но мнѣ стало жаль васъ, вида смятающимися по ночамъ посреди облаковъ, разносимыхъ вѣтрами....

Когда я это говорилъ, тѣни боговъ повраснѣли, посмотрѣли на меня умирающимъ взглядомъ — и исчезли. Луна зашла за облака, которыя все болѣе и болѣе сгущались. Море возвысило свой голосъ, и изъ вѣчнаго шатра неба выступили вѣчныя звѣзды.

ГАВАНЬ.

Счастливыя челоуѣкъ, достигшіи пристани и оставившіи позади себя

море и бури. Онъ самою и тепло можетъ сидѣть въ бременской камерѣ, Rathskeller.

Какъ весь свѣтъ вѣрно и пріятно отражается въ зеленомъ кристалѣ и какъ сладостно этотъ движущійся микрокосмъ спускается въ жаждущее сердце. Въ этомъ стаканѣ вся исторія древнихъ и новыхъ народовъ. Все тутъ перемѣшано: и турки и греки, Гегель и Гансъ, лимонныя роши и военные смотры, Берлинъ и Аены, Тунисъ и Гамбургъ, — но въ особенности тутъ *твое* изображеніе, моя милая, на днѣ золотистаго Рейнвейна.

О, какъ ты прелестна, моя возлюбленная. Ты настоящая роза, распускающаяся въ бременскомъ ратскеллерѣ. А это роза изъ розъ. Чѣмъ она старѣе, тѣмъ прелестнѣе цвѣтетъ. Запахъ ея сдѣлалъ меня счастливымъ и пьянымъ. Я былъ въ такомъ восторгѣ, что еслибы не буфетчикъ ратскеллера, я бы непременно упалъ.

Добрый человекъ! Мы сядѣли вмѣстѣ и пили братски. Мы рассуждали о великихъ и таинственныхъ вопросахъ. Мы выдыхали и обнимались, и онъ меня заставилъ вѣрить въ любовь. Я пилъ за здоровье лютѣйшихъ моихъ враговъ, простилъ всѣмъ дурнымъ поэтамъ, и самъ жду такого же прощенья. Я плакалъ отъ умиленія... Передо мною отворилась дверь, гдѣ стояли двѣнадцать огромныхъ бочекъ вина, — которыя молча говорятъ мнѣ дивныя вещи.

Вотъ существа! наружность ихъ проста; одежда деревенская. Одни внутреннія качества блистаютъ у нихъ. Какъ все радуется около нихъ! И я до того радовался, что буфетчикъ отнесъ меня на зарѣ въ мою комнату.

Мы много выписываемъ, но намъ кажется, что поэзія лучше всего объясняется ея собственными словами и прозведеніями. Только близкое знакомство съ поэтомъ можетъ выказать всѣ блестящія стороны его разнообразнаго и прихотливаго дарованія. У насъ знаютъ современную нѣмецкую поэзію болѣе по передѣлкамъ и подражаніямъ. Между-тѣмъ нѣмецкіе поэты создали новый, имъ однимъ свойственный родъ поэзіи, и изученіе его очень любопытно и полезно. Въ нашемъ переводѣ мы старались болѣе всего быть вѣрными подлиннику и передавать его со всѣми странностями и недостатками, происходящими, по нашему мнѣнію, отъ желанія блеснуть оригинальностью. Приведемъ въ заключеніе одно изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній.

ПОЛЕ ГАСТИНГСКОЙ БИТВЫ.

Вальтгамскій аббатъ тяжело вздыхалъ, узнавъ, что король Гарольдъ погибъ при Гастингсѣ,

Онъ отправилъ двухъ монаховъ Асгода и Айльрика исвать трупъ Гарольда среди мертвыхъ.

Монахи ушли печальные, и печальные возвратились. — Святой отецъ, судьба наша тяжела; счастье измѣнило намъ.

Мы искали направо, искали на лѣво, до-тѣхъ-поръ, пока всякая надежда была потеряна; мы не нашли трупа короля Гарольда.

Такъ говорили Асгодъ и Айльрикъ. Аббатъ сложилъ руки съ недоумъ отчаянiя. Онъ долго былъ погруженъ въ глубокую задумчивость, наконецъ сказалъ, вздыхая:

«Въ Гренденфильдѣ, близъ Барденштейна, въ самой срединѣ лѣса, живетъ Эдиень—съ лебяжьей шеей, въ бѣдной хижинѣ.

Ее зовутъ Эдиенью съ лебяжьей шеей потому, что ея шея похожа на лебединою. Король Гарольдъ покровительствовалъ этой молодой дѣвушкѣ. Время идетъ скоро; этому уже шестнадцать лѣтъ.

Ступайте, братья: отыщите эту женщину и возвратитесь съ нею въ Гастингсъ. Женскiй глазъ найдетъ короля.

Потомъ вы принесете трупъ въ вальтгамское аббатство, чтобы мы могли похоронить тѣло по христіанскому обряду и прочтѣть псалмы за упокой души.»

Среди ночи посланники пришли къ хижинѣ въ лѣсу. Вставая Эдиень—съ лебяжьей шеей и ступай скорѣе за нами.

Порманскiй герцогъ одержалъ побѣду, и на гастингскомъ полѣ король Гарольдъ лежитъ мертвый.

Пойдемъ съ нами въ Гастингсъ; мы будемъ искать тамъ трупъ между мертвыми, и отнесемъ его въ вальтгамское аббатство, какъ приказалъ аббатъ.

Эдиень—съ лебяжьей шеей не сказала ни слова. Она одѣлась и пошла за монахами. Вѣтеръ развѣвалъ ея волосы, начинавшiя сѣдѣть.

Она шла босыми ногами, бѣдная женщина, черезъ болота и терновникъ. При восходѣ дня она увидѣла мѣловую равнину Гастингса.

Туманъ, покрывавшiй поле битвы бѣлымъ саваномъ, мало-по-малу разсѣялся; вѣроны летали надъ долиной съ зловѣщимъ карканьемъ.

Тысячи труповъ валялись на окровавленной землѣ, обнаженные, обезображенные, растерзанные, перемѣшанные съ лошадьми.

Эдиень—съ лебяжьей шеей шла смѣло босыми ногами по крови. Изъ ея неподвижно устремленныхъ глазъ вылетали взгляды, вѣрные какъ стрѣлы.

Она искала налѣво, она искала на право; нѣсколько разъ ей приходилось съ трудомъ отгонять станъ жадныхъ вѣроновъ, Монахи едва поспѣвали за нею.

Она искала цѣлый день; насталъ вечеръ. Вдругъ изъ груди бѣдной женщины вырвался рѣзкій, страшный крикъ.

Эдиень—съ лебяжьей шеей нашла трупъ короля Гарольда. Она не сказала ни одного слова, не пролила ни одной слезы; она поцѣловала лицо, бѣдное лицо.

Она поцаловала лобъ; она поцаловала уста; она крѣпко поцаловала грудь короля, его кровавую рану.

Монахи въ это время собрали древесныхъ вѣтвей, сдѣлали носилки, положили на нихъ короля.

Они снесли его въ вальтгамское аббатство, чтобы тамъ похоронить его. Эдиень съ лебяжьей шеей шла за трупомъ.

Она шла надгробные псалмы дѣтскимъ голосомъ, полнымъ благочестія. Грустно раздавались эти звуки среди ночи. Монахи шептали молитвы....

Мѣсто не позволяетъ намъ приводить другихъ стихотвореній. Не можемъ однакоже не назвать между ними: *Рампсента*, извѣстную исторію одного фараона, у котораго неизвѣстный воръ похищалъ сокровища; *Бьяло Слона*—странное стихотвореніе, полное юмору и неожиданности; балладу *Готфридъ Рудель и Мелизанда Триполійская*, отъ которой вѣсть средними вѣками; *Карла I-го*—балладу, оставляющую самое грустное впечатлѣніе, и наконецъ *Витципутцли*, стихотвореніе, до того оригинальное, что мы не знаемъ ничего ему подобнаго. *Витципутцли*—имя мексиканскаго бога войны; дѣйствіе происходитъ во время отступленія Кортеса изъ Мексики, послѣ смерти Монтезумы. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго сраженія на плотинѣ, отдѣляющей Мехико отъ твердой земли, восемьдесятъ испанцевъ достаются живыми въ плѣнъ къ мексиканцамъ, и тѣ приносятъ ихъ въ жертву своему богу.—Вотъ и все содержаніе этой баллады, но надо прочесть ее въ подлинникѣ, чтобы видѣть, какой неистощимый родникъ юмора и поэзіи, заключенъ почти въ каждой строкѣ этого стихотворенія.

Дочь Седена. У Седена было нѣсколько взрослыхъ дочерей. Та, которая была лучше всѣхъ, Гіацинта, мечтала о несбыточномъ замужствѣ съ живописцемъ Давидомъ. Нельзя было назвать Давида Аполлономъ Бельведерскимъ; на строгомъ его лицѣ никогда не являлась улыбка, волосы у него стояли щетинной, какъ у кумской сивиллы. Его портретъ, самимъ имъ рисованный, поражаетъ типомъ головъ древнихъ. Но можно-ли вѣрить портрету, писанному самимъ художникомъ? Когда онъ писалъ свой портретъ, не ослѣпляли-ли его типы нѣкоторыхъ римскихъ лицъ, времяъ Цезаря? А эти фizioноміи не были идеаломъ дѣвушекъ XVIII столѣтія; Гіацинта прельстилась извѣстностью Давида болѣе, нежели имъ самимъ; она любила въ немъ артиста. Человѣкъ, изображающій страсти, никогда не кажется такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ.

Давидъ часто обѣлазъ у Седена. Въ эти дни Гіацинта радостно улыбалась и украшала себя цвѣтами. Она говорила Давиду о его картинахъ сладкимъ голосомъ сирены; потому-что сирены, исчезнувъ навсегда въ океанѣ, передали очарованіе своего голоса всѣмъ красавицамъ и влюбленнымъ дѣвушкамъ. Въ эти дни садилась она къ фортепіано и разыгрывала самыя нѣжныя пьесы друга ея Гретри. Не разъ находила она у этого-же фортепіано новыя вдохновенія. Давидъ слушалъ первую арію и холодно говорилъ: это не дурно! разваливался въ креслахъ и дремалъ. Если онъ и не совсѣмъ засыпалъ, бѣдная Гіацинта ничего отъ этого не выигрывала, потому-что Давидъ уносился въ эти минуты за двадцать столѣтій назадъ, къ древнимъ Римлянамъ и

Грекамъ. Другое дѣло, еслибы Пиаццита была красивѣйшая древнѣйшая ираморная или бронзовая бюстъ! Но за все говорили только любовь, умъ, молодость, красота и душа; достоинства,—которыя Давидъ не могъ оценить и оцѣнить.

Несмотря на это, дочь Седена простила артисту его разсѣянность.

Однажды, со слезами на глазахъ, она сказала отцу своему: «Онъ меня наконецъ замѣтилъ.»

Извѣстно, что Давидъ нѣмѣлъ свою школу и своихъ учениковъ. Въ концѣ каждаго академическаго курса въ Римѣ, непременно одинъ изъ учениковъ Давида былъ увѣнчанъ. Наконецъ захотѣли награждать и профессора. Людовикъ XVI, понимавшій искусства, потребовалъ, чтобы Давидъ жилъ въ Луврѣ.

До этого времени живописецъ не думалъ о женитьбѣ; онъ мечталъ только о твореніяхъ своего гения. Онъ былъ принужденъ заняться помышленіемъ своей мастерской въ Луврѣ, и переговоры съ королевскимъ архитекторомъ Пекуль. Онъ знавалъ сына его въ Римѣ и часто разговаривалъ съ нимъ о родивъ и отсутствующихъ родныхъ. Сынъ Пекули говорилъ Давиду: у меня есть красавицы сестры, выберите одну и мы будемъ братьями. При отъѣздѣ художника въ Парижъ, онъ далъ ему письмо къ отцу; но главное желаніе его было, чтобы онъ увидѣлъ его сестеръ. Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Давидъ хранилъ письмо между рисунками. Когда оно попалось ему на глаза, онъ думалъ:—кто знаетъ, быть-можетъ тутъ содержится рѣшеніе моей участи! И потомъ опять полгода онъ и не вспоминалъ объ этомъ писаніи. Наконецъ онъ долженъ былъ увидѣться съ Пекулемъ во волю короля.

— А! сказалъ архитекторъ, это вы, Давидъ: вы хотите жить въ Луврѣ?

— Да, король былъ такъ милостивъ, что отдалъ приказаніе объ этомъ.

— Еслибы вы пришли ко мнѣ года два или три тому назадъ, съ письмомъ, котораго я жду до-сихъ-поръ, я самъ могъ-бы повѣстать васъ въ Луврѣ.

Давидъ взялъ съ собою письмо; покраснѣвъ вынулъ онъ его и передалъ архитектору.

— Пусть это письмо подождетъ еще немножко, сказалъ Пекуль: приходите ко мнѣ обѣдать, и мы прочтемъ его за десертомъ.

Скававъ это Пекуль, въ свою очередь, положилъ письмо въ карманъ.

— Но квартира? спросилъ Давидъ.

— Днемъ раньше, днемъ позже все равно, отвѣчалъ Пекуль.

Давидъ, въ ожиданіи обѣда, отправился къ другу своему Седену, который также жилъ въ Луврѣ, и рассказывалъ ему свое свиданіе съ Пекулемъ.

— Я тутъ, ровно ничего не понимаю, отвѣчалъ Седенъ: это какая-то путаница.

Пиаццита была при этомъ разговорѣ; она вдругъ страшно поблѣднѣла.

— Я повала, прошептала она.

Она съѣла за рѣйаль и заиграла грустную элегію изъ Ричарда лъвное сердце: *Une fièvre brillante.*

Сильная горячка овладѣла несчастной дѣвушкой: она знала дѣвиць Пекуль. Если онѣ не были лучше ея лицомъ, то получили образованіе банстательное.

Давидъ отправился обѣдать въ гости. Кто встрѣтило всевозможное кокетство, вся грація чувствъ. Пекуль хотѣлъ во что-бы то ни стало, чтобъ слава и богатство Давида принадлежали одной изъ дочерей его.

Во-время десерта, между шампанскимъ и испанскимъ виномъ, Пекуль взялъ письмо сына и громко прочелъ его. Это была театральная выходка. Въ глубокомъ молчаніи, дѣвиць наклонили головки, смотря на Давида; Давидъ мечталъ о сфинксахъ. Пекуль, читая письмо, старался отгадать мысли Давида. Только одна мать думала о томъ, кто писалъ письмо, потому-что сынъ ея былъ еще въ Римѣ.

Письмо было не длинно; вотъ его содержаніе: «Рекомендую тебѣ, дорогой мой батюшка, лучшаго моего друга; похлопочи сдѣлать его моимъ братомъ. Это очень просто, ему двадцать-пять лѣтъ, а у тебя есть дочери невѣсты; у него геній, а у тебя деньги.»

Пекуль давно кончилъ, а его все еще слушали.

— Вотъ видите-ли, сказалъ наконецъ Давидъ, вашъ братецъ устраиваетъ дѣла по своему; мнѣ лестно его хорошее мнѣніе обо мнѣ, но онъ не знаетъ, что нельзя принуждать ни дочь, ни сестру къ браку.

Что касается до меня, я, безъ сомнѣнія, былъ-бы счастливъ, еслибы мое уединеніе украсилось красотой и добродѣтелью.

На эту натянутую фразу, сказанную въ тогдашнемъ модномъ стилѣ, дѣвиць Пекуль отвѣчали краснорѣчивымъ молчаніемъ.

Давидъ взглянулъ на обѣихъ, не зная которая ему назвачена, или которую онъ имѣетъ право выбрать. Въ-самомъ-дѣлѣ, истинная страсть Давида, истинная его поэзія, была живопись.

Архитекторъ прервалъ молчаніе и сказалъ Давиду, что послѣдуетъ совѣтамъ сына, такъ какъ славный живописецъ не отказывался отъ женитьбы.

Бесѣда возобновилась; говорили много и весело; но когда Давидъ собирался уйти, онъ еще не зналъ, которая изъ дѣвиць Пекуль его суженая. Прощаясь, онъ окинулъ ихъ быстрымъ взглядомъ, и удалился, спрашивая себя, къ которой изъ нихъ онъ болѣе сочувствуетъ, разсматривая ихъ съ артистической точки зрѣнія.

По привычкѣ, отправился онъ къ Седену.

Гіацинта была блѣднѣе, чѣмъ наканунѣ, и если это ускользнуло отъ Давида, то потому, что онъ не обратилъ на нее вниманія.

— Ну! любовный Давидъ, сказалъ Седенъ, добродушно улыбаясь: вы и веселы и озабочены.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, продолжала Гіацинта, чтобъ скрыть свое горе: у васъ странное выраженіе въ лицѣ.

— Да! вскричалъ Давидъ; вы отгадали, я обѣдаю, какъ вы знаете, у Пекуля; мнѣ опять говорили о женитьбѣ. Къ чему мнѣ жениться?

— Я не вижу причины, нетерпѣливо сказала Гіацинта.

— Подождите, продолжалъ Давидъ: чтобы жениться нужно нѣтъ на пришлѣтъ женщину, а у меня ихъ двѣ.

Несчастливая дѣвушка вздохнула. Еще одна мечта, — подобная надеждѣ въ минуту смерти — подкрѣпила ее.

— Да, у меня ихъ двѣ, сказалъ Давидъ, разсуждая самъ съ собою. Я не люблю ни ту, ни другую, но почти готовъ любить какъ одну, такъ и другую; одна брюнетка, другая блондинка. Гіацинта вздохнула и приподняла голову, чтобы взглянуть въ зеркало каминна на свои бьюкрые волосы.

— Черты брюнетки правильнѣе, профиль римскій; типъ блондинки деликатнѣе, контуры округленнѣе....

Гіацинта продолжала смотрѣться въ зеркало.

— Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, сказалъ Седень, блондинки занимали меня болѣе брюнетокъ. Чтобы жить при Людовикѣ XVI развѣ нуженъ римскій профиль времени Августа?

Гіацинта покраснѣла и постыдилась сказать, что ей не нравятся блондинки, и что она всегда жалѣла о томъ, что она не брюнетка.

— И такъ, сказалъ Давидъ, вы совѣтуете мнѣ жениться на римскомъ типѣ?

— Да, прошептала Гіацинта: впрочемъ это въ вашемъ вкусѣ; у васъ геній римскій, какъ у Корнеля.

У Гіацинты сжалось сердце; она была не въ силахъ прибавить ни одного слова; она чувствовала, что должна умереть или съ радости, или съ горя; она боялась, чтобы Давидъ не выбралъ дѣвочки Пекуль; она боялась также, чтобы онъ ей не отвѣтилъ: Такъ—какъ вы совѣтуете мнѣ жениться на соперницѣ вашей, я жевюсь на васъ. Она была увѣрена, что Давидъ въ нерѣшимости, и не знаетъ, кого выбрать, ее или дѣвочку Пекуль.

Но вдругъ Давидъ, прохаживаясь по залѣ, подошелъ къ Гіацинтѣ и неосторожно сказалъ ей:

— Кстати, вы знаете дѣвочки Пекуль?

— Да, прошептала она, совершенно убитая.

— И такъ, какъ вы ихъ знаете, то рѣшите сами, которую изъ нихъ мнѣ выбрать.

Гіацинта поблѣднѣла, произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ и упала въ обморокъ; она наконецъ поняла свою горькую участь.

Несчастный Седень, который также все понялъ, бросился на колѣни передъ дочерью, и приподнял ее голову.

— Что съ ней? спросилъ тронутый Давидъ, потому—что все—таки любилъ ее какъ сестру.

— Что съ ней? сказалъ Седень, грустно покачавъ головою: если вы сами не догадываетесь, то я вамъ также не скажу.

Мертвое молчаніе послѣдовало за этими словами.

Давидъ взялъ Гіацинту за руку и говорилъ съ ней съ отеческой лаской. Она открыла глаза, поблагодарила его за вниманіе, сказала, что она тронута, но что объ ней нечего беспокоиться.

Она тихо поднялась, добрела до фортепяно и начала играть арію:
Une fièvre brûlante — De profundis ея любви.

Давидъ женился на дѣвицѣ Пекуль, — римскомъ типѣ; Гіацинта ждала только смерти отца, чтобы умереть вслѣдъ за нимъ. Больше ей было не зачѣмъ жить на свѣтѣ....

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Исторія одного музыканта, разсказанная Арсенемъ Гуссе. — Недавно умеръ музыкантъ, всѣми забытый и оставленный, держа въ рукахъ изломанный виолончель, музыкантъ, знавшій веселые праздники, любовь и поэзію, который провелъ свою юность при нѣмецкихъ и французскихъ дворахъ, которому покровительствовала принцесса Боргезе. Это былъ человекъ умный, простосердечный какъ дитя, энтузіастъ какъ итальянецъ, любившій музыку до безумія, любившій живопись ничего въ ней не понимая, наконецъ, любившій женщинъ съ тою утонченною любезностью, которую воспѣвалъ Бенсерадъ.

Бланджии родился въ Туринѣ въ 1781 году. Жизнь отца его прошла въ тяжбахъ; въ слѣдствіе чего онъ оставилъ сыну всего на все портфель, наполненный бумагами, подтверждающими его права на владѣніе имѣніемъ въ Торичелли. Бланджии отказался отъ наслѣдства; бросилъ бумаги въ огонь, и предпочелъ тратить время на разыгрываніе гаммъ — тяжбамъ объ итальянскихъ палатцо, стоющихъ не болѣе воздушныхъ замковъ. Мать его, происходившая изъ благородной фамиліи де-Гене, находилась въ свѣтѣ принцессы Фелиція де-Сава.

Она была чрезвычайно гостепріимна къ французскимъ выходцамъ 1792 года. Между эмигрантами, прибѣгавшими къ сердцу и кошельку госпожи Бланджии, была одна молодая дама знатной фамиліи. Она, во-время изгнанія, вышла замужъ за г. де-Тро въ Туринѣ. Молодые супруги, увлеченные медовымъ мѣсяцемъ, хотѣли возвратиться во Францію. Госпожа Бланджии нашла, несмотря на свою бѣдность, сто фундоровъ для опаснаго путешествія. Они уѣхали, одинъ сухимъ путемъ, другая моремъ, и прибыли въ Парижъ въ самое страшное время. Они встрѣтились тамъ, но вскорѣ снова разстались, боясь смерти и гильотины. Супруга вступила, подъ именемъ простой дѣвушки, къ одной портнихѣ; де-Тро отправился неизвѣстно куда. Вскорѣ бѣдная супруга узнала по газетамъ, что де-Тро осужденъ на смерть. Она звала къ Фукье-Тенвиллю. «Мой мужъ долженъ завтра умереть, я хочу умереть съ нимъ вмѣстѣ, сказала она.» Это прекрасная черта, отвѣчалъ Фукье-Тенвиль. Я согласенъ.

Она присоединилась къ своему мужу. Они провели вмѣстѣ послѣдніе часы; имъ позволили ѣхать на площадь въ одной телегѣ, и они умерли вмѣстѣ, не жалуясь на судьбу.

Бланджии началъ какъ Гретри. Семи лѣтъ онъ былъ пѣвчимъ туринскаго собора. Ему дали латинскаго и музыкальнаго учителя. Къ

чему латинскій языкъ тѣмъ, которые готовятся быть музыкантами? Аббатъ Оттани выучилъ его гаммамъ; онъ учился съ такимъ рвѣніемъ, что на двѣнадцатомъ году сочинилъ и исполнилъ, въ церкви Троицы, замѣчательную пьесу.

Съ этого времени онъ занялся игрою на віолончели. Онъ говоритъ, съ жаромъ берясь за смычокъ: «Въ этотъ віолончель мало-по-малу влились всѣ мои надежды и страданія; въ этомъ инструментѣ есть душа, которой я могу дать жизнь; въ немъ заключается все мое счастье, потому-что жизнь моя — одно воспоминаніе. При первомъ ударѣ смычка является передо мною моя Полина.»

Дворъ въ Туринѣ очень любилъ религіозную музыку. Бланджини былъ воспитанъ среди священныя пѣсень. Счастливы тѣ, которые учатся любить Бога еще на зарѣ ихъ жизни; эта любовь наполняетъ всю жизнь ихъ; они возвращаются къ ней, какъ къ дорогому убѣжищу; въ дни горести или скуки, они встрѣчаютъ смерть съ твердостью и спокойнымъ сердцемъ.

Въ Туринѣ Бланджини вошелъ однажды въ театръ Кариньяно, когда играли *L'Amor imaginario* Фіоравенти. Онъ былъ восхищенъ этой музыкой; *L'Amor imaginario* долго занималъ его воображеніе. «Спустя полстолѣтія, я знаю еще наизусть эту музыку, говоритъ онъ. Въ моихъ уединенныхъ досугахъ, когда пальцы сбѣгали по клавишамъ, я всегда невольно игралъ арію этой оперы». Послѣ Фіоравенти его пѣвилъ Паезіелло своею «Ниною». Бланджини былъ вѣ себя отъ этой оперы. «Я былъ простъ и скромнъ — говоритъ онъ, въ слѣдствіе воспоминанія этихъ произведеній. Я бы могъ надѣлать болѣе шума въ моей музыкѣ, но боялся разбудить тѣни тѣхъ великихъ артистовъ, которые никогда не дѣлали нѣтъ гармоніи грома и треска.»

Бланджини писалъ свои мемуары, какъ Жанъ-Жакъ и Шатобрианъ. Онъ обладалъ поэтическимъ и краснорѣчивымъ слогомъ въ разсказѣ о своей жизни. «Едва помню о томъ, что случилось вчера — пишетъ онъ, воспоминанія моего дѣтства необыкновенно свѣжи и ясны. Память моя такъ воспримчива, что я могу перенестись въ туринскій соборъ, гдѣ я пѣлъ въ хорѣ чистымъ и дѣтскимъ голосомъ; я забавляюсь пересказывая самому-себѣ, какъ я проводилъ день пасхи: вотъ ветхіи колонны, окружающія алтарь; вотъ королевская фамилія въ высокой ихъ ложѣ. Воображеніе мое такъ сильно, что ладанъ, курящійся въ прекрасныхъ серебряныхъ кадильницахъ, наполняетъ еще теперь воздухъ, которымъ я дышу.»

Шестнадцати лѣтъ, Бланджини отправился въ Болонью, въ то время, когда генералъ Бонапарте покорялъ Италію. Госпожа Бланджини, вскорѣ лишившись всего во-время войны, рѣшилась отправиться во Францію. Она была музыкантша, и надѣялась на концерты, которые намѣревалась давать со своими шестью дѣтьми въ южныхъ городахъ Франціи. Все семейство собралось въ дорогу; это было въ пятницу, несмотря на просьбы Бланджини, который не любилъ пятницу (онъ умеръ въ пятницу). Путешествіе продолжалось счастливо два дня; но, въ горахъ ихъ ждала довольно непріятная встрѣча. Вeturно не-чел-дѣ-

скрывать весьма фальшиво. Какое положение для музыканта! вскричали Бланджии. Вскорѣ они услышали крикъ: стой! Бланджии послѣпили выдти изъ экипажа, и увидѣли предъ собой трехъ замаскированныхъ вооруженныхъ людей, прицѣлившихся въ него. Всѣ выпли изъ кареты. Разбойники безпощадно ограбили ихъ, послѣ чего велѣли Бланджии встать на колѣни, чтобы разстрѣлять его; только, благодаря слезамъ его матери и сестера, они довольствовались тѣмъ, что обобрали его до рубашки, вынуждали въ снѣгу и осмѣяли.

Въ Ницѣ, семейство дало первый концертъ. Собрался народъ, изъ любопытства; желали видѣть бѣдную мать, бѣжавшую добровольно изъ отечества и везущую съ собой полдюжиною маленькихъ дѣтей музыкантовъ. Собравши довольно денегъ на дорогу, они уѣхали въ Марсель. Въ Марсели, въ Монпелье, въ Лионѣ, во всѣхъ южныхъ городахъ давали они также концерты. Это странствованіе было продолжительно.

Наконецъ они рискнули побывать въ Парижѣ. Семейство артистовъ поселилось въ улицѣ Шершъ-Миди, и жила бѣдно, довольствуясь тѣмъ, что успѣло накопить. Въ этой квартирѣ Бланджии каждый вечеръ, между девятью и десятью часами, слышалъ старинную музыку надъ его комнатою; это были старыя арии Люлли и Рамо. Любопытство мало-по-малу привело Бланджииа къ дверямъ музыканта. Онъ поступился въ волненіи; его привала старушка восьмидесяти лѣтъ, одѣтая въ Pompadour, сохранившая еще улыбку, остроуміе и ловкость этого времени; это была маркиза де-Сен-Симонъ. Она велѣла протежировать молодого музыканта, дала ему понятія о свѣтѣ, превозносила его всѣмъ своимъ знакомымъ.

Въ 1799 году имя Бланджии можно было внести между именами вѣстоящихъ артистовъ. Онъ каждую недѣлю давалъ музыкальное утро. Начали говорить объ немъ и о несчастіяхъ его семейства; былъ ли это случай, изъ любопытства, или дѣйствительно любили его музыку, только посѣщала очень часто концерты его. Восемнадцатилѣтнимъ юношею вошелъ онъ въ моду въ высшемъ кругу. Мать его получила вѣрный кусокъ хлѣба, чего уже давно не было. Въ 1800 году онъ началъ издавать собранія своихъ романсовъ; съ-этими-поръ сдѣлались извѣстны его прекрасныя ноктурны, и граціозныя пѣсенки, при воспоминаніи которыхъ не одно сердце трепещетъ сладостными чувствами даже въ наше время.

Отъ романсовъ онъ перешелъ къ комической оперѣ, и написалъ *La Fausse Duëgne*; но находя, что романсы были выгоднѣе для него, опять привился за нихъ. Нѣкоторые романсы Бланджии разошлись по всему свѣту, что случается со всѣми легкими произведеніями, трогаящими сердце. Графъ де-Сенюръ, замѣтилъ, что онъ даже въ Сибири слышалъ его романсы: *Il est trop tard*. Вскорѣ всѣ стали брать уроки у Бланджии и слушать его пѣніе. Никогда ни у одного музыканта не было такихъ блестящихъ ученицъ: королева баварская, королева вестфальская, королева голландская, принцесса Полина, герцогиня де-Берри, княгиня Цоянатовская, графиня д'Аппони, супруга мар-

шала Неа, герцогиня де-Ровиго, маркиза Полянъякъ, герцогиня Брольи; однимъ-словомъ, почти всѣ женщины его времени, знатныя рожденіемъ, красотою и умомъ, пѣли съ Бланджини. Онъ не имѣлъ ни одной свободной минуты, и въ одинъ вечеръ, присутствовалъ въ десяти салонахъ. Возвращаясь домой измученный, усталый, онъ едва имѣлъ силы обнять мать и молодыхъ сестеръ, которыя плакали отъ радости и благодарности. Это былъ для него самый пріятный часъ дня. Онъ очень мало спалъ. Въ-продолженіе четырехъ или пяти часовъ ночи, проведенныхъ имъ въ своей комнатѣ, онъ часто писалъ романсы, ноктурны или пѣсни, иногда даже оперу. Но опера всегда была ему не по силамъ. Нельзя основать оперу на однихъ романсахъ и пѣсняхъ. Опера обдумывается не торопясь, въ тишинѣ. Бланджини всегда суетился среди шумнаго свѣта. Ноктурны были его истинной славой; ихъ пѣли всѣ и вездѣ: въ Парижѣ, въ провинціи, въ театрѣ, на улицѣ, во дворцѣ и на чердакахъ.

Было время, когда онъ не могъ сдѣлать шагу безъ того, чтобъ не услышать свою музыку. Это заставляло его часто зажимать уши.

Ему не обошлось даромъ посѣщеніе высшаго круга, всѣхъ этихъ красивыхъ и граціозныхъ женщинъ, этихъ законодательницъ модъ; но какъ истинный ученикъ Платона, онъ видѣлъ въ любви только чистаго духа, вливающего въ наши души самый цѣломудренный ароматъ этого чувства. Впрочемъ еще лучше Платона понималъ любовь Петрарка. Его сонеты и канцоны были вдохновеніемъ Лауры, какъ лучшія ноктурны и романсы Бланджини были внушены ему одной изъ его прекрасныхъ ученицъ. Онъ любилъ молча, не смѣя сказать ничего даже взглядомъ. Его любили также въ тайнѣ, и эта любовь переходила въ пѣсни. Но развѣ мало соединенія двухъ голосовъ въ гармонію сердца? Сколько людей хорошо бы сдѣлали, еслибъ въ любви ограничились пѣніемъ! Бланджини чаще всего вспоминалъ о госпожѣ де Монпесанъ и графинѣ де Люберзакъ.

Въ 1805 году семейство Бланджини уменьшилось: сестра, игравшая на скрипкѣ, отправилась въ Германію, другая, пѣвица, возвратилась въ Италію. Въ свою очередь, Бланджини вздумалъ путешествовать, чтобъ отдохнуть отъ парижскаго шума. Онъ отправился въ Германію, гдѣ встрѣтилъ однажды, при мюнхенскомъ дворѣ, бельгійскаго короля, бывшаго тогда еще герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Бланджини сдѣланъ былъ капельмейстеромъ герцога. По возвращеніи его въ Парижъ открылись ему двери Большой Оперы. Онъ написалъ оперу *Нефтали* также легко, какъ-будто это былъ ноктурнъ въ два голоса. Либретто было очень дурно, музыка — не многимъ лучше, и несмотря на это, *Нефтали* заслужилъ успѣхъ энтузіазма; заваявъ опустили при громкихъ аплодисментахъ, и вызвали автора; это еще не все: едва произнесли имя Бланджини, какъ шумные крики возобновились. Онъ стоялъ за кулисами, совершенно растерявшись, не слыша ни одной ноты своей музыки. Пѣвцы вывели его на сцену, чтобы показать публикѣ. Въ это время всѣ причесывались à la Titus; это была всеобщая лесть Наполеону; но Бланджини не обрѣзалъ своихъ

наудренныхъ волосъ, падавшихъ ему на плечи. При видѣ его хорошенькаго испуганнаго личика, почти покрытаго густыми черными волосами, партеръ принялъ его съ шумнымъ смѣхомъ. Онъ плакалъ какъ дитя. Но это былъ скоропреходящій успѣхъ, продолжавшійся только шесть мѣсяцевъ. Отъ всей этой музыки осталась одна арія, которую любилъ Межюль: *Votre coeur est-il inflexible?*

Послѣ этой оперы онъ написалъ *Femmes vengées*, которая, благодаря Еллевю и госпожѣ Гаводанъ, была принята довольно свисходительно. Другія комическія оперы, послѣдовавшія за этой, не имѣли успѣха. Около этого времени онъ сдѣлался придворнымъ музыкантомъ. Оберъ-перемоніймейстеръ, Талебранъ и самъ Наполеонъ, принимали его какъ ребенка, избалованнаго женщинами и гениемъ; но еще лучше онъ былъ принятъ прекрасною принцессою Полиною. Онъ привязался къ ней всею душою; она улыбалась, видя, что вдохновляла его. Онъ написалъ для нея знаменитый ноктурнъ, который такъ много пѣли въ это время: *Jo son lontano del mio diletto*, и романсъ. слова котораго написала она сама: *Il faut partir, le ménestrel vient de l'apprendre*, также какъ множество другихъ свѣжихъ и граціозныхъ мелодій. Принцесса сдѣлала его директоромъ своей музыки; императрица Жозефина на другой же день назначила его также своимъ придворнымъ композиторомъ. Чтò дѣлать?

Бланджини избралъ службу у принцессы. Она, уѣхала въ Ниццу; онъ послѣдовалъ за нею въ придворномъ экипажѣ.

Въ Ниццѣ вставали рано; послѣ веселаго завтрака ѣздили въ кабриолетѣ, спускались въ садъ, или отправлялись къ морю.

Вечеромъ у Бланджини было много дѣла: онъ поминутно сочинялъ музыку на разные случаи. Въ воскресенье воздвигали въ залѣ алтарь для обѣдни; Бланджини игралъ на фортепьяно, вмѣсто органа. Въ этомъ дворцѣ, полномъ музыки и счастья и походившемъ на волшебный дворъ, Бланджини не былъ однакожъ покоенъ; счастье всегда боязливо. Наполеонъ могъ каждую минуту отправить артиста подпоручикомъ въ Испанію, пѣть свои ноктурны подъ аккомпанментъ пушекъ. Съ другой стороны, принцесса была довольно своенравна; надобно было безпрестанно доставлять ей новыя развлеченія. Въ одинъ вечеръ онъ отправился пѣть къ префекту Ниццы; за нимъ отправили нарочнаго, съ приказаніемъ прервать пѣніе и привезти артиста домой. Приказаніе было точь въ точь исполнено — До какого мѣста вы дошли въ вашемъ пѣніи? спросили его по возвращеніи? Я пѣлъ арію изъ Нефали: *Nous le touchons, ce fertile rivage*, но не могъ кончить ее; у префекта подумали, что здѣсь пожаръ. — Это бы еще ничего, но я скучала; начните арію съ той ноты, на которой вы остановились у префекта.

Во-время пребыванія въ Ницѣ, Бланджини ѣздилъ въ Миланъ, надѣясь тамъ почерпнуть музыкальныя идеи; но чтò нашелъ онъ въ Миланѣ? Ему сказали, что сынъ Моцарта живетъ въ этомъ городѣ. Изъ уваженія къ отцу, Бланджини хотѣлъ поклониться сыну великаго артиста. Онъ отправился въ его квартиру; входитъ, кланяется; госпо-

днѣ довольно пріятной наружности, занимавшійся какими-то цифрами, отвѣчаетъ ему отрывисто.

— Вы сынъ великаго Моцарта?

— Да.

— Вы поселились въ этой странѣ искусствъ, подъ покровительствомъ тѣни вашего отца?

Моцартъ второй ничего не понялъ изъ этихъ словъ.

— Я надѣялся найти васъ со скрипкой или фортепяно.

— Что за вздоръ вы несете; я терпѣть не могу музыки!

— Какъ, вы не музыкантъ?

— Я! За кого вы меня принимаете? Я банкиръ. Вотъ вамъ моя музыка. Моцартъ взялъ горсть червонцевъ и постучалъ ими по своей конторкѣ.

Бланджини былъ вскорѣ принужденъ возвратиться въ Парижъ, въ довольно дурномъ положеніи, и снова принялся за работу.

Онъ не былъ счастливъ въ писателяхъ романсовъ и оперъ; лучшія слова ему писали женщины. Между прочимъ Грассини вдохновила его арією:

Adora i cenni tuoi questo mio cor fedele;
Sposa sarò se vuoi non dubitar di me,
Ma un sguardo sereno ti chiedo d'amor.

Грассини пѣла ее не разъ при Наполеонѣ, покровительствовавшемъ ей.

Бланджини возвратился въ Германію, директоромъ музыки короля Вестфальскаго; онъ жилъ на большую ногу при дворѣ. Въ концѣ года, король, недовольный своей капеллой, отправилъ его, съ 100,000 франковъ, во Францію или въ Италію, отыскать трехъ хорошихъ пѣвцовъ. Бланджини сдѣлалъ прекрасное путешествіе, но возвратился одинъ и впасть въ немилость; это было въ 1814 году. Онъ возвратился въ Парижъ, и началъ пѣть для Англичанъ, съ Клеопатрой и Грассини. У Бланджини не было отечества; это самая грустная глава его жизни. Въ 1817 году, Людовикъ XVIII сдѣлалъ его главнымъ капельмейстеромъ своей капеллы, спустя не много времени, герцогъ де Берри сдѣлалъ его также директоромъ своей музыки. Бланджини женился на одной изъ красивѣйшихъ женщинъ Парижа; но слава его уже угасала.

Принцесса Полина его не забыла и все писала ему, что ждетъ его въ Италиі. Какъ не возвратиться въ Италію? Но какъ оставить жену и семейство? Онъ остался въ Парижѣ.

Какъ всѣ тѣ, которые случайно, или по прихоти счастья, сдѣлались модными композиторами, Бланджини вышелъ наконецъ изъ моды; блестящая извѣстность его мало-по-малу погасала, молодость прошла. Отъ большой оперы перешелъ онъ къ комической, отъ комической къ водевилю, отъ водевиля къ романсу, отъ романа къ забвенію.

Въ послѣдніе дни жизни онъ до того былъ оставленъ всѣми, что искалъ мѣста помощника мера въ маленькомъ селеніи. Къ счастью, музыка не совсѣмъ его оставила; какъ въ юности, такъ и теперь, она была лучшимъ его прабѣжищемъ; она оставалась вѣрна ему, хотя онъ

не смѣлъ уже выводить ее въ свѣтъ, гдѣ поговаривали о ея сѣдинахъ: онъ занимался ею въ уединеніи; это были отблески прошлаго прекраснаго времени. Я часто слышалъ, когда бѣдный Бланджини, предаваясь своему вдохновенію, создавалъ мелодіи, достойныя прошлаго. Глаза его оживлялись, онъ слушалъ самъ съ грустью пѣніе, которое не трудился записывать, которое терялось въ небесахъ, съ его послѣдними надеждами. Иногда онъ вставалъ совершенно встревоженный, опускалъ руки, грустно наклонялъ голову и казалось, говорилъ: «Все-таки это музыка.» И Бенсерадъ, который тоже имѣлъ свою славу, при дворѣ Людовика XIV, Бенсерадъ, любимецъ славы и счастья, кончилъ тѣмъ, что никто не хотѣлъ болѣе печатать его хорошевыя стихи; но ему оставалось утѣшеніе записывать ихъ на стѣнѣ его комнаты, куда собирались ихъ читать приверженцы его дарованія. Бланджини не хотѣлъ болѣе записывать свои пѣсни. Имѣть арфіища тяжелѣе бѣднаго артиста съ выликимъ сердцемъ, переживающаго свою славу.

Бланджини былъ Гретри въ миниатюрѣ; беспильная грація его походила на беззаботное пѣніе птицъ. Важность церковнаго пѣнія не оставила аха въ его душѣ. Онъ изучалъ музыку Фіоравенти, любилъ простоту великихъ артистовъ, но для простоты надо быть гениемъ. Простота Бланджини было верѣдко слѣдствіемъ бесилія. Его погубилъ успѣхъ въ 18 лѣтъ; онъ растратилъ въ напрасномъ шумѣ, въ востурнахъ, въ пѣсенкахъ все богатство души; онъ расточалъ полными руками свои едва созданныя мелодіи; онъ сорвалъ цвѣтъ съ дерева, не дождавшись плодовъ. Дерево сдѣлалось неплодоноснымъ; но по-крайней-мѣрѣ, Бланджини самъ упоилъ себя благоуханіемъ цвѣтовъ своей весны.

Въ одинъ зимній вечеръ, лѣтъ десять тому назадъ, я встрѣтилъ Бланджини въ свѣтѣ, гдѣ онъ уже рѣдко показывался. Мы вечеромъ разговаривали о Моцартѣ; разставшись пожали другъ другу руку; онъ скучалъ; всѣ друзья его оставили; онъ съ улыбкой навѣщалъ двадцатилѣтняго, бѣднаго рифмача, живущаго по сосѣдству съ нимъ. На другой день до разсвѣта я проснулся при шумѣ отворяющейся двери:

— Кто тутъ.—Бланджини пріѣхалъ за вами.—Вхать? куда-же?

— Въ мою Ойванду.

Я зажегъ свѣчу, посмотрѣлъ недоувѣрчиво на Бланджини, но нашелъ его въ совершенно нормальномъ состояніи. Подумавши немного, я послѣдовалъ за нимъ. Нѣсколько минутъ спустя, я сѣлъ въ его почтовую карету; фортуна не совсѣмъ оставила его. Мы отправились на его дачу, въ самомъ центрѣ Орлеанскаго лѣса. Наше путешествіе, несмотря на зимнее время, было пріятно; мы провели два мѣсяца въ лѣсу, въ компаніи волковъ. Его уединеніе было довольно шумно: фортепьяно, віолончель, гобой, попеременно звучали. Даже ночью золотая зрѣла играла намъ самыя погребальныя пѣсни.

Бланджини удалился отъ свѣта, въ Орлеанскій лѣсъ, съ любимыми воспоминаніями, съ віолончелемъ, съ портретомъ принцессы Полины, писаннымъ сухими красками. Это былъ гостепріимный и любимый

всѣмъ селеніемъ отшельникъ; бѣдные дѣлали нарочно дѣлѣ шли, чтобы пройти мимо его дверей.

Потерявъ его на нѣкоторое время изъ виду, я встрѣтилъ его снова, года три тому назадъ, послѣдній разъ, у продавца рѣдкостей. Онъ былъ все тотъ-же, грустный и улыбающійся, безпокойный, страшный, встревоженный, съ глазами, полными огня.—Ну! любезный Бланджини, что ваши пѣсенки? Пѣсенки? Теперь я пою мой *requiem*. А вамъ виолончель?—Я пролилъ надъ нимъ много слезъ. Надѣюсь, что Богъ дастъ мнѣ довольно силы разбить его въ часъ моей смерти; — вѣтъ, продолжалъ онъ съ грустной улыбкой, пожимаая мнѣ руку, я не хочу, чтобы другой отгадалъ тайны моего сердца.

Бланджини не былъ музыкантомъ, но скорѣе повтомъ, писавшимъ гимны смычкомъ, на виолончели, краснорѣчивой книгѣ, заключающей въ себѣ гаммы страстей и отвѣчавшей всѣмъ біеніямъ сердца. Надъ его скромной могилой можно было написать: «Здѣсь покоится шумъ вѣтра», какъ говорилъ Антипатеръ на могилѣ Орфея.

Предсказаніе г-жи Ленорманъ.— Тремонъ, извѣстный своею благотворительностью и пособиями бѣднымъ художникамъ, согласился однажды, по просьбѣ многихъ дамъ, отправиться съ ними къ гадалщицѣ Ленорманъ, и предложилъ ей для рѣшенія вопросъ: «Какая будетъ участь моего друга, о которомъ я теперь думаю? Г-жа Ленорманъ разложила карты, подумала и объявила, что если съ этимъ другомъ ничего чрезвычайнаго не случится, то онъ умретъ въ бѣдности и несчастіи. Тремонъ, возвратясь домой, тотчасъ-же назначилъ въ своемъ завѣщаніи 6,000 франковъ дохода своему другу. Но въ послѣдствіи эта статья завѣщанія было уничтожена завѣщателемъ. Съ другомъ его случилось въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайное происшествіе. Онъ самъ сдѣлался богачемъ посредствомъ своихъ многочисленныхъ музыкальныхъ сочиненій. Это былъ композиторъ Оберъ.

Вызовъ автора.— Недавно на дублинскомъ театрѣ давали *Антиону Софокла*, съ музыкою Мендельсона, и публика приняла эту пьесу съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Но зрители партера и галлерей не хотѣли довольствоваться обыкновеннымъ аплодисментомъ. Они кричали *автора!* Извѣстно, что Ирландцы очень упрямы, и потому увѣщаніе нѣкоторыхъ зрителей и увѣреніе ихъ, что авторъ умретъ 2,000 лѣтъ тому назадъ—были бесполезны. Крики *автора* продолжались; наконецъ занавѣсъ поднялся, вышелъ директоръ, и объявилъ съ поклономъ, что хотя дѣйствительно автора теперь вѣтъ въ театрѣ, но дирекція употребитъ надлежащія мѣры сообщить ему, посредствомъ газетъ, о высокой чести, оказанной ему дублинскою публикою.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ.

Зинное воздушное путешествіе. — Обыкновенные аэронавты совершаютъ свои путешествія лѣтомъ, но польза наукъ требуетъ подобныхъ опытовъ и зимою. 2 декабря 1852 года, въ 9 часовъ утра участвовалъ въ воздушной поѣздкѣ естествоиспытатель г. Лануа, а шаромъ управлялъ извѣстный аэронавтъ Луи Дешанъ.

Въ доносеніи Лануа, между-прочимъ сказано слѣдующее: Мы быстро поднимались до высоты четырехъ-сотъ метровъ; дождь, который сопровождалъ насъ отъ самой поверхности земли, былъ уже тутъ неощутителенъ. Термометръ, безпрестанно опускавшійся, дошелъ до $+2^{\circ}$.

На высотѣ 500 метровъ воздушный шаръ принялъ другое направленіе. Насъ понесло по направленію на Западъ-Сѣверо-Западъ, по случаю торжества 2-го декабря слышали мы пушечные выстрѣлы; при каждомъ давленіи воздуха происходило нѣкоторое углубленіе въ стѣнкахъ шара. Мы стали подниматься тише и описывали видимо-кривую линію. Облака дѣлались около насъ все гуще и гуще.

На высотѣ восьми сотъ метровъ слышали мы глухой звукъ пушечныхъ выстрѣла съ отголоскомъ. Поднимаясь далѣе, мы уже не слышали этого отголосковъ, хотя выстрѣлы и повторялись каждыя двадцать минутъ. Только въ девяти-стахъ метровъ услышали мы опять отголосокъ.

Достигнувъ тысячи-трехъ-сотъ метровъ, попали мы въ среднюю густого слоя облаковъ, и вокругъ насъ свѣталась совершенная темнота. Термометръ, показывавшій при началѣ путешествія $+6 \frac{1}{2}^{\circ}$, упалъ ниже нуля.

Въ тысячи-шести-стахъ метрахъ попали мы въ другое воздушное теченіе. Покуда нижняя часть нашего шара находилась еще подъ вліяніемъ западо-сѣверо-западнаго теченія, мы видѣли, какъ верхняя половина увлекаема была постояннымъ вѣтромъ. Болѣе секунды пробылъ шаръ нашъ въ этомъ положеніи, увлекаемый двумя противоположными теченіями.

Мы продолжали подниматься: Въ двухъ-тысячахъ метрахъ (2 версты) поднялись мы выше облаковъ. Солнце ярко свѣтило. Тѣнь отъ насъ случайно падала на носившійся подъ нами туманъ. Термометръ опять поднялся до 2° , на которыхъ и оставался до окончанія путешествія.

Тѣсны химія. — Въ Times напечатано, что бристольтское общество газоваго освѣщенія предлагаетъ 20,000 галлоновъ аммоніакальнаго масла. **Кѣмъ же это масло?** Это весьма непріятная жидкость, которую газовой заводеніе обязано сбыть съ рукъ, несмотря на ничтожность цѣны, выходящей за нее. Послѣ превращенія каменнаго угля въ коксъ, пары, выходящіе изъ реторты, бываютъ чрезвычайно сложнаго состава. Кромѣ газа для освѣщенія, содержатъ они въ себѣ кислоты и щелочи, а **отъ-того** другіе газы, отъ которыхъ надобно очищать употребле-

мый для освѣщенія. Это очищеніе производится промывкою въ рѣчной водѣ и въ известковой. Простая вода, насыщенная аммоніакомъ, а известность сѣрноводородныхъ газовъ, принимаютъ самый отвратительный запахъ,—и въ первое время приготовленія газа фабриканты чрезвычайно затруднились, куда сбывать этотъ матеріалъ. Но успѣли въ химіи вскорѣ научили, что и это вещество полезно на разныхъ приготовленія.

Дамскіе пузырки, съ духами содержатъ часто въ себѣ летучую соль, извлекаемую изъ этихъ аммоніакальныхъ остатковъ. Другое произведеніе ихъ—углекислый аммоніакъ. Изъ дегтя каменно-угольнаго получается *бензоинъ*, замѣчательная летучая жидкость, употребляемая лакировщиками и парфюмерами. Последніе называютъ ее *миндальнымъ масломъ*. Бережливыя дамы употребляютъ ее на выводъ пятенъ и чистку лайковыхъ перчатокъ. Нефтяная масса, которою засариваются часто газовыя трубы, даетъ прекрасное кристалльное вещество.

На парижскихъ бойняхъ готовятъ изъ костей и жилъ студенистое вещество, имѣющее также различныя употребленія. На лондонской выставкѣ были сдѣланы изъ него прозрачныя листы для приготовленія искусственныхъ цвѣтовъ и для рисованія картинъ. Если распутить это вещество въ водѣ, то оно служитъ для выдѣлки шерстяныхъ матерій и очищенія вина. Въ сухомъ видѣ, кондитеры рѣжутъ его на нитки и украшаютъ имъ свои торты.

Многія дамы искугались бы, еслибъ знали происхожденіе своихъ духовъ. Химія открываетъ эти тайны. При заготовленіи хлѣбнаго вина отдѣляется всегда вонючее масло. Если его дистиллировать съ сѣрною кислотою и поташемъ, то оно превращается въ *бергамотное масло*, съ сѣрною же кислотою и двухромомою—дастъ *яблочное масло*. Апельсиновое масло, получается отъ соединенія гнилаго сыра съ сахаромъ, или дистиллированою мыльнаго масла съ алкоголемъ и сѣрною кислотою, и въ большомъ количествѣ расходуется въ Англій для приготовленія *апельсиноваго пива*.

Искусственное миндальное масло, употребляемое въ такомъ количествѣ на мыло и кондитерскія издѣлія, готовится изъ селитровой кислоты, съ каменно-угольнымъ дегтемъ. Извѣстные духи *eau de mille fleurs* большею частію состоятъ изъ коровей урины.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Плывущіе деревни въ Каирѣ. — Сен-Джонсъ, путешествовавшій по Европѣ, такъ описываетъ одинъ праздникъ въ Каирѣ, на главной, обширной площади, Эсбехи служащей вмѣсто публичнаго сада, потому что по ней проведено нѣсколько аллей, а входъ на площадь обложенъ акаціями и дикими смоковницами. Праздникъ начинается часъ спустя по захожденіи солнца; стоятъ два ряда освѣщенныхъ налатокъ, оканчивающихся рядомъ четырехъ высокихъ мачтовыхъ де-

резьбъ, обществѣнныхъ множествомъ фонарей и плашекъ, съ разными подразами для праваничной публики. Около этого мѣста собирается толпа многочисленная; адѣсь происходитъ очень любопытныя явленія. Подлѣ фокусника, забавляющаго толпу самыми недвусмысленными шуточками, стоитъ дервищъ, и рѣзкими, горловыми звуками проповѣдуетъ сннтяннть славу Магомета. Внутри палатокъ видны также дервиши, занимающіеся разными обрядами. Въ одной, слабоосвѣщенной палаткѣ два или три дервиша производятъ самые удивительные скачки, какъ-будто они резиновые мячики. Въ другой палаткѣ дервиши во славу Магомета лежатъ подлѣ грудами плащей и одеялъ, и увѣряютъ, что посредствомъ пота душа ихъ получаетъ тѣсное сообщеніе съ Магометомъ. Въ отдѣльной большой палаткѣ, освѣщенной деревянною люстрою, сидитъ до тридцати человекъ и передъ ними бѣлобородый дервищъ начинаетъ нѣсню мослема. Подлѣ такъ пѣнія всѣ тридцать головъ разомъ повертываются къ лѣвому плечу. Наконецъ движеніе и пѣніе дѣлаются такъ быстры, что кажется эти люди хотятъ непрежннно стряхнуть свои головы съ плечъ. Всѣ повторяютъ возгласъ стараго дервиша, дѣлающійся какннз-то чудовищнымъ воємъ. Вдругъ всѣ дервиши вскакиваютъ, головы продолжаютъ вертѣться, глаза хотатъ выскочить, лица искажаются судорогами, тюрбаны сваливаются, и обритыя головы все продолжаютъ повертываться; на губахъ выступаетъ пѣна, но дикіе звуки все еще наполняютъ воздухъ. Наконецъ одинъ изъ тридцати падаетъ на землю въ судорогахъ; остается двадцать-девять, — и тѣ попрежнему продолжаютъ свое бѣснованіе, но уже движенія пзмѣнились. Теперь они состоятъ въ безпрестанномъ соединеніи ногъ съ колѣнами, — и при каждомъ соприкосновеніи раздается тотъ же крикъ — повторяемый всми двадцатью девятью дѣйствующими лицами.

Вотъ другое явленіе праваника. Оно происходитъ днемъ. Не далеко отъ главной палатки дервишей, толпа ожидаетъ обряда Досеха, или пошнранія лошадыми. Тысячи зрителей собрались, чтобъ видѣть это явленіе. Одни влезли на стѣны, другіе на деревья, третьи на крыши домовъ, бѣольшая же часть тѣснится на площади. Вдругъ въ толпѣ происходитъ движеніе — и всѣ зрители внезапно выросли на два дюйма, потому-что всякій поднялся на пыпочки. Отъ Желѣзныхъ воротъ видны приближающіеся знамена, бѣольшею частію зеленыя и исписанныя нарѣченіями корана. Люди, вооруженные палками, идутъ передъ знаменами и очищаютъ путь въ толпѣ на шесть футовъ ширины. Всякій зритель, чувствуя силу палочныхъ убѣжденій, отступаетъ и даетъ дорогу.

Длинною процессіею, по два въ рядъ, тѣсно снлется руками, или звередъ двѣсти молодыхъ дервишей. Они почти бѣгомъ являютъ на нѣсто обряда; головы ихъ съ такою автоматическою точностію повертываются то направо, то налево, при безпрестанныхъ возгласахъ одного изъ дервишей. Всѣ они блѣдны, облиты потомъ; взоры ихъ одушевлены дннннмъ фанатизмомъ; нѣкоторые подкрѣпили себя спиртуозными средствами. Вдругъ всѣ они останавливаются, бросаются лицомъ на землю, и тѣсно соединясь между собою, составляютъ живой мостъ.

Другіе дервиши тутъ же бѣгають и поправляютъ положеніе лежа-

днихъ. Однако же они еще лежатъ не неподвижно. Носомъ трутся они объ землю,—и попрежнему кричатъ во все горло. Нѣкоторые изъ зрителей вдругъ одушевляются фанатизмомъ и бросаются подлѣ нихъ на землю, чтобъ удостоиться того же счастья, къ которому готовится дервиши. Толпа зрителей двумя криками выражаетъ свой восторгъ...

Вдругъ высокий мужчина, на сильной лошади, окруженный свитою человекъ въ двадцать, является изъ Желѣзныхъ воротъ и быстрою рысью пробѣгаетъ по всѣмъ лежащимъ на землѣ. Отъ соприкосновенія съ подковами, руки и ноги подбрасываются вверхъ; поспираемые перегибаются какъ червяки. Шенхъ продолжаетъ свой путь по этому живому мосту и потомъ уѣзжаетъ.

Товарищи дервишей бѣгутъ тогда къ нимъ, поднимаютъ ихъ и шепчутъ имъ *Vahedy!* Но иные могутъ только испускать стоны, другіе падаютъ въ обморокъ. Только немногіе исполняютъ приказаніе, хотя на губахъ ихъ показывается кровавая пѣна. Безчувственныхъ подбираютъ и относятъ.... Толпа мало-по-малу расходится по домамъ, очень довольная бывшимъ спектаклемъ.

Жебидна на Чинчайскіе острова за гуано. — Три голыя скалы, на которыхъ нѣтъ ни одной травки, поверхность которыхъ растрескалась отъ жгучаго солнца, рѣдко помрачаемаго облаками; скалы, на которыхъ со времени всемірнаго потопа не было ни капли дождя, составляютъ теперь главное богатство Перу. Это Чинчайскіе острова, далеко превосходящіе Лобосскіе количествомъ и качествомъ гуано. Они лежатъ въ ста пятидесяти миляхъ на югъ отъ Каллао, и въ девяти или десяти отъ небольшой гавани Писко. Уже на разстояніи пяти или шести миль подлѣ вѣтромъ близость ихъ очень ощутительна для обонянія. Самый южный изъ трехъ острововъ еще не начали разрабатывать, — и по поѣздкѣ, произведенной на этотъ островъ, должно заключить, что онъ богаче всѣхъ прочихъ. Средній островъ, гдѣ нагружаются гуано, не вѣ посѣщается; всѣ бѣрутъ гуано на самомъ сѣверномъ.

Формация этихъ острововъ почти одинакова. Берега, обращенныя къ материкъ, круто поднимаются изъ моря, — и на краю этой отвѣсной крутизны лежатъ слои гуано, поднимаясь до середины острова, гдѣ кончаются высокою скалою, откуда уже отлого идутъ опять почти до самаго морскаго берега. Издали каждый изъ этихъ острововъ похожъ на срѣзанную кеглю. Въ первобытномъ видѣ острова состояли изъ скалъ и долинъ. Но какъ слои гуано мало-по-малу наполнили всѣ долины и покрыли остроковечности скалъ, то глубина слоевъ и простирается отъ ста восьмидесяти футовъ до нѣсколькихъ дюймовъ. По примѣрному исчисленію, находится на всѣхъ трехъ островахъ до пяти миліоновъ центнеровъ гуано.

•Бросивъ якорь между сѣвернымъ и среднимъ островами, говорятъ одинъ путешественникъ поѣхали мы на лодкѣ, чтобъ поближе осмотрѣть эти громады птичьяго помета. Мы вышли на берегъ, на песчаную почву, оставляющую узкую полосу у подножія скалы. Цокаліе наше

встретили тысячи птицъ, принадлежащихъ къ породѣ водяныхъ. Но матросы рассказывали, что теперь *совсемъ уже нѣтъ* птицъ, съ тѣхъ-вѣрь, какъ сюда стали приѣзжать корабли. Сколько же было ихъ прежде. Вотъ и теперь летить надъ нами цѣлое стадо пеликановъ на охоту за рыбою. Они тучею носятся надъ моремъ, и съ быстротою молнии спускаются на всякую рыбу, которая всплыветъ на поверхность воды. Птица *совсѣмъ* ныряетъ въ воду, но тотчасъ же выплываетъ, и несетъ въ клювѣ пойманную добычу. Кромѣ пеликановъ, въ воздухѣ кружатся цѣлыя стаи морскихъ птицъ. На отдѣльныхъ скалахъ и по берегу видно стоять пингвины, въ черныхъ перьяхъ и бѣломъ ожерельи. Короткія ноги, приставленныя, какъ-будто по ошибкѣ, слишкомъ далеко къ задней его части, длинное туловище, высокой ростъ, не позволяютъ пингвину прогуливаться по берегу. Онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ неподвижно и смотритъ на воду. Кажется такъ-бы и схватить его, — но лишь только лодка подѣдетъ, только рука протянется къ нему, онъ вдругъ самымъ смѣшнымъ образомъ бросается головою впередъ въ море, ныряетъ подъ лодку, и только черезъ полчаса всплываетъ гдѣ-нибудь на поверхности. Это самый лучший въ свѣтѣ пловецъ и водолазъ.

Перебравшись черезъ груды скелетовъ морскихъ львовъ, вступили мы вскорѣ въ настоящую область гуано, въ которомъ погрязли тотчасъ же по колѣни.

Гуано лежитъ правильными слоями. Нижніе сдѣлались плотнѣе отъ давленія верхнихъ и получили темнокрасный цвѣтъ, тогда какъ верхніе свѣтлѣе. На поверхности образовалась сѣровая кора, высохшая отъ солнца. Въ эту кору кладутъ птицы свои яйца, рѣдко болѣе двухъ штукъ, — и потому вся кора покрыта ямками для этихъ гнѣздъ. Иногда эти гнѣзда соединяются и составляютъ цѣлыя галереи съ нѣсколькими входами. Это строительная система такъ распространена здѣсь, что нельзя сдѣлать шагу, чтобъ не провалиться до колѣнъ, — и чтобъ въ это же время за ногу не щипнулъ крѣпкій клювъ какой-нибудь птицы.

Съ нѣкоторыми трудностями и съ потерей нѣсколькихъ дюймовъ кожи на ногахъ достигли мы наконецъ высшей точки острова, — и потомъ стали спускаться къ птичьему кладбищу.

Здѣсь, на небольшой площадкѣ, очищенной отъ гуано, построена факторія этого острова. Она состоитъ изъ двадцати или тридцати жалкихъ сараевъ, поддерживаемыхъ каждый четырьмя длинными шестами, вколоченными въ землю, съ плоскою крышею изъ цыновокъ, сплетенныхъ изъ травы и покрывающихъ также внутреннія стѣны. Передняя часть сараевъ открыта. Мебель этихъ домовъ, заключается въ парѣ деревянныхъ скамеекъ, двухъ или трехъ грязныхъ сковородахъ, нѣсколькихъ оловянныхъ горшкахъ. Иногда стоятъ въ углу небольшой странно устроенный глиняный кувшинъ, въ которомъ хранится *песко*, довольно крѣпкій спиртуозный напитокъ. Вмѣсто постелей — служатъ тоненькія цыновки. Только немногіе изъ жителей имѣютъ красныя шерстяныя одѣяла, какія носятъ всѣ перуанцы.

Одежда почитается здѣсь наизвѣстною роскошью. Извошенныя лодки и изорванное коленкоровое нижнее платье почитаются здѣсь щегольствомъ. Прочіе ходятъ совершенно нагіе. Въ одной хижины, больше другихъ похожей на человеческое жилие, живутъ два англійскіе матросы, называющіеся лондонани и принимающіе подъ свое покровительство приходящіе корабли.

Отъ самой факторіи опускается къ морю узкая и каменнстая тропка, по которой доставляютъ привасы и воду.

На сѣверномъ островѣ стоитъ такой же городъ, но гораздо значительнѣе, потому-что въ немъ до пятидесяти сараевъ и живетъ комендантъ. Это старикъ вриятной, воинственной наружности, который живетъ здѣсь какъ сабаритъ, потому-что у него въ домѣ есть одно окно.

На сѣверномъ островѣ живетъ до двухъ-сотъ человѣкъ, на среднемъ до восьмидесяти. Впрочемъ, это число мѣняется, смотря по требованіямъ на гуано. Жители—индѣйцы, которымъ одиная жизнь нравится, хотя даже кушанье пропитывается здѣсь запахомъ гуано. Они платятъ хорошее жалованье, — и они по своему живутъ хорошо, работаютъ по ночамъ, днемъ спятъ и курятъ. Чтобъ сбывать съ рукъ накопленные деньги ѣздить они въ Писко, гдѣ забавляются танцами, музыкою, водкою — писко и чича (маисовое пиво).

Отвѣсная скала, возвышающаяся изъ моря, какъ стѣна, и образующая у самаго берега глубину въ семь сажень, чрезвычайно облегчаетъ загрузку судовъ. На вершинѣ скалы устроена площадка, окруженная большими шестами, которые связаны между собою толстыми цѣвями. На площадкѣ этой помѣщается отъ четырехъ до пяти-сотъ тоннъ гуано. Кверху площадка открыта, но постепенно суживается до окраины скалы, гдѣ пробито небольшое отверстіе, въ которое вставляется большой холстинный рукавъ, или продолговатый мѣшокъ, открытый съ обонхъ концовъ, и висящій вдоль скалы почти до самаго моря. Корабль, загрузивъ сперва посредствомъ перевозки на лодкахъ столько гуано, сколько ему нужно для составленія себѣ балласта, подѣзжаетъ потомъ подъ мѣшокъ, который и вкладывается въ люкъ верхней палубы. Тогда начинаютъ сыпать туда гуано, около трехъ-сотъ пятидесяти тоннъ въ день, — а ночью площадка опять наполняется гуано.

Иногда нужно пособлять сыпкѣ гуано, и тогда ставится у отверстія индѣецъ, который, то натягивая, то опуская канатъ, ускоритъ движеніе гуано сверху внизъ. Сверхъ-того, отъ разныхъ частей мѣшка проведены веревки къ мачтамъ и къ палубѣ, и за веревки эти держатся матросы. Если сыпанный гуано остановится въ мѣшкѣ, веревки приводятся въ движеніе и помогаютъ работѣ. Если же, отъ неравнн матросовъ или клейкости матеріала, гуано остановится, то его очень трудно протискать, потому-что оно тотчасъ же сгущается въ плотную массу — и мѣшокъ надо тогда разрывать. Иногда попадаются въ мѣшокъ съ гуано птицы, которыя и остаются въ числѣ груза. Однажды попалъ туда несчастный индѣецъ, — и его отырали въ трюмѣ, раздувшимся.

На каждомъ островѣ устроены по двѣ площадки: одна побольше другая поменьше. Съ послѣдней нагружаютъ только лодки.

Мы прибыли на острова въ воскресенье, — слѣдственно нѣтъ времени осмотрѣть окрестности. Каждая неровная поверхность на островѣ сгладилась отъ гуано, — и всеобщій краснотемный цвѣтъ грунта измѣняется только на высокихъ скалахъ, гдѣ свѣжій гуано бѣловатаго цвѣта.

Кругомъ около острововъ выдаются мѣстами скалистые мысы, большею частію уже подмытые безпрестаннымъ напоромъ волнъ. Въ этихъ скалахъ образовались, въ-теченіе вѣка пещеры, гдѣ обитаетъ множество морскихъ львовъ. Жизнь этихъ пещерныхъ жителей проходить въ томъ, что они неподвижно лежатъ въ темныхъ углахъ и выходятъ только, побуждаемые голодомъ, для нападенія на рыбу, проходящихъ въ проливѣ. Когда эти рыбы проходятъ, ихъ скопляется такое множество, что имъ невозможно свободное плаваніе. Онѣ проходятъ, беззаботно играя на поверхности, озаряемой солнцемъ. Вдругъ между ними является черное рыло морскаго льва; все приходитъ въ движеніе, — но дюжина несчастныхъ истреблена уже однимъ глоткомъ. Подобныя черныя головы появляются внезапно и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ, истребляя тысячи рыбъ.

Началась наконецъ и наша работа. Мы выбросили балластъ и стали нагружать, вмѣсто его, гуано. Большая лодка безпрестанно приходила и уходила. Чтобы начать работу какъ можно раньше, мы съ лодкою остались на ночь подъ устроеннымъ уже съ вечера мѣшкомъ, — и я никогда не забуду этой безпокойной ночи. У самой лодки была мрачная пещера, въ которую каждая волна могла бросить насъ. Прибой былъ очень силенъ. Сажени двѣ выше этого выдавался въ море удивительный скалистый мысъ, — и волны, разбиваясь о него, рассыпались на насъ дождемъ. Вправо отъ насъ стоялъ на якорѣ, у самой скалы, корабль, начавшій уже грузиться, — и фосфоричность водъ осыпала его тысячами искръ. Надъ нами висѣлъ приготовленный мѣшокъ, и съ каждымъ движеніемъ волнъ то поднимался, то опускался. Вдали былъ видѣнъ сѣдній островъ, по разбивающимся о скалы фосфорическимъ волнамъ. Эта свѣтящаяся линія видна была даже у береговъ материка, гдѣ при свѣтѣ луны рисовались грозныя массы Кордильеровъ.

При наступленіи утра роса до того насъ промочила, что мы рады были начать работу. По первому знаку посыпалась по мѣшку огромная масса гуано. Наши глаза, ротъ, носъ, все въ минуту наполнилось бѣлою пылью. Мы поѣхали къ кораблю, выгрузили лодку и воротились опять къ берегу. Эта работа продолжалась три недѣли.

Наконецъ корабль нашъ могъ подѣхать подъ большой мѣшокъ. Тутъ началось главное мученіе, хотя положеніе наше было лучше положенія нидѣйцевъ, насыпающихъ мѣшокъ. Весь воздухъ вокругъ наполнился массою летающаго гуано, посреди котораго нагіе нидѣйцы работали. Единственная ихъ защита состояла въ кускѣ пакли, привязанной ко рту и въ носу и пропускающей воздухъ, а не пыль. Паклю надобно перемѣнять каждыя двадцать минутъ.

Экипажъ на кораблѣ также работалъ веревками, содѣйствуя сво-

рѣйшему и правильнѣйшему осыпанію гуано; но и матросы всё защищены кусками вамя, потому—что изъ трюма поднимается та же мелкая и ѣдкая пыль.

Впрочемъ, корабль весь покрытъ парусиною, и несмотря на это, гуано проникаетъ и въ каюту капитана, и въ котель повара; пыль эта входитъ въ малѣйшее отверстіе, — и даже слышно, какъ отъ нее чихаютъ ирысы. По счастью, довольно трехъ дней, чтобъ нагрузить самый большой корабль. Въ четвертый мы уже шли на всѣхъ парусахъ въ Писко.

Здѣсь пробыли мы три дня, чтобъ возвратитъ кораблю прежній его видъ и цвѣтъ. Это была трудная работа. Рен, мачты, паруса, такелажъ—все было покрыто гуано. Мы пошли къ Каллао, гдѣ спустили на берегъ нанятыхъ нами здѣсь индѣйцевъ, и сами выкупались и кое-какъ отмылись въ свѣтлой, чистой рѣкѣ, бѣгущей изъ Пампасовъ.

Встрѣча двухъ каравановъ. — Однажды ночью, говоритъ путешественникъ, ѣхавшій изъ Каира, на восточномъ краю неба неожиданно загорѣлось зарево. Сперва оно было не ясно, но по мѣрѣ приближенія нашего дѣлалось все виднѣе и виднѣе. Сначала я не могъ себѣ объяснить причины этого явленія. Открылось, что это былъ почтовый поѣздъ изъ Остъ-Индіи и Китая, отирающійся изъ Суэца въ Каиръ, — тогда какъ мы ѣхали изъ Каира къ Красному-мору. Нашъ поѣздъ состоялъ изъ сорока каретъ, и подлѣ каждого кучера на козлахъ сидѣлъ арабъ съ факеломъ. Слѣдственно, блескъ сорока факеловъ, отражаемый къ небу песчаною равниною, былъ очень силенъ. А какъ караванъ, приближавшійся къ намъ навстрѣчу, былъ вдвое многочисленнее нашего, то отраженіе ихъ факеловъ и было вдвое сильнѣе. Это было въ полночь, — и эффектъ былъ самый величественный.

Оба каравана встрѣтились какъ двѣ непріятельскія арміи, но вѣсто боя послышались отовсюду привѣтствія, хотя никто другъ друга не зналъ. Рѣшено было остановиться на десять минутъ, чтобъ всякой могъ разспросить о томъ, что ему казалось нужнѣе. Всѣ вышли изъ каретъ; въ нихъ остались только дамы и больные. Загорѣлыя и полныя лица нѣкоторыхъ путешественниковъ доказывали, что онѣ на Востокѣ умѣли нажать состояніе и не прожить здоровья. Другіе медленно подвигались среди толпы съ потухшими глазами и исхудалыми, блѣдножелтыми лицами, пострадавшими отъ убійственнаго климата и болотъ Остъ-Индіи. Послѣдніе спѣшили домой, чтобъ умереть на англійскомъ берегу, или, по-крайней-мѣрѣ, на островѣ Мальтѣ.

— Нѣтъ-ли кого изъ Пирчшейра? закричалъ чей-то густой басъ.

— Я изъ Инверреса, — отвѣчалъ голосъ чистымъ шотландскимъ прованшошеніемъ, — и между ними начались разспросы и рассказы.

— А что? спросилъ одинъ изъ политиковъ, — виги все еще въ министерствѣ.

— Нѣтъ! вскричалъ другой. Ихъ прогнали.

— Правда-ли, — спросилъ третій, — что у насъ съ Франціею война?

— Правда-ли, что цѣны на сало поднялись? — спросилъ четвертый.

— Здѣсь-ли новый губернаторъ Гонгъ-Конга?

— Здѣсь! — отвѣчалъ самъ старшій и почтенный полковникъ.

— А что? — вашъ братъ выбранъ опять депутатомъ въ Сюрреф....

Тысячи вопросовъ перекрещивались съ отвѣтами.... Вдругъ раздался роковой возгласъ:

— По мѣстамъ! Идемъ дальше.

Все бросилось къ каретамъ. Но въ потьмахъ многіе не находили своихъ мѣстъ.

— Папа! гдѣ ты? — кричалъ ребенокъ.

— Гдѣ докторъ? — съ отчаяніемъ кричали двѣ дамы.

— Кучеръ! постой на минуту?

— Прощайте!...

И черезъ минуту оба каравана уже развѣхались, — и едва-ли всѣ эти люди увидятъ еще разъ другъ-друга въ жизни. Долго видѣлись скалы, долго краснѣло на небѣ зарево. Наконецъ и оно потухло. Опять молчаніе.... степь!...

—

Жизнь въ Корсикѣ. — Кто въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Корсику, тотъ всегда ищетъ слѣдовъ бандитовъ, которыми островъ этотъ прославился. Эта идея занимаетъ путешественника, и почти никто не воображаетъ, что пріѣхалъ дѣйствительно въ опасную страну. Всякій утѣряетъ себя, что онъ во французскомъ департаментѣ, подъ защитою сильнаго правительства и дѣятельной полиціи. Но если онъ проживетъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, то убѣдится, что Корсика все таже страна вѣдетты и дикихъ нравовъ, какою была за нѣсколько вѣковъ. Если путешественникъ вдругъ самъ очутится въ непріятномъ положеніи заплатить за себя выкупъ по письменному требованію какого-нибудь бандита, грозящаго, въ противномъ случаѣ, смертью, если онъ узнаетъ, что и многіе другіе подверглись такимъ же требованіямъ, то тотчасъ же пойметъ, что онъ за тысячу миль отъ образованности и благоустроеннаго общества.

Знаю только то, что во-время моего пребыванія, жители города Аяччю находились въ подобномъ положеніи, и никто изъ нихъ не смѣлъ выходить изъ дома, а нѣкоторые почли лучшимъ вести переговоры съ бандитами и сойтись съ ними. Никто не надѣялся на защиту, многіе думали, какъ бы имъ самимъ справиться и отомстить злодѣямъ.

— Соль не жвабѣтъ, сказалъ мнѣ одинъ корсиканецъ. Черезъ полгода, черезъ годъ, я можетъ-быть найду случай и самъ отомстить.

Для лучшаго доказательства состоянія Корсики, вотъ отрывки изъ донесенія одного тамошняго должностнаго лица, напечатаннаго въ Journal des Débats въ іюлѣ 1852 года.

«Положеніе Корсики требуетъ болѣе, нежели когда-либо, сильныхъ мѣръ. Распоряженія здѣсь безсильны, всякая власть исчезла, публичныя начальства слабы, суды также.

При этомъ упадкѣ общественнаго порядка умножаются всякаго ро-

да преступленія; междоусобныя вражды ожесточаются; всё вооружены; война обнаруживается на всѣхъ пунктахъ.

Это происходитъ отъ трехъ причинъ: 1) всеобщее вооруженіе всего народонаселенія; 2) клянки бандитовъ; 3) недостатокъ сильнаго дѣйствія законовъ.

Всѣ жители вооружены, и потому нужно немногое, чтобъ воспламенить всѣхъ. Чтобъ вѣрнѣе судить объ этомъ злѣ, надобно видѣть его въблизи. Въ Венцоласио (округъ Бастин) въ четырехъ миляхъ отъ главнаго города, въ одной изъ плодосѣйшихъ общинъ Корсинки, находятся во враждѣ два семейства Филицци и Петроньяни, — а съ ними и всѣ жители. Дома этихъ враждующихъ партій укрѣплены какъ цитадели и снабжены бойницами. И дома эти стоятъ одни противъ другихъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ убито въ этой деревнѣ десять человѣкъ.

При выборахъ 1848 года жители Босковати вступили въ бой, въ которомъ убито было четверо и множество ранено. Въ Кампителло, въ Каллакучии, въ Пиедвироче, произошло подобное же столкновеніе и тѣже результаты. Въ Пиедѣ и Канолѣ свирѣпствуетъ безпрерывно междоусобіе, достигшее до высшей степени варварства и ожесточенія. Между обѣихъ деревень стоитъ церковь для тѣхъ и другихъ жителей, но и это священное мѣсто не укрощаетъ ихъ звѣрства. Однѣ женщины бьются при богослуженіи.

Въ Арбелларѣ (Сартенскій округъ) свирѣпствуетъ настоящая война. Тамъ семейства Фоччиоли и Джустиньяно, близкіе родственники между собою, живутъ уже пятьдесятъ лѣтъ въ войнѣ и производятъ безпрестанныя убійства. Въ домахъ предводителей, превращенныхъ въ крѣпости, содержатся постоянныя гарнизоны. У домовъ этихъ устроены высокія башни, для наблюденія окрестностей, соединенныя съ домами галереями.

Во-время моего пребыванія въ Корсинѣ случались часто подобныя происшествія. Приведу нѣкоторые изъ нихъ, для доказательства, что въ Корсинѣ убійства сдѣланы обыкновеннымъ, всѣдневнымъ случаемъ.

Въ 1851 году убитъ былъ докторъ Маласпина. Сынъ его умертвилъ одного старика, который отказалъ ему въ рукѣ своей дочери. Это случилось въ присутствіи нѣсколькихъ вооруженныхъ людей.

Черезъ три дня потомъ убитъ однимъ бандитомъ богатый житель того округа, Пинелли, и черезъ день тутъ же убиты два жителя.

Въ 1850 году убитъ былъ одинъ священникъ, при выходѣ изъ церкви. Въ декабрѣ того же года еще одинъ, сопровождаемый отрядомъ жандармовъ — бандитомъ изъ-за куста.

Въ 1851 года убитъ былъ одинъ жандармъ, только что застрѣленный однимъ бандитомъ, но потомъ слишкомъ поспѣшно къ нему подошедшій. Бандитъ имѣлъ довольно силы, чтобы выстрѣлить по нему.

Всѣ эти сцены междоусобій приучили корсинанцевъ къ самоуправству. Покуда всѣ будутъ вооружены, Корсинка будетъ вѣчнымъ полемъ битвы. Это положеніе препятствуетъ мирному и правильному развитію общественнаго узаконенія. Народонаселеніе не занимается хлѣбопашествомъ и лучшія полосы острова лежатъ невспаханными.

Число бандитовъ въ Корсикѣ весьма значительно. Сверхъ-того приходятъ сюда многіе съ острова Сардиніи. Известныхъ бандитовъ счищаютъ *девети-шестидесяти-пяти*. Ихъ чрезвычайно трудно истребить, потому-что убійца ихъ никто изъ жителей никогда не отируетъ. А между-тѣмъ они имѣютъ важное вліяніе на общественныя дѣла и даже на выборы, потому-что жители во всемъ повинуются имъ, отъ страха.

Покуда они не будутъ истреблены, нельзя ничего предпринять. Жандармы и корсиканскіе волонтеры оказались для этого недостаточны. Устроимъ теперь баталіонъ подвижныхъ жандармовъ. Но надобно много дѣятельности и рѣшимости, чтобы преслѣдовать бандитовъ.

До сихъ-поръ Корсика сохранила всѣ свои древнія обычаи, и совершенно не принадлежитъ къ образованной Европѣ.

Съ 1830 года введенъ здѣсь судъ присяжныхъ; но можетъ ли кто изъ судей дѣйствовать по закону и совѣсти, когда его сторожить по выходѣ изъ суда пуля бандита?

Много было предложено средствъ къ исправленію этого состоянія дѣла. Но коому мнѣнію, прежде всего должны благонамѣренные и честные жители помогать правительству къ отысканію злодѣевъ и искорененію зла, тогда какъ теперь никто не доноситъ ни на грабежъ, ни на убійство. Даже умирающіе не произносятъ имени своего убійцы и уносятъ въ могилу гибельную тайну. Теперь, если жандармы придутъ въ деревню, недавно опустошенную бандитами, никто изъ жителей не содѣйствуетъ правительству, а шепотомъ, даютъ знать бандитамъ о приходѣ полиціи.

По этому нужно прежде всего издать декреты о всеобщемъ обезоруженіи корсиканцевъ. Во-вторыхъ, назначить сильныя денежныя награды за поимку бандитовъ. Въ-третьихъ, уничтожить бесполезный судъ присяжныхъ, а предоставлять ходъ дѣлъ уголовнымъ и военнымъ судамъ. Наконецъ, для развитія дѣятельности земледѣлія и промышленности, нужно завязаться осушеніемъ болотъ, обработкою запущенныхъ полей и всевозможнымъ поощреніемъ къ улучшенію народной правды.

— Суэцъ и пустыня. (Отрывокъ изъ путешествія Юнгтуна изъ Ливъ въ Европу) 11-го октября 1848 года, въ половинѣ восьмага ввечеру, съ корабля восточные берега Аравійскаго-залива сдѣлались еще отложе, а на западной, египетской сторонѣ усмотрѣли мы послѣдній мысъ, спускающійся въ море. Полчаса спустя, бросили мы якорь въ самой сѣверной части залива и въ самой южной Суэцкаго перешейка. Но отъ города того же имени были мы еще на три англійскія мили разстоянія, потому-что коралловые рифы мѣшаютъ ближе подходить кораблямъ.

Я сѣлъ въ небольшую лодку, съ двумя арабскими гребцами. Море было на нѣсколько миль такъ мелко, что при гудномъ свѣгѣ видно коралловое дно — и я могъ доставать палкою до рифовъ.

Не прежде какъ черезъ часъ достигли мы до берега; но эта

вочь съ 11-го на 12 октября была такъ оригинальна, такъ полна романтическими противоположностями, что никогда не изгладится изъ моей памяти. Лодочникъ мой высадилъ меня у большого двухъ-этажнаго зданія, съ двумя флигелями и съ фасадомъ, обращеннымъ къ морю. По широкой гѣстницѣ вошелъ я въ крытую галерею, выходящую на внутренній дворъ *суэцкаго отеля*, гдѣ все бѣгало и суетилось. Настъ прибыло изъ Остѣ-Индіи до полутора ста пассажировъ; сто шестьдесятъ другихъ, пріѣхавшихъ изъ Европы, уже были тамъ и готовились къ отъѣзду, укладывая чемоданы, зашивая тюки для перенесенія на пароходъ *Бентингъ*, шедшій въ Калькутту. Слѣдственно, кромѣ прислуги отеля, официантовъ, носильщиковъ, лодочниковъ и коммиссіонеровъ, толвилось еще триста путешественниковъ, которыхъ цѣль и желанія были совершенно противоположны, потому-что одна половина ѣхала туда, откуда другая только что прибыла. Притомъ же холера, переставшая свирѣловать въ Каирѣ, начинала похищать въ Суэцѣ ежедневныя жертвы, — и всякій путешественникъ, разумѣется, требовалъ, чтобъ его какъ можно скорѣе отправили отсюда. Полтора ста сѣли на пароходъ, а полтора ста въ Каиръ. Каждая минута промедленія казалась для всѣхъ безвозвратною, опасною потерею.

Какъ ни обширно было зданіе отеля, но первопривышіе европейскіе путешественники заняли почти всѣ комнаты; недоставало служителей, чтобъ разводить нашихъ пассажировъ по оставшимся нумерамъ; надобно было самимъ отыскивать и брать, что находили. Еслибы пассажиры были шайкою разбойниковъ имъ, бы легко было не только совершенно разграбить весь отель, но и городъ Суэцъ.

Расхаживая по коридорамъ зданія, я находилъ много пустыхъ комнатъ, оставленныхъ уже жильцами, отправившимися на пароходъ. Въ некоторыхъ оставлены были даже горѣвшія свѣчи, на столикахъ, у самыхъ занавѣсокъ кроватей; вездѣ былъ живописный беспорядокъ.

Въ общей столовой, въ нижнемъ этажѣ, можно было получить вино, пиво, молоко, кофе, чай, бульонъ, хлѣбъ и такъ далѣе; но здѣсь была такая гѣснота, что всякій бралъ самъ, что ему было нужно, а уставшіе, или больные пассажиры рады были, если добывали себѣ стулъ, чтобъ посидѣть на немъ. На открытомъ воздухѣ, на дворѣ, было очень свѣжо, — и пріѣзжіе изъ Остѣ-Индіи дрожали какъ въ лихорадкѣ.

Въ этомъ же зданіи была контора почтовыхъ отправленій, гдѣ такіе пассажиры, какъ я, то есть ѣдущіе не прямо въ Англію, должны были брать билеты до Александріи. И въ конторѣ была ужаснѣйшая гѣснота; всѣ скамьи заняты пассажирами, отдохавшими, кто сидя, кто лежа.

На дворѣ лежали на пескѣ ящики и товарные тюки въ самомъ дикомъ беспорядкѣ. Впрочемъ, отъ самаго берега вплоть до отеля навалены были груды товаровъ.

Переѣздъ путешественниковъ отсюда чрезъ пустыню производится въ двухъ-колесныхъ экипажахъ, по шести человекъ въ каждомъ. А чтобъ на маленькихъ станціяхъ, лежащихъ на пути, не накопилось слишкомъ много путешественниковъ, отправляются только по четыре

экипажа, каждый разъ съ промежуткомъ отъ полутора до двухъ часовъ, смотря по количеству пассажировъ. Тѣ, которые ѣдутъ прямо въ Англію, имѣютъ преимущество предъ прочими; остальные отправляются по очереди ихъ появленія и записыванія въ суэцкой конторѣ. А какъ я былъ изъ послѣднихъ, то мнѣ и объявили, что я отправлюсь съ поѣздомъ въ четыре часа утра.

Слѣдственно, я могъ бы и уснуть. Но какъ я не могъ достать комнаты съ постелью, а на лавкахъ было очень неудобно, то и предпочелъ, несмотря на ночной холодъ и холеру, провести это время въ прогулкѣ по улицамъ Суэца.

Днемъ здѣсь бываетъ сильный жаръ, когда лучи солнца отражаются съ пылчимаъ пескомъ, или гольими скалами; зато ночью быстро охлаждается бесплодная пустыня. Я очень озябъ и сожалѣлъ, что сверхъ легкой остъ-индской одежды не запасся теплою европейскою. Воздухъ былъ такъ чистъ, что при свѣтѣ луны, даже въ тѣни ясно можно было различать всѣ предметы. Мертвая тишина, царствовавшая по всему городу, производила на меня сильное впечатлѣніе послѣ шума и тѣсоты гостиницы. По набережной и ближайшимъ улицамъ навалены были груды товаровъ, похожія на высокіе холмы. Между ними тихо прохаживались, какъ тѣни, часовые. Все остальное было погружено въ глубокой сонъ.

Подлѣ взгроможденныхъ товаровъ лежали бедуины вмѣстѣ со своими верблюдами, которые сторожили лучше часовыхъ, потому-что при каждомъ прохожемъ повертывали голову и осматривали его.

Я пошелъ бродить по узкимъ улицамъ, между сѣро-грязными домами. Здѣшніе домики плоски сверху, голы и однообразны снаружи, востроены отдѣльно, безъ связи и малѣйшаго плана о правильности улицы, или фасада. Окна, съ вдѣланными въ нихъ желѣзными рѣшетками, придавали этимъ домамъ какой-то таинственный видъ. Иныя улицы такъ узки, что двоимъ трудно разойтись. Дома похожи на песчавые холмы въ пустынѣ, коническо-усѣченной формы, случайно поставленные другъ къ другу, а потомъ уже раздѣленные, для сообщенія, безъ всякаго плана и правильности; только изрѣдка виднѣлось изъ-забора ягвовое дерево; еще рѣже показывалась фигура бедуина изъ за угла, но увидя европейца, сейчасъ же исчезала.

Голыя стѣны домовъ, съ маленькими продушинами, укрѣпленными рѣшетками; внутри четверугольный дворъ, куда выходятъ окна дома; водоемы на этихъ дворахъ, мѣстами минареты мечетей, похожія на цилиндрическія дымовыя трубы европейскихъ фабрикъ, плоскія крыши, — вотъ общая принадлежность восточныхъ городовъ.

Во-время прогулки по этому хаосу, между этой грудой грязныхъ стѣнъ, обоняніе мое удостовѣрило меня, что прилагательное *грязный*, данное всѣми путешественниками городу Суэцу, вполне вѣрно и справедливо, потому-что всякаго рода нечистота лежала грудками по улицамъ, съ прибавленіемъ гнѣющихъ труповъ ословъ, крысъ, собакъ и даже верблюдовъ. Трупъ одного верблюда принудилъ меня даже воротиться, потому-что загораживалъ всю улицу, по которой я шелъ.

Вотъ причина всегдашняго появленія чумы въ этихъ странахъ и быстраго распространенія холеры.

Впрочемъ, чье расположеніе духа настроено романтически, тотъ нашелъ бы много привлекательнаго въ ночныхъ картинахъ путешествія.

О поклажѣ нашей не имѣли мы надобности заботиться. Она тотчасъ же, безъ нашего содѣйствія, отправлена была, по выгрузкѣ съ парохода, на верблюдахъ чрезъ пустыню. Въ экипажахъ не имѣли мы право ничего брать съ собою, кромѣ узелка, который помѣстился бы подъ ногами каждаго. Только по снисходительности моихъ товарищей, могъ я взять съ собою барометръ. Двухъ-колесныя кареты наши снабжены были со всѣхъ сторонъ стеклами, поднимающимися и опускающимися по волѣ каждаго. Каждый пассажиръ сидитъ спиною къ стеклу, то-есть въ каретѣ устроены двѣ боковыя скамьи — и на каждой сидитъ по три человѣка, лицомъ къ лицу. Помѣщеніе вообще очень тѣсно, а какъ каждый старается взять съ собою сколько можно больше поклажи, то отъ этого дѣлается еще тѣснѣе. Дверцы кареты открываются свади, и въ карету влѣзаютъ по приставляемой лѣсенкѣ.

Наконецъ бѣлая часть ночи прошла, и время отъѣзда нашего наступило. Это, кажется, былъ третій транспортъ, состоявшій изъ четырехъ каретъ. Было ровно четыре часа утра 12 октября, когда мы выѣхали изъ пустыннаго Суэца, и окруженные столбами пыли, вѣхали въ степь. Каждая карета была запряжена четырьмя сильными лошадьми, которые бѣгутъ вскачь.

«Мертво и неподвижно простирается пустыня, какъ голая, скалистая оболочка вымершей планеты», — сказалъ Гумбольдтъ, — и эту надпись можно было бы сдѣлать надъ вѣздомъ въ пустыню. Чѣмъ болѣе день разсвѣталъ, тѣмъ видѣніе и ужаснѣе становилась печальная степь. Иногда почва ея состояла изъ сыпучаго песку, въ который колеса наши глубоко уходили, и тогда лошади сильно хрипѣли; иногда этотъ песокъ былъ крупный и перемѣшанный съ мелкимъ камнемъ, иногда изъ одного медкаго камня (это маленькіе округленные обломки валуновъ, величиною до одного фута). По послѣдней почвѣ карета наша быстро катилась, подскакивая иногда фута на полтора вверхъ, когда наѣзжала на большой камень, и неприятно пробуждала дремлющихъ путешественниковъ. Иногда пустыня была совершенно гладка, иногда же водообразна и устлана песчаными холмами, но повсюду дика, безжизненна, безплодна. Ни горсти растительной земли, ни травки, ни капли воды, ни малѣйшаго движенія, ни жизни, все песокъ, все пыль, раскаленный жаръ, однообразіе, утомляющее взоръ безпредѣльностью и наполняющее сердце безнадежностью.

Путешествіе наше отъ Суэца до Каира продолжалось пятнадцать съ половиною часовъ. Вычтя изъ этого три съ половиною на остановки по станціямъ, весь проѣздъ нашъ во сто англійскихъ миль, по прямому направленію отъ востока къ западу, совершенъ былъ въ двѣнадцать часовъ, то-есть по восьми миль въ часъ. Чрезъ каждые пять, шесть миль построены были по всей пустынѣ конюшни для лошадей и

домки стандартныхъ смотрителей, гдѣ переѣзжали лошадей, уже заранѣе приготовленныхъ, со всею сбруею, въ приваду экипажей.

По всей этой дорогѣ устроены воздушныя телеграфы, дающіе глотъ объ отъѣздѣ и приближеніи каждаго транспорта. Эти телеграфы не только учреждены по пустынѣ, но и отъ Каира до Александріи. На трехъ станціяхъ останавливаются для завтрака, обѣда и ужина. Надобно отдать полную справедливость аппетиту англичанъ: они на каждой станціи ѣли и пили съ удивительною исправностію. При отъѣздѣ намъ вездѣ уже все было готово; только прежде чѣмъ садиться за столъ, каждый путешественникъ отмывалъ себѣ, въ особенной общей комнатѣ, лицо и руки, покрытыя слоями пыли, и освѣжалъ пылящую голову. Вездѣ были приготовлены: супъ, рисъ, баранина, куры, картофель, зелень, хлѣбъ и сухари, вино и пиво. Послѣ обѣда подавали кофе, и въ отдѣльныхъ комнатахъ можно было курить. Были особенныя комнаты съ кроватями, для нездоровыхъ и усталыхъ. Всѣ эти станціи содержатся египетскими дамъствиткомъ, на основаніи контракта, заключеннаго ими съ Остъ-Индскою Компаніею, — и надобно признаться, что мы на этихъ станціяхъ лучше пили и ѣли, нежели въ первомъ трактирѣ въ Каирѣ, хотя всѣ припасы и даже вода привозились въ пустыню издалека.

Станціи каменные, одноэтажныя, подъ однимъ фасадъ съ конюшнями, но плоская форма крышъ и здѣсь сохранена. Самая большая станція устроена посрединѣ, гдѣ мы обѣдали. Здѣсь надобно было подняться по лѣстницѣ, и видѣть съ открытой галлерей на всю пустыню величественъ.

Кромѣ остановокъ для переѣзда лошадей, встрѣчали мы мѣстами шедшіе по степи караваны. Направленіе дороги обозначается грудями камней, но ихъ часто заноситъ пескомъ — и горе каравану, сбившемуся съ пути: онъ погибъ. Голые скелеты верблюдовъ, изрѣдка разбросанныя по степи, доказывали, что много путешественниковъ было поглощено пустынею.

Необыкновенное сходство. Недавно Горасъ Верне ходилъ задумавшись по бульварамъ и думалъ о картинѣ, которую назначалъ на выставку и которая должна изображать сраженіе и Императора Наполеона на первомъ планѣ. Вдругъ онъ невольно остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодого человѣка, глядѣвшаго въ окна магазиновъ.

Незнакомецъ былъ въ мундирѣ почтамтскаго служителя, и при немъ ящикъ съ письмами; но лицо его поражало такимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ Наполеономъ, что живописецъ не могъ оторваться отъ него.

Молодой человѣкъ замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ, и думая, что на него могутъ пожаловаться зато, что онъ неисправно исполняетъ свою службу, сказалъ Горасу Верне:

— Я успѣю еще разнести мои письма, ихъ не много.

— Что мнѣ за дѣло до писемъ, отвѣчалъ живописецъ, не помню оправданій молодого почтальона

— Я остановился у оконъ магазина только на минуту, продолжалъ молодой человекъ, а вы могли подумать, что я здѣсь давно, и пожелать моему начальству.

— Полноте, прервалъ его артистъ: мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ занятій и службы. Скажите мнѣ лучше, знаете ли вы, на кого вы похожи?

Можетъ-быть, почтальонъ и зналъ, что онъ живой портретъ Наполеона, но онъ торопился на службу и отвѣчалъ художнику.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вотъ на кого мой другъ, сказалъ Горасъ Верне и всунулъ ему въ руку золотую монету съ изображеніемъ Императора.

Удивленный почтальонъ не зналъ, что ему дѣлать, и пока смотрѣлъ на монету, Верне уже скрылся.

— Знаешь-ли ты, кто говорилъ сейчасъ съ тобою? сказалъ ему одинъ прохожій.

— Нѣтъ.

— Это Горасъ Верне.

— Ну, такъ я найду его.

На другой день, молодой человекъ успѣшилъ разнести письма, не останавливаясь у магазиновъ, а потомъ побѣжалъ въ мастерскую знаменитаго живописца.

— Что вамъ угодно? спросилъ Горасъ Верне.

— Я пришелъ отдать вамъ то, что вы вчера дали мнѣ.

— Я не знаю, о чемъ вы говорите, мой другъ, но очень радъ, что вы пришли; вы мнѣ необходимы. Дайте мнѣ хорошенько разглядѣть васъ и потомъ сидите смирно.

— Что вы хотите дѣлать со мною?

— Я хочу нарисовать вашъ портретъ и помѣстить его въ мою большую картинѣ. Согласны-ли вы?

— Съ удовольствіемъ.

Присшествіе это сдѣлалось извѣстнымъ, и необыкновенное сходство молодого почтальона привлекло къ нему множество любопытныхъ Живописцы и скульпторы наперерывъ дѣлаютъ его изображенія, и въ будущей выставкѣ, вѣроятно, будетъ нѣсколько портретовъ молодого человека, только въ одеждѣ Наполеона Консула или Императора. Ему уговариваютъ даже оставить службу въ почтамтѣ, и дирекція Царя назначаетъ ему большое жалованье, чтобъ онъ занималъ въ военныхъ картинахъ роль Императора.

Роза-Октавіа. Эмиль Рансе былъ въ Блуа, на свадьбѣ у своего старшаго брата, и въ первый разъ встрѣтился тамъ, съ Розой-Октавіею Желіаръ. Нельзя было не замѣтить и не отличить отъ ея подругу это нѣжное, робкое созданіе, для котораго необходима была самая тихая и покойная жизнь, потому-что малѣйшее волненіе или страданіе должи

было, повидимому, убить слабую, нервическую дѣвушку. Цвѣтъ лица ея, обыкновенно блѣдный, покрывался иногда прозрачнымъ румянцемъ, но взглядъ ея большихъ голубыхъ глазъ выражалъ не одну скромность и благородство; въ немъ замѣтна была твердость, которая, можетъ-быть, не имѣла случая выказаться, и которую не подозревала, можетъ-быть, сама Роза. Эмиль Рансе былъ капитаномъ артиллеріи; двадцати семи лѣтъ, онъ только-что вернулся изъ Африки, откуда вывезъ рубецъ на лбу, доказывавшій его участіе въ сраженіяхъ. У него былъ серьезный характеръ, который невольно пріобрѣтается посреди всѣдневныхъ опасностей и страданій.

Праздники по случаю свадьбы Симона Рансе продолжались три недѣли, и потому молодые люди могли не только познакомиться, но даже подружиться. Старшій братъ Эмиля былъ извѣстный адвокатъ, благородный человѣкъ и самый веселый товарищъ. Онъ женился на молодой и хорошенькой вдовѣ, у которой по смерти перваго мужа ея родные хотѣли отнять все имѣніе и начали процессъ, вѣроятно продолжившійся бы нѣсколько лѣтъ; но Симонъ Рансе встрѣтилъ гдѣ-то адвоку и она ему очень понравилась. Онъ взялся хлопотать по ея дѣлу, выигралъ процессъ, и когда отказался отъ платы за свои труды, то хорошенькая вдовушка поняла, что молодой адвокатъ хотѣлъ выиграть свой собственный процессъ; не задумываясь долго, она отдала ему свою маленькую ручку.

Симонъ былъ совершенно счастливъ, и хотѣлъ, чтобъ всѣ его родные и знакомые радовались видѣніемъ съ нимъ. Каждый день онъ выдывалъ для своей жены то балъ, то ужинъ, то гулянье, то серенады, то иллюминаціи; словомъ, онъ старался всѣми средствами доказать свою любовь хорошенькой Клементинѣ и оставить для себя пріятное воспоминаніе въ будущемъ.

Поутру, передъ церемонією, Симонъ представилъ своего брата всѣмъ гостямъ и потомъ Розѣ-Октавіи, лучшей подругѣ его жены. Эмиль поклонился ей холодно, и замѣтилъ только, что она была вся въ бѣломъ. Въ церкви, во-время службы, когда торжественное цѣніе раздавалось подъ сводами, благоуханія курились и солнце, проходя сквозь узкія окна, освѣщало молодыхъ, молившихся тихо и пламенно, Эмиль съ волненіемъ подвигалъ голову, и глаза его встрѣтились съ глазами Розы, полными слезъ.

Когда подписывали свадебный актъ, Эмиль увидѣлъ возлѣ себя стараго полковника, тоже артиллериста, и изъ вѣжливости подалъ ему перо и сказалъ:

— Я подпишусь послѣ васъ, полковникъ.

Но старикъ улыбнулся какъ-то странно и проворчалъ, кусая съѣмые усы:

— Я не пишу.

Эмиль покраснѣлъ отъ смущенія и жалости, потому-что только въ эту минуту замѣтилъ, что артиллеристъ былъ безъ правой руки.

— Извините, полковникъ, я не замѣтилъ... проговорилъ Эмиль съ

такимъ раскаяніемъ, что всякій бы тронулся его невольною ошибкою; но старикъ не сказалъ ни слова и отошелъ отъ него.

Вечеромъ, на балу, Эмиль опять встрѣтился съ полковникомъ, и опять возобновилъ свои извиненія, но старикъ только разсердился, напмурился еще болѣе, и не давъ койчить фразы молодому человѣку, отвернулся отъ него и началъ разговаривать съ какимъ-то франтомъ. Эмиль поблѣднѣлъ отъ досады, и готовъ былъ забыться, но въ эту минуту маленькая ручка повобрачной увлекла его въ другую сторону.

— Что съ вами, братецъ? говорила Клементина. Вы не въ духѣ, вы разстроены, и въ день моей свадьбы...

— Зачѣмъ вы на свадьбу приглашаете такихъ людей, отвѣчалъ артиллеристъ съ досадою, и рассказалъ ей все, что случилось воутру между нимъ и полковникомъ.

— Старикъ хотѣлъ подшутить надъ вами, Эмиль, сказала, смѣясь, молодая женщина. Онъ очень хорошо подписываетъ лѣвой рукой, и когда вы ушли, онъ взялъ перо и подписался.

— За что-же онъ разсердился на меня, что я ему сдѣлалъ?

— Не знаю... Не смотрѣли-ли вы много на его дочь?

— Кто его дочь?

— Моя лучшая подруга, Октавія, которую я люблю какъ сестру и которую... знаете ли братецъ, что я придумала. Отчего вы не посѣдуете примѣру Симона?...

— Полноте шутить, Клементина.

— Я совсѣмъ не шучу! Ахъ, какъ было-бы хорошо, еслибы вы сошлись. Октавія чудная дѣвушка, но отецъ ея терпѣть не можетъ военныхъ, и въ-особенности артиллеристовъ. Замѣтили-ли вы молодого человѣка въ черномъ, съ которымъ онъ разговариваетъ. Это совѣтникъ префектуры и богатый женихъ, котораго онъ назначаетъ своей дочери... но все это ничего, если только вы понравитесь другъ-другу и полюбите.

— Какъ ничего!

— Разумѣется ничего, продолжала новобрачная, взявъ руку Эмиля и садясь съ нимъ на диванъ. Выслушайте меня со вниманіемъ, братецъ. Понимаете-ли вы, отчего артиллерійскій полковникъ ненавидитъ артиллеристовъ? Какое онъ имѣетъ на это право? Развѣ не самъ онъ выбралъ эту службу, гдѣ отличился храбростію и хладнокровіемъ, и когда потерялъ руку въ сраженіи, то купилъ домъ въ Фонтене, гдѣ каждый день слышна стрѣльба въ Венсенѣ. Онъ поклялся, семнадцать лѣтъ тому назадъ, что продастъ тотчасъ-же свой домъ и до-сихъ-поръ не можетъ найти покупателя. Что все это значить? На кладбищѣ Фонтене схоронена его жена, и онъ часто посѣщаетъ ея могилу, потому что любилъ ее страстно; но все-таки онъ также страстно любитъ военную службу и въ-особенности артиллеристовъ. Я разгадала его тайну и передаю ее вамъ. Жена полковника была слабая, робкая женщина. Она любила своего мужа также, какъ и онъ ее, потому-что любовь часто рождается отъ контрастовъ. Геркулесъ прятъ же у ногъ Омфалы. Видя артиллеристъ не подозрѣвалъ и не понималъ, что его карьера была

опасностей, что его походы и сраженія, вѣчный шумъ и стрѣльба могли расстронть здоровье бѣдной женщины и довести ее до гроба. Когда у нихъ родилась дочь, полковникъ закричалъ въ радости: она будетъ женою артиллериста! Но мать Октавіи, чувствуя приближеніе смерти и боясь за жизнь дочери, сказала мужу, отчего она умираетъ, и просила, чтобъ мужъ отдалилъ отъ ребенка все, что расстраиваетъ здоровье и убиваетъ слабыхъ женщинъ. Бѣдный артиллеристъ обѣщаль исполнить желаніе умирающей и воспиталъ дочь свою вдали отъ шума и палбы, такъ что она похожа на существо, которое нуждается въ твердой опорѣ и въ мужѣ военномъ. Не правда-ли братецъ?

— Я совсѣмъ не собираюсь жениться, милая сестрица.

— Это ничего не значить.

— Вы находите?

— Совершенно ничего. Подите танцуйте съ Октавіей.

— Извольте, для васъ.

И Эмиль ангажировалъ молодую дѣвушку на кадрили. Взявъ ее за руку и рассмотрѣвъ ближе правильное личико, освѣщенное невинною улыбкою, онъ почувствовалъ смущеніе; но тотчасъ-же поправился и сжевалъ хладнокровно и твердо:

— Вы знаете, что я братъ новобрачнаго.

— Знаю.

— Я тоже знаю, что вы лучшей другъ Клементины, моей сестры.

— Она говорила вамъ про меня?

— Говорила, и вотъ почему я хочу предупредить васъ. Вы, вѣроятно, знаете прежде меня, что Клементина немного вѣтрена и легкомысленна.

— Немного.... отвѣчала молодая дѣвушка, улыбаясь. Что-же она сказала вамъ про меня?

— Моей сестрицѣ пришла странная мысль сватать насъ.

— Насъ!

И Октавіа, удивленная, строго посмотрѣла на артиллериста.

— Увѣряю васъ, продолжалъ Эмиль, что я не имѣю никакого намѣренія оскорбить васъ. Я знаю, какъ сильно на васъ дѣйствуетъ каждое неожиданное волненіе, и рѣшился лучше объяснитьсь съ вами и предупредить васъ о намѣреніяхъ Клементины, потому-что ничего нѣтъ неспосибѣ и скучнѣе, какъ услуги друзей, которые насильно хотятъ сдѣлать насъ счастливыми, когда мы даже вовсе не знаемъ другъ друга.

— Благодарю васъ, г. Рансе, вы поступили благородно, и я не боюсь уже никакого волненія. Вы очень снисходительны...

— Я не люблю комплиментовъ.

— Я это вижу, отвѣчала Октавіа съ небольшою досадою.

— Вашъ батюшка, кажется, не любитъ военныхъ?

— Я раздѣляю всѣ мнѣнія моего отца, и согласна всегда со всѣми его желаніями, прихотями, даже капризами. Онъ можетъ сдѣлать изъ меня все, что хочетъ. Я умѣю только повиноваться.

— А я хочу имѣть жену съ волей и твердостью. Моя жена должна удерживать родъ моей службы и не бояться ее. Она не должна страдать,

когда я на войнѣ, но должна понимать, что такое слава и честь для военнаго.

— Вы имѣете право требовать всего, что вамъ угодно — отъ вашей жены.

— Стало-быть вы видите, что мы никакъ не можемъ сойтись даже въ мнѣніяхъ.

— Какъ же мы избѣжимъ преслѣдованій и настойчивости Клементины?

— Если вамъ тяжело встрѣчаться со мною, я завтра-же уѣду.

— Нѣтъ, я не могу этого требовать. Вы здѣсь въ своемъ семействѣ, а я съ батюшкой рѣдко выхожу изъ нашего уединенія. Ему скучно въ обществѣ, и я увѣрена, что онъ давно хочетъ домой, но остается для меня. По этому уѣду я — а вы оставайтесь. Прощайте, г. Рансе.

На другой день Клементина удивилась, что Октавія не является, сама поѣхала за ней и привезла ее къ себѣ гостить.

— Успокойтесь, господинъ Рансе, сказала молодая дѣвушка, встрѣти Эмиль: я пріѣхала къ Клементинѣ только на одномъ условіи.

— Какое-же это условіе?

— Я сказала ей, что знаю о ея намѣреніяхъ и просила ее не беспокоиться ни о моей судьбѣ, ни о вашей.

— Благодарю васъ.

Симонъ Рансе и не подозревалъ, что жена его сватаетъ брата Октавіи. Клементина, какъ опытная женщина, даже не намекала о своихъ намѣреніяхъ. Она очень хорошо знала, что мужчины только портятъ или мѣшаютъ, когда возмутся не за свое дѣло.

Началась новая жизнь, полная удовольствій и сюрпризовъ; но молодые, какъ настоящіе влюбленные, часто находили случаи отдаляться отъ общества, чтобъ поговорить о важныхъ дѣлахъ. Эмиль иногда принужденъ былъ оставаться одинъ съ Октавіей, и изъ вѣжливости занимать и развлекать молодую дѣвушку. Всякій день, на гуляньи, въ столовой, въ саду они встрѣчались, и хотя Симонъ и Клементина старались скрывать свою любовь, особенно при нихъ, но они часто замѣчали то страстный взглядъ, то пожатіе руки, то тихій шопотъ, и чувствовали невольное волненіе. Эмиль старался не смотрѣть на блѣдную дѣвушку, напоминавшую ему поэтическую виньетку, а Роза Октавія, оскорбленная холодностью и невниманіемъ артиллериста, обходила съ нимъ гордо и казалась скучною.

Наконецъ, когда истощились всѣ домашнія увеселенія, молодые выдумали взять почтовыхъ лошадей и объѣхать всѣ окрестности. Все общество пошло осматривать какой-то замокъ, и занялось историческими изслѣдованіями; Симонъ съ братомъ вошелъ въ прохладную темную аллею, но не успѣли они сдѣлать десяти шаговъ, какъ ихъ догнала Клементина съ Октавіей, и прежде чѣмъ Эмиль могъ остеречься, онъ уже шелъ возлѣ молодой дѣвушки, а молодые нечаянно отстали и начали о чемъ-то шептаться. Артиллеристъ находился въ затруднительномъ положеніи; онъ слышалъ, что Клементина съ намѣреніемъ удерживаетъ мужа, не зная, что говорить Октавіи, не смѣлъ оглянуться назадъ, и вдругъ

услышалъ свое звукъ пощѣлуя... Эмиль громко кашлянулъ, закусилъ усы, и растерявшись совершенно, сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Сколько выстрѣловъ сдѣлали Французы въ лейпцигскомъ сраженіи?

Вопросъ этотъ былъ разумѣтея странною, но отвѣтъ былъ еще странною, потому-что Октавія, смущенная и взволнованная тѣмъ-же, чѣмъ Эмиль, отвѣчала:

— Двѣсти двадцать тысячъ выстрѣловъ.

— Почему вы это знаете? просилъ артиллеристъ съ удивленіемъ.

— Батюшка командовалъ одной батареею и въ этомъ сраженіи потерялъ руку.

Радуясь, что нашелся предметъ разговора, Эмиль продолжалъ:

— Полковникъ былъ участникомъ въ страшномъ сраженіи. Онъ много перечувствовалъ въ этотъ ужасный день.

— Да, батюшка называетъ эти дни ужасными, потому-что онъ старъ, но вы должны дать имъ другое названіе.

— Какое-же?

— Вы должны называть ихъ *великими днями*. Французовъ было четверо меньше, нежели неприятелей, и если мы потеряли сраженіе, то выиграли уваженіе нашихъ враговъ.

И это говорила молодая, слабая дѣвушка нѣжнымъ голосомъ, иди ровнымъ шагомъ по мягкой травѣ, закутытая въ воздушный шаръ и дрожа отъ волненія.

— Вы правы, отвѣчалъ Эмиль, но мы еще не дошли до этого. Наши враги кабылы боятся насъ, но не думаю, чтобъ они насъ уважали.

— Вы стоите уваженія, прервала Октавія съ нетерпѣніемъ, но вы не перестаете ихъ побѣждать, и это ожесточаетъ ихъ.

— Стало быть вы тоже уважаете нашу молодую армію, моя прекрасная неприятельница, сказалъ Эмиль, подавая руку Октавіи, которая, казалось, устала. Она неохотно оперлась на нее и отвѣчала:

— Я справедлива, и признаю, что вы въ Африкѣ сдѣлали много прекраснаго.

— Вы находите, что мы не совсѣмъ плохіе солдаты?

— Да.

— Но все-таки мы далеки отъ эпопей Имперіи.

— Нисколько. Ваша война въ Африкѣ придаетъ вамъ особенный рыцарскій характеръ. Вы сражаетесь противъ фанатизма и суевѣрія, и побѣждаете всѣ преграды.

— Кажется, ваши теперешнія мысли не могутъ быть внушены вамъ полковникомъ?

— Я не обязана думать совершенно такъ, какъ батюшка.

— Вотъ что...

— Скажите мнѣ, прервала молодая дѣвушка, гдѣ вы были ранены въ голову?

— При осадѣ Константины.

— А! вы тамъ были, сказала она съ смущеніемъ и поглядѣла на Эмиля съ любопытствомъ.

Артиллеристъ тоже почувствовалъ возмѣненіе, и сказалъ тихо:

— Да, я тамъ былъ раненъ.

— Нуда вы убѣжали, Эмиль, Октавіи! закричалъ Симонъ. Подождите насъ.

Эмиль, нехотя остановился. Онъ совершенно забылъ о братѣ и его женѣ, и проворчалъ съ неудовольствіемъ:

— Недостаетъ только, чтобъ Симонъ прочелъ намъ нравоученіе.

Аллея кончалась, и адвокатъ почти бѣжалъ, чтобъ догнать молодыхъ людей. Клементина шла дальше, одна, и была разсержена. Видно было, что она хотѣла удержать мужа, впрочемъ ласками, а потомъ силою, но Симонъ догадался о ея намѣреніи и подбѣжалъ къ брату и Октавіи.

— О чемъ вы такъ жарко разговариваете? спросилъ онъ.

— О войнѣ, отвѣчалъ Эмиль, а вы?

— Чтò тебѣ за дѣло до насъ. Чтò у тебя за фантазія говорить о войнѣ съ Октавіею. Развѣ ты не знаешь, что этотъ ребенокъ бонитса фейерверка и занимается только музыкою и живописью. Послѣ твоихъ рассказовъ бѣдная Октавія не заснетъ всю ночь, и полковникъ будетъ намъ благодаренъ за то, что мы разстроили его дочь. Да и кѣсто-ли говорить о войнѣ, когда передъ нашими глазами величье, цвѣты и стада. Пойдемте со мною, Октавіи; я наберу вамъ огромный букетъ, а ты, Эмиль, возьми мою жену и рассказывай ей про войну; она войметъ тебя.

И адвокатъ увелъ дальше молодую дѣвушку и скрылся на поворотѣ аллеи, а Клементина начала, по обыкновенію, бранить всѣхъ мужчинъ, и особенно мужа.

Молодой артиллеристъ, оставшись одинъ, съ удивленіемъ спросилъ себя:

— Чтò за странное ослѣпаніе эта Октавія! Неужели подъ робкою ея наружностію скрывается твердая, сильная душа, и она изъ любви къ отцу скрываетъ свои достоинства. Бѣдняжка обманывается. Старый солдатъ далъ обѣщаніе женѣ сдѣлать изъ дочери слабую, нѣжную женщину, но онъ страдаетъ. Онъ лучше-бы желалъ, чтобъ Октавія была вся въ него, неустрашимая и твердая, какою должна быть по друга война.

На другой день, какъ и надобно было ожидать, началась война между супругами. Сбирались ѣхать въ Шамборъ, и Клементина хотѣла непременно, чтобы отправились всѣ верхами. Симонъ же настаивалъ ѣхать въ экипажахъ.

— Подумай только, что до Шамбора четыре мили: вы всѣ идете верхомъ, — говорилъ онъ.

— Нисколько, отвѣчала молодая женщина, дорога гладкая, превосходная, и въ экипажахъ ѣхать просто несносно. Мы приѣдемъ цѣлою кавалькадой, какъ придворные Генриха III.

— Хороши вы будете. Нѣтъ, я не позволю этого. Ты очень уставешь.

— Прошу васъ не беспокоиться обо мнѣ.

— Да и Октавіи нельзя ѣхать верхомъ; ты знаешь, какъ она слаба здоровьемъ.

— Октавія лучше меня управляетъ лошадыю

— Но ея отецъ не позволяетъ ей подходить къ лошади, даже къ хромой.

— Зато она у меня скачетъ сколько ей угодно.

— Этого то я и не могу допустить. Притомъ-же я отгадалъ, что вы залумали распорядиться судьбою моего брата, и объявляю вамъ, что не хочу сдѣлать его несчастнымъ. Я хорошо знаю полковника, и прошу васъ не мѣшаться въ это дѣло.

— Давно-ли вы такъ благоразумны? Вы хотите только поссориться со мной, надѣлать мнѣ непріятностей. Извольте! Я обязана васъ слушаться во всемъ; распорядитесь прогулкою, какъ вы хотите, но я объявляю, что не уступлю вамъ и не откажусь отъ своихъ намѣреній выдать Октавію за Эмиля.

Симонъ не обращалъ большаго вниманія на слова. Онъ, какъ адвокатъ, привыкъ выслушивать хладнокровно и не такія рѣчи. И потому онъ спокойно приказалъ закладывать коляску, и самъ спряталъ всѣ дамскія сѣдла.

Во всю дорогу Клементина дулась и не говорила ни слова. Эмиль былъ разсѣянъ, Октавія задумчива. Наконецъ подѣхали къ чудному древнему зданію съ готическими окнами, круглыми башенками и шпилями. При видѣ этого величественнаго зданія, воображеніе населило его тотчасъ-же рыцарями, пажами и блестящею толпою придворныхъ; но наши гуляющіе не были настроены къ поэтическимъ мечтамъ о прошедшемъ, и Клементина сказала даже съ досадою:

— Я не вижу ничего хорошаго въ вашемъ Шамборѣ, для меня гораздо лучше Венсенскій замокъ.

— Я тоже думаю, что Венсенъ лучше, сказала Октавія, не замѣчая хитраго намѣренія молодой женщины.

— У васъ странный вкусъ, сказалъ Эмиль Октавіи.... Я живу въ Венсенѣ, и увѣряю васъ, что онъ очень скученъ.

— Скажи лучше невыносимъ, отвѣчалъ Симонъ. Какъ пріятно каждое утро, вмѣсто обѣдни, слышать пушечные выстрѣлы!... Какая шумная поэзія.

— Вѣдь вы слушаете-же каждый день рѣчи въ судѣ, сказала Клементина, развѣ это не все равно.

— Вы очень любезны.

— Чтожь вамъ нравится въ Венсенѣ? спросилъ Эмиль у Октавіи.

— Разумѣется дубъ Св. Людовика, отвѣчалъ за нее Симонъ.

— Да, я люблю и венсенскій лѣсъ, сказала молодая дѣвушка, замѣчая въ первый разъ, что молодые супруги, кажется, ссорятся и еще изъ-за нее.

— Хорошъ вашъ лѣсъ, продолжалъ Симонъ. Его почти вырубилъ вѣсъ, настроили тамъ трактировъ, провели дороги, и если вы захотите аскать въ немъ удивленія, то встрѣтите только омнибусы, польнеровъ, услышите вездѣ музыку, или звонъ стаянговъ.

— Если его и вѣсъ уничтожатъ, сказала Октавія, то останется все-таки воспоминаніе. Я была съ батюшкой нѣсколько разъ въ Фонтене.

и долго гуляла въ лѣсу. Не знаю, что меня привлекаетъ къ нему. Можетъ-быть то, что тамъ близко могла моей матери.

— Можетъ-быть тамъ бродить тѣнь Мильвуа, замѣтилъ проиически Симонъ.

— Вы очень перемѣнились, сказалъ Эмиль Октавіи: недавно еще вы разсуждали иначе.

— Есть чему удивляться, перебилъ смѣясь адвокатъ, чертя что-то на пыльной плитѣ концемъ палки. Развѣ женщины могутъ быть одинаковы? Ты видѣлъ, что недавно еще г-жа Рансе была добра и любезна со мною, а сегодня она не удостоиваетъ меня ни однимъ взглядомъ.

— Симонъ! Какъ тебѣ не стыдно, закричала молодая женщина со слезами въ голосъ, и подбѣжавъ къ камню, на которомъ мужъ ея извергнулъ знаменитое двустипіе Франциска II:

Souvent femme varie;
Bien fol est qui s'y fie!

она стерла все концемъ своего зонтика.

— Помните, продолжалъ адвокатъ. - Всѣмъ намъ показывали окно въ кабинетѣ, на которомъ король начерталъ эти два стиха. Но стекло чисто и гладко, и всѣ съ удивленіемъ спрашивали: куда же дѣвалась надпись. Теперь я понимаю это, и увѣренъ, что стекло разбила женщина:

— Перестань, Симонъ, прошу тебя, говорила Клементина, подходя къ мужу и подавая ему руку.

Эмиль и Октавія поняли, что они будутъ лишніе при сценѣ примиренія супруговъ и тихо отошли въ сторону.

— Долженъ-ли я думать объ васъ то, что братъ мой написалъ на камнѣ, сказалъ артиллеристъ молодой дѣвушкѣ. Я не понимаю, отчего въ васъ произошла такая перемѣна. Что вы думаете о двустипіи короля Франциска?

— Я думаю, что если женщины заслужили эти стихи, то мужчины еще скорѣе утѣшаются и забываютъ свои клятвы.

Сказавъ это, Октавія покраснѣла и смутилась.

— Вы ошибаетесь, Октавія, отвѣчалъ тихо Эмиль. Я знаю одного человека, который живетъ въ любимомъ вами Венсенѣ и который никогда не утѣшится, если надежды его обмануть. А онъ смѣетъ надѣяться и, кажется, не ошибся въ своемъ выборѣ.

Молодая дѣвушка не знала, какъ скрыть свое волненіе и что отвѣчать Эмилю, который смотрѣлъ на нее такъ пламенно и ожидалъ отвѣта. Къ счастью, въ аллеѣ показались гуляющіе, и Октавія побѣжала къ нимъ.

На другой день она не могла такъ скоро отдѣлаться отъ настойчиваго африканца. Собралось веселое общество осматривать феодальныя развалины вблизи города. Изъ всего зданія осталась только одна башня, съ вершины которой былъ прекрасный видъ на окрестности. Но чтобъ добраться до дверей башни, надобно было перейти черезъ узенькій полуразвалившійся мостикъ, который былъ переброшенъ черезъ канавку. Ни одна женщина не рѣшалась перейти, хотя преданіе говорить о женщинѣ неустрашимой и твердой, которая взяла приступомъ

этотъ замокъ, и первая перешла мостикъ, чтобъ укрѣпить на башнѣ свое знамя. Но та женщина называлась Иоанною д'Аркъ, а наши молодыя дамы и дѣвицы толпились только у мостика и съ ужасомъ смотрѣли, какъ камни, обрываясь, падали въ мутную воду.

Наконецъ Симонъ неожиданно схватилъ Клементину и перенесъ ее на ту сторону. Самые храбрые послѣдовали его примѣру, и все общество разсыпалось въ развалинахъ. У мостика осталась только Октавія; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея Эмиль старался разобрать на камнѣ какую-то старинную надпись.

Между-тѣмъ Клементина съ мужемъ вбѣжала на верхъ башни, и перегнувшись черезъ парапетъ, увидѣла двухъ молодыхъ людей.

— Ступайте сюда, закричала она. Здѣсь видъ удивительный.

— Эмиль, закричалъ адвокатъ, сердясь не на шутку, что ты тамъ разсматриваешь кирпичи. Оставь Октавію одну собирать цвѣты. Что ей за дѣло до Иоанны д'Аркъ и ея завоеваній.

— Вы слышите, что о васъ думаетъ братъ? сказалъ артиллеристъ, подходя къ молодой дѣвушкѣ.

— Это ужасно, отвѣчала она со слезами: онъ почитаетъ меня ребенкомъ.

— Развѣ вы хотите войти на башню.

— Непремѣнно.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать...

— Какъ другіе... какъ Симонъ. Развѣ вы боитесь.

— Можетъ-быть.

— Чего же бояться? всѣ перешли счастливо: я не испугаюсь, увижу васъ, настаивала молодая дѣвушка, не замѣчая волненія и блѣдности Эмиля и желая поскорѣе догнать Клементину, чтобъ только не оставаться одной съ артиллеристомъ.

— Я не могу перенести васъ, повторилъ онъ тихо, и не хочу.

— Оттого что вы боитесь?

— Да! я боюсь... полюбить васъ, Октавія.

Она быстро отвернулась, чтобъ скрыть свое смущеніе, и не отвѣчала.

— Я долженъ былъ предупредить васъ, потому-что чувство, которое другіе считаютъ шуткою, для меня очень важно. Моя откровенность можетъ васъ обидѣть, но я не могу больше скрывать моихъ чувствъ. Теперь, если вы потребуете, чтобъ я васъ перенесъ...

— Чтожъ вы не идете! закричали сверху. Стыдитесь! Ступайте скорѣе.

— Эмиль, кричалъ Симонъ громче всѣхъ, ступай одинъ!..

— Октавія, ты боишься, говорила Клементина, смѣясь.

— Нѣтъ не я боюсь, прошептала молодая дѣвушка со вздохомъ, и посмотрѣвъ на Эмиля, такъ мило и наввно, что тотъ, забывъ обо всемъ, бросился къ ней, схватилъ ее на руки, въ одну минуту перелетѣлъ черезъ мостикъ и поставилъ ее на ступеньку темной гѣстиады. Тутъ она остановилась и прислонилась къ стѣнѣ, чтобы скрыть волненіе, но Октавія молча побѣжала на верхъ и скрылась какъ воздушное видѣніе.

На платформѣ она встала вонкъ Клементина и со вниманіемъ начала разсматривать мѣстоположеніе. Симонъ немного успокоился, Эмиль оставался внизу у входа.

Когда надобно было идти назадъ, Октавія съ намѣреніемъ пропустила всѣхъ впередъ и остановилась у мостика, не замѣчая Эмиля, который хотѣлъ протянуть ей руку. Не думая долго, она ступила на шаткую арку, и спокойно, тихо перешла ее, не измѣняясь въ лицѣ.

— Bravo, Октавія, кричало все общество: какая смѣлость, какое хладнокровіе!

— Вы стали очень храбры, Октавія, сказалъ тихо Эмиль.

— Да, отвѣчала она: не знаю куда дѣвалась моя робость.

— Вамъ вѣрно понравился видъ съ башни?

— Очень, особенно колокольни Орлеана вдали.

— Помилуйте, Октавія, да ихъ не видно отсюда.

Молодая дѣвушка 'покрасила, но не хотѣла больше притворяться и сказала съ благородствомъ:

— Вы замѣтили, что я сдѣлалась смѣла, но что сдѣлалось съ вами, Эмиль; куда дѣвалась ваша храбрость?

— Она перешла къ вамъ, и вы одиѣ можете возвратитъ мнѣ ее.

— Стало-быть и вы тоже переимѣнились послѣ нашего перваго разговора на балу. Помните ли вы его? Но я не могу на васъ сердиться, прибавила она, протягивая ему свою блѣдную ручку и улыбаясь радостно. Возьмите назадъ вашу храбрость, потому-что теперь она будетъ вамъ очень нужна.

— Октавія! Какое счастье!

— До свиданія, Эмиль.

Молодая дѣвушка убѣжала отъ него и цѣлый день занимала дамъ и дѣвицъ общества.

Вечеромъ, вернувшись домой, Эмиль неожиданно вошелъ въ комнату молодыхъ супруговъ, и сказалъ имъ:

— Я влюбленъ въ Октавію; завтра вы должны отправиться къ полковнику Деліару и просить у него согласія на нашъ бракъ. Если онъ откажетъ, я застрѣлюсь.

Симонъ поклонился жонѣ и сказалъ ей иронически:

— Это ваша работа, сударыня. Что вы будете дѣлать?

— Вы завтра отправитесь къ полковнику съ предложеніемъ, отвѣчала она холодно, в. какъ извѣстный адвокатъ, вѣроятно, выиграете дѣло.

— Это не шутка, Клементина. Развѣ ты не видишь отчаянія брата? Развѣ ты не знаешь заранѣе, какой отвѣтъ дастъ полковникъ. О женщины! женщины!

На другой день Клементина и Эмиль ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія Симона отъ стараго полковника, и встрѣтили его вопросомъ, есть ли какая-нибудь надежда?

— Никакой, отвѣчалъ адвокатъ. Полковникъ отвѣчалъ мнѣ .что скорѣе поставитъ дочь свою передъ баттареей, чѣмъ отдастъ за артиллериста.

Клементина заплакала отъ досады, Эмиль, молча, пожалъ руку брату и хотѣлъ уйти.

— Куда ты? останься, сказалъ Симонъ.

— Я не хочу жить безъ нея, отвѣчалъ спокойно артиллеристъ. Прощай.

— Что за безуміе. Погоди; отецъ ея можетъ раздумать: онъ любить дочь...

— Онъ твердъ въ своемъ словѣ и не пережвнитъ его. Ты знаешь это лучше меня. Сама Октавія приучила его къ своему безусловному повиновенію, и не захочетъ огорчить старика. Притомъ же у него готовъ женихъ для дочери, и она выйдетъ за него. Ты видишь, что я не могу жить.

— Погодите, сказала Клементина, отирая слезы. Теперь я пойду хлопотать.

И она накинула шаль, взяла шляпку и ушла. Черезъ полчаса она была уже дома.

— Ну, что сказалъ тебѣ полковникъ? спросилъ Симонъ.

— Я не видала его и не хотѣла съ нимъ говорить. Я пошла къ Октавіи и рассказала ей все.

— Что же она?

— Она сказала: пусть Эмиль убажаетъ и надѣется на меня.

— Я подожду, отвѣчалъ Эмиль.

— Это гораздо лучше... Прощай же, братъ и не отчаивайся.

— До свиданія, Эмиль, прибавила Клементина: надѣйтесь и ждите; я тоже буду хлопотать за васъ.

Время проходило. Эмиль ждалъ и скучалъ въ Венсенѣ. Онъ жилъ только въ ту минуту, когда получалъ письма отъ брата и Клементины, но въ письмахъ не было ничего утѣшительнаго, и молодой артиллеристъ приходилъ въ отчаяніе.

Однажды вечеромъ Эмиль пошелъ гулять, и незамѣтно очутился у Фонтене. Вдругъ онъ замѣтилъ, что навстрѣчу ему идетъ мужчина, такой же задумчивый и грустный, какъ онъ самъ. Онъ подумалъ, что это одинъ изъ его товарищей или начальниковъ, но подойдя ближе увидѣлъ сѣдые усы и пустой правый рукавъ полковника Лелара, и остановился въ недоумѣніи.

Старикъ поклонился молодому человѣку и сказалъ ему сухо.

— Я шелъ къ вамъ, г. Рансе.

— Ко мнѣ, полковникъ! Чему я обязанъ этою честью?

— Мнѣ надобно объясниться съ вами. Моя дочь объявила мнѣ, что не пойдетъ замужъ ни за кого, кромѣ васъ. Въ первый разъ Октавія мнѣ прощворѣчить. Изъ ягненка, она сдѣлалась львицей. Вы подписали мнѣ мою дочь, и я пришелъ требовать отъ васъ удовлетворенія.

— Вы забыли, полковникъ, что никто не согласится принять вашего вызова.

— Не безвокойтесь, г. Рансе, я дѣйствую лѣвой рукой точно также, какъ правой.

— Я знаю, что вы можете подписать даже свадебный контрактъ.

— Вашего я никогда не подишу, потому—что одинъ изъ насъ долженъ умереть.

— Но если я откажусь?

— Я оскорблю васъ публично, и вы должны будете драться со мною.

— Въ такомъ случаѣ, согласенъ, полковникъ. Завтра, послѣ учены стрѣльбы въ цѣль, я къ вашимъ услугамъ.

— Я буду ждать васъ у полигона. До свиданія.

Эмиль вернулся домой, твердо рѣшившись не защищаться и не нападать на отца Октавіи. Его ждало письмо отъ Клементины, въ которомъ она писала: «Приготовьтесь къ грозѣ, братецъ. Можетъ—быть она окончится успѣхомъ. Вчера явился приготовленный статскій женихъ и объяснился съ Октавіею. Она отказала, и когда полковникъ началъ настаивать и сердиться, ваша невѣста объявила твердо свою волю, и сказала, что ничто и никто не заставитъ ее переимѣнить намѣренія. Отецъ уѣхалъ послѣ этого объясненія, и мы думаемъ, что онъ въ Фонтене. Остерегитесь встрѣчи съ нимъ. Мы съ Октавіею ѣдемъ вслѣдъ за письмомъ. До свиданья.»

— Поздно, проговорилъ Эмиль, завтра все кончится.

На слѣдующее утро молодой артиллеристъ присутствовалъ на ученьи, и командовалъ одной батареей. Нѣсколько любопытныхъ смотрѣли на стрѣльбу съ вспянады, но никто не смѣлъ спуститься въ полигонъ, гдѣ поставлены были цѣли; притомъ же со всѣхъ сторонъ стояли часовые, чтобъ не допустить неосторожныхъ.

Эмиль направилъ одну пушку въ цѣль и отодвинулся, скомаандовалъ пали. Какъ вдругъ изъ-за кустовъ вылетѣла на лошади амазонка и встала прямо передъ цѣлью. Раздался крикъ со всѣхъ сторонъ, Эмиль бросился къ пушкѣ, но выстрѣлъ уже грянулъ, амазонка съ лошадей ушла, а цѣль опять отърылась.

Все это произошло въ одно мгновеніе. Всѣ бросились къ мѣсту несчастія. Эмиль прежде всѣхъ вскочилъ на первую попавшуюся лошадь и поскакалъ къ цѣли. Съ другой стороны, несмотря на сопротивленіе часовыхъ, бѣжала женщина и за ней вѣскольکو мужичинъ.

Симонъ, Клементина и Октавія пріѣхали ночью въ Фонтене и узнали о назначенной дуэли. Они начали просить, умолять, плакать, но старикъ былъ твердъ какъ желѣзо, дочь непреклонна.

Поутру они послѣдовали за нимъ въ полигонъ, и когда Октавія увидѣла, что всѣ просьбы бесполезны, то сказала отцу:

— Вы хотѣли видѣть меня передъ батареей. Смотрите же.

И смѣлая амазонка перескочила черезъ рѣшетку и помчалась къ цѣли, на которую была направлена пушка.

Но по счастью, одна лошадь была убита; амазонка встала съ земли блѣдная, но не вредима и сказала съ улыбкой Эмилю, который отъ волненія не могъ проговорить ни слова:

— Вы не вѣрно цѣлите, г. Рансе.

Симонъ поддерживалъ полковника, который плакалъ и съ восторгомъ смотрѣлъ на свою дочь, а Клементина, вида, что никто не будетъ съ нею спорить, соединила руки молодыхъ людей и сказала:

— Я благословляю васъ, дѣти мои.... Чего захочетъ женщина, то навѣрно исполнится.

— А если бы онъ убилъ ее! вскричалъ адвокатъ.

— Развѣ это могло случиться? отвѣчала Клементина, посмотрѣвъ проницески на мужа.

Послѣ такого блистательнаго обрученія, свадьбу не могли откладывать на долго, и полковникъ Леліаръ опять полюбилъ военныхъ и артиллерию.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Неожиданное посѣщеніе. — Гений фельетона и его рѣчь. — Январь и февраль — Извиненіе. — Свадьбы и разговоры о свадьбахъ. — Балы разнаго рода и маскарады — Нынѣшняя мода въ сравненіи съ прошлыми. — Концерты. — Бѣги. — Литература: газеты и «Москвитининъ». — Фактъ изъ жизни Гоголя.

Два ученые друга мои, Готфридъ Мюллеръ и Францъ Куглеръ, изъ коихъ одинъ перенялъ у меня манеру носить шляпу, а съ другимъ я часто прогуливался по Блоксбергу, — когда доходила у насъ рѣчь до послѣдняго параграфа...

...Не могу писать дальше. Моя рука сдѣлалась будто свинцовая и, чувствую, пригвождена къ тому мѣсту на бумагѣ, гдѣ я написалъ слово «параграфъ»...

Что бы это значило?.. Нѣтъ, не могу... Рука окаменѣла... Тьфу, пропасть! Что жъ это такое? Позвать развѣ слугу?

Поднимаю глаза надъ лампою и, вообразите — по ту сторону моего письменнаго стола стоитъ нѣкто совершенно черный, или нѣчто совершенно черное. Всматриваюсь: черный капуцинъ въ черной маскѣ. Но какъ же онъ вошелъ, а я и не слышалъ? А только-что пробило полночь — любимый часъ сверхъестественныхъ явленій. Вдругъ мнѣ становится немножко страшно... Я хотѣлъ бы даже крикнуть...

Но вотъ капущика летитъ на кресло, маска тоже, и передо мною чрезвычайно пріятная фигура бѣлокуроаго молодого человека, очень педурнаго лицомъ, съ маленькими усиками и эспаньолькой, — одѣтаго en manches de chemise, при пестромъ галстухѣ, котораго длиннѣйшіе концы артистически небрежно связаны, какъ-будто нарисованы на батистѣ рубашки, и въ панталоны немножко à la matelotte, которыхъ

большія клѣтки представляютъ самое смѣлое; но исполненное вкуса, соединеніе цвѣтовъ. Волосы неизвѣстнаго бѣгутъ къ плечамъ вольно и граціозно, нѣсколько отпаваясь цвѣтомъ пепла и оканчиваясь натуральными колечками. Глаза его, живые и добрые, смотрятъ на меня пріятливо; на губахъ — улыбочка, въ которой не можетъ таиться ничего дурнаго. Онъ стоитъ, скрестивъ руки, какъ бойкій польскеръ, передъ началомъ фигурной польки, изгнанной изъ свѣтскихъ салоновъ. Но я все-таки не знаю, кто мой посѣтитель. Онъ и самъ догадывается и, не переставая улыбаться, кивнувъ мнѣ раза два головой, какъ-будто укоризненно, начинаетъ такъ:

— Tu quoque... И ты противъ меня!.. Но я и забылъ рекомендоваться. Я геній фельетона, сынъ .. впрочемъ, что до родословной, c'est trop vieux style! Мое отечество Франція, моя резиденція Парижъ, это ты знаешь, я полагаю. Дома я въ последнее время ужасно соскучился; можетъ-быть, ты отчасти догадываешься почему; нынѣшній парижанинъ не то, что вчерашній. Къ тому же, гдѣ мои любимцы? Жюль Жаневъ состарѣлся, Теофиль Готье не ючетъ ничего сочинять, кромѣ балетовъ, которые всѣмъ прискучили; остроумный N, бывший корреспондентъ «Indépendance belge», милый N, котораго я уважалъ больше всѣхъ, куда-то запропастился; чуть ли онъ не въ Тулонѣ; Гино, говорятъ, заводитъ теперь золотошвейню, что, вѣроятно, дастъ ему большіе доходы — да итѣ-то легче ль? Остальные... словомъ, никого нѣтъ изъ моихъ вѣрныхъ. Лондона, ты чувствуешь, я терять не могу: я увѣренъ, я въ первое же воскресенье утопился бы тамъ отъ сплина... Вотъ я и рѣшился взглянуть на вашъ Петербургъ. — Германію, ты понимаешь, я перелетѣлъ сонный и духомъ: она вся въ своихъ картинкахъ и книгахъ; картинки я знаю наизусть, въ книгахъ часто путаюсь, но знакомъ съ ними на столько, чтобы не имѣть особеннаго желанія провести теперь сутки въ Германіи... Куда же дѣваться, какъ не въ Петербургъ? Не въ Испанію же, не въ Италію и не въ Швецію, гдѣ, съ моими привычками и маленькими требованіями, я совершенно бы пропалъ. Но Петербургомъ я очень доволенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя, противъ моего ожиданія, и не могъ подружиться особенно ни съ однимъ изъ фельетонистовъ. Сознаюсь, на нѣкоторыхъ я было рассчитывалъ потому, что они дѣлали прежде. Теперь они все вообще довольно скучны, что я и замѣтилъ каждому изъ нихъ порознь. А почему они скучны? Одинъ берется быть фельетонистомъ, когда ему слѣдовало бы дѣлать все, что угодно, кромѣ фельетоновъ; другой былъ бы, можетъ-быть, хорошимъ учителемъ каллиграфіи; третій разсказываетъ;

что онъ пишетъ изъ какой-то швейцарской хижины, которой онъ и не видалъ; четвертый несетъ чужь объ англійской литературѣ, о которой пишетъ такое же понятіе, какъ о китайской; пятый подбираетъ въ сочиненіяхъ обратій одиѣ орфографическія ошибки и опечатки, и такъ далѣе... Каждому, однако, хочется быть замѣченнымъ — и вотъ начало несчастной методы обмзрачиванія почтеннѣйшей публики, небывающа, двкостей, причина появленія шпірады ссылокъ на какія-то безвѣстныя свидѣтельства, ссылокъ на великихъ людей, съ которыми мы будто-бы были дружны, и на собственныя заслуги, наконецъ, цитать изъ ученѣйшихъ, вовсе не идущихъ къ дѣлу сочиненій, и тому подобнаго — *steerle-chase* безконечный, потому-что одному надо взять перевѣсъ передъ другимъ, чѣмъ бы то ни было. Метода отяудъ не новая, по своему основанію: она та же, которой богъе ста лѣтъ держатся въ Англии и во Франціи торговцы при составленіи афишъ и объявленій, также, во которой сочиняются теперь и у васъ объявленія, начиная отъ нѣкоторыхъ журнальныхъ программъ до посуловъ папирсныхъ-фабрикантовъ... И я долженъ былъ по неволѣ пожалѣть объ этихъ фельетонистахъ. Какъ! въ городѣ жизни все больше и больше, а они все скучнѣе и скучнѣе.. Сію минуту, въ первый разъ прилетѣвъ въ Москву, и, какъ видишь, отираваясь на нѣмецкую масляницу, чтобы хоть минутку взглянуть на московское веселье до поста, забѣгаю къ тебѣ, застаю тебя за твоимъ фельетономъ — и что-же? Ты начинаешь его съ хвастовства въ дружбѣ съ звѣстными историками, которыхъ, какъ я знаю, ты никогда въ глаза не видалъ и съ фразы — до того ни на что не похожей, до того глупой, что я ужъ и не могъ поступить иначе, какъ остановить твою руку насильно... Къ чему все эти штуки!.. Повѣрь мнѣ, оставь пустую претензію поразить: будь простъ и веселъ; говори о томъ, что видѣлъ, слышалъ и читалъ, будто въ кругу добрыхъ пріятелей; задѣвай друга и недруга тонко и учтиво, и безъ желчи; хвали, что тебѣ въ-самомъ-дѣлѣ нравится — и я полюблю тебя отъ души, и все будутъ читать тебя съ удовольствіемъ. Тебя прочли, вѣдь, и забыли: не такъ ли? Чего же ты долженъ добиваться? Чтобы тебя читали отъ строки до строки, и кто-нибудь иногда сказалъ потомъ, что ждешь твоего слѣдующаго фельетона. Вотъ послѣднее слово твоей славы! Пропыняйся же однажды навсегда тою истиною, что въ тысячу разъ пріятнѣе для всякаго имѣть дѣло съ человекомъ, который умно дурачится, нежели съ тѣмъ, кто глупо умничаетъ. А всякое хвастовство противно; я хочу сказать, что *отуманиваніемъ* твоимъ ты никогда и никого не отуманишь: приведи ты цитату изъ Магабараты, неужели ты думаешь, что не догадается всякій,

что ты взял его из французской газеты? На то ты фельетонистъ. Скажи ты, что у тебя пятьсотъ душъ, — кто тебѣ повѣритъ? Ты, вѣдь, фельетонистъ, да еще въ Россіи, гдѣ никто не дастъ тебѣ, сколько я знаю, пятьсотъ франковъ за фельетонъ, какъ даютъ, напримѣръ, Жюль-Жанвону, сверхъ логи во всѣ театры и другія маленькихъ привилегій, которыя у васъ стоятъ довольно большихъ денегъ... И кому нужно знать про Магабарату, кому интересно знать, сколько у тебя душъ или долга, или какъ ты чешешься—по-англійски, или à la мужикъ, во что радишься и что изволишь кушать у Дюссо или у Бореля? И такъ, прими мой дружескій совѣтъ: живи, какъ живется, не мудрствуя, — пиши, какъ будетъ тебѣ думаться, просто, безъ затѣй, какъ бы ты говорилъ. Предоставь пусканіе пыли въ глаза шарлатанамъ, скуку — тѣмъ философамъ, которые только сами себя читаютъ, и тѣмъ критикамъ, которые одни себя почитаютъ, хвастовство всякаго рода — льявамъ тавернъ, всегда парадирующимъ фальшивыми камешками, въ той увѣренности, что ихъ примутъ за настоящие... Однакожъ, прощай. Три четверти перваго. Миѣ пора въ маскераль. Кстати: дай миѣ сигарь. Съ-тѣхъ-поръ, какъ развелись у васъ папирсы съ сюрпризами, можно, я согласенъ, иногда выиграть хорошенькой матеріи на платье, разрѣзку, бинокль и другія недурныя вещицы, но нѣтъ возможности курить папирсы, къ которымъ я было очень привыкъ въ послѣднее время. А сигарь я забылъ взять съ собою.

И увидавъ на моемъ столѣ раскрытую сигарницу, геній фельетона взял ее, захопнулъ, сунулъ въ карманъ панталонъ, накинулъ свою капуцину, надѣлъ маску, нахлобучилъ колшакъ и исчезъ — я долженъ ему отдать справедливость, онъ духъ чрезвычайно благовоспитанный, то-есть, онъ не оставилъ послѣ себя никакого духа, ни сѣрнаго, ни инаго.

Я было вскочилъ и бросился въ прихожую, самъ хорошенько не зная, зачѣмъ. Въ прихожей единственный слуга мой храпѣлъ со всѣмъ усердіемъ челоуѣка, привыкшаго засыпать въ какую угодно пору дня или ночи...

Я воротился къ моему письменному столу, и разсудивъ, что долго размышлять о моемъ неожиданномъ гостѣ и его короткомъ спачѣ не стоить, рѣшился опять приняться за начатое.

И передавъ здѣсь по порядку о посѣщеніи, такъ кстати превращемъ начатую мною выше; черезъ-чуръ рѣшительную фразу, а потомъ и самую рѣчь генія фельетона, я общаюсь всѣми силами, принять къ свѣдѣнію совѣты моего откровеннаго гостя — и продолжаю, или, если угодно, начинаю мой фельетонъ.

Однакожь, еще небольшое отступление, совершенно необходимое. Два послѣднія мои письма опоздали: въ этомъ виновато одно изъ самыхъ скверныхъ свойствъ моей натуры — неакуратность, вѣроятно потонувшая въ безднѣ другихъ, блистательныхъ качествъ, съ которыми я родился на свѣтъ. Но къ дѣлу.

Я расскажу сегодня о январѣ и февралѣ.

...«Ici l'on fait noces et festins». Этою надписью и понынѣ украшающею вывѣски нѣкоторыхъ загородныхъ генкетовъ третьяго разряда— говорятъ парижскій корреспондентъ «Journal de Saint-Petersbourg» въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ — можно какъ нельзя вѣрнѣе охарактеризовать парижскій январь, въ нынѣшнемъ году, по-крайней-мѣрѣ. Точно тѣ же слова олинъ изъ главныхъ девизовъ января мѣсяца въ Москвѣ, какъ въ прежніе годы, такъ и въ этотъ.

Съ первыхъ же дней послѣ Крещенья, въ какого бы разряда гостинной ни случилось вамъ провести вечеръ, только и рѣчей, что о свадьбахъ свершившихся, или о свадьбахъ, имѣющихъ быть на недѣлѣ, въ-теченіе мѣсяца.

— Софья Азъ... вышла за гусарика, какъ бишь его ..

— Какъ! тридцати-двухлѣтняя, косая, кажется, собиравшаяся въ шельничество, Софья Азъ..?

— Она-съ, собственной персоной.

— Ну, не съ чѣмъ поздравить ея избранника.

— А я такъ, поздравляю его: полтораста тысячъ серебромъ, право, такое прилагательное, ради котораго можно забыть существительное, въ-особенности, когда самъ не богатъ и не предвидится ничего въ будущемъ, развѣ наследство съ луны.

— Такъ супругъ-то безъ средствъ?

— То-есть, онъ вездѣ говоритъ, что у него есть бабушка съ многими тысячами душъ и милліонами серебромъ; но бабушка теперь, по несчастію, за границей, и потому не могла прислать безцѣнному звучку надлежащаго свадебнаго подарка. Бабушка, разумѣется, можетъ увереть за границей, не успѣвъ сдѣлать должныхъ распоряженій; имѣніе ея растащутъ на клочки приближенные, серебро испарится ни вѣсть куда, и нашъ наследникъ, чтобы утѣшиться, примется за состояніе своей супруги.

— Вы немилосердны! Но... бѣдная Софья!

— Скажите: глупая Софья; дѣвица которая имѣетъ полтораста тысячъ серебромъ, и выйти за молодаго человѣка, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ черныхъ усиковъ! Вѣдь это все равно, что броситься въ воду!

— А про Сережу Букашу слышали?

— Нѣтъ; что такое?

— Какъ же, послѣ-завтра свадьба. Опъ женится на Надеждѣ Жужу.

— Да вѣдь, она, кажется, въ какого-то петербургда была влюблена?

— Да, тутъ, какъ говорится, цѣлая драма. Во-первыхъ, два отчаянія: отчаяніе добраго молодца и отчаяніе красной дѣвицы; во-вторыхъ, монументальное простодушіе — я не хочу выражаться иначе — этого колпака, которому дѣвушка въ глаза говоритъ: «Я васъ ненавижу, вы мнѣ противны,» — и который все-таки стойтъ на своемъ, тѣмъ болѣе, что справился прежде о согласіи ея дражайшихъ родителей. Они какъ-нибудь болѣе правы по-своему: Букаша достаточно-глупъ, состояніе у него есть, онъ будетъ самымъ подобострастнымъ зятемъ—чего-же больше? Они нашла, что мнѣ нужно....

— Но это что! Буки-азъ-ба-те каковъ?

— А что?

— Какъ-же, помилуй! Женится на Ижиппой...

— Слышалъ.

— И взялъ двѣ тысячи душъ и съ чѣмъ-то милліонъ....

— Вотъ-тутъ и смѣйся надъ полькой!

— А ты думаешь, онъ и въ-самомъ-дѣлѣ выполькировалъ себѣ счастье?

— Счастіе — не знаю, но огромное состояніе это вѣрно.

Такіе разговоры, подчасъ съ нѣкоторыми вариациями, можете услышать гдѣ угодно — между кавалерами. Дамскіе остроуміе, безспорно, но болѣею-частію такъ злы въ подобныхъ случаяхъ, что я и не приведу здѣсь ни одного образчика. Дѣло въ томъ, что куда ни ступите вы въ январѣ, никакъ не обойдется безъ извѣстій, толковъ, споровъ и пересудовъ о казусахъ свадебныхъ. Другаго разговора нѣтъ.

... Баловъ въ январѣ не меньше, чѣмъ свадебъ: балы частные, балы публичные, маскарады, bals costumés.... Модные магазины завалены заказами, оранжереи опустошаются, паенки и мужья крятать, кондитеры въ восторгъ, дочки и жены съ утра страдаютъ мигренями, а ввечеру сирсите у нихъ, что такое мигрень?...

— Средство заставить этихъ гадкихъ мужичиъ сдѣлать по нашему, скажетъ вамъ откровенная кузина.

И, въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ балы не для того даются, чтобы сваденна на балы?... Найдитесь-ка, читатель, опровергнуть эту истину!...

— На маскарады bal costumé у M-me N. — докладываетъ сынокъ своему родителю.

— Слышалъ — отвѣчаетъ родитель.

— Мыѣ надо ѣхать....

— Разумѣется.

— Я буду въ костюмѣ garde française.

— А-а!

— Папа, я хотѣлъ васъ просить.... Надо четыреста цѣлковыхъ...

— Невозможно. Ты самъ знаешь: въ Саратовѣ нынче хлѣбъ не прозаны — управляющій говоритъ: ни-почемъ.

— Какъ-же быть?

— Какъ знаешь.

— Я далъ слово хозяйкѣ. Я въ кадрилѣ.

Входитъ пріятель родителя, тоже родитель.

— Эти маскарады разоренье? — замѣчаетъ вошедшій. — Вообрази, сегодня мой Алексѣй: дай я ему пятьсотъ рублей серебромъ! — вѣдь, это по нашему, говорятъ, тысяча семьсотъ пятьдесятъ. — Нужно ему, изволишь видѣть, какимъ-то малабарцемъ нарядиться....

— Калабрцемъ — прерываетъ сынъ хозяина.

— Ну калабрцемъ: все равно. А я гдѣ возьму? то-и-дѣло нынче проигрываю. Погоди, говорю, денекъ-другой, коли поругируетъ сегодня да завтра, твое счастье; а итъ, не прогнѣвайся.

— А я, такъ баловать не люблю, — отвѣчаетъ родитель-хозяинъ: сказалъ, что не дамъ, и все тутъ.

Второй родитель проигрываетъ два дня кряду, первый остается при своемъ. Приходитъ день bal costumé: одинъ изъ сынковъ подписываетъ заемное письмо въ тысячу цѣлковыхъ, другой — счетецъ въ восемьсотъ. Зато и калабрецъ и garde-française въ условленное время подаютъ руки своимъ дамамъ, которыя, понимается, награждаютъ своихъ кавалеровъ самую очаровательную улыбкою. Ужь будто эта улыбка не стоить какихъ-нибудь тысячи рублей?...

...Я думаю, балы вездѣ болѣе или менѣе схожи между собою. Зала немножко побольше, или немножко поменьше, музыки побольше, или поменьше, хорошій ужинъ, или дурной ужинъ, много цвѣтовъ, или мало цвѣтовъ — какія придумать вариации? Московскіе балы вообще не отличаются ни разнообразіемъ, ни роскошью, ни великолѣпіемъ; сущность въ томъ, чтобъ матацноваться до упада, а объ остальномъ кому какая забота; на лѣво-ли буфетъ, на право-ли, отъ Дубля-ли мороженое, или отъ Жилы, Саксъ-ли играетъ, или Зейденштехеръ?... Люди очень наблюдательные и очень остроумные утверждаютъ, что на

всѣхъ московскихъ балахъ одни и тѣ-же офиціанты и что на всѣхъ — ужинъ начинается съ бульиона, который ведетъ за собою майонезъ, а тамъ стерлядь. Даны безпрестанно, и съ каждымъ днемъ все больше жалуются на недостатокъ въ кавалерахъ, на то, что кавалеры или слишкомъ ужъ молоды, или слишкомъ стары. Въ припадкахъ совершенно справедливаго неудовольствія, нѣкоторые рѣшаются предполагать, что скоро въ Москвѣ придется танцовать съ школьниками. Я обязанъ, по любви моей къ истинѣ, замѣтить, что дѣйствительно въ Москвѣ кавалеровъ, годныхъ для бального употребленія, чрезвычайно мало... Мазурка, издавна и по нынѣ, посвящается остроумнымъ замѣткамъ на счетъ ближняго, которыхъ главнымъ предметомъ служатъ по преимуществу хозяева.

Bals costumés, понимается, тѣ-же балы, съ единственною разницею, что тутъ человѣку предоставляется полная свобода въ употребленіи бѣ-лнзъ и румянъ: мажьтесь и штукатурьтесь, сколько душѣ угодно, никто и замѣчать не будетъ, — между-тѣмъ, какъ на простомъ балѣ, не костюмированномъ, разочтутъ на вѣсы, сколько на васъ искусственной красоты. Не смотря на это, варварскій обычай бѣлнться, румяниться и краситься распространяется спльно и между мужчинами — что, по моему разумѣнію, ни на что не похоже... Но я и самъ хорошо знаю, что прокезцы думаютъ иначе...

Общественные балы и маскарады не представляютъ покуда ничего новаго. Балы, учреждаемые съ благотворительною цѣлю, дѣлаются теперь съ сюрпризами. Я готовъ вѣрить, что благотворительность отъ этого не страдаетъ, но все-таки не могу не сознаться, что щепотные сюрпризы ужасно надоедаютъ, какъ надоелъ нѣкогда «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», въ-послѣдствіи прѣрѣченіе изъ Пилюль: «Странное дѣло! повторившееся въ Москвѣ не только попугаями, но и грудными дѣтьми, — и, наконецъ, Sperrl-polka съ словами изъ «Булочной»... И это, ручаюсь вамъ, не мое личное мнѣніе. Паширосъ, пашипръ, и въ Москвѣ уже итъ безъ сюрпризовъ; за то курить паширосы — оставьте и думать: прошу понимать буквально.

Не знаю, удивитесь-ли вы этому, но вотъ что, конечно, покажется вамъ не совсѣмъ обыкновеннымъ: у насъ въ прошлые два мѣсяца былъ концертъ за концертомъ. Музыкальнѣ-ли сдѣлалась Москва, Петербургъ-ли скорѣе прежняго выбрасываетъ къ намъ то, что находить посредственнымъ, сама-ли посредственность легко убѣждается, что въ Петербургѣ ей теперь дѣлать нечего — только, что негѣля, то въ Москвѣ три четыре съѣзда во имя музыки. Съѣзды, впрочемъ, чрезвычайно нелюбимые. Когда тутъ въ январѣ и февралѣ слушать музыку? — скажетъ вамъ большинство публики.

Кто, однакоже, давалъ у насъ концерты? Г-жа Ниссенъ-Саломонъ, г-жи Погожевы, г. д'Аржаутоуъ, г. Пиццолати, г. Монтиньи, г. Валье, г. Будеусъ, гг. Мальчугины, г-жа Серато, г. Джонъ Томасъ. Большая часть этихъ концертовъ, въ самоновѣйшемъ вкусѣ, съ сюрпризами: вы прѣзжаете слушать музыку, а музыки-то всего меньше, а иногда и вовсе нѣтъ. Это не относится только къ г-жѣ Ниссенъ-Саломонъ, которой я впрочемъ теперь не слышалъ ни разу, потому-что, объявивъ о своихъ музыкальныхъ утрахъ, она не удостоила сказать, гдѣ они будутъ,—къ г. Монтиньи и къ двѣнадцатилѣтней Серато, отъ которой врядъ-ли и дозволено требовать музыки, но за будущее которой я очень опасаюсь, въ-слѣдствіе моего, оправданнаго опытомъ, недобрія къ *маленькимъ чудамъ*. По моему, пренепріятная вещь *эти petits prodiges!*

Но и безъ концертовъ, истекающая зима, въ-особенности вторая ея половина, должна составить эпоху въ хроникѣ Москвы: такъ необычайно скоро и весело прошла эта зима. И если-бы не страшный снѣгъ, выпавшій въ половинѣ февраля въ такомъ количествѣ, какого не запомнятъ и сторожилы,—слишкомъ на недѣлю обратившій ѣзду по городу буквально въ наказаніе, поломавшій тыму экипажей и проч., Москва самымъ незамѣтнымъ и пріятнымъ образомъ дождала бы до масляницы съ ея блинами, балаганами, гуляньемъ подь Новинскимъ и на Лубанской площади, маскарадами, и утреннимъ собраніемъ въ субботу. Къ счастью, въ началѣ масляницы дорога нѣсколько исправилась, и съ перваго-же дня поста опять была такова какъ-бы около Крещенья, да и морозъ-то почти крещенскій.

На увеселеніяхъ масляничныхъ мнѣ останавливаться не для чего; въ нихъ все старое по старому, а новаго очень мало... Черезъ пять лѣтъ, несмотря на то, что нынѣшній разъ опустился до балагана и самъ Раппо съ своею труппою, и должно сказать, очень мало возвысился своими представленіями надъ прочими масляничными гистріонами, афиши и вывѣски балагановъ стоятъ все на прежней степени совершенства и остроумія.

.... Бѣги кончились передъ самой масляницей, начавшись съ половины января.

.... Театры наши за январь и февраль были полны и живы — въ-слѣдствіе благоразумныхъ репертуарныхъ распоряженій, о которыхъ упоминалъ я въ предидущемъ письмѣ и которыя продолжаются. Самыя свѣтлыя точки нашихъ театралныхъ впечатлѣній за эти два мѣсяца игра г. Щенкина въ «Скувомъ рыцарѣ» и новая комедія г. Остревскаго «Не въ свои не садись.»

Говоря объ игрѣ г. Щепкина, по возвращеніи его изъ Петербурга, я позволялъ себѣ замѣтить, что комикъ нашъ старѣется. Слова эти дѣлывало не предубѣжденіе, а самое искреннее убѣжденіе и горячее сочувствіе къ артистической карьерѣ, полной столькихъ успѣховъ. И несмотря на это, и теперь готовъ, право, отказаться отъ некихъ словъ—или предположить, что сценическому художнику, какъ и всякому другому, бываетъ иногда дано вопреки всему, къ чему причаетъ насъ природа, дѣлать чудное,—или, наконецъ, я долженъ допустить, что эта роль *скупого рыцаря*, въ которой г. Щепкинъ былъ выше, нежели во всѣхъ своихъ прежнихъ роляхъ, выше всего, что только можно вообразить себѣ, есть его лебединая пѣсня?... Не знаю, на чемъ порѣшится, но утверждаю смѣло, что одна роль *скупого рыцаря*, исполненная такъ, какъ исполнилъ ее г. Щепкинъ, должна поставить артиста въ рядъ первоклассныхъ европейскихъ знаменитостей, къ какой-бы сценѣ и къ какому-бы времени ни принадлежала ея. И вообще весь «*Скупой рыцарь*», этотъ драгоценный кладъ русской поэзіи, отъ котораго, однакожъ, согласитесь, нельзя было ожидать особеннаго драматическаго эффекта, получилъ самое невѣроятное, самое полное, самое блистательное значеніе на сценѣ, чему, сверхъ г. Щепкина, мы обязаны гг. Степанову и Самарину. Я увѣренъ, что такіа сценическая торжества нигдѣ не повторяются часто.

Пьеса г. Островскаго чрезвычайно важное приобрѣтеніе для нашего репертуара. Не буду рассказывать ея содержанія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она уже дана въ Петербургѣ, слѣдственно сценическое ея достоинство оценится редакціею «*Пантеона*»; во-вторыхъ, она будетъ напечатана въ одной изъ мартовскихъ книжекъ «*Москвитянина*», и тогда я поговорю о ней съ литературной стороны. Комедія «*Не въ свои сани не садись*» поставлена и идетъ здѣсь безукоризненно. Вотъ распредѣленіе ролей: Русаковъ—г. Садовскій; Авдотья Максимовна—г-жа Никулина-Косицкая, или г-жа Никифорова (первая драматичѣе, вторая проще, навѣще, и по моему лучше); Арина Федотовна—г-жа Акимова; Маломаляскій—г. Степановъ (П.); Анна Антоновна—г-жа Сабурова 1-я; Бородинъ—г. Васильевъ; Вихоревъ—г. Шумскій; Баранчевскій—г. Колосовъ. Но пальма за кѣмъ—какъ бы вы думали? за г. Васильевымъ. Дай-то Богъ, чтобъ эта новая роль заставила г. Васильева подумать серьезно обо всей своей будущей сценической дѣятельности, бросить на всегда шаржи и всю методу школы, которая на русскомъ театрѣ существовать не должна, хотя и поддерживаютъ ее эти несчастныя передѣлки нѣкоторыхъ французскихъ водевилей, и въ особенности фарсовъ... Передѣлки!... Я, и самъ не замѣчая, догово-

рился до моего первого слова о нынѣ г. Островскаго, что она чрезвычайна важно пріобрѣтеніе для нашего репертуара, и готовъ повторить это десять разъ: посмотрите, куда дѣнутся мало-по-малу все наши передѣльватели, все непривычные дѣтели сцены; прислушайтесь-ка, что говорятъ о нынѣ и какъ сочувствуютъ картинѣ живой, взятой изъ жизни всею близкой, — картинѣ истинной! Двѣ, три такія вещи въ сезонъ, и мы не успѣемъ оглянуться, какъ многое изъ до-сихъ-поръ увы! нѣющаго право гражданства на нашей сценѣ, мезодрама, народный водевиль, въ которомъ нѣтъ ничего народнаго, все эти «Парики», «Суматохи», «Кутерьмы» и прочія чуждости, навсегда останутся гнить на полкахъ архивовъ. «Не въ свои сани не садись», въ-продолженіе шести недѣль дано здѣсь восемнадцать разъ, и болѣе десяти въ-томъ-числѣ въ Большомъ Театрѣ, который бывалъ постоянно также полонъ, какъ и Малый. Я такого успѣха еще не знаю. Что въ Петербургѣ нельзя ожидать подобнаго, это вѣроятно; но это отнюдь не уменьшаетъ достоинства произведенія, исполннаго чертъ, болѣе понятныхъ въ Москвѣ и которыхъ петербургскимъ артистамъ не передать во всей точности...

Перечислю за снѣгъ все театральныя новости за январь и февраль. Въ первый разъ поставлены: «Дядька въ затруднительномъ положеніи», ком. въ 3 д., передѣланная Н. В. Гоголемъ, изъ буквального перев. L'aio nel imbagazzo, графа Джіовани Джиривда; — «Скупой рыцарь», сцены А. С. Пушкина; — «Не въ свои сани не садись», ком. въ 3 д., А. Н. Островскаго; — «Пиръ у поэта Катулла», сц. изъ римс. быта, Г. Даннлевскаго. — «Тарась Бульба», др. въ 3 д., сюжетъ заимств. изъ повѣсти Гоголя; — «Маскарадъ», сцены, заимств. изъ ком. Лермонтова; — «Комедія безъ названія», ки. Кугушева; — «Горемычная свадьба или возвращеніе съ нижегородской ярмарки», нитерм. въ 1 д., съ пѣніемъ и плясками; — «Лучшая школа — царская служба», народн. драм. пред. въ 4 акт., П. Григорьева 2; — «Эпизодъ изъ жизни Страделла», нитерм. вольными стихами, музыка хоромъ соч. Страделла, — «Ермилъ Павловичъ Костровъ», др. Н. В. Кукольника. Все это, такъ или иначе, уже извѣстно читателямъ «Пантеона». «Костровъ» пользуется здѣсь успѣхомъ весьма двусмысленнымъ, чего и ожидать должно было въ Москвѣ.

О французскомъ театрѣ теперь не спрашивайте. Наше вниманіе почти исключительно сосредоточено на русскомъ, и слава Богу! Даже балетъ теряетъ свое обаяніе, — вещь замѣчательная. По этой части есть, впрочемъ, одна новость — «Стелла или контрабандисты», Сан-Леона.

Замѣтки мои о литературѣ будутъ сегодня коротки и не знаю интересны-ли.

«Московскія вѣдомости», по прежнему печатають фельетоны о Петербургѣ, но «Петербургская жизнь», г. Д. преобразилась въ какіе-то отрывистые «Петербургскіе слухи и новости»; «Городская хроника», еще жива, но зато статей здѣшнихъ профессоровъ, я что-то вовсе не вижу. Г. Родиславскій сообщаетъ о какихъ-то простонародныхъ обрадахъ, будто-бы существующихъ въ Московской губерніи, а между-тѣмъ никому изъ знающихъ Московскую губернію не извѣстныхъ, — Некрологъ В. А. Волларлярскаго объявляетъ, что авторъ «Большой Барыни» преобразовалъ языкъ нашихъ салоновъ (?!) — сколько во всемъ этомъ удивительно страннаго!

Въ четырехъ книжкахъ «Москвитянина» самое интересное два матеріала, не то историческіе, не то литературные: «Исторія о российскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Ордина-Нащокина Аннушкѣ», заимствованная изъ одного сборника прошлаго столѣтія и переданная въ подлинникъ г. Куиріановымъ, и «Записки Современника: часть первая — дневникъ студента». Жаль, что послѣдніи редакціи довольно небрежны; такъ при исчисленіи профессоровъ Московскаго Благороднаго Паисіона есть нѣсколько ошибокъ, которыя даже и я, не современникъ эпохѣ, о которой идетъ рѣчь, въ состояніи исправить. Физику читалъ не Строевъ, а Страховъ; естественное и народное право — Штелцеръ, а Рейсъ читалъ химию: Прокоповичъ-Антонскій, кромѣ натуральной исторіи, читалъ сельское домоводство и всеобщую энциклопедію, которая просто называлась тогда энциклопедія, — каеэдра, которой потомъ, кажется, не было нигдѣ. Жаль также, что вмѣсто именъ, верѣдко получаемъ въ интересныхъ запискахъ лишь начальныя буквы? Когда же будемъ мы имѣть хоть одни полные мемуары, въ родѣ тѣхъ, какихъ такая бездна въ Англіи и въ-особенности во-Франціи?

«Биографія М. Н. Загоскина», г. С. А-ва, прежде всего не биографія, потому-что въ ней всего три четыре черты изъ жизни покойнаго. Отдѣлкою литературной дѣятельности Загоскина тоже статью назвать нельзя: общаго взгляда на эту дѣятельность нѣтъ здѣсь, отношенія между различными произведеніями писателя не установлено, связь достаточно не указана, хотя замѣчанія, высказанныя по поводу каждаго отдѣльнаго произведенія, почти безъ исключенія безпристрастны. Но необъяснимо (и необъяснено биографомъ) положеніе, что «Миромень» есть лучшее произведеніе Загоскина, не исключая и «Юрія Милославскаго». А вотъ этотъ камушекъ въ романѣста, до-сихъ-поръ неизвѣстнаго

равнаго себѣ ни въ какой литературѣ: «герои романовъ Вольтера Скотта ничѣмъ не лучше его (Юрія Милославскаго)». Неужели думаетъ г. С. А-въ, что это комплиментъ Загоскину?..

Что не вѣдѣю я мѣста сегодня распространяться о прочихъ статьяхъ «Москвитянина» — этому, я признаться, очень радъ. Итакъ, мимо критическихъ статей въ извѣстномъ уже жанрѣ, мимо самыхъ наивныхъ демонстрацій, самыхъ трогательныхъ похвалъ г. Иногородному Подписчику, мимо строжайшихъ выговоровъ г. Новому Поэту и «Отечественнымъ Запискамъ», мимо дамской повѣсти «Викторъ», преисполненной громаднѣйшихъ претензій на глубину, злость, остроуміе — и написанной невѣроятно-плохимъ языкомъ; мимо «Русскаго историческаго альбома», оказавшагося напечатаннымъ г-нѣмъ Погодинымъ еще въ 1838 г., теперь переѣвившаго только обертку и противъ прежняго сжавшагося, для подписывающихся на «Москвитянина», на 2 руб. сер., мимо всего этого, остановивши минуту на прекрасныхъ стихотвореніяхъ г. Щербины. Въ первой книжкѣ помѣщено ихъ нѣсколько, подъ общимъ заглавіемъ «Стихотворенія 1852 года». Я выписываю то, которое мнѣ особенно нравится:

САЦФО.

Не могу, о мать родная,
Въ руки взять веретена,
Какъ бывало, распѣвая,
Въ виноградникѣ пряла я,
И пряла я не одна!

Онъ всегда бывалъ со мною.
Онъ готовилъ пряжу мнѣ,
И пушистою щекою
На плечо мое съ мольбою
Прилегалъ наединѣ...

Не могу, моя родная,
Бросить нити въ челнокѣ:
На ковръ изображая,
Какъ царевна Навзиная
Моетъ цурпуръ на рѣкѣ...

Не стучится гость желанный
Въ портикъ сада моего,
Не идетъ онъ, долго жданный...
Мой вѣнокъ благоуханный
Вянеть ночью безъ него.

Я давно съ нимъ не сидѣла,
Вкругъ его я не вилась,

И давно ему не пѣла,
 Какъ бѣтянка Семела
 Сердцемъ Зевсу отдалась.

А теперь я пѣснь пишу
 Одинокая пою,
 Пѣсню грустную такую,
 Что я плачу и тоскую
 Въ ночь безсонную мою.

Гесперь вѣтъ припослѣтъ счастье
 На серебряныхъ лучахъ:
 Яркій пламень сладострастья
 Иль сердечное участие
 Зажигаетъ онъ въ очахъ;

На покой зоветъ въ ложицу
 Встѣхъ и каждаго съ собой,
 Возвращаетъ съ поля жницу
 И кудрявую ягнницу,
 Съ поля влажнаго домой...

Я-жь мечусь по жгловью
 И, мнѣ грезится, звѣзда
 Облялась и свѣтитъ кровью: —
 Я одна съ моей любовью
 Благамъ Геспера чужда;

А его метерѣливо
 Ждетъ соперница моя,
 Но не съ граціей стыдливой,
 Не съ уловкой прихотливой,
 Какъ ждала когда-то я!

Не умѣетъ такъ прекрасно
 Грудь она полураскрыть,
 И подъ ритмъ живой и страстный,
 Какъ привыкла я всечасно,
 Рѣчь восторга говорить.

Въ пляскѣ бѣшено—игривой
 Незнакома тайна ей
 И небрежно и красиво
 Бросить вѣтру для извива
 Складки тунки своей...

... Изъ отдѣльныхъ книгъ, вышедшихъ въ послѣдніе два мѣсяца, стоить упомянуть о второмъ изданіи «Записокъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» г. С. А.—ва. Я говорилъ объ этой книгѣ при ея первомъ изданіи. Книга дѣйствительно прекрасная и интересная для всякаго. Въ описаніи природы г. А.—въ обладаетъ замѣчательною оригинальностью взгляда и таланта, — въ описаніи птицекъ, дичи, звѣрокъ,

ихъ обычаевъ, во всемъ, что касается до ружейной охоты, — видно, что авторъ — дома.

Мнѣ удалось на дняхъ слышать чтеніе отрывковъ изъ «Авторской исповѣди» Гоголя, которая, говорятъ, скоро должна явиться въ печати. Сообщаю изъ нея самый интересный фактъ: Гоголь говоритъ, что первую мысль «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» внушилъ ему Пушкинъ.

Р. С. Сейчасъ только, отправляя письмо въ Редакцію, я долженъ добавить нѣсколько печальныхъ строкъ: «Большаго Театра нашего не стало! Онъ сдѣлался жертвою пламени съ 11-го числа марта. Второй разъ уже это величественное и одно изъ лучшихъ зданій Москвы истребляется пожаромъ. Сцена, при этомъ несчастіи лишилась своего гардероба, библиотекъ драматической и нотной и драгоценнѣйшихъ декораций. Вотъ, что говорятъ объ этомъ пожарѣ «*Вѣдомости Московской Городской Полиціи*».

— 11 марта, въ половинѣ 10 часа утра, съ каланчи Тверскаго Частнаго Дома, усмотрѣвъ сильный дымъ, выходящій изъ зданія Императорскаго Большаго Московскаго Театра, почему тотчасъ же отправилась туда пожарная команда Тверской части, и былъ выкинутъ на каланчѣ сигналъ для сбора пожарныхъ командъ всѣхъ частей города. По прибытіи на мѣсто, найдено, что театръ горитъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всѣмъ направленіямъ внутренности театра, вылетало громадною массою въ окна и крышу онаго, и не смотря на всѣ усилія дѣйствій пожарныхъ командъ, собравшихся на мѣсто пожара, прекратить огонь и даже ослабить его силу не было никакой возможности, и вся внутренность зданія театра, кромѣ боковыхъ залъ въ бельэтажѣ и комнатъ въ нижнемъ этажѣ, въ коихъ помѣщалась контора, касса и буфетъ, къ 2-мъ часамъ по-полудни, сгорѣла; крыша надъ главною залой и подъездомъ прогорѣла и упала внизъ, наружные карнизы все обгорѣли и обрушились.

По изысканію на мѣстѣ, причина пожара еще не открыта; а чрезъ разпросы разныхъ лицъ оказалось: помощникъ машиниста при театрѣ Дмитрій Тимоеевъ объявилъ, что въ 10 часу утра, въ то время, когда производилась на сценѣ работа для вечерняго концерта и представленія живыхъ картинъ, онъ, Тимоеевъ, имѣя надобность въ нѣкоторыхъ инструментахъ, пошелъ въ чуланъ, устроенный на правой сторонѣ сцены, подъ деревянною лѣстницею, ведущею наверхъ, въ женскую уборную, и едва только отворилъ дверь чулана, какъ изъ онаго вылетѣло пламя, обхватило ближайшія декорации и занавѣсъ, и огонь быстро распространился по всѣмъ предметамъ внутренности театра, такъ-что Тимоеевъ, едва успѣвъ нѣсколько разъ закричать, чтобы спасались, вышелъ уже

будучи обожженъ пламенемъ. Отставной уитеръ-офицеръ Дементій Петровъ Казеда, находящійся при театрѣ въ услуженіи, показалъ, что онъ былъ въ это время въ церкви, и возвратясь оттуда въ здание театра, пошелъ къ уборной, гдѣ замѣтилъ суетившихся и бѣгающихъ дѣтей, принадлежащихъ къ театральной школѣ, и увидѣлъ сильный дымъ, выходящій изъ той уборной, почему, потеряя времени, съ помощью служителей театра, вывелъ тѣхъ дѣтей на крыльцо актерскаго подъѣзда, и тѣмъ спасъ ихъ отъ преслѣдовавшаго пламени.

Во-время этого пожара, трое изъ мастеровыхъ театра выскочили въ окно верхняго этажа на крышу, изъ нихъ двое бросились на землю и убились объ мостовую до смерти, а третій, московскій мѣщанинъ Дмитрій Петровъ, остался на крышѣ, съ которой сойти не имѣлъ возможности: лѣстницы такой длины, которая-бы достала до той крыши, не было, и онъ находился въ неизбѣжномъ положеніи погибнуть, или отъ пламени, которое постепенно къ нему приближалось, или послѣдовать за своими товарищами, — броситься на землю; то или другое, но онъ готовился къ смерти, призывая на помощь Всевышняго. Въ это время, крестьянинъ государственныхъ имуществъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ, занимающійся кровельнымъ мастерствомъ и бывшій въ Москвѣ проездомъ въ Петербургъ, выйдя изъ толпы, вызвался спасти погибающаго; ему тотчасъ была подана лѣстница, такой длины, что по ней Маринъ могъ влѣзть только до конечности колонны главнаго подъѣзда; съ нея перелѣзъ онъ на водосточный жолобъ, соединяющій крышу съ колонной, и оттуда на шесть подалъ веревку погибавшему Петрову, который, зацѣпивъ эту веревку за крюкъ, находившійся на подъѣздной крышѣ театра, спустился по ней на жолобъ, и по жолобу на лѣстницу, по которой сошелъ на землю совершенно-невредимымъ. Кромѣ-того, въ грудахъ угля найдены три обгорѣвшіе трупа людей, званіе коихъ еще неизвѣстно. Во время этого пожара пострадали отъ ушибовъ пожарные служители: Иванъ Семеновъ, Иванъ Мѣщановъ, Фалка Балакъ и московской команды мастеровыхъ Военнаго Поселенія каутовистъ Авдѣй Яковлевъ.

Всѣ они отравлены для излеченія въ больницу Городской части.

Сосѣдніе дома отстояли безъ малѣйшаго поврежденія, также, какъ и деревянныя строенія, принадлежащія театру, за исключеніемъ декоративнаго сарая, съ коего, изъ предосторожности, снята была крыша.

Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу всѣ подробности этой печальной катастрофы и краткую исторію этого театра.

Корреспондентъ **КАНТОНА**.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА

Почему мы хвалимъ «Отечественныя Записки», — Слабый статьи послѣднихъ книгъ этого журнала. — Переводъ Илиады для образованной публики. — Какъ объясняются боги и герои у г. Ордынскаго. — Елена Аріянка. — Прощаніе Гектора съ Андромахой. — Шиллеръ, Гомеръ и г. Ордынскій. — *Гостиницы въ древности*. — *Китай въ 1849 и 1850 году*. — *Святки* — г. Михайлова. — *Огненный змѣй* — г. Акѣева и его крестьяне. — *Дина* — г-жи Т. Ч; характеры и событія этого романа. — Девушки должны выходить замужъ не раньше тридцати лѣтъ. — Невыдержанные характеры и невозможныя приключенія. — Какой урокъ можно почерпнуть изъ похождения Нади. — Неровность слога. — Ноябрьская книга «Сына Отечества» и мартовская «Библіотека для Чтенія». — Иногородный Подписчикъ исчезъ изъ этого номера. — Мартовская книга «Современника». — *Набѣги*. — Сухія и незанимательныя статьи. — Стихотворенія. — Пустой человекъ и его сужденія о музыкѣ. — Забѣтки о французскихъ журналахъ по поводу русской журналистики. — Портретъ редактора журнала *le Voleur* въ pendantъ къ портрету редактора *Revue des deux mondes*.

Четыре книги толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ и пятая художавая. — Двѣ книги «Отечественныхъ Записокъ» одна «Современника» одна «Библіотеки для Чтенія», и одна, художавая, «Сына Отечества», вотъ о чемъ должны мы нынче говорить съ читателями. И между тѣмъ бѣсѣда наша будетъ недолга, или, по-крайней-мѣрѣ, весьма не о многихъ статьяхъ этихъ журналовъ придется намъ говорить подробно.

Первое мѣсто «Отечественнымъ Запискамъ». Есть господа, которымъ не нравится, что мы хвалимъ этотъ журналъ; имъ казалось-бы гораздо натуральнѣе, чтобы мы хвалили «Пантеонъ», какъ они выхваляютъ сами свои собственныя произведенія, или изданія, или, по-крайней-мѣрѣ, хвалили-бы такіе журналы, которые, напримѣръ, выходятъ въ нынѣшнемъ году за прошлый Признаемся, что не можемъ слѣдовать въ этомъ

случаѣ примѣру этихъ господъ, не можемъ даже, увы! говорить и объ изданіяхъ, объ которыхъ хорошаго сказать нельзя, а замѣчать промахи лицамъ, увѣреннымъ въ своей непогрѣшимости, было-бы напрасно. Есть литературныя мнѣнія, которыя опровергать также странно, какъ, напримѣръ, сграшно было-бы вооружаться противъ мнѣнія лица, которое хочетъ доказывать, что бѣлое черно, а черное бѣло.

Намъ вообще и всегда гораздо пріятнѣе говорить о хорошемъ, нежели о слабомъ, и мы очень рады, что при разборѣ «Отечественныхъ Записокъ» намъ чаще приходится хвалить, нежели порицать. Думаемъ, что этому одинаково должны бы радоваться лица, которымъ дороги успѣхи русской литературы. Да и могутъ-ли судить о литературѣ тѣ, которые печатно хвалятся тѣмъ, что никогда не читаютъ русскихъ журналовъ, а только изрѣдка заглядываютъ въ нихъ, когда пріатели укажутъ на какую-нибудь статью. Кто-же виноваты, если пріатели этихъ «строгихъ цѣнителей и судей» стараются видѣть въ журналахъ одни слабыя статьи, а въ самыхъ статьяхъ видятъ часто даже то, чего въ нихъ вовсе не было? И зачѣмъ эти цѣнители такъ слѣпо довѣряютъ своимъ пріателямъ? Есть, конечно, и въ журнальномъ дѣлѣ занятія болѣе интересныя, болѣе практическія, положительныя, но намъ кажется, не мѣшало бы иногда заглядывать и въ современную журналистику, тому, кто имѣетъ претензію быть литераторомъ, соблюдающимъ чистоту слога.

Что, напримѣръ, могли-бы мы осудить въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ»? Романъ Самюэля Варрена, *Тажба*, немного растянутый и скучный; неинтересный отвѣтъ г-на Баталіа г-ну Андрееву на его критику Химической Технологіи г-на Ильенкова; нѣсколько незанимательныхъ подробностей, относящихся къ техникѣ мануфактуръ, въ статьѣ, впрочемъ, очень любопытной, г. Небольсина: «Разсказы проѣзжаго о странствованіяхъ по Заволжью, Уралу и Волгѣ» и наконецъ—продолженіе весьма не эстетическаго перевода *Иліады*. Последній трудъ въ-особенности поражаетъ насъ съ каждой новой распослѣдіей совершеннымъ отсутствіемъ изящества, хорошаго слога и языка, которымъ говорятъ въ порядочномъ обществѣ. Новый Поэтъ рекомендуетъ этотъ переводъ любителямъ *веселаго* чтенія. Признаемся, что мы не въ состояніи смѣяться надъ этими богами и героями древности, которыхъ мы привыкли воображать себѣ типами строгой, пластической эллинской красоты, и которые у г-на Ордынскаго объясняются, какъ офѣи, подгулявшіе на праздникъ. Намъ тяжело слышать, когда *Зевесъ* говоритъ Марсу: «А нуте-ка, вы тамъ этакій супостать; или упрямаетъ Юнону въ томъ, что она хочетъ съѣсть сыръ *Пріана* и дѣтей его», а та отвѣчаетъ ему: «Какъ это ты хочешь *напраслыжи*»

наложитъ труды моп; вѣдь непа Кроуъ криворазумный роликъ старѣйшемъ. Повеле Аонны устроить такъ, чтобы трояне первые *аретисано* класть *задыми* Ахеевъ.»

Въ отвѣтъ на очень дѣльные замѣчанія г. Ф., помѣщенныя въ «Москвитянинѣ», касательно невѣрности перевода Иліады, г. Ордынскою говорить между-прочимъ, что онъ переводитъ ее *для образованной публики*. Нежели *образованная публика*,—не говоримъ объясняется такимъ-образомъ, но можетъ находить правильными и изящными такіи фразы и обороты: пообѣтуй Аяаолону, донь Зевеса Добыянца, что вы одурѣли словно неблюю (въ примѣчаніи сказано, что неблюю значитъ по-лодей олень); вѣдь резунья, звѣровьякъ, сыновья Фелона меньшака, чужой чужбинникъ, лукомъ боговъ крушить на Еллинѣ дома винущихъ, поапань вы въ сѣть всехватную, вѣнуть вѣтры; подия на Ахеевъ Афина съ переполохомъ (что это за божество не знаетъ, точно также какими-образомъ на нигъ, но утѣрѣю г. Ордынскаго, были *сбруи* мѣдныя; возияя, что-ли когониюуж на себѣ эти Ахеи неспзвѣстно), въ мыслакъ нигъ быть ему отъ Энея ужожену, (чисто русская фраза); дашь ты нигъ похзальбу, а Анду, коняни славному душу, Геро-матеръ богиня, былъ же при ней безстыдныи Кидѣмъ сопостатства (этого ужъ, вѣроятно, не пойметъ рѣшительно никто), упалъ онъ съ колесницы въ прахъ головою, *на темя илечалм* (какъ это его,—говоря языкомъ г. Ордынскаго,—*угораздмо* такъ упасть—не понимаемъ), велѣлъ Аргеямъ сюда скучиться, спозналъ, что Ахей въ битвѣ царюеть, тутъ-бы *донлли* троянъ Ахеи, *вобрались-бы* трояне до трусости въ Идїи, химера страшно пышала огнемъ валащестымъ. Гекторъ говорить своей матери *доброхотной*: *де* дождоси нигъ вина, честна мать, *обезножишь* меня. Мать эту г. Ордынскій называетъ то Гекабой, то Гекавой,—Гекубой никакъ нельзя, потому-что всё ее такъ называютъ; вѣсто падать ниць, пишетъ падать *мичь*; увлеченный мнимо-народнымъ, сказочнымъ духомъ, рвемуеть даже мѣстами эпитеты, какъ напримѣръ: «двѣнадцать коровъ годовалыхъ, подъ ярмомъ небывалыхъ» или «лютаго воителя, крѣпкаго переполоху устроителя. Крѣпость въ Иліонѣ называется *кремлемъ*, вѣроятно на томъ основаніи, что трояне были славяне; наконецъ, что всего забавнѣе, Елену называетъ *аріанкою*, точно она держалась секты Арія. И между-тѣмъ обороты, противныи духу русскаго языка, странныи, неправильныи по грамматикѣ, продолжаютъ у него псевщрять каждую страницу. Онъ пишетъ: «Сойди Паридъ въ домъ Анда; *избыла-бы* вѣрится нигъ душа моя бѣды перадостной; конь стоялмй; по вѣтеръ разрѣшилъ руки—ноги его (вѣсто убилъ); корабль многозамочный; Зевесъ съ Пды блюдуцій; вражда душу адушая; у Гектора сердце ёкало; *звыи* сыродные

(переводчикъ вѣроятно хотѣлъ сказать мясорядные, потому—что и козы ѣдят сырую траву, и потому могутъ-быть названы сыромятными). Пока было утро и *росъ* день, *дотуда* летали стрѣлы. Убойное мѣсто; *угодилъ* въ грудь у сосца *вознику*; сыпали на нихъ стрѣлы *плачевныя*; Прида *буреная* (ужъ лучше бы *буреная*, чисто простонародное слово, до которыхъ г. Ордынскій такой охотникъ), Атреичъ, кручиною великою *издоленный*; злоба *джитъ* сердца людей. Альціону онъ называетъ, оригинальности ради, Галкіоной; наконецъ, въ известной сценѣ прощанія Гектора съ Андромахой есть у него слѣдующая, совершенно непонятная фраза: «Гекторъ звалъ сына Скамандріемъ, а прочіе Астіанактомъ; а потому звали хитіанактомъ: одинъ Гекторъ оборонялъ Илію.»

Останавливаемся на этой сценѣ, приведа только десятую долю странныхъ выраженій, г. Ордынскаго. Этой сцены намъ болѣе всего жаль. Она такъ хороша въ подлинникѣ. Читая ее, мы вспомнили превосходное стихотвореніе Шиллера, *Hectors Abschied*, которое онъ очень любилъ и нѣсколько разъ переделывалъ. Это, конечно, не переводъ стиховъ Иліады, но въ стихотвореніи Шиллера, внушенномъ знаменитою сценою прощанія, гораздо лучше и яснѣе видѣнъ Гомеръ, чѣмъ въ шероховатой прозѣ г. Ордынскаго. Даже тяжелый, напыщенный стихъ Гнѣдича въ этой сценѣ дѣлается мягокъ и звученъ, начиная со словъ Гектора:

.... Сердца о мнѣ не круши ты безмѣрной печалью
Въ гробъ не сведетъ меня смертный прежде сужденнаго рока.
Рока-жъ избѣгнуть не можетъ, я мыслю, никто земнородный,—
Храбрый то мужъ или робкій,—ему онъ съ рожденья назначенъ.

Новый Поэтъ приводитъ по поводу перевода г. Ордынскаго нѣсколько стиховъ, которые примѣняетъ къ Иліадѣ и говорить:

• Чистѣйшій образецъ безсмертной красоты
Неувядающей Эллады

О! что сдѣлалъ съ тобою г. Ордынскій?!» Советуемъ Новому Поэту прочесть стихи Шиллера, которые получше приводимыхъ имъ и ближе напоминаютъ Гомера. Въ первыхъ изданіяхъ Шиллера, стихотвореніе это начинается такъ:

Will sich Hector ewig von mir scheiden
Wo Achill mit den unährbar'n Händen
Dem Patroclus schrecklich' Opfer bringt?
Wer wird künftig deine Kleine lehren
Speere werfen und die Götter ehren
Wenn der finstre Orkus dich verschlingt?

Не можешь не привести кстати перевода этого стихотворенія, который не былъ еще напечатанъ и хотя не такъ близокъ къ подлиннику, но вѣрно передаетъ духъ его:

Навсегда меня мой Гекторъ покидаетъ!
 Онъ туда, спѣшитъ, гдѣ трязну совершаетъ
 По убитомъ другъ горестной Ахиллъ,
 Кто-жъ защитой будетъ дѣтямъ отъ злодѣевъ,
 Если грозный, кровожадный сынъ Пелеевъ
 Умертвить того, кто больше всѣхъ мнѣ милъ?

— Не рыдай, мой другъ, отри слезу печали!
 Храбрость, силу мнѣ и твердость боги дали,
 И они однѣ спасаютъ Иліонъ.
 Кто умереть, свою отчизну защищая,
 Ждетъ того въ Элизіумъ жизнь благая,
 И изъ смертныхъ всѣхъ счастливѣй будетъ онъ.

— Удержать тебя ни разу ни старалась;
 Если въ бой ты шелъ — въ душѣ я восхищалась,
 Но сегодня вѣщій сонъ страшитъ меня:
 Истребится родъ царя Пріама славный,
 Онъ погибнетъ самъ съ семьей своей державной, —
 Вотъ что видѣла во снѣ и въ грезахъ я.

— Не тревожь себя мечтой пустаго страха,
 Не забудь, мой милый другъ, ты Андромаха!
 Будь достойною подругою мрей.
 Боги Гектора супругу не оставляютъ,
 Люди память въ битвѣ павшаго прославятъ,
 Будетъ помнить міръ меня до позднихъ дней.

— Грусть злодѣйка Андромахи сердце гложетъ.
 Гекторъ мой! меня и смерть твоя тревожитъ
 И что въ Летѣ вся любовь умереть твоя.
 О, возьми меня изъ города съ собою
 Пусть паду на полѣ битвы я съ тобою,
 Пусть въ Андѣ сойду съ героемъ вмѣстѣ я.

— Нѣтъ! одинъ съ врагомъ я иду сражаться!
 Ты должна съ Пріаомомъ горестнымъ остаться,
 Утѣшатъ, когда онъ духомъ упадетъ.
 Шлемъ и щитъ!.. Вдали я слышу шумъ сраженья!
 Въ Летѣ всѣ мои потонутъ помышленья,
 Но любовь моя и въ Летѣ не умереть!

Кромѣ перевода *Иліады* и замѣченныхъ нами выше слабыхъ статей, всѣ остальные въ двухъ послѣднихъ книгахъ «Отечественныхъ Записокъ» чрезвычайно интересны и разнообразны. Таковы изъ серьезныхъ статей: «Географическія извѣстія о древней Россіи», въ которыхъ приведены въ систему всѣ свѣдѣнія, почерпнутыя у иностранныхъ писателей, писавшихъ о географіи Россіи; напрасно только ученый авторъ не переводитъ приводимыхъ имъ латинскихъ цитатъ. Не всякій обязанъ понимать такой латинскій языкъ, *bassa latinitas*, какія писаны напри- мѣръ извѣстія Магдеевля. «Гостиницы въ древности» также прекрасная статья. Замѣтимъ только почтенному автору статьи, что если онъ имѣлъ причины не перевести слова *laeno*, то *avax* можно было бы перевести немножко понятнѣе *анакта*. Переводъ и объясненіе стихотворенія *Трактирщица* очень хороши. Но въ стихахъ Адриана къ Флаору послѣдняго стиха второй строфы:

Calicēs patī rotundos

никакъ нельзя перевести:

И терпѣть отъ крупныхъ мошекъ.

Напрасно также авторъ употребляетъ безо всякой нужды слово *культъ* и еще страннѣйшее *коньектура*.

Статьи: «Китай въ 1848 и 1849 годахъ» и «Дневникъ камерюнкера Берхгольца» интересны въ высшей степени. Въ первой статьѣ встрѣчается только нѣсколько неправильныхъ словъ и выраженій. Если можно сказать *ворожей*, то ни въ какомъ случаѣ не говорится: *охрана* народа, или: пушныя *сѣмьнова* не были хороши, вмѣсто *новыми* не были хороши. Отдѣлъ Иностранной Литературы также очень занимателенъ, въ-особенности Преданія объ Атлалѣ. Новости Наукъ, Искусствъ и Литературы — свѣжи и разнообразны. Критика и Библиографическая Лѣтопись составлены со знаніемъ дѣла и добросовѣстно. Не можемъ не замѣтить только, что въ разборѣ ученыхъ книгъ попадаютъ иногда нѣсколько изысканныя фразы, въ родѣ: «Древній міръ дошелъ до единства подъ римскимъ знаменателемъ»; или «Развитіе въ русской ученой литературѣ будетъ тѣмъ могущественнѣе, тѣмъ явственнѣе будетъ знаменоваться на ней печать науки». «Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ» и «Разказы протѣзжаго» очень любопытны. Шепчемъ только г. Небольсину, что *бихроматъ* по-русски переводится двухромокислая соль, а *кромъ* значить раковинистый известнякъ или фалунъ.

Послѣ серьезныхъ статей обратимся къ отдѣлу словесности. Въ

послѣднихъ являхъ помѣщены три разсказа: *Святки*, М. М. Михайлова, *Огненный змѣй*, М. В. Авдѣева, и окончаніе романа *Дина*, г-жи Т. Ч. Все эти статьи стоить того, чтобы объ нихъ поговорить поподробнѣе.

Святки одинъ изъ самыхъ граціозныхъ разсказовъ, которые намъ случилось читать на русскоя языкѣ. Отъ него вѣетъ поэзіею тихой, деревенской жизни, преданьями временъ и обычаевъ, изглаживающихся съ каждымъ годомъ. Содержаніе разсказа очень просто: десятилѣтній мальчикъ проводитъ святки у старой бабушки; воспитанницы бабушки гадаютъ, слушаютъ сказки и пѣсни, пугаютъ ребенка бѣкою. Мирная жизнь прерывается прїѣздомъ воспитанника бабушки, скромнаго, незатѣйливаго Сашеньки; между нимъ и одной изъ воспитанницъ слаживается даже свадьба, безъ особой любви, но зато и безъ печали; свадьба едва нарушаетъ обычный ходъ этой покойной жизни. Все это разсказывается мальчикомъ просто, гладко, безъ претензій. Но въ этомъ безыскусственномъ разсказѣ есть множество превосходныхъ подробностей, поэтическихъ описаній, и надъ всѣмъ этимъ возвышается граціозная фигура Омишки, героини разсказа. Чтобы познакомить съ нимъ хоть нѣсколько читателей «Пантеона», выпишемъ одну страницу, дающую понятіе о слоgѣ и манерѣ автора:

«....Я какъ теперь вижу Устинью: ея сморщенное, желтое лицо, тусклые глаза, лобъ весь почти завѣшенный прядями сѣдыхъ волосъ, тонкія и блѣдныя губы, всю сгорбленную, тощую фигуру ея, обтянутую узкими сарафаномъ изъ синей крашенныя. Опершись на ладони обѣихъ рукъ подбородкомъ, вперивъ внимательные глаза въ разсказицу, я слушалъ ее, боясь проронить н словечко, и трепетало и замирало мое сердце. Дрова въ печи трещать, сыпя по временамъ на полъ мелкія искры; вѣтеръ гудитъ въ трубѣ и качаетъ въ саду длинныя ели, и ели бьются своими иззябшими вѣтками въ замерзшія, узорчато-лдяныя стекла оконъ; кошка, свернувшись у печки въ комокъ, монотонно мурлычить; веретено прыгаетъ по полу, жужжить и словно лепечетъ что-то, нитка сваятитъ, проходя между худыхъ и сухихъ пальцевъ старухи... и подъ эти звуки, полные какого-то неотразимаго обаянія и таинственной прелести для младенческаго сердца, сказка переплетается со сказкой, не по часамъ а по минутамъ растутъ и вырастаютъ герои давняго, туманнаго времени, и смѣняются одинъ другимъ, въ тихой, ирривной, непрерывно льющейся рѣчи, просто и ясно развивающейся въ чудные эпосы. По временамъ, когда приходится выразить въ сказаніи чью-нибудь мольбу, чей-нибудь плачь, грусть неволи, память старой свободы, или безвыходное отчаяніе погибели, старуха уже не говоритъ,

а тихо, заунывно напѣваетъ, и этотъ разбитый голосъ, помѣшій иѣрную тоническую рѣчь, охватываетъ всего меня тревогой. Словно вижу я, какъ несется могучій конь съ могучимъ всадникомъ, застилая хвостомъ поля, пропуская рѣки между копытъ, облака ходячія недвижны надъ нимъ, лѣса стоячіе назадъ уходятъ... какъ лежитъ удалой богатырь на сырой землѣ, припалъ къ ней ухомъ и слышитъ погоню за собой; и плачетъ царевна сидя въ сѣдлѣ, и молить своего друга помочь горю; и нѣтъ уже ни богатыря, ни царевны, ни коня, а стоитъ либо церковь съ колокольней, да со старымъ чернецомъ, либо избушка съ колодеземъ да съ дровосѣкомъ... какъ въ дремучемъ, непроглядномъ лѣсу разбойники добычу дѣлаютъ, рѣжутъ по локоть бѣлую руку у красной дѣвицы, бражничаютъ и поютъ буйныя пѣсни, или идутъ на кровавый пиръ съ кистенями, да съ ножами... какъ сидитъ въ темной избушкѣ царевичъ, что царевну свою выручаетъ, и ждетъ часу ночнаго; и вотъ летитъ къ избушкѣ двѣнадцати-главый змій, летитъ змій и пышетъ пламенемъ изъ двѣнадцати гортаней; да не робокъ царевичъ и востеръ у него ножъ и душа его вольная праведна... Умолкаетъ веретено, умолкаетъ говоръ старухи, только дрова по прежнему трещать, да вѣтеръ гудеть. Но вотъ Устинья почесала у себя за ухомъ веретенномъ, прицѣпила на гребень новую мочку, и опять начинаетъ праять свою пражу и рассказывать о томъ, какъ тросточка лѣсная поетъ надъ могилкой человѣчьимъ голосомъ о сестрѣ, загубленной сестрою за золотое монисто, да за перышко фениста... о томъ, какъ Иванушка не послушался сестрицы своей Алѣнушки, напился водицы изъ лужицы и сдѣлался козелкомъ, сгубилъ и себя, и сестру... какъ потомъ плачетъ онъ и кличетъ сестрицу со дна рѣчнаго: хотятъ его козла колоть, блестятъ ножи булатные, шипятъ котлы кипучіе; и на мгновенье выглядываетъ изъ водъ головка утопленницы и грустной пѣсенкой отвѣчаетъ дорогому брату:

• Иванушка, родименькой!
 Не выплыть мнѣ, не вынырнуть:
 Горючъ камень ко дну тянетъ,
 Люта змѣя сердце сосеть. •

И впереди всѣхъ этихъ мнѣческихъ образовъ, обступающихъ меня при воспоминаши объ Устиньѣ — птичницѣ, является мнѣ она сама, какъ одно изъ чудныхъ видѣній туманнаго сказочнаго міра.»

Единственный недостатокъ этого разказа состоитъ въ томъ, что онъ явился послѣ *Исторіи моего дѣтства* и напоминаетъ немного этотъ разказъ, лучшій изъ помѣщенныхъ въ «Современникѣ» промѣла

года. *Огненный змѣй*, г. Авдѣва также рассказываетъ одно изъ преданій старины. Содержаніе разсказа тоже немногосложно, и все заключается; въ эпиграфъ: «По небесью летитъ онъ, злодѣй, шаромъ огненнымъ по землѣ разсыпается горячимъ огнемъ, въ теремъ красной дѣвицы становится молодымъ молодцомъ несказанной красоты. Сушить, знобить онъ красну дѣвицу до истомы». Но какъ написанъ этотъ разсказъ, какъ хороши въ немъ крестьяне и ихъ бытъ, какую настоящую русью вѣетъ отъ него, какъ безукоризненно вѣрны и занимательны всѣ подробности, всѣ сцены и характеры этого разсказа, — все это нельзя пересказать словами, а для того, чтобы познакомить читателей съ разсказомъ, надобно было-бы привести его весь, цѣликомъ, что, конечно невозможно. Мы думали было, что лучше господина Григоровича нельзя изобразить нашихъ крестьянъ и деревенскій бытъ, но г. Авдѣвъ сталъ въ этомъ отношеніи выше Григоровича; у послѣдняго крестьяне иногда идеализированы; у г. Авдѣва они совершенно вѣрны дѣйствительности. Намъ не нравится только начало повѣсти, составляющее введене: оно слишкомъ фельетонно для такого прекраснаго разсказа.

Въ третьей книгѣ конченъ также романъ *Дина*. Разскажемъ подробно содержаніе этого страннаго произведенія.

Въ одномъ уѣздномъ городкѣ умираетъ не богатый человекъ. У него остается жена Клавдія Николаевна и четверо дѣтей: Павелъ, Варинька, Надя и Миша. Старшую дочь, Варю, беретъ къ себѣ на воспитаніе старая графиня, бывшая подруга Клавдіи Николаевны; младшую дочь, Надю, бѣдная гувернантка, которая хочетъ передать со временемъ свои обязанности молодой дѣвушкѣ. Павелъ поступаетъ въ медицинскую академію, и дѣлается докторомъ. Мишеля отдають въ академію художествъ. Всѣ дѣти Клавдіи Николаевны, разбросанные slučajемъ въ разныя стороны и по разнымъ дорогамъ, обѣщаютъ собираться у нея по вторникамъ, всякій разъ, когда имъ позволятъ обстоятельства. Это составляетъ прологъ романа.

Самый романъ начинается описаніемъ жизни Вареньки и графини Сары. Въ Москвѣ, въ домѣ графини живутъ еще два ея воспитанника, дальніе родственники, Радудкій, свѣтскій, вѣтренный человекъ, и Васильевъ, чачоточный, благородный, образованный, съ сильными чувствами, твердымъ характеромъ. Молодые люди оба любятъ Вареньку; но одинъ отъ нечего дѣлать, изъ каприза, по тщеславію, другой искренно и глубоко. Дѣвушка не привязана особенно ни къ кому изъ нихъ. Сердце говоритъ ей, что любовь Васильева истиннѣе и можетъ составить ея счастье, но у Вареньки слабій, нерѣшительный характеръ. Радудкій дѣйствуетъ лучше, какъ человекъ опытный; эта *partia* гораздо

лучше для Вареньки, и она выходитъ замужъ за Радуцкаго, хотя прежде почти дала слово Васильеву. По поводу этого брака авторъ говоритъ:

«Справедливость требуетъ сказать, что мало женщинъ, которыя-бы взглянули съ серьезной стороны на бракъ.... Вина не въ натурѣ ихъ, а въ раннемъ замужствѣ и въ недостаточности воспитанія. Въдѣ дѣтямъ доступна только виѣшность предметовъ, а женщины тѣже дѣти. На много-ли женщины ушли отъ дѣтей въ своихъ заключеніяхъ? Шаткость сужденій и недостаточность ихъ, а главное, неправильность возрѣтій, имѣютъ вліяніе на всю жизнь женщины. Уму женскому доступна виѣшность предметовъ, и виѣшняя жизнь падаетъ у нихъ правильную оцѣнку. Поэтому и бракъ разсматривается ими съ виѣшной стороны. Бракъ никакъ не можетъ быть цѣлью жизни въ раннюю пору молодости; онъ кажется тогда одною только изъ тѣхъ ступеней, по которымъ должна пробѣгать нарядная жизнь.... Несчастія большей части женщинъ въ нихъ же лежатъ взглядъ на жизнь и въ ранневременомъ замужствѣ.»

Вскорѣ послѣ брака, у Клавдіи Николаевны въ первый вторникъ сходятся ея дѣти: молодой докторъ, Варинька Радуцкая и Надинька, живущая у бѣдной гувернантки и прагетовляющаяся занять ея мѣсто. Съ перваго появленія младшей сестры въ домъ ея матери видно, что Надя будетъ героиннею романа. Она выказываетъ чрезвычайно твердой характеръ и недовольна даже тѣмъ, что ея мать сдѣлала небольшое отступленіе отъ своихъ привычекъ и купила какихъ-то особенныхъ сухариковъ для старшей дочери. Эта черта не доказываетъ-ли уже черезъ-чуръ строгаго нуританизма. Кто слишкомъ твердъ, тотъ не слишкомъ сильно чувствуетъ. Мягкое сердце глубже принимаетъ впечатлѣнія и долѣе хранитъ ихъ. Замужняя сестра предлагаетъ потомъ Надѣ жить у нея. Надя отвѣчаетъ, что хочетъ имѣть свой кусокъ хлѣба, какъ-будто она не обязана всѣмъ своей гувернанткѣ, какъ-будто ей стыднѣе жить у сестры и быть обязанной ей, чѣмъ — постороннему лицу. За этимъ вторникомъ наступаютъ другіе, но Радуцкіи являются на нихъ уже рѣже и вотомъ уѣзжаетъ въ Москву. Эта часть, включающая въ себя мастерское описаніе жизни у графини Сары, — окачивается описаніемъ визитовъ доктора къ своимъ больнымъ — главой прекрасной, но совершенно эпизодической и вовсе не нужной для хода романа, кромѣ послѣдней сцены — однакоже, въ которой читатель знакомится съ Софьей Петровной, женою Константина Васильевича, очень странной жепщиной, чрезвычайно нервической, почти визионеркой, любившей нѣкогда скрипача Лейзера, привлекаемаго ея къ себѣ магнетическо-симпатическою силою. Докторъ лечитъ эту больную съ особеннымъ усердіемъ и сильно къ ней привязанъ.

Вторая часть начинается главою: *странные люди и странная бо-*

лѣзь; слѣдовало-бы прибавить и странная глава. Въ ней описываются магнетическія узы, соединившія Софью Петровну и Лейзера. «Есть что-то родное для Софьи Петровны, — говоритъ авторъ, въ струнахъ его скрипки; онѣ выются подъ томной ручкой такими же золотыми кольцами, какъ ея волосы, и ей вдругъ иногда покажется, что это не струны, а волосы ея, натянутые крѣпко, дрожать подъ чародѣйными звуками. Ходить смычкомъ по золотымъ струнамъ, и ходить сладостный трепеть по золотымъ волосамъ Софьи». Далѣе описывается концертъ въ уѣздномъ герольдѣ, на которомъ Софья Петровна, по сродству душъ, узнаетъ, что Лейзеръ въ эту минуту умеръ въ Петербургѣ; ей, разужьется, дѣлается дурно; болѣзнь ея усиливается и докторъ везетъ ее въ Крымъ, подышать теплымъ воздухомъ. Въ этомъ же концертѣ поетъ Надя. Ее слышитъ одинъ меломанъ и музыкантъ, Модлицскій, приходитъ въ восторгъ отъ ея голоса и уговариваетъ ее ѣхать съ нимъ въ Италію, въ качествѣ компаньонки при его женѣ, для того, чтобы довершить музыкальное образованіе и сдѣлаться знаменитой пѣвицей. Надя соглашается ѣхать, несмотря на свою гѣрдость, и прощаясь съ Васильевымъ, чувствуетъ, что любитъ его. По-крайней-мѣрѣ въ этомъ увѣряетъ авторъ; мы не видимъ ничего, что-бы доказывало эту любовь. Между-тѣмъ, докторъ ѣдетъ въ Крымъ со своей пациенткой. Мужъ ея беретъ съ него слово, что онъ привезетъ ее назадъ живую, или мертвую. Слѣдуетъ прекрасное описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей Крыма; въ одной изъ нихъ больная умираетъ, и докторъ привозитъ ея тѣло къ мужу. И мужъ, и докторъ, и больная, и вся эта часть романа очень странна и мало интересна.

Третья часть начинается описаніемъ вечера у госпожи Фаваръ. Несмотря на имя французской актрисы, извѣстной своими пьесами, мы въ Россіи, и авторъ описываетъ нѣсколько лицъ тогдашняго общества. Это описаніе вершъ совершенства! Все лица, являющіяся на этомъ вечерѣ, очерчены такъ вѣрно, остроумно, что ихъ, кажется, видишь передъ собою. На вечерѣ мы встрѣчаемся съ Радуцкини, которые уже давно разошлись, и знакомятся съ новымъ лицомъ — Максоъ де Вальеръ, ухаживающимъ за Радуцкой и потомъ даже компрометирующимъ ее. Эта холодная, эгоистическая фигура также нарисована кистью мастера. Потомъ мы переносимся къ доктору. Онъ лечитъ Васильева также безуспѣшно, какъ лечилъ Софью Петровну. Васильевъ получаетъ письмо изъ-за границы, отъ Нади. Она узнала, что онъ очень болѣнъ и предлагаетъ вернуться, чтобы ухаживать за нимъ. Это единственное мѣсто романа, изъ котораго можно заключить, что Надя любитъ Васильева; но доказываетъ ли еще и этотъ поступокъ ея любовь? Письмо ея слишкомъ риторично; въ немъ

больше говорится о роднѣ, о жадѣ видѣть своихъ родныхъ. Вотъ для прѣзѣра одна фраза изъ письма: «Преде мною встаетъ страшнѣйшее разстоянїе; эта адская сила—чувство дави гнететъ меня, давить, со-сетъ сердце виѣстѣ съ тоскою по роднѣ, которую я такъ усердно *слушу* своей безконечной дѣятельностью». И потомъ, зная Васильева, Надя могла быть увѣрена, что онъ не потребуеъ ея возвращенїа, не имѣя на то никакого права и не желая связать судьбу молодой дѣвушки съ судьбою умирающаго. Еслибы она точно любила его, то могла бы прѣзхать, а не писать письма, которое не должно было повести ровно ни къ чему.

Слѣдующая глава переноситъ насъ въ Италию. Надя поетъ партїи примадонны во всѣхъ лучшихъ операхъ, и приводитъ всѣхъ въ восторгъ подъ именемъ сибьоры *Дины*. Ее преслѣдуютъ въ одно и тоже время своею любовью—учитель ея—Модлинскїй и Максъ де-Вильеръ; перваго она отвергаетъ съ презрѣнїемъ, втораго не прочь бы полюбить, но узнаеъ о его прошедшемъ и также отвергаетъ. Потомъ, наскучивъ славою и успѣхами, оставляетъ сцену и возвращается въ Россїю.

Въ слѣдующей главѣ мы опять въ уздномъ городкѣ, на вторникѣ у Клавдїи Николаевны. Радуцкая, оставившая свѣтъ и оставленная свѣтомъ, живетъ у матери. Надя также; она учитъ дѣтей сестры. Миша уже кончилъ академическїй курсъ и сдѣлался скульпторомъ; онъ живетъ тутъ же. Прѣзжаетъ новое лицо—жена старшаго брата, доктора. Какъ и зачѣмъ женился докторъ—и въ добавокъ еще на совершенно пустой женщицѣ—онъ, который, зналъ людей и могъ, кажется, сдѣлать хорошїй выборъ, — все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Встрѣнная докторша уговариваетъ Радуцкую ѣхать въ маскарадъ, гдѣ будетъ одинъ прѣзжїй иностранецъ, Максъ де Вильеръ,—тоже неизвѣстно, какъ попавшїй въ этотъ городъ. Всѣ женщины ѣдутъ въ маскарадъ; Надя послѣ и тайно отъ другихъ. Тамъ докторша и Радуцкая берутъ обѣ разомъ подъ руки Макса; Радуцкая обѣщаетъ ему все простить и забыть, докторша сильно любезничаетъ съ нимъ. Вдругъ Надя вдали снимаетъ маску; онъ бросается къ ней; она увертывается, потомъ опять подходитъ къ нему въ маскѣ, заставляетъ проводить себя, посадить въ карету, и снявъ еще разъ маску, въ то время, когда карета ѣзжаетъ, кричитъ ему: Прощай, ницъ меня, Максъ! Рѣшительно не понимаемъ цѣли этой странной, ни къ чему не ведущей сцены, самой слабой въ романѣ. Что-же было бы, еслибы Максъ догадался побѣжать за каретою, вскочить на запятки и узнать, гдѣ живетъ Дина,—что очень легко можно было сдѣлать?

Слѣдующая за тѣмъ глава происходить въ Лейпцигѣ. Надя живетъ

тамъ съ своимъ меньшимъ братомъ Мишедемъ, котораго повезла за границу для того, чтобы онъ усовершенствовался въ скульптурѣ. Молодой художникъ приготовилъ для выставки во Флоренціи статую Полимии и оканчиваетъ другую—Сафо. Въ этой работѣ помогаетъ ему Надя, вместе съ тѣмъ занимающаяся также и живописью. Геронии старыхъ романовъ бывали всегда совершенствомъ во всѣхъ родахъ и отличались во всѣхъ искусствахъ. Надѣ уже двадцать-восемь лѣтъ, — ни больше, ни меньше, какъ говоритъ авторъ, что мы принимаемъ къ свѣдѣнію, Ее любитъ весьма разсудительный и положительный молодой человекъ Стабеньевъ, сосѣдъ ея. Она его, кажется, также любитъ, хотя любовь эта немножко странна и очень спокойна; впрочемъ, можетъ-быть, въ двадцать восемь лѣтъ дѣвушки любятъ именно такимъ образомъ. Намъ не двадцать-восемь лѣтъ и мы не дѣвушка, и потому судить объ этомъ не можемъ. Какой-то любитель предлагаетъ Мишею свезти его статую во Флоренцію на выставку. Художникъ соглашается и отпускаетъ безъ себя и съ незнакомымъ человекомъ свою статую, что также весьма не правдоподобно. Носильщики, по неосторожности, разбиваютъ статую; молодой человекъ умираетъ съ горя. Дина уѣзжаетъ въ Россію. Слѣдуетъ эпилогъ, изъ котораго мы узнаемъ, что Клавдія Николаевна умерла, что въ ея домикѣ живутъ мирно и спокойно обѣ сестры, и что къ нимъ часто прѣзжаетъ Стабеньевъ, женихъ Дины, которая, если считать все время, отъ ея пребыванія въ Лейпцигѣ, смерти брата и матери до замужства, должна выдти замужъ на тридцать первомъ или на тридцать второмъ году. Ранній бракъ можетъ иногда составить несчастье женщины, но мы не думаемъ, чтобы было необходимо дожидаться, пока пойдетъ за тридцать — для совершеннаго счастья въ замужствѣ.

Мы представили самый подробный отчетъ о содержаніи *Дины* и если въ концѣ отступили нѣсколько отъ серьезнаго тона разсказа, то потому, что конецъ очень слабъ и далеко не соответствуетъ началу романа. Что хотѣлъ сказать авторъ этого произведенія? Какая цѣль его? Для чего онъ придалъ такой характеръ героинѣ, заставилъ ее участвовать въ столькихъ странныхъ происшествіяхъ? Вотъ вопросы, за которые врядъ ли будетъ въ состояніи отвѣчать авторъ *Дины*. Что въ немъ видно дарованіе, въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться; но на что потрачено это дарованіе, къ чему вели всѣ эти сцены, изъ которыхъ большая половина прекрасны и занимательны и тѣмъ рѣзче отличается отъ другой половины — слабой и неестественной? Гдѣ общая нить, соединяющая всѣ событія разсказа? Неужели авторъ хотѣлъ имъ доказать только, что замужъ надо выходить тридцати лѣтъ?

Дина любитъ Васильева — зачѣмъ же она уѣзжаетъ отъ него? она

любить музыку? зачѣмъ она оставляетъ ее? Дину любить Васильевъ, Максъ, Модлинскій? зачѣмъ и куда исчезаютъ эти лица, судьба которыхъ интересуетъ зрителя? О смерти Васильева сказано мимоходомъ нѣсколько словъ, — неужели этого достаточно?... Если докторъ герой романа, что можно заключить по черезъ чуръ уже длинному и мало интересному эпизоду его любви къ Софьѣ Петровнѣ, — то зачѣмъ и докторъ исчезаетъ въ концѣ романа, и авторъ такъ опошилъ его, жививъ на пустой женщинѣ, вовсе его не стоящей, и ничѣмъ не оправдавъ этого брака? Каждый отдѣльно взятый характеръ очерченъ довольно полно, но сойдясь вмѣстѣ, они дѣйствуютъ какъ-то странно, или слишкомъ скоро покоряются своей участи, какъ напримѣръ Модлинскій. Только одинъ характеръ въ цѣломъ романѣ не удовлетворяетъ читателя, кажется изысканнымъ и преувеличеннымъ, это сама Дина, которую авторъ отдѣлывалъ съ особенною любовью. Изъ нашего разсказа о содержаніи романа видна странность и, если можно такъ выразиться, — *неоправданность* многихъ ея поступковъ. Какой урокъ изъ ея похожденій можетъ извлечь дѣвушка, вообразившая себѣ; подобно ей, что у нея твердый характеръ? Развѣ не можетъ встрѣтиться въ жизни какая-нибудь Надя, которая вдругъ представитъ себѣ, что ея призваніе быть пѣвицей, музыкантшей, скульпторшей? которая оставитъ своихъ родныхъ изъ тщеславія, чтобы сказать, что она не хочетъ ничѣмъ быть имъ обязана, хочетъ имѣть свой кусокъ хлѣба, какъ-будто у родныхъ кусокъ этотъ — чужой и имъ нельзя оказывать также услуги, быть полезной въ самомъ скромномъ домашнемъ быту, за этотъ кусокъ? Развѣ не увидитъ эта дѣвушка въ каждомъ человѣкѣ, заботящемся о развитіи ея способностей и образованія, новаго Модлинскаго, не вообразитъ себѣ, что всѣ должны удивляться ей, влюбляться въ нее? Въ романѣ, Надя говоритъ прямо объ этомъ Модлинскому, и это доказываетъ, по-крайней-мѣрѣ, что у нея есть откровенность; въ жизни это сдѣлается гораздо мельче: не имѣя никакихъ доказательствъ, Надя можетъ заниматься только маленькими сплетнями, выставляя себя передъ добродушными подругами жертвою строгаго пониманія своихъ обязанностей, вѣрить всякой любезной дамѣ, думающей, что всѣ другія женщины достойны порицанія, пѣть всѣмъ и каждому, какъ Маргарита въ «Гвельфахъ»: Ah, si j'étais coquette!... Эта роль такъ льстить самолюбію!... А между-тѣмъ героиня романа, сочиненнаго ею самою, будетъ попрежнему пользоваться добротою Модлинскаго, принимать отъ него всевозможныя услуги, потому-что — зачѣмъ же и не вытянуть что можно изъ человѣка, на котораго мы въ тоже время немножко клеветаемъ? Надя вообразитъ себѣ даже пожалуй, что она счастлива въ Модлинска-

го, принимая отъ него эти услуги; она и не пойметъ, въ простотѣ души, съ какими глубокими пренебреженіемъ будетъ оказывать ей эти услуги челоуѣкъ, знающій давно эти мелкія сплетни, но стѣншіій слишкомъ высоко, чтобы поставить ее въ неприятное положеніе, доказавъ ей всѣ мелочности и неблагоовидности ея сплетней; но онъ чувствуетъ отвращеніе отъ этихъ дразгъ и мелочей, и только жалѣетъ о дѣвухѣ, задумавшей сдѣлать себя героиней романа въ своей жизни и не понимавшей ни истиннаго романа, ни истинной жизни.

Слогъ г-жи Т. Ч. блещетъ иногда яркими красками, неподдѣльными красками, но вообще неровенъ, и мѣстами попадаются въ немъ шероховатости и неуровнивости, выраженіи неточныя и изысканныя, напримеръ: слеза бродила по ея рѣсницамъ, жизнь прошла гудомомъ, совѣщанки, она тишилась неказанно; неумичность характера; душа подрыла черезъ чуръ свою оболочку; она зарыла голову въ подушки; отъединеніе доктора было велико; тынь подчинимостемъ; засунуть глубоко руку въ волосы; голуба за любовь, и проч. Мѣстами авторъ увлекается до того, что говорить вещи невозможныя, напримеръ о статуѣ Мишюля: «Сафо, казалось, сноетъ грустный сонетъ въ память уонувшаго творца своего». Но сонеты не поются и во времена Сафо вовсе не существовалъ этотъ родъ поэзіи. Характеръ Донъ-Жуана также ложно понять авторомъ, и мы советуемъ ему прочесть, какъ Фелісиенъ Мальфилъ опредѣляетъ этотъ типъ. Видно также, что авторъ блико знакомъ съ литературою Запада, что онъ читалъ *Консуло*, *Донъ-Жуана* Гофмана, *Роллу* Бальзака. Слѣды этихъ писателей и произведеній замѣтны въ Дневѣ.

И несмотря на всѣ недостатки этого романа, мы все-таки признаемъ въ авторѣ талантъ разнообразный, который можетъ создать образцовое произведеніе, хотя на этотъ разъ не сладилъ со своимъ сюжетомъ, не вдумался въ него, какъ слѣдуетъ, и слишкомъ поторопился кончить его... *или начать.*

Отъ «Отечественныхъ Записокъ» перейдемъ къ «Сыну Отечества» и «Библіотекѣ для Чтенія». Какъ ни странно это сближеніе, но мы должны сказать, что мартовская книжка «Библіотеки для Чтенія» очень похожа на ноябрьскую «Сына Отечества» бѣдностью содержанія и неинтересностью статей. Въ «Сынѣ Отечества», нѣтъ русской повѣсти; омончаніе плохой французской; еще два маленькіе разсказа изъ которыхъ одинъ саналъ мѣсто въ отдѣлѣ наукъ (?!). Въ отдѣлѣ Критики помѣщенъ коротенькій разборъ шести книгъ; въ Смѣси двѣ статьи и переводъ изъ нѣмецкаго журнала статьи о стихотвореніяхъ Лермонтова, давно уже помѣщенный въ нашихъ журналахъ; остальные двѣ

третьи книги заняты политикою. Вотъ все, что мы можемъ сказать ноябрьской книгѣ «Сына Отечества».

Немного больше можемъ мы сказать и о «Библиотекѣ для Чтенія». Въ ней помѣщено продолженіе *Сосльда*, романа, который Литературная Лѣтопись такъ сильно рекомендуетъ своимъ читателямъ. Маленькая комедія Гр. Ростопчиной «*Ни тотъ, ни другой*», бездѣлка, не имѣвшая успѣха на сценѣ и не имѣющая въ печати. Статья о Гумбольдтѣ, въ отдѣлѣ Наукъ, неинтересна, о Метеорахъ и аеролитахъ — не нова; антикритика на Теорію Кредита для большинства занимательна; въ Литературной Лѣтописи разборы книгъ сухи. Въ Сѣмси семь статей переведены изъ газеты *Voleur* и двѣ изъ *Museé des familles*; наконецъ Музыкальные извѣстія г. Дамке, въ которыхъ онъ отрекается отъ мнѣнія о превосходной игрѣ Контскаго въ прошлой книгѣ «Библиотеки для Чтенія», говоря, что оно принадлежитъ не ему и напечатано въ его статьѣ *по ошибкѣ*. Вотъ и вся мартовская книга этого журнала.

Болѣе всего удивило насъ въ этой книгѣ исчезновеніе Иногороднаго Подписчика.

Нарзанъ пить теперь не время, а, напротивъ, самая пора говорить любезности русскимъ журналамъ и судить такъ оригинально и учтиво объ русской литературѣ. Въ прошломъ номерѣ нашего журнала мы, конечно, прощались съ Иногороднымъ Подписчикомъ, но никакъ не думали быть въ этомъ случаѣ такими вѣрными предсказателями.

Мартовская книга «Современника» также не очень разнообразна. Лучшія статьи въ ней: отрывки изъ Диккенсова журнала: *Houschald Words*. О романѣ г. Григоровича поговоримъ, когда онъ кончится. Разсказъ Н. Л., *Набѣгъ*, очень хорошъ, но это анекдотъ легкій очеркъ, а не повѣсть. Жизнь на Кавказѣ очерчена въ немъ очень вѣрно, но содержанія нѣтъ никакого. Въ отдѣлѣ Наукъ «Исторія французской эскадры» очень спеціальна; статья Минье, объ отреченіи Карла V коротка и неполна. Разборъ трудовъ Пѣкинской Миссіи и въ Библиографіи разборы семи книгъ показали намъ мало занимательны. Приводя какія-то стихотворенія, о которыхъ не стоило и упоминать, критикъ спрашиваетъ: «Для чего, люди, лишенные таланта, рѣшаются печатно свидѣтельствовать о томъ, посредствомъ изданія своихъ стихотвореній?» На этотъ вопросъ отвѣчать довольно трудно; но мы можемъ сдѣлать другой: для чего редакторы нѣкоторыхъ журналовъ даютъ на своихъ страницахъ мѣсто подобнымъ плохимъ стихотвореніямъ? Это еще страннѣе и непонятнѣе. Въ послѣднее время «Современникъ» съ особенною любовью печаталъ стихотворенія г. Гербея, объ антипоэтическомъ достоинствѣ которыхъ мы не разъ говорили. Теперь этотъ журналъ помѣщаетъ стихи въ кото-

рыть Дантъ гуляетъ въ Венеціи — съ змѣей въ груди и слышитъ разговоръ двухъ женщинъ. Одна стара,

У той же (по русски у другой) юной и пышноволосой,
Какъ змѣй семья къ ногамъ сбѣгали косы

эта женщина говоритъ про Данта:

Какъ страшенъ онъ, сей путникъ величавый!
Какъ грозенъ видъ главы его курчавой:
Небесный огонь ее какъ бы спалить.

Не говоримъ уже о звучности этихъ стиховъ и красотѣ выраженій, но намъ кажется, что если огонь взялъ уже на себя трудъ спалить эту главу, то она никакъ не могла оставаться курчавой.

Стихи г. Майкова, воспевающіе юношу, у котораго

Голова весеннимъ
Счастьемъ сіяетъ

также очень слабы. У этого даровитаго поэта можно было бы выбрать что-нибудь получше для напечатанія, а не первыя его произведенія. Третье стихотвореніе, начинающееся слѣдующими энергичными стихами:

Душа мрачна, мечты мои унылы
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милыя, постыли
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!

Послѣ этихъ стиховъ, въ которыхъ очевидно льстятъ нашему времени, упоминая о сигарѣ, играющей въ немъ такую важную роль, поэтъ, въ лирическомъ восторгѣ, произноситъ слѣдующіе стихи, гдѣ нѣтъ табачнаго дыма, но зато нѣтъ грамматика:

Но поздно!... Я! Какъ путникъ безразсудный,
Цутившійся въ далекій, долгій путь,
Не соразмѣривъ силъ съ дорогой трудной:
Кругомъ все чуждо.... негдѣ отдохнуть.

гдѣ же глаголь отвѣчающій дѣепричастію *соразмѣривъ*?

Въ *Смѣси* помѣщены, кремъ отрывковъ изъ Диккенсова журнала, ведурнал повѣсть Сувестра: «Смотритель надъ шлюзами», продолженіе статьи о Бомарше, письмо *Иногороднаго Подписчика* объ англійской литературѣ и журналистикѣ — очень интересное. Если бы *Иногородный Подписчикъ* говорилъ только объ англійской журналистикѣ и оставилъ въ покоѣ русскую, то и англійская и русская литература могли бы отъ этого остаться въ выигрышѣ. Иностранныя извѣстія также инте-

ресны. Четвертое письмо «пустаго человѣка» въ провинцію о петербургской жизни такое же, какъ и прежнія, хотя написано легко и остроумно. Пустой человѣкъ судить впрочемъ также очень легко о предметахъ, которые не мѣшало бы немножко изучить прежде, чѣмъ писать объ нихъ, или справиться, по-крайней-мѣрѣ, объ нихъ у общественнаго мнѣнія и свѣдущихъ людей. Говорить объ *Риолетто*, что въ этой оперѣ только нѣсколько хорошихъ нумеровъ и что она не произвела особеннаго эффекта, значить или невѣдѣть вовсе этой оперы, или вовсе не понять ее. Иногда наивность «пустаго человѣка» заставляетъ улыбнуться, какъ на примѣръ, въ слѣдующей фразѣ: «Я не помню, говорилъ ли я, въ предыдущемъ письмѣ, что въ бенефисѣ г-жи Виарю шла Соннамбула!». Кому же и помнить объ этомъ, если не автору, и развѣ трудно наконецъ заглянуть въ прошедшую книгу, если и въ самомъ-дѣлѣ позабылось это обстоятельство?

Новый Поэтъ въ своихъ замѣткахъ по поводу русской журналистики, говоритъ о французскихъ клакерахъ, и создаетъ особенный родъ *литературныхъ клакеровъ* въ журналистикѣ, которые хлопаютъ въ печати всему, чему приказываетъ начальникъ клакеровъ. Новый поэтъ приводитъ даже портретъ этого начальника изъ монографіи, написанной Эдмондомъ Тексье. Въ примѣчаніи поэтъ говоритъ, что французскій фельетонистъ, вѣроятно, описываетъ здѣсь Бюлоза, редактора *Revue des deux mondes*, который самъ никогда не написалъ ни одной строки. Но если интересенъ портретъ одного редактора, не написавшаго ни строчки, то портретъ другаго, не написавшаго ничего, кромѣ пустыхъ строчекъ еще интереснѣе. Переводимъ и этотъ портретъ; для полноты картины, изъ того самаго сочиненія, откуда Новый поэтъ взялъ своего господина Л*, и скажемъ отъ себя, что въ этомъ портретѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о редакторѣ журнала *Le bon-ton*.

«Этотъ журнальный аферистъ, человѣкъ очень ловкій и умный въ практическомъ смыслѣ, потому-что мастеръ издавать журналъ, не имѣя къ этому почти никакихъ средствъ — матеріальныхъ (объ умственныхъ мы уже не упоминаемъ). Онъ бы могъ также нажить порядочныя деньги, усчитывая немногихъ своихъ сотрудниковъ, еслибы не былъ такой же мастеръ проживать ихъ въ *Rocher de Cancale* и другихъ парижскихъ увеселительныхъ мѣстахъ. Кромѣ действительно даровитыхъ сотрудниковъ, которымъ онъ очень плохо платитъ, г. этотъ имѣетъ сверхъ-того нѣсколько пріятелей, съ которыми шлѣзъ на-ты въ разныхъ ресторанахъ, и произведенія которыхъ печатаетъ у себя въ журналѣ зато, что эти сотрудники кормятъ его обѣдами и пьютъ шампанскимъ. Понятно, что при такихъ понятіяхъ о литературѣ, г. этотъ смотритъ на литературу, какъ

на пустяки, вселенное занятіе отъ нечего дѣлать, въ свободные часы между обѣдомъ и ужиномъ. Отъ нечего же дѣлать онъ пошнываетъ иногда легонькіе стихи, и такъ какъ въ сердцѣ его, занятомъ обѣдами, спекуляціями, нѣтъ мѣста поэзіи, то онъ въ стихахъ своихъ занимается тѣмъ, что осмѣиваетъ все произведенія и всѣхъ писателей, которыми гордится французская литература. Въ особенности онъ достигъ совершенства въ составленіи того рода сочиненій, которыя у насъ называются *reclame*. Онъ умѣлъ ввести *рекламы* даже въ свои романы, гдѣ вѣсто лицъ дѣйствуютъ вѣшалки съ самыми новомодными фраками и париками отлично завитыми и разобранными назадъ по англійски. Свѣтскость конекъ этого господина, и онъ явно печатаетъ, что не уважаетъ людей, одѣтыхъ не по модѣ. Самонадѣянность, заносчивость и нецеремонность этого редактора неподражаемы. Не входимъ въ подробности его частной жизни, въ которой онъ, тотъ же, какимъ является и въ литературѣ.»

Не выписываемъ болѣе, представляя себѣ со-временемъ возвратиться къ этому любопытному типу, и очертить его полнѣе и подробнѣе.

II. НОВЫЯ КНИГИ *.

Биографія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. *Сочиненіе Сергія Смирнова*. Москва, 1852. Въ университетской типографіи. Въ 8-ю д. л. 142 странъ.

О время, всепоглощающее время, не щадящее ни малыхъ, ни великихъ, ни безвѣстныхъ и славныхъ, ни малодумныхъ и героевъ! Твоею жестокою, сокрушительною пятою стираются съ лица земли крѣпкіе и прочные, повидному, памятники, обширные, цвѣтущіе города, сильныя племена и цѣлые народы, нѣкогда вращавшіе судьбами человѣчества. И простой, любознательный путешественникъ, и копотливый, изыскательный археологъ съ трудомъ находятъ сомнительное мѣсто какой-нибудь громкой во дни оны Ниневіи... задумчиво, уныло отдыхаютъ на пустынныхъ холмахъ, покрывшихъ многолюдные и шумные когда-то стогны

* Въ вновь издаваемой на руссконъ языкъ сочиненія, о которыхъ будетъ упоминаемо въ этомъ отдѣлѣ журнала нашего, желающіе могутъ выписывать (по цѣнамъ, означаемымъ въ прилѣжаніяхъ къ заглавіямъ книгъ) изъ главной конторы «Пантеона», или изъ книжныхъ магазиновъ Ю. А. Юнгмейстера, П. А. Ратькова и П. И. Крамнинашвица.

* Одна руб.; съ переплетомъ 1 р. 25 к. сер.

гордаго Вавилона, красавицы Пальмиры... Напрасно—невольно повторяешь—и поэтъ-туристъ, и важный ученый усердно отыскиваютъ, по терянныя въ преданіяхъ поколѣній, гробницы великихъ мужей древняго Рима или старой Греціи.... Гдѣ лоскутки земли, въ которыхъ истлѣлъ прахъ отравленнаго мудреца Сократа, его ученика Платона и любимаго Алкивиада; гдѣ могилы Ксеркса и Александра Македонскаго, Семирамиды и Клеопатры? Иной, статья можетъ, вамъ хитро и отвѣтить, но пальцемъ не укажетъ....

Видя такую переходчивость и ненадежность всего подлуннаго, новѣйшіе европейцы съ особенною заботливостью стали увѣковѣчивать дѣянія и подвиги замѣчательнѣйшихъ представителей своей славы или своего преуспѣянія, и подробными о нихъ современными сочиненіями, матеріаломъ для позднѣйшей исторіи, и сооружеиіемъ мавзолеевъ въ мѣстахъ ихъ родины, или тамъ, гдѣ погребены ихъ безмолвные останки. Россія, юнѣйшая, но наиболѣе здравомыслящая изъ державъ европейскихъ, постоянно выражала благородную признательность достоиннѣйшимъ сынамъ своимъ. Между-тѣмъ, какъ въ ближайшее къ намъ время, камень и металлъ, въ художественныхъ созданіяхъ, предназначены сохранять для отдаленнѣйшаго потомства имена и образы незабвенныхъ вожделей года, цифрою своего напоминающаго другой подобный, страшный годъ—Кутузова, Барклая—и пѣвцовъ или изобразителей народнаго величія—Ломоносова, Державина, Карамзина — старушка Москва давно гордится памятникомъ двумъ былымъ своимъ избавителямъ, на которомъ прохожій читаетъ надпись: «гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія».... Но могила Пожарскаго донынѣ неизвѣстна была достоверно. Не малыхъ усилій стоило открыть ее, хотя съ небольшимъ лишь два вѣка прошло со дня его кончины, въ 1642 году....

О подробностяхъ этого открытія газеты, журналы наши, и М. П. Погодинъ, въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, не замедлили своевременно довести до свѣдѣнія читателей. Вниманіе ихъ было сильно затронуто, потому-что сердце русское всегда откликается на призывы истинной доблести отечественной, относится ли она къ эпохѣ предковъ, или къ той, въ которую живемъ мы сами. Знатоки дѣла, специалисты русской исторіи, успѣли удовлетворить патріотическому запросу публики: въ періодическихъ изданіяхъ явилось нѣсколько, болѣе или менѣе удачныхъ, рассказовъ о послѣднемъ періодѣ смутнаго междоусобія, о жизни того, кто спасъ отечество въ эту опасную годину, и чья знаменательная могила, послѣ долгихъ стараній и сомнѣній, наконецъ открыта съ несомнѣнною почти точностью и опредѣлительностью; лучшею по этому предмету статьею была статья г. Корша, напечатан-

ная въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года — но первое мѣсто, по обстоятельству, системѣ и полнотѣ монографіи, принадлежитъ, безспорно, книжкѣ, заглавіе которой приведено выше....

Нѣтъ надобности распространяться о событіяхъ, прославившихъ блѣдное прежде имя Пожарскаго: они слишкомъ извѣстны, какъ подробно рассказанныя историческими писателями нашими, и не разъ служившія неистощимымъ матеріаломъ для сочиненій романическихъ изъ драматическихъ. По этому, изъ добросовѣстнаго труда г. Смирнова достаточно будетъ, въ сокращенномъ извлеченіи, выбрать наиболѣе новое, менѣе общезвѣстное, или, по-крайней-мѣрѣ, самое любопытное....

Родовая аристократія русская, неуступающая никакой европейской, справедливо можетъ гордиться древностью и благородствомъ своего происхожденія. Многія старинныя княжескія или боярскія фамиліи наши суть потомки многочисленныхъ нѣкогда удѣльныхъ князей, которые, въ свою очередь, были потомками Рюрика и обоихъ Владиміровъ, т. е. сына Святославова и Мономаха. Таково происхожденіе и рода Пожарскихъ, князей Стародуба Суздальскаго. Ближайшій предокъ ихъ — Всеволодъ III. Его потомокъ, въ шестомъ колѣнѣ, князь Василій Андреевичъ, получилъ въ наслѣдство крайне-незначительный удѣлъ, правильнѣе мѣстечко, опустошенное пожаромъ, и оттого названное Погаромъ, или Погорѣлымъ. По имени своего убогаго городка, и владѣтель его сталъ прозываться *Пожарскимъ*....

Съ теченіемъ времени, второстепенные и третьестепенные удѣлы мельчали болѣе и болѣе, входя въ составъ значительнѣйшихъ княжествъ, которыя также, мало по-малу, добровольно, или влияніемъ обстоятельствъ, сливались съ сильнѣйшими, съ Москвою. Единодержавіе Іоанна III и непреклонная воля внука его, Іоанна IV, окончателно сломили спорный феодализмъ, шесть вѣковъ останавливавшій развитіе государства въ политическомъ и образовательномъ отношеніи. Удѣловъ не стало: Россію ждалъ иной удѣлъ. Дикая, азіятская когда-то Московія, какъ называли ее гордые чужестранцы, быстро подвигалась къ блистательному мѣсту въ главѣ державъ европейскихъ... Прежніе удѣльные князья, съ своими семействами, болѣею частью, постепенно переселялись въ Москву, почетно окружая тронъ уже не только Великаго Князя Московскаго, но Царя и Самодержца *всехъ Руси*... Знатнѣйшіе роды состояли въ высшихъ чинахъ при дворѣ, а вообще бояре и князья, не служившіе внѣ столицы, или не любившіе своихъ далекихъ, уединенныхъ отчинъ, проживали въ Москвѣ, тогда еще не бѣлокаменной, но гдѣ, однакоже, зарождались зачатки полуевропейской общественной жизни. — «Въ половинѣ XVII

вѣка (говорить г. Смирновъ) Пожарскіе считаются между жителями Москвы: именно въ это время имѣлъ въ Москвѣ свой домъ дѣдъ знаменитаго князя Дмитрія Михайловича, Фѣдоръ Ивановичъ Пожарскій.... Не видно, чтобъ Пожарскіе занимали важныя мѣста въ государствѣ: болѣею-частью они отправляли должности городничихъ въ мелкихъ городахъ; одинъ даже былъ яснымъ строителемъ (стран. 3—4). Дворц. Разр., II, 30, поясняютъ: «А Пожарскіе князи при прежнихъ Государяхъ, oprичъ городничихъ и губныхъ старостъ нидѣ не бывали». И между прочими Пожарскими, упомянутый дѣдъ героя, князь Фѣдоръ Ивановичъ, былъ также губнымъ старостой. Сынъ его, Михаилъ, служилъ при Іоаннѣ IV, участвовалъ въ походахъ на Казань и въ Лифландію; въ награду за свою службу получилъ отъ царя вѣсколько деревень; въ 1571 году женился на дѣвкѣ Марьѣ Фѣдоровнѣ Беклешишевой, а въ 1587. году умеръ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями (имени одного изъ нихъ, вѣроятно, по неизвѣстности, авторъ не означаетъ) и дочерью Дарьей, вышедшей послѣ за князя Никиту Хованскаго. Другаго сына звали Дмитріемъ: то былъ будущій сподвижникъ Минина, долженствовавшій обезсмертить поблекшее-было имя Пожарскихъ.

Ничего достовернаго неизвѣстно о дѣтствѣ и первой юности его; но двадцати лѣтъ, съ вступленіемъ на престолъ Бориса Годунова, онъ является уже въ должности *стряпчача съ платьемъ и съ жалованіемъ по двадцати рублей въ годъ*; его родительница живетъ во дворцѣ, при царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ, которой готовилась, во время Самозванца, такая плачевная участь, и самъ онъ, князь Дмитрій Михайловичъ, близокъ къ царю....

Первымъ въ ратнемъ дѣлѣ отличіа оказалъ Пожарскій въ кратковременное властвованіе Шуйскаго: въ 1608-мъ году онъ побѣдъ наголову поляковъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, въ селѣ Высскомъ, а въ слѣдующемъ году, когда въ окрестностяхъ Москвы разбойничалъ атаманъ Сальковъ, съ которымъ не могъ справиться высланный противъ него воевода Сукинъ, — совершенно истребилъ на берегахъ Пехорки его шайку; зато вскорѣ, именно въ февралѣ 1610-го, самого Пожарскаго видимъ уже воеводою въ Зарайскѣ, который, при содѣйствіи князя Д. М., напрасно оболыцаемаго племянникомъ Ляпунова, одинъ, изъ всей Рязанской области, пребываетъ вѣрнъ царю. Этого и другіе случаи преданности ему, соединенной съ непоколебимой твердостью духа и презрѣніемъ опасностей, доставляютъ молодому воеводѣ особенное расположеніе царское и, въ награду, село Нижній-Линдѣи со многими деревнями въ родовомъ Пожарскихъ Суздальскомъ уездѣ.

«Но Шуйскій, 17 іюля 1610 года, сложилъ корону, и Россія подверглась всѣмъ ужасамъ междуцарствія. 22 числа явился подъ стѣнами Москвы гетманъ Жолкѣвскій, и утвердилъ своимъ согласіемъ мнѣніе Метиславскаго и боярской думы — избрать въ цари польскаго королевича Владислава», которому 17 августа дали присягу. Вопреки договору, чтобы поляки не занимали столицы, а отошли къ Можайску, Жолкѣвскій, 21 сентября, со всѣмъ войскомъ своимъ, вступилъ въ Москву и утвердился въ Кремлѣ. — «По городамъ началось движеніе, цѣлю котораго было изгнаніе изъ Москвы поляковъ»... Возвратившійся къ долгу, Лянуновъ беретъ приступомъ Провскъ, гдѣ, въ свою очередь, осаждаютъ его измѣнникъ Сунбуловъ и посланные Гонсьевскіи запорожцы. Съ войскомъ, набраннымъ въ Коломнѣ и Рязанской области, Пожарскій поспѣшаетъ на выручку Лянунова, а запорожцы бросаются къ Зарайску. Пожарскій торопливо возвращается въ свой городъ, съ небольшимъ отрядомъ дѣлаетъ вылазку и разбиваетъ безпокойныхъ враговъ и смутителей отчины...

Это происходило въ январѣ 1611, а въ мартѣ того-же года Пожарскій, по сказаніямъ современниковъ, встрѣчается дѣйствующимъ лицомъ въ Москвѣ, при извѣстныхъ происшествіяхъ на Страстной-недѣлѣ, когда по улицамъ столицы завязались драки между грабителями поляками и городскими обывателями, князь Андрей Голицынъ умерщвленъ былъ въ собственномъ домѣ, и отрядъ конныхъ копейщиковъ, сдѣлавъ сперва нападеніе на кунцовъ въ гостинномъ ряду, бросился потомъ на Тверскую, гдѣ отразили его стрѣльцы. Князь Д. М., стоявшій на Срѣтенкѣ и вспомошествоваемый артиллеріей, два часа мужественно бился съ врагами, и наконецъ, вогнавъ ихъ въ Китай-городъ, построилъ острогъ у церкви Введенія-Богородицы, на Лубянкѣ. 20 числа снова устремились сюда поляки, не унятые неудачею наканунѣ, и снова Пожарскій встрѣтилъ ихъ храбро. Продолжавшаяся здѣсь цѣлый день битва запечатлѣлась кровію воеводы: изнеможенный отъ ранъ, онъ палъ и отвезенъ былъ въ Троицкій-Сергіевъ монастырь, откуда, поправившись нѣсколько, поѣхалъ, укрѣпиться въ силахъ, въ свою суздальскую отчину Ландехъ, въ 120-ти верстахъ отъ Нижняго...

Между-тѣмъ Москва находилась въ ужасномъ положеніи, преданная шайкѣ, мечу, грабежамъ и убійствамъ. Кто могъ; спасался бѣгствомъ. «Устрашенные тяжкими бѣдствіями, русскіе думали, что скоро наступитъ конецъ міра, и самъ Пожарскій раздѣлялъ это мнѣніе». Военачальники, впрочемъ, со всѣхъ сторонъ стекавшіеся съ дружинами, вмѣсто того, чтобъ соединенно дѣйствовать противъ поляковъ, хотѣли овладѣть Россіей, низко торговались о первенствѣ власти, чинили

другъ-другу козьи и ковы. Узнавъ объ этихъ раздорахъ, архимандритъ Сергіева монастыря, Діонисій, прислалъ въ Москву келаря Палицына, убѣждая вождей къ единодушію и ревностной борьбѣ съ наглыми пришельцами. Воеводы отзывались недостаткомъ войска и съѣстныхъ припасовъ: Діонисій и Палицынъ разослали грамоты по всѣмъ городамъ царства, именемъ преподобнаго Сергія призывая къ помощи общему дѣлу родины, трогательно и краснорѣчиво изображая ея страданія: «Гдѣ святыя церкви и Божіи образа (писали они)? Гдѣ инокъ, многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтелями украшены? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не всѣ ли лютыми и горькими смертями скончались? Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ работные чада христіанства? Не всѣ ли безъ милости пострадали и въ цѣль разведены? Не пощадилъ бо престарѣвшихъ возрастомъ; не утрашилъ сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и ссавшихъ млеко младенецъ, неалобивая душа; вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божія. Помните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелію!»

Одна изъ такихъ грамотъ осенью, въ октябрѣ, получена была въ Нижнемъ-Новгородѣ. Воззваніе Діонисія и Палицына, сильное слово, произнесенное протопопомъ Спасопреображенскаго собора, Саввою Ефимьевымъ, среди собравшагося въ храмѣ народа, и живое отчаяніе біе одного уважаемаго гражданина, который былъ «человѣкъ незнатнаго рода, художествомъ говадарь» (мясникъ), прозываясь Козьма Захарьевъ Мьяннѣ-Сухорукой, возбудили Нижегородцевъ до степени высокаго и безкорыстѣйшаго одушевленія на спасеніе отечества. Все—имущества, жизни—предлагалось ему въ благородѣйшую жертву, лишь-бы, по словамъ умнаго соборнаго протопопа, не удалось «польскимъ и литовскимъ людямъ», которые, «въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ, умыслили Московское государство раззорити и непорочную вѣру Христову въ латвискую многопрелестную ересь обратити». Отдыхавшій въ Ландехѣ отъ ранъ, князь Дмитрій Михайловичъ избранъ былъ въ начальники ополченія. Долго онъ отказывался отъ этой почести и трудной, по обстоятельствамъ, обязанности, но напоследокъ принужденъ былъ уступить желанію родичей. Быстро вѣсть о подвигѣ нижегородцевъ разнеслась по Россіи и «отсюду стали являться въ Нижній люди служилые», водъ знамена Пожарскаго. Въ рядахъ его охотно согласились быть сподручными князя Черкасскій, Хованскій, Прозоровскій, Гагаринъ, сражаться дворяне Пяецеевъ, Левашевъ, казацкіе атаманы и старшины. Всѣмъ ратнымъ положено широкое жалованье, и многолюдное, стройное ополченіе,

въ февралѣ 1612, двинулось въ Москвѣ, на избавленіе отечества, изгна-
ніе поляковъ....

Отсебѣ начинается главнѣйшій періодъ государственной дѣятельности
Пожарскаго, давно знакомый вамъ по исторіи Карамзина и отдѣльными
описаніями этой смутной эпохи. Полузабытые, конечно, вами частности
сложнаго хода дѣлъ возобновить въ памяти вашей самостоятельное изо-
браженіе г. Смирнова. Въ книжкѣ его найдете подробности послѣдую-
щаго и предъидущаго, которое изложили мы лишь въ общихъ чертахъ.

Современники и позднѣйшіе писатели винили Пожарскаго за мед-
ленность въ Ярославлѣ, гдѣ онъ простоялъ *около полугода*; говори-
ли, что онъ тамъ пируетъ. Авторъ опровергаетъ это важное обвине-
ніе. По его мнѣнію, князя задерживали въ Ярославлѣ не пирушки, а
присяга, данная 2 марта псковскому самозванцу — Трубецкимъ, За-
руцкимъ и всѣмъ войскомъ московскимъ, возникшія оттого вновь сму-
ты по городамъ и селеніямъ, и опять-таки честолюбивые прѣиски
и неблагонамѣренность вождей ратныхъ, какъ подъ Москвою, такъ
и въ самомъ нижегородскомъ ополченіи, въ которомъ не замедлилъ
жоселиться духъ распрей, и выше Пожарскаго поднимались девять
гордецовъ, между ними Морозовъ, Долгорукій, Головинъ, Одоевскій
и другіе, когда кн. Д. М. былъ со всѣми ласково-обходителенъ,
а объ немъ распускали слухи, будто онъ домогается послѣ быть ца-
ремъ. Свергъ-того, сумма, собранная для содержанія войска, была уже
истрачена, такъ что Пожарскій обращался «къ Цезарю римскому съ
пресъбою, чтобы онъ помогъ ему деньгами при послѣднихъ усиліяхъ
его къ спасенію отечества». Значительною представлялась и помѣха
со стороны шведовъ, которые взяли съ Новгорода присягу въ пользу
королевича своего Филиппа. Такимъ-образомъ Пожарскій, очищая по
пути города отъ буйныхъ враговъ, обязывался устранить переговоры
и шведское на Россію посягательство. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется,
что слишкомъ продолжительное въ Ярославлѣ пребываніе кн. Д. М.
требовало бы удовлетворительнѣйшаго объясненія, въ прямомъ вопросѣ:
не могъ ли онъ, помимо всѣхъ этихъ дѣйствительно неблагопріятныхъ
обстоятельствъ, ударить разомъ на главный притонъ поляковъ въ Москвѣ,
съ рѣшительностью и энергіей, какихъ требовало время?

Немного нужно исторической проицательности, для усмотрѣнія, во-
преки доводамъ разсматриваемой книжки, что ускоренію похода Пожар-
скаго не столько мѣшали побочныя противодѣйствія, сколько нѣкоторая
недоувѣрчивость его къ себѣ, опасенія въ успѣхъ борьбы съ поляками,
предводимыми искусными военачальниками, и небезъосновательный страхъ,
внушаемый замыслами Заруцкаго, своеволіемъ его казаковъ и не-

надобностью на двуличнаго Трубецкаго, раздѣлявшаго съ Заруцкимъ власть надъ войсками, стоявшими подъ Москвою...

Правда, кн. Д. М. не сидѣлъ въ Ярославѣ въ совершенной праздности, сложа руки, и только пируя, какъ утверждали. Онъ переговаривался съ новгородскими посланми о шведскомъ королевичѣ и съ цесарскими посланми, Иосифомъ Грегори (который, черезъ Ярославъ, возвращался изъ Персін) о призваніи на престолъ московскій Миксониліана, брата императора Рудольфа II-го, съ цѣлю возстановить его противъ Польши и получить отъ него денежное вспоможеніе; посылалъ туда и сюда отряды: но все эти были полумѣры и колебанія. Медленность и раздумье Пожарскаго въ Ярославѣ оказывались столь велики, что невольно произвели противъ воли нижегородскаго ополченія рожь патриотовъ, желавшихъ скорѣйшаго прекращенія смуты, бѣдствій и крайне сомнительнаго положенія отчины, уступаемой то полякамъ, то шведамъ, то цесарю. — «Наконецъ (говоритъ и авторъ) ревность подвигла самого Палицына лично предстать Пожарскому и убѣждать его спѣшить въ Москву: двукратное посольство и грамоты изъ Лавры не имѣли успѣха». Келарь засталъ въ Ярославѣ «сварь между воеводъ и во всемъ воинствѣ... вся разсмотривъ старецъ, и князя Дмитрія, и Козьму Минина, и все воинство довольно поучивъ и много моливъ ихъ *поспѣшита* подъ царствующій градъ Москву», успѣлъ напоследокъ склонить Пожарскаго своими представленіями, «что лучше пожертвовать жизнью, чѣмъ оставлять отечество безъ помощи въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ». Между-тѣмъ гетманъ Хоткевичъ приближался къ Москвѣ. Трубецкой и Заруцкій также просили Пожарскаго спѣшить на соединеніе съ ними. «Онъ началъ готовиться къ походу, и рѣшился отпрать въ Москву передовые отряды, а самъ думалъ выступить послѣ, когда окончатъ дѣло съ посланми изъ Новгорода». Передъ выступленіемъ, онъ «назначилъ день для смотра артиллеріи», и въ тѣснотѣ толпы собравшагося при этомъ случаѣ народа, едва не погибъ отъ руки убійцы, подосланнаго Заруцкимъ. Это было не первое и не послѣднее покушеніе на жизнь князя: ему завидовали и боялись его. Великодушно пощадивъ наемныхъ злодѣевъ, которыхъ имѣлъ полное право казнить, одного изъ нихъ князь сослалъ въ ссылку, а другихъ взялъ съ собою въ Москву, чтобъ представить въ нихъ явную улику противъ гнусныхъ настрѣній Заруцкаго. Послѣдній, свѣдавъ о неудачѣ своего преступнаго замысла и о движеніи ярославской дружины, повѣлъ, что ему приходится плохо, не миновать достойнаго возмездія. Премолвивъ послѣдніе дни стоянни своей подъ Москвою всими ужасами буйства и наслія, чего бы не случилось, еслибъ яро-

славское околченіе раньше туда двинулось, онъ бѣжалъ въ-водъ Мессины ночью, съ половиною своихъ войскъ, ограбляя Коломну, гдѣ ждала его Марина, и проселъ опустошеніе по Рязанской области...

28 июля выступили изъ Ярославля и остальные войска Пожарскаго, но на другой день, съ Шепудскаго яма, онъ отправился въ Суздаля, поклониться гробамъ своихъ родителей, въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, благочестиво провелъ тамъ нѣсколько дней, и настигъ околченіе въ Ростовѣ. Не ближе 14-го августа явилось оно въ стѣнахъ Троицкой лавры, гдѣ Пожарскій снова впалъ въ раздумье, хотѣлъ, для успокоенія своей рати, договариваться съ мятежными казаками, «чтобъ другъ на друга никакого зла не умышляли»; но Трубецкой сообщилъ князю, что гетманъ подвигается къ Москвѣ, и вновь просилъ его немедленно идти на помощь. Палицынъ объясняетъ, что онъ «поддѣйствовалъ на Пожарскаго и все войско своими увѣщаніями и успокоилъ робкихъ», что затѣмъ князь «оставилъ всѣ свои размышленія и страхъ ни во что же выкинулъ». Авторъ разсматриваемой книжки полагаетъ однакожь, что новыя опасенія и осторожность Пожарскаго были не неосновательны...

Но прозвучала бранная труба, враги сошлись лицомъ къ лицу, и Пожарскій какъ-бы ожилъ, окрѣпъ духомъ, силою воли. Онъ уже ни на мгновѣніе не колеблется, никого не опасается. 20 августа, при вступленіи его въ Москву, къ нему, *стольнику*, выезжаетъ навстрѣчу, несравненно старѣйшій его чиновъ, *бояринъ* Трубецкой. Выборный мужъ земли русской, глава отечества въ эту минуту, Пожарскій величаво сознаетъ свое достоинство, свои обязанности и отвѣтственность, рѣшительно и твердо объявляетъ, что будетъ дѣйствовать съ своею ратью отдѣльно, справедливо остерегался «сближаться съ измѣнникомъ Шуйскаго, съ присяжникомъ Тушинскаго и Псковскаго вора, съ единомышленникомъ Заруцкаго» (стр. 60). Вѣрное и послѣдовательное описаніе жестокой трехдневной, почти непрерывной битвы русскихъ съ поляками подъ Москвою и въ стѣнахъ ея, когда «ниа преподобнаго Сергія гремѣло въ самомъ пылу сраженія», читатель найдетъ на стр. 61—66 оочиненія, пополненнаго всѣми новѣйшими изысканіями науки и безпрестанными ссылками на достовѣрнѣйшіе источники. Въ эти достопамятные дни, рѣшившіе судьбы отечества, Пожарскій является истиннымъ героемъ и вполне торжествующимъ побѣдителемъ, не смотря на затрудненія, которыя чинилъ ему озлобленный противъ него Трубецкой, коварно и упорно недодававшій ему помощи и неудачно дѣйствовавшій съ своей стороны.

Далѣе г. Смирновъ съ тою-же точностію изображаетъ московскія

событія, предшествовавшія избранію Царя. «Поднялись споры, составились партіи, и каждая представляла общему вниманію своихъ выборныхъ. Летописецъ говоритъ, что много было волненіе всякими людьми, кійждо бо хотѣше по своей мысли дѣлать и кійждо про кого говорѣше; мнѣмъ убо подкупѣхуся и засылаху, хотѣше взойти на такую стѣпень. Послѣ клепали на самаго Пожарскаго, будто онъ подкупался на царство и это стоило ему 20 тысячъ» (стр. 79), что позднѣе и было причиною слѣдствія, занедостаткомъ доказательствъ прекращеннаго....

Когда на престолъ вступилъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, ближайшій родственникъ прежнихъ царей дома Рюрикова и Мономахова. племянникъ, по матери, Царя Ѳеодора, дѣвъ Петра Великаго и родоначальникъ Монарховъ, возвеличившихъ Россію на степенъ первой державы міра,—«во-время коронованія, Пожарскій занималъ важный постъ: ему Царь поручилъ принести съ казеннаго двора царскій чинъ, то есть бармы, скипетръ, державу и вѣнецъ; во-время процессіи, отправлявшейся изъ дворца въ Успенскій Соборъ, Пожарскій несъ скипетръ, и во все время литургіи стоялъ около наоя, на которомъ лежали царскія регаліи и беретъ со страхомъ и трепетомъ, чтобъ никто-же отъ простыхъ людей прикоснулся тою Царскаго сану и стѣнца. Во-время помазанія Царя вѣромъ онъ держалъ яблоко царскаго чина (державу), послѣ коронованія былъ приглашенъ къ царскому столу и награжденъ савою боярина» (стр. 83). Въ-послѣдствіи не одинъ разъ Царь оставлялъ его въ Москвѣ намѣстникомъ, при отъѣздахъ своихъ на богомолье. На обѣихъ Государевыхъ свадьбахъ (1624 и 1626) онъ былъ вторымъ дружкой, а супруга его свахой съ государевой стороны (129 стр.).

Дальнѣйшее военное поприще Пожарскаго, при Царѣ Михаилѣ, не было уже столь блистательно и счастливо: по обстоятельствамъ, онъ претерпѣвалъ и пораженія. Но Царь не переставалъ ласкать его и награждать, предоставляя ему почетныя мѣста и болѣе или менѣе важныя государственныя дѣла, хотя враги и недоброжелатели старались вредить ему превратнымъ толкованіемъ его переговоровъ съ Новгородцами о королевичѣ Филиппѣ и сношеній съ цесаремъ о принцѣ Максимилианѣ, и однажды даже навлекли на него неудовольствіе Царя за мѣстническій споръ, въ характерѣ времени, затѣявшійся между нѣкоторыми боярами и не честолюбивымъ, впрочемъ, не гордымъ княземъ Пожарскимъ. Совершивъ великій подвигъ, онъ ничего не домогался, многое и многимъ уступалъ, по кротости нрава и врожденному благородству; чуждъ былъ интригъ, козней и происковъ....

Послѣдніе дни своей жизни Пожарскій провелъ мирно, болѣею-ча-

стью, въ Москвѣ, и скончался 64-хъ лѣтъ отъ рожденія. Царь Михаилъ Феодоровичъ, говоритъ Голиковъ, провожалъ гробъ незабвеннаго боярина и почтилъ его слезами своими.

Вдѣсятеро сокративъ содержаніе брошюры, мы еще оставили въ ней читателю много любопытнаго и совсѣмъ нетронутаго. Заключается она общею характеристикой своего героя.—«Въ характерѣ князя Пожарскаго», говоритъ, между прочимъ авторъ, «не видно особенныхъ чертъ (возникаетъ, не можемъ привыкнуть къ этому множественному), которыми бы онъ рѣзко выдавался надъ современниками. Онъ не былъ ни глубокимъ политикомъ, ни военнымъ гениемъ, и только обстоятельствами обязанъ образованіемъ и развитіемъ въ себѣ тѣхъ началъ, которыми могъ обратить на себя общее вниманіе. Въ Пожарскомъ не было ни огромныхъ талантовъ правительственныхъ, ни большой силы воли, какою обладалъ Ляпуновъ. Благочестіе и набожность глубоко были посажены въ сердцѣ князя: безъ молитвы онъ не предпринималъ никакого дѣла». Кромѣ многочисленныхъ вкладовъ въ монастыри, въ 1620 г. возобновилъ онъ Макарьевскій Желтоводскій, разоренный въ нашествіе хана Улу-Мухмета; въ 1630—37 построилъ, на собственное иждивеніе, московскій Казанскій соборъ, и любилъ чтеніе церковныхъ книгъ. Изъ Шепуцкаго ама Пожарскій писалъ казанскому митрополиту Ефрему грамоту о поставленіи въ крутицкіе митрополиты игумена Сторожевскаго монастыря, Исаи. Грамоту эту г. Смирновъ называетъ «образцовой, по чувству, съ какимъ написана, и по языку» (стр. 54).— «Пожарскій въ бѣдствіяхъ отечества видитъ карающую за грѣхи десницу Всевышняго; изображаетъ горькое сиротство Московской Церкви, по смерти Гермогена и крутицкаго митрополита Пафнутія, и выражаетъ желаніе имѣть хотя одно утѣшеніе—архипастыря Церкви: «Богъ», пишетъ онъ, «за грѣхи наши угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ, взявъ у насъ государя, главу Московскаго государства, и святѣйшаго патріарха московскаго; и нынѣ не мала скорбь намъ належитъ, что подъ Москвою вся земля въ собраніи, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ: одна соборная церковь осталась на Крутицахъ—и та вдовствуетъ» (таже стр.). Если грамота эта писана не какимъ-либо дякомъ, или личиномъ духовнымъ, то Пожарскій дѣйствительно былъ большимъ грамотѣемъ и первостепеннымъ знатокомъ современнаго языка отечественнаго.

«Въ дѣлахъ службы и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Пожарскій вошелъ постоянною осторожностью», за которую, подобно Кутузову, звали его Фабіемъ медителемъ; но онъ, по недовѣрчивости къ себѣ, своимъ способностямъ и соображеніямъ, нуждался въ совѣтникахъ, какиимъ постоянно и былъ для него, въ 1612 г., Мининъ. Довѣрчивый притомъ къ

другимъ, добрый и ласковый со вѣжи, уступчивый равнымъ, вообще обладая рѣдкимъ благодушiемъ и высокими нравственными качествами,— «въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось обязанностей государственной службы, онъ какъ себя не щадилъ, такъ и отъ другихъ требовалъ строгаго выполненiя правилъ порядка, и не прощалъ безпорядковъ и неисправностей даже своимъ родственникамъ. Въ 1634 году на службѣ въ полку Пожарскаго былъ его племянникъ, Фeдоръ Ивановъ Пожарскiй. Князь Д. М. подалъ на него Царю челобитную, въ которой писалъ, что племянникъ его «на службѣ заворовался, ѣсть безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума, и дядя не слушаетъ» (стр. 135—36)...

Однимъ-словомъ, на свѣтломъ и благородномъ имени князя Дмитрiя Михайловича не лежитъ ни малѣйшаго пятна, ни тѣни укоризны, и это тѣмъ важнѣе, что онъ жилъ во времена смуты, крамоль, измѣнъ и предательства. Современники и потомство упрекали его лишь за медленность въ Ярославлѣ: но самый полугодовой растахъ его здѣсь возбуждаетъ различныя мнѣнiя и объясненiя историческiя. 22 октября Церковь ежегодно празднуетъ освобожденiе Москвы отъ поляковъ; изъ кремля отправляется въ этотъ день крестный ходъ въ Казанскiй соборъ, сооруженный Пожарскимъ и хранящiй въ себѣ святыню, ему принадлежавшую: икону Казанской Богоматери, украшенную драгоценными камнями. На Красной площади воздвигнуть ему, въ 1818 г., памятникъ, вылитый изъ бронзы знаменитымъ Мартосомъ.— «Пожарскiй и Мининъ, представлены въ ту минуту, когда славный гражданинъ нижегородскiй, взявшись лѣвой рукою за мечъ Пожарскаго, указываетъ ему правую на Кремль, занятый поляками, на городъ испепеленный, и призываетъ его на новую битву. На одномъ изъ барельефовъ пьедестала изображены въ лицахъ жертвы, приносимыя изъ любви къ отечеству: богатые несутъ деньги, отцы приводятъ своихъ дѣтей, женщины отдаютъ свои драгоценности». Памятникъ умильный и трогательный! Другой, въ 1826 г., поставленъ въ Нижнемъ-Новгородѣ... третiй будетъ надъ самою могилою вѣчнопамятнаго мужа, которую одни предполагали прежде въ Пурихѣ, другiе въ Троицкой лаврѣ, гдѣ скороненъ дѣдъ князя, третьи въ Суздальскомъ Спасо-Евфимiевомъ монастырѣ, усыпальницѣ рода Пожарскихъ. Молодой графъ А. С. Уваровъ основательно раздѣлялъ послѣднее предположенiе, и патриотическое изысканiе его увѣчалось успѣхомъ.— «Ихъ Императорскимъ Высочествомъ Великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, во-время пребыванiя Своего въ Суздаль, благоугодно было пожертвовать значительную сумму для сооруженiя памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ, по монастырскому преданiю,

погребенъ князь Пожарскій» (стран. 3—4 *Дополненій*).—Въ февралѣ 1852 года, въ присутствіи членовъ Высочайше-назначенной для удостовѣренія въ томъ комиссіи, «открыта была гробница: въ ней нашли остовъ престарѣлаго человѣка, обернутый саваномъ изъ шелковой матеріи, съ остатками богатыхъ боярскихъ украшеній, состоящихъ въ золотомъ шитьѣ по кафтану и колесу, какихъ не могъ имѣть никто изъ рода Пожарскихъ, неимѣвшихъ боярскаго достоинства, кромѣ князя Дмитрія Михайловича. Это открытіе послужило окончательнымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что именно эта гробница должна хранить его останки» (тамъ-же, стран. 5).

За *дополненіями* къ прекрасному труду г. Смирнова слѣдуетъ родословная таблица *князей Стародубскихъ и Пожарскихъ*. Въ заключеніе нашего усильнаго извлеченія, присовокупляемъ нѣкоторыя любопытныя фамиліныя свѣдѣнія. Князь Д. М. былъ однимъ изъ богатѣйшихъ вельможъ своего времени. Кромѣ большой Пурецкой отчины, въ 74-хъ верстахъ отъ Нижняго, ему принадлежали села и деревни въ уѣздахъ Суздальскомъ, Гороховскомъ, Вязниковскомъ и Ростовскомъ; въ Москвѣ онъ имѣлъ три дома на Лубянкѣ, съ подворьемъ Желтоводскаго монастыря, находившагося въ помянутой отчинѣ. Отъ перваго брака было у него три сына, Петръ, Ѳеодоръ, Иванъ, стольники; во второй разъ онъ женился уже на 58-мъ году, и вторая супруга его, урожденная княжна Голицына, семейства его не увеличила. Родъ Пожарскихъ, по мужеской линіи, пресѣлся въ 1684 году, со смертію бездѣтнаго князя Юрія Ивановича. По женской линіи онъ перешелъ въ фамилію Рѣпинныхъ, Милославскихъ, Долгорукихъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, посредствомъ браковъ Анны, Евдокіи и Агрипины, внучекъ кв. Д. М. (см. стран. 130). Невольно припоминаются извѣстные четыре стиха народнаго поэта, вылившіеся однажды изъ-подъ пера его, въ патріотической укоризнѣ легкомысленному равнодушію къ сѣдой старинѣ и заветнымъ преданіямъ историческимъ:

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропасть и слухъ....

(Сочин. Пушкина, Т. IV, стран. 324.)

Дочь булочнаго мастера. Романъ. Сочиненіе К. Г-на. Спб., 1853. Въ типогр. Губ. Правленія. Изданіе книгопродавца Исакова. Въ 12-ю д. л. 125 стран.*

Отъ дѣлъ давно минувшихъ и великихъ, отъ одной изъ наиболѣе знаменательныхъ и драматическихъ мировыхъ эпохъ, библиографическій чередъ переводить насъ въ дѣла недавнія и очень невеликія, въ маленькую частную драму, на уютныхъ страничкахъ блѣдной и мелкой печати. Зато это самая свѣжая, только-что выскочившая изъ типографскихъ станковъ, литературная новость, новость почти новѣе сегодняшняго дня и гораздо старѣе вчерашняго. Не вѣрьте, если эта фраза, съ перваго взгляда, покажется вамъ нѣсколько хитрою и запутанною: миленькая булочница впервые вниманію публики предстала въ трехъ послѣднихъ книжкахъ «Сына Отечества» 1851 года, а теперь, очень хорошо понимая, что ее одинъ совѣмъ забыли, а другіе и вовсе не знали, явилась въ платьѣ новаго фасона, или формата, на половину меньше журнальнаго. Но мы не станемъ разсматривать ее въ микроскопъ, ни анатомировать безошаднымъ ножомъ критическимъ: легкое, эфемерное созданіе, она не выдержитъ слишкомъ строгаго, суроваго взора взыскательнаго читателя, а между-тѣмъ «вѣтрную младость» можетъ преприятно занять нѣсколько часовъ, заставить иногда улыбнуться, иногда призадуматься. Курьезный родитель героини романа значительно походитъ на булочника въ водевилѣ П. А. Каратыгина, а героиня походитъ на всѣхъ героинь въ подобныхъ повѣстяхъ. Дочь булочника не впадаютъ влюбляется въ таинственнаго жильца въ домѣ ея нѣмецкаго батюшки, г-на Иловскаго, въ котораго равномерно влюблена, и также невпадаютъ, замужня чухнущая дамочка. Обѣ подъ конецъ жестоко разочаровываются, потому-что этотъ ловеласикъ, *совмѣстно* ухаживающій и за привлекательною сестрицей означенной дамочки, оказывается несвободнымъ, обладая покинутою гдѣ-то супругою изъ простаго сословія, ужасною мегерою и ксантипою хоть куда. Въ романѣ есть и другое таинственное лицо, фризвое, попивающее и стращающее Иловскаго обнаруженіемъ его супружескихъ отношеній, которыя, неизвѣстно почему, лицу тому вѣдомы. Вообще, предшествующій роману эпизодъ женитьбы Иловскаго, покрытый мракомъ, не вяжется съ дальѣйшими происшествіями, да и тѣ не совѣмъ ладно группируются между собою, составляясь, большею-частью, изъ отдѣльныхъ сценъ, нерѣдко и вовсе излишнихъ. Оттого роману и недостаетъ сосредоточенности, единства и логической послѣдовательности интриги. За всѣмъ тѣмъ нельзя у автора

* Одинъ р;б. сер., съ пересылкою.

отнять дара некотораго наблюденія и умвня разсказывать не безъ занимательности, не говоря уже о частомъ языкѣ и довольно живомъ слогѣ, но и не выставляя на видъ кой-какія «натуральности». Лучшее нѣчто въ романѣ—сцены на дачѣ, когда Иловскій преслѣдуетъ сестру таиндой дамочки, тоже вышедшую между-тѣмъ замужъ. Болѣе или мѣнѣе удачны и разныя другія сцены, то веселенькія, то не лишеныя чувства и драматическаго интереса: но романа, повторяемъ, какъ-то не выходитъ, отъ разбросанности и несдѣланныхъ этихъ сценъ. Характеры булочника, его жены и трехъ пріятелей—вводныя лица — не чужды маленькаго юмора, или, точнѣе, комизма, но самый этотъ комизмъ, безпрестанно перемѣшиваемый съ колоритомъ грустнымъ или меланхолическимъ, едва-ли не ослабляетъ впечатлѣнія послѣдняго, и общаго впечатлѣнія читатель изъ романа не выноситъ, хотя онъ кончается траурно — смертію раставшей дамочки — дѣйствительной его героини, гораздо болѣе, нежели «дочь булочнаго мастера», которая преспокойно потомъ выходитъ за другаго булочника, такъ что вы, статья-ше-можетъ, не далѣе, какъ сегодня утромъ, обмакивали въ кофе вкусный сухарь, вышедшій изъ ея бѣленькихъ и моленькихъ ручекъ....

II. МУЗЫКА.

Кое-что о преувеличеніяхъ. — Музыкальное ремесло. — Дива и пуфъ. — Фельетонное искусство. — Концертъ г. Мортье де-Фонтена. — Г-жа де-Фонтенъ. — Г. Соколы и его замѣчательный экспромтъ. — Балъ и концертъ въ пользу «Убѣжища Взрослыхъ Дѣвочекъ». — Цыгане. — Оперъ и его гармоника. — Маленькое слово о великомъ дѣлѣ. — Г. Кажинскій и его заслуги, признанныя имъ самимъ и его поклонниками. — Концертъ его.

Преувеличенія нынче въ большой модѣ; и не мудроно, — общество XIX-го столѣтія, пресыщенное всѣмъ наслажденіями, скучаетъ; положительность, естественность, истина не могутъ удовлетворять всѣхъ его наклонностей. Фантазія также требуетъ своей ниши. *Посредственность* оставляетъ насъ безъ участія, *хорошее* не обращаетъ на себя почти ничего вниманія, — настоящему вѣку вездѣ и во всемъ нужно одно *превосходное*. Чтобы вывести его изъ апатіи положительности—нужно диво. И вотъ истинныя *дива* — становятся его кумиромъ, онъ не жаждетъ для нихъ ни восторговъ, ни горла, ни денегъ. Но истинныя дива рѣдки, ихъ немного: не всякій день родится Жейни-Линдъ и Рубини, Лаблаши и Віардо, Джасты и Шульгофы, Оле-Були и Вьетавы,

Блазы и Серве. И вотъ, частенько являются вымышленныя, раздутыя фельетонными мѣхами, поддѣльные гении.

Къ сожалѣнію, нигдѣ страсть къ преувеличеніямъ не кидается такъ въ глаза, какъ въ художественномъ мірѣ, и въ особенности въ музыкѣ, въ бѣдной музыкѣ, которой рѣшительно завладѣли странствующие по міру музыканты. Эти господа, подъ видомъ служенія искусству, составили себѣ изъ музыки выгодное ремесло и образовали цѣлый отдѣльный классъ художественныхъ ремесленниковъ, обозначаемыхъ общимъ названіемъ *концертистовъ*. Цѣлыми стаями налетаютъ они на европейскія столицы, и наперерывъ и въ перегонку начинаютъ отбивать другъ у друга слушателей, то-есть, не столько слушателей, какъ выражаемую ими въ касѣ цыфру рублей, талеровъ, гульденовъ, франковъ и такъ далѣе. Средства при состязаніи такого рода, или лучше сказать, при этой музыкальной *stéerple chase*, разумѣется, не могутъ подвергаться слишкомъ строгой разборчивости: основная идея концертовъ — *музыка* отодвигается въ тѣнь, а впередъ выступаетъ побочная, или задняя мысль (*aggrège-pensée*) *успѣхъ*, то-есть, говоря прозаичнѣе — *сборъ*. Это достигается разными средствами: извѣстной степенью шарлатанства, малой толкой интриги и огромной дозой фельетоннаго клакеретва. Если уже артистъ спустился до того, что позволяетъ себѣ пuffed вѣ искусствѣ, которому служить, то отчегожъ не позволить себѣ ихъ немножко и въ печати, ради успѣха. И вотъ эти-то господа породили (разумѣется ужъ) во Франціи особеннаго рода статьи, называемыя *gésclame*, статьи, въ которыхъ заранѣе восхваляются дивирамбы великимъ ихъ дарованіямъ, гдѣ ихъ обыкновенно сравниваютъ съ величайшими свѣтилами искусства, жалуютъ въ ученики знаменитѣйшихъ мастеровъ, и такимъ-образомъ заманиваютъ легковѣріе публики въ ловушки, называемыя концертами. Статьи эти выгодны для странствующихъ артистовъ, и очень безвредны для ихъ составителей-фельетонистовъ. Есть особенный разрядъ меленькихъ граматѣевъ, которыхъ редакторы на эти дѣла употребляютъ съ большою ловкостію: у нихъ есть лексикончикъ техническихъ словъ, есть запасецъ общихъ фразъ и самое безстрашное мужество дѣлать сравненія, почти баснословныя, и говорить, что имъ прикажутъ, съ видомъ самаго глубокаго убѣжденія. И вотъ оттого-то случается иногда, что истинные, гениальные артисты проходятъ передъ публикою незамѣченныя, а промышленники музыкальныя собираютъ вокругъ себя толпы, и десятирицею вознаграждаютъ себя за ужины, обѣды, завтраки и маленькіе подарки, неразлучныя съ удовольствіемъ рекламъ. Истинный артистъ, уважающій искусство и сознающій свое достоинство, является передъ публикою просто, скромно, сознательно, безъ криковъ и зазывовъ, безъ пущенныхъ впередъ *анекдотовъ* и

портретовъ; ему не нужно закупать вниманіе публики преждевременными похвалами, черезъ чуръ смѣлыми сравненіями; онъ знаетъ, что въ минуту, когда онъ передастъ душу свою инструменту, или оркестру—онъ поработитъ свою аудиторію, онъ заставитъ себя дивиться, говорить о себѣ. Фиглярствующимъ виртуозамъ такъ дѣйствовать опасно: въ концерты—ихъ судятъ знатоки, коноводы искусства, въ рекламѣ—добрые благопріятели. Вотъ отчего случалось, что такіе виртуозы, какъ Делеръ, Блазъ, Эрнстъ, Леонардъ, Альбони оставались безъ слушателей, а господа, умѣющие касаться не однихъ слабыхъ струнъ инструмента, но и слабыхъ сторонъ фельетона, обработывали свои дѣляшки по этой части нанотѣннѣйшимъ образомъ.

Иностранные рекламисты или фельетонные клакеры и создаютъ такъ называемыя *дива*, необходимыя для того, чтобъ расшевелить современнаго человѣка. Дива эти жаждутъ они въ геніи по произволу и по необходимости—безъ этого реклама не будетъ рекламой. Чуть явился какой-нибудь выкалачиватель клавишъ или балансеръ на туге-натянутой струнѣ—пуффъ! пуффъ!—и геній готовъ. Да и какъ же иначе? Всѣ слышали Листа, Оле-Буля, Зонтага, Рубини, Віардо, Лаблаша, — что же за интересъ послѣ нихъ слушать какія-нибудь посредственности, если эти посредственности не владѣютъ какой-нибудь необыкновенной штукой, какимъ-нибудь *фортелемъ*! Чтобъ возбудить въ публикѣ интересъ, надо представить ей геніевъ, — словно геніи рождаются, какъ грибы!

Впрочемъ, господамъ производителямъ дивъ и геніевъ и нечего стѣсняться, — процессъ возведенія въ это достоинство такъ легокъ, такъ удобенъ! Для этого не требуется ни эстетическихъ убѣжденій, ни особенныхъ знаній, ни даже самой простой вещи — опытности художественной. Нужна только смѣлость и самонадѣянность.

Но обратимся къ нашему музыкальному отчету за прошлый мѣсяць.

Много разъ было уже говорено о необыкновенной музыкальности Петербурга, не подверженной никакому сомнѣнію и подкрѣпленной фактами безчисленныхъ концертовъ, загородныхъ оркестровъ, странствующихъ трубочей и шарманокъ, и наконецъ мириадами выходящихъ ежедневно полекъ, галоповъ и кадрилией. Но и въ самыхъ доказанныхъ положеніяхъ часто находятъ еще стороны спорныя, какъ въ свѣтилахъ дня и ночи астрономы видятъ пятна. Такъ и въ нашей музыкальности есть свои слабыя стороны: многіе больше любятъ смотрѣть, а не слушать музыку. Мы любимъ музыку легкую, блестящую, и вотъ въ чемъ заключается причина успѣха концерта Бальфе и пустота залы во время концерта г. Мортъе-де-Фонтена, концерта, исключительно составленнаго изъ классическихъ пьесъ.

Грѣшность программы концерта не допустила исполнить въ точности все обѣщанное, и характеристическая увертюра Берліоза: «Римскій карнавалъ» была пропущена по недостатку времени. Конечно, многіе въ правѣ претендовать на это, основываясь на томъ, что никто не вынуждалъ г. Мортъе-де-Фонтена писать аршинныя программы; но зато все исполненное въ концертѣ этомъ было такъ взячно, что вполне вознаградило пропускъ увертюры Берліоза. Не игралъ и г. Дмитріевъ-Свѣчинъ.

Г. Мортъе-де-Фонтенъ въ концертѣ своемъ вполне доказалъ свое совершенство въ исполненіи классической музыки. Началомъ была увертюра Мендельсона-Бартольди: *Les Hébrides*. Излишне было-бы разспрашивать о достоинствахъ этой пьесы, — имя автора, известнѣйшаго изъ новѣйшихъ композиторовъ, вдохновеннаго поэта, отвѣчаетъ за прелесть этой увертюры, исполненной, какъ нельзя лучше. За ней слѣдовала пріятная новость для Петербурга: 4-й концертъ въ *sol majeur* (оп. 58-й) Бетговена, исполненный г. Мортъе-де-Фонтеномъ съ рѣдкимъ искусствомъ и поразительнымъ знаніемъ дѣла. Нѣмецкая газета *Allgemeine Zeitung* называетъ концертъ этотъ удивительнѣйшимъ, оригинальнѣйшимъ, искуснѣйшимъ и труднѣйшимъ изъ всѣхъ до нынѣ написанныхъ. Въ составъ его входятъ три части: аллегро, адажіо и рондо. Въ концѣ *allegro* и *gondo* г. Мортъе-де-Фонтенъ исполнялъ каденцы, нарочно сочиненныя имъ для этого концерта, и доказалъ свое близкое сродство съ духомъ великаго учителя, классическій, строгій стиль котораго ему вполне доступенъ. Одинъ только гений Бетговена могъ, выходя изъ границъ теоріи музыки, создать такое *gondo*. Слѣлое начало въ *ut majeur*, тогда какъ все *gondo* писано въ *sol majeur*, невольно поражаетъ слушателей; *adagio*-же, едва-ли не лучшее созданіе изъ всѣхъ твореній Бетговена. Это цѣлая поэма, изображающая Орфея, сходящаго въ Тартаръ, для отысканія Евридикы. Грозный привратникъ подземнаго міра, чудовищный, треглавый Церберъ (*оркестръ*) рычитъ при видѣ живаго существа, проникающаго въ жилище тѣней; Орфей (*фортепьяно*) умоляетъ его открыть врата ада, и чудовище, очарованное волшебными, дивными звуками, мало-по-малу смигчаетъ свой гнѣвъ и пропускаетъ пѣвца въ міръ, доступный только тѣнямъ усопшихъ. Въ концѣ этого знаменитаго *adagio*, слушатель приходитъ въ восторгъ предъ дивнымъ сочетаніемъ *pianissimo* въ оркестрѣ съ постепенно возрастающимъ *crescendo* въ партіи фортепьяно, сочетаніемъ, образующимъ удивительно сладкую, пѣвучую, бетговенскую мелодію.

Послѣ этого концерта явилась, въ первый разъ, предъ публикою

создательница въ Германіи роли « Валентины » въ Гугенотахъ, г-жа Мортъе-де-Фонтенъ, урожденная Лимбахъ. Замѣчательная пѣвица. Она превосходно спѣла молитву, сочиненную въ 1667 году знаменитымъ композиторомъ Александромъ Страделла: *Se i miei sospirî.*

Разъ, во-время путешествія по Италіи, на Страделлу напали спаданы, подкуленные однимъ изъ соперниковъ знаменитаго маэстро. Смерть артиста была неизбежна: онъ былъ одинъ, среди злодѣевъ и дикихъ, голыхъ скалъ. Не оставалось никакой надежды на спасеніе, — за жизнь Страделлы напередъ было заплачено цѣною золота.

— Дайте мнѣ помолиться! вскричалъ композиторъ.

— Молись, но скорѣе! грозно отвѣчалъ предводитель бандитовъ.

Страделла упалъ на колѣна и подыалъ руки къ небу. Волшебные звуки полились изъ груди музыканта; сначала онъ пѣлъ тихо, потомъ громче, громче, — и наконецъ образовался изъ этой молитвы божественный гимнъ.

Страделла, одушевленный торжественностью своего положенія, пѣлъ послѣднюю пѣснь лебедя... пѣснь эта чудною мелодіею разнеслась по пустынѣ, восторгалась гармоническимъ эхо, и прояснила мракъ, лежавшій на преступныхъ душахъ бандитовъ. Предсмертная молитва пробудила въ сердцахъ ихъ давно заглохшія чувства... молча, со слезами на глазахъ, съ раскаяніемъ въ душѣ, опустились они на колѣна, и окровавленные руки впервые поднялись къ небу.

Страделла умолкъ.

— Я готовъ, — сказалъ онъ, смиренно опуская голову.

— Вставай, — возразилъ начальникъ бандитовъ, — небо услышало твою молитву... Иди съ Богомъ, отнынѣ намъ уже не нужно золото, прибрѣтенное цѣною крови.

Эту самую молитву исполняла г-жа Мортъе-де-Фонтенъ, и исполнила ее съ чувствомъ, согласнымъ съ вдохновеніемъ поэта.

Чѣмъ музыка старѣе, тѣмъ труднѣе сдѣлать ее занимательною для нынѣшней публики, привыкшей къ блеску новѣйшихъ композицій; несмотря однакожъ на то, г-жа Мортъе-де-Фонтенъ произвела пріятное впечатлѣніе, и неоднократные вызовы, по окончаніи молитвы, служатъ явнымъ доказательствомъ, что и пѣса и исполнительница имѣли полный успѣхъ.

Мы умолчимъ о фантазіи на мотивы изъ оп. «Осада Гента» Мейербера, сочиненной для двухъ фортепьянъ г. Мортъе-де-Фонтеномъ и исполненной имъ и г. Рубинштейномъ; это вещь въ высшей степени слабая и незначительная; умолчимъ и о пѣніи г. Фаччіоти, нѣкоего пѣвца, пожелавшаго себя въ италіянца, и прямо перейдемъ къ г.

Стигелли, первому тенору Ковентгарденскаго театра въ Лондонѣ, прозванному въ Германіи: *первымъ пѣсенникомъ*, т. е. пѣвцомъ нѣмецкихъ пѣсень—*лидеръ-зингеръ*.

Настоящая фамилія этого пѣвца Стигель, это также нѣмецъ, неустоявшій противъ искушеній моды итальянизироваія. Стигель или, пожалуй, Стигелли, родомъ изъ Виртемберга; учился сперва законовѣдѣнію, но вскорѣ возмѣнилъ непреодолимое отвращеніе къ латыни, къ кодексамъ Юстиньяна и т. п. Нѣмецкія пѣсни и итальянскія аріи показались ему гораздо благозвучнѣе юридическихъ терминовъ, и сбросивъ съ себя тогу, Стигелли вступилъ въ оперу въ Штутгардѣ, пѣлъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Берлинѣ, гдѣ мы его слышали въ 1846 г. и, наконецъ, отправился для усовершенствованія въ Италію. Съ 1849 года онъ былъ ангажированъ къ оперной труппѣ лондонскаго Ковентгарденскаго театра.

Въ концертѣ г. Мортъе-де-Фонтена Стигелли явился въ первый разъ передъ нашею публикою, и прекрасно исполнилъ арію изъ «Фенеллы» (*Schlummer-arie*), особенно же обратилъ на себя вниманіе публики пѣснями: *Die schönsten Augen*, своего сочиненія, и *Trockne Blumen*, соч. Ф. Шуберта.

Совершенное владычество надъ своимъ голосомъ, который употребляется имъ съ ловкостью и вкусомъ, удивительный фальцетъ, много чувства и выраженія, усовершенствованная техника, ясный, понятный выговоръ, вотъ качества, которыми вполнѣ обладаетъ г. Стигелли, принятый публикою весьма благосклонно и удостоенный нѣсколькихъ громкихъ вызововъ.

Въ этомъ-же концертѣ имѣли мы случай слышать въ первый разъ г. Германа, виолончелиста короля шведскаго. Артистъ этотъ принадлежитъ къ школѣ Ромберга; онъ хорошо выкинулъ въ богатство средствъ, представляемыхъ его пѣвучимъ инструментомъ, сдѣлалъ въ технику игры значительныя улучшенія, и одаренный природою замѣчательной ловкостью и глубокимъ чувствомъ, умѣетъ придать игрѣ своей колоритъ необыкновенной нѣжности. Онъ игралъ фантазію своего сочиненія на шведскія пѣсни, мотивы которыхъ очень походятъ на русскія и напомнили намъ что-то родное.

Г-жа Мортъе-де-Фонтенъ, исполненіемъ двухъ пьесъ: *Ave Maria* Шуберта и романса Баумана, вполнѣ доказала свой талантъ. Пѣсни эти, отличающіяся совершенно различными характерами, пропѣты были ею съ рѣдкимъ искусствомъ, и доставили ей почетное мѣсто въ кругу артистовъ, посѣтившихъ въ нынѣшній сезонъ Петербургъ.

Концертъ этотъ заключился фантазіей Бетгоvena для фортепьяно,

оркестра и *хоровъ* (ор. 80). Веберъ сказалъ объ этой фантазіи: «Изящно созданное, богатое произведеніе, сооруженіе котораго становится удобопонятнымъ посредствомъ финальныхъ *хоровъ*».

Фантазія эта вѣнецъ г. Мортъе-де-Фонтена, и мы имѣли уже случай говорить о ней въ ноябрской, за прошлой годъ, книжкѣ «Пантеона». Но мы говорили только по свѣдѣніямъ иностранцевъ, нынѣ-же мы убѣдились сами, что отчетливое, прекрасное исполненіе г. Мортъе-де-Фонтена есть чистый плодъ его учености, музыкальнаго проникновенія и классической опытности. Намъ остается поблагодарить этого артиста за доставленное публикѣ эстетическое наслажденіе, и пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ.

Намѣреніе его поселиться въ Петербургъ даетъ намъ надежду не разъ еще слышать его классическое исполненіе безсмертныхъ твореній великихъ учителей, на тщательное изученіе которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь,—обстоятельство, которое доказываетъ всю скромность и изящество его вкуса.

Не можемъ также не поставить на видъ, что въ этомъ чисто классическомъ концертѣ оркестръ состоялъ изъ музыкантовъ даровитаго дирижера Іосифа Гунгля. Афиши объявляли, что управленіе оркестромъ ввѣрено г. Шуберту, но за полчаса до начала получено было увѣдомленіе о внезапной болѣзни послѣдняго. Г. Мортъе-де-Фонтенъ обратился къ находившемуся тутъ г. Соколю, который съ боязнію и недоувѣрчивостію къ себѣ и къ своимъ рѣдкимъ качествамъ принялъ это предложеніе. Скромный скрипачъ садовыхъ и бальныхъ оркестровъ, г. Соколь только по временамъ заступалъ мѣсто господъ Гунглей, но несмотря на то, онъ одаренъ талантомъ самобытнымъ и весьма замѣчательнымъ. Принявъ на себя управленіе оркестра въ концертѣ г. Мортъе-де-Фонтена, онъ, безъ предварительныхъ репетицій, чистымъ экспромтомъ, такъ искусно и отчетливо исполнилъ трудное дѣло свое, что отнынѣ имя его сдѣлалось извѣстнымъ и стало на ряду съ именами лучшихъ нашихъ капельмейстеровъ, Мауреромъ, Шубертомъ, Бавери, Дютчемъ, Ладовымъ.

22-го февраля, въ Залѣ Дворянскаго Собранія, было продолженіе празднествъ, устраиваемыхъ Обществомъ благотворительныхъ дамъ въ пользу «Убѣжища взрослыхъ дѣвицъ». Праздникъ этотъ состоялъ изъ концерта и танцевальнаго утра. Къ крайнему удивленію, замѣтили мы, что въ этотъ день стеченіе публики было далеко не такъ значительно, какъ 8-го февраля, и по сию пору не можемъ себѣ объяснить этого явленія, тѣмъ болѣе, что въ концертѣ должны были участвовать

г. Анполлинарій Контскій, только что возвратившійся изъ путеше-
ствія въ Кіевъ. А по словамъ нѣкоторыхъ фельетоновъ, онъ одинокъ въ
состояніи привлечь всѣхъ жителей Петербурга. Откуда про-
изошла такая перемена? что причиною этого непопятнаго охлажденія?
Рѣшительно не понимаемъ. Неужели г.г. панегиристы ошиблись?
неужели они преувеличивали? Тутъ что-то не такъ. Вотъ другое дѣ-
ло, еслибы въ то время г. Леонардъ былъ уже въ Петербургъ — ну,
тогда мы поняли бы, почему именно остылъ энтузіазмъ, такъ усердно
поддерживаемый фельетонами; но 22-го февраля о Леонардѣ носились толь-
ко темные слухи, и Петербургъ еще не слышалъ этаго дивнаго артиста.
А между-тѣмъ, на танцевальномъ и музыкальномъ утрѣ публики было
немного. Не могла она знать, что, по встрѣтившимся обстоятельствамъ,
г. Контскому не удастся разыграть своихъ новыхъ *арпеджіевъ*. Какъ бы то
ни было, и несмотря на то, что г. Контскій не игралъ даже ни одной
ноты, утро это принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ нынѣшняго сезо-
на Непритворное веселье одушевляло всѣхъ посѣтителей, имѣвшихъ
внутреннее сознаніе своего участія въ добромъ дѣлѣ, и ны замѣтимъ
только, что непринужденность здѣсь переступила даже должныя границы:—
многіе изъ посѣтителей явились въ визиткахъ и пальто на танцо-
вальное утро въ Дворянскомъ Собраніи, гдѣ офицеры бывають не
иначе, какъ въ мундирахъ. Намъ кажется, что здѣсь *le sans-façons*
зашелъ ужъ слишкомъ далеко. Праздникъ начался прекраснымъ испол-
неніемъ дилетантами, подъ управленіемъ г. Сигизмунда Штерна, хора
изъ оперы «Моисей»; вслѣдъ за тѣмъ сыграна была опять увертюра
изъ оперы «Семираида», но уже не въ 32 руки, а въ 40 рукъ, и
сыграна прекрасно, отчетливо, согласно. Едва слушатели не лишились
и этого удовольствія, какъ лишились удовольствія слышать г. Коти-
скаго.

Одна изъ дамъ, исполнившихъ одну изъ первыхъ партій увертюры,
внезапно занемогла, и только находчивости г.г. Отрѣйкова и Штерна
обязаны мы, что увертюра не была отложена. Они увидѣли въ толпѣ
слушателей одного изъ лучшихъ музыкальныхъ дилетантовъ въ Петер-
бургѣ, А. И. Бернарда, и пригласили его заступить мѣсто больной. На-
до быть истиннымъ артистомъ и имѣть глубокую увѣренность въ своемъ
талантѣ, чтобъ рѣшиться исполнить предъ публикой, безъ предваритель-
ныхъ рещетцій, одну изъ главныхъ партій увертюры, разложенной для 40
рукъ. Г. Бернардъ съ рѣдкимъ искусствомъ преодолевъ всѣ трудности.
Музыкантъ въ душѣ, онъ инстинктивно понималъ всѣ требованія и усло-
вія, и увертюра Семираиды, съ внезапнымъ содѣйствіемъ его, была
исполнена еще лучше, чѣмъ въ концертѣ 8-го февраля.

По окончаніи увертюры поспѣдовалъ русскій хороводъ, составлен- ный изъ дѣтей, прекрасно приготовленныхъ г. Пишо, а вслѣдъ за тѣмъ въ большой залѣ начались танцы взрослыхъ, а въ малой — дѣтей.

Признаемся, мы удалились въ послѣднюю; намъ интересно было сме- трѣть на этотъ крошечный міръ, танцующій, прыгающій безъ всякихъ *arrière pensées*, отъ полной души. Здѣсь не существовало ни вычур- ности, ни жеманства, ни кокетства; веселіе здѣсь было самое радуш- ное, переходило на зрителей, на маменекъ, гувернантокъ, и дошло до того, что даже многіе взрослые пустились танцовать.

Празднествомъ этимъ заключился длинный рядъ концертовъ во-время нисофиа. Наступила масляница, полился ливнемъ дождь, избилась дорога, закружились качели, въ балаганахъ раздались звуки помѣдныхъ оркес- тровъ, длинною вереницею потянулись экипажи около горъ, — и все приняло другой оборотъ. Въ исходѣ масляницы погода внезапно измѣ- нилась, завылъ, забушевалъ—съ *большими Борей власами*, гоня предъ собою громадныя массы снѣгу, путь возстановился, снова показались заливчатскія тройки, украшенныя безчисленнымъ множествомъ нобря- кушекъ, на улицахъ исчезли бурнусы и пальто, проявились охваты своты, песцы, лисицы, медвѣди, и жители Петербурга понеслись шум- ными толпами за Неву, на Минеральныя Воды. И здѣсь опять му- зыка!—Петербургъ ужъ такъ созданъ, ему нѣтъ житья безъ музыки!— оркестръ, тирольцы, цыгане.... Кстати о послѣднихъ, составляющихъ необходимую принадлежность всѣхъ петербургскихъ увеселеній. Хоръ ихъ, состоящій теперь только изъ одиннадцати человекъ (6 женщинъ и 5 мужчинъ), значительно улучшился. Нѣтъ уже дикихъ, нестовыхъ криковъ, осталось одно тихое, звучное, пріятное пѣніе, дышащее род- ной, русскою заунывною. Да и надо отдать полную справедливость дирижѣру ихъ, Ивану Васильеву. Обладая небольшимъ, но довольно гибкимъ голосомъ, онъ искусно умѣетъ употреблять свои преимущества. Но вотъ прошла масляница и настала настоящая пора (сезонъ) концер- товъ.

Въ это время, по давно принятому обычаю, городъ нашъ купается, плавать, тонетъ въ музыкѣ. Музыка раздается во всѣхъ концахъ; въ залы, мало-мальски виѣстительныя, устанавливаются эстрада- ны, креслаши, стульяи и оглушаются звуками всевозможныхъ инстру- ментовъ и голосовъ. Артисты, прѣзжіе и доморощенные, знаменитые и безъзнавственные, расточительные и бѣдные, наперерывъ стараются озна- комить Петербургъ съ своими талантами, и заслужить хотя частичку тѣхъ оваций, которыми наша публика такъ щедро надѣляется всѣхъ и наждаго, оваций *звонкихъ и блестящихъ*.

Въ иной день бываетъ до четырехъ концертовъ, и каждый имѣетъ своихъ посѣтителей и слушателей. Всѣ наслаждаются по своему, — публика—музыкою, артисты—своими успѣхами; одни только несчастные фельетонисты не разделяютъ общаго удовольствія. Обязанные представлять обо всемъ отчеты, убѣждаться во всемъ лично, они должны находиться въ одно время во всѣхъ концертахъ, то есть, побывать въ каждомъ по получасу, прослушать — здѣсь музыку классическую, тамъ романтическую, въ третьемъ мѣстѣ пѣніе, въ четвертомъ польку, въ пятомъ какія-нибудь музыкальные фокусы... по-невогѣ голова ихъ кружится, мысли путаются, перо притупляется и пишеть панегерики всякому, хоть чѣмъ-нибудь замѣчательному таланту. Дѣлаютъ имъ на то замѣчанія, они разливаются желчью, вступаютъ въ битву съ своими собратьями, столь же несчастными, какъ они, — и все оттого, что каждый изъ этихъ господъ старается по возможности разнообразить свой фельетонъ. Не лучше ли было-бы, еслибъ всякій изъ нихъ писалъ меньше, но основательнѣе, дѣльнѣе....

Сезонъ начался концертомъ г. Кастилья, въ которомъ участвовали г. жи Виардо-Гарція, г. г. Стигелли и Онгеръ (вновь прїѣзжій артистъ на концертнѣ, по-русски—на гармоникѣ.) Мы не были въ этомъ концертѣ, но слышали г. Онгера на Минеральныхъ Водахъ. Инструментъ его, по устройству своему, даетъ возможность артисту исполнять съ удивительной отчетливостью и скоростью самые запутанные пассажи, аккорды, хроматическія гаммы и сопровождать ихъ разнообразной довольно звучной гармоніей. Конечно, при этомъ необходимы опытность, трудъ и ловкость, и все эти условія въ г. Онгерѣ на лицо. Не менѣе того игра на этомъ инструментѣ немногимъ опередила канареечный органъ.

Вечеромъ того-же дня былъ въ Александринскомъ театрѣ тотъ знаменитый концертъ г. Кажинскаго; по случаю котораго «Сѣверная Пчела» заблаговременно увѣдомляла, что выписанныя ею 16-ть номеровъ составляютъ только четвертую его часть. Шестьдесятъ четыре номера — страшно подумать!

Нѣтъ никакой возможности, даже и нужды, входить въ подробности о всѣхъ артистахъ, которымъ приходитъ охота угощать Петербургъ своей игрой, пѣніемъ и композиціями. Подобный трудъ далеко превзошелъ бы двѣнадцать работъ покойнаго Геркулеса, несмотря на то, что работы эти совсѣмъ не были бездѣльницами. Нѣтъ, мы чувствуемъ себя въ совершенной невозможности говорить о всѣхъ тѣхъ, которые несутся на крыльяхъ надежды въ *хладныя степи Россіи*, какъ они поэтически выражаются. Господа эти мечтаютъ о сибирскомъ золотѣ, которое, какъ извѣстно, лучше калифорнскаго, потому что легче добывается, и

воображаютъ, что сборы даются у насъ также удобно, какъ нѣкоторые фельетоны. Они забываютъ, что и самъ Аполлонъ имѣлъ большую привязанность къ намъ; ученый филологъ нашъ, докторъ Вальтеръ, сказалъ въ одной изъ своихъ латинскихъ одъ — *a propos*, переведенныхъ на руссiйское нарѣчiе:

• Что за восторгъ, ликование, какое высокое чувство,
Жителей странъ полуночныхъ на радостный пиръ созываетъ?
То Аполлонъ, въ кругу Девяти, къ своимъ *инпербореямъ*,
Родину Делосъ оставивъ, спѣшить.

(Торжественная ода по случаю праздника 50-ти-
лѣтняго юбилея Императорскаго Дерптскаго Уни-
верситета).

Можетъ быть артисты и не знаютъ этого обстоятельства, можетъ имъ и въ голову не приходило читать оды г. Вальтера, и это даже очень вѣроятно, потому что стеченiе артистовъ увеличивается у насъ съ каждымъ годомъ. Здѣсь есть представители всѣхъ нацiй, пьянисты всѣхъ земель, не достаетъ только кого-нибудь изъ Шницбергена, и коллекцiя была-бы полная. Если къ числу этихъ заѣзжихъ господъ мы прибавимъ еще всѣхъ нашихъ доморощенныхъ артистовъ, то право, безъ преувеличенiя, можно сказать, что Петербургу придется въ-теченiе Великаго Поста услышать десятую часть своихъ жителей.

А прослѣдить за всѣми, воля ваша, нѣтъ силъ, и мы однажды навсегда примемъ за правило говорить только о тѣхъ концертахъ, которые хоть чѣмъ-нибудь замѣчательны.

Но какъ поступить въ отношенiи концерта г. Кажинскаго? Право, мы находимся въ довольно затруднительномъ положенiи.

Одна газета поставила его въ генiи первой величины; она говорить, «что онъ образовалъ и сдѣлалъ превосходнымъ оркестръ Александринскаго театра, что онъ создалъ для него антракты, что онъ великiй композиторъ (а это много, потому что та же газета не признаетъ никакого таланта въ Мейерберъ, Верди и Глинкѣ), и что наконецъ «Пантеонъ» его *преслѣдуетъ.*» — Не доумѣваемъ и не знаемъ, въ какомъ смыслѣ принять выраженiе *преслѣдуетъ*? Слово это имѣетъ двоякое значенiе — *гнать* и *слѣдить за кѣмъ-нибудь*. Гнать мы г. Кажинскаго не могли, да и не имѣли на то никакого права; притомъ же мы считаемъ его безвреднымъ искусству. Критика гонитъ только шарлатановъ, шукарей, невѣждъ, которые по-

бюжными средствами, тайными путями хотѣть возвыситься надъ художниками съ истиннымъ призваніемъ и потому уже скромными, и свѣтлыми продѣлками профанируютъ самое искусство. Чтѣ же касается до преслѣдованія въ другомъ значеніи, то мы дѣйствительно слѣдили за успѣхами г. Кажинскаго въ тѣ минуты, въ которыя онъ выходилъ изъ своей обычной коленъ дирижера водевильнаго оркестра. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко, и сколько намъ помнится, только одинъ разъ, именно, когда онъ выступилъ, какъ критикъ-литераторъ, съ брошюрой, подъ названіемъ: «*Исторія Итальянской Оперы*», которая подлежала нашему разбору, потому-что относилась къ теоріи и литературѣ музыки. Обязанность художественнаго журнала требовала указать на всѣ несообразности и промахи этого небывалаго еще дотогѣ у насъ тѣоретика. Какъ композитора, мы г. Кажинскаго не разбирали никогда, во первыхъ потому, что онъ пишетъ сочиненія, не подлежащія критикѣ: *польки* и *попурри*, а во-вторыхъ потому, что мы убѣдились, что не скажемъ ему ничего новаго о его талантѣ, послѣ его собственноручнаго письма, адресованнаго къ намъ въ 1845 году, которое мы бережемъ, какъ драгоценный автографъ.

Геній всегда самъ сознаетъ свои силы, а мнѣніе г. Кажинскаго о самомъ-себѣ, выраженное въ письмѣ къ намъ, ясно доказываетъ, какъ глубоко онъ чувствуетъ свое высокое призваніе. Да оно и не можетъ быть иначе—геніемъ считается только тотъ, кто создалъ въ искусствахъ *новое, свое*,—а г. Кажинскій оказалъ несомнѣнную заслугу уже однимъ изобрѣтеніемъ «музыкальныхъ хронологическихъ таблицъ». Угодно-ли вамъ, напримѣръ, узнать, какія знаменитости посѣщали Петербургъ и когда именно? Просмотрите только полное собраніе сочиненій г. Кажинскаго, и вы тамъ тотчасъ найдете все: Таліони-полька, и Гриси-полька, и Лаблашъ-полька и т. д. И какъ не имѣть претензій на геніальность артисту-литератору, написавшему: *Исторію Итальянской Оперы*, и рассказавшему въ этомъ сочиненіи, въ какомъ положеніи была итальянская опера у древнихъ Грековъ и Римлян; доказавшему, что итальянцы пишутъ музыку для пѣнія лучше, чѣмъ нѣмцы и французы, объяснившему, что въ оперѣ подъ *инструментальною частію* разумѣются только увертюра и антракты, а все прочее есть не что-иное, какъ *лирическая часть*! Какъ не имѣть подобной претензій плодевитѣйшему изъ всѣхъ композиторовъ полскъ и галловъ, челоуѣку, воскликнувшему однажды (въ Библиотекѣ для Читанія): «*Дайте мнѣ двѣ первыя фразы любой увертюры Доницетти, и я напишу вамъ безъ ошибки всю его оперу, никогда не слышавъ ее!*»

Нѣтъ, такой возгласъ можетъ только происходить отъ глубокаго убѣжденія въ своей гениальности, и мы въ полномъ правѣ ожидать отъ господина Кажинскаго оперы, которая убьетъ Донизетти наповалъ. Нѣтъ, мы признаемъ, что по этой части г. Кажинскій — гений; онъ доказалъ это еще недавно введеніемъ въ оркестровку увертюры «Оберона» Вебера и «Цамшы» Герольда деревяннаго барабана (см. № 4-й Пантеона), и прекраснымъ исполненіемъ на этомъ вновь-изобрѣтенномъ имъ инструментѣ... Мы никогда не порицаемъ г. Кажинскаго; напротивъ, мы отъ души радуемся той степени совершенства, съ которою онъ употребляетъ при оркестровкѣ своихъ полекъ турецкій барабанъ, трещетки, хлопунки, кастаньетки, колокольчики и прочія ново-изобрѣтенныя мускійскія орудія.

Тотъ же панегиристъ, напечатавшій такую пышную похвалу заслугамъ г. Кажинскаго, выразился: «что подъ наними музыкальными статьями онъ не поднимаетъ своего имени за всѣ сокровища Австраліи и Калифорніи». Въ этомъ отношеніи у насъ совершенное съ нимъ сочувствіе: мы не пожертвуемъ такими сокровищами за эту честь, и сами ни за какія блага въ мірѣ не подпишемъ своего имени подъ статьями г. панегириста. *Sumus siquae*. Тѣмъ болѣе, что въ похвалахъ этихъ мы находимъ *преувеличеніе*.

Но въ затрудненіе насъ поставляютъ не польки, не антракты г. Кажинскаго — нѣтъ, насъ приводитъ въ затрудненіе его привычка составлять свои концерты изъ всякой всячины. Ну, скажите на милость, какъ дуться въ разборъ подобнаго пошпури, гдѣ было все: и рускія пѣсни, и концерты, и вальсы, и тріо, и капризы г. Контскаго, и вальтерны, и гобой, и тромбоны, и живыя картины, и увертюры подъ управленіемъ самаго бенефицианта; не было только антрактовъ сочиненія г. Кажинскаго? Въ этомъ *rôle-mêlé* замреть какое угодно музыкальное чувство.

Истинное удовольствіе доставили: А. Н. Лядовъ превосходнымъ исполненіемъ новаго вальса «Der Taubenling» (Голубиный полетъ) соч. Фарбаха, а Г. г. Бартольдъ, Эстеррайхъ и Шнидтъ (вальтерна, тромбонъ и гобой). Господа эти измѣнили нѣтъ инструментовъ своихъ истинно иными, пѣвучія, оборотистыя мелодіи. Съ наслажденіемъ также прослушали мы русскія пѣсни, очень хорошо исполненныя г-жею Леоновой и Латышевой, — пѣвучими, одаренными пріятными голосами и давно уже оцененными публикой. Особливо г-жа Леонова безподобна въ русской пѣснѣ — это ея *genre*.

Не можемъ также умолчать о молодомъ пьяницѣ Оффенбергѣ, который аккомпанировалъ капризы г. Контскаго, и даже въ этомъ второстепенномъ положеніи выказалъ много неподдѣльнаго дарованія.

Лучшимъ украшеніемъ были живыя картины, превосходно поставленныя талантливымъ декораторомъ Сѣрковымъ.

Это, впрочемъ, была самая эффектная часть концерта.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Масляница. — Адмиралтейская площадь. — Дѣятельность театровъ во время масляницы. — Число смѣренныхъ пьесъ и актеровъ — Смерть Я. Г. Брискаго и Е. И. Гусевой. — Прощаніе съ публикой В. В. Самойловой 2-й. — Театральные слухи. — Г. де-Сенъ-Жильенъ — новый театральнй фельетонистъ. — Нѣсколько словъ г. де-Сенъ-Жильену по поводу его сужденій о русской литературѣ и русской публикѣ. — Переводъ стихотворенія Лермонтова. — Публичныя лекціи. — Публичная Библіотека.

Масляница прошла, по обыкновенію, шумно и весело. Много было частныхъ баловъ и нѣсколько общественныхъ маскерадовъ. На Адмиралтейской площади, по обыкновенію, катались съ горъ, лущили орѣхи, пили сбитень, качались, хохотали надъ незамысловатыми шутками нашихъ доморощенныхъ паяцовъ, которыхъ народъ прозвалъ дѣлушками, потому что они являются предпочтительно съ сѣдою бородой, страствовали по балаганамъ. Всѣхъ балагановъ было въ нынѣшнемъ году одиннадцать; мы видѣли въ нихъ все старыхъ нашихъ знакомыхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ въ первый разъ представляли на Адмиралтейской площади. Видѣли мы семейство *Вейнертъ*, показывающее танцы на канатѣ и живую картину; профессора Беккера съ его живыми картинами, гимнастическими штуками и жонглерствомъ; ученыхъ обезьянъ, лошадокъ и собакъ Орбана и Казановы, пантомиму Ивана Легата, дѣтскій *маріонетный* театръ, труппу Кабиловъ, братьевъ Шнози и Луи Детроа, показывавшихъ чудеса физико-магін и пантомиму, въ которой люди являлись въ видѣ обезьянъ, вѣроятно изъ подражанія настоящимъ обезьянамъ гг. Орбана и Казановы; звѣринецъ Зама, двѣ панорамы и еще что-то въ родѣ пантомимы. Не думаемъ, чтобы читателямъ нашимъ было интересно знать подробности всѣхъ этихъ представлений, тѣмъ болѣе, что объ интереснѣйшихъ изъ нихъ мы имѣли уже случаи имъ рассказывать.

Загородныя поѣздки на тройкахъ, увеселительныя вечера у Излера, въ Екатерингофѣ, на Петергофской дорогѣ и другихъ подобныхъ мѣстахъ шли своимъ чередомъ. Вездѣ было много народу, вездѣ веселились по мѣрѣ силъ и возможности; во средоточіемъ масляничныхъ удовольствій были, какъ и всегда, театры. Всѣ они бывали полны, несмотря на соперничество съ прочими увеселеніями и несмотря на то, что у насъ четыре театра, въ которыхъ давалось по два представленія въ день.

Дѣятельность нашихъ театровъ во-время масляницы истинно изумительна; вотъ таблица, которая дастъ вамъ объ этой дѣятельности точное понятіе:

Въ-теченіе семи дней масляницы дано:

На Большомъ Театрѣ	16 пьесъ, въ 40 дѣйствіяхъ.
На Александринскомъ	38 ——— — 81 ———
На Михайловскомъ	42 ——— — 86 ———
На Театрѣ-Циркѣ	29 ——— — 65 ———

Всего 125 пьесъ въ 272 дѣйствіяхъ.

Въ томъ числѣ, считая повторенія:

Оперъ	13
Драмъ	17
Комедій	32
Водевилей	47
Драматическихъ пословицъ	4
Балетовъ	7
Конныхъ представленій	4
Пантомимъ	1

125 пьесъ.

Мы не включили въ этотъ расчетъ представленій итальянской, французской, нѣмецкой, балетной и конной труппъ, данныхъ для иностранцевъ, въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли поста, на такъ называемой нѣмецкой масляницѣ.

Вы видите изъ этого, что въ Петербургѣ было очень весело, хотя, разумѣется, не всѣмъ; радость и горе идутъ рука объ руку, съ тою только разницею, что радость откровенна, любитъ публичность, а

горе нечаянно, скрытно, сосредоточивается въ самомъ-себѣ, рѣдко дѣлается другому. Были, вѣроятно, и скучавшіе, къ числу которыхъ сѣбѣ можно отнести актеровъ: наше веселье достается имъ часто, особенно на масляницѣ, цѣною тяжкаго труда, и никто, я думаю, не ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ тихихъ дней отдыха, какъ они.

Было у нашихъ артистовъ и другое горе: они лишились, въ теченіе одной недѣли, двухъ любимыхъ и уважаемыхъ сослуживцевъ, Якова Григорьевича Брянскаго и Елены Ивановны Гусевой.

Яковъ Григорьевичъ Брянскій умеръ за нѣсколько дней до масляницы, въ четвергъ, 20 февраля, отъ холеры. Онъ былъ необыкновенно крѣпокъ и здоровъ, несмотря на свой уже преклонной возрастъ (ему было слишкомъ 60 лѣтъ), но припадокъ холеры былъ такъ силенъ, что унесъ его въ нѣсколько часовъ. Ночью онъ заболѣлъ, а къ двумъ часамъ пополудни его не было уже въ живыхъ. Въ самый день смерти своей онъ долженъ былъ играть роль Квазимодо въ «Эсмеральдѣ»; для его стояло вечеромъ на афишѣ, и большинство публики, видя въ его роли другаго, думало, что онъ только болѣтъ, не подозревая, что никогда уже не увидать его болѣе на сценѣ, на которой онъ съ честію прослужилъ болѣе сорока лѣтъ.

Редакція «Пантеона» надѣется напечатать въ скоромъ времени подробную біографію Я. Г. Брянскаго, обѣщанную ей однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ, и потому мы не коснемся здѣсь жизни этого артиста, пережившаго нѣсколько театральныхъ поколѣній, жизни важной въ исторіи русскаго театра, потому—что она обнимаетъ собой ея важнѣйшій періодъ. Мы не можемъ, однако-же, умолчать о томъ, что Я. Г. Брянскій былъ артистъ трудолюбивый, добросовѣстный, преданный своему искусству искренно. Онъ принадлежалъ къ декламационной школѣ Дмитревскаго и Яковлева, школѣ уже сошедшей со сцены и почти не имѣющей въ настоящее время представителей; игра его была, въ слѣдствіе этого, нѣсколько напыщена, *театральна*, но всегда благородна и правильна. Амплуа благородныхъ отцовъ, въ драмахъ и комедіяхъ, понесло въ немъ невознаградимую, въ настоящее время, потерю.

Какъ человекъ, Я. Г. Брянскій пользовался уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его; онъ былъ отличный товарищъ, честенъ, правдивъ, добръ и благороденъ.

Смерть Елены Ивановны Гусевой была еще неожиданнѣй. Мы были знакомы съ нею на похоронахъ Брянскаго, а ровно черезъ недѣлю, въ четвергъ на масляницѣ, 27 февраля, она отправилась въ слѣдъ за своимъ старымъ сослуживцемъ.

Это было во-время утренняго спектакля; давали «Русскую Свадьбу» г. Сухомина. Русева чувствовала себя нехорошо еще до начала представленія, но думала, что уже поздно отказываться отъ роли, и потому одѣлась и вышла на сцену. Первое дѣйствіе она сыграла съ трудомъ, а во-второмъ ей сдѣлалось еще хуже. Она кое-какъ докончила одну изъ послѣднихъ сценъ этого дѣйствія, и вышла за кулисы, почти шатаясь; тамъ она опустилась на стулъ, который посѣщили подать ей товарищи; замѣтивъ ея слабость. — «Что съ вами, Елена Ивановна?» спросилъ одинъ изъ нихъ. — Охъ! худо, братцы, отвѣчала она: смерть пришла. Простите меня, если я въ чемъ согрѣшила передъ вами. — Одинъ изъ близъ стоявшихъ артистовъ сталъ было утѣшать ее, но больная опрокинулась на спинку стула, и черезъ нѣсколько минутъ ея не стало.

Всѣ любители русскаго театра пожатъютъ объ Е. И. Русевой, какъ пожатъютъ о ней всѣ ея близкіе и знакомые. Она превосходно играла роли женщинъ простаго званія: рыночныхъ торговкокъ, кухарокъ, нянюшекъ, свахъ, и долго еще, вѣроятно, никто не замѣнитъ ее въ этихъ роляхъ. Елена Ивановна была веселата нрава, постоянно шутила, острила и никто не скучалъ въ одномъ съ нею обществѣ.

Но тяжелѣе и невознаградимѣе этихъ двухъ утратъ — утрата Василія Андреевича Каратыгина; смерть его нанесла нашему театру жестокий ударъ, отъ котораго трудно будетъ оправиться. Со смертію Василія Андреевича, драма и трагедія сдѣлались почти невозможными. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ замѣненъ; но замѣнить его будетъ трудно. Находили, и не безъ нѣкотораго основанія, недостатки въ игрѣ Василія Андреевича, но никто и никогда не сомнѣвался въ его огромномъ дарованіи, для котораго не было невозможныхъ ролей. Выступивъ на сцену въ 1820 году, онъ началъ свое театральное поприще ролью Фиггала, въ известной трагедіи Озерова, съ перваго разу сталъ на первое мѣсто въ ряду товарищей; — на мѣсто Дмитревскаго и Яковлева, своихъ славныхъ предшественниковъ и никому не уступалъ его до самой смерти, не смотря на то, что со времени его дебюта русская драма пережила три переворота. Онъ былъ неподражаемъ въ трагедіи классической, истинномъ его назначеніи, но никто не могъ превзойти его и тогда, когда романтическая трагедія школы Шекспира и Шиллера вѣтѣсила классицизмъ, точно такъ же какъ и послѣ вторженія на нашу сцену новѣйшей французской драмы. Правда, каждая изъ этихъ трехъ эпохъ оставила на его талантѣ отпечатокъ; а отпечатки эти, сливкомъ противорѣчащіе между собой, заставляли его иногда придавать ложный свѣтъ нѣкоторымъ ролямъ, но вѣстѣ съ тѣмъ, эти три перемѣны Каратыгинами эпохи доказываютъ великость его дарованія; габкаго и всеобъемлющаго. Если

биографія Брянскаго можетъ принести пользу исторіи театра, то тѣмъ болѣе принесетъ пользы ей биографія Каратыгина, имѣвшаго на театрѣ большее вліяніе. Трудно было бы пересчитать всѣ сыгранныя, или созданныя, какъ говорятъ французы, Каратыгинымъ роли, и потому мы назовемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ нихъ.

Къ первой, классической, эпохѣ относятся роли: Ореста въ Андромахѣ, Эгиста въ Меропѣ, Ипполита въ Федрѣ, Арзаса въ Семирамидѣ, Азияла въ Ифигеніи, Родрига въ Сидѣ, Танкреда, Дмитрія Донскаго, Пожарскаго и др.

Ко второй эпохѣ относятся роли въ Гамлетѣ, Отелло, Лирѣ, Коріоланѣ, Сынѣ любви, Разбойникахъ, Коварствѣ и Любви, Донъ-Карлосѣ, Вильгельмъ-Телѣ и др.

Къ третьей эпохѣ относятся драмы: Кинъ, Генрихъ III, Антони, Ричардъ д'Арлингтонъ, Тереза, Анджело, Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, Велисарій, Отецъ и дочь, Іоаннъ Герцогъ Финляндскій, Карлъ XII при Бендерахъ, Проступокъ, Прародительница, Зажигатели, Кровавая рука, Мономанъ, Елизавета и Графъ Эссексъ, Смерть или честь, Никому, кромѣ короля, Скопинъ Шуйскій, Честолюбецъ, Смерть Ляпунова, Торквато Тассо, Эсмеральда, Роксолана, Рука Всевышняго отечество слава, Параша Сибирячка, Молѣрь, Клара д'Обервиль, Король Энцио, Ермакъ, Елена Глинская, Иголкинъ, Зколованный домъ, Замокъ Плесси Латуръ, Греческій философъ, Денщикъ.

Послѣднею драматическою ролью, которую создалъ Каратыгинъ, была роль Бенвенуто Челлини, въ драмѣ того-же названія.

Къ этому перечню присоединимъ еще другой, а именно, короткій перечень пьесъ, переведенныхъ и передѣланныхъ имъ для сцены. Каратыгинъ перевелъ и передѣлалъ: *Агамемнона* Лемерсье, *Антони*, *Терезу*, *Ричарда д'Арлингтона*, *Кинъ* — Александра Дюма, *Лира*, *Коріолана*, — Шекспира; *Мессинскую Невѣсту* Шиллера, *Гладиатора*, *Предка и Потомковъ* — Виктора Гюго, *Людвика XI (Замокъ Плесси-Латуръ)* Казимира Делавиня, *Искательницу приключеній (Нашла коса на камень)* Эмиля Ожье, *Честолюбца* — Скриба, и мн. др.

Каратыгинъ заболѣлъ на масляницѣ, въ пятницу, въ день смерти Гусевой, которая, говорятъ, произвела на него очень сильное впечатлѣніе. На слѣдующій день было ему уже такъ худо, что онъ отказался играть въ драмѣ «Смерть Ляпунова». Скоро послѣ того открылась у него тифозная горячка, которая, несмотря на невѣроятную почти силу и желѣзное тѣлосложеніе больнаго, свела его въ могилу. Онъ умеръ въ пятницу на второй недѣли поста, 13 марта, въ часъ пополудни.

Замѣчательно, что Брянскій и Гусева умерли также въ пятницу.

Вывозъ тѣла въ церковь Благовѣщенія въ Конной Гвардіи проходилъ 15 марта вечеромъ, а отпѣваніе, въ той-же церкви, 16 числа, въ десять часовъ утра.

На вывозъ собралось столько народу, что оба берега Мойки; отъ Краснаго моста до дому Якупчикова, въ которомъ жилъ покойный, были покрыты сплошною толпою, равно какъ и вся почти площадь, между дворцомъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны и Исакіевскимъ Соборомъ. Гробъ донесли до церкви на рукахъ.

Разсказываютъ, что какой-то порядочно-одѣтый господинъ порывался, во-время шествія, приблизиться ко гробу, но толпа не допускала его; наконецъ онъ подошелъ довольно близко и хотѣлъ, подобно многимъ другимъ, нести гробъ, но никто изъ несшихъ не уступалъ ему своего мѣста. Тогда онъ обратился къ одному, судя по платью, мѣщанину или мелкому торговцу, и просилъ его пропустить его, говоря, что покойникъ былъ ему знакомый.

— Эхъ батюшка, отвѣчалъ мѣщанинъ, не уступая своего мѣста и отстраняя просявшаго, онъ былъ намъ весьма знакомый!

Эти простые, но проникнутыя задушевностію слова, показываютъ, какъ популяренъ и любимъ былъ покойникъ.

На слѣдующій день толпа была еще больше: она покрывала всю улицу отъ церкви Благовѣщенія, весь Благовѣщенскій мостъ и часть островской набережной. Народъ не допустилъ, по окончаніи божественной службы и панихиды, поставить гробъ на колесницу, неся его до самаго Смоленскаго-кладбища, и разошелся только тогда, когда гробъ засыпалъ землею.

Изъ числа присутствовавшихъ въ церкви, при отпѣваніи, мы замѣтили многихъ государственныхъ сановниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые несли гробъ до колесницы; всѣхъ артистовъ русской труппы и многихъ артистовъ французской, нѣмецкой и балетной труппъ. Изъ литераторовъ мы видѣли Н. В. Кукольника, Ф. А. Кони, Н. И. Греча, А. В. Висковатова, П. Г. Ободовскаго, П. С. Федорова, Д. П. Сущкова, П. П. Сухонина, В. П. Василько—Петрова.

Каратыгина положили у самой церкви, неподалеку отъ Дюра.

Мы слышали, что даровитый художникъ нашъ, В. Ф. Тимъ, издатель «Русскаго Художественнаго Листка», также присутствовавшій на похоронахъ, приготовилъ уже для одного изъ ближайшихъ номеровъ своего прекраснаго изданія, два большіе рисунка, представляющіе вывозъ тѣла и погребеніе.

Да, тяжело былъ прошедшій мѣсяцъ для Русскаго Театра. Смерть столькожъ артистовъ навела на всѣхъ какой-то паническій страхъ, такъ, что безпрестанно распространялись слухи о смерти, или болѣе многихъ другихъ артистовъ. Но къ счастью, всѣ эти слухи оказались ложными.

Въ Театральной Лѣтописи этого нумера рассказано о прощальномъ бенефисѣ госпожи Самойловой, по настоящее ея прощанье съ публикой было въ воскресенье наканунѣ Великаго Поста. Она играла въ этотъ вечеръ: въ драмѣ Корженевскаго «Окно во-второмъ этажѣ», въ комедии барона Ф. Ф. Корфа «Браслетъ и прочее», и участвовала въ дивертисманѣ изъ водевиля графа Потемкина «Последняя пѣснь Лебеда». Публика сдѣлала госпожѣ Самойловой торжественныя проводы. Безъ вызыванія послѣ каждой пьесы по нѣскольку разъ, и послѣ каждой пьесы бросали букеты, а послѣ дивертисмана вызвали, по арифметическому исчисленію одной газеты, ровно тридцать разъ, и, буквально, засыпали цвѣтами. Подруги ея, въ главѣ которыхъ, какъ мы слышали, была госпожа Левкѣва, поднесли ей лавровый вѣнокъ.

Въ дивертисманѣ госпожа Самойлова танцевала русскую пляску, съ своей сестрой; по окончаніи которой перецѣловала на сценѣ всѣхъ подругъ своихъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Потомъ она передала публикѣ нѣсколько букетовъ, а въ заключеніе бросила еще одинъ; букеты были, разумеется, разобраны по цвѣтку.

Теперь театры закрыты до Оминой недѣли; они отдыхаютъ, собираются съ силами и готовятъ, какъ мы слышали много новаго. Во-первыхъ, три одноактныя оперы г. Рубинштейна, о которыхъ мы уже говорили; во-вторыхъ, новую драму г. Маркова. О драмѣ мы ничего не знаемъ, а объ операхъ слышали, что одна изъ нихъ, либретто которой написано М. Л. Михайловымъ, называется «Омка дурачекъ»; другая, заимствованная изъ поэмы Лермонтова «Хаджи-Абрекъ» г. Жемчужниковымъ, называется «Местъ»; дѣйствіе третьей происходитъ въ Сибири, дѣйствуютъ въ ней охотники за медвѣдами, но ни названія ея, ни имени автора либретто не знаемъ.

Должно также отнести къ театральнымъ новостямъ появленіе новаго театральнаго фельетониста, а именно г. Шарля де Сень-Жюльена. Въ числѣ особенностей его фельетона, прежде всего укажемъ на подпись: г. де Сень-Жюльенъ не просто подписываетъ свое имя, а прибавляетъ къ нему: *Redacteur à la Revue des deux mondes*. Считаешь долгомъ объяснить, что во французской журналистикѣ слово *редакторъ* значить совершенно то-же, что у насъ *сотрудникъ*; онъ редактируетъ или *редактируетъ* свою статью, потому онъ и редакторъ. Нашему-же слову *редакторъ* (не статьи, а журнала) соответствуютъ во Франціи

нѣскольکو словъ: *redacteur en chef, gérant, directeur*. Г. де Сень-Жюльенъ напечаталъ въ *Revue des deux mondes* нѣсколько статей, и потому любитъ полное право называть себя редакторомъ въ *Revue des deux mondes*, но хорошо-ли онъ дѣлаетъ? Не думаемъ, потому-что г. Сень-Жюльенъ печаталъ въ этомъ журналѣ статьи о русской литературѣ, которыя никакъ не могутъ расположить въ его пользу русскихъ читателей. Одна изъ нихъ, о графѣ Соллогубѣ, ставитъ этого писателя чуть-ли не въ главѣ послѣдняго періода нашей словесности и наполнена множествомъ промаховъ, доказывающихъ, что авторъ не потрудился познакомиться основательно съ предметомъ, о которомъ пишетъ; другая, объ И. А. Крыловѣ, превосходитъ первую промахами, и должна была дать французамъ превратное понятіе о литературѣ нашей вообще, и о славыи баснописецѣ нашемъ, наиболѣе народномъ изъ изсихъ писателей, въ-особенности. Мы очень благодарны г. де Сень-Жюльену за его желаніе познакомить своихъ соотечественниковъ съ нашею литературою, но не можемъ не сожалѣть, что онъ сообщилъ имъ о ней много не-вѣрныхъ и даже превратныхъ свѣдѣній. Нельзя не отдать справедливости дарованію графа Соллогуба, но никто изъ знакомыхъ сколько-нибудь съ русской литературою, не поставитъ его въ главѣ эпохи, въ которую дѣйствовали Гоголь и Лермонтовъ. Что касается до мелкихъ промаховъ, то ихъ не перечесть. Вотъ, для образчика, нѣсколько изъ нихъ: онъ называетъ комедію Фонвизина «Недоросль» *Блуднымъ сыномъ* (*L'enfant prodigue*); оперу Крылова «Илья богатырь» переименовываетъ въ *Игоря богача* (*Igor Bogatch—Igor le riche*), оперу Крылова «Бѣшеная семья» — въ *La famille des Effrayés ou les Fous et les Espiegles*. (Семья испуганныхъ или сумасшедшіе и шутяватые?!). Изъ этого уже видно, что г. де Сень-Жюльенъ не довольно знакомъ съ русскимъ языкомъ, а слѣдовательно не могъ ознакомиться какъ слѣдуетъ и съ русской литературою. Последнее обстоятельство доказывается рядомъ промаховъ другаго рода. Такъ, наприимѣръ, г. де Сень-Жюльенъ сравниваетъ Державина съ Жанъ-Батистомъ Руссо (какая честь!), приписываетъ Карамзину литературные подвиги, которыхъ нашъ историографъ никогда не совершалъ, и т. п. При переводѣ басенъ Крылова онъ дѣлаетъ произвольные пропуски, иногда по нѣскольку стиховъ вдругъ. А переводитъ невѣрно. Наприимѣръ, онъ переводитъ *пустыя шм* выраженіемъ *chtchi deja fort entamé*, а стихи:

•Послушай-на, тутъ перервалъ мой лжець:

•Чѣмъ на мостъ намъ идти; пощемъ лучше броду.»

(Басня «Лосось».)

«*Ecoute, dit enfin le menteur en interrompant son malin compagne, au lieu de prendre par le pont, ne pourrions nous pas suivre les bords de la rivière?*» Т. е. *Послушай, сказалъ наконецъ лжець, перебивая своего хитраго товарища, чѣмъ на мостъ намъ идти, не лучше-ли пройти по берегу?*

Право, намъ кажется, что г. де Сень-Жюльенъ напрасно напомнилъ о своихъ статьяхъ о русской литературѣ, потому-что это можетъ повредить его фельетонамъ во мнѣніи русскихъ читателей.

Итѣмъ мы и еще кое-что сказать г. де Сень-Жюльену.

Въ одномъ изъ фельетоновъ своихъ, а именно, о бенефисѣ госпожи Вольнисъ, г. де Сень-Жюльенъ намекаетъ на то, что наша публика не имѣетъ собственного сужденія въ дѣлѣ искусства, а основываетъ обыкновенно свои мнѣнія на сужденіяхъ европейскихъ журналовъ; что она любитъ готовья, такъ-сказать, знаменитости и не въ состояніи оцѣнить, напримѣръ, хоть произведеніе иностранной литературы, самопо-себѣ. — Не господину-бы Сень-Жюльену говорить, не намъ-бы слушать. — Онъ лучше, нежели кто другой знаетъ, что Петербургъ оцѣнилъ прежде его соотечественниковъ госпожу Бурбье; что г. Брессана, о которомъ никто прежде не говорилъ, носить въ Парижѣ на рукахъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ возвратился туда изъ Петербурга; что госпожа Альбони, одна изъ первыхъ современныхъ пѣвицъ, была оцѣнена Петербургомъ въ то время, когда Европа почти не знала ее; что г. Бертонъ, наконецъ, пріѣхалъ къ намъ актеромъ весьма посредственнымъ, что публика принимала его тогда очень холодно, но что съ-тѣхъ-поръ, онъ образовался на нашей петербургской сценѣ и сталъ любимцемъ публики.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. де Сень-Жюльенъ приводитъ драматическую пословицу Альфреда де-Мюссе «*Un Carpece*», которая, по его словамъ, не имѣла успѣха въ Петербургѣ, гдѣ была играна прежде, нежели въ Парижѣ, и будучи представлена въ Парижѣ, произвела шумъ и открыла доступъ на сцену цѣлому ряду такихъ-же произведеній того-же автора.

Смѣемъ увѣрить г. де Сень-Жюльена, что и въ этомъ отношеніи онъ ошибается. Вотъ истинная исторія этой пьески.

Она, какъ справедливо замѣчаетъ г. де Сень-Жюльенъ, была первоначально напечатана въ *Revue des deux mondes*, но онъ, какъ кажется, не знаетъ, что она была потомъ переведена на русскій языкъ и напечатана въ «Библиотекѣ для Чтенія», подъ заглавіемъ «Женскій умъ лучше всякихъ лумъ». Переводъ этотъ сдѣланъ А. Н. Очкинымъ, нынѣшнимъ редакторомъ (въ нашемъ, а не во французскомъ смыслѣ)

«С. Петербургскихъ Вѣдомостей». За тѣмъ она была представлена на Александринскомъ театрѣ и имѣла огромный успѣхъ; наши театралы до-сихъ-поръ еще вспоминаютъ о томъ, какъ хороша была въ этой пьесѣ А. М. Каратыгина. Изъ чего-же г. де Сень-Жюльенъ заключилъ, что петербургская публика не умѣла оцѣнить достоинство этой миленькой пьески. Онъ не зналъ рассказанныхъ нами обстоятельствъ, но мало-ли чего онъ не знаетъ; онъ не знаетъ, какъ кажется и того, что на французской нашей сценѣ явилась пьеска Альфреда де-Мюссе въ слѣдствіе успѣха на русской, и что и здѣсь она имѣла большой успѣхъ, хотя г. де Сень-Жюльенъ не признаетъ этого.

Кажется, что рассказанное нами не только вполне опровергаетъ слова г. де Сень-Жюльена, но и доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Петербургъ открылъ Парижу сценическія достоинства пословицъ Альфреда де-Мюссе, потому-что ихъ стали давать тамъ только съ-тѣхъ-поръ, какъ воротилась туда изъ Петербурга г-жа Алланъ и сыграла *Un Caricé*», съ которымъ сама-то познакомилась въ-слѣдствіе перевода этой пьесы на русскій языкъ и успѣха ея на русской сценѣ.

Очень многіе смотрятъ на литературу легко, думаютъ, что для того, чтобы писать для печати, достаточно писать правильно и имѣть энциклопедическое образованіе — знать всего по немногу. Это понятіе о литературномъ трудѣ распространено не только между читателями, но раздѣляется даже нѣкоторыми пишущими. Особенно легко смотрятъ на фельетонъ. Намъ не разъ случалось слышать, что всякій образованный человѣкъ можетъ сдѣлаться фельетонистомъ: *стбитъ только набить руку....* Но отъ чего же у насъ такъ мало хорошихъ фельетоновъ. Вѣдь образованныхъ людей у насъ много. — Нѣтъ, фельетонъ требуетъ дарованія, и для него недостаточно поверхностнаго образованія. Фельетоны спеціальныя, какъ напримѣръ, о театрахъ, литературныя и т. п. гораздо легче тѣхъ, въ которыхъ говорится обо всемъ или о многомъ, но спеціальныя фельетоны требуютъ спеціальныхъ познаній и постоянныхъ занятій предметомъ, о которомъ въ нихъ трактуется. Мы сейчасъ видѣли тому доказательства. Что касается до пишущаго эти строки, то онъ считаетъ фельетоны долгомъ труднымъ, особенно же фельетоны, въ которыхъ приходится говорить о многомъ. Можно, разумѣется, наполнять ихъ сухимъ перечнемъ случаевъ, событій, именъ и т. д., но такой фельетонъ врядъ-ли будетъ интересенъ; говорить же обо всемъ съ знаніемъ дѣла, *avec connoissance de cause*, очень и очень не легко. Намъ, напримѣръ, предстоитъ теперь говорить объ продажѣ дублетовъ, бывшей въ Публичной библіотекѣ; что, кажется, можетъ-быть легче этого? — а, между-тѣмъ, попробуйте-ка. Конечно,

очень не трудно сказать, что такого-то числа, въ одной изъ залъ Публичной Библиотеки происходилъ аукціонъ, на которомъ продаю много замѣчательныхъ книгъ, касающихся исторіи Россіи и Польши; но читатели не удовлетворятся этимъ и потребуютъ заглавія замѣчательнѣйшихъ изъ этихъ книгъ. Въ томъ-то и будетъ затрудненіе: для этого надо быть библиофиломъ, т. е. специалистомъ въ дѣлѣ библиографіи. Всякой университетски образованный человекъ знаетъ имена Герберштейна, Олеарія, Павла Ювія и еще нѣкоторые другія, но этого недостаточно, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ продажу, бывшую въ Публичной Библиотецѣ. Вполнѣ сознавая это, равно какъ и нашу недостаточность въ дѣлѣ библиографіи, мы сообщимъ вамъ свѣдѣнія объ аукціонахъ Публичной Библиотеки на основаніи статьи Г. Н. Геннадя, молодого, весьма свѣдущаго библиофила.

Продажа дублетовъ началась 4-го марта, и продолжалась нѣсколько дней сряду. Названія книгъ, которыя были назначены въ продажу, были напечатаны въ особомъ каталогѣ, нарочно-изданномъ по этому случаю подъ заглавіемъ: «Catalogue d'une belle collection d'ouvrages, en majeure partie rares et précieux, concernant principalement la Russie et l'ancienne Pologne, qui seront vendus aux enchères à la Bibliothèque impériale publique, le 4 mars et les jours suivants». Всѣхъ сочиненій въ этомъ каталогѣ, изъ которыхъ впрочемъ многія повторяются, было назначено въ продажу 1800. Въ-слѣдствіе этой многочисленности книгъ, только нѣкоторыя было предназначено продавать отдѣльно, прочія-же были соединены въ связки, по 10, 15, 20 и болѣе сочиненій, болѣею частію однородныхъ, или близкихъ по предмету, или по времени, къ которому относятся. Любители книгъ и отечественной исторіи могли приобрести на этой продажѣ сочиненія почти всѣхъ важнѣйшихъ иностранныхъ писателей о Россіи. Тутъ были: Гвадини, Гельмольдъ, Герберштейнъ, Кельхъ, Матвій Мѣховитскій, Олай Великій, Олеарій, Петрей, Павелъ Ювій, Поссевинъ и другіе, также писатели XVIII вѣка: Нестезураной (Руссетъ или Гуссейнъ), Витвортъ, Штелинь, Перри, Страленбергъ, Монштейнъ, и позднѣйшіе: Потоцкій, Шереръ, Эверсъ, Галстгаузенъ и члены петербургской Академіи, писавшіе о Россіи: Германъ, Гмелинь, Гильденштедтъ, Георги, Конфера, Миллеръ и другіе. Въ отдѣлѣ Каталога, подъ заглавіемъ: «pièces concernant spécialement la Pologne было 202 нумера, въ числѣ которыхъ много чрезвычайно рѣдкихъ сочиненій; о Курляндіи 68 сочиненій, объ Эстляндіи 76, о Финляндіи 154, о Лифляндіи 123. Это можетъ дать понятіе о сокровищахъ, которыми подѣлилась Публичная Библиотека, отъ избытковъ своихъ, съ частными людьми.

Считаемъ долгомъ замѣтить, что самый каталогъ составленъ превосходно, со всѣми удобствами для покупателей; онъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ или авторовъ, или заглавій книгъ, если имени автора нѣтъ, или имени государей, къ царствованіямъ которыхъ они относятся или, наконецъ, названій наукъ, областей и такъ далѣе. Такъ, напримеръ, при имени Императора Александра приведено 86 сочиненій, считая повторенныя; при имени Императрицы Екатерины II—79 сочиненій, ея собственныхъ, или относящихся къ ея царствованію, въ томъ числѣ, между прочимъ «Antidote», возраженіе, писанное Императрицей вмѣстѣ съ И. И. Шуваловымъ и княгинею К. Р. Дашковой, противъ лжи и клеветы путешествія аббата Шаппо: Voyage en Sibirie fait par ordre du Roi en 1761.

Остается упомянуть о публичныхъ лекціяхъ о физиологій, которыя профессоръ Загорскій читалъ по субботамъ въ залѣ Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій. Не беремъ на себя судить объ этихъ чтеніяхъ почтеннаго профессора, пользующагося вполнѣ заслуженною ученою извѣстностію, но считаемъ долгомъ поблагодарить его за удовольствіе, которое онъ доставилъ, вѣроятно, не однимъ намъ, но и всѣмъ своимъ слушателямъ. Впрочемъ, самый предметъ чтеній г. Загорскаго такъ интересенъ, что они не нуждаются въ похвалахъ.

Были два чтенія о французской литературѣ г. Лешпа, одного изъ извѣстныхъ преподавателей французскаго языка и словесности въ нашей столицѣ, о поэтическомъ дарованіи котораго мы имѣли случай говорить въ одной изъ предыдущихъ книжекъ *Памтсона*, но намъ не удалось быть на этихъ, по увѣренію бывшихъ на нихъ, весьма интересныхъ чтеніяхъ.

Кстати. Это напоминаетъ намъ, что въ статьѣ, въ которой мы говорили о г. Лешпа, мы обѣщали сообщить нашимъ читателямъ образчикъ переводовъ г. Перро. Исполняемъ обѣщаніе, и предлагаемъ переводъ стихотворенія Лермонтова «Воздушный Корабль». Хотя онъ сдѣланъ не самимъ г. Перро, а его учениками, подъ его руководствомъ, но можетъ дать точное понятіе о томъ, какъ смотритъ почтенный профессоръ на переводы стихотворныхъ произведеній. Выпишемъ сначала подлинникъ, чтобы читатели могли сами сравнить его съ переводомъ.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснуть въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на вѣсъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
 На нихъ флюгера не шумять,
 И, молча, въ открытые люки
 Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
 Не видно матросовъ на немъ;
 Но скалы и тайныя мели,
 И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
 Пустынный и мрачный гранитъ;
 На островѣ томъ есть могила,
 А въ ней императоръ зарыть.

Зарыть онъ безъ почестей бранныхъ
 Врагами въ сыпучій песокъ.
 Лежитъ на немъ камень тяжелый,
 Чтобъ встать онъ изъ гроба немогъ.

И въ часъ его грустной кончины,
 Въ полночь, какъ свершается годъ,
 Къ высокому берегу тихо
 Воздушный корабль пристаеъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
 Очнувшись, является вдругъ;
 На немъ треугольная шляпа
 И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
 Главу опустивши на грудь,
 Илетъ и къ рулю онъ садится
 И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
 Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
 Оставилъ наследника сына,
 И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидя въ нравѣ починюъ,
Опять его сердце трепещеть
И очи пылають огнеюъ.

На берегъ большими шагами
Онъ сибѣ и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но опять усачи—гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумить,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ

И маршалы зова не слышать:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И топнуть о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходить,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему общаетъ полмира,
А Францію только — себя.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго его поджидая,
Стоить императоръ одинъ —

Стоить онъ и тяжело вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И каплютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой возшебный,
 Главу опустивши на грудь,
 Идетъ, и задыхая рукою,
 Въ обратный урывается путь.

Вотъ вамъ теперь переводъ:

LE VAISSEAU FANTÔME

Aux pâles reflets des étoffes
 Sur les flots de l'océan bleu
 Un vaisseau vogues à toutes voiles,
 Il vogue à la garde de Dieu.

Les flamme aux mâts sont muettes,
 Les mâts sont immobiles, morts,
 Et les canons passent leurs têtes
 En silence par le sabords.

On n'entend point le capitaine,
 On ne voit point les matelots;
 Sans crainte il dresse son antenne
 A travers les vents et les flots.

Sur la mer une île se hausse,
 Un roc sur les flots en fureur:
 Dans cette île est une fosse
 Et dans la fosse un empereur.

Là, sans les honneurs de la guerre,
 Les ennemis qu'il a vaincus
 L'ont mis sous une lourde pierre
 Pour qu'il ne se relevât plus.

A l'heure où ce roi sans royaume
 Mourut de la plus triste mort,
 A minuit le vaisseau fantôme
 Tous le ans s'approche du bord.

Lors s'éveillant avec la brise,
 L'Empereur surgit du tombeau:
 Il porte sa capote grise,
 Il porte son petit chapeau.

Les bras croisés sur la poitrine
Et le front penché tristement,
Sur le gouvernail il s'incline,
Et s'éloigne rapidement.

Il gouverne droit sur la France:
C'est là qu'est son trône éclatant,
Son héritier, son espérance,
Sa vieille garde qui l'attend.

Il marche tout droit à la grève
Il appelle ses grenadiers
D'une voix menaçante et brève
Il appelle leurs officiers.

Mais ses grenadiers intrépides
Dorment sous les vagues du Rhin,
Sous les sables des Pyramides,
Et sous les neiges du Kremlin.

Ses généraux n'ont pu l'entendre:
Les uns sont morts dans les combats,
D'autres ont survécu pour vendre
Leurs sabres et leurs vieux soldats.

Il marche à grands pas sur la côte
Du pied il frappe le gravier
Il appelle encore à voix haute
Il appelle son héritier.

Son fils, sa dernière espérance,
Son dernier rêve dans ses bras,
A lui, Napoléon, la France,
Mais à l'enfant-roi l'univers!

Mais son fils à la fleur de l'âge
S'est endormi dans un lincoût,
Et, l'attendant sur le rivage,
L'empereur reste longtemps seul.

Il reste seul, jusqu'à l'aurore,
 Il respire péniblement;
 Sur le sable qui les dévore
 Ses larmes tombent lentement.

Puis, remontant sur son navire,
 Le front retombant sur son sein,
 Lentement de bord il revire
 Et part en agitant la main.

За исключеніемъ шестой строфы и нѣкоторыхъ слабыхъ стиховъ, какъ, напримѣръ, послѣдній, вовсе непередающій мысли подлинника, мы предпочитаемъ этотъ переводъ переводу г. Э. Дешана, который былъ перенечатанъ въ одномъ изъ фельетоновъ «С. Петѣрбургскихъ Вѣдомостей». Не надо при этомъ забывать, что этотъ переводъ сдѣланъ не самимъ г. Перро, а только подъ его руководствомъ

Теперь остается намъ сказать кое-что про дамскій туалетъ.

Обсерваторію модъ въ настоящее время могутъ служить одни концерты. Въ концертахъ промелькнутъ передъ вами всѣ наряды: утренніе, бальные, визитные, потому-что концертовъ у насъ бываетъ отъ двухъ до четырехъ въ день, начиная отъ скромныхъ залъ Лихтеналея, Мятлевой и Пашковской, до Большаго и Михайловскаго театровъ и до пышной залы Дворянскаго Собранія. Въ дневные концерты дамы являются въ утреннихъ нарядахъ, въ шляпкахъ, визиткахъ, мантильяхъ, въ театрахъ вечеромъ туалеты уже поизысканнѣе, въ залу Дворянскаго Собранія, когда тамъ даются благотворительные праздники или большіе концерты, въ родѣ Бальфовыхъ, надѣваютъ бальный нарядъ—grande tenue. Вотъ описаніе замѣчательнѣйшихъ костюмовъ, промелькнувшихъ передъ нами въ прошломъ мѣсяцѣ:

1-й нарядъ.—Сборчатая шляпка изъ атласа и бархата, съ страусовыми перьями подъ цвѣтъ. Платье—канотъ изъ льняной, тяжелой шелковой матеріи, украшенное бархатными нашивками, на корсажѣ—à la hussarde, на збикъ— крупными фестонами. Корсажъ закрытый до верху, напередѣ съ пуговками. Ни сзади, ни спереди высковъ нѣтъ.

2-й нарядъ. — Шляпка изъ ривса, съ бархатными нашивками и верьями подъ цвѣтъ. Внутри, кругомъ всѣхъ полей идетъ гирлянда изъ бѣлыхъ лентъ, безъ зелени. Около лица цвѣтки крупны, вверху — мельче. Платье изъ гласе, съ открытымъ корсажемъ и полудлинными рукавами, въ сгибъ руки слегка перехваченными бантиками. Юбка въ четыре вола-на. Воланы, корсажъ и рукава отдѣланы рюшемъ изъ лентъ.

3-й нарядъ. — Подвѣчный. — Платье изъ бѣлаго дана, съ таковою же кофточкой, обшитой широкимъ кружевомъ, и напереди-схваченной бриллиантовыми пуговками. Кружевная шемизетка закрываетъ всю грудь, почти до самой шеи. Живой букетъ изъ миртъ и бѣлыхъ розъ. Кружевной вуаль, прикрѣпленный миртовымъ вѣнкомъ.

4-й нарядъ. — Бальный. — Новочодная прическа, состоящая вся изъ заплетенныхъ косъ, перевитыхъ жемчужными нитками и заканчиваю-щаяся назадъ букетомъ изъ розовыхъ камелій. Платье тюлевое, съ двумя тюниками, изъ которыхъ первая сбоку приподнята букетомъ цвѣ-товъ. Открытый корсажъ въ нѣсколько рядовъ убранъ узкимъ круже-вомъ и кокардами изъ лентъ, въ видѣ берты.

5-й нарядъ. — Шляпка, съ чрезвычайно маленькими полями, сши-тая изъ бѣлыхъ и черныхъ кружевъ, съ маленькимъ перомъ на боку. Платье изъ затканной плотной материи. Маленькая кофточка, напереди съ отложными лацканами, убрана вся бахромю. Рукава съ испанскими прорѣзами, сквозь которыя видны богатые кружевные подрукавники. Кружевная манишка, съ отложнымъ воротничкомъ.

Чепцы, накладки и подрукавники такъ разнообразны, что описать ихъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Но опытный дамскій глазъ, взглянувъ на нихъ, тотчасъ догадается, какъ и изъ чего они сдѣланы.

Этими головными уборами щеголяетъ магазинъ М-ше Флаксіонъ, въ Малой Милліонной, противъ Англійскаго магазина.

Нынѣшнія прически дамъ требуютъ рѣшительно артистической руки. Мы возвращаемся къ временамъ древняго Рима, когда уборка волосъ составляла первое и главное щегольство прекраснаго пола. Знаменитый нашъ парикмахеръ Вотье * ѣздилъ даже нарочно въ Парижъ, чтобы

* На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Голицына.

Благее посмотреть и изучить поэтически-прихотливые вымышленія прически. Зато, что онъ и дѣлаетъ своимъ волшебнымъ гребнемъ изъ богатыхъ косъ молодой головки — это надо видѣть! Вкусъ дѣло великое въ этихъ горделивыхъ ушахъ, а ужъ по вкусу — Вотъ истинный художникъ!

MAKIE DE L-OFF.

РЕЦЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 3.

I.

ДИПЛОМАТІЯ ЖЕНЫ.

КОМЕДИЯ СЪ ПЪНЬЕМЪ, ВЪ ОДНОМЪ ДЪЙСТВІИ,

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОСЛОВИЦЪ Г-ЖИ ВЕРТОНЪ.

Н. КРЕСТОВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРКАДІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЗАМОЙСКІЙ.

ЖЕНА НИКОЛАЕВНА, жена его.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА ТОРЦЕВА.

ИВАНЪ, камердинеръ Замойскаго.

Г-нъ Максимовъ.

Г-жа Самойлова 2.

Г-жа Самойлова 1.

Г-нъ Фальсовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Замойскаго.

Театръ представляетъ богато убранную комнату; двери въ среднѣхъ и по обѣимъ сторонамъ; налѣво камины съ зеркаломъ; около него большое кресло и столъ, на которомъ горитъ роскошная лампа. Мебель модная.

1.

ЗАМОЙСКАЯ, одна.

Удивительная, непостижимая вещь! Пять лѣтъ я за-мужемъ, люблю мужа, какъ въ первый день свадьбы, — а между тѣмъ, не смѣю сказать ему, чего мнѣ хочется! Съ самаго утра, по крайней-мѣрѣ, разъ двадцать я рѣшилась напомнить ему, что нынче годовщина нашей свадьбы.... А вотъ день и прошель, какъ-будто какой-нибудь обыкновенный: пообедали; мужъ по привычкѣ пошелъ пройтись; черезъ полчаса, по обыкновенію, воротится... Ну, ужъ тутъ я непременно рѣшусь сказать ему: «Аркадій, другъ мой! Вѣдь нынче день нашей свадьбы... и въ-продолженіе пяти лѣтъ въ первый разъ вы забыли о немъ!» Ну, а если это покажется ему упрекомъ?... да, да, непременно покажется упрекомъ, потому-что я безъ слезъ не могу напомнить объ этомъ! Слезы въ день свадьбы... нѣтъ, это негодится: онъ назоветъ это ребячествомъ, пожалуй, еще станетъ сивиться надо мною... Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не скажу! лучше отищу по своему: окружу мужа всевозможными удовольствіями у любимого имъ домашняго камелька; онъ недавно еще вспоминалъ объ ужинахъ — уничтоженныхъ главною модою, и сожалѣлъ объ нихъ... прекрасно! Вѣсто романтическаго мечтанія и слезъ займусь-ка я ужиномъ: *плумп-пуддингъ* любимое блюдо Аркадія,—я приготовлю ему *плумп-пуддингъ*; да, да, и сама, своими руками все сдѣлаю; это будетъ чудесно! Гдѣ моя любав-

ренная книга... а, вотъ она. (*Читаетъ*) «Ручная книга опытной русской хозяйки.» Аркадій подсмѣивается, что я читаю эту книжку... (*Перелистывая*). А вотъ она теперь и пригодилась для него же, неблагодарнаго! (*Читаетъ*). «Страница 72... пудингъ... возьми три или четыре»...

II.

ЗАМОЙСКАЯ — ТОРЦЕВА.

ТОРЦЕВА (*изъ средней двери*). Ну, такъ и есть: она дома! Хорошо, что я не послушала твоихъ людей и рѣшилась войти.

ЗАМОЙСКАЯ (*всторону*). Вотъ не кстати! (*Громко*). Я тебя не ожидала сегодня...

ТОРЦЕВА. Это и видно, когда велѣла всемъ отказывать. Читаешь? Вѣрно новую повѣсть: Большая барыня.

ЗАМОЙСКАЯ (*пряча книгу*). Да.

ТОРЦЕВА. Интересно; съ увлеченіемъ написано, даже съ огнемъ, но только сначала; а подъ конецъ сочинитель, для эффекта, или для того, чтобъ показать свою оригинальность, ужъ не знаю для чего, вообрази, вдругъ взялъ, да и заморозилъ бѣднаго героя повѣсти! Хорошо, что ты читаешь у каминна: такъ и обдаешь тебя холодомъ!...

ЗАМОЙСКАЯ. Садись.

ТОРЦЕВА. Нѣтъ, я только на минутку заѣхала; мнѣ времени нѣтъ болтать съ тобою: вѣдь я въ отчаяніи... неужели ты не замѣтила, какъ я взбѣшена?...

ЗАМОЙСКАЯ (*вставая*). Признаюсь, ша снѣге, я замѣчаю, съ нѣкоторыхъ поръ ты постоянно не въ духѣ...

ТОРЦЕВА. Не въ духѣ! Говорятъ тебѣ, я въ отчаяніи, я бѣжусь... и не только за себя, но и за тебя!

ЗАМОЙСКАЯ (*улыбаясь*). И за меня? Вотъ новость!

ТОРЦЕВА. Ты спокойно улыбаешься, какъ въ комедіи, на сценѣ... но тутъ не чему смѣяться!

ЗАМОЙСКАЯ. А! стало-быть это трагедія?

ТОРЦЕВА. Увидишь. Сегодня поутру, только мужъ со двора, а къ нему въ бюро: нѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь записочекъ... знаешь, этихъ... я имѣю привычку каждый день этимъ заниматься.

ЗАМОЙСКАЯ. Право?

ТОРЦЕВА. Да, и имѣю право: нынче мужья намѣнчивы... но не о томъ рѣчь. Перебирая и перечитывая все, какъ думаешь, что я нашла сегодня?

ЗАМОЙСКАЯ. Я ничего не думаю.

ТОРЦЕВА (показывая ей записку). Взгляни.

ЗАМОЙСКАЯ. Рука моего мужа. (Отворачиваетъ голову).

ТОРЦЕВА. Нѣтъ, ты прочти.

ЗАМОЙСКАЯ. Ни за что! По моимъ правиламъ...

ТОРЦЕВА. Стыдись! Эти правила смѣшны. Жена все про мужа должна знать; да и пословица твердитъ, что мужъ да жена... Слушай: «Любезный Поль! Ты хочешь, чтобы и я сегодня пріѣхалъ вспомнить старину, поужинать и покутить съ вами у Дюссо, а потомъ пошататься въ маскарадъ, изволь». (Говоритъ). Женатый человекъ, и собирается кутить!... (Читаетъ). «Несмотря на доброту и снисходительность моей милой Юліи»... (Говоритъ). Еще смѣетъ называть тебя милою!... (Продолжая читать). «Несмотря на доброту и снисходительность моей милой Юліи, я еще до-сихъ-поръ боюсь ей сказать объ этомъ, да и не знаю, скажу ли: для чего пустяками огорчать жену? Во всякомъ случаѣ ждите меня.» Какое развращеніе! А? что ты на это скажешь?

ЗАМОЙСКАЯ. Мнѣ нравится эта боязнь огорчить жену; и стало быть эта боязнь очень велика, когда мой мужъ въ первый разъ въ жизни не откровененъ со мною!

ТОРЦЕВА (вспыхнуть).

Вотъ хладнокровная жена!
Во мнѣ всю кровь ты взволновала...
Не будь съ тобой я такъ дружна —
Ужъ я бы дружбу доказала!...
Не знай я — къ довершенью зла —
Что ты въ романахъ время губишь,
Вѣдь я подумать бы могла
Что ты до-сихъ-поръ мужа любишь?...

ЗАМОЙСКАЯ. А неужели ты думала, что не люблю?

ТОРЦЕВА. Послѣ пяти лѣтъ замужства, помилуй!...

ЗАМОЙСКАЯ. Знаю, что это не въ модѣ, даже забавно по твоему; зато наша любовь и не похожа на нынѣшнюю, романтическую и страстную. Мой мужъ не похищалъ меня, а съ согласія родителей обвѣнчался со мною; мы не рвали на себѣ волосъ, потому-что это больно; не бросались въ воду, потому-что для этого надо уметь плавать:

и вообще не приносили ни одной изъ великихъ жертвъ, потому что въ нихъ нужды не имѣлось. Мы любимъ другъ-друга не такъ, какъ въ мелодрамахъ, а просто, спокойно, то-есть, какъ должно... если же и заметишь недостатки въ любимомъ человѣкѣ, то любовь и терпѣніе непременно исправятъ ихъ. По твоему, милая Наденька, эта любовь прозанческая, мѣщанская? Думай, какъ хочешь, смѣйся, если угодно, но я тебѣ скажу откровенно: какъ любила мужа съ перваго дня свадьбы, такъ люблю до-сихъ-поръ, такъ буду любить и до самыхъ волосъ, и не красяю отъ этаго.

ТОРЦЕВА. Ай, ай, ай, chère amie! Вотъ этими-то прекрасными чувствами и портятъ мужей. Нѣтъ, я не понимаю этой допотопной любви... нѣтъ! Я не позволяю мужу шага сдѣлать безъ моего позволенія! Вотъ и сегодня, прочитавъ записку твоего мужа, я съ моимъ разыграю чудесную сцену... и онъ ужъ не побѣдетъ ни къ Дюссо, ни въ Маскарадъ. Видишь-ли, милая Юлинька, я хоть и недавно замужемъ, но поопытите тебя, и если ты будешь меня слушаться, я тебѣ сообщу маленькій рецептъ супружеской жизни.

ЗАМОЙСКАЯ (шутя). Вотъ кстати: а я недавно изъ поваренной книги изучала рецепты для любимыхъ блюдъ мужа...

ТОРЦЕВА. Ты шутишь, а я серьезно хочу научить тебя, какъ сберечь любовь мужа...

ЗАМОЙСКАЯ (смѣясь). То-есть: сохранять ее на зиму, какъ грибы, капусту и разныя овощи?

ТОРЦЕВА. Ты смѣешься? Но погоди, перестанешь смѣяться, какъ другая завладѣетъ сердцемъ мужа.

ЗАМОЙСКАЯ. Гм! это еще вопросъ. Ну, не сердись же Надина; возвратимся къ твоему рецепту: я готова выслушать тебя.

ТОРЦЕВА. Слушай-же:

Во-первыхъ, ревности заваски
Отнюдь не истреблять въ мужьяхъ?
Къ мужьямъ, какъ можно меньше ласки,
Какъ можно больше строить глазки
При всѣхъ знакомыхъ и друзьяхъ.

ЗАМОЙСКАЯ (перебивая, говоритъ). Постой! Да изъ этаго рецепта давнымъ давно составляются водевили.

ТОРЦЕВА (продолжая пѣть).

А во-вторыхъ, принять всѣ мѣры,
Записочки къ мужьямъ ловить..
Твой мужъ, какъ всѣ, не стѣбитъ вѣры:
Такъ ты должна на всѣ манеры
За нимъ шпионить и слѣдить.

ЗАМОЙСКАЯ (снова перебивая). Довольно! довольно! Пользуйся этим рецептом сама; а у меня есть свой, получше...

ТОРЦЕВА. Позвольте узнать, какой?

ЗАМОЙСКАЯ. Во-первых, любить мужа, и стараться сделать ему свой домъ приятнымъ...

ТОРЦЕВА (перебивая). То-то онъ и идетъ къ Дюссо! Ну, а вторыхъ...

ЗАМОЙСКАЯ. Его желаніе, оно должно считаться для себя закономъ!

ТОРЦЕВА. Послушай, ма сѣге, ты умрешь обезножалымъ... Нѣтъ, я лучше уйду, потому-что не могу слышать подобныхъ вещей... мужа всё изверги!

ЗАМОЙСКАЯ. Да что жь мнѣ дѣлать? Вотъ я теперь, сію минуту, ты застала меня съ книгой, и думала, что я читаю романъ; какою-то «Большую барыню», а я, хоть и сама большая (барыня) жено-мужья самая простая мѣщанка, думая объ удовольствіи изверга-мужа, извѣла поваренную книгу, чтобъ моему чудовищу приготовить шуми-пудингъ къ ужину.

ТОРЦЕВА (утвердительно). Котораго онъ не будетъ есть!

ЗАМОЙСКАЯ. Можетъ-быть; по крайней-мѣрѣ, твой мужъ остается съ тобою: не угодно ли вѣстѣ съ нимъ пожеловать къ десяти часамъ...

ТОРЦЕВА. Прїѣдемъ! Ты будешь одна, въ горѣ... намъ долгъ утѣшить, развлечь бѣдную жену... О! если бы я теперь встрѣтилась съ твоимъ мужемъ, я бы высказала ему все безъ церемоніи, напрямки... ужъ я бы услужила тебе!

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, ужъ пожалуйста не беспокойся, чтобъ вѣсто услуги, не повредить мнѣ...

ТОРЦЕВА. Онъ не любить меня, даже терпѣть не можетъ: онъ знаетъ, что нѣтъ мнѣ ему не удастся тиранствовать надъ тобою!

ЗАМОЙСКАЯ (аманцировано). Скажи пожалуйста, ты никогда не сочиняла повѣстей или романовъ?

ТОРЦЕВА. Нѣтъ; да, мнѣ никогда все свободное время я употребляю на то, чтобъ слѣдить за моимъ вѣтренникомъ... Но къ чему этотъ вопросъ?

ЗАМОЙСКАЯ. Къ тому, что у тебя прешылокое воображеніе: ты рисуешь такую картину моего супружескаго состоянія, что я просто сама себя не узнаю.

ТОРЦЕВА (обидясь). Что это? Невѣжница! Покорно васъ благодарю.

ЗАМОЙСКАЯ. Вѣдь ты говорила же все...

ТОРЦЕВА (перебивая). Большая разница! Я, жалѣя васъ, говорю въ участіа...

ЗАМОЙСКАЯ (стараясь ее успокоить, такъ же перебиваясь).
А. я...

ТОРЦЕВА (до конца перебивая ее). А вы, вместо благодарности, смѣтаетесь надо мной!

ЗАМОЙСКАЯ. Право, я шутя сказала...

ТОРЦЕВА. Я вѣдь не изъ чего-нибудь предлагала вамъ совѣты, единственно изъ дружбы...

ЗАМОЙСКАЯ. Я и не сомнѣваюсь...

ТОРЦЕВА. Меня никто не упрекнетъ въ страсти мѣшаться въ чужія дѣла, когда они до меня не касаются...

ЗАМОЙСКАЯ. Я и не спору...

ТОРЦЕВА (присѣдая). Прощайте. Я общалась завернуть къ Зизи и къ Мими... онѣ бѣдняжки тоже не знаютъ, какъ справиться съ мужьями... Гм! вотъ онѣ не въ васъ: не пренебрегаютъ моими совѣтами.

ЗАМОЙСКАЯ (удерживая ее). Ну, не сердись же, Наденька...

ТОРЦЕВА (успокоиваясь). То-то, не сердись! Ты знаешь ли, что говорить про эти ужасы женатыхъ и холостыхъ повѣсь? Ужась!

Тамъ не одно
Лишь пьютъ вино,
Тамъ разныя у нихъ затѣи и проказы!
И знаю я,
Какъ всѣ мужья
Охотно слушаютъ холостяковъ рассказы!
Ты, какъ жена,
Повѣрь, должна
Все мужу доказать, въ упрекахъ справедливыхъ...
Да и къ тому жь
Блаженъ тотъ мужь
Который на совѣтъ не ходитъ нечестивыхъ.

А твой— погибшій человекъ! Но ты меня не слушаешь, ты сама этого жалеешь... пусть онѣ погибнетъ!.. мое дѣло сторона... прощай!.. Я теперь къ Зизи, отъ нея къ Мими, потомъ домой, и привезу къ тебѣ моего мужа. (Уходитъ). Сама, сама виновата!

III.

ЗАМОЙСКАЯ, потомъ **ИВАНЪ**.

ЗАМОЙСКАЯ. Третейка! Если она не возмущила моего спокойствія,

ужь это не ея вина; чего она мнѣ тутъ не напѣла? А вѣдь все съ добрымъ намѣреніемъ; узнай она, что именно сегодня день нашей свадьбы — бѣда! Я увѣрена, что мужу не привлекательны эти ужины, а ѣдетъ онъ, чтобъ не отстать отъ другихъ, чтобъ не подсмѣивались товарищи, будто онъ не имѣетъ своей воли, не свободенъ въ своихъ желаніяхъ.... да, да, у самыхъ умныхъ мужей есть слабость блестять свободою! А все таки это дурно со стороны мужа, особливо въ такой день, очень, очень дурно... Ахъ, Аркадій! Доставить ли твое присутствіе столько удовольствія друзьямъ, сколько отсутствіе причинитъ горя женѣ! Я знаю, мнѣ стѣбитъ сказать одно слово, и онъ не поѣдетъ, но это слово.... нѣтъ! Я не скажу его: я хочу, чтобъ онъ самъ принесъ мнѣ въ жертву и друзей, и маскарадъ, и этого знаменитаго Дюссо съ его ужиномъ. (*Звонитъ; Иванъ входитъ*). Иванъ! принеси сюда халатъ барина; да не забудь большую турецкую трубку. (*Слуга уходитъ*). Гг. мужья! Скажите пожалуйста, не лучше ли всѣхъ Дюссо и Сень-Жоржевъ (*сидясь и разваливаясь въ креслахъ*) у себя дома, подлѣ камина, на мягкомъ креслѣ, съ трубочкой, и съ такой милой женщиной, какъ я?... (*Вставая и проходя по сценѣ*). Право, право гораздо лучше! Однако пойду закажу ужинъ, посмотрю въ зеркало, даже принаряжусь, если надобно. (*Уходя*). А надобно, мой милый Аркадій, чтобъ ты самъ вспомнилъ какой сегодня день!.. (*Уходитъ направо*).

IV.

ИВАНЪ выноситъ вещи.

Вотъ халатъ, вотъ трубка. (*Все кладетъ на мѣсто*). Прихѣрная жена наша барыня! Заботится о мужѣ, о домѣ, о хозяйствѣ... и какая вѣдь хорошенькая! Баринъ тоже добрый, да вспылчивъ и капризенъ, а все-таки ему нѣтъ средства разсердиться на такую бабенку... и вотъ пять лѣтъ на моихъ глазахъ живутъ себѣ голубками! А вонъ—другія барыни, поди ка ты... Да чтѣ барыни... моя Акулина Терентьевна, просто—барская барыня.... а я только и нахожу спокойствіе, какъ отлучусь въ заведеніе... Ай! Голосъ барина! Съ кѣмъ это онъ спорить?.. (*Уходитъ*).

ЗАМОЙСКИЙ и ТОРЦЕВА.

ТОРЦЕВА. Ужъ извините, Аркадій Андренчъ, за мою откровенность, но я вамъ говорю прямо, что вы дурной примѣръ мужьямъ; и заранѣе предупреждаю, что мой мужъ не поѣдетъ съ вами, потому—что я этого не хочу!

ЗАМОЙСКИЙ. Если вашему мужу нравятся, когда его водятъ за носъ,—это передъ нимъ.... что же касается до меня, то вы напрасно трудитесь: я ни чьихъ совѣтовъ не слушаю.... извините за откровенность.

ТОРЦЕВА. Мнѣ кажется, въ цѣломъ мѣрѣ одна только Юлія могла ужиться съ такимъ медвѣдемъ, какъ вы! Но вѣдь наконецъ и ей надоѣстъ.... Да! Объявляю вамъ, что вы тоже нынче въ маскарадъ не поѣдете.... (*Всторону*) Хоть насильно, да услугу ей.

ЗАМОЙСКИЙ (*съ удивленіемъ*). Что такое?

ТОРЦЕВА. Ничего; мы потолковали съ ней, — и она воспользуется моими совѣтами....

ЗАМОЙСКИЙ. Надежда Васильевна! Сдѣлайте одолженіе, занимайтесь своими дѣлами, и оставьте жену мою въ покоѣ... не разстройвайте ее....

ТОРЦЕВА. Аркадій Андреевичъ! Сдѣлайте одолженіе, оставьте мужа моего въ покоѣ.... не портите его....

ЗАМОЙСКИЙ. Извольте, оставлю — если онъ самъ мнѣ объ этомъ скажетъ.

ТОРЦЕВА. Да что же я по вашему? Нуль въ домѣ?... Мнѣ кажется, долгъ жены слѣдить за мужемъ....

ЗАМОЙСКИЙ (*перебивая*). Долгъ жены заботиться о домашнемъ спокойствіи, чтобы мужъ могъ забывать всѣ непріятности, какія имѣетъ внѣ дома, — и....

ТОРЦЕВА (*перебивая*). Особливо, когда вы отъ домашняго—то спокойствія бѣгаете по маскарадамъ!

ЗАМОЙСКИЙ (*съ досадой*). Съ вами невозможно говорить!

ТОРЦЕВА. Это оттого, что вы не знаете, что отвѣчать. Ну, скажите, зачѣмъ вы ѣдете въ маскарадъ?

ЗАМОЙСКИЙ. Затѣмъ, что такъ хочу.

ТОРЦЕВА. Прекрасно! и какъ учтиво! Признаюсь, только изъ любви къ Юлинкѣ, я рѣшаюсь слушать ваши любезности....

ЗАМОЙСКИЙ. Вы—то ее и не любите!

ТОРЦЕВА. Я не люблю?

ЗАМОЙСКИЙ. Да! Для чего вы ей рассказали про этотъ ужинъ и маскарадъ?

ТОРЦЕВА. Без участія: мнѣ жаль ея....

ЗАМОЙСКІЙ. Жалѣйте лучше о своемъ мужѣ....

ТОРЦЕВА. Объ немъ хочется жалѣть: мой мужъ очень счастливъ...

ЗАМОЙСКІЙ. Да, онъ извѣстный добрякъ.... простота!

ТОРЦЕВА. Въ тысячу, въ мильонъ разъ добрѣ васъ: онъ остается дома, а вы!... Ну, ну, отвѣчайте же на мой вопросъ: затѣмъ вы идете въ маскарадъ!

ЗАМОЙСКІЙ. Я ужъ вамъ очевидно затѣмъ, что такъ хочу, затѣмъ, что такъ хочу, затѣмъ, что такъ хочу!

ТОРЦЕВА.

(Музыка: *Пестроефи-Полки Гундла*).

Знаю я,
Вы, мужа,
Въ маскарады
Взидать рады,
Что бы тамъ
Лучше вамъ
Веселиться,
Кутить,
Волочиться,
Шалить.

ЗАМОЙСКІЙ.

Да, вотъ съ такою женою.
Дома возможно ль пробыть?

ТОРЦЕВА.

Нѣтъ, ужъ повѣрьте, со мною
Вы бы не смѣли шалить!

ЗАМОЙСКІЙ.

Такъ меня судить
Право вамъ грѣшно!

ТОРЦЕВА.

Полноте шутить —
Это мнѣ смѣшно!

ЗАМОЙСКІЙ.

Вотъ желалъ бы — я не скрѣю —
Чтобы на зло вамъ,
Мужъ пріѣхалъ изъ дома!

ТОРЦЕВА.

Я вотъ Юлиньку настрою,
Чтобъ хоть въ этотъ разъ,
Не пускала васъ!

ЗАМОЙСКІЙ.

Признаюсь, съ женой такою
Съ горя пропадешь,
Изъ дому уйдешь!

ТОРЦЕВА.

Нѣтъ, повѣрьте, мужъ со мною
Не уйдетъ,
Не пропадетъ!
Знаю я
Вы мужа
Въ маскарады
Взять рады
Чтобы тамъ
Лучше вамъ
Веселиться,
И кутить,
Волочиться,
Да шалить!

(Уходя) Прощайте, медвѣдь!

(Скоро уходитъ).

VI.

ЗАМОЙСКІЙ, потомъ ИВАНЪ.

ЗАМОЙСКІЙ. Взбалмочная женщина! Какъ еще съ пей мужъ уживается? (Звонитъ, входитъ Иванъ). Иванъ! Приготовь фракъ и все для бала....

ИВАНЪ. Фракъ-съ? А я, по приказанію барыни, приготовилъ вамъ халатъ.

ЗАМОЙСКІЙ. Что я тебѣ приказываю?

ИВАНЪ. Приготовить фракъ-съ-...

ЗАМОЙСКІЙ. Такъ и не разсуждай! Пошелъ!

ИВАНЪ (уходя на лѣво). Слушаю-съ.

ЗАМОЙСКІЙ (ходя, съ досадою). Эта женщина не выходитъ у меня изъ головы! Скажу Юліи, чтобъ она не принимала ее. Право,

она собьетъ ее съ толку. Я очень люблю жену, — но не позволю управлять собою: мужъ долженъ быть главою въ домѣ. (*Ходить, не замечая, что вошла жена*).

VII.

ЗАМОЙСКІЙ и ЗАМОЙСКАЯ.

ЗАМОЙСКАЯ (*про себя*). Ну! Надяна услужила мнѣ: онъ не въ духѣ! Прятворись, будто не замѣчаю.... и все пройдетъ (*Громко*). Что, мой другъ, какъ твоя прогулка?

ЗАМОЙСКІЙ (*сухо*). Обыкновенно какъ! Надѣюсь, что мнѣ позволено прогуливаться?

ЗАМОЙСКАЯ. Не только позволено, даже приказано докторомъ.

ЗАМОЙСКІЙ (*такъ же*). Ну, и вы позволите мнѣ ѣхать въ маскарадъ?

ЗАМОЙСКАЯ (*повертывая его тихонько*). Взгляните-ко на меня хорошенько: кому вы это говорите? Развѣ я запрещаю вамъ дѣлать, что вамъ вздумается?...

ЗАМОЙСКІЙ. Но ваша Надежда Васильевна....

ЗАМОЙСКАЯ. То Надежда Васильевна; а то я—ваша жена—Юлія Николаевна.

ЗАМОЙСКІЙ. Такъ зачѣмъ вы ее принимаете?

ЗАМОЙСКАЯ. Да вы же меня просили познакомиться съ ней, потому-что дружны съ ея мужемъ.

ЗАМОЙСКІЙ. Ахъ, да, точно: виновать!... но все-таки она ужасная болтушка!

ЗАМОЙСКАЯ. Не спорю; за то нѣтъ худа безъ добра; отъ нея узнала я, какъ вы боитесь огорчить меня.... это прекрасно съ вашей стороны, и я благодарю васъ, мой другъ.

ЗАМОЙСКІЙ (*сконфуженный*). Да.... конечно.... я писалъ къ ея мужу.... Такъ ты не сердись, что я далъ слово друзьямъ ужинать съ ними и ѣхать въ маскарадъ?

ЗАМОЙСКАЯ (*подумавъ*). И да, и нѣтъ.

ЗАМОЙСКІЙ. Какъ же понимать такой отвѣтъ?

ЗАМОЙСКАЯ. Съ одной стороны, я сержусь на эти ужины; а съ другой радуюсь немножко....

ЗАМОЙСКИЙ. Ну, тут уж я решительно ничего не попишу....
Нельзя-ли поспать?

ЗАМОЙСКАЯ. Извольте, только сидеть, пожалуйста; а то мы таче на сценѣ разговариваемъ. (*Садится и берет ермолку*) Я же, признаться, очень устала: цѣлый день на ногахъ.... и то и другое, вездѣ нуженъ свой глазъ.

ЗАМОЙСКИЙ (*садясь въ кресла*). О! ты у меня хозяйка, чудесная хозяйка.... безъ шутокъ. Помнишь, какъ ты разъ уѣзжала лѣтомъ на мѣсяцъ въ деревню, а я остался здѣсь хозяйничать.... потѣха! Весь домъ пошелъ верхъ-дномъ: ~~мебель, чаша, бѣлье~~, столъ, все въ безпорядкѣ, — а я хуже всѣхъ!... Да, ты наша поддержка!

ЗАМОЙСКАЯ (*работая*). Вы мнѣ сегодня что-то ужъ чересчуръ льстите?

ЗАМОЙСКИЙ. Нѣтъ, это правда. Что ты работаешь?

ЗАМОЙСКАЯ. Ермолку. Я выбрала бархатъ подъ прѣтыя кашкетъ халата и мнѣ-бы очень хотѣлось взглянуть — эффектно-ли это будетъ?.. Тебѣ не лѣнь, присмотрѣть и надѣть халатъ?...

ЗАМОЙСКИЙ (*надвывая халатъ*). Мнѣ лѣнь раздѣться по балканскому, а въ халатъ укутаться всегда готовъ.

ЗАМОЙСКАЯ. Ахъ, ты мой сибаритъ! (*Она жемочетъ его объять*) Подстойте, не мѣшайте; я сама надѣну ермолку. (*Надвываетъ и лезъ, буясь говорить*) Чудесно! (*Снова поправляет ермолку*) Немножко на бокъ... вотъ такъ.... вы очень милы!

ЗАМОЙСКИЙ (*смѣясь*). Мнѣ свидѣн! Ты ображаешься се мнѣ только съ куклой?

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, я только хотѣла взглянуть — можно-ли извѣтъ прѣты.... пегсі. Теперь вы можете все спать.

ЗАМОЙСКИЙ. Въ одиннадцать часовъ мы должны собраться на этотъ знаменитый ужинъ... а до-тѣхъ-поръ я не выйду изъ халатъ. Да, кетати объ ужинѣ: вы давеча изволили сказать двусмысленную фразу (*Садится разадаясь въ кресла и беретъ трубку*). Будте вы и сердитесь и радуетесь.... (*Закуриваетъ*).

ЗАМОЙСКАЯ (*садясь подлѣ него и держа будажку съ огнемъ*). Сержусь, потому-что я сама мечтала поужинать съ вами; и шаровно для этого приготовила чудесный пуддингъ.... (*Скоро*). Только, пожалуйста, не думайте, что я хочу васъ лишить удовольствія ужинать съ друзьями....

ЗАМОЙСКИЙ. Юлія Николаевна! Вы рѣдкая жена! Я удивляюсь, какъ вы помните все, что мнѣ, правится — отъ любимаго романа до вкуснаго пудинга....

ЗАМОЙСКАЯ (*перебивая*). И от халата до ермелки ... *радею*: я славная женщина!... Но позвольте же мнѣ кончить: я не досказала почему я рада, что вы бѣдите на этотъ ужинъ...

ЗАМОЙСКІЙ. Ахъ, да, да, сдѣлайте одолженіе.... Это очень любопытно, тѣмъ болѣе, что вы, какъ мнѣ извѣстно, не очень любите одиночество....

ЗАМОЙСКАЯ. Вотъ эгоистъ! Ему досадно даже, что я рада....

ЗАМОЙСКІЙ (*перебивая*). Нѣтъ, я только понять не могу, чему тутъ радоваться....

ЗАМОЙСКАЯ. А! Это ужъ маленькій эгоизмъ съ моей стороны. Я рада, что у этого Дюссо, или Сен-Жоржа — гдѣ вы тамъ собираетесь ужинать — вино, навѣрное, хуже того, которое у меня въ погребѣ; тамъ не будетъ ни пуддинга, ни вольтерова кресла, ни этого спокойнаго халата; напротивъ, вы должны быть во всей бальной формѣ: фракъ стѣснить васъ, галстухъ сдавить шею! А что меня особенно радуетъ — вы не услышите тамъ ничего, кромѣ споровъ о лошадяхъ и танцовщицахъ, а главное: тамъ ужъ вы не можете слова сказать женѣ, которую любите больше всего на свѣтѣ!

ЗАМОЙСКІЙ (*обнимая ее*). Мнѣ ничего не остается прибавить къ этому, кромѣ поцѣлуя. Вѣдь все правда: какъ ты меня знаешь! Право лучше, чѣмъ я самъ... а нечего дѣлать, надобно ѣхать... понимаешь... дажь слово, — нельзя!.. Пойду наряжаться въ проклятое бальное платье! (*Встаетъ*).

ЗАМОЙСКАЯ (*всторону*). А все-таки ѣдетъ! Наденька права.... Я пренеловкая! (*Громко*) Да для чего же вы безпокоитесь? Иванъ полагаетъ сюда одѣться.... все-таки вы подольше пробудете со мною. (*Звоить. Иванъ вноситъ фракъ, галстухъ и перчатки*).

ЗАМОЙСКІЙ. Это удивительно! Что ты ни скажешь, все мило! Право, мы мужа — глушцы, не умѣемъ цѣнить такихъ женъ! (*Снимая халатъ*) Я напримѣръ, люблю тебя также, какъ и ты меня, — но не умѣю быть такимъ внимательнымъ къ тебѣ....

ЗАМОЙСКАЯ. Еще-бы ты съѣлъ вышивать мнѣ туфли!

ЗАМОЙСКІЙ (*повязывая галстухъ*). Нѣтъ; но я-бы ногъ подарить какую-нибудь вещь: браслетъ, кольцо... куда! Я только умѣю давать деньги: на, покупай что хочешь.... (*Смѣясь*) Не правда-ли, какой нѣжный сузругъ.... Нѣтъ, нѣтъ, милая Юлинька! еслибы ты не родилась такою чудесною женщиной, ты не любила-бы меня!

ЗАМОЙСКАЯ. Это ужъ мое дѣло, — не безпокойтесь; а лучше взгляните, какъ вы затянули галстухъ: точно удавленникъ!

ЗАМОЙСКІЙ (*срывая*). Въ-самомъ-дѣлѣ! Я лучше надѣну другой....

ЗАМОЙСКАЯ. Пожалуйста: этотъ нкуда негодится.

ЗАМОЙСКИЙ Иванъ! Другой галстухъ!

ЗАМОЙСКАЯ. Пойдите, я сама выберу.... (*Уходя*) Сейчас, сейчасъ! (*Уходитъ нальво*).

ЗАМОЙСКИЙ (*Ивану*). А ты бѣги скорѣй, найми карету. (*Иванъ убѣгаетъ*). Я навѣрное опоздаю! Не знаю отчего, но мнѣ кажется, что дома гораздо лучше.... Превались они всѣ съ ихъ ужинами! Пожалуй, еще напьются, да затѣютъ шаши въ маскарадѣ... бѣда съ этимъ народомъ!...

VIII.

ЗАМОЙСКИЙ И ЗАМОЙСКАЯ, съ галстухомъ въ рукахъ.

ЗАМОЙСКАЯ. Не правда-ли, скоро? Я не хотѣла тамъ все перерывать; а вотъ этотъ нашла въ уголкѣ, бережно уложенный, и какой прелестный....

ЗАМОЙСКИЙ (*взявъ галстухъ*). Да, я вѣчался въ этомъ!

ЗАМОЙСКАЯ. Ахъ, да, въ-самомъ-дѣлѣ! Теперь вспомнила: вышитые кончики....

ЗАМОЙСКИЙ. И ты позволяешь въ немъ вѣхать безъ тебя? Это ужъ черезъ-чуръ великодушно!

ЗАМОЙСКАЯ. То-то же! Видите-ли, какая я великодушная жена! Однако, вамъ пора... Я сама тороплюсь, чтобъ не испортили пудинга...

ЗАМОЙСКИЙ. Охъ, ужъ мнѣ этотъ пудингъ! Съ какимъ-бы удовольствиемъ я принялся за него! Даже досадно, что ты одна будешь ужинать....

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, не одна: Торцева хотѣла прѣхать, съ мужемъ.... вѣдь она увѣрена, что удержитъ его, возбудивъ въ немъ ревность. (*Смѣясь*) Вообрази, она и мнѣ совѣтовала употребить такое же средство съ тобою.... Пресмѣшная! она называетъ это рецептомъ для исправленія мужей!...

ЗАМОЙСКИЙ. Пусть бережетъ его для своего домашняго обихода....
А что ты ей на это отвѣчала?

ЗАМОЙСКАЯ. Что у меня есть свой рецептъ, получше.

ЗАМОЙСКИЙ. Какой же это, — нельзя-ли узнать?

ЗАМОЙСКАЯ. Самый дѣйствительный: любить тебя отъ всего сердца, и стараться сдѣлать тебѣ домашнюю жизнь пріятною.

ЗАМОЙСКИЙ (все это время неслышавшая, оборачивается часто къ ней). Ты ангелъ! Слушая тебя и оборачиваясь ежеминутно взглянуть на тебя, я свернула шею, изорвала галстухъ, да и вообще у меня, какъ-будто голова кругомъ идетъ....

ЗАМОЙСКАЯ. Ужь не жена ли вскружила голову? Много чести.

ЗАМОЙСКИЙ. О! еслибы ты захотѣла кружить головы.... еслибы ты.... (Срывая галстухъ). А вѣдь я его серьезно разорвала!...

ЗАМОЙСКАЯ (взявъ иголку). Подай, шалунъ, я въ минуту почию; впрочемъ, онъ и старенькъ.... пять лѣтъ не бездѣлица!...

ЗАМОЙСКИЙ. Какъ, Юлія, уже пять лѣтъ?

ЗАМОЙСКАЯ (перебивая и не отвѣчая, занимается работой). Бѣдный галстучекъ! Какъ ты измятъ! А я больше мѣсяца вышивала твои кончики....

ЗАМОЙСКИЙ. Помню, помню! Еще я въ это время, съ позволенія твоего папаша, читалъ тебѣ Пушкина и Лермонтова? И ты говоришь, что теперь этому пять лѣтъ?... Скажи, пожалуйста, Юлія, ты сегодня была у обѣда?

ЗАМОЙСКАЯ. Была; а что?

ЗАМОЙСКИЙ. Да вѣтъ нынче не воскресенье?

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, нынче суббота.

ЗАМОЙСКИЙ. Семнадцатое февраля.

ЗАМОЙСКАЯ. Семнадцатое.

ЗАМОЙСКИЙ (вдругъ вспомнивъ). Ахъ, я разбойникъ!... Юлія! сдѣлай одолженіе, — вѣтъ, сдѣлай милость, побей меня.... да, да, ты можешь, должна, имѣешь полное право на это!

Я предъ тобой обезоруженъ:
Невѣжда, извергъ я, злодѣй!
Нѣтъ этотъ ужинъ мнѣ ненуженъ,
Я нынче ужинаю съ дѣй.
Какъ дурно, какъ неблагогородно
Съ моей все это стороны....
Да! пусть тамъ ждуть какъ имъ угодно,

(На колынахъ).

Я здѣсь—у ногъ моей жены:
Ты побѣдила,—самовластво
Мятежникомъ владѣешь вновь!
Твое владычество прекрасно:
Миръ, дружба, вѣжность и любовь!

(Вставая).

Пусть свѣтъ насмѣшкамъ и злословью
Предаетъ влюбленныхъ въ женъ мужей,

И если мужъ смѣшенъ любовью —
Такъ я хочу быть всёхъ смѣшанъ!
Да, что имъ смѣхъ—то мнѣ утѣха....
Ну, смѣйся-жь, другъ мой, веселись!

(*Взглянувъ ей въ глаза*).

Ай, ай! а вы на мѣсто смѣха
Теперь поплавать собрались?...

ЗАМОЙСКАЯ (*говоритъ утирая глаза*). Это отъ радости...

ЗАМОЙСКИЙ (*съ восторгомъ продолжаетъ*).

О! этихъ слезъ я не забуду!
Всей жизнью ихъ не искуплю....
И всёхъ зато кричать я буду:
«Люблю жену мою, люблю!...»

(*Въ это время показывается Торцева*).

Начнемъ съ нея! Послушайте: Я....

ЗАМОЙСКАЯ (*зажимая ему ротъ платкомъ*). Да замолчи, повѣса!...

IX.

ТЪ-ЖЕ и **ТОРЦЕВА**, входя скоро, и остановясь въ изумленіи.

ТОРЦЕВА. Что это значить? Вы дома? Вы еще не уѣхали?...

ЗАМОЙСКИЙ. Да я и не поѣду.

ТОРЦЕВА. Какъ!...

ЗАМОЙСКИЙ. Да такъ: я остаюсь съ моею женой.

ТОРЦЕВА. Но это не возможно! Когда всё ваши друзья отравились....
вы должны ѣхать!

ЗАМОЙСКИЙ. Вотъ удивительная женщина! Давеча сердилась, что я ѣду, а теперь сердится, что остаюсь дома.

ЗАМОЙСКАЯ. А твой мужъ? Вѣдь онъ....

ТОРЦЕВА (*со слезами*). Уѣхалъ, ша снѣге!... Что я ни говорила, что ни дѣлала, все напрасно! И онъ, такой тихой, смирной, послушный мужъ, вдругъ изъ себя вышелъ: ѣду, кричить, ѣду!!! Взялъ да и уѣхал!...

ЗАМОЙСКИЙ. Да это просто—возстаніе?

ТОРЦЕВА. Именно! И мужъ возсталъ какъ левъ!

ЗАМОЙСКИЙ. А вы-бы какъ-нибудь укротили его?

ТОРЦЕВА. А какъ-бы, напримѣръ, позвольте спросить?

ЗАМОЙСКИЙ. Да вотъ спросите у Юліи: я хоть не левъ, а медвѣдь — какъ вы давеча очень вѣрно назвали меня.... а она сдѣлала меня ручнымъ. А отчего? оттого, что этихъ дикихъ звѣрей, которыхъ называютъ мужьями, гораздо лучше исправлять ласкою, чѣмъ злостію!

ТОРЦЕВА. Да я сама плакала со злости, упрекала его, — и до-тѣхъ-поръ не успокоюсь....

ЗАМОЙСКАЯ (*перебывая*). Напротивъ, успокойся, не упрекай его, — и ты увидишь, завтра онъ самъ будетъ просить прощенія...

ТОРЦЕВА. Такъ мнѣ ждать до завтра? Нѣтъ! У меня не хватитъ терпѣнія.... нѣтъ. Я отищу ему сегодня-же: должно готово.... Я сама ѣду въ маскарадъ.... онъ меня узнаетъ, — и я запугаю его ревностью!...

ЗАМОЙСКИЙ. То есть, пустите въ ходъ свой знаменитый рецетъ?

ТОРЦЕВА. Да! Это единственное средство исправлять мужей!

Пусть въ маскарадѣ
Мой мужъ въ досадѣ
Отъ ревности съ ума сойдетъ, —
Какъ съ офицеромъ,
Иль съ камергеромъ
Онъ тамъ жену встрѣчать начнетъ.

Мужъ принудить жену
Объявить съ нимъ войну,
И повѣрять тогда
Мужу бѣда!
Да, да!

Пусть въ маскарадѣ
Мой мужъ въ досадѣ
Отъ ревности съ ума сойдетъ!
Я буду женамъ
Служить закономъ,
И въ ходъ рецетъ у насъ пойдетъ!

ЗАМОЙСКАЯ.

Ты все пѣла, но не дѣло;
И скажу тебѣ я смѣло:
Ты клеветишь на себя!
Но теперь ты здѣсь съ друзьями,
Такъ позволишь — между нами —
Правду высказать, любя?

Передъ мужемъ ты не права....
Я поопытнѣй, вѣрь мнѣ,
Счастье все жены и слава,
Въ мирѣ съ мужемъ, не въ войнѣ!
Мы съ любовью и стараемсяъ —
Лаской, нѣжностью, внимаемъ
Превзойти мужей должны:
Вотъ *рецептъ* къ ихъ *исправленью*,
Вотъ въ домашнемъ управленіи—
Дипломатія жены!

ЗАМОЙСКІЙ (*цѣлуя у жены руку*). Твой рецептъ стоить опубликовать. А? что вы на это скажете, Надежда Васильевна?

ТЕРЦЕВА (*обнимая ее*). Вотъ мой отвѣтъ!

Рецептъ прекрасный!
И я согласна,
Какъ ты, его употребить:
Послушной буду,
И не забуду —
Какъ мужа лаской исправлять!

АНГЛИЯ. ИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА: отъ 11/23 февраля 1853 г.

Английская литература — Мистрисъ Горъ, леди Джорджана Фоллертонъ и Корреръ Бель. — Романъ автора «Дженни Эйръ». — «Вильетта.» — Болъверъ. — Лондонскіе театры. — Макбетъ. — Новая пьеса Дугласа Джерольда. — Сентъ-Джемскій театръ и французская группа. — Комикъ Равель. — Конферты.

V. СМѢСЬ.

1. Урна. Комедія въ одномъ дѣйствіи. *Октава Фелле.*

2. Шестоеъ. Разказъ В. Иванюкаго.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Новалисъ (Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ. — Очеркъ современной поэзіи въ Германіи. — Дочь Седена. — ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВО. — Исторія одного музыканта, разказанная Арсепомъ Гусе. — Предсказаніе г-жи Ленорманъ. — Вызовъ автора. — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ. — Зимнее воздушное путешествіе. — Таинъ химіи. — ШИКИ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ. — Пляшущіе деревни въ Капръ. — Поведа на Чинчайскіе острова за гуано. — Встрѣча двухъ каравановъ. — Жизнь въ Корсику. — Сузъ и пустыни. — Необыкновенное сходство. — Роза и Октавіа.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Неожиданное посѣщеніе. — Геній салютона и его рѣчь. — Январь и февраль. — Извиненіе. — Свадьбы и разговоры о свадьбахъ. — Балы разнаго рода и маскерады. — Нынѣшняя зима въ сравненіи съ прошлыми. — Концерты. — Бѣги. — Литература; газетъ и «Москвитининъ». — Фактъ изъ жизни Гогад.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

«Отечественныя Записки». — Слабыя статьи послѣднихъ книгъ этого журнала. — Переводъ Иліады для образованной публики. — Какъ объясняются боги и герои у г. Ордынскаго. — Клева Арианка. — Прощаніе Сектора съ Андромахой. — Шиллеръ, Гомеръ и г. Ордынскій. — Гостиницы въ древоности. — Китай въ 1849 и 1850 году. — Солтжи — г. Михайлова. — Огнепный элѣй — г. Авдѣва и его крестьяне. — Дина — г-жи Т. Ч. характеры и событія этого романа. — Дѣвушки должны выходить замужъ не раньше тридцати лѣтъ. — Невидержимыя характеры и невозможныя приключенія. — Какой урокъ можно почерпнуть изъ походовъ Нади. — Неровность слога. — Ноябрьская книга «Сина Отечества» и мартовская «Библиотека для Чтенія». — Инородный Подписчикъ исчезъ изъ этого нумера. — Мартовская книга «Современника». — Нябъи. — Сухія и не замѣчательныя статьи. — Стихотворенія. — Пустой человекъ и его сужденія о музыкѣ. — Записки о французскихъ журналахъ по поводу русской журналистики. — Портретъ редактора журнала *le Bon-tou* въ regardъ къ портрету редактора *Revue des deux mondes*.

II. НОВЫЕ КНИГИ:

ЭПИГРАФИИ КНИЖИ ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА КОМАРСКАГО. Сочиненіе Сергія Смирнова. ДОЧЬ ВУЛОЧНАГО МАСТЕРА. Романъ. Сочиненіе К. Г-на.

III. МУЗЫКА:

Кто-то о преувеличеніяхъ. — Музыкальное ремесло. — Дива и пучокъ. — Фелетонное клавирство. — Концертъ г. Мортье де-Фонтена. — Г-жа де-Фонтенъ. — Г. Соколь и его замѣчательный экспромтъ. — Балъ и концертъ въ пользу «Убѣжища Взрослыхъ Дѣвочекъ». — Цыгане. — Огеръ и его гармоника. — Маленькое слово о великомъ дѣлѣ. — Г. Кавинскій и его заслуги, признанныя имъ самимъ и его полковниками. — Концертъ его.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Масляница. — Адмиралтейская площадь. — Дѣтельность театровъ во-время масляницы. — Число сыгранныхъ пьесъ и актовъ. — Смерть Я. Г. Брянскаго, В. И. Гусевой. — и В. А. Каратыгина, Прощаніе съ публикой В. В. Самойловой 2-й. — Нѣсколько словъ г. Десъ-Жильону по поводу его сужденій о русской литературѣ и русской публикѣ. — Переводъ стихотворенія Лермонтова. — Публичныя лекціи. — Публичная Библиотека. — Моды.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 3.

ДИПЛОМАТІА ЖЕНЫ. Комедія съ пѣніемъ, въ одномъ дѣйствіи, подражаніе французской пословицъ г-жи Бертонъ. *Н. Крестовскаго.*

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ артистки, В. В. САМОЙЛОВОЙ 2.

2. Музыка: *Воспоминанія*, изъ оперы «*Риалто*», соч. ВЕРДИ.

Въ № 2 Патрона въ статьѣ «Современное», на страницѣ 81, вырвалась при печати значительная ошибка, затѣняющая смыслъ. А потому, прилагаю здѣсь срочку, на просьбу вставить ее на мѣсто прежней. Редакция.



ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕНЕРТУРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ и водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАВАНІЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ Н. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція вѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непременно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ первой, со ВСѢМИ ОБЪЯВЛЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя, въ С. Петербургъ, у *Чайковскаго моста, въ домъ Лыткина.*

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

501682

ПАНТЕОНЪ

№ 4.

АПРѢЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.



СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМЪ И МОСКВОЮ. Разсказъ въ шести станціяхъ. *В. Р. Зотова.*

✓ МАЛЕНЬКІЙ МОНТЕ-КРИСТО СЪ БОЛЬШИМИ СТРАННОСТЯМИ. Позавчерашняя исторійка, разсказанная, а можетъ-быть и вымышленная, господиномъ З***, и съ его словъ написанная *С. П. Калошинымъ.*

✓ ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЭМЫ АДВОКАТСТВО ЖЕНЩИНЫ. *Евгеніи Сарафановой.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ. *А. Н. Скорова.*

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Модная наука. — Статистическій обзоръ прошлаго опернаго сезона. — Донизетти и его оперы. — Разборъ «Элексира». — Донъ-Жуанъ Моцарта. — Артисты итальянской оперы. Статья. *Ростислава.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Не въ свои саши не садись. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *Г. Островскаго.*

ИНОСТРАННАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ $\frac{1}{16}$ апрѣля.

Потопъ концертовъ. — Путешествія артистовъ. — Моске Мире и мадамъ Фасоль. — Слѣдше музыканты. — Въѣтанъ. — Свири. — Герцъ. — Новый Веберъ и новый Диемедь. — Совѣщательный кабинетъ Пансерона. — Музыкальный вкусъ химика. — Еще дѣтъ ноглы. — Анекдоты о Тальмѣ. — Гдѣ Тальма изучалъ экзистенцію? — Продолженіе авторскихъ претензій. — Вліяніе кларетовъ на благополучіе директоровъ. — Отчего процвѣтають театры? — Каталани прошлаго вѣка. — КОМЕДИЧЕСКАЯ ОПЕРА. *Томелли*, опера Амбруаза Томѣ. — Т. СЕНЪ-МАРТИНСКИХЪ-ВОРОТЬ. *Смарра*, балетъ. Резиновый челоуѣкъ. — НАНЪ-РОЙАНЪ. *Драматическія шалости*, пародія, Дюмануара и Клервилля. — Т. ВОДИВИЯ. *Бокаччіо*, комедія. Посмертное торжество Балра. — Т. ВЕКЛОСТИ. *Собирательница льсу*, драма, Теодора Баррьера. Статья. *А. Бонавентуря.*

V. СМѢСЬ.

4. Странствованіа не сумѣи и моринъ. Листки изъ записокъ бывалаго челоуѣка, собранныя. *В. Савиловымъ.* ИИЕРМАНСКАЯ СКАЛА.

3. Занески молодой жонны. *Альберика В—ю.*

2. Въ-лоруссія. Въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея саванъ, *Павла Шпилевскаго.*

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Вордсвортъ (*статья Диккенса*) — Очеркъ современной германской поэзіи (*статья вторая и послѣдняя*). — ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА. — Сивгъ-Сонгъ, Театръ въ Китаѣ. — ОТИРТИЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Машинны Эриксона. — ШЕЛКІИ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ. — Жизнь свѣтлагого червячка, имъ самикъ описанная. — Ручной лодъ. — Ночь, проведенная между аллигаторами. — Наполеонъ и Кутуза.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАНІИИ

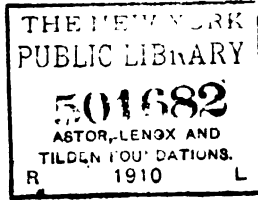
Осодоранъ Коси.

ТОМЪ VIII.

АПРѢЛЬ — БИЖЕЛ ЧЕТВЕРТАЯ.

1858.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 15-го 1853.

Цензоръ *Н. Пейкеръ.*

ТИПОГРАФІЯ ОДУАРДА ВЕЙМАРА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМЪ И МОСКВОЮ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ШЕСТИ СТАНЦІЯХЪ.

В. Р. ЗОТОВА.

Trop parler nuit....

СТАНЦІЯ ПЕРВАЯ.

— Александръ Ивановичъ, здравствуйте! Куда это собрались?

— Въ Москву, какъ видите. Желѣзная дорога не идетъ дальше
Москвы.

— И на долго?

— Не знаю.

— А зачемъ идете?

— Не знаю.

Спрашивавшій господинъ при этихъ словахъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на господина отвѣчавшаго. Тотъ отвернулся довольно равнодушно, и началъ разсматривать въ лорнетъ дамъ, гулявшихъ и сидѣвшихъ въ залѣ на станціи желѣзной дороги въ Петербургѣ.

Отвѣчавшій господинъ былъ невысокъ ростомъ, нехорошъ собою, но неправильныя черты его лица принимали по временамъ выраженіе довольно пріятное, хотя нѣсколько насмѣшливое; во взглядѣ его большихъ сѣрыхъ глазъ было много ума, и иногда даже чувства. Обыкновенно однакоже лицо молодого человѣка не выражало ровно ничего, кромѣ скуки и апатіи, и трудно было подсмотрѣть, какое изъ этихъ выраженій болѣе всего свойственно фizioноміи Александра Иваныча и которое изъ нихъ поддѣльно. Легко могло быть впрочемъ, что онъ и самъ не зналъ этого. Если правда, что привычка вторая натура, то это всего скорѣе можно отнести къ привычкѣ притворяться.

Спрашивавшій господинъ походилъ на всѣхъ господъ охотниковъ спрашивать о томъ, что вовсе до нихъ не касается и на что имъ очень не охотно отвѣчаютъ. Нельзя сказать даже, чтобы его занимали отвѣты молодого человѣка, и спрашивалъ онъ просто потому только, что надо же о чемъ нибудь спрашивать знакомаго, съ которымъ встрѣчаешься.

Последній отвѣтъ Александра Иваныча поразилъ однакоже спрашивавшаго господина, котораго звали Семеномъ Семенычемъ. Семень Семенычъ спросилъ снова, тономъ удивленія, у своего собесѣдника.

— Вы не знаете, зачѣмъ ѣдете въ Москву. Это странно.

— Что-жъ тутъ страннаго? отвѣчалъ молодой человѣкъ, неохотно и оглядываясь по сторонамъ. Миѣ, конечно, нечего дѣлать въ Москвѣ, гдѣ я ровно никого не знаю и никогда не былъ, но зато миѣ нечего дѣлать и въ Петербургѣ. По желѣзной дорогѣ я ѣду въ первый разъ, для того, чтобы самому повѣрить на опытъ рассказы о чудесахъ этой дороги, и заранѣе утѣрять въ томъ, что буду очень доволенъ моею поѣздкою. Вотъ, если хотите — настоящая цѣль моего путешествія.

— Положимъ, что вы точно не знаете, зачѣмъ ѣдете, продолжалъ неотвязчивый Семень Семенычъ, но не можетъ быть, чтобы не знали, на долго-ли ѣдете. Надо распорядиться своими дѣлами, приготовиться, запасться въ дорогу.

— Распорядиться миѣ ровно нечѣмъ, прервалъ Александръ Иванычъ почти съ досадою: дѣлъ у меня никакихъ нѣтъ, следовательно, не нужно было никакихъ приготовленій, а въ дорогу я запасся только вотъ этимъ иѣшкомъ, гдѣ у меня спрятано самое необходимое.

И молодой человек толкнулъ ногою большой дорожный сакъ зеленого трипа, который таскалъ за собою по залу.

— Стало-быть вы и безъ человека идете? спрашивалъ невыносимый Семень Семенычъ.

— И безъ человека.

— И безъ поклажи? продолжалъ вестерпимый Семень Семенычъ.

— Извините, отвѣчалъ Александръ Иванычъ, потерявши всякое терпѣніе. Кажется, тамъ въ углу Мишель Рындинъ. Мнѣ нужно сказать ему нѣсколько словъ.

И онъ бросился отъ своего собесѣдника такъ быстро, какъ будто догонялъ паровозъ. Семень Семенычъ пожалѣлъ о томъ, что судьба помѣшала молодому человѣку пользоваться его пріятной бесѣдой, и отправился отыскивать другаго собесѣдника, котораго бы можно было о чемъ-нибудь разспрашивать.

Молодой человѣкъ, между-тѣмъ, бросившись опрометью отъ своего учителя, задѣлъ мѣшкомъ за ноги одной дамы, въ черномъ бурнусѣ, сидѣвшей на лавкѣ и разговаривавшей очень жарко съ какинъ-то съ-дѣвкиннѣ господиномъ.

— Mille pardons, madame! пробормоталъ Александръ Иванычъ скороговоркой, продолжая тащить свой мѣшокъ еще дальше, боясь преслѣдованія Семена Семеныча.

Дама подобрала ножки, довольно чувствительно задѣтая мѣшкомъ, и съ удивленіемъ посмотрѣла вслѣдъ Александру Иванычу. Собесѣдникъ ея сказалъ что-то не совсѣмъ лестное о ловкости и учтивости молодыхъ людей; потомъ они опять обратились къ своему разговору, который, повидимому, очень интересовалъ ихъ.

Продолжая лавировать между лицами, уѣзжающими по желѣзной дорогѣ и провожающими ихъ, Александръ Иванычъ встрѣтилъ еще нѣсколько знакомыхъ, пристававшихъ къ нему почти съ тѣми-же самыми вопросами, на которые онъ отвѣчалъ почти тоже самое, что и Семену Семенычу. Были въ числѣ этихъ лицъ и дамы, очень нѣжно улыбавшіяся молодому человѣку, и значительные господа, усердно пожимавшіе ему руку; но онъ какъ-то холодно принималъ эти улыбки и пожатія, и только къ одному подошелъ самъ и первый протянулъ руку.

Это былъ человѣкъ равныхъ съ нимъ лѣтъ, съ неподвижной физиономіей, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, одѣтый довольно небрежно, смотрѣвшій вокругъ себя равнодушно и почти безсознательно. Увидя Александра Иваныча, онъ улыбнулся не совсѣмъ откровенно, и отвѣчалъ слегка его пожатію, сказалъ:

— Собрался наконецъ. Мнѣ еще вчера говорили: Зерницкій не поѣдетъ.

— И однакоже поѣхалъ, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, тономъ челоѣвка, очень довольнаго собою.

— Я тоже говорилъ, что ты поѣдешь, потому-что наконецъ со-вѣстно-же было твердить нѣсколько дней: поидеиъ, поидеиъ! — и не двигаться съ мѣста, какъ оперные хористы.

— Будто я такъ долго собирался? спросилъ съ неудовольствіемъ Зерницкій.

— Не долго, но достаточно для того, чтобы надобѣсть знакомымъ которымъ не было ровно никакого дѣла знать — ѣдешь ты, али остаешься.

— Ты, однакоже, пришелъ проститься со мною.

— Я пришелъ потому-что мнѣ было все-равно куда ни пойти гу-лять сегодня поутру. Впрочемъ, я не прочь посмотреть, какая физіо-номія будетъ у тебя въ минуту отъѣзда. Когда челоѣкъ не знаетъ, что дѣлаетъ и зачѣмъ дѣлаетъ — выраженіе лица его бываетъ чрез-вычайно забавно.

— Вы всѣ очень странные люди, и ты больше всѣхъ Солинъ, вскричалъ Зерницкій съ досадою. Васъ занимаютъ самыя обыкновенныя происшествія и, отъ нечего дѣлать, вы хотите найти комическую сто-рону во всемъ. Надо сознаться, что у васъ очень пылкое воображеніе.

— Сейчасъ зазвонятъ, отвѣчалъ спокойно Солинъ. Надѣюсь, что ты, по-крайней-мѣрѣ, высмотрѣлъ себѣ заранѣе хорошее мѣсто у стѣнки, и поторопиться поскорѣ занять его.

Эти слова почему-то еще болѣе не понравились Зерницкому. Онъ отвернулся отъ Солина, не скрывая своего неудовольствія, и сказалъ довольно рѣзко:

— Въ-самомъ-дѣлѣ, надо пойти поближе къ дверямъ. Прощай, Солинъ, до скорого свиданія.

— Не думаю, отвѣчалъ тотъ съ легкой улыбкой.

— Какъ не думаешь? Я вернусь черезъ нѣсколько дней.

— Сомнѣваюсь. Тебѣ точно также будетъ трудно уѣхать изъ Мо-сквы, какъ было трудно собраться въ нее.

— Какъ ты убѣжденъ въ томъ, что у меня нѣтъ характера! Хо-чешь, я дамъ тебѣ слово, что буду у тебя въ слѣдующую среду?

— Не нужно; слово свяжетъ тебя; ты захочешь сдержать его, и только замучишь себя, не принеся этимъ никому никакого удовольствія.

— Право, ты своими сарказмами сдѣлаешь наконецъ то, что я вер-нусь въ Петербургъ съ половины дороги.

— Вотъ это ты можешь сдѣлать скорѣе, нежели вернуться изъ Москвы. Человѣкъ съ твоимъ характеромъ скорѣе оставитъ дѣло неоконченнымъ, нежели кончить его въ-пору.

Зерницкій, выведенный изъ себя спокойными словами пріятеля, готовился сказать ему что-то вовсе не пріятельское, но въ эту минуту раздался звонокъ, и толпы народа бросились изъ залы на галерею, какъ будто кто-нибудь могъ опоздать, или не найти мѣста. Въ подобныхъ случаяхъ путешественники имѣютъ странную привычку торопиться.

Зерницкій наскоро простился съ Солинымъ, и со всѣхъ ногъ побѣжалъ на галерею, протискиваясь не совсемъ учтиво между лицами разнаго званія, тѣснившимися къ вагонамъ. Онъ одинъ изъ первыхъ возвратился во-вторыхъ мѣста и сѣлъ въ уголъ, головою къ стѣнѣ, лицомъ къ паровозу, подлѣ окна, близъ выхода, то есть занялъ дѣйствительно лучшее мѣсто.

Усаживаясь какъ можно спокойнѣе и комфортабельнѣе, Зерницкій подумалъ, что мѣсто, полученное имъ въ награду за то, что опередилъ всѣхъ на перегонкѣ, не достанется ему однако же даромъ, и по всей вѣроятности ему придется отставать это мѣсто отъ многихъ просителей, также любящихъ комфортъ. Опасенія его вскорѣ оправдались. Прежде всего явился какой-то молодой франтикъ въ соломенной фуражкѣ, съ тощими, рыженькими усиками и не натурально краснымъ лицомъ. Онъ повернулся подлѣ Зерницкаго, взявъ въ ротъ кончикъ своей трости, загнутой крючкомъ, и раскачиваясь довольно неграціозно, сказалъ нѣсколько гнусливымъ голосомъ:

— Вамъ не все равно сѣсть возлѣ прохода?

— Не все равно! отвѣчалъ спокойно Зерницкій.

Господинъ въ соломенной фуражкѣ сдѣлалъ презрительную мину, помахалъ тростью передъ своимъ носомъ, повернулся и сѣлъ самъ подлѣ Зерницкаго, съ другой стороны прохода, бормоча что-то съ неудовольствиемъ и отдуваясь.

За нимъ, двѣ проходившія дамы, одна послѣ другой самыми вѣжливыми французскими фразами спрашивали Зерницкаго не можетъ-ли онъ уступить имъ свое мѣсто. Онъ отвѣчалъ законически, что не можетъ. За этими дамами явились еще двѣ: старуха и молодая. Старуха ломаннымъ французскимъ языкомъ обратилась къ Александру Ивановичу съ той же самой просьбой, присовокупляя, что ей будетъ дуть изъ двери, если она сядетъ возлѣ прохода.

— И мнѣ тоже, отвѣчалъ Зерницкій.

— Но я не такъ здорова, наставляла старуха.

— И я тоже. Вы можете съѣсть напротивъ меня, если не хотите помѣститься подлѣ меня и двери.

— Но я не могу ѣхать задомъ.

— И я тоже.

— Однако же я дама...

Александръ Иванычъ хотѣлъ уже отвѣчать — и я тоже, но взглянувъ на старуху, подумалъ: развѣ по платью только, и отвѣчалъ:

— Извините, право никакъ не могу... Очень сожалѣю.

И принесъ эту жертву учтивости, онъ поскорѣе вынулъ книгу, съ намѣреніемъ избавиться отъ дамы, такъ упорно требовавшей, чтобы ей полу было оказано всевозможное вниманіе.

Старуха въ сильномъ негодованіи усѣлась подлѣ Зерницкаго, показала сопровождавшей ее дѣвушкѣ на мѣсто противъ себя и сказала ей по англійски:

— Садись, Пегги, и благодари этого джентльмена, если твоя мать простудится и захвораетъ.

Александръ Иванычъ, понимавшій по англійски, хотѣлъ отвѣчать неуговорной сосѣдкѣ, но подумавъ, что это поведетъ его къ дальнѣйшимъ и скучнѣйшимъ объясненіямъ, промолчалъ, поднявъ къ самому носу свою книгу, потому-что былъ очень близорукъ.

Англичанка, видя, что сосѣдъ ея молчитъ, отпустила нѣсколько не совсѣмъ лестныхъ для него эпитетовъ, потомъ еще нѣсколько посиливше. Сосѣдъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ смотрѣлъ въ книгу.

— Нѣтъ, вскричала старуха, вскакивая съ мѣста и пересаживаясь на другую сторону прохода, подлѣ своей дочери и напротивъ господина въ соломенной фуражкѣ. Я не могу сидѣть подлѣ этого медвѣдя. Онъ выведетъ меня изъ терпѣнія своею неучтивостью. Читаетъ, когда подлѣ него сидитъ дама!

Зерницкій улыбнулся, закрывшись книгою. Дочка разсѣянно отвѣчала: уес, смотря на рыженькіе усики и соломенную фуражку своего сосѣда, сидѣвшаго навскось противъ нее.

Старуха не успокоилась однако же и на новомъ мѣстѣ. Она пристала къ купцу, сидѣвшему подлѣ нея и у окна, и начала просить его по французски, чтобы онъ уступилъ свое мѣсто ея дочери. Купецъ остановилъ ее на первыхъ словахъ.

— Не понимаю по французскому-съ, сказалъ онъ, наклоня голову на-сторону и дѣлая рукою знакъ сожалѣнія.

Соломенная фуражка взялась перевести по русски просьбу старухи.

— Эта дама проситъ васъ уступить свое мѣсто ея дочери.

— Чего-съ? спросилъ купецъ, немного оробѣвъ.

Франтикъ повторилъ свои слова.

— А я-то куда-жъ сяду-съ? сказалъ купецъ, испугавшись не на шутку.

— Да на мѣсто нѣней дочери, отвѣчалъ услужливый переводчикъ, показывая на старуху.

Купецъ торопливо полезъ въ карманъ, досталъ свой билетъ, посмотрѣлъ на него съ обѣихъ сторонъ и сказалъ:

— Мѣста, кажись не нумерныя-съ. Развѣ онѣ напередъ заподрядили это мѣсто?

Соломенная фуражка хотѣла отвѣчать, но въ вагонъ влетѣлъ другой молодой человекъ въ суконномъ картузѣ и синемъ пиджакѣ, оставляя на своемъ пути струю виннаго и табачнаго запаха.

— А! Пьеръ! закричалъ онъ! Вотъ братецъ, встрѣча! И ты въ Москву! Лихо! Бдемъ вмѣстѣ! Подлѣ тебя еще и мѣсто есть... Сядемъ вмѣстѣ, братецъ.

И новоприбывшій, пробираясь мимо старухи, чуть не упалъ къ ней на колѣни, пробормотавъ: пардонъ, мадамъ! потомъ такъ плотно шлепнулся на свое мѣсто, что сосѣди съ безпокойствомъ посмотрѣли, не подломилось-ли что подъ нимъ.

Господинъ въ соломенной фуражкѣ отвѣчалъ съ какимъ-то пренебреженіемъ на радостныя восклицанія суконнаго картуза, и обратясь къ купцу, началъ снова объяснять ему желаніе англичанки; но та, съ безпокойствомъ оглядѣвъ новоприбывшаго и разсчитавъ, что это *vis-à-vis* будетъ, вѣроятно, не совѣтъ пріятно ей дочери, отказалась отъ своего намѣренія, и купцу, уже собравшемуся переѣзжать, еще долго надо было объяснять, что онъ можетъ остаться на своемъ мѣстѣ.

Во-время этой сцены почти всѣ мѣста въ вагонѣ были заняты; напротивъ Зерницкаго помѣстился плотный мужчина въ охотничьемъ чекменѣ; на кожанной перевязи черезъ плечо висѣлъ у него нѣшнокъ и большая фляга въ плетеномъ футлярѣ. Едва успѣвъ сѣсть, господинъ этотъ отвинтилъ серебряную пробку отъ фляги, поднесъ флягу къ зачѣтательно полнымъ губамъ, подержалъ ее нѣсколько секундъ въ этомъ пріятномъ положеніи, отеръ губы ладонью, кракнулъ выразительно, и привелъ все въ прежній порядокъ, протянулся и сталъ смотрѣть на свои колѣнки, опуская все ниже и ниже голову.

— Сосѣдство не очень пріятное, подумалъ Александръ Ивановичъ. Впрочемъ, что мнѣ за дѣло. Книга займетъ меня гораздо больше всѣхъ этихъ дамъ и кавалеровъ.

И онъ началъ съ большимъ вниманіемъ читать свою книгу, не слушая довольно громкаго разговора сосѣдей.

Въ ту минуту, когда раздался послѣдній звонокъ, онъ поднялъ глаза отъ книги и посмотрѣлъ въ окно, на густую толпу народа, стоявшую на галлерей, за барьеромъ. Между разнообразными физиономіями, печальными, любопытными, равнодушными, бессмысленными, перодъ Зерницкимъ промелькнуло лицо Солина; выраженіе его было до того насмѣшливо, въ глазахъ, устремленныхъ на Зерницкаго, было столько дикой прови, что Александръ Ивановичъ быстро откинулся назадъ и сильно толкнулъ кого-то, смотрѣвшаго также, черезъ его голову, на галерею.

— Mille pardons! сказалъ онъ, разсѣянно, взволнованный неприятнымъ впечатленіемъ.

— Я уже во второй разъ сегодня нѣмъ удовольствіе слышать ваши извиненія, отвѣчали ему голосомъ, полнымъ неудовольствія.

Зерницкій оглянулся. Послѣ него сидѣла дама въ черномъ бурнусѣ, которую онъ задѣлъ уже разъ мѣшкомъ по ногамъ, еще въ галерей, но на которую въ то время не обратилъ вниманія.

И теперь, нельзя сказать, чтобы онъ обрадовался этому соседству. Колкій тонъ дамы, послѣдній взглядъ Солина пробудили въ немъ сильную досаду, — и онъ, недовольный всѣми, не исключая самого себя, молча утѣлся въ свой уголъ и сталъ пристально смотрѣть въ книгу, но являвшаяся однакоже ровно ничего изъ того, что читалъ.

Паровозъ двинулся впередъ; загремѣли цѣпи вагоновъ, плавно тронувшихся съ мѣста. Наступила минута безмолвія, почти для всѣхъ пассажировъ. Въ этомъ безмолвіи было что-то торжественное, какъ передъ начатіемъ всякаго важнаго дѣла; для многихъ, однакоже, къ этому чувству примѣшивалась боязливость, въ которой, конечно, никто-бы не сознался вслухъ. Головы многихъ высунулись въ окна, какъ-будто эти многіе раздумывали, не выгоды-ли имъ будетъ выскочить изъ окна, покажется паровозъ идетъ тихо... Потомъ начались обычныя разговоры о желѣзной дорогѣ, объ ея удивительномъ устройствѣ и удобствахъ, о важности быстрого сообщенія между обѣими столицами, о паркахъ вообще и паровозахъ въ особенности, обо всемъ, что было кстати. Известно, что русскій человѣкъ очень разговорчивъ, когда ему не нужно отыскивать предметъ разговора.

Зерницкій не принималъ никакого участія въ этомъ разговорѣ, но мѣткія и фразы его соседей по-неволѣ доходили до него. Изъ семи человѣкъ, назначенныхъ судьбою ему въ спутники, двое по счастью не говорили ни слова: это были — соседка его, въ черномъ бурнусѣ, о чемъ-то задумавшаяся, и vis-à-vis, упершійся въ колѣни жиденькія рукави безъ перчатокъ и наклонившійся все ниже и ниже къ окну. Зато остальные пятеро говорили безъ умолку: англичанна съ докторомъ.

по-англійски, а съ соломенной фуражкой по-французски; тотъ, въ свою очередь, разговаривалъ по-русски съ суконнымъ картузомъ; кунецъ тоже вѣшивался въ ихъ разговоръ, хотя это, невидящему, не доставляло имъ большого удовольствія.

— Что, братъ, Пьеръ, какова дорога-то! говорилъ суконный картузъ, обращаясь къ соломенной фуражкѣ. Вотъ и мы до европейскаго просвѣщенія дожили. А все Фультонъ, братецъ Ему всѣмъ обязаны.

Соломенная фуражка утвердительно кивнула головою, вѣроятно соглашаясь съ тѣмъ, что изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ Европа обязана Фультону.

— Это, кто это-съ, какъ вы его назвали назвать? спросилъ кунецъ, обращаясь къ картузу.

— Фультонъ, повторилъ тотъ важно. Одинъ англичанинъ; разныя машины изобрѣлъ.

И какъ бы оналася дальнѣйшихъ объясненій и разспросовъ, картузъ перемѣнилъ предметъ разговора и сказалъ сосѣду:

— Ты, Пьеръ, въ деревню?

— Нѣтъ, въ Москву, отвѣчалъ тотъ. Что, братецъ, въ деревнѣ скука,— надѣвшись, на чепорѣка походить не будешь. Въ Москвѣ хочю пожить до осени. Тамъ нынче Раппо представленія давать будетъ; Дюре у него; ныгане новыя, говорятъ, въ Соколынкахъ нѣтъ будутъ.

— Слышалъ, слышалъ, а гдѣ остановишься, въ Дрезденѣ?

— Нѣтъ, братъ, долго тамъ жить, дома не скажешься: пять цѣлокъ въ день за номеръ, да еще и не очень авантажнѣй. Я нанялъ квартиру у самаго цѣточнаго рылика, у той, знаешь...

— А! у Станиславы Казимировны! Какъ же, знаю! закричалъ картузъ!

И оба пріятеля громко засмѣялись, господинъ съ фляжкой выпрямился, посмотрѣлъ на всѣхъ оторопѣвшихъ взглядомъ, и спросилъ скороговоркой, обращаясь къ Зерницкому:

— Что, что случилось?

— Ничего! отвѣчалъ тотъ громко, и указывая на пріятелей прибавилъ: этихъ господанъ очень весело.

Александръ Иранычъ былъ, какъ извѣстно, не въ духѣ, и обрадовался случаю сказать небольшую колкость, которая должна была не понравиться сосѣданъ. Дѣйствительно, Пьеръ нахмурился съ угрожающимъ видомъ, а пріятель его въ суконномъ картузѣ обернулся къ Зерницкому, и раскрылъ уже ротъ, чтобы сказать что-то, но перемѣнилъ мнѣніе и не сказалъ ничего, а сталъ пристально смотрѣть на даму въ бурнусѣ, которая, казалось, ничего не слышала и не видѣла.

Визави Зерницкаго въ это время успокоился, отвинтил пробку отъ фляжки, подержалъ ее опять у рта, и началъ смотрѣть на свои колѣни. Зерницкій взялся опять за книгу, но глядѣлъ больше не въ нее, а на сосѣдку, которая начала интересоваться его своею задумчивостію.

Но не одною задумчивостію была она интересна. Всмотриваясь въ нее, много можно было найти замѣчательнаго въ ея неправильныхъ, даже некрасивыхъ чертахъ, но полныхъ ума, привлекательности и благородства. Все въ этой дамѣ доказывало, что она принадлежитъ къ лучшему обществу; нарядъ ея былъ простъ, но красивъ: бурнусъ изъ китайскаго атласа, не блестящаго, но дорогаго; шляпка изъ черныхъ кружевъ, но шелковыхъ, настоящихъ; платье также сѣренькое, одноцвѣтное, шелковое; правая, крошечная ручка дамы, которою она захивала бурнусъ, была обтянута блѣдно-желтою перчаткой безукоризненной чистоты. Дама эта была уже не молода и довольно полна. Особыхъ примѣтъ у ней, кромѣ очень черныхъ бровей и небольшого чернаго пятнышка на лѣвой щекѣ, не оказывалось.

Разглядывая сосѣдку, Зерницкій замѣтилъ, что его сосѣдъ въ суконномъ картузѣ чуть ли еще не внимательнѣе его слѣдилъ за каждымъ движеніемъ дамы въ бурнусѣ. Александру Иванычу это сильно не понравилось. Въ особенности онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Пьеръ, спрашивавшій о чемъ-то этого господина, долженъ былъ два раза кричать ему: Поль, а Поль! Я тебѣ говорю!

Но Поль едва могъ оторваться взглядами отъ чернаго бурнуса и почти нехотя отвѣчалъ пріятелю. Зерницкому было еще непріятнѣе видѣть, что потомъ пріятели начали шептаться между собою, очевидно объ его сосѣдкѣ, изрѣдка на нее взглядывая и о чемъ-то жарко споря. Какъ ни напрягалъ онъ слухъ, но могъ разобрать только нѣсколько словъ Пьера и отвѣтъ Поля.

— Ты, братецъ, мнѣ не говори! Я знаю ихъ хитрости! Меня не проведешь, говорилъ Пьеръ.

— Какъ можно, братецъ! ты ошибаешься; я тебя увѣряю, отвѣчалъ Поль.

Зерницкій даже покраснѣлъ отъ досады при этихъ словахъ, хотя они вовсе до него не касались, и легко, быть-можетъ, относилъ даже вовсе не къ тому, о чемъ онъ думалъ. Не смотря на это, онъ началъ придумывать, какъ бы ему проручить этого Поля, начинавшего выводить его изъ терпѣнія. Тотъ въ это время, вѣроятно ободренный словами Пьера, снова повернулся къ дамѣ и началъ осматривать ее легкой улыбкой.

Тогда Зерницкій не выдержалъ и сказалъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ:

— Не угодно ли вамъ будетъ переимѣниться со мною мѣстомъ?

Дама съ удивленіемъ подняла голову и отвѣчала:

— Благодарю; но я слышала, какъ вы отказались уступить ваше мѣсто двумъ дамамъ. Отчего же вы вздумали предложить его мнѣ?

— Оттого, что мнѣ бы хотѣлось быть вмѣсто васъ сосѣдомъ этого господина съ посоловѣлыми глазами, сказалъ Зерницкій, нисколько не понижая голоса.

Дама съ новымъ удивленіемъ посмотрѣла сначала на него, потомъ на Поля, не слышавшаго, повиданному, словъ Зерницкаго, но смутившагося немного отъ холоднаго и спокойнаго взгляда сосѣдки.

— Вы знакомы съ этимъ господиномъ? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ. А вы?

Вмѣсто отвѣта сосѣдка окинула его взглядомъ, въ которомъ было уже больше пренебреженія, чѣмъ удивленія.

— Вопросъ мой, конечно, не скромнень, продолжалъ Зерницкій, но я сдѣлалъ его потому, что этотъ господинъ смотритъ на васъ все время такъ странно.

— И вы, какъ истинный рыцарь, сочли нужнымъ защитить меня отъ этого страшнаго взгляда? спросила дама проницескимъ тономъ.

— Я думалъ оказать вамъ этимъ услугу.

— Развѣ я просила васъ услуживать мнѣ? Неужели вы думаете, что я сама не могу защитить себя, еслибы это было нужно? Я, кажется, не похожа на слабое созданіе, которое нуждается въ опорѣ и покровителѣ.

Слова дамы звучали насмѣшкой; но всего страннѣе было то, что она смѣялась даже надъ собою, потому-что при эпитетѣ *слабое* посмотрѣла съ улыбкою на свой полный станъ. Зерницкій началъ говорить что-то не совсѣмъ связное о долгѣ мужчины вступаться даже за незнакомую женщину, если ей не оказываютъ должнаго уваженія. Дама прервала его словами:

— Мнѣ кажется, что долгъ мужчины состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы не вступаться ни за какую даму безъ ея согласія. И къ чему послужило бы въ подобномъ случаѣ ваше заступничество? Не думаете ли вы, что мнѣ было бы пріятно, еслибъ изъ-за меня вышла какая-нибудь исторія, ссоры, непріятности? Развѣ это не больше компрометируетъ женщину чѣмъ глупые взгляды этого господина, котораго очень легко образумить безо всякаго посторонняго вмѣшательства.

И въ доказательство своихъ словъ, дама вдругъ быстро обернулась къ Полю, продолжавшему смотрѣть на нее и улыбаться.

— Что вамъ угодно? спросила она рѣзко и гордо.

Тотъ растерялся при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и отвѣчалъ нетвердымъ голосомъ:

— Мнѣ?.. Ничего-съ!.. Я такъ-съ...

— Вы меня знаете?

— Нѣтъ!.. Я не имѣю удовольствія.

— Въ такомъ случаѣ, я должна вамъ замѣтить, что смотрѣть такъ пристально на незнакому женщину можетъ только человекъ безъ всякаго воспитанія. А вы, вѣроятно, не захотите, чтобы я имѣла объ васъ такое мнѣнiе.

— Помилуйте!.. Я совсѣмъ не то!.. Какъ можно!.. Вы не такъ поняли!.. бормоталъ покраснѣвшій и сконфуженный Поль.

Прiятель его счелъ нужнымъ помочь бѣдняку и началъ говорить дурнымъ французскимъ языкомъ, обращаясь къ дамѣ:

— Могу васъ увѣрить, что другъ мой не имѣлъ никакого намѣренія...

— Я не съ вами говорила! прервала дама по-русски, отворачиваясь отъ Пьера и закрываясь въ бурнусъ.

Глубокое молчанiе послѣдовало за этими словами. Зерницкiй, пораженный гордымъ и сильнымъ тономъ сосѣдки, ея спокойствiемъ и ладнокровiемъ, не смѣлъ возобновить разговора съ нею. Когда же онъ сбросилъ съ духомъ и нашелъ предметъ разговора,—паровозъ остановился на Колпинской станціи.

СТАНЦІЯ ВТОРАЯ.

На этой станціи весьма немногіе изъ пассажировъ вышли изъ вагоновъ, боясь что-ли потерять свои мѣста, или не чувствуя еще надобности распрямить члены. Только бывалые путешественники и люди съ твердымъ характеромъ, которые не могутъ провести четверти часа безъ того, чтобы не наглотаться и не нанюхаться табачнаго дыма, торопились отыскать гдѣ-нибудь мѣстечко, чтобы удовлетворить потребности, сдѣлавшейся въ нашъ вѣкъ необходимѣе нищи и сна. Зерницкiй принадлежалъ также къ числу этихъ неутомимыхъ истребителей табуки, и выйдя изъ вагона, задымилъ и запыхтѣлъ, какъ и другіе. На этотъ разъ, однакоже, онъ исполнялъ это прiятное занятіе безъ особеннаго рвѣнiя и удовольствія, а скорѣе по привычкѣ. На полонѣ направилъ

даже оставовился, задумавшись о чемъ-то, потомъ бросилъ ее недокуренную, и поторопился въ вагонъ, не дожидаясь звонка.

Садясь на свое мѣсто, онъ обратился съ самою пріятною улыбкою къ сосѣдкѣ, и сказалъ ей:

— Давеча я предлагалъ вамъ мѣсто, чтобы забыть васъ отъ непріятнаго сосѣда, но вы счумѣли сами отъ него забыть; теперь я повторяю мое предложеніе, для того, чтобы не беспокоить васъ, когда нѣ случится выдти изъ вагона.

— А развѣ вы на всякой станціи намѣрены курить? спросила дама съ ироніей. Неужели вы ни на минуту не можете обойтись безъ вашихъ папирсъ?

— Я совсѣмъ не такой страстный охотникъ до куренія, отвѣчалъ Зерницкій, немного смутившись, и выхожу даже просто для того только, чтобы пройтись нѣсколько минутъ по галерей.

— Въ такомъ случаѣ, чтобы не заставлять васъ всякій разъ извиняться, пробираясь мимо меня, я принимаю ваше предложеніе.

Зерницкій, чрезвычайно довольный согласіемъ сосѣдки, началъ тотчасъ же перебираться самъ и помогать ей; перетасилъ свой дорожный мѣшокъ и уложилъ мѣшокъ дамы на новое мѣсто. При этомъ онъ успѣлъ замѣтить, что ножка сосѣдки обута въ крошечную прюнелевую ботинку съ лакированнымъ носкомъ.

Переселеніе это произвело, однакоже, нѣкоторое впечатлѣніе и на остальныхъ ближайшихъ сосѣдей дамы. Бывшій визави Зерницкаго, успѣвшій уже въ это время опустить голову къ колѣнкамъ до послѣдней степени возможности, за которую не переходитъ никто, кромѣ Віоля, вдругъ встрепенулся, выпрямился, подобралъ подъ себя ноги, заморгалъ, чрезвычайно сконфузился, и чтобы придать себѣ бодрости, вдвое дольше прежняго продержалъ у губъ фляжку. Пьеръ и Поль переглянулись между-собою и пошептались, однакоже чрезвычайно тихо и смотря въ землю. Но въ особенности осталась недовольна этимъ переселеніемъ старая англичанка; обратясь къ дочери, она сказала ей, не скрывая своей досады:

— Вгляни! этотъ медвѣдь уступилъ наконецъ мѣсто. Вѣрно налезъ себѣ...

Но въ эту минуту дочка дернула маменьку за рукавъ и прошептала ей что-то, показывая взглядами на даму въ бурнусѣ, обернувшуюся къ нимъ при первыхъ звукахъ англійскаго языка.

— Ну что жъ, продолжала немного успокоившаяся старуха. Я все-таки скажу всегда, что отказать одной дамѣ и уступить мѣсто другой,

значитъ еще болѣе оскорбить персону, и что на это способенъ только человекъ безъ всякаго воспитанія.

Дана въ бурнусѣ съ любопытствомъ взглянула на Зерницкаго. Онъ сидѣлъ неподвижно и спокойно какъ ефимекъ.

— Чего ожидать, впрочемъ, отъ такой незначительной физиономіи, прибавила старая англичанка, которая никакъ не могла успокоиться.

Зерницкій наклонился на минуту, чтобы скрыть краску досады, противъ воли выступившую на щекахъ, но тотчасъ же оправился и принялъ прежнее довольное выраженіе.

Англичанка продолжала бранить его безо всякой церемоніи; сосѣдка его хотѣла что-то сказать, но подумала, и вынувъ изъ кармана какой-то романъ брюссельскаго изданія, принялась за чтеніе. Зерницкій остался этикетъ очень недоволенъ. Ему казалось, что дана, изъ учтивости за уступленное ей мѣсто, должна бы поддерживать разговоръ. Самъ онъ, конечно, могъ возобновить бесѣду, но обиженное самолюбіе не позволило ему сдѣлать этого, и онъ также углубился въ чтеніе—все той же страницѣ, которую читалъ и на прошлой станціи.

Скоро однакоже почувствовалъ онъ, что ровно ничего не понимаетъ изъ того, что читаетъ. Тогда, въ досадѣ на самого себя и на свою сосѣдку, чтобы не обращать на нее вниманія, онъ сталъ прислушиваться къ разговору сосѣдей.

Пьеръ въ соломенной фуражкѣ и съ рыженькими усиками умѣлъ въ это время разговаривать съ молоденькой англичанкой, на самомъ дурномъ французскомъ языкѣ, и рассказывалъ ей съ большимъ жаромъ объ удовольствіяхъ петербургской жизни, объ Измерѣ, о цыганахъ, о Пассажѣ, и о разныхъ тому подобныхъ предметахъ, которые, казалось, не должны были бы интересовать англичанку, слушавшую однакоже съ особеннымъ вниманіемъ молодцоватаго Пьера.

— *C'est malheur que vous laissez Pétersbourg*, говорилъ онъ, подергивая кончики свои жидкихъ усиковъ. У насъ такъ много привлекательнаго. И вы еще почти ничего не видали. *Vraiment, c'est malheur.*

Поль съ оловянными глазами также присоединялъ сначала къ разсказу пріятеля разныя восклицанія и замѣчанія, но вида, что ихъ оставляютъ безъ вниманія, уступилъ поле сраженія Пьеру, и какъ великодушный другъ, началъ даже отдѣльный разговоръ съ матерью англичанки.

Проѣхали еще одну станцію, короткую, въ четырнадцать верстъ. Хотя остановка была всего минутъ на пять, но Пьеръ и Поль вѣшли изъ вагоновъ на галерею, гдѣ услужливая промышленность уже ждала пассажировъ, разложивъ апельсинныя пироги, разставивъ жбаны съ киселью

прозрачные штофы съ такою же прозрачною жидкостью, совершенно похожую на воду цвѣтомъ, но не вкусомъ. Зерницкій не выходилъ изъ вагона, но готовъ былъ выйти изъ себя, потому-что сосѣдка не обратила на это никакого вниманія, занявшись, повидимому, очень прилежно французскимъ романомъ.

Пьеръ и Поль вернулись въ вагонъ, сильно одушевленные прогулкой по галереѣ, уставленной штофами безцвѣтной жидкости. Поль началъ тотчасъ же разговаривать со старой англичанкой, но или она стала вдругъ почему-то меньше понимать по французски, или онъ успѣлъ забыть этотъ языкъ еще больше, погулявъ по галереѣ, только они оба съ трудомъ понимали другъ другъ—друга, и послѣ неудачныхъ попытокъ къ возобновленію разговора, прерывавшагося на каждомъ словѣ, Поль отъказался отъ него рѣшительно, и началъ дремать и покачиваться. Зато Пьеръ сдѣлался еще разговорчивѣе и любезнѣе, и уговаривалъ англичанку ѣхать въ Москву, гдѣ, по его словамъ, тоже много удовольствій, хотя нѣтъ Матрены, Излера и Пассажа.

Англичанка была очень довольна внимательностью молодого человека, но говорила, что на слѣдующей станціи оканчивается ея путешествіе, что тамъ будутъ ждать ея лошади d'un propriétaire повогодиен, которыя и отвезутъ ее въ деревню къ этому помѣщику, куда она нанялась въ гувернантку. Мать должна была только проводить ее до деревни, и вернувшись на станцію ожидать, для обратнаго пути, поѣзда, отправляющагося въ Петербургъ. Несмотря на это, Пьеръ продолжалъ приставать къ англичанкѣ, расспрашивая, какъ и гдѣ увидятся они снова, и есть ли какая-нибудь надежда, что знакомство, пріятное для него до такой степени, когда-нибудь возобновится.

Мать гувернантки, соскучась вѣроятно долгимъ молчаніемъ, совершенно посоловѣвшаго Поля, вмѣшалась въ разговоръ дочери съ франтикомъ и спросила, какъ ей нравится этотъ сосѣдъ.

— Very pleasant! отвѣчала дочка.

— Не то, что этотъ несносный визави, продолжала злопамятная старуха, взглядывая на Зерницкаго съ явною неблагоклонностью.

— Я и забыла объ немъ, сказала дочь.

— А я такъ не могу забыть, отвѣчала матушка. Очень желала бы, чтобъ онъ сложилъ себѣ голову на этомъ локомотивѣ. Впрочемъ, вамъ придется не долго видѣть передъ собой этого непріятнаго джентльмена; всего какихъ-нибудь полчаса.

— Даже еще меньше, сказалъ Зерницкій по англійски, самымъ спокойнымъ тономъ. Черезъ десять минутъ мы остановимся, и вы никогда не забудите отъ моего сосѣдства.

Можно вообразить себѣ положеніе англичанокъ при этихъ словахъ, поразившихъ ихъ какъ громомъ. Исступъ, удивленіе, стыдъ, даже страхъ выразились на ихъ лицахъ. Обѣ онѣ вскричали почти въ одинъ голосъ:

— Вы говорите по-английски!

— Что-жъ тутъ удивительнаго? сказалъ также хладнокровно Зерницкій. Неужели вы думаете, что англійскій языкъ въ наше время въ Россіи большая рѣдкость?

— Но мы никакъ не думали, что вы знаете этотъ языкъ... Вы молчали все время, сказала старуха.

— Покажѣсь вы бралии меня?.. Не думаю, чтобы незнаше англійскаго языка могло въ этомъ случаѣ оправдать васъ. Молчаніе доказывало только мое терпѣніе и желаніе отвѣчать данашъ на ихъ фразы, не очень любезныя. Я-бы молчалъ даже всю дорогу, но вы сейчасъ выходите изъ вагона, и я стою въ обязанности спросити васъ, при прощаньи, быть немножко осторожнѣе въ другой разъ, и не выражать слишкомъ громко своихъ мнѣній о сосѣдяхъ, можетъ-быть, дѣйствительно очень неприятныхъ, но между которыми легко могли найтись люди, не такъ учтивые и не столько терпѣливые, какъ я.

Извиненія и оправданія посылались на Зерницкаго, но онъ прервалъ ихъ словами:

— Я сказалъ все, что считалъ нужнымъ, — и вы позволите мнѣ теперь не продолжать разговора, а заняться чтеніемъ.

И онъ съ важностью развернулъ свою книгу на той же самой страницѣ. Глубокое молчаніе водворилось между сосѣдями. Зато когда вагонъ остановился, мать съ дочерью выскочили изъ него такъ быстро, что Пьеръ, пустившійся за ними преслѣдаться, не нашелъ ихъ даже на галерей.

Зерницкій и на этотъ разъ не вставалъ съ мѣста, но когда мимо его начали пробираться на платформу разные пассажиры, онъ обратился къ сосѣдкѣ и сказалъ:

— Вамъ не угодно будетъ пройтись немножко по галерей? Мы остаемся здѣсь минутъ десять.

— Я еще не устала сидѣть, отвѣчала сосѣдка, закрывая книгу. Но мнѣ кажется, что вы сами не курите уже вторую станцію?

— Неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ думаете, что я не могу обойтись безъ этого? спросилъ Зерницкій съ досадой.

— Думаю, сказала спокойно сосѣдка. Эта манія въ наше время до того сильна, что для вся мужчины оставляютъ и приятное общество, и балъ, и концерты.

— Я могу доказать вамъ, что не осталось даже этого вѣнца,

прервалъ съ живостью Зерницкій. Хотите-ли, чтобы я не курилъ до Москвы?

— Съ вашей стороны это будетъ жертва и вы лишите себя большого удовольствія.

— Я найду вмѣсто него другое,—бесѣду съ вами. Я выходилъ въ первый разъ, потому-что мнѣ стало скучно сидѣть молча.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Но кто-же мѣшалъ вамъ разговаривать.

— Съ кѣмъ прикажете? Съ англичанками? Согласитесь, что это было-бы неловко послѣ ихъ отзывовъ обо мнѣ. Съ этими господами Пьеромъ и Подемъ бесѣда была-бы не весьма занимательна. Я не бываю на праздникахъ Излера, гдѣ воздаются ему чуть не апотеозы, и не испытываю никакого тонко-эстетическаго чувства при пѣніи Матрены. Съ моими прежними, и теперешними вашими, визави разговоръ былъ-бы очень затруднителенъ. Этотъ господинъ бесѣдуетъ только со своею фляжкой, или съ Морфеємъ. Наконецъ, я долженъ былъ даже отказаться отъ разговора съ вами, потому-что вы говорили все время насмѣшливымъ тономъ и не показывали ни малѣйшаго расположенія къ бесѣдѣ со мною.

— Вы замѣтили это? спросила сосѣдка серьезнымъ тономъ. Но скажите, неужели вы находите необходимымъ разговаривать съ тѣми, кого видите въ первый разъ, и потомъ, вѣроятно, никогда больше не увидите. Какое извлечете вы изъ этого удовольствіе, не говорю уже, какую пользу? Неужели вы должны, во что-бы-то ни стало, какъ говорится, *убивать* время, и не можете провести его иначе, читая, или думая?

— Отчего-же вы не хотите повѣрить, что бесѣда съ вами доставитъ мнѣ удовольствіе? спросилъ съ жаромъ Зерницкій.

— Оттого, что если вы не хотите обмануть меня этими словами, то обманываете самого-себя. О чемъ можемъ мы говорить съ вами, лица, чуждыя другъ-другу, неимѣющія ничего общаго, почти враждебныя другъ съ другомъ, потому-что, согласитесь, если мужчина начинаетъ заговаривать съ незнакомою женщиною, не должна-ли она смотрѣть на это съ недоувѣрчивостію, съ опасеніемъ; не обязана ли она защищаться отъ этого нападенія? Конечно, при другихъ общественныхъ условіяхъ, не слѣдовало бы думать такимъ-образомъ, но въ настоящемъ положеніи думать иначе невозможно, и только, хорошо узнавъ другъ-друга, можно оставить эту принужденность обращенія. Но когда же мы успѣемъ такъ близко познакомиться, чтобы не подозрѣвать другъ-друга ни въ какой посторонней мысли, кромѣ той, которую высказываемъ прямо? Передъ нами всего двадцать часовъ сосѣдства, и стало-быть откровенная бесѣда между нами невозможна. Остаются одни общія мѣста, тогда о пу-

стаканъ, или о предметахъ, также мало интересующихъ того, кто говорить, какъ и того, кто слушаетъ. Не думаю, чтобы вы могли сильно желать такого препровождения времени; что-же касается до меня, то мнѣ и такъ приходится говорить поневолѣ много напрасныхъ словъ, чтобы заниматься этимъ-же и по охотѣ, въ минуты, когда я могу забыть обо всѣхъ необходимыхъ неудовольствіяхъ въ жизни.

Сосѣдка говорила просто, спокойно, но вѣстѣ съ тѣмъ важно и съ убѣжденіемъ. «Ужъ не писательница ли это?» подумалъ Зерницкій, и самъ невольно улыбнулся этой мысли. Сосѣдка подмѣтила эту улыбку...

— Вамъ кажутся странными мои слова? спросила она, пристально глядя на него.

— О нѣтъ, нисколько! отвѣчалъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Напротивъ...

— Позвольте, прервала она, и прежде чѣмъ вы скажете ложь, или комплиментъ, что одно и тоже, отвѣчайте мнѣ: дѣйствительно ли хочется вамъ провести эти двадцать часовъ со мною, какъ съ давно знакомою женщиной, говорить безъ всякаго принужденія, откровенно, хотя-бы только для того, чтобы разсѣять вашу скуку?

— Въ этомъ вы можете быть увѣрены, сказалъ онъ съ жаромъ. Вы ошибаетесь только, думая, что одна скука заставила меня желать сблизиться съ вами.

— Не будемъ говорить о причинахъ,—это очень темный и затруднительный вопросъ. Какое бы побужденіе не заставило васъ обратиться ко мнѣ, но первое условіе непринужденной бесѣды—откровенность, и если вы точно хотите подобной бесѣды, то скажете мнѣ, что заставило васъ сейчасъ улыбнуться? Предупреждаю васъ однакоже, что если вы скажете неправду, разговоръ нашъ на этомъ и кончится.

Зерницкій подумалъ съ минуту, и потомъ сказалъ рѣшительно:

— Я улыбнулся при мысли, что вы, можетъ-быть, женщина-писательница.

Сосѣдка посмотрѣла на него несовсѣмъ благосклонно, и сказала послѣ нѣкотораго молчанія:

— Еслибы я и въ-самомъ-дѣлѣ была писательницей, что-же сдѣлаю въ этомъ? Неужели вы принадлежите къ числу людей, позволяющихъ женщинамъ быть только кухаркой, нянькой, или наивной мечтательницей?

Зерницкій счелъ долгомъ оправдаться въ этомъ подозрѣніи, и сказалъ нѣсколько громкихъ фразъ о высокомъ назначеніи женщины и ее многообразныхъ способностяхъ. Сосѣдка прервала его:

— Зачѣмъ говорить то, въ чемъ вы не убѣждены? Я не буду

сердиться на васъ за ваши мнѣнія. виноваты ли вы въ томъ, что раздѣляете общія убѣжденія, что сроднились съ ними, воспитаны въ нихъ? Впрочемъ, я не защищаю въ этомъ случаѣ и женщинъ. Большею частію онѣ сами виноваты въ томъ, что мужчины имѣютъ объ нихъ не всегда и не совсѣмъ высокое мнѣніе. Не берусь рѣшить, кто больше виноватъ, но можно поручиться, что обѣ стороны неправы. Я не стала бы разбирать этого вопроса, еслибъ даже была писательницей; для рѣшенія его надо слишкомъ много изучить, знать и видѣть. Я даже не преобладала никогда писать для всѣхъ, то-есть для печати, и мнѣ кажется это почему-то, весьма неловкимъ.

— Это вовсе не такъ тяжело и не такъ страшно, отвѣчала Зерницкій. Всякій мыслящій человѣкъ и знающій хотя нѣсколько жизнь можетъ во всякое время сдѣлаться писателемъ, если захочетъ. Одни литераторы, для того, чтобы придать себѣ болѣе важности, твердятъ, что очень трудно достигнуть высокаго званія писателя. Прежде для этого необходима была хоть риторика; теперь не требуется даже грамматки. Сколько найдете вы людей, которые именно потому воображаютъ себя писателями, что не знаютъ правописанія. Я самъ, имѣвшій полное право никогда и ничего не писать, лѣтъ семь тому назадъ напечаталъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ повѣсть, за которую мнѣ даже заплатили—разными обѣщаніями, не считая похвалъ въ томъ же самомъ журналѣ. Несмотря на эти похвалы, повѣсть была все-таки очень недурна, потому-что была написана для развитія одной мысли, долго меня занимавшей. Я долго думалъ прежде, чѣмъ началъ писать, тогда какъ съ многими литераторами это случается наоборотъ: они сначала долго пишутъ, прежде чѣмъ начнутъ думать. Я увѣренъ даже, что вамъ самимъ не разъ приходили въ голову мысли, которыя очень удобно могли-бы осуществиться въ какомъ-нибудь разсказѣ.

— Вы правы, отвѣчала весело сосѣдка. У всѣхъ есть свои любимыя идеи, которыя разсматриваются нами со всѣхъ сторонъ и съ которыми мы не расстаемся до-тѣхъ-поръ, пока ихъ не вытѣснятъ другія болѣе важныя, или болѣе положительныя идеи. Признаюсь вамъ, что еслибы мнѣ пришлось писать повѣсть, я взяла бы для нее тотъ предметъ, съ котораго мы начали нашъ разговоръ, и назвала-бы эту повѣсть: *Нарисованная слова*.

— Вы исчислили бы въ этой повѣсти, сколько словъ говорится въ жизни безо всякой пользы?

— Нетолько безъ пользы, но и безъ цѣли. Кромѣ этого ужаснаго обыкновенія: убивать время, какъ будто въ нашъ вѣкъ изъ него нельзя сдѣлать никакого лучшаго употребленія, страшно подумать, какое огром-

ное количество словъ тратится вездѣ и всѣми безо-всякой причины и надобности. Намъ, русскихъ, называютъ неразговорчивыми, упрекаютъ, за это; намъ кажется, что это не только не недостатокъ, но даже преимущество, достоинство. Неужели лучше прослыть говорунами, подобно одной мнимо-великой націи, которая договорилась до того, что ей, наконецъ, зажали ротъ, — и теперь она нисколько не претендуетъ на это. Послушайте вседневные, свѣтскіе, визитные, салонные разговоры, и скажите сами: не напрасны-ли это слова, не лучше-ли, наконецъ, вовсе ничего не говорить, чѣмъ говорить фразы, которыя говорятся не съ тѣмъ, чтобы имъ повѣрили, и слушаются не потому, чтобы были занимательны. Представьте себѣ, сверхъ-того, вліяніе, которое могутъ имѣть эти напрасныя слова на лица, придающія этимъ словамъ важность и значеніе. Вообразите, наконецъ, два лица, которыя, по привычкѣ, по необходимости, или по недоразумѣнію, говорятъ другъ-другу совершенно напрасныя слова, въ то время, когда могли бы мѣняться другими, выходящими прямо изъ сердца, полными чувства, симпатіи, любви ко всему прекрасному, высокому. И настаетъ время, когда эти люди сами видятъ, что напрасно убили это время, что напрасно говорили вовсе не то, что было должно и можно говорить; но позднія сожалѣнія также напрасны. потерянное время не возвращается, — и эти люди выносятъ изъ встрѣчи, готовившей имъ много счастья и радости — только одни *напрасныя слова!*

Сосѣдка говорила быстро и съ увлеченіемъ. Зерницкій слушалъ ее съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ. Ему казались странны ея сужденія, ея тонъ, непринужденный, даже немного рѣзкій. Все доказывало въ ней большой умъ, опытность, начитанность. Зерницкій признавалъ все это, но ожидалъ и желалъ найти въ ней другое. Съ минутой онъ подумалъ, не заключается-ли въ послѣднихъ словахъ сосѣдки какого-нибудь намека на то, что отъ него зависитъ не ограничивать ихъ разговора одними напрасными словами, но взглянувъ еще разъ на ея строгія и спокойныя черты, онъ откинулъ всякую мысль о кокетствѣ съ ея стороны; и сознался въ душѣ со вздохомъ, что сосѣдка его не совсѣмъ обыкновенная женщина, а следовательно, и обыкновенная тѣтка съ немъ будетъ неумѣстна.

И странно; она какъ будто угадала его мысли, потому-что сказала, измѣнивъ немного восторженный тонъ на прежній, слегка ироническій:

— Не правдали, что вамъ также кажется напрасными словами все, что я теперь сказала? И я сознаюсь въ томъ, что они точно напрасны; но вспомните, вы сами добивались разговора со мною, и согласившись на это, я не могла же говорить съ вами о погодѣ, удобствахъ ~~и т. д.~~

нытъ дорогъ и печальныхъ окрестностяхъ, которыя глядятся теперь въ окна нашего вагона. Я предпочла непринужденную бесѣду о первомъ представившемся предметѣ. Мы такъ мало знаемъ другъ друга, что между нами не могло быть другихъ словъ, кромѣ напрасныхъ, но по-крайней-мѣрѣ не приторныхъ. Въ водевиляхъ и драматическихъ пословицахъ, которыя нынче въ такой модѣ, послѣ первыхъ словъ знакомства между молодымъ человѣкомъ и женщиной всегда начинается разговоръ о чувствахъ, о таинственномъ влеченіи двухъ душъ, рожденныхъ другъ для друга; но я слишкомъ хорошаго мнѣнія объ васъ, и не думаю, чтобы вы любили водевиля. Надѣюсь также, что и меня вы не сочтете за странствующую геронню какой-нибудь драматической пословицы.

— Помните! отвѣчалъ Зерницкій, наклоняя голову довольно низко, чтобы скрыть легкое смущеніе.

— Къ тому же я совсѣмъ не такъ молода, чтобы занимать роли героннь, — продолжала весело сосѣдка. Мнѣ тридцать пять лѣтъ, а со смертію Бальзака кончились въ литературѣ всѣ апотеозы сорокалѣтнихъ красавицъ. Только его гений могъ сдѣлать интересною женщину этихъ лѣтъ. Неблагодарныя женщины, мы и не подумали воздвигнуть ему памятникъ, въ награду за одинъ изъ самыхъ снѣблыхъ подвиговъ, о которыхъ когда-нибудь упоминалось въ исторіи!

Сосѣдка говорила это такъ весело, такъ спокойно, что сосѣдъ не могъ не разсмѣяться, и даже не подумалъ возражать извѣстными фразами объ осени, которая часто бываетъ гораздо лучше лѣта, о томъ, что опытность предпочтительнѣе невинности, что женщина бываетъ всегда столько лѣтъ, сколько кажется на лицо, и прочее. Онъ даже не сталъ вступаться за Бальзака и его героннь, а началъ, напротивъ, говорить, что ея теорія напрасныхъ словъ, хотя совершенно вѣрная въ основаніи, неудобопримѣнима къ настоящему случаю ихъ знакомства, что въ вагонѣ желѣзной дороги нельзя все читать, или дремать, и что разговоръ съ сосѣдомъ, какой бы онъ ни-былъ — и разговоръ и сосѣдъ, — потому уже не напрасенъ, что избавляетъ отъ скуки и помогаетъ сокращать время. Въ доказательство всего сказаннаго, онъ замѣтилъ сосѣдкѣ, что едва начавъ разговоръ, они уже проѣхали еще цѣлую станцію въ восемнадцать съ половиною верстъ, и что теперь настоящая пора завтракать, тѣмъ болѣе, что они остаются цѣлые четверть часа на этой станціи.

СТАНЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Сосѣдка Зерницкаго вышла съ нимъ на галерею, но отказалась завтракать; онъ остался подлѣ нея. Они подошли съ четверть часа по галереѣ, поговорили о Петербургѣ, о Москвѣ. Изъ разговора, Зерницкій узналъ, что его сосѣдка постоянно живетъ въ своей подмосковной деревнѣ, что въ Петербургѣ пріѣзжала повидаться съ родными и взглянуть на городъ, въ которомъ давно не была, и что теперь возвращается въ деревню, откуда уже, вѣроятно, не скоро выѣдетъ. Звонокъ не прерывалъ ихъ разговора, и они вернулись на свои мѣста, продолжая бесѣду, какъ двое старинныхъ знакомыхъ.

— Мы, кажется, ѣдемъ уже пятую станцію, сказала сосѣдка, когда паровозъ снова двинулся впередъ.

— Для меня это всего третья, отвѣчалъ Зерницкій: на первой мы познакомились, на второй вы оставили ваше предубѣжденіе противъ меня, и мы нешного сблизились; на третьей сближеніе наше, повидимому, продолжается.

— Стало-быть вы не считаете тѣхъ станцій, на которыхъ скучали? спросила сосѣдка, улыбаясь.

— Я считаю только то, что приноситъ мнѣ удовольствіе. Зачѣмъ припоминать время, въ которое было скучно?

— Затѣмъ, чтобы настоящее было для насъ еще пріятнѣе, когда мы сравнимъ его съ прошедшимъ.

Это были первые слова сосѣдки, въ которыхъ было что-то похожее на кокетство. Высказывалось ли, наконецъ, въ ней противъ воли женское чувство, или она съ намѣреніемъ, для какой-нибудь цѣли, хотѣла казаться любезнѣе, Зерницкій не могъ рѣшить этого, но во всякомъ случаѣ мысленно далъ себѣ слово быть какъ можно осторожнѣе съ этой женщиной, которая, привлекая его къ себѣ оригинальностью сужденій, въ тоже время пугала и отталкивала холоднымъ умомъ.

Онъ рѣшился, однакоже, изучить эту женщину сколько можно ближе и подробнѣе. Съ этой цѣлью онъ свелъ разговоръ на самые отвлеченные предметы, началъ говорить объ исторіи, философіи, политикѣ. Сосѣдка все знала, все читала, обо всемъ имѣла понятіе, обо всемъ судила метко, здраво, вѣрно, хотя и не всегда согласно съ общими понятіями. Познанія ея въ литературѣ еще болѣе удивили его. Она читала почти все, чѣмъ гордится человѣчество, знала всѣхъ великихъ писателей древности и современнаго міра. Но и въ оцѣнкѣ этихъ лицъ, ея мнѣнія часто рѣзко противорѣчили общепринятымъ. Печать оригиналь-

ваго сужденія, не слишкомъ доверяющаго авторитетамъ, но выработанаго долгимъ сужденіемъ, лежала на мнѣніяхъ сосѣдки. Зерницкій не замѣтилъ, какъ они проѣхали еще одну станцію и подъѣзжали къ седьмой.

Среди самаго одушевленнаго разговора о вліяніи Диккенса и Теккерея на французскую литературу, сосѣдка вдругъ спросила Зерницкаго:

— Сколько станцій еще намѣрены вы продолжать вашъ экзаменъ? Мы сейчасъ остановимся на седьмой.

— Если вамъ такъ непріятенъ этотъ экзаменъ, зачѣмъ вы отвѣчаете мнѣ? сказалъ Зерницкій, на котораго очень непріятно подѣйствовалъ вопросъ и тонъ сосѣдки.

— Затѣмъ, что меня забавляютъ ваши разспросы. Вы такъ удивляетесь тому, что я кое-что знаю и кое-что читала, и я старалась нарочно собрать въ памяти какъ можно больше самыхъ скучныхъ, но зато и самыхъ глубокомысленныхъ фразъ, чтобы еще больше васъ озадачить.

— Стало-быть, я недолженъ вѣрить искренности вашихъ сужденій о писателяхъ? спросилъ съ досадою Зерницкій. Стало-быть, вы сами не вѣрите ничему, что говорили о значеніи литературы, о степени значенія ея въ современномъ обществѣ?

— Я говорила, конечно, что думаю; но могу ли поручиться, что буду всегда такъ думать, когда прежде, въ молодые годы, думала ужъ конечно иначе? Къ тому же вы спрашивали меня о многомъ, чего я давно не перечитывала и о чемъ говорила только на основаніи старинныхъ впечатленій. Какую же цѣну можно приписывать нашимъ сужденіямъ, когда мы сами не увѣрены: искренни ли они? Увѣченные вашимъ удивленіемъ, вы даже не замѣтили, что я часто противорѣчила себѣ, тогда какъ вы не брали на себя труда сдѣлать мнѣ хоть одно возраженіе. Не доказываетъ ли это, что вы сами не имѣете твердыхъ убѣжденій въ литературу?

Сосѣдка говорила эти слова уже не съ ироніей, но скорѣе съ пренебреженіемъ, съ равнодушіемъ. Зерницкій не могъ придти въ себя отъ досады и удивленія отъ такой неожиданной перемены, ничѣмъ не вызванной и необъяснимой. Собравшись съ духомъ, онъ отвѣчалъ довольно рѣзко:

— Послѣ собственнаго сознанія въ шаткости вашихъ мнѣній, мнѣ конечно не остается ничего больше, какъ перестать рзспрашивать васъ объ этихъ мнѣніяхъ. Вѣрю, что вопросы мои могли показаться вамъ неумѣстными, но думаю, что вы могли бы мнѣ замѣтить это, не уничто-

жая во мнѣ довѣренности къ вашимъ словамъ, которыми я нигдѣ неосторожность вѣрить и удивляться.

И прежде чѣмъ она могла что-нибудь отвѣчать, онъ поклонился ей и вышелъ на галерею Грядской станціи.

Скорыми шагами мѣрилъ онъ галерею, стараясь дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, думая объ этой женщинѣ, которая, кажется, приняла твердое, намѣреніе бѣснать его сначала своимъ молчаніемъ, потомъ своими словами.

— Что-же это такое? разсуждалъ онъ самъ съ собою. Дѣйствительно ли это капризная, безхарактерная женщина, или все это только комедія рассчитаннаго кокетства? Но съ какой цѣлью вздумалось ей смѣяться надъ собою? Не могла-же она думать, что это мнѣ понравится. Напротивъ, она очень хорошо понимала, что ея слова возбуждаютъ меня противъ нея. Зачѣмъ же она говорила все это? Какъ повать ее?.. Но какое мнѣ дѣло до ея словъ и до нея самой? Развѣ мое желаніе сблизиться съ нею не было также прихотью, капризомъ? Конечно, она женщина очень интересная, умная, но есть-ли какая-нибудь возможность переносить хладнокровно эти переходы отъ вниманія къ насмѣшкѣ, отъ добѣрчивости почти къ оскорбленію? Къ тому-же, какъ ни старается она выдавать себя за аристократку, но сильно смахиваетъ на авантюристку... Она вовсе не хороша собою, и если сама говоритъ, что ей тридцать пять лѣтъ, то навѣрно ей больше сорока пяти. Чѣмъ больше я обдумываю ея слова, тѣмъ яснѣе вижу, что она просто хотѣла посмѣяться надо мною. Смѣшно было-бы мнѣ сердиться на это. Но я не долженъ также, какъ прежде, оказывать ей вниманіе. Всего лучше не говорить съ нею ни слова. До Малой-Вишеры нѣтъ и двадцати верстъ; буду читать все это время, потомъ пообѣдаю на станціи и постараюсь послѣ обѣда продремать три, четыре станціи. Вечеромъ начну разговоръ съ какими-нибудь сосѣдомъ... Я могу даже перемѣнить мѣсто, если мнѣ очень надоѣстъ моя сосѣдка.

Принявъ такое благоразумное рѣшеніе, Зерницкій вернулся въ вагонъ съ довольнымъ видомъ, и усѣлся на мѣсто, напѣвая слегка какую-то итальянскую арію. Потомъ онъ досталъ свою книгу, совершенно было позабытую, и началъ читать ее съ самымъ глубокомысленнымъ выраженіемъ. Взглянувъ вскользь на сосѣдку, онъ замѣтилъ, что и у нея лежала на колѣняхъ книга, но она не читала ее, а смотрѣла въ окно, опершись локтемъ въ колѣно, положивъ подбородокъ на ладонь этой руки. Зерницкій улыбнулся этому непринужденному, но и не граціозному положенію.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ даже довольно громко разсмѣялся; потомъ съужьгъ какъ-то особенно громко повернуться на своемъ мѣстѣ. Все было напрасно, — сосѣдка не обращала на него вниманія.

Тогда ему стало совѣстно передъ самимъ собою. Онъ глубоко опустился въ свое кресло и принялся за чтеніе. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ прочелъ онъ двѣ страницы, и сталъ опять думать:

«Что это какъ страненъ человекъ! Рѣшительно — главное свойство его характера — упрямство. Чтобы поставить на своемъ, или переупрямить другаго, человекъ рѣшается на самые трудные, невозможные подвиги. Въ немъ и любовь больше ничего, какъ упрямство: самъ не очень любить, а не хочетъ, чтобы полюбили кого-нибудь, кромѣ его. А въ мою сосѣдку должно быть многіе влюблялись. Любила ли только она сама—это сомнительно.»

И Зерницкій долго думалъ все о томъ же; мысли его кружились около одного предмета. Нѣсколько разъ сердился онъ на себя за это; насильно заставляя себя думать о другомъ, но мысли все-таки периодически вскорѣ-же на сосѣдку. Молодой человекъ негодовалъ на слабость своего характера; это также ничему не помогало.

Кое-какъ время протянулось до слѣдующей станціи. Зерницкій опрометью бросился изъ вагона, вздыхая радостно, и усѣвшись за столъ, началъ обѣдать. Вскорѣ однакоже онъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что аппетитъ его вовсе не такъ великъ, какъ это казалось ему сначала. Не истребивъ и половины потребованнаго имъ обѣда, онъ всталъ изъ-за стола въ сильной задумчивости, и началъ прохаживаться по галерей, закуривъ папироску.

Проходя мимо своего вагона, онъ заглянулъ въ окно его, и увидѣлъ, что сосѣдка, оставшись на своемъ мѣстѣ, вынула изъ дорожнаго мѣшка нѣсколько бутербродовъ и кушала очень аппетитно. Потомъ она достала апельсинъ, очень аккуратно очистила его и съѣла. Зерницкій съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на это, какъ-будто сосѣдка дѣлала что-нибудь необыкновенное. Вдругъ глаза ихъ встрѣтились и ему стало стыдно за свое любопытство, тѣмъ болѣе, что дама разсмѣялась довольно громко.

— Вы любуетесь на мой аппетитъ? спросила она непринужденно, оправляя платье.

— Я удивляюсь, напротивъ, тому, что вы довольствуетесь такимъ скромнымъ обѣдомъ, отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ отъ счастья, забывъ всю свою досаду, довольный тѣмъ, что она опять начала разговаривать съ нимъ.

— Я люблю хорошо пообѣдать, продолжала она, но очень прихотлива, и трактирные обѣды мнѣ не по вкусу. Поэтому я въ дорогѣ ѣмъ много. А вы что-же, ужь отобѣдали?

— Да, давно.

— Что-же такъ скоро?

— Я тоже мало ѣмъ въ дорогѣ, отвѣчалъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Вотъ, кажется, первый предметъ, въ которомъ мы сходимся мнѣніями. Мы не скоро еще поѣдемъ?

— Черезъ четверть часа.

— Въ такомъ случаѣ, пройдитесь немного по галерей. Я устала сидѣть.

И сосѣдка, выйдя изъ вагона, пошла подлѣ Зерницкаго скорую, но не совсѣмъ граціозною походкою. Первымъ его движеніемъ было бросить въ траву папирску. Сосѣдка улыбулась.

— Зачѣмъ вы не курите? сказала она. Не боитесь ли вы, что я упрекну васъ въ слабости характера и въ томъ, что вы не держите вашего общанія?

— Я обѣщалъ, конечно, не курить до Москвы, потому-что надѣялся найти въ замѣнъ одного удовольствія — другое. А вы на прошлой станціи не только перестали разговаривать со мною, но насажали мнѣ даже много непріятнаго.

— Позвольте вамъ замѣтить, что перестали разговаривать вы, а не я; вы, конечно, должны остаться недовольными моими словами, но вамъ слѣдовало или совершенно обидѣться ими, и не возобновлять со мной разговора, или не обращать на нихъ никакого вниманія, и продолжать заниматься мною — хоть бы отъ скуки.

— Позвольте и вамъ замѣтить въ свою очередь, что теперь разговоръ возобновили вы, а не я.

— Въ такомъ случаѣ вы бы должны были отвѣчать мнѣ сухо, отрывисто, неохотно.

— Я не могу этого сдѣлать, сказалъ Зерницкій съ одушевленіемъ. Чувствую, что не въ состояніи сердиться на васъ, что-бы вы мнѣ ни сказали.

Сосѣдка насильственно посмотрѣла на сосѣда, и отвѣчала послѣ небольшого молчанія:

— Вы, можетъ-быть, правы. Сердиться на кого-бы то ни было и за что-бы то ни было мнѣ всегда казалось страннымъ. Развѣ отъ васъ

зависеть всегда угодить другому? А если насъ будутъ огорчать мелкія непріятности, что будемъ мы дѣлать въ минуты большихъ, истинныхъ несчастій?

— Я не считаю маленькою непріятностью — необходимость прекратить разговоръ съ вами, отвѣчалъ Зерницкій еще одушевленнѣе.

На этотъ разъ она посмотрѣла на него не иронически, но строго, и сказала холоднымъ тономъ:

— Если вы будете впадать въ сантиментальность, или патетизмъ, разговоръ нашъ прекратится самъ-собою.

— Вы ужъ черезъ-чуръ строги, замѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— А вы — слабы, отвѣчала она.

— Можетъ-быть. По-крайней-мѣрѣ я откровененъ. Если вы считаете оскорбленіемъ всякое слово, сколько-нибудь похожее на комплиментъ, то согласитесь, что вы въ этомъ случаѣ не походите нисколько на другихъ женщинъ. Я же не составляю исключенія изъ общаго правила и не могу говорить холодныя и разсчитанныя фразы женщинъ, сдѣлавшей на меня впечатлѣніе.

— А я не могу слушать любезностей, въ какой-бы формѣ онѣ не проявлялись. Стало-быть, разговоръ между нами будетъ не клеиться, и потому...

— Напротивъ, прервалъ Зерницкій, разговоръ будетъ прентересный для меня, потому-что, — извините за откровенность, — въ васъ я встрѣтилъ новый, особенный родъ кокетства, котораго мнѣ еще не удавалось встрѣчать въ женщинахъ.

— Вы находите, что я кокетка? спросила она съ непритворнымъ удивленіемъ.

— И имѣю дерзость утверждать это, отвѣчалъ онъ съ улыбкой. Доказательства мои будутъ очень ясны и просты. Что такое кокетство? Желаніе нравиться, произвести впечатлѣніе, заставить удивляться себѣ. Женщина достигаетъ этого различными способами. Есть кокетство красоты, кокетство граціи, кокетство наивности, кокетство чувства, даже кокетство ума; — въ васъ я вижу кокетство строгаго пуританизма. Вы хотите отличиться нетерпимостью нрава, какъ другіе хотятъ отличиться снисходительностью. Вы забываете, что крайности всегда неестественны и что онѣ все-таки обращаютъ на себя всеобщее вниманіе. Лучшее средство быть незамѣченнымъ — держаться середины.

Дама съ удивленіемъ посмотрѣла на Зерницкина, не подозревая, чтобы онъ могъ философствовать такъ разсудительно. Съ нимъ, правду ска-

зять, это и не часто случалось. Здравия убѣжденія приходили къ нему временемъ, порывами, какъ всякое другое чувство. Онъ увлекался первою мыслью, минутнымъ впечатлѣнiемъ, и отдавался ему весь, нераздѣльно; но пора увлеченія проходила, и онъ самъ не замѣчалъ, какъ его поступками начинало управлять уже совершенно другое чувство, часто совершенно противоположное. Такихъ характеровъ не мало; хорошее въ нихъ то, что увлекаясь сами, они часто увлекаютъ и другихъ, а въ нашъ вѣкъ, когда истинное увлеченiе такъ рѣдко, съ подобными людьми также прiятно встрѣчаться, какъ съ азіатцемъ среди какого-нибудь чиннаго европейскаго города.

Сосѣдка Зерницына не могла не согласиться отчасти съ его словами, и стала слушать его довольно внимательно, говорить съ нимъ не такъ разсѣянно. Усѣвшись на свои мѣста, они продолжали разговаривать въ вагонѣ, и бесѣда ихъ не прерывалась до слѣдующей станціи. Мы рѣшительно находимся въ затрудненіи передавать всѣ подробности разговора между героями нашего разсказа. Можно пожалуй проговорить двадцать часовъ средю, но если-бы какой нибудь досужій стенографъ и записалъ всѣ эти разговоры, врядъ ли бы нашелся досужій читатель, который имѣлъ бы терпѣніе прочесть ихъ. Къ тому-же Зерницкій, передавшій намъ всѣ подробности своего знакомства на желѣзной дорогѣ, самъ не могъ припомнить, о чемъ именно говорилось въ такое-то время. Онъ понималъ только станціи, на которыхъ происходили главные событія его исторiи и которыми мы раздѣлили нашъ однообразный разсказъ. Самые событія для Зерницкаго заключались, конечно, въ различныхъ ощущенiяхъ, испытываемыхъ имъ въ глубинѣ своего сердца. Поэтому, переходя къ слѣдующей станціи, мы будемъ приводить только мѣста бесѣды, оставившія почему-нибудь сильное вліяніе на нашего героя, странную исторiю котораго мы передаемъ въ назиданіе потомства.

СТАНЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Было восемь часовъ; подъѣзжали къ Валдайской станціи; тихій и теплый вечеръ располагалъ къ лѣни, къ мечтательности; въ вагонѣ разговоры смолкали, или дѣлались откровеннѣе, задушевнѣе; иные пассажиры сладко дремали; даже паровозъ мчался впередъ не съ такимъ шумомъ, съ какимъ начиналъ свой путь; клубы дыма вырывались изъ трубы ровно, не порывисто; почти въ тактъ; колеса гремѣли по рельсамъ иврю,

почти гармонически. Тѣло нѣжилось, чувства успокоивались, душа отдыхала. Зерницкій говорилъ съ сосѣдкой о чувствахъ, весьма щекотливомъ предметѣ разговора между двумя мало знакомыми лицами и противъ котораго такъ вооружалась сосѣдка въ началѣ ихъ знакомства. Теперь она и сама не замѣтила, не могла бы дать отчета, какими образомъ непримѣтно заговорили они о любви. Дѣло шло сначала о такомъ важномъ, о такомъ серьезномъ предметѣ, какъ искусство; толковали о томъ, какая теорія справедливѣе: искусство для искусства, или искусство для добра. Странно было только, что Зерницкій поддерживалъ послѣднюю теорію, а сосѣдка защищала первую. Потомъ начали толковать о прекрасномъ и его значеніи въ искусствѣ; спорили о томъ, слѣдуетъ-ли отдѣлить это свойство отъ истиннаго, или первое только видоизмѣненіе послѣдняго: все ли истинное прекрасно, или на оборотъ: все ли прекрасное истинно? Вопросы старые, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудились всѣ мыслители и всѣ влюбленные, и которые всегда лучше рѣшались послѣдними, потому-что въ человѣкѣ диалектика сердца всегда выше эстетики ума. Отъ прекраснаго одинъ шагъ къ высшему проявленію его въ женщинѣ, и можно ли говорить о женской красотѣ и не сказать ничего о любви — этомъ естественномъ результатѣ чувства прекраснаго? Сосѣдка почувствовала всю опасность этого разговора, когда уже онъ зашелъ довольно далеко. Она хотѣла вдругъ переимѣнить его, но Зерницкій укрѣпился въ занятой имъ позиціи и не позволяя вытѣснить себя изъ нее, потребовалъ у своего противника яснаго и положительнаго отвѣта на вопросъ, какъ онъ понимаетъ любовь.

Это требованіе было высказано такъ твердо, съ такимъ жаромъ, что сосѣдка не могла даже улыбнуться настойчивости сосѣда, и отвѣчала почти съ досадою:

— Вопросъ вашъ довольно затруднителенъ. Я не профессоръ философіи, чтобы объяснять вамъ такое разнообразное и многосложное чувство, какъ любовь.

— Я и не требую отъ васъ опредѣленія любви, а хочу только знать, какъ вы понимаете, или какъ испытывали это чувство? Отказаться отъ отвѣта значитъ сказать, что вы никогда не знали его, и въ тоже время подать надежду, что вамъ могутъ его внушить. Учителемъ быть такъ пріятно, — и кто откажется отъ удовольствія передать и объяснить такое чувство, какъ любовь?

— Не считаете-ли вы меня новичкомъ въ любви? спросила сосѣдка съ какою-то странною улыбкою.

— Нѣтъ, но вы сами объявили, что вы и не профессоръ этого чувства.

— Поэтому-то я и не могу объяснить его. Если для того, чтобы узнать истинную любовь, надо любить не разъ, то для того, чтобы разобрать и оцѣнить ее какъ слѣдуетъ, не надо вовсе испытывать ее на практикѣ, а только изучить въ теоріи. Всякое сильное чувство мѣшаетъ анализу этого-же чувства. Кто хорошо понимаетъ любовь, — рѣдко чувствуетъ ее: Это тоже, что въ литературѣ; хорошій критикъ рѣдко бываетъ хорошимъ романистомъ. Авторъ романовъ — пристрастный судья въ критической оцѣнкѣ.

— Что-же вы въ любви: авторъ, или критикъ?

— Теперь я критикъ, и самый безпощадный.

— А прежде были авторомъ... снисходительнымъ?... я хотѣлъ сказать увлекательнымъ.

— Скорѣе увлеченнымъ, отвѣчала сосѣдка, задумавшись и не замѣтивъ маленькой дерзости сосѣдка. Только подъ условіемъ — перестать писать романы — можно узнать имъ цѣну, видѣть ясно всѣ ихъ недостатки.

— Развѣ въ романѣ любви нѣтъ хорошихъ сторонъ?

— Не каждому удастся узнать любовь со всѣхъ ея сторонъ

— Это значитъ, что вы были несчастливы въ любви. Какой-же полководецъ, послѣ одной неудачи, отказывается отъ сраженія?

— Я не честолюбива и не хочу рисковать моимъ спокойствіемъ, чтобъ одержать невѣрную побѣду, которая во всякомъ случаѣ не принесетъ мнѣ никакого удовольствія.

— Развѣ непріятна самая борьба съ врагомъ. Что въ этомъ апатическомъ спокойствіи, убивающемъ душу и тѣло! Его могутъ прославлять только тѣ, которые не въ состояніи дѣйствовать... Я замѣчаю однакоже, что наши аллегорическія сравненія начинаютъ сильно напоминать языкъ отели Рамбулье и романовъ мадамъ Скюдери... Вотъ ужъ самыя напрасныя слова, какія только можно придумать. Ходить околомъ словъ могутъ люди незнакомые между собою, а мы ужъ такъ хорошо знаемъ другъ-друга... Вы улыбаются? Развѣ вы находите, что я не правъ? Неужели мы могли-бы сойтись ближе, протанцовавъ десятокъ кадрили, поговоривъ о новостяхъ въ общемъ салонномъ разговорѣ и встрѣчаясь на вечерахъ и утреннихъ визитахъ въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ?

— Вы правы, отвѣчала задумчиво сосѣдка. Можно видѣть почти всякій день человѣка и меньше знать его, нежели поговоривъ съ нимъ откровенно и непринужденно въ продолженіе двухъ часовъ.

— Вотъ видите-ли, вы сами сознаетесь въ этомъ! вскричала р-

дство Зерницкій. Я даже думаю, что мы не только хорошо знакомы, но даже довольно близки другъ къ другу. Поэтому я прямо дѣлаю вамъ вопросъ, къ которому шелъ въ началѣ разговора окольными путями: скажите мнѣ откровенно: любили-ли вы?

— Мнѣ тридцать-пять лѣтъ, отвѣчала улыбувшись сосѣдка.

Оба замолчали; видно было, что Зерницкій готовился къ другому, болѣе важному для него вопросу, но не могъ вдругъ рѣшиться сдѣлать его. Наконецъ, съ неприятнымъ волненіемъ, глядя на сосѣдку, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Любите-ли вы теперь?

— Нѣтъ, отвѣчала она, спокойно глядя на сосѣда, съ оборотительной, но немножко лукавой и немного иронической улыбкой.

— О, благодарю васъ; вскричалъ онъ съ такимъ восторгомъ, съ такимъ движеніемъ, что визави ихъ, господинъ съ фляжкой черезъ плечо, по прежнему дремавшій все время, когда не прикладывался къ фляжкѣ, вдругъ проснулся и вытаращивъ посоловьѣлые глаза, спросилъ:

— Чего изволите?

Зерницкій не видалъ и не слышалъ ничего; онъ смотрѣлъ на сосѣдку глазами, въ которыхъ выражались счастье, радость. Она сказала, понижая голосъ:

— Умиръте, пожалуйста, вашъ восторгъ и не обращайтесь на себя общаго вниманія. Чему вы такъ обрадовались?

— Какъ-же мнѣ не радоваться; вы сказали, что никого не любите.

— Что-же изъ этого?

— Какъ, что? Значитъ вы можете полюбить кого-нибудь?

— Вы думаете? спросила она, и на этотъ разъ ея улыбка сдѣлалась сардоническою и въ звукахъ голоса слышна была насмѣшка.

— Я убѣжденъ въ этомъ, продолжалъ Зерницкій съ возрастающимъ жаромъ. Что за жизнь безъ любви! Если вамъ и точно столько лѣтъ, сколько вы себѣ даете и чему никто не повѣритъ, взглянувъ на васъ, — все-таки вамъ еще не поздно любить. Если вы точно ищете спокойствія и оберегаете себя отъ этой страсти, боясь ея волненій, это также ничего не доказываетъ и ни къ чему не послужитъ: вы можете встрѣтить человѣка, который полюбитъ васъ сильно, искренно и котораго вы тоже полюбите, сначала хотя бы изъ благодарности, потому что истинное чувство заразительно, и женское сердце, никѣмъ не занятое, не можетъ не отозваться на призывъ другаго сердца, которое бьется любовью.

— Очень можетъ-быть, что теорія ваша справедлива въ приложеніи къ другимъ женщинамъ, отвѣчала сосѣдка холодно и спокойно. Но, какъ вы могли замѣтить, я имѣю претензію не походить на обыкновенныхъ женщинъ. Легко можетъ-быть, что я ошибаюсь, или составляю исключеніе, только моя теорія любви разнится отъ вашей, и я тоже выскажу вамъ ее, какъ-бы она ни показалась вамъ странна.

— Я слушаю васъ съ нетерпѣніемъ.

— Напротивъ, слушайте съ терпѣніемъ и вооружитесь нѣ сколько можете, а главное, помните, что своихъ мыслей я не выдаю за авторитетъ, и охотно сознаю, что онѣ ложны въ сравненіи съ общимъ мнѣніемъ. Онѣ истинны только для меня, и дороги мнѣ какъ парадоксъ, изобрѣтенный вами, дорогъ намъ потому, что онѣ принадлежатъ собственно намъ, тогда какъ истина—достояніе цѣлаго міра.

Она замолчала, на минуту, обдумывая что-то, и потомъ продолжала:

— Скажите мнѣ прежде всего, не мѣняли ли вы въ-теченіе вашей жизни, и по поводу различныхъ обстоятельствъ, вашей теоріи любви?

— Никогда! отвѣчалъ съ твердостью сосѣдь.

— Рѣдкое постоянство, сказала съ улыбкой сосѣдка. А сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать.

— Значитъ вы еще молоды, и успѣете перемѣнить ваше мнѣніе, можетъ-быть даже нѣсколько разъ.

— Никогда! отвѣчалъ еще тверже сосѣдь.

— Чтобы ручаться въ этомъ, надобно много испытать и прожить, а въ васъ еще очень много восторженности и увлеченія. Не спрашиваю васъ: любили вы, но сколько разъ любили?

— Раза три... четыре, отвѣчалъ уже не такъ твердо Зерницкій.

— Не болѣе?... странно! Вѣрно память измѣняетъ вамъ, или вы считаете только сильныя страсти, продолжавшіяся годъ... даже можетъ-быть два.

— Вы смѣтаетесь надо мною! вскричалъ Зерницкій, совершенно теряя голову: но ваша холодность, ваши насмѣшки не перемѣнятъ моихъ чувствъ, и я все таки буду любить васъ...

Едва были произнесены эти слова, какъ экзальтація Зерницкаго простыла. Насмѣшливый и холодный тонъ сосѣдки заставилъ его позабыть благоразуміе, но едва странное признаніе вырвалось у него, какъ онъ поблѣднѣлъ и поднялъ на сосѣдку взглядъ, полный безпокойства и мольбы. Въ головѣ его мелькнула мысль, что она тотчасъ же отвѣ-

тить ему гордымъ презрѣніемъ, велить оставить ее и не говорить съ нею ни слова всю остальную дорогу.

Она однакоже сдѣла также спокойно, не измѣнивъ себя ни однимъ движеніемъ; ни одна черта не пошевельнулась на ея блѣдномъ лицѣ; на губахъ была таже полу-грустная, полу-ироническая улыбка; только въ глазахъ ея, устремленныхъ на сосѣда, мелькнуло какое то неудобное чувство, похожее на сожалѣніе. Наконецъ, она сказала тѣмъ же звучнымъ голосомъ, отзывавшимся чѣмъ-то металлическимъ:

— Испугъ вашъ доказываетъ, что если у васъ немножко вѣтренная голова, зато неспорченное сердце. Донъ-Жуанъ не сдѣлалъ-бы такого скорого признанія, или, по-крайней-мѣрѣ, не испугался бы его. Оно доказываетъ вашу неопытность. Развѣ и безъ него я не знала, къ чему вели всѣ ваши допросы, перифразы и *напрасныя слова*? Вы забыли, что женщины часто боятся больше названія чувства, нежели самого чувства...

— Такъ вы поняли, что я полюбилъ васъ! вскричалъ Зерницкій, переходя отъ опасенія къ новому, сильнѣйшему восторгу. Вы знали это, и не сердитесь на меня, прощаете мое признаніе?... позволяете любить васъ...

— Полноте прервала сосѣдка тономъ, которымъ уговариваютъ блажнаго ребенка. Вы въ-самомъ-дѣлѣ теряете рассудокъ. Можно ли увлекаться до такой степени! И къ чему выводить изъ моихъ словъ то, чего я вовсе не говорила и не думала? Еслибы вы могли обсудить здравокровно ваши собственные слова, то сами разсмѣялись бы признаю, сдѣланному вами женщинѣ, о которой вы ровно ничего не знаете...

— Не вѣдь вы свободны? спросилъ въ волненіи Зерницкій.

— Вы только теперь вздумали сдѣлать мнѣ этотъ вопросъ.

— Ради Бога, отвѣчайте, не мучьте меня!

— Я не замужемъ.

— Вы дѣвица?

— Нѣтъ, и не дѣвица.

— Стало-быть, вдова!

— Стало-быть! отвѣчала съ улыбкой сосѣдка.

— О! это все-равно! сказалъ съ жаромъ сосѣдъ.

— Какъ, все-равно?

— Я хочу сказать, что мнѣ все-равно, кто-бы вы ни были. Это не помѣшаетъ мнѣ любить васъ.

— Вы никакъ не хотите взять назадъ ваше признаніе?

— Ни за что на свѣтѣ.

— Не мѣшало бы, я думаю, въ такомъ случаѣ спросить, по-крайней-мѣрѣ, имя обожаемаго предмета, если вы совершенно равнодушны къ его званію и состоянію.

— О! вы скажете мнѣ это имя, чтобы я могъ повторять его каждую минуту.

— Покорно васъ благодарю. Я вовсе не хочу, чтобы всѣ пассажиры въ нашемъ вагонѣ знали, какъ меня зовутъ.

— Я буду произносить такъ тихо это дорогое имя, что никто не услышитъ его. Скажите же, скажите, скорѣе.

— Меня зовутъ Марьей Михайловной.

— Какое прекрасное имя! Марія! Marie!

— Отчего же ужъ не Мери; нынче англійскій языкъ въ модѣ, и приемы можно подобрать лучше къ этому имени, если вы вздумаете писать стихи, что говорить, бываетъ неизбежно въ подобной болѣзни... Замѣтите, однакоже, что я не безъ причины назвала себя по имени и отчеству. Вы теперь говорите не стихами, а въ обыкновенномъ разговорѣ необходимо соблюдать приличія, которыхъ требуютъ общество и грамматика.

— Простите меня, но у васъ такое прекрасное имя...

— Вы находите? Вкусы бываютъ разные. Мнѣ говорилъ одинъ близкій человекъ, что очень недоволенъ моимъ именемъ, потому что имъ называютъ... не одиѣхъ женщинъ.

— Какой это вандалъ могъ сдѣлать подобное замѣчаніе?

— Мой покойный мужъ! отвѣчала сосѣдка.

Сосѣдъ сконфузился и пробормоталъ что-то о томъ, что покойникъ былъ неправъ, и что имя это невиновато, если въ простонародьи называютъ имъ—Богъ знаетъ кого. Сосѣдка прервала извиненія проницательнымъ вопросомъ:

— По чувству симпатіи, которая должна быть между нами, васъ, вѣроятно, зовутъ Василенъ?

— Нѣтъ, къ несчастью, Александромъ.

— Какъ, къ несчастью. Вѣдь такъ звали великаго героя древности. Впрочемъ, и у него было тоже отчество. Можетъ-быть и вы также Филиппъ?

— Нѣтъ, Иванычъ! отвѣчалъ со вздохомъ сосѣдъ.

— И объ этомъ нечего вздыхать. Вѣдь вы не Иванъ, а только Иванычъ.

— Вы все шутите и смѣетесь! вскричалъ въ отчаяніи Зернищій, тогда какъ я схожу съ ума.

— Я это вижу, и потому; чтобы усножить васъ, скажу, наконецъ, что думаю о любви вообще, и объ вашей въ-особенности. Вы пожелали мнѣ сдѣлать это нѣсколько минутъ тому назадъ. Теперь, послѣ вашего признанія, мои слова могутъ служить на него отвѣтомъ.

— Теперь они будутъ напрасны, вскричалъ Зерницкій, въ сильномъ увлеченіи. Что-бы вы мнѣ ни сказали,—я заранее увѣренъ, что чувство мое не измѣнится. Къ тому же, что можете вы сказать обо мнѣ и о васъ самихъ? Я все знаю, или, по-крайней-мѣрѣ, угадываю заранее.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Это очень любопытно, если вы все угадали. Говорите мнѣ, пожалуй, сами все, что я, по вашему мнѣнію, могла бы сказать вамъ. Я буду только дополнять, или опровергать ваши слова. Это будетъ даже лучше, потому-что избавитъ меня отъ монолога. Я вообще больше люблю отвѣчать, чѣмъ рассказывать. Начните съ того, что я думаю объ васъ и о вашей любви, а потомъ окончите тѣмъ, что вы думаете обо мнѣ.

— Извольте. Во-первыхъ, вы считаете меня вѣтренымъ, безхарактернымъ, влюбчивымъ человѣкомъ, которому довольно увидѣть первую встрѣчу, чтобы сдѣлать ей признаніе. Такъ-ли?

— Согласитесь, что довольно трудно было-бы составить объ васъ противоположное мнѣніе.

— Вѣрю, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такой человѣкъ не могъ любить сильно, искренно, чтобы такого человѣка нельзя было полюбить. Вы не вѣрите любви, раждающейся мгновенно, съ перваго взгляда?

— Нѣ вѣрю! отвѣчала спокойно Марья Михайловна.

— И я тоже, но я вѣрю сочувствію, сродству душъ, магнетическому влеченію; назовите какъ хотите это чувство, которое вдругъ, неожиданно пробуждается въ сердцѣ и говоритъ намъ при видѣ его избранницы: вотъ та, которую ты долженъ полюбить.

— И вамъ часто говорилъ это таинственный голосъ?

— Я слышу слова его въ первый разъ. Я говорилъ вамъ, что уже не разъ любилъ въ жизни, то-есть мнѣ казалось, что я любилъ. Потребность любви такъ сильна въ нашей сердцѣ, что мы часто принимаемъ за любовь самое непозитическое чувство. Мнѣ всегда казалась странными люди, думающіе, что они непременно съ перваго раза найдутъ истинную любовь. Конечно, иногда она, точно, угадывается; по инстинкту, но всего чаще надо долго отыскивать ее, изучать, испытывать, и, можетъ-быть, не разъ ошибаться, прежде чѣмъ встрѣтишь то, чего

нищешь. Лица, довольствующіяся первымъ чувствомъ, которымъ шевелится ихъ сердце,—не понимаютъ истинной любви. Они счастливы по своему и любятъ часто даже всѣми способностями души и сердца, какъ только могутъ любить; они не виноваты, если не могутъ любить иначе. Сильнѣе, не понимаютъ другой любви. Видя ее въ другихъ, они называютъ это чувство преувеличеннымъ, неестественнымъ, даже болѣзненнымъ; самые снисходительные изъ нихъ признаютъ только, что есть разные роды любви, разные степени. Случается и одному человѣку узнать эти степени; но если въ немъ развита жажда истинной любви, внутренней голосъ будетъ всегда говорить ему: это не граница чувства, есть что-то высшее и лучшее. Можетъ онъ и не найти этого лучшаго чувства, тогда стремленіе къ нему отравитъ всю жизнь его, сдѣлаетъ его грустнымъ, скучнымъ, недовѣрчивымъ. Можетъ-онъ и заглушить въ себѣ это стремленіе житейскими занятіями и удовольствіями, загрузѣтъ въ нихъ, но горе ему, если онъ когда-нибудь встрѣтитъ осуществленіе своего забытаго идеала, если уже поздно почувствуетъ и узнаетъ, какъ-бы онъ могъ быть счастливъ, когда бы упорно преслѣдовалъ свою мечту и не довольствовался мелкимъ, обыденнымъ счастьемъ, которое самъ избралъ себѣ на долю.

— Все это можетъ-быть очень справедливо и очень краснорѣчиво, но къ чему велъ весь этотъ монологъ?

— Къ тому, чтобы сказать вамъ, что если я ошибался не разъ въ жизни, въ погонѣ за счастьемъ и за истинною любовью, то не допускалъ себя довольствоваться призракомъ любви, и предлагаю вамъ сердце, способное истинно любить и сильно чувствовать.

— По вашей теоріи, таинственное сочувствіе душъ, назначенныхъ породниться между собою, вѣроятно, обоюдно, и я, слѣдовательно, необходимо должна чувствовать къ вамъ тоже самое, что и вы ко мнѣ?

— Вы почувствуете это, когда ближе узнаете меня и убѣдитесь въ истинѣ моей любви. Теперь, вы, конечно, можете сомнѣваться въ моихъ словахъ, тѣмъ болѣе, если также обманывались въ вашей жизни. А я увѣрена, что вы до-сихъ-поръ не находили истинной любви.

— Это правда, отвѣчала задумчиво соседка. И потому-то, можетъ-быть, я не понимаю ее и не вѣрю ей.

— Вы убѣдитесь въ этомъ.

— Трудно. Годы довѣрчивости прошли. Теперь, еслибы я и захотѣла увлекаться, то уже не могу.

— Вы были несчастливы въ вашей супружеской жизни? Неправда-ли.

— Да.

— Вышли замуж противъ желанія, можетъ-быть любя другаго?

— Нѣтъ; я тогда не понимала даже, что такое любовь. Я вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, для того, чтобы поскорѣе надѣть чепчикъ и избѣсить одну изъ моихъ подругъ, которая была лучше, богаче меня и всегда говорила, что выйдетъ замужъ раньше меня.

— И потомъ вы полюбили другаго? И онъ не стоилъ вашей любви?

— Я овдовѣла двадцати-четыре лѣтъ и любила троихъ.

— То-есть, думали любить, если не вышли ни за одного изъ нихъ.

— Одинъ изъ нихъ любилъ меня отъ скуки, изъ тщеславія, какъ свѣтскую женщину; я скоро поняла его, да онъ и не скрывалъ того, что любовь была для него пріятнымъ развлеченіемъ въ жизни, не болѣе. Но мнѣ было очень трудно оставить, забыть его. Онъ былъ такъ хорошъ въ своемъ откровенномъ, ничѣмъ не возмутимомъ эгоизмѣ. Онъ говорилъ такъ спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ убѣдительно о томъ, что въ любви не должно быть ни горя, ни тревожныхъ волненій, что чувство это должно, напротивъ, успокаивать, убаюкивать сердце... Я долго горько плакала объ немъ, и въ безсонныя ночи его прекрасный, вѣчно улыбающійся образъ часто являлся передо мною съ своею любимою фразою: «Не вѣрьте госпожѣ Сталь: любовь эгоизмъ не вдвоемъ, а въ одиночку.»

Марья Михайловна замолчала на минуту, взволнованная воспоминаніями. Зерницкій смотрѣлъ на нее съ любовью и участіемъ.

— Кого же любили вы послѣ? спросилъ онъ, вида, что она не возобновляетъ разговора.

— Послѣ? повторила она, выходя изъ задумчивости и откидывая назадъ свою голову, какъ-будто страдая тяжелыя думы. Объ этомъ мы поговоримъ послѣ, а теперь дайте мнѣ вашу руку и прогуляемся по галереѣ, потому-что мы пріѣхали на станцію. Вечерній воздухъ освѣжитъ немножко вашъ жаръ и успокоитъ взволнованныя мысли.

Онъ вздохнулъ и молча помогъ ей выйти изъ вагона на галерею.

СТАНЦІЯ ПЯТАЯ.

Подъѣзжали къ Бологовской станціи. Оставалась половинна дорога. Чѣмъ дальше отъѣзжали отъ Петербурга, тѣмъ темнѣе становилось на дорогѣ. Большую часть пассажировъ совершенно ослепила дремота и

усталость Визави Зерницкаго только въ просонкахъ цѣловался съ фляжкой. Пьеръ и Поль даже храпѣли. Ихъ убаюкала впрочемъ не одна усталость, а скорѣе безцвѣтная жидкость, къ которой они прибѣгали на каждой станціи, «для подкрѣпленія силъ.»

Усѣвшись на свое мѣсто, Зерницкій воспользовался возобновить разговоръ, которой такъ интересовалъ его. Марья Михайловна рассказала, не совсѣмъ охотно однакоже, исторію двухъ остальныхъ своихъ привязанностей. Первую почувствовала она къ одному бѣдному молодому художнику, который расточалъ ей самыя пламенные фразы, и въ награду за то, что она спасла его отъ нищеты, доставила ему извѣстность и средство къ жизни, женился на одной дамѣ, извѣстной почти всей Москвѣ и въ молодости танцовавшей польку въ балаганахъ на масляницѣ. Наконецъ, третья любовь сосѣдки была одинокъ не очень молодой и весьма не свѣтскій человекъ, но очень умный, который былъ искренно къ ней привязанъ, но потомъ откровенно признался, что разлюбилъ ее, по свойству—ли своей натуры, по общему—ли закону, или, наконецъ, по стеченію другихъ обстоятельствъ.

— Признаюсь вамъ, говорила сосѣдка: потеря этой любви сильнѣе всего огорчила меня, и я долго не могла придти въ себя отъ этого послѣдняго удара. Хорошо еще, что разрывъ между нами былъ возможенъ, и насъ не связывали никакія узы. Я не обвиняла его, потому что знала, какія обстоятельства облизали его съ другой женщиной, какъ сильно она полюбила его. Онъ поступилъ благородно, не обманывая меня ни одной минуты. Мы разстались друзьями, я еще долго любила его, — и мнѣ до-сихъ-поръ пріятно встрѣчаться съ нимъ.

— Это не тотъ-ли самый господинъ, съ которымъ вы такъ жарко разговаривали на станціи желѣзной дороги въ Петербургѣ? спросилъ Зерницкій не совсѣмъ спокойно.

— Тотъ самый. Странно, что вы замѣтили это.

— Можетъ-быть внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что этотъ господинъ будетъ вѣшать моему счастью, потому что вы, вѣроятно, любите его до-сихъ-поръ, хоть немного.

— Я не могу любить напрасно и безнадежно и не понимаю любви безъ взаимности, отвѣчала Марья Михайловна. Мнѣ случалось слышать и читать въ романахъ о примѣрахъ вѣчной страсти, удивительнаго самоотверженія и самопожертвованія. Сознаю, что я не способна жертвовать собою.

— Это все оттого, что вы не любили истинно, сказалъ спокойно Зерницкій.

— Вы однакоже настойчивы въ вашихъ мнѣніяхъ.

— Потому что я твердо убѣжденъ въ ихъ справедливости. Вы думаете иначе. Это также понятно послѣ того, что я знаю изъ исторіи вашей жизни. Но мнѣнія ваши могутъ измѣниться. Я берусь переубѣдить васъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Значить вы не отказываетесь отъ вашего наиѣренія, и попрежнему предлагаете мнѣ ваше сердце, послѣ того, что узнали обо мнѣ?

— Я не вижу въ вашей исторіи ничего, что бы могло заставить разлюбить васъ. Еслибы въ жизни вашей было еще болѣе ошибокъ и заблужденій — я-бы и тогда не могъ перемѣниться въ чувствахъ къ вамъ.

— Это очень благородно, но, не совсѣмъ благоразумно. Любовь нераздѣльна съ уваженіемъ, и только такая парадоксальная писательница, какъ Жоржъ Зандъ, могла заставить такую сумасшедшую женщину, какъ Джульетта, любить такого негодяя, какъ Леоне Леони.

— Какое вамъ дѣло до выдуманныхъ романовъ, когда нашъ собственный романъ такъ хорошъ и занимателенъ! И я увѣренъ, что васъ самихъ увлечетъ этотъ романъ, несмотря на всю вашу холодность и опытность.

— Вы думаете? повторила недоувѣрчиво сосѣдка съ насмѣшливой улыбкой.

— Ручаюсь въ этомъ, если вы только позволите любить васъ и скажете мнѣ, когда убѣдитесь въ этой любви, и когда сами почувствуете ко мнѣ хоть что-нибудь похожее на любовь.

— Съ удовольствіемъ, если это только случится.

— Стало-быть, вы позволяете мнѣ всю остальную дорогу говорить о моей любви?

— Если это только не надобѣтъ вамъ самимъ.

— Дѣлать предположенія о нашемъ будущемъ счастьи?

— Какія вамъ угодно...

— О! въ такомъ случаѣ — я самый счастливый человекъ на свѣтѣ!

— Эту фразу повторяютъ всѣ влюбленные печатно и словесно. Нельзя-ли придумать что-нибудь поновѣе?

— Къ чему? Любовь — все одна и таже съ сотворенія міра. Для чего же вы хотите, чтобъ она выражалась не одними и тѣми же словами?

Марья Михайловна не отвѣчала. Она глубоко задумалась. Онъ молча любовался на нее, не смѣя прерывать ея мечтанія. Наконецъ, она сказала съ чувствомъ, съ участіемъ:

— Послушайте. Не смотря на вашу вѣтренность, въ васъ очень много хорошихъ сторонъ, и мнѣ жаль, что вы такъ заблуждаетесь, поступаете такъ опрометчиво и необдуманно въ такомъ важномъ вопросѣ. Я обязана открыть вамъ глаза, вылечить васъ отъ вашей сумасбродной страсти, и надѣюсь успѣть въ этомъ. Теперь остается ровно половина дороги. Если вы на послѣдней станціи подъ Москвою будете такъ же упорно искать моей любви и руки, — я отдамъ вамъ мою руку. Не торопитесь благодарить и восхищаться. Прежде всего вы должны мнѣ дать слово — на этой же станціи подъ Москвою, сказать откровенно — точно-ли тоже будетъ чувствовать ко мнѣ тамъ, что чувствуете теперь.

— Клянусь вамъ, и увѣренъ, что это чувство будетъ еще сильнѣе.

— Увидимъ.

— Но для того, чтобы заставить меня разлюбить васъ, вы, вѣроятно, не станете обвинять себя въ вымышленныхъ проступкахъ, выказывать такія черты характера, которыя вовсе вамъ несвойственны?

— Обѣщаю вамъ выказаться совершенно такою, какова я на-самомъ-дѣлѣ. Повѣрьте, что и это не легко сдѣлать женщиной. Вы знаете меня довольно для того, чтобы видѣть, какъ я ненавижу ложь и притворство. Если я не старалась представить себя съ лучшей стороны, то ни въ какомъ случаѣ не захочу добровольно выставлять и съ худшей. Я не оправдываю обмана даже и тогда, когда онъ сдѣланъ съ добрымъ намѣреніемъ, — въ этомъ случаѣ можно только извинить его, и это единственный случай, дающій вамъ право обвинить меня въ строгомъ пуританизмѣ. Если я не могу сказать правды, — то молчу и не позволю себѣ лгать даже въ шутку.

— Въ такомъ случаѣ — я совершенно спокоенъ, и чувство мое къ вамъ не измѣнится.

— Слѣдовательно, съ будущей же станціи мы начнемъ разговоръ о томъ, какія свойства и условія необходимы для нашего счастья, и возможно-ли оно между людьми, у которыхъ, сколько мнѣ кажется, совершенно различные характеры, желанія, даже потребности.

Марья Михайловна исполнила свое намѣреніе и со слѣдующей же станціи начала дѣлать самыя откровенныя признанія, касающіяся ея характера, привычекъ и образа жизни. Нельзя было дѣйствительно сказать, чтобы эти привычки, этотъ характеръ могли понравиться Зеринскому; во многихъ случаяхъ онѣ были совершенно противоположны его свойствамъ и взгляду на вещи. Онъ былъ довѣрчивъ, веселъ, говорливъ, внтузіастъ; она подозрительна, скучна, молчалива, холодна. Даже въ мнѣніяхъ о самыхъ важныхъ и необходимыхъ предметахъ онѣ

совершенно расходились. Зерницкій ясно чувствовалъ, что въ основ-ныхъ понятіяхъ въ семействѣ не должно быть разногласія.

Въ отношенія къ матеріальнымъ потребностямъ, привычкамъ и образу жизни, разница между ними оказалась еще значительнѣе, и тутъ уже они рѣшительно не знали, какъ сойтись. Зерницкій жилъ въ Петербургѣ, въ кругу большого семейства, не отдѣленный отъ него, хотя и получалъ отъ отца очень порядочное содержаніе. Отецъ этотъ былъ человѣкъ, повидимому, весьма богатый, жилъ открыто, но даже сынъ не зналъ ничего навѣрное о его состояніи, основанномъ на разныхъ спекуляціяхъ и акціяхъ, привносящихъ - не всегда вѣрные и постоянные доходы. Отецъ этотъ былъ шестидесятилѣтній, бодрый старикъ, имѣвшій, кромѣ нашего героя, еще троихъ сыновей и двухъ дочерей — не вѣсть; одна изъ нихъ была уже просватана. Старикъ очень любилъ Александра Иваныча, но не слишкомъ баловалъ его. Выйдя изъ высшаго учебнаго заведенія, Александръ служилъ восемь лѣтъ самымъ усерднымъ и ревностнымъ образомъ, и только сильная глазная болѣзнь воспалительнаго свойства заставила его оставить службу и пролечиться годъ на минеральныхъ водахъ въ теплое климатѣ. Только въ началѣ этого года Александръ вернулся въ Петербургъ, совершенно впрочемъ выздоровѣвшій, и отецъ уже хлопоталъ, чтобы снова пріискать сыну мѣсто, которое ему даже было обѣщано къ началу зимы. Старикъ нѣсколько разъ говорилъ, что ему было бы очень пріятно видѣть старшаго своего сына женатымъ, но предоставлялъ ему въ этомъ случаѣ совершенную свободу выбора. Онъ общалъ ему и послѣ брака производить тоже содержаніе, которое было впрочемъ не совсѣмъ достаточно для жизни въ Петербургѣ и на большую ногу, даже съ присоединеніемъ къ этому жалованья по службѣ. По смерти своей старикъ общалъ заранѣе раздѣлять *поровку* между всѣми дѣтьми — все, что послѣ него останется, но въ тоже время самъ совѣтовалъ не слишкомъ надѣяться на это наследство, потому-что недвижимостей у него не было, а движимаго не могло по его словамъ остаться много, потому-что онъ себѣ ни въ чемъ не отказываетъ, и наживъ все своими трудами, хочетъ также и самъ попользоваться нажитымъ добромъ. Старикъ даже говаривалъ иногда дѣтямъ, что дѣла его легко могутъ пойти плохо, и послѣ него можетъ ровню ничего не остаться, но что давъ дѣтямъ хорошее воспитаніе и приготовивъ для каждаго изъ нихъ карьеру въ жизни, онъ исполнитъ эти всѣ свои обязанности и они могутъ теперь сами трудиться и наживать деньги, какъ дѣлалъ это ихъ отецъ.

Въ отвѣтъ на это откровенное признаніе, Марья Михайловна сказала также свое положеніе. Оно было не блистательное. У нея бы-

ла, правда, деревня, которой было бы весьма достаточно, но на деревню эту имѣли притязанія разные родственники ея покойнаго мужа, съ которыми она вела процесъ уже девятый годъ. Это ей до того надоѣло, что она приѣзжала въ Петербургъ нарочно для того, чтобы предложить ходатаю по ея дѣламъ помирить ее съ противной партией, уступивъ ей хотя бы половину спорнаго имѣнія. Остальной половиной было для нея довольно, чтобы прожить скромно всю жизнь, но непремѣнно въ деревнѣ, во-первыхъ потому, что петербургскій климатъ дѣйствуетъ вреднымъ образомъ на нервы, которые у нея часто разстроены, а во-вторыхъ потому, что съ Петербургомъ соединены у нея тяжелыя воспоминанія ея несчастной семейной жизни, и что въ немъ живутъ лица, съ которыми ей не хотѣлось бы встрѣчаться, чтобы не поднимать воспоминаній прошедшей любви.

Зерницкій не на шутку задумался при этихъ дѣйствительно очень важныхъ препятствіяхъ къ устройству ихъ судьбы. Онъ былъ недоволенъ и процесомъ Марьи Михайловны, и ея уступчивостью противникамъ, и отказомъ жить въ Петербургѣ. Переселиться навсегда въ глушь деревни, отказаться отъ удовольствія свѣтской жизни, отъ блестящихъ надеждъ по службѣ казалось ему очень тяжело. Цѣлую станцію проговорилъ онъ съ Марьей Михайловной, придумывая разные средства, какъ бы отстранить эти неудобства. Наконецъ онъ рѣшился переехать въ Москву жить, и служить тамъ. Сосѣдка согласилась на это, чтобы доказать ему, что и она съ своей стороны готова на всевозможныя уступки.

— Я не буду мѣшать вамъ выѣзжать въ свѣтъ и заводить знакомства. Но и мнѣ вы конечно разрѣшите жить сообразно съ моими привычками и характеромъ. Я не люблю общества, визитовъ, свѣтскихъ разговоровъ, публичныхъ увеселеній. Вы знаете мою теорію *напрасныхъ словъ*. Все, что я могу сдѣлать для васъ — это принять у себя въ домѣ вашихъ знакомыхъ. Сознаюсь, однакоже, что чѣмъ рѣже будутъ эти визиты, тѣмъ я буду довольнѣе. Зная приличіе, я, конечно, не позволю себѣ ни малѣйшей неучтивости съ этими лицами, но увѣрена, что они сами не будутъ находить удовольствія въ бесѣдѣ со мною. Къ тому же частыя и шумныя увеселенія будутъ не совсѣмъ у мѣста въ такомъ домѣ, гдѣ будетъ жить такая трудная больная...

— Больная? Кто жъ это? спросилъ съ безпокойствомъ Зерницкій.

— Моя тетушка, бѣдная женщина, еще не старая, но уже одиннадцатъ лѣтъ лежащая въ параличѣ. Она воспитала меня, ходила за

ной какъ мать, когда я была ребенкомъ, — и теперь я обязана дѣлать тоже для нея, потому-что ея состояніе тоже ребячество. Она съ трудомъ произноситъ нѣсколько словъ, и не шевелитъ ни однимъ членомъ.

— Это очень благородно съ вашей стороны, сказала Зервицкіи тетомъ, отзывавшимся риторическою важностью. И кромѣ этой тетушки, съ вами не живетъ никто изъ вашихъ родныхъ?

— Изъ родныхъ нѣтъ, но для присмотра за больной есть у меня, конечно, женщина грубая, деревенская, которою я сама очень довольна, потому-что она иногда очень много позволяетъ себѣ въ моемъ домѣ, но къ которой больная привыкла такъ, что безъ нея не можетъ обойтись. Живетъ у меня также моя старая няня, почти совсѣмъ слѣпая, но эта никому не мѣшаетъ, не страдаетъ и не стонетъ по дѣльнымъ днямъ, что случается иногда съ тетушкою. Наконецъ, у меня есть также компаньонка, довольно смѣшная и даже отчасти несносная особа, но слишкомъ привязанная ко мнѣ, чтобы я могла когда-нибудь отказать ей отъ дому, тѣмъ болѣе, что она была моею гувернанткой въ послѣдніе годы моего дѣвчества. Она надѣется вамъ страшно съ перваго свиданія своими претензіями на аристократичность и на литературу, своими жалобами на коварство людей; но къ ней можно скоро привыкнуть, и я бы даже радовалась ея присутствію въ домѣ, потому-что она все-таки приноситъ пользу, разливая, напримѣръ, чай, занимаясь хозяйствомъ, наблюдая за людьми и кухнею, предметы, о которыхъ я не имѣю никакого понятія и которыми терпѣть не могу заниматься. Но и ее и меня сильно связываетъ ея дочка, пятилѣтній ребенокъ, больной и капризный до крайности, избалованный матерью до того, что даже я теряю иногда терпѣніе и запираюсь по дѣльнымъ часамъ въ своей комнатѣ, чтобы не слышать плача и крика блаженной дѣвочки.

— И къ вамъ рѣшительно никто не ѣздитъ въ гости, въ деревню? спросилъ Зервицкіи, совершенно упавшій духомъ послѣ словъ сестры.

— Никого, кромѣ моей племянницы и внуковъ, отвѣчала спокойно Марья Михайловна.

— Внуковъ? У васъ есть внуки? вскричалъ почти съ ужасомъ Александръ Ивановичъ.

— Какъ-же; сыновья дочери моей сестры, которая была старше меня тремя годами и тоже вышла замужъ года за три до меня. Только ея супружество было гораздо счастливѣе. Она жила съ мужемъ душа въ душу, выростила дочку и отдала ее замужъ шестнадцати лѣтъ — за прекраснаго человѣка. Тотчасъ же послѣ этого брака, внезапная смерть мужа свела и ее въ раннюю могилу. Она радовалась, умирая, что не

разстается съ тѣмъ, для кого только и жила на свѣтѣ. Мужъ моей племянницы тоже недавно умеръ, и она осталась вдовою съ двумя сыновьями, мальчиками четырехъ и трехъ лѣтъ, о которыхъ я также должна въ-послѣдствіи позаботиться и которые часто пріѣзжаютъ ко мнѣ съ ихъ матерью. Хотя я и не очень люблю дѣтскій крикъ и шумъ, особенно когда эти шалуны раздражаютъ дочку моей компаньонки, что почти всегда случается, — но согласитесь, что можно многое перенести для удовольствія слышать, какъ маленькія, веселыя существа называютъ меня *бабушкой*. Это такъ пріятно.

Зерницкій не отвѣчалъ. Сильно взволнованный всѣмъ, что слышалъ, онъ думалъ, что во всемъ этомъ удивительно какъ немного пріятнаго, и что всѣ эти лица и сцены въ высшей степени не занимательны. Онъ попробовалъ, нельзя ли какъ-нибудь избавиться, хоть отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Чтобы избѣжать ссоръ дѣтей, сказалъ онъ, нельзя ли дочку вашей компаньонки отдать куда-нибудь въ пансіонъ, или на воспитаніе.

— Она еще очень мала, и мать ни за что не захочетъ съ ней разстаться, а скорѣе оставитъ меня. Но вы понимаете, что я не могу допустить этого.

— Отчего же? осмѣлился замѣтить Александръ Ивановичъ.

Сосѣдка посмотрѣла на него съ достоинствомъ и отвѣчала рѣзкимъ тономъ:

— Если вы не понимаете того тонкаго оттѣнка чувства, той деликатности сердца, которая не позволяетъ мнѣ отпустить мою компаньонку, то мнѣ нечего и объяснять это.

— Положимъ, что компаньонка для васъ необходима, сказалъ со вздохомъ Зерницкій. Но нельзя ли отправить, по-крайней-мѣрѣ, большую старуху?

— Мою тетушку! вскричала съ ужасомъ Марья Михайловна.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ, въ свою очередь, Александръ Ивановичъ, еще болѣе испугавшійся гнѣва сосѣдки. Я говорю не объ вашей родственницѣ, а объ этой — нянцѣ вашей что ли.

— Я почитаю ее также, какъ родную. Было бы безчеловѣчно отдавать на старости лѣтъ бѣдную женщину подъ присмотръ чужихъ людей, лишитъ ее тѣхъ удобствъ жизни, къ которымъ она привыкла и потеря которыхъ можетъ сократить ее дни.

— Но если она не понимаетъ сама своего положенія, и целый день стонетъ и охаетъ?

— Это не моя няня, а тетушка, строго замѣтила сосѣдка.

— Ахъ, извините! я смѣшалъ эти два лица... И нѣтъ никакого средства улучшить положеніе вашей тетушки?

— Доктора говорятъ, что никакого. Разузнется, несмотря на это, я при всякомъ удобномъ случаѣ совѣтуюсь со всѣми новыми знаменитостями и призываю на консилиумъ всѣхъ врачей, какіе проѣзжаютъ черезъ нашу деревню. До-сихъ-поръ, однакоже, отъ ихъ визитовъ и совѣтовъ было мало пользы, хотя по моей благодарности они могли бы видѣть, что я ничего не пожалѣю, чтобы только доставить ей облегченіе. Впрочемъ, если мы будемъ жить въ Москвѣ, то можемъ чаще приглашать врачей и совѣтоваться съ ними.

— Конечно! отвѣчалъ разсѣянно Зерницкій. А что, не говорили доктора, сколько еще лѣтъ можетъ прожить ваша тетушка въ такомъ положеніи?

Едва произнеся эти не совсѣмъ обдуманная слова, Александръ Ивановичъ дорого далъ бы, чтобы воротить ихъ, такъ грозно посмотрѣла на него сосѣдка. Отвѣтъ былъ еще грознѣе.

— Ваши слова доказываютъ такую зачерствѣлость чувствъ, какой я даже не могла подозрѣвать въ васъ.

— Я бы хотѣлъ избавить васъ отъ малѣйшихъ огорченій и неприятностей въ жизни, отвѣчалъ не совсѣмъ кстату Зерницкій.

— Кто любитъ меня, долженъ любить всѣхъ и все, что я люблю, отвѣчала сухо сосѣдка.

— О! конечно! вскричалъ вновь разчувствовавшійся юноша, съ жаромъ наклоняясь къ рукѣ, которую однакожъ у него отняли.

Паровозъ остановился въ это время на Осташковской станціи.

СТАНЦІЯ ШЕСТАЯ.

Въ два часа десять минутъ ночи оставили Осташковскую станцію. Паровозъ шель впередъ съ акуратностію часовъ. Было темно и свѣжо, Зерницкій надѣялся, что тихая ночь расположить его сосѣдку къ болѣе мягкимъ и поэтическимъ ощущеніямъ, что разговоръ между ними сдѣлается откровеннѣе, нѣжнѣе, задушевнѣе... Онъ долженъ былъ, однакоже, сильно разочароваться. Съ первыхъ словъ его о любви и чувствѣхъ Марья Михайловна начала очень аппетитно зѣвать, отвѣчала невпопадъ и разсѣянно; наконецъ, остановивъ Александра Ивановича въ са-

момъ краснорѣчивомъ мѣстѣ его монолога о томъ, что житейскія неприятности не должны мѣшать счастью двухъ сердець, сосѣдка вдругъ сказала ему самымъ не гармоническимъ голосомъ:

— Знаете-ли что: мнѣ очень пріятно слушать, что вы рассказываете, но еще пріятнѣе будетъ уснуть часа два. Теперь уже очень поздно, а дорога и долгая бесѣда до того утомили меня, что я и теперь сплю, отвѣчая вамъ. Видите ли, какъ я откровенна.

— Вижу, отвѣчалъ Зерницкій, пораженный въ самое сердце.

Сосѣдка начала спокойно укладываться на своемъ мѣстѣ, приняла комфортабельное, хотя и не очень граціозное положеніе. Два мѣста противъ нее были пусты, потому-что визави ея съ фляжкой черезъ плечо исчезъ еще на Бологовской станціи. Сосѣдка попросила Зерницкаго придвинуть немного стоявную противъ нихъ скамейку, протянула ножки на нее, повернулась бокомъ къ Александру Ивановичу и сказала ему, сквозь зѣвоту:

— Прощайте! Советую и вамъ послѣдовать моему примѣру!

И вскорѣ же мѣрное, но не совсемъ звучное дыханіе сосѣдки убѣдило сосѣда въ томъ, что она уснула очень спокойно.

Онъ остался одинъ, въ темномъ углу вагона, со своими, печальными думами.

Думы эти въ-самомъ-дѣлѣ не могли быть утѣшительны. Припомня всѣ подробности разговора съ Марьей Михайловной, Зерницкій рѣшительно упалъ духомъ, и будущее представилось ему вовсе не въ такой очаровательной картинѣ, какимъ казалось прежде. Чѣмъ болѣе обдумывалъ онъ свое положеніе, тѣмъ яснѣе видѣлъ всю его безвыходность. Онъ боялся сознаться самому-себѣ, къ какому результату долженъ былъ привести его безпристрастный анализъ его чувствъ. Жаль ему было его обманутыхъ надеждъ, несбывшихся ожиданій, неосуществившихся желаній.

Французская пословица говоритъ, что «ночь приноситъ совѣтъ», разумѣется хорошій; русская поговорка утверждаетъ, что утро вечера мудренѣе. Неутѣшительный совѣтъ принесла ночь Зерницкому; очень мудренныя чувства пробудились въ немъ вмѣстѣ съ утромъ. Съ каждымъ новымъ лучемъ его испарялись въ сердце Александра Ивановича восторженные надежды; идеалъ счастья блѣднѣлъ и разсѣивался вмѣстѣ съ тѣнями ночи, убѣгавшими отъ востока къ зениту. Но тоска, невыразимая тоска сжимала его изнуренное сердце...

За Тверью онъ посмотрѣлъ пристально на сосѣдку, спавшую крѣпкимъ сномъ; но у него не достало духу долго смотреть на нее, и онъ

вышелъ на Завидовской станціи, чтобы освѣжить немного утреннихъ вѣтеркомъ бѣдную, пылающую голову. Но и на воздухъ его преслѣдовали тѣже горькія, тяжелыя мысли.

Сосѣдка не просыпалась и за Кляномъ; сонъ ея былъ крѣпокъ и спокоенъ; ее не тревожили остановки на станціяхъ, пассажиры, проходившіе мимо ее на галерею, сигнальной свистокъ машиниста, хлопанье дверей въ вагонахъ, стукъ колесъ по рельсамъ, звонъ цѣпей связывающихъ вагоны, свистъ пара, голоса работниковъ и кондукторовъ, разговоръ пассажировъ. Она спала, свернувшись какъ-то странно, сдвигнувъ голову на сторону, спала очень некрасиво, хотя есть женщины, которыя и во снѣ умѣютъ сохранять граціозныя позы и выраженія лица. Волосы ея немного растрепались, и—о ужасъ! Зерницкій замѣтилъ между ними, на вискахъ, нѣсколько предательскихъ волосковъ, цвѣта благороднаго металла, но неблагородно обнаруживавшихъ лѣта сосѣдки... Полуоткрытый ротикъ ея выказывалъ радъ не совсѣмъ бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ; по краямъ его были тонкія морщины—дурной физиономическій признакъ; на лбу шли также три довольно глубокаго горизонтальныя линіи; цвѣтъ лица отзывался блѣдною желтизною; кожа на лицѣ была довольно груба и немножко вяла; всѣ черты лица, сливаясь въ общій, некрасивый очеркъ, дышали утомленіемъ.

Разочарованіе приходитъ быстро, незамѣтно... Довольно одной порванной петлицы вазанья, чтобы разошлись овѣ всѣ, одна за другой постепенно, произвольно, систематически. Еслибы Марья Михайловна, не спала, Зерницкій въ разговорѣ съ нею почерпнулъ бы бодрость и готовность къ самопожертвованію; теперь онъ ужъ сознавался, что самопожертвованіе въ жепитѣбѣ будетъ съ его стороны;—но сосѣдка спала крѣпко, долго, безъ просыпу, и оставленный самому себѣ, Зерницкій не могъ не сознаться, что она была права, что онъ поступилъ опрометчиво и неосторожно, предложивъ ей свою руку. Теперь предстояло ему тяжелое объясненіе. Самъ онъ не хотѣлъ начинать его, и хотя былъ увѣренъ, что она пойметъ его чувства и не будетъ принуждать его къ исполненію необдуманнаго предложенія, но въ тоже время ему не хотѣлось показать, что онъ былъ такъ безхарактеренъ, что такъ скоро влюбился, а разлюбилъ еще скорѣе.

Разлюбилъ ли онъ ее? На этотъ вопросъ можно было отвѣчать только, когда бы разрѣшили первый вопросъ: любилъ ли онъ ее? Теперь онъ сомнѣвался даже въ этомъ. Быстрота перехода отъ одного чувства къ другому заставляетъ часто не признавать существованіе недавняго чувства, такъ кажется оно противоположно тому, которое въ настоящую

минуту наполняет сердце. Совѣстно какъ-то сознаться человѣку, что онъ скоро мѣняется въ мысляхъ и въ чувствахъ, что это общій законъ природы, и поэтому онъ признается только, что обманывался, или, еще чаще, что его обманывали...

Послѣдняго извиненія Зерницкій не могъ однакоже привести въ свою пользу. Онъ сознавался прямо, что заблуждался, что былъ ослѣпленъ, увлеченъ. Если ему было трудно объяснить, какимъ образомъ, отчего понравилась ему Марья Михайловна, то еще труднѣе, почти совершенно невозможно было рассказать, какъ и почему онъ охладѣлъ къ ней. Поэтому-то, взявъ на себя только обязанность—передать эпизодъ двадцати-часоваго романа Зерницкаго, съ точностью лѣтописца,—мы представляемъ въ такомъ краткомъ очеркѣ вторую половину исторіи его чувствъ. Впрочемъ и вообще не легче ли рассказывать завязку любой страсти, нежели ея развязку?

Романъ Зерницкаго былъ тоже близокъ къ развязкѣ. Не закрывая глазъ ни на минуту, всю ночь онъ смотрѣлъ на сосѣдку, съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ. Она спала не два, а четыре часа слишкомъ, и проснулась въ семь часовъ утра, когда паровозъ подъѣзжалъ къ Крюковской станціи.

Солнце ярко играло на чистомъ небѣ, когда Марья Михайловна открыла глазки, достаточно оплывшіе во-время сна. Она протянулась и зѣвнула весьма свободно и весьма неграціозно. Вѣроятно, фізіономія ея сосѣда выражала что-то не совсѣмъ пріятное, потому-что она сказала, посмотрѣвъ на него со вниманіемъ:

— Здравствуйте! Что съ вами? Вѣрно видѣли дурной сонъ?

— Сонъ былъ хорошъ, но пробужденіе тяжело, отвѣчалъ Зерницкій.

— А я такъ и проснулась и спала съ удовольствіемъ, во снѣ видѣла нашу будущую семейную жизнь. Мы были удивительно счастливы.

Слова эти были сказаны такимъ страннымъ тономъ, что Зерницкій смутился еще болѣе и ничего не отвѣчалъ.

— Гдѣ мы? спросила она, глядя въ окно вагона.

— Подъѣзжаемъ къ Крюковской станціи.

— Это, кажется, предпоследняя до Москвы?

— Да.

— Послѣ нея будетъ Химская?

— Да.

И Марья Михайловна тоже замолчала. Она только насмѣшливо посмотрѣла на сосѣда и принялась поправлять свой туалетъ. Зерницкій смѣялся, опустивъ голову. Онъ понималъ, что молчать неловко, а гово-

рить было тяжело. Сосѣдка раза три обратилась къ нему съ какими-то незначущими вопросами; онъ отвѣчалъ отрывисто, сухо. Кризисъ приближался. Его отложила на нѣсколько минутъ остановка на станціи. Молча вышли они изъ вагона и походили нѣсколько минутъ по галерей, вдыхая свѣжій воздухъ, говоря о прекрасной погодѣ, чудесномъ утрѣ, живописныхъ окрестностяхъ, удивительной быстротѣ ѣзды на желѣзной дорогѣ и тому подобныхъ интересныхъ предметахъ. Посадивъ сосѣдку на свое мѣсто, Зерницкій остался одинъ на галерей, и задумался такъ, что кондукторъ долженъ былъ взять его за руку и напомнить, что звонили во второй разъ, и что онъ рискуетъ остаться на станціи, если не займетъ своего мѣста. Зерницкій могъ бы отвѣчать, что онъ, во всякомъ случаѣ, готовъ и остаться.

И онъ все-таки продолжалъ упорно молчать въ вагонѣ, хотя это становилось даже неучтиво. Сосѣдка сама начала разговоръ.

— Черезъ полтора часа мы будемъ въ Москвѣ, сказала она.

Зерницкій наклонилъ голову въ знакъ согласія, но не отвѣчалъ ничего. Эти простые слова заставили его поблѣднѣть. Прошло нѣсколько минутъ самого тяжелаго молчанія.

— Послушайте, начала, наконецъ, сосѣдка: всякая женщина оскорбилась бы на моемъ мѣстѣ этимъ страннымъ молчаніемъ. Неужели вы думаете, что учтивѣе, даже благороднѣе не говорить ни слова, нежели сказать просто: я разлюбилъ васъ.

Зерницкій вспыхнулъ и вскричалъ:

— О, повѣрьте...

Это было все, что онъ могъ сказать. Подождавъ съ минуту продолженія фразы, Марья Михайловна сказала тономъ, въ которомъ было больше участія, чѣмъ пропіи:

— Чему вѣрить?... Новымъ повтореніемъ словъ любви и привязанности, въ то время, когда въ сердцѣ нѣтъ уже этихъ чувствъ?... Вы видите, что совѣсть не позволила вамъ повторять этихъ увѣреній, да и вы сами вѣрно не думаете, чтобы я могла имъ повѣрить. Въ началѣ нашего знакомства вы за меня высказали все, что я думала, или, по вашему мнѣнію, должна была думать объ васъ. Хотите ли я, въ свою очередь, расскажу вамъ теперь все, что вы обо мнѣ думаете?

Зерницкій молчалъ, опустивъ голову. Сосѣдка продолжала:

— Вы думаете: она была права — я поступилъ вѣтренно и необдуманно. Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ быть счастливы; между нами нѣтъ ни малѣйшаго сходства ни въ мысляхъ, ни въ характерѣ, ни въ образѣ жизни. Ей тридцать пять лѣтъ; черезъ десять лѣтъ она уже будетъ старуха, — а я гораздо моложе ее не однимъ, лѣтами но и жизнью.

Взять на себя обязанность содержать столько детей и старухъ — и не въ силахъ. Самопожертвованіе было бы въ этомъ случаѣ глупостью. За что я свяжу себя по рукамъ и по ногамъ, самъ уничтожу свою карьеру, всю свою будущность? И что она можетъ принести мнѣ въ замѣнъ всего, что я отдамъ ей? Оригинальность мыслей и поступковъ, которую не всегда можно одобрить и еще рѣже согласить съ общепринятыми условіями; довольно порядочную образованность, вовсе мнѣ не нужную, и наконецъ, холодность сердца, которая увеличитъ всѣ несчастія, убьетъ всѣ радости супружеской жизни! Упрямство заставило меня преслѣдовать эту женщину, самолюбіе говорило, что побѣда надъ нею будетъ пріятнѣе всякой другой побѣды, — но неужели изъ упрямства, для самолюбія, жертвовать спокойствіемъ цѣлой жизни? Мнѣ пришла эта женщина потому только, что она не походила на другихъ; новостъ и странность положенія увлекла меня, но можно ли любить долго, постоянно такое апатическое созданіе? Мнѣ, конечно, неловко самому отказаться отъ нея, но она довольно умна, чтобы видѣть всю несообразность нашего сближенія, и сама возвратитъ мнѣ свободу... Толи вы думаете Александръ Иванычъ?

Вмѣсто отвѣта, Александръ Иванычъ еще ниже опустилъ голову, какъ человѣкъ, уличенный въ какомъ-нибудь неблаговидномъ поступкѣ.

— Признаюсь, сначала мнѣ хотѣлось немного помучить васъ, продолжала она, и заставить самихъ высказать все, что я сей часъ продекларировала за васъ, — хотя бы другими, болѣе дипломатическими фразами. Но мнѣ стало жаль васъ, и къ тому же и боялась, чтобы вы не прибѣгнули къ извѣстной и очень некрасивой уловкѣ всѣхъ виноватыхъ, не вздумали бы ссориться со мною, привязавшись къ чему-нибудь въ моихъ словахъ, что было очень легко сдѣлать при моей склонности къ насмѣшкѣ. Я хотѣла избавить васъ отъ очень эффектной, но не совсѣмъ благородной выходки ссорящагося лица, которое восклицаетъ обыкновенно въ концѣ монолога: Все кончено между нами! Я ошибался въ васъ! Мы не рождены другъ для друга; повязка спала съ глазъ моихъ — и тому подобное, что повторяется въ жизни чаще, чѣмъ въ романахъ. Я желала, чтобы вы оставили меня тихо и спокойно, убѣжденные въ томъ, что я все же не очень дурная женщина, если не захотѣла воспользоваться вашимъ увлеченіемъ, но добровольно высказала всѣ мои недостатки, и почти принудила васъ отказаться отъ меня.

— О! вы самая благородная, великодушная и умная женщина! вскричалъ съ жаромъ Зерницкій, цѣлуя ея руку, которую на этотъ разъ отъ него не отнимали.

— Вы не находите теперь, что я кокетка? отвѣчала она весело.

Но все-равно и порядочная педантка, а педантизмъ также своего рода кокетство. Поэтому-то я не могу, на прощаньи, не высказать вамъ маленькаго правоученія. У васъ доброе сердце, но вѣтренная голова. Подумайте, что было бы, еслибъ, вмѣсто меня, вы попали на какую-нибудь интригантку, или расчетливую даму! Теперь даже и въ романахъ не влюбляются въ первую попавшуюся намъ женщину, а вы еще предлагали ей свою руку. Знаю, что вы хотите мнѣ сказать комплиментъ, увѣрить, что въ другую женщину вы не могли бы такъ скоро влюбиться...

— И прибавить, что подобное увлеченіе не повторяется, прервалъ Зерницкій.

— Да, потому-что оно будетъ всегда служить урокомъ, продолжала Марья Михайловна. Случай этотъ убѣдитъ васъ также въ томъ, что есть же на свѣтѣ женщины, которыя могутъ обойтись безъ любви, и что не всегда мужчина долженъ тотчасъ же и предлагать свою руку если любить, или когда ему кажется, что онъ любитъ.

— Еслибы всѣ женщины были такъ откровенны и благоразумны, какъ вы, — несчастливыхъ супружества были бы рѣдки.

— А вы думаете, что съ такою женщиною, какъ я, супружество было бы счастливо? спросила она съ горькой улыбкой.

Онъ отвѣчалъ на это какой-то философской оцѣнкой брака; разговоръ завязался о женитбѣ, ея выгодахъ и тому подобномъ; потомъ перешелъ на воспитаніе и положеніе женщинъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Въ жаркой и непринужденной бесѣдѣ, они почти не замѣтили, какъ паровозъ остановился на десять минутъ на Химской станціи, и потомъ полетѣлъ къ Москвѣ.

— Какой, однакожъ, странный, неправдоподобный романъ вся наша исторія на желѣзной дорогѣ, сказалъ Зерницкій, обращаясь къ себѣ, послѣ отвлеченной бесѣды съ сосѣдкою.

— Жизнь бываетъ часто страннѣе и неправдоподобнѣе романа. Это давно уже замѣчено, отвѣчала Марья Михайловна. Впрочемъ, въ нашихъ отношеніяхъ странна только быстрота, съ которою они установились и измѣнились. Все, что случилось съ нами въ двадцать часовъ, мы могли бы растянуть на нѣсколько мѣсяцевъ, даже лѣтъ знакомства, результатъ былъ бы тотъ же. Скорость нашихъ сношеній, можетъ-быть, произошла отъ желѣзной дороги; если она сближаетъ разстояніе, отчего же ей не сближать чувствъ? Паровозы уничтожаютъ время, а время одинаково, какъ для любви, такъ и для коммерческихъ оборотовъ.

— Согласитесь, однакоже, что въ нашемъ приключеніи есть много романческаго. Вы возставали сначала на драматическія пословицы, — а наша исторія легко могла бы послужить предметомъ подобной пословицы.

— Это еще ничего не доказываетъ. Изъ внимательнаго происшествія можетъ выдти преснучная пьеса и даже плохой романъ. Исторія, въ которой все дѣйствіе заключается только въ измѣненіяхъ чувствъ и мыслей, — будетъ всегда неинтересна для лицъ, въ которыхъ чувства и мысли не измѣнялись и которыя не могутъ повѣрить даже возможности и логичности этихъ измѣненій. Всею нину исторію можно разсказать въ двухъ словахъ: Она хотѣла любить, хотя и недоложенъ былъ любить; она не могла любить, хотя бы и хотѣла.

— Прибавьте, что это не помѣшало имъ, однакоже, сблизиться и узнать другое, не менѣе сладкое чувство — дружбы.

— Пожалуй, только это дружба продолжалась не болѣе двухъ часовъ и двухъ послѣднихъ станцій до Москвы.

— Развѣ мы не увидимся больше?

— Не думаю. Въ Петербургъ я, вѣроятно, уже не прїѣду: мой странчій и безъ меня взялся устроить мое дѣло.

— Но вы позволите мнѣ навѣстить васъ въ деревнѣ?

— Зачѣмъ. Чтобы видѣть, какъ я возжусь съ жонни старухами и дѣтьми?... Нѣтъ; мой совѣтъ прервать нашу исторію еще не на самой скучной страницѣ ея. За этой страницей пойдетъ сухая проза жизни, и вамъ, какъ человѣку, не принимающему въ ней никакого участія, будетъ скучно читать ее дальше. Она будетъ вамъ напоминать все-таки несовсѣмъ ловкое положеніе. Найдутся, пожалуй, люди, которые будутъ увѣрять, что васъ дурачили въ-продолженіе двадцати часовъ. По французски это говорится вѣжливѣ; *qu'on vous a berné*. Скажу вамъ кстати также другую французскую фразу: *trop parler nuit*. Это тоже не послѣднее нравоченіе, которое можно извлечь изъ нашей исторіи. Развѣ не *напрасныя слова* говорили мы все это время? И къ чему послужили они? Еслибы я не начинала разговора съ вами и могла всю дорогу, ограничивая бесѣду только самымъ необходимымъ общими фразами, вы бы не имѣли удовольствія полюбить и разлюбить меня. И такъ, разстанетесь лучше на Московскои станціи, и покажъ другъ-другу руку на прощанье, пожелаемъ: я вамъ — не встрѣчаться больше съ женщинами, похожими на меня; вы мнѣ — быть посписительнѣе къ такимъ людямъ, какъ вы...

Тонъ послѣднихъ словъ и вообще всей фразы собесѣдника былъ такъ страшенъ, что Зерницкій никакъ не могъ растолковать себѣ его значенія. Онъ не отвѣчалъ однакоже ни слова. Задумчивый, вышедъ изъ вагона, вслѣдъ за Марьей Михайловной, молча проводилъ ее къ выходу, крѣпко, со слезами на глазахъ, поцѣловалъ ее руку, въ то время, когда ей подали къ крыльцу коляску. Садясь въ нее, собесѣдникъ

последній разъ на Зерницкаго съ такимъ чувствомъ, съ такою грустью, что онъ чуть не бросился къ ней, но коляска загремѣла по мостовой, и передъ нимъ мелькнулъ въ последній разъ черный бурнусъ сосѣдки, и издали привнеслось ея послѣднее слово:

— Прощайте!

Онъ постоялъ еще нѣсколько минутъ на крыльцѣ, и вдругъ ударилъ себя по лбу. Въ головѣ его мелькнула ужасная мысль:

— Что, если вся эта исторія стѣсненныхъ обстоятельствъ, больныхъ старухъ, маленькихъ дѣтей — одна выдумка, чтобы испытать, действительно ли любовь его такъ сильна, какъ онъ увѣрялъ въ этомъ?...

— И я поддался этому обману! повѣрилъ этой неправдоподобной выдумкѣ!... Да, еслибы и точно все это была правда, какъ могъ я разлюбить сосѣдку только отъ этого? Развѣ обстоятельства не могли переииться; старухи развѣ не могутъ вырасти, дѣти умереть... то есть наоборотъ.

И Зерницкій, совершенно потерявъ голову, почувствовалъ, что опять любить сосѣдку, въ то время, какъ потерялъ ее навсегда. Съ-горяча онъ рѣшился отыскать ее во что бы то ни стало, но тутъ прежде всего представилось довольно важное обстоятельство: онъ даже не узналъ ея фамиліи....

Несмотря на это, онъ сталъ искать ее по Москвѣ и въ подмосковныхъ. Попадались разныя Марьи Михайловны; нѣкоторыя даже увѣряли, что именно онѣ ѣхали съ Зерницкимъ въ вагонѣ, и брались доказать это самымъ яснымъ образомъ, особенно когда узнали, что онъ предлагалъ ей свое сердце. Зерницкій былъ такъ неучтивъ, что не соглашался вѣрить никакимъ доказательствамъ.

Онъ справлялся у многихъ лицъ, ѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, у кондукторовъ и служащихъ на желѣзной дорогѣ, — никто не зналъ таинственной Марьи Михайловны. Зерницкій вернулся въ Петербургъ съ отчаяніемъ въ душѣ, какъ, по-крайней-мѣрѣ, увѣрялъ въ этомъ. Носились впрочемъ темныя слухи о томъ, что въ Москвѣ онъ жилъ довольно весело. Онъ опровергалъ однакоже ихъ, и разказавъ намъ подробно все происшествіе на желѣзной дорогѣ, подтверждалъ, что съ этихъ поръ сердце его будетъ занято одною страстью, а жизнь — одною цѣлью — отыскать эту страсть.

Пріятели Зерницкаго предлагали ему разныя средства къ отысканію прекрасной незнакомки, — все оказалось безуспѣшно. Онъ даже печаталъ въ газетахъ вызовъ такого то лица, ѣхавшаго тогда-то, — въ свидѣствіе одного чрезвычайно важнаго дѣла. Вызовъ остался безъ отвѣта.

Тогда я предложилъ ему напечатать всю его исторію, въ надеждѣ,

что Марья Михайловна тронется его любовью, убьются въ ней и приидеть ему въсть о себѣ.

Зерницкій обрадовался моему предложенію и просилъ прибавить, что онъ не перестаетъ раскаяваться въ своемъ заблужденіи, и возобновляетъ предложеніе своего сердца жестокой Марьѣ Михайловнѣ, несмотря на всѣхъ ея старухъ, ребятъ и прочее.

Всѣ пріатели Зерницкаго одобрили мое предложеніе. Одинъ только Солнцъ увѣрялъ, чтоо то ни къ чему не послужитъ, во-первыхъ уже и потому, что Марья Михайловна женщина умная и не читаетъ русскихъ журналовъ, а все болѣе потому, что такой Марья Михайловны вовсе нѣтъ на свѣтѣ, потому-что Зерницкій выдумалъ всю эту исторію на желѣзной дорогѣ, чтобы придать себѣ больше интереса.

Несмотря на это, я все-таки напечаталъ исторію Зерницкаго, и съ истерическимъ буду справляться въ редакціи «Пантеона», не получено ли какое-нибудь извѣстіе о Марьѣ Михайловнѣ.

II.

МАЛЕНЬКІЙ МОНТЕ-КРИСТО СЪ БОЛЬШИМИ СТРАДНОСТЯМИ.

ПОЗАВЧЕРАШНЯЯ ИСТОРИЙКА,

РАЗСКАЗАННАЯ, А МОЖЕТЪ-БЫТЬ И ВЫМЫШЛЕННАЯ, ГОСПОДИНОМЪ З***, И СЪ
ЕГО СЛОВЪ НАПИСАННАЯ.

Когда въ обществѣ, въ которомъ находимся и нижеподписавшіяся и о которомъ здѣсь, къ удовольствію публики, рѣчи не будетъ, — когда въ этомъ обществѣ всѣ предметы разговора истощились, а между-тѣмъ предстояла, почему бы тамъ ни было, необходимость продлить его, всѣ обратились хоромъ къ одному изъ присутствовавшихъ, господину З***, съ просьбою вывести компанію изъ затрудненія, и разсказать что-нибудь. Всѣ знали, что господину З*** стоить захотѣть, и ужъ онъ навѣрно разскажетъ.

Господинъ З***, казалось, только того и ждалъ. Какъ птица, къ которой бы пришли въ критическое мгновеніе за спасительнымъ словомъ, онъ самоувѣренно оглянулъ присутствовавшихъ, поправилъ очки, снялъ ихъ, протеръ, посмотрѣлъ въ нихъ, прищурившись, возвелъ очи къ потолку, еще поправилъ очки, откашлянулся и началъ:

Дѣла куда-недавнихъ дней!.. Не успѣли, я думаю, отричь почтовую карету, а ужъ лошади такъ навѣрно не отфыркались, какъ уже слухъ о прїѣздѣ Дмитрія Дмитрича Мирбольскаго облетѣлъ весь городъ. Мнѣ кажется, слухъ долженъ былъ бѣжать впередъ Дмитрія Дмитрича, какъ слава впередъ колесницы триумфатора; — и росъ на бѣгу, какъ гласить старинная латинская поговорка.

Иду я, самымъ мѣрнымъ шагомъ, мимо французской гостиницы. Подъѣзжаетъ, какъ поравнялся я съ подъездомъ, Нолькина.

— Что, прїѣхалъ?

— Кто такой?

— Мирбольскій.

— Не знаю.

— Развѣ вы не отсюда?

— Нѣтъ.

— Такъ пойдите, спросимъ.

Я поглядѣлъ на Нолькина.

— Вы, стало-быть, ничего не знаете?

— Ничего.

— Тридцать... Тѣфу! Триста тысячъ дохода! Серебромъ!

— А!

Я поклонился Нолькину, и пошелъ своей дорогой. Оглянувшись, увидѣлъ, что онъ махнулъ рукой на меня и вошелъ въ гостиницу.

Вхожу въ одинъ магазинъ. Двое какихъ-то господъ покупаютъ сигары. Является третій.

— Слышали, — говорить вошедшій — Иванъ Петровичъ? Мирбольскій прїѣхалъ.

— Когда? спрашиваетъ Иванъ Петровичъ.

— Сегодня. Еще часа нѣтъ.

— Вы видѣли?

— Нѣтъ. Ежовскій попался. Ему дали знать. У него на ночь все знакомо.

Взявъ, что было нужно и чуть-чуть, между-прочимъ, не отнявъ себя фиштакковыя перчатки вмѣсто черныхъ, (а косынку нагосъ таки-захватилъ: къ моей-то рождѣ!) я вышелъ, оставивъ трехъ господъ въ разсужденіяхъ о томъ же Мирбольскомъ.

«Ну птица-же должна быть!» думаю себя. «Видь это на хумо исторіи *Резизора*».

Навстрѣчу мнѣ одинъ пріятель.

— Вотъ и славно! говоритъ. Вы ничего не знаете?

— Знаю, говорю.

— Знаете, такъ пойдѣте.

— Куда?

— Знаете, а спрашиваете? — Ъсть.

— Какъ ѡсть?

— Ну, разумѣтся. Осетрину-то и икру. А еще говоритъ, что знаетъ... Ха-ха-ха! Понимаю. Вы вѣрно думали объ звѣрницѣ. Ха-ха-ха! Сегодня только привезли осетрину съ икрой.

— Идѣте, говорю, пожалуй.

Входимъ въ ресторацію. Съѣли. Не дали намъ проглотить и по рюмкѣ анжесетъ, влетаетъ съ шумомъ человекъ пять молодежи, изъ празднои, знаете.

— Господа, Мирбольскій пріѣхалъ, говоритъ одинъ.

— Вотъ!

— Отлично!

— Надо, чтобъ онъ далъ намъ обѣдъ.

— Съ цвѣтами, музыкой и цыганами.

— Дастъ, дастъ.

— Чтѣ это ему стоить!—Пятьсотъ тысячъ, батенька.

Я толкнулъ моего пріятеля. Онъ себѣ-занимается приготовленіемъ икры.

— Виновать! говоритъ, а у васъ еще, кажется, мозоли: виновать! Малый, луку еще!

Мнѣ стало ужасно досадно на него: я, съ своей стороны, ужъ не могъ не прислушиваться, и продолжалъ прислушиваться. Да и было, согласитесь, отчего загорѣться любопытству.

— Вотъ чтѣ, однакожь, замѣтилъ одинъ молодой человекъ: вѣдь мы не всѣ съ нимъ знакомы.

— Съ Мирбольскимъ-то? Ха-ха-ха! Успокойтесь. Я берусь вѣсть познакомить. Хотя-бы насъ тутъ было двадцать.

— И чтѣ такое: entre jeunes gens!

— Разумѣтся. Ему здѣсь будетъ скучно безъ насъ. Онъ умретъ съ тоски. Молодежи нѣтъ. Онъ привыкъ жить съ людьми. Да мы для него, откровенно сказать—находка. Тамъ, бывало, у него меньше со-рога человекъ не садилось за столъ...

— Семдесят, сто, говорить, и бодяно.

— Чего, душа моя! Мы съ нимъ разъ прѣехали на Воды: вошли, да и велѣли запереть кассу, то-есть, никого не пускать... такъ-таки безъ церемоній.

— А тамъ, господа, вы знаете, бываетъ до пятидесяти тысячъ...

Я поперхнулся.

— Перду видно, много? замѣтилъ мой пріятель. А я такъ, признаться, люблю, чтобы побольше. Неопасно, знаете, для желудка.

Позавтракали мы, то-есть, въ сущности позавтракалъ мой пріятель, и пошли.

Въ тотъ же день ѣду я на вечеръ... въ одинъ презентабельный домъ. Презентабельный домъ этотъ въ захолустьи; грязная передняя; двери узкія, во всю стѣну и не притворяющіяся; несовѣтъ прямой полъ; въ залѣ высушенные, какъ грибы, стулья и кенкеты на какихъ-то жердяхъ, и т. д. Это о самомъ домѣ и его внутренности, какъ зданіи. Относительно прочаго, — я называю презентабельнымъ этотъ домъ потому-что къ нему нужно имѣть особенное почтеніе, нужно всегда ѣздить съ поздравленіями, иначе васъ тамъ съѣдятъ живаго. Кому охота?

Такъ прѣѣжаю въ презентабельный домъ.

Не успѣлъ я и поклониться какъ слѣдуетъ, хозяйка гдѣ-то что не кричитъ мнѣ навстрѣчу:

— On dit que Mirbolsky est arrivé? Говорятъ, вышелъ въ отставку; отецъ заплатилъ за него миллионъ.

— Пятьсотъ тысячъ, съ увѣренностію перебиваетъ господинъ серьезной наружности.

— Милліонъ, Петръ Васильичъ, говорятъ хозяйка — миллионъ!

— Пятьсотъ тысячъ...

— Милліонъ, увѣряю васъ, миллионъ.

— Пятьсотъ тысячъ ассигнаціями...

Вы все знаете господа, что если отъ иной встрѣчи и отъ иного разговора не падаетъ у насъ изъ рукъ шляпа и мы сами не падаемъ въ обморокъ, такъ это потому только, что и шляпы наши и нервы слишкомъ хорошо знаютъ, гдѣ и что они могутъ себѣ позволить. Стало-быть, еслибы я вамъ сказалъ, что я разинулъ ротъ отъ удивленія, вы и тому бы не повѣрили.

Все, что было въ гостиной, не исключая и дочери хозяйкиной, изъ

которому я, грѣшный человѣкъ, де-тѣх-перъ позволялъ себѣ поспрашивать не безъ чувства, — все выгнуло глаза на меня, считая меня, съ своей точки зрѣнія разумѣтся, обязаннымъ все знать о господинѣ Мирбольскомъ.

Но я ничего не могъ сказать, и молчалъ.

Это, какъ водится, произвело невыгодное впечатлѣніе на всѣхъ. Дочка сдѣлала мнѣ пренебрежительную гримасу, — и продолжался разговоръ о Мирбольскомъ.

— И несовершеннолѣтній даже! сказалъ серьезный господинъ, у котораго на лицѣ какъ-будто написано: «ежели я что сказалъ, такъ ужъ сдѣлайте ваше одолженіе: это все-равно, что дважды два четыре!»

— Что-жъ такое! отвѣчала хозяйка. Единственный сынъ.

— Правда, единственный. Но, доложу вамъ, я Дмитрія Петровича знаю тридцать лѣтъ: отличный человѣкъ, а денежку любить. И мать прекрасная женщина; только не тронь ее...

— Куда-жъ дѣвать состояніе?

— Разумѣтся, некуда, какъ ему. Но вѣдь старики могутъ прожить...

— Какая у васъ страсть говорить непріятности, Петръ Васильичъ!

— Ну, а вы бы согласились вотъ сейчасъ ножки протянуть, чтобъ сдѣлать свою дочь богатой невѣстой?

Этотъ вопросъ, по моему очень-естественный, на минуту срѣзалъ хозяйку. Не дослушавъ даже фразы, она обратилась къ другому гостю, и на время разговоръ о Мирбольскомъ прекратился.

Но только на самое короткое время. Часъ спустя, въ другой кабинетъ однако говорили о немъ же; но кто вы думаете? молоденькія дѣвочки. Одна объявила громко, что маменька заказываетъ ей на нынѣшній балъный сезонъ лишнихъ три платья противъ положенія: дескать, Мирбольскій пріѣхалъ, придется выѣхать лишній разъ. Et puis, прибавила маменька, *on ne sait pas!*

«Ну, конечно!» подумалъ я.

Убѣдившись, какъ не надо лучше, что Дмитрій Дмитричъ Мирбольскій сильно занимаетъ всѣхъ, я воротился домой рано, и въ добавокъ, съ довольно-недовольнымъ миимъ днемъ, потому-что дочь хозяйки дома, та самая, на которую, какъ я вамъ сказалъ, я позволялъ себѣ поспрашивать иногда не безъ чувства, хотя, по совѣсти, весьма неопредѣленно, ни разу не взглянула на меня ницѣ, какъ съ явною безчув-

ственностию. Это ужь, какъ хотите, всегда предосаждо. Этомъ говорить иные господа, болѣзнь вѣка; по-моему, онъ болѣзнь чело-вѣка....

Всю ночь не спалось мнѣ,—не знаю ужь ради чего. Утромъ разболѣлся, по обыкновенію, мой несчастный бокъ,—и въ двѣнадцать часовъ, такъ ужь больше по привычкѣ, очутился я у моего доктора. Странно: вѣдь напередъ знаешь, что ни слова тебѣ не скажетъ о болѣзни, а все идешь.

Да и докторъ ужь такой! Умень какъ день, отличный человекъ, отличный докторъ, не лѣнивъ, чудакъ и оригиналь, какихъ свѣтъ не производилъ; знаетъ всѣхъ и все; медицину ненавидитъ, надъ медками смѣется, да и надъ больными тоже. Удивительный человекъ! Мнѣ всегда думается,—сказать ему этого нельзя: еще обругаетъ пожалуй — что бы ему писать свои мемуары: ручаюсь, что черезъ двадцать—пять лѣтъ никто не смѣлъ бы заикнуться о Стернѣ, Свифтѣ и компаніи...

Такъ, виновать, вложу. Онъ что-то клентъ.

— Мышеловку дѣлаю, говоритъ, не глядя на меня.

— Болѣзнь я — говорю.

— Посмотрите...

И началъ мнѣ объяснять механизмъ своего изобрѣтенія.

— Въ лавкѣ, говоритъ, съ меня заломили рубль двадцать копѣекъ серебромъ, а вотъ тутъ, извольте видѣть — матерьялу пошло на семнадцать копѣекъ всего...

— Прощайте: говорю — я вижу, вамъ некогда.

— Пойдите, куда вы? Посидите.

— Я хотѣлъ, чтобъ вы взглянули на меня.

— Что глядѣть? Бокъ?

— Да, опять бокъ.

— Ну что-жь: дунуло какъ-нибудь, проглотили лишнее,—пустяки!

— Докторъ...

— Вздоръ, разумѣется. Вамъ чего хочется? Ну, хотите, поставьте пивки; не хотите, все-равно — само собой пройдетъ.

И онъ продолжалъ клентъ. Зная его характеръ, я рѣшился послѣдѣть. «Авось, дождусь чего-нибудь.» Иногда вѣдь умилоостивится: поговорить о болѣзни. Да и то еще: одна близость доктора успокоиваетъ. Мой докторъ, Центифоль, доказываетъ, что этимъ много держится медицина, то-есть, довѣріемъ къ человекѣ.

— Читали? говорить, и суеть мнѣ газету: а я вѣдь, считалъ его порядочнымъ человѣкомъ.

— Кого это?

— Мосье Тьера.

Пошла рѣчь о Франціи, о Тьерѣ, и прочее.

— А вы что новаго знаете?

— Да, вотъ, говорю... и рассказалъ ему про вчерашній день, и про Мирбольскаго, про крики и ахи, и про все, что слышалъ. Сидитъ мой докторъ, улыбается. Доволенъ. Страшный вѣдь охотникъ до новостей.

— Да, говорить, долженъ-быть богатъ. А старика-то я немножко знаю, ненадеженъ.

Я улыбнулся невольно.

— Нѣтъ, вѣдь вы понимаете: мнѣ не ждять отъ него наследства, да еслибъ и ждаль я къ нему не два года, а десять лѣтъ, по два раза въ недѣлю обѣдать, не взялъ бы я его пятисотъ душъ, вздумай онъ мнѣ ихъ оставить... Это что—пустое... Но у него чистѣйшій аневризъ! Ну, проживеть полгода, годъ, да и то еще... Такъ точать зубы на сына-то, вы говорите?... На это найдутся мастера... И то сказать,— продолжалъ Центифоль, какъ-будто про-себя, — это вѣдь бываетъ: отецъ нажилъ, сынокъ спустить. Я замѣчалъ. Сперва пойдуть пиры да затѣи. Хорошо еще, коли женять на такой, что въ руки возьметъ. А то проиграется, просоритъ; подвернется какая-нибудь цыганка, или француженка изъ магазина, этакая, съ манерпой — да еще, пожалуй, женить на себѣ.

На этомъ словѣ слышимъ мы звонокъ, и входитъ, — я все забываю его фамилію,— высокій такой, худой, точно вѣшалка, махаетъ руками, кричить, мелеть вздоръ,—несноснѣйшее созданіе, все какъ-будто спотритъ къ вамъ въ карманъ, словошъ, идеаль всяческаго безобразія, физическаго, умственнаго, нравственнаго, — ахъ, Богъ мой, какъ его... Андрей С... Андрей Семеновъ, кажется... ну, да все-равно... Еще, не слышали ли вы? вѣрно слышали: въ преферансъ онъ какъ-то играетъ особенно.

Докторъ мой поморщился и поклонился довольно-сухо.

— Энта! завопилъ этотъ господинъ, докторъ, я хотѣлъ васъ спросить: вы должны знать Мирбольскаго?

— Ну?

— Странно богатъ онъ, говорятъ. Я его хочу повицѣдить.

— Вы? Какимъ образомъ?

— Вы меня знаете: выиграть у него, отломить тысячь сто...

Центифоль съ воспитательной миной взглянулъ на Андрея Семеныча, на его засаленный костюмъ, измятую шляпу и какія-то сандалии, которыя играли у него роль сабоговъ, но никому бы ихъ не замѣнили.

— Да вы бы лучше такъ попросили.

— Это идиоты: подите-ка попросите, они ничего не понимаютъ..

Я больше слушать не хотѣлъ: такого рода сильныхъ ощущений я избыгаю, да и вообще не люблю, когда отъ человѣка вѣтъ такую положительность, какъ отъ Андрея Семеныча. Я простился съ докторомъ. Онъ разрѣшилъ мнѣ вѣхать въ деревню. — Бокъ-то, воть подите, и въ-самомъ-дѣлѣ, какъ-будто прошелъ, и дня черезъ два я отправился въ деревню.

Но передъ тѣмъ еще случилось мнѣ быть въ театрѣ. И тамъ не мало было рѣчи о Мирбольскомъ. Показывають мнѣ его, не помню кто: довольно-глухая юношеская физиономія: такъ-себѣ, ни дуракъ, ни хорошій; смотрять, впрочемъ, довольно-важно на всѣхъ, а рѣшше эти искатели обидовъ, чующе чуждое шампанскаго et cognac, такъ и зынуть вокругъ: «гдѣ вѣдь, тамъ и мухи!»

Наконецъ вѣду. Я къ станціи, — вы знаете: славная вѣдь, ресторация тутъ, — а отсюда троекъ съ десять. Крикъ, шумъ, пѣсни, бубенчики.... Глядь, и Мирбольскій мой тутъ. Вхожу въ гостиницу. Убирають остатки пѣра: бутылки, стаканы и прочее.

— Сто тридцать семь бутылокъ выкушали! разсуждаетъ буфетчикъ съ слугой.

«Малый то, должно-быть, дѣльный», думаю себѣ.

Вѣду дальше. На второй станціи остановился я поѣсть. Подъѣзжаетъ, въ одно время со мною, тройка съ противоположной стороны. Выходить какой-то господинъ и располагается на одномъ столѣ со мною.

— Вы, говорить, смѣю спросить, изъ...?

— Да, я изъ...

— Не слышали, позвольте спросить, про Мирбольскаго, Дмитрія Дмитрича?

Я выпучилъ такіе глаза на незнакомца, что ужъ и не знаю, что онъ могъ получить.

И пришелъ мнѣ на память старый и, говорить, не вымышленный анекдотъ объ англичанинѣ, котораго уморили, встрѣтивъ его на трамъ

данныхъ разстояніяхъ съ испуганными лицами и восклицаніемъ: «Боже! какъ вы похудѣли!» Я, съ своей стороны, не боялся участи англичанина; но мнѣ, минутами, начинало казаться, что весь этотъ народъ сговорился надоѣдать мнѣ Мирбольскимъ, и что это дѣлалось просто на-смѣхъ.

Между-тѣмъ, какъ мой собесѣдникъ занимался горячимъ, лицо мое, видно, приняло болѣе-спокойное выраженіе. Онъ опять заговорилъ:

— Пишутъ мнѣ, что пріѣхалъ. А гдѣ остановился, не знаю.

— Да, я слышалъ, что пріѣхалъ, сказалъ я, чтобъ что-нибудь сказать.

— Да, да-съ. Мальчикъ-то, знаете, интересный.

— Гм!

— Въ нашъ вѣкъ, четыреста тысячъ дохода, это, вѣдь, я вамъ скажу!.. У кого они есть? Разъ, два — да и обчелся.

— Противъ этого ни слова.

— Ну и, вѣрно, любить пожуривать, этакъ, шевельнуть косточками... Да и нельзя-съ. Молодость... Кому-жь и жать, какъ не этимъ людямъ?.. Я, признаться, съ тѣмъ и ѣду, чтобъ посмотреть...

— На кого это? спросилъ я.

— Да, на Мирбольскаго. И собесѣдникъ взглянулъ на меня ужасно-пристально, какъ-будто хотѣлъ пронизать меня взглядомъ... Осмотрѣвъ своимъ онъ, кажется, остался недоволенъ, и больше говорить со мною не распустилъ.

Мы раскланялись очень-холодно, и я отправился дальше.

Въ деревнѣ и въ другихъ мѣстахъ прожилъ я съ годъ. Какъ и зачѣмъ? До этого дѣла нѣтъ. Понятно, что Мирбольскій скоро вышелъ у меня изъ ума. И я забылъ бы о немъ совершенно, еслибы въ числѣ моихъ корреспондентовъ двое, — и люди очень-различнаго, чтобъ не сказать противоположнаго, свойства, — въ письмахъ своихъ не упомянули о немъ самымъ значительнымъ образомъ: одинъ описывалъ баснословный пиръ, на которомъ Мирбольскій былъ амфітріономъ, пиръ, происходившій на одномъ изъ публичныхъ гуланій, — другой, въ числѣ важныхъ городскихъ повостей, сообщалъ, что Мирбольскій женится на дочери самой щепетильной барыни — женщины зараженной всевозможною спѣсью и милліонами претензій.

Второе письмо захватило меня незадолго до моего возвращенія сюда. То-есть, какъ незадолго? За мѣсяць, или за полтора.

Пріѣхалъ я. Съ однимъ изъ первыхъ визитовъ попадаю въ презентабельный домъ: вы помните. Принимаютъ меня что-то ужасно-сладко. Дочка, злодѣйка, только-что не заплакала полку отъ радости. «Видно, рѣшено на домашнемъ ареопагѣ непремѣнно выдать замужъ нынѣшней зной», подумалъ я. Поразчувствовалась матушка на счетъ моего долгаго отсутствія, привела нѣсколько трогательныхъ случаевъ воспоминаія обо мнѣ, по поводу кренделька, цвѣточка и романа, къ которымъ я будто-бы оказывалъ, при ней, или при дочери, особенное расположеніе: мастерицы иныя барыни вспоминать чего никогда не бывало! и наконецъ свела разговоръ опять—таки на Мирбольскаго.

— Что за нахаль! говорить, не повѣрите. И жизнь какую велеть: съ-утра-до-ночи карты, вино, цыгане... Вообразите, съ-тѣх-поръ, какъ умеръ его отецъ...

— А таки умеръ?

— Какъ-же: ужъ больше полугода.

Вспомнилъ я Центифоля.

Барыня моя свое:

— Съ-тѣх-поръ, говорить, сколько онъ долговъ надѣлалъ...

— Зато безспорно первый женихъ теперь, рѣшился я сказать.

Барыня вспыхнула; того и смотрю, задушить ее приливъ крови, — и пошла...

— Женихъ! Посмотрѣла-бы я, какая мать выдастъ за него свою дочь!... Да это вѣдь, надо знать ..

И пошла, и пошла.

— Раза четыре, говорить, встрѣчались мы съ цимъ: я-ли его не ласкала; всякій разъ звала къ себѣ: хоть-бы глаза показалъ. Чего? На улицѣ встрѣтнися, не кланяется. Что мнѣ чего милліоны нужны что ли, въ-самомъ-дѣлѣ? И какіе милліоны! Скоро, говорятъ, и ѣсть нечего будетъ. Мудреное ли дѣло? Тутъ проиграется, тамъ оберуть: да и по-дѣломъ. «На то шука въ морѣ...»

Несутъ чай. Барыня моя сама подаетъ мнѣ чашку, подчуетъ домашнимъ вареньемъ, рекомендуетъ какое-то печенье, будто-бы мое любимое... Монологъ продолжается, но изъ *allegro con fuoco* переходитъ въ *adagio con molto espressione*.

— Нѣтъ, говорить, вы меня знаете: я своей Катенькѣ не врагъ, можно сказать... Я ей, ужъ конечно, отъ всей души желаю счастья, и для нея готова всѣмъ пожертвовать. Но .. навязать ей такого сахара-медовича... Да и что такое богатство, когда мужъ—то безпутный...

Нѣтъ, я бы ей желала не вертопраха какаго-нибудь. Я всегда говорю: Катенька, не влюбляйся въ мальчишку, въ вѣтренника. — Я бы желала ей человѣка степеннаго, солиднаго, напримѣръ, какъ...

Озираю я сцену: дочь, сидя къ намъ въ полъоборота, томно опустила глазки; рояль, знаете, эти такъ-называемые англійскіе рояли, совѣтъ покорило; чай подаютъ прескверный; кругомъ какой-то особенный запахъ мускуса. Страшно, вы понимаете, становится человѣку за самого-себя въ такія минуты; но благо тому, господа, кто въ подобныхъ случаяхъ не лишень способности трезво оглянуть сцену, въ которой вы сами актеръ и гдѣ васъ хотятъ заставить играть роль, еще болѣе серьезную... Но я остановился на самомъ-то патетическомъ мѣстѣ, и совѣтъ забыть.

Послѣ, замѣчу въ скобкахъ, я въ этомъ почтенномъ домѣ, понимается, не былъ, но слышалъ стороной, что добрая хозяйка намекала, будто меня посадили куда-то, не то сослали, и чуть ли не за фальшивыя ассигнаціи... Дочка, къ моему сердечному сожалѣнію, и по сіе время дѣвствуешь...

Но это восторону.

— Сижу я въ театрѣ, недѣлю спустя. На сценѣ ужъ не помню, что происходило, чувствительное, или раздирательное — а сзади меня шелъ слѣдующій разговоръ:

— Срокъ-то прошелъ, да я себя обезпечилъ...

— Да вѣдь, вы когда давали, онъ былъ еще несовершеннолѣтній?

— Что-жь, вы думаете, у меня деньги-то въ дровахъ найдены. Я накануне самаго его рожденія, законныхъ-то лѣтъ, понимаете, — къ нему. Такъ и такъ, говорю, Дмитрій Дмитричъ, вы меня извините: я, вѣдь, къ батюшкѣ вашему долженъ обратиться — старикъ-то еще былъ живъ, и обѣщася къ рожденію отдѣлить на него три тысячи душъ, да капиталъ-цу толяку, только это не состоялось, — къ батюшкѣ, говорю, обратиться: я человѣкъ небогатый. — Что хотите, говорить, Александръ Петровичъ, что хотите: только не погубите. — «Вы мнѣ, говорю, завтра перепишите векселекъ-то, такъ ужъ, такъ и быть, молъ для васъ... Ну, и подписалъ. Я ужъ ему тутъ еще пятьдесятъ цѣлковыхъ далъ: клянется, гроша, говорить, нѣтъ. Такъ оно того-съ: приписочка, неустойка, преценты, ну да съ рекамбіями, — я и сплю покойно!

— Спора бы не затѣялъ...

Я оглянулся. Оба эти господина, не нужно и говорить, смотрѣли аферистами, каждый по-своему.

Проходитъ еще нѣсколько дней, является ко мнѣ одинъ мой знакомый, человекъ, имѣя бы вамъ сказать, ни те, ни се. Только есть большая слабость поиграть въ карты; — дойтишь на размыль тебѣ въ карточной игры, в между-прочее, любить при всякомъ случаѣ доказывать, что глубоко постыгъ тайну этой мудреной науки. На дѣл же, пріятель мой больше проигрываетъ, чѣмъ выигрываетъ, — за что трутитъ надъ мнѣ не мало.

— Ну что — говорю — какъ поигрываете?

— Чего! — говоритъ — ограбили на-дѣлтъ, советъ ограбили!

— Что такое?

— Мирбольскій негодяй! Вѣдь, это, послушайте, просто донной разбой. Проигрываетъ — платишь, выигрываетъ — не отдають. Шесть тысячъ серебра — вѣдь это кушъ-сь, какъ хотите. А вышло что-же: мѣлу пошло фунта два, да шампанскаго никакъ съ дюжину.... в все въ пользу тринь-травы... находатея же молодцы стакъ надувать честныхъ людей... Нахальство-то, поймите, вѣдь какое! До завтра, говоритъ — вѣдь, пресерьозно. Ну, думаю, подождать до утра не важность. Завтра проходить, три дня проходить: хоть бы вспомнилъ изъ учтивости. Посылаю человека съ письмомъ. Письмо, говоритъ важъ нечего: ужъ я на эти вещи — собаку съѣлъ; вамъ повѣстно. Говоритъ человеку: «Кланяйся барину: самъ, дескать буду.» Проходитъ еще три дня, яду самъ. Не принялъ; а видѣлъ, вѣдь, въ окно: дома. Да и куда ему дѣваться въ десятомъ часу? Вѣдь и я не дуракъ. На другой день я ему опять брандера, да какого — еслибъ вы знали. «Хорошо, говоритъ, прийму отвѣтъ». Двое сутокъ проходитъ — ни отвѣта, ни пріѣзда. Третьяго-дня встрѣчаю его въ театрѣ: я къ нему, онъ отъ меня. Поймалъ я его, наконецъ, да ужъ такъ отчиталъ, такъ отчиталъ, что я вамъ скажу. Гдѣ намъ съ нимъ равняться, — а я бы отдалъ съ себя послѣдніе сапоги, чтобъ того не слышать. Онъ хоть бы слово: краснѣеть, вертится, кланяется, и все. Самолюбшика-то ни на мѣдную копейку.... Вѣдь оно, какъ хотите, досадно.... Зло возьметъ наконецъ. Ну скажи: вѣтъ, или не отдамъ, не хочу отдавать, и конченъ балъ. А то дурачить тебя хотять: тонкости, пошлости; да подите, теперь, шаръ держу, кричить, я-чай, что его обыграли!

Тирада моего пріятеля, признаюсь, возбудила во мнѣ сожалѣніе къ его несчастной долѣ. Я зналъ, что онъ не солжетъ, что коли говорить, что попался, такъ ужъ точно попался. Но во-вторыхъ, — и это для насъ гораздо важнѣе, — все эти размыль, встрѣчи, слухи, вы соглашаетесь, неподготовленные, а въ-особенности послѣдній чертъ, редкий и

ний жаданіе развѣнать короночку о господнѣ Мирбольскомъ, вѣстннть себя, такъ-сказать, наследованіемъ этой личности, о которой всѣ кричали и распускалось столько страшнаго. Особеннаго стремленія знакомиться съ этимъ господиномъ я не чувствовалъ; но развѣнать про него—сильно мнѣ захотѣлось. Такъ-таки, вынь да положь.

Знакомыхъ у меня, вы всѣ знаете, слава Богу: скоро будетъ больше, чѣмъ волосъ на головѣ. И есть въ нихъ члсѣ два человѣка—потенное золото, которые знаютъ рѣшительно все и всѣхъ, знаютъ въ сто разъ больше, нежели я самъ. Эти два человѣка, изъ которыхъ одинъ страшный домосѣдъ, а другой, напротивъ, бываетъ всадъ—и въ театрѣ, и во всѣхъ ресторанахъ, и на всѣхъ гуляньяхъ, и во всѣхъ обществахъ. Спросите у нихъ, что хотите, объ комъ вамъ угодно: всю подноготную выведутъ. Я, виновать, не разъ дивился, какъ это ни одинъ журналистъ не завербуетъ ихъ въ фельетонисты? Ихъ фельетоны ужъ вѣрно не наполнялись бы ни общими мѣстами, ни философіею болѣе или менѣе картофама и собакъ, и читались бы даже съ гораздо-болѣею жадностію, нежели многотомные и монотомные романы, которые движутся по рецепту французскихъ производителей.... Ну-съ, такъ вотъ видите, обрѣтается и къ этимъ двумъ господамъ, — помочь мнѣ и случай, и узнала и о нашихъ герояхъ, о Мирбольскомъ, многого, очень многого. Описываются вещи, въ-самомъ-дѣлѣ страшныя.

Дмитрій Дмитріичъ служилъ, не припомню ужъ гдѣ. Годъ съ два онъ тамъ служилъ не болѣе. Въ эти два года надѣлалъ онъ доходу что-то много, тысячъ до ста серебромъ, для себя. Узнавъ объ этомъ отецъ, Дмитрій Петровичъ, принялъ въ неописанный умъ и пишетъ: «Видно, говоритъ, въ отставку и прѣѣзжай сюда, а дома я зашучу.» Отставка вышла, и дѣлается сюда Дмитрій Дмитріичъ. Состояніе Дмитрія Петровича Мирбольскаго, дѣйствительно большое, и даже очень большое, — около шести тысячъ дунъ и до нѣмалена серебромъ денегъ, — было дѣлѣ очень хорошо извѣстно. Сама собою объясняются быстрота распространенія слуха о прѣѣздѣ Дмитрія Дмитріича, разныя разности и слухи на него со стороны разныхъ господъ, короче, все, что уже разсказалъ я вамъ. Главная странность моей исторіи не въ томъ. Главная-то странность въ странностяхъ ея героя.

Прѣѣхалъ Дмитрій Дмитріичъ сюда и началъ, что называется шевелиться. Отецъ денегъ не даетъ, сердился еще за прошлое, но что-нибудь? Куда же сунется Дмитрій Дмитріичъ, только насладитъ себя—кредитъ открытъ. И либо молодому-то козду. Онъ сначала и самъ этого не разсчиталъ: робость ли, недогадливость ли, ужъ кто это знаетъ. Зато,

какъ раскусить штуку, — разужьется; и другіе помогли, въ подобныхъ случаяхъ наставники всегда найдутся, — и пошелъ писать. Отецъ до того нелѣпо скупъ, что дома не боится, а сынокъ жилеты если заказываетъ, такъ дюжинами, шампанскаго коли спросить, такъ дюжикъ.

Окружили, обступили, облъпили Дмитрія Дмитрича, какъ саранча, разнаго качества и слоя народы; аферисты en gros подводили мины издали, тонко и хитро; мелочь стрѣляла мелкимъ огнемъ: кто обѣдами, кто займами безъ отдачи, отъ рубля до ста включительно; кто иначе какъ-нибудь бралъ съ него натурой: угощеніями, билетами въ театр, и тому подобнымъ. Дальновидные-то пройдохи давали ему денегъ, на документы съ присоединеніемъ всевозможнаго хлама: лошадей, экипажей, брилліантовъ и такъ дальше; разужьется, за баснословныя выгоды; кто-то, между-прочимъ, далъ какихъ-то гнилыхъ, пролежалыхъ кружевъ на двадцать-пять тысячъ серебромъ. Нѣкоторыя иѣжныя и предусмотрительныя маменьки, своимъ чередомъ, строили самыя немнѣвныя козни, чтобы, посредствомъ дочекъ, опутавъ его сѣтями Амура, возложить на него цѣли Гименея. Онъ себѣ кутить, да кутить. Утромъ дѣломъ занимается: векселя подписываетъ, потомъ жизнью наслаждается: шампанское дуетъ безъ счета, а льетъ на полъ еще больше, всѣмъ дочкамъ дѣлаетъ глазки и отпускаетъ самыя отборныя любезности.

Продѣлывалось все вышесказанное — долги, кутежи, волокитства, — тайкомъ отъ отца. Доходили иные слухи до старика; но сущности, или вѣрнѣе сказать, правды онъ не зналъ. Однажды, дѣйствительно ли разнѣжившись и рѣшившись разстаться съ частію своихъ богатствъ въ пользу сына, или только такъ, безъ всякой цѣли, Дмитрій Петровичъ сказалъ, что въ день его рожденія подарить ему тысячу душъ и сто тысячъ денегъ... подъ условіемъ впрочемъ, чтобы Дмитрій Дмитричъ велъ себя какъ слѣдуетъ и не дѣлалъ долговъ до того дня. Какъ бы то ни было, но отдѣлъ не состоялся, отчасти потому, что старикъ захворалъ въ самый день рожденія сына. Неожиданное разочарованіе, — Дмитрій Дмитричъ крѣпко рассчитывалъ на обѣщанное, то-есть, считалъ обѣщанное престо своимъ, — раздражило молодого человѣка самымъ глупѣйшимъ образомъ. Есть такія несчастныя натуры; при недостаткѣ развитія онъ для самихъ же себя дѣлаются страшны.

Стукнуло нашему герою совершеннолѣтіе. Шрежня продѣлки приняла большій размахъ, и прибавились новыя. Денегъ ли было нужно, онъ обращался къ своимъ же кредиторамъ, и вѣрившіе прежде, теперь недавно не отказывали, лишь бы при новомъ займѣ совершенно-зависимо

оградить и первые. И моталъ же онъ! Нѣтъ той несообразности, нѣтъ той дикости, на которую не потратилъ бы онъ денегъ, нѣтъ тѣхъ условий, на которыя бы не пошелъ, чтобы достать ихъ въ ту же минуту, когда рождалось желаніе, фантазія. Понятно; что люди, падкіе на пріобрѣтеніе и неразборчивые на способы, больше, чѣмъ когда-нибудь, вложались за Мирбольскимъ. Этыхъ мы оставимъ въ сторонѣ хоть куда. Но вотъ что еще происходило между-тѣмъ. Гдѣ бы ни занималъ, напримѣръ, Мирбольскій на слово, не было и помина объ отдачѣ. Играть ли ему случалось, если не въ клубѣ, онъ не платилъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда нигдѣ при себѣ деньги. Исторія съ нимъ пріителемъ оказалась справедливою отъ слова до слова, какъ я, впрочемъ, и предвидѣлъ. И когда къ нему обращались съ требованіемъ денегъ должники выигравшіе, нерѣдко прежде сами ему платившіе, онъ и усомъ не вель. Дѣлали ему и прескверныя сцены,—все ни ночемъ. Умираеть отецъ. Это было всего мѣсяцевъ девять послѣ его пріѣзда, а успѣлъ онъ надѣлать такихъ дивесъ и между-прочимъ, «напечъ столько блиновъ», какъ выражаются иные люди, что иному доброму человѣку и въ цѣлую жизнь не приснится. Едва свезли старика на кладбище, кредиторы ночи разомъ налегли на богатаго наследника: нужно же имъ было отвѣдать его денежекъ, хоть узнать настоящую цѣну его подписи. Слухи объ ожидавшемъ Мирбольскаго послѣ отца наследствѣ всѣ были въ пользу его и кредиторовъ: въ шести тысячахъ душъ отличнаго и чистаго имѣнія не могло быть и сомнѣнія; кромѣ-того, нѣкто, въ разныя времена занимавшійся дѣлами покойнаго, кричалъ во всеуслышаніе, что у Дмитрія Петровича однихъ ломбардныхъ билетовъ болѣе, нежели на миллионъ серебромъ. Все это не одинъ разъ слышали кредиторы и отъ Мирбольскаго, и отъ бывшаго повѣреннаго его отца, но много ужъ черезъ-чуръ ходило толковъ о его мотовствѣ; цифра его долговъ, конечно, не маленькая, всѣми преувеличивалась какъ обыкновенно: не могли, значить, кредиторы и не полюбопытствовать насчетъ участи своихъ капиталовъ. Мирбольскій просилъ только шесть недѣль терпѣнія. Промель этотъ срокъ, распечатали бумаги покойнаго, вещи и прочее — что же оказалось? Денегъ и билетовъ всего на пятнадцать, или на двадцать тысячъ серебромъ, и завѣщаніе, по которому Дмитрій Петровичъ, достигнутый видно въ то время мыслию о близкой смерти, говорилъ, что назначаетъ жену душеприкащицею и опекуней надъ сыномъ, впрочемъ, предоставляя ей и по исполненіи ему совершеннотѣтя, владѣть пожизненно всимъ благопріобрѣтеннымъ, если она найдетъ сына неспособнымъ, или недостойнымъ располагать состояніемъ. А родового-то было у Дмитрія Петровича всего около трехсотъ душъ.

Зная мать и зная, что она далеко недовольна имъ, Мирбольскій обомлѣлъ. Отъ нея не могъ онъ ждать пощады. Просить ее—не повело бы ровно ни къ чему. Кредиторы, провѣдавъ о содержаніи завѣщанія и болѣе или менѣе посвященные въ отношенія ихъ должника къ матери, пришли въ изступленіе. Они начали клеветать на мать, говорили, что тутъ дѣло не можетъ быть чисто: что если и не милліонъ, такъ не пятнадцать же тысячъ осталось послѣ старика, что и самое-то завѣщаніе, полно, не подложное ли! Нашелся и дѣлецъ, адвокатъ чѣ-ли, который взялся завязать и вести процессъ по этому дѣлу. Мирбольскій притихъ и сталъ понемногу бывать въ обществѣ. Попагъ онъ и къ прежнимъ своимъ знакомымъ. Двадцати-семилѣтняя дочка, будь она семи пядей во дбу, имѣй въ свою пользу и красоту, и хорошее приданое, считается иными родителями чрезвычайной заботой: мужа добыть надо. Такая обуза тяготила и даму строгихъ правилъ. Оглянувъ Мирбольскаго провицательнымъ окомъ, припомнивъ, что слыхала о состояніи его отца и о его родствѣ, заботливая мамеышка, въ счастливомъ невѣдѣніи о его настоящихъ семейныхъ дѣлахъ, рѣшила, что очень выгодно свалить на Дмитрія Дмитрича свою заботу о благосостояніи и дальнѣйшемъ счастіи своей дочки. Казалось, и онъ былъ не прочь жениться: по-крайней-мѣрѣ казался исправно, былъ любезенъ и вообще велъ себя, какъ женихъ, хотя и не объяснившійся. Такъ прошло мѣсяца три, если не ошибаюсь. Наконецъ, ему дано было почувствовать, чтобъ онъ дѣлалъ предложеніе, и съ его согласія, назначено для этого нѣчто въ родѣ небольшого семейнаго вечера, передъ чѣмъ онъ обѣщался предупредить о своихъ намѣреніяхъ свою мать.

Между-тѣмъ, адвокатъ кредиторовъ, поднявшій вопросъ о наслѣдствѣ, далъ дѣлу направленіе такого рода, что одна первая просьба его нану-гала мать. Она потребовала свиданія, и послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, — вѣроятно, желая избѣжать неприятной огласки, — предложилъ выдѣлить сыну сей часъ же двѣ тысячи душъ и часть капитала. Адвокатъ, себѣ на умѣ, да и зная съ кѣмъ имѣлъ дѣло, передалъ Мирбольскому изъ переговоровъ только то, что входило въ его личные виды, представилъ ему всю трудность мировой сдѣлки и всю выгоду для него, еслибы она состоялась. Дмитрій Дмитричъ былъ въ восторгѣ. Естественно, явилось шампанское; бутылочка за бутылочкой, — къ вечеру того-же дня было положено слѣдующее: что адвокатъ выдать ему пятьдесятъ тысячъ серебромъ, — вы понимаете: пятьдесятъ тысячъ серебромъ могли и не значить пятьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ! — получить отъ него въ замѣнъ документовъ на сто тысячъ и довѣренность на безотдаточное полученіе этой суммы отъ матери, при окончательномъ

разсчитѣ съ нею, а на покрытіе долговъ, которыхъ скопилось приблизительно триста тысячъ серебромъ, поступать родовымъ триста душъ, да восемьсотъ или тысяча изъ вновь приобретаемыхъ. Когда ударили по рукамъ, адвокатъ, я полагаю, растроганный великодушіемъ своего довѣрителя, прибавилъ, что вѣдь можно, кромѣ того, кредиторовъ-то поводить еще этакъ годикъ-другой, была бы только охота. Впрочемъ, объ этомъ рѣшили поговорить по окончаніи дѣла съ матерью, а покуда ихъ маслить, чтобы не подавали ко взысканію. Дня два послѣ этого распоряженія, именно наканунѣ назначеннаго вечера, въ который имѣло произойти форменное предложеніе руки и сердца, Мирбольскій покончилъ съ своимъ адвокатомъ, положилъ въ карманъ добрую пачку ломбардныхъ билетовъ и ассигнацій,—и пошелъ писать по прежнему.

Явившійся, было, на третій день, съ претензіями, зять его будущей тещи, гдѣ его прождали по пустому и пришли въ самое справедливое негодованіе, узналъ отъ его камердинера одно только, что баринъ воть другія сутки и глазъ домой не показывается.

Мѣсяца съ полтора или съ два продолжалъ онъ свои новые подвиги, надѣлалъ еще долгу — и скрылся, говорятъ, въ свою родовую отчизну, за неимѣніемъ уже ни денегъ, ни кредита.

Самое интересное этой исторіи именно то, чѣмъ поминаютъ его теперь, что оставилъ онъ по себѣ на полѣ своей безумной жизни.

Изъ кредиторовъ половина только-что не плачѣтъ: окончивъ, какъ слѣдовало, раздѣлъ съ матерью, дѣлецъ тотъ, разумѣется, по довѣренности должника, принялся за нихъ, какъ говорятъ свои-то хоть-бы выручить. Другіе потому еще храбрятся, что не знаютъ подробностей сдѣлки адвоката съ матерью, и формальнаго обязательства Мирбольскаго не требовать отъ нея при жизни ни полушки.

Пріятели всѣ его бранять... Кому-бы ни былъ долженъ, съ кѣмъ-бы ни игралъ, никому не отдалъ. Впрочемъ, изъ этой категоріи, гораздо больше достается ему отъ тѣхъ, которые безвозмездно пользовались его обѣдами, экипажемъ, и занимали у него по мелочамъ — безъ отдачи. Эти — такъ, кажется, не найдутъ для него ни приличнаго названія, ни достойнаго наказанія.

Засимъ, не угодно ли изъ любопытства произнести его фамилію въ магазинахъ, въ извѣстнѣйшихъ ресторанахъ? Наглядитесь на такіа фізіономіи, наслышитесь, подчасъ, такихъ комплиментовъ, что совѣстно стаетъ и вчужѣ.

Il dolce lamento e il amaro risentimento прекраснаго пола, разумеется, въ-особенности занимательны. Изъ одного этого можно бы со-

ставить прешарядную книжку, — нѣсколько удивительныхъ либреттъ, — нѣсколько патетическихъ картинъ — ad libitum. Мое дѣло образчики.

Заботливая дама приняла дѣло стончески. Праведнаго гнѣва своего она не обнаруживаетъ при неравныхъ себѣ и не короткииъ, да и вообще говорить о немъ избѣгаетъ. Но громы, готовимые ею, по всѣмъ вѣроятіямъ, обѣщаютъ быть ужасными. На утро же известнаго вечера она велѣла настлать по улицѣ вдоль всего дома соломы и положила дочку въ постель, гдѣ продержала ее два мѣсяца сряду, говоря, что Мирбольскій своимъ сватовствомъ вскружилъ голову бѣдной дѣвухѣ, и теперь своимъ недостойнымъ отказомъ свергъ въ чашотку.

Объ окончательномъ впечатлѣніи, произведенномъ Мирбольскимъ на хозяйку «презентабельнаго» дома, вы уже знаете.

Мать нашего героя, очень естественно и по праву, относилась о немъ въ чрезвычайно горькихъ терминахъ.

Остался, впрочемъ, въ чистыхъ барышахъ тотъ господинъ, какъ бишь его, преферансистъ и лихачъ, ну что.... Андрей Семенычъ. Но этому вѣдь и потерять-то, говорить, ничего не возможно. Я встретился съ нимъ опять у моего доктора, нѣсколько дней послѣ того, какъ Мирбольскій исчезъ со здѣшней сцены. Онъ, не дожидаясь нашихъ вопросовъ, самъ объявилъ, что отжилилъ у Мирбольскаго палку съ золотымъ набалдашикомъ, изрядную палку, которую тутъ-же и показалъ намъ, — да сверхъ-того, взявъ у него на поддержаніе пальто, заложилъ его и не намѣренъ выкупать. Затѣмъ онъ принялся произносить панегирикъ Мирбольскому, и потомъ вдругъ перешелъ къ своему благородству, къ своимъ убѣжденіямъ, тутъ-же впустилъ, ни къ селу, ни къ городу, имена: Франклина, Малерба, Шиллера, Овена.... тогда я, понимаю, убожалъ.

...Чтобы и вы, мои слушатели, не разбѣжались однакомъ, я здѣсь кончу.

Не мое дѣло, вы понимаете, разбирать все слышанное мною о господинѣ Мирбольскомъ, его дѣяніяхъ и послѣдовавшемъ: я не беру на себя роли ни критика, ни обвинителя.

Мнѣ только хотѣлось рассказать вамъ известное мнѣ, такъ или иначе, изъ исторійки этого маленькаго Монте-Кристо и его похождения.

Такъ вотъ-съ какія подчасъ дѣются дѣла въ нашемъ прекрасномъ мѣрѣ, вотъ какъ миражи возникаютъ и опять исчезаютъ, обнаруживая, однакомъ, за собою картины, которыя могутъ пояснять многія характерныя черты....

Едва успѣлъ господиць З*** договорить послѣднюю фразу.

— Великашбо! — сказалъ одинъ изъ слушателей.

— Bravo! — подтвердилъ другой.

Двое захлопали. Двое встали съ своихъ мѣсть, и бросились обнимать господина З***

Еще одинъ изъ присутствовавшихъ, остроумный художникъ, въ совершенномъ восторгѣ отъ разказа, предложилъ даже увѣковѣчить и день этотъ, и героя, о которомъ шла рѣчь, и его пѣвца, изображеніемъ ихъ въ приличной аллегоріи на картинѣ.

Господиць З*** былъ глубоко тронутъ вызваннымъ имъ сочувствіемъ. Онъ даже снялъ опять очки, и опять протеръ ихъ.

Только двое изъ присутствовавшихъ, менѣе всѣхъ прочихъ имѣвшіе право на короткое обращеніе съ господиномъ З***, до-сихъ-поръ еще не сказали ни слова. Эти двое были: я и одинъ мой собратъ по ремеслу, un confrère en griffonage.

Но тутъ мы оба встали, и низко поклонившись разказчику, подошли къ нему оба, какъ-будто сговорившись, съ однимъ и тѣмъ-же намереніемъ. Покуда я соображалъ мою фразу, мой собратъ сказалъ:

— А я, было, хотѣлъ просить у васъ позволенія разказать вашу исторійку печатно....

— У меня была рѣшительно та-же мысль, — перебилъ я — и признаюсь, я только-что отворилъ ротъ....

— Вы оба очень любезны, господа, — отвѣчалъ господиць З***. Но если-бы я и былъ не прочь согласиться, кому-же я теперь дамъ согласіе?

— Кинемъ жребій, — нашелся мой великодушный собратъ.

Жребій выпалъ въ мою пользу.

— Итакъ, вы позволяете? — спросилъ я еще разъ господина З***.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ господиць З***, — только ужъ я самъ напишу заглавіе.

И онъ написалъ все то, что выставлено въ заглавіи предлагаемой статейки, кромѣ пяти послѣднихъ словъ.

— Второе условіе, — продолжалъ онъ послѣ того, — вы постараетесь округлить мой разказъ, какъ ужъ тамъ себѣ знаете, по-литературному.

Я общалъ и это. Но, признаюсь вамъ, мой читателъ, не сдержалъ втораго условія, въ-слѣдствіе чего и прибавилъ пять послѣднихъ словъ въ заглавіи. Мнѣ именно хотѣлось передать вамъ разказъ господина З***

во всей его неприкосновенности. Еслибъ мнѣ это удалось исполнѣть, еслибъ я былъ стенографъ и могъ, кромѣ-того, изобразить здѣсь всю мимику рассказчика, и былъ-бы совершенно обезпеченъ насчетъ участи прочитанной вами исторійки. Но теперь.... но при моей несовсѣмъ исправной памяти, не знаю, еще понравится-ли она вамъ въ той мѣрѣ, въ какой понравился, слышавшимъ, ея изустный рассказъ.

С. Калошинъ.

III.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

А Д В О Р А Т С Т В О Ж Е Н Ш И Ц И И, ЕВГЕНИИ САРАФАНОВОЙ.

I.

Я человекъ, и потому
Дѣла людскія мнѣ не чужды!
Безцѣнны сердцу моему
Всѣ наши радости и нужды.
Отвергнувъ вѣка своего
Себялюбивыя искусства,
Елеемъ слова моего
Хотѣла-бъ я въ дѣла и чувства
Людей, родныхъ и близкихъ намъ,
Пролить цѣлительный бальзамъ!
Мнѣ не страшна борьба со свѣтомъ,
Я жажду на нее вступить,
Я жажду истинѣ служить —
Слезой, печалью и шрифтотомъ...
Наука русская свѣжа,
Ростетъ она средь изысканій,
Какъ древлѣ, въ горѣ мшаланій,
Росла славянская душа!
Зачѣмъ же намъ, намъ лживымъ слугамъ,
Таланты въ землю зарывать —
И дѣлъ и словъ могучишъ плутомъ
Роскошникъ нивъ не освѣжать?
Иль Ольга зыволаея менаъ нами,
Иль Коростень забыли мы,
Иль старины святой дѣлами
Въ насъ не воскоржлены умы?
Не мы-ль кавалеристъ-дѣвицѣ
Вручили славныхъ дѣдовъ штыкъ,
Когда къ Москвѣ, Руси столицѣ,
Пришло дванадесять языкъ?

Mesdames, mesdames! возможно-ль это!
Какая вѣтренная блажь!
Покинуть шумъ большого свѣта,
Покинуть милый ералашъ!..
Покинуть мѣръ, въ которой столько
Имѣетъ связи и бобѣръ,
И протанцованная поляна,

И изъ избы носимый соръ!
 Покинуть Марию счастливица,
 Неправимаго гнѣнница,
 Врага фюритуръ и гаммъ
 И жертву модныхъ эниграммъ?
 Покинуть все, перчатки скинуть,
 Взять мечъ, сандалии обуть,
 Забрало на чело надвинуть,
 И грудь кольчугою стянуть!
 Нѣтъ, нѣтъ, вы морщитесь, бѣжите,
 Меня вы слушать не хотите;
 Вамъ страшень женщина-грубачъ,
 Какъ надъ оврагомъ бородачъ!
 Не бойтесь, слушайте спокойно,
 Я поведу слова пристойно
 И расскажу вамъ обо всемъ,
 Да и о многомъ о другомъ. —

Въ чужомъ глазу мы видимъ спицы,
 Въ своемъ не видимъ и бревна.
 Мы модныхъ пошлостей страницы
 Читаемъ жадно издавна.
 Рассказовъ сердца сокровенныхъ,
 Исторій душъ обыкновенныхъ,
 Когда-бъ не мода, господа,
 Мы не бросали-бъ никогда!
 «Записки Пиквикскаго Клуба»
 И «Торгъ житейской суеты» —
 Для насъ безжизненны и грубы,
 Не любопытны и просты.
 Французскихъ сказокъ и куплетовъ
 Мы день и ночь тревожно ждемъ
 И старыхъ англійскихъ поговъ
 За «Мускетеровъ» отдаемъ!.

Станицинъ, Юрѣва, Крестовскій,
 Т. Ч., и, съ Сафою московской,
 Сатирикъ-Лейла, всѣхъ я васъ
 Прошу послушать мой рассказъ.
 Грѣшва я, милья кузины,
 Во время оно безъ ума
 И я ходила отъ «Полины»
 И отъ волшебнаго Дюма!
 И я любила погремушки
 И фельетонныя игрушки,
 И я поэта «Двухъ-судебъ»
 Не поняла, прости мнѣ Фебъ!...
 «Post-Scriptum» этого признанья

Въ томъ состоятъ, что вы должны
 Мнѣ извинить мои мечтанья,
 Кокетство доброй старины,
 И не всегда прямую совѣсть,
 И злость, подъ мирной простотой, —
 Все, чѣмъ богата эта повѣсть
 И этой повѣсти герой!

II.

Романъ Романычъ самъ не знаетъ,
 Чего ему недостаетъ.
 Романъ Романычъ процвѣтаетъ
 И припѣваючи живетъ.
 Романъ Романычъ старый хрѣвъ,
 Какъ говорить у насъ, бывалый;
 А впрочемъ статный джентльменъ,
 И въ полномъ смыслѣ добрый малый.
 Конечно, еслибъ въ мирѣ мнѣ
 Быть «добрымъ малымъ» приходилось,
 Я бъ безъ оглядки утопилась,
 Какъ Кларенсъ, въ дѣдовскомъ винѣ.
 Но мой герой смиреннѣе любитъ
 И жизни по пусту не губить!
 Въ немъ все здорово, все живетъ,
 Все вѣетъ чуткимъ, бойкимъ духомъ:
 Такой характеръ нашъ народъ,
 Какъ Гоголь свѣту выдаетъ,
 Зоветь «удачкою» и «ухомъ»!...
 Блеснуть онъ въ обществѣ не могъ,
 Какъ дива намъ родной эпохи,
 Импровизаторъ, вантрилогъ
 Или танцующія блохи.
 Но, чѣмъ пышнѣй цвѣтетъ цвѣтокъ,
 Тѣмъ онъ скорѣй и отцвѣтаетъ:
 Живетъ донынѣ Поль-де-Кокъ,
 А кто «***» — а читаетъ?...

Романъ Романычъ человекъ,
 Которымъ начать новый вѣкъ!
 Въ сочельникъ, въ восемсотомъ годѣ,
 Родился онъ, какъ всѣ мы, жилъ
 Безъ церемоніи, по модѣ,
 Слегка шалилъ, слегка хандрилъ
 И паразитомъ всюду былъ.
 Носилъ онъ цѣпи байрониама,
 Балладъ Жуковского шипакъ,
 Очки и кудри гегелизма,

Браду и шармеровскій «франгъ!
 И вотъ онъ жарь свой остудилъ,
 Сталъ очень тихъ и очень милъ,
 Сталъ заниматься откупамъ,
 Степнымъ хозяйствомъ, векселями,
 Какъ новый Крезъ, разбогатѣлъ,
 И предпочтенно растолстѣлъ.
 Торгуя хлѣбомъ и дровами
 И занимаясь откупамъ,
 Онъ никогда при томъ не прочь
 И ближнимъ братіямъ помочь.
 Онъ на балахъ творца Ночей
 Индѣйскихъ, римскихъ и японскихъ
 Внимаетъ Гунглю, межъ огней
 И межъ деревь и скалъ чухонскихъ!
 Онъ пляшетъ вольку за хромыхъ
 Онъ за голодныхъ ѣсть котлеты,
 И созерцаетъ, за слѣпыхъ,
 Великолѣпныя ракеты! —
 Прапращуръ нашего героя,
 Когда преданія не лгутъ,
 Былъ изъ воинственнаго строя
 Опричниковъ, прозваньемъ Пудъ.
 Онъ гнулъ рубли, ломалъ подковы,
 Пилъ медь двуштофною стопой,
 И, засуча рукавъ бобровый,
 Крутилъ слѣсиво усь шелковый,
 Гарцуя въ станъ подъ Москвой.
 Его потомокъ отдаленный
 Женился на княжвѣ Древскій,
 И, такъ какъ съ нею родъ княжѣмъ
 Кончался, титулъ сей почтенный
 Ему досталось носить,
 Чтобъ имя рода сохранить...
 И такъ Пудавовъ князь явился
 И въ этомъ мірѣ поселился!
 Сказавъя древности гласять,
 Что князь сей Савломъ прозывался,
 Былъ простоватъ, вельми богатъ
 И жизнью въ городѣ смущался...
 Три внука Савла: внукъ Лукьянъ,
 Внукъ Фараклей и внукъ Демьянъ,
 Служили въ войскѣ. Всѣхъ скромнѣе
 Былъ говорить о Фараклеѣ:
 «Князь Фараклей любилъ покой,
 Любилъ покушать въ день скромный,
 И умеръ тихо, подъ Коломной,

Въ своей деревнѣ родовой!
 Лукьянъ, съ женой его Федорой,
 Семей и честию былъ богатъ.
 За Минодорой, Митродорой,
 И за дородной Нимфолорой,
 Ему былъ посланъ сынъ Панирать.
 Но ни Панирать, ни князь дочки
 Вкусить, какъ должно, не могли
 Благоутробія земли ...
 Ихъ жизнь была на волосочкѣ!
 Панирать былъ оспой измождёнъ
 И жизнь окончилъ отъ порухи,
 А бичъ повальной золотухи
 Убилъ до времени княженъ.
 Печально князь Лукьянъ простился
 Съ золотоголовою Москвой
 И надъ рѣкою, надъ Окой,
 Въ селѣ Мездрянкѣ водворился...
 Но не таковъ былъ князь Демьянъ!
 Молодшій братъ въ семействѣ княземъ,
 Онъ былъ стрѣльцомъ лихимъ и ражникъ,
 Дороденъ, честенъ и руманъ.
 Царь Петръ женилъ его на нѣмкѣ,
 На русокудрой иноземкѣ,
 Супруговъ милостью сыскалъ,
 И къ нимъ въ деревню заѣзжалъ.
 Въ ихъ родѣ, въ восьмисотомъ годѣ,
 Романъ Романычъ былъ рожденъ,
 Воспитанъ по тогдашней модѣ,
 И въ свѣтъ блистательно введенъ.
 Замѣтимъ, всѣ его родные —
 Мы для примѣра, хоть тайкомъ,
 Ихъ имена здѣсь приведемъ —
 Все наши славы молодья!
 Кувенъ Овѣгину, землякъ
 И свать Адуеву, Большову
 Онъ кумъ, Печорину своякъ
 И братъ троюродный Ноздрѣву...
 Ужъ не сродни ли съ нимъ и вы,
 Орфей юные Невы,
 Пѣвцы, поэты и артисты,
 И всѣхъ газетъ фельетонисты?..
 Горю онъ за васъ стоитъ,
 Про ваши онъ кричитъ побѣды,
 И, задавая вамъ обѣды,
 Васъ и понтъ и веселитъ....
 (Мои собратія писани -

Узнали, гдѣ зимуютъ раны,
И люблю имъ: мои друзья,
Не басней кормить соловья!). —

И такъ, пожмемъ другъ другу руки,
О мой читатель дорогой!
Романъ въ стихахъ, какіе звуки
Какъ это вѣсть старинной!
Твоя плѣнительная младость
Опять живетъ, опять цвѣтетъ,
И къ ней былая рифма *радость*
Опять играючи идетъ!
Опять веселыхъ оступленій,
Мечтаній, доброй простоты,
И романтическихъ стремленій,
И рѣчи сердца ищешь ты...
Среди словесныхъ урагановъ,
Психологическихъ романовъ,
И прозаическихъ поэмъ,
Тебя измучили совѣмъ!
Не обманижъ своихъ стремленій,
Не обмани жъ моихъ надеждъ,
Да не падетъ поэтовъ геній
Средь апатій и невѣждъ!
И броситъ мелочь аналитикъ,
И броситъ бредъ славянофилъ,
И разольетъ голодный критикъ
Ядъ полемическихъ чернилъ!
Романъ Романычъ... Что за диво,
Что за милѣйшій человекъ!
Съ какой прилѣжностью ревнивой
Его взлелѣвалъ шумный вѣкъ!
Какъ я отрадно разбираю
Его любовь ко сну и чаю,
Его плѣнительную лѣнь,
Въ тѣни наслѣдныхъ деревьевъ,
И жирныхъ, какъ смоквы, губы,
И перламутровые зубы,
И безпримѣрный аппетитъ,
И круглый станъ, и здравый видъ!
Какъ милы мнѣ его стиблеты,
Его сапожекъ наблуды,
И шелкомъ шитые жилеты,
И на тесемочкахъ лорнеты,
И раздушенные платки!
Его кошачья походка,
Брюшко и кроткій, нѣжный взоръ,

И два умильных подбородка,
 И оживленный разговор!
 И наконец, его проворство,
 Его открытость, непритворство,
 И вкуса тонкаго прищъръ—
 На среднемъ пальцѣ солитеръ!
 Я съдовласому герою,
 Винокъ, читатель, куры строю:
 Чтò у кого изъ насъ болитъ,
 Объ этомъ тотъ и говоритъ!
 Герой мой старъ, герой мой блѣденъ,
 Герой мой драматизмомъ бѣденъ:
 Но страсть, какъ говорится, зла,
 Придетъ, полюбишь и козла!

Романъ Романычъ вдовъ! Дворцомъ
 Гладить его роскошный домъ!
 Московскимъ трипомъ, зеркалами,
 Сибирскимъ золотомъ, парчей,
 Британской жизни простотой,
 Кавказско-крымскими цвѣтами
 И вкусомъ петербургскимъ овъ
 Обогащенъ и наряженъ!
 Медали строгія Толстаго,
 Картины Бруни и другихъ,
 Отъ Айвазовскаго, Брюлова,
 До Майкова и Соколова,
 Сверкаютъ въ рамкахъ золотыхъ
 Въ его покояхъ росписныхъ...
 Ковры, отласныя гардины,
 Отъ Тура мебель, на дверяхъ
 Портьеры въ плющѣ и цвѣтахъ,
 И въ каждой комнатѣ каминны...
 Бильярдъ, съ гимнастикой кругомъ,
 Фонтанъ, столовая безъ оконъ,
 Какъ шелковичный, теплый коконъ,
 Съ львинымъ, пахучимъ потолкомъ
 И съ полисандровымъ столомъ...
 Ни шума цѣлый день, ни крика
 Во всѣхъ этажахъ; въ пять часовъ
 Обѣдъ со свѣчами, таковъ
 Плодъ ксѳортебельнаго шика,
 Быть современныхъ мудрецовъ!

Люблю портреты я Зарянки,
 Высокихъ комватъ теплоту,
 И пухъ ковровъ, и отоманки,

И камелечекъ у локани,
 И блескъ и всюду чистоту!
 Люблю я кресла кабинета,
 Рабочій столъ, роля въ углу,
 И нѣжный трепеть полусвѣта,
 И мѣхъ медвѣжий на полу...
 Люблю я милую небрежность
 Домашнихъ платій и рѣчей,
 Работъ обдуманныхъ прилѣжность
 И грезы пылкія ночей...
 Мой идеалъ мотивъ Шювена,
 Семейный міръ мой идеалъ,
 Въ часы волшебной грезы вѣчна
 Съ друзьями вышитый бокалъ—
 Библиотека, статуэтки
 Львовъ журналистики родной,
 И лавра славы модной вѣтки
 Надъ вдохновенной головой!

Романъ Романычъ ему любить
 Въ столичномъ шумѣ проводить;
 Романъ Романычъ деньги губить,
 Какъ всѣ мы грѣшныя! Поцѣпъ
 Въ кружкѣ отборной молодежи
 Онъ не откажется во вѣкъ;
 Какъ современный человѣкъ,
 Абонированныя ложи
 Во всѣхъ театрахъ каждый день,
 Имѣеть онъ! Какъ духъ, какъ тѣнь,
 На рысакѣ перелетаетъ
 Отъ одного къ другому онъ,
 Огнемъ искусства распаленъ.
 Съ Вольнисъ рыдаетъ, вызывая
 Milá, (которая мила,
 Остра, жива и весела);
 Віола съ хохотомъ встрѣчаетъ.
 А черезъ мигъ букетъ бросаетъ
 То Прихуновой, то Перро...
 Хоть слушать Гамлета старѣ
 У насъ инымъ отважнымъ франтамъ,
 Романъ Романычъ вѣренъ былъ
 Театра нашего талантамъ...
 Онъ отъ души превозносилъ
 Игру Мартынова, глубоко
 Цѣнилъ Тальма родной Русь—
 И нашей будущей Плесси
 Предсказывалъ удѣлъ высокой...

Дождется-ль, отъ своихъ людей,
 Дождется-ль русскаго Шекспира?
 Намъ тяжелъ сатира дѣловъ.
 Ихъ ворчливъ взглядъ насъ тяготитъ,
 И вдохновенный Грибоедовъ
 Покинуть нами и забыть!
 Пустьъ есть Шаховскаго сцена,
 Молчать филиппики его;
 И сходитъ съ трона своего
 Родная наша Мельпомена!
 А между-тѣмъ, что годъ, растетъ
 Водевильстовъ новыхъ счетъ
 И раскупаются куплеты,
 И раскупаются билеты,
 И авторъ вызванъ каждый разъ
 Друзьями—свѣту на показъ!
 Оно, конечно, наслажденье
 Въ театрѣ забратъся въ воскресенье
 И хлопать, хлопать отъ души
 На наши кровные гроши!
 Но согласитесь сами, право,
 Водевильстовъ нашихъ слава,
 Урокъ печальный для дѣтей
 Живыхъ и трезвыхъ нашихъ дней!
 Въ чемъ ихъ успѣхъ? Не въ словѣ арлеомъ
 Суда житейскаго суетъ,
 А въ каламбурѣ устарѣломъ,
 Иль въ переводной остроумъ...
 Есть три четыре дарованья,
 Ихъ цѣнить критика и свѣтъ,
 А остальное подражанье,
 Или печальный пустоцвѣтъ!
 Порой невинная бездѣлка
 Получить и нвой успѣхъ..
 И что же? Авторъ скороспѣлка
 Ужъ свысока глядитъ на всѣхъ!
 Ужъ умъ его депо сокровищъ,
 Онъ смѣло судитъ и радитъ,
 И намъ торжественно даритъ
 Фалангу маленькихъ чудовищъ...
 Романъ Романычъ хоронилъ
 Съ другими вмѣстѣ этихъ франтовъ,
 И дѣльныхъ омидалъ талантовъ,
 И русскаго сцены не бранилъ!
 И былъ изъ ея онъ пляскамъ падежъ,
 Зломъ цвѣтобѣсія тешиль,
 И дорогъ былъ ему и сладокъ

Ея косынки сѣрый дымъ!
 Романъ Романычъ даже тѣмъ
 Не признавалъ постыдливой глѣни...
 Онъ каждый день пѣшкомъ гулялъ
 По Невскому, Франтигу, Лукаво
 Въ кругу красавицъ выступалъ,
 Глядѣлъ наливо и направо,
 И шляпу по сту разъ снималъ
 Отъ Миллионной до Садовой,
 И «шуттинготъ» его бобровый,
 И съ головой кабаньей трость —
 Все возбуждало толки, злость,
 И зависть въ нашихъ дебри! Грѣшныя
 Былъ старый левъ: носилъ усы
 Неподражаемой красы!
 Онъ, какъ ребенокъ, былъ утѣшенъ,
 Какъ въ-слухъ ронталъ безусый еженъ!
 Любилъ въ бильярдъ онъ поиграть,
 Полюбоваться на мостъ новый,
 И въ часъ, по мостовой торцовой,
 Въ коляскѣ вѣснкой проскочить...
 «Листокъ художественный» Тинна
 Онъ не выписывалъ, за тѣмъ,
 Что всякій разъ, гуляя мимо
 Тѣхъ оконъ, гдѣ на диво всѣмъ
 Открыты русскія гравюры
 И русскія каррикатуры,
 Онъ могъ, копѣйки не платя,
 Налюбоваться всѣмъ, шута!
 Болонокъ крохотныхъ, на лентахъ
 Красавицъ, въ острой болтовнѣ,
 По «просвѣщенной» сторонѣ
 Проспекта, въ тонкихъ комплиментахъ
 Онъ, жмура глазки, восхвалялъ
 И очень ловко ихъ ласкалъ.
 Онъ бенефисы, въ пользу Лизы,
 Въ цыганскихъ операхъ слѣдилъ!
 Зато онъ гналъ, зато громилъ
 Лева, оверы и ремизы...
 И пестрый карточный мѣлокъ
 (Съ лихою козы хоть шерсти клокъ)
 Употреблялъ лишь въ мирныхъ счетахъ,
 Въ своихъ коммерческихъ работахъ.
 Романъ Романычъ забѣгалъ
 Въ Пассаждъ, къ Пазетти, къ тартинки,
 И макароны, и сардинки,
 Газеты новыя читалъ,

Курилъ душную сигару,
 И полный споровъ, полный жару,
 Онъ отъ Debâts спѣшилъ домой,
 И утѣшалъ себя Пчелой...
 Въ журналахъ толстыхъ онъ охотно
 Отдѣлы смѣси пробѣгалъ,
 Романы скромно опускалъ,
 Спалъ надъ стихами беззаботно,
 Спалъ надъ науками порой,
 И только съ критикой иной,
 Въ журналѣ палевого цвѣта,
 Онъ фантазировать любилъ,
 Да въ «Современникѣ» слѣдилъ
 Творенья Новаго Поэта...

У насъ семь пятницъ на недѣлѣ!
 Давно ль хвалили романтизмъ?
 И что-жь? Къ нему мы охладѣли,
 И романтизмъ—анахронизмъ!
 Давно-ль у насъ въ великой модѣ
 Былъ эстетическій туманъ,
 Географическій романъ
 И подражанія природѣ?
 И вотъ уже не вдалекѣ
 Филологическая школа:
 Спасаютъ насъ отъ произвола
 Въ литературномъ языкѣ!
 И содротнутся наши дѣды,
 И внуки насъ благословятъ,
 Когда въ Россіи буквоѣды
 Идеалистовъ побѣдятъ! —

V

Все зналъ Романъ Романычъ. Пашин
 Литературы для него
 Не укрывали ничего!
 Онъ не пахалъ родимой пашни —
 Въ печальной правдоности старѣлъ
 И сочинять самъ не хотѣлъ!
 А въ годы юные стремился
 Вослѣдъ за временемъ своимъ,
 Въ наставныхъ Дельвига трудился,
 И былъ цѣнимъ, и былъ любимъ!
 Не вѣрить онъ теперь надеждѣ,
 Зажечь огнемъ искусства грудь,
 Мечтать, страдать, любить, какъ прежде,
 И славнымъ быть когда-нибудь!

Делания словесности.

И въ золотомъ своемъ приютѣ
 Онъ, улыбаясь, говоритъ:
 Минута намъ принадлежитъ,
 Какъ мы принадлежимъ минутѣ!..
 Онъ замахъ мерклою водою
 Свою придирачевую софисту,
 Онъ окропилъ водою жидкой
 Обычныхъ наслаждений похоть;
 И самолетъ коверъ сложилъ,
 И отвернулся отъ искусства,
 И невидимкой-щадкой чуства
 На вѣкъ для творчества открылъ!
 Наука строгая когда-то,
 Свою областью богатой,
 Его на время увлекла:
 Онъ бросилъ свѣтскія дѣла,
 Засѣлъ за Нестора, трудился,
 Въ дѣлахъ, давно минувавшихъ, рылся...
 Но скоро онъ осозналъ отсталость
 Неспециальности своей,
 И безнадежная усталость
 Яггла на миръ его идей.
 Онъ съ горькимъ влекомиъ убѣдился,
 Что ни Гизо, ни Робертъ-Шиль
 Съ его денданзмомъ не ширился;
 Что нашихъ дѣтописей пылъ
 И жизнь халатная въ отставѣ,
 Шекспиръ и Сю, Ньютонъ и Гринъ—
 Мѣшались грустно передъ нимъ!
 Что онъ еще на школьной лавкѣ
 Энциклопедией идей
 Подрѣзалъ жизнь души своей!
 Ума и мысли безграничность
 Его наполнила тоской,
 И погрузилася въ покой
 Его порывистая личность....

Бываютъ дни, когда безъ цѣли
 Мы уносились-бы, какъ тѣнь;
 Когда, какъ раненный олень,
 Бѣжать-бы вѣчно мы хотѣли!
 Надежды свѣтлыя губя,
 Мы ищемъ боли и страданья:
 рещецетъ въ насъ одно желанье,
 Вырваться отъ самихъ себя!
 И махъ-ръ миръ, могучи крылья...
 Гаветы душа дрожить, какъ тать;

Наврасны жаргін усилья,
 Намъ отъ себя не убѣжать!
 Не убѣжать суда преступной
 И уличенной суетѣ;
 Не спитъ карателя неподвижный,
 Въ своей бестрашной правотѣ!
 Онъ, совѣсть грозная, жестоко
 Бичуетъ насъ, и насъ идемъ
 Не безъ друзей, не одиноко,
 Своимъ объединеннымъ путемъ!
 И нашъ герой, и онъ терзался
 Своей недремлющей судьбой,
 И онъ съ убитою душою
 По міру шумному считался,—
 И онъ страдалъ, и онъ бѣжалъ
 Бѣжалъ изъ пышныхъ свѣтскихъ залъ ...
 Бѣжалъ въ края родимой степи,
 На океанъ зеленыхъ волнъ,
 Гдѣ острова—кургановъ швыи,
 Гдѣ утлый возъ казачій — чолнъ;
 Туда, туда, къ пустынной сѣни,
 Въ пріютъ молитвъ и вдонновскій,
 Въ забытый, тихій уголокъ —
 Въ мелкопомѣстный хуторекъ!

VI.

Въ глуши степей лежитъ Ольшанка,
 Подъ косогоромъ, надъ Днѣпромъ,
 Въ селѣ военная стоянка,
 Въ садахъ черемухъ старый домъ.
 Ольшанка темное мѣстечко —
 Для лицъ, ушедшихъ на покой!
 Межъ камышей зеленыхъ рѣчка
 Струится лентой голубой.
 Подъ облаками вьется кречеть,
 И рѣютъ ласточки кругомъ,
 И тополь, какъ фонтанъ лепечетъ
 Зелено-лиственнымъ столбомъ.
 Прекрасенъ, чуденъ край пустыни,
 Огни и пѣсни косарей,
 И горизонта воздухъ синий,
 И въ небѣ крики журавлей!
 Сладка роскошная душистость
 И нѣга лѣтнихъ вечеровъ,
 Темнозеленая нѣвѣстность
 Въ туманѣ тонущихъ холмовъ!
 Прекрасенъ бѣдный видъ деревни,

Кругомъ бурьянъ, да осокорь,
 Безъ темныхъ дебрей, башни древней
 И голубыхъ наметовъ горь...
 Не поразить въ степи туриста
 Блестящій раутъ на водахъ,
 Съ игрой плавнительнаго Листа
 И съ фейерверкомъ на скалахъ —
 Руины мрачнаго аббатства,
 Съ мостомъ, повисшимъ надъ рѣкой,
 Съ фронтономъ рыцарскаго братства
 И съ кастеляншей молодой...
 Молчить забытая дорога,
 И не летать изъ камышей
 Ни звукъ серебрянаго рога,
 Ни крики пестрыхъ егерей!
 Зато въ селѣ уединенномъ,
 Отъ бурь и свѣта заслоненномъ
 Стѣной черешень и ракичь,
 Живѣ сердце говоритъ.
 Зато подъ крышею убогой
 Свѣжей и пламенище трудъ
 И надъ пустынною дорогой
 Цвѣты несмятые растутъ...
 Зато роскошной жатвы нива
 Мила, какъ вѣрная жена,
 И разстилается красиво
 Холмовъ и пашень перепектива
 У раствореннаго окна...
 Сады, усыпанные макомъ,
 Поля зеленого овса,
 Надъ обнаженнымъ буеракомъ
 Грѣчки бѣлой полоса...
 Рѣка, синѣющая сталью,
 Скирды пшеницы золотой,
 И дождь надъ розовою далью,
 И храмъ подъ бѣлою горой, —
 И крикъ тоскующей овсянки
 И ржанье конскихъ табуновъ,
 Подъ тѣнью дремлющихъ дубовъ
 Живая пѣсня поселянки...
 О, вы, которымъ суждено
 Въ «Пальмирѣ сѣверной» судьбою
 Имѣть единое окно
 Передъ фабричною стѣною!
 Которымъ Невскій—степь и Крымъ,
 А Институтъ Лѣсной—Алупка,
 И за стаканомъ чаю трубка —

Благоуханій южныхъ дымъ!
 Которымъ милъ языкъ чухонца,
 Пловучій мостъ черезъ Неву,
 И на Крестовскомъ-острову
 Въ июлѣ захожденье солнца!..
 Скорѣй бросайте презерансъ,
 Въ вагонъ, а послѣ въ анлижансъ,
 Садитесь, мчитесь пышнымъ садомъ,
 Степами, вольнымъ вихремъ съ градомъ,
 И приѣжайте, сбросивъ гнѣвъ,
 На хуторъ маленькій, подъ сѣнь
 Широколиственного клѣна,
 На берегъ рѣчки голубой,
 У воскрешающаго лона,
 Природы чистой и живой!
 Я вамъ отдамъ монхъ знакомыхъ,
 Отдамъ на дремящихъ трудахъ
 Свирѣль овсяни въ камышахъ
 И тучи пестрыхъ насѣкомыхъ
 Въ дрожащихъ воздуха струяхъ!
 Я научу васъ наслаждаться,
 Я научу васъ удаляться
 Туда, въ безмолвный, тѣмный садъ,
 Въ ряды древесныхъ колоннадъ,
 Туда, гдѣ хмѣль оплелъ шиповникъ,
 По вѣтвямъ липъ перебѣжалъ,
 Сѣдыми блондами заткалъ
 Сухой, игольчатый терновникъ.
 На пень сосны перескочилъ
 И пень гирляндами увилъ;
 Туда, гдѣ ясней плакучихъ
 Развѣсласъ живая прядь;
 Гдѣ между липъ и розъ пахучихъ,
 Дитя, любила я гулять...
 Тамъ, по запутаннымъ дорожкамъ
 Такъ любо мчаться легкимъ ножкамъ,
 Срывать листочки на лету,
 Глотать прохладный воздухъ жадно,
 И, утомившись, отрадно
 Склониться къ темному кусту...
 А эхо, звукъ поймавъ, несется
 Съ холма на холмъ, лепечеть, вѣтса,
 И каждый надо мною листъ
 И свѣжъ, и зеленъ, и душистъ!
 Вездѣ весельемъ, вѣгой вѣтеть,
 Звонятъ малиновки въ кустахъ,
 И на землѣ, и въ небесахъ,

Душа привольной птицей рветъ!
 И вижу я родникъ въ травѣ,
 Къ нему протоптана дорожка,
 Какъ шелкомъ вышитая стежка,
 На пышномъ, цестромъ рукавѣ!
 Я упадаю на колѣни,
 Я пью кристальную струю,
 И перемаркиваютъ тѣни
 Въ ней черезъ голову мою!
 Но больше всѣхъ красотъ люблю я
 Тотъ часъ въ селѣ, когда молчатъ
 И степь, и даль, и домъ, и садъ,
 И на крыльцѣ одна сижу я!
 На пламя свѣчки, мимо глазъ
 Въ окно влетаютъ непрестанно
 То алый яхонтъ, то алмазъ,
 То пѣсня мушки златотканной....
 Пустыня, глупь и сонъ кругомъ,
 Сова колышетъ вѣтъ сирени;
 Рѣшеткой листовенныя тѣни,
 Качаясь, устилаютъ домъ...
 И дремлетъ черный стволъ каштана,
 И тема дальняго кургана,
 Какъ—будто бѣлой простыней,
 Покрыто лунной полосой...
 И тихо, тихо сердце бьется,
 И свѣтлы помыслы души...
 Читатель мой! въ стеной глуши
 Легко и сладостно живется! —

VII.

Романъ Романычъ хладнокровно
 Поквиуль свой столичный домъ;
 Размежевался полюбовно
 Съ сосѣдомъ, скучнымъ старикомъ.
 Сперва онъ свелъ и свѣрилъ книги,
 Обѣздилъ пашни и лѣса
 И, отпустивши волоса, —
 Сложилъ тяжелыя вериги
 Заботъ, ольшанскій домъ убралъ,
 Завелъ коней, собачьи своры,
 Театръ домашній, пѣвчихъ хоры,
 И сталъ давать за баломъ балъ...
 Въ азартъ онъ съ большой дороги
 Набѣгомъ бралъ степныя дроги,
 Проѣзжихъ въ домъ свой залучалъ
 И ихъ на славу угощалъ...
 Тогда гремѣли музыканты,

Стрѣляли пушки, аксельбанты
 Кружились, дождь какъ жаръ горѣлъ
 И пѣвчихъ хоръ въ саду гремѣлъ!
 И онъ трубилъ, что въ мирѣ нуженъ
 Для счастья: маленькій умокъ,
 Свободный грошикъ, вкусный ужинъ
 И придвѣпровскій хуторокъ...
 Но ранъ душевныхъ не укроешь,
 Упрековъ сердца не зароешь
 Въ наружномъ счастьи, и близка
 Неукротимая тоска!
 И, опустивъ въ безсильи руки,
 Не разъ бродилъ онъ межъ полей,
 Глухой и острой полонъ муки,
 Съ печалью тяжкою своей....

Любилъ онъ степи вольной бури!
 Бывало, выйдетъ на балконъ,
 А тучи мчатся по лазури
 И меркнетъ день со всѣхъ сторонъ...
 Холодный вѣтеръ злобно рвется,
 Дверьми и ставнями стучить,
 И вотъ гроза шумить и вѣется,
 И вихорь по двору летитъ...
 Солома, пыль, трава сухая,
 Бумажки, перья, все столбомъ
 Кружится, въ небо улета
 И вотъ ударилъ первый громъ!
 Сквозь тучи молнія беснула,
 И какъ пунцовая змѣя,
 На темномъ небѣ промелькнула
 И въ дальней рождѣ утонула
 Ея звѣздистая струя...
 По сизымъ, облачнымъ волокнамъ
 Ползетъ сѣдая полоса;
 Забарабанилъ градъ по окнамъ,
 Одѣлся дымною гѣса...
 Хвосты пылятъ, какъ вѣтеръ бальный,
 Раскрылъ звѣздой вихрь нахальный,
 Мужикъ выходитъ на крыльцо,
 И ливень бьетъ ему въ лицо;
 Дѣвчонка, съ глиняною крившею,
 Бѣжитъ, а вѣтеръ вслѣдъ за ней
 Оплеетъ ей голову косынкой,
 И не даетъ проходу ей!
 А тамъ вдали, табуны несется,
 Погонщикъ машетъ и кричитъ.

И гуль отъ топота копытъ
 У дальнихъ мельницъ отдастся...
 И снова дождь, и снова градъ,
 И снова бури шумный адъ!
 Гроза прошла! Природа блещетъ
 Невыразимою красой,
 На каждомъ листикѣ трепещетъ
 Алмазъ росинки золотой!
 Шалфей, піоны, макъ, крапива,
 Рѣва, село, подъ лѣсомъ живна,
 Колодезь, сѣренькій плетень,
 И каждый кустикъ и камень,
 И каждый гвоздикъ, банка, пряжка,
 Полуистлѣвшая бумажка,
 Шѣтухъ, разбитое стекло—
 Все смотреть бойко и свѣтло!
 Паукъ вчера оплелъ двѣ розы,
 И ожерельемъ золотымъ
 По паутинкамъ голубымъ
 Нависли дождевыя слезы...
 Душистъ и мягокъ черноземъ,
 Звенить и рѣветъ все кругомъ...
 Съ небесъ, сивозъ узкое оконце,
 Глядитъ заплаканное солнце
 И паръ дымится надъ землей
 И мчатся гуси за рѣкой!
 Романъ Романычъ, возрождаясь,
 И новой жизнью наполняясь,
 Глядѣлъ на будущность сивозъ слезъ
 У гроба падшихъ сновъ и грезъ...
 Но вспоминая скромныхъ дѣдовъ,
 Дѣла ихъ мирныхъ, тихихъ дней,
 Оригинальность ихъ затѣй
 И коссальность ихъ обѣдовъ,
 Гостеприимство ихъ домовъ,
 Домовъ, въ тѣни живыхъ садовъ,
 И одѣвивъ свою ничтожность,
 Ничтожность, при избыткѣ силъ,
 Себѣ помочь онъ находилъ
 Еще отрадную возможность...
 Романъ Романычъ былъ отецъ —
 Я вамъ открою наконецъ.

Село Рубиновья гроздья.

15-го февраля 1853 года.

(Продолженіе обещано).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ.

Libre à chacun, sans doute, d'imaginer un Don-Juan à sa fantaisie; mais alors on ne doit pas le donner pour le Don-Juan de Mozart.

Oulibicheff. Biographie de Mozart, vol. 3, page 92.

I.

Есть очень вѣрная пословица: «нѣтъ худа безъ добра». И въ обращенномъ видѣ эта мысль не потеряетъ своей истины: «нѣтъ добра безъ худа». Восторгаться чудесными произведеніями искусствъ — дѣло хорошее; — выразить этотъ восторгъ другимъ людямъ, высказывать во всеуслышаніе изустно и печатно — еще лучше, но.... по свойственной человѣчеству слабости, восторгъ уноситъ воображеніе очень часто — въ сторону отъ самаго предмета восторга. Въ пылу своего увлеченія «хвалитель» часто переходитъ за черту правды, начинаетъ видѣть въ предметѣ то, чего совсѣмъ нѣтъ въ немъ, и развивая дилемму «собственнымъ лиризмомъ», болѣе или менѣе поэтическими мыслями «собственного» изобрѣтенія — думаетъ дать другимъ вѣрное понятіе о всѣхъ красотахъ произведенія художника; — но вмѣсто того только отводитъ глаза публики отъ настоящаго дѣла, затуманиваетъ, затемняетъ чистый взглядъ на это произведеніе, каково оно въ дѣйствительности....

«Ужъ эти нѣтъ друзья, друзья» говаривалъ Пушкинъ; — тоже самое сказалъ бы каждый гениальный художникъ о всемъ полчищѣ своихъ

«цѣнителей и судей», которые сочли себя призванными «истолковывать» публикѣ будто-бы скрытый, «тайственный» смыслъ такого, или другаго чуда искусства.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ (за 1852 годъ), кто-то, говоря о новомъ роскошномъ изданіи гравюръ съ извѣстѣйшихъ картинъ Рафаэля (*les vierges de Raphael*), очень дѣльно замѣтилъ о «чрезмѣрномъ предубѣжденіи» въ пользу художниковъ съ всемірною, хотя, конечно, вполне заслуженною славою.

Такое «чрезмѣрное» предубѣжденіе играетъ въ-самомъ-дѣлѣ не послѣднюю роль во всемъ, что обыкновенно говорится и пишется по случаю знаменитыхъ художественныхъ произведеній, которымъ давно уже данъ дипломъ совершенства недосягаемаго. Какъ всякое предубѣжденіе, и это — вредитъ здравому взгляду на предметъ, потому-что не позволяетъ смотрѣть на него иначе, какъ сквозь *призму* разъ навсегда принятаго мнѣнія, утвержденаго вѣками (или десятками лѣтъ) и приговоромъ цѣлаго легіона знатоковъ и критиковъ *ex professio*. — Иному любителю искусствъ—быть-можетъ, и не вовсе лишенному врожденнаго здраваго смысла въ дѣлѣ изящнаго — какое-нибудь твореніе изъ числа пресловутыхъ вѣнцовъ искусства не нравится нисколько, не говоритъ ровно ничего ни его душѣ, ни его внѣшнимъ чувствамъ, нисколько не увлекаетъ, не уноситъ его, — но онъ, бѣдный, не только что другимъ, себѣ самому *не смѣетъ* въ этомъ признаться, боясь, что его заключатъ знатоки, разомъ запишутъ въ категорію вавдаловъ, профановъ, рѣшительныхъ невѣждъ въ дѣлѣ искусства, — въ категорію людей безъ вкуса, безъ душевной теплоты, и такъ дагѣе. И вотъ — бѣдный любитель искусства по неволѣ, à contre-sens, примыкаетъ къ толпѣ, бессознательно повторяющей за знатоками, что такое-то произведеніе — «чудо искусства», что въ немъ художникъ исполнилъ невозможное, и такъ дагѣе, — и только про-себя, втихомолку, бѣдный любитель приходить къ грустному убѣжденію, что видно такое-то произведеніе «до того высоко въ области искусства», что «простымъ» смертнымъ, непосвященнымъ во всѣ тайны поэзіи и техники, надо отступиться отъ пониманья этого произведенія, отъ горячаго сочувствованія его красота́мъ!...

Какъ будто искусство, поэзія—не общее достояніе, а существуютъ для однихъ знатоковъ! Но съ другою стороны, нельзя не сознаться, что *пониманье* красотъ художественныхъ въ прямомъ отношеніи къ образованности вкуса, къ «спеціальной» такъ-сказать «воспитанности» художественнаго смысла и самыхъ органовъ, принимающихъ впечатлѣніе искусства (зрѣніа, слуха). Кажется, нѣ для чего повторять давно всѣмъ

законома истины, что, напримеръ, крестьянинъ, взятый отъ сохи, никогда въ жизни невидавшій картинъ, ровно ничего не пойметъ въ пейзажъ Рюнедала или Калама, хотя въ натурѣ очень часто могъ видѣть и болото, покрытое широкими листьями водяныхъ лилій, и закатъ соляна, сверкающій сивозъ чащу деревьевъ. Для совершенно-невоспитаннаго глаза уже будетъ нѣкоторая степень понимавья, если такой глазъ въ картинѣ «Послѣдній день Помпей» разберетъ, что тутъ люди бѣгутъ, спасаются отъ какого-то пезара; — а сколько ступеней интеллектуальной воспитанности отъ такого уразумѣнья сюжета картины до уразумѣнья ея «красоты» — ! Кажется нечего распространяться обо всемъ этомъ, — также и о томъ, что тутъ законы *общіе* для всехъ искусствъ: для живописи какъ для музыки, для скульптуры какъ для драмы — между-тѣмъ иногда вотъ что случается слышать: «Кажется, я очень люблю музыку (говорить какая-нибудь поклонница мазурокъ и галоповъ Шульгофа)» отчего же мнѣ ваши баховскіе фуги такъ нестерпимо-скучны», или «Нѣтъ, — воля ваша, — мы не понимаемъ симфоній Бетховена, — быть-можетъ это и очень ученая музыка, — но мы въ учености отношеніи судить не можемъ, — а этотъ дремучій лѣсъ разныхъ «диссенавсовъ», — эта музыкальная дребедень не доставляетъ намъ ровно никакого наслажденія. Толи дѣло хорошая русская пѣсня, пропѣтая «добрыми хоромъ Жюковскихъ пѣсенниковъ, или «Соловей» Алябьева «исполненный незабвенною г-жею Виардо-Гарциею!» * или еще: «Скажите, отчего я просто таю отъ удовольствія въ «Ломбардахъ» или въ «Эрнани» — а въ нашемъ Довг-Жуанѣ или Nozze di Figaro и радъ бы что-нибудь послушать — да нечего: все это такъ скользаетъ мимо ушей, все такъ вяло и безцвѣтно». ** Читатели, конечно, соглашаются, что миллионъ разъ слышали такого рода «изумительныя» сужденія. Говорю изумительныя, потому-что почти невѣроятно, какъ могутъ люди забывать, что между мазуркой Шульгофа и фугой Баха, между хоромъ цыганъ, или пѣсенниковъ и симфоніей Бетховена, между оперой Верди и оперой Модарта — общаго только то, что все это дѣйствуетъ на насъ чрезъ органъ слуха? Какъ могутъ люди забывать, что эти крайности далеки другъ отъ друга, какъ полюсы, и симпатія къ одному предполагаетъ непрѣмѣнную ненависть къ другому. Какъ могутъ люди забывать, что прежде чѣмъ пускаться въ какое-нибудь сужденіе о музыкѣ, надо выучиться искусству *ее слушать*?

Непосредственно, бессознательно любить музыкальные звуки (въ родѣ того, какъ ихъ любятъ, напримеръ, пауки и нѣкоторыя породы

* Historique.

** Historique.

рыбъ) есть, конечно, уже *первая ступень ореккיאтизма* («огесшіе» — упи) — но между этою «первою» ступеню и просвѣщенной любовью къ твореніямъ Моцарта и Бетховена длинная лѣстница — само искусство и его разумѣніе.

Масса публики состоитъ изъ людей, болѣе или менѣе неприготовленныхъ къ настоящему пониманью искусства: вотъ почему масса эта всегда руководится сужденіемъ знатоковъ; а знатоки, съ ихъ педантическими предубѣжденіями, очень часто сбиваютъ съ толку незнатоковъ, хотябы и людей съ здравымъ вкусомъ; знатоки очень часто не избѣгаютъ односторонности взгляда. Все дѣло въ томъ, что при эстетической оцѣнкѣ всякаго художественнаго произведенія, непремѣнно надѣлать въ виду двѣ стороны: первую, — достоинство произведенія *самого по себѣ* (*valeur intrinsèque*), то-есть достоинство произведенія какъ отдѣльно-существующаго для своей собственной, поэтической цѣли, — и вторую, — значеніе этого же самаго произведенія — *историческое*, то-есть въ связи съ другими подобными и «современными», или близко предшествовавшими ему произведеніями. Обѣ эти стороны критической оцѣнки могутъ и должны быть обсужены *вполнѣ* въ серьезной философской критикѣ искусства, которая только въ наше время начинаетъ дѣятельно разрабатываться въ цѣлой Европѣ, особенно въ Германіи. — Но и въ каждомъ отдѣльномъ, *частномъ* мнѣніи, безъ малѣйшей претензіи на теорію, или педантизмъ, *непремѣнно* должно смотрѣть на художественное произведеніе съ этихъ двухъ, совершенно разныхъ точекъ; иначе взглядъ будетъ рѣшительно ошибоченъ, дастъ ложное понятіе о предметѣ, собьетъ публику съ толку, и приведетъ къ полужалкимъ, полу-забавнымъ разнорѣчіямъ между историческою славой, «именемъ» произведенія и его дѣйствіемъ на массу намъ современныхъ людей, жадно отыскивающихъ наслажденіе даже тамъ, — гдѣ оно для нихъ недоступно.

Большая или меньшая *знаменитость* поэтическаго творенія не всегда въ прямомъ отношеніи къ его достоинству. Очень нерѣдки приѣмры, что изъ числа многихъ первостепенно-прекрасныхъ художественныхъ произведеній, мода, или духъ времени, по какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, отличаетъ *не* самое высшее; — но подъ этимъ влияніемъ особеннаго, — *моднаго* въ извѣстную эпоху, — предпочтенія настоящая, сираведливая оцѣнка произведенія становится меньше и меньше возможною. На каждое въ самомъ-дѣлѣ превосходное, да притомъ еще и *модное* произведеніе (модное, въ смыслѣ особенной, исключительной славы) является столько комментаторовъ, толкующихъ вкось и вкривь, что трудно хотя слегка не подчиниться которому-ли-

будь въ тысячу взглядовъ (больше или меньше ложныхъ), — трудно смотреть на предметъ простыми глазами, а не сквозь навязанную вамъ призму.

Въ фельетонной статейкѣ, о которой я упомянулъ, сказано между прочимъ: «Люди съ поэтическимъ направлеи́емъ обыкновенно приходятъ въ состоянiе творчества предъ знаменитыми картинами Рафаэля. Легкая производительность ихъ воображенiя, получивъ толчокъ, начинаетъ дѣйствовать, заставляетъ ихъ видѣть на картинѣ невидимое»...

Это очень вѣрно въ отношенiи не однихъ рафаэлевыхъ картинъ и не одной живописи, а въ отношенiи всѣхъ особенно-знаменитыхъ изящныхъ произведенiй. Чтò съ картинами Рафаэля, — точно тоже и съ операми Моцарта, съ симфонiями Бетховена, и т. д. И чѣмъ большею знаменитостью пользуется образцовое произведенiе, тѣмъ больше найдется «людей съ поэтическимъ направлеи́емъ», которые по случаю этого чуда искусства приходятъ въ состоянiе творчества, и свои восторженные впечатлѣнiя, свой собственный лиризмъ выражаютъ печатно, выдавая эти диэбранмы за критическiе комментарiи, за истолкованiе «смысла» художественнаго произведенiя.

Чего только не было писано о Рафаэлѣ по случаю его Сикстинской Мадонны, его картоновъ, или «Преображенiя»! — о Шекспирѣ, по случаю Гамлета, Лира, или Ромео и Юли! — о Моцартѣ, по случаю Донъ-Жуана, или Реквiема? Чего только и Рафаэлю, и Моцарту, и Шекспиру не навязали комментаторы, придя въ «состоянiе творчества»! — Сами художники — еслибъ, въ наказанiе за какую-нибудь вину противъ искусства, Аполлонъ присудилъ ихъ прочесть все, чтò о нихъ было писано, — сами художники принуждены были бы сознаться, что комментаторы несравненно умнее и поэтичнѣе ихъ самихъ, — потому-что имъ, художникамъ, въ простотѣ души, и въ голову не приходили такiя тонкости, замысловатости, такiе, — какъ выразился Гоголь, — «эквиоки», которыми наградили ихъ толкователи. Моцарта давно называютъ «Рафаэлемъ» въ искусствѣ звуковъ. Сближенiе этихъ двухъ генiевъ такъ часто повторялось, что успѣло даже нѣсколько опомлѣться. Несмотря на то, оно вѣрно очень во многомъ. Вѣрно и въ томъ отношенiи, что чрезмѣрные «хвалители» этихъ художниковъ въ одинаковой степени затемнили настоящiй взглядъ на ихъ произведенiя. Особенно къ тѣмъ изъ этихъ произведенiй, которыя пользуются славою «первѣйшихъ» (у Рафаэля: Преображенiе, Сикстинская Мадонна, — у Моцарта: Донъ Жуанъ, Реквiемъ) рѣшительно доступа нѣтъ сквозь густую толпу призванныхъ и непризванныхъ критиковъ и панегиристовъ. Критики разобрали тутъ каждую черточку, каждую нотку, и

снабдили каждую черточку и каждую нотку нескончаемыми комментаріями, отъ которыхъ пользы не очень много (особенно для тѣхъ, кто состоитъ безъ чужой помощи знакомиться прямо съ картиною, или съ партитурою) — а вреда немало, потому что всѣ эти комментаріи и составляютъ ту радужную призму, сквозь которую предметъ видѣтъ не въ настоящемъ свѣтѣ.

Вѣдь стараются же объ уничтоженіи призматической радужности въ оптическихъ приборахъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы получить самое чистое, вѣрное впечатлѣніе; — почему же не позаботиться о такомъ же *ахроматизмѣ* и въ критикѣ, которая, по самому основному свойству своему, должна стремиться къ вѣрности и чистотѣ взгляда? — Заглавіе этой статьи показываетъ, что я веду рѣчь о Моцартовѣиъ Донъ-Жуанѣ.

Можетъ-быть именно потому, что эта превосходная партитура давно уже сдѣлалась неразлучнымъ спутникомъ моихъ занятій по искусству, моимъ *va de passem*, — можетъ-быть именно потому, что я «довольно твердо» знаю эту оперу и люблю эту музыку, какъ ее слѣдуетъ любить всякому, въ комъ есть влеченіе къ правдѣ и къ красотѣ, — я желалъ бы какъ можно скорѣе, хоть для самаго небольшого кружка публики (много ли статей мои находятъ терпѣливыхъ читателей?!) показать эту оперу, во возможности, въ настоящемъ свѣтѣ, мимо рѣшительно всѣхъ сколько-нибудь производныхъ толкованій; показать чего должно искать въ этой оперѣ и чего искать невозможно, что въ ней есть и чего рѣшительно-нѣтъ, потому что и не могло быть (соображая самую задачу этой оперы, и время, въ которое она писана), Жестоко ошибутся тѣ изъ читателей моихъ, которые захотятъ видѣть въ этой статьѣ долемиическую выволчку противъ «панегристовъ» Донъ-Жуана, — выволчку, внутреннюю какими-нибудь личными причинами. Столько же ошибутся и тѣ, которымъ покажется, что я желаю — изъ оригинальничанья — *вооружаться* противъ перваго въ свѣтѣ опернаго генія и противъ оперы, почти всѣмъ свѣтомъ признанной за *первую*, по достоинству, изъ всѣхъ существующихъ оперъ. Такого рода оригинальничанье было бы забавнымъ подражаніемъ знаменитому въ исторіи поступку нѣкоего Герострата, съ тою разницею, что Геростратъ, по-крайней-мѣрѣ, *исстребилъ* одно изъ чудесъ древняго искусства, а единичный голосъ *противъ* Моцарта и его Донъ-Жуана, съ намѣреніемъ унижить Моцартову славу, наперекоръ всесвѣтному приговору, былъ бы довольно жалкимъ покушеніемъ, напоминающимъ какъ нельзя ближе одну крыловскую басню.

Повторяю, что моя единственная цѣль: *оцистить взглядъ на Моцарта и его Донъ-Жуана отъ призматической радужности*.

однѣ произвольныя толкованія основы, характеровъ и подробностей этого безсмертнаго произведенія, толкованій, на которыя были такъ щедры всѣ писавшіе о Донъ-Жуанѣ. А писали объ немъ довольно. Не упоминая о «легіонѣ» нѣмецкихъ критикъ, разборовъ, комментаріевъ, панегириковъ и повѣстей à propos, — помѣщенныхъ по случаю Донъ-Жуана въ несчетныхъ музыкальныхъ и литературныхъ журналахъ книгообильной Германіи, за все полу столѣтіе отъ смерти Моцарта, извѣстно только: знаменитую фантастическую повѣсть и «фантастическую» же критику Гофмана «Mozart's Don-Juan» (Ergählung des reisenden Enthusiasten), очень извѣстное и дѣйствительно очень замѣчательное трехъ-томное сочиненіе нашего соотечественника, А. Д. Улыбышева, «Nouvelle Biographie de Mozart, гдѣ Донъ-Жуану отведено самое почетное мѣсто, и разбору этой оперы посвящена самая значительная часть третьяго тома; напомнимъ еще большую статью г. Скудо «Mozart et son Don-Juan (въ отдѣльной книгѣ Critique musicale), статью, переведенную въ «Библіотекѣ для Чтенія, кажется, въ 1849 году; — наконецъ одинъ изъ позднѣйшихъ романовъ Ж. Санда «Le château des désertes» гдѣ, по-крайней-мѣрѣ, столько же рѣчи о Донъ-Жуанѣ, сколько у Гёте въ его Вильгельмѣ Мейстерѣ — о Гамлетѣ.

Начтавшись всего этого, и не бывши знакомы съ самою оперою Моцарта, ни на сценѣ, ни дома у фортепьяно (по партитурѣ, а не по жалкимъ искаженіямъ такъ называемыхъ Clavier-Auszüge), вы составите себѣ какую-то «смутную» идею «объ оперѣ изъ оперъ», о какомъ-то неслыханномъ, невѣроятномъ, сверхъ-естественномъ совершенствѣ цѣлаго и *всѣхъ* подробностей, идеи и выполнения, о какомъ-то чудѣ драматической музыки, — мало того, чудѣ *всей* музыки вообще, — еще и того мало, — чудѣ изъ *всѣхъ* искусствъ и на *всѣ* грядущіе вѣка!! (la plus haute merveille poétique de tous les siècles, — la plus haute création poétique de l'esprit humain. Oulibischeff. Vol. 3 pag. 87. Nota pag. 203 — et «passim»). («Оно конечно, Александръ Македонскій герой, — но зачѣмъ же стулья ломать?!»...)

Такъ ли все это въ-самомъ-дѣлѣ? Дѣйствительно ли Донъ-Жуанъ Моцартовъ, и какъ пѣса и какъ музыка, на сценѣ и въ партитурѣ — полное осуществленіе идеала оперы, такое совершенство, которое однажды только могло встрѣтиться въ искусствѣ, и оттого ни съ чѣмъ не должно и въ сравненіе входить? Такъ ли все это? — Эта повѣрка составляетъ мою нынѣшнюю задачу, помимо всякихъ прочихъ уваженій и отношеній. Amicus Plato, sed magis amica — veritas. Очень понятно, что поставивъ себя такимъ-образомъ въ оппозицію чрезмѣрнымъ хвалителямъ Донъ-Жуана, для доказательства своихъ убѣжденій я долженъ буду на

этотъ разъ говорить, быть-можетъ, больше объ недостаткахъ, о сѣбѣ сторонахъ этой оперы, чѣмъ объ ея безсмертныхъ красотахъ; — я долженъ буду указывать пятна въ солнцѣ, — обязанность несовѣтъ пріятная для того, который всѣми силами души желаетъ, чтобы какъ можно больше людей любовались на ослѣпительное сіяніе этого солнца.

Прежде всего, чтобы читателямъ было ясно, *противъ чего* именно я считаю нужнымъ вооружиться критическими доказательствами, — надобно какъ можно точнѣе собрать и выразить всѣ убѣжденія панегиристовъ Моцартова Донъ-Жуана, *изъ* взглядъ на эту оперу.

Публика, сколько-нибудь серьезно любящая музыку и ея литературу, давно ознакомилась съ прекраснымъ сочиненіемъ г. Улыбышева «Nouvelle Biographie de Mozart. (3 vol. 1843). Книга эта весьма важна — какъ въ первый еще разъ сдѣланная полная, подробная оцѣнка почти всей дѣятельности Моцарта, оцѣнка значенія этого всеобъемлющаго генія музыкальнаго искусства въ полномъ его объемѣ. Съ этой стороны нельзя довольно налюбоваться на превосходный трудъ г. Улыбышева, оцѣненный уже по достоинству во Франціи и въ строго-критической Германіи. (Нѣмецкій переводъ напечатанъ въ Штутгартѣ, 1847.) Нельзя не пожалѣть, что это сочиненіе нашего соотечественника написанное по-французски, какъ на *обще-европейскомъ* языкѣ, до-сихъ-поръ не переведено на русскій вполнѣ, — или иначе: зачѣмъ авторъ *не удостоилъ* русской литературы своимъ произведеніемъ, къ русскому тексту котораго онъ могъ бы приложить французскій переводъ «en regard»? Въ 1852 году появилось въ Германіи одно сочиненіе, которое должно сдѣлаться любимую книгою всѣхъ истинныхъ друзей музыки и ея философіи: — *Исторія музыки въ Италіи, Германіи и Франціи — отъ первыхъ временъ христіанства до нашего времени. 22 публичныя лекція, читанныя въ 1850 г., въ Лейпцигѣ, Францомъ Бренделемъ* *. Очень понятно, что въ философски-критической исторіи музыки вплоть до нашихъ дней — объ Моцартѣ должно быть довольно сказано, — и вездѣ, говоря объ этомъ феноменальномъ геніи — какъ о самой воплощенной музыкѣ (der Fleisch gewordene musikalische genius), — говоря объ этомъ художникѣ, какъ *точкѣ перестѣпенія* всѣхъ лучей искусства, — до Моцарта разрозненныхъ, въ немъ слившихся, а потомъ опять разъединенныхъ, — Брендель безпрестанно приводитъ цѣлыя страницы изъ книги г. Улыбышева, которую признаетъ мастерскимъ сочиненіемъ (ein Meisterwerk). Но еще въ са-

* Geschichte der Musik in Italien, Deutschland und Frankreich von den ersten christlichen Zeiten bis auf die Gegenwart. 22 Vorlesungen gehalten zu Leipzig im J. 1850 von Franz Brendel. — Leipzig 1852. 1 Band. in 8°.

можъ введеніи къ своей исторіи музыки, отдавая всю справедливость очерку исторіи музыки, сдѣланному г. Улыбышевымъ во 2-мъ томѣ его сочиненія, отдавая справедливость этому очерку, какъ первому опыту философски-критическаго изложенія судьбы музыки отъ самаго ея зарожденія до Моцарта, Брендель не могъ не прибавить и о существенномъ недостаткѣ книги г. Улыбышева, именно что въ ней—*позднѣйшее время послѣ Моцарта*, т. е. эпоха бетховенская, представлена *не въ настоящемъ видѣ*, потому что вовсе *не понята* (*gänzlich verkannt*. Brendel.—р. 5). Это же самое, еще вовсе не зная о существованіи книги Бренделя, и я старался разъяснить въ своихъ письмахъ къ самому А. Д. Улыбышеву (въ Пантеонѣ, за 1852). Мнѣ скажутъ, конечно, что замѣченная Бренделемъ погрѣшность г. Улыбышева не относится къ предмету моей статьи; если г. Улыбышевъ, положимъ, и несправедливъ къ Бетховену, положимъ — вовсе не понимаетъ великаго его значенія, — все же *Моцартову* дѣятельность онъ понялъ и оцѣнилъ какъ нельзя лучше, что находить и Брендель, — значить и энтузіастическій разборъ Донъ-Жуана въ книгѣ г. Улыбышева долженъ быть и вѣренъ, и отлично-хорошъ.» Но не забудьте (я адресуюсь къ тѣмъ, кто имѣлъ терпѣніе прочитать мои письма по случаю толковъ о Моцартѣ и Бетховенѣ), не забудьте, что всѣ погрѣшности доводовъ г. Улыбышева (какъ я старался доказать, говоря о Бетховенѣ), происходятъ отъ одного капитальнаго недостатка въ критическомъ трудѣ—отъ излишней, упрямой приверженности къ *заранѣе принятымъ* убѣжденіямъ. Хорошо, когда эти убѣжденія совершенно совпадаютъ съ истиной;—тогда настойчивость, послѣдовательность г. Улыбышева больше и больше уясняютъ дѣло, и критическій взглядъ его выходитъ безукоризненъ со всѣхъ сторонъ,— какъ напримѣръ въ отношеніи высшаго призванія Моцарта («*sa mission providentielle dans l'art*»), которое прекрасно доказано. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе принятыя г. Улыбышевымъ убѣжденія — сами по себѣ (напримѣръ понятія его объ идеалѣ симфоніи и т. д.) а правда—тоже сама по себѣ (девять симфоній *Бетховена*, въ наше время признанныя за чудеса искусства, *затмившія* совершенно симфоніи Моцартовы)—что тогда выходитъ? Только то, что, несмотря на всѣ усилія свои доказать справедливость этихъ убѣжденій или *предубѣждений*, г. Улыбышевъ *не можетъ* этого доказать, потому—что логически доказать можно только *правду*; — между тѣмъ нѣкоторою неискренностию взгляда и парадоксами, совершенно лишними, часто искажаетъ свою книгу, во многихъ отношеніяхъ превосходную. Еще когда рѣчь идетъ о *Бетховенѣ* и о значеніи его дѣятельности, — можно допустить сильное *вмѣшаніе* въ пользу г. Улыбышева: *его* музыкальная образованность

относится въ той мѣхѣ, когда Бетховена еще не начали почитать въ Европѣ, и Моцартъ сѣлъ въ апогей всѣхъ степеней искусства безъ соперника; но этого извѣщенія *нѣтъ* для г. Улыбышева, когда дѣло идетъ о подвигахъ его же собственного героя—Моцарта. А и въ Моцартовой дѣятельности далеко *не все* поставлено г. Улыбышевымъ на настоящую точку. Мы сейчасъ это увидимъ ближе, разбирая оцѣнку Донъ-Жуана въ книгѣ г. Улыбышева.

Мнѣ могутъ сказать: зачѣмъ я съ такимъ ожесточеніемъ чуть не цѣлый годъ преслѣдую малѣйшія погрѣшности этого музыкальнаго критика, котораго трудъ пользуется уже вполне заслуженнымъ европейскимъ авторитетомъ? — Я отвѣчу: здѣсь нѣтъ никакого другаго «преслѣдованія», кромѣ преслѣдованія *правды*. О дѣли моей нынѣшней статьи я уже сказалъ, — а на мнѣніяхъ и погрѣшностяхъ г. Улыбышева считаю долгомъ остановиться *именно потому, что книга его во многихъ отношеніяхъ отлично-хороша и заключаетъ въ себѣ разборъ Донъ-Жуана, болѣе обстоятельный и полный, чѣмъ другія сочиненія о томъ же предметѣ*. Энтузіазмъ, которымъ проникнуть г. Улыбышевъ къ своему идолу—Моцарту, отражается въ каждой строчкѣ книги; но именно этотъ энтузіазмъ (въ соединеніи съ пристрастіемъ къ заранѣ принятымъ убѣжденіямъ и къ нѣкоторой излишней виртуозности слога) часто портитъ все дѣло.

Г. Улыбышевъ можетъ служить *типомъ* всѣхъ панегиристовъ, которые, въ пылу своихъ днѣирамбовъ, уносятся за тридевять земель отъ *вѣрнаго* взгляда на предметъ.—Остановимся же на этомъ типѣ.

Вскользь я уже привелъ образчики непостоянныхъ панегириковъ г. Улыбышева Донъ-Жуану, въ его книгѣ. Панегириками этой оперы наполнена вся книга, потому-что вотъ основная мысль автора: — *между музыкантами не было и не будетъ никого выше Моцарта, а высшая точка развитія Моцарта, лучшее его произведеніе — Донъ-Жуанъ*,— ergo: *Донъ-Жуанъ вѣнецъ всей музыки — nunc et in aeternum*. Все сочиненіе г. Улыбышева тяготеетъ къ этому средоточію; но мысль эта ни въ первой, ни во второй своей половинѣ, вовсе не можетъ быть принята за *доказанную* теорему, тѣмъ менѣе за основную аксіому. О томъ, какъ должно понимать *первенство* Моцарта на музыкальномъ горизонтѣ, какія *ограниченія* должны быть непременно поставлены въ отпоръ мнѣнію, что Моцартъ безусловно выше и первѣе (?) и Бетховена, и Глюка, и Генделя съ Бахенъ, и Палестрины—обо всемъ этомъ я уже довольно распространялся въ своей *книжкѣ*. Теперь рѣчь идетъ только о второй половинѣ *аксіомы* г. Улыбышева.

Вотъ онъ какъ самъ ее вылагаетъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги *:

«Можно сказать, что всѣ труды Моцарта, главные обстоятельства его жизни, развитіе его генія до 1787 года—были лѣстницей, на вершинѣ которой—Донъ-Жуанъ, *совершенство изъ совершенствъ* (le chef-d'oeuvre des chefs-d'oeuvre)» (Т. III, стр. 206). «Самыя необыкновенныя случайности покровительствовали Моцарту, чтобъ онъ могъ создать—оперу изъ оперъ—(104)—недосягаемое превосходство Донъ-Жуана *передъ всеми* существующими операми, прежними и новыми, давно признано *доказаннымъ фактомъ*» (un fait гесоппи—104). «Сюжетъ Донъ-Жуана, раскрытый во всей его глубинѣ, посредствомъ музыкальной поэзіи, разрастается и получаетъ для души значеніе вѣчно пребывающаго и всеобщаго факта (un fait permanent et universel), становится какою-то космогоніею музыкальною (?), въ которой встрѣчаются, въ поэтическомъ и логическомъ смѣшеніи, верхъ и низъ человѣческой природы, трагедія и комедія, высокое и смѣшное, спиритуализмъ и чувственность, жизнь и смерть со *всѣхъ* (?) возможныхъ сторонъ (sous toutes leurs faces).» Т. III. ст. 97.—«Нѣтъ отрасли искусства, о которой бы вкусы и мнѣнія такъ разногласили, какъ о музыкѣ драматической; нѣтъ также ни одной, которая болѣе была бы подвержена разрушающей силѣ времени. Есть *одна* только въ свѣтѣ опера, какъ бы въ доказательство, что можетъ существовать и такое совершенство, опера, которая, на недосягаемой высотѣ, независимой уже ни отъ какихъ требованій мѣста и времени, царитъ надъ самыми мрачными и самыми свѣтлыми областями чистой психологіи (?)» Т. II. стр. 115.—Далѣе, оканчивая длинный разборъ всѣхъ красотъ Донъ-Жуана, авторъ, на стр. 203 III тома, прибавляетъ: «Разборъ вышелъ очень длинень, и мы заранѣе клонимъ повинную голову передъ тѣми, кто захочетъ насъ обвинить въ многословіи. Между тѣмъ, сколько еще надо было сократить, пропустить... сколько подробностей ускользнуло отъ насъ... Тысячи-тысячъ перьевъ иступились о комментаріи на поэмы Гомера, Виргилія, (?) Данта, — на трагиковъ греческихъ и французскихъ, (?) на Шекспира (какая смѣсь одеждъ и лицъ!...) а матерія все еще не исчерпана. Донъ-Жуанъ Моцартовъ, *высшее поэтическое созданіе* *человѣческой интеллекціи* (—вотъ оно!—) долженъ ли представлять менѣе обширное поле для критики?—Мы говоримъ *высшее* поэтическое созданіе въ отношеніи нашего вѣка, —когда больше любятъ *музыку*, чѣмъ стихи (?)... А въ музыкѣ,—на все время, пока ритмъ, мелодія и гармонія будутъ соста-

* Во всѣхъ цитатахъ я не буду приводить вполнѣ французскаго текста, а озвучу только страницы книги г. Ульмбышева. Желающіе могутъ сами слышать мой переводъ съ оригинала.

влять ее основу, на все время, значить, пока это искусство будет существовать, Донъ-Жуанъ останется *вершиною* искусства (?). Пусть онъ исчезнетъ когда-нибудь изъ репертуара всѣхъ европейскихъ сценъ, пусть, наконецъ, отринуть его либретто, какъ ненужную обертку (?), истинные любители музыки примутся присоздавать текстъ, сюжетъ—музыкѣ (курьозная фантазія!) И тогда.... (—что бы вы думали?—) *каждый* сдѣлается героемъ этой драмы. Эта опера будетъ *биографіею* каждой отдѣльной личности (—какъ это чудо совершится? г. Улыбышевъ не объясняетъ) — биографіею, выраженною въ нотахъ (?), потому что ее иначе и написать нельзя.... каждый узнаетъ *себя* въ этомъ произведеніи, въ которомъ Моцартъ отразилъ себя вполне, въ этомъ произведеніи, которое вмѣщаетъ въ себя *цѣлую жизнь* художника, полную чудесъ и фатализма, жизнь, которой не осталось чуждо ничто человѣческое.... О вы, которые желали бы походить на героя этой оперы и которымъ это не удалось, прислушайтесь къ послѣдней ея сценѣ,—къ сценѣ, безъ которой Донъ-Жуанъ былъ бы самымъ безнравственнымъ изъ чудесъ искусства, а теперь — съ этой сценою, опера стала самымъ высокимъ и самымъ дѣйствительнымъ изъ всѣхъ поэтически-моральныхъ *поученій* (?).» Такимъ образомъ нѣтъ конца. Но я выписалъ ихъ, кажется, довольно, чтобъ показать, что въ самомъ дѣлѣ трудно придумать похвалы размахистѣ, трудно какому-бы то ни было чуду поэтическому, художественному приписать значеніе болѣе важное, болѣе гуманитарное! Всѣмъ извѣстный панегирикъ «Одиссея Гомера, переведенной Жуковскимъ», панегирикъ, написанный Гоголемъ до крайности преувеличенно, — блѣднѣетъ передъ этими неслыханными хвалебными гимнами въ честь Моцарту Донъ-Жуану.

Я говорилъ уже о «смутной» идеѣ, которую комментаторы Донъ-Жуана дадутъ о немъ своимъ читателямъ и почитателямъ. Въ приведенныхъ мною дневникахъ—хвалы относятся къ «общему» оперы, къ ея мировому (?) значенію, но и то уже *довольно* смутно, потому-что въ каждомъ лицѣ, незнакомомъ съ самою оперою, по прочтеніи этихъ дневниковъ непременно родится какое-то темное понятіе объ «оперѣ изъ оперъ» понятіе, навѣрное, весьма не похожее на то, чѣмъ Моцартовъ Донъ-Жуанъ оказывается на самомъ дѣлѣ.

Комментаріи характеровъ и подробностей оперы еще гораздо больше чѣмъ общіе панегирики, собьютъ съ толку каждаго, кто не знаетъ наизусть всей партитуры. Начитайте комментарій г. Улыбышева, Гофмана, Ж. Сапда (le Château des désertes), и вы будете искать въ этой оперѣ полнаго отраженія жизни человѣческой, съ ея безчисленными и лейдоскопическими измѣненіями. Вы поверьте на слово г. Улыбышева

что есть, или почти есть страсти человѣческія кипять въ этомъ дивномъ созданіи, которому будто-бы нѣтъ ничего подобнаго во всемъ ряду поэтическихъ произведеній, отъ временъ Гомера до вчерашняго дня, — да и пока свѣтъ стоять будетъ, нельзя ожидать чего-нибудь подобнаго Донъ-Жуану. Въ воображеніи нашемъ будутъ носиться дивно-поэтическіе образы: — самъ Донъ-Жуанъ обольститель по преимуществу, этотъ человѣкъ въ костюмѣ испанскаго гранда, гордый, прекрасный, но мрачный какъ байроновскій Люциферъ, — или, если вы больше повѣрите г. Улыбышеву, чѣмъ Гофману, — вы увидите въ Донъ-Жуанѣ какую-то титаническую натуру, (?) параллель Прометея и Фауста въ области чувственныхъ стремленій; Дона-Анна, очаровательнѣйшая изъ женщинъ, способная внушить истинную *неугасимую* любовь даже Донъ-Жуану, (такъ вы ее себѣ представите по Гофману); Дона-Эльвира, глубоко-любящая и глубоко-осмѣянная; — Церлина, прелестная, кокетливая поселанка, обманывающая ревниваго и глупаго мужа; — Донъ-Оттавіо, этотъ (по Ж.-Санду) типъ нѣжной, но вполне мужской любви, насквозь пропитанной вниманіемъ, предупредительностью, довѣріемъ безграничнымъ. — Въмѣстѣ съ Гофманомъ и г. Улыбышевымъ вы будете искать въ этой оперѣ, *отъ начала ея до конца*, таинственнаго вліянія тѣни Командора, грозящей местию своему убійцѣ, Донъ-Жуану; — будете видѣть въ Донъ-Аннѣ могущественную заклинательницу, которая сама, силою своей воли, призоветъ небесное мщеніе на главу того, кто лишилъ ее отца и покушался лишить чести, — и повѣрите г. Улыбышеву на слово, что послѣ этого, призваніе Доны-Анны на землѣ (и въ оперѣ) кончилось. Дона-Оттавіо она никогда и не могла любить, а непреодолимое, фаталистическое влеченіе ея къ преступнику — Донъ-Жуану, въ постоянномъ разладѣ со всеми чистыми стремленіями ея души, могло имѣть одинъ только исходъ — смерть. Наконецъ, въ самомъ явленіи статуи на ужинѣ къ Донъ-Жуану вы, вмѣстѣ съ г. Улыбышевымъ, захотите найти олицетвореніе той страшной минуты, которой никому на землѣ не миновать, — минуты, переданной Моцартомъ будто-бы потому съ особенною потрясающею силою и правдою, что художникъ, когда писалъ Донъ-Жуана, былъ уже близокъ въ своей кончинѣ и предчувствовалъ ее (ровно за четыре года!) Много и другихъ разныхъ диковинокъ встрѣтите вы въ комментаріяхъ на Донъ-Жуана (объ этихъ диковинкахъ — рѣчь впереди), но во всякомъ случаѣ — всего это вмѣстѣ слишкомъ довольно, чтобы въ васъ, если вы еще не видѣли Донъ-Жуана на сценѣ и знаете о его музыкѣ только по наслышкѣ, — поселить сильнѣйшую жажду услышать Донъ-Жуана Моцарта въ исполненіи. Вы будете этого жадать, какъ жаждутъ луч-

лишь минуту въ жизни, потому-что такая опера (судя по комментаріямъ) должна быть истиннымъ торжествомъ *всѣмъ* сколько есть въ каждомъ человѣкѣ силъ, сочувствующихъ истинно-поэтическому, со *всѣхъ возможныхъ* сторонъ.

Но тотъ, кто достаточно образованъ музыкально, чтобы ознакомиться съ оперой по ея партитурѣ, прежде нежели доведется ее слышать въ исполненіи на сценѣ, — тотъ, и не видѣвши еще Донъ-Жуана на театрѣ, давно долженъ придти къ заключенію, что музыка Моцарта далеко не во всемъ совершенно отвѣчаетъ такимъ колоссальнымъ требованіямъ, доведеннымъ до «*non plus ultra*» въ-слѣдствіе прочитанныхъ дивирамбовъ; а въ ходѣ, во всемъ складѣ этой оперы долженъ увидѣть *совсе не то*, что навязали Моцарту его комментаторы. — Отчего-же происходитъ такое разногласіе?

Все дѣло въ томъ, что Моцартъ, какъ гениальнѣйшій изъ оперныхъ композиторовъ, какъ *творецъ* истинной оперной музыки въ полномъ ея объемѣ, — въ зрѣлости своего таланта, остановивъ свой выборъ на счастливомъ, богатомъ, разнообразномъ сюжетѣ, создалъ очаровательное произведеніе, въ которомъ, конечно, музыкою раздвинулъ рамки сюжета, ушелъ *дальше* своей задачи. Иначе музыка осталась-бы *ниже* текста, не выразила-бы его на своемъ несравненно болѣе *выразительномъ*, но и болѣе неопредѣленномъ языкѣ, чѣмъ поэзія словесная, — не была-бы *гениальною* музыкою. Моцартъ не былъ-бы Моцартомъ.

Но именно эта превосходная сторона музыки въ Донъ-Жуанѣ, то, что она *шире* своего текста, — эта сторона сдѣлалась поводомъ очень многихъ заблужденій комментаторовъ. Вотъ что говоритъ г. Улыбышевъ: (71 стр. III Т.) «*Либретто Донъ-Жуана безъ музыки — не-«лѣпо, (1) но этотъ нелѣпый текстъ и эта неподражаемо-высокая му-«зыка (ce texte absurde et cette musique sublime) одна душа и одно тѣло, — «и не найдется никого, кто-бы не увидѣлъ, на сколько музыкальные «картины ушли дальше своихъ словесныхъ эскизовъ и какъ часто даже «вовсе не похожи на эти эскизы».* (до сихъ-поръ много правды, но слушайте далѣе) *Нѣтъ никого, кто бы не увидѣлъ въ исторіи До-«Жуана, — такой, какъ она является намъ въ партитурѣ, — «цѣ-«лаго порядка дѣлъ, (tout un ordre de faits) — совершенно чуждаго со-«держанію текста.* (Замѣчайте! вонъ оно куда пошло!...)

Не диво, послѣ этого, что, принявъ за исходную точку нинѣшнѣе раз-
норѣчіе, даже противорѣчіе между намѣреніями либреттиста и композитора, комментаторы Донъ-Жуана открыли въ немъ бездну *табуи-
рованныхъ* симпатій и антипатій между дѣйствующими лицами, участки *естественныхъ* силъ, моральныхъ дѣлъ на каждомъ шагѣ; *табуи-
рованныхъ*

значенія (?) оперы въ ея цѣлѣ, и тѣмъ другіе диковины, о ко-
торыхъ ни абатту да Понте, (либреттисту), ни Моцарту и не снилось.
Не dico, что комментаторы, даяъ волю «легкой производимости
своего воображенія», — въ цѣлу, «своего собственнаго» творчества, сво-
его собственнаго либретта, стали видѣть «невидимое» и слышать «не-
слышимое.»

Припомните, что моя единственная цѣль: очистить, по возмож-
ности, взглядъ на Донъ-Жуана отъ всякаго произвольнаго толкова-
нія. — Замѣчательно, что самъ-же г. Улыбышевъ вооружается противъ
такого «произвола» комментаторовъ. Онъ говоритъ, на стр. 89 — 92
(тамъ-же, откуда я выбралъ свой эпиграфъ): «Ни одинъ изъ прелюбви-
«комментаріевъ на Донъ-Жуана нашъ, не удовлетворилъ вполне; вездѣ
«можно было найти истолкованія, болѣе или менѣе произвольныя, болѣе
«или менѣе ложныя; произвольныя — когда они не опираются (не
«s'appuient) ни на трудъ да-Понте, ни на трудъ Моцарта: ложныя,
«когда комментарий прямо претиворѣчитъ музыкѣ.» «Каждому воляно
придумать своего Донъ-Жуана, по своей фантазій, — но этого своего
Донъ-Жуана не слѣдуетъ выдавать за Моцартова». — Мнѣ кажется,
что эта мысль — чрезвычайно вѣрна — выйдетъ *примесоромъ* для рав-
нана Донъ-Жуана въ книгѣ самаго г. Улыбышева, какъ только будетъ
доказано, что его «глоссы» во многихъ случаяхъ «не подтверждаются
ни трудомъ да-Понте (текстомъ Донъ-Жуана), ни трудомъ Моцарта, —
а въ другихъ случаяхъ прямо *протисорьчатъ* музыкѣ разбираемой
оперы.

«Какъ только будетъ *доказано*», — говорю я, — но это не совѣсть-
легко. По самому свойству погрѣшностей въ комментарий, доказа-
тельства тутъ должны быть *двухъ родовъ*. Съ невѣрностями противъ
текста и его смысла порѣшить весьма нетрудно: стоитъ только
указать строчки текста, о которыхъ дѣло идетъ, сличить ихъ съ дру-
гими о томъ же предметѣ, сдѣлать иногда общій выводъ, — строго
держась *буквы* текста, — и дѣло кончено. Совѣсть другое дѣло
съ опроверженіемъ невѣрностей *противъ Моцартовой музыки*, то-
есть противъ партитуры Донъ-Жуана и ея смысла. Само собой разу-
мѣется, эти погрѣшности, невѣрности, взгляда въ комментарий такого
знатока музыки, какъ г. Улыбышевъ, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ
могутъ относиться до самыхъ *буквъ*, то-есть *нотъ* партитуры; въ очень
рѣдкихъ случаяхъ, значить, мнѣ надо будетъ указать нѣкоторый факти-
ческій недосмотръ, пропускъ; — остальные невѣрности относятся къ лож-
ному истолкованію *смысла* музыки, къ ложной точкѣ зрѣнія на ту, или
другую музыкальную подробность, на тотъ, или другой музыкальный ха-

раक्टरъ. Какъ доказать все это понятно, осязательно, — особенно при вкоренившимся во многихъ предубѣжденіи, что въ музыкѣ можно почти по произволу видѣть то такое, то другое намѣреніе музыкальнаго художника? Какъ доказать все это — на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ, то-есть самыми звуками? Какъ доказать, не утомляя вниманія читателей изложеніемъ безчисленныхъ техническихъ подробностей, болѣе или менѣе непонятныхъ даже для музыкантовъ, когда у нихъ нѣтъ, въ эту минуту, партитуры передъ глазами, — и рѣшительно непонятныхъ и длинныхъ для остального круга читателей? ! — Но.... по русской пословицѣ: «взялся за гужъ, — не говори, что не дюжъ» — постараюсь, какъ съумѣю; — только во всякомъ случаѣ прошу у читателей самаго свисходительнаго терпѣнія и вниманія въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ нельзя будетъ обойтись совершенно безъ техники и безъ частыхъ ссылокъ на самую партитуру. Въ ней одной вся сила въ этомъ случаѣ; она одна должна окончательно разрѣшить всѣ споры и толки, дать отвѣтъ на всѣ вопросы — объ ней же самой. Собираясь говорить объ Моцартовомъ Донъ-Жуанѣ и со стороны текста и со стороны музыки, я предполагаю въ моихъ читателяхъ нѣкоторое знакомство съ самою оперою, то-есть на столько, что мнѣ не будетъ надобности прежде всего рассказывать по порядку весь сюжетъ, весь ходъ оперы, сцена за сценой; — я буду касаться только тѣхъ подробностей, которыя будутъ мнѣ нужны для подкрѣпленія моихъ доводовъ. При томъ — кто же не знаетъ хотя приблизительно сюжета, дѣйствующихъ лицъ, ихъ характеровъ и положеній въ этой всесвѣтно-знаменитой оперѣ? Поэтому считаю возможнымъ прямо приступить къ *характерамъ* оперы, какими они намъ являются въ самой партитурѣ.

Я говорилъ уже, что Моцартъ, какъ гениальный, *вполнѣ объективный* художникъ, безконечно-высоко поднимался иногда надъ плоскостью, дюжинностью словъ либретто, потому что выражалъ *не слова, а состояніе души* дѣйствующихъ лицъ, — чуть-чуть означенное иногда очень поверхностными, общими словами текста, — выражалъ состояніе души, всегда вполнѣ сообразно данному драматическому положенію. Въ этомъ даже поверхностное знакомство съ музыкой Донъ-Жуана убѣдитъ всякаго; — но рѣшительно *нигдѣ* въ Донъ-Жуанѣ незамѣтно стремленія художника сдѣлать изъ характеровъ своей оперы какіе-то *абстрактныя типы*, порожденія «рефлексіи» нашего времени, Моцарту рѣшительно незнакомой. Различіе между художниками субъективными, то-есть художниками — *лириками*, и художниками объективными, то-есть художниками — *драматиками*, только въ наше время стало ясно для большинства образованной публики, выработалось, можно сказать,

окончательно. Только въ наше время признали за *тѣми* объективныхъ художниковъ въ поэзій — Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Гёте (особенно въ Фаустѣ), въ музыкѣ — Моцарта; — а Шиллера, Бетховена типомъ лириковъ, хотя Бетховенъ написалъ оперу удивительной красоты, — а Шиллеръ создалъ много драмъ высоко-поэтическихъ. Художникъ натуры лирической всегда и вездѣ остается самъ собою, — высказываетъ въ поэтическихъ образахъ и мысляхъ свою собственную личность, свое я; оттого для лириковъ такъ важно *содержаніе*, *смыслъ* ихъ поэзій — оно для нихъ несравненно *важнѣе* самой поэтической формы, — и большая или меньшая красота, большая или меньшая высота, глубина мысли въ лирической поэзій въ прямой зависимости отъ личныхъ качествъ, отъ интересовъ души лирика. Въ *объективномъ* творчествѣ, напротивъ, самъ поэтъ исчезаетъ за живыми образами, вызванными его фантазією. Незыблемая для *не-художниковъ* способность: одною силою творческаго воображенія совершенно *уничтожать* въ себѣ свое я, переселяться какъ-будто всѣмъ существомъ въ другія, совершенно чуждыя душѣ поэта, личности, — чувствовать, мыслить, жить за нихъ, — однимъ-словомъ, создавать совершенно отдѣльныя лица, столько же независимыя отъ поэта и другъ отъ друга, какъ и дѣйствительные, реальные люди, съ плотью и кровью — вотъ что составляетъ отличительное свойство художника объективнаго, драматическаго. Моцартъ въ этомъ отношеніи, можно сказать, равенъ Гёте и самому Шекспиру; по крайней-мѣрѣ въ числѣ музыкантовъ самыхъ геніальныхъ никто, ни даже великій Глукъ, въ *этомъ отношеніи* не можетъ съ нимъ сравниться; — лица оперъ Моцарта (*всѣхъ*, кромѣ довольно слабой — *Clemenza di Tito*) — совершенно живые люди, съ отдѣльными, до крайности разнообразными характерами, съ тонкими, чисто-индивидуальными оттѣнками этихъ характеровъ. И замѣйте: сколько для *лирическихъ* поэтовъ важенъ *выборъ* поэтической мысли, важенъ *смыслъ* ихъ поэзій въ общей ея идее, столько для объективныхъ поэтовъ — *выборъ* предмета почти безразличенъ, была-бы *жизнь* въ создаваемыхъ характерахъ, лишь-бы эти лица дышали *своимъ* дыханіемъ, думали *своимъ* умомъ, кипѣли *своими* страстями.... Для объективнаго поэта — *содержаніе* поэзій: сама жизнь человѣческая съ ея безконечнымъ разнообразіемъ. *Всѣ* калейдоскопическія, вѣднчивыя формы этой жизни *равно важны* для истиннаго драматика. Такимъ былъ Шекспиръ — и припомните: онъ съ *одинаковою любовью* ставитъ передъ вами философа Гамлета и философа могильщика, Ромео и отвратительнаго аптекаря, Джульету и глузую ея кормилицу, — Макбета и привратника, переважно толкующаго съ *самимъ-собою* о трехъ послѣдствіяхъ хмѣля; онъ съ *одина-*

новымъ могуществомъ переселяется и въ главную Миранду, и въ чудовище Калибана, — и въ царя альфовъ Титанію, и въ титачактера — дьяволанта, которому, по заслугамъ, проказникъ — бѣсенокъ приставилъ ослиную голову. Но, возрадите вы: тутъ все комизмисты, а по законамъ красоты контрастовъ безобразіе душевное и тѣлесное имѣетъ право стать наряду съ идеальной прелестью души и ея оболочки, пошлѣйшая проза наряду съ глубокимъ пафосомъ, и такъ далѣе. Однакоже, кромѣ контрастовъ, сколько въ созданіяхъ Шекспира мелькаетъ передъ вами такихъ лицъ, которыя ни особенно хороши, ни особенно противны, — также *безцѣльны* въ своей вседневной пошлости и между-тѣмъ точно также *живы*, какъ и тысячи недѣлимыхъ, встрѣчаемыхъ вами въ реальной жизни. Вспомните какого-нибудь Родриго въ Отелло, придворныхъ въ Гамлетѣ. Между-тѣмъ Шиллеръ, которому вездѣ надобно хоть немножко остаться самимъ-собою, рѣшительно отказался-бы живописать такіе неуклюже-уродливые, или такіе безцвѣтные, но *сѣрые* характеры, — или впасть-бы въ мелодраматическую ненатуральность (какъ во многихъ характерахъ и сценахъ его юношескихъ драмъ *Die Räuber*, *Kabale und Liebe*). Параллель Шиллера въ музыкѣ — Бетховенъ, самъ признавался, что ему *не по душѣ* приходились такіе сюжеты оперъ, какъ Свадьба Фигаро, Донъ-Жуанъ, — признавался, что онъ на такіе сюжеты рѣшительно не могъ-бы написать ни одной строчки нотъ, — находилъ даже, что такого рода мелкіе и чувственные образы оскорбляютъ величіе музыкальнаго искусства. Съ *его* — лирической — точки зрѣнія это могло быть справедливо, но съ *объективной* — Моцартовской, ничто не могло быть *счастливымъ* для музыки, какъ такіе сюжеты, гдѣ *жизнь* является со столькихъ, различныхъ сторонъ (хотя-бы и не со *всѣхъ* *возможныхъ*, въ одномъ Донъ-Жуанѣ — какъ полагаетъ г. Ульбрихтъ), Бельмонтъ, Османъ, Блондхенъ, Педрилло (въ «Похитеніи») Сусанна, Керубино, Альмавива — въ *Nozze di Figaro* — рѣшительно *все* въ *Così fan tutte*, въ Донъ-Жуанѣ и еще болѣе *все* въ «Волшебной флейтѣ», все это *живые люди*, которымъ Моцартъ, посредствомъ иногда едва замѣтныхъ особенностей, мелодическаго оборота, подробностей гармоніи и оркестра, умѣетъ придать чисто-индивидуальные оттѣнки, такъ, что каждое лицо неизгладимо остается въ нашемъ воображеніи. *Все эти живыя* лица могутъ быть больше, или меньше характеристическими, типическими — это чисто случайность (например, Османъ, Лесерелло, самъ Донъ-Жуанъ, Зорастро и другія лица въ «Волшебной флейтѣ») — но никогда не могутъ быть холодными, рассчитанными «лицедействованіемъ» той, или другой психологической данной. *Всѣмъ* *лицедействованіемъ*

предполагаетъ рефлексію, — а рефлексія неизвѣрно далека отъ чисто-объективной драматической поэзіи (примиреніе рефлексіи съ объективностью не удалось даже великому Гёте — во второй части его Фауста) — и рѣшительно *несообразна* съ поэзіею «музыкальною», которая нивѣтъ дѣла имеетъ съ сердцемъ, съ душою, помимо разсужденія и разсудочныхъ понятій. Не надо забывать, что Моцартъ былъ «воплощенная музыка». Объективность имъ созданныхъ лицъ въ прямой зависимости отъ большей или меньшей способности ихъ «словесныхъ» эскизовъ выгибаться подъ необходимыя требованія поэзіи музыкальнаго звука. Все, что сколько-нибудь *абстрактно*, музыкою рѣшительно не можетъ быть выражено, — такъ напримѣръ, самъ Фаустъ, — хотя очень индивидуаленъ въ созданіи Гёте, — не принадлежитъ области *музыкальной*, и Моцартъ никогда не выбралъ-бы его дѣйствующимъ лицомъ оперы. И каждое возведеніе отдѣльнаго характера въ *типу цѣлой стороны человѣческаго* есть уже философски-абстрактное дѣйствіе, которое по этому счисленію было чрезвычайно далеко отъ всей природы Моцарта. Я нарочно остановился долѣе на объективномъ свойствѣ Моцартова творчества. Эта живая *объективность* и собственно — *музыкальность* Моцарта должны быть постоянно въ виду у тѣхъ, кто рѣшается разбирать Моцартовы оперы по отношенію къ характерамъ, въ нихъ дѣйствующимъ.

Въ прежнихъ изданіяхъ оперы «Don Giovanni ossia il Dissoluto punito» самому герою пьесы придана такая характеристика: «un giovine cavaliere, estremamente licenzioso» — въ переводѣ: «до крайности развратный молодой испанскій баринъ.» Таковъ онъ и въ партитурѣ: обольстительно-красивый (это намъ говорятъ его чарующія мелодіи въ la сі дагеа, въ серенадѣ, въ сценѣ съ Эльвирой за ужиномъ), страстно преданный чувственности (припомните арію: *fin ch'han dal vino*), беззаботный, свѣтлый, предприимчивый, гордый, неукротимый, непокоряющійся никому и ничему (первая сцена съ Донъ-Анной, сцена сраженія съ Командоромъ, первый финалъ и сцена со статуей за ужиномъ), съ обаятельнымъ вліяніемъ на женщинъ (въ сценахъ съ Церанвой, въ тріо съ Эльвирой во второмъ актѣ), но — въ слѣдствіе разврата отчасти утратившій истинное благородство чувствъ, поступковъ, слѣдовательно и внѣшнихъ приемовъ — (въ сценахъ съ Лепорелло, — особенно на кладбищѣ, въ Allegro la сі дагеа, отчасти въ кuartетѣ *non ti fidar*) — «Едва только помянется онъ — воплощенное наслажденіе, появится блистающій красотою и шаголеватостію, — и все кругомъ волнуется, все принимаетъ праздничный видъ», такъ говоритъ г. Улыбышевъ (стр. 95, III т.), и это совершенная правда и по партитурѣ. Моцартъ передалъ почти каждое

внезапное появленіе Донъ-Жуана на сцену какими-то жаркими, кипучими, нетерпѣливыми и вмѣстѣ блестящими звуками оркестра (быстрое движеніе басовъ, при громкомъ tutti и фанфарахъ трубъ — въ первомъ финалѣ, тотчасъ послѣ ссоры Церлины съ Мазетто, въ самомъ началѣ втораго финала, — въ увертюрѣ). Въ каждой нотѣ тутъ звучитъ огненный темпераментъ холерико-сангвиническій. Апогей этой стороны индивидуальности Донъ-Жуана — арія «*fin ch'han dal vino*», гдѣ слытъ замѣченное мною движеніе басовъ, при самомъ быстромъ ритмѣ. Доскопность, изворотливость этого змѣя-искусителя чудесно обрисованы въ квартетѣ *non ti fidar*, — въ терцетѣ съ Эльвирой, во второмъ актѣ, — въ первомъ финалѣ, когда онъ хочетъ все обвиненія обратить на Леопорело, — въ арии втораго акта «*metà di voi quà vadano*»; — вся сила его гордости и неустрашимости — въ сценѣ со статуей.

Но во всемъ этомъ ни тѣни намѣка на «оллицетвореніе» въ Донъ-Жуанѣ абстрактнаго типа какой-то титанической, исключительной натуры, *титана чувственности* — въ параллель Прометею, титану дѣятельной мысли, и Фаусту, титану философскаго мудрствованія?! (Улыбышевъ т. III. стр. 92—97.) Моцартова объективность не даетъ мѣста никакимъ абстрактностямъ, — Моцартова ясность не допускаетъ никакихъ «общихъ», больше или меньше «туманныхъ» изъясненій. Самъ же г. Улыбышевъ, на стр. 91, поправляя произвольныя толкованія характера Донъ-Жуана — Гофманомъ, весьма вѣрно, какъ нельзя согласите съ партитурой, сиватываетъ главныя черты героя оперы: «ведущій ни о вчера, ни о завтра, всегда подъ вліяніемъ настоящей минуты, «артность и поэтъ въ своемъ родѣ, музыкантъ въ душѣ, вѣчно веселый «проказникъ, что-бы ни случалось вокругъ него.» Зачѣмъ же было называть Донъ-Жуана натуру титаническую? Фантазію Гофмана о тайной любви Донъ-Жуана къ Донѣ-Аниѣ г. Улыбышевъ очень хорошо опровергнулъ тѣмъ, что изъ партитурѣ видно, что послѣ первой сцены съ Доной-Анной и послѣ убійства Командора, Донъ-Жуанъ только избѣгаетъ присутствія Доны-Анны, вовсе больше объ ней и не думаетъ и весь занятъ другими предпріятіями. Но вѣдь и о *титанической* натурѣ Донъ-Жуана нѣтъ ни слова ни у Да-Понте, ни у Моцарта? «Титанизмъ» Донъ-Жуана, какъ произвольное изъясненіе влчности этого характера, — даже прямо противорѣчитъ партитурѣ, потому-что въ ней нигдѣ Донъ-Жуанъ не выставленъ далеко-превосходящимъ всѣхъ другихъ людей, — что составляетъ непремѣнное условіе для титана; — напротивъ, онъ является человѣкомъ красивымъ, съ блестящими способностями, ловкимъ, веселымъ, снѣлымъ и тѣмъ подобнымъ, но все-таки не исключительнымъ, а такимъ, каковыя классы людей.

этомъ-то и великость Моцарта, что онъ рисуетъ намъ людей такими, какъ случается ихъ видѣть чуть не каждый день.

Кто внимательно прослѣдитъ всѣ сцены оперы, въ которыхъ дѣйствуетъ самъ Донъ-Жуанъ, непременно найдетъ всѣ свойства этого характера, мною обозначенные, очень ясно, очень рельефно очерченные даже въ текстѣ, какъ нельзя ясно и рельефнѣе выраженными *каждою нотою* баритонной партіи Донъ-Жуана и сопутствующаго ему оркестра; во всего, что говоритъ г. Улыбышевъ, въ громкихъ фразахъ, о безграничныхъ, ненасытныхъ, *титаническихъ* желаніяхъ и стремленіяхъ Донъ-Жуана, при сознаніи его безконечнаго *превосходства* надъ *всѣми прочими смертными* (?) (*la terre, rien que la terre, mais toute la terre!* — vol 3, pag. 94) — объ его титанической гордости и *презрѣніи ко всѣмъ прочимъ людямъ* (?) — всего этого никакъ нельзя отыскать въ партитурѣ, по самой простой причинѣ: въ ней этого *и не могло быть*, въ эпоху, когда опера писана, и по свойству Моцартова генія. Мысль во вкусѣ романтизма 30-хъ годовъ — превратить веселаго, безпечнаго женолюбца, Донъ-Жуана въ титаническую натуру, съ общечеловѣческимъ *значеніемъ* (?) — мысль не Моцарта, а его комментатора, и отъ животрепещущей объективности художника XVIII вѣка была точно также неизмѣримо далека, какъ и опровергнутая г. Улыбышевымъ фантазія Гофмана: сдѣлать изъ Донъ-Жуана какого-то Люцифера, или Аббадонну. Еще одно: г. Улыбышеву до крайности понравилась мысль видѣть въ очаровательномъ пажикѣ графа Алькавивы, Керубино (въ *Nozze*) *будущаго* Донъ-Жуана (un Don Juan «en herbe»), или въ Донъ-Жуанѣ видѣть *бывшаго* Керубино, то есть полный, роскошный цвѣтокъ, котораго 14-ти-лѣтній Керубино былъ распушкой. (Сличите все, что г. Улыбышевъ говоритъ объ этой параллели при каждомъ удобномъ случаѣ — т. III, стр. 54—57, — 92, — 157 и въ другихъ мѣстахъ). Эта мысль не безъ поэзіи, пожалуй, но г. Улыбышевъ такъ на нее напираетъ *каждый разъ*, что иной читатель подумаетъ, будто въ партитурахъ Фигаро и въ Донъ-Жуана гдѣ-нибудь можно отыскать действительно прямой, или косвенный намекъ *самого Моцарта* на эту, по словамъ г. Улыбышева, какъ *день ясную тождественность* двухъ лицъ въ двухъ «совершенно разныхъ» операхъ (!). Такого намѣка въ партитурахъ *обѣихъ оперъ*, разумѣется, *нѣтъ вовсе*; это опять чистая *фантазія* комментатора, и опять вовсе не въ духѣ самого Моцарта, у котораго каждая опера, отдѣльный, замкнутый въ себѣ міръ, съ своими людьми и ихъ характерами. Фантазія г. Улыбышева на этотъ разъ, пожалуй, не противорѣчитъ ни характеру Керубино, ни характеру Донъ-Жуана (въ нихъ *обоихъ* женолюбие

на первомъ планѣ); но отъ этой фантазіи, взгляды на личность Донъ-Жуана, какова она въ партитурѣ, нисколько не проясняется, напротивъ скорѣе затемняется, канишь-то будто-бы недосказаннымъ со стороны Моцарта фактомъ. Кажется, самъ Донъ-Жуанъ, каковъ онъ въ партитурѣ, личность достаточна поэтическая, безъ всякихъ тонко-придуманныхъ прикрасъ и произвольныхъ добавленій.

Примемъ теперь за неразлучнаго спутника Донъ-Жуана въ проказахъ и бѣдахъ, за его «*âme damnée*» Лепорелло. «Это слуга, секретарь, управитель, фактотумъ героя пьесы... трусъ, блюдедюль, хвастунъ и резонёръ; онъ искренно осуждаетъ поведеніе своего «падрона», отъ души жалветъ объ хорошенькихъ штучкахъ, которыя безпрестанно надѣютъ въ бариновы сѣти; но эта «ловля», отъ которой ему собственно ни хорошо, ни дурно, кажется ему до того забавною, занимательною, что онъ не можетъ удержаться, чтобы не помогать всѣми силами штицелову, котораго ловкость и искусство постоянно возбуждаютъ его глубокое удивленіе. Каждый день онъ проклинаетъ труды и заботы, голодныя и бѣды всякаго рода, которымъ подвергаютъ его бариновы проказы, каждый день онъ окомчателъно прощаетъ со своимъ господиномъ;—по застра начинается опять также исторія: онъ остается, мирится со своимъ положеніемъ, не то изъ любопытства, не то изъ какой-то привязанности къ барину, такому страшному злодѣю и удивительному проказнику! Вообще Лепорелло, смѣсь трусости и дерзкой безпечности, добродушія и насмѣшливой веселости, неуклюжаго обезьянства и инстинктивной лживости (особенно когда надѣе улизнуть отъ опасности), смѣсь порочной дозы вреденной глупости и кое-какого заимствованнаго ума.» Такими рисуется слугу Донъ-Жуана г. Улыбышевъ на стр. 32, 83 III тома, и портреть черта съ черту снять съ текста и партитурѣ самой оперы. Въ подробности этого характера такъ ясно, такъ опредѣленно въ оперѣ, что не было никакой возможности видѣть ихъ не въ настоящемъ свѣтѣ. И замѣтьте: г. Улыбышевъ приведенныя мною строчки впагастъ въ уста Да-Понте (въ придуманномъ авторомъ разговорѣ между Моцартомъ и его либреттистомъ, разговоръ иногда не очень натуральномъ, обенно въ реченкахъ Моцарта), и послѣ этого, очень верно, портрета Лепорелла, заставляетъ Моцарта воскликнуть: «Удивительно! любезный аббатъ — мастерски! это единственный характеръ пьесы, который вы охватили вполнѣ. Мнѣ остается только набросить музыкальныя краски, и я счастлива буду, если на этотъ разъ выполню все самымъ наилучшимъ. Авторъ «смысла извѣщаетъ», что касательно Лепорелло либреттистъ и музыкантъ были совершенно согласны, что Да-Понте далъ Моцарту

такимъ реченьямъ для Лепорелло, въ которыхъ музыканту не нужно было идти дальше текста, чтобы смочь выловить такой характеръ какъ этотъ слуга Донъ-Жуана. И это правда: роль Лепорелло и въ текстѣ почти безъукоризненна. Что музыка согласна съ текстомъ, что Моцарту удалось выполнить есь намеренія Да-Понте, касательно Лепорелло, объ этомъ знаютъ все, кому сколько-нибудь знакома сама опера. Казалось бы, что въ отношеніи Лепорелло по-крайней-мѣрѣ не было мѣста «фантазіямъ» комментаторовъ. Ни чуть: и въ этомъ случаѣ винузіазмъ къ чудесно-созданнымъ характерамъ этой оперы могъ улеечь г. панегиристовъ немножко второну отъ правды. Вотъ какъ говоритъ г. Улыбышевъ на страницѣ 154 III тома, *прекрасно* рассказавъ о дуэтѣ Донъ-Жуана и Лепорелло, которымъ въ партитурѣ начиваетея II-й актъ, (eh, via, buffone): «Горсть дублоновъ возстановляетъ нѣрѣ между слугою и баринномъ, и очень понятно, что между такими двумя лицами, какъ Донъ-Жуанъ и Лепорелло, дѣйствительная разлука невозможна. (Почему это?) *Безе Донъ-Жуана*, Лепорелло будетъ бездѣйственною, бесполезною машинкою (une machine inerte et inutile); никто ей дѣламъ не узнаеть, никто не найдетъ для нея настоящаго употребленія». Почему? Отвѣта вы ни въ книгѣ г. Улыбышева, ни въ *артистурѣ*, не найдете. Дѣйствительно, для Донъ-Жуана Лепорелло необходимъ; то-есть, такой слуга, но все-равно, *этотъ-ли* самый, или *другой* въ этомъ-же родѣ; иначе бы онъ немножко нѣтъ дорожилъ, а не собирався, при всякомъ малѣйшемъ противорѣчій отправить ad patres, не подвергалъ бы его смертельнымъ опасностямъ, не дѣлалъ бы изъ него на каждомъ шагѣ настоящаго «souffre douleur», виноватаго за чужую вину. (Припомните финаль 1-го акта, секстетъ, дуэтъ на кладбищѣ). При данныхъ Донъ-Жуанова характера очень ясно, что онъ не любитъ оставаться при однихъ угрозахъ, и въ каждой вспышкѣ гнѣва этой волканической натуры, жизнь бѣднаго Лепорелло въ-самомъ-дѣлѣ виситъ на волоскѣ. Оттого, хотя въ немъ есть привязанность къ Донъ-Жуану, пожалуй, и довольно сильная, отчасти по привычкѣ, отчасти въ-слѣдствіе многихъ свойствъ самой Лепорелловой натуры, о которой сейчасъ была рѣчь, но онъ все-таки частенько и очень серьезно помышляетъ о томъ, какъ бы разъ навсегда *дать тягу* отъ такого «бѣдоваго» барина. Припомните: «Notte, giorno faticar, — sta a veder che il malandrino mi farà precipitar (въ интродукціи)». Вѣдь не лжетъ

* -Io' deggio ad ogni patto per sempre abandonar questo bel matto» (въ речитивѣ сессо, между аріей Д. Анны (or sai) и аріей Донъ-Жуана (fin ch'han dal vino) и въ другихъ мѣстахъ оперы.

же Лепорелло *самъ себя*, въ сценѣхъ монологахъ и а parte! Значитъ, *весьма несерьезны* всѣ доводы г. Улыбышева и на 202 страницѣ 3-го тома, гдѣ онъ, говоря о финальной сценѣ оперы (послѣ того какъ статуя провалилась съ Донъ-Жуанемъ), доказываетъ неумѣстность этой сцены между прочимъ и тѣмъ, что для Лепорелло такая сцена *невозможна*, что онъ, будто-бы, довольно наглядѣлся и наслушался въ сценѣ статуи за ужиномъ, чтобъ навсегда потерять рассудокъ, и ему не до того теперь, чтобъ отправиться отыскивать un *ragion miglior* «Нѣтъ», прибавляетъ г. Улыбышевъ, нѣтъ, у Лепорелло никогда не было и никогда не будетъ *другаго* барина. (?) Не позволяя себѣ спорить съ Моцартомъ въ одномъ изъ лучшихъ его созданій, и выводя характеръ Лепорелло *прямо* изъ партитуры, а не «а priori», я никакъ не вижу, чтобъ Лепорелло *долженъ* былъ съума сойти отъ явленія Командора на ужинѣ. Увидѣвъ статую еще за дверями, онъ *страшно* испугался, на минуту чуть не обезумѣлъ отъ страха, приближалъ къ Донъ-Жуану помертвѣлый и едва можетъ кое-какъ объяснить о приходѣ статуи: (*Allegro molto, F-dur, «Ah, Signor! per carità! гдѣ мертвенныя секеты фаготовъ морозомъ проходятъ по кожѣ Лепорелло и слушателей*), но тотчасъ въ-слѣдъ за этимъ спрятался подъ столъ и оттуда поглядываетъ таинъ на бѣлаго гостя (*l'uomo bianco*); его бьетъ лихорадка все время (*la terzana d'averlo mi sembra*), но онъ выслушиваетъ каждое слово замогильнаго пришлеца. На слова Командора къ Донъ-Жуану: *придешь-ли ты на ужинъ ко мнѣ?* (*verrai tu a cenar meco*); Лепорелло *про себя* прибавляетъ: «извините, извините, ему некогда» (*tempo non ha, scusate*); когда статуя въ послѣдній разъ повторяетъ свое странное приглашеніе: *придешь?* (*verrai?*) Лепорелло, въ ужасѣ, *сообщаетъ* Донъ-Жуану отказать: *dite di no, dite di no!* Все это несколько не показываетъ умаишенпаго, а если онъ выдержалъ эти страшныя *перемы* минуты, то «всѣ доктора вамъ скажутъ», что чѣмъ *дальше*, тѣмъ болѣе рассудокъ его долженъ остаться цѣлъ и невредимъ. Въ партитурѣ ему даны реплики даже во-время хора фурій (конечно невидимыхъ), во самой той минутѣ, пока Донъ-Жуанъ исчезъ «во огнѣ и дыму» (*tra fumo e fuoco*). Подробно о всемъ происшествіи, хотя и не совсемъ такъ-о, Лепорелло рассказываетъ всѣмъ остальнымъ лицамъ оперы, въ сценѣ; *пропускаемой* при исполненіи и признанной за *нелѣпую* г-нъ Улыбышевымъ, и потомъ изъявляетъ свое желаніе: «пойти въ остерію, поискать себѣ другаго барина, получше». Все это, въ отношеніи Лепорелло, какъ нельзя болѣе *правдоподобно*. Донъ-Жуанъ достаточно *приучилъ* его ко всякаго рода ужасамъ, въ томъ числѣ и къ *смер-*тельному страху,—это для него чувство несколько не новое, а *уже*

смерти Донъ-Жуана, онъ даже очень спокоенъ, потому что освобо-
дился наконецъ отъ вѣчныхъ своихъ пытокъ.

Дона-Анна, Д. Оттавіо, Д. Эльвира и Командоръ, (въ обонхъ
своихъ видахъ: какъ оскорбленный отецъ Анны и какъ тѣнь его, явив-
шаяся изъ-за гроба), эти четыре лица составляютъ серьезную, трагиче-
скую сторону оперы, безъ малѣйшей примѣси элементовъ веселости,
комизма; съ тою разницею, что въ Аннѣ, Оттавіо и Командорѣ пате-
тетическій элементъ еще глубже, чѣмъ въ Эльвирѣ, которую Моцартъ
создалъ какъ-будто переходомъ къ прочимъ, непатетическимъ лицамъ.
Оттого и самъ Донъ-Жуанъ теряетъ свою беззаботность, свою весе-
лость; становится серьезенъ при столкновенияхъ съ этими тремя лицами,
тогда какъ въ сценахъ съ одной Эльвирой онъ веселъ и безпеченъ
до нелзя.

Отецъ Доны-Анны убить Донъ-Жуаномъ въ самомъ началѣ оперы.
Послѣ этой катастрофы сердце Доны-Анны какъ-будто утопаетъ въ пе-
чали. У ней одна мысль: отыскать и преслѣдовать *мицениемъ* убійцу
отца. Этотъ душевный трауръ, ни на минуту ее не покидающій, удиви-
тельно рельефенъ въ музыкѣ Моцарта, въ которой меланхолическія
струны звучать такъ восхитительно. При томъ-же скорбь, печаль,—
одинъ изъ богатѣйшихъ родниковъ музыкальной поэзіи вообще. (Также
какъ съ другой стороны радость, веселье, ликование. *Вся* музыка
вращается между этими двумя полюсами). Высокая патетичность траур-
наго характера Доны-Анны не могла не остановить на себѣ особеннаго
вниманія, особеннаго пристрастія комментаторовъ. Гофманъ изъ Доны-
Анны сдѣлалъ героиню своего фантастическаго разсказа. Г. Улыбышевъ
въ видѣ Доны-Анны олицетворяетъ даже *музу* Моцартову (!)
(стр. 99 III т.) На стр. 113 онъ называетъ Дону-Анну послѣднимъ
и высшимъ услаіемъ генія, воплощеннымъ трагическимъ пафосомъ (*le
sublime tragique en chair et en os*, а куда-же вы спрячете Глука?);
наконецъ находить, что для настоящаго исполненія роли Доны-Анны
надобно, чтобъ primaдонна была только: *первѣйшею красавицею, (?)
перелѣйшею трагическою артисткою и первѣйшею пвицею въ
свѣтѣ* (*excusez du peu!*)

Мы заранѣе убѣждены, что послѣ такихъ панегириковъ нелзя ждать
добра, то-есть, о вѣрности взгляда комментаторовъ на Моцартову
Дону-Анну и думать нечего. И въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ Донъ-Жуана
самого, всего больше пострадалъ въ искаженіяхъ комментаторовъ харак-
теръ Доны-Анны. Гофманъ и г. Улыбышевъ въ этомъ случаѣ собьютъ
съ толку всѣхъ, кто не слишкомъ твердо знакомъ съ самою партитурой.
Я говорилъ уже, что г. Улыбышевъ доказалъ неосновательность фан-

таинъ Гофмана, который заставляет Донъ-Жуана найти въ Донъ-Аннѣ идеалъ женщины, тщетно отыскиваемый имъ по цѣлому свѣту, между тысячами женщинъ. «Но Анна явилась слишкомъ поздно, — Донъ-Жуанъ уже слишкомъ разочарованъ, (!) чтобы поддаться чему-нибудь, кромѣ чувственнаго увлеченія». Г. Улыбышевъ (на стр. 91 III т.) какъ нельзя дѣльнѣе замѣчаетъ, что «если Донъ-Жуанъ и *любитъ* Дону-Анну въ глубинѣ души, то запряталъ эту тайну очень глубоко. Ни одно слово ни одинъ звукъ ему не измѣняютъ». Но и самъ г. Улыбышевъ, какъ я сейчасъ объясню, по случаю Доны-Анны до крайности *увлекся* въ своихъ фантазіяхъ, увлекся совсѣмъ всторону отъ правды, то-есть, отъ партитуры Моцартовой. Главная ошибка, начало всѣхъ бѣдъ, невѣрно схваченный характеръ самого Донъ-Жуана и натянутый выводъ изъ него всѣхъ другихъ характеровъ оперы, существующихъ будто-бы не сами по себѣ (какъ въ реальной жизни и у Моцарта) а только *по отношенію* къ героямъ пьесы, «титану чувственности». Комментаторъ предполагаетъ необходимую *реакцію* оскорбленіямъ, которыя Донъ-Жуанъ нанесъ цѣлому человечеству. (?) Главною *пружиною* этой реакціи — Дона-Анна. «Свирѣпая храбрость, которой источникъ кровь, встрѣчаетъ сопротивленіе въ геройствѣ души, олицетворенномъ въ Донъ-Аннѣ, и торжество злодѣя останавливается передъ необыкновенной энергіею дѣвы, въ которой горе развило моральную силу», т. III стр. 97. Развивая свою собственную мысль, проводя ее дальше, за ходомъ самой пьесы, комментаторъ думаетъ видѣть въ партитурѣ, что Дона-Анна *обречла себя на смерть*, (?) чтобы этой жертвой призвать на голову Донъ-Жуана небесное ищеніе. (?) Туманно, темно, не правда-ли? Г. Улыбышевъ, вѣроятно самъ зная, что тутъ довольно трудно добраться до толку, дѣлаетъ выноску (это все на 131 стр. III т., при разборѣ аріи «ог заі сіи Ропог»): «Многіе изъ критиковъ *попали* (?) вмѣстѣ съ нами, что Анна *должна умереть* (?) какъ только ищеніе, котораго она жаждетъ, исполнится. Это *очесндная* мысль Моцарта.» Гдѣ и въ чемъ г. критики нашли эту очевидность для меня рѣшительно непонятно! Удивительная энергія, которой дышетъ смѣльно патетическая арія Дона-Анны «ог заі сіи Ропог», величественная какъ арія Глука, эта энергія внушила г. Улыбышеву мысль видѣть въ дочери Командора какую-то могущественную заклинательницу таинственнаго міра (стр. 130, 131), нѣчто въ родѣ Армиды или Эндорской волшебницы (?). Пожалуй можно принять, что это со стороны комментатора — ише шаніега de діге, придуманный способъ, чтобы яснѣе, осязательнѣе представить въ словахъ всю силу, все очарованье *звучеся* въ партіи Доны-Анны и въ отвѣчающемъ ей оркестрѣ. Да и то идея могущественной

заклинательницы во многомъ совершенно несогласна съ жалобными частями арии, гдѣ Дона-Анна вовсе не заклинаетъ а проситъ, молитъ о милости, и мольбы свои посылаетъ не къ безтѣлесному, міру а къ живому человѣку, Дону-Оттавію. Но даже помпрившись съ комментаторомъ на какомъ нибудь mezzo termine, все же нельзя понять, гдѣ онъ увидѣлъ какую-то жертву со стороны Дона-Анны? И въ чемъ именно эта жертва? зачѣмъ она должна непременно умереть? Г. комментаторъ не высказываетъ ясно (изъ опасенія, что-ли, подвергнуться участи Гофмана съ его произвольными фантазіями), но намекаетъ (на этой 131 стр. и далѣе, на 165, гдѣ рѣчь идетъ о секстетѣ), что въ душѣ Доны-Анны есть какая-то тайна, въ которой она не только Дону-Оттавію, но себѣ самой боится признаться, — тайна ужаснаго того вроншества, которое она рассказываетъ Дону-Оттавію (въ знаменитомъ речитативѣ передъ аріей «*or vai*»); она призываетъ милости на голову Донъ-Жуана, но въ глубинѣ сердца «трепещетъ, что не довольно его ненавидитъ» (извините за мелодраматическую фразу, она принадлежит г. Улыбышеву, «*sur celui qu'elle tremble de ne pas assez haïr*»); — сказать проще: Дона-Анна, по мнѣнію г. Улыбышева, любитъ Донъ-Жуана, но разумѣется, всѣми силами воли изгоняетъ изъ своего сердца это преступное чувство, и зная, что ей не выдержать этой страшной борьбы, заранѣе обрекаетъ себя на смерть. Бѣдный Донъ-Оттавію!... Но не вѣрьте этому... Обо всемъ этомъ въ партитурѣ и рѣчи нѣтъ. Въ партитурѣ Дона-Анна, невѣста Донъ-Оттавію, какъ я говорилъ уже, послѣ убійства Командора, дышитъ мщеніемъ за кровь отца (хотя ждетъ и требуетъ этой мести въ обыкновенномъ порядкѣ человѣческихъ дѣлъ, безъ всякаго вмѣшательства силъ безтѣлесныхъ). Женху своего она любитъ; по-крайней-мѣрѣ ни изъ чего не видно, чтобы она его не любила. О страсти, или какомъ-то фантастическомъ влеченіи къ Донъ-Жуану въ партитурѣ—и помину нѣтъ.

Чтобъ убѣдиться, что дѣйствительно нѣтъ помину, ни о любви къ Донъ-Жуану, ни о самопожертвованіи, стоить только заглянуть въ текстъ тѣхъ сценъ, гдѣ Донъ-Оттавію говорятъ Донъ-Аннѣ о своей любви. (Именно во 2-мъ актѣ, въ речитативѣ передъ аріей Анны «*non mi dir*», и въ заключительной сценѣ послѣ катастрофы съ Донъ-Жуаномъ «*Oh che tutti, o mio tesoro*»). Реплики Дона-Анны всегда только въ томъ, что она желаетъ отложить бракъ на нѣкоторое время, отсрочить, потому-что теиерь, вскорѣ послѣ смерти отца, она слишкомъ грустна, печальна, да и неприятно для свѣта (*in si tristi momenti... ma il mondo*), голосъ же ея сердца говорить въ пользу Донъ-Оттавію (*Abbastanza per te mi parla amor*,—это все въ речитативѣ передъ аріей

«Non mi dirò», да и таять самой арии въ *этомъ же* смыслѣ). И такъ, толкованіе душевныхъ тайнъ Доны-Анны (о которыхъ ни у Моцарта, ни у Да-Понте ни полслова)—толкованіе ложное. Моцартъ выхлѣдилъ за предѣлы либретто тѣмъ, что гениальной своей музыкой чрезвычайнаю дополнялъ, дорисовывалъ едва намѣченные эскизы либреттистовъ, значить, всегда оставался въ данномъ драматическомъ положеніи, но никогда не могъ позволить себѣ прямое, діаметральное *противорѣчіе* музыки съ текстомъ, и еще противорѣчіе умышленное! Гораздо проще было Моцарту, при его объективности, потребовать, чтобъ либреттистъ перемѣнилъ ту, или другую реплику, если она не согласовалась съ идеями музыканта. Онъ такъ и дѣлалъ въ тысячѣ случаевъ, по свидѣтельству самого-же г. Улыбышева. Но всѣ такого рода доводы обыкновенно отбрасываются гг. комментаторами, какъ пустой педантизмъ, когда дѣло идетъ о вещи гораздо болѣе важной, когда имъ надо блестяще образчикомъ *собственнаго* творчества! Чтò за дѣло, что Моцартъ нигдѣ *не говоритъ* о всѣхъ тайнахъ сердца своей Доны-Анны, за то думаетъ совершенно согласно съ г. Улыбышевымъ. Какимъ-же образомъ узнаютъ гг. комментаторы о тайнахъ, нигдѣ ни одною ноткою не высказанныхъ, глубоко и тонко психологическихъ ухищреній (aggrèges-pensées) композитора? признаюсь, не понимаю! Мнѣ въ такомъ *ясновидномъ* рѣшительно отказано судьбою. Я даже полагаю, можетъ-быть очень ошибочно, что въ искусствѣ звуковъ нѣтъ никакого способа *на каждомъ шагѣ* намекать на чтò-то совсѣмъ *другое*, чѣмъ то, о чемъ рѣчь идетъ. Хотя-бы въ арии «Og sai chi l'honore», Дона-Анна заставляетъ Дона-Оттавіо припомнить смертельную рану ея отца, землю, орошенную его кровью (rammenta la piaga del misero seno, rimiga di sangue sorretto il terreno)... и въ музыкѣ опять *тѣмъ же* жалобные звуки гобоевъ и фаготовъ, какъ и при смерти Командора и 1-мъ речитативѣ Доны-Анны. Но г. комментаторъ, цитируя только *первый* стихъ изъ этихъ двухъ, доказываетъ, что «сливъ Дона Анна изъясняетъ» не объ отцовской ранѣ, а о своей собственной, душевной?... и т. д. По моему мнѣнію, музыка на такія «мудрости» рѣшительно неспособна, хотя-бы подъ перомъ самого Моцарта, и даже чѣмъ гениальтѣе драматическая музыка, тѣмъ менѣе въ ней аллегорій и эквивоковъ, тѣмъ смыслъ ея ближе къ самой осязательной правдѣ, тѣмъ яснѣе, доступнѣе, *проще* для всѣхъ, кромя гг. комментаторовъ.

Донъ-Оттавіо, юноша, страстно влюбленный въ свою невѣсту; онъ ея живетъ, ея только дышитъ. Объ этомъ даже *текстъ* оперы говоритъ какъ нельзя лучше въ чудесной каватинѣ Дона-Оттавіо: (Богъ знаетъ почему пропускаемой на всѣхъ сценахъ!) Dalla sua pace la mia dipende,

quel che a lei piace, vita mi rende « и т. д. Эта aria (G-dur, $\frac{3}{4}$ sostenuto) одинъ изъ *добавленныхъ* Моцартомъ номеровъ для вѣнской сцены, но ни въ какомъ-случаѣ не *дублируетъ* известной арии тенора: «il mio tesoro intanto», каватина (G-dur, dalla sua race), многимъ *лучше* большой арии, какъ я постараюсь доказать на своемъ мѣстѣ, и потому, очень жаль, что режиссеры не слушаются совѣтовъ известнаго теоретика и критика музыкальнаго Готфрида Вебера, который *давно* писалъ въ своемъ журналѣ Säsilia объ этихъ добавленныхъ Моцартомъ и обыкновенно пропускаемыхъ номерахъ, и всѣмъ имъ отвѣлъ очень видное мѣсто въ партитурѣ, которая такимъ-образомъ много *еще* выигрываетъ. О характерѣ Дона-Оттавіо комментаторы довольно согласны съ партитурою, исключая того только, что, напримѣръ, Гофманъ до крайности обижаетъ этого тенора, всего созданнаго изъ любви и безграничной преданности къ обожаемой женщинѣ. Гофманъ постоянно смѣется надъ его бездѣйствіемъ въ оперѣ, и не иначе называетъ, какъ «щеголеватымъ, прилизаннымъ мужчиной» (ein gelecktes Männlein). Г. Улыбышевъ очень хорошо понималъ, что это невѣрно и несправедливо. Донъ-Оттавіо такого рода характеръ, отъ котораго ничего, *кроме* любви, не должно и требовать, а любовь именно *такая*, какъ у, Донъ-Оттавіо, (да и всѣ прочіе роды любви)—чудеснѣйшая задача для музыки. Точно также г. Улыбышевъ, какъ мы видѣли, обижаетъ бѣднаго Дона-Оттавіо тѣмъ, что будто-бы Дона-Анна его *не любитъ* и никогда *не любила*. Партитура говоритъ совсѣмъ другое, какъ уже было замѣчено. Безграничная преданность Доны-Анны, какъ основа характера Дона-Оттавіо превосходно понята и развита въ одномъ романѣ Ж. Санда (Le château des désertes), хотя до этихъ превосходныхъ замѣчаній трудненько добраться сквозь цѣлый дремучій лѣсъ самыхъ дикихъ фантазій касательно какого-то идеальнаго исполненія Донъ-Жуана, возможнаго развѣ только въ бреду отъ монте-крестовскаго хашишу.

Въ немногихъ репликахъ Командора, въ сценѣ ночной встрѣчи съ Донъ-Жуаномъ (въ интродукціи), слишкомъ мудрено было-бы видѣть не то, что хотѣлъ сдѣлать Моцартъ. Глубокое негодованіе старика на оскорбителя дочери, вѣтерѣнныя поскорѣе перевѣдаться съ дерзкимъ негодяемъ, потомъ поединокъ, потомъ *умиранье* Командора, постепенное ослабѣванье, исчезанье жизни — какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ видишь какъ отлетаетъ изъ насквозь проколотой груди душа, — все это сама правда, сама реальность въ партитурѣ, и гений Моцарта тутъ тѣмъ болѣе блистаетъ, что во всей этой сценѣ до крайности мало нотъ. Замѣтимъ здѣсь также, что въ знаменитомъ терцетѣ трехъ басовъ (Донъ-Жуанъ, Лепорелло и умирающій Командоръ) Моцартъ далъ Донъ-Жу-

ану минутное чувство жалости, состраданье, совершенно-согласно тексту (Ah! già cade il sciagurato! Affanosa e agonizzante già dal seno partitante, veggo—e'nima partir); ни въ текстѣ, ни въ музыкѣ не придава Донъ-Жуану ни малѣйшаго оттѣнка презрѣнія, насмѣшки, — и если г. Улыбышевъ находитъ все это (т. III, стр. 112) то раздвѣляетъ въ этомъ случаѣ вину нѣмецкихъ переводчиковъ Донъ-Жуана, которые неставляя свои тепорные нѣмецкіе стихи подъ Моцартову музыку, какъ будто нарочно заботились о томъ, чтобъ между этой музыкой и нѣ стихами было какъ можно болѣе иногда самыхъ досадныхъ, оскорбительно-невстетическихъ противорѣчій *. (Переводовъ много—въ разныхъ издаваніяхъ партитуры и фортепьянныхъ аранжировокъ, — но одинъ хуже другого. И это стыдъ для Германіи, такъ щеголяющей пониманьемъ своего (?) безсмертнаго Моцарта).

Когда статуя Командора принимаетъ приглашенье Донъ-Жуана — и потомъ въ-самомъ-дѣлѣ является на ужинъ, — это уже не Командоръ— это казнь Донъ-Жуану за всѣ его злодѣйства. Но совѣсть принимаетъ видъ Командора—и этого Моцарту было довольно, чтобы, воплощая въ своихъ звукахъ всю таинственность страшной, смертной минуты,— придать статуй, между-тѣмъ, и всю прежнюю, земную индивидуальность Командора. Нельзя не изумляться единству мысли въ этомъ исполнско-геніальномъ созданіи — Моцартовомъ Донъ-Жуанѣ! Я полагаю, что самый высшій панегирикъ этой оперѣ — указаніе ея красотъ, ихъ взаимной связи, обдуманности музыкальнаго дѣлага и частей, указаніе простое, съ отсутствіемъ всякаго внѣшняго расчета на мнимую глубину анализа, тамъ гдѣ она, — при постоянной живой объективности Моцарта уводила-бы въ сторону отъ самаго дѣла. По случаю потрясающей правды, съ которою Моцартъ выразилъ ужасъ смерти, — выразилъ такъ, что вмѣстѣ съ Шекспиромъ можно воскликнуть oh horrible! most horrible! — мнѣ-бы хотѣлось пояснить, нужно-ли было Моцарту, чтобъ передать вѣрно такіа минуты, самому быть на краю гроба, — но пояснить это никакъ нельзя въ двухъ словахъ. Надобно сперва методически опровергнуть нѣкоторыя ложныя понятія о творческомъ дарѣ вообще и его отношеніи къ дѣйствительной жизни художника, ложныя понятія, которыя еще въ большемъ ходу у многихъ, въ томъ числѣ и у

* Не угодно-ли, напримѣръ, полюбоваться переводомъ только-что выписанной мною реченія Донъ-Жуана:

Hal! nun ruhe frommer Alter! Gib es hin, dein Restchen (?) Leben! Aus dem längst schon welken Herzen fließ es unaufhaltsam hin! (?)

г. Улыбышева. Боже, что и безъ этого отступленія, статья моя разрастется чрезъ-чуръ широко.

Перейдемъ къ *Донъ-Эльвирѣ*. Это одинъ изъ безподобнѣйшихъ созданныхъ Моцартомъ женскихъ характеровъ, — къ сожалѣнію, по некоторой безтолковости и незастычивости либретто, поставленный въ несоветъ выгодномъ свѣтѣ, въ сравненіи съ *Доней-Анной* и *Церлиной*. Вотъ въ чемъ эта невыгода. По намѣреніямъ *Данте*, (намѣреніямъ, которыя Моцартъ красотою *Эльвиры* партиі только нейтрализовалъ, а не исправилъ) *Эльвира* безпрестанно служить жертвою самыхъ унижайшихъ поступковъ со стороны *Донъ-Жуана*. Нельзя не согласиться съ г. Улыбышевымъ, который въ этомъ видитъ расчетъ либреттиста на увеселеніе, потѣху зрителей. По-прайнейшій комическое намѣреніе въ текстѣ несомнѣнно. Но Моцартъ, не исправивъ текста и данныхъ положеній, придалъ *Эльвирѣ* натуру глубоко-женственную, вдохнулъ ей въ уста звуки, полныя гордости, несодержанія, прусты и безграничной страсти къ *Донъ-Жуану*, несмотря на все его оскорбленія, несмотря на убійственное его равнодушіе въ ея любви. Отъ всего этого вмѣстѣ выходитъ некоторый разладъ этого чудеснаго музыкальнаго характера съ полу-жалкими, полу-сифинскими положеніями, въ которыя онъ поставленъ либреттистомъ; — выходитъ некоторая нецѣлостность во впечатлѣніи роли *Донъ-Эльвиры* на слушателей, и неблагодарность этой роли для исполнительницъ. Едва только услыши *Моцартовы* звуки разстрогать васъ до глубины души, — какъ глубоко-комическое положеніе, придуманное либреттистомъ, если и не разсѣнитъ васъ, потому-что вовсе не сифино, то область *холодежь*, разстроитъ впечатлѣніе, музыкальнаго характера, — и вы не останетесь на *Донъ-Эльвирѣ* съ такою любовью, какъ на *Донъ-Анной* и *Церлиной*, потому-что отъ тѣхъ ролей впечатлѣніе полно, гармонично, цѣлѣво. Вы бы и хотѣли вполне симпатизировать бѣдной *Донъ-Эльвирѣ*, — но не можете, отъ этого полу-комизма, который тутъ вмѣшался очень некстати — вы не знаете, *фарсе-м* передъ вами разыгрывается, или происходитъ глубоко-патетическая сцена. По настоящему, въ каждой сценѣ оперы непремѣнно долженъ быть *мѣл* пафосъ, *мѣл* комизмъ, *мѣл* сибѣтъ, *мѣл* слезы, съ безконечными ихъ отбѣнками и постепенностью, пожалуй и то и другое въ одно время, но въ ясныхъ, опредѣленныхъ чертахъ (*tout cela bien franchement assis*); когда же «и то и другое» и «ни то, ни другое» — впечатлѣніе не можетъ иначе выйти какъ довольно холодное, противъ красоты чисто-музыкальной. Именно такъ выходитъ съ *Доней Эльвирой*.

Вотъ она является на сцену съ своей выходной аріей, (№ 3, Es

dur). Какъ-то сейчас чувствуется, что это сцена не серьезная, не та сфера высокаго паэоса, въ которой мы сейчас парили съ Домою-Анною и Домою-Оттавіо. Между тѣмъ Дона-Эльвира глубоко-оскорблена; жалуется на свою участь, хочетъ отместить своему оскорбителю — ситниаго, комическаго тутъ нѣтъ ровню ничего. Вдали показывается Донъ-Жуанъ съ Лепорелло. Намѣреніе и въ текстѣ и въ музыкѣ комическое, но вамъ только *досадно* на все это, послѣ безподобнѣйшаго трагическаго дуэта, и Дону-Эльвиру не спасаютъ даже удивительно красивые звуки ея партіи и оркестра. Вотъ Донъ-Жуанъ узналъ ее; вы ожидаете сильной сцены, но дѣло ограничивается небольшими репликами бѣдненькаго речитатива, — а потомъ Эльвира должна молча прослушать длинную арію Лепорелло о каталогѣ Донъ-Жуановыхъ побѣдъ (очень назидательномъ для Эльвиры). Впечатлѣніе еще не поправлено. Второй ея выходъ еще меньше способенъ помирить васъ съ нею. Только что пронеслась передъ вами веселая толпа поселянъ, — вы познакомились съ новыми лицами оперы, съ Церлиной и Мазетто, — вы внѣ себя отъ восхитительнаго дуэтино «*la ci darem*», вдругъ является опять эта Дона-Эльвира, на этотъ разъ и вамъ неменьше досадная, какъ самому Донъ-Жуану. (прибавьте къ этому, что Эльвира— третій сопрано въ оперѣ; какъ рѣдки должны быть случаи, когда исполненіе этой роли поручается настоящей артисткѣ!) И тутъ Моцартъ далъ Эльвирѣ арію, которую никогда не исполняютъ на сценѣ, — арію, признаваемую г. Улыбышевскимъ за мистификацію со стороны Моцарта! (т. III, стр. 126). Дѣло въ томъ, что арія эта «*Ah! fuggi il traditor*» (D-dur, $\frac{3}{4}$, Allegro) написана въ стилѣ особенномъ отъ прочихъ номеровъ оперы, близко напоминающемъ Генделя (оркестры въ этой грандіозной аріи — одни смычковые. Г. Улыбышевъ полагаетъ, что цѣль Моцарта была, при семъ удобномъ случаѣ, указать слушателямъ (?) всю разницу между его, Моцартовскими, формами музыки, и прежними, Генделевскими. Въ оперѣ не кѣсто наглядно преподавать исторію музыки (въ томъ родѣ какъ Шпоръ устраиваетъ свои историческія симфоніи) и такая мысль была-бы въ страшномъ разладѣ съ постоянною объективностью Моцарта. Мнѣ кажется, что онъ избралъ тутъ *эту* форму, *этотъ* стиль только потому, что считалъ его въ этомъ мѣстѣ приличнымъ, эстетически-согласнымъ съ требованіями текста — а текстъ: предостереженіе неопытной Церлины противъ предательскихъ злодѣяній Донъ-Жуана. Арія эта (весьма короткая) удивительна, и сильный архаизмъ ея формъ придаетъ ей особенную, новую въ оперѣ *превеличье*.

* Арія до того великолѣпна, что нельзя искренно не пожалѣть, затѣмъ Моцартъ написалъ такъ мало вещей написать въ этомъ чудесномъ Генделевскомъ стилѣ, *который* *онъ* *владеетъ* такъ мастерски.

притомъ, совершенно на оборотъ мѣтнiю г. Улыбышева, и характеръ Доны-Эльвиры отражается въ этой ариѣ, какъ нельзя лучше. Тѣмъ не менѣе, по очень многимъ причинамъ, ариѣ эта *натсатрль*, — и вслѣдъ за «*la ci dagem*», сильнаго впечатлѣнiя произвести не можетъ; — Дона-Эльвира все еще остается лицомъ невыгодно-поставленнымъ (*un personnage complètement sacrifié*). Слѣдуетъ очаровательный квартетъ (*non ti fidar*) въ которомъ партiя Доны-Эльвиры почти главная. Не могу не замѣтить здѣсь кстатi о безтолковости либретто въ этомъ мѣстѣ, — безтолковости, на которую никто, кажется, изъ гг. комментаторовъ не обратилъ вниманiя. Отдѣльные номера (*могсеау*) этой оперы, какъ и всѣхъ итальянскихъ оперъ у Моцарта, связаны *речитативами* (безъ оркестра, *recitativi secchi*). Эти речитативныя сцены не имѣютъ никакого другаго назначенiя, кромѣ того, чтобъ служить *связью*, цементомъ; но въ Донъ-Жуанѣ очень часто именно этой *связи* и не оказывается, — въ смыслѣ драматической логики, которой мы привыкли требовать отъ каждаго сценическаго произведенiя. Тогда какъ, напримѣръ, въ «*Nozze di Figaro*», въ речитативахъ все связывается и объясняется какъ нельзя лучше (что было довольно трудно при сильной запутанности интриги), въ Донъ-Жуанѣ сцена за сценой чередуются, какъ стекла въ волшебномъ фонарѣ, точно по какому-то капризу либреттиста. Прибавьте къ этому, что въ партитурѣ, противъ всѣхъ принятыхъ обыкновений, — не означены съ точностию приходы и уходы дѣйствующихъ лицъ, и нигдѣ ни полслова о переимѣнiяхъ декораций! Все это какъ-будто, по какому-то недосмотру, или небрежности, предоставлено на *промаволь* режиссеровъ и комментаторовъ. Оттого, послѣ Шекспировскихъ драмъ, ни одна сценическая вещь и не пострадала отъ этого пагубнаго произвола въ такой мѣрѣ, какъ Донъ-Жуанъ.

Послѣ дуэтино «*la ci dagem*» Эльвира явилась вдругъ, весьма неожиданно для Донъ-Жуана, и пропѣла «предостереженiе» Церлиннѣ «*Ah, fuggi il traditor*» — по окончанiи этой ариѣ (*D. dur*, № 7), въ партитурѣ не сказано ни слова: ушла-ли Эльвира, или осталась еще тутъ съ Церлинной и Донъ-Жуаномъ. За тѣмъ слѣдуетъ маленькая реплика Донъ-Жуана (*recitativo secco*), досада его, что вышелъ такой неудачный день. — Приходятъ Дона-Анна и Донъ Оттавио (они въ продолженiе всей оперы все прогуливаются вмѣстѣ, безъ всякаго опредѣленнаго плана), адресуются къ Донъ-Жуану, какъ къ старинному знакомому, и просятъ услуги отъ его дружбы, (если онъ былъ давно знакомъ Донъ-Аннѣ, то какъ же она его не узнала, хоть по голосу, въ ночной сценѣ, которою открывается опера? странно, неправда-ли)? Донъ-Жуанъ нѣсколько встревоженный не открылось-ли все дѣло, объщаетъ Донъ-

Анна съдѣлать все, что въ его власти, хотя и не знаетъ еще для чего нужна его помощь... Не успѣла Дона-Анна объяснить своего гѣра, какъ является *Дона-Эльвира* съ вѣчнымъ своимъ итальянскимъ *perfidio mostro!* — Но когда же Эльвира ушла, зачѣмъ опять вернулась послѣ двухъ, трехъ репликъ речитатива? Либретто на эти вопросы отвѣта не даетъ, какъ и на многіе другіе. Вы, пожалуй, возразите, что это мелочь, педантскія придирки, но я останавливаю ваше вниманіе на этихъ мелочахъ потому во-первыхъ, что въ такой оперѣ, какъ *Донъ-Жуанъ*, хотѣлось-бы видѣть систематичность, логику, даже въ мелочахъ, во-вторыхъ потому, что иногда отъ этихъ мелочей зависятъ впечатлѣніе цѣлой сцены. Не забудьте, что тотчасъ вслѣдъ за словами Эльвиры «*perfidio mostro*», — неволью возбуждающими улыбку, тотчасъ вслѣдъ за этимъ «сухимъ» речитативомъ (который и у Моцарта на общій итальянскій ладъ, по принятой формѣ, или формулѣ) — начинается восхитительная мелодія Эльвиры «*non ti fidar, o misera. (Andante B dur, C)*. При такой мелодіи не до комизма, и не хочется вспомнить, что Эльвира, адресуя свои «предостереженія» рѣшительно всѣмъ женщинамъ, съ которыми *Донъ-Жуанъ* едва успѣетъ слово промолвить, — адресуя, несмотря ни на время, ни на мѣсто, хотя-бы на улицѣ (какъ въ настоящемъ случаѣ) въ-самомъ-дѣлѣ довольно похожа на помѣшанную. На красотахъ этого удивительнаго квартета (красотахъ впрочемъ болѣе музыкальных, чѣмъ сценическихъ), я не останавливаюсь, потому-что пишу не панегирикъ оперѣ; — да и какъ рассказывать, объяснять словами красоту Моцартовой музыки? — Кто ее не знаетъ, изъ описанія не получитъ объ ней ни малѣйшаго понятія, — а кто знаетъ, тотъ обойдется и безъ нашихъ восторговъ.

И такъ квартетъ (*non ti fidar*), первый номеръ, гдѣ *Дона-Эльвира* является довольно выгодно. Но и тутъ, кромѣ довольно неловкой рамки, приготовляющей впечатлѣніе квартета со стороны *драматическаго* интереса, партія *Доны-Анны* перевѣшиваетъ Эльвиру, — потому-что истинная артистка въ роли *Доны-Анны*, сильнымъ, пристальнымъ взглядываньемъ въ *Донъ-Жуана* должна необходимо завладѣть общимъ вниманіемъ, и отвлечь его отъ менѣе занимательной домашней ссоры между Эльвирой и *Донъ-Жуаномъ*.

Въ остальной части перваго акта, Эльвира является уже неразлучною спутницею *Доны-Анны* и *Дона-Оттавіо*, — и вѣстѣ съ ними преслѣдуетъ *Донъ-Жуана* ищениемъ. Партія всѣхъ ихъ равнаго интереса музыкальнаго и драматическаго, послѣдняя впрочемъ не очень-то много въ этихъ партіяхъ, отъ безтолковости либретто. Какъ эти три лица собираются отместить *Донъ-Жуану*? въ чемъ именно ихъ клятвѣ

решѣ? для чего они являются на балъ? Я очень-бы хотѣлъ, чтобы нѣкто-нибудь это разъяснилъ на основаніи самаго текста оперы.

Во 2-ю актѣ партія Эльвиры вѣскольکو благодариве. Въ числѣ прибавленныхъ Моцартомъ номеровъ у ней есть арія (Mi tradi quell' alma ingrata. Es-dur. C. Rondo, Allegretto, съ чудеснымъ предшествующимъ речитативомъ *stromentato*, «in quali eccessi o Numi!»). Эта арія, гдѣ Эльвира выражаетъ свою любовь къ Донъ-Жуану, несмотря на все его вѣроломство, одна изъ самыхъ лучшихъ созданныхъ Моцартомъ женскихъ арій, одно изъ чудесъ Моцартовской музыки уже по одной оркестровкѣ. Арію эту, если исполняютъ на сценѣ (довольно рѣдко)*, то помѣщаютъ послѣ арія каталога (такъ указалъ и Готфридъ Веберъ). Мнѣ кажется, что убѣжденіе г. Улыбышева въ этомъ случаѣ вѣрите Веберовскихъ. Г. Улыбышевъ, на страницахъ 150, 151 III тома, доказываетъ весьма дѣльно, почему эту арію слѣдуетъ открывать 2-й актъ. Комическій дуэтино Донъ-Жуана съ Лепорелло (G-dur $\frac{3}{4}$ Eb, via, *ballone*) будетъ непосредственно за нею слѣдовать. На этотъ разъ моведлогъ Эльвиры не оравленъ никакимъ полу-комизмомъ, и музыкальный ея характеръ является въ полной красѣ. Очень неправъ г. Улыбышевъ, думая видѣть въ этой аріи (mi tradi) лиризмъ чисто-музыкальный, независимый отъ драматическаго положенія — т. е. какъ-будто часть сонаты, или квартета. Задача текста въ этой сценѣ какъ нельзя болѣе драматична, — и объективный художникъ Моцартъ никогда «съ нѣтъраніемъ» не выводилъ музыку оперы изъ сферы психологическихъ дѣйствій сюжета. Въ этой аріи, конечно, есть лиризмъ — но лиризмъ, свойственный не всѣмъ людямъ вообще, а именно Д. Эльвирѣ, — именно въ такой настроенности ея души. Если гдѣ и случалось Моцарту гнѣшить противъ драматической правды, то только въ бравурныхъ, виртуозныхъ партіяхъ, къ которымъ Д. Эльвира никакъ не относится. Въ сценѣ терцета (ah taci ingiusto core, Andante, A-dur. $\frac{6}{8}$) Д. Эльвира дѣлается жертвою самой злой, самой унизительной мистификаціи, и какъ бы ни была хорошо исполнена партія Эльвиры въ этомъ очаровательномъ терцетѣ, результатъ сцены, тотъ, что Эльвира сходитъ съ балкона навстрѣчу къ Лепорелло, переодѣтому Донъ-Жуаномъ, — этотъ результатъ шалости Донъ-Жуана не можетъ не вызвать улыбки въ зрителѣ. Эльвира опять становится вѣскольکو смѣшною и много теряетъ въ вѣстическомъ отношеніи. Комизмъ этой сцены, по моему мнѣнію, весьма грубо-неэстетиченъ и составляетъ одно изъ пятенъ текста; — но Моцартъ цѣправиль все дѣло удивительной музыкой, исполненной нѣги и

* На петербургской итальянской сценѣ, г-жа Маррай всегда исполняетъ эту трудную арію, и очень отчетливо.

южнаго колорита, музыкой, ради которой можно простить и не такіе нелѣпыя фарсы.

Начало знаменитаго секстета — продолженіе этой противной мисти-фикаціи. Эльвира одна съ Лепорелло, в все принимаетъ его за дорогаго своему сердцу злодѣя. Когда приходятъ Д. Оттавіо съ Д. Анной, потомъ Мазетто съ Церлиной, и собираются убить Лепорелло, — принявъ его за Донъ-Жуана по платью, Эльвира защищаетъ нищаго своего мужа (*è mio marito! pietà!*). Мистификація опять вредитъ серьезности впечатлѣнія, и въ этомъ случаѣ вредитъ не одной Эльвирѣ, а *всѣмъ* лицамъ, всему драматическому положенію въ секстетѣ, который въ Моцартовой музыкѣ получилъ важность почти трагическую, исключая высшей степени комическаго Лепорелло. Послѣ секстета, молча прослушавъ длинную арію Д. Оттавіо объ его сокровищѣ, Д. Анна (что для Эльвиры должно быть не особенно интересно) — Эльвира является на сцену еще два раза—въ финалѣ оперы. Во-время ужина, она приходитъ къ Донъ-Жуану, чтобы еще въ послѣдній разъ «усоветить» его, — уговорить бросить безпутную жизнь. Донъ-Жуанъ, конечно, только улыбается, выслушивая эти забавныя для него наставленія, и приглашаетъ Эльвиру, — чтобы она, вмѣсто морали, съѣла бы лучше за столъ (*e se ti piace, mangia con me*). Лепорелло очень разстроганъ, по своему, мольбами Эльвиры. Ея грустныя, страстныя просьбы, ничѣмъ не возмутимый эпикуреизмъ Донъ-Жуана и комическое состраданіе Лепорелло — все это непосредственно передъ страшнымъ явленіемъ статуи—дѣлаютъ эту сцену одною изъ лучшихъ, изъ самыхъ счастливыхъ по задачѣ текста. Какова она вышла въ Моцартовой музыкѣ—объ этомъ нечего распространяться для всѣхъ, кому сколько-нибудь знакома опера. Хотя нельзя не замѣтить, что даже и здѣсь характеръ Эльвиры жертвованъ общему впечатлѣнію сцены. При концѣ пьесы Д. Эльвира, вмѣстѣ съ прочими, участвуетъ въ заключительной сценѣ (о которой рѣчь впереди).

Нѣкоторая невыгода, неблагодарность роли Доны Эльвиры, какъ я говорилъ, лучше всего объясняется сравненіемъ съ партіей Церлины. На долю Церлины достались сцены самыя граціозныя изъ всей оперы. Съ перваго своего появленія, съ Мазетто и хоромъ поселянъ, она привлекаетъ къ себѣ вниманье зрителей до такой степени, что даже трагическая Доина-Анна, съ своею печалью и мщеніемъ убійцы Командера, отозвигается на второй планъ. Въ финалѣ 1-го акта все дѣйствіе решительно сосредоточивается на Церлинѣ, слѣдовательно и въ музыкѣ она и Мазетто выходятъ тутъ главными лицами. Тогда какъ Эльвира либреттистъ далъ много фразъ полу-трагическихъ, иногда весьма сѣ-

дульныя» (напримѣръ «gli uoi savar il cog» и другіе въ этомъ же родѣ, близко напоминающемъ условный стиль «серьезныхъ» оперъ), въ роли Церлины нѣтъ ни малѣйшаго притязанія на трагичность, все—просто, натурально, и оттого несравненно ближе къ душѣ каждаго. Въ отношеніи партіи Доны Эльвиры упреки должны падать болѣе на либреттиста, какъ я уже замѣчалъ;—но Моцартъ однако не исправилъ нѣкоторой неэстетичности и неопредѣленности этой роли. Въ отношеніи Церлины, Моцартъ также тогда только безукоризненъ, если считать, что все его дѣло было выразить музыкою—данныя драматическія положенія; потому-что, со стороны поэтической и логической концепціи, характеръ Церлины не совсѣмъ свободенъ отъ упрека. Несмотря на то, что г. Улыбышевъ при каждомъ удобномъ случаѣ повторяетъ, что Церлина, будто бы и по намѣреніямъ Да-Повте и Моцарта, собирается обманывать своего Мазетто (г. Улыбышевъ всего яснѣе видитъ это въ *arim batti, batti*!)—всего этого нѣтъ въ партитурѣ. Еслибъ г. Улыбышевъ былъ правъ въ своемъ произвольномъ толкованіи, граціозно-наивный характеръ Церлины потерялъ бы, конечно, значительную долю поэзіи, за то былъ бы веденъ нѣсколько послѣдовательнѣе;—а теперь въ этомъ характерѣ, при всей его поэзіи, есть порядочная несообразность. Въ партитурѣ арій «*batti, batti*»—и «*vedrai sagino*» которыя обѣ Церлина поетъ своему Мазетто,—дышетъ такая теплая, такая простодушная любовь очень молодой женщины, что въ искренности чувствъ Церлины къ Мазетто нѣтъ никакой возможности сомнѣваться. Неискренность, лукавство заговорили бы совсѣмъ другими звуками въ Моцартовой музыкѣ (припомните, напримѣръ, въ *Nozze di Figaro* дуэтъ Сусанны съ Графомъ «*studei, perchè fin'ora*»—гдѣ музыка лукавить вѣстѣ съ Сусанною). Теперь—сообразно ли, чтобъ женщина (хотя бы и носелянка), искренно любящая своего жениха, при встрѣчѣ съ Донъ-Жуаномъ такъ скоро, такъ мгновенно измѣнила своей любви? Другими словами: или дуэтъ «*la ci darem*», или обѣ *arim* Церлины (обѣ въ самыхъ простодушныхъ тонахъ: F-dur и C-dur)—ложь противъ ея характера. Досадная дилемма для всѣхъ, кто хорошо помнитъ эту восхитительную музыку;—но именно имъ всѣмъ должно быть ясно, что чудесная, кристально-прозрачная душа, которая какъ въ зеркалѣ отражается и въ «*batti, batti*» и въ «*vedrai sagino*»—эта душа не позволила бы Церлинѣ послѣ двухъ, трехъ репликъ, *voggei, e poi voggei... mi fa pietà Masetto...* согласиться на предложеніе Донъ-Жуана и запѣть съ нимъ вѣстѣ: *andiam andiam, mio bene, a ristorar le pene d'un innocente* (?) amor! — Одно предположеніе можетъ еще нѣсколько извинить Церлину: обаяніе Донъ-Жуана на всѣхъ женщинъ слишкомъ сильно, а

съ другой стороны самая наивность и сельская простота Церлины не позволяют ей усомниться въ искренности «*del monsi cavaliere.*» Не въ такомъ случаѣ — въ сценахъ съ Мазетто, тутъ же вскорѣ послѣ «*La si dagem*» и далѣе—Церлина должна бы все ему рассказать очень наивно; вообще надо бы иначе повернуть эти сцены, въ которыхъ теперь, *in statu quo*, Церлина только боится, чтобъ чего-нибудь не вышло между Мазетто и Донъ-Жуаномъ, также какъ и послѣ, въ сценѣ бала (*Es-dur ^a/₈*: «*quel Masetto mi par stralunato, brutto, brutto si fa quest affar*») а сама очень безпечно и довѣрчиво идетъ въ разставленную ей западню. Между-тѣмъ чувства ея къ Донъ-Жуану остаются *очень неопредѣленны*. О любви къ нему въ ней и рѣчи нѣтъ. (Совершенно противоположно тому, что говоритъ г. Улыбышевъ на 137 стр. III тома). Какъ же не отнести всего этого къ недомолвкамъ текста, и, слѣдовательно къ недосмотру Моцарта, хотя онъ и очень глубоко выкалъ въ своемъ задачи. Въ-теченіе этой статьи мнѣ придется еще не разъ возвратиться къ мысли, что Моцарту, какъ «*воплощенной музыкѣ*», музыкальный интересъ былъ все-таки несравненно *важнѣе* всѣхъ прочихъ сторонъ опернаго труда. Данному психологическому положенію, онъ, по своей объективной гениальности, — *всегда* былъ вѣренъ (исключая уступокъ виртуозамъ); но всѣ эти психологическія положенія въ нѣхъ взаимной связи, цѣлый драматическій характеръ, со всѣхъ возможныхъ сторонъ, онъ не на столько обдумывалъ, сколько бы нужно было, — особенно при *такой* гениальности, при такой художественной правдѣ подробностей.

Мужскіе характеры въ Донъ-Жуанѣ вообще несравненно удачнѣе женскихъ выдержаны въ самомъ текстѣ, значить *тѣмъ болѣе* въ музыкѣ. И *каждый* изъ этихъ характеровъ главный пока на сценѣ, пока дѣйствіе на немъ сосредоточивается. Г. Улыбышевъ почти тоже самое говоритъ на 103 стр. III тома, но изъ числа ролей, *ровныхъ* по драматической важности, *исключаетъ* — роль Мазетто! Если *одно* дѣйствующее лицо исключается, — то уже никакъ нельзя сказать, что *вся* роль, *всл* партіи въ оперѣ равно важны (*il n'y a point là d'emplois inférieurs*—vol. 3. p. 103, и тутъ же вслѣдъ — *tous les rôles et toutes les parties, excepté celle de Masetto, sont de la plus haute importance*). Но г. Улыбышевъ и тутъ весьма заблуждается. Создавъ, какъ мы видели, *свой* персоналъ оперы (Донъ-Жуанъ титанъ чувственности, Леопорелло—возможный только *при* Донъ-Жуанѣ, Дона-Анна—закладчица и жертва, Церлина—кокетка и обманщица, и т. д.) г. Улыбышевъ порѣшилъ, что въ *этомъ* персоналѣ роль Мазетто ограничивается *тѣмъ*, чтобъ служить *пѣшкой* для Церлины, что Мазетто отъявленный *бу*

ванъ, котораго и музыкальное значеніе должно быть *rosso o niente* (р. 81.) Оттого, видя, что кромѣ довольно большаго участія, которое Мазетто принимаетъ во *esclz* большихъ *morceaux d'ensemble*, Моцартъ далъ и ему арію (*ho carito, signor, si*, — № 2 изъ числа добавочныхъ). Видя это, г. Улыбышевъ еще сильнѣе старается доказать ничтожность и музыкальной партіи Мазетто, и жалѣеть даже, что Моцартъ *понапрасну* трудился надъ этою арією; ибо: нуль, помноженный на нуль — даетъ нуль. Но взгляните въ партитуру, и вы тотчасъ убѣдитесь, что Мазетто ровно столько же *рельефенъ*, какъ и другія лица, что тамъ, гдѣ ему приходится выносить на своихъ плечахъ интересъ оперы, — онъ очень важенъ, до-крайности натураленъ и съ такою же любовью задуманъ и созданъ Моцартомъ, какъ и Лепорелло, напримѣръ, или Донъ-Оттавіо, и даже самъ Донъ-Жуанъ. При объективности Моцартовой иначе и быть не могло. Напрасно г. Улыбышевъ *забранивалъ* арію «*ho carito*» — это одна изъ самыхъ безподобныхъ Моцартовскихъ *комическихъ* арій.

Она должна идти передъ сценою дуэта Донъ-Жуана съ Церлиной (*la ci diamo*). Донъ-Жуанъ, въ большомъ нетерпѣніи остаться съ Церлиной наединѣ, далъ приказъ Лепорелло, чтобъ онъ оттащилъ куда-нибудь этого несноснаго мужика Мазетто, который докучаетъ своею ревностью. «Смотри, любезный Мазетто, если не уйдешь, будешь каяться» — и вотъ Мазетто, *volens, volens*, уходитъ, — но на прощанье опять возвращается. — все хочетъ много кое-чего высказать и Донъ-Жуану и Церлинѣ. (Начинается арія — *F-dur 4/4 Allegro di molto*). Какъ будто видя этого неловкаго мужика, который вертять шляпу въ рукахъ, расшаркивается передъ Донъ-Жуаномъ полу-почтительно, полу-иронически — Лепорелло его тащить въ сторону — онъ все увертывается, чтобъ еще разъ погрозить Церлинѣ, еще разъ ругнуть её, потомъ опять бросить словца два Донъ-Жуану, — не смѣя и не умѣя высказать всего, что на душѣ. Наконецъ, Лепорелло утащилъ его со сцены. Особенной красоты звука (*élégance*), особенной пѣвучести тутъ и искать нельзя — все это было-бы невозможною для Моцарта ошибкою противъ психологической задачи, довольно грубоватой — чисто комической; но именно со стороны *правды* художественной, эта арія на вѣсахъ серьезной критики должна перетянуть многія другія у Моцарта, пользующіяся славой преимущественно за красоту звука (хоть-бы «*il mio tesoro*»). Красота правды художественной не такъ всеѣмъ доступна, какъ *внѣшняя* красота. Г. Улыбышевъ, кромѣ-того, вообще мало симпатизируетъ тѣмъ сценамъ Донъ-Жуана, гдѣ главные лица — поселяне, съ ихъ мужицкою грубоватостью, удивительно схваченною Мо-

цартомъ; какая-то чопорность вкуса мѣшаетъ въ этомъ случаѣ комментатору. Еще о безподобномъ хорѣ поселянъ (G-dur, $\frac{6}{8}$) когда только вбѣгаютъ на сцену Церлина съ своимъ женихомъ, г. Улыбышевъ говоритъ довольно *холодно*, въ сравненіи съ прочими панегириками, и холодно потому, что это именно такого рода «веселость и красота», на которыя любоваться будто-бы лучше издали,—на благородной дистанціи. Между-тѣмъ эта сцена *удивительна* и по красивости музыки, и по правдѣ художественной, удивительна нисколько *не меньше* другихъ сценъ, на которыхъ г. Улыбышевъ останавливается съ видимымъ предпочтеніемъ (квартетъ «non ti fidar», финаль 1-го акта и такъ-далѣе). Въ маленькой сельской картинкѣ великій мастеръ, можетъ-быть, еще видѣе, чѣмъ въ большихъ, выработанныхъ сценахъ (какъ, напримѣръ, секстетъ) потому-что тутъ на первомъ планѣ блистаетъ та гениальная непринужденность, легкость вдохновенія, которою послѣ Моцарта одинъ Россини владѣлъ въ оперномъ дѣлѣ. Эта почти ироническая непринужденность, отъ которой кажется, что художникъ создалъ вещь улыбаясь, шутя, создалъ какъ игрушку, какъ шалость, какъ-будто нехотя (*du bout des levres*)—эта сторона творчества достается въ удѣлъ весьма немногимъ художникамъ. Были и великіе мастера, совершенно-лишенные этой легкой свободы вдохновенія, напримѣръ Глукъ, Керубини. Замѣьте, что я тутъ разумѣю свободу вдохновенія «видимую, кажущуюся» — а не то, на сколько тутъ участвовалъ трудъ художника, много-ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ *работалъ* надъ вещью. Дѣйствительная степень *работы*, трудъ—тайна художниковъ, которая не переступаетъ и не должна переступить порога мастерской. Роль Мазетто весьма важна въ 1-мъ финалѣ. Этотъ финаль начинается ссорю Мазетто съ его невѣстою, по случаю ревности его къ Донъ Жуану. Весь характеръ Мазетто въ этомъ чувствѣ. Какъ добрый мужичокъ-простякъ, онъ горячо любитъ свою Церлину, и крѣпко сердится на нее, когда она позволяетъ щеголеватому барину ухаживать за нею и манить въ замокъ. Чувство самое натуральное самое *непосредственное*—и оттого обильная пища для музыки. Ссора Церлины съ Мазетто ведена Моцартомъ съ истинно-шекспировскою правдою; — притомъ и музыкальныя, техническія красоты этой сцены дѣлаютъ ее одною изъ самыхъ замѣчательныхъ, изъ самыхъ образцовыхъ (напримѣръ со стороны живой свободы контрапункта), одною изъ лучшихъ даже въ такой оперѣ, гдѣ почти все—высокій образецъ разныхъ сторонъ опернаго стиля. Значить, г. Улыбышевъ очень несправедливъ когда говоритъ объ этой сценѣ чрезвычайно вскользь, какъ-будто она не заслуживаетъ особеннаго вниманія, и помѣщена только для того, чтобъ *начать* финаль какъ можно незамѣтно — «въ снѣ-»

нзго *низкого тона гаммы* (стр. 137). Это сравненіе какъ-то напоминаетъ давно забытыя реторики съ ихъ раздѣленіемъ слога на высокій, средній и низкій. Для Моцарта, какъ я говорилъ, не могло быть ни низкаго слога, ни низкихъ сценъ, ни низкихъ характеровъ. Блестящіе аккорды оркестра возвышаютъ Донъ-Жуана; прежде нежели онъ придетъ, Мазетто прячется за деревья, чтобы оттуда подслушать, какъ пойдетъ бесѣда между Донъ-Жуаномъ и Церлиной. Когда Донъ-Жуанъ начинаетъ болѣе и болѣе одушевляться въ своихъ обольстительныхъ рѣчахъ,—Церлина еще слишкомъ тревожится объ Мазетто,—онъ вдругъ самъ показывается изъ-за-куста,—къ великой досадѣ Донъ Жуана, которому ничего больше не остается, какъ обернуть все дѣло въ шутку. Въ этой сценѣ Мазетто, безъ всякаго сомнѣнія, столько же рельефенъ, столько же значителенъ, какъ и Церлина, какъ и самъ Донъ-Жуанъ. Во всей сценѣ праздника въ замкѣ Донъ-Жуана, до прихода масокъ, ревность Мазетто — средоточіе вниманія зрителей; и послѣ прихода масокъ эта ревность не отодвигается даже на второй планъ: во все время танцевъ Лепорелло старается оттащить Мазетто подальше отъ Церлины, Мазетто упрямится — и Моцартъ ни на минуту не забываетъ рисовать этой группѣ. Кризисъ финала составляетъ поступокъ Донъ-Жуана съ Церлиной, и Мазетто, оскорбленный столькоже, какъ и сама невеста его, становится, вмѣстѣ съ нею, главнымъ лицомъ финала. Моцартъ придалъ здѣсь партіи Мазетто весьма кстати особую рельефность: «Zerlina, ah Zerlina!...» потомъ при общихъ упрекахъ Донъ-Жуану — tutto tutto gia si sa — и далѣе, въ начальной фразѣ Allegro: trema, trema, scellerato. Кажется, послѣ всего этого трудно быть на сторонѣ г. Улыбышева, чтобы видѣть въ Мазетто — нуль и больше ничего. Быть-можетъ, Мазетто и въ самомъ-дѣлѣ изъ такихъ характеровъ, которые не слишкомъ значительны въ *дѣйствительной жизни*, — но въ оперѣ онъ никакъ не нуль, уже не говоря о превосходномъ контрастѣ между его мужиковатостью и другими дѣйствующими лицами. Пристрастный взглядъ г.г. комментаторовъ на тотъ, или другой характеръ оперы, и неразлучныя съ тѣмъ пристрастіемъ преувеличенія, напоминаютъ мнѣ какъ нельзя ближе заблужденіе одного очень знаменитаго писателя—по части, впрочемъ, ничего общаго съ музыкою не имѣющей. Тѣ изъ читателей моихъ, которые знакомы съ естественною исторіею и съ трудами Бюффона, припомнятъ написанную имъ (очень жарко, очень краснорѣчиво) параллель характеровъ льва и тигра: — левъ выставленъ у Бюффона типомъ благородства, великодушія, храбрости въ звѣряхъ, тигръ — типомъ безграничной кровожадности, въ соединеніи съ трусливостью, лукавствомъ и такъ далѣе. Наблюденія позднѣйшихъ натуралистовъ откры-

ли, что и та и другая сторона до крайности преувеличены. Въ наше время давно стали считать и льва и тигра колоссальными конками, со всеми свойствами и привычками конячьей породы, такъ что ни тина труливости и кровожадности, ни тина смѣлости и великодушія на дѣлѣ, то-есть въ ихъ звѣриной природѣ, не огазывается. Бюффону преувеличенія эти были нужны для красиваго контраста—для врасоты слога,—оттого правда и пострадала. Не толи самое съ характерами Донъ-Жуана и Мазетто въ комментаріяхъ г. Улыбышева? Такъ вообще «виртуозность» всякая, въ томъ числѣ и виртуозность слога (то-есть желаніе блеснуть имъ)—въ постоянной враждѣ съ правдой.

Прошу у читателей извиненія, что на минуту отылекся въ сторону отъ предмета; но мнѣ кажется, что тутъ есть отношеніе довольно близкое къ постоянному «собственному творчеству» г.г. комментаторовъ, «къ легкой производительности» ихъ воображенія, на которую я уже столько разъ указывалъ.

Окончивъ пересмотръ характеровъ въ Моцартовомъ Донъ-Жуанѣ, для того, чтобъ очистить ихъ отъ произвольныхъ толкованій, и нагѣреваясь говорить теперь о «цѣломъ» этой оперы со стороны сюжета,—имѣя цѣлью возможную чистоту взгляда, — я напередъ подвергаю себя упрекамъ въ нѣкоторой педантской методичности, быть-можетъ очень скучной для тѣхъ, кто не привыкъ находить серьезность изложенія въ дѣлѣ музыкальной критики. По моему же мнѣнію, безъ методичности, даже безъ нѣкотораго педантизма едвали возможно обойтись совершенно, когда дѣло идетъ о *вѣрности* эстетической оцѣнки художественнаго произведенія. Эстетическая критика, какъ и всякая критика вообще, — отрасль философій, и безъ строгой, можно-сказать анатомической точности, болѣе или менѣе *тяжелой* для несовершенныхъ подготовленныхъ читателей, тутъ нельзя сдѣлать ни шагу. Притомъ-же статья моя, какъ специально-критическая, не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія ни на заманчивость «легкаго, фелетона», бесѣды съ читателями о томъ и о другомъ—какъ болѣею частью пишутся музыкальныя статейки,—ни на особенную популярность изложенія. Все, что пишется сколько-нибудь серьезно, пишется *только для тѣхъ*, кто можетъ и хочетъ «вникать» въ чтеніе — слѣдовательно, не для большинства читателей.

Если и не согласиться съ г. Улыбышевымъ, что *сюжетъ* Донъ-Жуана неизмѣримо выше всѣхъ на свѣтѣ оперныхъ сюжетовъ, бывшихъ и *будущихъ* (!), что это полная космогонія музыкальная (?), полная картина жизни человѣческой со всѣхъ возможныхъ сторонъ, и такъ-далѣе, — если и не согласиться со всеми этими преувеличенны-

ми похвалами, — все же должно признать сюжетъ этой оперы исполненнымъ поэзи и весьма счастливымъ для музыки. Рѣзко очерченныя характеры, сильные и нѣжныя драматическія положенія, много страсти и огня въ главныхъ сценахъ, много комизма, много граціи, въ другихъ, удобное группированье лицъ для дуэтовъ, терцетовъ, квартетовъ, секстетовъ, — бѣшеный разгулъ жизни и страшное явленье изъ таинственнаго царства смерти — какое раздолье для композитора, въ полномъ цвѣтѣ гевія! — По богатству сюжета, Доль-Жуанъ, безпрекословно, лучшая изъ Моцартовыхъ оперъ, и, значить, съ этой стороны первая изъ всѣхъ существующихъ, — какъ типъ такой оперы, гдѣ дѣйствительная жизнь отражается какъ она есть на самомъ дѣлѣ, безъ абстрактности, безъ идеализированья и безъ аллегорій. Позвольте мнѣ привести нѣсколько словъ изъ Бренделя — объ этомъ предметѣ *. — «Пустотѣ содержанія итальянскихъ оперъ (въ половинѣ прошлаго вѣка) положенъ конецъ Глукомъ и Моцартомъ. Прежде Глука сюжеты оперъ брались исключительно изъ античнаго міра (мифологія и древняя исторія были исключительными данными для либреттистовъ). Но при этомъ имена героев и боговъ были античныя, настоящее-то содержаніе неизменно было самое обыкновенное, завязка пошлая. Глукъ, обрабатывая также античныя сюжеты, уже тѣмъ однимъ значительно преобразовалъ, «подвинулъ искусство впередъ, что сталъ писать оперы не иначе, какъ на толковый, дѣйствительно-поэтический текстъ (въ которомъ болѣею частію было уже много правды въ чувствахъ и положеніяхъ данныхъ характеровъ). — Сюжеты Моцартовыхъ оперъ составляютъ вторую стѣпень опернаго идеала. Только въ самыхъ юныхъ произведеніяхъ и въ первой изъ зрѣлыхъ оперъ (въ Идоменеѣ) Моцартъ подчинился влиянію оперной музыки, до него бывшей (и въ *Clemenza di Tito* — также прибавлю я). Съ болѣею правдою, чѣмъ о Глукѣ, о Моцартѣ можно сказать, что онъ содержаніемъ оперы сдѣлалъ — языкъ сердца. Опера вообще придвинута была Моцартомъ къ дѣйствительной жизни; между тѣмъ какъ до Моцарта это сближеніе было исключительною привлекіею комической отрасли искусства. Только въ Моцартовыхъ созданіяхъ опера стала зеркаломъ дѣйствительной жизни. Тексты его оперъ много разъ были предметомъ критическаго суда; вообще ихъ признали плохими, и очень удивлялись, какъ Моцартъ могъ писать свою очаровательную музыку на такія задачи! — И должно признать, что въ-самомъ-дѣлѣ нѣкие изъ этихъ текстовъ совершенно ничтожны, какъ «*вирриѣръ*», «*Cosi-fan tutte*»; въ другихъ, какъ въ «*Волшебной флейтѣ*»,

* Geschichte der Musik., pag 474, 475.

«несравненно больше смысла, чѣмъ сколько покажется въ первый разъ, «потому-что дѣйствительная поэтическая мысль скрывается за виѣшней «стороною, наивно-пошлою (läppisch). Что касается до текста Донъ-«Жуана, то, онъ, *несмотря на недостатки въ частностяхъ*, — «относится къ самому высшему, что только было создано въ области «оперы. Гофманъ первый указалъ, что въ сюжетѣ Донъ-Жуана можно «видѣть болѣе глубокое, человѣческое значеніе, чѣмъ въ простой «канвѣ для музыки. Но Гофманъ во многомъ ошибся; — его толкованіе «именно тѣмъ важно, что указало возможность понимать этотъ сюжетъ «съ болѣе-глубокой стороны. Лучшее объ этой оперѣ, какъ и вообще «о Моцартѣ—въ книгѣ Улыбышева». Затѣмъ Брендель еще разъ отсылаетъ своихъ читателей къ этому сочиненію, въ которомъ взглядъ на Донъ-Жуана вѣрнѣе и обстоятельнѣе выраженъ, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ комментаріяхъ. Тоже самое думаю и я о разборѣ Донъ-Жуана въ книгѣ моего соотечественника, и именно поэтому считаю своимъ долгомъ не пропустить безъ вниманія внималѣйшаго его недосмотра, ни малѣйшаго произвола въ толкованіи. Затѣчу мимоходомъ, что мои читатели не въ правѣ пожаловаться на *несовершенство* предмета моей статьи:—тогда какъ въ «Критической исторіи музыки», только что нанѣчатанной въ Германіи (въ 1852), комментаріи г. Улыбышева признаются еще *сполна* непогрѣшительными, и приводятся какъ авторитетъ, я поставилъ себѣ цѣлью указать именно погрѣшности этого комментарія и несовѣстнѣ вѣрный взглядъ г. Улыбышева во многихъ мѣстахъ. Дѣло читателей этой статьи судить—правъ ли я въ своихъ замѣчаніяхъ, и въ какой степени; но приговоръ этотъ, конечно, не можетъ быть произнесенъ безъ подробнаго сличенія моихъ словъ съ самою партитурою Моцартовой оперы.

И такъ *задача* этой оперы превосходна, данныя сюжета богаты разнообразіемъ и поэзіею; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы текстъ ея былъ столько же превосходенъ, какъ Моцартова музыка, и чтобы то и другое, въ полномъ будто бы равновѣсіи, въ идеальномъ совершенствѣ, дѣлали изъ этой оперы поэтическое, имъ съ чужа въ свѣтѣ несравнимое чудо.

При разборѣ характеровъ Доны Эльвиры и Церлины читатели видѣли указанныя мною недомолвки, недосмотры, непослѣдовательность, нѣкую неэстетичность въ данныхъ текста.

Намекнулъ я и на безтолковость текста во многихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ: ищеніе Донъ-Жуану за убійство Командора одна изъ главныхъ пружинъ всей пьесы; но въ чемъ же выражается эта жестъ: въ томъ, что въ—продолженіе всей оперы дочь Командора съ своимъ женихомъ, а потомъ и прикнувшая къ нимъ Эльвира, *собираются*

Донъ-Жуану, неопредѣляя ясно, чѣмъ и какъ; всѣ трое въ маскахъ являются на пиръ, данный Донъ-Жуаномъ для поселянъ съ мыслью обольстить Церлину, (важная дама, какъ Дона Анна, врядъ ли пойдетъ на мужицкій балъ, да еще безъ яснаго, опредѣленнаго плана мести, къ такому опасному, дерзкому человѣку, какъ Донъ-Жуанъ); — послѣ оскорбленія Церлины, новаго преступленія Донъ-Жуана, три истителя снимаютъ свои маски и вмѣстѣ съ поселянами (хотя *хора* нѣтъ въ партитурѣ) *грозятъ* (!) Донъ-Жуану. И только! Тѣмъ и ограничивается мщеніе въ первомъ актѣ. Во второмъ дѣйствіи интрига съ Доной Эльвирой в послѣдствія поступка съ Церлиной заслоняютъ отъ зрителя Дону-Анну и Дона Оттавіо. Они снова являются вмѣстѣ въ секстетѣ, бродятъ ночью, гдѣ и для чего? Либретто на эти вопросы не отвѣчаетъ. Послѣ секстето, канвою котораго—ошибка, недоумѣніе, ничего не прибавляющее къ главному ходу пьесы, Д. Анна уходитъ со сцены, *когда и для чего?* Въ либретто не сказано, вѣроятно только для того, чтобы дать возможность Дону-Оттавіо пропѣть *объ ней* большую арію (*il mio tesoro*). Въ этой аріи хотя Донъ-Оттавіо и говоритъ много о мщеніи «*dite le che i suoi torti a vendicar io vado*», но этимъ обѣщаніемъ оканчивается вся дѣятельность Дона-Оттавіо въ оперѣ; онъ является только мимоходомъ, для послѣдней аріи Доны-Анны (*non mi dig*), и вмѣстѣ съ прочими участвуетъ въ заключительной сценѣ. Г. Улыбышевъ также соглашается, что слезы и стремленіе Доны-Анны отмстить убійцѣ Командора, въ либретто оперы не приводятъ *ни къ какому результату*. Но комментаторъ именно на этомъ (стр. 88) основываетъ необходимость видѣть во всемъ теченіи оперы *тайную, идеальную* связь событій, гораздо выше, важнѣе внѣшняго драматическаго дѣйствія. При каждомъ случаѣ въ разборѣ характеровъ, я старался указать читателямъ произволъ такого толкованія. Г. Улыбышевъ влагаетъ въ уста самого *Моцарта* (къ разговорѣ съ Да-Понте, стр. 75) что именно заклинанія *Доны-Анны* (*le cri surhumain de vendetta*) заставляютъ статую Командора явиться къ Донъ-Жуану. Но на самомъ дѣлѣ, то-есть, въ партитурѣ, Моцартъ *нигдѣ* на это даже не намекаетъ. Слабыя стороны характеровъ Эльвиры и Церлины, неестественность многихъ комическихъ сценъ, безтолковость другихъ, разныя недомолвки, несообразности, несвязность и натянутасть вставочныхъ сценъ, придуманныхъ для двухъ виртуозныхъ арій: «*il mio tesoro*» и «*non mi dig*»—обо всемъ этомъ мнѣ еще придется говорить подробнѣе,—вотъ недостатки либретто при нынѣшнихъ его данныхъ. Но и самыя дачныя эти, при той же самой основѣ сюжета, могли быть задуманы иначе, могли быть даже совсѣмъ другія, и, быть-можетъ, *еще сча-*

ставленъ для музыки. Припомнимъ, напримѣръ, *Лауру* въ *Каменномъ Гостѣ* Пушкина. Какой это чудесный характеръ для оперы! Изученіе Пушкинскаго *Донъ-Жуана*, весьма близкаго къ Моцарту, и изученіе Мольеровою комедіи (*le Festin de piégre*), весьма отъ него далекой, при сличеніи съ оперою даютъ очень любопытные результаты. Можно прослѣдить наглядно, какъ одна и та же идея, одни, или почти одни и тѣже характеры могутъ быть осуществлены поэзію съ весьма разныхъ сторонъ. Можно также убѣдиться, что либретто Да-Понте довольно удачно, но вовсе не высшее совершенство опернаго текста. Сплетеніе данныхъ характеровъ, расположеніе, послѣдовательность сценъ оперы могли бытъ несравненно лучше. Напримѣръ «Каменный гость» Пушкина гораздо короче, сжатѣ оперы, а характеры *Донъ-Жуана* и *Лепорелло* нисколько не утратили своей рельефности; при отсутствіи же грубыхъ фарсовъ и неловко вставленныхъ сценъ, общее впечатлѣніе «Каменнаго гостя» гораздо гармоничнѣе, цѣльнѣе. У Мольера волокитство *Донъ-Жуана* за поселянками (двумя вдругъ) ведено съ большаго умомъ и большаго комизмомъ. Даже удивительно, почему Да-Понте не воспользовался изъ Мольера готовымъ матеріаломъ для этихъ сценъ.

Повторяю, что основная идея сюжета весьма богата поэзію, весьма счастлива для музыки, и потому г. Улыбышевъ очень неправъ, находя всю канву Моцартовой оперы *нелѣпою* (*le texte est absurde, de toute absurdité* — p. 71).

Смѣлый, блестящій, обольстительный негодяй давно въ борьбѣ съ цѣлымъ обществомъ; проказы его не знаютъ ни мѣры, ни границъ; ни одно преступленіе ему не чуждо; но ловкостью и смѣлостью онъ ускользаетъ отъ человѣческаго правосудія, — злодѣйства его остаются неотищенными, но скопляютъ надъ его головою гнѣвъ небесный. Наконецъ, когда *Донъ-Жуанъ*, не довольствуясь оскорбленіемъ живыхъ, въ довершеніе своихъ подвиговъ, дерзко насмѣяется надъ врагомъ имъ же убитаго *Командора*, небесное правосудіе казнитъ преступника. Мнѣ кажется, что трудно назвать такой сюжетъ нелѣпнымъ, когда онъ очень легко могъ бытъ обработанъ въ видѣ очень серьезной драмы. Вмѣстительство сверхъестественнаго элемента здѣсь ничуть не больше, какъ, напримѣръ, вмѣстительство тѣни отца *Гамлета*. Самъ же г. Улыбышевъ дѣлаетъ это сближеніе не одинъ разъ. Весь сюжетъ оперы именно въ накопленіи злодѣйствъ, преступленій *Донъ-Жуана*, остающихся неотищенными и вызывающихъ кару небесную. Видѣть таинственное отношеніе между явленіемъ статуи на ужикѣ и мольбами *Доны-Анны* о мщениі — *Доны-Анны одной*, помимо *Доны-Эльвиры*, *Церлины* и всѣхъ другихъ, безчисленныхъ жертвъ прихотей

Донъ-Жуана — значить искажать весь смыслъ пьесы, искажать точно также какъ превращеніемъ Донъ-Жуана въ *титана* чувственности. Главная идея пьесы получила колоссальное значеніе, конечно, отъ гениальной музыки Моцарта; но нельзя не отдать справедливости и либреттисту, что онъ эту основную идею провелъ чрезъ всю оперу весьма логически и последовательно. Я говорилъ о некоторой безтолковости текста касательно намѣренной мести въ Донъ-Аннѣ, Донъ-Оттавіо и Донъ-Эльвирѣ, эту безтолковость нельзя извинить и тѣмъ, что злодѣйства Донъ-Жуана должны были остаться неотмщенными. Надобно было эту неотмщенность мотивировать иначе, какъ-нибудь естественнѣе, а не просто *бездѣйствіемъ* осморбленныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе либретто при каждомъ случаѣ упираетъ на *намокленіе* неотмщенныхъ злодѣйствъ. Сюда относятся слова тетеа въ первомъ финалѣ: *trema, trema, scellerato, odi il tuon della vendetta che ti fischia intorno: sul tuo capo in questo giorno il suo fulmine cadrà*. Кто бы подумалъ, что г. Улыбышевъ эти метафорическія слова (*il tuon, il fulmine* — гроза мщенія) принималъ въ *буквальномъ* смыслѣ!! и на стр. 85 и 147 пресерьозно увѣряетъ, что въ финалѣ перваго акта, къ угрозамъ гостей Донъ-Жуана, послѣ поступка съ Церлиной, присоединяются *дѣйствительныя* громы и молніи?! Къ чему они тутъ? Гдѣ въ партитурѣ хоть малѣйшій намекъ на электрическую грозу? Указаніе на небесную кару почти тѣми же метафорами, какъ въ первомъ финалѣ, повторяется въ речитативѣ передъ аріей Доны-Эльвиры (*mi tradi quell'alma ingrata*) «*Ah, no, non potete tardar l'ira del cielo... la giustizia tardar! Sentir già ragmi la fatale zassetta che gli piomba sul capo.*»

Но всего яснѣе участь, ожидающая Донъ-Жуана, грозитъ ему на гробницѣ Командора. Среди веселаго смѣха Донъ-Жуана внезапно раздается голосъ съ того свѣта: «*di rider finirai pria dell'aureora*». И слова, и замогильная музыка этого пророчанія говорятъ ясно, что судъ надъ Дономъ-Жуаномъ уже произнесенъ: онъ уже вычеркнутъ изъ книги жизни. — Какой чудесный контрастъ: дерзкій хохотъ Донъ-Жуана и это загробное пѣніе! Честь и слава либреттисту, если только не самъ Моцартъ такъ счастливо окаянилъ одно изъ лучшихъ своихъ вдохновеній. На пьедесталѣ статуи — Лепорелло, въ странномъ испугѣ, читаетъ надпись: «*dell'empio che mi trasse al passo estremo, qui attendo la vendetta*». Донъ-Жуанъ, чтобы нарочно показать свое презрѣніе къ этимъ угрозамъ, зоветъ статую на ужинъ — и самъ призываетъ казнь на свою преступную голову.

И такъ сущность сюжета выражена либреттистомъ весьма ясно и послужила чудеснѣйшею канвой для Моцарта. Но Да-Понте и по недостатку

таланта и по псевдоклассическимъ требованіямъ его времени, отъ которыхъ даже сильнѣйшіе таланты не освобождались, далеко не во всемъ остался на высотѣ своей задачи, и такъ какъ Моцартъ музыкою своею только уравновѣсилъ, сгладилъ нѣкоторыя несообразности текста, а не совершенно ихъ уничтожилъ, то уже одна слабая стороны либретто не позволяютъ видѣть въ этой оперѣ верха совершенства со всѣхъ возможныхъ точекъ, — выше поэтическое произведеніе сълыхъ народовъ и языковъ, и т. д. Удивительно, что самый восторженный панегиристъ этой оперы, г. Улыбышевъ, касательно ея цѣлаго, ея замкнутости, чрезвычайно сильно разиорѣчить съ Да-Понте и Моцартомъ. Какъ это? спросите вы, — постараюсь тотчасъ разъяснить. Дѣло идетъ о самыхъ послѣднихъ сценахъ оперы (о чемъ я уже говорилъ отчасти, по случаю характера Лепорелло). Г. Улыбышевъ въ очень многихъ мѣстахъ своего разбора Донъ-Жуана, и даже отъ лица самого Моцарта (стр. 80) прямо говоритъ, что опера кончается страшной огненной декорацией, среди которой пляшущіе и скачущіе демоны (точно такіе же, какъ въ послѣдней сценѣ 3-го акта въ «Робертѣ») увлекаютъ Донъ-Жуана и бросаютъ его въ пламя, послѣ чего занавѣсъ падаетъ. Г. Улыбышевъ даже вооружается противъ дурной обстановки этой заключительной сцены въ оперѣ изъ оперъ (стр. 199), предлагаетъ въ замѣнъ фурій и демоновъ (всегда скорѣе сибирскихъ въ изображеніи на сценѣ, чѣмъ страшныхъ) какую-то великолѣпную фантастическую горю (стр. 200), — совѣты, можетъ-быть, очень полезные для всѣхъ на свѣтѣ сценъ, потому-что, кажется, во всей Европѣ принято кончать Моцартова Донъ-Жуана — адожъ. Но вы, конечно, очень удивитесь, когда я скажу и докажу, что все это совершенно несогласно съ Моцартовымъ намѣреніемъ, какъ оно выражено въ партитурѣ. Развернемъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ статуя Командора, пришедшая на зовъ, приноситъ свою длинную рѣчь Донъ-Жуану: мнѣ приходилось уже упомянуть о всей силѣ трагическаго ужаса въ этой сценѣ, въ которой Моцартъ сравнялся съ Глукомъ и самимъ Шекспиромъ. Безпрерывное нарастаніе ужаса въ этой изумительной, потрясающей сценѣ, борьба деракой неустрашимости Донъ-Жуана противъ страшнаго гостя, который преслѣдуетъ его настойчивымъ призывомъ къ раскаянью (*penitenza, scellerato! no! vecchio infatuato!*), холодное, неподвижное пронзающее величіе голоса Командора, какъ-будто голоса самой смерти и сопутствующихъ ему звуковъ оркестра, мертвенныхъ при всей ихъ колоссальной силѣ, — все это довольно извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ оперою. И г. Улыбышевъ очень хорошо, хотя нѣсколько многословно описываетъ эту сцену (стр. 190—198). Нельзя не полюбоваться и техникою

его замѣчаніемъ (стр. 192) о роли тромбоновъ въ этомъ D-мольномъ *andante*. Та же самая музыкальная мысль (явленіе статуй на ужинъ) составляетъ начало увертюры Донъ-Жуана; но Моцартъ, желая показать эту развязку пьесы въ далекомъ поэтическомъ предвидѣніи, не употребилъ тутъ всѣхъ средствъ, которые ему были нужны въ послѣдствіи, для самой катастрофы. Въ увертюрѣ, первый аккордъ просто — тоника въ минорѣ; въ сценѣ статуи — та же самая основная нота (d) на сложномъ аккордѣ уменьшенной септими. Въ увертюрѣ нѣтъ тромбоновъ вовсе — въ сценѣ они звучатъ съ самого перваго аккорда, и составляютъ *главный* колоритъ всей оркестровки. Сцена эта утратила бы много своей потрясающей силы, еслибъ Моцартъ не былъ такъ *бережливъ* на могучій призывный голосъ тромбоновъ, голосъ, въ наше время, во вреду искусства, злоупотребляемый на каждомъ шагу. Именно въ наше время нельзя достаточно похвалять эту драгоценную въ искусствѣ бережливость, экономію оркестровки. Преніе великіе мастера умѣли малыми, почти бѣдными средствами производить громадный эффектъ; — нынѣшніе композиторы чрезвычайною расточительностью всѣхъ возможныхъ эффектовъ, въ общемъ не производятъ никакого. Но я отклонился отъ предмета. Борьба между статуей и Донъ-Жуаномъ кончилась, Донъ-Жуанъ не раскаялся до самой послѣдней минуты (послѣ многихъ модуляцій въ тоны, весьма отдаленные отъ основнаго d-moll, послѣднія реплики статуи и Донъ-Жуана приводятъ къ тѣмъ самымъ аккордамъ, съ которыхъ сцена началась — тѣ же самые аккорды и въ первомъ номерѣ оперы, когда Командоръ, раненный Донъ-Жуаномъ, падаетъ — вотъ какъ Моцартъ обдумывалъ музыкальныя подробности своихъ оперъ!)* Прозваніе статуи миновалось: «Ah! tempo più vivace!» провозглашаетъ Командоръ (въ унисонъ съ цѣлымъ оркестромъ, но «*ritardissimo*» и на томъ же самомъ интервалѣ b—sis, на которомъ въ началѣ сцены отвергъ приглашеніе сѣсть за столъ «*non si nasce di cibo mortale*, еще примѣръ глубочайшей обдуманности»). За тѣмъ *въ партитурѣ* означено: «*parte*» — то-есть, статуя ис-

* Во избѣжаніе упрековъ въ неточности, я долженъ сдѣлать педаггическую оговорку: борьба между Командоромъ и Донъ-Жуаномъ, какъ въ интродуціи, такъ и въ сценѣ ужина, въ d-moll, но реальное сраженіе касается на басовой нотѣ h и въ альтовомъ голосѣ as (чтобъ перевести въ f-moll), а въ сценѣ статуи послѣдніе «No, no! Донъ-Жуана сядькой и шестой тактъ съ конца, передъ Allegro d-moll) падаютъ на басовые: gis, a. Аккорды при появленіи статуи въ дверяхъ Донъ-Жуана опять настроены на h, a. Указывая тожество гармоніи, я не приняла въ расчетъ ни орографіи музыкальной, ни *переложенія* одного и того же аккорда (Umkehrungen, inversions), я хочу только показать, что *во всякомъ случаѣ* случался реальная гармонія состоитъ изъ трехъ большихъ секстъ h, gis или as, as—f и f—d.

чезаетъ, но *одна*, потому-что Донъ-Жуанъ и Лепорелло остаются на сценѣ. Начинается прачков, трагическое allegro (d-мой) — совершенно въ Глюковскомъ стилѣ. О переищѣ декорации нѣтъ ни слова, но такъ какъ нигдѣ, въ этой партитурѣ, декорации не означены, то это не было бы еще доказательствомъ вѣрности моего убѣжденія, что ада на сценѣ Моцартъ вовсе не предполагалъ. Въ пользу моего мнѣнія говорить самъ тежеть; вотъ онъ: *D. Giovanni: Da qual tremere insolito, sento assalir gli spiriti! Donde escono quei vortici, di fero fien d'orror. Coro di spettri: Tutto a tue colpe é poco! Vieni! t'è un mal peggior. D. Giovanni: Chi l'anima mi lacerà? Chi m'agita le viscere? Che stragio, oimé, che smania! Che inferno! che terror! — Leporello: Che ceffo disperato! Che gesti d'un dannato! Che gridi! che lamenti! Come mi fa terror!* Ни въ одной репликѣ Донъ-Жуана нѣтъ ни малѣйшаго намека на *адъ* — слова *che inferno, che terror* — какъ и всѣ прочія, относятся къ мученіямъ, терзаніямъ внутреннимъ, душевнымъ. *Одно присутствіе Лепорелло* и вокальное участіе его въ этой сценѣ — *дуэтомъ* съ Донъ-Жуаномъ должно было убѣдить гг. режиссеровъ, актеровъ, музыкантовъ и комментаторовъ, что объ *адѣ* *вспынаемъ* у Моцарта и помину нѣтъ! Была ли какая-нибудь возможность для Лепорелло остаться на сценѣ, еслибъ декорация комнаты Донъ-Жуана вдругъ переищилась въ адъ, съ толпою демоновъ всѣхъ возможныхъ фигуръ, съ змѣями и пламенниками, и т. д. При томъ, съ какой стати Лепорелло очутился бы въ тартарѣ; — развѣ для того, чтобы въ угожденіе г. Улыбышеву, не разлучаться съ своимъ падронномъ? Лепорелло *на сценѣ* — *поетъ*, дуэтомъ съ Донъ-Жуаномъ; ни въ его репликахъ, ни въ Донъ-Жуановыхъ, нѣтъ ни слова объ адѣ и демонахъ, — значить: *Solo di spettri*, безъ сомнѣнія, *хортъ невидимый*, музыкальное олицетвореніе внутреннихъ бурій, которыя *проснулись* въ душѣ Донъ-Жуана, но слишкомъ поздно — суръ надъ нимъ уже произнесенъ. Эти минуты внутреннихъ душевныхъ терзаній Донъ-Жуана, поставленнаго мысленно лицомъ къ лицу съ самимъ собою — въ первый разъ въ его жизни, эта глубокопсихологическая сцена, въ высшей степени трудна въ исполненіи, потому-что требуетъ игры *гениальной*, иначе впечатлѣніе будетъ до крайности вяло и холодно. Вотъ почему, вѣроятно, давно придумали для этой сцены декорации ада и десятокъ статистовъ, которые таскаютъ Донъ-Жуана отъ одной кулисы до другой — *оно и мечте, и поминание* для зрителей.

Какъ вы полагаете, что г. Улыбышевъ видитъ въ этомъ Allegro, гениально-трагическомъ, какъ-будто заимствованномъ у Глюка —?

тактовъ оркестраго шума (*tracas musical*) — чисто-дезертионную музыку (*Effect-musik*), въ подмогу *мужерамъ* сценической, которой и быть не должна. И г. Улыбышевъ, кромѣ-того, пресерьозно увѣряетъ (стр. 198 и 199 III тома), что намереніе Да-Понте было именно представить Донъ-Жуана въ эду, среди фурій, для оправданія титула пьесы «*Il Dissoluto unito*», — а Моцартъ будто-бы созналъ невозможность *окончить* (?) *последній финалъ* нѣрными бѣлыми нотами Командора, и притомъ созналъ, что необходимо надобно было въ самомъ концѣ оперы, для сценическаго эффекта, прибавить нѣсколько тактовъ музыкальнаго фейерверка, чтобъ зрители *отдохнуть* (!) на немъ, послѣ космологической глубины *Andante* — все это въ прямомъ протѣворѣчій съ самимъ дѣломъ, какъ я старался пояснить. О напѣвѣ преткновенія для такого произвольнаго толкованія, а присутствіи *Лепорелло* и его вокальной партіи въ этой сценѣ, г. комментаторъ *совершенно умолчалъ*, какъ-будто этой партіи вовсе нѣтъ въ Моцартовой партитурѣ. (Желающихъ повѣрить моему доказательству я отсылаю къ страницѣ 285 оркестровой партитуры Донъ-Жуана, въ созданномъ изданіи Брейткопфа и Гертада, въ Лейпцигѣ.)

Какъ не повторить послѣ этого избранный мною эпитаграфъ изъ книги г. Улыбышева «*Länge á chascun d'imaginer un Don-Juan á sa fantaisie*» и такъ далѣе.

Но этикъ еще не кончилась *несваримость* взгляда г. Улыбышева на финалъ «оперы изъ опера». Вы замѣтили, что даже въ только что приведенныхъ мною строчкахъ со страницъ 198 и 199 III тома, г. Улыбышевъ говоритъ объ этой адской сценѣ (несколько небывшей въ намереніи Моцарта) какъ о *самой последней съ оперъ*, *объ ея заключеніи* вплоть до опущенія занавѣса. Кромѣ-того, только приступая къ финалу оперы (*Allagre assai 4/4*) г. Улыбышевъ *прощается* съ Довой-Анной (стр. 182) и почти всеми другими (184) изъ дѣствующихъ лицъ оперы, то-есть кромѣ Донъ-Жуана самого, Лепорелло, Эльвиры и тѣни Командора. Но это совершенно не такъ въ партитурѣ: *Моцартъ и не думалъ кончать оперу сценою терзаній Донъ-Жуана*, — *особенно еще терзаній внутреннихъ, невидимыхъ*, какъ это *оказывается изъ партитуры*.

Раскроемъ ее опять на d-ольноншъ аллегро, о которомъ только-что шла рѣчь. Въ тактѣ девятомъ съ конца этого аллегро (последній тактъ на 288 страницѣ партитуры) въ гармоніи совершается переломъ (мажоръ вмѣсто минора); на этотъ усиленный аккордъ (*sforzando*) падаетъ последнее восклицаніе Донъ-Жуана ah!; — на разстояніи одного такта тотъ же аккордъ и тоже восклицанье въ партіи Лепорелло; — потомъ

еще шесть тактовъ (заключительная, аллазальная ниспада), на послѣднемъ — фермата. Болѣе подробныхъ указаній въ партитурѣ нѣтъ никакихъ. Но очень ясно, что при крикѣ ah! Донъ-Жуанъ проваливается «въ огнѣ и въ дыму» (какъ о томъ рассказываетъ Лепорелло въ слѣдующей сценѣ) — а Лепорелло при такомъ же крикѣ падаетъ на полъ, полуертвывая отъ испуга*. Длинная фермата и пауза. Отворяются двери и входятъ Дона-Анна, Донъ-Оттавіо, Дона-Эльвира и Церлинка съ Мазетто, (на сценѣ опять тѣ же шесть лицъ, какъ и въ сестрѣ). Вотъ текстъ этого allegro assai (G dur $\frac{3}{4}$) Всѣ пришедшіе пятеро вмѣстѣ: «Гдѣ онъ, злодѣй! я хочу обрушить на него весь свой гнѣвъ.» *Дона-Анна* «Я только тогда успокоюсь, когда увижу его (Донъ-Жуана) въ цѣпяхъ». *Лепорелло*: «Не надѣйтесь его больше увидѣть... не надѣйтесь его отыскать: онъ ушелъ далеко» *Всл.*: «Какъ? что такое?» Съ остановками, съ трудомъ, какъ-будто не совсѣмъ пришедши въ себя, Лепорелло имъ объясняетъ, въ отвѣтъ на нетерпѣливые разспросы, что приходилъ мраморный колоссъ... а Донъ-Жуанъ въ огнѣ и въ дыму провалился въ тартаръ на самомъ этомъ мѣстѣ (giustó là il diavolo nel tranguigió). Тотчасъ всѣ разомъ догадываются (?) что это является тѣмъ Командора (certo è l'ombra che l'incontró). Донъ-Оттавіо очень довольный, что они всѣ отпущены, что ничто болѣе не будетъ уже тревожить Дону-Анну, напоминаетъ ей еще разъ о бракѣ; — она отлагаетъ бракъ на годъ. (Начиная съ реплики Дона-Оттавіо идетъ уже — Larghetto G-dur $\frac{4}{4}$). Дона-Эльвира собирается идти въ монастырь, Церлинка и Мазетто идутъ ужинать вмѣстѣ; а Лепорелло отправляется отыскивать «un radron miglior». Потомъ, послѣ восклицанія Церлинки, Мазетто и Лепорелло: пусть же остается злодѣй въ царствѣ Плутона и Прозерпины (dunque resti quel birbon con Proserpina e Pluton), всѣ слышатся въ хоръ, (D-dur $\frac{4}{4}$ presto), въ которомъ выражено «нравоученіе» пьесы (la moralité), а именно всѣ повторяютъ l'antichissima canzon: таковъ бываетъ достойный конецъ злодѣевъ (questo è il fin di chi fa mal! E de' perfidi la morte alla vita è sempre equal).

Какъ видите, во всемъ этомъ текстѣ нѣтъ ни особеннаго толку, ни особенной поэзіи. Зачѣмъ и почему пришли всѣ эти лица къ Дону-Жуану — ночью и какъ разъ послѣ явленія статуи? Намѣреніе испителей опять едва обозначено въ либретто. Дона-Анна вѣрна своему характеру «мстительницы», но выражается весьма прозаически; — и ни

* Въ «Волшебной олеѣ» Моцарта есть нѣчто очень на это похожее: въ концѣ квинтета во второмъ актѣ (№ 13) три дамы проваливаются на рѣзкомъ аккордѣ всего оркестра — испуганный Папагено падаетъ безъ чувствъ на землю. Но такъ съ большимъ театральнымъ значеніемъ въ самой партитурѣ: Sie versinken, — er fällt zu Boden.

что же помочь она надеется, чтобъ заковать Донъ-Жуана въ цѣпи —? Донна-Эльвира и въ этой послѣдней сценѣ довольно обижена либреттистомъ, обижена невѣроятно-поверхностной обрисовкой ея характера: страстная женщина, горячо любившая Донъ-Жуана, несмотря на все его безпутство и вѣроломство, неужели такъ *холодно* приняла-бы страшную для нея вѣсть о катастрофѣ съ Донъ-Жуаномъ?! Все это капитальные недостатки въ текстѣ, непростительные недосмотры либреттиста, неисправленные Моцартомъ, — недосмотры, которые, повторю еще разъ, никакъ не позволяютъ призвать Донъ-Жуана Моцартова за высшее эстетическое произведение изъ всѣхъ въ свѣтѣ, за идеалъ совершенства и въ мысли и въ ея осуществленіи. *Bien s'en faut!* Но и по мысли либреттиста — для выраженія нравственнаго смысла всей пьесы и для *сведенія концовъ*, и по намѣреніямъ Моцарта съ чисто-музыкальной стороны, эта заключительная сцена была *необходима* для органической замкнутости цѣлой оперы. Да-Понте, какъ очень образованный человекъ, безъ сомнѣнія, читалъ Шекспира и, быть-можетъ, научился изъ его твореній, что катастрофа съ героемъ пьесы никакъ не есть еще рѣшительный конецъ концовъ, — что послѣ катастрофы все должно мало-по-малу придти въ прежнее, необходимое спокойствіе, какъ мало-по-малу исчезаютъ круги на водѣ, послѣ брошеннаго въ нее камня. Истинно-поэтическая замкнутость необходимо требуетъ такого успокоительнаго сведенія концовъ. Припомните самую послѣднюю сцену въ Гамлетѣ, когда послѣ смерти всѣхъ главныхъ лицъ приходитъ съ войскомъ Норвежскій принцъ Фортинбрасъ, — припомните самый конецъ «Отелло», *послѣ* того, какъ онъ себя закололъ, — самый конецъ Ромео и Юліи, *послѣ* того какъ они оба найдены мертвыми, — кажется, довольно примѣровъ. Шекспировскія сцены, о которыхъ я говорю, обыкновенно при исполненіи на театрѣ — выпускаются, но это «по принятому обычаю», во уваженіе *публики*, которая всегда спѣшитъ вонъ изъ театра, какъ только герой, или героиня трагической пьесы грянулся о землю, или когда, при счастливой развязкѣ (въ комедіяхъ, драмахъ, водевиляхъ и операхъ) становится ясно, что любовники, послѣ многихъ препятствій, наконецъ, навѣрное сочетаются бракомъ. Обычай этотъ, быть-можетъ, и очень спасителенъ — для слугъ, но, право, ничего общаго не имѣетъ съ эстетическими, чистохудожественными цѣлями. Во всякомъ случаѣ Да-Понте если и чувствовалъ эту эстетическую потребность, то довольно смутно, иначе-бы придумалъ что-нибудь поумнѣе, что-нибудь менѣе пошлое, для заключительной сцены, весьма *важной* для общаго впечатлѣнія. Недостатокъ таланта заставлялъ либреттиста и въ этомъ случаѣ остаться несравненно

ниже своей задачи, — а быть — может и все заключительная сцена выстроена либреттистомъ только по заказу композитора, съдвигателю, но — хотя, небрежно.

Съ чисто-музыкальной стороны, какъ ее понимать Моцартъ, было рѣшительно невозможно кончить оперу сценою мученій Донъ-Жуана. Изъ Глуковыхъ оперъ только одна Армида оканчивается трагическимъ, печальнымъ монологомъ, — все прочія оканчиваются хоромъ, большимъ или меньшимъ радостнымъ. Въ Моцартовомъ идеалѣ оперы заключительный хоръ, всегда богата или менше ликующей, — рѣшительный элементъ отъ котораго Моцартъ не отступалъ ни въ одной изъ семи своихъ оперъ. Въ музыкѣ еще больше, чѣмъ въ поэзи, чувствуется органическая необходимость успокоительнаго заключенія. Музыка свободна, не-отъисненна или какъ ни сильными требованіями, то-есть музыка симфоническая, въ высшемъ проявленіи своей, то-есть въ десяти симфоніяхъ Бетховена, ни разу не нарушаетъ этого органическаго закона. Мы уже приходилое говорить, что *главная часть* каждой изъ Бетховенскихъ симфоній (особенно начиная съ третьей), *финаль*, — это гелла цѣлаго произведенія, (а никакъ не первая часть, какъ мне думаютъ, и какъ бывало въ симфоніяхъ Гайдна, отчасти и Моцарта). Первые три части симфоній готовятъ къ финалу, стремятся къ этой побѣдѣ, къ атому торжеству освезной идеи. Забудьте, что въ двухъ *минорныхъ* симфоніяхъ Бетховена (пятой, С-молл, и девятой, D-молл) финалы не въ минорѣ, а въ свѣтломъ, необходимомъ мажорѣ. Пестротелая мысль, которая клонитъ къ трагическому концу и не допускаетъ возможности все завершить *миноромъ*, больше или меньше торжественнымъ, собственно говоря не должна быть сюжетомъ ни симфоніи, ни оперы. Какъ для симфоніи, такъ и для оперы, необходимъ заключительный моментъ, съ идею торжества, ликования, одержанной побѣды — въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. Моцартъ, который въ своей идеалѣ оперы во многихъ отношеніяхъ ушелъ дальше Глюка — какъ уже было замѣчено, ни въ одной изъ своихъ оперъ не допустилъ трагической развязки. И Донъ-Жуанъ вовсе не исключеніе въ этомъ случаѣ: сюжетъ пьесы, какъ я говорилъ — *максимуме* развратнаго злодѣя, губель этого злодѣя, достойное ему возмездіе за все его подвиги — *замечательное* *вообще не трагическая, а счастливая развязка* пьесы, и Моцартъ, съ особенною любовью остановился на заключительной сценѣ, несмотря на все ея неудачу въ текстѣ. Только съ этими послѣдними 18 страницами, партитура становится полнымъ, округленнымъ, органическимъ цѣлымъ. Это самое замѣтила еще Гофманъ, — а она, сильный авторитетъ во всемъ собственно-музыкальномъ. Музыка въ этой сценѣ ес-

баше въ Larghetto и въ послѣднейъ Рondo — великолѣпна. Стѣить заглянуть въ партитуру, чтобъ научиться варварству, съ которымъ весь этотъ секстетъ — чудесной красоты, бавя дальнихъ околочностей отъ-зымають при исполненіи! — отъбиваютъ какъ что-то совсѣмъ лишнее, бесполезный хламъ, такъ что публики он не подозреваетъ существованія этой послѣдней сцены! Гдѣ же упоминаніе къ бессмертному Моцарту и къ одному изъ гениальнѣйшихъ его произведеній?

Позабудьтесь теперь, какъ г. Улыбышевъ перестроиваетъ Моцартова Донъ-Жуана на своей ладъ, какъ онъ переправляетъ Моцарта. Подвигитесь, какъ восторженный комментаторъ «оперы изъ оперъ», вмѣсто того, чтобъ съ Готфридомъ Веберомъ и нѣкоторыми другими короче вознѣтъ противъ ея искаженія, — въ этомъ случаѣ держите сторону ваддалова, — и все это благодаря своимъ предубѣжденіямъ и ради виртуозности слова! Я говорилъ уже, какъ г. Улыбышевъ палаетъ, что опера слѣдовало-бы кончиться вмѣстѣ со сценою статуи — гаркулвоо-ными столбани драматической музыки, какъ г. Улыбышевъ увѣряетъ, — что D-moll-ное allegro послѣ этой сцены (то-есть сцены терзаний Донъ-Жуана) приближено Моцартомъ, какъ оркестриный шумокъ, въ подмогу декорации ада, — какъ г. Улыбышевъ умолчалъ объ участіи Денерелле въ этой сценѣ, такъ какъ это участие поргиле-бы все дѣло въ отноше-ніи фантастическо-романтическаго аржрасъ (стр. 200 и 201 III тома), пряду-нитъ бивстательную обстановку для адаовой сцены, помѣтивъ туда все театральныи укищренія — какъ въ янхъ балетахъ: цѣлый Везувій съ цѣлою веревку привидѣній, голубой дупреміи сѣтъ въ соедине-ніи съ ярсынымъ бѣгальскимъ наиконемъ, наконецъ тѣмъ Командора и Дани-Анны въ обласнѣ (вы помните, что г. Улыбышевъ неукланно требуетъ ея смерти!). Г. Улыбышевъ не кончѣтъ видѣть, что все это какъ нельзя сильнѣе разнорѣчить съ партитурою. Но вѣтъ новая бѣда! D-moll-ное allegro (музыка для иммо-адаовой сцены) вовсе не кончается оперу. Куда жѣ дѣвать эти несносныя 18 страницъ партитуры? Долой жѣтъ прочь ихъ совсѣмъ! — Но для этого надобно доказать, хоть какими выжиданіи, что эта заключительная сцена совершенно лишняя, что она неслѣдуетъ въ текстъ, и ничего особеннаго — въ музыкѣ. Вотъ это г. Улыбышевъ и старается доказать на 201, 202 и 203 страни-цахъ III тома, съ постоянно-саркастическою улыбкою. Позвольте мнѣ перевести хоть часть этихъ замѣчательныхъ страницъ:

«Удивительное дѣло! авторы Донъ-Жуана, создавая эту оперу à la Шекспиръ, помыслили нѣтъ и условій современнаго имъ театральнаго «стиля, (это совершенная несправда) постоянно перемишывая комментъ съ «трагическимъ наисосемъ, — создавая, однако-же, произведеніе роман-

«итическое (?) — как *bourgeois gentilhomme* у Мольера говорились дѣлами «какъ прозой, — Да-Понте и Моцартъ считали долгомъ покориться са- «тому произвольному изъ тогдашнихъ рецептовъ для лирической драмы, «правилу, которое требуетъ, чтобы при концѣ оперы всѣ дѣйствующія «лица выстроились въ рядъ, по ранжиру своихъ голосовъ, чтобы от- «благодарить публику за аплодисменты, или свѣстья. Конечно, въ на- «стоящемъ случаѣ, не всѣ лица могли соблюсти эту учтивость: герои «пѣсы въ аду, а тѣни Командора неловко-же являться еще разъ, для «того только, чтобы раскланяться передъ публикой. Оставшіеся въ жи- «выхъ собираются вмѣстѣ и выходятъ на сцену, чтобы пропѣть и откла- «няться: это составляетъ три *сверхштатныя* частицы финала: *Allegro assai*, *Larghetto* и *Presto*. Мы ихъ и разбирать не будемъ (вотъ «какъ!) Во-первыхъ потому, что этого всего никогда не исполняютъ на сценѣ (хорошъ резонъ, не правда-ли?) во-вторыхъ, потому что все это «не относится къ ходу пьесы, къ ея сюжету (*ne fait plus partie de «l'action*): въ-третьихъ — и это самое важное — потому что все это не- «дѣльная ложь въ отношеніи данныхъ характеровъ. Кто не увидитъ, что «весь этотъ міръ страстей, очарованій, проказъ и чудесъ погнѣб без- «возвратно вмѣстѣ съ личностью, которая была средоточіемъ этого міра «и главною его пружиною!» Затѣмъ г. комментаторъ перебираетъ всѣ дѣй- «ствующія лица оперы по порядку финала и доказываетъ невозможность «этой сцены для каждаго изъ характеровъ отдѣльно, повторяя при этомъ «случаѣ еще разъ «свой» взглядъ на отношенія ихъ къ Донъ Жуану. Раз- «бирая характеры Лепорелло и прочіе, я говорилъ уже о произвольности «взгляда г. Улыбышева въ этомъ случаѣ и несогласіи съ партитурой. «Опровергать несправедливость доводовъ г. Улыбышева, почему финаль- «ная сцена — нелѣпая неправда въ отношеніи характеровъ, значило-бы по- «вторить все прежде сказанное. Лучше перейти прямо къ результату сентен- «ціи. Придавъ лицу Донъ-Жуана колоссальное, титаническое, всемірное «значение (котораго и тѣни нѣтъ въ партитурѣ), г. Улыбышевъ старался «и на другихъ лицъ оперы, всѣми возможными натяжками, распространить «отблески этого великаго Донъ-Жуанова значенія. Оттого, не обращая «ни малѣйшаго вниманія на то, чего хотѣли Моцартъ и Да-Понте, «на ихъ намѣренія, высказанныя и словами и нотами, комментаторъ воск- «лицаетъ (стр. 203): «Такимъ образомъ (*c'est ainsi*) великая личность «Донъ-Жуана въ своемъ паденіи увлекаетъ за собою все, что случилось «ей рельефомъ, обстановкой, или контрастомъ. Все умираетъ, все ис- «чезаетъ вмѣстѣ съ нимъ.» — Гдѣ-же это все — въ партитурѣ? «позволю я себѣ спросить г. Улыбышева. Кто умираетъ? Кто исче- «заетъ? — Удивительно, какъ далеко заведъ г. комментатора «логика про-

изводительность» его воображенія, собственный лиризмъ и виртуозность стиля! Libre à chacun d'imaginer un Don Juan à sa fantaisie. Диаметрально противоположно тому, что наставлялъ здѣсь г. Улыбышевъ, партитура показываетъ, что изъ всѣхъ лицъ оперы, кромѣ давно убитаго Командора, одинъ только Донъ-Жуанъ исчезъ со сцены и рѣшительно *никого не увлекъ съ собою паденіемъ*: всѣ дѣйствующія лица (кроме Донъ-Жуана и Командора) живехоньки и здоровехоньки до самаго паденія завѣса.

Г. Улыбышевъ самъ далъ намъ право— (стр. 87 II тома) толкованія и мысли, которыя прямо противорѣчатъ и тексту и партитурѣ, признать толкованіями и мыслями *ложными*.

Была уже рѣчь о томъ, что г. Улыбышевъ несправедливъ и къ музыкѣ заключительной сцены Донъ-Жуана—онъ говоритъ объ ней очень высоко (sous l'analysepoint), и гдѣ-же? замѣйте въ полномъ, обстоятельномъ разборѣ всей оперы, и все это единственно потому, что сцена эта никакъ не подошла подъ идеалъ оперы «Донъ-Жуанъ», составленный г. Улыбышевымъ *независимо* отъ партитуры Моцарта! Онъ даже признаетъ (въ другомъ мѣстѣ III тома, а именно на стр. 126) что Larghetto этой сцены опять какая-то инсификація со стороны Моцарта (!), что также, какъ арія Эввиры въ первомъ актѣ «ah fuggi il traditor (D-dur $\frac{3}{4}$, на театрѣ не исполняемая).—образчикъ стиля Генделевского,—такъ это Larghetto (or che tutti, o mio tesoro) будто бы образчикъ современныхъ Моцарту сладкихъ дуэтовъ à l'italienne — что Моцартъ нарочно, съ умысломъ (?) помѣстивъ эти «арханглы» наряду съ «своей» безсмертной музыкой, чтобы потомство могло сравнить и судить.—«Теперь»—прибавляетъ г. Улыбышевъ — «когда приговоръ уже произнесенъ и сравнивать больше не зачѣмъ — и арию и дуэтъ очень справедливо выбрасываютъ изъ оперы. — По случаю ариі «ah fuggi» я замѣтилъ уже, что Моцарту не могла придти въ голову анти-художественная, анти-объективная, профессорская мысль: превратить свою поэтическую оперу въ музыкальную хрестоматію, въ пособіе для изученія исторіи музыки. Здѣсь добавлю только, что если и въ-самомъ-дѣлѣ въ этомъ восхитительномъ Larghetto (or che tutti) при красотѣ и объективности часто-моцартовской, много итальянской сладости и прозрачная гармонія тутъ столько-же проста, безлискусственна, сколько благозвучна (euphonique) то это только потому, что поэтическая мысль сцены этого требовала согласно стилю, въ которомъ Моцартъ задумалъ (концепировалъ) эту оперу. Если же признать эту музыку «подражаніемъ» современнымъ Моцарту итальянцамъ (Guglielmi, Piccini, Sacchini, Paesielo) и на этомъ только основанія ее осудить, то такимъ-обра-

зомъ пришлось-бы забраковать очень значительную долю, чуть не половину каждой «итальянской» Моцартовой партитуры, не исключая ни Фигаро, ни Донъ Жуана.

Въ Донъ-Жуанѣ есть даже довольно формъ устарѣлыхъ (какъ увидимъ) но вовсе не въ этихъ мѣстахъ оперы, на которыя указываетъ г. Улыбышевъ, и вовсе не «съ умысломъ» со стороны Моцарта, а просто какъ дань вѣку, отъ которой ни одинъ въ свѣтѣ гений совершенно освободиться не можетъ.

Разсматривая характеры оперы и сюжетъ ея, въ его цѣломъ, съ цѣлю установить возможную чистоту взгляда на эти предметы, я касался музыкальных и сценическихъ подробностей только мимоходомъ.

Теперь мнѣ предстоитъ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы о впечатлѣніи оперы на театрѣ съ поэтической и музыкальной стороны, и о томъ, какъ, по моему мнѣнію, должно понимать Моцартовы слабыя стороны, по большей части въ зависимости отъ его эпохи.

Приступить къ этимъ общимъ выводамъ я не могу иначе, какъ сдѣлавъ еще разъ бѣглый обзоръ всей оперы, сцена за сценой по порядку, для того, чтобъ провѣрить отдѣльное впечатлѣніе каждой, и потомъ сдѣлавъ очеркъ всей оперной дѣятельности Моцарта, чтобы приготовить возможность взгляда на значеніе оперы Донъ-Жуанъ въ связи съ другими операми. Еще въ началѣ статьи я говорилъ о важности исторической точки зрѣнія при эстетической оцѣнкѣ художественныхъ произведеній.

Все это вмѣстѣ составитъ *вторую и послѣднюю* статью о моемъ предметѣ.

Не могу не повторить еще разъ опасеній, что мои иногда очень мелочныя указанія невѣрности взгляда въ замѣчательной и уже знаменитой книгѣ моего соотечественника будутъ отнесены къ полемическимъ нападкамъ. Я сказалъ уже, что стою за *правду*; точу показать всѣмъ, убѣдить всѣхъ, что *цѣлныя очки* г.г. комментаторовъ чрезвычайно мѣшаютъ чистотѣ взгляда на Моцартова Донъ-Жуана. Другой, скрытой, косвенной мысли у меня нѣтъ рѣшительно никакой.

Упрековъ касательно моей педантической подробности я не боюсь, потому-что, какъ уже говорилъ, пишу не фельетонъ, а специальную статью по части музыкальной критики, которую считаю дѣломъ серьезнымъ.

А. СЗРОВЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

СТАТЬЯ II.

Модная наука. — Статистическій обзоръ прошлаго опернаго сезона. — Доницетти и его оперы. — Разборъ «Элексира». — Донъ-Жуанъ Моцарта. — Артисты итальянской оперы.

Въ нашъ положительный вѣкъ довѣряютъ одвѣмъ цифрамъ; прочія выводы и доказательства почитаются шаткими и умозрительными. Почти всѣ человѣческія познанія заразились менѣе или болѣе математическими вычисленіями; химія, основываясь на формулахъ Берцеліуса, опредѣляетъ тѣла по *паямъ* и *атомамъ*; медицина развѣшываетъ врачебныя средства на пятидесятые и гораздо мельчайшія доли грановъ, и рассчитываетъ на крайнюю *дѣлмость* матеріи для излеченія людскихъ недуговъ; астрономическія *вычисленія*, которыя, бывало, скрывались только-что не подъ облаками, и передавались почти въ тихомолку съ одной обсерваторіи на другую, нынѣ шумятъ на весь міръ и обращаютъ на себя всеобщее вниманіе; наконецъ, статистика, которая каждый свой шагъ подтверждаетъ цифрами, сдѣлалась основною, и можно-сказать, *модною* наукою. Неужели и искусства подвергнутся современемъ математическому вліянію?! Странное и нѣсколько обидное предположеніе для гг. артистовъ — но какъ знать, на чемъ остановится стремленіе нашего вѣка къ вычисленіямъ. Весьма можетъ статься, что антрепренеры бу-

дуть выбирать голоса по количеству горловыхъ вибрацій, опредѣляя тѣмъ математически силу голоса; если пристрастіе къ сильной звучности, на которой и нынѣ уже основаны въ операхъ самыя увлекающіе эффекты, еще болѣе увеличится, то не трудно будетъ *разсчитать*, который изъ композиторовъ достигъ наибольшаго развитія звучности, и такъ дайте... Надѣмся, впрочемъ, что горестное предположеніе подчинить искусства математическимъ вычисленіямъ не скоро еще осуществится; но не менѣе того воспользуемся *модною* наукою, и докажемъ цифрами, за кѣмъ изъ композиторовъ въ прошлый оперный сезонъ 1852—1853 осталось первенство успѣха.

Всѣхъ представлений было 84, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ: 66 для абонеента (въ томъ числѣ и добавочныя), 5 не въ счетъ абонеента, 11 бенефисовъ и 2 представления для иностранцевъ на первой недѣлѣ Великаго поста. «Отелло» (Россини) давали 8 разъ, «Ченерентолу» 8 разъ, «Севильскаго-Цирюльника» то же число, «Карла-Смѣлаго» 4 раза. Слѣдовательно, въ-теченіе сезона, мы слышали 28 разъ Россиніевскія оперы. «Норму» (Беллини) давали 6 разъ, «Пуританъ» 8 разъ, «Сомнамбулу» 1 разъ, «Эрнани» (Верди) 4 раза, «Риголетто» 4 раза, «Гвельфы и Гибеллины» (Мейербера) 6 разъ, «Осаду Гента» 5 разъ, Донъ-Жуана (Моцарта) 4 раза, «Marie-de-Rohan» (Донидзетти) 5 разъ, «Донъ-Паскале» 6 разъ, «Элексиръ» 3 раза, «Лукрецію Борджіа» 4 раза. Не желая ввести въ заблужденіе, мы полагаемъ, однакоже, долгомъ замѣтить для тѣхъ, которые считаютъ цифры краснорѣчивѣе всѣхъ прочихъ доказательствъ, что «Осада Гента» — Мейербера была поставлена въ-концѣ сезона, и судя по стеченію публики въ каждое изъ пяти представлений этой оперы, можно достовѣрно заключить, что успѣхъ ея не истощился, и во всѣмъ вѣроятіямъ продолжится на будущій сезонъ. Оперы Россини, кромѣ, разумѣется, неотъемлемаго ихъ достоинства, привлекали участіемъ въ нихъ Віардо и Лаблаша. «Севильскій-Цирюльникъ», на примѣръ, былъ у насъ обставленъ въ прошлый сезонъ такъ удивительно, что и самъ Россини не могъ бы мечтать лучшаго состава для прелестной своей оперы. Всѣмъ извѣстно, что Віардо неподражаемая Розина, а Лаблашъ, конечно, совершеннѣйшій типъ Бартоло. Опера Верди «Риголетто» не гла бы выдержать болѣе четырехъ представлений, и вѣроятно на будущій сезонъ, при той же обстановкѣ, будетъ имѣть значительный успѣхъ. «Сомнамбула» — Беллини была исполнена только одинъ разъ, но въ короткое время. О великомъ и образцовомъ произведеніи Моцарта («Донъ-Жуанъ»), и о причинахъ четырехъ-кратнаго только его представленія, мы просимъ дозволенія поговорить подробно въ-теченіе предстоящаго сезона.

теперь не обратимъ вниманію на успѣхъ оперъ Донизетти (которыя мы слышали въ прошлый сезонъ 18 разъ), и скажемъ нѣсколько словъ о значеніи въ исторіи искусства этого замѣчательнаго маэстро.

Гаэтано Донизетти родился 1798 года, въ венеціанскихъ владѣніяхъ, въ городѣ Бергамо. Несмотря на недостаточность состоянія его родителей, Гаэтано получилъ хорошее образованіе; призваніе къ искусству обнаружилось у него съ юныхъ лѣтъ, — но странно, выборъ молодого Донизетти палъ сначала не на музыку, а на архитектуру. Онъ страстно любилъ чертить и рисовать, и до конца своей жизни предавался съ успѣхомъ этому искусству. Съ другой стороны, отецъ Гаэтано желалъ, чтобы сынъ его избралъ юридическую карьеру, какъ болѣе надежную и прибыльную. Послѣ довольно продолжительной борьбы, Гаэтано позволено было наконецъ посвятить себя искусству, и къ немалому удивленію его родителей, Донизетти избралъ окончательно музыку, а не архитектуру. Первымъ его наставникомъ былъ знаменитый Simon Mayer (авторъ оперы *Rosa Bianca e rosa rossa*). Въ 1815 году Гаэтано поступилъ въ болонскій лицей, подъ руководство Padre Mattei, знаменитѣйшаго контрапунктиста того времени, который былъ первымъ наставникомъ Россини. На 20-мъ году своей жизни, то-есть, въ 1818 году, Донизетти написалъ для Венеціи первую свою оперу «*Eurigo-de-Borgogna*», которая принята была благосклонно. Съ того времени, въ-продолженіе 8 лѣтъ, онъ разъѣзжалъ по Италіи и писалъ на скорую руку множество оперъ, коихъ и названія даже не дошли до насъ.

Огромный успѣхъ россиніевской музыки поглощалъ всеобщее вниманіе. Донизетти, чувствуя себя не въ силахъ бороться съ гениемъ великаго маэстро, подражалъ ему, и подражалъ довольно успѣшно. Известно, что съ 1823 года Россини умолкъ для Италіи; Донизетти долго выжидалъ, но не совсѣмъ довѣря молчанію могучаго своего соперника, продолжалъ еще ему подражать. Наконецъ, въ 1826 году, убѣдившись, что Россини не хочетъ писать для Италіи, Донизетти рѣшился сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ своей музыкѣ и отступить нѣсколько отъ принятаго имъ образца.

Опытъ этотъ выразился появленіемъ «*L'Esule di Roma*», оперы, въ которой онъ видимо желалъ выказать свою самостоятельность. Это доказываютъ измѣненныя формы кабалетъ, почти совершенное отсутствіе ругады, довольно значительныя притязанія на декламацию и драматизмъ. Опера «*L'Esule di Roma*» имѣла большой успѣхъ, но Донизетти понималъ весьма хорошо, что рукоплескали не попыткамъ его оригинальности, а нѣкоторымъ прекраснымъ мелодіямъ, которыя на-

поминали еще своею формою обожаемую Италию музыку России. Съ-тѣхъ—порѣ, повидимому, Доницетти отказался навсегда отъ притязаній на оригинальность, и такъ—какъ съ 1828 года въ Италиі возникала новое музыкальное свѣтило—Беллини, то даровитый, но не самостоятельный маэстро сталъ ему подражать, что весьма уже замѣтно въ «Аннѣ Болейнѣ».

Эта послѣдняя опера имѣла въ Миланѣ, 1831 года, огромный успѣхъ, несмотря на соперничество Соннамбулы, которая была поставлена въ томъ же году и исполнена тѣми же знаменитыми артистами; Пастою и Рубини. Въ 1832 году имѣ удалось слышать въ Неаполѣ эту оперу; роль «Анна Волепа» исполняла Bonzi de Begnis, Генриха VIII Лаблашъ, а тенора нашъ Ивановъ. Въ то время Ивановъ былъ весьма неловокъ на сценѣ, и признаться сказать, игралъ довольно плохо, но голосъ у него былъ очаровательный; необычайная мягкость, и съ тѣмъ вмѣстѣ сила и звучность верхнихъ его нотъ, приводили въ восторгъ неаполитанцевъ.

Лаблашъ въ роли Генриха VIII былъ неподражаемо хорошъ! Судя по Дону Маньфику и Бартоло нельзя себѣ представить, до какой степени Лаблашъ, величественно грозенъ въ этой роли: выраженіе лица, всѣ движенія его были такъ глубоко обдуманы, что многіе коротко знавшіе Лаблаша увѣряли, что онъ долго исторически изучалъ грознаго повелителя Англіи, для того, чтобы съ вѣрностію передать эту роль. Хотя мы сказали, что въ «Анна Волепа» замѣтно подражаніе Беллини, но это болѣе относится къ формамъ нѣкоторыхъ кантиленъ и къ декламационному направленію этой оперы; въ мелодіяхъ Доницетти гораздо болѣе разнообразія и энергіи, чѣмъ у Беллини, — вообще дарованіе его, хотя не такъ самостоятельно, какъ дарованіе Беллини, но за то болѣе развито и усовершенствовано.

Съ появленія «Анна Волепа», Доницетти и Беллини раздѣляли между собою почти поровну музыкальное владычество въ Италиі; Доницетти однакоже былъ гораздо дѣятельнѣе своего соперника и писалъ, не умолкая. Полнаго списка его оперъ мы не имѣемъ, но упомянемъ о главнѣйшихъ произведеніяхъ, и обратимъ вниманіе читателей на замѣчательнѣйшія мѣста.

Въ 1834 году Доницетти написалъ «Lucrezia Borgia». Эта опера весьма у насъ известна. Превосходная игра г-жи Гриси и *арія Пачино*, которую Маріо въ нее вставляетъ, окончательно упрочили у насъ ея славу; но, по нашему мнѣнію, въ ней многожество драматическихъ несообразностей, и хотя есть пріятныя мелодіи, но опера эта не имѣетъ

выдержать сравненія ни съ «Анною Болейнъ», ни съ послѣдующими за нею операми Донизетти.

Самый замѣчательный номеръ оперы, безспорно, терцетъ 2-го акта; и странно и почти непонятно, но нужно сознаться, что Сальви производилъ въ немъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ Маріо, несмотря на видимое преимущество голоса и методы послѣдняго. Этотъ замѣчательный и рѣдкій фактъ мы можемъ приписать только одному обстоятельству: по всѣмъ вѣроятіямъ, Маріо бережетъ свой голосъ для вставной *Пачиніевской* арии: «io ti vidi, t'amigai», и скушится въ терцетѣ на звучность верхняго *la-bémol*, который долженъ быть выраженъ съ силою, для произведенія на слушателей полного эффекта.

Въ 1830 году Донизетти пріѣхалъ въ Парижъ; здѣсь встрѣтился онъ лицомъ къ лицу съ соперникомъ своимъ Беллини, который въ то время вполнѣ овладѣлъ благорасположеніемъ парижской публики, поставивъ въ томъ же году «Пуританъ». Кстати упомянемъ здѣсь о юмористической выходкѣ Россини насчетъ «Пуританъ». Послѣ перваго представленія, Россини написалъ въ Италію письмо къ одному изъ своихъ знакомыхъ, въ которомъ, отдавая отчетъ о новой оперѣ, онъ отзывался весьма лестно о дарованіи молодого Беллини и хвалилъ многія мѣста безусловно. «Что же касается до дуэта двухъ басовъ (*suoni la tromba intrepida*), писалъ Россини, то я почитаю излишнимъ распространяться на этотъ счетъ, потому-что вѣроятно вамъ и въ Италіи слышны были необычайно сильные возгласы Лаблаша и Тамбурини!» Дѣйствительно, кабалета, на которую намекаетъ Россини, довольно тригліанна, и единственное ея достоинство состоитъ въ весьма сильной звучности. Беллини, узнавъ о отзывѣ знаменитаго маэстро, самъ же разгласилъ его по всему Парижу, приговаривая: «По дѣломъ мнѣ, я слишкомъ уже *разшумѣлся*, не имѣя на то никакого права! Я могу воспѣвать любовь, нѣжныя чувства, но воинственные возгласы, энергическіе порывы мнѣ не подѣ-стать».

Но возвратимся къ Донизетти! Немалога труда ему стоило добиться дозволенія поставить на парижской сценѣ «*Marino Faliero*», несмотря на то, что эта опера имѣетъ неотъемлемыя достоинства.

Въ дуэтѣ перваго акта тенора съ сопрано весьма замѣчательно *Larghetto*: «*Questo brandodel suo sangue*». Въ послѣдующихъ операхъ Донизетти парафразировалъ эту мелодію нѣсколько разъ, и всегда съ большимъ успѣхомъ. *Largo* финала перваго акта хотя также парафраза (*une paraphrase*) терцета Лукреціи, но весьма хорошо ведено и развито. Арія тенора во второмъ актѣ, которую несравненный Рубини пѣлъ у насъ неоднократно и всегда удивительно хорошо, заслу-

живзаетъ также особеннаго вниманія. Первое *allegro* двухъ басовъ: «*ze rit giungo*» — превосходно, хотя очевидно основано на мысли знаменитаго тернета Вильгельма-Теля. Опера «*Matino Faliero*» имѣла успѣхъ въ Парижѣ, но не могла выдержать соперничества «Пуританъ», — и Донизетти счелъ нужнымъ оставить Парижъ. Мы почитаемъ это обстоятельство весьма благопріятнымъ для таланта Донизетти, потому-что въ Парижѣ онъ никогда не написалъ бы партитуры въ родѣ «*Lucia*». Вліяніе французскаго вкуса всегда менѣе или болѣе отзывается на композиторѣ, который пишетъ для парижской сцены, а «*Lucia*» чисто итальянское порожденіе, и намъ кажется, что для композитора итальянца это не послѣднее достоинство.

Въ томъ же 1835 году Донизетти пріѣхалъ въ Неаполь; засталъ тамъ Персіани и Дюпре, началъ на удачное либретто, и не съ большимъ въ шесть недѣль написалъ самую лучшую свою оперу «*Lucia di Lammermoor*». Кто у насъ изъ любителей музыки не знаетъ этого прекраснаго произведенія? Кто, въ-особенности, не помнитъ финала, въ которомъ бывало незабвенный Рубини — Эдгардо проклиналъ свою бѣдную невѣсту съ такою силою и энергіею.

Секстетъ, предшествующій этой фразѣ, въ высшей степени прекрасенъ; мелодія его благородна, изящна и развита безподобно; голоса сочетаются весьма искусно, и вообще форма секстета имѣла въ то время достоинство новизны. Въ-послѣдствіи самъ Донизетти такъ часто употреблялъ ту же форму для своихъ погосахъ *d'ensemble*, что вскорѣ она обветшала. Въ первомъ дуэтѣ между сопрано и теноромъ весьма замѣчательны *Larghetto* «*sulla tomba, chi m'insega*» и слѣдующее за нимъ *Allegro*, которое хотя написано въ темпѣ вальса, но изысканность и пріятность мелодіи выкупаютъ этотъ недостатокъ. Дуэтъ сопрано съ басомъ также прекрасенъ и выразителенъ, два, или три хора и весь финалъ перваго акта достойны замѣчанія. Послѣдняя арія, триумфъ и Рубини и Маріо, начинается безподобно. Величественная прелюдія, въ которой удачно употреблены мѣдные инструменты, предшествуетъ весьма драматическому речитативу.

Въ плавномъ и мелодическомъ анданте отзывается глубокая грусть; при хорошемъ исполненіи этого анданте невозможно оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ Эдгарда; у Рубини, бывало, въ каждомъ звукѣ слышны были стонаміе и жалоба. Хоръ, въ которомъ извѣщаютъ Эдгарда о смерти *Lucia*, прекрасенъ; кто не помнитъ раздирающаго вопля Рубини «*Oh! mia Lucia!*» Но что сказать про замѣчательную кабалетту «*Tu che a Dio spiegasti l'ali?*» Впечатлѣніе, производимое, конечно у всѣхъ осталось въ памяти; вса Европа слушала

да ее съ пристраженіемъ, в между-тѣмъ нельзя не замѣтить, что мелодія этой столь знаменитой кабалеты тривіальна и не имѣетъ вовсе никакого драматическаго достоинства. Мы полагаемъ, что огромный ея успѣхъ слѣдуетъ приписать искусству извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ, какъ: Рубини, Маріо, Морьяни, и нѣкоторыхъ другихъ. Дѣйствительно, тутъ полный разгулъ человѣческому голосу; самый простой аккомпаниманъ сопровождаетъ пѣніе, ничто его не стѣсняетъ, ничто не заглушаетъ, и если голосъ хорошъ и выразителенъ, то одна уже вокализация на самыхъ звучныхъ нотахъ тенора должна производить удивительное и даже на иныхъ слушателей большое впечатлѣніе. По нашему мнѣнію, «*Lucia*» самое совершеннѣйшее произведеніе Доницетти въ серьезномъ родѣ, а «*L'Elisir d'amore*» въ комическомъ. Съ воспоминаніями объ этой прелестно-веселой и живой оперѣ неразлучно связано воспоминаніе о г-жѣ Віардо, которая первая насъ съ нею познакомила. Все наши диллетанты, безъ сомнѣнія, помнятъ, съ какой кокетливою живостію она пѣла въ интродукціи музыкальную фразу на слова «*D'elisir di si perfetto*». Весь театръ бывало оживится, и казалось, поддѣваетъ увлекательной Адинѣ. Положительно можно сказать, что мало найдется комическихъ оперъ, которыя были бы написаны такъ удачно, какъ «*Элексиръ*»; тутъ каждая нота на своемъ мѣстѣ, и юморъ, веселость и даже вдохновеніе ни на минуту не покидаютъ композитора.

Послѣ интродукціи слѣдуетъ хорошо ритмованный маршъ, который удачно изображаетъ комическую и нѣсколько хвастливую важность сержанта Белькоре. — Тамбурини былъ неподражаемъ въ этой роли; какъ уморительно онъ командовалъ и распоряжался своими солдатами, въ трехугольныхъ шляпахъ, надѣтыхъ на бекрень. — Белькоре высокого мѣтнія о своей особѣ; онъ воображаетъ себя непобѣдимымъ завоевателемъ женскихъ сердець. — Невозможно вспомнить безъ смѣху, какъ Тамбурини бывало охорашивается, оправляется и воткнувъ въ дуло своего ружья огромный букетъ цвѣтовъ, подходитъ съ важностью къ Адинѣ, и дѣлаетъ передъ нею на караулъ. — Аянте, въ которомъ Белькоре, объявляетъ притязанія свои на сердце Адины, сравнивая самого себя съ прелестнымъ *Парисомъ*, чрезвычайно забавно; слѣдующее за нимъ Allegro исполнено живости и огня — Віардо и Тамбурини щеголяя бывало другъ передъ другомъ въ этомъ Allegro, кто кого перемудритъ быстротою вокализаций.

Въ 1-иѣ дуетѣ Адины съ теноромъ замѣчательна весьма милая фраза «*Per guarir da tal pazzia*»; но чтобы оцѣнить ее нужно непременно исполненіе Віардо. — Послѣ дуета слышны звуки немного осадлой грубы; народъ, привлекаемый любопытствомъ, показывается на сценѣ,

собирается толпами, и наконец, бѣжитъ навстрѣчу Дулькамары, который появляется на раззолоченой колесницѣ и со всѣми принадлежностями ярморочнаго шарлатана.—Конечно, крокъ итальянца никому въ голову не придетъ написать арію, подобную аріи Дулькамары.—Шарлатанъ выхваляетъ свой элексиръ, выдавая его за специфическое средство противу всѣхъ болѣзней и даже огорченій «Элексиръ мой, говоритъ Дулькамаре, извѣстенъ всему міру и прочимъ неоткрытымъ еще странамъ; специфическое мое средство полезно: отъ веснушекъ, болѣзней нечестности, старости, водяной; оно отлично противу: мышей, клоповъ, таракановъ и устарѣлыхъ *сердечныхъ недуговъ*».—Арія эта, прекрасно написанная, съ совершенно итальянскою живостію, кончается вальсомъ, во время котораго зѣваки разбираютъ на расхватъ выхваленный элексиръ Дулькамары.—Можетъ, многіе будутъ съ нами не согласны, но намъ кажется, что Реворо (прежній нашъ буфъ) удовлетворительнѣе Ронкони исполнялъ роль шарлатана.—Продолжительное пребываніе Ронкони въ Парижѣ офранцузило его нѣкоторымъ образомъ, а для роли Дулькамары необходимо быть итальянцемъ съ головы до ногъ.

Дуетъ Дулькамары съ Неморино (теворомъ), который, желая склонить въ свою пользу непреклонную Адину, предметъ пылкой его страсти, покупаетъ у шарлатана бутылку элексира, также весьма хорошъ. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что главное достоинство мелодій этой оперы, состоитъ именно въ томъ, что онѣ не сжаты, не коротки и хорошо развиты, съ совершенною *логическою* послѣдовательностію.—Обратимъ, напримѣръ, вниманіе на 2-ю мелодію дуэта Неморино съ Дулькамарою «*Ah! dottore vi do parola*»; въ ней *сорокъ тактовъ*, и тутъ не безпрестанное повтореніе одной и той-же фразы, а цѣлый рядъ музыкальных періодовъ, которые истекаютъ, такъ—сказать, одинъ изъ другаго, не отступая однакожъ отъ основной мысли.—Вотъ что называется правильною и полною мелодіею.

Неморино, добывъ элексиръ, который, по собственному сознанію, Дулькамары (сознаніе сдѣланное, разумѣется, *à parte*), ничто иное, какъ плохое вино, раскупориваетъ бутылку и выпиваетъ ее до послѣдней капли.—Благотворное дѣйствіе живительной влаги скоро дѣлается весьма очевиднымъ.—Неморино на-веселѣтъ и затягиваетъ удачную пѣсню; но онъ удивляется, что подъ вліяніемъ волшебнаго элексира, Адина не бросилась еще къ нему на шею, «Погоди, говоритъ онъ, жестокосердая! Вскорѣ и ты узнаешь пламенное чувство любви.»

Музыкальная фраза на слова «*Esultì pur la barbara*», весьма удачно и умно придумана.—Донизетти выразилъ въ ней восторженную самоувѣренность человѣка, которому и море по колено; и съумѣлъ между-

тѣмъ остался въ предѣлахъ легкой, комической музыки.—Финаль 4-го акта прекрасно и остроумно веденъ отъ начала до конца.—Адина, обремененная притворнымъ равнодушіемъ Неморино, соглашается выйти въ тотъ же день замужъ за сержанта Белькоре.

Бѣдный Неморино пугается не на шутку, и уговариваетъ свою возлюбленную подождать до слѣдующаго дня.—Larghetto «Adina credimi teno scongiuro», чрезвычайно мило.—Невозможно опять не вспомнить о неподражаемой игрѣ Тамбурины, когда онъ въ отвѣтъ на трогательную жалобу Неморино, грозно подходитъ къ несчастному влюбленному, и обѣщаетъ задушить его безъ дальнихъ околичностей, если онъ осмѣлится продолжать неуцѣпныя объясненія въ любви съ будущей сержантшею.—Все это анданте въ которомъ участвуютъ и хоры, находящіеся на сценѣ, эффектно, хорошо развито, какъ въ мелодическомъ, такъ и въ гармоническомъ отношеніи. Финаль оканчивается увлекательнымъ вальсомъ, который тутъ совершенно у мѣста.—Белькоре торжествуетъ свою побѣду надъ сердцемъ Адины, кромя Неморино всѣ веселятся, пляшутъ и смѣются надъ комическимъ отчаяніемъ влюбленнаго, который не можетъ понять, отчего волшебный элексиръ не выказалъ никакого вліянія на сердце Адины.

Второй актъ начинается, веселымъ хоромъ; сержантъ празднуетъ стоворъ свой съ Адinou. Баркарола въ два голоса «Jo son ricco tu sei bella» извѣстна всѣмъ и каждому. Между-тѣмъ, бѣдный Неморино въ отчаяньи; не зная, какъ помочь своему горю, онъ ищетъ вездѣ шарлатана; найдя его за ужиномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и укоряетъ его въ обманѣ.—Дулькамара увѣряетъ; что одинъ приемъ элексира не достаточенъ для полного дѣйствія, и совѣтуетъ повторить; но къ сожалѣнію, у Неморино нѣтъ денегъ, а безъ червонца Дулькамара не отдастъ бутылки краснаго вина, которую онъ тутъ-же ловко схватилъ со стола и упряталъ въ бездонный карманъ своего камзола. Какъ ни умоляетъ Неморино шарлатана, все тщетно; Дулькамара удаляется, подтвердивъ, что въ кредитъ онъ никогда не отпускаетъ свой волшебный элексиръ.—Неморино плачетъ, рветъ на себѣ волосы, и въ этомъ пріятномъ занятіи застаетъ его Белькоре. — На вопросъ, зачѣмъ онъ предается такому отчаянью? Неморино отвѣчаетъ, что у него нѣтъ денегъ.

«Горю твоему легко помочь, замѣчаетъ Белькоре: запишись солдатомъ въ нашъ полкъ, и я тебѣ сейчасъ-же отсчитаю 30 скудій.» Неморино немного колеблется, но такъ-какъ восторжествовать надъ равнодушіемъ Адины онъ иначе не надѣется, какъ посредствомъ волшебнаго элексира, то рѣшается на самопожертвованіе и принимаетъ предложеніе хитраго сержанта.—Это подаетъ поводъ къ прекрасному Лар-

etto «ai parigli della guotta», малодетское развитіе котораго достоин особеннаго вниманія.

Отвѣтъ Беллоре, двувзвѣскими нотами и откате совершенно различенъ отъ первой фразы и какъ нельзя лучше отбѣивается на главнѣйшей мелодіи тенора.—Это называется контрапунктическимъ *ресурсомъ*, и весьма удобно для произведенія контраста и разнообразія, не нарушая единства основной мелодіи.—Аллегро этого дуэта, Тамбурины, не знаю почему, превращалъ въ арію.

Хотя подобнаго самоволія гг. артистовъ ни въ какомъ случаѣ не должно бы было допускать, но Тамбурины заглаживалъ вину таинимъ необычайными, быстрыми и совершенными вокализациями, что вѣрно и въ голову не приходило упрекнуть его за самовольное обращеніе дуэта въ арію.

Послѣ дуэта слѣдуетъ весьма граціозный женскій хоръ.—Разнесся слухъ, что Неморино досталось большое состояніе по наследству, и разумеется, подобное извѣстіе всполюхило все женское населеніе деревни, въ которой проживаетъ богатый наследникъ.—Дѣвушки завѣсты перессорились между собою, и каждая изъ нихъ намѣревается завладѣть и сердцемъ и состояніемъ разбогатѣвшаго Неморино.—Весь этотъ хоръ, повторяемъ мы, очень милъ и граціозенъ.—Между-тѣмъ, Неморино, получивъ деньги отъ сержанта, за свое завербованіе, поспѣшилъ добыть себѣ драгоценный элексиръ.—Съ появленіемъ Неморино на сцену, дѣвушки его окружаютъ, любезничаютъ съ нимъ, строятъ ему глазки: обращеніе ихъ Неморино приписываетъ дѣйствію элексира, не зная еще, вѣроятно, о доставшемся ему наследствѣ.—На сцену приходитъ также Адина, которая, узнавъ отъ сержанта о самопожертвованіи Неморино, изъ любви къ ней, смотритъ на него нѣжно и съ участіемъ.—Неморино въ восторгѣ! Онъ теперь не сомнѣвается въ волшебномъ дѣйствіи элексира, и чтобы нѣсколько отмстить Адинѣ за претерѣнныя имъ страданія, удаляется, сопровождаемый всѣми дѣвушками завѣстами, которыя гурьбой бѣгутъ за нимъ.

Адина не можетъ понять, чему Неморино такъ радуется и обращается съ вопросомъ къ Дулькамартъ, который ей объясняетъ, что всему причиною волшебное дѣйствіе его элексира.—Адина, разумеется, не вѣритъ шарлатану, и невольно вздыхаетъ, помышляя о непостижимомъ равнодушіи Неморино.—Дулькамара, замѣтивъ задумчивость прелестной дѣвушки, предлагаетъ ей свой элексиръ.—Адина смѣется, и отвѣчаетъ, что она въ немъ не нуждается, и что самый дѣйствительный элексиръ заключается въ женской улыбкѣ, въ миолоетномъ взорѣ, въ ласковомъ словѣ, сказанномъ кстати, и прочее.—Все это, конечно пред-

ставляется въ *лице* во-время дуэта, и приводитъ въ восторгъ, какъ самаго Дулькамара, такъ и всю публику. — Мнѣ помнится, что въ одно изъ представлений, г-жу Виардо заставляли повторить три раза allegro «una telega oschiatina». И дѣйствительно, весь этотъ дуэтъ весьма мелодиченъ и оживленъ до крайности. — По удаленіи Адины и Дулькамара, на сцену приходитъ Неморино. — Онъ грустенъ и задумчивъ! Онъ замѣтилъ, что Адина огорчилась его притворнымъ развѣдушіемъ.

Романсъ «Una furtiva lagrime» очень хорошенъкая и вѣжная мелодія. — Наконецъ, все дѣло объясняется; Адина выкупаетъ изъ рукъ Неморино, и соглашается выйти за него замужъ. — Последняя арія единственный слабый номеръ во всей оперѣ, и Виардо замѣнила ее арією сочиненія Беріо.

Мы съ намѣреніемъ разобрали въ подробности «Любовный напитокъ», потому что въ этой оперѣ, кромѣ последней аріи, нѣтъ ни одной посредственной пьесы; рѣшительно каждая замѣчательна, какъ по мелодическому своему достоинству, такъ и по обработкѣ, и въ-особенности, по своему характеру такъ-называемой комической музыки. — Опера эта написана въ 1833 году, и мнѣ довелось быть въ Римѣ въ то время, какъ Доницетти сочинялъ ее. — Познакомившись съ Доницетти, я бываю у него часто, и нерѣдко присутствовалъ при его работѣ. — Изумительно, какъ легко и скоро онъ писалъ свою музыку! Финалъ, напримѣръ, 1-го акта, въ которомъ около 85 партитурныхъ страницъ и множество голосовъ, онъ написалъ съ не большимъ въ два дня! — Должно замѣтить однако-жъ, что Доницетти не инструментовалъ воишь всей партитуры, онъ писалъ весь оркестръ только въ главнѣйшихъ и самыхъ интересныхъ мѣстахъ; въ остальныхъ онъ только писалъ басъ, отиѣчалъ кой-гдѣ гармонію и входы духовыхъ, или мѣдныхъ инструментовъ, затѣмъ онъ предоставлялъ партитуру помощнику, который пополнялъ ее окончательно. — Немеже того, кажется почти невозможнымъ написать и обдумать въ два дня 85 страницъ довольно сложнаго финала. — Доницетти болѣе всего оставался доволенъ арією Дулькамара (странныя бываютъ предпочтенія у гг. композиторовъ), и неоднократно пѣвалъ мнѣ ее съ удивительнымъ юморомъ и искусствомъ.

Въ 1840 году, Доницетти возвратился въ Пармѣ, и въ короткое время поставилъ три оперы; одну небольшую «La fille du régiment», и двѣ оперы, въ 4 акта каждая, «Les martyrs» и «La favorite».

Всѣ три написаны на французскія слова. «Дочь долка», довольно миленькая опера, но по правдѣ сказать, не имѣетъ большого достоинства, однако же немеже того, она имѣла во всей Европѣ огромный успѣхъ, но шлюсти Женни Линдъ, которая полюбила эту легкую и игривую

музыку, и пѣла ее превосходно. — «Les martyres» — намъ весьма мало известная опера; впрочемъ она не совсѣмъ удалась композитору, и въ Парижѣ, даже несмотря на усилія тогдашняго любимаго публики, тенора Нурри, не имѣла успѣха. — «La favorite» гораздо удачнѣе; мы слышали ее нѣсколько разъ въ Петербургѣ, и кажется эта опера поправилась нашей публикѣ; но мы, однако-же, полагаемъ, что кромѣ двухъ небольшихъ, но прекрасныхъ романсовъ и одного дуэта (финальнаго), остальные нумера не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Въ 1842 году, Доницетти написалъ для вѣнскаго итальянскаго театра «Linda de Chamouni», которая также у насъ весьма известна. Въ этой оперѣ есть финалъ прекрасной фактуры, два весьма замѣчательные романса для контральто и дуэтъ сопрано съ басомъ, въ которомъ отлично противопоставлены драматическое пѣніе «Линды» и комическій характеръ маркиза.

Въ 1843 году, Доницетти возвратился въ Парижъ, и по словамъ г. Скудо, въ восемь дней (?) написалъ оперу Донъ-Пасквале, въ которой, какъ известно, три акта, и довольно значительные. — Мудрено что-то!! По этому случаю, г. Скудо приводитъ даже слѣдующій анекдотъ, за достоверность коего, впрочемъ, также не ручаемся. *Говорятъ*», что Доницетти упоминая о томъ, что Россіи употребилъ 15 дней для сочиненія «Севильскаго цирюльника», пожималъ плечами, приговаривая: Я этому не удивляюсь! Россіи такъ лѣнивъ!»

Рассказъ *объ восьми-дневномъ* трудѣ тѣмъ болѣе невѣроятенъ, что «Don Pasquale» вовсе не дюжинная опера, а весьма замѣчательное и тщательно обработанное произведеніе. Конечно, по вдохновенію и такъ сказать итальянской живости эта опера должна уступить первенство «Любовному напитокку»; однако-жь, въ ней много прекраснѣйшихъ нумеровъ; — какъ напримѣръ: дуэтъ перваго акта, въ которомъ докторъ сговаривается съ Нориною, какъ провести старика Донъ-Пасквале, и заставить его согласиться на женитбу племянника.

Послѣдняя кабалета немного бравурна; въ ней скорѣе *рыцарскій*, чѣмъ кокетливый характеръ, — но не менѣе того дуэтъ этотъ, безспорно, хорошъ и весьма эффектенъ.

Во второмъ актѣ вся сцена мнимой свадьбы обдумана и ведена прекрасно; — квартетъ, въ которомъ находятся одна, или двѣ фразы, принадлежащія болѣе къ роду серьезной, драматической музыки, — прекрасно написанъ и интересно гармонированъ. Въ третьемъ актѣ дуэтъ — ссора Донъ-Пасквале съ Нориною — безподобенъ; далѣе дуэтъ съ докторомъ, оканчивающійся изумительною Чимарозовскою скороговоркою, превосходенъ; — потомъ серенада, финальная арія и проч. и проч. Невозможно, повторяемъ мы, и

физически и морально невозможно написать столько музыки, и музыки, которую конечно нельзя назвать посредственною, въ-теченіе восьми дней. Жаль, что намъ не удалось слышать г-жу Віардо и Лаблаша въ этой оперѣ виѣтъ; всё помнить, какъ Віардо была очаровательна въ роли Норины; а Лаблашъ, для котораго роль Донъ-Паскале и написана, въ ней неподражаемъ. Замѣтимъ также, что Тамбурины въ роли доктора былъ совершеннѣе Ронкони. Въ этой партіи есть множество вокализаций, которыя собственно были написаны для гибкаго и до крайности обработаннаго голоса Тамбурины; — Ронкони принужденъ ихъ передѣлывать на свой ладъ, а подобныя передѣлки въ музыкѣ никогда къ добру не ведутъ.

Вскорѣ послѣ постановки «Don-Pasquale» Доницетти написалъ для Французской Оперы огромную партіцію «Don-Sebastian». Г. Скудо увѣряетъ, что онъ написалъ эту длинную, пятиактную оперу не болѣе, какъ въ два мѣсяца. Дирекція Большой Оперы (du Grande Opera) нужда-лась въ новомъ произведеніи, и торопила маэстро до крайности.

Слѣзливый, непосильной трудъ разстроилъ здоровье композитора. Говорятъ, что выходя изъ послѣдней репетиціи «Дона-Себастьяна», онъ сказалъ одному изъ своихъ пріятелей: «Плохо мнѣ приходится, «Don-Sebastian» меня убиваетъ». Дѣйствительно, съ-тѣхъ-поръ здоровье даровитаго маэстро все болѣе и болѣе разстроивалось, и скорѣ показались несомнѣнные признаки сумасшествія! Пять лѣтъ еще послѣ того Доницетти влечилъ несчастную жизнь, представляя многочисленнымъ друзьямъ и поклонникамъ своего таланта печальное зрѣлище потухшаго вдохновенія и разума; и наконецъ, 1-го апрѣля 1848 года, пораженный параличемъ, скончался на родинѣ своей, въ Бергамо.

При внимательномъ изученіи произведеній Доницетти, приходитъ на умъ затруднительный вопросъ: можетъ-ли *не самобытный* музыкальный талантъ быть однако же *геніальнымъ*? — Чтобы отвѣчать на это, возьмемъ изъ безчисленныхъ опредѣленій слова *геній* самое короткое и удобопонятное: «Геній создаетъ, или, усвоивъ себѣ избранный имъ предметъ, проникаетъ его собственнымъ творчествомъ и придаетъ ему оживленіе и жизненность.» По этому опредѣленію самобытность, кажется, составляетъ необходимое условіе геніальности; — потому-что *создать*, или проникнуть предметъ собственнымъ *творчествомъ* почти одно и тоже. Однако же говоря собственно объ искусствахъ, между первымъ и вторымъ предложеніями есть разница. Въ другихъ отрасляхъ человѣческихъ познаній непрѣмное условіе *геніальности* изобрѣтать и создавать. Геній открываетъ законы тяготѣнія, изобрѣтаетъ порохъ, книгопечатаніе, приобщаетъ къ жизненнымъ потребностямъ силу паровъ, быстроту движенія электричества, и проч. и проч. Въ искусствахъ и въ

особенности въ музыкѣ * новое начало создать нынѣ почти невозможно. Конечно можно еще увеличить звучность, изобрѣсти новые инструменты; звуки отъ этого могутъ усиливаться, но въ сущности не измѣнятся.

Выраженіе музыкальныхъ мыслей ищетъ непреодолимыя границы! Безпредѣльность и могущество выраженій предоставлено слову! — Невозможно, напримѣръ, музыкою выразить подобную мысль: *солнце не вращается вокругъ земли!* и однимъ выраженіемъ измѣнить вѣковыя вѣрованія! — Музыка возвышаетъ наши чувства, приводитъ въ восторгъ — но лишена возможности озарить міръ лучезарною, общепольною мыслию! — Вотъ почему мы полагаемъ, что въ искусствахъ вообще и въ музыкѣ въ особенности опредѣленіе гениальности затруднительнѣе, чѣмъ въ прочихъ отрасляхъ человѣческихъ познаній. Однакоже никто не усомнится признать за музыкальныхъ гениевъ напримѣръ: Гайдна, Глюка, Моцарта, Бетховена, Россини. Но почему именно, немногіе съумѣютъ объяснить! — Всякой, напротивъ, скажетъ безъ малѣйшаго затрудненія, что Ньютонъ напримѣръ былъ гениальный человѣкъ, потому-что открылъ законы тяготѣнія, Шварцъ потому-что выдумалъ порохъ, Гуттенбергъ — книгопечатаніе и проч. — За гениальнаго музыканта можно признать во-первыхъ того, который, измѣнивъ и дополнивъ нѣкоторыя музыкальныя формы, усовершенствуетъ, или подвинетъ впередъ какую-нибудь изъ музыкальныхъ отраслей, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это для симфоническаго рода: Гайднъ, *Моцартъ*, Бетховенъ; для драматическаго: Скарлатти, Глюкъ, Мейербергъ, *Моцартъ* и проч.; во-вторыхъ, того, который одаренъ изобильнымъ источникомъ мелодическихъ вдохновеній, какъ напримѣръ Чимароза, *Моцартъ*, Россини и проч.; наконецъ въ-третьихъ, того, который, не имѣя самобытнаго таланта, хотя и не подвигаетъ впередъ искусства, но изобиліемъ и изяществомъ своихъ произведеній составляетъ однако же эпоху въ исторіи музыки.

Донизетти безспорно принадлежитъ къ третьей категоріи гениальнѣйшихъ музыкантовъ. Сначала онъ подражалъ Россини, потомъ Беллини, наконецъ пытался соединить блистательный родъ музыки перваго съ эстетическимъ втораго. Нельзя именно указать источникъ, изъ котораго Дон-

* Мы говоримъ «въ особенности въ музыкѣ», потому-что въ жизни не изобрѣтено дагерротипа, или участія свѣта въ воспроизведеніи предметовъ, можетъ произвестись сродный переворотъ, и положить, такъ-сказать, новое начало; въ скульптурѣ изобрѣтеніе сизальтиса также можетъ имѣть важныя послѣдствія; но въ музыкѣ никакая переища гамма, будь она вновь іоническая, дорическая, пожалуй *китайская*, никакая гамма, повтореніе, не можетъ сдѣлать совершенный переворотъ въ способѣ наложенія музыкальныхъ мыслей. *Моцартъ* изразитъ намъ, вѣдь употребленіе септими, и въ-слѣдствіе того диссонансъ въ *третью* но онъ тѣмъ украсилъ только гармонию, а не далъ новаго способа выразить *мысль* *художественную*.

затѣмъ очертавъ музыкальныя свои мысли; но онѣ, несмотря на нѣжнѣе изящество, округленность, нѣтъ ли какую-то неопредѣленность въ очеркѣ, несомнѣнно доказывающую ихъ несамобытность:

Изъ итальянскихъ композиторовъ послѣднихъ временъ, Россіимъ подождать основанія рудалцому и блестятельному ряду музыки, и нѣтъ толпы раздражателей. *Беллини* набралъ элегическій родъ и навремени сдѣлалъ совершенный переворотъ въ музыкальномъ вкусѣ Италіи; раздражателей у *Беллини* было немного, потому-что вскорѣ появился шумный *Верди*, и увлекъ за собою, какъ толпы раздражателей, такъ и толпы варошныя, жаждущія всегда новыхъ впечатлѣній. Каждый изъ трехъ названныхъ нами итальянскихъ композиторовъ имѣетъ череду *Донизетти* преимущество самостоятельности, но не мѣняе того *Донизетти* нельзя не признать за гениальнаго музыканта, по количеству и качеству его произведеній, хотя раздражателей у него не было, да и быть не могло.

Въ исчисленіи различныхъ категорій музыкальной гениальности, мы три раза упомянули великое имя *Моцарта*; — и дѣйствительно, въ области музыки онъ всеобъемлющій гений. Нѣтъ отраслей музыкальнаго искусства, въ которой онъ не достигъ бы высочайшей степени. Квартеты, симфоніи, духовная и драматическая музыка ядлись рѣкой изъ-подъ вдохновеннаго его пера.

Отчего же *статистическій* обзоръ прошедшаго сезона показываетъ намъ, что безсмертное твореніе его «*Донъ-Жуанъ*» исполнено было только четыре раза? — Неужели эта опера подверглась участи многихъ другихъ оперъ? Неужели она могла устарѣть?! Положительно — нѣтъ! Ответимъ съ полною увѣренностію, но для большаго объясненія приведемъ разговоръ, который мы имѣли въ одно изъ послѣднихъ представленій «*Донъ-Жуана*».

Послѣ дивно-живописнаго флиада перваго акта, прослушаннаго мною по обыкновенію съ глубокимъ, восторженнымъ вниманіемъ, я вышелъ въ фойе, чтобы подышать мѣняе дуцнымъ воздухомъ и посмотреть вблизи на впечатлѣніе, производимое безсмертнымъ твореніемъ *Моцарта*. Въ залахъ, по которымъ публика прохаживается во-время антракта, удобнѣе можно подмѣтить ощущенія и вслушаться въ разпородные толки. Въ залахъ любители, если не совсѣмъ снимаютъ маску адептантазма, скрывающую ихъ лица во-время представленія, то во-крайней-мѣрѣ слегка ея приподнимаютъ.

Войдя въ залу, я встрѣтилъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ любителей, un *charmant amateur de salon*, какъ говорятъ французы. В... казался разстроеннымъ; волосы его, обыкновенно причесанные съ большимъ искусствомъ, были въ безпорядкѣ, лицо блѣдно. «Что съ тобою?»

спросилъ я его съ участіемъ. В... таинственно отвелъ меня въ сторону, къ окошку, съ безпокойствомъ окинулъ взглядомъ проходящихъ, и удостовѣрившись, что никто насъ не подслушиваетъ, сказалъ мнѣ въ-полголоса: «Ты, надѣюсь, не сомнѣваешься, что я страстно люблю музыку, и даже могу смѣло сказать, умѣю понимать и цѣнить ее! Вообрази же мой ужасъ! мое отчаянье! Вотъ уже лѣтъ пять, какъ я не слышала «Донъ-Жуана», и въ нынѣшнее представленіе, по непонятному и горестному для меня чувству — остаюсь совершенно равнодушнымъ къ образцовому творенію Моцарта! Отчего-бы это могло быть? Неужели «Донъ-Жуанъ» обветшалъ! устарѣлъ?! Неужели эта опера не соответствуетъ болѣе потребностямъ музыкальнаго нашего вкуса?!...

— Укроти потокъ твоихъ рѣчей, о, истый пѣвецъ новѣйшей музыки, сказалъ я, прерывая В***. Во-первыхъ, увѣренъ-ли ты хорошо, что ты дѣйствительно любишь музыку, а не *ритмъ* и нѣкоторыя условныя формы, которыя для болѣе части любителей представляютъ музыкальныя достоинства? Во-вторыхъ, полно помнишь-ли ты прежнія свои впечатлѣнія, и можешь-ли утвердительно сказать, что пять лѣтъ тому назадъ, ты вполнѣ оцѣнилъ твореніе Моцарта? В***, кажется, немного обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ опять въ-полголоса, озираясь кругомъ:

— Пожалуйста, не говори такъ громко, насъ могутъ слышать! В*** очевидно боялся уронить себя въ общественномъ мнѣніи, повѣряя мнѣ свое равнодушіе къ классическому произведенію. Странное существо свѣтскій человѣкъ! Самыя возвышенныя чувства онъ взвѣшиваетъ на вѣсахъ моды! Начавъ неосторожно разговоръ, В*** не зналъ, какъ отретироваться.

— Я не понимаю, отчего ты сомнѣваешься въ истинной моей любви къ музыкѣ?! Я знаю наизусть весь репертуаръ нашей оперы, отъ «Эриана» до «Гвельфовъ и Гибелиновъ» включительно, и кажется умѣю цѣнить достойное, исполняя самъ во всѣхъ *салонныхъ* концертахъ болѣшую часть арій и дуэтовъ изъ этихъ оперъ. Я и теперь, пожалуй не прочь спѣть: «La cidagem la mano», но согласись, что арію Лепорелло, «Madamias il catalogo é questo» — неловко какъ-то пѣть въ гостиной, и что, напротивъ, коротенькій терцетъ дуэли: «Ah! zossorso! скорый наведетъ умніе, чѣмъ доставить удовольствіе!

— Ты, нехотя, любезнѣйшій дилеттантъ, отвѣчалъ я, улыбаясь, съ самымъ величайшимъ панегирикъ осуждаемому тобою произведенію. «La cidagem la mano» всегда и вездѣ будутъ слушать съ удовольствіемъ, потому-что въ этомъ дуэтѣ Моцартъ неподражаемо выразилъ всемірное, вѣчно юное, *вѣчно доступное* чувство страстной любви. Арію Лепорелло и не слѣдуетъ пѣть въ гостиной, потому-что въ устахъ Лепорелло, грубое *наперсничье*...

бовныхъ похощеній Донъ-Жуана, арія эта чрезвычайно умѣстна, а переданная *салоннымъ* пѣвцомъ будетъ непримѣчна. Что-же касается до *кокетельскаго* терцета—который между прочимъ не можетъ и не долженъ быть *длиньше*, въ слѣдствіе положеній дѣйствующихъ лицъ,—то повѣрь, что Моцартъ и желалъ возбудить глубокое, горестное чувство, и вовсе не помышляя о доставленіи какого-либо *удовольствія* слушателямъ. Судить о Донъ-Жуанѣ, какъ объ обыкновенной оперѣ нельзя! Образцовое произведеніе Моцарта цѣлая поэма жизни (если возможно такъ выразиться). Въ ней каждое дѣйствующее лицо первобразъ (prototype), характеризующій какую-нибудь изъ человѣческихъ личностей (individualité). До Моцарта, ни одинъ еще композиторъ не расширилъ до такой степени, какъ онъ, способы *музыкальныхъ выраженій*, онъ почти возвысилъ звуки до *могущества слова*, потому-что въ Донъ-Жуанѣ всѣ характеры твердо очертаны единственно одною музыкою. Невозможно не отличить музыкальной фразы, напримѣръ, Лепорелло отъ фразы Командора, или Донъ-Жуана; мелодіи граціозной Церлины никакъ не могутъ быть смѣшаны съ пѣніемъ величественной Донны-Анны. Скудо, рассматривая съ философской точки колоссальное твореніе Моцарта, выразился весьма вѣрно и удачно: «Фаустъ и Донъ-Жуанъ, говоритъ онъ, представляютъ два крайніе типа заносчиваго честолюбія; и тотъ и другой живое выраженіе заблужденій человѣческой природы. Фаустъ ищетъ счастья лишь въ развитіи умственныхъ способностей, онъ жаждетъ проникнуть мыслию въ сокровѣннѣйшія тайны мірозданія... и разумъ его колеблется, теряетъ силу! Донъ-Жуанъ, напротивъ, погружается совершенно въ чувственные наслажденія... и содѣлывается въ цвѣтущихъ годахъ жизни жертвою ненасытныхъ страстей. И Фаустъ, и Донъ-Жуанъ жаждутъ неистощимыхъ ощущеній и удовольствій, одинъ отвлеченныхъ, другой матеріальныхъ, и оба погибаютъ! Имъ не удастся вкусить истиннаго счастья, потому-что оба они преступили непреложные законы Божіи, возмечтали расширить предѣлы, назначенные смертнымъ, и забыли, что *человѣческій разумъ оплодотворяется возвышеннымъ чувствомъ любви*».

Вокругъ Донъ-Жуана, этого олицетворенія матеріализма, группируются почти всѣ степени и оттѣнки человѣческихъ помысловъ и чувствъ. Очеркъ Донны-Анны представляетъ возвышенныя чувства, праведную месть за смерть отца, ненависть къ пороку! Въ Доннѣ-Эльвирѣ изображенъ типъ, столь часто встрѣчающійся въ жизни, типъ женщины страстной и слабой, ревнивой и влюбѣ съ тѣмъ легковѣрной; женщины, которая ни *своего* счастья не можетъ упрочить, ни составить счастья другаго. Церлина милое, граціозное созданіе, типъ невинной, любящей дѣвушки; но которая изъ легкомыслія, любопытства и частію изъ природнаго

кокетства, едва не погибаетъ отъ бурнаго прикосновенія страстнаго Донъ-Жуана.

Каждый изъ этихъ характеровъ, повторяю, вѣрно и сильно обрисованъ музыкально; попробуйте переставить слова, подвиньте подъ мелодію: «*Batti, batti 'bel Masetto*», фразу Донны-Анны: «*non sperar se non m'uccidi*», и вы не узнаете оперы — яркія краски величественной этой музыкальной картины поблѣднѣютъ и утратятся....

Я такъ увлекся колоссальнымъ предметомъ моего вѣтйства, что почти забылъ, въ какомъ мѣстѣ я ораторствую и съ кѣмъ я говорю. Замѣтивъ наконецъ, что залы начинаютъ пустѣть, я сжался надъ своимъ собесѣдникомъ: «Извини меня за мое разглагольствіе, любезнѣйшій другъ, сказалъ я В***, но ты задѣлъ меня за живое; послушайся моего добраго совѣта, и возвратись домой, прочти со вниманіемъ краснорѣчивое и глубоко мысленное описаніе Донъ-Жуана въ біографіи Модарта г. Улыбышева.

Должно отдать полную справедливость В***, онъ выслушалъ меня терпѣливо и даже съ лестнымъ для меня вниманіемъ. «Ты, вѣроятно, правъ, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, но если Донъ-Жуанъ такое совершеннѣйшее музыкальное произведеніе, то отчего-же многіе слушаютъ его съ очевиднымъ равнодушіемъ?»

— На это есть тысячи причинъ! Неужели ты полагаешь, что изъ миллиона людей, ходившихъ глазѣть на дрезденскую Мадонну-Рафаэля, многіе поняли, въ чемъ именно заключается идеальная прелесть этой картины? А въ живописи идеаль понятъ легче, чѣмъ въ музыкѣ, потому что красота совершенная весьма приближается къ идеалу; — но конечно весьма немногіе въ состояніи отличить божественную красоту Мадонны отъ земной. Вообще музыкальный нашъ вкусъ въ послѣднее время испортился и притупился отъ излишняго развитія и злоупотребленія звучности. Самый уже составъ оркестра въ Донъ-Жуанѣ нынѣ не удовлетворяетъ слухъ большинства публики; ухо привыкло къ турецкому барабану, къ офеклеидамъ, тромбонамъ; а въ партитурѣ Донъ-Жуана, тромбоны слышны только какъ грозный голосъ съ того свѣта; одному лишь призраку Командора, погибшему отъ преступной руки Донъ-Жуана, предоставлены грозящіе эти звуки. Къ-тому же публика наша привыкла къ нѣкоторымъ условленнымъ формуламъ, безъ которыхъ впечатлѣніе ея не полно. Въ Донъ-Жуанѣ она часто не знаетъ, напримѣръ, въ какомъ мѣстѣ ей можно аплодировать; для нея это какъ-то неловко, она воздерживается отъ рукоплесканій, и оттого часто кажется холодною, равнодушною. Въ интродукціи, напримѣръ, музыкальная фраза Лепорелло: «*notte e giorno faticar*» — безподобна; невозможно ничего придумать болѣе умістнаго, никакія выраженія не могутъ

быть приличнѣе для личности Лепорелло. Лаблашъ поетъ эту полукомическую жалобу гнѣваго и окучающаго слуги венодражаемо хорошо, а публика ему не аплодируетъ! Впрочемъ, по правдѣ сказать, и не можетъ аплодировать, потому-что Лепорелло едва кончаетъ свою фразу: «*non mi voglio far sentir*» — какъ характеръ музыки перемѣняется; волненіе, ужасъ выражаются въ оркестръ, и Дона-Анна тотчасъ появляется на сцену, преслѣдуя преступнаго Донъ-Жуана. Когда тутъ аплодировать Лепорелло? О немъ вовсе забываешь, слухъ и вниманіе прикованы къ величественной музыкальной фразѣ: «*non sregar se non t'uccidi*», въ которой весь драматическій характеръ Доны-Анны обрисованъ однимъ почеркомъ пера. Новѣйшій композиторъ заключилъ-бы арію Лепорелло какою-нибудь вычурною каденціею, разжидилъ-бы ее восьмью или даже шестнадцатью окончательными тактами, по извѣстнымъ и принятымъ формуламъ, и рукописанія посыпались-бы градомъ на того-же самаго Лепорелло, который нынѣ смиренно удаляется, безъ малѣйшаго участія со стороны публики!

Не знаю, убѣдилъ ли я почтеннаго моего собесѣдника, но взоръ его прояснѣлъ, на блѣдныхъ щекахъ показалась краска, на губахъ улыбка, и даже, проходя мимо зеркала, В... поправилъ волосы и привелъ ихъ въ обычное живописное положеніе.

Въ дополненіе къ статистическимъ свѣдѣніямъ прошлаго сезона, намъ нынѣ оубаеца поговорить объ артистахъ нашей итальянской оперы. Къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ прошлаго сезона принадлежатъ безспорно: нечаянный прїѣздъ г-жи Віардо и появленіе Лаблаша на нашей сценѣ; на этомъ основаніи мы начнемъ съ этихъ двухъ знаменитыхъ артистовъ, и выскажемъ о нихъ послѣднее наше мнѣніе.

Г-жа Віардо прїѣхала къ намъ только въ началѣ января мѣсяца (3-го января былъ первый ея дебютъ), и не менѣе того пѣла 25 разъ. Эти краснорѣчивыя цифры *положительно* и торжественно доказываютъ огромный успѣхъ знаменитой пѣвицы, потому-что отъ 3-го января до 3-го марта, т. е. до окончанія сезона, было дано включительно съ бенефисами, добавочнымъ абонементомъ и съ спектаклемъ для иностранцевъ, не болѣе 32 представленій. Слѣдовательно Віардо, съ своего прїѣзда въ Петербургъ не участвовала только въ семи представленіяхъ.

Нечего-сказать, чудное дѣло цифры! Прошу поспорить противъ ихъ выводовъ? Однакожъ, до прїѣзда г-жа Віардо носились неблагопріятные слухи объ ея голосѣ. Г. Скудо даже *довольно грозно* выразился въ одной изъ своихъ статей, утверждая, что голосъ ея попортился во *многихъ регистрахъ*, а ихъ всего только и можетъ быть три въ человѣческомъ голосѣ! Какъ видите, дѣло выходило серьезное! Но къ счастью, г. Скудо, какъ видно, обмолвился, потому-что нижнія и среднія ноты г-жи Віар-

до, остались такими же прелестными, задушевными нотами, какъ и были прежде. Начиная съ верхняго *sol* до *ut*, дѣйствительно въ голосѣ г-жи Віардо замѣтна нѣкоторая перемена. Ноты эти она не *утратила вовсе*, какъ нѣкоторые утверждали, но онѣ сдѣлались рѣзче, *уловатѣе*, если дозволено будетъ такъ выразиться. Впрочемъ это, намъ кажется, неизбежное послѣдствіе огромнаго протяженія ея діапазона (въ прошлый сезонъ мы слышали нижній *fa dies* въ Соннамбулѣ, и нерѣдко верхній *ut*); какъ хотите, чтобы тотъ, или другой регистръ голоса не потерпѣлъ отъ такого протяженія.

Мы радуемся, что участь пала не на нижнія ноты г-жи Віардо, которыя, какъ мы выразились, одарены необычайною, задушевною прелестью. Вокализація знаменитой пѣвицы осталась та же, если еще не усовершенствовалась. Невозможно ничего придумать быстрее, чище, поразительнѣе ея гаммъ и фіоритуръ. Безпристрастіе понуждаетъ насъ однакожъ замѣтить, что *трель* ея показалась намъ нѣсколько слабѣе, чѣмъ бывало, но вѣроятно это зависитъ отъ того, что г-жѣ Віардо приходилось дѣлать ее на невыгодныхъ нотахъ ея голоса. Г-жа Віардо въ особенности была очаровательна въ роли Розины (въ Севильскомъ—Цирюльникѣ) и драматически неподобна въ роли Фидесы (въ Осадѣ Гента).

Г. Лаблашъ заслуженный, маститый пѣвецъ; слава его началась въ 20-тыхъ годахъ текущаго столѣтія, на берегахъ Средиземнаго моря, оттуда распространилась на берега Сены, Темзы, и въ прошлый сезонъ утвердилась на великолѣпныхъ берегахъ Невы. (Для фельетона, какъ видите, и географическія свѣдѣнія необходимы). Мнѣ довелось слышать Лаблаша въ Неаполѣ, въ 1832 году, въ роли Фигаро, Генриха VIII (въ Анятъ Болойнь) и Вильгельма—Теля, и я могу удостовѣрить, что голосъ его почти нисколько не пострадалъ отъ *тяжкаго бремени* годовъ. Діапазонъ его простирается отъ нижняго *fa* до верхняго, следовательно, заключаетъ въ себѣ 2 октавы; нижнія его ноты однакоже гораздо слабѣе, чѣмъ среднія. Отъ *sol* между четвертой и пятой линійкой, до *ge*, сила и металлическая, такъ-сказать, звучность его голоса изумительны.

Въ самомъ большомъ фортиссимо всѣхъ оркестровыхъ массъ, голосъ его звучитъ и раздается; это происходитъ отъ необычайной полноты его тембра и отъ искуснаго способа изложенія голоса (*émission de la voix*). Произношеніе Лаблаша чисто, ясно и отчетливо; въ непостижимыхъ скороговоркахъ, которыя такъ часто попадаютъ въ комическихъ операхъ, у него слышно каждое слово. Отъ такого сильно-звучнаго голоса, какъ у Лаблаша, нельзя ожидать большой гибкости; но *пасажи*, которые онъ себѣ дозволяетъ, Лаблашъ дѣлаетъ хорошо; *французскіе*

онъ вообще отлично, и поетъ всегда безукоризненно, нѣжно, вѣрно. Прошлый сезонъ Лаблашъ игралъ предпочтительно комическія роли.

Въ Донъ-Пасквалѣ, въ Донъ-Маньяфико, въ Бартоло, вездѣ онъ безподобенъ и забавенъ до крайности, собственно высокими комизмомъ своей игры, а не буфонскими фарсами. Насъ поразило въ особенности Лаблашъ въ Севильскомъ-Цирюльникѣ, потому-что онъ сумѣлъ придать второстепенной роли Бартоло особое, важное значеніе, и такъ заинтересовалъ публику своею игрою, что чуть ли не изгналъ Фигаро на второй планъ.

Въ серьезной роли мы видѣли Лаблаша прошлый годъ только въ «Пуританахъ» въ которой онъ пропѣлъ съ такою же силою, оглушительную кабалету дуэта «Suoni la tromba intrepida», какъ пѣвалъ, бывало, ее въ Парижѣ, въ 1835 году, и которая, по словамъ Россини, должна была раздаваться отъ береговъ Сены до Средиземнаго моря. Вообще Лаблашъ драгоценное приобрѣтеніе для нашей Итальянской Оперы, и отнынѣ навсегда, «Севильскій-Цирюльникъ» и «Ченерентола» покажутся блѣдны и неполны безъ его содѣйствія.

Г. Маріо все тотъ же дивный, и кажется, вѣчно юный теноръ, какъ и бывало прежде; нѣжный, симпатическій, бархатный и вѣстѣ съ тѣмъ звучный его голосъ попрежнему проникаетъ въ душу, а красивая, истинно эстетическая его наружность прельщаетъ взоръ. Мы замѣтили, что Маріо съ нѣкоторыхъ поръ весьма рѣдко прибѣгаетъ къ верхнимъ головнымъ нотамъ (notes de fausset), и вполне радуемся этому острацизму, основанному на собственномъ художническомъ сознаніи самого артиста. Самыя эффектныя ноты голоса Маріо верхнія sol, la, si-bémol и даже si (въ секстетѣ Гвельфовъ и Гибеллиновъ); полнота и звучность этихъ нотъ постоянно производятъ на публику гальваническое дѣйствіе, въ особенности, когда Маріо не покусится изложить ихъ во весь голосъ.

Тѣ же ноты знаменитый теноръ беретъ иногда полу—грудью (mezzo petto), и звуки эти выходятъ необыкновенно нѣжны и приятны, но разумѣется, не могутъ производить потрясающее впечатлѣніе полного изложенія. Маріо поетъ всю партію Альмавивы (въ Севильскомъ-Цирюльникѣ) этимъ способомъ; и по роду музыки и по самому характеру роли, тутъ эти звуки весьма умѣстны.

Произношеніе Маріо превосходно, онъ каждому слову даетъ настоящее, приличное ему выраженіе.

Рулады и прочія фіоритуры (кромя Севильскаго Цирюльника) онъ дѣлаетъ рѣдко, — но голосъ его глубокъ, и судя по образцамъ руладной вокализациі, которая Маріо выказываетъ иногда, можно смѣло сказать, что и этой части искусства нѣнія онъ вовсе не чуждъ.

Самыя лучшія роли его (въ прошлый сезонъ) какъ пѣвца въ операхъ: «Пуритане» и «Риголетто»; какъ драматическаго артиста въ операхъ: «Гвельфы и Гиббеллины» и «Осада Гента».

Г-жа Медори обладаетъ прекраснымъ, звучнымъ сопрано; верхнія ея ноты замѣчательны мягкостью (*par la velouté*) и силою. Верхній ut она беретъ легко и свободно (какъ напримѣръ въ «Гвельфахъ и Гибеллинахъ» въ дуэтѣ съ Марселенъ, г-жа Медори держитъ ut 6 тактовъ, что до нея у насъ никакая пѣвица не дѣлала). Мы замѣтили съ удовольствіемъ, что въ роли Норины (въ *Донъ Пасквале*) она дѣлала трудные пассажи этой партіи очень удовлетворительно. Вообще, г-жа Медори уже по красотѣ своего голоса пѣвица замѣчательная; но къ сожалѣнію, пѣніе ея немного однообразно; каденцы она дѣлаетъ всегда однѣ и тѣже, съ монотонной вибраціею на апожیاتурѣ и произноситъ слова весьма не ясно — что портитъ ея декламацию. Въ прошлый сезонъ роли, въ которыхъ г-жа Медори имѣла болѣе успѣха были: въ «Донъ Пасквалъ» роль Норины и въ «Гвельфахъ» — роль Валентины.

Гжа Маррай милая, добросовѣтная пѣвица; голосъ ея (*soprano*) немного слабъ для нашего огромнаго театра, но чрезвычайно вѣренъ и пріятенъ. Рулады она дѣлаетъ чисто; фіоритуры ея граціозны и изящны; — ей можно бы, впрочемъ, посоветовать воздержаться нѣсколько отъ трели; она дѣлаетъ ее слишкомъ часто и не съ достаточнымъ совершенствомъ и звучностію, — достоинства, безъ которыхъ трель только голосное *дребезжаніе*. Въ прошлый сезонъ г-жа Маррай болѣе всего имѣла успѣха, въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», но съ пріѣздомъ кровной испанской Розины (г-жи Влардо) должна была, разумѣется, принести ей въ жертву свои минутныя лавры. Слѣдуетъ отдать полную справедливость скромной г-жѣ Маррай: она не завидывала, не унывала и не менѣе прочитъ восхищалась дивнымъ пѣніемъ знаменитой примадонны. Въ роли Берты, «въ Осадѣ Гента», г-жа Маррай была вполне удовлетворительна, и вообще можно утвердительно сказать, г-жа Маррай никакой роли не испортила и многія украсила своимъ содѣйствіемъ.

Г-жа Демерикъ, увы! только тѣнь г-жи Демерикъ предыдущихъ сезоновъ. Контральтовые ея ноты утратились отъ непомернаго воздѣшненія діапазона, а сопранныя ноты, которыми она, кажется, щеголяетъ, не имѣютъ ни силы, ни серебристой звучности высокихъ сопранныхъ нотъ. Въ первые годы своего пребыванія у насъ, г-жа Демерикъ имѣла значительный и заслуженный успѣхъ, но въ послѣдній сезонъ даже въ роли пажы въ «Гвельфахъ» ей мало аплодировали. Весьма полезно было бы для молодой еще пѣвицы, оставить притязанія на необычайныя

сопранные эффекты, и возвратиться къ прежнему пѣнію на нижнихъ и среднихъ нотахъ.

Г. Тамберликъ одинъ изъ немногихъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ теноровъ. Диапазонъ его простирается до двухъ октавъ (отъ нижняго *ut dies* до верхняго); среднія его ноты довольно слабы, но отъ *fa dies* до *ut dies* весьма звучны. Качество его голоса болѣе гортанное, но фальцетъ онъ вовсе не употребляетъ, и хорошо дѣлаетъ во всякомъ случаѣ. Хотя вообще г. Тамберликъ нѣсколько холоденъ, но въ нѣкоторыхъ роляхъ, какъ напримѣръ въ «Отелло», звучностию и безукоризненною вѣрностию верхнихъ своихъ звуковъ увлекаетъ публику.

Г. Тамберликъ весьма замѣчателенъ въ роли Арнольда въ «Карлѣ Смѣломъ». Дуэтъ и терцетъ 1-го акта исполняетъ онъ безподобно; но полное торжество его, нынѣ, какъ и прежде, въ роли «Отелло». Верхній его *ut dies*, въ дуэтѣ втораго акта, наполняетъ залу звукомъ и всегда приводитъ въ восторгъ слушателей.

Г. Ронкони принадлежитъ къ блестящей плеядѣ пѣвцовъ времени Рубини, Малибранъ, Тамбурины, Лаблаша и пр. При первомъ его у насъ появленіи, талантомъ своимъ онъ приобрѣлъ много поклонниковъ, которые и до-сихъ-поръ остаются вѣрными и горячими его приверженцами. Мы нѣсколько затрудняемся опредѣлить, чѣмъ болѣе Ронкони обязанъ своему успѣху: драматическому ли своему таланту, или искусству пѣвца? Голосъ г. Ронкони нельзя назвать пріятнымъ и еще менѣе превраснымъ. Нижніе его звуки слабы, а верхніе рѣзки и не всегда безукоризненной вѣрности, въ особенности въ *сложныхъ бемольныхъ тонахъ*; это послѣднее обстоятельство, между-прочимъ, насъ удивляетъ, и сколько припомнимъ, въ первый разъ встрѣчается намъ въ пѣніи, потому что человеческій голосъ, не встрѣчая затрудненій прочихъ *инструментовъ* въ менѣе, или болѣе бемолей, или диезовъ въ ключѣ, не долженъ бы, казалось, вовсе ими затрудняться. Голосъ г. Ронкони, безспорно, имѣетъ нѣкоторую гибкость (*Pexibilité*), но Ронкони замѣняетъ, болѣею частью, обычныя рулады и гамы украшеніями его собственнаго изобрѣтенія, которыя, конечно, не лишены прелести и интереса, но слишкомъ уже часто повторяются въ одномъ и томъ же видѣ, и, такъ-сказать, предугадываются заранѣе. Какъ драматическій артистъ, Ронкони безподобенъ и, можно сказать, до крайности разнообразенъ. Въ роли герцога въ оперѣ Доницетти «*Marie de Rohan*» онъ приводитъ въ трепетъ слушателей выразительной своей игрой, а въ Дандини, въ «*Ченерентолѣ*», онъ смѣшитъ до упаду забавно лакейскими своими выходками. Въ роли Риголетто, какъ актеръ, Ронкони также удивительно хорошъ; — сцена во второмъ актѣ, когда онъ отыскиваетъ похищенную у него дочь, надолго не из-

глядится изъ памяти; полишинельной пѣснѣ, которую напѣваетъ бѣдный Риголетто, чтобы скрыть отъ придворныхъ свое душевное волненіе, Ронкони сумѣлъ придать такое глубокое, раздражающее выраженіе, что слушая его, невольно навертываются слезы и сердце сжимается. Г. Ронкони вообще драгоценный артистъ, которымъ слѣдуетъ дорожить; — но намъ кажется, что драматическій его талантъ несравненно выше его пѣнія.

Г. Дебассини обладаетъ счастливою наружностію и хорошимъ голосомъ (баритономъ). Къ сожалѣнію, господствующій вкусъ въ Италіи къ Вердѣвской музыкѣ повредилъ нѣсколько правильности и методѣ изложенія голоса г. Дебассини. Слишкомъ высокія партіи вынуждаютъ баритоновъ дѣлаться почти *тенорами*, отчего происходитъ неестественное изложеніе звука. Пѣть грудью, при безпрестанномъ употребленіи *fa* и *sol*, баритону физически невозможно! — (въ финалѣ Двухъ Фескари мы слышали даже *sol dies!*!) Г. Дебассини поетъ хорошо и вѣрно, и хотя игра его нѣсколько холодна и принужденна, но въ нѣкоторыхъ операхъ, какъ наприимѣръ въ «Эрнани», онъ доставляетъ большое удовольствіе и нравится публикѣ.

Г. Стекки-Ботарди, второй теноръ, имѣетъ пріятный и вѣрный голосъ. Въ оперѣ «Донъ-Пасквале» г. Стекки-Ботарди поетъ весьма недурно, а въ «Осадѣ Гента» совершенно удовлетворительно. Для второго тенора лучшаго артиста и желать нельзя.

Г. Тальяфико обладаетъ и французскимъ голосомъ и французскою интонаціею; для второстепенныхъ ролей, которыя онъ обыкновенно исполняетъ, онъ не имѣетъ себѣ подобнаго въ нашей итальянской труппѣ, потому что играетъ всегда хорошо, группируется и одѣвается отлично и прилѣжно изучаетъ ввѣренныя ему партіи.

Г. Тальяфико въ особенности хорошъ въ роли Донъ-Базиліо, въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и въ роли графа де-Немуръ, въ «Гвельфатѣ».

Г. Поломини удовлетворителенъ въ большей части ролей, ему предоставленныхъ; голосъ его (баритонъ) пріятенъ и довольно вѣренъ.

РОСТИСЛАВЪ.

II.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч.
г. *Островскаю*.

Мы упомянули, въ прошедшей книжкѣ *Памтвона* о новой комедіи г. Островскаго въ короткихъ словахъ, потому—что хотѣли поговорить о ней подробнѣе, и ожидали для этого появленія ея въ печати. Дарованіе г. Островскаго не изъ числа тѣхъ, о которыхъ можно судить съ одного взгляда: оно требуетъ внимателей оцѣнки. Притомъ же сцена, при хорошемъ исполненіи, скрываетъ иногда даже отъ внимательнаго зрителя, недостатки драматическаго произведенія, точно также, какъ при плохомъ исполненіи, даетъ иногда, о немъ ложное понятіе. Мы не хотѣли провиниться передъ г. Островскимъ, несправедливо приписавъ ему какой—нибудь недостатокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не желали поставить себя въ необходимость сознаться въ ошибкѣ. Теперь комедія г. Островскаго передъ нами*, и мы можемъ высказать наше мнѣніе о ней.

Разскажемъ сначала ея содержаніе.

Викторъ Аркадьичъ Вихоревъ пріѣзжаетъ въ городокъ Черемухинъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, есть богатые купцы и, слѣдовательно, богатая невѣсты. Господинъ Вихоревъ обладаетъ парю очень искусно закрученныхъ усовъ, прекраснымъ цвѣтомъ лица, незастѣнчивымъ обхожденіемъ и, вообще, всѣми тѣми качествами и свойствами, которые доставляютъ, въ извѣстномъ обществѣ, названіе красавца и ловкаго кавалера; но финансовыя его обстоятельства очень плохи. Было у него когда—то порядочное помѣстье, да онъ все промоталъ, и осталось отъ этого помѣстья всего одиннадцать душъ. Въ—слѣдствіе такого грустнаго положенія дѣлъ, г. Вихоревъ пришелъ въ уныніе, выдти изъ котораго, по его мнѣнію, одно только средство — деньги.

* Она напечатана въ № 5 *Москвитянина*.

— Теперь ты возьми въ расчетъ мой меланхолическій характеръ, говорилъ онъ своему другу Баранчевскому. Мнѣ и такъ все кажется въ черномъ цвѣтѣ; а во-время безденежья... ты себя и вообразить не можешь... При деньгахъ я совсѣмъ другой человекъ, я дѣлаюсь веселъ, развязенъ, могу заняться дѣлами... (Какими дѣлами, объ этомъ Вихоревъ не упоминаетъ, а намъ догадаться трудно, потому-что, по словамъ Степана, служили они безъ году недѣлю). Нѣтъ, Андрюша, въ-самомъ-дѣлѣ!.. особенно въ послѣднее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братецъ, тоска нашла; хандрить началъ...

Чтобъ выйти изъ этого грустнаго положенія, г. Вихоревъ рѣшился жениться на богатой. Въ Москвѣ ему не удалось: родители отказали, а дѣвушка не согласилась бѣжать съ нимъ; онъ обратился къ провинци, пріѣхалъ въ Черемухинъ и успѣлъ уже обворожить Дуню Русакову, дочь богатѣйшаго въ городѣ купца. Но и тутъ онъ бьется неудачи.

— Видь этотъ народъ (то-есть, купцы) не понимаетъ, самой простой истины!.. Что такое деньги? Ни больше, ни меньше, какъ средство жить порядочно, въ свое удовольствіе. А они стараются какъ можно больше вопить, и какъ можно меньше проживать; а ужъ доказано всеми науками, что это вредно... для торговли... и для общества...

Впрочемъ, Викторъ Аркадьичъ не пришелъ въ отчаяніе, потому-что у него есть два союзника: жена трактирщика, у котораго онъ стоитъ, Анна Антоновна Маломальская, и Андрей Андреевичъ Баранчевскій, другъ его, успѣвшій уже подцѣпить себя въ Черемухинъ жену со сто пятидесятью тысячами приданого, на которыхъ купилъ себя подъ городомъ двести душъ. Баранчевскій даетъ ему экипажъ, чтобы прилично представиться къ будущему тестю, а Анна Антоновна, у которой онъ познакомился съ Дуней, готова на всякія услуги для такого *амура*.

У Вихорева есть соперникъ: молодой купецъ Бородкинъ. Дуня когда-то любила Ваню Бородкина, но встрѣтила Вихорева—и забыла для него о Ванѣ. Вихоревъ, во-первыхъ, *благородный*, обстоятельство важное, а притомъ такой красавецъ собой и умный, образованный, говорить красно. Дуня полюбила его безъ памяти. Бородкинъ не знаетъ еще, впрочемъ, объ этомъ, и потому проситъ у Русакова Дуинной руки; Русаковъ благосклонно принимаетъ его просьбу. Русаковъ человекъ заравомяслящій, знаетъ, что люди, подобные Вихореву, женятся на купеческихъ дочеряхъ изъ-за денегъ.—Ну, какая она барыня, говорить онъ: жила дома, въ четырехъ стѣнахъ, свѣту не видала. А кунду-то она будетъ жена хорошая, будетъ хозяйничать, да дѣтей нянчить...

Дуня-же не въ шутку полюбила Вихорева; не такъ какъ обыкновенно

лины купеческія дочки въ господчиковъ съ черными усиками, высокою грудью и галантерейнымъ обращеніемъ.

— Что это со мной, тетенька, сдѣлалось! говорила она сама. Я издивиться не могу какъ полюбила я Виктора Аркадьевича!.. И надо же было этому дѣлу сдѣлаться!.. Бѣда да и только!..

Но тетенька не видитъ въ этомъ никакой бѣды. Тетенька Арина Федотовна, пожилая дѣва, жившая когда-то въ Москвѣ, безъ ума отъ людей образованныхъ, благородныхъ, и питаетъ глубочайшее презрѣніе къ людямъ съ бородой и въ длинныхъ сюртукахъ, если даже подъ такимъ сюртукомъ бьется благородное сердце, если подъ этой некрасивой оболочкой таятся высокія чувства. У Арины Федотовны свои понятія о благородствѣ, а высокія чувства не по ея части. Выхоравъ, по ея мнѣнію, — человекъ, а Бородкинъ, такъ, *мразь* какая-то.

Понятно, послѣ этого, что Арина Федотовна всѣми силами стоитъ за Вихорева и возстаетъ противъ Бородкина. Она уговариваетъ Дуню напрямикъ объявить отцу свое желаніе.

Между-тѣмъ Бородкинъ объяснился уже съ Дунею и узналъ о любви ея къ Вихореву. Существо простое и крайне безхитрое, Дуня во всемъ признается ему.

— Да ты, Ваня, не сердись! говоритъ она ему: я тебѣ все расскажу, ты самъ рассудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавецъ собой-то, какой умный. Любила я тебя, ты самъ знаешь, а ужъ какъ я его полюбила, я и не знаю, какъ это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны, на прошлой недѣлѣ... Сидѣли мы это съ ней, пьемъ чай, вдругъ онъ входитъ; какъ увидѣла я такого красавца, такъ у меня сердце и упало; ну, думаю, быть бѣдѣ. А онъ, какъ нарочно, такой ласковой, такія рѣчи говорить.

Напрасно Бородкинъ старается доказать, что Вихоревъ любитъ не Дуню, а ея деньги, что люди, подобные ему, говорятъ красно, но не думаютъ того, что говорятъ.

— Нѣтъ, Ваня, не говори этого, онъ меня любитъ, возражаетъ Дуня.

— А нешто я тебя, Дуня, не люблю?

— Что-жъ мнѣ дѣлать-то! отвѣчаетъ она. На грѣхъ я его увидѣла! Такъ вотъ съ-тѣхъ-поръ изъ ума нейдетъ, и во снѣ все его вижу. Словно я къ нему привороженная какаа!..

Бородкинъ не говоритъ однако-же Русакову о признаніи Дуни, и Русаковъ узнаетъ о ея любви къ Вихореву только тогда, когда Дуня, узнавъ, что отецъ отказалъ *этакому красавцу*, сама приходитъ просить его благословенія.

Вы понимаете, что Русаковъ отказывается. — Дуня падаетъ въ обморокъ. — Русаковъ не ожидалъ этого, и жалость беретъ въ немъ верехъ надъ благоразуміемъ. Видъ обезпамятѣвшей Дуни потрясаетъ его рѣшимость.

— Побѣдила, какъ снѣгъ, хоть въ гробъ вледи!.. говоритъ онъ съ отчаяніемъ... Дунюшка! (*Беретъ за руку*). Дунюшка! (*Смотритъ на нее*). Вотъ и мать такая-же лежала въ гробу, вотъ двѣ капли воды. (*Утираетъ слезы*). Господи! не пропусти!.. Дуня! (*Съ ужасомъ*). Очнется-ли она, очнется-ль!.. Нѣтъ!.. Ужли-жь я ее убила? (*Стоитъ подлѣ въ оцѣпеннѣи; дѣвка прикоснитъ воду и уходитъ*).

АРНА ОЕДОТОВНА (*съ водою. Брызгаетъ на Дуню*). Дунюшка! Дунюшка! Говорила я вамъ, братецъ, такъ не послушали.

РУСАКОВЪ. Ну, что она?.. Что Дунюшка?

АРНА ОЕДОТОВНА. Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

ДУНЯ (*открывая глаза*). Гдѣ тятенька?

РУСАКОВЪ. Здѣсь, дитятко, здѣсь. (*Садится подлѣ нея на диванъ*).

ДУНЯ (*прилегая къ нему на грудь*). Тятенька!

РУСАКОВЪ. Что, Дунюшка, что?

ДУНЯ. Я люблю его.

РУСАКОВЪ. Ахъ, Дунюшка, кабы я зналъ, что онъ степенный человекъ, да что онъ тебя любитъ, я-бы тебя сейчасъ за него отдалъ, и разговаривать-бы не сталъ.

ДУНЯ. Онъ меня любить.

РУСАКОВЪ. Охъ, Дунюшка, не вѣрится мнѣ... Ну, да вотъ мы это узнаемъ. — Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ; коли любить, пускай такъ беретъ. — Коли любить, возьметъ такъ.

ДУНЯ. Неужели онъ меня изъ-за денегъ любить?..

АРНА ОЕДОТОВНА. Ахъ, братецъ, развѣ это можно вообразить, чтобъ въ такомъ мужнинѣ не было никакихъ чувствъ; онъ совѣтъ не такой интересанъ, какъ вы думаете.

РУСАКОВЪ. А вотъ, посмотримъ, что онъ скажетъ.

АРНА ОЕДОТОВНА. Ну, ужъ, братецъ, я вась увѣряю, что онъ человекъ самый благородный.

ДУНЯ. Тятенька! да развѣ въ богатствѣ счастье?.. Коли любишь человека, такъ никакихъ сокровищъ не надо.

РУСАКОВЪ. Это ты, мое дитятко, такъ рассуждаешь, а у нихъ-то другое на умѣ; ну, да вотъ посмотримъ.

ДУНЯ (*цѣлуетъ отца*). Тятенька, голубчикъ, вы меня воскре-

силы, а то ужъ я, право, думала, что умираю; да я-бъ и умерла съ горя, я ужъ это знаю. Тетенька, вѣдь мы хотѣли идти въ церковь...

РУСАКОВЪ. Подя, Дунюшка, помолись; а мнѣ нужно къ дѣлу слодить. Прощай. (*Цѣлуетъ ее и уходитъ*).

ДУНЯ. Ахъ, тетенька, я все еще не могу оправиться.

АРИНА ФЕДОТОВНА. Ну, ужъ теперь не о чемъ тужить.—На нашей улицѣ праздникъ. — Пойдемъ-ка скорѣй. — Одѣвайся. — То-то онъ, бѣдный, обрадуется, какъ услышитъ.

Арина Федотовна общала Вихореву, что пойдетъ вмѣстѣ съ Дуней со двора, чтобъ извѣстить его о послѣдствіяхъ разговора Дуни съ отцемъ; Вихоревъ-же видѣлъ въ этомъ свиданіи еще другую цѣль. Онъ не слишкомъ надѣялся на согласіе Русакова и даже, въ случаѣ согласія, не надѣялся на его слово, боялся, что онъ можетъ передумать; по этому Вихоревъ рѣшился увезти Дуню, обвинчаться съ ней, а потомъ явиться къ Русакову, который, безъ сомнѣнія, простилъ бы дѣтей своихъ, какъ это, по большей части, случается. Вихоревъ предлагалъ уже Дуни однажды увезть ее, но Дуня не согласилась, въ надеждѣ, что отецъ позволитъ ей выдти за милого сердцу; теперь-же, получивъ отказъ, по расчету Вихорева, согласится; а нѣтъ, такъ онъ употребитъ и силу. Съ этою цѣлю Вихоревъ взялъ у Баранчевскаго коляску, и дѣйствительно увезъ Дуню, а Арина Федотовна воротилась домой, приготовившись сказать Русакову, что Дуня осталась ночевать у Анны Антоновны. Похищеніе происходитъ внѣ сцены.

Вихоревъ хочетъ обвинчаться съ Дуней въ деревнѣ у Баранчевскаго. Они приѣзжаютъ въ Ямскую слободу, на постоялый дворъ, и ждутъ лошадей. Дуня грустна и все просится къ отцу, не понимая, зачѣмъ увезъ ее Вихоревъ, когда отецъ согласился. Но Вихоревъ непреклоненъ. Все это вздоръ, пустяки, говоритъ онъ. Ты мнѣ лучше расскажи, какъ ты тятеньку-то уговорила. Дуня рассказываетъ ему всѣ обстоятельства; говоритъ и о томъ, что отецъ не дастъ ей денегъ. Вихоревъ сначала не вѣритъ, чтобъ Русаковъ могъ сказать это серьезно, но Дуня объясняетъ ему, что отецъ ея твердъ въ своемъ словѣ, никогда не измѣняетъ ему, а теперь, когда дочь ослушалась его, ни за что не отступится отъ сказаннаго. Это производитъ на Вихорева волшебное дѣйствіе: за минуту еще ласковый, онъ дѣлается грубымъ и дерзкимъ.

— Гмъ! дѣло-то скверно, говорить онъ.

— Я, Викторъ Аркадьичъ, такъ рассудила, говорить между-тѣмъ Дуня, что лучше жить въ бѣдности, да съ милымъ человѣкомъ, чѣмъ въ богатствѣ да съ постылымъ.

- Съ милымъ! А какъ съ милымъ-то нечѣмъ жить будетъ?
 — Да вѣдь у васъ есть деревня своя.
 — Деревня? Какая деревня!.. Все это вздоръ!.. Ты вотъ что скажи, только говори откровенно: дастъ онъ денегъ, или нѣтъ?
 — Не дастъ!..
 — Такъ что-жь ты со мной дѣлаешь?
 — Да развѣ я виновата, Викторъ Аркадьичъ?
 — Вамъ только влюбляться, да какъ-бы замужъ выдти за благороднаго, чтобъ барыней быть.
 — Что вы говорите, Викторъ Аркадьичъ?

— Кому нужно даромъ-то васъ брать! Можно было, я думаю догадаться, — не маленькая! Любовь, да нѣжности все на умъ!.. Вѣдь глупость-то какая! Всѣ вы думаете, что васъ за красоту берутъ, такъ съ ума и сходятъ!

Бѣдная, горемычная Дуня! Тяжело ей, простой и безхитростной дѣвушкѣ, слышать такія рѣчи отъ того, для котораго за минуту она готова была забыть стыдъ дѣвичій, отдать жизнь свою, бросить отца. — Для чего я на свѣтъ рождена!.. говорить она раздражающимъ сердце голосомъ; но у него нѣтъ сердца, и рыданія опозоренной ни только раздражаютъ его — Выпрся у отца сто тысячъ, говорить онъ, такъ я, пожалуй, женюсь на тебѣ. Будешь барыня! — Но это уже слишкомъ, даже для простенькой Дуни; въ ней просыпается, наконецъ, гордость глубоко оскорбленнаго человѣческаго достоинства. — Да отсохни у меня языкъ, говорить она, если я попрошу у него хоть копѣйку. Не будетъ вамъ счастья, Викторъ Аркадьичъ, за то, что вы наругались надъ бѣдной дѣвушкой... Вы у меня всю жизнь отняли. Мнѣ теперь легче живой въ гробъ лечь, чѣмъ домой явиться; родной отецъ отъ меня отступится; осрамилъ я его на старости лѣтъ; весь городъ будетъ на меня пальцами показывать...

Но и эти прямо изъ сердца вылившіяся, полныя слезъ и невыносимаго упрека слова проходятъ мимо ушей безсердаго и пустоголоваго Вихорева. — Ужъ это мы слышали не одинъ разъ, отвѣчаетъ онъ, но зтотъ грубый отвѣтъ излишенъ, потому-что онъ не прибавитъ ни одной новой капли въ переполненное горестью сердце дѣвушки, сердце, достойное лучшей участи, доброе и простое, умѣющее только страдать и прощать, незнакомое съ гнѣвомъ и злобою. — Богъ васъ накажетъ за это, говорить Дуня, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую, да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости; а я, — дѣвушка простая, доживу какъ-нибудь, сирот-

таю свой вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ суда, проклинаючи свою жизнь. Прощайте! (съ слезами). Прощайте... Я къ тятенькѣ пойду!..

И приходитъ Дуня къ отцу, изнеможенная, едва живая... Отецъ уже знаетъ все, и пошелъ ее отыскивать. Первая вѣсть о бѣгствѣ Дуни поразила его какъ громомъ, лишила его всей энергій, — и сѣдой Русаковъ плакалъ, какъ малый ребенокъ, не хотѣлъ даже идти за добровольно убѣжденной, опозорившей его сѣдую голову дочерью; но мысль, что Дуня достанется его врагу, снова возвратила ему твердость и рѣшительность. Ему, легче видѣть Дуню мертвой, чѣмъ женою Вихорева.

— Гдѣ тятенька? Вотъ первыя слова, которыя произноситъ Дуня, переступая порогъ и опускаясь на первый подавшійся стулъ; она и боится увидеть отца, и, въ тоже время, жаждетъ поскорѣе увидетьъкъ ногамъ его, потому—что нравственныя и физическія силы ея истощались уже и не въ состояніи выносить ожиданія. Бородинъ, старается успокоить ее, берется устроить дѣло,

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь всю сцену Русакова съ дочерью и Бородинымъ, тѣмъ болѣе, что раздробленная и пересказанная, она много теряетъ.

Дуня ушла въ свою комнату; Ариадна Ѳедотовна, услышавъ, что идетъ Русаковъ, также ушла; Русакова встрѣчаютъ одинъ Бородинъ,

РУСАКОВЪ (входитъ и садится къ столу). Нѣтъ ее. Ну, Иванушко, сирота я теперь. Поди домой. Оставь меня, поди!

БОРОДИНЪ. Куда же мнѣ торопиться—то, я съ вами посижу..

РУСАКОВЪ. Нѣтъ ее, Иванушко, ну, и не надо, одинъ поживу... Имѣніе нищимъ раздамъ.

БОРОДИНЪ. Да, помилуйте, Максимъ Ѳедотычъ, можетъ еще все это благополучно кончиться.

РУСАКОВЪ. Я ее теперь и видѣть не хочу, не вѣлю и пускать къ себѣ, живи она, какъ захочетъ. (Молчаніе). Я ужъ не увижу ее... Когда кто нзъ васъ увидитъ ее, такъ скажите ей, что отецъ ей зла не желаетъ, что коли она, бросивши отца, можетъ быть душой покойна, жить въ радости, такъ Богъ съ ней! Но за поруганіе мое, моей сѣдой головы, я видѣть ее не хочу никогда! Дуня умерла для меня! Нѣтъ, не умерла, ее и не было никогда! Имени ея никто не смѣй говорить при мнѣ!..

(Дуня показывается на порогахъ и остается молчаливо).

РУСАКОВЪ. Кто? Кто это?

ДУНЯ. Я, тятенька.

РУСАКОВЪ. Ты? А полюбвишьъ гдѣ?

ДУНЯ. Тятенька!

РУСАКОВЪ. Къ нему, къ нему, ступай къ нему!

ДУНЯ (*твердо*). Я не пойду изъ дому, — прогоните, — я умру на порогѣ.

РУСАКОВЪ (*молча смотритъ на нее*). Гдѣ же тотъ-то? Гдѣ врагъ-то мой?..

ДУНЯ. Онъ меня обманулъ, онъ меня не любитъ, — ему только деньги нужны.

РУСАКОВЪ. А! вотъ что!.. Я, кажется, давеча говорилъ тебѣ объ этомъ. Да гдѣ отцу знать: онъ на старости лѣтъ изъ ума выжилъ. — Ну, зачѣмъ же ты пришла?

ДУНЯ. Куда жъ я, тятенька, дѣнусь?

РУСАКОВЪ. Ну, что жъ, извѣстно, не гнать же мнѣ тебя. (*Приторно смѣется*).

ДУНЯ (*падаетъ ему въ ноги*). Тятенька! простите меня!

РУСАКОВЪ. Простите! Нѣтъ, ты меня уморила было!.. Вѣдь мнѣ теперь стыдно людямъ глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нѣтъ, голубушка, я тебя запру. Поди. (*Отходитъ*).

БОРОДИНЪ. Встаньте, Авдотья Максимовна, Богъ милостивъ! Дѣло обойдется какъ-нибудь. (*Поднимаетъ ее, она плачетъ, они отходятъ въ сторону и разговариваютъ въ полголоса*).

(*Входитъ Маломальскій*).

Такъ-какъ мы до-сихъ поръ не познакомили еще съ этимъ лицомъ нашихъ читателей, то скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Маломальскій содержитъ трактиръ, въ которомъ стоитъ Вихоревъ; у него-то въ домѣ познакомилась Дуня съ Вихоревымъ, подъ покровительствомъ жены его, Анны Антоновны. Маломальскій любитъ выпить, почти всегда навеселѣ и не совѣтъ свободно объясняется, потому-что, какъ кажется, ему, даже и въ трезвомъ состояніи, бываетъ трудно связать, не только что нѣсколько словъ, но и двѣ мысли вмѣстѣ. Онъ первый извѣстилъ Русакова о похищеніи Дуни. Лицо Маломальскаго второстепенное.

МАЛОМАЛЬСКІЙ. Свать, а свать, я, примѣрно, молодца-то остановилъ.

РУСАКОВЪ. Ахъ, провались онъ совѣтъ. Мнѣ-то что за дѣло!..

МАЛОМАЛЬСКІЙ. Какъ, свать, нѣтъ, ты не то... Онъ этого не долженъ... Онъ, примѣрно, теперь, осрамилъ дѣвушку... Ну, и женись... мы заставимъ...

РУСАКОВЪ. Да мнѣ его и даромъ не надо, — не то, чтобы заставлять. — Осрамилъ. — Ну, что жъ, нашъ грѣхъ!.. Да мнѣ...

ЛОТОМЪ ОСЫПЪ, я на него и глядѣть-то не хочу, не то, чтобъ въ зятя
взять:

МАМОЛАЛЬСКІЙ. Это къ тому, что теперича... слухъ этотъ поидеть... такъ и такъ... и, примѣрно, разоидется по городу... Кто ее возьметъ?

РУСАКОВЪ. Чтѣ жъ дѣлать-то, согрѣшили. На себя пѣнай!

БОРОДКИНЪ (*выступая впередъ*). Я возьму-съ!

МАМОЛАЛЬСКІЙ. Гмъ!... Не бери!

БОРОДКИНЪ. Будетъ вамъ врать-то-съ. Это наше дѣло.

РУСАКОВЪ. Нѣтъ, Иванушко, погоди; тебѣ эта невѣста негодится. Я тебѣ найду другую.

БОРОДКИНЪ. Мнѣ другой не надобно-съ.

РУСАКОВЪ. Тебѣ надобно дѣвушку честную, чтобъ про нее худой славы не было.

БОРОДКИНЪ. Чтѣ это значить, худая слава! Коли я люблю Авдотью Максимовну, такъ для меня все одно.

РУСАКОВЪ. Да она тебя не стоить. Ей теперь нечего объ замужествѣ думать.

БОРОДКИНЪ. Вы давича сами обѣщали. Я, вотъ, отъ своего слова не пачусь, а вы пятитесь.—А ужъ это не порядокъ, Максимъ Федотычъ!.. Положимъ, хоша она ваша дочь, а за чтѣ-жъ ее обижать. Авдотья Максимовна и такъ обижена кругомъ, долженъ кто-нибудь за нее заступиться. Ве-жъ обидѣли, да ее-жъ и бранять. По-крайней-мѣрѣ, она у насъ ласку будетъ видѣть, отъ меня, и отъ маменьки. Чтѣ же такое, со всякимъ грѣхъ бываетъ. Не вамъ судить!

РУСАКОВЪ. Да ты чтѣ шумишь-то?

БОРОДКИНЪ. Да мнѣ чтѣ шумѣть-то!.. Вы мнѣ обѣщали Авдотью Максимовну, и отдайте!..

РУСАКОВЪ (*подумавши*). Да возьми, пожалуй. Эка невидаль.

БОРОДКИНЪ (*подходя къ Дуни*). Авдотья Максимовна! Не плачьте, перестаньте-съ.—Теперь васъ никто обидѣть не смѣетъ-съ. Ни-кому не позволю... провалиться на этомъ мѣстѣ.

ДУНЯ. Иванъ Петровичъ! любите вы меня: меня никто не любитъ. Весь свѣтъ на меня!

БОРОДКИНЪ. Понимайте, Авдотья Максимовна, есть-же во мнѣ какое-нибудь чувство; а вѣдь не звѣрь, и во мнѣ есть искра Божья!

ДУНЯ. Иванъ Петровичъ! я за васъ буду вѣчно Бога молить.—Вы заступились за бѣдную дѣвушку.—Ужъ коли тятенька говоритъ вамъ, что вамъ нужно дѣвушку честную, чего же мнѣ ждать отъ другихъ-то?.. Этакую мѣку терпѣть!.. Меня-бы на недѣлю не стало!..

кто видѣлъ мою душу!.. Каково мнѣ теперь!.. Я честная дѣвушка, Иванъ Петровичъ.—Я васъ обманывать не стану. Скажите вы это всѣмъ, и тятенькѣ.

РУСАКОВЪ (пораженный). Эхъ-ма, свать, состарился я, а все еще глупъ.—За чтó я ее обидѣлъ? Во гнѣвъ скажешь слово, а его ужъ не воротить.—Слово-то какъ стрѣла. Вадъ иногда словомъ-то обидишь больше, чѣмъ дѣломъ. Такъ-ли, свать?.. А это грѣхъ!.. Душника! словечко-то давеча у меня въ сердцахъ вырвалось, маленько твое обидно, такъ ты его къ сердцу не принимай.—Самому было горько, ну, и оказалъ лишнее.

ДУНЯ. Тятенька, простите меня!

РУСАКОВЪ. Богъ тебя проститъ, ты меня-то прости! (Дѣлуется се). Нѣтъ, Иванушко, я тебѣ ее не отдамъ!

БОРОДКИНЪ. Какъ же это, Максимъ Фодотычъ? — Это на чтó-жъ поможется?

РУСАКОВЪ. Коли хочешь ее взять, такъ перевезай сюда и съ матерью, и будемъ жить вѣстѣ.

БОРОДКИНЪ. Это все одно-съ, а то было ужъ я перепугался...

Совершенно примиренный съ дочерью и судьбою, Русаковъ ширится на радости съ сестрой, и даже обидѣетъ Маломальскому заплатить все, чтó ему долженъ Вихоревъ, только, чтобъ онъ убрался поскорѣе...

Теперь предъ вами вся театральная драма, которую г. Островскій называетъ комедіей, вѣроятно, изъ уваженія къ школьнымъ воспоминаніямъ о риторикѣ и ея опредѣленіямъ. Да, мы рассказали вамъ драму, человѣческую, художественную драму, оставившую глубокое впечатлѣніе въ душѣ и въ эстетическомъ чувствѣ нашемъ. Вамъ, вѣроятно, не случалось, читатель, ходить въ театръ и читать книги по обязанности, выслушивать, прочитывать и потóмъ пересказывать цѣлые томы печатныхъ и разыгранныхъ несообразностей, въ которыхъ не было признака здравой мысли, или дарованія, самый языкъ которыхъ терзалъ вамъ слухъ, глубоко оскорблялъ въ васъ чувство кшатрнаго; вы счастливы, читатель, и мы вамъ завидуемъ; но зато незнакомы вы и съ тѣмъ сладкимъ чувствомъ, которое овладѣваетъ театраломъ-критикомъ по обязанности, когда онъ встрѣчаетъ, на своемъ скучномъ пути, произведеніе, отличное печатью дарованія, свѣтлѣющее яснымъ мыслію, геническое языкомъ, проникнувшее въ сердце. Вы также наслаждаетесь имъ; вы имѣете еще предъ вами то преимущество, что не обязаны читать важныхъ промаховъ, слѣдить за всякими недостатками, какъ обыкновенно какой-нибудь слѣдитъ за нелюбимыми имъ счастливицами, но ваше наслажденіе не можетъ сравниться съ нашимъ. Все, что вы видите

послѣ долгаго терпѣнія, имѣеть сладость, непонятную для тѣхъ, кто не привыкъ терпѣть и ждать.

Появленіе комедіи г. Островскаго было для насъ истиннымъ праздникомъ; мы наслаждались ею, какъ наслаждается человекъ при встрѣчѣ съ давно-жданымъ другомъ. Мы, частію, оттого замедлили и разборомъ ея, что боялись быть пристрастными.

Комедія, или, вѣрнѣе, драма г. Островскаго отличается простотою содержанія, и эта простота есть первое ея достоинство, первая причина ея успѣха. Въ ней нѣтъ изъ ряду вонъ выходящихъ страстей, нѣтъ идеальныхъ характеровъ, исключительныхъ положеній, — все въ ней понятно и доступно всѣмъ и каждому, какъ дѣйствительная, ежедневная жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Островскій умѣлъ возвести эту простоту до художественности, умѣлъ придать интересъ самымъ обыкновеннымъ положеніямъ, заставилъ полюбить созданныхъ имъ лицъ, и Русакова, и Бородкина, и Дуню, несмотря на свойственную имъ вѣшнюю неуклюжность, потому-что умѣлъ выставить изъ-подъ этой неуклюжности ихъ внутреннюю, человѣческую сторону, которая не могла не затронуть чуждѣности зрителей.

Между-тѣмъ г. Островскаго обвиняють въ идеализаціи нѣкоторыхъ лицъ и непоследовательности нѣкоторыхъ характеровъ. Такъ, наприимѣръ, критикъ *Отечественныхъ Записокъ* обвиняетъ г. Островскаго въ идеализаціи и непоследовательности характера Бородкина, находитъ, что Русаковъ и Дуня лица исключительныя, искомыя, и видитъ въ этомъ дурную сторону драмы, потому-что эти отборныя, такъ-сказать, лица, являющіяся въ драмѣ какъ-бы представителями необразованности, поставлены рядомъ съ Вихоревымъ и Ариной Ѳедотовной, представителями образованности, лицами, не только не идеализированными, но положительно дурными, нерасполагающими въ свою пользу зрителей. Это, по мнѣнію критика, можетъ дать извѣстной части публики невыгодное понятіе объ образованности. Мы не совсѣмъ согласны съ критикомъ. Что касается до впечатлѣнія, которое можетъ произвести контрастъ Бородкина, носящаго длиннополый сюртукъ, бороду, волосы въ скобку и говорящаго гостиннодворскимъ нарѣчіемъ, съ Вихоревымъ, одѣтымъ во фракъ, бѣлыми перчатками, глянцовыми сапогами и говорящимъ языкомъ образованнаго общества, мы готовы согласиться съ критикомъ. Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть, что г. Островскій не подумалъ объ этомъ впечатлѣніи, что онъ, задавшись вполне похвальною цѣлію—выставить смѣшную сторону страсти купеческихъ дочекъ и ихъ родителей вступать въ родство съ людьми образованными, благородными, не показалъ ихъ ложнаго взгляда на образованность и благородство, и вреда отъ полуобразо-

ванія, представляемаго въ его драмѣ Вихоревымъ и Ариной Федотовой? Но Бородинъ, Русаковъ и Дуня не кажутся намъ лицами исключительными, искомыми, рѣдкими въ своемъ кругу; намъ кажется, что такія лица встрѣчаются очень часто. Не находимъ мы также непоследовательности въ Бородинѣ. Сцена, въ которой онъ объявляетъ, что возмечь отвергнутую отцомъ и обезславленную Вихоревымъ Дуню, какъ нельзя болѣе понятна. Критикъ находитъ, что Бородинъ является тутъ героемъ совершенно неожиданно, и что это геройство нейдетъ къ нему. По нашему мнѣнію, эта благородная вспышка, послѣ которой Бородинъ опять возвращается въ свою обычную колею, вполне понятна и объяснима. Мы видимъ, что Бородинъ любитъ Дуню, видимъ что онъ, въ сдѣлѣ объясненія съ Дуней, кончающагося поцѣлуемъ, способенъ къ увлеченію, къ порывамъ, —отчего-же не допустить, что этотъ человекъ, обыкновенно почтительный къ старшимъ, можетъ забыть на минуту, когда дѣло идетъ о страстно-любимой дѣвушкѣ? отчего не допустить въ немъ рѣшительности возстать, въ пользу Дуни, противъ общественнаго мнѣнія, въ ту минуту, когда онъ видитъ Дуню нечастной отъ этого мнѣнія? Бородинъ вѣдь малый не глупый и человекъ съ характеромъ. Все это, по нашему мнѣнію, въ порядкѣ вещей, и характеръ Бородина логически и психически вѣренъ, точно такъ-же, какъ и прочіе характеры пьесы.

На сколько всѣ эти лица художественны,—это другой вопросъ, и мы согласны, что въ художественномъ отношеніи они уступаютъ нѣкоторымъ лицамъ Гоголя. Но это не значить, что художественная отдѣлка лицъ въ драмѣ г. Островскаго слаба. У г. Островскаго нѣтъ еще мастерства въ высокой степени, но и его лица написаны живо. Доказательствомъ словъ нашихъ служить, между-прочимъ, огромный успѣхъ его пьесы на обѣихъ столичныхъ сценахъ и прекрасное исполненіе ея не только въ Москвѣ, гдѣ роли были разданы артистамъ первостепеннымъ, но и у насъ, въ Петербургѣ, гдѣ нѣкоторыя роли отлично исполняются второстепенными актерами.

Особенное удовольствіе доставила намъ Дуня; потому-что создать это лицо было труднѣе, нежели прочія. Дуня существо простое, нравственно слабое, нравственно неразвитое, въ человѣческомъ характерѣ котораго нѣтъ ничего выдающагося, рельефнаго, кромѣ любви къ отцу; а между-тѣмъ г. Островскій умѣлъ отыскать и въ этомъ существѣ тѣ характерическія черты, которыя сдѣлали изъ Дуни полный типъ.

Не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе созданія прочіихъ лицъ, общій взглядъ на которыя мы уже высказали выше, а укажемъ теперь на нѣкоторые недостатки драмы.

Г. Островскій вполне научилъ языкъ того общества, изъ котораго взялъ главныя дѣйствующихъ лицъ своихъ, и передаетъ его мастерски; но совершенно напрасно заставляетъ Дуню выражаться какою-то мѣрною рѣчью, напоминающею лирическія мѣста нашихъ сказокъ и народныхъ наши пѣсни. Это неестественно. Бородинъ также, въ сценѣ объясненія съ Дуней, говорить этимъ складомъ не совсѣмъ кстати.

Похищеніе Дуни придумано неудачно. Невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ Дуня, при свиданіи съ Вихоревымъ, не передала ему своего разговора съ отцемъ? Вѣдь она ушла почти утѣшенная, почти утѣренная, что будетъ женою Вихорева съ согласія отца: зачѣмъ-же она позволила увести себя? Положимъ, что это необходимо было автору и что безъ похищенія не было-бы и третьяго дѣйствія, но это не оправданіе. При томъ-же, можно было устроить похищеніе, если оно уже неспрѣменно необходимо, болѣе послѣдовательнымъ образомъ. Стоило только заключить второй актъ обморокомъ Дуни. Пусть отецъ, вмѣсто того, чтобъ уйти въ другую комнату и явиться на первый зовъ Арины Федотовны, ушелъ-бы со двора; Дуня очнулась-бы безъ него и точно также, какъ и теперь, ушла-бы на свиданіе съ Вихоревымъ. О томъ-же, что отецъ не дастъ денегъ, могла-бы Дуня узнать изъ предшествовавшихъ сценъ. Притомъ обѣщаніе отца не давать Вихореву денегъ высказано не ясно и не давало Дуни достаточнаго основанія говорить, что отецъ никогда не отступится отъ однажды даннаго слова. Слова этого Русаковъ не давалъ, а только собирался сказать Вихореву, что не дастъ ему денегъ, прибавивъ, въ заключеніе: *ну да вотъ посмотримъ*.

Въ отношеніи сценическомъ г. Островскій сдѣлалъ огромный шагъ впередъ, со времени предпоследней своей комедіи «Бѣдная Невѣста»; сколько тамъ длинныхъ и бесполезныхъ сценъ, на столько здѣсь сжатости. Лишнимъ считаемъ мы только лицо Баранчевскаго, который является въ первомъ дѣйствіи на пять минутъ, для того, чтобъ выслушать, зачѣмъ Вихоревъ пріѣхалъ въ Черемухинъ, и дать ему коляску для поѣздки къ Русакову и похищенія Дуни. Коляску могъ Вихоревъ взять у него не выводя его на сцену, а зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Черемухинъ, мы могли-бы узнать въ подробности отъ его лакея Степана.

Пѣсни Дуни и Бородинна, выкидываемыя на нашей сценѣ, потому-что артисты, исполняющіе эти роли, не поютъ, кажутся намъ тоже лишними. Но это уже дѣло личнаго вкуса. По нашему мнѣнію, пѣсни рѣдко бываютъ кстати въ драмѣ. Повторяемъ, впрочемъ, что въ сценическомъ отношеніи, г. Островскій сдѣлалъ огромный шагъ впередъ: дѣйствіе драмы его сжато, живо и аффективно безъ преувеличеній, безъ сильныхъ катастрофъ, на которыя мастера французскіе драматурги.

То, что французы называют *экспозицией* пьесы (exposition), то-есть, вступленіе, въ которомъ готовится комедія, изъ котораго она вытекаетъ, составлено мастерски.

Особенно эффектенъ контрастъ драматическаго содержанія пьесы съ комическою ея обстановкою. Вообще, пьеса г. Островскаго даетъ намъ право ожидать отъ него многого, и грѣхъ ему будетъ, если онъ останется на этомъ первомъ успѣхѣ.

Касательно исполненія, мы не имѣемъ прибавить многого къ сказанному въ прошедшей статьѣ нашей: читатели уже знаютъ, что пьеса играется вообще хорошо и что особенно хороши г-жа Читау (Дуна) и г. Бурдинъ (Бородкинъ). Создать роль Дуни на сценѣ было также трудно, какъ написать ее, а г-жа Читау исполнила ее такъ, что авторъ не можетъ желать лучшей артистки на эту трудную роль. Мы всегда считали г-жу Читау даровитой актрисой, но игра ея въ пьесѣ г. Островскаго превзошла всѣ ожиданія: рѣдко случалось намъ видѣть такъ вѣрно отъ начала до конца выдержанную роль. Г-жа Читау была проста и трогательна, заставляла улыбаться въ первомъ дѣйствіи и плакать въ двухъ послѣднихъ, и все это безъ малѣйшей натяжки, безъ уловки, къ которымъ прибѣгаютъ другія актрисы, для произведенія эффекта. Такъ, напримѣръ, когда, возвратившись уже въ домъ отца, она выходитъ къ нему и останавливается на порогѣ, измученная внутреннею борьбою, ослабѣвшая, она просто прислоняется къ косяку, и въ этомъ простомъ движеніи ея — цѣлая драма. А какъ хороша она, когда цѣлуетъ Вихорева въ первомъ дѣйствіи, когда ласкаетъ его на постояломъ дворѣ; сколько любви тогда въ ея голосѣ, и сколько, потѣмъ тоски въ немъ и страданія...

Г-жа Читау удостоилась получить за эту роль, отъ щедротъ Государя Императора, брилліантовыхъ серьги.

Г. Бурдинъ заслуживаетъ также полную нашу благодарность за роль Бородкина; онъ съ большимъ художественнымъ тактомъ воспользовался всѣми ея выгодами, показалъ много чувства, смѣшилъ и трогалъ. Языкъ пьесы передаетъ онъ мастерски.

Побольше-бы такихъ пьесъ и исполненій.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Заграничная корреспонденція.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА $\frac{1}{10}$ отъ апрѣля.

Прозвъ концертовъ. — Путешествія артистовъ. — Мосье Мирэ и ладанъ Фасола. — Слабые музыканты. — Выѣзды. — Сивори. — Герцъ. — Новый Веберъ и новый Дюмедь. — Собѣщательный кабинетъ Пансерона. — Музыкальный вкусъ химика. — Еще лиь могилы. — Анекдоты о Тальмѣ. — Гдѣ Тальма изучалъ ораторію? — Продолженіе авторскихъ претензій. — Вліяніе макеровъ на благополучіе директорствъ. — Отчего процвѣтають театры? — Каталани прошлаго вѣка. — КОМІЧЕСКАЯ ОПЕРА. *Тонелли*, опера Амбруаза Тома. — Т. СЕНЪ-МАРТИНСКИХЪ-ВОРОТЬ *Смарра*, балетъ. Резинковый человекъ. — НАНУ-РОЙЯКЪ. *Драматическія жалости*, пародія, Домангуара и Клервилля. — Т. ВОДВИНИ. *Вокаччіо*, комедія. Посмертное торжество Балра. — Т. ВЕНЕЛОСТИ. *Собирательница льсу*, драма, Теодора Баррьера.

Если петербургскіе концерты истощили ваше терпѣніе, то можете не читать первыхъ двухъ страницъ моего письма: здѣсь тоже идетъ рѣчь о концертахъ. По долгу исправнаго корреспондента, я не могъ умолчать о музыкальномъ повѣтріи, отъ котораго, каждую весной, страдаютъ слуховыя органы парижанъ — вообще, и журналистовъ — въ-особенности. Если вамъ угодно будетъ принять на свой счетъ пересылку, я доставлю вамъ, съ первымъ пароходомъ, съ первыми устрицами, по экземплярку программъ всѣхъ музыкальныхъ утръ, музыкальныхъ полдней, музыкальныхъ вечеровъ нынѣшняго сезона; вы ужаснетесь и воскликнете: рагсе, ргесог, ргесог! (Умоляю, пощади — пощади!) Вѣдь кому-те пришло-же въ голову основать около Парижа колонію *Дьямонельс*, чтобы переселить туда всѣхъ нашихъ пьянистовъ: можете судить о количествѣ этого народонаселенія! Прибавьте къ нимъ еще служителей смычка и духовыхъ инструментовъ, — и вы согласитесь, что музыкальный городокъ едва ли обведешь воловьею кожей, которою *Идиотка Дидона* отмежевала себѣ порядочный уголокъ на берегу

Средиземнаго моря. Откуда берется публика въ эти концерты? Чего жаждетъ она, зная напередъ, что ее будутъ угощать стереотипными дѣзами, избытками шичкато, аріями, которыя давнымъ-давно обвѣлись вокругъ валовъ уличной шарманки? Состраданіе, жалость, знакомство — вотъ главные пружины, вталкивающія публику въ парижскіе концерты, по-крайней-мѣрѣ, девятнадцать разъ изъ двадцати. О, Дюмонъ-Дюрвилъ! О, Ла-Перузъ! Что ваши путешествія передъ странствованіями артистовъ, которые, съ пачкою билетовъ въ пустыхъ карманахъ, стучатся въ двери гостинныхъ, извѣстныхъ своимъ покровительствомъ музыкѣ, какъ знаменитое *Abbaye aux Vois* славилось покровительствомъ литературѣ! Возникающіе таланты знаютъ, что путь къ славѣ идетъ черезъ салоны, драпированные бархатомъ и штофомъ, и что ореолъ репутаціи родится изъ лучей бронзовыхъ лампъ, — и оттого-то прежде всего ищутъ диплома въ свѣтскомъ, и преимущественно женскомъ аренонагѣ. Счастливъ артистъ, если ему удалось заставить сердце биться подъ кружевною шемизеткой и бѣлымъ пикейнымъ жилетомъ! Тогда карьера его будетъ роскошна, какъ эмаль на золотыхъ пуговкахъ жилета его покровительницы, и его хроматическія гаммы и стаккато непремѣнно найдутъ слушателей. Мосье Мире даетъ концертъ: мадамъ Фасоль назначаетъ у себя большой вечеръ. Затѣмъ слѣдуетъ серія ловушекъ въ пользу будущаго концерта. №1. За ужиномъ, гости, снимая съ тарелки салфетку, находятъ подъ нею — билеты на концертъ мосье Мире. № 2. Танцоръ подходитъ ангажировать хозяйку на *schotisch*. Хозяйка подаетъ руку кавалеру, но съ условіемъ, чтобы онъ взялъ для себя и для знакомыхъ нѣсколько билетовъ на концертъ мосье Мире. № 3. Господинъ хочетъ освѣжиться отъ горячаго лавдскнѣхта стаканомъ лимонаду. «Извините, сударь, отвѣчаетъ слуга, приставленный къ буфету: барыня вздумалось пошутить; она приказала допускать къ буфету только тѣхъ, кто взялъ билетъ на концертъ мосье Мире». — О, счастливецъ Мире! На другой же день онъ смѣло объявляетъ на третьей страницѣ журнала: «Теперь мы извѣщаемъ навѣрное, что, отложенный по разнымъ причинамъ, большой концертъ нашего знаменитаго пѣвца (или пьяниста, скриача, *ad libitum*) будетъ данъ 30-го числа нынѣшняго мѣсяца, въ большой залѣ г. Герца. Весь Парижъ, безъ сомнѣнія, будетъ присутствовать при этомъ торжествѣ соловья (или ученика Фильда, ученика Паганини, *ad libitum*) парижскихъ салоновъ, и проч.» Такъ, или почти такъ, создаются въ Парижѣ концерты, на которые приглашаютъ васъ артисты, и не снявшіеся мудрецамъ. Разумѣется, я не стану перечислять всѣхъ *auditions*, и укажу только на самыя замѣчательныя, да и то при помощи *Gazette musicale*: на этотъ разъ она

будетъ для меня нитью Ариадны въ лабиринтѣ залъ, оклеенныхъ афишами.

Между множествомъ музыкальных обществъ, существующихъ въ Парижѣ, есть одно, котораго ежегодной концертъ — къ чести соотрадательности и вкуса — постоянно привлекаетъ публику: это *институтъ молодыхъ слѣпыхъ*, благотворительное заведеніе, основанное при Людовикѣ XVI, для дѣтей, лишенныхъ драгоценнаго дара зрѣнія. Если изъ этого института не выходятъ ни Гомеровъ, ни Мильтоновъ, зато въ немъ образуются превосходные математики, отличные механики и очень хорошіе музыканты. Доказательствомъ тому — Монтень, Монкуто, Гюз и Грожанъ. Первый изъ нихъ дѣлаетъ превосходныя фортепьяно; второй написалъ простыя и полезныя сочиненія о гармоніи; третій сочиняетъ музыку и играетъ, какъ нельзя лучше на виолончели и органѣ, а четвертый — даровитый кларнетистъ. Въ нынѣшнемъ году, сборъ съ концерта былъ назначенъ на путешествіе бывшаго ученика этого заведенія, который отправляется въ Бразилію, чтобы основать тамъ училище, подобное тому, гдѣ онъ воспитывался.

Концертное общество молодыхъ артистовъ — учрежденіе также чрезвычайно полезное и достойное вниманіе, удивило самыхъ взыскательныхъ судей однимъ изъ своихъ сочленовъ: десятилѣтній скрипачъ, Лотто, ученикъ Массара, сыгралъ *Regretium mobile* Паганини съ такимъ совершенствомъ, что аплодисманы не умолкали въ продолженіе всей пьесы.

Старинный вашъ знакомый, Вьѣтанъ, послѣ трехъ концертовъ въ Марсели, гдѣ члены оркестра поднесли ему серебряный вѣнокъ, воротился въ Парижъ и далъ музыкальный вечеръ. Какія бы выраженія не придумала критика въ похвалу этому виртуозу, — онъ уже сто разъ былъ повторены печатно, и сто тысячъ разъ словесно. Въ концертѣ своемъ, Вьѣтанъ игралъ, между прочимъ, еще незнакомый публикѣ *motseau de salon* подъ названіемъ «Буря» (*l'Orage*): сущая буря трудностей, невозможностей, которыя можетъ передать развѣ только этотъ скрипачъ. Подражательная музыка восходитъ въ этой пьесѣ до поэзіи искусства. «Норма» (*Norma*), странная фантазія, на струнѣ *sol*, настроенной въ *ut* — тоже въ скрипичной игрѣ, что прыжки мадамъ Сакки на канатѣ. Не слышавшіе чудесь, какія Вьѣтанъ дѣлаетъ на четвертой струнѣ, не испытали самаго пріятнаго изумленія.

Камилль Сивори, наследникъ странностей, скрипки, но также и прекраснаго звука и выразительности Паганини, далъ два концерта; въ одномъ исполнилъ онъ свою пьесу «Карнавалъ въ Кубѣ» (*le Carnaval de Cuba*), въ которой скрипка издаетъ всевозможные крики птицъ и животныхъ;

въ другомъ—сыгралъ адажію и рендо изъ концерта-колокольчика, сочиненія своего славнаго учителя.

Этихъ двухъ концертовъ довольно для оправданія скрипки: она дошла до геркулесовыхъ столбовъ искусства и до послѣдней степени гасерства.

Представителемъ фортепяно былъ, въ нынѣшній сезонъ, Генрихъ Герцъ.

Классическій пѣянистъ въ легкомъ родѣ, Герцъ, пріобрѣвшій своему таланту право гражданства въ старомъ и новомъ свѣтѣ, собралъ достойную дань рукоплесканій въ музыкальномъ Пантеонѣ, который, назадъ тому лѣтъ двадцать, онъ самъ воздвигнулъ искусствѣ. Въ концертѣ своемъ, Герцъ исполнилъ, въ числѣ другихъ пьесъ, «характеристическую перуанскую польку «la Tagada», имъ самимъ сочиненную въ Лимѣ. Слово «tagada» значитъ — *закрытая*. «Такъ называютъ въ Лимѣ женщину, говорятъ Герцъ въ предисловіи къ своей полькѣ: одѣтую самымъ оригинальнымъ образомъ», — и въ объясненіе, предлагаетъ, на заглавномъ листѣ своей польки, литографированную перуанку, въ національной одеждѣ. Костюмъ этотъ состоитъ изъ шелковой юбки, прелестно охватывающей талію, нѣсколько пониже бедръ, и вуали, которая закрываетъ все лицо, кромѣ черныхъ сверкающихъ глазъ. Яркаго цвѣта шарфъ рѣзко дополняетъ мрачную одежду. Такъ, нѣкогда одѣвались лимацкія женщины, выходя на улицу; теперь же saya и mantó видны только на погребальныхъ процессіяхъ и на боѣ быковъ.

Довольно о концертахъ; порадовать васъ развѣ еще двумя новинками: на музыкальномъ горизонтѣ явились разомъ — Веберъ и Диомедъ, оба пѣянисты, оба наследники славныхъ именъ, оживляющихъ въ памяти «Оберона» и «Илліаду». Имя новаго Вебера — Іоганнъ, фамилія Диомеда — Цампи. Больше не спрашивайте.

Пока я дописывалъ эти строчки, мнѣ принесли письмо.... Посмотри. Еще музыкальная новость, самая свѣжая, на которой еще не засохли чернила.

Учитель пѣнія въ Консерваторіи, А. Пансеронъ, сочинитель превосходной «Музыкальной азбуки» (A B C musical), вздумалъ разослать циркуляръ, въ которомъ извѣщаетъ, что онъ открылъ *совершенно новый кабинетъ* для справокъ о голосахъ, и разныхъ другихъ артистическихъ и ученыхъ (!) вопросахъ.

«Часто встрѣчается надобность, — пишетъ г. Пансеронъ, — въ нынѣшній *просвѣщенный* учителя, касательно направленія, которое должно дать образованію, весьма часто блуждающему въ Парижѣ по ложной дорогѣ, за неимѣніемъ вѣрнаго путевода, или же изъ опасенія — *быть обманутомъ*. Съ другой стороны, многимъ любителямъ *нужно*...

чтобы смонтировать, или даже и написать какую-нибудь пьесу, которой мелодия прелестна, но где аккомпанимантъ, или инструментъ ставить преграду вдохновенію... Я могу въ своемъ кабинетѣ подать совѣтъ любителямъ и облегчить изданіе сочиненій, которыя, можетъ-быть, не посѣли бы явиться передъ свѣтомъ...» Эльдорадо для литографій! Какъ теперь не сдѣлаться композиторомъ! Муза диктовала, Гомеръ писалъ. Пансеронъ, какъ человѣкъ умный, угадалъ слабую струнку медкаго честолюбія, и не въ ущербъ своей знаменитости, утвержденной на порфирномъ цоколѣ, люжинами поведеть алчущихъ безсмертія къ лавровой рощѣ, и будетъ продавать ея листы, какъ салатъ, только на вѣсъ золота.

Говоръ о музыкѣ, я долженъ передать вамъ печальное извѣстіе — смерть Орфила: потому-что знаменитый токсикологъ былъ, въ то же время, знатокомъ и цѣнителемъ изящныхъ искусствъ; гостиная его считалась однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ парижской музыки; приговоры, проносимые здѣсь артисту, уважались до такой степени, что Дюпрэ, воротившись изъ Италіи и готовясь дебютировать въ «Вильгельмъ Телль», рѣшился выступить въ этой оперѣ только послѣ того, какъ Орфила ободривъ его своимъ отзывомъ. Но любовь къ изящнымъ искусствамъ не помѣшала Орфилу создать во Франціи судебную медицину и приобрести ученую славу въ образованныхъ государствахъ. Борьба его съ Распалемъ, по поводу процесса госпожи Лафаржъ, была причиною, что распостранитель камфоры, сохранившій въ душѣ ненависть къ Орфилу, въ 1848 году воспользовался своею эфемерною властью, и отнялъ у химика-юриста мѣсто декана, которое этотъ болѣе двадцати лѣтъ занималъ въ школѣ медицины. Орфила, уроженецъ Балеарскихъ острововъ, былъ, по характеру, скорѣе испанецъ, нежели французъ. Привыкнувъ вскрывать трупы въ госпиталяхъ, онъ звѣщаль подвергнуть свое тѣло тому же дѣйствию скальпеля, которое онъ такъ часто совершалъ, во имя истины и интересовъ человѣчества! Орфила умеръ отъ простуды, возвращаясь, въ проливной дождь, изъ засѣданія общества Сѣверной желѣзной дороги, въ которомъ профессоръ химіи такъ неожиданно разложилъ своимъ аналитическимъ изображеніемъ узелъ, приводившій въ недоумѣніе капиталистовъ-миллионеровъ, что Ротшильдъ, пораженный зоркостью Орфила, тутъ же пригласилъ его вступить въ члены совѣта, управляющаго этимъ огромнымъ предпріятіемъ.

Смерть еще не иступила косы объ артистическія лавры. Въ прошломъ мѣсяцѣ, театръ лишился своего любимаго автора, угасшаго въ цвѣтѣ славы, когда ничто не предвѣщало этой печальной потери. За писателемъ, сошелъ въ могилу актеръ, котораго слава была тоже ве-

лика, но который дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, и въ старости еще слышалъ себя похвалы, дошедшія до молодаго поколѣнія по преданію. Брюне умеръ на восемьдесятъ-восьмой годъ. Фамилія ему была—Мира. Когда выступилъ онъ на сцену, выѣшніе парижане не помнятъ; изъ «*Almanach des spectacles*», видно только, что онъ игралъ на театрѣ *Cité*, и въ 1798 году, перешелъ оттуда на театръ *Монтансье*. Карьера Брюне была рядомъ блистательныхъ успѣховъ. Комизмъ его, чистосердечный и естественный, сдѣлалъ его любимцемъ публики. Въ давно-забытомъ водевилѣ: «*Роменвилль, или воскресная прогулка*», Брюне былъ такъ забавенъ, что зрители хотѣли при одномъ его появленіи на сцену, прежде, нежели онъ успѣлъ раскрыть ротъ. Брюне игралъ всевозможныя роли—отъ кухарокъ до маркизовъ, и любилъ посолить пьесу собственными каламбурами и остротами, которыя не разъ были для него причиною ссоръ и непріятностей. Онъ оставилъ сцену въ послѣдніе годы реставраціи.

Незадолго до похоронъ Брюне засыпалъ свѣжую могилу Куршана (*Courchant*), автора водевилей, которые онъ надписывалъ своимъ именемъ (Огюсть), и множества остроумныхъ пьесенокъ, напечатанныхъ въ Сборникѣ «*Enfants du Caveau*». Куршанъ умеръ семидесяти-пяти лѣтъ. Онъ былъ лучшимъ другомъ Дезожье, и до глубокой старости сохранилъ юношескую веселость.

Эти два имени займутъ почетное мѣсто въ «*Biographie française*».

Кстати. Въ дополненіе къ своему изданію Французскаго-Театра, Ренье обѣщала напечатать нѣсколько анекдотовъ о Тальмѣ, неизвѣстныхъ публикѣ. Ренье напоминаетъ, между-прочимъ, что Тальма, сынъ и племянникъ дантистовъ, предназначался, по праву наслѣдства, къ сословію искоренителей зубовъ; но увлекаемый своимъ призваніемъ, предпочиталъ играть трагедіи на театрахъ любителей. "Чтобы прекратить эти шалости, дядя послалъ мальчика въ Лондонъ, гдѣ Тальма-отецъ плембировалъ и выдергивалъ гнилыя кости, бывшія когда-то жемчугомъ и перламутромъ. Дядюшка полагала, что непослушному племяннику трудно будетъ играть французскую трагедію съ англичанами; но судьба распорядилась иначе. Тальма восхитилъ зрителей, играя въ розовомъ шелковомъ костюмѣ, который сшила ему сестра. Въ какой роли являлся онъ—ни братъ, ни сестра не помнили: «можетъ-быть, въ роли Каласа», шутилъ Тальма, оглядываясь на прошлое. Служа двадцать лѣтъ, розовый фракъ замѣнился великолѣпнымъ костюмомъ, который былъ нарочно присланъ изъ Индіи для Типпо-Самба.

Такъ, не помышляя, впрочемъ, о будущемъ, учился артист. Случай помогъ ему: онъ пошелъ посмотреть *Гамлета*—и новый драматичес-

свѣтъ міръ открылся передъ глазами Тальмы. Онъ выучился по-англійски; Шекспиръ былъ его учителемъ, творенія великаго поэта — его учебнымъ руководствомъ; восторженной юноша съ одного взгляда увидѣлъ связь между древнею трагедіей и новѣйшею. Гамлетъ и Орестъ были для него—одно лицо, только въ двухъ различныхъ цивилизаціяхъ.

Въ тоже время, отецъ Тальмы подружился съ однимъ изъ учениковъ англійскихъ хирурговъ, и этотъ вызвался посвятить сына своего друга въ тайны человѣческаго тѣла. Но пока одинъ объяснялъ на разсѣченномъ трупѣ, какую пользу медицина и хирургія извлекаютъ изъ ближайшаго знакомства съ нашею организациею, другой старался понять, какъ страсти, приводя въ дѣйствіе всѣ мускулы, рисуются на наружности, какъ чувства отражаютъ душу.

Тальма изучалъ внѣшность человѣка вездѣ, гдѣ встрѣчалъ его взволнованнымъ, потрясеннымъ, движимымъ страстью. Однажды, уже будучи въ славѣ, онъ услышалъ крикъ на лѣстницѣ: заспорили камердинеръ съ кучеромъ. Камердинеръ выходилъ изъ себя; Тальма, прибѣжавшій на этотъ шумъ, вдругъ остановился, и не думая унимать спорщиковъ, вскричалъ: «Какъ ты хорошъ въ этой роля!» — Тальма хваталъ природу на дѣлѣ. Онъ искалъ ее даже въ тюрьмахъ.

Какой-то убійца, терзаемый угрызеніями совѣсти, самъ открылъ свое преступленіе. Тальма получилъ позволеніе взглянуть на злодѣя, скрѣпивъ сердце отъ отвращенія, которое вселяла въ него эта фizioномія, блѣдная, мучимая совѣстію, и черезъ нѣсколько дней, онъ игралъ *Макбета*. Во-время представленія, и на другой день, весь Парижъ повторалъ, что никогда еще Тальма не придавалъ такой ужасающей фizioноміи убійцѣ Дувкана. — Гдѣ-же, спрашивали: научился онъ такъ вѣрно рисовать угрызенія совѣсти? — Въ тюрьмѣ.

Отъ высокой трагедіи—скачекъ къ обыденному фарсу.

Я уже писалъ вамъ, что общество композиторовъ романсовъ затѣяло споръ съ водевиллистами о правѣ музыкальной собственности, которое распространило свои репрессалии даже на концерты. На музыкальномъ утрѣ мадмуазель Розы Кастнеръ, артистка Комической Оперы, мадмуазель Вертеймбергъ не могла пѣть обѣщаннаго программю романа *Прощаніе Маріи Стюартъ*, съ музыкою Нидермейера, потому-что вопросъ, поднятый адвокатомъ музыкантовъ, Генрикомъ, наложилъ запрещеніе на всѣхъ заемъ музыки безъ вознагражденія. Общество композиторовъ требуетъ за заимствованіе арій, принадлежащихъ его членамъ, десятую долю съ вознагражденія, присвоеннаго авторамъ водевилей съ каждаго акта. Объясню примѣромъ. Если спектакль, состоящій изъ четырехъ одноактныхъ водевилей, приноситъ авторамъ 100 франковъ,

или по 25 франковъ съ каждаго водевиля, то композиторы требуютъ 10 фр. за четыре водевиля, или по 2 фр. 50 сент. за каждый. Если между этими водевилями, въ одномъ не заимствовано никакой ариі, принадлежащей членамъ общества композиторовъ, то послѣдніе требуютъ только 7 фр. 50 сент. за три остальные; 5 франковъ, если музыка заимствована только въ двухъ водевиляхъ; 2 фр. 50 сент. если въ одномъ. Также точно, если водевиль въ трехъ, или въ двухъ дѣйствіяхъ, общество выскрываетъ десятую долю авторскаго вознагражденія, пропорціонально числу дѣйствій, въ которыхъ употреблена его музыка. Напримеръ: если трехъ-актный водевиль принести авторамъ 60 франк., общество требуетъ 6 фр. когда музыка заимствована въ трехъ актахъ; 4 фр.—если она заимствована только въ двухъ, и 2 фр.—если въ одномъ. Сверхъ того требуется, чтобы водевилисты обозначали на своихъ пьесахъ имена композиторовъ и мотивы заимствованныхъ ариі. Мѣра эта необходима для обезпеченія и охраненія права собственности композитора, и за несоблюденіе ея выскрывается, въ пользу композитора, вознагражденіе вдвое противъ означеннаго, за каждое представленіе водевиля, не исполнившаго этой статьи.

Но это предложеніе встрѣтило оппозицію, какъ невыгодное и для общества драматическихъ писателей и для самихъ композиторовъ. Положимъ, что въ вечеръ дадутъ два водевиля, приносящіе среднимъ числамъ, по двадцати франковъ за представленіе. Въ одной пьесѣ двадцать прелестнѣйшихъ ариі общества композиторовъ, и какъ десятая часть авторскаго права 2 франка, то на долю каждаго изъ двадцати куплетовъ придется по десяти сантимовъ; въ другой, употреблена только одна ариі, вырвавшаяся съ клавишъ бездарнаго музыканта, и какъ десятая часть — 2 франка, то эта рандомія получаетъ на свой паи 2 франка, то-есть, 200 франковъ за сто представленій, между тѣмъ, какъ такой же успѣхъ приноситъ всего 10 франковъ гениальному композитору! Вотъ ужъ тутъ рѣшительно нельзя признать справедливое правило: *сuum cuique*, каждому свое; потому-что авторъ перваго водевиля заплатитъ въ-обрѣзъ за мелодическіе аккорды, способствовавшіе его торжеству, тогда какъ авторъ втораго раздѣлитъ хлѣбъ, имъ самимъ заработанный, съ злосчастною трешеткой, которая случайно пала ему надъ руку.

Въ ожиданіи, чѣмъ кончится вся эта комедія Собственности, посмотримъ, что дѣлаютъ театры.

Директоры парижскихъ сценъ, которые испугались-было за свое благосостояніе, когда правительство уничтожило наемныхъ хлопальщиковъ, теперь начинаютъ убѣждаться, что изгнаніе этой толпы, ескорбитель-

ной для публики и постыдной для писателей, несколько не повредило интересам театровъ. Лучшими доказательствами тому — цифры. Вотъ итогъ сбора различныхъ пережившихъ театровъ въ течение минувшаго января:

Императорскіе театры, получающіе пособие отъ казны собрали	373,713	фр.	18	сан.
Второстепенные театры	804,322	»	28	»
Концерты, кофейни-концерты и балы	199,633	»	58	»
Разныя диковинки	24,013	»	30	»

Всего 1,401,682 фр. 34 сан.

Благосостояніе театра зависитъ преимущественно отъ искусства директора и таланта авторовъ и актеровъ. Директоръ долженъ слѣдить, какой родъ пьесъ наиболее нравится публикѣ; авторъ наполняетъ его репертуаръ, актеръ же развиваетъ мысль писателя. Эти три условія существуютъ въ Комической Оперѣ: оттого и процвѣтаетъ этотъ театръ.

Не останавливаясь на недавнемъ успѣхѣ «Марко Спада», онъ сейчасъ поставилъ «Глухого» и «Свадьбу Жанетты», доставляющіе, въ каждое представленіе, также полные сборы, и велѣлъ за этими пьесами далъ новую, предестную оперу Амбруаза Тома и Соважа: «Тонелли» (La Tonelli): такъ звали пѣвицу, нынѣ забытую, но о которой говорили лѣтъ за семьдесятъ передъ симъ, какъ мы говоримъ о Мали-либранъ и Каталани. Въ 1752 году, Тонелли произвела въ искусствѣ пѣнія переворотъ, въ полномъ смыслѣ слова. До того времени, когда она, съ тремя или четырьмя спутниками, пріѣхала въ Парижъ, любители оперы дремали въ креслахъ, и не переставали звать даже при звукахъ Рамо, стоявшаго тогда на вершинѣ своего таланта. Еще было бы ничего, еслибъ дѣла Оперы шли плохо: но, при такомъ положеніи, они рѣшительно остановились. Чтобы какъ-нибудь поправиться, дирекція обратилась къ послѣднему средству: откинувъ всторону смѣшное самолюбіе, она сдѣлала воззваніе къ иностраннымъ артистамъ. Борьба между итальянскою музыкой и французскою началась въ центрѣ Парижа. *Непріятель* былъ не страшенъ числомъ: четыре человѣка, но болѣе. Въ главѣ этого квартета стояла Тонелли, по имени Анна; сестра ея, Катарина, пѣла вторыя роли; съ ними были два комическіе баса, Пьетро Манелли и Козимо. Замѣчательно, что въ труппѣ не было тенора. Эти четыре артиста исполнили пять шесть оперъ, съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ о нихъ заговорилъ весь Парижъ. Тонелли прозвали музою гармоніи, а Манелли — геніемъ пѣнія: мнѣологическіе титулы были тогда въ большой модѣ. Тонелли и ея товарищи нажили

восторженных приверженцев и отъявленных врагов, которые еще выпуклѣ выставили ихъ славу. Завязалась война яростная и безпощадная. Ненависть двухъ партій высказывалась въ сатирическихъ брошюрахъ и памфлетахъ. Гриммъ и Жанъ-Жакъ Руссо тоже приняли участіе въ спорѣ, и, можетъ-быть, сочиненіямъ этихъ двухъ знаменитыхъ писателей эти громкія итальянскія имена обязаны тѣмъ, что дошли до поздняго потомства. Нынче Тонелли является въ образѣ мадамъ Угальдъ.

Вотъ вамъ главная и единственная лирическая новость прошлаго мѣсяца.

Въ послѣднее время, весь Парижъ сбѣгался въ театръ Сентъ-Мартенскихъ Воротъ, смотрѣть балетъ «Смарра» (*Smarra ou le démon des mauvais rêves*), написанный для Джона Девони, клоуна Дрюриленской сцены, который пріѣхалъ къ намъ на нѣсколько представленій, и потомъ отправится въ Вѣну. Смотря на этого неистовищаго артиста, протираешь себѣ глаза и спрашиваешь, не во снѣ ли грезится то, что онъ дѣлаетъ на яву? Джонъ Девони родился въ безпредѣльныхъ степяхъ, еще неотнятыхъ американцами у западныхъ непокорныхъ племенъ; провелъ дѣтство и часть юности между краснокожими, то приближаясь къ большимъ рѣкамъ, то удаляясь отъ нихъ, по прихоти, или по надобностямъ дикаго каравана, или важно засѣдая за тростниковымъ чубукомъ совѣщанія. Вотъ его происхожденіе. Но какъ описать упражненія, которыми этотъ человѣкъ успѣлъ придать своимъ мускуламъ и всѣмъ членамъ гибкость каучука, до какой не достигалъ даже Мазюрье? Неужели Девони устроенъ какъ и всѣ мы? Представьте себѣ существо съ утонченною чистотою формъ, съ чертами нѣжными, почти женскими, которое въ прямомъ и спокойномъ положеніи, представляетъ собою самый совершенный, можно сказать, скульптурный образъ чезувѣческой красоты. Но вотъ оно зашевелилось — и статуя исчезла: это не человѣкъ, но змѣй, который свивается кольцами, растягивается, свертывается въ клубокъ, вьется какъ лента, крутится, и каждый изъ этихъ узловъ тѣла приводитъ разумъ въ смущеніе. Девони ходитъ руками, локтями, головой, грудью, желудкомъ, спиною — чѣмъ хотите, но только не ногами: такъ противно ему двигаться по способу двуногихъ! Ногами онъ только чешетъ за ухомъ, и они почти постоянно видны у него на лбу, вмѣсто роговъ. Тѣло его мягче перчатки. У этого человѣка нѣтъ костей: это разумный мускулъ. Публика вызвала клоуна, и онъ явился передъ изумленными зрителями, раскланываясь какъ обыкновенный человѣкъ, какъ режиссеръ въ черномъ фракѣ.

Содержаніе балета заключается въ двухъ словахъ. Дѣвушка, от-

ставъ отъ своихъ подругъ и жениха, засыпаетъ на горѣ, и видитъ страшный сонъ: ей снится, что какое-то чудовище, въ родѣ Калибана, влѣбляется въ нее и покидаетъ у ней поцѣлуй. Дѣвушка проснулась въ испугъ: вѣсто Калибана, стоитъ возлѣ нея — женихъ и простираетъ къ ней объятія. Нелѣпостей пересчитывать не буду: онѣ здѣсь въ порядкѣ вещей.

Мадмуазель Гальба выдѣлываетъ въ балетѣ такіе пируэты, что танцовщицы Большой Оперы изволятъ кусать губки отъ зависти.

На Пале-Рояльскомъ театрѣ дають уморительную пьесу Дюма-нуара и Клервиля: «Драматическія шалости» (les Folies dramatiques). Это не водевиль, не пародія, но нечто въ родѣ revue, въ которой четыре дѣйствія пародируютъ самымъ смѣшнымъ образомъ трагедію, итальянскую оперу, мелодраму и балетъ. Къ этимъ четыремъ актамъ придѣланъ прологъ, знакомящій публику съ г. Громеню, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пьесы.

Москѣ Громеню, содержавшій въ-продолженіе тридцати двухъ лѣтъ ресторацію, въ которой кормилъ посѣтителей за тридцать два су, нажилъ обѣдами тридцать двѣ тысячи франковъ годоваго дохода, прекратилъ торговлю, и поселился на отдыхъ, послѣ кухоннаго чаду, въ тридцати двухъ мѣсяхъ отъ Парижа, купивъ паркъ въ тридцать два арсама. Но трактирщику недостаетъ одного: будучи страстнымъ любителемъ драматическаго искусства, онъ лишень здѣсь театра, и для удовлетворенія своей страсти, строитъ въ Питивье свой театръ, въ которомъ цѣна всѣмъ мѣстамъ безъ различія назначена въ тридцать два су, и ангажируетъ тридцать двухъ актеровъ на тридцать два представленія. Громеню вѣдъ себя отъ восхищенія. Въ это время увѣдомляютъ его о прїѣздѣ актеровъ. Онъ идетъ сортировать труппу, но оказывается, что изъ тридцати двухъ артистовъ двадцать восемь не сдержали слова и не явились. Положеніе щекотливое: Какъ давать съ четырьмя актерами всѣ возможные пьесы? Къ счастью, въ гостинницѣ, гдѣ остановилась труппа Громеню, есть служанка, или вѣрнѣе, хорошенькая субретка, игравшая когда-то роли наивныхъ дѣвушекъ на провинціальныхъ театрахъ, и она съ восторгомъ принимаетъ предложеніе Громеню—вступить въ его труппу.

Вскорѣ прибываетъ новая партія. Гріоле, влюбленный въ Гембетту, не можетъ сродниться съ мыслью, чтобы та, которую онъ любитъ, подвергалась пламеннымъ объясненіямъ перваго любовника, и при всемъ отвращеніи къ театру, рѣшается сдѣлаться комикомъ и играть съ Гембеттой въ пьесахъ, возвыщенныхъ огромною афишей. Пьесъ этихъ четыре:

Во-первыхъ, «Каракалла», трагедія школы здраваго смысла, напи-

ошиная повѣсть суровыиъ, во эхотиниомъ до каламбура и нитичеснаиъ вознѣстей.

Во-вторыиъ, «Гиргульда», италянская опера; либретто автора, который хочеть и должень остаться неизвѣстныиъ, — музыка снйора Вероти.

Во-третьиъ, «Влїяніе фатализма на семейство, разроенное несчастїемъ», драма гуманитарная, съ тенденциими, и

въ-четвертыиъ, «Аркаскїе пастушки», пасторальныиъ балетъ.

Все это чрезвычайно забавно и возбуждаетъ громкїи смѣхъ. Каждая картина ведена бойко, остроумно; спектакль разнообразныиъ. Пародїа на италянскую оперу, — лучшая изъ четырехъ. Левассоръ, въ рыцарской одеждѣ, добытой въ лоскутномъ ряду, каррикатуренъ до-нельзя; но у него, также, какъ у Гіасента и Грассо, недостаетъ голоса. Для подражанїа, даже каррикатурнаго подражанїа италянскому пѣнїю, требуются вокальныя средства. Голосъ Левассора уже не такъ блестящъ, какъ былъ прежде. Это давно замѣчено. Что же касается Гіасента и Грассо, то у нихъ никогда не было голоса. Они замѣняютъ пѣвіе одушевленную пантомимой и непостижимою воркотней. Зато въ трагической пародїи эти артисты — совершенство комизма.

На театрѣ Водовля даютъ съ большнмъ успѣхомъ патнактныиъ водевилъ покойнаго Баира: *Бокаччіо* или *Декамеронъ* (Vessase ou le Decameron). Это избранныиъ рядъ сказокъ Бакаччіо и его похождения въ Флоренціи. Не мѣсто ни хвалить, ни порицать возлѣ едва засыпанной могилы; у фельетониста не достанетъ духу, отличавшаго египтянъ, которые въ первый же день траура начинали спорить о томъ, воздвнгать ли умершему пирамиду. По окончанїи пьесы, имя Баира было привѣтствовано двумя залпами рукоплесканїа со всѣхъ концовъ залы: краснорѣчивыиъ и чистосердечныиъ панегирикъ, единственныиъ панегирикъ, какнмъ можетъ публика выразить свое сожалѣніе о писателѣ, который въ-теченіе тридцати лѣтъ почти всегда получалъ эту награду за свои произведенїа. Послѣ спектакля, главные артисты, участвовавшїе въ пьесѣ, отирались на кладбище и положили на могилу Баира вѣнокъ, брошенный на сцену въ ту минуту, какъ режиссеръ объявилъ имя автора *Бокаччіо*.

Успѣхъ карнавальныиъ пьесъ, о которыхъ я писалъ въ прошломъ мѣсцѣ, продолжаетъ доставлять театрамъ такой богатый сборъ, что они сочли за лишнее ставить новыя пьесы. Впрочемъ, театръ Веселости поставилъ прекрасную драму въ пяти дѣйствїахъ, *Собирательница льсу* (La Boisière). Авторъ ея, Теодоръ Баррьеръ, молодой писатель съ большнмъ дарованїемъ. Онъ былъ сотруднкомъ Генриха Мюржѣ въ

пьесъ «*Vie de Bohême*», Марка Фурнье — въ *Манонъ Леско*, потомъ самъ написалъ прелестную комедію *Фортельяно Берты*, и нѣсколько другихъ пьесъ, игравшихъ въ Пале-Рояль, Водевиль и Драматической Гимназіи, доставившихъ ему видное мѣсто въ драматической литературѣ. «*La Boisière*» исполнена самыхъ трогательныхъ положеній, живыхъ чувствъ, тонкой психологической наблюдательности, подробностей, запечатлѣнныхъ истиною и дѣйствительностью.

При поднятїи занавѣса, мы далеко отъ Парижа, въ маленькомъ лесу, напудренномъ вѣсемъ, какъ маркизъ временъ Людовика XV. Ассоциация собираютъ валежники. Между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе Жанна, дочь Маргериты, хорошенькая дѣвушка, но блѣдная, грустная. Очевидно, что подъ этой интересною блѣдностью, подъ этимъ томнымъ взглядомъ скрывается какая-нибудь сердечная тайна. Не влюблена ли Жанна? Да. Въ деревню воротился молодой человекъ, Рене Нуазель. Говорятъ, что онъ вѣтренникъ, промоталъ наслѣдство для какой-то графини Луизы де-Моренъ, которая вскружила ему голову. Не любящая женщина — воплощенное милосердіе. Жанна жалѣетъ о молодомъ баловнѣ. Берегись Жанна: отъ жалости до любви — одинъ шагъ! Послушайся добрыхъ совѣтовъ своей матери, удайся Рене... Не оставаясь чистою, какъ герлица, Жанна однакожь дышитъ однимъ Рене; сердце не повинуется разуму.

Неожиданное обстоятельство рѣшить участь дѣвушки. Кокетка графиня, разорявшая Рене, отправляясь на охоту, случайно останавливается въ хижинѣ собирательницы лѣсу. Графиню сопровождаетъ усерднѣйшій ея вздыхатель, мосье Монфланкель. Рене, встрѣтивъ съ хитрою женщиною, разсыпается упреками; кокетка смѣется ему въ лицо, и говоритъ, что рано или поздно, онъ опять будетъ у ея ногъ. Но Рене уже не новичокъ и самъ хочетъ сыграть шутку съ хитрою женщиною. Случай отмстить представляется скорѣе, нежели ожидалъ Рене. Дядя его умираетъ, завѣщавъ ему нѣсколько сотъ тысячъ. Жанна — красавица; она затягивъ собою графиню, и молодой левъ, успѣвъ завладѣть сердцемъ дѣвушки, предлагаетъ ей бѣжать... Жанна съ ужасомъ отвергаетъ это предложеніе и падаетъ въ объятія своей матери, Маргеритты.

Для Рене остается одно средство для достиженія своей цѣли: жениться на Жаннѣ. Послѣ свадьбы, онъ возвращается въ Парижъ съ Жанной, законною супругой, и въ три-четыре мѣсяца успѣваетъ изъ бѣдной собирательницы валежника сдѣлать очаровательную свѣтскую даму. Въ гостиной ея собирается цвѣтъ дендизма, до-сихъ-поръ посѣщавшаго салонъ графини де-Моренъ. Рене отмстилъ. Графиня ломаетъ руки отъ зависти и досады. Въ довершеніе мести, Рене хочетъ воротить деньги,

которыя онъ проигралъ въ ландскнехтъ графинѣ... Но несчастная спекуляція въ-конецъ разоряетъ Рене Нуззеля, и онъ узнаетъ о неожиданномъ ударѣ, поражающемъ и гордость и жажду мнѣнія, въ ложѣ Итальянской Оперы. Въ этой же самой ложѣ, узнаетъ Жанна, что мужъ ея распустилъ слухъ, будто-бы онъ не женатъ. Эту ужасную вѣсть взялась передать Жаннѣ мадамъ де-Мореннѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мы застаемъ Жанну въ бѣдной квартиркѣ, гдѣ живетъ она работою. Рене бываетъ дома очень рѣдко, отговариваясь, что долженъ видѣться съ людьми, искать себѣ покровительства, между-тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ онъ опять началъ посѣщать графиню де-Мореннѣ. Предсказаніе ея сбылось.

Жизнь Жанны сдѣлалась мученьемъ: равнодушіе мужа, бѣдность. Наконецъ, бѣдная женщина пишетъ прощальное письмо къ мужу: она хочетъ броситься въ Сену.

Письмо это принесли Рене Нуззелю, когда онъ былъ на вечерѣ у графини. Рене срываетъ печать и испускаетъ крикъ. Жанна умерла!... И только въ эту минуту онъ понялъ свое непростительное пренебреженіе къ той, которая такъ искренно, такъ пламенно его любила... О, еслибъ можно было воротить то, что уже погбло, какъ любилъ-бы онъ Жанну! Онъ отказался-бы навсегда отъ разорительнаго безумія, которому пожертвовалъ истиннымъ счастьемъ. Рене чистосердечно раскаявается—и раскаяніе не остается безъ награды... Маргеритта, мать Жанны, удержала ее въ роковое мгновеніе, и теперь возстановляетъ счастье супруговъ.

Между-тѣмъ кокетка, удовлетворивъ своему мнѣнію, выходитъ замужъ за Монфланкена, и съ-этихъ-поръ уже никто не нарушитъ спокойнаго существованія Жанны и Рене.

Вотъ нить главной интриги, проведенная чрезъ всѣ пять актовъ драмы, которая была сыграна съ самымъ совершеннымъ ансамблемъ.

До слѣдующаго письма.

СМЪСЬ.

СТРАНСТВОВАНІЯ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА,

СОБРАННЫЕ В. САВИНОВЫМЪ.

ИНКЕРМАНСКАЯ ОКЛА.

Севастополь. — Цыганъ проводникъ — Сухарный заводъ. — Слава. — Пещеры и церковь. — Неопытный рассказъ цыгана. — Ясудитъ. — Ракушки. — Мазаръ Мазаровичъ. — Итальянскіе словъ о немъ и о его новомъ занятіи. — Продолженіе рассказа. — Тиръма и сосѣдъ. — Корсаръ. — Его молодость. — Двѣ потери. — Изъ ловушку въ ловушки. — Садъ паши и неожиданный избавитель. — Дядя Яковъ. — Шкуна. — Хюскій берегъ. — Спасеніе за спасеніе. — Спроси бывалаго.

— «Севастополь, древній Ахтіаръ, когда-то татарская деревушка, нынѣ городъ и военный портъ при Черномъ морѣ, съ гаванью. Мѣстоположеніе гористое. Климатъ теплый и здоровый. Жители — русскіе, татары, греки и евреи. Замѣчательнъ чрезвычайною дешевизною вина, табаку, ракушекъ, устриць, винограда и арбузовъ. Въ бухтѣ ловятся вкусная макрель, попадается и шамая. Въ окрестныхъ степяхъ можно стрѣлять тощихъ куличковъ и драхву....» Не могу вспомнить въ подробности всего описанія Севастополя, какое удалось мнѣ вычитать въ тетради дорожныхъ замѣтокъ моего добраго пріятеля Ивана Ивановича Чебурашкина, странствовавшаго по Россіи на почтовыхъ. Но эти первые строки, — память меня не обманываетъ, — записаны вѣрно.

Я обратился къ нимъ въ той же Сѣверной слободѣ, гдѣ записывалъ и мои скоростяжныя воспоманія о М-ше Нестлевицъ и М-г Бажатель. Съ большимъ нетерпѣнiемъ дождался я утра, желая осмотрѣть городъ, съ которымъ долженъ былъ разстаться черезъ день, отправляясь къ Сухумскимъ берегамъ, на военномъ транспортѣ. Несмотря на октябрь, крымское утро было такъ тепло, какъ июльское въ Петербургѣ. Прекрасный видъ на море и городъ открывались изъ моего окна. Прямо, за бухтою, по скатамъ и на вершинѣ возвышенностей, тѣсно гпились небольшіе мазанковые домики, кое-гдѣ мелькалъ странный тополь, уединенно поставленный за известковою стѣнкою жилья.... Вдали раздавался звукъ барабана и военной музыки, сливавшійся съ крупнымъ говоромъ татаръ, цыганъ, евреевъ и каранмовъ, толпившихся въ пестрыхъ группахъ на рынкѣ. Здѣсь открывалось обширное поле для наблюдателя. Цыганы безопасно грѣлись на солнцѣ, женщины жевали, или курили табакъ, приземистый татаринъ важно возсѣдалъ на грудѣ арбузовъ, толкуя съ землякомъ объ урожаѣ капусты, которая въ Крыму также дешева, какъ стихи въ Петербургѣ; между ними сновалъ услужливый караниъ съ табакорѣзной машиною; во всѣхъ группахъ этого промышленнаго люда являлся неизмѣнный еврей, нагруженный табакомъ, таранью, ножницами и щипцами, холстомъ и ваксой; къ общему говору присоединялась громкая скороговорка торговокъ бубликами, тыквенными сѣмечками, кизилемъ и виноградомъ.... Изрѣдка толпа раздвигалась направо и налево, давая дорогу рогатымъ пегасамъ, которые медленно и со скрипомъ тянули вдоль рыночной площади мажару дровъ. Такой же оживленный видъ представляла и южная бухта, на лѣвомъ берегу которой раскидывается корабельная слобода, застроенная флотскими казармами, а на правомъ мастерскими.... Длинный рядъ военныхъ судовъ, втянувшихся въ гавань, нескончаемымъ лѣсомъ мачтъ покрывалъ бухту.... Барказы, легкія гички и неуловжія лодки перевозчиковъ быстро скользили здѣсь по всѣмъ направленіямъ. Направо, за крѣпостными батареями, раскидывалось необозримою степью Черное Море... Вдали, на горизонтѣ, кое-гдѣ, какъ крыло чайки, мелькали бѣлые парусы судовъ, да у береговъ флегматически ныряли морскія свиньи.... Налево грядою тянулись мѣловыя возвышенности, перерѣзанныя симферопольскою дорогою и задвинутыя Инкерманскою скалою, разрушеннымъ памятникомъ генуезскаго владычества въ Крыму.... Последний предметъ приковалъ къ себѣ все мое вниманіе.... Иванъ Ивановичъ такъ много рассказывалъ о Инкерманѣ, что я тотчасъ же рѣшился совершить къ нему прогулку.

Циѣта обыкновеніе дѣлать мои путевыя впечатлѣнія посылать съ

вотченнымиъ Михеемъ Логиновичемъ, я разбудилъ старика, вздремнувшего на этотъ разъ съюстъ долгиѣ, покойнымиъ и безмятежными.

— Что это вы батюшка, Николай Васильевичъ, утому не знаете? сердито отозвался дядька, чрезвычайно недовольный моимъ толчкомъ. Вамъ—что ночь, что день — все одно.... Съ ранней поры поднялись: зачѣмъ, что за казая?... Въдь посмотрите: еще ни свѣтъ, ни заря....

— Заря и свѣтъ, Михей Логиновичъ.... Семь часовъ утра, отвѣчалъ я. Вотъ ужъ я совѣтъ готовъ, и отправляюсь сейчасъ, вмѣстѣ съ тобой, любоваться окрестностями Севастополя.

— Ну, съ вашего позволенія молвить, любоваться то окрестностями намъ теперь не время, батюшка.

— Это почему, Михей Логиновичъ?

— Да просто, сударь, всяческую канитель, трудно-сказать, роши, луга и сады съ пташками надо отложить въ сторону, а подумать о себѣ. Не извольте забывать, что транспортъ завтра снимается съ якора.... Надо кое-что позакупить, кое-чемъ позапасться! Насчетъ бѣлья распорядиться: оно еще не стирано.

Дѣлать было нечего, ясно видѣлъ, что Михею Логиновичу крѣпко хотѣлось поехать и навѣстить севастиопольскіе рынки. Я не возражалъ, но старикъ рассердился не въ мѣру. Мы кончили тѣмъ, что Михей Логиновичъ займется осматривать чемоданы и ихъ пополнѣемъ, а я — прогулкой.

Цыганъ, ловившій въ бухтѣ ракушекъ, предложилъ мнѣ свои услуги влодку. Я поплылъ съ нечесаными и немтыми чичероне къ Инкерманской скалѣ. На пути не встрѣчалось ничего замѣчательнаго. Справа и слева тянулись одни голые холмы, да впереди, какъ въ туманѣ, тонулъ предметъ моего любопытства. На среднѣи пути цыганъ положилъ на борть весла, и обратился ко мнѣ....

— Теперь я перестану грести, сказалъ онъ, а вы посмотрите.... лодка пойдетъ тише: вы все увидите.

— Что же я увижу?

— А какъ же, бояръ, сахарный заводъ. У! сколько тутъ хлѣба, маки, сахарей! Смотрите! смотрите.... видите! добавилъ онъ торжественно....

При этихъ словахъ, сказанныхъ моимъ проводникомъ съ особенною ротою и энергіею, легко можно было подумать, что вниманіе его было на что-либо какое-нибудь сверхъ-естественное явленіе. Я обернулся въ ту минуту, куда былъ устремленъ неподвижный взглядъ цыгана, и при этомъ желаніи раздѣлать съ нимъ чувство восторга и удивленія, ни-какъ не встрѣтилъ, какъ нѣсколько невысокихъ строеній, вы-тѣсненныхъ бол.

нущихся длиннымъ рядомъ пекарней и сараевъ по обвѣсти сторины площади, задвинутой холмами, да у берега барказъ, въ который натрося грузили сухари. Последняя-то картина и была поразительнымъ зрѣлищемъ для моего цыгана. Этого я не разгадалъ въ первую минуту, но очень простой причинѣ... сытый голоднаго не разумѣеть, а мой проводникъ, какъ послѣ оказалось, былъ неистово голоденъ, голодедъ, какъ всякій порядочный цыганъ!

— Ахъ, сказалъ онъ съ глубокииъ вздохомъ и снова принимаясь за весла.... Вотъ, еслибы, бояръ, миѣ столько сухарей.... У!

— Что жъ бы ты сдѣлалъ?

— Эге! Пришелъ-бы въ таборъ.... Туда.... къ пещерамъ, и вору.... ѣлъ-бы сухари, лежалъ-бы на солнцѣ....

— И только?...

— Ну, и не ловилъ-бы ракушекъ.... Да, только!

— А гдѣ вашъ таборъ?

— За южною бухтой, за пересыпкой, туда къ садамъ.... Живемъ на горѣ, въ пещерахъ.... Работы нѣтъ, ѣсть нечего.

— Помилуй, любезный, какъ не найти работы?

— Да, вотъ нѣтъ... Ну и ничего нѣтъ!

— Странно! Ты человекъ сильный, здоровый.... Иди на какое-нибудь свое судно матросомъ.... Наконецъ, можешь имѣть работу въ виноградныхъ садахъ....

— Не берутъ: говорятъ цыганъ.... Да и какъ я уйду.... а Плейка, а ребятинки?... Нѣтъ работы, нѣтъ!

Въ эту минуту лодка наша ударила въ берегъ. Мы были мѣстѣ.

Собственно Инкерманомъ названо село Симферопольскаго уѣзда. Этотъ селъ, не знаю, какъ теперь, но въ мое время, по правому берегу бухты стояло какое-то полуразрушенное зданіе въ тѣни тополей. Далеко тянулись холмы, двѣ-три раскиданныхъ на площадкѣ мазанки, не доходя саженой четырехъ до Инкерманской скалы, возвышался грязный духанъ, съ неизбежною вмѣстимостію крымскаго вина и южнобережнаго табаку. Кромѣ каранма-духанщика, забавлявшагося травлею козла лохматой собакой, ни одно живое существо не встрѣтилось ни при первомъ шагѣ на берегъ. Сцена травли овладѣла всѣмъ вниманіемъ моего проводника. Онъ избоченился, надвинулъ на глаза свою шапку изъ крымской мерлушки и не двигался съ мѣста, изрѣдка приговаривая: — Вотъ такъ ее... ну-ну-еще! ай, рогатый! Еще.... еще! рванула?... Вотъ и подѣломъ.

...Большаго труда стоило миѣ упротить духанщика, чтобы

кратилъ свою забаву, иначе мой цыганъ, вполнѣ довольный возломъ и собакой, совершенно забылъ-бы о мнѣ.

— Славная собака, бояръ.... а? правда? сказалъ мой проводникъ.

— Хороша....

— Отличная.... Пошли меня гдѣ-нибудь раздобыть хорошую собаку....

— Цыганъ кивнулъ головой, еще разъ нѣжно взглянулъ на лохматого пса, и бѣгомъ пустился къ пещерамъ.

Наружный видъ Инкерманской скалы представляетъ громадную глыбу камня, въ основаніи котораго чернѣются неправильные, полуразрушенные входы въ пещеры. По грани самой скалы также видны отверстія, когда-то, вѣроятно, служившія окнами тѣмъ лѣстницамъ, изсѣченнымъ въ камень, которыя ведутъ на вершину скалы.... На темъ ея, у западнаго обрыва, возвышаются развалины круглой каменной башни, или вѣрнѣе бойницы... по сторонамъ видны признаки когда-то возвышавшихся здѣсь стѣнъ....

Изумительно!.. Какихъ необыкновенныхъ трудовъ и усилій стоилъ человеку этотъ замѣчательный пріютъ его! Въ глыбѣ камня — изсѣчены правильные входы, скрытые стѣнками, — нѣсколько пещеръ правильной фигуры и цѣлыя комнаты, въ которыхъ остатки украшеній свидѣтельствуютъ, что здѣсь трудилась рука не жалкаго скитальца степей, не дикаря-татарина... Поднявшись на высоту двухъ или трехъ саженей — по лѣсенкѣ, запорошенной камнемъ и поросшей елизкимъ мхомъ, проводникъ мой повернулъ направо, и мы вошли въ квадратную небольшую комнату. По голымъ, гладкимъ стѣнамъ ея и по мрачному закопченному потолку, трудно было опредѣлить, для какого назначенія служила она обитателямъ Инкерманской скалы. Зато слѣдующее отдѣленіе, въ которое ведетъ тѣсный корридоръ, освѣщенный совершенно разрушеннымъ окномъ, по оставшимся въ немъ обрывкамъ колоннъ и большому кресту, хорошо сохранившемуся въ кругѣ верхняго основанія амбразуры, заставляло догадываться, что здѣсь была церковь. Слѣдующая за этимъ отдѣленіемъ комната, также какъ и первая, не представляетъ ничего любопытнаго: она вуста, темна и по колѣна полна обсыпавшеюся со стѣнъ известкою.

— Теперь, бояръ, сказалъ цыганъ... покажу вамъ, кстати, сейчасъ на выходѣ отсюда, у лѣстницы, пещерку... Это, говорятъ... такъ дѣдъ рассказывалъ — могила...

— Чья могила?

— Ухъ... бояръ!.. Это большая пѣсня... страшная штука... Дѣдъ рассказывалъ... Просто страшно, бояръ!...

— Сдѣлай милость, расскажи...

— Да, зачѣмъ не рассказать... расскажу, садись, все расскажу... Садись, вотъ тутъ, а мнѣ дай на кварту вина и на пару бубликовъ... Ты отдохнешь, а я сбѣгаю къ каранму... Давай, бояръ!

Цыганъ такъ наввно и съ такою самоувѣренною миной протанулъ мнѣ свою руку, что не шить въ ней монеты онъ считалъ, казалось, дѣломъ совершенно несбыточнымъ, въ чемъ, разумѣется, и не обманулся.

Проводникъ мой скоро воротился, и довольный успѣхомъ своей экспедиціи, приступилъ къ разсказу. Вотъ эта страшная исторія.

«Еще во-времена владычества татаръ, на Крымскомъ полуостровѣ, по дорогѣ отъ Инкермана въ Бахчисарай, кочевалъ большой цыганскій таборъ. — «Житье было тогда нашему брату, говорилъ рассказчикъ: у женщинъ и у насъ была работа. Цыганъ пригоденъ былъ на все: захоразъ-ли коня у наездника—въ таборъ его, глядишь, на всѣ четыре ноги и поставленъ. Понадобилось-ли травки приворотной, корешка мудренаго, или заговора отъ бѣды—опять—таки идутъ, бывало, въ таборъ. Славно торговали дѣды амулетами, а бабки наши судьбу гадали, лечили отъ лихоманки, отъ дурнаго глаза; кто хочеть—приди, дай деньги: все, бывало, сдѣлаетъ цыганъ: расскажетъ будущее, заговорить ружье, отведеть саранчу, а доброму челоуѣку изъ одной атары барановъ—двѣ сдѣлаетъ... Ну, теперъ не то! Цыганъ чужаго коня и не тронъ; прежде, бывало, нозовуть только въ Бахчисарай, да по пятанъ выколотать, а нынче воровъ ау! И съ приворотной травкой уйдеть туда, гдѣ, говорятъ, отъ сѣгу прохода нѣтъ».

Въ это-то счастливое для цыганъ время, въ пустынномъ Инкерманѣ, въ одной изъ заброшенныхъ давно мазанокъ, поселился старикъ, родомъ грекъ, священникъ, и врачевавшій больныхъ. — Въ короткое время пришедъ отбѣлѣ всю медицинскую практику у цыганъ. Слухи о его отличномъ званіи, о его успѣхахъ, скоро разнеслись по вѣсму южному берегу, и наконецъ старикъ вошелъ даже въ милость у бахчисарайскаго каймакана, который два раза на себѣ испыталъ искусство и усердіе пришельца. Казалось, что обитатели табора не надолго останутся равнодушными къ своему сосѣду, и найдуть случай избавиться отъ помощника, котораго содѣйствіе лишало ихъ доходовъ, вѣрныхъ и легко наживаемыхъ... однако не такъ случилось. Старый грекъ умѣлъ не только воспользоваться дружбою цѣлаго табора, но и вполне завладѣлъ волею и мыслею-каждаго изъ его членовъ. Съ первыми лучами солнца онъ постоянно являлся въ кочевьѣ. Помогалъ больнымъ, щедрою рукою раздавалъ свои деньги драхлымъ старвкамъ и ребятишкамъ, научалъ ихъ добру, кротко осуждалъ ихъ проступки, говорилъ о великомъ Богѣ, указывая на христіанскую религію, какъ на вѣрнѣйшій путь

из жизни счастливой... Скоро перекрестъ Инкерманской скалы была исправлена, и новообращенные динари, вѣстѣ съ своимъ благодѣтелемъ, начали молиться въ ней... Отъ батчисарайскихъ благовѣстителей не могъ скрыться успѣхъ проповѣди стараго грека... Но боясь вниманія къ нему каймакана, муллы долго не рѣшались дѣйствовать непрямо и открыто противъ обитателя Инкерманской скалы... Они выжидали только удобнаго случая, который предалъ бы въ ихъ руки опаснаго и умнаго врага.

Случай, странный и долго ничемъ необъяснимый, скоро представился.

Была глубокая и темная осень. Желтый листъ, упавшій съ тополя, давно уже запорошилъ тропинки Инкермана. Вѣтеръ съ утра до поздняго вечера и во всю ночь не переставалъ завывать въ пещерахъ скалы, выметая изъ нихъ сугробы камней и пыли. Море бушевало, нагоняя волны на берегъ и ни одного судна не появлялось въ виду этихъ береговъ, даже не было слуховъ о страшныхъ нападеніяхъ на беззащитныхъ купцовъ корсара Кара-Булани, разбойника и безбожника — по преступленіямъ.

Сжившійся съ уединеніемъ старый грекъ и въ это грустное время не покидалъ своей мазанки.

Однажды, ненастною дождливою ночью, онъ возвратился изъ Батчисарая, отъ какого-то большаго армянскаго купца, развелъ огонь на своемъ очагѣ и занялся приготовленіемъ лекарствъ. Скучный огонекъ лампы, которую заминая раковина, слабо освѣщала грязныя стѣны мазанки. Дождь крупными каплями падалъ съ ветхаго потолка, звонко стуча о плиты пола; вѣтеръ, врываясь въ отверстіе печки, сильно раздувалъ огонь на очагѣ, и искры, какъ дождь, сыпались на полъ, съ трескомъ разлетаясь по сторонамъ мазанки. Занятый чтеніемъ книги, старикъ не тревожился шумомъ непогоды... Однако, въ самую полночь, вниманіе его было вызвано отдаленнымъ говоромъ, какъ-будто бы раздавшимся на берегу бухты. Старикъ началъ прислушиваться... но говоръ не повторялся, и только шелестъ шаговъ, да шумъ отъ упавшихъ со скалы камней, слышались теперь нашему пустынноку...

— Это вѣтеръ; мнѣ послышалось! проговорилъ старикъ, снова обращаясь къ своему занятію.

Въ то же время громкій и нетерпѣливый стукъ раздался у дверей мазанки.

— Такъ и есть, это вѣрно путники ищутъ пріюта отъ непогоды; слухъ меня не обманулъ. Кто тутъ?

— Почтительный старикъ, отвѣчала голосъ за дверью, сами земляки, греки изъ Изакры, жалуютъ видѣть вѣсь во весьма важному дѣлу.

Дѣйствительно, когда старикъ отвернулъ дверь, на порогѣ съ показались два рослые, мелодюватые греки, въ красныхъ фескахъ, закутанные въ длинные суконные плащи.

Когда незнакомцы обросли на лавку свои мокрые плащи, старикъ нѣсколько отступилъ отъ гостей на нѣсколько шаговъ, при видѣ ихъ богатаго костюма и щегольскаго вооруженія. Несмотря на ласковый тонъ незнакомцевъ, такой опытный человекъ, какъ нидерманскій отшельникъ, легко догадался, что имѣетъ дѣло съ людьми, которые явились къ нему не съ просьбою о ночлегѣ, но съ дѣломъ поважнѣе этого одолженія. Суровыя смуглыя лица ихъ, отмѣченныя выраженіемъ дерзости и отваги, нѣсколько не отвѣчали роскошнымъ шелковымъ курткамъ, украшеннымъ серебромъ, и богатымъ шалевымъ поясамъ, изъ-за которыхъ сверкала золотая настьчка на кинжалахъ и пистолетахъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ пріятнымъ гостямъ? спросилъ старикъ, оправившись нѣсколько отъ своего недоумѣнія...

— Прежде позвольте узнать ваше имя, св. отецъ? почтительно проговорилъ одинъ изъ незнакомцевъ.

— Константинъ.

— И такъ, отецъ Константинъ, позвольте на одну четверть часа отлучить васъ отъ вашихъ почесанныхъ заматій...

— Даже нешто, чѣмъ на четверть, водхватилъ другой... Не угодно ли вамъ слѣдовать за нами... Но прежде покерно вресить принять вотъ этотъ кошелекъ съ цѣнками. Съ этими словами грекъ бросилъ на лавку небольшой кошачій мѣшокъ, потомъ снялъ со стѣны манку хованца, и съ темъ же почтительностію подалъ ее Константину...

— Но, друзья мои, сказалъ изумленный старикъ: я желаю бы знать, какой услуги вы отъ меня требуете?

— Исполненія вашей обязанности и христіанскаго обряда... Не угодно ли вамъ слѣдовать за нами и обвинять двухъ особъ въ часовикъ Нидерманской скамьи...

Старикъ не зналъ, что отвѣчать на такое предложеніе. Позднее время ночи, странный нарядъ незнакомцевъ, неожиданное ихъ посѣщеніе,—все это смутило его.

— Господа, сказалъ онъ, для меня кажется чрезвычайно страннымъ ваше предложеніе... Неожиданность... такое позднее время...

— Это не ваше дѣло, отецъ Константинъ, пожалуйста съ нами.

— Но я, по-прямой-нѣрѣ, желаю бы знать, кто тѣ, которыхъ...

— Это лишнее...

— Въ такомъ случаѣ я не пойду!

Незнакомцы переглянулись.

— Въ случаѣ вашего несогласія, снавалъ одинъ изъ грековъ, дѣлая медленное движеніе къ иконостасу, намъ волѣно...

— Лучше кончимъ дѣло миролюбиво, отецъ Константинъ, подхватилъ другой... Исполняя этотъ обрядъ, вы не принимаете на совѣсть никакого грѣха...

— Но если этотъ бракъ противенъ уставамъ нашей Церкви.

— Даю вамъ честное слово, что ваши сомнѣнія напрасны...

— Намъ ждуть... Идите... мы и безъ-того потеряли много времени.

Старикъ вышелъ за своими гостями.

Дождь и вѣтеръ, казалось, усилились при первомъ шагѣ незнакомцевъ и Константина за порогъ мазанки. Непроницаемый мракъ царствовалъ кругомъ, журчаніе потоковъ, взвизгъ порывистаго вѣтра и шумный прибой моря, все это навѣвало небольшой страхъ на сердце старика. Къ-тому же таинственность случая, въ которомъ на его долю выпадала одна изъ первыхъ ролей, не могла не занимать его мыслей... Онъ терялся въ тревожныхъ и страшныхъ догадкахъ... Греки шли молча и скоро. Вотъ, наконецъ, открылаея и скала. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ широкое, пробитое въ стѣнѣ окно указываетъ на помѣщеніе часовни, старикъ былъ изумленъ, замѣтивъ въ немъ яркій свѣтъ. Грохотъ слышался въ верхнихъ пещерахъ, по лѣстницѣ мелькали факелы и множество людей, одѣтыхъ совершенно такъ-же, какъ и провожатые Константина. Последніе взяли старика подъ руки и бѣгомъ внесли его наверхъ. При входѣ въ первое отдѣленіе, Константинъ съ ужасомъ отступилъ назадъ, замѣтивъ, что справа, у насѣченной въ стѣнѣ коморки былъ брошенъ огромный камень, за которымъ стояли одинъ на другомъ два гроба. Провожатые не дали очнуться старику отъ изумленія, и быстро ввели его въ церковь. Нѣмое молчаніе воцарилось здѣсь съ появленіемъ отца Константина. Толпа лицъ грозныхъ и мрачныхъ окружала его. Ярко пылали факелы въ рукахъ таинственныхъ посѣтителей Инкерманской скалы, ярко блистало серебро и золото на ихъ одеждѣ и вооруженіи, и ни одного слова, ни одного звука не раздавалось подъ сводами пещеры. Прислонившись къ одной изъ полуразрушенныхъ колоннъ, въ вѣномъ молчаніи стоялъ, повидимому, начальникъ всей этой блестящей толпы. Нарядъ его былъ простъ, но стройный ростъ, взглядъ свѣтлый, полный отваги, и то почтительное отдаленіе, въ которомъ каждый изъ присутствующихъ находился отъ этого человѣка, — все говорило, что все совершается здѣсь по его желанію...

Когда старый грекъ всталъ на свое мѣсто, рослый незнакомецъ

судорожно повернулся къ дверямъ и далъ знакъ рукою. Тогда тихо раздвинулась. Подъ сводами пещеры раздался торжественный звукъ шаговъ, и стройный молодой человекъ взялъ за руку дѣвушку красоты поразительной... Молча, блѣдная, какъ мертвецъ, она опустилась на колѣна. Въ лицѣ жениха замѣчалось менте волненія, но по временамъ взглядъ его, устремленный на распатіе, выражалъ душевную тоску и едва скрываемое отчаяніе.

— Отецъ Константинъ! благословите стоящую передъ вами чету, раздалось изъ толпы....

Обрядъ начался.

— Ваши имена? спросилъ старикъ, обращаясь къ новобрачнымъ.

— Михаилъ и Марія, отвѣчалъ женихъ, тихимъ и прерывистымъ голосомъ.

— Михаилъ! продолжалъ совершавшій обрядъ, — желаешь-ли ты вступить въ бракъ съ стоящею подлѣ тебя Марією?

— Да! и это «да», сопровождаемое глубокимъ вздохомъ, звучно раздалось подъ сводами пещеры.

— Марія! желаешь-ли ты быть супругою стоящаго подлѣ тебя Михаила?.. отвѣчай однимъ словомъ!

Блѣдное и помертвѣлое лицо невесты сверкнуло огнемъ жизни. Глаза ея наполнились слезами, судорожно сжались тонкія губы дѣвушки, и она едва внятно, съ большимъ усиліемъ, сказала: да!

Общій вздохъ всѣхъ присутствовавшихъ и ихъ беспокойное движеніе высказало то участіе, которое принимали они въ новобрачной....

При ея отвѣтѣ, рослый грекъ сдѣлалъ нетерпѣливое, быстрое движеніе впередъ, и въ ту же минуту, какъ будто самъ не одобряя своего скрытнаго намѣренія, онъ съ злобною улыбкою оставилъ пещеру.... Нѣсколько человекъ бросились за нимъ съ факелами.

Обрядъ кончился.... Новый говоръ раздавался въ толпѣ въ то время, какъ тѣ же два незнакомца подошли къ старому греку, и вывели его изъ пещеры....

— Не забудьте, св. отецъ, свершить завтра, здѣсь же, и другой обрядъ! таинственно сказалъ одинъ изъ нихъ....

Выведенный на дорогу, старикъ оглянулся на скалы.... Огни тамъ уже не было, но крупный говоръ и даже крикъ все еще раздавались въ пещерахъ.... Вдругъ зарокоталъ выстрѣлъ, потомъ другой, и съ его отголоскомъ, повтореннымъ эхомъ въ скалахъ, смогло все.... Какъ-будто молчаливыя тѣни усоншихъ теперь двигались на скалахъ въ виду стараго грека.... Медленно и толпами сходили съ горы недавніе зрители брачнаго обряда, направляясь къ берегу бухты.

Черезь полчаса, на смятѣ и на тронившихъ все было пусто и безмолвно. Все минувшее, все совершившееся передъ глазами стараго грека, казалось ему теперь сномъ, тяжелымъ и таинственнымъ. Два гроба, ужасъ и волненіе, изображавшіеся на лицахъ новобрачныхъ, неразгаданныя слова: «отецъ Константинъ, не забудьте завтра совершить и другой обрядъ,» тревожно отзывались въ мысляхъ старика. Въ первую минуту, приведя себя на память выстрѣлы и шумный говоръ, которые раздавались въ пещерѣ по его уходѣ, онъ готовъ былъ подняться на скалу, но невольный страхъ отнял у него всю смѣлость.

Разсвѣтъ былъ близокъ, непогодливая ночь уже смѣнялась холоднымъ утромъ, когда отецъ Константинъ отправился въ таборъ, желая разсказать друзьямъ своимъ о странномъ происшествіи минувшей ночи. Въ цыганскомъ кочевьѣ еще никто не просыпался, и только однѣ сторожевыя собаки съ ласковымъ визгомъ и лаемъ встрѣтили стараго грека.

На этотъ визгъ распахнулся одинъ изъ шатровъ, между доскутьями грязнаго холста мелькнулъ красный тюрбанъ цыганки, и не прошло пяти минутъ, какъ на зовъ ея проснулся весь таборъ.... Старики, дѣти и женщины, всѣ съ изъявленіемъ дружбы и ласки, обступили ранняго гостя.

Общее удивленіе и тысяча догадокъ были слѣдствіемъ необыкновеннаго разсказа, который отецъ Константинъ передалъ друзьямъ своимъ....

— Пойдемте въ Инкерманъ! Пойдемте! Посмотримъ, что ночные гости оставили намъ въ гробахъ!—говорили цыганы....

— И толпа безпечныхъ обитателей бахчисарайской дороги съ громкимъ говоромъ и энергическими восклицаніями двинулась къ скалѣ.

Отецъ Константинъ, сопровождаемый цыганами, поднялся до входа въ пещеру, и въ страшномъ предчувствіи близкой бѣды, съ ужасомъ указалъ на огромный камень, которымъ была задвинута небольшая пещера.

Тотчасъ-же десять рукъ схватились за камень, дружно рванули его впередъ, и бросили на землю.

Вопль изумленія и ужаса раздался въ толпѣ зрителей, когда глаза ихъ встрѣтили страшную картину пещеры....

Въ гробахъ, которые видѣлъ ночью старій грекъ, лежали два труна.... Въ нихъ онъ узналъ Михаила и Марію....

На этомъ мѣстѣ разсказа цыганъ мой остановился, и задумчиво устремилъ глаза на пещеру, игравшую такую замѣчательную роль въ его повѣствованіи.

— Ну, ну — что же дальше? потерявшие связали я. Въ-самом-дѣлѣ странное обстоятельство, досмазывать, сдѣлай одолженіе!

— Эге! Странное... въ разумѣ отозвался онъ, разсѣянно заглянувъ въ окно!

Въ эту минуту, какъ будто кто горячимъ углемъ бросилъ въ лицо моего рассказчика. Почти съ визгомъ онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ и съ крикомъ: «Мои ракушки! мои ракушки... Ясулдагъ, Ясулдагъ, постой!» торопливо бросился внизъ по лѣстницѣ.

Не понимая причины его отчаяннаго крика, я послѣдовала за цыганомъ....

— Ясулдагъ! Ясулдагъ! отдай мои ракушки! кричалъ Цыганъ, поребѣжавшій уже площадку и во всю прыть нустившійся берегомъ бухты, въ то время, какъ какой-то татаринъ, завладѣвъ его лодкою, изъ всѣхъ силъ работалъ веслами, направляясь къ сухарному заводу.

Между-тѣмъ каранинъ, сандѣтель этой сцены, громко, почти до слезъ хототалъ, оставаясь на порогѣ своего духана.

— Ай-да Ясулдагъ!... накрылъ-таки-молодца, говорилъ онъ, не переставая смѣяться.... Таки-вотъ накрылъ! Нашель.... да ужъ я нашель-то въ-время!

— Что это значить, объясни, любезный? спросилъ я... Что сдѣлалось съ моимъ цыганомъ: онъ, какъ угорѣлый, бросился изъ пещеры...

— Съ цыганомъ-то, съ Гаримомъ, который съ вами прѣѣхалъ?

— Ну да.

— А просто, сударь, то, что онъ наловилъ ракушекъ, а Ясулдагъ съѣсть ихъ...

— За что же это?

— А зато, что не воруй... не кради, не обижай, и тебя не обидать. Онъ увелъ изъ корабельной бухты лодку Ясулдага, а тотъ теперь увелъ и лодку, и ракушки.

Между-тѣмъ цыганъ и татаринъ исчезли изъ виду. Я думаю самъ Гаримъ, потерявшій лодку и сотню ракушекъ, не былъ въ такомъ досадномъ положеніи, какъ я. Во-первыхъ, лишенный ветхой гондолы и лохматого гондолъера, я долженъ былъ отправиться къ моему Михею Логинвичу пѣшкомъ, въ обходъ холмовъ и по открытымъ полямъ. Непривычный къ южному солнцу, я приходилъ въ ужасъ при одной мысли объ истомленіи, которею ожидало меня.... Во-вторыхъ, заинтересованный рассказомъ Гарима, я крѣпко досадовалъ на Ясулдага и ракушекъ, лишившихъ меня удовольствія знать конецъ страшной поѣздки, въ которой такъ много было таинственнаго и такая бездна дѣйствующихъ лицъ...

— А какъ ты думаешь, любезный, спросилъ я, снова обращаю къ каранну: дождусь я моего презвѣдника?...

— Ну, не скоро онъ явится, не споро! Онъ теперь будетъ бѣжать за Ясудягомъ до самой южной бухты, тамъ они встрѣтятся, разумѣется, подерутся... А вѣдь ужъ извѣстно, коли цыганъ съ татаринкомъ свяжутся, такъ ихъ и водой не разольешь.

Дѣлать было нечего; обреченный на жон тяжкія испытанія, я расспросилъ о ближней дорогѣ, и побрелъ въ Сѣверную слободку.

Противъ всякаго ожиданія, дорога миновалась для меня быстро и безъ утомленія, чему, разумѣется, много помогало раздумье о разсказѣ цыгана и тѣ догадки, въ которыя я былъ погруженъ, желая хоть самъ, въ свое утѣшеніе, присочинить какой-нибудь конецъ къ этой драматической легендѣ... Вечеромъ оказалось, что я зналъ конецъ, но не зналъ начала, Гаринъ, какъ опытный повѣствователь, воспитанный въ школѣ восточныхъ разсказчиковъ, искусно расположилъ свое повѣствованіе, и началъ его съ конца, чѣмъ удвоилъ интересъ.

Радостною и веселою улыбкою встрѣтилъ меня Михай Логиновичъ, взглянувъ изъ окна мазанки. Лице его, казалось, помолодѣло десятью годами, голова кивала такъ быстро, какъ у гипсового зайчика...

— Пожалуйте-ка, пожалуйста, батюшка, говорилъ онъ, самодовольно потирая руки... Насилу васъ дождался!.. Такой, примѣрно сказать, комплектъ радостей здѣсь составился, что, выходятъ, вы безъ ума отъ всякаго пріятства будете...

— Вотъ, подумалъ я, выдался-же денекъ, въ который я долженъ переходить постоянно отъ изумленія къ другому....

— Пожалуйте-же скорѣй, батюшка; у насъ гость дорогой.

— Гость! Кто такой!

— Да ужъ войдите въ комнату: сами увидите, а пока не скажемъ.

— Макаръ Макаровичъ! вскричалъ я, пораженный неожиданною встрѣчею, и переступая порогъ мазанки.

— Николай Васильичъ, доблестный пенатъ мой, возвращеніе мое, зерно горчичное, принесшее обильные плоды! съ неподдѣльнымъ восторгомъ и умиленіемъ проговорилъ мой старый менторъ.

Менторъ и Телемакъ упали въ объятія другъ-друга. Пятнадцать лѣтъ прошло съ того дня, какъ я расстался съ Макаромъ Макаровичемъ. Въ эти пятнадцать лѣтъ Остроумовъ измѣнился наружне такъ, что только я, да Михай Логиновичъ могли его узнать при неожиданной встрѣчѣ. Это ужъ не былъ тотъ худощавый и блѣдный ученый, который съ такою любовью къ своему предмету толковалъ мнѣ о краснорѣ-

чи, поэзи и спряженіи латинскихъ глаголовъ. Теперь въ Макарь Макаровичѣ мы встрѣчали полнаго, румянаго весельчака, въ форменномъ докторскомъ сюртукѣ.... Теперь добрый другъ нашъ не заикался ни о Дмитріѣ Заографѣ, ни даже о любимцѣ своемъ Тредьяковскомъ. Онъ только говорилъ объ удачныхъ операціяхъ, о смѣлыхъ перевазахъ, объ экспедиціяхъ въ горахъ, о славной жизни на береговой линіи, бранилъ черкесовъ и фельдшеровъ, и не могъ нахвалиться нашими моряками.

Въ обоихъ случаяхъ, Макарь Макаровичъ былъ совершенно правъ, что, въ—послѣдствіи, мнѣ довелось испытать на самомъ дѣлѣ. Разу-мѣется, встрѣча наша не ограничилась одними восклицаніями. Сначала мы обратились, какъ и слѣдовало, къ своему прошедшему, потомъ къ настоящему... Причемъ не обошлось безъ разногласія между Михаемъ Логиновичемъ и Макаромъ Макаровичемъ, когда предметъ разгово-ра обратился къ тому роду службы, который я избралъ себѣ. Побѣда осталась за докторомъ, и съ этой минуты мой старый дядька только однажды, крѣпко подрогнувъ въ бивуачномъ болотѣ, замѣтилъ мнѣ: «Лучше бы было вамъ, сударь, писать: писать вѣдь такъ—сказать учи-ли!» Садясь за нашу дружескую трапезу, я шепнулъ Макару Мака-ровичу нѣсколько словъ о Танечкѣ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ пе-редалъ ему неконченный рассказъ о янкерманской могилѣ. Последнее обстоятельство сильно затронуло любопытство даже и Михея Логиновича.

— Гм! да это что—нибудь не—сирота! глубокомысленно замѣталъ онъ...

— Народное повѣрье! подхватилъ Макарь Макаровичъ, можетъ—быть, и сказка пополамъ съ истинною, но тѣмъ не менѣе я желаю бы знать конецъ ея... Потому особенно, что съ—нѣкоторыхъ—поръ занимаюсь со-бيرانіемъ подобныхъ рассказовъ, и у меня ихъ есть уже запасъ порядочный... Пошатавшись по Россіи, гдѣ съ полкомъ, гдѣ проскакавъ на телегѣ, а гдѣ и погостивъ у добраго помѣщика, я подслушалъ много: такъ—напримѣръ, изъ Смоленской губерніи вывезъ рассказъ объ «*Оча-рованномъ островкѣ*», въ Суздальѣ слышалъ о «*Поганомъ озерѣ*», на берегахъ рѣчки Истыи повстрѣчалъ «*Камни Кудеяра*», или какъ ихъ зовутъ тамъ, «*Каменные крестцы*». Знаю исторіи: «Студе-нецкаго дуба», «Клады кудрявой березы», — Да гдѣ пересчитать всѣ эти легенды о «городѣ Берендеевѣ», о «Гуляй—колоколѣ» и «Васѣ Переяславцѣ»... Языка не хватаетъ! заключилъ словоохотливый Макарь Макаровичъ.

— Любопытно бы, весьма любопытно слышать всѣ эти исторіи, сказалъ Михай Логиновичъ, готовый, какъ казалось, вызвать на—споръ-венность нашего общаго друга.

— Повѣдайте-же, Макарь Макаровичъ, хотя единую повѣсть изъ вашего запаса сказокъ, отъ которыхъ такъ недалеко до исторической правды!.. присоединилъ свой голосъ и я.

— Рассказать не устать—есть старая присказка, старый другъ мой, отвѣчалъ Остроумовъ, да все это у меня уже записано, и при первомъ шагѣ на транспортъ, я предложу тебѣ прочесть мой сборникъ русскихъ повѣрьевъ, а теперь у насъ и безъ-того есть неизсякаемый запасъ рассказовъ... И, не угодно-ли, начнемъ... Однако, что это, продолжалъ онъ... Посмотрите... Чего хочетъ эта курчавая голова, которая такъ наввно торчитъ въ нашемъ окнѣ...

— А! Гаринъ! вскричалъ я, взглянувъ въ окно и замѣчая въ немъ голову моего проводника цыгана, которому несказанно обрадовался.

Цыганъ приподнялъ свою шапку, встряхнулъ ее и положилъ на окно.—За службу, боаръ! сказалъ онъ... Хоть серебра, хоть нѣди — для меня все деньги.

— Кончи твой рассказъ: не будешь въ накладѣ, вскричалъ Макарь Макаровичъ... Честный человекъ, цѣлый карбованецъ дамъ...

— Карбованецъ! съ недоувѣрчивою улыбкой спросилъ Гаринъ... Боаръ шутку любить!

— Нѣтъ, нѣтъ! Досказывай! Иди сюда... Вотъ—на! И свѣтлый цѣлковый упалъ въ шапку изумленного цыгана.

Черезъ минуту, обладатель серебрянаго рубля, выпросивъ у насъ еще старый коверъ въ придачу къ щедрой платѣ Остроумова, наслаждался остатками нашего обѣда, и усердно поедая соленаго гуся, продолжалъ свое повѣствованіе.

Я записываю его не прямо со словъ рассказчика, но какъ сохранила мнѣ его память.

«Въ полдень бахчисарайскій каймаканъ уже былъ извѣщенъ о ночномъ происшествіи Инкерманской скалы. Враги стараго грека какъ нельзя лучше воспользовались этимъ случаемъ. Отецъ Константинъ былъ обвиненъ въ сотнѣ такихъ преступленій, какихъ не совершилъ даже и Кара-Булани, злодѣй, изобрѣтательный на преступленія, и который, какъ узнали въ таборѣ, въ тотъ самый день былъ пойманъ съ своею шайкою на шлюпкѣ у крымскихъ береговъ, гдѣ нынѣ находится Тарханхутскій маякъ.

Вечеромъ, отрядъ вооруженныхъ всадниковъ окружилъ мазанку грека, разогналъ цыганъ, бродившихъ въ Инкерманѣ, и взялъ стараго отца Константина. Купцы, татары и армяне уже запирали свои лавки, духаны и кофейни, когда бѣднаго плѣнника стража ввезла въ тѣсную улицу Бахчисарая. Взрослые встрѣтили арестанта бражью, мальчишки грязью, и

двери смрадной избы, вѣзнявшей тюрьму, надолго затворились за виновнымъ узникомъ.

Вѣра въ Провидѣніе, несчастная жертва печальнаго случая, отецъ Константинъ безтрепетно и равнодушно встрѣтилъ свое горе.

Свѣрхнѣйшій свѣтъ наступившаго сумрака пробивался въ окно, прорѣзанное на высотѣ одной сажени въ тѣсной и грязной коморкѣ, въ которую былъ заключенъ старый грекъ. Полусгнившая рогожа, вѣроятно, назначенная постелью плѣнника, валялась въ углу, да грязная скамья, поставленная подъ окномъ, — вотъ все, что составляло утварь этой коморки. Старикъ былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что наметъ здѣсь: онъ никогда не имѣлъ ложа лучше того, которое теперь встрѣтилъ... За деревянной перегородкой, далеко недостроенной до закопченаго потолка, слышались шорохъ и звонъ цѣпей.

— Вѣрно сосѣдъ мой такой же несчастный, какъ и я! подумалъ старый грекъ, съ тяжелымъ вздохомъ опускаясь на скамью... Хорошо, что эти еще изверги не отняли у меня утѣшеніе дѣлать съ кѣмъ-нибудь свое горе... Тонкая стѣнка и отверстіе вверху даютъ намъ право иногда и побесѣдовать... Еще старый грекъ не успѣлъ кончить своей мысли, какъ тяжелый запоръ загремѣлъ на сосѣднихъ дверяхъ; затѣмъ послышался звукъ оружія и шумъ шаговъ. Въ ту же минуту за перегородкой блеснулъ огонь...

— Кара-Булани! раздался чей-то голосъ въ сосѣднемъ отдѣленіи; милостивому, великому, сильному и славному хану моему, на пресвѣтломъ совѣтѣ мудрыхъ его сановниковъ, угодно было рѣшить, что ты будешь казненъ до восхода солнца...

— Охота же ему такъ рано васъ беспокоить, почтенный вѣстникъ моей радости! насмѣшливо отозвался арестантъ.

— Товарищи твои уже казнены...

— Стало-быть, они счастливѣе меня... Жалко только о томъ, что меня обсчитываютъ, какъ старшаго: голова моя была всегда впереди ихъ...

— Я присланъ къ тебѣ не затѣмъ, чтобы выслушивать твое неудовольствіе...

— А кто тебѣ его навязываетъ... Убирайся!

— Напрасно ты думаешь, разбойникъ...

— Не бранись... и не подходи близко; задумай мои цѣпи... оказалъ заключенный, и желѣза загремѣли на его рукахъ.

— Если онъ еще помевельнется, продолжалъ первый голосъ, какъ бы отвѣчая хладнокровіемъ на дерзкое равнодушіе корсара, и повидному, обращаясь къ окружающей его стражѣ, то выколочите его хорошенько нагайками... Слушай, связаный вѣдь...

— Ну, говори: въ скучѣ и дуракъ товарищъ...

— Въ нагайки его!..

— Подступись!..

И снова слышно было, какъ звѣня скрестилась цѣпь на рукахъ арестанта?.. Казалось, никто не шелохнулся съ мѣста...

— Удавить меня можете! насмѣшливо сказалъ Кара-Булаки, не ожидая своего грознаго положенія; а можете потому, продолжалъ онъ, что Кара-Булаки будетъ спать...

— Но прежде, чѣмъ ты уснешь, съ тѣмъ, чтобы никогда не проспать, — Каймаканъ еще разъ спрашиваетъ у тебя: гдѣ скрыты награбленные тобою сокровища?..

— Зачѣмъ же ему награбленное?

— Дай мнѣ сказать тебѣ то, что велѣлъ сказать онъ, и потомъ думай, что хочешь...

— Очень обязанъ тебѣ и многомудрому Каймакану зато, что могу думать съ вашего позволенія...

— Если же, продолжалъ татаринъ, ты не скажешь добровольно — то тебя будемъ пытать. Прощай! Два часа сроку... Да еще надо добавить тебѣ:

— Еще что-нибудь? Не много ли?

— У тебя есть сосѣдъ, такой же гауръ, какъ и ты. Если пожелаешь за нѣсколько часовъ до смерти побесѣдовать съ нимъ, то я позволю. Прощай...

— Аларсыкъ! (спасибо!) насмѣшливо отозвался Кара-Булаки, — въ ту минуту, какъ снова тяжелый запоръ загремѣлъ на его двери и звѣрные шаги часовыхъ вибѣтъ съ звукомъ оружія раздались по корридору. Снова все смолкло. Тишина темничнаго спокойствія теперь нарушалась только шелестомъ шаговъ часовыхъ, прохаживавшихся у дверей заключенныхъ и подъ окнами ихъ.

Старый грекъ, невольный свидѣтель сцены, происходившей за перегородкой, погружался въ грустное раздумье. Ему, какъ человѣку, боготворившему жизнь добродѣтели и упованія въ святой Промыслъ, тяжело и грустно стало за равнодушіе своего сосѣда, который за часъ, или за два передъ смертію не высказалъ ни одной мысли раскаянія.

Еще долго бы онъ предавался этимъ печальнымъ думамъ, какъ громкій звонъ цѣпей въ сосѣдней комнатѣ, потомъ звонкое паденіе тяжелаго тѣла и, наконецъ, шорохъ на закраинѣ перегородки вывели его изъ задумчивости.

Старикъ приподнял голову и съ крикомъ: «Какъ, это ты!» бросился впередъ.

— Отецъ Константинъ! съ тѣмъ же изумленіемъ повторилъ Кара-Булани, въ эту минуту взобравшійся на перегородку.

Въ лицѣ своего товарища, старый грекъ узналъ того самого начальника незнакомой толпы, которая накануне заставила его обвѣщать несчастную чету.

— Зачѣмъ ты здѣсь, старикъ? спросилъ Кара-Булани.

— Враги хотятъ моей смерти. Для нихъ нашелся наконецъ вѣршій предлогъ обвинить меня. Я знаю свой конецъ: не боюсь его и умру безъ ропота. Но, Кара-Булани! Утѣшь, успокой послѣднія минуты старика, умри христіаниномъ! Раскайся и я первый прошу тебѣ мои страданія... Я буду молиться за тебя... Раскайся, помолился вѣстѣ.

— Отецъ Константинъ, вѣрь мнѣ, я уже раскался... молиться готовъ: молитва будетъ послѣднимъ моимъ словомъ, отвѣтъ заключенный. Но прежде выслушай меня, продолжалъ онъ: я расскажу тебѣ все; еще никто не знаетъ всей грустной и позорной исторіи моей жизни... Слушай... Что я скажу—то нужно тебѣ знать для твоего спасенія.

«Я родился на Ипсарѣ; отецъ мой былъ простой рыбакъ, но, къ чести его, старый, извѣданный врагъ турокъ, врагъ по крови! Однажды, въ праздникъ, толпа молодыхъ ипсаріотовъ подражалъ съ жутостью мнѣ... Ночью, комендантъ острова, отищая грекамъ, съ вѣтком солдатъ напалъ на домы нашихъ рыбаковъ, перерѣзалъ ихъ женъ, стариковъ и дѣтей... Въ это же время грудной младенецъ, родной братъ мой, былъ вырванъ изъ рукъ матери и брошенъ вѣстѣ съ нею въ море. Съ-тѣхъ-поръ отецъ мой поклялся вѣчною ненавистью, вѣчнымъ мщеніемъ врагамъ своимъ, и сдержалъ свое слово! Я уже былъ имъ въ возрастѣ. Какъ теперь помню бурныя непогоды, темныя ночи, разгульный вѣтеръ на морѣ и тѣ страшныя, но любопытныя сцены, которыя были первымъ шагомъ въ моей жизни. Рано утромъ, отецъ мой оставялъ берегъ. Въ лодку садился: онъ, я и молодецъ Марко, сирота, родной племянникъ моего отца. Подъ парусъ, брошенный на двоѣ людей, мы имѣли обыкновеніе прятать нару винтовокъ, два топора и чрезвычайный запасъ пудъ и пороху. Далеко и безстрашно, на своемъ востановкѣ какъ, уходили мы отъ родныхъ береговъ,—терпя иногда страшныя штурмы и гуляя въ морѣ дней по пяти и больше. Не рыбу удляли мы тамъ; мы ждали славной встрѣчи съ какою-нибудь турецкою лодченкомъ, или бы она на пять кабельтововъ ушла отъ своего суна... При этой встрѣчѣ мы смѣло настѣгали враговъ,—смѣло принимали ихъ на штурмъ винтовокъ, и топоръ кончалъ все дѣло! Случалось, что штурмъ наш даромъ пускался на очевидную опасность. Были встрѣчи, которыя мы удляли золотую рыбу: намъ попадались чуждыя лодки»

руку и грузы и цѣпями. Отецъ мой былъ старый морякъ, катрый, осторожный, и всегда такъ разрывалъ монетъ, что ни одного поворота, ни одного пятна крови не оставалось на немъ.

Разъ, какъ-то осенью, непогода заставила насъ спуститься въ острову Хю. Два дня мы проплутали въ морѣ безъ добычи и встрѣчи, а тутъ, на третій, еще пришлось пристѣчь тамъ, гдѣ не было ни родной, ни знакомыхъ. Отецъ былъ возбужденъ до неистовства....

— Держись въ виду береговъ, сказалъ онъ.... Я на руль: волна не ударитъ въ банкъ.... выждемъ кого-нибудь!

— Но кого-же? ронялся замѣтить Марко, всегда безгласный исполнитель воли моего отца.

— Кого! вскричалъ разсерженный отецъ... Ты уже наконецъ не вѣришь своимъ глазамъ, моей омытности!..

— Я ничего не вижу, капитанъ....

— Не видишь?

И старикъ, схвативъ за плечо своего плаванщика, почти бросилъ его на гдѣсь бортъ судна.

— Смотри! сказалъ онъ: вонъ турецкая кочерма, богатая, съ дорогими грузомъ. Видишь ли на ней траву и хлопоты? Турки хотятъ свозить товаръ. Я знаю, продолжалъ онъ, что они боятся съ кочермою остаться на ночь у береговъ.... Держись на веслахъ, говорю! Первая лодка—вашъ призь!

Зыбь была такъ сильна, что банкъ нашъ беспрестанно заливало, и мы едва, съ большими усиліями, успѣвали отбивать воду. Долго не видя встрѣчнаго банка, отецъ мой, наконецъ, рѣшился стать за неблагодарный мысомъ, съ котораго открывался пространный видъ на море.

Смеркалось, когда мы завидѣли небольшую лодочку, оттолкнувшеюся отъ борта кочермы. Въ это время, четыре хюса, занимавшеяся, какъ они признались намъ, однимъ съ нами ремесломъ, перешли на нашу лодку. Все хорошо вооруженные, мы вышли на видъ острова и открыли перевалъ нашимъ недругамъ.

Въ разстояніи pistolетнаго выстрѣла, легко можно было разглядѣть, что на встрѣчной лодкѣ находилось четыре вооруженные матроса, нѣсколько типовъ съ товарами и женщина безъ чадры! По костюму легко было признать въ ней гречанку. Дѣйствительно, это была прекрасная дѣвушка. Какъ теперь помню ея правильное личико, блѣдное отъ страха, но прекрасное, полное еще той юной, дѣвственной снѣжности, когда женщина только что похота печатъ жизнь съ ея мечтами и очарованіями. Турки не подозрѣвали нашего намѣренія, и шло намъ на насъ. Мы были почти бортъ о бортъ, и я легко могъ любоваться красавицею. Встрѣченный

мною взглядъ ея такъ далеко западалъ мнѣ въ душу, что въ эту минуту я уже не боялся ни ятагана, ни пули, — готовый на жизнь и смерть, лишь бы выручить мое сокровище. Да! съ той минуты эта дѣвушка стала мечтою моею жизни, жизни, которую бы я ей отдалъ всю, всю — до послѣдняго вздоха — за одну ласку, за одинъ взглядъ!

Въ совершенномъ забытѣи и восторгѣ оставался я на веслахъ, какъ вдругъ голосъ отца: Къ ружью! на бордажъ — дѣти! зазвучалъ подъ моиъ ухомъ. Мы сѣвшились. Первый, на уставленные книжалы и ятаганы, — вспрыгнулъ въ турецкій канкъ я, положивъ рулевого выстрѣломъ изъ пистолета. Вокругъ меня кипѣла отчаянная, страшная борьба.... Лодка ныряла въ зыби моря, качаемая тяжелыми тѣлами ратоборствующихъ.... Я ничего не помнилъ, и не принималъ даже участія въ общей свалкѣ, оставаясь вѣрнымъ стражемъ моею пѣвицы.... Не трудно было смекнуть, что наши новые друзья были люди опытные въ своемъ ремеслѣ, и при ихъ помощи бордажъ кончился въ нѣсколько минутъ... Матросы полетѣли за бортъ, тѣки перепрыгнули въ нашъ канкъ, пѣвица была перенесена тудаже; послѣ чего отецъ, по своему немѣтному обыкновению, прорубилъ дно турецкой лодки.

Только въ эту минуту, когда все на нашемъ канкѣ приняло свой видъ, отецъ замѣтилъ дѣвущку.

— Эге, весело говорилъ онъ, пристально взглянувъ на меня: ты, какъ я вижу, подаешь большія надежды, и успѣваешь въ двухъ дѣлахъ, гдѣ и съ однимъ трудно справиться....

— Правда, дядя, Кара-Булани, замѣтилъ Марко, въ то время, какъ я, обливая холодною водою блѣдное лицо дѣвочки, старался привести ее въ чувство: нашъ Карпъ связалъ рулевого и въ тоже время снялъ душу христіанскую....

— А, что думаешь! откликнулся отецъ — вѣдь и въ-самомъ-дѣлѣ спасъ....

— Эге! Надо быть слѣпымъ, замѣтилъ одинъ изъ нашихъ новыхъ друзей, чтобы не догадаться, откуда и для чего попало въ несчастнымъ руки это сокровище....

— Правда, товарищъ, подсказалъ другой.... Я готовъ прозакладывать мою голову, если она не дочь какого-нибудь нашего несчастнаго земляка, котораго уходили невѣрные, — съ тѣмъ, чтобы подарить ханскаго пашу.

— По совѣсти, я не радуюсь такъ этимъ двумъ связкамъ съ марковою тканью, какъ спасенію бѣдной пѣвицы, говорилъ отецъ.... Довольно! Довольно, Карпъ! продолжалъ онъ.... перестань ее обливать водою.... Слава Богу.... Дѣвушка дышетъ.... очнулась.... Въ

мой плащъ; напрой ее... она дрожитъ отъ холода... Ну! друзья... на весла! За нами гонятся съ кочермы....

— Да куда имъ! безнечко замѣтить Марко: эти длинныя боролы даже и вылавировать не могутъ.... вонъ плать ихъ завертѣло на одномъ мѣстѣ!

— Къ тому же, они, кажется, въ большомъ раздумьи: стрѣлать ли во соколу, котораго едва видно въ небѣ!

— Боятся вѣтра и насъ!

— Однако, друзья, замѣтилъ отецъ — дальше отъ воды, ближе къ дому.... Ну! живо! на Ипсару.

На этомъ словѣ между отцомъ и нашими новыми товарищами завязался небольшой споръ. Вида въ немъ опытнаго морехода и готовые дѣлать съ нимъ всѣ будущіе подвиги, — они крѣпко наставляли теперь на томъ, чтобы намъ переночевать въ прибрежныхъ скалахъ Хиоса.

— А враги! сказалъ отецъ.

— Да, кто-же насъ слышитъ, когда мы забьемся въ такую трещину, куда не залеталъ еще и черный коршунъ...

— Э... эхъ, друзья!... въ нашемъ дѣлѣ, осторожность важное дѣло; оплошай минуту: плачься цѣлый вѣкъ.... Теперь мы измучены, устали, сонъ одолжаетъ насъ, а что, если насъ выслѣдятъ?

— Да не можетъ быть этого, клянусь тебѣ твоими удачами! сказалъ хиосецъ.... Къ тому же, гляди, какъ заволокло небо черными тучами; вѣтеръ съ минуты на минуту становится порывистѣе и, право, благоразуміе требуетъ, чтобы мы провели ночь на берегу... Довѣрься намъ, старикъ!

— Быть такъ! сказалъ отецъ, больше убѣждаясь опасностію, какая представлялась теперь во-время ночнаго и бурнаго плаванія, чѣмъ доводами своихъ новыхъ друзей.

Одинъ изъ нихъ всталъ на руль, и лодка наша, круто обогнувъ несчастный мысъ, пошла къ скаламъ, у подошвы которыхъ стлался мелкій кустарникъ.

Между-тѣмъ, спутница наша, испуганная страшной сценой abordaжа и оставшаяся до настоящей минуты безъ всякихъ признаковъ жизни, пришла наконецъ въ чувство. Отецъ мой предложилъ ей нѣсколько капель вина, и снова тихимъ, спокойнымъ, дѣвушка уснула на моихъ рукахъ. Затанувъ дыханіе, стараюсь избѣгать малѣйшаго движенія, и оставался подлѣ сокровища, мною завоеваннаго, сторожа каждый ея вздохъ, малѣйшее колебаніе ея груди....

Мрачная ночь застигла насъ подъ скалами. Мы уже миновали опасныя буруны, и скоро лодка наша, ловко направленная опытною рукою

рулевого, вѣзлась на отшель, совершенно скрытая въ кушѣ кустарника....

Но врагъ не дремалъ; онъ издали слѣдилъ за нами. Безпечно, или, лучше сказать, на этотъ разъ завятое одушевленіемъ и веселымъ разговоромъ о нашей удачѣ,—мы не замѣчали преслѣдователей.

Труды и тревоги цѣлаго дня были такъ велики, что товарищи мои, не исключая даже и отца, при первомъ шагѣ на землю, разостлавъ на влажной травѣ свои плащи, скоро заснули богатырскими сномъ. Не онагъ только я, оставалась еще въ канцѣ, и боюсь потревожить сонъ дѣвушки. Въ полночь она проснулась. Тревожный крикъ, вырвавшейся изъ груди ея, выказавъ ея страхъ, она отшатнулась отъ меня и бросилась въ нормовую часть канна....

— Если ты врагъ, сказала она.... не подходи! Если братъ христіанинъ, то зачѣмъ идешь со мною, въ полночь, въ этихъ скалахъ?

Дрожа всѣмъ тѣломъ, она осмотрѣлась кругомъ, и какъ бы успокоенная при взглядѣ на плащъ, покрывавшій ея плеча, тихо спустилась на бортъ лодки:

— Да, да! продолжала она, въ раздумьи... Теперь помню.... выстрѣлы, крика.... Потому добрый старичекъ, молодой писарюгъ... Слава Богу, я у своихъ!..

— У своихъ, у вѣрныхъ и преданныхъ тебѣ друзей! рѣшился отвѣчать я,

На мой голосъ дѣвушка подняла голову, и остановила на мнѣ долгій и внимательный взглядъ.

— Ахъ... это ты! Теперь я тебя помню.... Ты первый прыгнуть въ нашу лодку, потому, когда я на минуту очнулась, то опять встрѣтила тебя.... Спасибо тебѣ, храбрый землякъ.... Еслибы у меня былъ братъ, или отецъ.... о, какую бы честною, вѣрною дружбой они занялись тебѣ.... Но Марія—сирота, бѣдная, безпріютная....

Казалось тяжелою воспоминанія родилась въ душѣ дѣвушки при послѣдней мысли. Она закрыла лицо полою плаща и тихо зарыдала.

— Гдѣ же твои кровные? спросила я, въ припадкѣ состраданія, сжиманнаго съ почтительною любовью, взявъ дрожавшую руку моей собесѣдницы.

— Гдѣ кровные? повторила она... Убиты! Шесть дней тому назадъ, какъ ихъ отняли у меня... Братъ застрѣленъ, отецъ, мой храбрый отецъ, краса нашихъ горесныхъ кустовъ, былъ повѣшенъ въ мошкѣ глазахъ, а я продана хіосскому пашѣ... Вы спасли меня, и Богъ наградитъ васъ... Пейду опять въ мою родину, быть-можетъ, старую друга не забудутъ меня, вернуть сироту и отыскать за меня.

— Марія! Если у тебя есть никого, сказалъ я, то я и отецъ замѣнимъ тебѣ отца и брата — мы твои мстители!..

Въ эту минуту дѣвушка вздрогнула, и со страхомъ, блѣднѣя, указала впередъ...

— Смотри!.. прошептала она... Бей ихъ! бей... Стрѣлай! Гдѣ твои товарищи?..

Но бѣда наша совершилась.

Несчастная поздно замѣтила подкрывшагося врага. — Толпа звѣрски улыбающихся лицъ окружила моихъ товарищей — они были подъ кинжалами... Въ то же мгновеніе, я еще не успѣлъ положить пальца на курокъ пистолета, какъ былъ брошенъ на дно канка, связанный по рукамъ и ногамъ...

— Отецъ! Гибнемъ! враги! Просиясь! въ изступленіи отчаяніи крикнулъ я.

На крикъ мой отвѣтило нѣсколько выстрѣловъ, потомъ протяжные стоны раненныхъ, и скоро все смолкло.

Отецъ мой былъ убитъ на повалѣ, Марко тоже; двое изъ нашихъ друзей бѣжали, двое, раненные, были брошены въ одну со мною лодку.

Я обезпамятѣлъ отъ горя, и уже очнулся точно въ такихъ чертогахъ, въ какихъ нахожусь и въ настоящую минуту.

Жаръ-Буланъ горько улыбнулся, на минуту задумался и продолжалъ.

Тяжело было мнѣ! Еще въ тѣ годы, отецъ Константинъ, душа моя не окрѣпла въ встрѣчныхъ бѣдахъ, еще не притупило чувство любви къ жизни, къ родинѣ, къ счастливой долѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ... страшно мною въ двадцать лѣтъ потерять свободу, отца, — съ мыслию о вѣрной казни, съ думою о томъ, что никто не отмститъ за меня, и наконецъ, съ тоскою за судьбу той, которая заронила въ сердце первую искру любви. Безчувственный, какъ мертвецъ, я просидѣлъ до полдня на грязной соломѣ, и только чей-то долгій и протажный стонъ, раздавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, могъ вывести меня изъ оцѣпененія и забытья...

Я поднималъ голову, и бѣдное сердце мое снова заняло при взглядѣ на окружающіе меня предметы. Узкій и мрачный коридоръ былъ мѣстомъ моего заключенія; по стѣнамъ его струились потоки сырости, кое-гдѣ раскидывалась паутина, да вверху, на недосагаемой высотѣ, въ крошечное окно—пробивался свѣтъ дня, падая на блѣдныя лица моихъ товарищей; въ углу, у двери, дремалъ сторожевой турокъ.

Вырванный изъ забытья стономъ одного изъ раненныхъ моихъ друзей, я подползъ къ нему, желая облегчить его страданія, хотя словомъ утѣшенія.

— Что мой бѣдный другъ? тихо спросилъ я.

— А!.. Это ты, Карпъ, слабо отозвался онъ... Ради Бога, дай мнѣ пить... Грудь взныла и сгорѣла отъ жажды!.. Смотри, какая возлѣ меня лужа крови... Ночью я нарочно оборвалъ всѣ перевязки... умру скорѣе... Товарищъ счастливѣе меня... загляни ему въ лицо... Прислушайся: онъ уже не дышетъ... Пить, ради Бога, дай пить, Карпъ!...

Съ этими словами раненный судорожно приподнялся на локтяхъ и съ тихимъ стономъ упалъ на землю. Когда я подошелъ къ нему съ черепкомъ, въ которомъ для заключенныхъ находилась вода,—мой товарищъ былъ уже холоденъ..

Свидѣтель этой сцены, стражъ оставался совершеннымъ истуканомъ; онъ только тогда пошевельнулся и схватился за атаганъ, когда я рѣшился подойти къ нему — не помню съ какимъ-то вопросомъ.

— Пошелъ на свое мѣсто! грозно крикнулъ онъ, заслоня тѣломъ своимъ дверь и не отводя руки отъ атагана.

Надо было повиноваться. Желая успокоить надзираваго за мною стража, я снова прилежъ на свою солому.

Понятно, что въ эти минуты всѣ мои мысли стремились къ одной цѣли... Я зналъ, что чрезъ нѣсколько часовъ, вѣрнѣе на утро, меня ждетъ веревка, и желалъ всѣми силами души своей избавиться отъ казни. Но откуда и отъ кого было мнѣ ждать спасенія? У двери вооруженный стражъ, кругомъ голыя стѣны, и ни окна, ни скважины. Для всякаго другаго мысль о побѣгѣ казалась бы сумасбродствомъ, но я, перебравъ въ своей памяти тысячу подобныхъ исторій, когда-то слышанныхъ мною, остановился на одномъ рѣшительномъ планѣ. Я думалъ, если я ночью буду оставленъ несвязаннымъ и несквозаннымъ, то брошусь на моего стража, обезоружу его и... потомъ спасенъ. Если же не успѣю, то все-таки умру не на веревкѣ, но вѣрно въ борьбѣ съ моимъ сторожемъ.

Эта мысль меня ободрила. Въ тоскливомъ нетерпѣннѣи я дождался наконецъ вечера. Съ первымъ сумракомъ солдатъ оставилъ свое спокойное и неподвижное положеніе, взвелъ курки пистолетовъ и положилъ ихъ на лавку, началъ прохаживаться у двери, на пространствѣ пяти, или четырехъ шаговъ. Почти каждое мгновеніе онъ останавливался, ведевѣрчиво поглядывалъ на меня, и съ какимъ-то нетерпѣннѣемъ прислушивался къ малѣйшему шороху, раздававшемуся за дверьми. Я понималъ, что мой аргоусъ ждетъ огня и смѣны, и отложилъ свое намѣреніе на нѣсколько часовъ. Дѣйствительно — скоро за стѣною моей темницы зазвучали шаги, раздался ударъ въ дверь и окликъ.

Турокъ флегматически опустилъ руку въ карманъ своихъ шалваръ, вынулъ оттуда ключъ, и выпустилъ смѣившаго его албанца.

Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ перваго часоваго явились четыре носильщика, съ угрозами и бранью взывали на носильки трупы моихъ друзей и вынесли ихъ. Албанецъ повторилъ маневръ своего товарища, также заперъ дверь и также спряталъ ключъ въ свои шалвары, затянулъ безконечную и до крайности скучную пѣсню, и утѣся на лавку... Я притворился спящимъ.

Время тянулось для меня невыносимо медленно. Нѣсколько обрадованный оплошностію моихъ враговъ и тою свободою, какою пользовались мои руки и ноги, я только ждалъ первой дремоты албанца. Но какъ нарочно пѣсня его не смолкала, и только изрѣдка отвѣчалъ на нее отдаленный протяжный голосъ переключавшейся стражи.

Я уже начиналъ терять свое хладнокровіе, готовый рѣшиться на открытое нападеніе, не дожидаясь минуты, въ которую вздремнетъ пѣвецъ, какъ съ несказаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, что голосъ его началъ слабѣть, дѣлался прерывистымъ съ каждымъ новымъ звукомъ... Наконецъ замеръ напѣвъ, такъ долго тревожившій меня. Могильная тишина водворилась въ моемъ заключеніи. Посторонній человекъ легко бы могъ подслушать біеніе моего встревоженнаго сердца и малѣйшій шелестъ, отъ упавшей со стѣны штукатурки.

Осторожно выждавъ нѣсколько минутъ, я приподнялся и остановилъ внимательный взглядъ на албанца. Солдатъ дремалъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, и иногда, тревожно раскрывъ глаза, поглядывалъ въ темный уголъ коридора, гдѣ находился я. Мѣшкать и задумываться было напрасно... Да и сказать откровенно: дѣйствуя нерѣшительно и проигрывалъ, а смѣло ида впередъ, могъ быть спасенъ. Вотъ еще разъ покачнулся задремавшій стражъ, еще разъ въ-полглаза взглянулъ на меня, и отяжелѣвшая голова его упала на грудь. Затанвъ дыханіе, я подползъ къ нему, держась темною стѣною. На шагъ отъ албанца я быстро приподнялся, въ одинъ прыжокъ сталъ лицомъ къ лицу съ нимъ, и не теряя ни мгновенія, обѣими руками сдавилъ ему горло и бросилъ его на землю...

— Сынъ храбраго Кара-Булази, что ты дѣлаешь! простовалъ албанецъ, въ то время, какъ я завладѣлъ уже его кинжаломъ... Проклятіе на твою голову, безсовѣстный убійца — ты нападаешь на соннаго!

— А развѣ не сонный умеръ отецъ мой подъ ножомъ твоихъ друзей? отвѣчалъ я. Я еще снисходительнѣе васъ, и дамъ тебѣ умереть въ просонья!

— Остановись!..

— Не время... Мне нужна свобода, а къ ней я только перейду чрезъ трупъ твой...

— Пользуйся ею... и кланусь прахомъ отца моего, а тебя не дождь-цаю... Вотъ ключъ, въ лѣвомъ карманѣ моихъ пальто... Сладки мнѣ руки, завязи ротъ — если не доверяешь: но оставь мнѣ жизнь!..

Жалокъ былъ врагъ мой — я согласился. Онъ былъ нѣтъ и скро-манъ, какъ овца. Широкою поясомъ албанца я скрутилъ ему руки, а своимъ завязалъ ротъ, и завладѣвъ курткой и фескою солдата, вышелъ на пространный дворъ тюрьмы, который отдѣлялся высокою стѣною отъ дворцоваго сада наши.

Встрѣченные мною нѣсколько челоуѣкъ изъ стражи не обратили на меня никакого вниманія... Самое трудное и опасное дѣло было совершено, оставалось выбраться съ двора. Но здѣсь-то я и встрѣтилъ препятствія, замедлившія мой побѣгъ и прибавившія на мою долю еще два, три коштанія. Ворота темничаго двора, единственный выходъ на дворъ, — загороживались на ночь высокою рогаткой; при ней оставались двое часовыхъ неотходно, а тутъ, на мое несчастіе, случилось, что у разведенныхъ огней, по случаю холодной ночи, на шагъ отъ рогатки, грѣлся цѣлый караулъ. Пройти мимо его незамѣченнымъ рѣшительно было невозможно; къ тому же и ключъ отъ выхода находился, какъ я зналъ, у чауша. Это обстоятельство имѣло меня не надолго твердости; какую минуту я жалалъ, что меня откроютъ; однако же скоро ободрился, замѣтивъ, что по осмыслившейся стѣнкѣ легко можно перебраться въ садъ наши... Незная и не разсуждая о томъ, какими путями я выйду отсюда, я рѣшился! Удачно и никѣмъ незамѣченный, я скоро вскарабкался на вершину стѣнки, оглянулся вправо, влѣво, и прыгнулъ въ садъ.... Какъ разноцвѣтные огоньки сверкали въ этомъ пріютѣ роскоши и дородства, да прямо отъ меня, на исходѣ алканъ, въ освѣщенномъ кіоскѣ, слышались звуки люти и пѣсень. Совершенно позабывая на мои удачу, я перебрался къ восточной стѣнѣ сада, и пользуясь тѣнью тополей и гранатъ, сталъ пробираться впередъ, надѣясь найти выходъ и свѣтлость для того, чтобы заглянуть въ кіоскъ, на красивыхъ женъ кіоскаго наши... Разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ — мнѣ хотѣлось видѣть сиротку Марію. Малѣйшій шорохъ въ кустахъ, малѣйшее тремтаніе древесной вѣтви пугали мой встревоженный слухъ, и я, затанувъ дыханіе, часто, припадалъ на землю — со страхомъ озираюсь кругомъ.

Я уже былъ близокъ къ кіоску, какъ вдругъ, позади меня раздался шестъ шаговъ, я бросился въ кусты, и дрожа отъ ужаса, замѣтилъ двухъ мужчинъ, которые медленно приближались, остановившись тамъ, гдѣ я скрывался.

— Осмотрѣлъ-ли выходы? восклицаніиъ голосомъ спросилъ первый.

— Осмотрѣлъ, ага, почтительно отвѣчалъ второй, положивъ руку на сердце.

— Странно! продолжалъ сдѣлавшій вопросъ: не можетъ быть, чтобы наши зоркіе глаза обманывались, Меджи?

— Нѣтъ, мы не ошиблись, ага; я, вотъ какъ тебя вижу, ага, такъ точно видѣлъ и его, когда онъ спрыгнулъ со стѣнки и въ ту же минуту, какъ сквозь землю провалился...

— Хорошо, Меджи! Если это шалить кто-нибудь изъ офицеровъ нашего гарнизона... думай такъ: я еще вчера за стѣною нашель кинутый кѣмъ-то селямъ... то мы его ирѣучимъ по своему! Выбраться отсюда иначе нельзя, какъ тою же дорогой, которою онъ прошелъ, а у стѣнки я уже распорядился поставить ловушку... завтра найдешь звѣрка...

— Я всю ночь не усну, ага; буду караулить...

— Такъ, такъ Меджи! Проклятая стѣна... надо же было ей обсыпаться... За такую глупость долго ли отвѣтитъ патками...

— Ужъ! ага... я просто худѣю отъ страха... ну, что если узнаетъ паша?

— Патки наши пропали, Меджи! Иди же къ калиткѣ, отвори ее... а я забѣгу унять женщину: пора имъ спать.

Говорившій отправился къ кіоску, а Меджи вдоль стѣны, мимо дѣлаго ряда фонтановъ.

Не было никакого сомнѣнія, что эти два человѣка преслѣдовали меня. Сердце мое забиле странную тревогу... Гибель моя казалась неизбежною. Въ отчаяніи я рѣшился во что бы ни стало завладѣть ключами гарнизонаго стража, которому было приказано отворить калитку. Я уже сталъ выбираться изъ куста, чтобы привести въ исполненіе мою счастливую попытку, какъ пораженный новою встрѣчею, почти окаменѣлъ на мѣстѣ. На шагъ отъ меня, притавившійся за фонтаномъ, лежалъ человѣкъ! Я еще не успѣлъ придти въ себя, какъ онъ уже былъ на ногахъ и пара его пистолетовъ какъ тутъ расположились у боковыхъ кармановъ моей куртки.

— Ни съѣвета и ни слова! шепнулъ онъ... не то! и черные блестящіе глаза его выразили такую фразу, отъ которой у всякаго безстрашнаго поселенца бы въ глазахъ и закружилась голова... опустился на землю... Живо! продолжалъ онъ также тихо, какъ и началъ: я не хочу, чтобы эта сторожевая собака на меня залаяла. При этомъ онъ указалъ на удалявшася Меджи.

Онъ нырнулъ въ кусты.

Здѣсь, въ первую минуту произошло между нами довольно сѣйшая омова, надъ которой я, послѣ, отъ души посялся. Едва только мы упали на землю, какъ оба схватили другъ друга за горло, положивъ другую руку на кинжалъ.

— Кто ты?!

— Ты кто?!

— Те! Негромко! зашѣтилъ онъ.

— Ага! ты трусишь? шепнулъ я... Ну, такъ мы не враги...

— Почему же? Развѣ и ты трусишь?

— Трушу быть въ лапахъ гаремнаго стража...

— Э! Не твоя предательская феска?

— Не моя... Я снялъ ее со стража темницы, изъ которой только это вырвался.

— Да ты грекъ?

— Грекъ, а ты?

— Кровный...

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Это моя тайна...

— Не говори.

— Чтѣ же тебѣ вдувалось, уйдя съ цѣпи, непрерывно прогуливаться въ саду шахи, а не подалеже отъ висѣльщицы?

— Это моя тайна...

— Послушай! Перестанемъ говорить загадками...

— Изволь, будемъ откровенны: я самъ хотѣлъ просить тебя объ этомъ... къ тому же встрѣчный другъ опасность велика и время дорого.

— Изволь, изволь: будемъ откровенны...

— Во-первыхъ, сказалъ я.. надо знать: действительно ли зарезаны твои пистолеты?...

— Въ каждомъ изъ нихъ по двѣ пули... Зарядъ щедрый и вѣрный.

— Прекрасно, а я, какъ видишь, вооруженъ однимъ только кинжаломъ, и потому прошу тебя подѣлиться твоимъ вооруженіемъ...

— Я готовъ, но для чего?

— А вотъ, мы сейчасъ приступимъ къ рѣшительному дѣлу... нападѣмъ на стража, для того, чтобы отнять у него ключи, и если намъ извѣстны кинжалы, если у этой сторожевой собаки, какъ ты называешь почтеннаго Меджи, глотка также широка, какъ и его карманы... то намъ, немудрено, придется умирать и отстрѣливаться.

Незнакомецъ улыбнулся.

— Вижу, пріятель, шепнулъ онъ, что ты действительно въ нормаль

разъ гостинь у хюсскаго пани, и безъ моей встрѣчи легше могъ бы узнать, изъ какой пеньки вьются турецкія веревки... Планъ твой и твой удакъ въ настоящую минуту никуда не годятся... Это крайность...

— А мы развѣ не въ крайности?

— Нѣтъ.

— Гмъ, помимаю; у тебя есть лазейка?...

— У меня есть добрый товарищъ, крѣпкій, какъ слово честнаго кавента... вотъ онъ.

Съ этими словами говорившій ослаблялъ своей широкой поясъ, и самодеvolmente улыбаясь, показалъ мнѣ веревочную лѣстницу...

— Пойдемъ! сказалъ онъ. Мнѣ теперь дѣлать нечего. Къ-тому же, заключая изъ словъ блюстителя гарема, ты насторожилъ его глаза и уши... Слѣдуй за мною... Я знаю здѣсь всѣ тропинки и уголки... вотъ уже третью ночь коротаю у этихъ фонтановъ... Идемъ.

Обрадованный благотвѣльной встрѣчей съ незнакомцемъ, я молча слѣдовалъ за нимъ по неизвѣстнымъ дорожкамъ сада. Часто онъ останавливался, внимательно прислушивался, то прилегалъ за кусты, то ползъ между ними, обнюхивая, казалось, самый воздухъ... ухо его было изумительно чутко, ловкость и быстрота въ движеніяхъ могли только поспорить съ моими... все доказывало, что владѣлецъ снасительной лѣстницы былъ гордецъ...

— Стой!.. Слышишь? сказалъ онъ, останавливаясь на минуту и тревожно вздохнувъ...

— Да! съ трепетомъ повторилъ я... Тревога!

— Тревога на тюремномъ дворѣ... Это тебя хватилась.

— Меня!...

— Эге! смотри... видишь на стѣнкѣ мелькаютъ факелы... Не бойся... Теперь до насъ добрыхъ полторы версты, а до стѣны только два шага... Ну, живо!.. Вотъ тебѣ на всякій случай пистолеть и четыре патрона...

— Смотри! Смотри! вскричалъ я... Мнѣ кажется они приближаются! Иди скорѣй?

— Пришли... не кричи!...

Въ минуту была перекинута наша лѣстница, а чрезъ двѣ мы были уже за стѣною.

— Послушай, товарищъ, ты хюсець? спросилъ онъ, когда мы бѣгомъ пустились вдоль площади, къ греческому кварталу.

— Я съ Ипсары?

— Э, такъ у тебя здѣсь нѣтъ и прита?...

— Изъ...

— Тамъ же, какъ и у меня...

— А ты откуда?...

— Я недалеко, изъ... Однако куда же ты бѣжишь?

— Въ скалы...

— Право? Это недурно... но, постой!.. Мы теперь ни въ опасности... кругомъ одинъ полъ, даже и городъ исчезъ изъ памяти...

Мы пошли тихо.

— Прекрасно! началъ мой новый пріятель: вообрази, я живу третій день на островѣ и только бродяжничалъ по базару, да по кофейнямъ... тогда, какъ могъ отлично спать въ скалахъ...

— Но развѣ и тебѣ необходимо скрываться отъ людей?

— Большой-то необходимости нѣтъ, да все лучше, какъ съ ними не встрѣчаешься. Къ тому же ты знаешь, здѣсь вѣдь не турки у грековъ въ гостяхъ, а греки у турокъ... Увидать незваного: сейчасъ спросить: зачѣмъ? Ну, а мнѣ сказать этого нельзя... Что-же ты теперь думаешь дѣлать? предлагалъ молодой человекъ, съ тѣмъ же беззащитнымъ тономъ, который проглядывалъ во всякъ его вопросе и отвѣтѣ.

— Не знаю... Еще не рѣшилъ...

— Да ты славной малый! сказалъ онъ... Какъ твоё имя?

— Карпъ Кара-Булани... А твоё?

— Константинъ Майнари!

Обмѣнявшись послѣдними вопросами, мы замолчали. Товарищъ сталъ что то насвистывать, я несколько увлекся его мотивами и началъ ему вторить... Глядя на насъ, легко можно было думать, что мы являлись въ хіосскихъ трущобахъ наслаждаться природой и прохладною тѣсною ночью....

— Чертъ возьми! наконецъ сказалъ мой товарищъ... знаешь ли, братъ Карпъ, отчего я такъ мастерски сегодня насвистываю? ..

— Нѣтъ, не знаю.

— Оттого, что голоденъ, какъ удавь, и мнѣ, право, кажется, что животъ мой повисъ, какъ тряпка.... Ты когда ѣлъ?.... быстро спросилъ онъ.

— Вѣра утромъ.

— Гмъ! немного позже меня... Ты не знаешь: нѣтъ ли въ этихъ скалахъ хоть какихъ-нибудь корешковъ?.. Да, постой: есть у тебя деньги?

— Четыре цехина...

— Ну, находка, братъ, Карпъ? Тѣмъ ужъ пойдешь завтра... а тѣмъ свѣтъ отправлюсь въ городъ и закушу пропастъ кое-что съру...

и... Ты любишь мой сыр?.. Ну, вот видишь ли, продолжала Майнари, не дожидаясь моего ответа, Богъ послалъ тебѣ такого же горемыку товарища, какъ и ты... Мы такъ и удаляемъ... Пошло на стиропомность, расскажу все. До времени ты спрячься въ приморскія скалы; каждое утро, аккуратно я буду приносить тебѣ пищу... ночь мнѣ нужна... До времени, говорю; а время это, быть-можетъ, не дается... все зависитъ отъ моего успѣха. Скажу тебѣ просто: въ харемъ моего паши предана та, съ которой насъ разлучитъ только смерть... Три ночи я провелъ въ саду харема безуспѣшно, забирался туда съ первыми сумерками... не встрѣчаю ее... не четвертая попытка... быть-можетъ тогда мы спасены, услышимъ отвѣда: на послѣднія мои деньги я купилъ у еврея лодку... Ба! Что это?... Смотри... трупъ... другой!

— Пожелайся Майнари надъ этимъ трупомъ и зароемъ его! сказалъ я, едва удерживая слезы. — Это отецъ мой... вчера убитый турками...

Молодой человекъ тихо всдрогнулъ, печально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и ушелъ на каѣна подлѣ тѣла стараго Кара-Булана...

На берегу моря — подъ тополемъ мы положили въ неслучежную могилу дорогой мнѣ прахъ... Еще горе терзало мое сердце, когда я, къ нежданному моему восторгу, — въ прибрежномъ кустарникѣ увидѣлъ нашу лодку, оставленную врагами при всемъ ея вооруженіи...

Напрасно было бы терять время... Пожелавъ счастливаго успѣха моему избавителю въ его предпріятіи, я оставилъ ему свои четыре пехина и выплылъ въ море, давъ себѣ честное слово, при удобномъ случаѣ повторить смѣлую попытку Майнари, и еще хоть разъ въ жизни посмотреть въ очи сиротки Марин...

Черезъ сутки, въ темную полночь я достигъ родныхъ береговъ Ишсары. Несмотря на мракъ ночи, я легко отличилъ отъ спящаго ряда рыбацкихъ хижинокъ нашу полуразрушенную мазанку... Тяжело стало думать, при мысли о моемъ сиротствѣ; вся кровь прилила къ сердцу при другой мысли о ищеніи тѣмъ, кто отпалъ у меня отца, мать, брата — все, все — что радовало мою жалкую молодость!...

— Да, думалъ я почти вслухъ, грустно опустивъ голову и медленно работая веслами... бѣдный ты Карпъ... одинъ теперь на Божьямъ свѣтѣ, какъ одна душа въ тѣлѣ! Не блеснетъ теперь въ очи твоей мазанки привѣтный огонекъ, какъ прежде бывало, когда съ отцомъ возвращался съ промысла, а добрая матушка, единная насъ, стряпала намъ вкусную похлебку... Въ дальнюю ночь, подъ завыванье моря я бури, не услышавъ ты славныхъ рассказовъ отца старика!..

Съ этими мыслями я взглянулъ на родную мазанку, и былъ не мало удивленъ, замѣтивъ въ ней яркій свѣтъ.

— Что-бы это значило? подумалъ я... Ужь не поджидаютъ-ли меня? Надо быть осторожнымъ.

Осмотрѣвъ берегъ я не встрѣтилъ на немъ ни одного живаго существа, кромѣ моей лахматой Ашазин, которая съ радостнымъ визгомъ бросилась вплавь до моей лодки... Вотъ, подумалъ я, выходя на берегъ и достигая крайняго окна моей осиротѣвшей хижины, только одинъ добрый и вѣрный другъ остался у меня... О другомъ я забылъ въ эту минуту. Этотъ другой былъ старшій дядя Яковъ, большой весельчакъ и страстный охотникъ до хмѣльнаго. Онъ-то и кейфовалъ въ моемъ домѣ.

Лицо его уже было довольно румяно, и глаза, по обыкновенію, принимали цвѣтъ оловянной пуговицы, когда я переступилъ порогъ мазанки.— Огромный огонь пылалъ на очагѣ, разбрасывая по сторонамъ искры сухихъ виноградныхъ лозъ и отражался на глиняномъ кувшинѣ, съ которымъ только сію минуту разстались ненасытные уста дяди Якова.

— А, вотъ тебѣ и штука! пробормоталъ онъ съ непритворнымъ изумленіемъ, останавливая на мнѣ взглядъ, который, по возможности, старался выразить что-то похожее на вопросъ и удивленіе. А вотъ тебѣ и штука! повторялъ онъ, швырнувъ подъ столъ кусокъ чеснока, до котораго, какъ и до винограднаго, былъ большой охотникъ.

— Добрый вечеръ, дядя Яковъ! сказалъ я...

— Вечеръ-то, братъ добрый, какъ видишь... Вечеръ хороший, а штука странная!..

— Что-же страннаго-то?

— Да ты, Карпъ, откуда? Ну-ка, по откровенности?

— Изъ Хіуса.

— А... изъ Хіуса?... А не съ веревки? А? вѣтъ... врешь, ты умеръ братъ, Карпъ.... ты, голубчикъ мой, повѣснелъ, отецъ твой... убить!

И дядя зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Да, отецъ убить... Убить онъ, дядя Яковъ! со вздохомъ, сказалъ я.

— Ну, а ты, мой родной... Какъ-же ты... вѣдь сказано было, что тебя вчера повѣсили!..

— Вчера я бѣжалъ... Но скажи сдѣлай милость, какъ это все скоро узналось?

— Какъ? А ты хочешь знать какъ... Ну такъ на же тебѣ... Дай подкрѣпиться... всю горькую скажу...

Съ этими словами старикъ вытеръ свои слезы фустанеломъ, и нѣсколько десяти добрыхъ глотковъ вина приступилъ къ разсказу:

— Просто, вотъ какъ, сказалъ онъ... Да садись, садись...

глотокъ вина, хочешь два? Пей! А прежде запри дверь. Покрѣпче... вотъ такъ! Ну, и слушай... А просто, говорю я, ничего такого страннаго не было... было хорошо, очень хорошо! Я, Батараки, Марко Карари, нашъ заѣзжій майнотъ, да пѣтокъ англійскихъ матросовъ... все, въ добрый часъ сказать, люди хорошіе, веселые люди... сидѣли мы въ кофейнѣ и... пили!

— Ахъ, дядя Яковъ перебилъ я, какъ ты умѣешь изъ двухъ словъ сдѣлать десять!.. говори короче...

— Постой, къ тому рѣчь идетъ... Ну, и пили. Вотъ, вдругъ ночью, а можетъ-быть и передъ утромъ... хлопъ.. гляжу... Постой, ты вѣдь знаешь маленькаго Петранди?.. такой шалуунъ мальчишка, еще всегда мнѣ цѣлыя пригоршни песку по карманамъ разложить... еще...

— Да знаю, знаю!

— А! знаешь... Ну вотъ, вдругъ... Хлопъ... вбѣгаетъ маленькій Петранди и кричитъ: Дядя Яковъ! дядя Яковъ... Кара-Булани у Хиуса убить турками, а Карпъ... связанъ и въ темницѣ... «Врешь ты, маленькая чесноковина!» говорю я.—Нѣтъ, говорятъ, поди-ко посмотри— въ нашихъ хижинахъ все турки: они же намъ и рассказываютъ обо всемъ... у всѣхъ обобрали ружья, кинжалы, пистолеты... у тебя, говорятъ, взяли винтовку... Каково, Карпъ, у меня?... А я-то что: самъ знаешь, человекъ мирный, меня и въ хвѣлю не разсердишь.... Ну, думаю: постой-же, вотъ я разсержусь... я посмотрю, что тутъ начать... ну и, понимается, что выпалъ... Вотъ, все хорошо... Иду... пришелъ на берегъ, а тутъ такая идетъ переполоха, что у меня вся хвѣль выпрыгнула... Въ барабанъ бьютъ, рыбаковъ бьютъ, стекла бьютъ... Баталія! Говорятъ всѣ ипсарскіе рыбаки корсары, сынъ ихъ начальника Кара-Булани будетъ завтра новѣшень... Потомъ, братъ Карпъ, принялись трепать наши пожитки, пытать ребятишекъ, чтобы они сказали, гдѣ спрятано награбленное?... Спасибо, за меня поручились въ кофейнѣ, что я туда ничего ни приносилъ, кромѣ чистѣйшихъ денегъ... Вотъ какъ, братъ Карпъ... А, ахъ... выпьемъ!

— Ну, и нашли что-нибудь, дядя? спросилъ я.

— Ни одного зерна! А ужъ, братъ Карпъ, у тебя цѣлый день рылся, даже хотѣли мазанку срыть...

— Напрасно не сдѣлали...

— А что?

— Тогда бы до чего-нибудь и дорылся...

— О! При этомъ, у дяди Якова глаза забѣгали, какъ ртуть и заблестали, какъ угли... Что ты говоришь, Карпъ, вскричалъ онъ: неужели есть?

— Есть, дядя Яковъ, есть... будетъ на нашу долю.

— Такъ, братъ, убирай скорѣй, да и убирайся... не то можно сказать, все пропадетъ, да и самъ не въ хорошия руки попадешь...

— Послушай, дядя Яковъ, началъ я. После того, что ты мнѣ рассказалъ; однимъ-словомъ, послѣ грустныхъ происшествій послѣднихъ дней, я знаю, мнѣ нельзя и не должно оставаться на родномъ островѣ... я рѣшился заняться опаснымъ ремесломъ, и жестоко расплатиться съ врагами за всѣ мои потери. .

— Что-же ты думаешь дѣлать, Карпъ?

— Метить туркамъ...

— Гм... Да, что-жъ... дѣлай, какъ знаешь... только не будь мянницей... Ухъ... скверный порокъ!...

— Ну, а ты, дядя Яковъ? ты отличный мореходъ, а я безъ тебя, какъ безъ руля.

— Я? Да что мнѣ... вѣдь вино ведаѣ есть...

— Понимаю... Спасибо! теперь за дѣло.

Лучшаго себѣ товарища, какъ дядя Яковъ, я не могъ найти. Въ этомъ человѣкѣ, несмотря на его наружное бездѣйствіе, на его лѣнь и безпечность, было много тѣхъ качествъ, какими долженъ обладать большой морякъ и ловкій корсаръ. Подъ видомъ балагурства и любви къ праздной жизни, въ немъ скрывался дѣльный вулканъ жажды къ дѣятельности... Наружно одинаковый въ своихъ всеневныхъ отношеніяхъ къ врагамъ и братьямъ, онъ, осторожный и хитрый, таилъ въ душѣ страшную ненависть къ врагамъ... и въ тайнѣ не упустилъ изъ вида самого ничтожнаго случая, который давалъ ему хотя небольшое право на мщеніе. Главными добродѣтелями дяди Якова можно было назвать его изумительное хладнокровіе, безстрашіе, не запальчивое, но спокойное до невѣроятности, знаніе морскаго дѣла и каждой норки, каждой ничтожной бухты въ скалахъ Архипелага.—Съ нимъ можно было предпринять все, что только требуетъ отваги, терпѣнія, мужества и храбрости, но не молодечества... Дядя Яковъ не терпѣлъ шутить дѣломъ, въ которомъ льется кровь людей, и тратится своя собственная ни за что, ради потѣхи и красного слова.

Изъ нашего короткаго объясненія мы совершенно поняли другъ друга. Въ его готовности раздѣлить со мной удачу и неудачу предстоящаго предпріятія я не сомнѣвался. Мы начали съ того, что я указалъ прежде всего дядѣ Якову мѣсто, гдѣ было зарыто мое небольшое богатство: оно заключалось въ порядочномъ запасѣ оружія, холоднаго и огнестрѣльнаго, въ двухъ мешкахъ пѣстрого и шести бочонкахъ пороха. Все нужное для хорошаго вооруженія небольшого судна

я ивѣтъ. Также въ своемъ распоряженіи. Подъ нашею мизантрою нахо-
дился потребъ, ивѣстнѣе монѣ сокровищъ: Входъ въ него былъ
скрытъ подъ верхнимъ основаніемъ шестка малгака, на которомъ по-
стоянно оставались горшки, головни и множество посуды.

Когда мы спустились въ подполье и когда свѣтъ отъ фонаря упалъ
на предметы, наполнявшіе мой запасный магазинъ, дядя Яковъ, при
всемъ своемъ хладнокровіи и невозмутимости рыбьей натуры, не могъ
не всплеснуть руками... Съ восторгомъ онъ бросился ко мнѣ на шею,
и послѣ сотни жаркихъ поцѣлуевъ, сказалъ, указывая на два небольшіе
фалконета :

— Братъ! Карпъ! Да съ этими товарищами насъ не одолѣетъ никакая
турецкая сила! Хорошо, все хорошо! продолжалъ онъ... Оставимъ наше
сокровище до завтра, а теперь забирай только деньги... Дѣла я устрою...
Знаешь?.. мастеръ на всѣ дѣла дядя Яковъ... Сію минуту — выпьемъ
и на каякъ...

— Куда-же?

— Ужъ говорю: всѣ дѣла устрою... слушайся меня... Во-первыхъ,
у меня есть пріятель, который за сходную цѣну продастъ намъ славное
суденышко... Просто золотое судно!.. На ходу стрѣлу обгонитъ, двух-
мачтовое, вооруженіе новое, смолака вездѣ свѣженькая... въ каютахъ
новѣйшеніе султанское... слышишь, Карпъ!.. все хорошо! Во-вторыхъ,
есть и мелодцы въ виду, которые завтра вечеромъ явятся къ тебѣ, при-
несутъ свою волюшку и голову... Вотъ, штука—Карпъ... Выпьемъ,
братъ—выпьемъ, да и за дѣло...

На другой день къ вечеру я уже былъ обладателемъ судна и пол-
нымъ властелиномъ надъ жизнью и смертію девяти отчаянныхъ голово-
рѣзовъ. Въ ту же ночь мы свезли на нашу шкуну порохъ, оружіе,
деньги и фалконеты.

Сказавъ долгое прощаніе Ипсарѣ, мы вошли въ море и направились
къ Хиосу. Я надѣялся, что кочерма, съ которой за два дня мы ивѣли
несчастную для насъ встрѣчу, еще останется на якорѣ, въ виду острова.
Дядя Яковъ, штурманъ моей шкуны, крѣпко поддерживалъ мое намѣ-
реніе сдѣлать первое нападеніе на врага, за которымъ оставался долгъ
крови.

— Посмотримъ, Карпъ, шепнулъ онъ, когда судно наше, подъ
вѣсми парусами, легко и быстро бѣжало по Архипелагу... Посмотримъ,
на что способны наши товарищи... Эта кочерма будетъ и для нихъ и
для насъ пробнымъ камнемъ... Поклонись, Карпъ, Ипсарѣ, прибавилъ
старикъ... родной берегъ сейчасъ исчезнетъ за нами... я держу за
этотъ мысъ... И онъ указалъ на скалистый берегъ, черною массою

обозначившейся впереди насъ. Не безъ грусти я оглянулся—и послалъ прощальный поклонъ роднымъ берегамъ, уже исчезавшимъ въ туманъ и сумракъ ночи....

Передъ разсвѣтомъ мы были въ виду Хюса.—Къ общей нашей досадѣ, кочерымы уже не было на мѣстѣ.

— Ничего, сказалъ дядя Яковъ: неудачу можно поправить. Во всякомъ случаѣ мой совѣтъ, Карпъ, не разставаться съ этимъ островомъ, не оставивъ по себѣ памяти....

— Что же мы сдѣлаемъ?

— Ляжемъ въ дрейфъ, и въ числѣ четырехъ человекъ пустимся на канкъ, подъ веслами, осмотрѣть берегъ.... быть-можетъ какой-нибудь купецъ и пригрѣлся въ одной изъ здѣшнихъ бухтъ.

— И то правда! Кто-же останется на шкунѣ.

— Киприѣки, мой помощникъ: ему сдадимъ команду, а я, ты и еще два товарища отправимся на погоню.

Черезъ полчаса, сдѣлавъ нужныя распоряженія мы спустили канкъ на воду, и хорошо вооруженные, поплыли къ берегамъ Хюса.

Прекладная ночь уже смѣнялась знойнымъ утромъ. Легкій туманъ красивыми волнами носился надъ берегомъ; открывая прибрежныя скалы, поросшія густою зеленью.... Свѣжій вѣтеръ, дувшій иногда небольшими порывами въ продолженіе всей ночи, началъ стихать.... Шкуна наша легко качалась въ далекомъ на морской зыби, и бѣлый парусъ ея упалъ, обнявъ снасти и реи....

— Не вернуться-ли, дядя Яковъ, замѣтилъ я: теперь нельзя ожидать удачи, если-бы мы даже и открыли врага.

— Отъ чего?

— Смотри: вѣтеръ начинаетъ стихать, настаетъ полный штиль, а при безвѣтріи наша шкуна недалеко уйдетъ изъ этого лабиринта острововъ, подъ одними веслами.

— Вадоръ, Карпъ, вадоръ! Слушайся меня.... У меня на счету каждое облачко, — и вотъ эта темная тучка, которая справа повисла надъ Хюсомъ, обѣщаетъ намъ хорошій вѣтеръ, съ первыми лучами солнца.... Навались друзья! добавилъ онъ, обращаясь къ гребцамъ!

Канкъ, при усиленной греблѣ, быстро занырялъ подъ скалами. Мы обошли нѣсколько бухтъ, удобныхъ для стоянки якорныхъ судовъ, и не встрѣтили ни одной рыбацѣй лодки.

Поручивъ себя совершенно опытности и смѣлкѣ дяди Якова, а вольно, при взглядѣ на хюсскія скалы предаваясь раздумью о недавнихъ событіяхъ.... Вотъ купа кустарниковъ, вотъ мысокъ, вотъ уснувшая на моихъ рукахъ спротка Марія рассказала мнѣ свои грустныя

исторію; тутъ же могла моего добраго отца; здѣсь-же я оплакивалъ его смерть и клялся бѣдной дѣвухкѣ замѣнить ей брата, вернуть ей молодость, мстить за ея лишенія нашимъ общимъ врагамъ!

Мы подходили къ базарной площади. Мысокъ исчезалъ за нами, а я долго еще озирался, лаская взглядомъ каждую травку на немъ, каждую раковинку, бѣлѣвшуюся на отмели... Вотъ за приземистыми дуканами и кофейнями открылось полукруглое зданіе, обращенное окнами внутрь двора, мѣсто моего заключенія; рядомъ съ нимъ, изгибаясь полудугою направо — высокая стѣна дворца наши.... Улицы тихи, безмолвны.... Вдругъ выстрѣлъ, другой, третій, и на стѣнѣ сада показался человекъ; онъ торопливо осмотрѣлся, какъ-бы ища схода, и безстрашно прыгнулъ на землю!... Мы видѣли, какъ этотъ незнакомецъ на бѣгу заряжалъ свои пистолеты.... Въ томъ, что онъ уходитъ отъ своихъ враговъ и отъ смерти не было никакого сомнѣнія. Дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ отворились ворота тюремнаго зданія, и нѣсколько человекъ на коняхъ, предводимые безобразнымъ албанцемъ, въ которомъ я узналъ гаремнаго стража Меджи, давъ полную свободу своимъ конямъ, пустились за бѣглецомъ въ погоню....

— Это несчастный грекъ! вскричалъ дядя Яковъ, хватаясь за свою винтовку.

— Грекъ и добрый другъ мой.... отвѣчалъ я. Это Константинъ, который почти спасъ меня отъ петли.

Между-тѣмъ, какъ мы готовы были, оставя свой каякъ, броситься на помощь къ земляку, Меджи уже почти достигалъ грека. Ловкій бѣглець, не останавливаясь, сдѣлалъ крутой поворотъ, прицѣлился изъ пистолета, и снявъ съ сѣдла передоваго всадника, — быстро пустился на утокъ къ морскому берегу; казалось, онъ замѣтилъ насъ, нашу одежду и вооруженіе....

— Сюда! Къ намъ товарищъ, къ намъ! кричалъ Яковъ, нахая своей фескою и подводя каякъ въ обрѣзъ къ берегу.

Это предложеніе ободрило бѣглеца. Еще разъ отвѣтивъ выстрѣломъ на гикъ и проклятіе турокъ, которые, смѣшавшись, забыли о погонѣ и бросались помогать раненому, — Константинъ съ разбѣгу прыгнулъ въ нашу лодку.

— Фай! Охъ! спасибо вамъ, братья! могъ только сказать онъ, и вода протанувъ мнѣ руку, упалъ почти безъ чувствъ отъ изнеможенія и усталости.

Подъ выстрѣлами и свистомъ пуль, мы оставили берегъ, вздернули паруса.... и скоро встали у борта своей шкуны.

Сытанный Кипріяки былъ уже готовъ. Люди находились по мѣстамъ,

прибытие бросался имъ на помощь, въ тоже время какъ парусъ сталъ наполняться....

— Вотъ такъ, такъ! говорилъ дядя Яковъ — выяснитъ въ вторъ.... Пралау я сказала.... Дунетъ попутный!... Ну-ну! Еще.... Прощайте, пріятель! продолжалъ старикъ, снявъ фаску и посылая почтительный поклонъ солдатамъ, которые въ эту минуту на большомъ барказѣ показались изъ-за мыса....

Нѣсколько дней спустя мы были на Босфорѣ, ограбилъ здѣсь четыре кочеры, и лучшею завладѣли окончательно. Молодцы прибывали каждый день, и скоро въ мою распоряженіи было уже два судна. Одно изъ нихъ поступило подъ команду дяди Якова.... Онъ съ Константиномъ, который молча грустилъ о своей любви и неудачѣ, остался въ Архипелагѣ.... Я вышелъ въ Черное Море. Въ одну недѣлю я навелъ ужасъ на всѣхъ кущовъ, плававшихъ вѣду крымскихъ береговъ, и имя мое сдѣлалось страшнымъ для прибрежныхъ жителей и торговыхъ мореходовъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Во все это время я не встрѣчался съ дочерью дяди Якова, но слухъ о ея свиданіяхъ и удачныхъ наваденіяхъ часто доходилъ до меня. Удачи почти каждаго дня не утѣшали меня. Тоска и грусть грызли мое сердце.... И часто, послѣ страшнаго abordaжнаго дѣла, — когда на палубѣ раздавалась веселая пѣсня и звенѣли монны прѣщества, я по цѣлымъ ночамъ безмолвно просиживалъ въ моей каютѣ.... Мысль о дѣвучкѣ, которую я полюбилъ всемъ нѣмымъ страсть, не покидала меня. Видѣть ее, жить ея ласками — вотъ что было постоянною моею думою. Дни шли обычнымъ чередомъ, но тоска не исчезала — она росла и сосала все болѣе и сильнѣе мое сердце съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ.

Однажды ночью, перемѣченный моими храбрыми товарищами, я вышелъ на верхъ. Вѣтеръ былъ намъ попутный, потому-что мы плыли, куда ему дуетъ, — море было спокойно, и толпа матросовъ, незамытыхъ дѣловъ, собравшись въ носовой части шкуны, коротала ночь въ своихъ обычныхъ забавахъ: одни играли въ кости, другіе въ карты, третьи были заняты разсказами....

— Надоѣло, право надоѣло — товарищи, говорилъ одинъ изъ послѣднихъ.... безъ пути, безъ толку мутить здѣсь воду который день!.. Что-жь, неужели Кара-Буланн боятся заглянуть въ Архипелагъ...

— Правда, отозвался другой... Знай себя плаваешь въ этомъ котлѣ; радъ случаю, что не встрѣчаетъ ни камня, ни отмели!...

— Тсъ! замѣтилъ третій изъ собесѣдниковъ, услышавъ Каря — такъ не миновать тебѣ радъ — длинноязыкій!...

— Хорошо тебѣ, толкуй. Тебѣ все равно хотѣ-бы и вѣтъ не видать

рекиль береговъ... а у насъ, товарищъ, есть на кого всматрѣть-
тись....

— Да, есть на кого, подхватилъ Колотрони, и приласкать небольшою
долей изъ кровной добычи....

— Э! эхъ! Дума рвется.... на Иисару! отълинулся тотъ изъ го-
ворившихъ, который сомнѣвался въ моей смѣлости оставить Черное
Море.

Въ это мгновеніе собесѣдники замѣтили мое присутствіе, и болѣе мо-
его гнѣва, — въ страхѣ оставили свои мѣста.

— Всѣ на верхъ! спокойно сказалъ я. Руль — гнѣво на борть!...
Ставь всѣ паруса.... Идемъ въ Иисару!

— Да здравствуетъ Карлъ Кара-Буланъ! крикнула толпа, съ удвоен-
нымъ усердіемъ принимаясь за работу.

Я вполне раздѣлялъ желаніе моихъ друзей, по двумъ весьма важ-
нымъ для меня причинамъ. Давно не встрѣчался съ дядей Карпомъ,
я начиналъ тосковать въ разлукѣ съ нимъ, безпокоясь, наконецъ, и за
его же мнѣ привязанность, съ которою, разумеется, была нераздѣльна
мысль о самомъ-себѣ и о своей участи. Оставя Черное Море и зная
главнымъ мѣстомъ, гдѣ постоянно крейсировала кочерма старика, я легко,
могъ его встрѣтить. Во-вторыхъ, давно задуманная мысль вырвать съ-
ротку Марію изъ гарема Хюса лишила меня днемъ пищи, ночью сна...
Я рѣшился, посоветовавшись съ дядемъ Якобомъ и съ молодцомъ Кон-
стантиномъ, попытаться счастья.

Вѣтеръ и погода намъ благопріятствовали; выйдя на видъ остро-
вовъ я, темною ночью, бросилъ якорь и выслалъ шлюбку обозрѣть бух-
ты, въ одной изъ которыхъ полагалъ найти моихъ друзей....

Въ полночь на верху раздался окликъ.

— Кто у борта.

— Съ кочеры Иисара.

— Есть! раздалось на палубѣ. Веревочный трапъ, урча, скатился
по борту, и чрезъ минуту я обналъ моего стараго друга.

— Вина Карлъ, и разскажи мнѣ, какъ дѣла? сказалъ онъ.

— Дѣла хороши, отвѣчалъ я, шкуна полна богатымъ грузомъ.

— Bravo! Мы тоже не безъ удачи.... Чтò завоевали — все обра-
тили въ золото. Сегодня Константинъ послѣдній грузъ, сбываетъ на
берегу....

— А чтò нашъ другъ?...

— Ни на чтò не годится.... Пропащая голова! Не пьетъ, ни
ѣсть, не спитъ, не говорить.... Скоро высохнетъ, какъ камышъ бро-
шенный на берегъ.... За то, въ свалкѣ первый.... Грызется какъ тигръ,

лезеть на смерть будто подь корнь, веселѣе чѣмъ за кружкой вина-граднаго... Любить чихля! Гдѣ думаешь теперь поудить золотой рыбки?

— Здѣсь.

— А, такъ вмѣстѣ.... Однако, пріятель — что же это значить: я принимаюсь за восьмью кружку, а ты еще и усозъ не омочилъ въ винѣ!

— Грустно старикъ.... Есть горе на сердцѣ!

— Горе! У тебя горе, когда, самъ говоришь — дѣла твои идутъ отлично?...

— Есть другія дѣла, не такъ удачныя...

— Говори, говори.... или думаешь, что дядя Яковъ пропилъ свой разумъ и дружбу изъ мести?... Ну-ка, что у тебя за червякъ на сердце.... вотъ мы его заморимъ съ легкой руки!

— Исторію моей тоски ты знаешь, дядя Яковъ... это все таже несходная дума о сироткѣ Маріи...

— Какъ!... Да пусть лопнетъ обручъ на моемъ винномъ боченкѣ, если я что-нибудь понимаю тутъ! Неужели цѣлый мѣсяцъ купанья въ горько-соленой и столько же времени тревогъ и абордажа не извлекли твоего сердца...

— Нѣтъ, дядя Яковъ, ты видишь, что эта болѣзнь не скорозлечимая...

— Ничего не вижу... я никогда не былъ раненъ въ сердце...

— Но у тебя передъ глазами живая притѣрь—нашъ товарищъ Константинъ...

— Есть разница между тобой и имъ...

— Никакой!

— Есть, говорю! запальчиво вскричалъ старикъ, ударивъ по столу кружкой, которая разлетѣлась въ мелкія дребезги... Ты вотъ успѣлъ влюбиться также скоро, какъ не стало этого драгоценнаго сосуда, а Константинъ любилъ долго, жилъ едвали не подь одною кровлею съ своею милой... такъ стало-быть... А! да прахъ возьми... о такихъ дѣлахъ я даже не только думать, да и говорить не люблю... Помощь радъ! Пожалуй, сдѣлаю перевязку на сердцѣ... Говори, чего бы ты желалъ...

— Выручить ее изъ гарема.

— Немногого хочешь... Пожалуй, продолжалъ онъ; но въ этомъ дѣлѣ открытая сила ни къ чему не поведетъ... Нужна хитрость...

— Я думаю...

— Тонкая хитрость неудастся... А надо рѣшиться схитрить на удачу... Дай кружку... Я подумаю...

Въ эту ночь мы пустились на шкулѣ къ берегамъ Хюса, ~~явивше~~

ночериѣ выждать насъ къ разсвѣту третьихъ сутокъ, крейсирова за островами.

Вся ночь для меня и дяди Якова прошла въ раздумьи о предстоящемъ предпріятіи.

— А! Что будетъ—то случится! Сдѣлаемъ такъ, какъ пытался сдѣлать Майнари, только планъ мой пообширѣе и позамысловатѣе... рѣшительно сказалъ старикъ. Будь готовъ, Карпъ. Къ вечеру мы въ Хиосъ, добавилъ онъ: больше не скажу ни слова!

Дядя Яковъ, по своему неизмѣнному обыкновению присвиснулъ, осушилъ стаканъ добраго вина, и подвинулся наверхъ.

Еще солнце не скрылось за хиосскими скалами, когда эти скалы дымчатой и зубчатой синевою обрисовались впереди насъ на горизонтѣ. Не желая близко подходить къ острову я, дядя Яковъ и четверо товарищей, оставивъ шкуну въ проливѣ, пустились въ дорогу на канкѣ. Теперь по платью насъ не узнали бы и свои кровные друзья. Мы были въ курткахъ венеціанскихъ моряковъ, безъ признаковъ магійшаго вооруженія, тогда какъ каждый изъ насъ имѣлъ по парѣ скрытыхъ пистолетовъ и кинжалу.

Оставляя канкъ, дядя Яковъ наказалъ матросамъ, чтобы при первой тревогѣ въ городѣ, трое изъ нихъ спѣшили къ стѣнѣ сада, принадлежащаго пашѣ, а третій, спустясь на лодкѣ за мысъ, ждалъ бы уже тамъ нашего прихода.

До поздняго вечера мы прошатались на базарѣ; причѣмъ дядя Яковъ мастерски разыгрывалъ роль гнѣиваго итальянца, и каждый разъ, когда мы оставляли кофейню, или духанъ, обципанные ребятишки толпани провожали насъ, а духанщики долго смотрѣли намъ вслѣдъ, удивляясь щедрости моего товарища.

— Ну, сказалъ дядя Яковъ, останавливаясь, кажется, въ двѣнадцатомъ, если не въ тринадцатомъ духанѣ,—вотъ это, другъ мой, Карпъ, будетъ нашъ послѣдній привалъ; къ тому же въ немъ попросторѣе...

Съ этими словами старикъ съ вѣжливымъ и униженнымъ поклономъ усѣлся рядомъ съ турецкимъ солдатомъ, переважно раскуривавшимъ свой вальянъ.

— Какъ слышно на вашихъ водахъ о страшномъ звѣрѣ Кара-Бу-лани? спросилъ старикъ, обращаясь къ своему сосѣду.

— Умные люди не совѣтуютъ вашему брату встрѣчаться съ нимъ! отозвался солдатъ, презрительно взглянувъ на дядю Якова.

— А, что развѣ онъ все по старому, ага?

— Хуже... Жжетъ, топить, грабить...

— Даже здѣсь, въ виду вашего храбраго гарнизона?

- Бывасть.
- Да неужели нѣтъ возможности заарканить этого разбойника...
- Трудно подстрѣлить эту морскую чяйну... говорить...
- Что говорить, ага?
- Общаются послать военное судно, унять его...
- Общаются, а до-тѣхъ-порѣ бѣдному купцу прохода нѣтъ: берегнемъ въ морѣ, бойся въ бухтѣ, за товаръ и за голову...
- Эге! А ты вѣрно съ запасомъ...
- Всякаго товара, хоть море запрудить... Не удастся сегодня сбыть чего-нибудь, сейчасъ же уйду...
- Сегодня? Да теперь ужъ ночь!
- Мой товаръ таковъ, что его и ночью купить...
- Что же это?
- Женщины съ кавказскихъ береговъ.
- А! выразительно вытянулъ слушатель... Красны женщины?
- Хоть въ султанскій гаремъ!.. Хочу предложить вашему панъ...
- Ги... Такъ, такъ! У меня братъ, Меджи, первый сторожъ въ садахъ гарема... Только слово сказать Абдуль Гамиду, главному надзирателю...

— Вотъ сорокъ цехиновъ, ага! вскричалъ дядя Яковъ, выискивая на столѣ горсть золота... Проводи до Абдуль-Гамиды...

— Сорокъ цехиновъ! повторилъ турокъ... Пойдемъ! сказалъ онъ, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ обобравъ деньги...

Мы оставили кофейню. Сопровождаемые солдатами, я и дядя Яковъ прошли нѣсколько темныхъ переулковъ, наконецъ обогнули знакомую мнѣ стѣну сада, и на западной сторонѣ ея остановились, у небольшого домика. Вожатый нашъ тихо и нѣсколько разъ брякнулъ калиткою калитки. На этотъ звукъ раскрылось небольшое окно, вырѣзанное въ стѣнѣ, въ амбразурѣ котораго мы увидѣли черное лицо негра...

— Кого? спросилъ онъ.

— Меджи здѣсь?

— Нѣтъ... А! это ты Абдуль...

— Я, голубчикъ Гассанъ... Гдѣ же братъ?

— Въ саду, ждетъ Абдуль-Гамиды, который сейчасъ обойдетъ, по своему обыкновению, сады гарема...

— Сорокъ цехиновъ взяты, храбрый, благородной ага, менуль дядя Яковъ надъ ухомъ турка: не поскупись на слово, добывилъ онъ; мнѣ время дорого...

— Постой, Гассанъ, одну минуту! вскричалъ солдатъ, хватая за руку негра, который готовъ былъ заломнуть дверцы окна... Если ты

любилъ золотыя деньги, какъ пользу твоего влестелина, то вотъ этотъ почтенный купецъ отсчитаетъ тебѣ сорокъ пехиновъ, за то...

— За что? спросилъ негръ, лицо котораго искривилось отъ удовольствія, въ то время, какъ дядя Яковъ, проворчавъ какое-то негестное для ушей нашего проводника слово, опустилъ руку въ карманъ.

— А зато, вѣрный сторожъ спокойствія Абдуль-Гамида, сказалъ турокъ, чтобы ты помогъ этимъ купцамъ предстать сейчасъ же предъ свѣтлыми очами твоего господина и облобызатъ прахъ ногъ его...

— Прахъ васъ побери, разбойники, шепнулъ дядя Яковъ... А вотъ и деньги! громко сказалъ онъ, тряхнувъ золотомъ...

— Давай, давай! вскричалъ Гассанъ... Да, постой же, продолжалъ онъ, пересчитывая монеты: а для чего вамъ нужно свиданіе съ Абдуль-Гамидомъ?

— Мы венеціанскіе купцы, сказалъ я, и желаемъ продать товаръ съ Сухумскихъ береговъ — хорошенькихъ жемчужинъ...

— А! войдите, войдите...

Провожатый нашъ, гордо кивнувъ головою, отправился своей дорогой, въ то время, какъ мы вступили на небольшой и тѣсный дворъ, крытый камышевою рѣшеткою...

— Вотъ, одну минуту, здѣсь! сказалъ нашъ проводникъ, оставая насъ у мраморнаго, полуразрушеннаго входа во внутренніе покои Абдуль-Гамида.

— Ничего не понимаю, что ты хочешь дѣлать, дядя Яковъ? спросилъ я, когда мы остались одни.

— Всего объяснять некогда: но слушай, что должно дѣлать. Когда мы предстанемъ предъ свѣтлыя очи Абдуль-Гамида и облобызаемъ прахъ его ногъ, то ты уже предоставь моему языку работать за двоихъ, а самъ не спускай глазъ съ Гассана... Спасибо, что онъ только одинъ тутъ... И въ ту минуту, когда я брошусь на невѣрнаго, ты хватай за воротъ Гассана... но смотри, не бей его, даже и тогда, когда бы онъ тебя ранилъ: ову надо только стричь... старайся завязать ему ротъ и довольно!

— Какъ, неужели ты...

— Тс... идуть!...

— Войдите! сказалъ Гассанъ, показавшійся на верхней ступенькѣ лѣстницы.

Негръ ввелъ насъ въ круглый залъ, освѣщенный розовымъ стекляннмъ шаромъ, въ которомъ горѣло благовонное масло и который на снуркахъ, перевязанныхъ цвѣтами, спускался съ потолка до полувысоты комнаты...

Въ двухъ шагахъ отъ порога насъ встрѣтилъ высокій человекъ, закутанный съ ногъ до головы въ темный плащъ; въ рукахъ его былъ зажженный фонарь...

— Благородный ага, сказалъ негръ, обращаясь къ этому человеку: вотъ кушцы, которые ждутъ твоего милостиваго слова.

Гассанъ поклонился, положилъ руку на сердце и всталъ у ковра, закрывавшаго дверь...

Дядя Яковъ съ восточнымъ подобострастіемъ отдалъ поклонъ Абдуль-Гамиду, и съ тѣмъ же поклономъ вручилъ ему мѣшокъ золота.

— Ждемъ твоей воли и твоего слова! сказалъ старикъ.

— Гассанъ! останься за ковромъ повелительно сказалъ Абдуль-Гамидъ, въ голосъ котораго я узналъ того самого агу, который едва не наткнулся на меня въ саду, въ день моего бѣгства.

Слуга вышелъ. Умиловленный подаркомъ, Абдуль-Гамидъ ласково усадилъ дядю Якова на мягкій диванъ, и опустивъ на полъ фонарь, помѣстился рядомо съ своимъ гостемъ...

Въ это мигновеніе рука старика была уже на кинжалѣ, другая быстро схватила за горло благороднаго агу, который чрезъ минуту съ закутанною головою лежалъ какъ кукла на бархатѣ своего дивана...

При первомъ непріязненномъ движеніи дяди Якова, я былъ уже за ковромъ и безпрепятственно связалъ по рукамъ и ногамъ дремавшаго негра, который отъ такого неожиданнаго нападенія и страха лишился языка.

— Готово-ли? послышалось за ковромъ.

— Готово! отвѣчалъ я.

— Иди сюда — Кара-Булань...

При моемъ имени негръ какъ-будто ожилъ; задрожавъ всѣмъ тѣломъ....

Не теряя не минуты — плащъ Абдуль-Гамида былъ уже на мнѣ, связка ключей и фонарь его въ моихъ рукахъ.

— Теперь за дѣло! сказалъ старикъ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ завладѣвъ опять своими деньгами, которыя за минуту подарилъ Абдуль-Гамиду. Этотъ пріятель не пошевельнется, — я его связалъ мертвыми узлами; будетъ много труда, чтобы расплести его завтра... Пойдемъ къ Гассану.

Дядя Яковъ, снявъ съ головы негра его куртку, которою я обматывалъ Гассана — приставилъ къ его горлу кинжалъ и сказалъ:

— Жизнь, или два слова правды, черный!

— Что вамъ надо: возьмите ваши деньги назадъ.... Но оставьте жизнь!...

— Пропадай ты съ деньгами! вскричалъ дядя Яковъ.... Миѣ нужно.... знать.... Вотъ ключи, видишь?... Укажи ходъ въ гаремъ!

— А! Изитна... убейте: этого не могу!

— Кара-Булани, разшевели его, сказалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ. Нестолько мое движеніе къ книжалу, какъ мое имя отняло всю твердость Гассана....

— Скажу, скажу! прошепталъ онъ.... Вотъ прямо отъ меня коверъ.... За нимъ выходъ въ садъ.... Потомъ направо дверь у корридора, которую отворите большимъ ключемъ съ нарѣзаннымъ на немъ полукругомъ.... Это дверь гарема.... Я все сказалъ: пощадите меня!...

Дядя Яковъ сунулъ въ карманъ Гассана мѣшокъ, который до того принадлежалъ Абдуль-Гамиду, — снова закрутилъ голову негра, осмотрелъ веревку, связывавшую его. руки и ноги и вышелъ со мною за указанный коверъ....

Мы были въ саду. Сумракъ темной ночи уже лежалъ надъ садомъ; природа была спокойна, ни одна струя вѣтра не качала зелени кустовъ и деревьевъ... .

— Вотъ дверь направо... Иди! сказалъ старикъ: ты ее сыщешь... я буду ждать тебя на сорокъ шаговъ, по этой стѣнѣ, которая выходитъ на площадь.... Лѣстница со мною надежная.... Встрѣчь тебѣ бояться нечего... будь смѣлъ.. скорѣе...

Съ этими словами старикъ вырнулъ въ кусты, и только легкій шелестъ ихъ указывалъ его дорогу. Признаюсь, не безъ страха и трепета я осмотрѣлся кругомъ: свидѣтелей не было. Дрожа отъ ожиданія и волненія, я отомкнулъ дверь гарема, и переступивъ порогъ ея, въ ту же минуту заперъ ее на ключъ. Небольшой корридоръ, слабо освѣщенный огнемъ роскошныхъ лампъ, былъ первымъ путемъ моимъ; за нимъ я вступилъ въ круглую, высокую комнату, убранную съ фантастическими затѣями зеленью и цвѣтами.... Шумъ фонтана, поставленнаго на срединѣ этого баснословнаго пріюта женъ наши, скрадывалъ шаги мои... Въ легкихъ струяхъ дыма, выбрасываемаго курильницами, я перешелъ въ такой же тѣсный корридоръ, какъ и первый.... По обѣимъ сторонамъ его, освѣщеннаму голубымъ огнемъ, длиннымъ рядомъ тянулись шелковые ковры, служившіе завѣсою того зрѣлища, которое только могъ видѣть глазъ безобразнаго Абдуль-Гамиды и его властелина....

Жены наши погружены были въ глукій сонъ.... Эти роскошныя пряди кудрей, кокетливо брошенныя на мягкій пухъ подушки, эта улыбка безпечности на розовыхъ устахъ, эта чудная античная головка, заброшенная въ забытій сна.... эта маленькая, какъ бриллиантовая серьга, ножка, выбившаяся изъ-подъ атласнаго одѣяла—и

потомъ полусвѣтъ лампы, ароматъ курительницъ — все кружило мнѣ голову и приводило въ забытье....

Но мысль о спасеніи Маріи вела меня впередъ.... Осторожно заглядывая въ лицо каждой спящей, я не находилъ предмета моихъ исканій.... Наконецъ, послѣдній коверъ — направо. Изнывая въ нѣмой тоскѣ, я судорожно отдернулъ его, и когда золотыя кольца, журча осыпавшись на край серебряной проволоки — шумъ ихъ разбудилъ заключенную красавицу....

— Абдуль-Гамидъ, сказалъ мнѣ знакомый голосъ, лампа потухла.... зажги ее...

— Те! Марія.... ты? шепотомъ спросилъ я, дѣлая два шага впередъ, освѣтивъ себя фонаремъ, и откинувъ съ лица плащъ мой...

— Какъ!... Это ты! почти съ крикомъ сказала она.

— Да, жертвуя жизнью, — я пришелъ спасти тебя... Идешь-ли: время дорого!...

— Но какъ мы выйдемъ отсюда?

— Какъ я вошелъ.... Не бойся, Марія.... все въ нашу пользу, и ни одинъ врагъ не загородитъ намъ дороги.... Перваго встрѣчнаго ждетъ мой кинжалъ!...

— Спаситель мой.... О! какъ я тебѣ благодарна!... Одну минуту.... выйди за коверъ.... Я готова....

Черезъ пять минутъ тою же дорогою съ моею прекрасною спутницею я вышелъ въ садъ. Дядя Яковъ ждалъ меня на указанномъ мѣстѣ.

— Есть? спросилъ онъ.

— Есть, отозвался я.

Съ небольшою шумомъ веревочная лѣстница перекинулась черезъ стѣну, и старикъ былъ уже за насъ, Марія послѣдовала его примѣру, и когда снова старикъ сказалъ: Принялъ — я былъ на стѣнѣ, и прыгнулъ безстрашно на землю.

Теперь нечего было опасаться. Четыре вооруженные матроса были съ нами, и черезъ двадцать минутъ какъ нашъ, при усиленной греблѣ товарищей, далеко оставилъ за собою скалы Хиоса. Нельзя высказать той радости, съ какою бѣдная дѣвушка, чувствуя свою свободу, вошла на мою шкуну....

— Грекъ не обманетъ, сказала она, когда мы спустились въ каюту. Я знала, что ты будешь моимъ избавителемъ....

— Выпить! выпить, кричалъ дядя Яковъ, надо выпить послѣ героическаго дѣла!

— И этотъ добрый старикъ, продолжала дѣвушка, обращаясь къ Якову: верно другъ твой.... и ему я обязана моею свободою....

— Какъ же, какъ же! отозвался дядя Яковъ ... Другъ, да еще другъ на жизнь и смерть.... Вотъ вмѣстѣ выпьемъ....

— Марія, началъ, я,—заважись-ли ты у кого въ гостяхъ и кто готовъ былъ на тысячу смертей за твое спасеніе.

— Нѣтъ.

— Я Кара-Булани!

— Кара-Булани! Страшный врагъ враговъ нашихъ.... О, теперь я вѣрю въ тебя больше, чѣмъ въ первую встрѣчу.... Всѣмъ, всѣмъ заплатила-бы за твои славные подвиги....

— Заплати только любовью! подхватилъ дядя Яковъ, принимаясь за виноградное.... Ну, что же молчишь.... Вѣдь посмотри, нашъ страшный Кара-Булани передъ тобою просто стриженный агненокъ...

Дѣвушка бросила на меня взглядъ любви и ласки....

— Такъ, такъ! продолжалъ веселый старикъ.... Начните хоть съ поцѣлуевъ. Храбрый Кара-Булани! Яковъ позволяетъ прасавицѣ Маріи дать тебѣ одинъ, а ошибкою и два поцѣлуя — въ займы.... Честный человѣкъ всегда долженъ раслачиваться! добавилъ онъ.

Дѣвушка съ тѣмъ же выраженіемъ ласки протанула мнѣ руку....

Въ это мгновеніе на порогъ каюты показалось блѣдное и встревоженное лицо Майнари.... Съ какимъ-то выраженіемъ восторга, смѣненнымъ свѣртливымъ вѣдомъ, онъ остановился неподвижнѣе, вперивъ въ меня и Марію взгляды.

— Что съ тобою, Майнари! вскричалъ старикъ: ты постигъ, какъ-будто сейчасъ съ веревки...

— Погоня! Три вооруженныя лодки въ виду шкуны! раздалось на верху....

Готовый за спасеніе моей шкуны и людей, вѣтрившихъ мнѣ свою безопасность и жизнь, жертвовать всѣмъ—я бросился наверхъ.... Тѣмъ болѣе, видѣвъ таиннѣ сокровищемъ, какъ Марія, я рѣшился на все, желая отстоять мое судно. Дядя Яковъ, заряжая на бѣгу пистолеты, бросился за мною.... На лѣстницѣ старикъ, какъ-будто-бы что-то вспоминалъ, и сказавъ: Работай Кара-Булани—я припасу заряды! возвратился въ каюту.

Когда я взбѣжалъ на палубу—судно было уже атаковано .. Абордажная партія стояла у борта, выжидавъ врага; дѣйствующіе матросы, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, ставили паруса, теронясь выйти въ море.

— Къ ружью! вскричалъ я.... Залпъ изъ фалконетовъ.... Ружья на прицѣлъ!... Пли!...

Шкуна скрылась въ дыгъ выстрѣловъ. На атаковавшихъ насъ лодкахъ раздался вопль ужаса: двѣ изъ нихъ пошли ко дну....

— Какъ на воду! продолжалъ я.... Шестъ человекъ въ лодку.... Дарю вамъ друзья—привѣтъ ей!

Но я уже не слышалъ восторженныхъ воплей моихъ товарищей: пробитый въ плечо пулею, я безъ чувствъ упалъ на палубу.

Была ночь. Со скрипомъ и стономъ, зарываясь въ небольшихъ волнахъ шкуна моя—повидимому, вставшая на якорь вертѣлась на мѣстѣ. Печальнымъ полусвѣтомъ потухающей лампы озарялась моя каюта, когда я очнулся. Облокотясь на обѣ руки и положивъ локти на колѣни—дядя Яковъ дремалъ подлѣ моей койки.... Движеніе мое разбудило старика.

— Слава Богу—очнулся.... Ого, да какъ ты бодро смотришь съ радостною улыбкою сказалъ онъ....

— Что теперь: день или ночь? спросилъ я.

— Только вечеръ.... Какое себя чувствуешь?...

— Мнѣ кажется, я здоровъ....

— Въ-самомъ-дѣлѣ.... Славно... Два дня мучилъ меня.... Очнешься и опять въ койку.... Спасибо: помогло мое лекарство: вѣдь, знаешь—только однимъ теплымъ виномъ тебя и отпаивалъ.... Ужъ и чихалъ—то ты, и кашлялъ! а рана право не опасная; ну, да впрочемъ, первая: немудрено, что и уснула.... Попробуй встать....

Я приподнялся, и чувствуя совершенную бодрость, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по каютѣ....

— Да ты живехонекъ! вскричалъ дядя Яковъ.

— Какъ видишь....

— Ну, такъ послѣднюю перевязку....

— Первый вопросъ, сказалъ я: гдѣ мы?

— У крымскихъ береговъ, на якорѣ....

— Второй: гдѣ Марія?...

При этомъ старикъ, измѣня своей веселой улыбкѣ, пристально взглянулъ на меня, и затянувъ бинтъ — рѣшительно и съ досадою махнулъ рукою, бросившись къ стакану....

— Что это значить? Гдѣ Марія? повторилъ я....

Въ это время слышно было, что кто-то спустилъ съ борта шлюбку на воду и какъ шлюбка эта оттолкнулась отъ борта....

На послѣднее обстоятельство я не обратилъ вниманія, съ трепещущимъ сердцемъ выжидая отвѣта моего собесѣдника....

— Постой, медленно сказалъ дядя Яковъ: признайся Кара-Булани, ты не умѣешь рюмить, какъ баба—умѣешь-ли смотрѣть въ глаза горю, какъ мужчина?

— Умѣю.... Но что значить это предисловіе?

— А вотъ вышей, скажу....

Я удовлетворилъ желаніе старика.

— Вотъ такъ.... Умно, сказалъ онъ.... Теперь слушай... Не предупреждаю при первомъ выраженіи на лицѣ твоёмъ досады, или отчаянія: я не твой.... Сейчасъ за бортъ и ницѣ дядю Якова.... Не люблю молодцовъ съ ребячьимъ характеромъ....

— Говори, говори! задыхаясь прошепталъ я.

— Въ эти два дни многое случилось, братъ Карпъ, сказалъ старикъ: въ эти два дня, бѣдный мой племянникъ, дядя Яковъ узналъ, не прогнѣвайся—то, что Марія, за которую мы жертвовали головами.... тебя не любить....

— Не любить, говоришь ты! вскричалъ я.... Но гдѣ доказательства?...

— А! Такъ ужъ дядѣ Якову не вѣрять на-слово, и нужны доказательства.... Изволь.... Пойдемъ въ каюту дѣвчонки: у нея вѣрно встрѣтимъ стараго ея друга Майнари, который ей былъ еще знакомъ въ Морей, и который не разъ путешествовалъ за нею въ Хіосъ.... Пойдемъ! повторилъ дядя Яковъ, схвативъ меня за руку и увлекая за собою.

Не помня себя отъ досады и волненія, я пробѣжалъ за старикомъ—въ общую каюту и съ силою толкнулъ дверь бокового отдѣленія....

— Цѣты, ковры.... курительницы... запахъ табаку и лютиа! вотъ только что осталось, насмѣшливо сказалъ дядя Яковъ.

— Неужели она убѣжала!... вскричалъ я.

— Убѣжала, и убѣжала съ Майнари!... отозвался старикъ....

Наверху намъ сказали, что за десять минутъ до нашего прихода—Майнари съ однимъ изъ матросовъ спустился на шлюбку, самъ сѣлъ на весла и поплылъ по направленію къ развалинамъ Херсонеса....

— Какъ и четыре гребца въ весла! вскричалъ дядя Яковъ... на кроемъ бѣглецовъ! Въ дорогу, Карпъ!..

Не помню тяжелыхъ минутъ, когда я невольно вслушивался въ слова матроса и потомъ въ приказанія старика... я только пришелъ въ себя, когда снова надъ моимъ ухомъ зазвучалъ голосъ дяди Якова.

— Вотъ они! крикнулъ онъ... Майнари сдается!

— Нѣтъ! отвѣчалъ Константинъ, вспрыгнувъ на бортъ своего канка и выправляя винтовку...

— Будемъ стрѣлять... возьмемъ книжалами! крикнулъ я.

— А! И ты здѣсь!... Ожигъ!.. Лови! и съ этимъ словомъ Майнари, выстрѣливъ изъ винтовки, бросился съ книжаломъ на дѣвуху....

Но вооруженная рука его была уже въ сильной рукѣ дяди Якова—
Послѣдній бросилъ похитителя на дно лодки и наступилъ ему на грудь
ногою... Петля тебя!..

— Петля! отозвались матросы...

Мы воротились на шхуну. По приказанію старика освѣтили судно...
На шканцахъ были собраны всѣ товарищи и общій голосъ сказалъ:
— Дѣвчонку за бортъ... Иштѣнника Маймара на рею...

— Что скажешь, Кара-Буланъ? замѣтилъ старикъ... Не унижай
себя, не гляди на ея слезы... не будь слабъ, пешнужъ отъ...

— Дядя Яковъ, сказала я, не разсуждая, что говорю... Ты винов-
никъ спасенія этой дѣвушки... Жизнь ея въ твоихъ рукахъ, дѣлай
что знаешь!

— Bravo!.. Такъ вотъ мое рѣшеніе, съ злобною улыбкою громко ска-
залъ старикъ... Всѣ, кромѣ немногихъ—на шлюбки и въ Инкерманъ...
Пустынникъ, отецъ Константинъ обвиняетъ любящуюся чету, а мы
сравнимъ пиръ веселой свадьбы... За дѣло...

И дѣйствительно, со вздохомъ продолжалъ корсаръ: въ туже ночь
ты, отецъ Константинъ, обвинялъ Марію и Константина, и при выходѣ
изъ пещеры тогда же застрѣлялъ ихъ дядя Яковъ... Но Святой Пре-
мысль отпустилъ намъ это послѣднее и жестокое преступленіе... Давно
слѣдившіе за нами — взяли насъ въ эту ночь... и я въ цѣпяхъ...
завтра моя казнь... Помолись обо мнѣ, благочестивый старецъ...

Съ разсвѣтомъ, у базарахъ Бахчисараякъ азиякъ Кара-Буланъ, который
предъ смертнымъ часомъ оправдалъ стараго Грека...

— Бросьте что-нибудь въ эту мерлушку! сказалъ цыганъ, заключая
своей рассказъ.

ЗАПИСКИ МОЛОДОЙ ЖЕНЫ.

8 декабря.

Сегодня въ шесть часовъ Алеша мой уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ дѣла по имѣнію требуютъ его присутствія.

Я просилась ѣхать съ нимъ; я умоляла, я даже плакала; но просьбы и слезы все было напрасно... мой тиранъ не смягчился... Онъ увѣрялъ, что дальняя и утомительная поездка, въ такое суровое время, расстроитъ мое здоровье, и безъ того слабое.

Разрешено, что я останусь въ Петербургѣ; я проводила его до станціи желѣзной дороги, и когда поѣздъ, садясь, скрылся вдаль, я воротилась домой, съ заплаканными глазами, съ тоскующимъ сердцемъ.

Алеша обѣщала воротиться черезъ три недѣли непремѣнно. Три недѣли! Боже мой, какъ долго! Я до-сихъ-поръ ничего не понимала въ наукѣ чиселъ; все мое познаніе ограничивалось увѣренностью, что дважды два не пять, и вотъ я принялась дѣлать вычисленія, достойныя любого ученаго. Измаравъ много бумаги, я достигла безнадежнаго результата: въ трехъ недѣляхъ двадцать-одинъ день, въ этихъ дняхъ пятьсотъ четыре часа пятьсотъ четыре часа, состоятъ изъ тридцати тысячъ двухъ сотъ сорока минутъ, которыя равняются миллиону восьми стамъ четырнадцати тысячамъ четыремъ стамъ секундамъ.

И такъ мы будемъ разлучены въ-продолженіе миллиона восьми сотъ четырнадцати тысячъ четырехсотъ секундъ, мы — не разлучившіеся ни на одну секунду въ четыре мѣсяца нашей брачной жизни.

Какъ эти мужичины злы! Тотчасъ по пріѣздѣ въ Саратовъ, Алеша мнѣ пишетъ; и единственное мое утѣшеніе—мысль, что я скоро получу его письмо. А мой мужъ такъ мало пишетъ. Я помню, какъ буд-
то три дня вчера, съ какими волненіемъ я читала его письма еще до

нашей свадьбы. Я берегу ихъ, какъ зеницу ока. Сколько души, какой жаръ, сколько благородства, чувствительности и поэзій!

— Куда адресовать мнѣ мой отвѣтъ? спросила я его.

— Не трудись напрасно, отвѣчалъ онъ: твое письмо не застанетъ меня въ Саратовѣ.

— Ну, такъ я сдѣлаю лучше! вскричала я въ восторгѣ отъ моей мысли. Каждый день, каждый часъ я буду записывать мои поступки, мои слова и мысли. По возвращеніи, ты прочитаешь цѣлый журналъ, и увѣришься, что даже въ разлукѣ я жила только тобою и для тебя одного.

Алеша улыбнулся и поцѣловалъ меня за эту мысль, которую онъ нашелъ чрезвычайно умной и милой.

Который-то часъ? Девять минутъ десятаго. — Что мнѣ дѣлать? Спать еще рано. Не перечитать ли его письма? Такимъ-образомъ я проведу время съ нимъ. Только бы не помѣшалъ кто-нибудь. Впрочемъ кому пріѣхать? Свекровь моя, графиня Грушина, еще не воротилась въ Петербургъ изъ деревни. — Я не велю никого принимать.

— Аннушка! я не принимаю никого... никого, слышишь!

Ну, теперь возьмемъ наудачу изъ шкатулки письмо мужа. Посмотримъ, какое попало мнѣ первое. На немъ № 19. О, я узнаю тебя по формату! Ты мнѣ отдано было однажды вечеромъ, послѣ того, какъ я пропѣла прощаніе съ соловьемъ «Алябьева». Алеша стоялъ за моимъ стуломъ, подъ предлогомъ перевертыванія нотъ, и исполнялъ свою обязанность очень неловко: вѣчно опаздывалъ перевернуть страницу... хороше еще, что я знала акомпаниманъ наизусть...

Но что скажетъ этотъ драгоценный 19 номеръ? Посмотримъ. Въ немъ проклинаютъ препятствія, задерживающія нашу свадьбу; ему кажется, что день, такъ пламенно ожидаемый, никогда не настанетъ; всакий вечеръ, при разставаніи, онъ чувствуетъ, какъ сердце разрывается на части, и еслибъ онъ не боялся уронить достоинство мужчины, то заплакалъ бы, какъ ребенокъ. Зато, когда онъ будетъ моимъ мужемъ, онъ не оставитъ меня ни на одну минуту, и устроитъ нашу жизнь такъ, чтобы ничто, кромѣ смерти, не могло насъ разлучить.

И черезъ пять мѣсяцовъ авторъ этого краснорѣчиваго посланія — скачетъ одинъ, по ухабамъ, въ Саратовъ, между-тѣмъ, какъ моя его скачетъ въ Петербургъ.

О Алеша, Алеша! Неужели ты любишь меня меньше, чѣмъ въ то счастливое время, когда увѣрялъ, что одно случайное столкновенье двухъ нашихъ наполняло уже твою грудь невнятнымъ блаженствомъ?

Однако это письмо, вмѣсто веселья, еще болѣе меня раздражаетъ.

Атъ Отчего мнѣ такъ рѣдко исполняютъ обѣщанія, данныя жениху?

Первы мои разстроены, голова болитъ, ложусь спать печальная и сердатая. Злой, гадкій Алеша! мнѣ кажется, что я возненавидѣла бы васъ... еслибъ не любила такъ сильно.

9 декабря, полдень.

Когда я проснулась, Аннушка подала мнѣ письмо отъ моей свекрови. Она пишетъ:

Любезная невѣстка!

Алексѣй извѣстилъ меня о своемъ внезапномъ отъѣздѣ въ Саратовъ; я поспѣшила возвратиться въ Петербургъ, и только сегодня ночью прѣехала. Молодой женщины вашихъ лѣтъ и вашего званія неприлично жить одной, по собственному произволу, безъ поддержки, во-время отсутствія мужа. Поэтому я прискакала въ столицу, куда меня призывали и сердце, и долгъ. Я надѣюсь, что вы поспѣшите навѣстить меня, какъ только встанете.

Любящая васъ Марья Грушина.

Несмотря на то, что письмо довольно сухо и натянуто и что въ немъ такъ и проглядываетъ строгость, я обрадовалась. Я едва знаю графиню, но она мать моего мужа, и поэтому имѣетъ полное право на мое уваженіе и любовь.

Я завтракала одна, и завтракала очень скучно. Когда я сѣла къ столу, обыкновенно оживленному веселостію Алеша, столъ показался мнѣ огромнымъ, какъ степь, и весь аппетитъ мой пропалъ. Завтракъ кончился слезами.

Аннушка говоритъ, что карета готова. Полечу къ графинѣ. Наковецъ, вмѣсто того, чтобъ думать втихомолку объ мужѣ, я буду говорить о немъ, и говорить сколько душѣ угодно.

Тотъ же день, 10 часовъ.

Я возвратилась усталая, измученная и съ ужаснымъ запасомъ скуки. Я зѣвала всю дорогу. Моя свекровь женщина, безъ сомнѣнія, очень почтенная, но жить съ нею я не согласилась: между нами такая же симпатія, какъ между огнемъ и водою. Ей удалось найти недостатки во всемъ: она увѣряла, что мое платье дурно сшито, что цвѣтъ моей шапки слишкомъ яркъ, что форма шляпки изыскана.—Я прогово-

рлаась, что люблю музыку и сижу за фортепиано по два часа въ день; за это я должна была выслушать предлинную нотацию — о времени, потраченномъ на пустяки.

— Забудьте женщина должна прежде всего заниматься своими дѣтьми! сказала она, окончивъ свою рѣчь.

— Nota bene, когда у ней есть дѣти, отвѣчала я.

Должно-быть я сказала что-нибудь очень неловкое, потому-что моя любезная свекровь велѣла мнѣ замолчать, бормоча съ оскорбленною важною: Вотъ въкъ! старому человѣку рта разинуть не дадутъ. Чтобы загладить мой невольный промахъ, я стала говорить о тебѣ, милый Алексѣй, говорила о томъ, какъ я счастлива, какъ горжусь тобою и до какой степени опечалена нашей разлукой.

— Пожалуйста, моя милая, не вздумайте говорить такихъ глупостей при постороннихъ, сказала она, нахмуривъ брови.

— Почему же это глупости? спросила я.

— Потому-что всѣ надъ вами будутъ смѣяться.

— Смѣяться? Да развѣ любовь къ мужу предсудительна, или неприлична?

Такъ прошелъ этотъ безконечный день. Я подозреваю, что часы графини нарочно отставали, чтобы меня мучить. Мы обѣдали вдвоемъ; обѣдъ былъ очень торжественный и церемонный; намъ служили лакеи, одѣтые съ ногъ до головы въ черное; да и вообще весь обѣдъ веселостью могъ бы поспорить съ печальной церемоніей.

Послѣ обѣда явилось нѣсколько друзей графини. Собралось человѣкъ десять, которые, еслибъ сложились лѣтами, то старецъ изъ старцевъ показался бы передъ ними юношей. — Я была разобрана и раскритикована, что называется — по косточкамъ. — Всѣ съѣли играть въ карты; а я отъ скуки принялась считать на потолокъ арабески и зѣвать въ тихомолку. Въ половинѣ десятаго я уѣхала, подъ предлогомъ сильного мигрени.

— До завтра, мой другъ, сказала мнѣ старуха при прощаньи.

Я, молча, поклонилась.

Боже мой! Какъ бы я хотѣла захворать въ-самомъ-дѣлѣ.

10 декабря, 11 часовъ.

Алена, я видѣла дурной сонъ; онъ мучилъ меня всю ночь, а теперь я еще не могу избавиться отъ мрачныхъ мыслей, которыми она на меня навѣвала.

Видишь ли, что ты провозишь черезъ какой-то городъ; глужу, вѣрно

тебя сидитъ женщина. Она молода, хороша собою, несравненно лучше меня. Она сидѣла въ каретѣ съ такой кокетливой, съ такой предательской граціей, что я возненавидѣла ее въ ту же минуту. Между-тѣмъ, ты, милый Алексисъ, прислонясь въ уголку, смотрѣлъ съ любовью на мой портретъ, который я тебѣ тихонько положила въ руку въ минуту твоего отъѣзда. — Ты думалъ только обо мнѣ, и не обращалъ вниманія на свою сосѣдку: я была счастлива! — Но вдругъ она, оскорбленная твоимъ невниманіемъ, придвинулась къ тебѣ, положила свою голову къ тебѣ на плечо, и слегка дунула на портретъ. И вдругъ черты мои стали мало-по-малу исчезать и замѣняться ея чертами.

Тогда, посредствомъ ясновидѣнія, которое приобретаютъ наши чувства во снѣ, я услышала, какъ сердце сильнѣе забилось въ твоей груди и кровь быстрѣе пошла въ твоихъ жилахъ.

— Алеша! я люблю тебя! шептала незнакомка.

И она обвила руками твою шею.

А ты, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть ее съ гнѣвомъ, тихо подлелъ ея руку.

Тогда, я въ безпамятствѣ бросилась къ лошади, обрѣзала постромки ножницами, и карета съ грохотомъ покатилась въ пропасть...

Я проснулась. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу, слезы текли ручьемъ.

Это былъ сонъ, мой другъ, я это знаю, а между-тѣмъ тоска претѣвъ воли овладѣла мною; я готова плакать и наяву.

Тотъ же день, 12 часовъ.

Еще письмо отъ моей свекрови. Неужели я судила о ней слишкомъ строго? Вотъ что она мнѣ пишетъ:

Милая Юлія!

«Молодая женщина въ отсутствіе мужа должна быть очень разборчива въ своихъ удовольствіяхъ. Но было бы несправедливо лишать ее всякаго развлеченія. Есть удовольствія, въ которыхъ даже недоброежелательность и злоба не могутъ найти ничего предосудительнаго. Я предлагаю вамъ одно изъ такихъ удовольствій. Пріѣзжайте, и мы раздѣлимъ его. Надѣюсь, вмѣсто отвѣта, увидите васъ самихъ». И проч.

Скорѣй! скорѣй! надо одѣться и ѣхать благодарить добрую графиню. Сегодня въ Итальянской Оперѣ бенефисъ. Вѣрно графиня взяла лошю и хочетъ предложить мнѣ мѣсто. Какъ я благодарна ей за такое вниманіе. Я замѣчаю, что она много выигрываетъ, когда ее узнаешь вскороче; она совсѣмъ не такъ сурова, какъ кажется съ перваго раза.

Полночь.

Часъ отъ часу хуже! Вчера я воротилась домой полуживая, сегодня совсѣмъ убитая.

Въ другой разъ, если графиня будетъ мнѣ предлагать невинныя удовольствія, я буду знать, въ чемъ дѣло.

Я прѣехала къ ней во второмъ часу.

— Что это вы, моя милая! сказала она мнѣ, вмѣсто прѣвѣтствія; никакъ съума сошли.

Я посмотрѣла на нее, ничего не понимая.

— Къ чему это вы разрядились? Что за неумѣстное щегольство? Сдѣлайте милость, снимите ваши браслеты, наколите этотъ черный вуаль на вашу розовую шляпку, оставьте вашу бархатную мантилью съ кружевами; вотъ вамъ вмѣсто нея кацавейка; въ ней вамъ будетъ теплѣе.

Я повиновалась, какъ ребенокъ, надъ которымъ умничаетъ нянька, и твоя несчастная Юлія, милый Алексій, была преобразована въ одну секунду чуть-чуть не въ салонницу.

Еслибы ты увидѣлъ меня въ этомъ нарядѣ, то непременно прогналъ бы меня; и ты былъ бы правъ.

— Боже милостивый! думала я, какое невинное удовольствіе угрожаетъ мнѣ.

— Теперь вы прилично одѣты, сказала графиня, и мы можемъ ѣхать. Лишь-бы не опоздать, а то не найдемъ мѣста.

Услышавъ это, я потеряла всякую надежду ѣхать въ оперу; вѣроятно мы поѣдемъ на музыкальное утро, или осматривать какую-нибудь лотерейную выставку.

Мы поѣхали однако вовсе не туда.

Карета наша остановилась въ дальней части города. Я вышла изъ кареты вслѣдъ за графиней, и мы вошли въ большую залу, уставленную стульями.

Я посмотрѣла на часы: было безъ пяти минутъ два.

Отъ двухъ часовъ до половины шестаго, я имѣла невыразимое удовольствіе слушать какого-то скучнаго француза, который читалъ о направленіи духовной поэзіи во Франціи, и разбиралъ Массильона и Боссюэта.

У меня страшно озябли ноги; я зѣвала до того, что заболѣли скулы; я заснула бы, еслибы графиня не подергивала меня какъ только я закрывала глаза. Можешь вообразить, какъ я скучала, милый Алексій? Я думала о тебѣ, и даже эта могущая мысль не могла преодолѣть моей скуки!

Послѣ назидательнаго чтенія мы возвратились къ графинѣ, гдѣ меня ожидагь такой-же точно обѣдъ, какъ вчера; сзади насъ стояли тоже мрачныя лакеи.

Послѣ обѣда меня засадили за вистъ—преферансъ. Данте забываетъ помѣстить эти невинныя удовольствія въ числѣ мукъ своего «Ада». О судьба! избавь меня отъ развлеченій моеи милой свекрови.

11 декабря.

Сегодня я сдѣлала глупость; я признаюсь тебѣ въ ней, но съ условіемъ, чтобъ ты не свѣдѣлся надъ твоей бѣдной Юліей; разлука съ тобой помрачила ея бѣдный разумъ.

— Гдѣ-то теперь мой Алеша? Что онъ подѣлываетъ? О комъ думаетъ? Вотъ три вопроса, которые я повторяю безпрестанно, и не нахожу на нихъ нигдѣ отвѣта.

Дороги въ это время года такъ дурны, пріѣзжающіе только и твердятъ объ опрокинутыхъ каретахъ. Иногда мнѣ кажется, что карета твоя сломалась, и я вижу тебя раненнаго, умирающаго, на дрянномъ постояломъ дворѣ, безъ помощи, безъ врача! Тогда сердце мое сжимается и кровь стынетъ въ жилахъ.

Сегодня эти черныя мысли овладѣли мною сидѣше, чѣмъ прежде, и я рѣшилась узнать что-нибудь о твоей судьбѣ. Я вспомнила о гадальщицѣ, о которой мнѣ много рассказывали. Говорятъ, что она ясновидящая, и творить просто удивительныя вещи, подъ вліяніемъ какого-то магнетизера.

Пойду посоветоваться съ этой свивллой, сказала я: хочу непременно узнать наконецъ что-нибудь положительное. Дѣйствительность, какова-бы она ни была, не можетъ быть хуже этой томительной неизвестности.

Между-тѣмъ графиня прислала мнѣ сказать, что она заѣдетъ ко мнѣ въ третьемъ часу. Я отвѣчала, что я въ отчаяніи, потому-что не могу принять ее: мнѣ необходимо ѣхать со двора.

Въ два часа я вышла пѣшкомъ, одна, не желая никому повѣрить моей сердечной слабости. На Невскомъ я наняла извозчика, и поѣхала къ ясновидящей. Она живетъ гдѣ-то на Пескахъ,—мѣсто, котораго я и не подозрѣвала: я думала, что тутъ только болото.

Съ треногомъ поднималась я по лѣстницѣ въ какой-то мезонинъ. Хотя я не очень вѣрю предсказательницамъ, но рассказываютъ о такихъ чудныхъ вещахъ, что часто мнѣ хочется поневолѣ убѣдиться, дѣйствительно-ли это такъ.

Кухарка ввела меня въ довольно большую комнату, очень мало меблированную и украшенную картинками изъ Аталы и Рене. Я сѣла на какой-то диванъ съ ямами и, повидимому, набитый толченымъ кирпичемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась какая-то старуха, въ чепцѣ на боку, изъ-подъ котораго вырывались пряди непричесанныхъ волосъ, и очень наввно мнѣ улыбулась. Я не замѣтила въ ней ничего особеннаго. Это просто толстая женщина, съ довольно невыразительной физиономіей.

— Садитесь! сказала она, и опустила въ вольтеровское кресло, фантастической постройки, обитое кожей самаго неопредѣленнаго цвѣта.

— Что вамъ угодно знать? спросила у меня гадальщица, выниная изъ футляра замасленную колоду картъ. Вамъ погадать на короля, или на даму?

— Мой мужъ уѣхалъ, и мнѣ хочется узнать, что онъ дѣлаетъ. Она разложила карты. — Онъ далеко отсюда?

— Да.

— Есть у васъ какая-нибудь вещь, принадлежавшая вашему супругу?

— У меня есть медальонъ съ локономъ его волосъ.

— И прекрасно. Позвольте взглянуть.

Я отдала медальонъ. Она повертѣла его въ рукахъ, что-то надъ нимъ пошептала. Ты знаешь этотъ медальонъ. Это тотъ же самый, въ который вѣданъ портретъ моего брата, офицера кавказскаго линейнаго батальона. Сивилла съ такимъ жаромъ обнюхивала твои волосы, что и стала-бы ревновать, будь она помоложе и получше собою.

Вдругъ она страшно вскрикнула; я поблѣдѣла какъ смерть.

— Что такое? Боже мой! что такое? спросила я въ томленіи.

— Вы не пугайтесь, сказала она съ важностію; но я должна вамъ сказать то, что вижу на картахъ. Вотъ онъ... я его вижу... онъ впереди своего отряда; нѣсколько сотъ черкесовъ окружаетъ ихъ, нападаютъ на нихъ, но они побѣждаютъ... пуля поражаетъ его лошадь, она падаетъ... Одинъ изъ солдатъ отдаетъ ему свою... онъ дерется, какъ левъ... шашка его обагрена кровью враговъ... черкесы такъ и валятся отъ его ударовъ... онъ бросается вслѣдъ за бѣгущими хищниками... онъ невредимъ.

Минута молчанія. Сивилла собираетъ свои карты и опять ихъ раскладываетъ, отбрасывая часть всторону.

— Я вижу его опять, но неясно, продолжала она: онъ проклинаетъ

кашля; съ благодарить Всевышняго; имя ваше дрожитъ у него на губахъ...

— Угодно вамъ узнать еще что-нибудь о вашемъ супругѣ? Можно взглянуть въ кофейную гуцу, тамъ еще видѣе.

— Благодарю; съ меня довольно и этого.

Я задыхалась. Мнѣ было и снѣжно и досадно на свою глупость. Я взяла медальонъ и уѣхала.

Это мнѣ стоило три цѣлковыкъ.

12 декабря.

Весь день идетъ снѣгъ! холодно; я сегодня не выходила со двора, Я провела все время у каминна, въ твоёмъ кабинетѣ, думая о тебѣ. Передо мною цѣлыя страницы цифръ. Прошло сто часовъ со дня твоего отъезда; то-есть 360,000 секундъ надо вычесть изъ общей суммы; я не увижу тебя еще 930,000 секундъ. Боже мой! Да я до-тѣхъ-поръ успею умереть сто разъ.

13 декабря.

У меня есть свекровь, и я убѣждена, что если она не перемѣнитъ своего обращенія со мною, то мое счастье недолговѣчно. Если я еще не разсорилась совершенно съ графиней такъ, по-крайней-мѣрѣ, мы очень не жалуетъ другъ-друга. Мы, пожалуй, разыграемъ, сцену примиренія, когда возвратится мой мужъ, но я увѣрена, что она не проститъ мнѣ никогда сегодняшней сцены. Да и я также.

Нѣтъ, я не прошу ей обидныхъ подозрѣнй, оскорбительной недоувѣрчивости и гнуснаго шпіонства, которое она не постыдилась употребить противъ меня.

Я сейчасъ отъ нея. Сцена была короткая, но горячая. Дерзости сыпались градомъ.

Удивительная тѣнь, что я не приняла ее, она приказала одному изъ своихъ слугъ ждать меня на улицѣ и слѣдить за мною, куда бы я ни пошла. Онъ водѣлъ, какъ я вышла изъ дому, боязливо проша по Невскому, наняла сани и поѣхала въ отдаленный кварталъ.

За мной продолжали слѣдовать; я велѣла остановиться передъ домомъ подозрительной наружности, и вошла въ этотъ домъ; я оставалась тамъ цѣлый часъ, и когда вышла, была очень блѣдна и казалась сконфузенной.

Послѣ этого долгаго и мелочнаго высчитыванія всѣхъ моихъ по-ступковъ, свекровь сложила руки и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Видите, я все знаю! сказала она голосомъ, которому хотѣла придать презрительное выраженіе.

— Совершенно все.

— Стало-быть, вы и не опровергаете этого?

— Зачѣмъ опровергать то, что справедливо.

— Ваше поведеніе очень легкомысленно, сударыня. Удавить меня для того, чтобы бѣжать куда-то на Пески...

— Слѣдить за мною, какъ за преступницей!

— Осторожность—мать безопасности.

— Довольно, прошу васъ! ваши подозрѣнія меня оскорбляютъ. Я вамъ все скажу.

Я рассказала ей мой визитъ къ гадалщицѣ, со всѣми подробностями. Когда я кончила, свекровь пожала плечами.

— Эта исторія недурно придумана, сказала она: жаль только, что неправдоподобна.

— Такъ вы не вѣрите?

— Плохо вѣритесь. Да я думаю, что и Антонъ Егорычъ не сразу бы этому повѣрилъ.

— Антонъ Егорычъ! спросила я съ удивленіемъ: кто такой Антонъ Егорычъ, и что миѣ за дѣло до его мнѣнія?

— О! да вы отличная актриса! сказала графиня, смѣясь. Такъ вы не знакомы съ мосье Сергучевымъ? Скажите, пожалуйста, а онъ обожаетъ васъ и вездѣ рассказываетъ, что просто умираетъ отъ любви къ вамъ.

Я слушала и не понимала.

— Вы говорите загадками, сказала я: я бѣзтолкова: нельзя-ли пояснѣе.

— Это лишнее; вы и такъ меня очень хорошо поняли.

Я встала и пошла къ дверямъ.

Одну минуту, сказала графиня: я хочу вамъ дать совѣтъ: если вы ужъ рѣшились поступать такъ необдуманно, такъ дождитесь, по крайней-мѣрѣ, пріѣзда мужа. Я уѣхала, ничего не появивъ и свранивая у себя, кто-же этотъ господинъ Сергучевъ, который меня обожаетъ и котораго я не знаю?..

Сергучевъ... имя довольно звучное!

17 декабря.

Сегодня, по моимъ вычисленіямъ, я должна получить письмо отъ Алеши. Я уже три раза спрашивала, не приходитъ-ли почтальонъ. Аннушка все отвѣчаетъ, что нѣтъ. Отчего-же онъ не пишетъ? Это ужа-

оно! Мнѣ такъ необходимо его письмо... Мнѣ надо знать, что я любима... Я не видѣлась больше со свекровью; а какъ скучно быть вѣчно одной! Какъ цвѣтокъ, спаленный солнцемъ, ждетъ ночи, чтобы освѣжиться росой, я жду вѣжныхъ рѣчей и клятвъ любви моего милаго

Что за шумъ?.. Это Аннушка; она подаетъ мнѣ письмо изъ Саратова. Боже! благодарю Тебя. Наконецъ я буду счастлива! пора: это первая радость въ продолженіе десяти дней.

Опять разочарованіе! Оно жестоко поразило мое сердце. Вотъ письмо Алеши, письмо, которое въ мечтахъ я представляла себѣ такимъ вѣжнымъ, пламеннымъ. Я списываю его слово въ слово.

Милая Юличка!

«Путешествіе мое было прекрасно; тотчасъ по пріѣздѣ въ Саратовъ, я увидѣлся со всѣми, съ кѣмъ было нужно видѣться; дѣла мои идутъ хорошо. Я такъ торопился ѣхать, что не видалъ даже моего повѣреннаго, и не далъ ему никакихъ приказаній. Напизи ему, чтобы онъ продалъ мои бумаго-прядильныя акціи, а вмѣсто ихъ, купилъ бы акцій волжскаго пароходства, и наблюдалъ бы за ходомъ дѣла о торфѣ.

«Мнѣ вѣкогда писать тебѣ больше. Я возвращусь въ Петербургъ къ назначенному времени.

Прощай!»

«Твой Алексѣй Оршковъ.»

Я читала какъ-то, прекрасную драму «Рюи-Блазъ». Въ этой драмѣ, молодая женщина разлучена съ мужемъ, и съ нетерпѣніемъ ждетъ объ немъ извѣстій. Она въ отчаяніи; вдругъ является посланный съ письмомъ. Дрожащей рукой ломаетъ она печать; мужъ пишетъ:

Madame, il fait grand vent, et j'ai tué six loups, —
(Погода очень вѣтряная, и я убилъ шесть волковъ).

Я была тогда очень молода и много смѣялась надъ лаконизмомъ этого вѣжнаго посланія. Увы! я тогда и не думала, что мечта поэта такъ скоро обратится для меня въ безотрадную истину.

Бѣдная женщина! Мнѣ жаль тебя, если ты страдала хоть вполвину такъ, какъ я.

18 декабря.

Сегодня утромъ, Аннушка испугалась; дотога я переживалась.

— Боже мой! вскричала она: что съ вами, сударыня, вы вѣрно бездуровы.

Дѣло въ томъ, что у меня красные глаза и желтов, истомленное лицо. Я не спала всю ночь, но зато плакала вдоволь. По-временамъ усталость одолевала меня, мысли мои кѣшались и я начинала дремать. Тогда тысячи призраковъ являлись передо мною; я видѣла ихъ коварныя улыбки, ихъ насмѣшливые взгляды.

— Мы твои забытыхъ женъ, говорили бѣлые призраки, кружась около моей постели. Приди къ намъ, приходи, сестра, покинутая и обманутая, какъ мы!

И хоръ насмѣшливыхъ голосовъ пѣлъ на странный напѣвъ:

Продай мои бумаго—прядильныя акціи.

Купи мнѣ волжскія.

Потомъ, мнѣ являлась красавица Испанка, она опиралась съ любовью на руку Рюи-Блаза; она, наклонясь ко мнѣ, нашептывала мнѣ слова, отъ которыхъ я трепетала и страдала.

Мнѣ казалось, что невидимая рука писала огненными буквами на стѣнахъ моей комнаты и на занавѣсахъ постели имя Сергучева.

Алексисъ, я еще разъ прочла ваше письмо; но какъ я не перетолковываю его, все не могу найти въ немъ ни одного нѣжнаго слова, ни одной искры любви. Итакъ, недѣли было достаточно, чтобы вырвать изъ вашего сердца воспоминаніе обо мнѣ, какъ довольно было одного дуновения злой женщины, которую я видѣла во снѣ, чтобы стереть мои черты со слоновой кости! Чѣмъ заслужила я такое охлажденіе? Въ чемъ вина моя?

19 декабря.

Я вооружилась всемъ доступнымъ мнѣ мужествомъ и отправилась къ графинѣ.

Свекровь встрѣтила меня принужденнѣе и холоднѣе, чѣмъ когда-нибудь. Термометръ ея благоволенія ко мнѣ упалъ на 15 градусовъ ниже нуля, температура, соответствующая теперешнимъ морозамъ.

Мы разстались холодно, а встрѣтились какъ-будто облитыя ледною корою.

Однако холодный пріемъ ея меня не озадачилъ. Я къ нему приготовилась, и рѣшилась заранѣе принять на себя всю тяжесть перваго шага къ примиренію.

Поэтому я была почтительна и покорна, между-тѣмъ какъ въ сердцѣ у меня кипѣла оскорбленная гордость. Я хотѣла, во что бы то ни стало, завоевать расположеніе графини. Увы! Я давно уже потеряла отца и мать! Я была воспитана опекуномъ, который покрывалъ мнѣ

всѣхъ рублей за свои хлопоты по опеку, и который былъ со мною нѣженъ ни болѣе, ни менѣе, какъ на тысячу рублей. Стало-быть, любовь графини мнѣ необходима; особенно теперь, когда мужъ не любитъ меня болѣе.

Вотъ что твердила я себѣ, чтобы поддержать свое мужество на трудномъ пути смиренія, который мнѣ предстоялъ.

Наконецъ, когда я думала, что удобная минута настала, я дала волю слезамъ, которыя удерживала въ-продолженіе двухъ часовъ.

— Что съ вами? спросила съ удивленіемъ графиня.

Не имѣя силы отвѣчать, я подала ей, рыдая, письмо мужа.

Она развернула его, не торопясь; во-время чтенія лицо ея оставалось холоднымъ.

— Ну что-жь? спросила она, отдавая мнѣ письмо.

— Какъ что-жь? онъ меня не любитъ болѣе; это очевидно. Я для него не жена, а стрипчій. И все это черезъ четыре мѣсяца послѣ свадьбы. Куда, какъ мило!

— Послушайте, моя милая, сказала старуха: я не вижу тутъ ничего неприличнаго. Алексѣй называетъ васъ *милой Юличкой*, оканчивая письмо, онъ говоритъ *твоей Алексѣй*. Чего же вамъ болѣе? Вы, можетъ-быть, хотите, чтобы онъ писалъ вамъ въ стихахъ, или какъ пишутъ письма въ романахъ? Это смѣшно!

— Я надѣялась, что письмо его будетъ такъ же мило и нѣжно, какъ тѣ, которыя онъ писалъ мнѣ до свадьбы; въ то время онъ не говорилъ мнѣ о своихъ акціяхъ!

Грушина была такъ поражена, что нѣсколько минутъ не могла придти въ себя.

— Такъ мой сынъ писалъ вамъ, когда вы не были еще его женой? спросила она, опомнившись.

— Да.

— И вы брали его письма?

— Онъ такъ учтиво подавалъ ихъ!

— И вы ихъ читали?

— Если я брала ихъ, такъ надобно же было и прочесть!

— И вы отвѣчали на нихъ?

— Если я ужъ рѣшилась читать и брать, — то почему же было не отвѣчать!

— Прекрасная логика! отвѣчала старуха: стало-быть, если и Антонъ Егорычъ Сергучевъ вздумаетъ затѣять переписку, вы и его письма будете принимать, читать и отвѣчать вашему обожателю?

Едва это имя было произнесено, какъ я почувствовала, что кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Вы покраснѣли? сказала свекровь строгимъ голосомъ.

— Да, я покраснѣла, но только отъ негодованія; я не понимаю, кто вамъ далъ право такъ оскорблять меня? Но я не потерплю этого болѣе.

Я холодно поклонилась и вышла въ сильномъ волненіи.

Антонъ Сергучевъ! Это имя безпрестанно звучитъ передо мною... И съ чего моя свекровь выдумала всю эту вздорную исторію о таинственномъ обожателѣ. Странно: меня любятъ, а я не знаю ни лѣтъ, ни роста, ни положенія въ свѣтѣ, ни цвѣта волосъ моего поклонника. Это, право, забавно; даже любопытно.

20 декабря.

Мнѣ девятнадцать лѣтъ, у меня стройная талія, маленькая ножка, крошечная ручка, бѣлые зубы, коралловые губки, черные глаза и бѣлокурые волосы; я безъ ума люблю моего мужа.

А со мною обращаются, какъ-будто у меня голова сѣдая, глаза оловянные, ротъ безъ зубовъ, сморщенные руки, огромныя ноги, безобразная талія, и какъ-будто мнѣ шестьдесятъ лѣтъ.

Просто, понять не могу, что за необъяснимая загадка!

Отчего, когда я думаю объ одной любви, онъ думаетъ только о торфѣ?

21 декабря.

Тайна проникнута, загадка объяснилась?.. Я сдѣлала сегодня чудесную находку. Сегодня я искала въ мужниномъ бюро бумаги, чтобъ продолжать мой журналъ. Нечаянно подавила я скрытую пружину, и вдругъ открылся потайной ящикъ, котораго я и не подозрѣвала; въ ящикѣ были письма. Я думала сначала, что это мои письма, но ошиблась; я съ перваго взгляда увидѣла, что это не мой почеркъ. Это эпизодъ изъ холостой жизни Алексѣя Гаврилыча; настоящій романъ въ двадцати письмахъ.

Вотъ послѣдняя глава этого романа. Я читала и перечитывала ее разъ десять, и сплшшу, чтобъ никогда не забыть; вотъ она:

«Позвольте мнѣ, мой другъ, изъавить васъ отъ притворства и лжи. Вы любили меня; теперь вы меня не любите. Я уже не сомнѣваюсь въ вашемъ охлажденіи, я въ немъ увѣрена. Изъавьте же себя отъ комедіи, тагостной для васъ, невыносимой для меня. Вы взяли изъаде мое сердце, и возвращаю вамъ свободу».

«Вѣрьте мнѣ: я говорю все это безъ всякой горечи; то, что случилось, не удивляетъ меня, это должно было случиться. Не сдѣлала-ли я все, чтобы разстроить предполагаемый нами бракъ! вина моя, и вина непростительная!

«Я любила васъ слишкомъ глубоко, слишкомъ искренно; въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ не было ни кокетства, ни хитрости. Я открыла передъ вами всѣ тайные изгибы моего сердца.

«Что нашли вы въ немъ? Мысль объ васъ, любовь къ вамъ. Во все время вашего сватовства, я казалась такой, какой была въ-самомъ дѣлѣ; я гордилась вашей любовью, счастье мое было въ вашемъ взглядѣ, въ вашей улыбкѣ. Въ сравненіи съ вами другіе мужчины казались мнѣ неловкими, глупыми, безобразными. Я видѣла только васъ, думала только объ васъ, жила одними вами. Я говорила вамъ это, повторяла и доказывала въ-продолженіе шести мѣсяцевъ. Вотъ моя вина; она велика, и теперь я за нее расплачиваюсь.

Вы, мужчины, любите насъ сильно только до-тѣхъ-поръ, пока вамъ кажется, что васъ очень мало любятъ. Но едва вы увѣритесь въ своемъ торжествѣ, вы замышляете уже новыя побѣды. Боязнь, подозрѣнія, ревность—вотъ средства, поддерживающія и разжигающія вашу страсть. Умная женщина должна скрывать половину своей нѣжности, если хочетъ долго властвовать надъ вашимъ сердцемъ. Я не употребляла хитростей, и вы охладѣли. Богъ съ вами. Прощайте».

Какой урокъ! Добрый, или злой геній послалъ мнѣ это письмо. Не знаю, но знаю только одно: я имъ воспользуюсь. Совѣтъ, какъ нельзя больше, кстати.

22 декабря.

Аннушка вошла сейчасъ ко мнѣ съ веселымъ виломъ.

— Вы ѣдете сегодня на балъ, сударыня? спросила она.

— На балъ? Ты знаешь, что я не ѣзжу на балы безъ мужа.

— Извините, я думала... потому-что вамъ принесли сейчасъ букетъ.

— Букетъ?

— Да-съ. Чудесный букетъ.

— Для меня?

— Для васъ, сударыня.

— Отъ кого?

— Не знаю, сударыня: услышавъ звонокъ, Николай отперъ дверь, ему отдали букетъ и сказали: «Это для барыни».

— Странно; гдѣ-же букетъ?

Аннушка вышла и черезъ минуту вороталась съ чудесной связкой камелій.

— Хорошо сказала я, оставь здѣсь.

Если предчувствіе не обманываетъ меня, этотъ букетъ присланъ мнѣ Сергучевымъ. Но слѣдуетъ-ли мнѣ принять его? Разуздется, нѣтъ... надо отослать его назадъ. Но куда? Ахъ! въ немъ вѣрно есть записка. Мужчины всѣ хитры и такъ смѣлы!

Я пересмотрѣла каждый цвѣтокъ, но не нашла ничего.

Этотъ Сергучевъ дерзокъ, и его самоувѣренность удивляла—бы мнѣ, еслибы я не была оскорблена ею. Но все-таки у него прекрасный вкусъ; букетъ очаровательный.

А чтѣ, если онъ самъ явится? Эти цвѣты, можетъ-быть, затѣи и присланы, чтобы имѣть предлогъ... Принять его? неприлично. Не принять—неучтиво, да и неловко: онъ, пожалуй, подумаетъ, что я боюсь его, что не надѣюсь на свою твердость!.. Мужчины такъ самолюбивы!

Собразивъ все хорошенько, я велѣла принять его, если онъ явится; я хочу дать ему почувствовать всю необдуманность, все неприличіе его поступка; я ему строго выскажу правду. Вотъ все, чего онъ можетъ ожидать отъ своего безумнаго посѣщенія.

Хотѣла-бы я знать, о чемъ думаетъ Аннушка? Прическа моя сегодня ни на чтѣ не похожа, а платье вовсе не къ лицу. Нѣтъ, придется ее пожурить: она очень дурно исполняетъ свою обязанность. Хорошо еще, что я случайно взглянула въ зеркало.

Тотъ-же день, 2 часа.

Аннушка доложила, что меня спрашиваетъ какой-то господинъ, котораго она никогда не видала, и который не хочетъ сказать своего имени.

Понимаю: это онъ. Мосье Сергучевъ... какъ скоро! Неужели онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, любитъ меня такъ безумно, какъ увѣряетъ моя сестра? Я чувствую какое-то невольное волненіе, я дрожу; однако теперь вовсе не время волноваться? Соберу всю свою твердость!

Я взглянула въ зеркало, чтобы придать лицу строгое выраженіе,— и какъ можно покойнѣе усѣлась на оттоманѣ. Дверь отворилась... я увидѣла человѣка — нето чтобы молодого, но и не стараго, на великана, не карлика, такъ-себѣ, довольно полнаго, не красавца, но и не дурнаго.

Онъ поклонился мнѣ довольно неловко; я пригласила его сѣсть противъ моего рабочаго столка.

— Сударины, извините!.. Я ошиблась житья по случаю букета...
сказалъ онъ съ замѣшательствомъ.

— Какое букета?

Я ошиблась еще больше его.

— Простите, ради Бога! я въ совершенномъ отчаяннн отъ этой
ошибки.

— Отъ ошибки?

— Извольте видѣть — сегодня утромъ я заказалъ букетъ въ прн-
точной лавкѣ Пассажа... Жена моя идетъ на балъ въ Благородное Со-
браніе, и я хотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ. Я велѣлъ принести его че-
резъ часъ сюда въ домъ, въ третій этажъ. Жду, жду,—букета нѣтъ!
Я пошелъ справиться и узналъ, что мальчикъ изъ лавки, вмѣсто третьего
этажа, отдалъ мой букетъ во второй.

Прощайте мои мечты и победы! Я позвонила и велѣла Аннушкѣ
отдать букетъ по принадлежности.

А я еще обривала въ этой любовности моему Сергучева... Забавный
промахъ! Тотъ, можетъ-быть, и не думаетъ обо мнѣ!... мужчины такъ
легкомысленны!

Восемь часовъ.

Мнѣ было любопытно узнать имя прнмѣрнаго супруга, который
дѣлаетъ такіе милые сюрпризы своей женѣ. Такіе мужа очень рѣдки!
Аннушка отправилась на розыски, и вотъ что она узнала:

Имя моего посетителя Цыпочкинъ, Анкудинъ Тимошевичъ; онъ имѣетъ
честь быть супругомъ Авдотьи Селиверстовны, урожденной Зубковой,
писательницы, возмущающейся нѣкоторою нѣвѣстностію, если вѣрять моеи
горничной.

Уже семь лѣтъ, какъ они обвѣнчаны; у нихъ три мальчика и двѣ
дѣвочки. Она написала много дѣтскихъ книжекъ. Они живутъ очень
дружно. Барыня водитъ на помочахъ барина, который отъ нея безъ ума.

Наушала, въ-самомъ-дѣлѣ, только при такихъ условіяхъ можно
быть счастливой?

23 декабря.

Сегодня Зина Рогова прнѣзжала навѣстить меня, и мы провели съ
ней весь вечеръ.

Зина двоюродная сестра моего мужа; ей двадцать шесть лѣтъ; она
богата, вдова, и очень миленькая кокетка.

— Ну что! милая Жюли, спросила она: получены-ли письма отъ
мужа? Скоро ли онъ вернется?

Я отвѣчала, что жду его на дникъ, и что онъ писалъ мнѣ всего одинъ разъ.

— Только-то! вскричала Зина: только одинъ разъ! Ну, скупъ-же онъ на бумагу! Но зато вѣрно письмо было длинное. Четыре страницы мелкаго, ожатаго почерка не правда-ли! Онъ исписавы вдоль и поперегъ; я это знаю.

Слова моей кузины мучили меня невыносимо. Я вспомнила объ волжскихъ акціяхъ, и о торфѣ, единственномъ предметѣ привязанности моего мужа, но сохранила присутствіе духа и довольно силы, чтобъ улыбнуться.

— Ты очень счастлива, не правда-ли? сказала Зина.

— О! да, очень счастлива! сказала я, удерживая вздохъ.

— Тѣмъ лучше! Дай Богъ, чтобъ ваше счастье было продолжительно. Дѣло въ томъ, что не всѣ мужья такъ любезны, какъ мой, съ которымъ я была счастлива два года съ половиной, и несчастлива всего только шесть мѣсяцевъ. Большая часть мужей бьютъ своихъ женъ и при томъ пользуются отличнымъ здоровьемъ. Изъ всѣхъ замужнихъ женщинъ, которыхъ я знаю—я самая счастливая, но я съ тѣхъ-поръ овдовѣла.

Затѣмъ Зина начала описывать мнѣ положеніе вдовы съ такимъ увлеченіемъ и такъ краснорѣчиво, что я должна была ее остановить. Я чувствовала, какъ въ глубинѣ моего сердца зарождалась непріятная мысль.

— Кстати, сказала она, прощаясь, знаешь-ли ты, чтó говорятъ?

— А чтó такое?

— Говорятъ, что ты будешь причиной ужаснаго несчастія.

— Я? Боже мой! Чтó ты хочешь этимъ сказать?

— Сергучевъ собирается застрѣлиться—отъ любви къ тебѣ. Несмотря на то, что она сказала эту фразу, улыбаясь, я чувствовала, что колѣна мои подгибаются, и оперлась о каминь.

— Чтó съ тобою? сказала кузина, отъ которой не скрылось мое волненіе.

— Не знаю, меня чтó-то душитъ; я вѣрно нездорова.

— Чтó же, пусти кровь

Я притворилась, что не слыхала.

— Чтó касается до мосье Сергучева, продолжала я, то мнѣ кажется страннымъ, что всѣ говорятъ мнѣ объ его любви, а онъ одинъ ни слова.

— Ты его не знаешь?

— Я его никогда не видала.

— Хочешь, я тебѣ его представлю?

Этотъ вопросъ такъ смутилъ меня, что я отвѣчала да, сама не зная что говорю.

Кузина задумалась.

— Завтра у меня нѣтъ минуты свободной, сказала она: но послѣ завтра я къ твоимъ услугамъ. Будь дома часа въ три; я его привезу.

И съ этимъ она уѣхала.

Я хотѣла ее воротить, сказать ей, что меня не будетъ дома, что я ненамѣрена во-время отсутствія мужа принимать молодаго человѣка, котораго любовь меня компрометируетъ, и множество вещей, не менѣе убѣдительныхъ.

Но было поздно,—ея и слѣдъ простыглъ.

25 декабря, половина третьяго.

Черезъ полчаса Зина Рогова представить мнѣ г. Сергучева.

Остаться мнѣ... или уѣхать со двора? Вотъ два вопроса, между которыми мысль моя непрерывно колеблется какъ маятникъ.

Три раза говорила я Аннушкѣ, что у меня разстроены нервы и что я никого не принимаю.

И три раза, что мнѣ лучше и что я буду принимать.

Я перечитала письмо, найденное мною въ бюро мужа, и рѣшилась. Я прику Сергучева.

Четыре часа.

Зина была у меня, но пріѣзжала одна. Гдѣ-же твой Сергучевъ, спросила я, гдѣ онъ?

— Лежить.

— Болѣнь?

— Да, ревматизмы измучили.

— Ревматизмъ... Какъ, у него ревматизмъ?

— Между нами будь сказано, я даже думаю, что у него подагра; но мы будто бы этого не знаемъ: онъ обидчивъ, какъ юноша въ восемь-надцать лѣтъ.

— Стало-быть, онъ не очень молодъ?

— Онъ даже очень немолодъ.

— Ему...

— Шестидесять съ хвостикомъ. Но за то страсти въ немъ очень живы. Любовь его къ тебѣ чрезвычайно всѣхъ насъ забавляетъ. Я въ отчаяніи, что мнѣ не удалось привезти его: мнѣ такъ хотѣлось присут-

ствовать при первомъ его разговорѣ съ тобой. Ты находилась-бы до
Умму, посмотрѣвъ на этого владыку.

Что я чувствовала въ это время, можно сравнить только съ тѣмъ
ошущеніемъ, которое испытываетъ человѣкъ, бросающійся съ пожарной
лестницы.

Шестьдесятъ лѣтъ, подагра, ревматизмъ и Жакъ Сергучевъ! Или
перваго любовника въ любомъ водевилѣ.

27 декабря.

Вчера воротился мой Алексисъ.

Онъ хотѣлъ видѣть мой журналъ; я ему отвѣчала, что Аннушка съ-
дуру изорвала его на папилютки.

Въ-самомъ-дѣлѣ я была сумасшедшая; Алеша любить меня непрек-
нему; даже больше, чѣмъ прежде.

Нѣтъ, конечно! съ этихъ поръ непремѣнно буду путешествовать
внѣшнъ съ мужемъ. хотя бы онъ поѣхалъ въ Китай.

Опасно играть огнемъ, особенно замужней женщинѣ.

Вѣдь правоученіе моего журнала.

АЛЕКСИНА 3—ГО.

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ЕЯ СКАЗКАХЪ.

Есть у насъ на Руси большой край, межъ Днѣпромъ и Западной-Двиной: его зовутъ *Бѣлоруссіею*.... Живутъ тамъ люди бѣлорусскіе, потомки древнихъ *Кривичей* и *Дреговичей*, родные братья людей великорусскихъ.... Жили—были долго они вмѣстѣ племенами и родами, но раздѣлялись потомъ: кто на сѣверъ пошелъ, кто на югъ забрелъ, а кто и съ востокомъ сдружился; всѣ разрознились и раздѣлились.... Остались одни Дреговичи и Кривичи — люди бѣлорусскіе — на своихъ мѣстахъ, полюбили свою *домову* (щепелище), не покинули своихъ оселищъ.... Съли да и сидятъ на однихъ мѣстахъ.... Худо ль, хорошо ли — не выходятъ изъ своихъ хатъ: ихъ гнетутъ поляки, полонятъ Литва, гонятъ турки и татары, — они терпятъ да молчатъ, и все-таки остались на своихъ мѣстахъ до-сегодня.... Великорусскіе люди на новой сторонѣ зажили другою жизнью, — заговорили рѣчью великорусскою; научились всякимъ наукамъ, искусствамъ, мастерствамъ и ремесламъ: образовали себя на европейскій ладъ. Явилась письменность у нихъ — признакъ просвѣщенія и цивилизаціи.... Страхнули съ себя невѣжество: оставили суевѣріе и побасенки; просвѣтили свои нравы и обычаи, — стали европейцами по всему.... Что же стало съ Кривичами — Дреговичами, людьми бѣлорусскими? Они отстали во всемъ отъ своихъ великорусскихъ братьевъ: не разстались съ своими суевѣрїями, не учились ничему; ихъ литература и письменность — это народныя

сказки, преданія и повѣрья.... Они живутъ до-сихъ-поръ жизнью древнерусскою, простою, необразованною; говорятъ тѣмъ же языкомъ славяно-русскимъ, на которомъ нѣкогда говорили первобытные русскіе-славяне, жившіе отдѣльными племенами, составлявшими одну и единую Русь!... Нравы и обычай, преданія и повѣрья, сказки и повѣсти отзываются миеологической старинной.... Въ Бѣлоруссіи до-сихъ-поръ хранятся въ устахъ народа сказки и преданія о похожденияхъ фантастическихъ героевъ, князей и царевичей, невидимыхъ духахъ и чудесныхъ силахъ, — совершаются празднества и игрища быта языческаго. Это потому, что нынѣшняя Бѣлоруссія нѣкогда была главнымъ сердцемъ славяно-русскихъ языческихъ вѣрованій, гдѣ въ честь божествъ воздвигаемы были кумиры. Конечно, съ введеніемъ христіанской вѣры, идолы и капища уничтожены; но преданія, хранившіяся въ народѣ, не могли уничтожиться, устное преданіе не переставало сохранять въ народѣ воспоминанія о вѣрованіяхъ предковъ. Этому способствовало и то, что христіанство не вдругъ утвердилось въ сердцѣ древней Руси, но постепенно: то-есть, преданія находили себѣ опору въ языческихъ вѣрованіяхъ сосѣднихъ племенъ славянскихъ, и такимъ-образомъ жители нынѣшней Бѣлоруссіи, будучи христіанами, все еще имѣли случай сохранить понятія и представленія о жизни языческой. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ утвержденія христіанства въ Бѣлоруссіи, а преданія о духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдмахъ, заклятыхъ людяхъ, русалкахъ, оборотняхъ и другихъ страшилищахъ не изгладились, но съ теченіемъ времени облеклись только въ поэтическій вымыселъ и приняли живописный колоритъ въ устахъ разсказчика.

Такова Бѣлоруссія въ настоящее время!... И потому не можетъ не обращать на себя вниманіе образованнаго челоѣка — русскаго, желающаго ознакомиться съ чужбымъ бытомъ своихъ единоплеменныхъ собратьевъ.... Намъ интересно узнать преданія и вѣрованія древнихъ грековъ и римлянъ, мы пишемъ объ ихъ нравахъ, миеологіи, языкѣ, даже прикрасахъ и обѣдахъ; стесняясь не писать о родной Бѣлоруссіи, которая такъ богата своими самобытными нравами, миеологіею, языкомъ и, наконецъ, игрищами и празднествами.

Для того-сколько-нибудь познакомить читающую публику съ Бѣлоруссіею въ фантастическихъ сказаніяхъ, я рѣшился составить рядъ статей, интересующихъ современный бытъ бѣлорусскаго народа, его преданія и сказки, и даже самую мѣстность бѣлоруссіи.... Конечно, гдѣ я буду имѣть въ виду исключительно простой народъ.

Нравъ считаю нужнымъ замѣтить, что подъ Бѣлоруссіею я разумѣю губерніи: витебскую, минскую, могилевскую и часть ~~сводской~~;

при каждой статьѣ будетъ означено, въ какой изъ этихъ губерній хранится то, или другое преданіе, или разсказъ...

Въ составъ описаній войдутъ очерки мѣстностей, нравовъ и образа жизни белорусцевъ; въ составъ сказокъ, — ихъ фантастическія преданія о духахъ, привидѣніяхъ и колдунахъ.

І. СЕСТРА ЧАРОВНИЦА.

Преданіе Минской губерніи.

Былъ на свѣтѣ, на Бѣленькой-Руси, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ: и красавецъ собой, и ума въ немъ палата, а доброты его всея не разскажешь; ужъ какъ любили его всѣ — и сказать нельзя....

Былъ онъ молодъ: — ну и жениться вздумалъ.... Долго ль было ему искать жены?... Полюбилась молодцу княжна одна: бѣлолица, чернобровая; ростомъ хоть куда; коса длинная — не обнять рукой.... А главное — дивныя примѣты на ней были: солнце на лбу, звѣзды въ глазахъ, мѣсяцъ на затылкѣ....

Было-бъ все хорошо; да бѣда тутъ случилась вотъ какая.... У княжны была сестра старшая, презлая и предурная, хитрая и лукавая, да вдобавокъ чаровница лядая (вредная). Какъ увидѣла королевича, обезумѣла родная.... Ужъ чего не дѣлала она, чтобъ приглубить его, да отбить отъ сестры — красавицы; но не тутъ-то было!... князь-князевичъ души не слышалъ въ себѣ отъ княжны младшей, и не думая долго, объявилъ отцу и матушкѣ красавицы, что онъ хочетъ взять у нихъ дочку ихъ младшую въ жены себѣ....

Сестра старшая чуть съ ума не сошла; — она фуклялась отмстить князевичу всѣми силами чаръ своихъ, и сгубить со свѣта сестру родную.

Вотъ оборотилась она въ вѣдму мохнатую, сѣла на кочергу, засверкала огненной метлой и полетѣла, по-верхъ лѣсу, поверхъ облаковъ, на уряду (совѣщаніе) къ бабѣ-ягѣ-костяной-ногѣ.

Между-тѣмъ князь-князевичъ вводитъ въ царскія свои палаты не-наглядную красу, раскрасавицу княжну. Растворились ворота, заиграли,

затрубили на дворѣ; слуги дорогу прочищаютъ, кони подставляють; а навстрѣчу молодымъ откуда ни возьмись коровка молодая, съ рогачи бодящими, съ ногами толстыми, вся сама съ неготокъ, а хвостъ тянется отъ крыльца до воротъ.... Разсердилась холодомъ, что коровка-неготокъ невпопадъ зашла на королевичевъ дворъ: стали бить, возити ея; —завоюкала, замычала коровка.... Стало жаль ея королевичу и княжнѣ; вотъ велѣли они не толкать и не бить ея, а завести на скотный дворъ и устроить для нея ясли и помость, да кормить зерномъ и всякимъ княжескимъ добромъ. Запрыгала коровка отъ радости большой, замахала хвостикомъ и облизала ноги благодѣтелей своихъ....

Князь-князевичъ молодецъ и княжна прекрасная входятъ въ ирморныя палаты.... Все тамъ — золото, серебро, бархатъ да парча....

Пиръ-горой.... веселились до дня.

Но настала пора расходиться по домамъ: — остались одни — князь-князевичъ да княжна жена.... Но лишь только они вошли въ опочивальню, какъ въ тужъ минуту загрѣбли громы, затряслись хоромы, заворвали молніи, — небо все покрылось темью черною... Перуи грохнулъ и ударилъ въ окошко; окошко вылетѣло и въ опочивальню вскочила черная кошка; замыкала жалобно и съ фыркомъ и сыканьемъ бросилась на княжну. Князь съ испугу помертвѣлъ, и когда пришелъ въ себя, вмѣстѣ княжны жены, на кровати увидѣлъ жабу-рапуху (водяную лягушку)....

Таково было ищеніе сестры чаровницы, обратившейся въ черную кошку, по возвращеніи ея отъ яги.

Князь-князевичъ зарыдалъ, заплакалъ, и не зналъ, чѣмъ такому горю пособить.... бѣдная лягушка скакала по постели, да жалобно кивкала, какъ-будто дитя плакало....

Сбѣжавшаяся на плачь князевича прислуга, увидавъ такой *страхъ* (привидѣніе), испугалась и вся разбѣжалась.... Оглянувся князевичъ на всѣ стороны: нѣтъ ни палатъ, ни золота, ни серебра, ни парчи, ни бархату.... Вмѣсто палатъ явилась хатка, да два прилавка.... Зарыдалъ пуще князевичъ, и въ забытїи сталъ звать княжну жену... Вдругъ слышитъ — лягушка проговорила: не плачь, не горюй, князь-князевичъ, молодецъ-королевичъ!... Хотя сестра зачаровала меня, но мы все-таки будемъ вмѣстѣ; —вечеромъ я буду являться къ тебѣ такою же княжною, какою взялъ ты меня отъ отца и матушки....

Такъ и было. Днесь жаба-рапуха вытолзала на дворъ и сидитъ въ водѣ, а вечеромъ являлась красавицею-княжною съ ослѣпѣвшимъ на лбу, съ нѣвномомъ на затылкѣ и звѣздами въ очкахъ....

Князь-князевичъ не могъ надвинуться такому событію.... Жили такъ они долго; наконецъ не утерпѣвъ князевичъ, сталъ слѣдить, какии-образомъ изъ лягушки является красавица-княжна?...

Вотъ однажды спрятался онъ въ уголокъ и поджидалъ, откуда является жена. Вотъ вползла лягушка, ква-ква.... да и skoжнула въ бочку съ водою.... вода заколыхалась, что-то зашевелило и изъ бочки вышла красавица-княжна.... а въ водѣ осталась кожа лягушки....

— Постой же, говоритъ князевичъ: я спасу тебя, княжна, — и, не думая долго, вытащилъ изъ воды кожу и бросилъ ее въ огонь.

На другой день пробуждается княжна, хотеть встать.... не можетъ.... наконецъ кое-какъ встала и подошла къ бочкѣ.... глядь, кожицы нѣтъ....

— Князь-князевичъ, молодъ-королевичъ! завопила она: что ты сдѣлалъ со мной и съ собой?... Вѣдь теперь я не твоя.... ты погубилъ и меня и себя; я ужъ больше не жилица у тебя.

Князь-князевичъ сталъ на колѣна и умолялъ ее остаться; но она заплакала, и обнявши его, сказала: прощай, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ!... долго придется тебѣ искать меня...

И — не стало княжны....

Призадумался князевичъ; нѣсколько дней не ѣлъ, не пилъ; исхудалъ, истощалъ весь, и готовъ былъ умереть...

Однажды, когда онъ горевалъ и напрасно звалъ княжну, слышитъ, что-то жалобно мычитъ подъ окномъ.... Посмотрѣлъ: то была коровка-ноготокъ, о которой онъ забылъ....

— Ахъ, коровка-ноготокъ, ты коровушка моя длиннорогая!... что ты мычишь такъ жалобно? — Ночью мнѣ накормить тебя, негдѣ головку твою приютить!..

— Охъ, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ! да развѣ жъ мало добра ты сдѣлалъ мнѣ?... Ты приласкалъ меня, приголубилъ, и кормилъ и поилъ всякими царскими добромъ; — такъ неужели жъ думаешь ты, что коровушка я глупая и не помню твоего добра?... Я пришла къ тебѣ — помочь твоей бѣдѣ, сослужить тебѣ молодцу-красавцу службу вѣрную.... Ты послушайся меня, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ, и увидишь тогда, что я правду баю; — ты найдешь свою княжну, ненаглядную жену....

— Ахъ, коровушка дорогая!... Что ты баешь?... Ахъ ты въ горѣ только меня потѣшаешь?... Говори жъ поскорѣй, гдѣ княжну мнѣ найти; — я слушаю тебя....

— А вотъ видишь, молодъ-королевичъ; есть за лѣсами большіи, за

горамъ высокими, за морями далекими, — не видать отсюда.... очень далеко.... есть конецъ свѣта; а на томъ концѣ свѣта есть гора большущая — превысокая и на ней скала каменная; внутри горы стоитъ дворецъ неприступный; вокругъ него болото, а самъ онъ безъ оконъ, безъ дверей, только сверху есть проходъ.... Вотъ въ этомъ-то дворцѣ сидитъ твоя *красная-княжна* и плачетъ-не заплачется по тебѣ, зоветь-не дозвется тебя... Я ужъ была тамъ, и узнала обо всемъ.... Не добираться тебѣ туда безъ моей помощи.... Но я службу тебѣ сослужу за доброе сердце твое.... и за ласки княжны.

— Что-жъ мнѣ сдѣлать, чтобы попасть къ княжнѣ?... научи меня, коровушка!... ты коровушка, вижу, не простая, знаешь больше меня; я повинуюсь тебѣ во всемъ, только возврати мнѣ княжну, мою милую жену.

— Ну такъ вотъ-же сдѣлай что, князь-князевичъ, молодой-королевичъ!.. Ступай за мной...

Королевичъ повиновался, и коровка завела его въ осинный лѣсъ.

— Ломай эту осину!... Князевичъ сломалъ осину. «Дери съ нее лыко!» Князевичъ содралъ лыко... «Согни осину въ дугу и перевяжи ее по концамъ лыкомъ, будетъ лукъ съ тетивой». Князевичъ повиновался... «Ну, а теперь ломай другую осину и сдѣлай изъ нея стрѣлу!» Князевичъ сдѣлалъ стрѣлу...

— Ну, князь-князевичъ, молодой-королевичъ!.. теперь возьми этотъ лукъ и садись на моихъ рогахъ; да смотри, держись крѣпко и не оглядывайся назадъ, а не то, разнесутъ вѣдьмы твои косточки по чистому полю, по синему морю... и я сама пропаду чрезъ тебя...

Королевичъ повѣсялъ на шею лукъ, сѣлъ на коровку, и обѣими руками удѣпился за рога.

Побѣжала коровка—ноготокъ по горамъ, по буграмъ, по неслышаннымъ мѣстамъ, по невиданнымъ землямъ... молодой-князевичъ сдержалъ слово и не оглянулся ни разу назадъ... Вотъ примчалась, наконецъ, коровка къ какой-то пропасти и остановилась.

— Ну, князь-князевичъ! теперь мы миновали пятую часть дороги; здѣсь я тебя оставляю... Слезь, и смотри, что будетъ... Выбѣжить волчица бѣшеная, съ огненными зубами; она бросится на меня, во ты прицѣлься въ нее изъ лука...

Князевичъ слезъ и отошелъ въ сторонку...

Тутъ коровка замычала... Вотъ изъ пропасти показалось плмя... выбѣжала огромная сѣрая волчица и хотѣла было броситься на коро-

ку, ... Но князевичъ прицѣлился въ нее изъ лука... тогда волчица, защелкавъ зубами, отскочила отъ коровки, и сказавъ: «счастье твое, коровка-ноготокъ, а то я давно острою зубы на твое бѣлое мясо», пала ницъ предъ князевичемъ и завывла жалобно...

— Князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ! не губи, не бей меня; у меня дѣтки малыя; а за-то, я тебѣ службу-сослужу... Ты къ княжѣ своей хочешь добратся, такъ я тебя подвезу по пути; позволю только мнѣ съ дѣтками проститься... Сказавъ это, волчица побѣжала въ пропасть.

— Ахъ, коровушка дорогая!... сказалъ князевичъ коровкѣ тогда: чѣмъ благодарить мнѣ тебя за твою службу молодецкую? Жаль мнѣ съ тобою разстаться...

— Не жалѣй меня, князевичъ, я съ тобой еще увижусь.. А теперь послушай, что скажу тебѣ на прощанье... Не потеряй ты лука, да какъ сядешь на волчицу, не забудь вырвать по волоску изъ каждаго ея уха; волоски тебѣ пригодятся... спрячь ихъ хорошенько!...

Въ эту минуту явилась волчица, а коровка-ноготокъ исчезла...

— Ну, садись на меня, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ, сказала волчица, защелкавъ зубами: да смотри не шевельнись и назадъ не оглянись, а не то—худо будетъ и тебѣ и мнѣ...

Королевичъ слѣзъ и тутъ-же вырвалъ два волоска изъ ушей волчицы... А волчица понеслась поверхъ лѣсу темнаго, поверхъ бору чернаго.... застонала, захрихтѣла... наконецъ спустилась на высокую гору и остановилась.

На верхушкѣ горы лежало огромнѣйшее орляное гвѣздо, а въ немъ сидѣло два птенца—орленка...

— Ну, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ! теперь мы миновали четвертую часть дороги; моя граница кончилась, дальше я тебя не повезу; отсюда ты полетишь на птицѣ... Слѣзъ и ожидай, пока приметитъ орлица; она бросится на меня съ желѣзными когтями, но ты прицѣлись изъ лука въ ея птенцовъ, и дѣло кончится мирно...

Не успѣла сказать послѣднихъ словъ волчица, какъ съ облаковъ спустилась орлица и разъяренная бросилась прямо на волчицу.... Тутъ царевичъ навелъ лукъ на орленковъ; тѣ закаркали и стали звать на помощь мать родную.

— Ну, счастье твое, волчица! а то я давно приготовила когти на твое красное мясо,—сказала орлица, и пала ницъ предъ князевичемъ, закричавъ: «Не стращай, князь-князевичъ, мѡлодь-королевичъ, монхъ»

бѣдныхъ дѣтеныхъ; ихъ всего у меня двос, орля погибъ въ облакахъ; вся надежда на нихъ; какъ убьешь ихъ, некому будетъ корннть мена въ старости... А зато я сослужу тебѣ службу... ты ищешь свою красавицу-жену, я донесу тебя до слѣдующей границы; позволь только не корннть птенцовъ...»

Сказавъ это, орлица подлетѣла къ гнѣзду...

— Ну, спасибо волчица, сказалъ князевичъ: ты сдержала свое слово, сослужила службу вѣрно...

— Не благодари меня, князь-князевичъ, ты не этакой службы стоишь... Я готова и еще тебѣ помочь... Теперь дорога будетъ страшнѣе и опаснѣе; смотри, какъ сядешь на орлицу, не забудь вырвать изъ лѣваго ея крыла перо, да спрячь его подалеже; оно тебѣ пригодится на концѣ свѣта.

Затѣмъ прилетѣла орлица, и волчица исчезла...

— Ну, садись на меня, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ; да смотри, не гляди внизъ, а не то полетишь въ преисподнюю, и съѣдятъ тебя вѣдмы.

— Будетъ по твоему, сказалъ князевичъ и сѣлъ на орлицу...

Вотъ поднялась орлица съ верхушки горы и понеслась, полетѣла подъ облака;—вотъ исчезли облака; вотъ орлица несется выше... выше, чуть не до самаго неба долетаетъ... Князевичъ дрожить и все какъ будто хочетъ взглянуть внизъ.

Орлица встрепенулась... князь-князевичъ опомнился, и тутъ только догадался, что такой страхъ напалъ на него оттого, что онъ забылъ вырвать перо изъ крыла орлицы...

Лишь только онъ вырвалъ перо, какъ орлица стала спускаться ниже, ниже, и наконецъ, предъ глазами царевича показалось огромнѣйшее море... орлица спустилась къ самому берегу и остановилась...

— Ну, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ, ты миновалъ двѣ части дороги своей; теперь осталось еще двѣ, но я съ тобою разстанусь; мои владѣння кончились... Берегись,—тутъ ты встрѣтишь больше трудностей и препятствнй... смотри, будь остороженъ... Видишь-ли, вонъ семь красавицъ—дѣвицъ, семь сестеръ родныхъ купаются въ морѣ: ихъ русалками зовуть; онѣ поджидаютъ тебя, и того гляди, защекочутъ тебя, и не увидишь княжны своей... Жаль итъ тебя, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ!...

Королевичъ испугался...

— Не пугайся, добрый королевичъ, сказали орлица: и помогу тебѣ...

Ты покажь мнѣ пташечку, покажи и я тебя, сослужу тебѣ службу орлиную... сдѣлай и ступай къ лозовому кусту; въ этомъ кустѣ спрятана одежда русалокъ; возьми ее и подойди къ самому морю; да смотри, не отдавай одежды русалкамъ, пока онѣ не перенесутъ тебя на тотъ берегъ и не расскажутъ дороги къ милой твоей княжнѣ... А какъ будутъ переносить тебя, такъ не забудь захватить у старшей русалки космику (ленточка, которою связывается коса); онѣ пригодится тебѣ; а не то—бросать въ море, и погибнешь тамъ, не увидавъ красавицы—жены. Теперь прощай, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ!.. не забудь про космику...

— Благодарю тебя, добрая орлица, за советъ твой правдивый, за рѣчи искреннія, неживыя.

Орлица улетѣла, а князевичъ поднялся къ лозовому кусту, и забравъ одежду русалокъ, подошелъ къ самому морю.

Взволновалось море, закипѣли волны, завизжали, захохотали русалки и приплыли къ берегу.

— Ахъ, сестрицы милыя, — завизжала старшая изъ нихъ, прикрывъ обнаженное тѣло длинными распущенными волосами: это князь-князевичъ, молодъ-королевичъ!.. Онѣ забрали нашу одежду... Чтѣ намъ дѣлать?... Онѣ перехитрилъ насъ.

— Я отдамъ вамъ одежду, если перенесете меня на ту сторону моря...

Русалки разразились хохотомъ.

— Брось одежду, такъ перенесемъ...

— Нѣтъ, красавицы водяныя, не обманете меня; перенесите прежде, такъ отдамъ одежду...

— А! это орлица злая научила тебя... Ну, нечего дѣлать!.. ступай, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ въ лозовый кустъ и садись на верхушку вербы; да смотри не гляди на насъ, а не то—погубимъ насъ и себя; ты хорошъ и пригожъ, мы боимся твоихъ очей, жгучихъ, пламенныхъ взоровъ...

Князевичъ взобрался на верхушку вербы; а русалки раздѣлились на двѣ половины: однѣ три переплыли на ту сторону моря, а другія три остались по сю сторону и уцѣпились за вербы... седьмая, съ распущенными волосами, во срединѣ моря, металась на всѣ стороны и какъ-бы вызывала вѣтеръ и бурю... Вдругъ на морѣ поднялась страшная буря; вѣтеръ вылъ и гудѣлъ... Князевичъ затрясся всѣмъ тѣломъ и чуть было не выпустилъ изъ рукъ одежду русалокъ... Но въ эту минуту,

высокія, касающіяся почти облаковъ, вербы, колеблемыя вѣтромъ, мало-по-малу начали сгибаться и наклоняться одна къ другой, такъ что составляли, наконецъ, надъ моремъ какъ-бы одну большію дугу, по которой можно было перейти съ одного берега на другой. Тутъ седьмая русалка схватила одной рукой соединившіяся верхушки вербъ, другою перекинула съ вербой князевича на противоположный берегъ моря такъ быстро, такъ мгновенно, что онъ едва успѣлъ захватить у русалки кончикъ... Русалка захохотала и окунулась въ море.

Князевичъ, стоя на противоположномъ берегу, кинулъ одежду седьмой русалки въ море и ожидалъ ея прихода... Предъ нимъ предстала необыкновенной красоты дѣва съ огненными глазами, съ черными, распущенными поверхъ одежды волосами...

— Здравствуй, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ, сказала она: красавецъ-молодецъ этакой!... Знаю, знаю, что тебѣ нужно; да одежду сестеръ отдай ты мнѣ прежде...

— Ну, нѣтъ! воскликнулъ князевичъ: скажи мнѣ прежде путь-дорогу къ моей женѣ...

— Перехитрилъ ты, князевичъ, насъ сестеръ!.. Такъ и быть! изволь, скажу тебѣ путь-дорогу къ твоей княжкѣ, да смотри, слушай хорошенько, не забудь ничего изъ того, что скажу я тебѣ; а нето, пропадешь на этомъ-же мѣстѣ... слушай!... Отсюда пойдешь ты на горку, а съ горки въ лѣсъ направо, а потомъ черезъ рѣчку и налѣво; а пройдешь налѣво, будетъ гора высокая, а на горѣ три дороги: ты ступай по средней, и увидишь лѣсъ густой; какъ пройдешь лѣсъ, возьми направо, а потомъ налѣво, будетъ путь-тропа правая: вотъ по ней-то ты взойдешь на крутую скалу, а въ той скалѣ живетъ-поживаетъ *Змій-змѣевичъ* самый-пребольшой: отродясь ты не видѣлъ такого... Подходя къ скалѣ, не пугайся, а не то налетятъ на тебя *круки* (воробы) и проглотятъ живаго, и не видать тебѣ княжны. Тамъ подъ скалою ужъ давно ждетъ тебя коровка-ноготокъ; она наставитъ тебя, какъ войти къ *Змѣй-змѣевичу*... Поклонись отъ меня коровкѣ, да скажи, что я вѣрно сослужила тебѣ службу. — Прощай-же, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ! Ну что, все-ли замѣтилъ, что я сказала... Отдавай-же теперь одежду моихъ сестеръ!

Князевичъ отдалъ одежду, и русалки всѣ исчезли: остался онъ одинъ...

— Ну! сказалъ самъ себѣ князевичъ: было горе, да такого еще не бывало... До-сихъ-поръ меня везли, а теперь пѣшкомъ нужно идти...

Тутъ стаѣ онъ припоминать сказанное русалкою... вздохнулъ тяжело-тяжело... и пошелъ путемъ дорожкой...

Вотъ идетъ да идетъ; вотъ прошелъ и горку и лѣсъ; вотъ направо поворачивалъ, вотъ и влѣво пошелъ, и опять направо; вотъ взбирается на высокую гору... Наконецъ, усталый, измученный, подходитъ къ скамѣ скалъ... Не по силамъ была нуть-дорога, занемогъ и присѣлъ... Смотритъ: — въ нему бѣжитъ коровка-воготеокъ и мычить, что есть силы, изо всего горла... Князевичъ побѣжалъ къ ней навстрѣчу.

— Охъ, князь-князевичъ, меледь-королевичъ! Какъ же медленно ты шелъ, чуть-чуть не опоздалъ; я ужъ думала было послать къ тебѣ на помощь сокола... Садись на меня поскорѣй, я занесу тебя на скалу, на конецъ свѣта...

Князевичъ сѣлъ, и въ минуту коровка взобралась на самую верхушку скалы...

— Теперь сѣзь! и поведу тебя въ хатку, гдѣ живетъ Змѣй-змѣевичъ и сторожитъ дворецъ, въ которомъ сидитъ на цѣпи твоя княжна. Теперь дома его нѣтъ, онъ на службѣ у аги, вмѣстѣ съ сестрою княжны, чаровникою злою... Я ужъ чую, онъ сбрасается въ путь, послѣднего прилетитъ.

Сказавъ это, коровка ввела князевича въ хатку на куричьей лапѣ. Князевичъ задрожалъ... испугался. Видъ хатки былъ самый страшный — волшебный; въ уголку еле-еле свѣтился зеленый огонекъ; посреди стояла кровать изъ человѣчьихъ костей; вмѣстѣ подушки — челюсть льва, вмѣстѣ перины — рядъ змѣиныхъ головъ, покрытыхъ человѣчьей кожей... Прямо противъ кровати пламенила раскаленная печь, а въ печи кипятилась въ котлѣ смола.

— Испугайся, князь-князевичъ, горе-королевичъ, сказала коровка, и побѣжала испугъ князевича: я съ тобою — будь смѣлѣй, не дрожи, не бойся... Вотъ тогда бы ты задрожалъ, еслибъ часъ еще опоздалъ... Ведь смола эта кипитъ для твоей княжны прекрасной; се-годня котятъ высосать изъ нея кровь и послать ягъ, а потомъ скипать въ этой смолѣ и разметать ея косточки по чистому полю, по степи и по сѣверу... Князевичъ зарыдалъ... «Не рыдай, князь-князевичъ, меледь-королевичъ: я съ тобою... будь храбрѣй!.. Ужъ немного намъ остается времени... слышишь — гудеть въ полѣ, свистеть въ воздухѣ, цмо-бѣ свистеть) на весь лѣсъ... Это змѣй-змѣевичъ летитъ на поло-гоги.

Что же дѣлать намъ, коровка-спасительница моя?.. Гдѣ нынѣ сидитъ змѣевичъ?

— Не твоя забота: это мое дѣло... Полезай за печь и притаись въ уголку... Змѣй-змѣвичъ влетитъ, залажетъ на кровать и уснетъ... Выходи тогда изъ-за печки, натяни свой лукъ и пусти стрѣлу прямо въ глазъ, что на лбу... Забушуютъ вѣтры, загремятъ перуны, засвистятъ змѣи;—не трусь, молодежь-королевичъ! Зачерпни изъ котла кипяту смолы и ожидай, что будетъ дальше; только чуръ, не забудь вырвать стрѣлу изъ змѣевичева глаза и взять ее опять съ собою... Ну, прощай, — мы еще увидимся съ тобой...

Такъ промолвила коровка и исчезла. Царевичъ загѣвъ за печь и сталъ думу думать...

Стонетъ земля, свищутъ вѣтры, шелестятъ дубы, каркаютъ вороны, воютъ псы; вотъ раздался грохотъ... затрещали сосны и осины, раскатился громъ, задрожали скалы, затряслись стѣны, и распахнулись двери... Змѣй-змѣвичъ съ шумомъ, визгомъ, пискомъ и воемъ влетѣлъ въ хатку и упалъ на-земь; встрепенулся, затрясъ огненною головою, подошелъ къ раскаленной печкѣ, пошѣмалъ смолу въ котелъ квос томъ и остановился у кровати...

— А!.. проговорилъ: еще чаровница на иголицѣ у яги скачетъ съ гарцукѣми (горными духами) и ледѣштыми-звѣдѣми (зловредными оборотнями) .. можно часикъ отдохнуть... Тутъ змѣй-змѣвичъ страшно свиснулъ, встрепенулся и изъ ужаснаго змѣя превратился въ великана, съ огромнымъ огненнымъ глазомъ на лбу; сконулъ, прыгнулъ, на волшебной кровати... и въ ту жъ минуту уснулъ...

Князевичъ вылезаетъ изъ-за печки, хватъ, прицѣлился изъ лука и пустилъ стрѣлу прямо въ глазъ змѣевичу-красавцу.

Застоналъ змѣй-змѣвичъ и покатился на полъ мертвый.

Затрещали стѣны, засвистали вихри, зашумѣли моря, облетали молнии, грохнули перуны; налетѣли змѣи, нахлынули вороны, крыльями кажаны (летучія мыши)... Князевичъ испугался; вспомнилъ про княжну и ободрился; зачерпнулъ изъ котла смолы, рванулъ изъ глаза змѣевича стрѣлу и... не стало хатки на куричьей лапѣ.

Раздвинулись скалы, распались камни, растворилась земля и запылало пламя по всему воздуху: — князевичъ провалился въ бездну... и ни живъ, ни мертвъ остался...

А коровка-ноготокъ... какъ тутъ была...

— Встань, князь-князевичъ, молодежь-королевичъ, говорить она ему... ты забылъ, что я съ тобою... Опомнись!.. Вѣдь княжна — жена твоя ждетъ давно тебя... Неравно подлетитъ сестра-чаровница, и тогда упадемъ мы оба... Вставай же, молодежь-королевичъ, и иди за мной...

Князевичъ всталъ и пошелъ за коровкой-ноготкомъ...

...Вотъ стойтъ, весь въ болотѣ, дворецъ неприступный, — безъ оконъ, безъ дверей, только сверху въ него проходъ.

— Садись, князь-князевичъ, на меня, сказала коровка, и когда царевичъ съѣлъ, поднялась на воздухъ, прыгнула въ отверстие и очутилась съ царевичемъ внутри дворца... Но еще далеко было до темницы княжны... нужно было пробраться чрезъ трое сѣней, а у каждаго сѣней лежалъ цмокъ (змѣй) престрашный.

— Ну, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ!.. Ступай теперь воевать, я буду на сторожѣ... Вотъ тебѣ огненный мечъ; имъ ты отрубишь головы у цмковъ... Будь смѣлѣе, похрабрѣе!.. А какъ придется жутко, — въ первыхъ сѣняхъ махни волосками волчицы, во-вторыхъ — перомъ орлицы, а въ третьихъ — косникомъ русалки... А если и это не поможетъ, зови меня къ себѣ на помощь.. Я спасу тебя...

Призадумался князевичъ; да нечего дѣлать, какъ вспомнилъ о княжнѣ, рѣшился на все...

Вотъ онъ входитъ въ первый сѣни, а навстрѣчу къ нему — цмокъ съ тремя огненными головами и шестью глазами...

— Чего тебѣ надо здѣсь, человѣчье мясо? спрашиваетъ.

— За княжной-красавицей пришелъ, отвѣчаетъ князевичъ.

Тутъ цмокъ бросился на князевича; но князевичъ не струсилъ, и пошла пѣля... Стали бороться... Цмокъ дерется когтями и сверкаетъ глазами, да пылаетъ огненными головами... Замахнулся князевичъ мечемъ, не стало у цмока одной головы; замахнулся другой разъ, пала на-земь и другая голова; замахнулся третій разъ... Цмокъ видитъ — плохо, свистнулъ что было мочи... Князевичъ вздрогнулъ, замахнулся еще разъ, Цмокъ упалъ и провалился въ землю... Между-тѣмъ, на свистъ Цмока сбѣжалось стадо мохнатыхъ собакъ и давай кусать князевича: вотъ, вотъ князевичу пропасть, но князевичъ не робѣетъ, достаетъ изъ-за пазухи волоски волчицы и давай махать ими въ воздухъ...

Вотъ вбѣжала тьма волковъ, подѣ начальствомъ волчицы, и разтерзали мохнатыхъ собакъ...

Князевичъ пошелъ дальше...

Во вторыхъ сѣняхъ на него наналъ цмокъ съ шестью огненными головами и двѣнадцатью огненными глазами... Князевичъ отрубилъ ему пять головъ, но когда замахнулся мечемъ въ шестой разъ, цмокъ взвизгнулъ и налетѣла стая черныхъ круковъ.

Князь-князевичъ не робѣетъ, машетъ въ воздухъ перомъ, орлицы

слетѣлась стая бѣлыхъ орловъ, подъ предводительствомъ орлицы; — началась война птицъ, и орлы разтерзали круковъ: тутъ погибъ и цмокъ.

Въ третьихъ сѣняхъ бросился на князевича цмокъ-цмоковичъ, весь огненный, пламенный.

— Ну! подумалъ князь-князевичъ: какъ-то справлюсь съ этимъ духомъ?..

Вотъ вступилъ онъ въ бой съ цмокъ-цмоковичемъ: бой былъ страшный; князь-князевичъ дрался долго съ врагомъ; вотъ срубилъ одиннадцать головъ, — замахнулся двѣнадцатый разъ, цмокъ-цмоковичъ тряхнулъ желѣзными крыльями и сломалъ мечъ князевича...

— Быть бѣдѣ! подумалъ князевичъ, и ну звать ни помощь коровку-ноготокъ.

Цмокъ-цмоковичъ струхнулъ и давай свистать, — рать военную сзывать.

А коровка-ноготокъ какъ тутъ была, и махнувъ своимъ хвостомъ, убила цмока-цмоковича.

Между-тѣмъ собралась рать военная: тѣмъ силачей-великановъ съ топорами и съ мечами кинулась на князевича...

Князь-князевичъ испугался.... и забылъ о косникѣ... Тутъ коровка замычала; князь-князевичъ опомнился и сталъ махать косникомъ.... Вотъ явилась тѣмъ красавицъ водяныхъ, бѣлолицыхъ русало въ; подъ предводительствомъ семи сестеръ, и напали онѣ на великановъ; не побоялись ихъ мечей, острыхъ топоровъ; стали щекотать ихъ, и передушили молодцовъ.

Князь-князевичъ чуть живъ остался со страху; весь дрожалъ..., въ глазахъ его потемнѣло....

«Эхъ, князь-князевичъ, молодъ-королевичъ! закричала коровка-ноготокъ: Опомнись!... пора дальше идти; неравно чаровница-сестра налетитъ, и пропадемъ мы здѣсь... Поскорѣй за мной!..

Пробѣжали подземелье.... вотъ стѣна желѣзная, а на ней виситъ 12 мѣдныхъ замковъ.... Тутъ коровка топнула ногой — отлетѣли замки, махнула хвостомъ — затрещали и распались на-двое стѣны, боднула рогомъ — и передъ ними засвѣтилась свѣтлица: то была княжна темница....

Посреди, на желѣзномъ столбѣ, сидитъ княжна, жена князевича, блѣдная и худая, вся закованная въ цѣпи и какъ-будто погружена въ сонъ.... солнце на лбу потускнѣло, звѣзды въ глазахъ померкли....

силъ вовсе не отвѣтъ на затылкѣ.... предъ княжною стояли два кубика—полные слезъ....

Какъ увидѣлъ княжну царевичъ-князь, такъ и обмеръ весь, и, упавъ къ ногамъ ея, зарыдалъ, какъ дитя...

Тутъ княжна пробудилась, и увидѣвъ князевича, хотѣла броситься въ его объятія; но не могли встать за цѣпами, стала плакать и она, какъ дитя.

«Эхъ, вы—дѣти, дѣти!!!» закричала коровка-ноготокъ. Полно плакать, полно тужить; вамъ бы радоваться, а не горевать....

Сказавъ это, коровка страшно замычала, такъ-что стѣны задрожали, а княжна и князевичъ-князь чуть не померли со страху. ..

Не прошло и двухъ минутъ, какъ цѣпи зазвенѣли и распались на половину....

Вдругъ у княжны солнце на лбу ярко засвѣтило, звѣзды въ глазахъ засверкали, мѣсяцъ на затылкѣ ясно засіялъ...

Обнялись князь съ княжною и хотѣли благодарить коровку-ноготокъ....

Но коровка въ это время тряхнула головкой въ потолокъ, и исчезла изъ темницы....

А князь-князевичъ съ княжною-красавицей женою очутились въ своемъ дворцѣ и—какъ будто все это видѣли во снѣ....

Вотъ задали они у себя пиръ на весь мѣръ, и созвали гостей со всего свѣта; пригласили и меня.... Я тамъ былъ, медъ-вино пилъ,—по бородѣ текло, а во рту не было....

—

Что-же стало съ чаровницей-сестрой?

Чаровница-сестра отъ досады и злости провалилась въ пропасть и обратилась въ Черно-Море.

—

2. БѢЛОРУССКАЯ ЯРМАРКА.

Съ разсвѣтомъ дня, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ мѣстечко, та-

нутя безчисленные ряды подводъ и фурманокъ съ сельскими продуктами, предназначенными для продажи, разныхъ формъ и величинъ возы съ живыми кабанамъ, курами, гусями и индюками, крытыя и некрытыя брички, напичканныя *подпанками*, экономами и писарями, полотняныя буды, начиненныя тьмою темъ жидовъ съ грязными жидовками и жиденками, и въ заключеніе—оригинальные *облублицы* (особаго устройства и фасона телѣги изъ лубьевъ), на которыхъ возсѣдаютъ *паробки* (мужчины) и молодицы, хлопцы и дѣвки — въ праздничныхъ нарядахъ...

Къ 9-ти часамъ вся площадь иѣстечка, отъ одной корчмы до другой, наполняется народомъ.... Безчисленные возы цѣпляются колесами одинъ за другой, такъ-что нельзя свободно пройти между ними, а особенно близъ корчмы, гдѣ ранніе гости успѣли кой-что продать, и уже запиваютъ *магарычи* и дѣлаютъ дружескія *почестки* (угощенія). Начинается шумъ....

Къ полдню шумъ увеличивается; со всѣхъ сторонъ раздаются голоса людей и звуки животныхъ. Тамъ мужикъ спорить съ жидомъ; тамъ баба ругаетъ жидовку; тамъ волъ рыкаетъ; тутъ лошадь ржетъ; тамъ связанные на возахъ кабаны хрюкаютъ и визжатъ; тутъ коровы мычатъ, овцы и бараны блеютъ.... Какая разнообразная смѣсь физиономій, лицъ, голосовъ, разговоровъ, характеровъ, костюмовъ и головныхъ уборовъ!

Вотъ жида съ вѣсами на плечахъ, будто съ оружіемъ какиѣ, шмыгаютъ межъ подводъ, и выскиваютъ на возахъ льну, грибовъ и воску; вотъ — бѣлорусцы въ бѣлыхъ *свиткахъ* (армякахъ) съ красными поясами, съ *калитой* (кожаная сумка), и *крѣсивомъ* (огнивомъ), и *папушею цюцону* (свертокъ листоваго табаку) при бедрѣ, и вѣчною *люлькой* (коротенькая трубка) въ зубахъ, дымящеюся подъ носомъ и то и дѣло гаснущею, — собираются въ кружокъ и дѣлаютъ складчину на обѣденную попойку. Вотъ *пипилоны* (такъ называются разношники сѣмянъ изъ огурцовъ, моркови, цвѣтовъ и проч.) въ высокихъ войлочныхъ шляпахъ и огромнѣйшихъ сапогахъ, рѣзко отдѣляющіеся въ толпѣ своимъ ростомъ и костюмомъ, взявшись подъ руки, совѣщаются, какъ бы надуть эконома, или писаря дрянными сѣмянами.... Вотъ снуютъ изъ конца въ конецъ грязныя, оборванныя, жадныя жидовки, бѣлорусскія молодицы въ платкахъ, съ улыбкою на губахъ и съ курами въ рукахъ; между ними пробиваются цыгане, съ черными, разстрепанными волосами.... А вотъ, *иванецъ*, горделиво выступаютъ презанIMATEльныя *пестрыя фигуры* эконо-

гошевъ, въ ушатыхъ шапкахъ, въ шерачковомъ (изъ сѣраго сукна) сартукахъ, съ березовыми палками въ рукахъ.... И все это, начиная отъ пряниковъ и баранокъ до возовъ и лошадей, все это движется, волнуется, переходитъ съ мѣста на мѣсто. Вездѣ звенятъ деньги; на лицахъ изображены: жажда корысти, надежда дешевои купки, или восторгъ удачной продажи.

Среди рынка, въ шатрахъ изъ холста, а нащѣ изъ рогожъ, русскіе купцы развѣшиваютъ красные товары, привлекающіе и соблазняющіе взоры бѣлоруссянокъ.... Тутъ молодицы пожирающими глазами посматриваютъ на яркіе платки и огненнаго цвѣта ситцы, и вотъ развязываютъ узелки платковъ съ деньгами, для покупки недорогого наряда, дѣною проданныхъ нѣсколькихъ курей или откормленнаго теленка....

По сосѣдству съ русскими купцами расположились и плутоватые жидки съ купцами своими маленькими лавчонками; несмотря на крикъ и на гамъ со всѣхъ сторонъ, они постоянно зазываютъ къ себѣ всѣхъ прохожихъ, надобаютъ имъ предложеніемъ своихъ мелкихъ товаровъ, тащатъ каждого за руки и за полы платья, дерутся, торгуются, и вмѣстѣ успѣваютъ давать покупателямъ сдачу....

Лавки русскихъ и жидовъ—рядомъ.... но молодицы и дѣвицы идутъ къ жидкамъ. — О!... жидъ владѣетъ притягательными средствами; ему знакомо сердце человѣческое по преданію; онъ изучилъ его вмѣстѣ съ Талмудомъ, подъ руководствомъ отца, а потому знаетъ всѣ широкіе и узкіе пути къ нему; онъ умѣетъ какъ-то особенно завлечь и убѣдить мужичка купить именно у него.... Завлекая такимъ-образомъ простака, онъ ласкаетъ его и голубитъ, называетъ нѣжными именами; расхваливая свои товары, прельщаетъ глаза, влечетъ сердце и дуритъ голову бѣдняка; онъ купилъ какую-то дрянъ у жидка, а спросите, для чего онъ купилъ ее, такъ онъ самъ не отвѣтитъ себѣ на это; а между тѣмъ никакъ не въ силахъ устоять противъ обольщенія жидовскихъ убѣжденій.

Послушайте, какъ славно умѣетъ жидъ задѣть мужичкое самолюбіе.

«Ну! говоритъ онъ умильно бѣлоруссянкѣ: развѣ ты пропадешь, обѣдишь, если купишь: ай—вей! такая малость! Да ваша экономика покупала этотъ же сыць (ситець), и куда дороже заплатила; это я тебѣ такъ дешево уступаю, для знакомства, да — души!... майнемо-несь!... кабъ я пропавъ, коли лгу; съ убыткомъ уступаю, право съ убыткомъ — потому только уступаю, что остатки. Послухай мене ка-бѣта, не отходи. Ну, что? ай-вай! Развѣ-жъ ты не можешь имѣть то-

го, что и твоя экономика? Эй-вай!... да ты и не узнаешь себя, никак одынешся. Ну-ну!... бери! Я уже отрываю, вот! носи на здоровье, голубка.»

— Да у меня грошей нима, отбичать полулачевню молодца, еще неустыжная сбыть привезенныхъ продуктовъ.

«Ну так что-жь? приведи телянка, или десятокъ курей: я все возьму.... А съ подушнымъ можемъ повременить, еще успеешь собрать; ай-вай!... продай коровку, будутъ гроши и на подушное. И молодецка тащить десятокъ курей, и возвращается домой съ краснымъ ситцемъ, но безъ денегъ, забывая въ восторгѣ, что ей завтра нужно приготовить оброкъ за больного мужа.

Немного дальше, въ огромномъ, открытомъ сундукѣ навалено множество свить, бурокъ и плащей; собравшіеся хлопцы все это разна-триваютъ, кой-что примѣряютъ и скадять зубы, слушая оболстительныя похвалы жиды-продавца. Одному изъ хлопцевъ больно понравилась бѣлая свитка съ синими шурками на воротѣ, онъ ужъ надѣлъ ее, торгуется около двухъ часовъ; ему очень хочется купить свитку, да жидъ плутъ, смекнулъ, въ чей дѣло, и заломилъ большую цѣну, а вдобавокъ, какъ на зло, расписываетъ, превозноситъ чудную свитку....

— Славная свитка! говоритъ въ душѣ молодецъ, почесывая затылокъ: нужно купить!...

Жидъ точно побывалъ въ душѣ его, и давай еще болѣе заманивать хлопца.

— Ну вотъ! ну вотъ! говоритъ жидъ, глядя свитку и вмѣстѣ хлопца; советишь другой человекъ!... да ты домъ купишь, а не одежину.... а какъ гладка, а какъ крѣпка!! не износишь весь вѣкъ, дѣтямъ, внукамъ останется... акій пригожій дѣвцюкъ!! А—вей!! Ну что ты торгуешься еще? Я и такъ за-безцѣнъ уступаю такую славную одежку.... потому только, что ты старый мой знакомый. Ну-ну! бери, да плати!!..

— Вынимаетъ хлопецъ гроши и платитъ за свитку послѣдніе рубли....

Еще дальше, возъ съ кожухами (тулупами), а за нимъ другой, на которомъ возымается длинный шестъ съ парю черныхъ и снѣжныхъ дегтемъ *чоботомъ* (огромные сапоги съ голенищами по лѣдѣна). Тутъ ужъ глязѣютъ и зѣваютъ, такъ-называемые, *шоракы*, то-есть, тѣ же мужики, но немножко умытые и обстриженные, въ шляпѣ съ козырькомъ, они смѣло подходятъ къ атому возу, и подумавъ ничего, подмигиваютъ на кунца, жура правый глазъ. Это ужъ—звѣтоваго рода остраки армарочные.

А вотъ огромная, кипрованная на стѣнѣ корчмы лавка, съ бесчисленными суконными и рипсовыми шапками, безъ козырьковъ и съ козырьками, съ плюсовыми околышками и ушами по бокамъ... Оборванный жидъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ, похаживаетъ предъ своимъ товаромъ назадъ и впередъ, и поминутно стряхиваетъ пылъ съ симметрично-развѣшанныхъ на деревянныхъ козлахъ разнородныхъ предметовъ своей торговли... Вотъ подходятъ попарно молодые хлопцы и облизываются послѣ съѣденнаго куска сала... Одни стоятъ въ своихъ старухъ, *серлазлахъ*, или даже, несмотря на лѣто, въ комухахъ, развѣсивъ губы, другіе прихитриваютъ выбранныя шапки, разглядываютъ швы, шурки, те-семки и поддѣльный плюсъ... усмѣхаются, дивятся, совѣтуются другъ съ другомъ, и купивъ наконецъ *по-душѣ* шапку, отходятъ на площадку; подбоченясь одной рукой, постоянно расправляя другой на головѣ покушку и оглядываясь на всѣ стороны:—не смотреть ли на его обновку молодилцы и красныя румяныя дѣвицы, не любитесь ли его шапкой вся почтенная армарка?...

Подъ возами съ продуктами въ иѣшкахъ и безъ иѣшковъ лежатъ ободья, косы, грабли, лыки, драги, веревки, лапти, коробки и предлинныя лучилки изъ липовыхъ губьевъ — это дымники, или кайшны бѣлорусскихъ хатъ.... На возахъ, межъ иѣшковъ, сидятъ старухи въ *наметкахъ* (головной уборъ замужнихъ и старухъ), жуя *перпенчку* (родъ алады) изъ пшеничной муки, и поджидая покупателей привезеннаго *зббжя* (зерновой глѣбъ)....

Возагъ заборовъ топаятъ копытами откормленные волы, коровы и бычки; тоція лошаденки отъ духоты махаютъ вверхъ и внизъ мордами и сгоняютъ съ хребтовъ докучливыхъ мухъ и острожальныхъ оводовъ.... Продавцы, насупивъ брови, ищутъ глазами охотниковъ и скребуть руками за пазухой... Вотъ подходитъ цыганъ... съ кнутомъ и съ разными принадлежностями самоучекъ-коноваловъ:—не сприсясь хозяевъ, подходитъ къ лошадямъ и безперемонно вздергиваетъ бѣднымъ животнымъ норды, и заглядываетъ имъ въ зубы... Вотъ расклаивается съ муляжками вѣжливый жидокъ, и называя хозяина разными сладкими, уменьшительными именами, тремлетъ рукой коровку, или бычка, и предлагаетъ самую ничтожную цѣну, обѣщая дать въ привачу иѣрку водки и нару тошоровъ...

Между-тѣмъ въ корчмахъ и стодалахъ загораются и дыматся низкіе очаги; раставувшись во весь ростъ на землѣ, на полу, красноматѣ, загорѣвшіе отъ солнца, господари — мужики, болѣею частію старжики, грѣютъ зубы, курятъ цюционъ, варятъ ячменную кашу съ са-

ломъ и ворчатъ на оборвышей—жиденкохъ.... А нѣкоторые, за неимѣніемъ мѣста въ корчмахъ, образуютъ очаги изъ наваленныхъ камней, или просто раскладываютъ огни на концѣ мѣстечка, всего чаще надъ рѣчкой.... Но ужъ никакъ Бѣлорусецъ не обойдется на ярмаркѣ безъ очага и огня: это любимое его удовольствіе и наслажденіе зимою и лѣтомъ, въ лѣсу и на сѣнокосахъ, на пашнѣ и на ночлегахъ....

Часу въ первомъ — собираются франты съ трубками въ зубахъ, съ палками и арапниками въ рукахъ, которые составляютъ высшій классъ ярмарки;—потомъ, *пани и паненки застѣлковыя* (изъ околицъ) въ шляпкахъ, капотахъ и нитяныхъ перчаткахъ... онѣ то-и-дѣло осматриваются направо и налево, и подмѣчаютъ тайкомъ, не поглядываятъ—ли на нихъ какой-нибудь околичной *паннчъ* съ намасленными волосами и наваксенными сапогами....

Вечеромъ, фізіономія ярмарки измѣняется.

Какъ и все въ мирѣ, при окончаніи и на прощаніи, уныло, печально, грустно и задумчиво, какъ печаленъ балъ, когда гаснутъ свѣчи, какъ уныла карточная игра, когда убираютъ карты и складываютъ столки, какъ безцвѣтенъ кутежъ, когда на полу валяются пустыя бутылки, изломанные стулья и опрокинутые столы,—такъ точно печально, уныло и безцвѣтна бѣлорусская ярмарка при концѣ.....

Увы!... какая странная картина!!

На площадкѣ, пьяные и забрызганные грязью мужики, спорятъ и бранятся съ своими бабами, держась за ихъ руки и напѣвая какимъ-то сильнымъ голосомъ, медленно и тихо, несладкія пѣсни... У заборовъ, жида, застигнутые *шабасомъ*, торопятся паковать непроданные товары и ругаютъ своихъ *балабость* (хозяйка, жена), зачѣмъ онѣ такъ мало намаклячили у молодицъ курей и цыплятъ, гусей и индѣекъ.

Въ корчмахъ валяются разбитые стаканы и рюмки, переломанные скамьи и столы; грязи тма.... подъ лѣвками спятъ счастливые вакнавальцы. На окраинахъ мѣстечка—догораютъ разложенные огни и дымятся незагашенныя головни. По всему рынку валяются недоѣдки, старые лопты, куски и лохмотья свитокъ.... Въ стодолахъ, по угламъ, голодные псы лижутъ кровь зарѣзанныхъ барановъ....

Подъ заборомъ, гдѣ стояли волы и лошади, грязный цыганъ съ цыганенкомъ, у котораго сквозь дыры кожуха виднѣются лохмотья рубашки, шепчется съ богатымъ мужикомъ, который напрасно свиститъ высѣчь изъ кремня огня для своей люльки и едва держится на ногахъ. Двѣ цыганки, смуглыя, съ бѣлыми зубами и растрепанными черными волосами, съ родными дѣтисами въ мѣшкѣ, перекинутомъ чрезъ

плечо, помогаютъ цыгану дурачить ослѣплаго мужика, и глаза его что бородѣ, выманиваютъ послѣдній грошъ за воровбу.....

Всѣ укладываются, суетятся и спѣшать домой.

Молодицы и краснощекія дѣвицы прощаются съ знакомыми мѣщанками и кумами, со сватьями и сосѣдками по деревнѣ.... обнимаются, целуются и садятся на возы, приговаривая: «*дзякуй вамъ* (благодарить) за всѣ».

«*Прабачайце* (извините), отвѣчаютъ мѣщанки.

— *Добра прабачаць* (хорошо благодарить) «*нальшимся*», обыкновенно отвѣчаютъ отбѣжающія молодицы, красныя дѣвицы...

Рынокъ пустѣеть....

По дорогамъ, по проселкамъ, мчатся *коломашки* съ околичными панами, подскакиваютъ брички съ ихъ панами, свують пустые возы и колымаги, запряженные волами.

Такова бѣлорусская ярмарка!!..

3., КОЛЯДНЫЕ ПОВЕЧОРКИ.

(Вечернiе собранiе дѣвиць во-время рождественскихъ святковъ, оканчивающiеся съ разсѣтвомъ)

Посемьстный обычай въ Бѣлоруссiи.

Начиная со втораго дня рождественскихъ святковъ до Крещенья, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до Великаго-поста, устраиваются въ Бѣлоруссiи, у зажиточныхъ хозяевъ, и въ особенности у которыхъ много взрослыхъ дочерей,—такъ называемые *колядныя повечорки*...

Наканунѣ дня, предназначеннаго для повечорокъ, дочь хозяина отправляется къ своимъ подругамъ и приглашаетъ ихъ на посидѣлки.... Несмотря на то, на повечорки могутъ входить и не приглашенныя дѣвицы.... Чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше.... Но ни одни повечорки не обходятся безъ холостыхъ парней: ихъ конечно не приглашаютъ, но они сами прокрадываются туда, тайкомъ отъ своихъ родныхъ и особенно отъ *бацьковъ* (отцовъ); ихъ влечетъ туда зазнобушка сердца, точно

нать много франта—въ танцовальное собраніе, или въ искарадъ заки-
нываютъ глазки, или ножики столчной красавицы... Конечно, парней—
буяновъ и дерумовъ (окотниковъ до драки) не принимаютъ на вече-
рорки.

У каждаго зажиточнаго домохозяина бываютъ по двѣ и даже по три
комнаты, по этому для по вечерамъ избирается особая комната, чтобъ не
безпокоить стариковъ—отцовъ, у которыхъ на этотъ разъ бываютъ сво-
его рода собранія, состояція въ благочестивыхъ разговорахъ и рассу-
деніяхъ о хозяйственныхъ дѣлахъ... Комната бѣлорускаго поселяннина
стоитъ описанія: На стѣнахъ развѣшаны утиральники, а на нихъ вѣн-
ки изъ цвѣтовъ, или изъ ржи и пшеницы.....

На *покуць* (въ углу) подъ иконою стоитъ дежа, съ раствореннымъ
тѣстомъ; на дежѣ лежатъ печеный глѣбъ, прикрытый *обрусомъ* (ска-
тѣртью); посреди комнаты возвышается длинный, узкій столъ, накрытый
тоже обрусомъ, и заставленный блинами, колбасами, гречневиками,
пшенниками (застывшая каша изъ прѣса, съ примѣсью меда), и
другими кушаньями въ сухомятку;—вокругъ, возлѣ стѣнъ, привѣшлены
широкія лавки; у дверей *цеберъ* (ушатъ) съ водой; полъ изъ битой, утоп-
танной глинны, но рѣдко у кого *помость* (полъ) изъ досокъ,—усыпанъ
ельникомъ и аеромъ. Но особенно интересно освѣщеніе комнаты... Въ
Бѣлоруссіи престонародье не знаетъ еще свѣчей: въ обыкновенное вре-
мя тамъ жгутъ лучину.... но во-время повечорокъ устраивается особен-
наго рода очагъ, употребляемый впрочемъ у нѣкоторыхъ и во всякое
другое время: изъ сдѣланнаго въ потолокъ, посреди, отверстія верти-
кально спускается до половины комнаты такъ называемый *лучникъ*,
нѣчто въ родѣ трубы изъ липовыхъ лубьевъ, чѣмъ ниже, тѣмъ шире;
къ оконечностямъ этаго лучника привѣшивается желѣзная клѣтчатая рѣ-
шетка, на которой кладутъ *дрески*, т. е. маленькія полѣнца, и по-
стоянно расправляя ихъ, производятъ большое пламя, освѣщающее всю
хату.....

Въ четыре, или въ пять часовъ вечера собираются красныя дѣвчонки,
въ бѣленькихъ сорочкахъ, съ широкими рукавами, застегнутыми у кисти
рукъ *шпонками* (пуговицами), въ карсетахъ, *сподницалхъ*, (верхнихъ
юбкахъ), съ повязанными на головахъ бѣлыми холщевыми платочками...
Каждая несетъ съ собою пражку, или перья домашнихъ птицъ, а въ *ар-
ноль* (передникъ) разныя закуски: колбасы, сало, блины и проч. Боль-
шею частію входятъ по нѣскольку вмѣстѣ и ноютъ пѣсни... Нацѣ-
кавшись вдоволь, разсѣщаются по лавкамъ, и занявшись каждая своею
работою,—кто пражкою кудели, кто общиывающемъ перьями,—засѣданіе
разсказываютъ сказки о князьяхъ-богатыряхъ, о колдуняхъ, и т. д.

важнѣйшихъ красныхъ дѣвицъ, о дѣлительной и живительной водѣ, о шапочкѣ—невидимкѣ и красавицахъ—княжнахъ; когда натѣшатся сказками, предлагаютъ одна другой загадки, — потомъ поютъ; наконецъ гадаютъ... Звонкій, дѣвичій смѣхъ, развязная, свободная болтовня, шутивыя прибаутки, громкій говоръ, безъ спору, безъ дракъ, поминутно раздаются въ хатѣ, и при яркомъ, ослѣпительномъ освѣщеніи ея лучинкамъ, бросающимъ пламя на лица веселыхъ, хохочущихъ дѣвицъ дѣлаютъ новозорки бѣлорусскіе будто волшебными, очаровательными зрѣлищемъ....

Но вотъ являются въ новыхъ бѣлыхъ свѣткахъ съ красными поясами и въ магеркахъ (особеннаго покроя шанки) *пригожіе хлопцы* (молодые парни), съ орѣхами, сушеными яблоками, съ пивомъ, солонухою и даже лубками меду въ рукахъ и въ карманахъ. На мнуну все собраніе смолкаетъ..... Удивленіе!..... какъ будто никто не ждалъ парней. Неподдѣльная стыдливость и непорочность душъ красавицъ невольно вызываетъ на нихъ и безъ того алмаши щеки—яркій, какъ пламя, красный, какъ магровый макъ, румянецъ... Тишина!..... Только гдѣ нибудь вдаль..... вылетаетъ тяжкій вздохъ изъ груди опротки, оттого—что между вошедшими хлопцами нѣтъ ея милаго Ваеаіа, ненагляднаго голубка. За то, какая радость какое веселье и торжество неописанное выражаются во взорахъ тѣхъ счастливыхъ, къ которымъ пришли ихъ любимыя ненаглядныя друзья.

Хлопцы ставятъ на столъ принесенныя угощенія и занимаютъ мѣста, возлѣ своихъ милыхъ избранныхъ... Будто нехотя, будто не соглашаясь; и даже отпѣкиваясь для виду, избранныя чуть—чуть передвигаются на своихъ мѣстахъ, а все—таки усаживаютъ возлѣ себя пригожихъ хлопцевъ... Тутъ уже сцена перемѣняется... Образуются двѣ партіи. Одна—это дѣвушки безъ любимыхъ; другая—это дѣвушки съ пригожими хлопцами... Первая поетъ пѣсни, а вторая слушаетъ сказки и присказки своихъ богатырей.

Вотъ одна партія запѣла какую—то веселую пѣсню, но временемъ прерываемую смѣхомъ.... Другая... да вотъ — Кузьма рассказываетъ своей Просѣ (Ефрасиньѣ) сказку «про сѣрага волка,» про чародѣя, который сгубилъ одмога парня, за то, что его полюбила дѣвушка, на которой онъ самъ хотѣлъ жениться... Кузьма—хлопецъ не дуракъ, — отъ сказки о волкѣ переходитъ къ рассказу о себѣ... и начинаетъ твердить Просѣ, какъ умѣть, о своей любви къ ней. — Смоллали пѣнцы... смоллали и все...; всѣ переглянулись...., кто попросилъ, кто вздохнулъ. зачѣмъ онѣ смоллали? *Замыслице, даючки еще! Замыслице, красачки, язадачки!* раздаются голоса счастливицъ, и вотъ красавицы опять воютъ, опять заютъ.....; счастливицы продолжаютъ

начатые разговоры,..... шепчутся съ своими любими, поглядываютъ на нихъ умильно.... Вотъ Кузьма склонилъ уныло голову, опустилъ на колѣна руки, тяжело вздохнулъ и замолкъ..., потомъ, какъ бы пробудившись отъ долгаго сна, встрепенулся, протеръ глаза, и боязливо взглянулъ на любую свою Просю... Прося—на него: глаза ихъ горѣли сильнѣе пламени очага; руки ихъ скрестились; голова Проси машинально упала на плечо Кузьмы; изъ-подъ головного платка разсыпалась русая косица; — Кузьма обвилъ рукою шею Проси, вздохнула дѣвка, вздохнулъ Кузьма... Не выдержалъ хлопощъ: «*Прося!.. сердечко мое!*» сказалъ онъ со вздохомъ: *красачка моя! я тебе люблю... прападаю на тебя... Дарма што твае бацьки (отцы) не уладу зъ мамми... Просячка... сизачка!.. ци любишь ты меня, пригоженька, руса касица мая!...*— *Люблю Кузёмку!... Люблю!!! и ни за кого большъ не пайду!*... отвѣчаетъ Прося: *Бацьки не зболлюць (не станеть духа) згубиць мене маладушку... Я за тебе тольки пайду, Кузьма!*... И Прося такъ взглянула на Кузьму, какъ-будто хотѣла отдать ему всю свою душу выразить всё свои чувства и мысли....

И все это дѣлается при свидѣтеляхъ, въ присутствіи двадцати, или тридцати дѣвицъ и мужчинъ... Какая невнятность!...

По временамъ, въ антрактахъ, хлопощы встають съ своихъ мѣсть и потчуютъ любыхъ принесенными лакомствами; при этомъ не забываютъ угостить и тѣхъ, къ которымъ не пришли ихъ парни, или которыя не имѣють еще любыхъ... При потчиваніи наблюдается самая снѣжная церемонія: за каждымъ глоткомъ пива, или меду, непременно десять разъ упрашиваютъ каждую дѣвицу, и каждая дѣвица десять разъ откажется, а за одиннадцатымъ немножко выпьетъ; тоже самое бываетъ и при угощеніи блинами, колбасами и прочими кушаньями: постоянныя отговорки и постоянныя *принуканья* (просьбы)!.. то и дѣло слышны: *да нужбо... Насыцоха! да нужежъ Гапка (Агафья)! Чамужъ ба Яуиння, (Евгенія)??... Анужтка-еще Гапуля!... не саромейся!— Не не буду! іодзъ будзе!* За то, кто больше и лучше умѣеть просить, тотъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и извѣстенъ подъ именемъ *щыраго дзгцюка* (щедрого молодца)... Объ немъ говорятъ вслѣ другимъ дѣвицамъ, его расхваливають предъ родными, и принимаютъ изъ всѣхъ играхъ, пляскахъ и хороводахъ...

Потомъ опять поють, опять веселятся, опять гадаютъ... опять заливаются звонкимъ, веселымъ смѣхомъ... Иногда, по временамъ, какъ бы желая развеселить какую-нибудь скучающую по своему парню дѣвицу, ловкій хлопощъ, съ противоположнаго конца хаты обратится къ

ней съ слѣдующими словами: *Параска!*... а му—отъ! *агадай за-гадку...* *Поуна хата людзей, ни акакъ, ни дзверей...* *Якъ они улезли туды?..* Бѣдная Параска мучится, ломаетъ голову; а тутъ вдругъ изъ другого угла... кто-нибудь крикнетъ: *гарбузь...* Параска покраснѣла..., многія рассмѣялись... Иногда, всеобщимъ хоромъ закричатъ: *гадать! гадать!..* И вотъ въ одну минуту группируются посреди хаты, вокругъ лучника, дѣвки—дѣвицы; хлопцы вертятся на одной ногѣ и становятся на цыпочкахъ, стараюсь стать одинъ выше другаго и увидѣтъ, что тамъ дѣлаютъ дѣвки—дѣвицы, ихъ вѣжныя голубицы... А дѣвки—дѣвицы жгутъ на лучникѣ клочки кудели (пряжи) и, судя потому, куда полетитъ зола, — вверхъ въ трубу или осадетъ на желѣзной рѣшеткѣ, заключаютъ объ исполненіи своихъ желаній,—ну конечно—о выходѣ, или о невыходѣ замужъ въ томъ году...

Непозже десяти, а очень рѣдко одиннадцати часовъ, — бѣлорусская компанія уменьшается: хлопцы, нечего дѣлать, хоть нехотя, убираются во свояси, а дѣвушки, распроставшись съ ними, ложатся спать *въ покатъ*, т. е. всѣ вмѣстѣ, въ одинъ рядъ, на полу, разумѣется устланномъ, сѣномъ; принесеннымъ услужливыми парнями;... легли-то онѣ спать, но не спятъ долго—долго и о чемъ-то перешептываются..... Многія, а по—крайній—мѣръ нѣкоторыя... не могутъ опомниться отъ дѣвственнаго восторга, которому предавались онѣ назадъ тому нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ искреннихъ и цѣломудренныхъ рѣчей своихъ любимыхъ, и глаза ихъ долго—долго не могутъ сомкнуться: имъ видятся и грезятся хлопцы—молодцы.... Онѣ мечтаютъ... Да, мечтаютъ!.. Только мечты ихъ слишкомъ невинны и не простираются дальше счастья любви и замужства....

Лучникъ гаснетъ, но не потушается; затаившаяся гдѣ—нибудь въ пеплѣ маленькая головня тлѣетъ и по временамъ вспыхиваетъ синеватымъ огонькомъ...: но потомъ снова распространяется въ комнату мракъ... мало—по—малу все замираетъ и стихаетъ: въ хатѣ мертвая тишина... Красавицы засыпаютъ....

Ровно съ появленіемъ первой зари хлопцы—молодцы уже на ногахъ... и съ цѣпами въ рукахъ, подходятъ къ дому спящихъ дѣвъ...; и разбудивъ ихъ, и пожелавъ имъ добраго утра, отправляются на гумно молотить рожь въ снопахъ; а красавицы — дѣвицы, протирая одной рукой глазки, а на другой покачивая головки, очень—сладко и пріятно потягиваются... Наконецъ и онѣ встаютъ....

Умывшись и Богу помолившись, принимаются опять за пряжу, опять за скучку перьевъ, и такъ проводятъ время до самаго разсвѣта, при

томъ же освѣщеніи и при тѣхъ же пѣсняхъ и сказкахъ, какъ и наканунѣ, только ужъ безъ хлопцевъ-молодцевъ...

Но вотъ свѣтаетъ... свѣтъ огня отъ лучника тускнѣетъ при свѣтѣ Божьемъ; дѣвицы собираютъ свек-прялки, коробочки, узелки, и расходятся по домамъ, съ радостью во взорахъ, съ улыбкою на устахъ и восторгомъ въ сердцахъ... И всѣ онѣ бодры, и всѣ здоровы!

И опять коютъ дорогой, опять слышенъ звонокъ ихъ смѣхъ, опять раздается громкій говоръ ихъ по всѣмъ улицамъ деревни ...

СОВРЕМЕННОМ.*

ЛИТЕРАТУРА. — Вордсвортъ (статья Диккенса) — Очеркъ современной германской поэзіи (статья вторая и послѣдняя). — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВО.** — Свигъ-Сопль, Театръ въ Китаѣ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Машинны Эриксона. — **ИСКЛЮЧЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ** — Жизнь свѣтлагого червячка, имъ самимъ описанная — Ручной лезъ — Ночь проведенная между аллигаторами. — Наполеонъ и Евгенія.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Вордсвортъ. (Статья Диккенса). Вильямъ Вордсвортъ родился 7-го апрѣля 1770 года, и умеръ 23-го апрѣля 1850. Вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ вѣкъ переворотовъ и блистательныхъ открытій въ области наукъ. Вордсварту было четырнадцать лѣтъ, когда были основаны Сѣверо-Американскіе Штаты; онъ былъ свидѣтелемъ французской революціи; видѣлъ покореніе всѣхъ европейскихъ державъ, кромѣ Россіи и Англіи, французскимъ императоромъ; основаніе священнаго союза, европейскую двадцатилѣтнюю войну и тридцати-двухъ-лѣтній миръ Европы; видѣлъ одного вапу, обреченнаго на изгнаніе чужеземнымъ завоевателемъ, и другаго, также принужденнаго покинуть Римъ. Въ своемъ отечествѣ, онъ видѣлъ союзныхъ жоварховъ, торжество Роберта Пилля, введеніе пароходства, желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ. Онъ былъ современникомъ Деви, Гершеля, Беняма, Годвина, Мальтуса, Рикардо, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Чавтрея, Фокса, Питта, Каннинга и Брума.

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Genève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Erheiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Literary Gazette, Illustration, Gazette des Théâtres

Вѣкъ Вордсворта былъ вѣкомъ необыкновенныхъ событій. Характеръ его поэзи представляетъ разительную противоположность съ этимъ вѣкомъ. Онъ безстрастенъ, какъ отголосокъ души поэта; просто и возвышенъ, отражаетъ только его собственные мысли и характеръ, и не носитъ отбѣговъ вѣшнихъ происшествій, чувствъ и мнѣнй другихъ лицъ. Кажется, будто цѣлые восемьдесятъ лѣтъ Вордсвортъ жилъ «*между* людьми, но не съ людьми». и также мало симпатизировалъ обманчивымъ мечтамъ своихъ современниковъ, какъ колоссальный обелискъ Мемнона — коптамъ, туркамъ и арабамъ, разсыяннымъ по берегамъ Нила.

Вордсвортъ родился въ маленькомъ городкѣ Кокермутѣ; отецъ его былъ адвокатомъ, не имѣлъ большаго богатства, но далъ своимъ дѣтямъ прекрасное воспитаніе. Одинъ сынъ вступилъ въ морскую службу, и командуя купеческимъ кораблемъ, погибъ въ морѣ. Обращенія Вильяма къ своей любимой сестрѣ составляютъ самыя трогательныя мѣста въ его поэмахъ, а два или три ея стихотворенія и отрывки изъ ея журнала показываютъ, что она была вполне достойна привязанности брата.

Первое воспитаніе поэтъ получилъ въ гаукесгедской школѣ, въ Вестморлендѣ, подъ руководствомъ учителя, отличавшагося необыкновенными способностями, а въ 1787 году перешедъ въ кембриджскій университетъ. Еще въ дѣтствѣ въ немъ замѣтны были рѣдкіе таланты, хотя онъ никогда не старался ихъ выказывать. Онъ любилъ уединенныя прогулки, любилъ читать и декламировать стихи; взрослые уже «отличали его за серьезный видъ», какъ говоритъ онъ самъ въ одной изъ своихъ поэмъ, и любили съ нимъ бесѣдовать.

Его готовили въ духовное званіе; но чувствуя призваніе къ литературѣ, онъ не могъ посвятить себя другому занятію. Преждевременная смерть Реми Кальверта, оставившаго ему небольшое состояніе, дала ему средство слѣдовать своему влеченію. Поэтъ говоритъ объ немъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Calvert, it must not be unheard by them,
Who may respect my name, that it to thee.
Owed many years of early liberty.
This care was thine, when sickness did condemn
Thy youth, to hopeless wasting, root and stem.
That I, if frugal and severe, might stray
Where'er I liked; and finally array
My temples with the Muse's diadem

То есть: «Кальвертъ, не могу не сказать тѣмъ, которые, ~~можетъ-быть~~, станутъ почитать мое имя, что тебѣ я обязанъ многими прекрасными годами. Въ то время, когда болѣзнь обрекала твою юность безавдежной гибели, ты ставилъ меня на избранную мною дорогу, гдѣ я могъ увѣчать чело свое вѣнкомъ музъ.»

Оставя университетъ, онъ пѣшкомъ обошелъ Шотландію и путешествовалъ по Европѣ съ однимъ изъ друзей своихъ. Въ 1793 году онъ въ первый разъ рѣшился напечатать свои стихи; они появились въ

сѣтъ въ двухъ небольшихъ книжкахъ: «Очерки во-время пѣшеходнаго путешествія по Альпамъ», «Вечерняя прогулка, посланіе въ стихахъ». Въ этихъ поэмахъ мы не видимъ еще слѣдовъ той теоріи стихотворства, которой онъ въ-послѣдствіи слѣдовалъ; но въ нихъ увлекательно описаніе озеръ, водопадовъ и горъ, красоты природы, людскихъ страстей, и многія страницы показываютъ живое, пылкое воображеніе поэта, прерасиво и сильно переданное.

Въ 1796 году онъ поселился съ сестрою въ Ольфаксенъ, въ граствѣ Сомерсетскомъ. Здѣсь наступила важная эпоха его умственнаго развитія. Онъ сошелся съ Кольриджемъ, и несмотря на различіе характеровъ, они нашли много сочувствія другъ въ другѣ. Оба ненавидѣли классиквъ; оба одушевлены были невѣдомымъ стремленіемъ ко всему высокому и совершенному въ человѣческой натурѣ. Сами того не зная, они совершенно отдѣлялись отъ окружавшей ихъ толпы литературными занятіями и привязанностью къ преданіямъ своей родины; отъ духовныхъ и политическихъ распрей — своимъ отвращеніемъ отъ всякаго рода партій. Мысли молодыхъ поэтовъ достойны удивленія; ничто не можетъ быть проще, откровеннѣе ихъ взаимныхъ сношеній. Чрезвычайно удачный очеркъ ихъ характеровъ мы видимъ въ книгѣ Гаалитта: *Мое знакомство съ поэтами*, и болѣе интересный рассказъ о нихъ находимъ у Коттля.

Результатомъ этой литературной смян былъ первый томъ «Лирическихъ балладъ». Тихая мелодія стиховъ Вордсворта и волнота его чувствъ, болѣе напыщенный тонъ Кольриджа и его фантазіи напшибы, можетъ-быть, гораздо благосклоннѣйшій приемъ, еслибы не представлялись читающему міру, какъ результаты новой стихотворной теоріи. Эта теорія не была одобрена современными критиками и не довольно ясно изложена самими авторами. Въ-послѣдствіи, въ Литературной Біографіи, Кольриджъ изложилъ ее гораздо яснѣе и понятнѣе. Какъ-бы то ни было, на Лирическія Баллады смотрѣли не со стороны ихъ собственнаго достоинства, но со стороны теоріи, по которой онѣ были написаны.

Неодолимая лѣность Кольриджа, всегда создававшаго неисполнимые планы и всегда ограничивавшаго свои дѣйствія одними мечтами, принудила Вордсворта одного оканчивать свой трудъ. Онъ занялся имъ съ оглядкой на его настойчивостью; критика произвела на него только то дѣйствіе, что еще болѣе убѣждала его въ прежнихъ мнѣніяхъ. По-мѣ поѣздкѣ въ Германію съ сестрою и Кольриджемъ, онъ возвратился въ Англію, «съ надеждою», какъ говоритъ онъ въ предисловіи къ своему Путешествію, «создать литературное твореніе, которое могло бы жить долго».

Въ 1803 году Вордсвортъ женился на мисъ Мері Гетчинсонъ и поселился въ Грасмеръ. Отсюда онъ вскорѣ переѣхалъ въ мѣстечко Райдель-Моунтъ, гдѣ и жилъ до самой смерти. Мы въ двухъ словахъ скажемъ о его частной жизни, и потомъ исчислимъ его поэтическія произведенія, въ которыхъ, можно сказать, заключалась вся его жизнь. Отъ ~~предпочтенной~~ его жены у него были—дочь, вскорѣ умершая, и два сына.

Въ 1814 году, Вордсвортъ, по ходатайству графа Ленсдела, назначенъ былъ сборщикомъ податей въ Комберлендъ и Вестморлендъ. Занимая это мѣсто двадцать-восемь лѣтъ, онъ передалъ его своему второму сыну, и съ годовымъ пенсіономъ въ 300 фунтовъ оставилъ службу. Въ 1843 году, онъ наследовалъ послѣ Соути ограниченное содержаніе и достоинство придворнаго поэта (laureat).

Между-тѣмъ, какъ критическая буря, возбужденная предисловіемъ къ «Лирическимъ Балладамъ» продолжала кипѣть съ прежнею силою, Вордсвортъ написалъ *Петерь-Белла* и *Ванонера*, изданныхъ уже нѣсколько лѣтъ спустя. Они полны прекрасной, высокой поэзіи; языкъ ихъ превосходенъ, стихи несравненны по гармоніи и чувству. Нельзя однако не замѣтить, что въ нихъ видна упорная, преувеличенная приверженность къ своей новой теоріи, происходящая какъ-будто изъ желанія противорѣчить. Въ 1807 году Вордсвортъ издалъ двѣ книги, заключающія въ себѣ продолженіе, «Лирическихъ Балладъ» и еще нѣсколько поэмъ. Многія изъ этихъ стихотвореній не найдутъ ничего подобнаго себѣ не только въ англійской поэзіи, но въ поэтическихъ созданіяхъ всѣхъ народовъ. *Застольная пѣсня* богата лирическимъ избыткомъ чувства; *Лаодемія* — строго-прекрасна, какъ греческая статуя; *Гармлинскій Ключъ* — полонъ тихой грусти; *Могила Робъ-Ролъ*, *Два юрь*, «*Она была чуднымъ призракомъ*», — однимъ-словомъ, каждое стихотвореніе дышетъ сердечною полнотою и передаетъ чудныя картины сельской природы.

Прогулка (the Excursion) чрезвычайно занимательное, и, при всѣхъ недостаткахъ, лучшее изъ его сочиненій, была издана въ 1814 году. Здѣсь поэтъ весь въ своей сферѣ. Направленіе Вордсвортова гениа было исключительно умственное и моральное. Неожиданности и приключенія не имѣли въ его глазахъ никакой прелести. Онъ изучалъ характеры по метафизическимъ выводамъ, а не по сочувствію и воображенію, какъ создавалъ ихъ Шекспиръ. Онъ не умѣлъ схватывать тѣхъ интересныхъ оттѣнковъ людей и общества, которые составляютъ лучшія мѣста у многихъ поэтовъ; онъ любилъ одну природу. «Шумящій водопадъ, говоритъ онъ, преслѣдуетъ меня, какъ страсть; высокой утесъ, гора, и густой тѣнистый лѣсъ привлекаютъ меня къ себѣ; а люблю ихъ всею полнотою чувствъ и ни съ чѣмъ не сравню ихъ прелести.»

Душа его была зародышемъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ истинъ. Послѣ пересмотра своихъ поэмъ, онъ задумалъ написать философскую поэму, содержащую въ себѣ взглядъ на человѣка, природу и общество. Онъ назвалъ ее «Отшельникомъ», и хотѣлъ передать въ ней обществу свои мысли и чувства; однако, не успѣлъ привести въ исполненіе своихъ намѣреній. Послѣдующія изданія Вордсворта не трудно исчислить. *Петерь-Белъ* и *Ванонеръ* явились черезъ два года послѣ «Прогулки», а вслѣдъ за ними, онъ издалъ *Уайтс-До: Собраніе* мелкихъ статей было напечатано въ 1820 году, а *Yarrow revisited* въ 1835. Обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ довольно сказать, что они всѣ характеризуютъ автора и отличаются многими достоинствами.

Поэзіи Вордсворта долго суждено было бороться съ предубѣжденіями

ли литературнаго міра. Еще при первыхъ опытахъ, его гешіи былъ признавъ возвышенными умами; его первые почитатели буквально составляли секту, и почитаніе ихъ, какъ мифіе всякой исключительной секты, было горячо и неразборчиво. Между-тѣмъ, они были посредниками между имъ и читающей публикой, и сдѣлали извѣстными всѣмъ его таланты. Ему подражали многіе, не соглашаясь съ нимъ, какъ Шеллей, и систематически насмѣхаясь надъ нимъ, какъ Байронъ. Даже въ наше время, Вордсворта болѣе хвалятъ, чѣмъ любятъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что современемъ истинно прекрасное въ его поэмахъ займетъ достойное мѣсто въ англійской литературѣ.

Въ самомъ Вордсвортѣ было много сходства съ его поэзіей; онъ былъ простъ и ограниченъ въ своихъ желаніяхъ; самоувѣренъ и часто непріятенъ своею строгостью; но подъ его суровою наружностью скрывалось доброе сердце. Онъ былъ бодръ и силенъ; взглядъ его былъ задумчивъ, и при первой встрѣчѣ казался не выразительнымъ; но особенная прелесть заключалась въ его улыбкѣ. Практическая дѣятельность его вѣка была ему не по сердцу. Онъ не понималъ, и потому не могъ оцѣнить благороднаго стремленія своихъ современниковъ къ усовершенствованіямъ и открытіямъ. Въ своемъ эгоистическомъ уединеніи онъ не сочувствовалъ свѣту, но смотрѣлъ на него критическимъ взглядомъ. Всѣ его понятія о свѣтѣ были покрыты ржавчиною старинныхъ предразсудковъ. Желѣзные дороги онъ ненавидѣлъ, и въ своихъ советахъ всегда велъ съ ними войну. Быстро развивая торговлю, сношенія и упрочивая благостояніе цѣлыхъ обществъ, онъ мѣшали его уединенію, и Вордсвортъ постоянно воевалъ съ толпами туристовъ, приходившихъ раздѣлять съ нимъ прогулку по его горахъ и озерамъ.

Очеркъ современной поэзіи въ Германіи. (Статья вторая и послѣдняя). — Современная германская поэзія вполне достигла двоякой цѣли, которую предположила себѣ. Она не только осмѣяла школу исторической поэзіи, хотѣвшей возстановить средніе-вѣка, но даже предсказала будущую литературную судьбу Германіи, уничтоживъ школу ложной сентиментальности швабскихъ поэтовъ, — которую называли дурнымъ хвостомъ Гёте и альбомною поэзіей. Въ сочиненіяхъ новой школы видна борьба сильныхъ, вѣрныхъ чувствъ съ ложною идеальностію. Не разъ говорили, однакоже, что школа эта ничего не уважаетъ. Это справедливо только въ томъ отношеніи, что она не уважаетъ маленькихъ поэтовъ, притворную ихъ добродѣтель и мнимыя высокія чувства. Но она уважаетъ истинно-изящное вездѣ, гдѣ встрѣчаетъ его. Она, какъ древній грекъ, обожаетъ прелестную форму и смѣло беретъ за идею, если идея ясна, а не наполнена германскою туманностію. Она тщательно обрабатываетъ свою форму, и болѣе всего заботится о слогѣ. Слогъ ея не представляетъ ни краткости французскихъ періодовъ, ни длинноты нѣмецкихъ; это періодъ греческій — простой, текучій, удобопонятный, пріятный для уха. Сочиненія этой школы пишутся въ равное время, какъ скоро поэтъ пораженъ какимъ-

нибудь предвѣтомъ, или идеею. Ее можно обвинить однакоже въ томъ, что она съ жестокостію нападаетъ на своихъ личныхъ враговъ, хотя въ-послѣдствіи раскрывается въ этомъ. Въ самыхъ злыхъ нападкахъ видны однакоже мастерскіе очерки. Она привязывается къ лицамъ, чтобъ высказать какую-нибудь истину, и наказываетъ смѣяться. Это Аристофанъ, который правъ уже и потому, что въ его время нѣтъ ни одного Сократа между тѣми, на кого онъ нападаетъ.

Новая поэзія не создаетъ отдѣльной системы въ стихотвореніяхъ. Она думаетъ только о томъ, чтобъ найти древнія красоты, формы, потеряныя въ нашъ вѣкъ. Лучше всего можно узнать направленіе этой поэзіи изъ поэмы, которую мы приведемъ. Въ ней есть чувства, которыя всегда заставляютъ трепетать сердце человѣка. Исторія сердца каждаго поэта должна быть занимательна для всѣхъ. Каждый узнаетъ въ ней часть своихъ ощущеній, узнаетъ тѣ артеріи, мускулы и вены, которыя составляютъ его жизнь. Въ этомъ отношеніи можно напримѣръ назвать Гёте сангвиническимъ поэтомъ. Это гармоническій гений древности, происшедшій отъ соединенія силы и спокойствія. Ледяное безпристрастіе управляетъ всѣми отношеніями между нимъ и другими лицами; любовь его также торжественная и классическая. Завязки его заранѣе разсчитаны, причины ревности и отчаянія трагическія; Гете полюбитъ и застрѣлится съ горя, какъ Вертеръ, или будетъ обожать сестру герцога и сойдетъ съ ума, какъ Тассъ, или это будетъ смѣсь противурѣчащихъ чувствъ, какъ въ Германъ и Доротеѣ, Кларѣ и Эгмонтѣ. Даже въ Фаустѣ любовь носитъ на себѣ отпечатокъ таинственности. Но у современнаго поэта найдете вы терпѣливый и болѣзненный анализъ любви, безъ прелестей, безъ противурѣчій, почерпающій несчастныя и болѣзненныя ощущенія изъ своего собственного существованія. Таковы всегда натуры нервическія и чувствительныя. Въ древности нѣтъ подобныхъ психологическихъ типовъ. Только новѣйшее общество произвело ихъ.

Поэма *Интермедія* — самое оригинальное произведеніе. Это странное, небрежное и, можетъ-быть, вѣсколько натянутое названіе скорѣе скрываетъ, нежели обнаруживаетъ рядъ отдѣльныхъ стихотвореній, неизъюющихъ, повидимому, никакой связи между собою, но написанныхъ съ одною цѣлю и идеею. Это какъ-будто ожерелье, откуда возгъ выдернулъ нитку, на которой оно было ванизано, но на одна жемчужина не упала. Всѣ эти разрозненныя строфы имѣютъ одно единство: любовь; но это однакоже оригинальная, особенная любовь. Въ ней нѣтъ ничего страннаго, потому-что всякій узнаетъ здѣсь свои чувства; но ея новостъ именно въ томъ и состоитъ, что поэма такъ стара, какъ свѣтъ, и что въ ней говорится о самыхъ обыкновенныхъ и всѣдневныхъ предметахъ. Ни греки, ни римляне, ни Мимвертъ, котораго древніе ставили выше Гомера, ни вѣжливый Тибуллъ, ни пламенный Проперцій, ни изобрѣтательный Овидій, ни Данте съ своимъ вѣтонамомъ, ни Петрарка съ своими влюбленными *кончетти* — никто не писали ничего подобнаго. Еврей Лео въ своей *Философіи любви* много

не разобралъ въ схоластическихъ анализахъ. Чтобъ найти что-нибудь подобное надобно обратиться къ древнему Востоку.

Въ чемъ состоитъ содержаніе *Интермедіи*? Поэтъ любитъ дѣвушку, и она потомъ оставляетъ его, избравъ себѣ другаго жениха, глупаго и богатаго. Вотъ и все: ни больше ни меньше. Это всегда случается. Молодая дѣвушка хороша собою, кокетлива, легкомысленна, немного зла, частію отъ своеправія, частію отъ невѣжества. Древніе греки недаромъ представляли сердце въ видѣ бабочки. Эта женщина держитъ въ рукахъ своихъ сердце своего любезнаго, и заставляетъ его переносить всѣ страданія, какія терпятъ бабочки въ рукахъ дѣтей. Они дѣлаютъ это не отъ злости; но золотистая пыль крылышекъ стирается, остается на пальцахъ; прозрачная перепонка разорвана, — и если бѣдное насекомое успѣваетъ спастись, то измученное и изуродованное. Впрочемъ, у этой молодой дѣвушки нѣтъ никакого особеннаго дарованія, ни чрезвычайной красоты, ни увлекательнаго очарованія: голубые глаза, маленькія, свѣжія щечки, розовая улыбка, нѣжная кожа, ума столько же, какъ у розы, вкуса, какъ у сочнаго плода, — вотъ и все. У кого, въ воспоминаніяхъ молодости, нѣтъ портрета въ такомъ родѣ, давно забытаго? Этотъ простой сюжетъ, который не далъ бы и двухъ страницъ въ романѣ, произвелъ прекраснѣйшую поэму, самаго нравственнаго, содержанія. Вся душа поэта вылилась въ этихъ отдѣльныхъ отрывкахъ, изъ которыхъ самыя дивныя не болѣе какъ въ три, четыре строфы. Страсть, печаль, иронія, живое чувство, любовь къ природѣ и къ пластической красотѣ: все это смѣшано въ самыхъ счастливыхъ и неожиданныхъ размѣрахъ. Мѣстами попадаются разбросанныя философическія мысли въ двухъ строкахъ, въ двухъ словахъ. У читателя навернутся слезы отъ комическаго выраженія, или онъ улыбнется въ патетическихъ мѣстахъ, — а отчего? Онъ и самъ не знаетъ. Читая *Интермедію*, чувствуешь какой-то страхъ. Кажется краснѣешь, вида, что поэтъ угадалъ тайну читателя. Біенія сердца размѣрены по строфамъ, по стихамъ. Поэтъ будто записывалъ вздохи читателя, описывая свои собственные страданія.

Кажется, что тихій лунный свѣтъ освѣщаетъ всѣ эти фигуры. Сквозь пронию французской школы и байроновскій юморъ просвѣчиваетъ нѣмецкая мечтательность, хотя самъ поэтъ смѣется надъ нею. Всего удивительнѣе, что эти мимолетныя изображенія, эти воздушныя впечатлѣнія вырѣзаны на чистѣйшемъ древнемъ мраморѣ; по всему видно, что трудъ этотъ не стоилъ ни малѣйшихъ усилій, что форма никогда не затрудняла хода мысли. Оставить ли прозаическій переводъ хоть тѣмъ этихъ пластическихъ красотъ? Во всякомъ случаѣ воображеніе читателя должно дополнить и возсоздать красоты этой удивительной поэмы.

ИНТЕРМЕДИЯ.

I.

То было въ дни блистательнаго мая. Когда листья разрываютъ свои оболочки, — любовь проникаетъ въ сердце шре.

Это было въ дни билетательнаго мая. Когда всѣ птицы начинаютъ пѣть о любви, признался и я своей милой въ страсти и сердечныхъ желаніяхъ.

II.

Изъ слезъ моихъ вырастаютъ множество прелестныхъ цвѣтовъ, а вздохи мои превращаются въ цѣлый хоръ соловьиного пѣнія.

Если ты хочешь полюбить меня, моя милая, то всѣ эти цвѣты будутъ твоими, и соловьи будутъ пѣть у окна твоего.

III.

Розы, лиліи, голубки, солнце, — все это прежде любилъ я страстно; теперь все разлюбилъ, теперь люблю только тебя. Ты для меня и роза, и лилія, и голубка, и солнце.

IV.

Когда я вижу глаза твои, то забываю боль и страданія; когда цѣлую прелестный ротикъ твой, чувствую полное испѣленіе.

Когда склоняюсь на твою грудь — тихая радость парить надо мною, — и однако же, когда ты говоришь мнѣ: «я люблю тебя!» у меня навертываются горькія слезы.

V.

Я-бы желалъ погрузить мою душу въ цвѣточную чашечку бѣлой лиліи. Пусть вздохи лиліи будутъ пѣснію для моей возлюбленной.

Пѣсня эта должна также дрожать и трепетать, какъ поцѣлуй, который она мнѣ нѣкогда дала въ таинственный и нѣжный часъ нашей любви.

VI.

Тамъ въ высотѣ, уже нѣсколько тысячелѣтій сіяютъ неподвижно звѣзды и смотрятъ другъ на друга съ печальною любовью.

Языкъ ихъ богатъ и прекрасенъ; но ни одинъ филологъ не понялъ еще его.

Я изучилъ этотъ языкъ, и никогда его не забуду. Лицо моей милой служило мнѣ наставленіемъ.

VII.

На крыльяхъ пѣсенъ моихъ перенесу я тебя, перенесу до береговъ Ганга. Тамъ и знаю одно прелестное мѣсто.

Тамъ цвѣтетъ благоуханный садъ, оваряемый тихими лучами луны. Цвѣты ожидаютъ тебя тамъ, какъ сестру свою.

Фиалки улыбаются тамъ и перемигиваются съ звѣздами. Розы рассказываютъ другъ-другу на ухо самыя душистыя рѣчи.

Робкія и скачущія газели приближаются и слушаютъ, — а тамъ шумятъ волны священнои рѣки.

Тамъ успокоимся мы подъ тѣнію пальмъ, которыя пошлютъ намъ радужные сны.

VIII.

Лотусъ не можетъ переносить яркихъ лучей солнца. Онъ склоняетъ голову и въ задумчивости ждетъ приближенія ночи.

Возлюбленная луна его — пробуждаетъ лотусъ тихимъ свѣтомъ. Онъ обращается къ ней своимъ вротнымъ и цвѣтушимъ лицомъ.

Онъ цвѣтетъ, краснѣетъ и блистаетъ. Безмолвно поднимаясь въ воздухъ, вздыхаетъ, плачетъ и трепещетъ отъ любви и страданій.

IX.

Въ водахъ Рейна отражаются церковныя башни великаго древняго Кельна.

На одной изъ этихъ башенъ изображенъ лѣкъ на позволенной мѣди. Онъ тихо освѣщаль пустынную стезю моей жизни.

Цвѣты и ангелы изображены надъ этимъ лѣнкомъ...

X.

Ты не любишь меня, ты не любишь меня. Но это меня не терзаетъ. Лишь-бы я могъ смотрѣться въ твои глаза, и я доволенъ.

Ты будешь ненавидѣть меня, ты уже ненавидишь меня. Твои розовыя уста сказали мнѣ это. Протяни ихъ ко мнѣ, — и я буду утѣшенъ.

XI.

Не клянись мнѣ, а только обвини меня. Я не вѣрю женскимъ клятвамъ. Слова твои сладки, но подѣлуй, который я похитилъ у тебя, — еще слаще. Когда я цѣлую тебя, мнѣ кажется, что слова совершенно бесполезный даръ для человѣчества.

О! клянись мнѣ, клянись, моя милая! Я вѣрю каждому твоему слову. Я склоняюсь на грудь твою — и воображаю себя первымъ счастливецемъ. Я воображаю, что ты будешь любить меня вѣчно.

XII.

Я сочинилъ самыя лучшія канцоны на глаза моей возлюбленной. Лучшія мои *терцины* сочинены на ея милый ротикъ. Самые великолѣпные стансы написаны на глаза моей возлюбленной. Еслибы у нея было сердце, я-бы сочинилъ на него какой-нибудь хорошій сонетъ.

XIII.

Какъ свѣтъ глупъ, какъ свѣтъ слѣпъ! Онъ день отъ дня становится безразсуднѣе. Онъ говоритъ о тебѣ, моя милая, что у тебя дурной характеръ.

Какъ свѣтъ глупъ, какъ свѣтъ слѣпъ. Онъ не зваешь тебя.

XIV.

Обожаемая моя! Скажи, мнѣ не видѣние-ли ты, родившееся въ воображеніи поэта въ душный, лѣтній день?

Нѣтъ! такого прелестнаго маленькаго ротика, такихъ очаровательныхъ глазъ, такого прекраснаго и милаго существа, не могла создать поэзія.

Она только создаетъ василисковъ, вампировъ, крылатыхъ змѣй и чудовищъ, всѣхъ этихъ гнусныхъ, баснословныхъ животныхъ.

Но тебя, съ твоею хитростію и прелестнымъ лицомъ, съ твоими кроткими и коварными взорами—поэтъ никогда не создастъ тебя.

XV.

Какъ Венера, выходящая изъ пѣнистыхъ волнъ, любезная моя блистаетъ во всемъ сіяніи красоты своей, — потому-что сегодня день ея свадьбы.

Сердце мое, сердце мое! Ты, которое такъ терпѣливо, — не будь забываемо за эту измѣну. Перенеси свое горе; страдай и прости все, что бы ни сдѣлала эта милая вѣтренница.

XVI.

Я не сержусь на тебя. Пусть сердце мое разрывается оттого, что я навсегда потерялъ мою любезную, — я не сержусь на тебя. Ты січень всѣмъ блестящъ брилліантовъ своихъ, но ни одинъ лучъ не падаетъ во мракъ твоего сердца.

Я это давно знаю. Я тебя видѣлъ во снѣ. Видѣлъ ночь, наполняющую твою душу, и чудовищъ, шипящихъ въ мракѣ этой ночи. Я видѣлъ, моя милая, какъ ты несчастна въ глубинѣ души своей.

XVII.

Да! ты несчастна, — и я не сержусь на тебя. Намъ суждено, моя красавица быть несчастными. Покуда смерть разорветъ наше сердце, мы будемъ несчастны.

Я вижу, что насмѣшка порхаетъ на губахъ твоихъ, вижу наглый блескъ твоихъ глазъ, вижу гордость, поднимающую твою грудь, — и все-таки говорю: ты также несчастна, какъ и я.

Невидимое страданіе заставляетъ трепетать твои уста; скрытая слеза помрачаетъ блескъ твоихъ взоровъ; тайная язва грызетъ гордую грудь твою. Милая моя! Мы должны быть оба несчастны.

XVIII.

И такъ, ты совершенно забыла, что я владѣлъ твоимъ сердцемъ, твоимъ маленькимъ, кроткимъ, коварнымъ и все-таки милымъ сердцемъ. Да! это было самое милое и самое обманчивое сердце.

И такъ, ты забыла и любовь и печаль, которыми такъ терзалъ сердце мое. Не знаю, была-ли любовь моя сильнѣе печали; знаю только, что оба эти чувства были очень сильны.

XIX.

И еслибы цвѣты, эти милые и маленькіе цвѣты, знали, какъ глубоко поражено мое сердце, они-бы плакали вмѣстѣ со мною, чтобъ излечить мои страданія.

И еслибъ соловьи знали, какъ я болѣвъ и печаленъ, они утѣшили бы меня своею веселою пѣснью.

И еслибъ тамъ на верху, золотыя звѣзды знали мои страданія, онѣ сошли бы съ неба и пришли бы успокоить меня.

Но никто изъ нихъ не можетъ знать моего горя. Только она одна, растерзавшая мое сердце, знаетъ о немъ.

XX.

Отчего розы такъ блѣдны,—скажи мнѣ, моя милая,—отчего?

Отчего въ зеленомъ дернѣ фиалки такъ печальны?

Отчего жаворонокъ такъ задумчиво поетъ? Отчего благоуханіе садовъ испускаетъ могильный запахъ?

Отчего солнце освѣщаетъ луга такимъ недовольнымъ и холоднымъ лучемъ? Отчего вся земля безможна и мрачна, какъ могила?

Отчего я самъ такъ болѣвъ и печаленъ, моя милая,—скажи мнѣ? О! скажи мнѣ, за что ты меня покинула?

XXI.

Они много наговорили тебѣ на мой счетъ, много нажаловались тебѣ на меня. Но что дѣйствительно терзало мою душу, они тебѣ того не сказали.

Они съ гордостію и важностію качали головами,—и называли меня злымъ человѣкомъ, а ты имъ повѣрила.

Но самого худшаго они и не знали. То, что было во мнѣ самого дурнаго и глупаго, я затаялъ отъ всѣхъ въ глубинѣ моего сердца.

XXII.

Когда липа цвѣла, соловей пѣлъ, солнце улыбалось прелестно, тогда ты меня любила.

Когда листья падали, воронъ каркалъ, солнце бросало на насъ недовольные лучи, тогда мы холодно сказали другъ другу: прощай!— и ты мнѣ сдѣлала самый учтивый реверансъ.

XXIII.

Ты долго мнѣ была вѣрва, ты принимала во мнѣ участіе, утѣшала меня въ моихъ страданіяхъ и печаляхъ.

Ты меня поила и кормила; ты давала мнѣ денегъ въ займы, снабжала бѣльею и доставала паспортъ для выѣзда.

О! моя милая! Да предохранить тебя судьба еще на долго отъ хо-

* Эта строфа нѣсколько разъ была переведена нашими поэтами.

люда и тепла, и да не наградитъ тебя никогда за добро, которое ты мнѣ сдѣлала.

XXIV.

Покуда я путешествовалъ и мечталъ такъ долго въ чужихъ краяхъ, любезная моя соскучилась, сплела себѣ подвѣчное платье и обвила вѣжными руками своими глупѣйшаго изъ жениховъ.

Любезная моя такъ прелестна и очаровательна; милый образъ ея все еще носится передъ моими глазами. Фиалки глазъ ея и розы мнеленькихъ щекъ блистаютъ и цвѣтутъ цѣлый годъ. Уѣхать отъ такой красавицы было самымъ глупымъ дѣломъ изъ всѣхъ моихъ глупостей.

XXV.

О! моя возлюбленная! Когда ты ляжешь въ тѣсный гробъ, я сойду въ твою могилу и неразстанусь съ тобой.

Я обниму тебя, съ жаромъ обовью тебя руками,—а ты будешь безмошна, холодна и бѣла. Я вскрикну, вздрогну, и умру подлѣ тебя.

Звучитъ полночь, мертвецы встаютъ и пляшутъ въ туманныхъ группахъ. Мы же оба останемся въ могилахъ, въ объятіяхъ другъ—друга.

XXVI.

Уединенная ель возвышается на песчанной сѣверной горѣ. Она спитъ. Ледъ и снѣгъ покрываютъ ее бѣлымъ своимъ покровомъ.

Ель эта мечтаетъ о пальмовомъ деревѣ, которое на отдаленномъ востокѣ стоитъ въ печальномъ уединеніи на скатѣ раскаленной скалы.

XXVII.

Голова говорить: ахъ! еслибъ я была, по—крайней—мѣрѣ, той скамейкою, на которой покоятся ноги моей возлюбленной. Пусть бы она съ досады колотила по мнѣ, я бы не произнесла ни одной жалобы.

Сердце говорить: ахъ! еслибъ я было тою подушечкою, въ которую она втыкаетъ свои булавки. Пусть бы она меня колола до крови, я бы радовалось своимъ ранамъ.

Пѣсня говорить: ахъ! еслибъ я была хоть тою бумажкою, которая ей служить вмѣсто папильотки,—я бы шептала ей на ухо все, чѣмъ я живу и дышу.

XXVIII.

Когда моя любезная была далеко отъ меня, я совѣмъ разучился смѣяться. Многіе бѣдняки старались говорить плоскія шутки, но я не могъ улыбаться.

Когда же я потерялъ ее, то разучился плакать. Сердце мое разрывается отъ страданія, но я не могу плакать.

Этой строфѣ подражалъ Леймонтовъ въ своемъ стихотвореніи: *Сосна*.

XXIX.

Изъ моей большой горести дѣлаю я маленькія пѣсни. Онѣ, какъ птички, взмахиваютъ звучными крылышками и летятъ къ моей любезной.

Прилетѣвъ туда, онѣ возвращаются и жалуются; онѣ жалуются, но не хотятъ сказать мнѣ, что видѣли въ ея сердцахъ.

XXX.

Я не могу забыть, моя возлюбленная, мой обожаемый другъ, что ты была моею невѣстой.

XXXI

Мѣщане по воскресеньямъ собираются на лугахъ и въ лѣсу; они издають радостные крики и прыгаютъ, какъ козы въ ясный, весенній день.

Взоры ихъ очарованы романтическимъ возрожденіемъ зелени и цвѣтовъ. Длинныя уши съ удовольствіемъ слушаютъ мелодическое пѣніе воробьевъ.

Я же опускаю темныя шторы моего окна. Это доставляетъ мнѣ среднѣ благо дня посѣщеніе моихъ любимыхъ привидѣній.

Убитая любовь является ко мнѣ изъ царства тѣней; она садится близь меня, и слезами своими терзаетъ мое сердце.

XXXII.

Много картинъ изъ забытыхъ временъ выходятъ изъ гробовъ своихъ и напоминаютъ мнѣ, какъ я вѣкогда жилъ близь тебя, моя милая.

Днемъ я шатаюсь по улицамъ, какъ сонный, и сосѣди съ удивленіемъ смотрятъ на меня,—до такой степени я мраченъ и печаленъ.

Ночью — мнѣ лучше. Улицы пусты, я и тѣнь моя уединенно бродить всегда вмѣстѣ и молчаливо.

Громкіе шаги мои раздаются, когда я перехожу черезъ мостъ. Луна прокрадывается изъ-за облаковъ, и привѣтствуетъ меня печальнымъ свѣтомъ.

XXXIII.

Молодой человѣкъ любитъ молодую дѣвушку, которая выбрала себя другаго. Тотъ влюбляется въ другую, — и женится на ней.

Съ досады молодая дѣвушка выходитъ замужъ за перваго, кто ей встрѣтится. Молодому человѣку тоже приходится нехорошо.

Все это старая исторія, которая всякой день возобновляется, но тотъ, съ кѣмъ она вновь случается,—страдаетъ и плачетъ.

XXXIV.

Когда я слышу пѣсенку, которую пѣвала моя возлюбленная, мнѣ кажется, что грудь моя раздирается, такъ сильно стѣсняется ее печаль.

Мрачное желаніе гонить меня на лѣсистыя высоты. Тамъ только печаль моя разрѣшается слезами.

XXXV.

Я видѣлъ во снѣ женщину съ блѣдыми и влажными щеками. Мы сидѣли подъ зелеными липами.

— Я не хочу твоего приданого не хочу бриліантовъ: а хочу только тебя, цвѣтъ красоты.

— Это невозможно, — отвѣчала она мнѣ. — Жилище мое — гробъ.

XXXVI.

О! моя возлюбленная! Мы сидѣли вмѣстѣ въ легкой лодочкѣ. Ночь была тиха, — и мы плыли по обширному озеру.

Таинственный островъ духовъ неясно рисовался при лунномъ свѣтѣ. Тамъ раздавались очаровательныя звуки; тамъ мелькали туманныя пляски.

Звуки дѣлались все нѣжнѣе и нѣжнѣе; вскорѣ вальсъ болѣе и болѣе ускорялся...

А мы оба плыли безъ надежды по обширному озеру.

XXXVII.

Я любилъ тебя, — а еще люблю тебя. Еслибы домъ разрушился, изъ развалинъ его пылало-бы еще пламя любви моея.

XXXVIII.

Было прелестное утро, — я гулялъ по саду. Цвѣты шептались между собою на своемъ таинственномъ языкѣ, — но я ходилъ безмолвенъ и печаленъ.

Цвѣты шептались между собою, и съ состраданіемъ смотрѣли на меня: « Не сердись на сестру нашу, блѣдный и печальный любовникъ ».

XXXIX.

Любовь моя свѣтитъ во мрачномъ великолѣпнѣ, какъ меланхолическая сказка, рассказанная въ лѣтнюю ночь.

Въ волшебномъ саду гуляли два любовника, безмолвные и удивленные. Соловьи пѣли вокругъ; луна блистала.

Молодая дѣвушка тихо остановилась какъ статуя; рыцарь склонилъ предъ нею колѣна. Явился исполилъ пустыни; робкая дѣвушка убѣжала.

Рыцарь упалъ окровавленный на землю; исполилъ медленно возвратился въ свое жилище. Осталось только похоронить меня, — и сказка кончена.

XL.

Они меня мучили, заставляли блѣднѣть и дрожать: одни своею любовью, другіе своею ненавистью.

Они отравили мой хлебъ, налили яду въ мое питье: — одни своею ненавистію, другіе своею любовію.

И однакоже, та которая меня болѣе всѣхъ мучила и терзала, — ни когда не любила меня и не ненавидѣла *.

XLI.

Пылающее лѣто царствуетъ на щекахъ твоихъ; холодъ зимы обитаетъ въ твоёмъ сердцѣ.

Это современемъ измѣнится, о моя милая. Зима перейдетъ на твои щеки, а лѣто въ твоё сердце.

XLII.

Когда любовники разлучаются, то подаютъ другъ-другу руку, плачутъ и вздыхаютъ безпрестанно.

Мы не плакали, не вздыхали; слезы и вздохи явились уже послѣ.

XLIII.

Пѣсни мои отравлены. Да и можетъ-ли быть иначе? Ты обладаломъ цвѣтокъ моей жизни.

Пѣсни мои отравлены. Да и можетъ ли быть иначе? Въ сердцѣ моемъ гнѣздится множество змѣй. И ты въ немъ, моя милая.

XLIV.

Я видѣлъ опять таинный свой сонъ. Это было въ майскую ночь. Мы смѣяли подъ лицами и плакали другъ-другу въ вѣчной вѣрности.

XLV.

Я поднялся на вершину горы и сдѣлался сентиментальнымъ. «Еслибъ я былъ птичкою!» — вздыхалъ я миллионъ разъ.

Еслибъ я былъ ласточкою, то полетѣлъ бы къ тебѣ, моя милая, и построилъ бы свое гнѣздышко подъ карнизомъ твоего окна.

Еслибъ я былъ соловьемъ, то полетѣлъ бы къ тебѣ, моя милая, и съ вѣтвей зеленой липы распѣвалъ бы тебѣ мои пѣсенки.

Еслибъ я былъ болтливымъ попугаемъ, тотчасъ же полетѣлъ бы къ твоему сердцу, потому-что ты любишь попугаевъ и радуешься ихъ болтливости.

XLVI.

Я плакалъ во снѣ. Мнѣ снилось, что ты умерла. Я проснулся, — и струя слезъ текла по моимъ щекамъ.

Я плакалъ во снѣ. Мнѣ снилось, что ты меня покидаешь. Я проснулся, и долго еще горько плакалъ.

* И эта строка являлась въ русскихъ сонмахъ несчетное число разъ, также какъ и слѣдующая. Строфы XLIV, XLVI, XLVII, XLIX, и LV, также появлялись въ переводѣ.

Я плакалъ во снѣ. Мнѣ снилось, что ты еще меня любишь. Я проснулся — и все еще не перестаю плакать.

XLVII.

Всякую ночь вижу я тебя во снѣ; вижу такъ мило улыбающуюся, — и рыдая бросаюсь къ твоимъ ногамъ.

Ты смотришь на меня печально и киваешь бѣлокурою своею головою; изъ глазъ твоихъ струятся влажные перлы твоихъ слезъ.

Тихо произносишь ты одно слово—и подаешь мнѣ букетъ изъ вѣтвей кипариса. Я просыпаюсь, букетъ исчезъ, а сказанное слово хочу я забыть напрасно.

XLVIII.

Осенній дождь и вѣтеръ шумять и воютъ въ мракѣ ночи. Что такъ запоздала моя робкая и бѣдная красавица.

Вотъ она сидитъ въ уединенной своей комнатѣ, облокотившись у окна. Глаза ея наполнены слезами; взоры устремлены во мракъ ночи.

XLIX.

Осенній вѣтеръ, качаетъ деревья. Ночь печальна и холодна. Закутавшись въ сѣрый плащъ, проѣзжаю я верхомъ по лѣсу.

Въ то время какъ конь мой скачетъ, мысли быстро кружатся въ умѣ моемъ. Съ весельемъ и надеждою ведутъ онѣ меня въ домъ моей возлюбленной.

Собаки лаютъ; служители выходятъ съ факелами. Я вбѣгаю по лѣствицѣ, гремя звонкими шпорами.

Въ комнатѣ, обложенной коврами и блистательно освѣщенной, въ теплой и благоуханной атмосферѣ ждетъ меня моя милая. Я бросаюсь къ ея ногамъ.

Вѣтеръ шепчетъ въ листьяхъ, дубъ колышетъ своими вѣтвями; они говорятъ мнѣ: «Сумасбродный рыцарь. Что за глухой у тебя сонъ?»

L.

Звѣзда сорвалась съ блистательнаго свода. Это падаетъ звѣзда любви. Съ яблони летятъ на землю бѣлые листки. Порывистые вѣтры уносятъ ихъ, играя съ ними.

Лебедь поетъ въ прудѣ. Онъ-то приближается къ берегу, то удаляется отъ него. Пѣсня его становится все тише и тише. Онъ погружается въ влажную свою могилу.

Все вокругъ спокойно и мрачно; цвѣты и листья разнесены вѣтромъ. Падающая звѣзда печальна въ своемъ паденіи, — и лебединая пѣсня умоляетъ.

LI.

Я во снѣ перенесся въ огромный замокъ, наполненный свѣтомъ и волшебными цѣрами. Разряженная толпа гуляла по лабиринту комнатъ. Блѣдная эта толпа ломала себѣ руки съ криками отчаянія: она отыскивала дверь выхода. И рыцари и дамы были смѣшаны въ этой печальной толпѣ. Я самъ былъ увлеченъ ею.

Вдругъ я очутился одинъ, — и спрашивалъ себя: Куда же такъ скоро исчезло это множество народа? Быстро побѣжалъ я по заламъ, которыя страннымъ образомъ перемѣшались. Ноги мои были какъ-бы налиты свинцомъ; смертельная тоска сжимала мое сердце. Я уже отчаялся найти выходъ. Наконецъ достигъ я до послѣдней двери, хотѣлъ отпереть ее... Кто препятствуетъ моему выходу?

Моя любезная стоитъ у дверей: досада на губахъ ея, забота на челѣ. Я принужденъ былъ отступить. Она мнѣ дѣлала знакъ рукою. Я не звалъ: предостерегала-ли она меня, или упрекала. Въ глазахъ ея блистало однако же такое пламя, отъ котораго затрепетало мое сердце. Странно и сурово, но однако же съ любовію смотрѣла она на меня... и я проснулся.

LII.

Ночь была холодна и безмолвна. Я печально ѣхалъ по лѣсу. Я разбудилъ деревья отъ сна, въ который они были погружены, — и они съ состраданіемъ кивали мнѣ своими головами.

LIII.

На перекресткѣ похоронены тѣ, которые умерли отъ самоубійства. Тамъ распустился голубой цвѣтокъ. Его называютъ цвѣткомъ погибшихъ душъ.

Я остановился на перекресткѣ — и вздохнулъ. Ночь была холодна и безмолвна. При свѣтѣ луны цвѣтокъ этотъ тихо колыхался.

LIV.

Густой мракъ окружаетъ меня съ-тѣхъ-поръ, какъ свѣтъ очей твоихъ не оваряетъ меня, моя возлюбленная.

Для меня погасло уже тихое блистаніе звѣзды любви. Бездна разверзается подъ моими ногами. Поглоти меня, вѣчная ночь.

LV.

Ночь покрывала глаза; свинецъ лежалъ на устахъ; сердце и голова мои одевѣли: я лежалъ въ гробѣ.

Не знаю, долго-ли я спалъ сномъ смерти, вдругъ я проснулся. Мнѣ казалось, что кто-то стучитъ въ мою гробницу.

— Развѣ ты не хочешь встать, Генрихъ?

— Я не могу встать, моя милая. Я все еще сплю. Я так много плакалъ, что выплакалъ глаза мои.

— Я хочу поцѣлуями моими, Генрихъ, возратить тебѣ зрѣніе. Надобно, чтобъ ты видѣлъ всѣ радости нашей жизни.

— Я не могу встать, моя милая. Сердце мое все еще обливается кровью отъ одного сказаннаго тобою слова.

— Я положу мою руку на твое сердце, Генрихъ, — и рана заживетъ.

— Я не могу встать, моя милая. Голова моя истекаетъ кровію. Я прострѣлилъ ее пулею въ ту минуту, какъ ты была похищена у меня.

— Локоны волосъ моихъ остановить теченіе крови, — и голова твоя будетъ исцѣлена. . .

Умоляющій голосъ былъ такъ кротокъ и пріятенъ, что я не могъ противиться, хотѣлъ встать и идти къ моей любовной. . . .

Вдругъ рана моя раскрылась; кровь сильно хлынула изъ головы и изъ груди. . . . и я проснулся.

ЭПИЛОГЪ.

Надобно похоронить старыя и дурныя пѣсни, печальные и тяжелыя сны. Привесите мнѣ большой гробъ.

Посмотрите, какъ я его наполню. Надобно, чтобъ гробъ былъ больше громадной гейдельбергской бочки.

Надобно, чтобъ доски были толсты и вѣрны и чтобъ они были длиннѣ мейнцскаго моста.

Приведите мнѣ двѣнадцать великановъ.

Надобно, чтобъ они снесли этотъ гробъ и бросили его въ море. Такому большому гробу нужна обширная могила.

Знаете-ли, къ чему нужно, чтобъ гробъ былъ великъ и тяжелъ? Я сложу туда и любовь мою и страданія?

Послѣ этой печальной поэмы, что еще привести изъ новѣйшихъ стиховъ. Всѣ пьесы этого поэта одушевлены чувствомъ, любовью и юмористикою. Иногда безпечныя рифмы его брошены на вѣтеръ. Въ романсахъ, балладахъ, канцонахъ, южное солнце пробивается въ тысячѣ отбѣнкахъ сквозь балтійскіе туманы. Но послѣ печальной элегии, которую мы перевели вполнѣ, — послѣ наждаго стиха, обогрѣннаго кровію страдальца-поэта, выставляющаго свои страданія вавоказъ разодушной толпѣ, что извлечь еще изъ этихъ страницъ, наполненныхъ то печальными жалобами, то горькими насмѣшками. Возьмемъ, напри- мѣръ, загадку, предлагаемую блѣднымъ сфинксомъ въ предисловіи къ Traumbilder (Картины во снѣ).

СФИНКСЪ.

Вотъ древній очарованный дѣвъ. Воздухъ наполненъ

цвѣтущихъ днѣхъ. Удивительный блескъ луны наполняетъ сердце мое восторгомъ.

Я шелъ, — и вдругъ улышалъ въ воздухѣ звуки. Это была пѣснь соловья. Онъ пѣлъ о любви и о страданіяхъ любви.

Онъ пѣлъ и любовь свою, и горе, и слезы, и улыбки. Веселье его такъ печально, печаль его такъ весела, что забытые мои сны пробуждаются.

Я пошелъ дальше, — и вдругъ передо мною въ просвѣтѣ явился большой замокъ съ высокою крышею.

Окна были заперты. Все вокругъ обнаруживало печаль и уныніе. Казалось, что сама смерть живетъ въ этихъ печальныхъ стѣнахъ.

У воротъ стоялъ сонникъ страшный и привлекательной наружности. Тѣло его и когти были львиныя; голова и грудь женскія.

Прелестная женщина!

Соловей пѣлъ такъ очаровательно. Я не могъ противиться, — и едва прикоснувшись устами моими къ этой таинственной красавицѣ, какъ волшебное обаяніе поборило меня.

Мраморная фигура ожила. Камень началъ вздыхать. Онъ жадно поглощалъ весь пламень моего поцѣлуя.

Онъ вдохнулъ въ себя почти все до послѣдняго вдоха моей жизни, — и мамонокъ съ трепетомъ восторга обхватилъ и разорвалъ львиными когтями мое бѣдное тѣло.

Сладостное мученіе, болѣзненное наслажденіе, безконечное удовольствіе и страданіе! Въ то самое время, какъ поцѣлуемъ этихъ прелестныхъ устъ очаровывали меня, когти терзали мою грудь.

Соловей запѣлъ. О прекрасный сонникъ, о любовь! Зачѣмъ прикинься ты столько мучительныхъ страданій во всѣхъ твоихъ наслажденіяхъ?

О прелестный сонникъ! о любовь! отарой мнѣ умасную тайну. Я уже около тысячи лѣтъ думаю объ этой загадкѣ.

Первый сонъ похожъ на обманчивый запахъ ядовитыхъ цвѣтовъ, дающихъ смерть вмѣстѣ съ благоуханіемъ. Венера-Либитина своими губами даетъ послѣдній поцѣлуй поэту.

СОНЪ.

Странный сонъ очаровалъ меня и напугалъ. Печальнымъ видѣніемъ все еще носятся передо мною и заставляютъ трепетать мое сердце.

Это было въ прекрасномъ саду. Я хотѣлъ прогуляться въ немъ. На меня смотрѣло столько прелестныхъ цвѣтовъ, — и я глядѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ.

Птицы распѣвали пѣжныя мелодіи. Красное солнце свѣтило на золотомъ горизонтѣ и озаряло цвѣтущій дерягъ.

Благоуханія поднимались отъ травъ. Воздухъ былъ тихъ и при-

тенъ. Все улыбалось, все радовалось, все приглашало насладиться великолѣпиемъ природы.

Посреди цвѣтущина билъ свѣтлый мраморный фонтанъ. Тамъ молодая прелестная дѣвушка мыла бѣлье.

Щеки у нея розовыя, глаза ясные, завитая головка похожа на картины Рафаэля. Я смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, что хотя она была мнѣ вовсе незнакома, но я все-таки очень хорошо зналъ ее.

Дѣвушка слышала свою работою и припѣвала странную пѣсню: «Теки, теки, фонтанъ, — и вымой мнѣ скорѣ эту льняную ткань».

Я подошелъ къ дѣвухѣ и тихо шепнулъ: «Скажи мнѣ, красавица, для кого эта бѣлая одежда?»

И она отвѣчала мнѣ: «Будь готовъ; я мою твой саванъ». Едва она успѣла сказать это, какъ видѣніе исчезло.

Волшебствомъ перенесенъ я былъ вдругъ въ глубину теннаго лѣса. Деревья поднимались къ облакамъ. Я былъ удивленъ, — и задумался.

Но чтó за глухой звукъ раздается вокругъ меня? Это стукъ топора въ отдаленіи. Я побѣжалъ между кустами и пришелъ къ открытому мѣсту.

Въ просѣкѣ стоялъ огромный дубъ, — таинственная моя красавица рубила топоромъ стволъ дуба.

И при каждомъ ударѣ топора припѣвала она: «Свѣтлая сталь, ясная сталь, выруби мнѣ доски для гроба».

Я подошелъ къ ней и тихо спросилъ: «Скажи мнѣ красавица, на чтó ты рубишь этотъ дубъ?»

И она отвѣчала мнѣ: «Время дорого, время близко! Я приготоваю твой гробъ». Сказавъ это, видѣніе исчезло, какъ цѣна.

Вокругъ меня была голая и обширная долина. Я не понималъ чтó случилось со мною. Я стоялъ неподвижно и дрожалъ. Потомъ пошелъ безотчетно впередъ, и увидѣлъ бѣлый призракъ. Я побѣжалъ къ нему: это была опять моя дѣвушка. Она склонилась къ землѣ и рыла ее заступомъ. Я тихо подошелъ, взглянуть на нее. Это была красавица — и вмѣстѣ съ тѣмъ страшлище.

Слыша свою работою, она припѣвала странную пѣсню: «Заступъ, заступъ, съ широкимъ и острымъ желѣзомъ, вырой мнѣ поскорѣ широкую и глубокую яму».

Я тихо подошелъ къ ней и спросилъ: «Скажи мнѣ, милая дѣвушка, на чтó эта яма?» И она мнѣ отвѣчала: «Будь спокоенъ! Я копаю твою могилу». При этихъ словахъ могила раскрылась глубоко и широко.

Я взглянулъ туда; трепеть пробѣжалъ по мнѣ, — я почувствовалъ, что кто-то стоаканулъ меня въ темную, гробовую ночь.

У современнаго поэта — природа всегда на первомъ планѣ. Во время самыхъ отвлеченныхъ мечтаній, въ порывахъ самой сильной страсти, въ самой отчаянной меланхоліи, вы безпрестанно видите картины голубаго неба, свѣтлой зелени, распускающихся цвѣтущихъ...

гоуханій, летящей птицы, шумъ волнъ и глѣбный ландшафтъ человѣческой драмы. Эта восторженная любовь къ природѣ, несмотря на свой эгоизмъ, придаетъ воображенію поэта величіе и простоту, нѣтъ рѣдко встрѣчаются у писателей элегій. Въ *Интермедіи* страданія души и глыа взяты прямо изъ сердца. Какъ читатель любитъ и ненавидитъ эту дѣвушку, злую и прекрасную. «Свѣтъ говоритъ, что ты зла, — восклицаетъ поэтъ, но развѣ отъ этого поцѣлуй твои не такъ пріятны?» Кто бы не захотѣлъ такъ страдать? Безчувственность, — вотъ истинное мученіе! Кто чувствуетъ какъ течетъ изъ раны кровь его, — тотъ еще живетъ.

Поэтъ не увлекается очарованіями. Онъ понимаетъ женщину такую, какова она на самомъ дѣлѣ, и любитъ ее, несмотря на ея недостатки, и даже, можетъ-быть, за эти самые недостатки. Счастливъ ли онъ будетъ, или несчастливъ; примутъ ли его любовь, или отвергнуть, онъ знаетъ, что все-таки надобно страдать, — и не отказывается отъ страданій. Онъ придаетъ ей когти льва и злость хищера. Это чудовище иногда очаровательно, но оно все-таки чудовище. Оттого-то во всѣхъ его стихахъ замѣтенъ тайный страхъ. Розы его пахучи, дервь свѣжъ, соловей поетъ сладко, — но все это опасно. Благовоніе удушливо; дервь прикрываетъ могилу, птица умираетъ съ послѣдними звукомъ своей пѣсни.

Мы боимся, чтобы поэтъ не сказалъ также послѣдняго прости землѣ и позвѣн, чтобы звучныя пѣсни его также не были послѣдними... Мы увѣрены, однакоже, что имя его не умретъ вмѣстѣ съ нимъ, и что не въ одной Германіи будутъ перечитывать съ наслажденіемъ пѣсни великаго германскаго поэта...

ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Сингъ-Сонгъ театръ въ Китаѣ. — (*Изъ путешествія по Китаю*).

Однажды утромъ Айанъ вошелъ въ мою комнату раньше обыкновеннаго. Онъ былъ одѣтъ великолѣпно, весь въ новомъ шелковомъ платьѣ, Онъ съ необыкновенною поспѣшностью подалъ мнѣ чашку чаю. Глаза его блестя отъ нетерпѣнія, блѣдно-желтый цвѣтъ лица превратился въ оранжевый, и ротъ поминутно открывался. Видно было, что мой прислужникъ собрался и не смѣлъ сказать мнѣ что-то важное.

— Что новаго, Айанъ, спросилъ я?

— Онъ отвѣчалъ мнѣ на своемъ англо-португальско-китайскомъ нарѣчій нѣсколько фразъ, въ которыхъ поминутно повторялъ слово *Сингъ-Сонгъ*. Я догадался, что слово это включаетъ что-нибудь важное, но слышалъ его въ первый разъ.

— Что значитъ Сингъ-Сонгъ!

— Сингъ-Сонгъ, Сингъ-Сонгъ... бормоталъ молодой китаецъ, краснѣя, вертя между пальцами свою косичку и обдумывая, какъ-бы мнѣ объяснить то, чего я не понималъ.

Въ моихъ путешествіяхъ, когда я не понималъ туземнаго нарѣчія, то прибѣгалъ всегда къ жестамъ и шаптомиванъ, и разголаривалъ на этомъ первоначальномъ языкѣ. Въ Китаѣ мнѣ каждый день надобно было употреблять телеграфическую жесткуюлицію, потому—что я поминутно слышала чуждыя слова, которыхъ не понималъ.

Айанъ началъ объяснять, что онъ просить у меня позволенія отлучиться на нѣкій день по случаю Сингъ-Сонга, что онъ увидитъ и услышитъ Сингъ-Сонгъ, и будетъ очень несчастливъ, если не пойдеть въ Сингъ-Сонгъ.

Эти два несносныя слога звенѣли въ моихъ ушахъ какъ колоколожаніи, и я начиналъ терять терпѣніе. Наконецъ, я объявилъ моему китайскому служителю, что отлучу его непрежде, какъ онъ мнѣ объяснитъ, что такое Сингъ-Сонгъ.

Тогда Айанъ, видя, что отъ меня трудно отбѣлаться, и боясь ошибаться, началъ дѣйствовать жестами. Онъ отошелъ отъ меня на нѣсколько шаговъ и зашѣлъ витайскую пѣсню; потомъ началъ что—то декламировать и обращаться въ невидимымъ персонажамъ; потомъ забѣгалъ, запрыгалъ по комнать, ломался и дѣлалъ уморительныя па съ такою легкостью и проворствомъ, какого я и не подозревалъ въ неворочливомъ китайцѣ. Потомъ остановился передо мною и поклонился со всею скромностію великаго артиста, сказавъ опять «Сингъ-Сонгъ».

Мудрено было не понять, что Сингъ-Сонгъ значить *маскаръ*. Въ благодарность за урокъ, я отпустилъ Айана, и самъ пошелъ узнавать, что за праздноство въ городѣ. Скоро узналъ я, что дѣйствительно корпорація *комрадоровъ* даетъ представленіе на островѣ Яппа. У китайцевъ очень мало праздниковъ въ году, но часто случается, что какое-нибудь общество даетъ публичный праздникъ въ честь какого-нибудь счастливаго событія, или просто съ спекулятивною цѣлью. Я попросилъ комрадора нашего дома оставить мнѣ мѣсто и пошелъ вслѣдъ за Айаномъ.

Надобно было переходить мостъ, ведущій на островъ Яппа, и такъ какъ на немъ была тѣснота, то дочичики воспользовались этимъ и начали переводить публику на своихъ маленькихъ челнокахъ. Всѣ спѣшили на праздникъ, утѣрявъ, что комрадоры ничего не пожалѣютъ, чтобъ раздѣлить публику, а потому пощипать свои кошельки, объявивъ европейцевъ. Я помѣстился въ одной лодкѣ съ нѣсколькими голландцами, и черезъ десять минутъ былъ уже на другомъ берегу.

Всю дорогу меня занимала одна мысль: гдѣ дадутъ представленіе? На островѣ Яппа только одно небольшое селеніе, холмы и поля съ рисомъ. Два дни тому назадъ я обходилъ весь островъ, и не зашѣлъ на немъ ни одного аданія, удобнаго для театра. Вообразите же мое удивленіе, когда я, выйдя на берегъ, увидѣлъ огромное квадратное селеніе, которое, казалось, выросло въ одну ночь, какъ въ арабскихъ сказкахъ.

И въ—самомъ—дѣлѣ, сотня китайцевъ выстроила въ двадцатипяти часовъ изъ бамбука и цыновокъ настоящій театръ, который могъ вмѣстѣ стить нѣсколько тысячъ зрителей. После представленія его и уберуть также скоро, какъ мы разбираема картонныя театры.

Внутренность залы была раздѣлена на три части: сцена была на возвышеніи, потомъ партеръ, куда публика впускалась даромъ, и на-мощь, галерея выше партера, гдѣ платили за мѣста нѣсколько *самекъ*.

Мнѣ было оставлено мѣсто, отгороженное отъ галерей и прямо противъ сцены, гдѣ поставлены были даже стулья для европейцевъ. Во всей остальной галереѣ и въ партерѣ зрители стояли.

Когда я вошелъ, зала была уже полна. Особенно любопытно было изъ моей ложи смотрѣть въ партеръ. Я видѣлъ только мозаику голыхъ головъ, на которыхъ торчалъ конецъ заплетенной косички, и бѣдшая часть зрителей держалась за косу сосѣда, для того-ли, чтобъ не потерять товарища, или чтобъ удержаться за что-нибудь, когда новые посетители проталкивались безъ церемоніи впередъ. Несмотря однако на многочисленную толпу, не было въ театрѣ нисколько шума, но даже говора. Всѣ молчали и съ нетерпѣніемъ смотрѣли на сцену.

Вѣщо, на самой сценѣ, помѣщался оркестръ на небольшой астрадѣ. Онъ состоялъ изъ двухъ-струнной скрипки, флейты, барабана, тамтама, тарелокъ и костянаго круга, по которому бьютъ двумя крѣпкими деревянными палочками. Актеры занимали остальную сцену, на которой не было никакихъ декорацій. Оканчивали какую-то драму, которая, по словамъ моихъ сосѣдей, очень понравилась. Я приготовился слушать со вниманіемъ слѣдующую пьесу, а между-прочимъ началъ собирать свѣдѣнія объ актерахъ и сценѣ Китая. По счастью, возлѣ меня сидѣлъ англичанинъ, который давно уже жилъ въ Макао и видѣлъ много подобныхъ представленій.

— Въ Китаѣ нѣтъ постоянныхъ театровъ, какъ въ Европѣ, сказали онъ. Въ большихъ городахъ построено нѣсколько залъ для представленій всякаго рода, но эти залы рѣдко открываются для публики. Въ домахъ богатыхъ мандариновъ есть театры, на которыхъ играютъ пьесы по праздникамъ, и въ Кантонѣ вы можете попасть въ такіе спектакли. Въ маленькихъ же городахъ и селеніяхъ происходитъ тоже, что и здѣсь. Построить въ одни сутки театръ изъ бамбука и цымовоца, и потомъ уберуть его до слѣдующаго праздника. Актеры же странствуютъ труппами по провинціи, и останавливаются на время тамъ, гдѣ ихъ приглашаютъ. У каждой труппы свой репертуаръ, свои костюмы, свой арсеналъ и колекція париковъ и усовъ. Китайскіе актеры играютъ всѣ возможные сочиненія: комедіи, трагедіи, фарсы, и показываютъ фокусы. Благодаря безчисленнымъ каналамъ, эти труппы легко и безъ издержекъ переѣзжаютъ изъ одного города въ другой на большой лжонкѣ, въ которой живутъ всѣ артисты. Театръ совершенно свободенъ и надъ нимъ нѣтъ никакого присмотра. Народъ забавляется отъ души, и никто не мѣшаетъ его увеселеніямъ. Притомъ же сюжеты берутся большею частію изъ исторіи древнихъ династій. Китайскій репертуаръ очень богатъ. Вы увидите здѣсь мелодрамы съ ужасными эффектами, и фарсы, которые чрезвычайно нравятся толпѣ. На частныхъ театрахъ у мандариновъ играютъ благородныя комедіи, которыя большею частію переданы европейскимъ учеными... Но вотъ

начинается новая пьеса. Слушайте, и вы поймете китайскую драматургію скорѣе, чѣмъ изъ моихъ разсказовъ.

Раздались крики: Айя! Айя! Часть партера ушла, и тотчасъ же явились новые зрители. На сценѣ всѣ актеры ушли въ одну сторону, а съ противоположнаго конца явился артистъ въ богатой одеждѣ.

— Развѣ не будетъ антракта? спросилъ я моего чичероне.

— Для чего антракты, когда нѣтъ декораций, и даже завѣсы. Китайцы не дошли до такихъ утонченностей: у нихъ, когда одна пьеса кончится, тотчасъ начинается другая. Только переимѣнять надпись на двухъ концахъ сцены, чтобы зрители видѣли заглавіе пьесы.... Слушайте теперь; актеръ читаетъ прологъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, господинъ въ великолѣпной одеждѣ началъ что-то въ родѣ речитатива, съ акомпаниментомъ оркестра, стараясь ясно и громко выговаривать слова. Прологъ считается самою важною частью въ драмѣ, потому-что объясняетъ весь сюжетъ пьесы. Это напоминало мнѣ прологи Плавта и Теренція, въ которыхъ актеръ говорилъ, выходя на сцену: Я Орестъ, или Агамемнонъ, и скажу вамъ для чего пришелъ. Эти прологи доказываютъ младенчество искусства, но они очень удобны для объясненія, а главное для начала пьесы. Китайцы остановились на этой точкѣ искусства, и не могли даже выдумать *намерсника*, которому можно было бы разсказать весь ходъ пьесы.

Послѣ пролога началась драма. На сцену вышла толпа актеровъ, и раздѣлилась на двѣ части, оставя на срединѣ мѣсто для главныхъ персонажей.

Меня поразила роскошь костюмовъ. Почти всѣ актеры были въ богатыхъ шелковыхъ платьяхъ, вышитыхъ шелкомъ и золотомъ. Прически и форма костюмовъ не походили на нынѣшнія, потому-что дѣйствіе происходило при древнихъ династіяхъ, и я безъ преувеличенія могу сказать, что гардеробъ странствующей труппы нисколько не хуже и не бѣднѣе костюмовъ европейскихъ театровъ.

Теперь мнѣ предстоитъ разсказать сюжетъ пьесы, или написать феллетонъ Сингъ-Сонга. Я очень мало понимаю по-китайски, но несмотря на множество дѣйствующихъ лицъ, на пѣнье и танцы, успѣлъ разобратъ слѣдующее: У короля была дочь, разумѣется, красавица, и у ней было множество жениховъ, принцевъ, которые пришли съ многочисленною свитою искать руки принцессы, кто изъ любви, а кто изъ честолюбія.

Вы находите, можетъ-быть, что планъ этотъ очень простъ, и что въ немъ нѣтъ ничего оригинальнаго, или китайскаго. Я согласенъ съ этимъ, но вообразите себѣ дѣйствующихъ лицъ въ китайскихъ костюмахъ, и картина будетъ очень любопытна.

Я замѣтилъ также, что у главнаго лица была страсть говорить рѣчи народу, военамъ, придворнымъ, кому ни попало. Иногда оркестръ акомпанировалъ его словамъ, потомъ мандарины отвѣчали ему короче. Наконецъ вышла на сцену дочь короля, и публика ватяла... Антрактъ была прекрасно одѣта въ шелковомъ вышитомъ платьѣ. Черныя ~~волосы~~ ~~завѣсы~~ зашпилены золотыми булавками, на рукахъ и на ногахъ ~~украшения~~.

браслеты; станъ ея казался на прошечныхъ ножкахъ, такъ, что ее поддерживали съ обѣихъ сторонъ двѣ придворныя дамы, неся ея вѣрзу и зонтикъ. Сколько я могъ рассмотреть, принцесса была молода и хороша. Сосѣдъ спросилъ меня:

— Что вы думаете объ этомъ этомъ дѣйствующемъ лицѣ?

— Я думаю, что эта очень хорошенькая принцесса.

— Эта принцесса—простой Китаецъ.

— Можетъ ли это быть!

— Это вѣрно, потому—что въ Китаѣ женщины никогда не выходятъ на сцену, и всѣ женскія роли играютъ мужчины.

— Помилуйте, но развѣ можно такъ хорошо костюмироваться. Я понимаю, что у актрисы фальшивые волосы и многое другое. Но какъ вы мнѣ объясните эти микроскопическія ножки. Неужели изъ любви къ искусству, китайцы рѣшаются ломать себѣ ноги! Я готовъ спорить, что передъ нами женщина, и еще хорошенькая.

— А я увѣрю васъ, что это мужчина. Послушайте теперь, какъ онъ поетъ.

Скрипка о двухъ струнахъ проиграла ригурнель, и принцесса заплала чистымъ и пріятнымъ голосомъ грустный мотивъ. Признаюсь, что въ эту минуту даже китайская музыка показалась мнѣ гармоническою, и я никакъ не могъ увѣрить себя, что этотъ чудный голосъ, эта грація и красота принадлежали мужинѣ, и еще китайцу.

Когда ушла молодая дѣвушка, сцена опять наполнилась актерами, и начался страшный шумъ. Кажется, женихъ принцессы не на шутку ссорился.

— Замѣчайте подробности, сказалъ мнѣ сосѣдъ. Видите ли вы, что актеръ несетъ въ рукахъ маленькую джонку и бѣгаетъ по сценѣ. Это посланникъ короля ѣдетъ на корабль далеко за моря. Теперь онъ вернулся съ отвѣтомъ, и король въ награду дѣлаетъ его мандариномъ. Китайцы очень любятъ подобныя путешествія на сценѣ. Это ихъ забавляетъ, и они не понимаютъ, чтобъ можно было представить ихъ иначе.

— Китайцы не знаютъ Аристотеля и его трехъ правилъ, отвѣчалъ я англичанину. Впрочемъ, несмотря на недостатокъ аксессуаровъ, драма можетъ быть хороша. Посмотрите, вотъ опять выходитъ король съ войскомъ. Они вынимаютъ сабли. Вѣрно начнется сраженіе. Отчего только у отряда, который стоитъ налѣво, между ногъ большія палки? Это совсѣмъ не красиво.

— Это изображаетъ храбрую кавалерію, и здѣсь дубины играютъ такую же роль, какъ джонка въ рукахъ посланника.

— Признаюсь, я не полагалъ, что увижу войну на китайской сценѣ. Кажется, что дѣти Небесной Имперіи не заслужили репутацію храброго народа.

— Китайцы были когда-то храбры и дрались очень много, потому-то во всѣхъ пьесахъ стариннаго репертуара есть сраженія и храбрые герои. Теперь посмотрите, какъ ловко маневрируетъ кавалерія верхомъ на деревянныхъ палкахъ. Вотъ современная храбрость китайцевъ!

Меня удивила необыкновенная ловкость и смѣлость, съ какою теат-

ральные волны махали платанами, отражали удары, вертѣлись и зомлились съ дубинками между ногъ и дѣлали такія гимнастическія штуки, какиѣ позавидовалъ бы первый клоунъ. Партеръ хохоталъ громко, и безъ сомнѣнія, эта сцена понравилась ему больше всей пьесы. Надобно замѣтить, что китайскіе авторы всегда вводятъ въ свои драмы фарсы, фокусы, и гимнастическія упражненія. Во Франкѣи Оріоль ходитъ по бутылкамъ, и публика хохочетъ и хлопочетъ. Китайцы гораздо заискательнѣе. Они потребовали бы, чтобъ Оріоль нѣтъ ли причину ходить по бутылкамъ, а чтобъ всѣ дѣйствія его были сообразны съ ходомъ пьесы. Вообще китайцы очень любятъ комическій родъ, и во всѣхъ пьесахъ ихъ есть комическое лицо.

Послѣ сраженія пришелъ король и отдалъ руку дочери тому принцу, который побѣдилъ соперниковъ; потомъ всѣ актеры сошли со сцены, и новая надпись объявила, что начинается другая пьеса.

Во всѣхъ прочіихъ драмахъ встрѣчаются одни и тѣже характеры, то-есть смѣсь патетическаго и смѣшнаго, и все это играется тѣми же актерами и съ акомпаниментомъ того же оркестра. Въ Китаѣ очень мало разнообразія. Цѣлые четыре часа я наслаждался Сингъ-Сонгомъ, и наконецъ не могъ больше выдержать, и вышелъ изъ галереи вмѣстѣ съ моимъ сосѣдомъ англичаниномъ.

— Развѣ вы уходите? сказалъ мнѣ компрадоръ, встрѣтившійся у театра. Такъ рано!

— Съ меня довольно и этого, отвѣчалъ я, пора обѣдать.

— Ая! Вы не увидите самой лучшей пьесы... превосходную драму изъ династїи Мингъ, съ великолѣпными костюмами, охотою, войною. Тутъ явятся новые актеры, и оркестръ будетъ удвоенъ. Эта драма будетъ продолжаться три часа, и публика будетъ въ восторгѣ. Въ Макао не видали еще такой пьесы.

Несмотря на эти заманчивыя обѣщанія, я ушелъ изъ Сингъ-Сонга.

— Вы хорошо сдѣлали, что не остались, сказалъ англичанинъ. Сегодня вы довольно видѣли. Если же любопытство ваше не удовлетворено, то вы можете придти въ Сингъ-Сонгъ завтра, или послѣ завтра. Потому-что представленія продолжатся три дня и три ночи, и зала будетъ все-таки полна. Я совѣтую вамъ, впрочемъ, ограничиться сегодняшнимъ спектаклемъ, потому-что вы видѣли народную драму, и теперь вамъ стоить только посмотреть представленія у мандариновъ.

Я простился съ моимъ любезнымъ чичероне и пришелъ домой.

Аянъ вернулся только на другое утро. Онъ былъ до позднаго вечера въ Сингъ-Сонгѣ, и это его нисколько не утомило. Я спросилъ его о пьесѣ, которую мнѣ хвалилъ компрадоръ, и молодой китаецъ расхвалилъ мнѣ ее до такой степени, что я началъ даже сожалѣть, что ушелъ такъ рано. Я просидѣлъ въ Сингъ-Сонгѣ четыре часа, и китайцы находятъ, что это очень мало. Удивляюсь терпѣнію этого народа.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Машины Эриксона. — Машины эти, въ которыхъ водяной паръ замѣненъ другимъ двигателемъ — нагрѣтымъ воздухомъ, обращаютъ теперь на себя вниманіе всего ученаго и промышленнаго міра. Изобрѣтатель ихъ, капитанъ шведской службы Эриксонъ, желая славу изобрѣтенія этого доставить своей родиѣ, обратился сначала къ шведскому правительству съ просьбою о пособіи, для приведенія идей своихъ въ исполненіе; но получилъ отказъ. Въ 1833 году онъ явился въ Лондонъ со своею первою машиною (въ пять силъ), гдѣ и принять былъ съ большимъ участіемъ учеными людьми, каковы Фараде и Юръ (Ure), — изъ которыхъ первый читалъ даже публичныя лекціи объ изобрѣтеніи Эриксона. Съ-тѣхъ-поръ, въ-теченіе двадцати лѣтъ, Эриксонъ построилъ болѣе тринадцати машинъ по своей системѣ; а наконецъ нью-іоркскіе купцы доставили ему средства приложить новыя машины къ мореплаванію. Подъ надзоромъ Эриксона, въ вилльямсбургскомъ докѣ, было построено гг. Перринъ, Патерсонъ и Стакъ судно, приводимое въ движеніе машинами новаго устройства и названное, по имени изобрѣтателя этихъ машинъ, «Эриксонъ».

Въ нынѣшнемъ году 11 января н. с. судно это, самое красивое изъ всѣхъ когда либо построенныхъ на верфяхъ Нью-Йорка, дѣлало уже вторую пробную поѣздку по нью-іоркской бухтѣ. По словамъ газеты New-York Independent, судно «Эриксонъ», по наружному виду совершенно похоже на обыкновенный пароходъ перваго класса; но превосходить изящною отдѣлкою паровыя пакеты послѣдней постройки; оно имѣетъ гребныя колеса и оснащено такъ, что можетъ ходить подъ парусами. На верхней палубѣ судна находятся двѣ трубы, каждая въ тридцать дюймовъ въ діаметрѣ, идущія къ цилиндрамъ, и двѣ другія, того же діаметра, какъ и первыя, служащія для выпуска нагрѣтаго воздуха изъ машиннаго отдѣленія. Возлѣ этихъ трубъ помѣщены вентиляторные приборы, отъ которыхъ проведены трубы въ самый низъ судна, для доставленія туда свѣжаго воздуха, въ замѣнъ того, который расходуется на горѣніе топлива въ печахъ. Такое расположеніе трубъ не позволяетъ машинному отдѣленію нагрѣваться, какъ это бываетъ на пароходахъ, до степени, утомительной для прислуги, и способствуетъ освѣженію внутренности всего судна.

Размѣры главнѣйшихъ частей судна и машины слѣдующія:

Длина	250 фут.	дюйм.
Ширина по бимсамъ	40 —	—
Глубина трюма	26 —	6 —
Діаметръ главныхъ цилиндровъ машины (рабочихъ)	14 —	—
—— снабжающихъ цилиндровъ (Supply-Cylinders)	11 —	3 —
Длина хода поршней	6 —	—
Діаметръ гребныхъ колесъ	32 —	—
Вѣстимость	1908 —	тонна.

Цилиндры машины поставлены въ оловѣн лѣнѣ по длинѣ судна, въ самой его срединѣ. Судно можетъ вѣзть до 1400 тоннъ груза, или помѣстить 500 пассажировъ, для которыхъ каюты и залы отдѣланы и меблированы превосходно. На «Эриксонъ» находятся также особыя небольшія отдѣленія, для нагрузки цѣнныхъ товаровъ.

Несмотря на то, что машина судна имѣла небольшіе недостатки, исправленіе которыхъ не представляетъ впрочемъ особыхъ затрудненій, Эриксонъ при второй пробной поѣздкѣ своей дѣлалъ отъ 9 до 10 миль, противъ вѣтра и теченія.

Перейдемъ къ описанію устройства самыхъ машинъ Эриксона.

Машина состоитъ изъ рабочаго цилиндра, подъ который расположенъ снабжающій цилиндръ, меньшаго діаметра въ сравненіи съ первымъ (воздушный насосъ); насосъ этотъ дуваетъ воздухъ, во время дѣйствія машины, въ особый резервуаръ, изъ котораго идетъ труба въ регенераторъ, а оттуда въ рабочій цилиндръ. Поршни рабочаго и снабжающаго цилиндровъ соединены крѣпко стержнями. Всѣ эти главныя части машины сообщаются между-собою и разъединяются посредствомъ клапановъ. Топка находится подъ рабочимъ цилиндромъ. Чтобы пустить машину въ ходъ, надобно, затопивши печь, вдуть въ резервуаръ небольшое количество атмосфернаго воздуха, и открыть сообщеніе между резервуаромъ и рабочимъ цилиндромъ. Тогда воздухъ, проходя черезъ регенераторъ, войдетъ въ цилиндръ и подниметъ поршень его; а какъ поршни рабочаго и снабжающаго цилиндровъ соединены стержнями, то воздухъ, въ насосѣ находящійся, при движеніи поршня вверхъ, пойдетъ въ резервуаръ. Когда поршень достигнетъ высшей точки своего хода, тогда клапаны переменяютъ положеніе такъ, что воздухъ, нагрѣтый въ рабочемъ цилиндрѣ отъ прикосновенія къ горячему дну его и вытѣсняемый поршнемъ, опускающимся, въ слѣдствіе своей тяжести, почти до дна цилиндра, пойдетъ назадъ въ регенераторъ, а оттуда по трубѣ въ атмосферу. Когда клапаны придутъ въ первоначальное положеніе, тогда воздухъ снова изъ резервуара черезъ регенераторъ пойдетъ въ цилиндръ, и подниметъ поршень его, и т. д.

Чтобы предохранить поршни отъ всякаго нагрѣванія, ихъ дѣлаютъ въ видѣ ящичковъ, сверху плоскихъ, а внизу вогнутыхъ, и наполняютъ эти ящики гипсомъ и углемъ, какъ худыми проводниками теплоты. Такого устройства поршни при дѣйствіи машины очень мало нагрѣваются.

Дно рабочаго цилиндра, въ 1½ дюйма толщиной, вышукло, а эта вышуклость точно соответствуетъ вогнутости поршня. Колосники лежатъ ниже дна цилиндра на 5 фут., для того, чтобы дно не накаливалось. Дрова негодятся для топки при машинахъ Эриксона; антрацитъ и коксъ лучшіе матеріалы для этого.

Регенераторъ представляетъ самую замысловатую часть всего механизма, и Эриксонъ выдумалъ ее прежде другихъ. Регенераторъ состоитъ изъ коробки, въ которой положены одинъ на другіе куски металлической ткани, сдѣланной наподобіе частаго сита, или Денисовой ланты.

Прозолока, из которой дѣлаютъ ткань, имѣетъ $\frac{1}{16}$ дюйма въ діаметрѣ. Воздухъ, нагрѣтый въ рабочемъ цилиндрѣ, входя въ регенераторъ, входитъ въ соприкосновеніе съ большою массою металлической ткани, передаетъ ей свою теплоту и выходитъ въ атмосферу только небольшимъ числомъ градусовъ теплѣ наружнаго воздуха. Холодный же воздухъ, изъ резервуара проходя въ цилиндръ черезъ регенераторъ, отнимаетъ у ткани почти всю теплоту и входитъ въ рабочій цилиндръ уже горячій, и слѣдовательно, чтобы этотъ горячій воздухъ довести до известной высшей температуры, надобно дну цилиндра сообщить мѣше значительное количество теплоты. И такъ регенераторъ есть запасная камера тепла для машины, что и доставляетъ удивительное сбереженіе топлива при машинахъ Эриксона въ сравненіи съ паровыми, гдѣ для каждаго удара поршня надобно образовать и израсходовать новый объемъ пара; потому-что паръ, произведшій дѣйствіе на поршень, выходитъ изъ цилиндра паровой машины, или въ холодильникъ, или въ атмосферу и въ обоихъ случаяхъ дѣлается бесполезнымъ для дѣйствія машины.

Чтобы еще болѣе объяснить дѣйствіе регенератора, мы напомнимъ нашимъ читателямъ о респираторѣ, который года два тому назадъ появился въ продажѣ у насъ, въ С. Петербургѣ. Небольшой инструментъ этотъ состоялъ изъ серебряной ткани, положенной въ два, три и такъ даѣе слоя и прикрѣпленной ко рту пациента, грудь котораго не могла выносить холоднаго зимняго воздуха. Этотъ респираторъ дѣлаетъ то, что больной постоянно дышетъ теплымъ воздухомъ.

Изъ этого краткаго описанія машины видно, что простое расширеніе воздуха отъ теплоты есть то начало, которымъ воспользовался Эриксонъ для приведенія своихъ машинъ въ движеніе.

Выгоды машинъ Эриксона передъ паровыми слѣдующія:

1. Опыты показали, что самая выгодная температура, до которой воздухъ долженъ быть нагрѣтъ внутри рабочаго цилиндра, есть 384° по Фаренг., что соответствуетъ давленію 12 фунтовъ на одинъ квадратный дюймъ, или нѣсколько болѣе давленія одной атмосферы. Чтобы въ теченіе 24 часовъ поддержать температуру воздуха въ цилиндрѣ постоянно на 384° , на суднѣ Эриксонъ расходвалось только шесть тоннъ антрацита; а обыкновеннаго устройства пароходъ такой же величины, какъ Эриксонъ (600 силъ), употребилъ бы въ тоже время отъ 40 до 50 тоннъ. И такъ машины Эриксона истребляютъ въ восемь разъ менѣе топлива, нежели пароходы (по другимъ известіямъ даже въ-десятеро менѣе) и слѣдовательно, суда, приводимые въ движеніе этою машиною будутъ имѣть возможность совершать продолжительныя плаванія, (напримѣръ изъ Вальпарайзо въ Кантонъ), не заходя за топливо на какой-нибудь островъ, часто лежащій въ сторонѣ отъ главнаго пути. Корабль, идущій изъ Бремена въ Австралію, можетъ взять съ собою топлива на весь путь туда и обратно, не стѣсняя пространства, назначеннаго для путешественниковъ и товаровъ.

2. По словамъ Эриксона, машины его стоятъ $\frac{1}{3}$ дешевле паровыхъ.

3. Машина Эриксона занимаетъ менѣе мѣста, и для нея достаточно одного кочегара, который одинъ разъ въ часъ обязанъ только подложить топлива въ печь. Инженеру при ней мало занятій, по легкости ухода за машиной.

4. Котловъ при машинѣ нѣтъ, и слѣдовательно опасность отъ взрыва не существуетъ. При разстройствѣ механизма, или при плохомъ смотрѣннн за машиной, она сама остановится. Машину можно остановить и по произволу, посредствомъ особаго устройства, которое даетъ возможность закрывать клапаны прежде, нежели совершится полный подъемъ поршня.

5. Перебѣну котловъ при паровыхъ машинахъ необходимо производить довольно часто; а это въ большихъ пароходахъ составляетъ издержку до 40,000 долларовъ въ 4 года. — При машинахъ Эриксона такого расхода нѣтъ, да и вообще, по простотѣ устройства ихъ, ремонтъ менѣе, нежели при паровыхъ.

Что касается до силы машинъ, то поршень рабочаго цилиндра на суднѣ Эриксона имѣетъ площадь въ 22,000 кв. дюймовъ, и слѣдовательно, при давленнн 10 фунт. на кв. дюймъ машина даетъ 220,000 механической силы. — Увеличивъ діаметръ рабочаго цилиндра (наприкѣръ до 20 фут.), получимъ машину весьма сильную — Эриксона устраивалъ также машины съ цилиндромъ въ $\frac{1}{2}$ фута въ діаметрѣ, что доказываетъ возможность приложенія начала расширенія воздуха отъ тепла и въ маломъ видѣ.

При первыхъ опытахъ, машины Эриксона дали такіе выгодные результаты, что въ этомъ отношеннн наряду съ ними нельзя поставить ни одного технического изобрѣтенія. — Что это новое приложеніе стараго, какъ мнръ, начала будетъ имѣть огромное вліяніе на промышленность и породитъ множество новыхъ механизмовъ, это не подлежитъ сомнѣнн; оно покроетъ имя Эриксона славой, въ которой судьба отнабала вѣнцу Пренъ (Prehn), шедшему независимо отъ Эриксона по одному пути съ нимъ, но, къ сожалѣнн, умершему, не кончивъ своей работы.

Въ февральской книгѣ «Морскаго Сборника» (1833 года), мы прочли, между прочимъ, что 10 февраля въ С. Петербургѣ, въ присутствнн Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, была испытываема небольшая машина, дѣйствующая нагрѣтымъ воздухомъ и устроенная на заводѣ г. Нобеля. — Машина эта дѣйствовала удовлетворительно; она нѣсколько отличается отъ машинъ Эриксона расположеніемъ главныхъ частей своихъ: у нее насосъ (нагревающий цилиндръ) помѣщенъ на поршнѣ рабочаго цилиндра съ котельнымъ вѣстѣмъ и движется; отъ этого машина занимаетъ еще мѣста.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Жизнь събѣгающаго червячка — (какъ самими описанная). — Когда я въ первый разъ увидѣлъ дневной свѣтъ, то помню, что началось на кончикѣ травки. Подо мною лежали разбланные лица, изъ котораго я вылаупился. Надо мною колебались листья жинюлости. Одинъ изъ этихъ листковъ сѣдился съ кончикомъ травки, и я всползъ на жинюлость. Вдругъ повѣявшій вѣтеръ такъ высоко поднялъ вѣтвь жинюлости, что я увидѣлъ лазурь неба и заходящее солнце. Это зрѣлище было такъ неожиданно и ослѣпительно, что я почти безъ чувствъ упалъ въ чашечку полевой розы, въ которой съ трепетомъ спрятался.

Черезъ нѣсколько минутъ явились два зелененькіе червячка, приподняли лепестки, скрывавшіе меня, и объявили мнѣ, что это ихъ жилище и что я не имѣю права быть тутъ. Видя, что мнѣ не подѣ силу бороться съ ними, я повиновался и поползъ вдоль по розѣ, надѣясь выйти убѣжище на которомъ-нибудь изъ листковъ. Но и тутъ встрѣтилась со мною божья-коровка, и сказала, что эта роза давно уже ей принадлежит и что она только по особому договору пустила въ нее двухъ зеленыхъ червячковъ, но никого больше не потерпитъ на этомъ кустѣ.

Грустно потащился я внизъ по розѣ, чтобъ добрѣсть кое-какъ до травы, но по дорогѣ встрѣтилъ множество зеленыхъ отвратительныхъ животныхъ, черезъ которыхъ долженъ былъ ползти и которыя этимъ были очень недовольны, такъ, что старались страхнуть меня на землю. Мнѣ досадно было видѣть эти усилія, и чтобъ избавиться отъ этихъ животныхъ, я измѣрилъ глазами разстояніе, оставшееся до земли, и вдругъ спрыгнулъ на нее.

Какъ описать мой ужасъ! Я попалъ въ паутину огромнаго паука, и хотя при паденіи очутился на самомъ краю губительной ткани, но кровожадное животное тотчасъ же замѣтило меня. Только, видя мою невзначущую и тощую фигуру, оно не торопилось оставить свои занятія. Паукъ дождавъ тогда за ужиномъ большую муху. Окончивъ это легкое блюдо, бросился онъ ко мнѣ, но въ нѣсколькихъ шагахъ остановился и посмотрѣлъ на меня. Ему, вѣроятно, не случалось еще ѣсть събѣгающихся червячковъ. Видъ паука былъ ужасенъ. Толстое брюхо, широкія плечи, длинныя лапы, ноги всѣ въ волосахъ и съ длинными ботгами. Страхъ смерти сдѣлалъ меня совершенно неподвижнымъ, тѣмъ болѣе, что бѣгство было невозможно.

Вдругъ надъ головою моею раздался ужасный шумъ. Молодой слѣвень весело летѣлъ надъ паутиною, и будучи слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ, вздумалъ прорвать эту сѣть. Со всего разлета бросился онъ головою въ паутину, и я обрадовался, надѣясь, что это посредничество спасетъ меня. Но при самомъ прикосновеніи слѣвня къ сѣти, паукъ уже налетѣлъ на него, — и между ними началось сильное сраженіе.

Съ ужасомъ смотрѣлъ я на это побоище, — и видѣлъ уже, какъ слѣпень начиналъ терять силы и готовъ былъ погибнуть. Неожиданная развязка прекратила этотъ бой. Шелъ мимо мальчикъ съ хлыстикомъ, и увидя двухъ гадкихъ животныхъ, смакнулъ ударомъ хлыста всю паутину, и раздавилъ ногою обоихъ сражавшихся.

При ударѣ въ паутину вылетѣлъ я изъ нея на траву, благодаря небо за чудесное забавленіе. Осмотрясь кругомъ, нашелъ я нѣсколько травяныхъ сѣмянъ и поужиналъ. Встрѣтись же съ большимъ обществомъ муравьевъ, я подружился съ нѣкоторыми изъ трудолюбивыхъ животныхъ. Они уговаривали и меня заняться чѣмъ-нибудь, говоря, что праздность самый вредный порокъ, но какъ я ни придумывалъ, что бы мнѣ дѣлать, не находилъ ничего по своему вкусу. Мнѣ гораздо пріятнѣе казалось качаться на травѣ и мечтать.

Это бездѣйствіе заслужило мнѣ сперва упреки, а потомъ и презрѣніе муравьевъ.

Мнѣ становилось очень грустно. Вдругъ во внутреннемъ моемъ составѣ произошла удивительная перемѣна. Встряхнувшись какъ-то невзначай, почувствовалъ я внезапно, что у меня развились на спинѣ два крылышка. Я былъ въ полномъ восторгѣ. Съ презрѣніемъ посмотрѣлъ я теперь на ползающихъ муравьевъ, и поднялся на воздухъ.

Цѣлую ночь перелеталъ я съ розы на розу, — и съ восторгомъ глядя на сіяющія звѣзды, сравнивалъ довольно слабое сіяніе ихъ съ моимъ блескомъ.

Подъ утро ощутилъ я какое-то стѣсненіе въ груди, какое-то странное томленіе чувствъ. Я сначала приписалъ это усталости и излишнему упоенію отъ запаха розъ, но вскорѣ увидѣлъ, что всѣ настькомыя живутъ тихою, семейною жизнью, и повалилъ, что мнѣ самому нужно отыскать подругу.

Сперва обратился я къ пестрой стрекозѣ, но та меня совершенно почти оглушила монотонною болтовнею, такъ что я сталъ искать любви уединеннаго травянаго червячка; — но тотъ испугался меня, и бѣжалъ отъ меня. Долго увивалась около меня моль, но мнѣ не нравилось, что она ко всѣмъ безъ разбора пристаеъ. Мнѣ было грустно однакоже въ одиночествѣ. Вдругъ съ радостнымъ бивеніемъ сердца увидѣлъ я голубой огонекъ, свѣтящійся подъ травкою, и бросился туда. Тамъ нашелъ я восемь червячковъ своей породы. Они приняли меня какъ братья и угостили. Я удивлялся ихъ уму и опытности, и убѣдился тогда ясно, что весь этотъ свѣтъ существуетъ для удовольствія свѣтящихся червячковъ.

Вдругъ ученые разговоры наши прерваны были приходомъ одного молодого человѣка и дѣвушки. Они безпечно гуляли вечеромъ, рвали цвѣты и украшали ими другъ-друга. Увидя насъ, молодой человѣкъ обрадовался этой находкѣ и захватилъ насъ всѣхъ, говоря, что посадить на цвѣты и воткнуть въ водоса своей возлюбленной. Мысль эта тотчасъ же приведена была въ исполненіе.

Я хотѣлъ было улетѣть, но сильный духъ живѣна почти лишилъ меня чувствъ. При томъ же подруга моя была слаба и еще болѣе меня страдала отъ сильного запаха. Это болѣзненное положеніе лишило насъ обоихъ способности свѣтиться. Юноша замѣтилъ это и сказалъ дѣвушкамъ. Та вынула убійственную лалію изъ волосъ и вытряхнула насъ на траву.

Какъ ни слабы были мои силы, но я подошелъ около ближнихъ травъ, собралъ съ нихъ росу и освѣжилъ ею мою подругу. Она очнулась, и благодарила меня за свое спасеніе. Мы оба опять засвѣтились, и тутъ-то я понялъ, что чѣмъ живѣе были наши взаимныя ощущенія, тѣмъ больше издавали мы свѣта.

Удалясь отъ опасныхъ сосѣдствъ, построили мы себѣ домики въ кустѣ незабудокъ, на самомъ краю ручья, и скрывались тамъ до самой полуночи. Только подъ утро выжили мы изъ своего убѣжища, и предались всѣмъ удовольствіямъ, какія предлагала намъ роскошная растительность природы.

Взошло и солнце... Мы съ подругою знали, что это послѣдній день нашей жизни. Я занялся составленіемъ моей біографіи, и думаю, что, по опытности моей и старости, она будетъ полезна для всѣхъ червяковъ.

Ручной левъ. — Путешественникъ Карнесъ, во-время своего пребывания на островѣ Горетъ, гдѣ между жителями много Креоловъ, гуляя однажды по улицѣ, увидѣлъ льва, быстро бѣгущаго за ковою, которой онъ однакоже не успѣлъ достигать. Послѣ этой неудачи пробѣжалъ онъ обратно мимо гуляющихъ, и завернулъ во дверь того дома, гдѣ Карнесъ остановился, и гдѣ ему сказали, что этотъ левъ ручной и принадлежитъ хозяйкѣ дома. Дѣйствительно онъ былъ ростомъ съ большую собаку, но когти его и зубы давали ему возможность разорвать животное гораздо большаго роста. Креолка сдѣлала его совершенно ручнымъ, очень спокойно играла съ нимъ, какъ съ собакою, кормила его изъ рукъ, и никогда не боялась ничего. Онъ свободно бѣгалъ, гдѣ хотѣлъ, и для сна устроенъ былъ для него на дворѣ палатъ.

Ночь, проведенная между аллигаторами. — Въ путешествіи своемъ по Флоридѣ, Бертрамъ разсказываетъ слѣдующее: Я ѣхалъ одинъ вверхъ по Джонсриверу, чтобъ осмотрѣть внутреннія области. На ночь втаскивалъ я обыкновенно свою лодку на берегъ, и приготова себѣ ужинъ изъ того, что мнѣ удавалось добыть на рыбной ловлѣ, или

охотѣ, спокойно засыпалъ въ лодкѣ. Рѣдко безпокоили меня при этомъ какія-нибудь пантеры; аллигаторовъ не выдалъ я и слѣда до третьяго вечера своего путешествія. Но въ этотъ день пришлось мнѣ очень худо.

Вечеръ былъ довольно свѣжъ. Чаше и явственнѣе слышался мнѣ вой аллигаторовъ, и уродливая ихъ фигура безпрестанно стала мелькать у берега: для ночлега я выбралъ открытую равнину. Посреди окрестнаго болота возвышался холмъ, гдѣ подъ густыми листьями вѣковаго дуба могъ я скрыться въ случаѣ дождя. Я наносилъ туда достаточное количество дровъ, чтобъ поддерживать ночью пылающій костеръ въ защиту отъ дикихъ звѣрей и москитосовъ; осмотрѣлъ потомъ свои съѣстные припасы, и видя, что ихъ уже очень недостаточно, рѣшился наловить себѣ форелей на уживѣ.

Недалеко отъ моего ночлега было небольшое озеро, соединяющееся съ рѣкою посредствомъ узкаго канала. Въ озерѣ казалось, повидимому, много рыбы. Берега его порасли кустарникомъ. Водяныя куры прыгали съ распушенными крыльями чрезъ бухточки и прятались въ кусты. Пестрыя утки плавали по озеру, и часто дѣлались жертвами аллигаторовъ.

Я пустился на рыбную ловлю, оставя ружье на берегу, чтобъ не подмочить его. Для защиты взялъ я съ собою увѣсистую дубину, и сѣлъ въ лодку. Первые аллигаторы, которые мнѣ попались, учтиво уступали мнѣ дорогу. Нѣкоторые, побольше ростомъ, слѣдовали однако за мною. Я бдительно смотрѣлъ за ними и старался поскорѣе грести, надѣясь, что въ каналѣ набавлюсь уже отъ нихъ.

Но не успѣлъ я проѣхать и половины пути, какъ аллигаторы со всѣхъ сторонъ меня окружили, и нѣкоторые даже видямо старались опрокинуть лодку. Положеніе мое было чрезвычайно опасно. Два огромные аллигатора рѣшительно атаковали меня, высунувъ головы изъ воды и завывая самымъ ужаснымъ образомъ, при чемъ обливали меня цѣлыми фонтанами воды. Челюсти ихъ такъ сильно стучали у самыхъ ушей моихъ, что оглушили меня. Я каждую минуту ожидалъ, что они меня выхватятъ изъ лодки и разорвутъ. Однакоже я такъ удачно дѣйствовалъ дубиною, что отразилъ ихъ нападеніе. Но это было не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ возвратились они, и возобновили атаку. Видя это, сталъ я грести въ берегу, гдѣ было мое единственное спасеніе. Дѣйствительно, еслибъ я держался самаго берега, то враги мои были бы только на одной сторонѣ, и въ случаѣ нужды я могъ бы выпрыгнуть на берегъ, гдѣ легко было убѣжать отъ чудовищей; тогда какъ въ водѣ быстрота ихъ удивительная.

Когда я хотѣлъ вѣхтать въ маленькое озеро, два аллигатора прекратили мнѣ дорогу, у самаго вѣзда въ каналъ, но я не посмотрѣвъ на это и проѣхалъ черезъ нихъ.

Вскорѣ наловилъ я больше рыбы, нежели сколько мнѣ было нужно, и отправился въ обратный путь, держась къ берегу. Но когда я былъ

озера хотѣлъ вѣзхать опять въ рѣку, то встрѣтилъ въ ожидавшихъ меня аллигаторахъ сильное сопротивленіе. Особенно одинъ старшій, до двѣнадцати футовъ длиною, преслѣдовалъ меня до самаго пункта моего выхода на берегъ. Впрочемъ, онъ только гнался за моею лодкою, ужасно ревѣлъ, но не нападалъ на меня. Когда же я вышелъ на берегъ, то онъ выскочилъ изъ воды почти къ ногамъ моему и съ большою злостію смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

Тутъ лежало мое ружье, заряженное пулею. Я побѣжалъ за нимъ и воротясь, нашелъ еще аллигатора у моей лодки. Казалось, что онъ караулилъ рыбу. Увидя мое приближеніе, онъ медленно отступилъ и исчезъ въ водѣ. Вскорѣ однако возвратился онъ назадъ, посмотрѣлъ на меня и занялъ прежнюю позицію; я освободился отъ этого гостя, пославъ ему пулю въ голову, и началъ готовить себѣ ужинъ изъ форелей.

Пока я чистилъ рыбу, приплылъ другой аллигаторъ такъ тихо, что я не замѣтилъ. Увидѣвъ же его еще во-время, я успѣлъ отскочить, а чудовище ударомъ хвоста выбило нѣсколько рыбы у меня изъ рукъ. Еслибъ я не оглянулся, онъ бы меня схватилъ и утащилъ въ воду. Эта дерзость обезпекнула меня, потому-что въ этомъ положеніи долженъ былъ я провести цѣлую ночь.

Осмотрѣвшись теперь внимательно, увидѣлъ я такое зрѣлище, отъ котораго у меня волосы стали дыбомъ. Вся рѣка представилась мнѣ съ одного берега на другой живымъ мостомъ. Аллигаторы были тутъ въ такомъ количествѣ, что можно было по головамъ ихъ перейти всю рѣку. Вскорѣ понялъ я зачѣмъ они собрались. Тогда было время метанія икры для рыбы, и аллигаторы, зная, что миллионы рыбъ пойдутъ къ рѣкѣ изъ озера, сошлись, чтобъ удобнѣе удовлетворить свой аппетитъ. Дѣйствительно, они пожирали рыбу тысячами, стуча при этомъ безпрестанно своими челюстями. Зрѣлище было ужасное и отвратительное. Растерзавъ и проглотивъ сотни рыбъ, каждый аллигаторъ высовывалъ голову изъ рѣки, выпуская при этомъ фонтанъ крови, воды и пару.

Опасность моего положенія и шумъ, производимый аллигаторами, не дали мнѣ цѣлую ночь спать. Когда я всталъ поутру, все было спокойно, только не много аллигаторовъ осталось на мѣстѣ, и тѣ спали у берега.

Я поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ, но проѣзжая опять мимо входа въ озеро, претерпѣлъ сильное нападеніе. Огромный аллигаторъ дико завылъ и бросился на меня. Нырнувъ подъ лодку, онъ вынырнулъ на другой сторонѣ и окатилъ меня цѣлымъ фонтаномъ воды. Я ударилъ его по головѣ дубиною такъ сильно, что онъ опять нырнулъ, и медленно поплылъ къ берегу. Вскорѣ началъ меня преслѣдовать другой, въ сопровожденіи сотни дѣтеньшей, которые были не больше пятнадцати дюймовъ длины и слѣдовали за нимъ, какъ цыплята за курницею.

Плывъ далѣе по рѣкѣ, все держась берега, я долженъ былъ въ од-

номъ мѣстѣ огибать выдавшійся мысокъ, на которомъ заи́гнѣлъ мно-
жество странныхъ возвышеній, въ видѣ кеглей, или сѣвнѣхъ кучъ,
прямико разставленныхъ вдоль по берегу, въ двадцати шагахъ
отъ воды. По описаніямъ удостовѣрился я, что это гнѣзда алигатор-
ровъ, — и хотя негъ опасаться нападеній съ ихъ стороны, но рѣшился
оставаться поочерѣду эти странныя кегли. Большая часть были
пусты, и толстыя яичныя скорлупы лежали вездѣ разбросанныя.
Гнѣзда эти въ четыре фута вышины. При основаніи они въ четыре,
а сверху въ одинъ дюймъ поперечника, и состоятъ изъ илу и травы.
Сперва алигаторъ кладетъ на землю слой илу, а на него уже свои яйца,
потомъ еще слой илу, потомъ еще слой яицъ, и такъ далѣе до верху.
Теплота солнца и броженія, происходящаго отъ гниющихъ травъ, слу-
житъ къ высиживанію яицъ. Любовь родителей къ дѣтенышамъ не
можетъ быть сильна, потому-что нерѣдко они съѣдаютъ цѣлыя воко-
лѣнія маленькихъ алигаторовъ.

Наполеонъ и Евгенийъ. — Наполеонъ былъ еще поручикомъ и стоялъ
въ Тулонѣ, а Бурень былъ унтеръ-офицеромъ. Послѣдній рассказы-
ваетъ, что однажды Наполеонъ пришелъ къ нему и сказалъ:

— Бурень, я влюбленъ.

— Прекрасно; въ кого?

— Въ молодую дѣвушку, которая живетъ за валомъ, въ небольшомъ
домикѣ. Она бѣдна — и ничего не имѣетъ, кромѣ красоты своей. Я по
цѣлымъ часамъ сижу у нея, слушаю ея милую болтовню и люблюсь ея
прелестью.

— И она тебя любитъ?

— Пламенно, страстно, какъ испанка, потому-что она изъ Като-
лин. Она любитъ меня безъ кокетства, безъ эгоизма, — не такъ какъ
женщины большаго свѣта, которыя прежде осматрятся, хорошо ли онѣ
причесаны, и потомъ уже удостоить насъ ласковыми взглядамиъ.

— Ну, чтожь будетъ изъ этого водочинства?

— Не знаю... У Евгениіи есть мать, которую я чрезвычайно ува-
жаю. Мужъ ея принадлежалъ къ знатному семейству, и все бросилъ,
чтобъ на ней жениться, потому-что добродѣтель ея была непоколеби-
ма. Бѣднякъ умеръ потомъ съ горя и нищеты. Она хочетъ сохранить
во всей чистотѣ и дочь свою, и выбрала для этого самое лучшее сред-
ство. Недавно выюла она свою дочь и сказала мнѣ, — Послушай, Бона-
парте, ты любишь Евгению. Но я попрошу тебя не приходить болѣе
къ мнѣ, или поклонись мнѣ своею честью, что ты не вовлечешь дочь
мою въ преступокъ, который лишилъ бы ее любви матери и всесобнаго
уваженія...

— А давно ли ты съ этими людьми познакомился?..

— Недавно. Инженеры хотѣли срыть ея домишко, говоря, что тутъ проведена будетъ новая улица. Мать жаловалась, назначили комиссію, и я нашелъ, что домъ ея совсѣмъ не мѣшается проведенію этой улицы... Это меня познакомило съ ними...

Нѣсколько дней видѣлъ Бурьень Наполеона въ дурномъ расположеніи духа и въ сильномъ волненіи. Наконецъ онъ спросилъ однажды у Бурьена:

— Скажи мнѣ пожалуйста, что ты думаешь о бракѣ по любви?

— Смотря по обстоятельствамъ,—отвѣчалъ Бурьень. Для человѣка, у котораго нѣтъ никакого честолюбія, — такой бракъ бываетъ счастливъ. Но у кого есть какіе-нибудь планы и надежды въ будущемъ, для того романическій бракъ былъ-бы препятствіемъ...

— Ты правъ, — сказалъ Наполеонъ, и ушелъ.

Два дни не приходилъ онъ къ Бурьену, на третій написалъ къ нему записку чрезвычайно нечеткую, и просилъ навѣстить его, потому-что у него лихорадка...

Бурьень отправился къ нему. Наполеонъ сидѣлъ передъ большимъ кофейникомъ, изъ котораго каждую четверть часа выпивалъ по чашкѣ; Бурьень замѣтилъ, что это вредно въ лихорадкѣ.

— Мнѣ надобно писать рапортъ, — отвѣчалъ онъ, а я такъ слабъ, что стараюсь возбудить свою натуру посредствомъ кофе...

— Ну, что? Какъ идутъ твои дѣла?

— Да едва было не пошли слишкомъ хорошо... Къ счастью, я успѣлъ преодолѣть свою страсть.

Бурьень посмотрѣлъ на него со вниманіемъ и любопытствомъ. Наполеонъ продолжалъ:

— Я неохотно говорю о себѣ, а особливо о вещахъ, которыя считаются игрушками у серьезныхъ людей. Но я тебѣ расскажу все, какъ было. Третьяго дня зашелъ я къ старушкѣ. Ее не было дома, а Евгенія была прелестна, страстна, какъ всегда. Она увлекла меня въ самый нѣжный разговоръ. Долго я устранился, отвѣчалъ на все очень холодно, — и избѣгалъ всѣхъ ея невинныхъ ласкъ. Но она наконецъ заплакала и упрекала меня въ безчувственности. Я хотѣлъ успокоить ее, утѣшить: вдругъ она вскочила, и быстро глядя на меня, сказала:

— Поклянись мнѣ, Наполеонъ, что ты на мнѣ женишься!..

— Я опомнися, снова охладѣлъ, почувствовалъ въ себѣ силы быть честнымъ человѣкомъ, — и сказалъ, что не могу дать этой клятвы... И однакоже, несмотря на мой отказъ, она не переставала мучить меня. Я принужденъ былъ убѣжать. Уходя, встрѣтилъ я мать, и рассказалъ ей все; она съ жаромъ благодарила меня и умоляла никогда больше не видѣться съ Евгеніей.

— Конечно,—прибавила мать,—она будетъ несчастна, но еслибъ я

могла увезти ее въ Барцелону... путешествіе равсѣло-бы ее... Къ жалѣнію, у меня нѣтъ на это средствъ ..

— Если вы хотите доказать мнѣ ваше уваженіе, сказалъ я, то примите отъ меня эти средства. Не забывайте меня и не требуйте отъ Евгенія, чтобъ она меня забыла... Сегодня по утру, — прибылъ Наполеонъ, — послалъ я ей свое трехмѣсячное жалованье, — и не знаю, чѣмъ буду жить въ это время. Впрочемъ увидимъ. Надобно надѣяться.

Когда потомъ Бонапарте сдѣлался Императоромъ, Бурьень навѣсилъ ему однажды объ Евгенія.

— Да! — сказалъ онъ. Я никогда не любилъ такъ сильно и искренно... Но тогда я былъ поручикомъ.

ПЕТЕРБУРГСКИ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Первое апрѣля русскихъ журналовъ. — Неудачное замѣчаніе «Современника» — Последняя книга «Сына Отечества». — Апрельская книга «Отечественныхъ Записокъ». — Серьезныя статьи. — Г. Ковалевскій и его «Китай въ 1849 и 1850 году». — Критика г. Кудрявцева на статьи г. Грановскаго. — Новое направленіе исторіи. — Вліяніе на нее естественныхъ наукъ. — Преувеличеніе вліянія природы и фیزیологій на историческія событія. — *Журналистика* «Отечественныхъ Записокъ», ея правильныя сужденія и неправильный языкъ. — Разказы г. Небольсина. — Фельетонъ «Отечественныхъ Записокъ». — Скачка съ пренитетивами и коньки, — Портретъ литератора, у котораго свой конекъ. — Англіискіе романы. — Новый романъ г. Крестовскаго: *Кто-же остался доволенъ?*

Въ тотъ день, когда мы начинаемъ обзоръ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ (12 апрѣля) вышли только одни «Отечественныя Записки.» Конечно, *перваго апрѣля* журналы могли и не выдти, но съ этого обманчиваго дня прошло уже довольно времени. Всего любопытнѣе то, что «Современникъ» въ послѣдней книжкѣ упрекалъ «Пантеонъ» въ томъ, что онъ выходитъ позже всѣхъ журналовъ. Еслибы Новый Поэтъ взглянулъ хоть на обертку «Пантеона», то увидѣлъ бы, что тамъ очень

ясно сказано: «Пантеонъ выходитъ въ двадцатыхъ числахъ каждаго мѣсяца.» Очевидно, что поэтому онъ никакъ не можетъ явиться раньше другихъ журналовъ, объявляющихъ, что они выходятъ въ свѣтъ перваго числа, но очень часто забывающихъ, что не каждое первое число бываетъ первое апрѣля.

Поэтому мы должны говорить только объ «Отечественныхъ Запискахъ», если не считать двѣнадцатой книги «Сына Отечества», явившейся тоже очень недавно. Объ этой книгѣ почти нечего сказать. Въ ней листовъ пятнадцать, изъ которыхъ три четверти заняты политикою и внутренними извѣстіями. Извѣстія эти очень свѣжи; имъ нѣтъ еще полугода. Остальная часть книги занята французской новостью: «Полина» Амбертъ, разборомъ трехъ книгъ, заключающихся въ пространныхъ выпискахъ изъ этихъ книгъ, и тремя статейками въ Сибѣи, изъ которыхъ въ одной довольно любопытныя замѣтки для біографіи Княжнина. Прощаясь надолго, если не навсегда, съ этимъ старѣйшимъ изъ русскихъ журналовъ, мы пожалѣемъ о томъ, что редакція его взяла на себя трудъ не по силамъ, и не могла исполнить его, какъ слѣдуетъ. Мы думаемъ, что этотъ журналъ могъ-бы идти очень успѣшно, если приложить къ изданію его побольше дѣятельности, вниманія, старанія.

Обратимся теперь къ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», весьма разнообразной и интересной. Отъ серьезныхъ статей ея нельзя оторваться. Продолженіе путевыхъ записокъ Е. П. Ковалевскаго «Китай въ 1849 и 1850 годахъ» до того занимательно, что мы скажемъ рѣшительно: намъ не удавалось читать ничего лучше на русскомъ языкѣ о Серединомъ государствѣ. Это не сухой и мѣстами весьма не правдоподобный рассказъ О. Іакинфа, не ученое, систематическое, и оттого часто весьма скучное изслѣдованіе, а живое, увлекательное, безискусственное описаніе того, что путешественникъ видѣлъ своими глазами, о чемъ собиралъ свѣдѣнія у лицъ, окружавшихъ его. Рассказъ г. Ковалевскаго замѣчательнъ также по удивительной простотѣ, довольно рѣзко противорѣчащей первымъ повѣствованіямъ того же автора, изданнымъ подъ названіемъ: «Странствователь по сушѣ и по морямъ», между которыми было нѣсколько не совсемъ вѣроятныхъ рассказовъ, написанныхъ восторженнымъ языкомъ. Тотъ же недостатокъ былъ замеченъ и въ романѣ «Петербургъ днемъ и ночью.» «Китай» стоитъ сравненно выше всѣхъ прежнихъ произведеній этого автора. Даже на иностранныхъ языкахъ врядъ-ли можно сравнить какое-либо путешествіе въ Китай съ этою статью, по занимательности и вѣрности описанія.

Только одна: *La Chine Ouverte*. Ольдь-Ника подходит нѣсколько къ новому произведенію г. Ковалевскаго.

«Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца» драгоценное приобрѣтеніе для русской исторической литературы и одинъ изъ лучшихъ матеріаловъ для изображенія великой эпохи преобразованія Россіи. Онъ переводится правильнымъ, живымъ языкомъ.

Въ высшей степени любопытна также критическая статья г. Кудрявцева, разбирающаго рѣчь профессора Грановскаго «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи» и переводъ, того же автора, статьи Эвардса: «О физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеній къ исторіи.» Критика г. Кудрявцева знакомитъ читателей съ двумя весьма важными вопросами въ исторіи, которые начали разрабатывать весьма недавно: съ вопросами: 1) какое вліяніе имѣетъ географическая мѣстность и климатическія условія на судьбу народовъ и историческія событія, и 2) какое отношеніе между этими событіями и породами, или поколѣтніями людей съ ихъ физиологическими разностями въ нравахъ и темпераментахъ? Разбирая первый вопросъ, г. Кудрявцевъ весьма справедливо опровергаетъ мнѣнія г. Грановскаго и другихъ лицъ, приписывающихъ уже слишкомъ много вліянія природѣ на исторію. Приверженцы этого мнѣнія доходили даже до-странныхъ выводовъ, увлеченные своею любимую теоріею. Такъ г. Беръ говоритъ, что «когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ, и отдѣлили другъ отъ друга страны, судьба человѣческаго рода была уже опредѣлена напередъ, и всемірная исторія есть ни что-иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи.» Г. Кудрявцевъ прекрасно разобралъ неосновательность и преувеличеніе подобныхъ мнѣній. Что касается до втораго вопроса, критикъ признаетъ физиологическое отличіе породъ однимъ изъ самыхъ постоянно дѣйствующихъ элементовъ исторіи. Съ этимъ еще скорѣе можно согласиться (что и дѣлаетъ г. Кудрявцевъ) хотя и здѣсь вліяніе физиологическихъ племенныхъ различій на исторію, несмотря на авторитетъ Шува, цитируемаго критикомъ, — можно допустить только при извѣстной степени образованности народовъ. Чѣмъ болѣе образовывается масса, чѣмъ ближе сношенія между племенами, — тѣмъ болѣе сглаживается ихъ физиологическое различіе, и тѣмъ менѣе, слѣдовательно, можетъ оно имѣть вліянія на международныя отношенія, также какъ и во внутреннемъ быту и обычаяхъ племенъ, гдѣ различіе это удерживается впрочемъ

нѣсколько долѣе. Вообще намъ кажется, что вліянію естественныхъ наукъ на исторію придаютъ уже слишкомъ много значенія. Новость этого возрѣнія на исторію могла, конечно, увлечь молодыхъ историковъ, уничтожившихъ, въ недавнее время, философію исторіи, какъ отдѣльную науку, — что было весьма справедливо, — но раздвинувшихъ въ тоже время границы исторіи до крайнихъ предѣловъ. Такъ г. Грановскій говоритъ, что нѣтъ науки, которая не входила-бы въ исторію своими результатами. Скажемъ, съ своей стороны, что въ числѣ этихъ наукъ есть и такъ-называемая историческая критика, которая учитъ осторожно обращаться съ новыми взглядами и теоріями, и не доводитъ до преувеличенія и исключительности — положеній, вѣрныхъ только до известной степени и въ данное время.

Критика г. Кудрявцева написана чистымъ, правильнымъ и понятнымъ языкомъ. Мѣстами попадаются въ ней однако же изысканныя выраженія и не нужное употребленіе иностранныхъ словъ: какъ напримѣръ *культура*, *раса*, *фаза* (хоть-бы *фазисъ* или *фасъ*); — *особи* вмѣсто *особенности*; исторіи надобно было пройти много *стадій* (почему критикъ употребилъ тутъ греческую мѣру разстояній?); норманы впервые подступаютъ къ исторіи готовыми людьми (какая изысканность выраженія); школа Нибура способствовала *углубленію* историческаго метода и проч. Выхваляя слогъ г. Грановскаго, г. Кудрявцевъ, также не совсемъ удачно приводитъ въ самомъ началѣ цитаты фразу довольно темную и тяжелую: «Вопросы объ историческомъ значеніи исторіи, о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ дѣйствительныхъ, или *извиль ей поставленныхъ цѣлей*, (?) не новы.» Такихъ фразъ, впрочемъ, очень мало у г. Грановскаго.

Въ Библиографической Хроникѣ много очень дѣльныхъ и интересныхъ, хотя и специальныхъ статей, каковы, напримѣръ, разборъ «Исторіи войны Россіи съ Франціею въ 1799 году» и «Путешествія Березина по Персіи». Въ отдѣлѣ *Журналистики* очень хорошо разобрана новая прекрасная комедія г. Островскаго — *Не въ свои сани не садись*, хотя языкъ самаго разбора мѣстами изысканъ и не совсемъ ясенъ. Критикъ часто употребляетъ фразы и слова въ родѣ слѣдующихъ: «Немногія *пѣсы* поспорятъ съ ней въ *удачливости*; пѣса предана *публичности*; тутъ *въ очію видишь* совершающееся торжество благородныхъ движеній; *мотивировать* дѣйствіе; онъ принадлежитъ къ числу *искомыхъ* характеровъ: *смазливый* *проходимецъ*; пѣса не разубѣдила насъ въ этомъ

нѣтъ, нравственный фондъ; послѣдняя переѣмна декорациа не оставляетъ ничего желать болѣе (то-есть послѣднее явленіе); *фабула* пьесы; содержаніе ея взято *не откуда какъ изъ жизни* и къ ней же опять обращено (?) и проч. Зачѣмъ также одна и таже цитата приведена на 109 и потомъ на 114 страницѣ?

Въ Сибѣи начался новый романъ сѣвероамериканскаго писателя — Ро и продолжаютъ «Разказы пробѣжжго». Послѣдніе очень любопытны, хотя мы и не видимъ причины, почему статью эту авторъ назвалъ *Матрешю*, когда это лицо, можетъ-быть и интересное для автора, является только на самыхъ послѣднихъ страницахъ статьи. Автобіографіа Богдановича также чрезвычайно интересна. Новости наукъ, искусствъ и литературы разнообразны. Очень мило пишется фельетонъ, называющійся Петербургскими замѣтками. Фельетонистъ говоритъ обо всѣхъ удовольствіяхъ Петербурга просто, безпристрастно, смотритъ на нихъ не съ коммерческой точки зрѣнія; говоря о концертахъ, не приходитъ въ восторгъ отъ всякаго штукаря, чуть не пугающаго на своемъ инструментѣ для вящаго доказательства своего таланта; у фельетониста незамѣтно никакого кумовства. Если ему не нравится композиторъ, онъ не говоритъ, что опера его упала, что ее давали *три* раза, когда она шла *шесть* разъ, и не сочиняетъ причинъ по которымъ будто-бы перестали ее давать. Мѣстами фельетонистъ дѣлаетъ и отступленія, но они такъ умны и приличны, что ихъ читаешь съ удовольствіемъ. Такъ напримѣръ, говоря о расиротранившейся въ Петербургѣ модѣ на игру «Скачка съ препятствіями», фельетонистъ очень остроумно замѣчаетъ о томъ, что у многихъ на свѣтѣ есть свой конекъ, и приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ коньковъ. Выписываемъ одинъ изъ этихъ примѣровъ, чтобы показать, какъ мѣтко подмѣчаетъ фельетонистъ смѣшныя стороны въ нѣкоторыхъ дѣйствительно забавныхъ господахъ:

... «Но всѣ лица, ѣздяшія на своемъ конькѣ, должны разстуниться, всѣ должны дать дорогу еще забавнѣйшему всаднику, который вѣзжаетъ гордо на своемъ конѣ... Наружность его, посадка на конѣ самая недеремонная, что вмѣстѣ съ шляпою, надѣтою нѣсколько на бокъ, даетъ ему видъ нѣсколько шикарскій (другаго слова для выраженія я отыскать не могъ). Господа! онъ не просто всадникъ — онъ литераторъ! Его конекъ — фанфаронство. Онъ любитъ пустить пылъ въ глаза, любить поговорить о себѣ, о своей чистой любви къ искусству и литературѣ, о своей комфортной домашней жизни и о своихъ такъ-называетъ

мыхъ имъ аристократическихъ знакомствахъ... «Забудемъ наши мелкія страсти, нашу вражду и ненависть, подадимъ другъ-другу руки во имя искусства, и станемъ служить этому искусству!» восклицаетъ онъ. И вотъ онъ начинаетъ служить искусству... толковать о литературѣ... Но о чемъ бы ни заговорилъ онъ — о стихахъ ли Гюго, или о прозѣ Диккенса, о современныхъ фельетонахъ, или журналахъ, всегда и вездѣ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, онъ проѣдется на своемъ конькѣ, и расскажетъ что-нибудь о своей лошади, о своей дачѣ и о фешенебельныхъ снобахъ, Гришахъ, Мишахъ, Сашахъ и другихъ своихъ добрыхъ пріятеляхъ... Я люблю смотрѣть на маневрированье этого господина, какъ люблю все забавное, все смѣшное. Будь на его мѣстѣ юноша, тогда ничего не было бы страннаго въ этой страсти къ катанью на лошаdkъ; но видѣть человѣка серьезныхъ лѣтъ, который для собственнаго удовольствія, цѣлую жизнь всюду и вездѣ, не думая ни о томъ, куда ѣдетъ, ни гдѣ ѣдетъ, — поскакиваетъ на конькѣ — воля ваша, это забавно... Вы, мой читатель, слушая человѣка, который такъ много говоритъ о чистомъ служеніи искусству, о своихъ виллахъ, своихъ пріятеляхъ аристократахъ Гришахъ, Мишахъ и проч., и проч., вѣрите всему этому. Счастливыцы вы! А мы — такъ не вѣрнимъ; мы знаемъ и это служеніе, и этихъ пріятелей... Сегодня этотъ человѣкъ приглашаетъ всѣхъ забыть вражду и мелкіе интересы, а завтра онъ первый станетъ задѣвать каждаго, и вызывать его на споры и ссоры... Онъ говоритъ о своихъ воображаемыхъ аристократическихъ пріятеляхъ, старается показать, какъ хорошо знакомы ему аристократическія гостиныя, и тому подобное. Но мы знаемъ, какъ много во всемъ этомъ истины, и во-что обходится ему эта истина! Гуляя по большой улицѣ, мы видимъ съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ благоговѣніемъ этотъ джентльменъ цѣпляется за руки аристократическихъ юношей; мы видимъ, какъ самодовольно онъ поглядываетъ на всѣ стороны, когда идетъ съ ними объ-руку. Во что бы то ни стало, онъ хочетъ продлить это удовольствие, чтобъ потомъ поговорить и похвастать имъ передъ другими. Для этого онъ умоляетъ юношей отправиться съ нимъ къ Дюссо, или Борелю. Этотъ фанфаронъ говоритъ объ аристократическихъ гостиныхъ, но увы! онъ не бывалъ въ нихъ, потому-что, несмотря на всю лѣсть и услужливость, расточаемыя имъ пріятелямъ-аристократамъ, они никогда не представляютъ его въ тѣ гостиныя, въ которыхъ сами они законные члены. Вотъ каково знакомство этого человѣка съ аристократами. Когда, подѣ-часъ, ему вздумается нарисовать характеристику какого-нибудь изъ своихъ знаменитыхъ пріятелей, то здѣсь высказывается

нанъ трудно изучить человека, проведя съ нимъ время только у Дюссо, или Бореля... Онъ хочетъ сказать о нихъ сердца—а говорить о жилетѣ, хочетъ сказать о нихъ мысляхъ—и описываетъ проборы на годовѣ... И зная все это, зная, чѣмъ и какъ питается конекъ джентльмена неперемонной наружности, мы сѣдемся, смотря на важность и самодовольство, съ которыми онъ выѣзжаетъ передъ публику на своемъ пегасѣ»...

Въ Отдѣлѣ Словесности продолжается все еще романъ Варрена «Тяжба», которому пора бы и кончиться. Онъ вовсе не такъ интересенъ, чтобы такъ долго занимать читателей. Г. Варренъ не Диккенсъ, не Теккерей, даже не Корреръ Бель и не леди Блессингтонъ, которые написали, въ последнее время, очень занимательные романы, неизвѣстные еще русской публикѣ, но совершенно доступные къ переводу. Романы Диккенса и Теккерей: Blair-House и Henry-Osborne, правда, еще не окончены, но авторъ Дженни Эйръ и Ширлея написали новое превосходное сочиненіе: «Villette,» а леди Блессингтонъ «Lady-Bird,» отъ котораго въ восторгѣ даже французы (смотри послѣдній номеръ Revue des deux mondes).

Въ этой же книгѣ Отечественныхъ Записокъ напечатана первая половина новаго романа В. Крестовскаго: «Кто же остался доволенъ?» Говорить о достоинствѣ этого произведенія—значить повторять тоже самое, о чемъ мы уже говорили столько разъ. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ этого автора пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вниманіе читателей, и становится въ ряду не весьма большаго числа нашихъ романистовъ. «Кто же остался доволенъ?» напоминаетъ нѣсколько первое граціозное произведеніе этого же автора: «Анна Михайловна». Это тоже картина провинціальной жизни, съ ея странными условіями, оригинальными личностями, мелкими интригами и мелкими характерами. Мы не знаемъ никого, кто бы въ настоящее время изображалъ такъ вѣрно эту жизнь, какъ г. Крестовскій, соединяющій, въ тоже время, съ глубокою наблюдательностью и глубокое чувство, два совершенно противоположныя свойства, рѣдко встрѣчающіяся въ одномъ писателѣ.

Такъ какъ намъ не о чемъ болѣе бесѣдовать въ этомъ мѣсяцѣ съ читателями, то мы позволяемъ себѣ въ заключеніе нашей статьи, вмѣсто разбора, не высказывающаго десятой доли красоты подлинника, привести первыя страницы этого романа, чтобы дать объ немъ вѣрное понятіе читателямъ, и показать на какую высокую степень, съ самыхъ первыхъ сценъ—становится авторъ этого прекраснаго произведенія.

«Катерина Михайловна Веронская была вдова председателя какой-то палаты, оставившаго женѣ единственнаго сына, котораго она любила безъ памяти. Она записала своего Сашечку въ учебное заведеніе губернскаго города В., гдѣ тогда жила, я неунынно наблюдала за его воспитаніемъ, за каждымъ его шагомъ, не спускала его съ глазъ, не бывала нигдѣ безъ него, не разлучалась съ нимъ, какъ не разлучаются съ дочерьми. Уходилъ-ли онъ утромъ учиться, она смотрѣла, какъ онъ проходилъ по улицѣ; входилъ онъ въ класную залу, (домъ Катерины Михайловны былъ противъ учебнаго заведенія она слѣдила за каждымъ движеніемъ въ окнахъ класной залы... Она познакомилась со всеми учителями, со всеми надзирателями, дѣлала визиты ихъ женамъ, искала случая обязать ихъ, услужить имъ хоть чѣмъ-нибудь. Она признавала необходимость своей вѣчной попечительности надъ сыномъ: — «Я должна знать все говорила она.

Сашечка кончилъ курсъ ученья; Катерина Михайловна послѣдовала за нимъ въ Москву, гдѣ должно было окончиться его образованіе. Онъ былъ уже не дитя; у него былъ свой кабинетъ съ вышитыми подушками, зелеными драпиръ и письменнымъ столомъ...

— Душечка, говорила мать, отпуская его на лекцію, умоляю тебя объ одномъ: не заставляй меня ждать долго; ты знаешь, сколько для меня мученій доставляетъ каждая минута, которую ты проѣтъшкаешь.

Хоть иногда случалось ей повторять сыну, что настанетъ время когда она будетъ ему не нужна, но это время не наставало. Сашечка, казалось, такъ свыкъся съ ея заботливостью, что даже боялся мысли, что ее когда-нибудь ему не достанетъ. Раза два случилось ему опоздать домой съ лекціи, — безпокойство, съ которымъ его встрѣчала мать, было неописанное, но оно ничего не значило предъ тѣмъ отчаяніемъ, въ которомъ онъ нашелъ ее, запоздавъ однажды вечеромъ у учителя, гдѣ пилъ чай.

Бѣдная мать слегла въ постель на цѣлый день, и просидѣвъ подлѣ нея этотъ день, Александръ убѣдился, что убьетъ ее, если будетъ такъ вести себя. Безпокойство, болѣзненное состояніе ожиданія, нетерпѣніе вывели ее изъ ея обыкновеннаго характера; въ гнѣвѣ, напоминая сыну всѣ свои труды, всѣ мелочныя заботы, всѣ его исполненныя прихоти, она назвала его неблагодарнымъ. Сашечка испугался; прошелъ гнѣвъ матери, но не его страхъ; этотъ страхъ сдѣлался его шестымъ чувствомъ...

Воронскій провёлъ пять лѣтъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Мать сама выбирала для него знакомства, гдѣ онъ могъ бы приготовить себѣ что-нибудь въ будущемъ; привѣтливая и до изысканности учтивая со всякимъ, она не хотѣла, чтобы сынъ ея сближался съ этимъ *свѣтскимъ*. Она создала себѣ идеалъ чего-то скромнаго, спокойнаго, благоразумнаго, какъ внутренняго, такъ и вѣшняго, — и потому всякое исключеніе изъ этихъ трехъ условій кололо ей глаза. Одной едва замѣтной рѣзкости въ обращеніи довольно было, чтобы навсегда оттолкнуть ее; небрежность ее ужасала; малѣйшее уклоненіе отъ свѣтскихъ условій, — въ образѣ жизни, — въ нарядѣ, казалось ей странно, непроситительно. Она создала себѣ свой идеалъ порядочнаго, и до этого совершенства хотѣла довести сына.

Воспитаніе молодаго человѣка отъ 20 до 25 лѣтъ—вещь очень затруднительная; Катерицѣ Михайловнѣ казалось, что труды ея удавались. Строгостью, лаской, безконечнымъ вниманіемъ она успѣла въ томъ, что манеры ея сына не были странны въ обществѣ, гдѣ онъ былъ принятъ. Три, или черты вышитыя сафьянные бумажника лежали на его письменномъ столѣ, но они были всегда пусты и никогда не ложились въ его карманъ. Впрочемъ, деньги ему были не нужны; для него все выбирала и покупала сама мать; онъ не обѣдалъ въ ресторанахъ, не ходилъ въ театръ одинъ, игралъ въ карты только у знакомыхъ, гдѣ бывалъ вмѣстѣ съ матерью, — на что же былъ нуженъ бумажникъ его карману?

Катерина Михайловна всячески баловала своего Сашу исполняя всѣ самомажйшія его прихоти и была вообще очень высокаго мнѣнія о своемъ дѣтищѣ.

Она жила прекрасно, принимала пріятно, и потому всѣ поддерживали ее и утверждали въ убѣжденіи, что ея сынъ «прекраснѣйшій молодой человѣкъ». Это названіе такъ освоилось молодому человѣку, что онъ принималъ его, какъ собственность, и бывалъ даже удивленъ, если замѣчалъ, что кто-нибудь смотритъ на него, какъ-будто не признавая за нимъ этого достоинства. Мать также удивлялась этому и не прощала...

Кончивъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, Воронской отиравался въ одну изъ замосковскихъ губерній гдѣ и поступилъ на службу въ какую-то Палату. Катерина Михайловна сопутствовала ему изъ Москвы въ городъ N, гдѣ наняла домъ и составила знакомства.

Въ половинѣ октября, въ морозный вечеръ, мѣсяцъ прекрасно свѣтилъ надъ городомъ N, гдѣ не горѣло ни одного фонаря и въ окна не свѣтилось ни одной свѣчки. Только въ переулкѣ, довольно далеко отъ главныхъ улицъ, былъ ярко освѣщенъ одинъ большой домъ. Прохожіе, — (а въ этомъ переулкѣ и особенно въ ночное время они были рѣдки, потому-что переулокъ славился собаками), прохожіе заглядывали въ окна, надѣясь увидѣть, по-крайней-мѣрѣ, вечеринку, если не настоящій свадебный балъ. Но въ свѣтлѣ окна видѣлись только злые драпировки и пустыя комнаты, и только одна тѣнь гуляла по этимъ комнатамъ...

Эта тѣнь была Катерина Михайловна; она прохаживалась по большой залѣ и гостиной, казалось, въ ожиданіи. Александръ сидѣлъ въ своей палатѣ; Катерина Михайловна знала, что изъ палаты Александръ захочетъ чаю и поспѣшить домой, потому что у знакомыхъ уже не застанетъ чаю; она ждала кого-то другаго. Къ подъѣзду скоро подкатила карета, и Катерина Михайловна приказала скорѣе свѣтить, и сама поспѣшила въ прихожую, встрѣчать гостя.

Гостя была нѣкто мадамъ Д. Катерина Михайловна остановилась на порогѣ.

— Ахъ, Боже мой, какой сюрпризъ, душечка, вскричала она, когда гостя раскуталась и обратилась къ ней съ привѣтствіемъ. Прощу васъ войти; я и не ожидала! Сдѣлайте одолженіе... какъ ваше здоровье? Я думала, вы на вечерѣ?

— Гдѣ на вечерѣ, Катерина Михайловна?

— А у Грашковыхъ? у нихъ вечеръ сегодня.

— Да... Нѣтъ, я къ нимъ не поѣхала. Я сейчасъ отъ Марьи Николаевны, ее отпустила, а сама къ вамъ.

— Какъ! что вы говорите! Развѣ ужъ пора на вечерѣ? Еще только половина восьмого.

— Давно девять, Катерина Михайловна.

— Что вы, душечка! Мои часы сегодня Сашечка носилъ къ часовыхъ-дѣль-мастеру, и я большія по нимъ поставила... возможно-ли!.. Прощу садиться... возможно ли, чтобы девять!.. Да Сашечка бы давно воротился изъ должности... Сюда, къ столику, мой ангелъ... гдѣ тутъ скамеечка?..

— Ахъ, Катерина Михайловна, не безпокойтесь!

— Какъ ваше здоровье теперь?

— Слава Богу, поправляюсь, благодарю васъ.

— Вѣдь у васъ ревматизмъ?.. Ахъ, что это! Кажется подъехали!

— Развѣ вы ждете кого, Катерина Михайловна!

— Да, какъ-же. Развѣ вы не знаете?

— Ахъ, я и не замѣтила, въ-самомъ-дѣлѣ... И я-то чего же смотрю! У васъ комнаты освѣщены... У васъ стало-быть званые?

— Помилуйте, Александра Ивановна, развѣ возможно, чтобы у меня былъ званый вечеръ, и вы бы объ этомъ не знали? чтобы я не почла долгомъ просить васъ!.. А что у меня комнаты освѣщены, такъ это... признаюсь... я люблю свѣтло; чего стѣитъ лишняя свѣчка?.. У меня ужъ въ домѣ люди привыкли, одна-ли я, нѣтъ-ли, все равно. Сегодня я къ себѣ пріѣзжаю жду.

— Вѣрно родственницу вашу?

— Нѣтъ. Видите-ли. Въ В., когда еще мужъ служилъ, пріѣхалъ одинъ чиновникъ, человекъ молодой, съ женою, Александръ Антоновичъ Литвинъ. Я всегда бывала рада, если прибавляется наше общество, а они были такіе прекрасные люди,—она красавица; онъ всегда такъ любезенъ. Они бывали у насъ почти всякій день; но бѣдны, бѣдны такъ... что я и не знаю. Я даже, бывало, грѣшу, говорю мужу: помилуй, въ состояніи-ли мы всякаго одолжать? У насъ сынъ, — тебя не будетъ, что мнѣ дѣлать? Мой Иванъ Ивановичъ—вы его не знали—онъ былъ весь чужой!.. Вотъ, Богъ имъ далъ дочь, Ниночку: отецъ былъ такъ радъ, зоветъ мужа крестить. Я ему прямо сказала — (онъ пріѣхалъ и просить, мужа нѣтъ дома) я говорю: «Александръ Антоновичъ, образумитесь, вы зовете крестить къ себѣ председателя, — ему пара, по крайней-мѣрѣ, предводительша, кого-же вы позовете гостей? Положимъ, къ вамъ всѣ поѣдутъ, но душечка, вѣдь это вамъ стѣитъ полугодоваго жалованья! Обѣдъ, десертъ, вино, вы подумайте.» Онъ мои руки цѣлуетъ, умоляетъ, проситъ, чтобы я мужу позволила. «Я знаю, говоритъ, вы начальница, отъ васъ все зависитъ.» Я говорю: Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы сами человекъ образованный; вы понимаете, что Иванъ Ивановичъ не станетъ крестить съ кѣмъ-нибудь, съ хозяйкой вашей, съ просвирной Маланьей,—кто ужъ тамъ ее знаетъ, иначе вамъ сдѣлать нельзя. Я вамъ говорю, какъ другу, и пусть Марья Андреевна, ваша супруга, обижается, я знаю, она сама меня послѣ поблагодарить. Долгъ дружбы и знакомства я исполню: я привезу послѣ вашей малюткѣ рубашечку и поясъ, какъ-будто я сама мать ея крестная, но крестить моему мужу нельзя. Это нейдетъ...

— Ахъ провазница Катерина Михайловна!

— О, да, я была человекъ рѣшительный! Мой Александръ Антоновичъ такъ и увѣдалъ. Ужь не знаю тамъ, кто у нихъ крестилъ. Я къ ней не поѣхала. Вы знаете сами, что принято, когда дама получить дитя, она присылаетъ увѣдомить своихъ знакомыхъ, если хочеть чтобы они къ ней ѣхали; ну, а Марья Андреевна этого не сдѣлала; ей мужъ прѣзжалъ звать моего мужа крестить, а не меня, такъ какъ-же мнѣ ѣхать? она можетъ-быть и не хотѣла меня видѣть... Да, право, душечка, что вы на меня такъ смотрите? Вѣдь бываютъ такіе характеры, для которыхъ непріятно быть обязаннымъ кому-нибудь; они не цѣнятъ того, что если имъ скажешь что-нибудь непріятное, такъ это для нихъ самихъ, для ихъ пользы. А я не могу вынести, я все выскажу! особенно когда такъ много люблю, какъ я ихъ любила, Марью Андреевну и Александра Антоновича. И такъ мы съ ними годъ не видались. Одинъ разъ, это ужъ черезъ годъ было... Вотъ именно, какъ судьба все дѣлаетъ... я вамъ послѣ скажу. Я иду вечеромъ пѣшкомъ, одна, отъ Шатровскихъ, — у насъ былъ судья, прекрасный человекъ... взяла Самечку за руку и пошла, только велѣла человекѣ себя проводить. Иду, — а я пошла чрезъ переулокъ, тутъ ближе, да ѣзды не было, въ первый разъ я въ эту улицу. Иду, вижу подлѣ одного домика женщина ребенка няичить. Я остановилась, говорю: скажите, душечка, чей это ребенокъ? Та говоритъ: Александра Антоновича Литвина. Я такъ и вскрикнула: Литвина! ахъ, дай мнѣ его, вѣдь это моего друга дочь! какъ ее зовутъ?.. Они ей какое-то мудреное имя дали Нимфодора, Неонилла, что-ли, ужъ не знаю... Я говорю: это Ниночка, Саша, гляди, вѣдь это Ниночка... Я такъ и заплакала.

Катерина Михайловна заплакала при воспоминаніи. М-те Д. была въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи человекѣ, который, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ разчувствоваться чувствомъ другаго... »

Этого отрывка довольно, чтобы читатели сами судили о новомъ произведеніи В. Крестовскаго.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

повѣсти и рассказы А. Ѳ. Писемскаго. Москва, 1853 года. Въ типографіи Степановой. Три части. Въ 12-ю д. л., 428, 402 и 511 стран.*

Эти три книжки, представляющія итогъ нѣскольکو-лѣтней дѣятельности литератора, который въ короткое время приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, если не въ массѣ публики, то, по-крайней-мѣрѣ, въ журналахъ, много о немъ толковавшихъ, — составляютъ, въ настоящую минуту, самое интересное явленіе нашей, такъ-называемой, изящной словесности. Правда, всѣ эти повѣсти и рассказы, въ разные сроки, напечатаны уже были въ повременникахъ; но собранныя нынѣ вмѣстѣ, конечно, приобретутъ большее число читателей, и подадутъ поводъ— сколько къ общему заключенію о свойствѣ и степени дарованія автора, столько же и къ самой повѣркѣ мнѣній, выраженныхъ о немъ критиками нашими, при постепенномъ помѣщеніи опытовъ его въ журналахъ.

Что касается насъ собственно (то-есть, пишущаго эти строки), мы съ талантомъ г. Писемскаго знакомы были доселѣ только по первому его дебюту, повѣсти *Тюфякъ*, независимо отъ помѣщенія ея въ «Москвитянинѣ», изданной, въ свое время, и отдѣльно, въ ограниченномъ впрочемъ количествѣ экземпляровъ. Этимъ-то прославленнымъ въ журналахъ «Тюфякомъ», — въ буквальномъ смыслѣ, предметомъ, служащимъ къ успокоенію утомленнаго чловѣка и слѣдственно пригоднымъ для конца, открывается, напротивъ, собраніе предлагаемыхъ сочиненій: Тюфякъ поставленъ во главѣ первой части и занимаетъ девять-десятыхъ ея... Перечитывать ли снова 363 страницы? Много-ли, даже во всесвѣтной литературѣ, романовъ и повѣстей выдерживаетъ достохвально трудный процессъ вторичнаго чтенія, неоскорбляющій авторскаго самолюбія неучтивыми, хотя и невольными зѣвками, маленькимъ скучаньемъ и прости-тельною въ такомъ случаѣ небрежностью? Для храбраго, всею мошью читательской силы, одолѣнія какой-бы то ни было книги, во второй, или третій разъ ея изученія, необходимы первоклассныя, высшія ея достоинства: чрезвычайная занимательность содержанія (при ловкой завязкѣ, ходѣ, безпрестанно подстрекающемъ вниманіе, и эффектной развязкѣ), необыкновенные, съ безукоризненною художественностью изображенные характеры, почти непрерывное драматическое движеніе рассказываемыхъ происшествій, истинный патетизмъ, или неистощимый высокий юморъ...

* Въ главной конторѣ Пантеона и у книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера: три руб., съ пересылкою 4 руб. сер.

наконецъ оригинальность и мастерство изложенія, иначе — живость, разнообразіе, красота, или поэзія слога... Принадлежитъ-ли «Тюфякъ» къ малому, избранному числу подобнымъ произведеній? — «Тюфякъ», по аналогіи съ самой этой вещью, довольно неподвиженъ, неповоротливъ, тяжеловатъ. Но это ни чуть не мѣшаетъ ему имѣть свои условно-добрыя качества: наиримѣрь, упругость не безъ мягкости и другихъ удобствъ для спокойнаго и непріятнаго при содѣйствіи его отдохновенія... Слѣдуютъ, что вы нѣсколько нетерпѣливо и переворачиваетесь порожь съ бока-на-бокъ, поправляете подушку, измѣняете положеніе корпуса своего и т. п., — но здѣсь вѣдь и не идетъ рѣчь о совершенствѣ тюфячнаго комфорта... по нѣкоторой слабости, неровности и разбросанности частей толстоватыхъ, кое-гдѣ, и не незамѣтныхъ поверху пружинъ.

Не требуется, полагаемъ, и рассказывать подробно содержаніе этой повѣсти, фундаментальнаго и краеугольнаго камня авторской извѣстности г. Писемскаго. Предлагаемая читателямъ *третично*, обсужденная журнальными критиками *многожды*, она, чтобъ не набить оскомины, можетъ обойтись безъ новыхъ пересказокъ. Лишь для полноты разбора припомнимъ, что въ небольшомъ романѣ этомъ авторъ молвитъ широкое слово о судьбѣ одного вялаго и полусоннаго господина, Павла Васильевича Бешметова, по такимъ апатическимъ свойствамъ своимъ и нареченнаго Тюфякомъ — прозвище, впервые данное ему родною тетушкой, Перепетуей Петровной... Перепетуя Петровна? Не правда-ли, презабавочное имячко, и можетъ-ли быть не забавною особа, носящая его? Съ нея-то начинается извѣстнаго рода юморъ повѣсти, кончающейся плачевно, смертью героя — *Тюфяка*, въ слѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ и совмѣстничествъ, встрѣченныхъ имъ по случаю необдуманной женитьбы на прехорошенькой и прелестной дѣвушкѣ, неимѣвшей ничего общаго, а тѣмъ менѣе симпатическаго съ супругомъ — тюфякомъ, который зарылся въ книгахъ, неблагообразенъ наружностью, дурно одѣвается, меловокъ и смѣшонъ до крайности, и, въ добавокъ ко всему — такой тюфякъ! — ногтей не чиститъ и рукъ даже не моетъ...

Безспорно, привлекательная г-жа Бешметова была неоправдано виновна передъ своимъ благороднымъ и великодушнымъ супругомъ, — виновна вѣтреностію и легкомысліемъ; но, съ другой стороны, вольно же было благородному, великодушному и притомъ умному супругу не чистить ногтей и не мыть рукъ, одѣваться безъ вкуса, уродливо, и держать себя медвѣдемъ... на женщину всегда дѣйствовала, дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать наружность, независимо отъ душевныхъ, или внутреннихъ достоинствъ, которыя, при такомъ условіи, въ свою очередь,

и силаю, увеличиваютъ привязанность. Не только любви, — самой дружбы нельзя пріобрѣсть челоуѣку неопытному. Изъ двухъ крайностей, изъ двухъ золъ, выбирая меньшее, ужъ лучше быть завязатымъ фратомъ, или фатомъ, нежели нерахой; пиньяли и діогены, въ нынѣшнемъ свѣтѣ, никуда не годятся; да и въ древнемъ они были лишь исключеніемъ, далеко не всѣми одобряемымъ, и которое могло выкупаться гениальными развѣ странностями, нескромными блестящими высокаго, оригинальнаго ума... когда въ Бешнетовѣ ничто не блистало. Неглупый, начитанный, или, скорѣе, зачитавшійся, онъ, однакожъ, ничѣмъ не выступалъ изъ общаго уровня, и ни какое дарованіе, ни какая яркая черта, или полоса не заглаживала въ немъ не свѣтской негладкости, не заставляла забыть его тюфячества. Конечно, дурию востушила дражайшая его половина, предпочтя ему ничтожнаго, гнуснаго Балтіарова, прикрывавшаго свою презрѣнную натуру именно лоскомъ и обольщеніями свѣтскости, этою мишурую, которая, къ сожалѣнію, не рѣдко заслоняетъ собою чистое золото, особенно, если оно не очищено отъ грязи, не выполировано... калифорнскій или австралійскій самородокъ никогда не бываетъ такъ красивъ и заманчивъ, какъ металлъ, обработанный рукою мастера художника, хотя и съ примѣсью постороннихъ, не столь дорогихъ веществъ.... но за тѣмъ-то мужья и должны быть носышленіе и предусмотрительнѣй: двѣ трети нравственности, а слѣдственно и счастья женщины зависятъ отъ благоразумія и внимательности нашего брата, и часто, очень часто проступокъ жены, ея паденіе, суть слѣдствіе ошибокъ, слабости и неразумности мужа, который съ первой минуты брака обязанъ быть неуспыннымъ стражемъ, подь-часъ нѣжымъ, подь-часъ строгимъ руководителемъ неопытной, воспримчивой своей подруги... стоглазымъ блюстителемъ ея гордой чистоты и цѣломудрія, которое прозрачно, какъ весеннее облако, тонко, какъ свѣжая паутина, какъ старое кружево... Вѣроятно, все это нѣтъ въ виду и самъ авторъ, и его повѣсть не что-иное, какъ новый «урокъ дочкамъ» или молодымъ дамочкамъ и добрый совѣтъ мужьямъ: «не будьте, господа, тюфяками!»

А повѣсть, говоря вообще, не касаясь частныхъ и подробностей, ведена и обставлена не безъ искусства, весьма для перваго опыта замѣчательнаго. Очень милое созданіе — сестрица Тюфяка, и хороше, между-прочимъ, ея сожитель, кутила, проказникъ Масуровъ, уменьшенная и значительно ослабленная копія или каррикатура Ноздрева, — всѣмъ извѣстное лицо романа, авторъ котораго любилъ преувеличивать и каррикурировать иногда не въ мѣру и несовѣтъ вѣрно..

Но довольно о Тюфякѣ, чтобы читателю спать не захотѣлось. Пе-

реходимъ ко второму и остальному очерку первой части: «Питерщикъ» который такъ и называется *очеркомъ*, и по объему немногихъ страницъ, и по характеру разсказа, нѣсколько длиннаго растаутымъ введеніемъ и еще болѣе крутоваго, усѣченного, какъ копусъ, развязкою или заключеніемъ...

Питерщикъ или *Питерець*, какъ вы, безъ сомнѣнія, изволите знать — нарицательное крестьянъ, приходящихъ изъ внутреннихъ губерній промышлять чѣмъ-нибудь въ Петербургъ. Г. Писемскій выбралъ питерщика изъ чухломскаго уѣзда (костромской губерніи), сообщая объ этомъ уѣздѣ и мастерствахъ его нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія, съ подбавкою юмора, и соединяя такимъ-образомъ беллетристику съ статистикой. Собственно же сказка состоитъ въ слѣдующемъ. Неглупый крестьянинъ Клементій, промысломъ маляръ, выгодно ведетъ дѣла свои въ Питерѣ, и счастливъ своею прекрасною, кроткою женою, которую очень, очень любить. Но она, послѣ кратковременной болѣзни, вдругъ умираетъ, и разболѣлось любящее сердце Клементья. Изображеніе грусти и тоски его по женѣ, въ его уста вложенное, по нашему мнѣнію, лучшее мѣсто въ этомъ ремесленномъ очеркѣ. Затѣмъ Клементій начинаетъ попивать съ горя, искать развлеченія и вслѣдствіе дружбы съ безразличными людьми, зажиточный недавно ремесленникъ мало-по-малу спускаетъ всѣ свои денежки, честнымъ трудомъ нажитыя, изъ тороваго хозяина превращается въ горемыку-работника, и наконецъ принужденъ воротиться въ деревню. Тамъ родные вторично его женятъ на некрасивой, но послушной бабѣнкѣ, которая далеко не по немъ, не пара ему, молодцу и хвату, очень умилно поглядывающему на пригожаго *десятскаго* — Марью (въ той сторонѣ случается, сельскія должности исправляютъ женщины, и Клементій, шутя, выражаетъ желаніе попасть въ сотскіе, чтобы десятскій — Марья — былъ подъ его началомъ). Тутъ-то, въ деревнѣ, проѣздомъ, авторъ узнаетъ Клементья, его семью, и его вышеприведенную исторію, словесноохотливымъ крестьяниномъ разсказанную со всѣми подробностями и разными отступленіями и прибаутками...

Вотъ какъ, напримѣръ, ведетъ рѣчь свою понасмотрѣвшійся того-сего Клементій:

«Жалованье (по мастерствамъ) идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и тоже. На что ужъ, кажись, во жалованью, лучше кузнечнаго дѣла? Послѣдній работникъ получаетъ четыреста, а который понескусье, и холодную тамъ подкову знаетъ, такъ и четыреста на серебро хватить; а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большаго, что въ недѣлю заработаешь, те на враздѣлкѣ

въ харчевнѣ и спускалъ; а тепериче, взять и другую сторону: портной, сапожникъ и гравировщикъ, у насъ считается на что есть хуже изъ всѣхъ: у нихъ, съ позволенья сказать, зимой, въ субботу, въ баню надобно сходить, такъ старшій подмастерье выпросить у дворника рукавицы, надѣметъ ихъ, вмѣсто сапогъ, на ноги, да такъ и отвязаетъ, а и по этому дѣлу выходить въ люди... Недалеко взять: у нашего барина дворовый человекъ сначала тоже въ Москвѣ поучился портняжничать, тутъ вернулся въ губернію, и теперъ первый сталъ во всемъ городѣ портной,—и значить, что все человекомъ выходить». (Стран. 379).

Или:

«Здѣсь, я вамъ доложу, мы всѣ бахвалы, именно, такъ—сказать, бахвалы наголо; сойдетъ мужикъ изъ Питера, или изъ Москвы, и начнетъ гнуть штуки: — я-да-я, мы-да-мы, а бабы да дѣвки сидятъ да слушаютъ, разиня ротъ, а намъ это и повадно, и куражимся... А какъ по деревнѣ—то живемъ, такъ нечего прибавить: все на виду... Не дальше, какъ въ этой комнатѣ, было у меня этакое дѣло, на Миколщинѣ. Есть здѣсь мужичекъ, верстахъ въ трехъ отсюда живетъ, старикъ простой, смирный, а денежный; на чужую сторону онъ не ходитъ, а занимается около дома торговлей: саломъ, солью, мясомъ и прочимъ этакимъ товаромъ перебиваетъ; сидитъ онъ у меня въ гостяхъ, и другіе тоже кое-кто былъ, народъ все хорошій, — вдругъ приходитъ нашей деревни мужиченка, — Гришка, питерець коренной, но человекъ, то—естъ, нкуда не годный. Не взираючи ни на кого и ни на что, шастъ прямо въ передней уголъ, сѣлъ и почалъ хвастать: и денегъ, говорить, у него много, и анараловъ всѣхъ знаетъ, и во дворцѣ бывалъ, то—естъ, я вамъ скажу, такую повесъ околесную, что уши вынуть. Деревенскій этотъ мужичекъ слушалъ, слушалъ, да и говорить: полно, говорить, Гриша, не высоко ли берешь?.. Что-же, сударь, какъ вы думаете?.. Этотъ шельма—Гришка—оборвалъ старика, на чемъ свѣтъ стоить! И толоконное, говорить, ты брюхо! и лѣсная кочерга!.. Просто сказать, раскостилъ, а тотъ только смолчалъ; дѣлать нечего, на чужой сторонѣ не бывалъ, рассуждать объ этомъ много не можетъ... Вотъ, вѣдь, у насъ, какая здѣсь практика заведена, такъ и не больно манитъ проживать около дома! а все лестно, нельзя ли какъ-нибудь въ Питеръ, или Москву... Это, батюшка, полагаю, и въ вашемъ званіи бываетъ: вотъ, бываетъ, молодые господа изъ Питера съѣзжаютъ, такъ большой тоже форсъ держать. Къ нашему барину прѣзжалъ оттедова двоюродный братъ. Мы, какъ его по Питеру знаемъ, господинъ очень нешаратый: на службѣ нигдѣ не состоитъ, капиталовъ за собой никакихъ не имѣетъ, а только что, примѣрно, по-питерски

сказать, тортуары тамъ гранитъ; а подите-ка: какъ прѣхалъ сюда, какой тонъ повелъ! У нашего помѣщика въ усадьбѣ все расхалъ: и дошъ безъ скусу, и скотные дворы выстроены не по плану... Я тутъ не вдалекѣ слушалъ, какъ они объ этомъ разговаривали, и только самъ съ собой подумалъ: у тебя-то, думаю, выжига питерская, какія тамъ палаты разстроены!» (Стран. 384—386.)

Долго, однако, не послѣдось питерщику въ деревнѣ, съ посылкою второй женой, съ больною старухой-матерью и баловнемъ-сыннишкомъ, очень удачно, въ немногихъ чертахъ, обрисованными авторомъ, ни даже съ приманчивымъ десятикимъ-Марьей. Сколотивъ кое-какую деньжонку, снова направилъ онъ стопы въ соблазнительный Питеръ. «Не болѣе, какъ черезъ три года»—говоритъ авторъ—«я встрѣтилъ его въ Петербургѣ (.) въ одномъ трактирѣ. Онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, съ золотымъ перстнемъ на пальцѣ, въ ботфорто-подобныхъ сапогахъ, съ двумя другими, тоже, надо полагать, подрядчиками... Парадуйсь (т. е. порадовавшись) успѣху питерщика, я, вѣсть съ тѣмъ, въ лицѣ его поразился и за изворотливость русскаго человѣка» (стр. 427—428). Это послѣднiя строки очерка.

На сколько въ немъ, при ремесленной статистикѣ, дѣйствительно и собственно литературнаго,—предоставляется разсудить самимъ читателямъ. Нѣкоторые критики въ восхищенiи отъ «Питерщика», вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что смѣтливый авторъ, щадя изящный вкусъ просвѣщенной публики, во-время опускалъ занавѣсъ. Впрочемъ о вкусахъ и цвѣтахъ спорить трудно, и потому нельзя сѣтовать на выборъ, заставляющiй иныхъ изъ современныхъ словесниковъ нашихъ чаще водить читателя въ избы и харчевни, нежели въ салоны и будуары.... не все же описывать пышныхъ красавицъ и львовъ первой руки, въ столицѣ или провинци. На всякаго рода описанiя бываетъ мода, или эпидемiя, смѣняющая одна другую. Терпѣливо подождемъ новаго оборота вкуса, и выбора предметовъ, лицъ, изображенiй...

Вторая часть раздѣляется на двѣ равныя почти половины, двумя разнородными произведенiями. Первое называется: «*Ипохондрикъ*, комедiя въ четырехъ дѣйствiяхъ». Васъ, можетъ-быть, нѣсколько удивитъ, какимъ образомъ—въ книгу съ заглавiемъ *новѣлти и рассказы* попало сочиненiе драматическое, театральное... Не удивляйтесь, на даже не находите страннымъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ одна забавная и замысловатая сказка не шутя пущена въ свѣтъ подъ именемъ поэмы, и заняла мѣсто въ сосѣдствѣ великихъ эпопей Гомера, Илиады и Одиссея, всякая литературная классификацiя или разрядность—потеряна... коро, пожалуй, какой-нибудь другой шутникъ, проказникъ, въ видѣ

поэтическіе мечтаній выдастъ настоящія статистическія таблицы и дифференціальныя исчисления. И не бѣда, не важность: заглавіе ровно ничего не значить; какъ давно уже провозгласилъ В. Л. Пушкинъ, известнымъ своимъ восклицаніемъ: «но что намъ дѣла до названья?»

И такъ—за этимъ критика не погонится—пусть «Ипохондрикъ» будетъ не комедія, а повѣсть, или разсказъ въ лицахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ. Николай Михайловичъ Дурнопечинъ, 35 лѣтъ, воображаетъ, что онъ очень боленъ и скорѣе долженъ проститься съ жизнью. Никита, сорокалѣтній слуга его, достойный своего прототипа, Осипа въ «Ревизорѣ», въ длинномъ монологѣ разсуждаетъ о болѣзни своего барина (стр. 12—14).

При окончаніи этого монолога является гѣтка Наталья Кирилловна Вязогривова, дама лѣтъ пятидесяти, дальняя родственница мнимо-больнаго, съ сыномъ Ванюшкой, 21 года, новѣйшаго времени Митрофанушкой, весьма напоминающимъ Фонъ-Визинова «Недоросля». Пожаловала она нарочно изъ деревни, свѣдавъ о недугахъ Дурнопечина; и ища въ виду подольститься къ нему, чтобъ онъ сдѣлалъ въ пользу ея завѣщаніе. Поэтому и поддѣрживаетъ его въ сказанной мнительности; говоря ему, между прочимъ: «Ахъ, дядюшка, узнать васъ нельзя! Вотъ какъ-бы, кажется, на дорогѣ встрѣтились, да наплевали въ глаза; такъ и тутъ-бы не признала!» (Стр. 27.)

На первый случай выпрашиваетъ она у «дядюшки», для сына, пальто да бобровую шапку, и еще до прихода Дурнопечина кладетъ Ванючку въ карманъ оставленную на столѣ папирозницу; какой фактъ сопровождается слѣдующимъ, между маменькой и сыночкомъ, курьезнымъ объясненіемъ:

ВАНЮШКА. Ну, маменька, смотрите, какъ онъ разсердится, да браниться начнетъ?

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Вотъ пустяки: этакой благородный человѣкъ разсердится!—Еще очень радъ будетъ, что, по-родственному, безъ церемоній, позаимствовались.

ВАНЮШКА. Ну, ладно, маменька, я все на васъ сворочу: прямо скажу, что вы подтибрили.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Ну, хорошо, говори на меня, что съ меня, старухи, взять...

Настасья Кирилловна баба, что называется, не промахъ, и рѣжетъ правду, любитъ правду—сама объ этомъ такъ отзывается Дурнопечину: «Всегда говорю, дяденька, правду, такой ужъ глупой характеръ! сколько я за эту правду страдала: только-что не били меня за мою справедливость». (См. стр. 25 и 32.)

Далѣ на сцену, въ своемъ домѣ, являются братецъ и сестрица: Михайло Ивановичъ и Надежда Ивановна Коноричъ: первому 33 года, а послѣдней 36 лѣтъ отъ рожденія, изъ чего явствуетъ, что въ сущности первая, т. е. старшая, она. Михайло Ивановичъ на словахъ страшный храбрецъ и гроза, а Надежда Ивановна, еще дѣвствующая, напротивъ, очень нѣжна и пламенѣетъ искреннѣйшимъ къ непрекрасному полу расположеніемъ, какъ надлежитъ заключать по слѣдующему, между ними, замѣчательному разговору.

СЕСТРИЦА (съ чувствомъ). Мишель! У меня къ тебѣ одна просьба: не брани его такъ (рѣчь идетъ объ ипохондрикѣ), не проклинай и прости... Ты посмотри на него, какъ онъ грустенъ и печаленъ...

БРАТЕЦЪ. Ахъ, вы бабы! Вамъ бы все сентиментальничать, а дѣла настоящаго вы не понимаете. Ты въ него влюбилась, да и замужъ тебѣ хочется; ну, такъ и женись онъ, когда случай есть.

СЕСТРИЦА. Но если онъ, братецъ, любитъ другую, если онъ измѣнилъ мнѣ въ своихъ чувствахъ?..

БРАТЕЦЪ. Тю-тю-тю! измѣнилъ въ чувствахъ, любитъ другую! Скажите пожалуйста, какіе Вертеръ и Шарлотта! Мало чего нѣтъ, да на дѣлѣ выходитъ, чтобъ женился, такъ и женись!

СЕСТРИЦА. Не будь такъ жестокъ, Мишель, но только сходи къ нему и расскажи ему, будто такъ исторію, что одного человѣка любила одна дѣвушка, и въ-продолженіе десяти лѣтъ только объ немъ и думала...

БРАТЕЦЪ. То-есть, это ты объ немъ десять лѣтъ думала? А курчавый-то капитанъ—это какого сорта птица—а?

СЕСТРИЦА (покраснѣвъ). Это была, братецъ, ошибка, заблужденіе.

БРАТЕЦЪ. Скажите пожалуйста... этотъ господинъ вотъ — ошибка, курчавый капитанъ заблужденіе. Ну, а исправнической учитель — тоже заблужденіе?

СЕСТРИЦА. Ахъ, нѣтъ, братецъ, тутъ была совершенная клевета. Мы были только дружны и больше ничего. Но оставимъ это... Ты скажи ему что эта дѣвушка, можетъ-быть, во гробъ сойдетъ отъ любви къ нему... (Стран. 37—39.)

Къ Коноричамъ приходитъ Ванюшка и остается наединѣ съ сестрицей. Оказывается, что этотъ новый Митрофанушка, точь-въ-точь какъ старый, «не хочетъ учиться, а хочетъ жениться», и именно на дѣвницѣ Коноричъ, которая нѣкогда оказывала ему благосклонное вниманіе, ей теперь напоминаемое влюбленнымъ юношей. Происходитъ презабавная и преинтересная сцена, въ заключеніе которой, по точнымъ словамъ комедіи, Ванюшка, согласно приказанію Надежды Ивановны, становится

на колѣни, а она «обѣими руками беретъ его за голову и цѣлуетъ; занавѣсъ опускается» (стран. 56), и тѣмъ оканчивается первое дѣйствіе, увлекающее любопытство читателя къ дальнѣйшему чтенію этой эксцентрически затѣйливой исторіи...

Въ началѣ втораго дѣйствія, Настасья Кириловна рассказываетъ Дурнопечину о своихъ приключеніяхъ въ Петербургѣ, куда она возила, для опредѣленія въ корпусъ, возлюбленнаго Ваничку, когда ему—замѣтте это—было уже *двадцать лѣтъ*. Неужели автору неизвѣстно, что въ эти годы можно опредѣлять сына въ драгунскій полкъ, но отнюдь не въ кадетскій корпусъ, откуда осемнадцатилѣтнихъ уже выпускаютъ на дѣйствительную службу... Случай облитія г-жи Бѣлогривовой помоями могъ-бы остаться за кулисами, какъ и вообще ея рассказы о тѣхъ приключеніяхъ, забавляющіе эпохондрика, но далеко не забавные и не смѣшные читателямъ.

Многослаголаніе Настасьи Кириловны, къ счастью, прерывается появленіемъ страшнаго сутяги, Прохора Прохоровича Дурнопечина, который приходится эпохондрику «братомъ въ 4-мъ колѣвѣ», и приходитъ къ нему собственно за тѣмъ, чтобъ сорвать съ него что-нибудь... страшаетъ его тяжбою, увѣряетъ, что онъ неправильно владѣетъ доставшимся отъ общей ихъ бабушки имѣніемъ, требуетъ документовъ на послѣднее. Эпохондрикъ спрашиваетъ ихъ у Никиты и—о увы и ахъ!—невѣжда Никита, послѣ нѣкотораго отпирательства, сознается, что вернулъ имъ индѣйку. Что дѣлать? Индѣйка скушана, бумаги разодраны, брошены, развѣяны по волѣ вѣтровъ...

Несчастный мнимо-больной въ глуптѣшемъ отчаяніи. Боясь потерять и деньги свои, пятьдесятъ тысячъ, онъ вынимаетъ ихъ изъ шкатулки, съ намѣреніемъ зашить въ халатъ... совершаетъ эту операцію, разумѣется, наединѣ, притворивши двери и приставивъ къ нимъ стулъ... но вдругъ двери съ шумомъ растворяются, стулъ летитъ, и въ комнату влетаетъ Михайло Ивановичъ Коноричъ. «Ахъ извините вы меня», говоритъ Дурнопечинъ, смѣшавшись: «дуракъ мой лакей дверь заставилъ». «Ничего-съ», отвѣчаетъ герой: мы ее сломали; такая ужъ у *Михайла Иванова* (онъ обыкновенно называетъ себя не иначе) рука; на что ляжетъ, то и ломитъ — желѣзо не всякое терпитъ! (стран. 85). Рассчитывая на трусливость Дурнопечина, «Михайло Ивановъ» вслѣдъ за тѣмъ предъявляетъ ему свои мускулы, жилы кулаковъ и всю свою геркулесовскую организацію, и такимъ то цицероновскимъ способомъ мало-по-малу убѣждаетъ его къ желаемой уступкѣ, то есть къ женитьбѣ на сестрѣ своей. Достигнувъ результата, принимаетъ дружескій, доброже-

лательный тонъ— и свиданіе нѣтъ заключается перемолвкой, которую читатель найдетъ на стран. 96.

Набросавъ съ три короба разнаго хвастовства и гиперболическихъ выдумокъ, «Михайло Ивановъ» вѣдчественно удался. Ипохондрикъ совершенно растерялся: съ одной стороны процессъ, съ другой насильственная женитьба, съ третьей, откуда ни возмись, пожаръ... робкое, лишенное всякой логики смятеніе Дурнопечивна доходитъ до крайнихъ предѣловъ... но на смѣну героя, степеніе обстоятельствъ ниспосылаютъ вдругъ истую героиню, бабу-гусара, въ особѣ Соломонины Платоновны, шестидесятилѣтней, но здоровенной и логической, даже черезъ чуръ логической, тѣтки воображаемаго больнаго. Мигомъ возстановляетъ она порядки: мужественно заставляетъ присмирѣть родственника-сутягу, моетъ голову Настасьѣ Кириловнѣ, потомъ нападаетъ на ея избалованнаго сына, и хотя тотъ огрызается, крича: «какъ бы не такъ; что я вамъ дуракъ что-ли дался? маменьку у насъ ужъ извѣстно, ее всякой приколотить, а меня — тибо!» (стран. 140),—однакожъ и съ нимъ, не смотря на это *тибо*, справляется по своейски; выгнавъ обоихъ, припугнувъ Никиту, велитъ остричь и выбрить его барина, который, въ слѣдствіе такого преобразования въ своемъ туалетѣ, начинаетъ походить на человѣка и значительно пріободряется. Въ заключеніе рукопашнаго спектакля, мудрая Соломонида Петровна находитъ полезнымъ подкрѣпить утомленные въ бою силы, и, по ея распоряженію, подаютъ «полный завтракъ, состоящій изъ колбасы, ветчины, загибенека, шпигованнаго поросенка, сыру, балыка и проч.», (стран. 152). Тѣтушка и племянникъ садятся пріятельски за столъ; ипохондрикъ, забывая свои фантастическіе недугъ, одинаково съ нею, исправнѣе улысывается за обѣ щѣки, приправляя яствы разными привезенными тетужиной водочками, хѣресомъ, шампанскимъ, становится зюровъ веселъ и счастливъ...

Всѣ эти овидевскія превращенія и наидатуральнѣйшія сцены происходятъ въ границахъ втораго и третьаго дѣйствій. Идетъ четвертое.

Но въ четвертомъ дѣла улаживаются, и читатель, или зритель, развязку угадываетъ заранѣе. Михайло Коноричъ хотѣлъ-было снова озадачить Дурнопечивна, да тотъ, благодаря винному буражу, чинитъ надлежащій отпоръ, славитъ Никиту у дверей, самъ берется за стулъ — храбрый братецъ ретируется, а сестрица, напрямки отдѣланная, отдастъ руку дурачку-Вагъ, который почти вдвое моложе невѣсты-себѣ-наумъ...

Итѣніе дѣло; поминные документы на него у Соломонины Платоновны, нидѣйку-же Никита обернулъ копіями; деньги не похищены; по-

жаръ не истрабилъ ничего; двѣнца Коворичъ отвязалась; тетушка обѣщаетъ отыскать невѣсту получше; чувствуя и оцѣняя свое благополучіе, Дурнопечинъ возвращается—было въ радости, и вспоминая веселую молодость въ полку, напѣваетъ: «*Краса пирующихъ друзей*», и такъ далѣе, — но вѣрный своей хандрѣ, мнительности, снова погружается въ тоскливыя думы, и, въ самомъ концѣ пьесы, читатель видитъ его на авансценѣ, одного, грустнаго, задумчиваго безъ причины, слышитъ болѣзненно-проносимое, унылое сѣтованіе: «Нѣтъ мнѣ, видно, радостей, нѣтъ для меня счастья... Все было хорошо, только не надолго. Грустнѣй всего, что никто въ мірѣ мнѣ не вѣритъ, никто даже и не пожалѣетъ меня... А я, право боленъ, ужасно боленъ! Вотъ теперь совсѣмъ дыханье захватило; ослабъ совершенно, а испарина—то, испарина какая!» (Стран. 206.)

Вотъ вамъ и *ипохондрикъ*!

Нѣтъ возможности писать серьезную критику на эту дѣйствительную, или мнимую комедію, которая впрочемъ мѣстами заставляетъ улыбаться, мѣстами хохотать чуть не до слезъ. Мы не касались многихъ подробностей и «живѣйшихъ натуральностей», которыхъ въ ней бездна: пусть самъ читатель полюбуется! Не владимъ также въ разсужденіе о томъ, что въ этой пьесѣ правдоподобнаго и неправдоподобнаго: всякіе бываютъ характеры, и странностей, чрезвычайностей, въ частномъ быту, не мало. Помнится, что нѣкоторые критики, такъ называемой, «натуральной школы» были недовольны главнѣйшими рѣзкостями и вышуклостями разсмотрѣнной комедіи: но вѣдь она сочинена по программѣ, по теоріи искусства, этою школою принятой.. вы сами того хотѣли, господа, и пенять не на кого. Въ оправданіе автора припомнимъ, что комедіи раздѣляются на благородныя и неблагородныя или мѣщанскія. Ну, авторъ состряпалъ комедію мѣщанскую или неблагородную. Подобныя произведенія способствуютъ пищеваренію и хорошему расположенію духа, внушаютъ свиходительность. Спасибо г. Писемскому!

Странное, какое-то оттадкивающее впечатлѣніе производитъ другая повѣсть, другая, если угодно, «комедія» второй части: *Mr. Батмаковъ*. Это опять—о музы и Аполлонѣ!—опять Печоринъ... Печоринъ, процѣженный сквозь Тамарина, но лишенный нѣкоторой граціи послѣдняго и получившій, въ замѣнъ ея, значительную порцію тривіальности... Неужели, гг. сочинители, не пора, наконецъ, оставить виѣ современной литературы эти жалкіе выжимки изъ стараго, обветшалаго одѣянія Чайльд-Гарольдовъ, Донъ-Жуановъ и Онѣгинныхъ, которые начинаютъ уже тускнѣть и въ геніальныхъ подлинникахъ, а въ копотливыхъ копіяхъ, уменьшеннаго размѣра и не всегда удачною кисти, становятся частъ-отъ-часу невыно-

симъ? Къ какому роду мелкой и грубой живописи, точнѣе, малозначъя приведетъ напоследокъ это утомительное, однообразное другъ у друга списыванье, и каждый разъ въ нисходящей степени вѣрности, интереса или привлекательности. Развѣ еще непонятно, что въ области изящной словесности истинно и продолжительно можетъ нравиться: или высоко-комическое, или глубоко трогательное, поразительное, т. е. заставляющее или *смѣяться*, или *плакать*? Середины здѣсь нѣтъ. Съ своими тонкостями, ухищреніями, умничаньемъ и мнимой замысловатостью, она принуждаетъ лишь—*звать*. Какой неутѣшительный для писателей и читателей результатъ! Ошибаетесь, слѣпо ошибаетесь, господа, въ этомъ упорномъ, исключительномъ подражаніи покойнымъ Гоголю и Лермонтову, которые, только благодаря силѣ своего оригинальнаго, самобытнаго дарованія, успѣли временно увлечь публику запутанными парадоксами и ложными идеями, и ни въ какомъ случаѣ постоянными образцами служить не могутъ и не должны. Вспомните, что одинъ кончалъ литературное и жизненное поприще въ первой молодости, и, слѣдственно, его «Героя нашего времени» нельзя считать окончательнымъ убѣжденіемъ или направленіемъ его, какъ Гётевъ Вертеръ далеко не былъ полнымъ проявленіемъ мыслительности и души своего автора, который опредѣлительнѣе и яснѣе высказался въ позднѣйшихъ своихъ твореніяхъ—плодъ лѣтъ зрѣлыхъ, мужества и старческой мудрости—и что второй, то-есть Гоголь, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, печатно и чистосердечно объявилъ, что недоволенъ многими своими произведеніями.

Такимъ-образомъ, возвращаясь къ гг. Батманову, надлежитъ, съ прискорбіемъ, сказать, что этотъ безъ причины разочарованный господинъ—по прямой линіи, до конца испорченный, влукъ нѣкогда умнаго и привлекательнаго въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ Печорина. Поддѣлываясь подъ сынка его и батюшку своего, Тамарина, этотъ самоувѣнчанный Чайльдъ-Гарольдъ, Михайло Матвѣевичъ Батмановъ, дѣйствуетъ въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, и окружаетъ себя сюжетами по примѣру незабвеннаго дѣдушки: роль Вѣры разыгрываетъ у него вдова Софья Николаевна Наунова—женщина просто полоумная, забывающая даже внѣшнія условія приличія и репутаціи; въ роль княжны Мери выступаетъ довольно миленькая впрочемъ m-lle Бетси—но въ-дору одумывается и выходитъ за нѣкоего богача и честнаго, добраго, хотя недалекаго челоуѣка, г-на Овцынина; настоящій же баранъ разсматриваемой повѣсти (его такъ и зовутъ бараномъ), наряженный въ костюмъ Лермонтовскаго Грушницкаго, это нѣкто г. Капривскій. Ему безнаказанно говорятъ и дѣлають дерзости, обиды; онъ ихъ почти небрежно переноситъ.

сѣть за стаканъ глинтвейна и даровой ужинъ; находить, что у Батманова «языкъ бритва» (стр. 216), чего вовсе не находятъ читатель; выпрашиваетъ у фата его фракъ, чтобъ покрасоваться въ немъ на балѣ, и безпрекословно дозволяетъ снять съ себя этотъ несчастный фракъ — тамъ-же, на балѣ, въ буфетѣ собранія, когда въ Батмановѣ стало духа и наглости во всеуслышанье объявить объ одолженіи, келейно оказанномъ пріятелю, и потребовать отъ него тутъ-же, на мѣстѣ, возвращенія собственности. Вѣроятно, этииъ беззащитнымъ и неправдоподобнымъ поступкомъ своего героя, авторъ желалъ показать всю его ничтожность и возбудить въ читателяхъ окончательное къ нему отвращеніе — цѣль совершенно достигнутая, и благоразумная, стараго времени женщина, мать Бетси, г-жа Жермакова, очень вѣрно опредѣлила Батманова, выразившись о немъ такъ: «Пустой и дерзкій мальчишка! Какъ нынче молодые люди стали пошлы — удивительно!» (стр. 233) Правда и то, что нынче не мало молодыхъ людей умныхъ, истинно образованныхъ, скромныхъ и вѣжливыхъ, — стрѣлы же нашихъ сатириковъ нерѣдко поражаютъ не дѣйствительность, а шаловливые призраки собственного воображенія. Тотъ-же копируемый, но изящный Лермонтовъ давно сказалъ:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
То мы ихъ слышать не хотимъ....

(Его соч., часть I, стр. 72.)

Вамъ не угодно слышать, и мы охотно увольняемъ васъ отъ дальнѣйшихъ подробностей о смутныхъ похожденияхъ гг. Батманова, который «разомъ выпиваетъ бутылку хереса», и котораго «выдумки» самъ авторъ называетъ «чрезвычайно пошлыми и глупыми» (см. стр. 308 и 320.)

Въ оправданіе или объясненіе этой затѣйливой повѣсти, именуемой въ заглавіи очерками, допустить развѣ догадку: не имѣлъ-ли сочинитель ихъ колкаго, но похвальнаго намѣренія написать злую пародію на Печорина и Тамарина, какъ, по крайней-мѣрѣ, позволительно заключать изъ слѣдующихъ, въ концѣ повѣсти, словъ Московской львицы, вдовы княгини Ухванской:

«Задушили вы меня, господа, вашей литературой и философій... давайте лучше сілетничать!..» (Стр. 401.)

«... Ахъ, какъ они меня взмучили; какъ они всѣ скучны!» (Стр. 402.)

Первую повѣсть третьей части: «Сергій Пет. овичъ Хозаровъ»

Мари Ступицына, браво по страсти нельзя упрекнуть въ копированіи Лермонтова; не слишкомъ замѣтно въ ней и вліяніе Гоголя, нѣбось лишь выказываемое. Но нечитавшіе еще этой повѣсти очень ошибаются, если, судя по ея заглавію, воображаютъ найти въ ней дѣйствительный бракъ *по страсти*, или характеры серьёзные. Ни чуть не бывало! Всѣ дѣйствующія лица ея вполняютъ легкіхъ, веселенькихъ героевъ Поль-де-Кока, и, въ этомъ смыслѣ, г. Писемскій, на-первый-случай, довольно удачно подражаетъ романисту французскому: та же не очень строгая въ выборѣ красочъ кисть, тѣ же изображенія и подробности, не претендующіе на педантизмъ и работу или застѣнчивость.... недостаетъ только — бѣдѣлицы — нектоинимаго Поль-де-Кокоскаго кокетства и того чувства, той скрытой въ малочахъ глубины, которыми отличаются лучшія произведенія автора «Парижскаго цирюльника», «Монфермельской молочницы», «Благого дома», «Сына природы и человека образованнаго». Рисуя портретъ недурнаго собою Хозарова, г. Писемскій преувеличиваетъ: «О подобныя фидіономіяхъ существуютъ два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни говорятъ, что это красавцы, миленькіе, даже молодцы, маля этого, Аполлоны-Бельведерскіе; другіе же называютъ ихъ смазливими рожицами, масками, расписными купидонами и даже фореиторами» (страница 21). На этихъ строкахъ вы уже догадываетесь, съ какимъ героемъ будете жить дѣло. Въ одномъ изъ московскихъ переулковъ, онъ ванимаеть номеръ со столомъ у какой-то Татьяны Ивановны Замщевой, которая держитъ нахлѣбниковъ, и долго не получаетъ отъ него уплаты; покровительствуется онъ какою-то причудливцею, Варварой Александровной Мамиловой (переназначенная *Мамилова* изъ «Мертвыхъ душъ»), занимаетъ у нея деньги для женитьбы на безцвѣтной Мари Ступицыной, обладающей преуморительнымъ отцомъ (лицо, рѣшительно взятое у Поль-де-Кока) и благоразумной, но слабой матерью, неохотно склонившейся на этотъ бракъ. Въ заключеніе оказывается, что Хозаровъ отъявленный негодяй, а Мари — пустѣйшая вѣтрица, достойные другъ друга. Ни малѣйшей «страсти» съ обѣихъ сторонъ тутъ не было: Хозаровъ женился потому, что рассчитывалъ на состояніе Ступицыныхъ; Мари онъ слегка нравился, и глупенькая дѣвочка приняла маленючка увлеченіе за неодолимую любовь, которую вскорѣ преодолѣлъ другой смазливый молодой человекъ. Разсорившись съ тещей и женою, Сергѣй Петровичъ обратился было къ прежней своей покровительнице и совѣтнице, Мамиловой, въ чаяніи получить отъ нея снова деньги и другія убѣдительныя доказательства ея расположенія къ нему: но, при этомъ сближеніи, велъ себя такъ неприлично и нагло, что за дерзость свою получилъ личную печальность,

каковыя «личности» вообще обилуютъ разсматриваемыя сочиненія... Тамъ и кончается повѣсть, длинно, предлинно рассказываемая на пространныхъ 276 страницъ. Не лишена она вовсе занимательности, есть въ ней пять, шесть не дурно веденныхъ сценъ: но что это такое въ дѣломъ, и на какой собственно конецъ она написана — простой умъ читателя недоумѣваетъ; статья можетъ, обязательно для автора объяснять услужливые и пронизательные критики...

Второй разсказъ третьей части — «Комикъ» — замыкающій собою собраніе твореній г. Писемскаго, повѣствуетъ объ устройствѣ, въ уѣздномъ городѣ, однимъ любителемъ, домашняго или благороднаго спектакля. Подробно описаны всѣ хлопоты, сборы, приготовленія, репетиція и самое представленіе; выведены на сцену разные чудачки, и, казалось бы, пьесѣ слѣдовало выйти забавной, комической по-превосходству: но, въ послѣднемъ разсказѣ, юморъ и веселость нѣсколько измѣнили автору, можетъ-быть, въ слѣдствіе отвлеченной идеи, которую онъ имѣлъ въ виду при составленіи этой пьесы. Въ ней неоднократно, съ приличною тонкостью и косвенностью, намѣкается, что изображеніе смѣшнаго и тривіальнаго составляетъ, будто-бы, верхъ и вѣнецъ искусства, при чемъ заботливо осмѣиваются драма, трагедія и тому подобное. На страницѣ 424 явно даже сказано, что «всякая комедія, если она выражаетъ что-нибудь смѣшное, ярко и естественно, — классическая комедія». Эта мысль влагается въ уста самого героя разсказа, комика Рымова, который, на репетиціи и представленіи отлчается въ роли Подколесна, въ комедіи Гоголя «Женитьба», «геніальною», по мнѣнію его, г. Рымова, произведенію (см. стран. 400). Впрочемъ большой вѣры словамъ сего г. Рымова давать не надлежитъ: онъ горчайшій пьяница и вообще не въ своемъ умѣ, что и приводитъ его напослѣдокъ въ домъ сумасшедшихъ, или, какъ сказано на стран. 511-й, въ «сумасшедшій домъ». Если не ошибаемся, немногоскучиватая пьеса эта помѣщена въ концѣ не безъ намѣренія: ею, ея мыслями хотѣли, думается, указать точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на разобранныя нами повѣсти и разсказы, то-есть внушить читателю достаточное уваженіе къ комическому ихъ характеру и усвоить ему многозначительность...

Такимъ-образомъ, однакожъ, *Тюфлякъ*, все-таки, остается лучшимъ произведеніемъ автора. Трудно устранить убѣжденіе, что ежели-бъ этотъ первый его опытъ, довольно счастливый, не былъ слишкомъ захваленъ журналами, — то въ послѣдующихъ, конечно, оказалось-бы больше развитія или усовершенствованія дарованія, больше рачительности въ созданіи внутреннемъ и исполненіи вѣшнемъ. Разумѣемъ небрежность

изложенія, — неправильность языка и недостатокъ въ окончательной от-
дѣлкѣ слога. Приводимъ нѣсколько образчиковъ, въ доказательство спра-
ведливости укоризны и въ примѣръ молодымъ литераторамъ; какъ не
должно писать по-русски: но, чтобъ эти тяжелыя для читателей и для
насъ выборки не рябили статьи, относимъ ихъ въ особое примѣчаніе.

Давидъ Копперфильдъ. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ
Англійскаго И. И. Введенскаго. С. Петербургъ, 1853. Четыре части.
Въ 8-ю д. л. 451, 428, 494 и 533 стран.

Диккенсу посчастливилось на родинѣ, подъ свинцовымъ небомъ и
влажными туманами Альбіона; Диккенса съ жадностію читають за оке-
аномъ, въ Новомъ Свѣтѣ, его полуземляки, старые переселенцы Со-
единенныхъ Штатовъ; Диккенса перелагаютъ на всѣ европейскіе язы-
ки; безъ сомнѣнія, слухъ о немъ скоро дойдетъ до китайцевъ и япон-
цевъ, при настоятельномъ намѣреніи просвѣщеннаго міра открыть съ
ними сношенія: но нигдѣ, конечно, этотъ умный и даровитый Джонъ
Буль не принялся лучше, какъ въ переводной литературѣ русской...
сквозь Гершелевъ телескопъ думали усмотрѣть въ этомъ нестоциномъ,
хотя и нѣсколько однообразномъ романтистѣ нѣкоторое сходство съ на-

Часть первая. — Съ раннего еще утра... — «Взойдите въ церковь» (стр. 367)
Въ церковь входятъ, а не всходятъ. — «Матка первое время, какъ посмотритъ на него»
и прочее (369) — «замалчиваясь кляукой на пятнадцатого мальчишку, который въ ней то по-
скакивалъ, то отскакивалъ» — не *отъ нея* ли? (374) — «При всей своей практической
оборотливости, ему доступны нѣжныя ощущенія» (426). *Часть вторая.* — «Онъ привалъ
изъ мизу тотчасъ какъ замѣтилъ» и проч. (212): то-есть поднялся изъ-за стола на хоры. —
«Онъ (глантвейнъ) былъ-бы превосходенъ, еслибъ меньше вонялъ виномъ и сацандомъ»
(220). — «Я не люблю пятиться *назадъ*» (235): вѣсто не любить и не жопить *пятисы
спереди*. — «Нѣкоторыя подробности изъ прошедшей жизни выведенныхъ лицъ, *которыя*
авторъ собралъ изъ достовѣрныхъ источниковъ» (250); *которыя* относятся здѣсь къ ли-
цамъ и выходитъ неточность. — «Былъ въ поляхъ корнетъ» (255). — «Его именемъ матери
пугали маленькиихъ» (285): то-есть, матери пугали маленькиихъ его именемъ. — «Назвалъ
онъ на зину для себя квартиры, для которыхъ выбиралъ обыкновенно старый домъ»
(270). — На эти саночки дамы сазались, а кавалеры *оставали* на задокъ (343). —
Это почитанная въ книгѣ ошибка: авторъ вездѣ пишетъ *оставати* вмѣсто *становати*.
сл. — *Часы третья.* — «Дѣвица Замшева сѣзла *передъ* столомъ... *передъ* не
стояла баба (3—4). — «Спрыгнула *въ* постель» (64): спрыгиваютъ съ постели, а въ
постель прыгаютъ или выпрыгиваютъ, ужъ если необходима такая эквивалентика. — «*Па-
рирую* моею жизнью» (136). — Парируютъ рашпроу, а на жизнь, хотя очень неблагого-
зудно, можно держать пари или закладъ. Прекращаемъ выписку, ограничиваясь какой-ни-
будь десятой долей сдѣланныхъ нами на поляхъ замѣтокъ. За то г. Писемскаго нели
упрекнуть вычурностію: слогъ его, напротивъ, чрезвычайно простъ... даже иногда сло-
вомъ удаляется отъ условій художественной простоты, которая не такъ-то всѣмъ доступна...
Въ главной конторѣ «Пантеона» и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, — *четыре
руб.*, съ пересылкою *пять руб. сер.*

или покойнымъ Гоголемъ; но у импровизаторовъ — астрономовъ, отъ множества дѣйствующихъ лицъ и многосложности описываемыхъ Диккенсомъ происшествій, зарябило въ глазахъ, и услужливые наблюдатели не могли хотя внутренно не сознаться, что между авторами *Положденій Чичикова* и *Домби*, въ степени и свойствѣ таланта, въ способѣ или характерѣ исполненія, равно какъ во взглядѣ или воззрѣніи на жизнь частную — аналогія самая микроскопическая, которой, пожалуй, и близорукіе вовсе не замѣтятъ. Какъ бы то ни было, начиная съ «Оливера Твиста» и «Пиквикскаго клуба» и оканчивая, покажется, романомъ, названнымъ въ заглавіи этой рецензіи, журналы наши усвоили себѣ почти все произведенія Диккенса, включая даже небольшія повѣсти, или рассказы его, нравоописательные, юмористическіе очерки и всякія мелкія статьи. Въ-самомъ-дѣлѣ, лишь только лондонскія типографіи выпускаютъ что-либо въ свѣтъ съ обаятельнымъ именемъ пресловутаго Диккенса, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ — разумѣемъ, нѣхъ литературу — начинается нѣчто въ родѣ скачекъ съ препятствіями!... переводчики, журналисты, наборщики, корректоры и печатники изъ всехъ силъ стараются обогнать другъ друга въ количествѣ листовъ и ошибокъ — взору спокойнаго зрителя, равнодушно улыбающагося, представляется забавное состязаніе, достойное кисти Гогарта, или, по-крайней-мѣрѣ, карандаша, пестрившаго тетради нашей «Ералаша».

Года два тому, три пріятеля подписались одновременно на «Отечественныя Записки», «Современникъ» и «Москвитининъ» съ тѣмъ, чтобы, по прочтеніи каждымъ своего изданія, обмѣниваться ими другъ у друга, и такимъ образомъ, за однѣ деньги, наслаждаться разностью содержанія трехъ журналовъ. Обыкновенно пріятеля пересылались книжками при обоюдныхъ записочкахъ, и вотъ, въ нѣкоторое прекрасное утро, Иванъ Ивановичъ адресовалъ къ Андрею Александровичу слѣдующее посланье: «Неоцѣненный другъ! Спѣшу и поспѣшаю препроводить къ тебѣ новый номеръ «Современника», гдѣ ты, къ великому своему удовольствію, мною уже вкушенному, найдешь удивительное произведеніе: *Копперфильдъ-Младшій*, нашего общаго любимаго, Ч. Диккенса. Весь твой и навсегда...» Въ то же незабвенное утро, Андрей Александровичъ, не охотникъ тратить бесполезно лишніе словъ, обратился къ Ивану Ивановичу такъ: «Посылаю свои «Отечественныя» съ *Копперфильдомъ-Младшимъ*. Вышли «Современникъ»: что у тебя тамъ?» Не дайте, какъ въ упоминаемое утро, въ тѣ же самые часы и минуты, Иванъ Ивановичъ получилъ отъ Михайла Петровича такую лаконическую и немного жесткую по формѣ эпистолю: «На тебѣ «Москвитининъ» — *Копперфильдъ-Младшій*. Давай свой Современникъ!»

Можете вообразить себѣ отчаяніе друзей, столкнувшихся на этомъ злосчастномъ Копперфильдъ-Младшемъ и принужденныхъ цѣлый годъ оплакивать его бѣдствія, въ трехъ переводахъ. Къ елико-возможному улаживанію сей горечи, три благородные и безпристрастные пріятеля рѣшили остановиться на томъ переводѣ, какой признается лучшимъ и наилучшимъ къ подлиннику. По долгихъ толкахъ, сомнѣніяхъ и колебаніяхъ, палма первенства вручена наконецъ была переводу О. З., т. е. труду г-на И. Введенскаго, каковой похвальный трудъ и является нынѣ въ отдѣльномъ изданіи, открывая собою, предвзянутую нить, *Галерею избранныхъ англійскихъ писателей*...

Боясь очутиться въ странномъ положеніи трехъ пріятелей, неволью предложившихъ другъ другу за новость извѣстное уже каждому, мы не станемъ обстоятельно рассказывать длинной и запутанной исторіи Давида Копперфильда (*The personal history of David Copperfield*), которая и въ сокращеннѣйшемъ извлеченіи заняла бы нѣсколько печатныхъ листовъ. Вы давно знаете, что она заключаетъ въ себѣ наиподробнѣйшее, чуть не безконечное повѣствованіе о судьбѣ и судьбахъ своего героя, отъ колыбели, въ первую минуту и даже прежде минуты рожденія, до періода полной возмужалости зрѣлыхъ и отчасти, пожалуй, перезрѣлыхъ лѣтъ, съ маленькою просѣдою въ рѣдкихъ волосахъ и съ замѣтными морщинами на полуобнаженномъ челѣ, свидѣтель думъ, испытаній и многочисленныхъ житейскихъ случайностей. Не менѣе извѣстно вамъ, какъ вообще силенъ Диккенсъ въ изображеніи дѣтства, школьнаго быта, его радостей и горя, горя дѣтскаго въ особенности, ученическихъ, юношескихъ шалостей или проказъ, наградъ и наказаній. Въ этихъ изображеніяхъ, совмѣщающихъ въ себѣ, разумѣется, характеры родителей, родственниковъ, воспитателей, наставниковъ, домашней или школьной прислуги, — Диккенсъ соперниковъ не имѣетъ. Это его конекъ, на которомъ онъ всегда достохвально выѣзжаетъ и съ котораго неохотно слезетъ. Помните его прежніе романы, начиная съ того же Оливера Твиста; иногда онъ даже повторяется въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ: но какъ повторяется — заслушиваешься, зачитываешься этихъ повтореній, и отъ книгъ оторваться не можешь! Диккенсъ — Гомеръ въ изображеніи дѣтства, которое изучилъ онъ всею глубиною и симпатіей своей благородной и нѣжной души. Вы то плачете, то сдрогаетесь, то приходите въ умиленіе, съ сердечнымъ сочувствіемъ пробѣгая страницы мастерскаго, сколько художественнаго, столько же увлекательнаго разсказа о какомъ-нибудь маленькомъ страдальцѣ, и неоднократно вспыхиваетъ негодованіе ваше на недостойныхъ, жестокимъ мучителей невиннаго, слабаго отрока, — судя по романамъ Диккенса,

черта, вѣроятно, часто встрѣчаемая въ Англіи, странѣ холоднаго расчета и систематической коммерціи, гдѣ все безпощадно приносится въ жертву цифрѣ...

И — странно! — лишь только дитя вырастаетъ, отрокъ становится юношей, а юноша взрослымъ человѣкомъ, когда можетъ уже защищать себя, но когда впрочемъ настааетъ едва ли не труднѣйшая, не опаснѣйшая борьба съ дѣйствительною жизнью, отвергающей призраки ребячества, — высокіе таланты Диккенса, словно утомленный эпопеей пройденнаго дѣтства, нанѣ-бы ослабѣваетъ нѣсколько, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно ослабѣваетъ электрическій или гальваническій интересъ книги: любопытство, сочувствіе ваше уже не подстрекаются, такъ сказать, кенгульсивно; она нерѣдко выпадаетъ изъ рукъ, и вы дѣлаетесь почти равнодушны къ дальнѣйшимъ судьбамъ героя, бабенбарды котораго прельщаютъ васъ менѣе, нежели былыми свѣтлорусия кудри дѣтской иногда его головы...

Все это, въ известной степени, повторяется и при чтеніи знаменитаго Дэвида Копперфильда, безспорно, единакожь, одного изъ лучшихъ, замѣчательнѣйшихъ твореній британскаго романиста...

Все оно, отъ начала до конца, отъ первой до послѣдней страницы, почти безукоризненно прекрасно: но, сравнительно, превосходнѣйшее, занимательнѣйшее въ немъ—это первая его половинна, или около того, т. е. періодъ дѣтства и юности Дэвида, до прекращенія несчастій бѣднаго мальчика. Готовъ бы, кажется, еще разъ перечитать эти исполненные живѣйшаго интереса главы, гдѣ, между прочимъ, впервые является на сцену бабушка, которая съ виду представляется такою злою и недоступною, такъ любить опротивѣть и терять не можетъ словъ; гдѣ видите ужасныхъ Мердетовъ, отца и его ненавистную сестру, ни-за-что, ни про-что, терзающихъ безсѣтвнаго ребенка и его тихую, кроткую мать, которая слишкомъ, слишкомъ наказана за грустную ошибку втораго брака. Страданія обоихъ, постепенное угасаніе, болѣзнь и безропотная смерть убитой жребіемъ женщины неволью исторгають у васъ слезы и—проклятіе на отвратительныхъ виновниковъ незаслуженнаго гоненія... Потомъ знакомьтесь вы съ оригинальнымъ (во господствовавшей въ немъ системѣ воспитанія) пансіономъ мистера Крикля, куда отдали бѣлокураго Дэвида, вашедшаго тамъ защитника и покровителя въ лицѣ одного гордаго, но обладающаго какою-то чарующею силою товарища, который въ послѣдствіи, неодолимымъ очарованіемъ этихъ, губитъ невинную дѣвуху...

Новыя несчастія, новыя испытанія ждутъ Дэвида, послѣ того, какъ онъ вѣтъ отъ мистера Крикля, и злымъ отчимомъ отданъ къ ка-

кимъ-то торговцамъ, чуть не на съѣденіе, физическое и моральное. Преисполнилась мѣра терпѣнія и униженій злополучнаго дитяти... Давидъ бѣжитъ, бѣжитъ далеко... усталый, изнуренный, голодный, въ крови и ранахъ, подвергаясь разнымъ опасностямъ и приключеніямъ, прибѣгаетъ онъ наконецъ къ жилищу той, которой отринуть былъ съ минуты рожденія, за то, что пришелъ въ свѣтъ мальчикомъ, а не дѣвухой, какъ она желала и твердо рассчитывала,—почти безъ чувствъ падаетъ у ея порога, и простирая къ ней ослабѣвшія, окровавленные руки, болѣзненно, едва слышно произноситъ: бабушка, я внукъ вашъ!!

Кто бабушкѣ не внукъ, и какая-бы суровая бабушка не разжалобилась—отселѣ начинаются отрадѣвшіе дни и болѣе свѣтлыя картины перетерпѣвшаго невзгоды Давида—и отселѣ же—да простить намъ геній достопочтеннаго Чарльза Диккенса—начинается, мѣстами, нѣкоторая монотонность и растянутость его романа, безконечныя и невсегда необходимыя вводности, дробности, впрочемъ съ рѣдкимъ искусствомъ и успѣхомъ веденныя... Но и въ этой, второй половинѣ романа сколько есть обаятельныхъ, удивительныхъ главъ, лицъ, образовъ, характеровъ, сценъ, положеній. Въ предѣлахъ краткой статьи невозможно и намекнуть на многое, однакожь, и сквозь это обиліе происшествій, сюжетовъ, персонажей, замѣтно выступаютъ фигуры: содержателя учебнаго заведенія, въ которомъ Давидъ окончилъ воспитаніе, ученаго, добрейшаго старичка, всю жизнь составляющаго словарь греческихъ корней; его молоденькой, хорошенькой жены, съ ея другомъ дѣтства и ея наменькой, «гусаромъ» — такъ и называемою; первой жены Давида, наивнаго, равно угасшаго прелестнаго созданія, и ея тетусекъ-пташекъ; преданной служанки Пеготти и ея мужа, извозчика; отца второй жены Кошперфильда, слабохарактернаго старика, крѣпкими напѣвами приведеннаго въ одуреніе, и его хитреца-компаньона, страшнаго, гнуснаго, омерзительнаго Урія-Гипа... наконецъ, вѣроятно, памятной всѣмъ читателямъ, вѣчно страждущей и бѣдствующей четы, которая отъ горя и отчаянія быстро умѣетъ, за пуншемъ, переходить къ безграничной радости и шумному веселью...

То юморъ, въ глубокомъ, англійскомъ значеніи слова, то задуманная элегія и благороднѣйшее созерцаніе жизни человѣческой, художественно скрытое въ разнообразномъ разсказѣ и подъ формами самыми привлекательными—вотъ общій характеръ этого романа, какъ и другихъ подобныхъ произведеній Диккенса...

Говорили, увѣряли въ журналахъ, будто бы въ лицѣ Давида Кошперфильда авторъ изобразилъ собственный характеръ, собственную жизнь (Кошперфильдъ тоже писатель): если такъ, то неудивительно, почему

Давидъ, съ сильною любовью, симпатіей и увлеченіемъ, постоянно и удачно всего рисуетъ нравы и печали дѣтства—въ эту пору онъ много вынесъ самъ... въ предположеніи, разумеется, что исторія Давида—дѣйствительно личная исторія сочинителя, дополненная, украшенная и обставленная романическимъ вымысломъ...

Что касается перевода,—г. Введенскій вполне и счастливо удовлетворилъ строжайшимъ требованіемъ взыскательнѣйшаго читателя, который едва ли въ настоящемъ случаѣ пожалѣетъ, что не знаетъ по-англійски: большій похвалы трудолюбивый и талантливый переводчикъ, конечно, въ свою очередь, ни отъ кого не потребуетъ. Единственное, въ чемъ можно и должно упрекнуть его, это излишнее стараніе о приданіи, на русскій ладъ, характерности выраженіямъ англійскаго простонародья... Напримѣръ: «Тутъ же кстати узналъ я, что парикъ мистеру Шарпу былъ не впору, и что онъ напрасно хвастается, *чуфырится* имъ». — «По этому ужъ мы и *того*... то-есть, вотъ такъ-то оно!» — «Пожелайте ему всякаго благополучія, на вѣки *нерушимаго*». — «И выходитъ, стало-быть, что Эмилиа — дѣвушка *нашинская*, все равно, изъ нашей семьи, то-есть, господа, малютка Эмии—нашего поля ягода и нашей роши соловей...» — «Я человекъ темный, сэръ, темный и жесткій, какъ дикобразъ, *сирльчь*, морская свинья... джентльменъ сказалъ бы это *великатилье*...» — Къ чему подобныя неумѣстныя подражанія испорченному русскому просторѣчію, которое не имѣетъ ничего общаго съ просторѣчіемъ британскимъ?.. Но это немногія пыланики на чистомъ золотѣ, и во всемъ остальномъ переводъ образцовый...

Повѣсти и рассказы для дѣтвей, съ шестью картинками, литографированными въ литографіи А. Минстера. С. Петербургъ, 1853. Въ 12-ю д. л. 251 стр.

Скромные издатели не выставили своего имени въ заглавіи этой нравоучительной и старательно составленной дѣтской книжки — лучшаго къ празднику Пасхи подарка маленькимъ читателямъ. Они полюбуются сперва картинками, а потомъ не оторвутся отъ текста, который долженъ вѣзаться въ восприимчивой памяти каждаго умнаго и добраго ребенка, а простоватаго и своенравнаго вразумить примѣрами возвышен-

* Въ главной конторѣ Пантеона и у *всѣхъ* извѣстныхъ книгопродавцевъ: *однимъ* рубль, съ пересылкою 1 р 25 коп. Иногородные книгопродавцы и частныя учебныя заведенія желющіе выписать не менѣе ста экземпляровъ и получить значительную уступку, благоволятъ относиться въ контору Редакціи Сѣверной Пчелы, какъ о томъ объявлено было въ № 75-мъ этой газеты, 4-го апрѣля.

выль и нѣжныхъ чувствъ, выраженныхъ въ каждой изъ двадцати страницъ, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ. Небольшия повѣсти ея, исполненныя трогательныхъ уроковъ, теплые рассказы о дѣлахъ и подвигахъ добра и блага, семейныхъ, сыновнихъ и дочернихъ добродѣтеляхъ, спасительные совѣты и наставленія, приспособленные къ понятію возраста, незнакомаго еще непосредственно съ опытами и трудностями жизни, конечно, принесутъ пользу юнымъ сердцамъ, а живое воображеніе дѣтей— то выжметъ изъ глазъ ихъ слезу симпатической печали, жалости, состраданія, то призоветъ на свѣжія, невинныя уста ихъ улыбку радости или умиленія. Нельзя искренно не поблагодарить неизвѣстныхъ издателей за этотъ удачный выборъ содержанія, болѣею-частью почерпнутаго въ иностранной литературѣ, а частью и оригинальнаго, или, по-крайней-мѣрѣ, со вкусомъ передѣланнаго. Правильный языкъ и одушевленный слогъ не мало также придаютъ достоинства этому дѣтскому, красиво напечатанному альманаху...

IV МУЗЫКА.

Обиліе и пустота концертовъ. — Дороговизна входныхъ пѣвъ. — Направленіе музыки въ настоящее время. Истинные жрецы искусства. — Г. и г-жа Леонардъ. — Замѣчательныя композиціи этого артиста и его концерты. — Многогубчивость фельетоновъ — Г. Антуанъ Контскій. — Его игра и композиціи. — Его права на гениальность. — Угоменіе гг. концертистовъ Г. Лещетицкій и характеристика его игры. Его концерты и композиціи. Братья Штальманъ и Лешгорнъ и ихъ тріо. — Г. Соyle. — Г. Щепатовскій и его новая метода. — Разныя концерты. Филармоническаго общества въ пользу инвалидовъ, и съ нечаянностями, — Нечаянность другого рода. — Г. Коссовскій. — Концертъ г. Дмитріева Свѣчина. — Музыкальнныя утра г. Леопольда Мауерера. — Концерты г-жи Віардо Гаріа, гг. Ковіскихъ и г. Дергомыжскаго. — Заключеніе.

Въ послѣдней книжкѣ «Пантеона» мы закончили нашу хроніку отчетомъ о концертѣ г. Кажинскаго, которымъ начался длинный рядъ концертовъ нынѣшняго великаго-поста. Несмотря на обиліе утреннихъ концертовъ во-время мясоѣда, великій-постъ, какъ и всегда, былъ настоящей музыкальной порою Петербурга. Музыка раздавалась во всѣхъ концахъ города, концерты числомъ своимъ далеко превзошли всѣ ожиданія... Но осуществились-ли ожиданія и надежды артистовъ, спѣшившихъ въ нашу Сѣверную Пальмиру? Вотъ, въ чемъ мы сомнѣваемся, и, признаться сказать, — сожалѣемъ о судьбѣ бѣдныхъ труженниковъ — виртуозовъ, рассчитывавшихъ на наши капиталы. Концерты, въ нынѣшнемъ году, какъ-то въ особенности отличались безлюдностью и пусто-
тою, и артисты едва выручали свои расходы.

Но чему именно приписать подобное равнодушіе публики къ талантамъ, дѣйствительно замѣчательнымъ? Ужели музыкальность Петербурга совершенно израсходовалась? Ужели, чтобъ заманить посѣтителей, необходимы неистощимая бутылка Германа и сальто-мортале ученыхъ обезьянъ Казановы?.. Нѣтъ. Скажемъ прямо, мы, то-есть публика, рады слушать звуки, вылетающіе изъ всѣхъ возможныхъ инструментовъ, начиная съ благороднѣйшаго: человѣческой груди и кончая гармоникой г. Онгера (см. «Пантеонъ» за мартъ 1853). Мы рады слушать и наслаждаться ими; но для этого необходимо сдѣлать входъ въ концерты доступнѣе средствамъ большинства. Мы слышали Листа, Тальберга, Вьетана, Серве, и никогда не платили болѣе трехъ рублей серебромъ. Съ какой же стати будемъ мы платить ту же цѣну за посредственности, за удовольствіе саушать артистовъ, которые никакъ не могутъ сравниться съ вышеназванными. Во Французскомъ-театрѣ за ложу бель-этажа мы платимъ по девяти рублей серебромъ, а за концертъ съ насъ берутъ по пятнадцати. Не каждый же имѣетъ калифорнскіе пріиски, чтобъ позволять себѣ подобный расходъ..., иному и хочется въ концертъ, да не подь силу. И откуда пришла господамъ артистамъ несчастная идея такъ увеличивать входныя цѣны? Кто внушаетъ имъ подобныя мысли? Ужъ вѣрно не друзья, а враги ихъ. Какъ долженъ быть благодаренъ г. Антуанъ Контскій тому, кто посоветовалъ ему уменьшить цѣны. Онъ послушался, и остался не въ убыткѣ; напротивъ,—первые два концерта его, съ баснословно дорогими цѣнами, были пусты; онъ сбавилъ плату за входъ, и театръ наполнился до вельза. Желаемъ отъ души, чтобъ опытъ вышшняго года послужилъ урокомъ на будущее время; — артисты право ничего не потеряютъ: вмѣсто одного, двухъ концертовъ, они дадутъ шесть, семь; публика больше ознакомится съ ними, и они сами оттого будутъ не въ убыткѣ.

Нашъ вѣкъ развилъ въ музыкѣ дотолѣ ей неизвѣстныя начала. Музыкальный языкъ обогатился множествомъ способовъ выразить самыя энергическія страсти; въ теорію введены новыя формы; механизмъ музыки сдѣлался доступнѣе; самое же исполненіе до такой степени усовершенствовалось, что трудно постигнуть возможность идти дальше по этому пути, хотя, къ сожалѣнію, это же усовершенствованіе подало поводъ къ разнаго рода музыкальнымъ фиглярствамъ. Музыка, какъ и другія искусства, столько же потеряла въ нѣжности и пріятности, сколько выиграла въ силѣ выраженія и въ энергіи. Въ настоящее время концертная музыка изумляетъ, а не восхищаетъ, удивляетъ, но не трогаетъ, и не имѣя болѣе средствъ дѣйствовать вѣрно, она дѣйствуетъ слабо.

Изъ концертовъ мы часто выходимъ неудовѣтворенными, съ пустою въ душѣ, въ которой не остается ни малѣйшаго отголоска всѣхъ слышанныхъ нами звуковъ. Они, болѣею частью, поражали только наше воображеніе, но не проникали въ сердце.

Отъ времени, до времени однако, проявляются между нами артисты, воодушевленные искрой гениальности. Они неусыпно стремятся водворить музыку въ ея старинныя права и возратить ей утраченное владычество надъ человѣческимъ чувствомъ. Но, увы! благородныя ихъ старанія оставались часто непризнанными толпою, поклоняющейся только одному блеску, какъ-бы онъ ни былъ поддѣленъ и мимолетенъ. Въ этомъ-то и заключается главная заслуга истинныхъ жрецовъ искусства. Терпѣвіе рѣдко не вознаграждается успѣхомъ, и тѣмъ болѣе, что истинный талантъ имѣетъ въ себѣ обаятельную силу, которая рано, или поздно опровергаетъ всѣ преграды, побѣждаетъ всѣ предубѣжденія, и уничтожаетъ даже самую антипатію. Величіе дарованія и достоинство всегда берутъ свое.

Къ числу такихъ свѣтлыхъ явленій несомнѣнно принадлежитъ г. Леонардъ, профессоръ Брюссельской Музыкальной Консерваторіи, посѣтившій Петербургъ. вмѣстѣ съ женою своею, Антоніею ди Менди, родственницею любимцы нашей, Віардо-Гарсін.

Непонятное, необъяснимое равнодушіе предшествовало появленію въ столицѣ нашей одного изъ замѣчательнѣйшихъ виртуозовъ Европы, артиста, путешествіе котораго въ Россію было безконечнымъ рядомъ триумфовъ. Никакіе слухи, никакіе толки не носились объ немъ по городу, и между-тѣмъ, какъ весь маршрутъ, всѣ дѣйствія, движенія, даже самыя жесты г. Антуана Контскаго приводились въ извѣстность и передавались печатно и словесно, никто не писалъ статей—réclames о г. Леонардѣ, и отого-то именно успѣхъ его былъ неожиданнымъ, поразительнымъ, и относится чисто къ одному его изумительному таланту.

Фельетоны говорили о г. Леонардѣ, но все сказанное ими было такъ сухо, такъ коротко!.. Они не почли нужнымъ тратить краснорѣчія по этому случаю, и писали объ немъ только мимоходомъ и съ совершеннымъ отсутствіемъ всѣхъ риторическихкихъ фигуръ. А между-тѣмъ г. Леонардъ давно уже пользуется заслуженною извѣстностью, не только какъ одинъ изъ лучшихъ представителей бельгійской скрипичной школы, глава которой, какъ извѣстно, славный Беріо, — но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ весьма замѣчательный композиторъ, обогатившій музыкальный міръ множествомъ прекрасныхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ блестятъ, какъ звѣзды на горизонтѣ: *Fantaisie sur des thèmes russes, Régrets et prière, Souvenir de Grétry, Romance sans paroles,*

Souvenir de Haydn, Fantaisie militaire, Variations sur la valse: le Desir, Réve d'un captif, Six morceaux pour le piano et le violon comp. avec M. M. Grégoire et Littolf, Symphonie pastorale и многія другія, дышащія неподдѣльнымъ чувствомъ, нѣгою и теплотою, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненныя учености.

Покуда газеты наши оказывали непонятное равнодушіе къ г. Леонарду, судьби, мнѣнія которыхъ составляютъ авторитеты къ музыкѣ, слѣдили тщательно за нимъ, и по прїѣздѣ своемъ въ Петербургъ, г. Леонардъ получилъ прїятное извѣстіе объ избраніи его на мѣсто Беріо профессоромъ Брюссельской Музыкальной Консерваторіи. Много таланта, много знанія, извѣстности и учености долженъ соединить въ себѣ артистъ, удостоиваемой этаго назначенія, одного изъ почетнѣйшихъ въ музыкальномъ мірѣ. Брюссельская Консерваторія не такъ легко раздастъ патенты свои; ихъ надо брать съ боя.

Вскорѣ по прїѣздѣ въ Петербургъ, г. Леонардъ публиковалъ на 10 марта концертъ, въ которомъ участвовали жена его и г-жа Віардо-Гарсія.

Признаемся откровенно, мы отправились въ этотъ концертъ съ какою-то недовѣрчивостію. И не мудрено: мы привыкли видѣть жалкія посредственности, которыя выступаютъ на сцену публики со всей самоувѣренностію генія и поддерживаются въ этомъ многогнѣвностію нѣкоторыхъ благопріятностей. Повторяемъ, мы вошли въ залу болѣе по обязанности; но вышли съ чувствомъ полного эстетическаго упоенія.

Г. Леонардъ въ этомъ и въ слѣдующихъ своихъ концертахъ обворожилъ слушателей. Волшебный смычекъ его пѣлъ мелодическія, сладкія пѣсни, со смысломъ возвышеннымъ, поэтическимъ. Звуки его глубоко проникали въ душу и запечатлѣвались въ ней неизгладимыми чертами. До слуха нашего долеталъ богатый, полный звукъ, то какъ пронзительный крикъ разтерзанной души, то какъ тихій, жалобный вопль страдающаго сердца, то какъ вздохъ, заглушенный слезами, то какъ торжественный возгласъ гимна. Извлекая изъ инструмента своего доселѣ еще неизвѣстныя красоты, г. Леонардъ сначала тихо развивалъ свои нѣжныя, округленныя мелодіи, потомъ, постоянно придавалъ имъ характеръ возрастающей энергіи... и послѣ страстнаго, огненнаго взрыва, звуки угасали, какъ-будто въ послѣднемъ стоиѣ замирающаго сердца. Наконецъ вылетѣлъ послѣдній звукъ, и громкіе, оглушительные аплодисманы снѣжили оказать артисту привѣтъ и искреннюю признательность за доставленное наслажденіе.

Истина и естественность игры г. Леонарда заключаютъ въ себѣ невыразимую прелесть; сила его звука оживляетъ своей задушевною

теплотою; выраженіе его звуковъ выказываетъ отголосокъ души; окнимъ—словомъ, при игрѣ г. Леонарда мы понимаемъ, что музыка языкъ души, раздѣляемъ ея порывы, сочувствуемъ ея гармоніи, плачемъ и смѣемся подъ ея волшебнымъ вліаніемъ.

Пусть обвиняють насъ въ пристрастіи, —мы знаемъ, что дѣйствуемъ прямо и отдаемъ каждому должную справедливость. До представленія отчета читателямъ, мы повѣряемъ тщательно наши впечатлѣнія, соглашаемъ ихъ съ сужденіями знатоковъ и большинства, —и скажемъ, что давно, можетъ-быть со временъ Оле-Буля и Сивори, не имѣли мы случая слышать такого артиста, какъ г. Леонардъ.

Конечно, мы смотримъ на артистовъ немного строго; ищемъ въ композиторахъ не одного блеска и искуснаго, эффектнаго сочетанія звуковъ, а глубины мысли и чувствъ, въ виртуозахъ же не одну холодную ловкость и умѣнье преодолевать механическія трудности, а поэтическую, воспримчивую душу, придающую исполненію выраженіе, чувство, сладость, нѣжность, теплоту. И вотъ отчего мы ставимъ такъ высоко г. Леонарда.

И въ-самомъ-дѣлѣ, артистъ этотъ соединяетъ въ себѣ, съ классической отчетливостью Вьетана, всю эффектность, весь блескъ Эриста, всю нѣжность и пѣвучесть Сивори, и въ высшей степени обладаетъ рѣдкимъ даромъ воодушевлять своихъ слушателей и надѣлать ихъ искрами того огня, который горитъ въ его сердцѣ. Тонъ его пріятенъ и ровенъ, хотя не слишкомъ силенъ; онъ заключаетъ въ себѣ много нѣги и выразительности, онъ очарователенъ вѣрностью, пѣвучестью и чистотою. Смычекъ его, мягкій, свободный, легко преодолеваетъ всѣ трудности, выдѣлываетъ арпеджио, двойныя ноты, тремоло, флажолеты, пичкато, пичіарко съ такою смѣлостью и силой, что потрясаетъ всѣ фибры. Но главные достоинства г. Леонарда составляютъ его граціозность, непринужденность и простота. Въ немъ нѣтъ и тѣни того жеманства, той манерности, того кривлянія, тѣхъ вызывовъ на удивленіе, которыя характеризуютъ нѣкоторыхъ артистовъ, желающихъ ошеломить свою публику вышностію, и тѣмъ стяжать себѣ титулъ оригиналовъ и гениевъ.

Въ концертахъ г. Леонарда участвовала жена его, урожденная Антонія Менди, ученица славнаго Эмануэля Гарсиа. Она восхищала публику своимъ увлекательнымъ и въ высшей степени мягкимъ голосомъ, по звучности своей похожимъ на серебряный колокольчикъ. Отчетливость и вѣрность исполняемыхъ ею пассажей, трелей, хроматическихъ скалъ, представляютъ слуху тоже, что зрѣнію видъ тончайшихъ брюссельскихъ кружевъ. Сравненіе это нельзя распространить на силу голоса, —голосъ

г-жи Леонардъ небольшой, но замѣчательнъ пріятностью, звучностью, мягкостью органа и превосходной методою. Въ особенности же она хороша въ испанско-цыганскіхъ пѣсняхъ, которыя передаетъ со всею оригинальностью ихъ характера и со всею огнемъ южныхъ національных напѣвовъ.

Замѣтимъ здѣсь еще одно. Въ третьемъ концертѣ своемъ г. Леонардъ исполнялъ *сонату la majeure* Бетховена, вмѣстѣ съ г. Рубинштейномъ. Къ крайнему удивленію нашему, первая часть сонаты шла весьма неудовлетворительно. Какой-то непостижимо-болѣзненный тонъ, вылетавшій изъ-подъ смычка г. Леонарда, рѣзко отличался отъ полныхъ звуковъ фортепьяно, и производилъ непріятное впечатлѣніе, которое однако вскорѣ изгладилось и замѣнилось восторгомъ при исполненіи слѣдующаго за тѣмъ *Andanté* и финала. Вообще, въ этомъ концертѣ г. Рубинштейнъ вполне доказалъ свой замѣчательный экзекютерскій талантъ. Между—прочимъ онъ исполнилъ одну этюду своего сочиненія, проникнутую Листовскимъ духомъ, и исполнялъ ее такъ хорошо, что вызывать и аплодисманамъ не было конца.

Мы уже говорили о многорѣчивости и краснорѣчій фельетоновъ по случаю пріѣзда г. Антуана Контскаго. Всѣ наперерывъ старались подѣлиться съ публикой своими впечатлѣніями и мнѣніями; даже одинъ изъ плодовитѣйшихъ нашихъ драматурговъ посвѣшилъ тиснуть въ газетахъ статейку, въ которой весьма поэтически описалъ чувства свои при игрѣ Антуана Контскаго. Но несмотря на всѣ эти приготовления, два первые концерта его были пусты, третій-же наполнился только потому, что афиша объявила, что въ немъ (концертъ давался Аполлинаріемъ Контскимъ) Антуанъ Контскій будетъ играть въ *последній разъ* и что цѣны значительно сбавлены.

Еслибы гг. артисты знали, какъ имъ вредятъ фельетоны въ родѣ тѣхъ, какія пишутъ нѣкоторые музыкальные критики, гдѣ гени создаются по одной волѣ нишущаго, гдѣ напр., утверждаютъ, что Каю, Муза Исторія уже не существуетъ, а уступила мѣсто свое Музѣ *гитары*. Еслибы знали это гг. артисты, вѣроятно они не удивлялись бы равнодушію публики къ подобнымъ панегирикамъ, даже если они высказываются несторями русской журналистики.

Антуанъ Контскій въ-самомъ-дѣлѣ артистъ замѣчательный, и хотя далеко не оправдываетъ высокопарныхъ похвалъ фельетоновъ, но можетъ по всей справедливости считаться однимъ изъ искуснѣйшихъ пѣвцовъ.

Обладая ученостью и удивительной механической ловкостью, онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ пѣвцовъ, водъ пальцами которыхъ дре-

безжать клавиши, ломаютъ струны и ломаются инструменты; напротивъ, онъ ищетъ эффектовъ только въ правильности выраженія и *акцентуаціи*, и въ изящности и щегольствѣ (*élégance*) исполненія. Поразительною силою, скоростью и энергіей своей Антуанъ Контскій владыка надъ своимъ инструментомъ, знаетъ все его средства, и могучими стальными пальцами своими заставляетъ его говорить, кричать, вздыхать. Для него нѣтъ трудностей; онъ шутя преодолеваетъ ихъ, и ослабляетъ, изумляетъ слушателей буйнымъ вихремъ своихъ гаммъ. Но онъ играетъ — а не поетъ, удивляетъ — а не трогаетъ.

Отъ звуковъ его сердце не бьется тревожнѣе, душа не волнуется; — мы слышимъ музыку эффектную, щегольскую, энергическую, но не чувствуемъ ей. Въ груди нашей не возбуждается ни тоска, ни радость, ни грусть, ни веселье, ни меланхолія, на глазахъ не наворачиваются слезы; мы не ощущаемъ того страннаго чувства, захватывающаго у насъ духъ, — мы только удивляемся. Антуанъ Контскій производитъ на насъ то же дѣйствіе, какъ великолѣпная картина, изображающая Везувій, съ огненной лавой, стекающей глыбами со всѣхъ сторонъ дымящаго кратера...

Да, Антуанъ Контскій, какъ гигантъ, поддерживающій на плечахъ своихъ огромныя скалы, поражаетъ наше воображеніе, но не трогаетъ сердца, часто взволнованнаго простымъ плачемъ руднаго ребенка.

Игра Антуана Контскаго такъ чиста, механизмъ ея ему такъ доступенъ, что встрѣчаются пассажи, въ которыхъ иной и можетъ замѣтить чувство, — но, увы! рассмотрѣвъ ближе, увидить, что и это чувство подлѣнное, и выражаетъ собою только одно искусство, доведенное до совершенства!

Скажемъ прямо, — въ груди артиста, каковъ Антуанъ Контскій, должно биться воспримчивое сердце, — мы ни чуть не сомнѣваемся въ этомъ. Онъ могъ бы съ талантомъ своимъ сдѣлаться величайшимъ пианистомъ своего времени, еслибы, садясь за фортепьяно, онъ забывалъ, что онъ Контскій и давалъ свободу чувствамъ, стѣсненнымъ въ его груди; еслибы, проводя пальцами по клавишамъ, онъ не думалъ о мірѣ, окружающемъ его; а вполне предавался только одной музыкѣ.

Что ни говори почтенный Ю. К. Арнольдъ, называющій минутнымъ капризомъ силу увлеченія, а мы всегда предпочтемъ ее холодному расчету, а особливо тамъ, гдѣ, какъ въ музыкѣ, главную роль играютъ чувства.

Въ одномъ изъ своихъ концертовъ, г. Антуанъ Контскій игралъ концертъ Н-шолл Гуммеля, и, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удовлетворительно. Выступая предъ публикою, какъ исполнитель, онъ не

жесть былъ заботиться болѣе о мысли сочиненія, чѣмъ объ отдѣлкѣ его. Правда, концертъ Гуммеля имѣетъ подраздѣленія, но онѣ незначительны, и разрывать ихъ нельзя безъ явнаго пренебреженія теоріи искусства. Въ концертѣ этомъ, гдѣ первое allegro служитъ только введеніемъ къ остальнымъ частямъ, Антуанъ Контскій поступилъ не какъ исполнитель — теоретикъ, а какъ исполнитель — модный. Изъ сочиненій его «Mazurka—Meditations» очень граціозна, но напоминаетъ сильно Шопена и лишена оригинальности. «Le Carnaval de Berlin» (Galop de Concert) хотя и заключаетъ въ себѣ много хорошаго, но очень далекъ отъ Galop Chromatique Листа, и поддерживается только блестящимъ исполненіемъ. Изъ Cracovienne миленькое произведеніе, полное свѣжести и пѣвучести. Scherzo, расхваленное и восхитенное до-нельзя, хотя и очень хорошее произведеніе, но не Scherzo, а простой наборъ звуковъ, безъ мысли, безъ связи, что-то въ родѣ пѣсни безъ словъ, разумѣется, только не Мендельсоновской. Стоитъ только сравнить его съ scherzami великихъ учителей, чтобъ убѣдиться въ справедливости нашего мнѣнія. Увертюра à Grande Orchestre оглушительнѣе всѣхъ увертюръ Верди. Grande Sonate en F dur не имѣетъ другаго сходства съ сонатами, кромѣ названія, даннаго ей по волѣ композитора. Велика она только потому, что въ 4 частяхъ. Но не ищите въ ней ни такъ называемыхъ Hauptsatz, Uebergangsguppen, Gesangsguppen, Mittelsatz и прочее. Ихъ нѣтъ. Соната не méditation, и чтобы написать сонату по правиламъ, за нее надо приниматься только тогда, когда у музыканта есть воображеніе и богатство мысли, потому что соната музыкальная поэма, а не простой наборъ фугированныхъ и модулированныхъ мотивовъ. Недурно было бы, еслибъ Антуанъ Контскій, прежде, чѣмъ знакомить публику съ своимъ творчествомъ въ новомъ родѣ сонатъ, доказалъ бы сперва опытность свою на старомъ пути. Одинъ изъ нашихъ фелетонистовъ произвелъ его въ основатели новой *натуральной фортепьянной школы*.

У насъ слишкомъ легко обращаются съ словомъ гениальность, — но пусть господа панегиристы разберутъ построже значеніе этого слова, и тогда они увидятъ, что его нельзя прилагать ко всѣмъ и къ каждому, какъ только вздумается. Мы, съ своей стороны, несмотря на всѣ старанія, не замѣтили ни въ стилѣ, ни въ игрѣ г. Контскаго никакого оригинальнаго характера и отличительнаго колорита, которые давали бы ему право на названіе основателя новой школы. Между-тѣмъ, какъ они ясны у Листа, Тальберга, Шопена, Шульгофа, и даже у Лешетицкаго.

Мы слишкомъ любимъ искусство и уважаемъ замѣчательный талантъ Антуана Контскаго, а потому и рѣшились высказать ему всѣ

эти истины. Если онъ въ душѣ точно таюй артистъ, какъ мы предполагаемъ, то онъ пойметъ насъ, несмотря на крики и возгласы, недопускающіе до слуха его отголосковъ правды.

Въ этихъ же концертахъ явился, возвратившись изъ путешествія, г. Аполливарій Контскій.

Читатели, вѣроятно, помнятъ наше обѣщаніе въ послѣдней книжкѣ «Пантеона» говорить только о замѣчательныхъ артистахъ и концертахъ, и потому не взыщутъ, если мы не войдемъ въ подробности о всѣхъ, которые нагрянули въ Петербургъ и стали угощать его своей музыкой. Мы употребляемъ слово *угощать* потому, что всякое угощеніе дѣлается на счетъ угодителя, а такъ какъ всѣ эти господа остались въ чистомъ убыткѣ и нѣкоторые приплатили даже свои деньги за наемъ концертной залы и прочее, то и выходитъ, что они чисто угощали насъ.

Кого не найдешь въ этомъ длинномъ спискѣ виртуозовъ! Тутъ есть и Щепановскій, и Шпаковскій, и Табаровскій, и Лапчинскій, и Лещетицкій, и Коссовскій, и Бернардскій, и Нагели, и Фляндцы, и Ивановы, и Губерты, и Перансы, и Скинасы и.... всѣхъ не перечесть! Отъ души желаемъ имъ всякаго успѣха, но право, не чувствуемъ ни охоты, ни достаточнаго призванія распространяться обо всѣхъ. Мы выбираемъ себѣ трудъ самый пріятный, — мы собираемся говорить только объ артистахъ, имена которыхъ всегда и вездѣ внесутся въ музыкальныя лѣтписи.

Въ главѣ этихъ музыкантовъ стоитъ г. Лещетицкій, молодой пѣвнecть изъ Вѣны (см. «Пантеонъ» за 1852 г. № 11).

Пріятно, говорить о талантахъ, каковъ г. Лещетицкій, который, несмотря на молодость, пользуется уже извѣстностью въ чужихъ краяхъ и считался въ Вѣнѣ соперникомъ Шульгофа. Въ мириадѣ концертовъ нынѣшняго сезона успѣлъ онъ дать только два, но и тутъ уже до того возбудилъ интересъ публики, что мы напередъ увѣрены въ многолюдствѣ его послѣдующихъ концертовъ, если онъ рѣшится на такой подвигъ.

Скажемъ прямо, — интересъ, возбужденный г. Лещетицкимъ, не беретъ начала ни въ риторическихъ объявленіяхъ, ни въ другихъ ухищреніяхъ, слишкомъ часто употребляемыхъ современными артистами, — онъ происходитъ отъ истинно-художественнаго направленія дарованія молодаго артиста.

Теодоръ Лещетицкій обращаетъ все вниманіе на главные элементы музыкальнаго изложенія: на пѣвучесть и тонъ, и въ высшей степени соединяетъ съ техническій ловкостью любовь къ изящному, чистый, образованный вкусъ, глубинну и теплоту чувствъ.

Техника, безжизненная, безцвѣтная техника, составляетъ всю цѣль стремленій для многихъ великихъ виртуозовъ. Лещетицкій же, напротивъ, смотритъ на технику только какъ на средство къ достиженію цѣли, и тѣмъ именно сохраняетъ всю чистоту, все достоинство своего искусства. И онъ правъ. Въ каждомъ искусствѣ средину должно составлять изящное, а не блестящее, не поразительное. Гдѣ эффекты вытѣсняють изящное, тамъ искусство близко къ упадку.

Эластичность удара, мягкость туши, звучность и цѣвучесть игры; оживленное граціею, вѣрное, мѣстами даже элегическое исполненію, хотя и глубоко обдуманное, но проявляющееся съ душевнымъ увлеченіемъ, — вотъ главные качества рѣдкаго и замѣчательнаго таланта Лещетицкаго.

Впечатленіе, производимое Лещетицкимъ, не происходитъ отъ техники и утонченной ловкости, оно является результатомъ его души, обращающей клавиши и струны инструмента въ голоса, говорящіе и поющіе всѣмъ понятнымъ, обаятельнымъ языкомъ чувствъ. Лещетицкій находится съ инструментомъ своимъ въ симпатическомъ отношеніи, и потому-то и выражаетъ на немъ такъ краснорѣчиво всѣ страсти, всѣ чувства, тающіяся въ его воспріимчивомъ сердцѣ.

Понятно впечатленіе, которое, при такихъ данныхъ, Лещетицкій производитъ на слушателей. Намъ становится какъ-то хорошо, легко, благоговящая теплота проникаетъ въ наши фибры, мы находимся подъ вліяніемъ обаятельнаго чувства, имѣющаго начало свое въ элементахъ нашего духовнаго бытія.

Таковъ Лещетицкій въ молодости. Что-же будетъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, когда къ этимъ рѣдкимъ качествамъ присоединятся еще опытность и ученость, необходимыя для достиженія высшей степени совершенства? Мы не рѣшаемся опредѣлить ту точку, до которой можетъ достигнуть онъ, если только не увлечется самоувѣренностью, столь пагубной для художественной карьеры, гдѣ каждый шагъ, каждый успѣхъ основывается на усовершенствованіи духовныхъ и умственныхъ началъ искусства.

Лещетицкій не только замѣчательный виртуозъ, онъ весьма замѣчательный композиторъ; въ произведеніяхъ своихъ онъ обнаруживаетъ много самобытнаго таланта, свѣжести, оригинальности идей, изливающихся вѣвучаими, задумевными мелодіями, облечеными въ изящныя формы. Въ концертахъ его, больше всего нравились истинно-граціозныя: *Chant des Pecheurs* (Romance sans paroles), *Souvenir de Graefenberg* (caprice à la valse), *Les deux alouettes* (Impromptu), *Salut à St. Petersburg* (Mazurka), *Premier amour* (Impromptu).

Кромѣ своихъ концертовъ, Лещетицкій являлся и въ концертахъ другихъ артистовъ, и вездѣ встрѣчаемъ былъ громкими аплодисманами.

Теперь поговоримъ о явленіи, весьма интересно, но невозбудившии въ публикѣ никакого участія. И это насъ до того удивляетъ, что мы совершенно не знаемъ, къ какому именно роду отнести музыкальность Петербурга.

Дѣло идетъ объ удивительныхъ трио братьевъ Шталькнехтъ и Лешгорна, первоклассныхъ артистовъ, пользующихся заслуженной извѣстностью въ чужихъ краяхъ. Несмотря на истинно-прекрасный составъ этихъ вечеровъ, пустота театра была пзумительна. Но зато малое число слушателей вполнѣ оцѣнило усилія и старанія артистовъ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвятившихъ себя исключительному изученію и воспроизведенію классической музыки, мало оцѣняемой въ настоящее время, когда ищутъ только эффекта, сальтоморталей, хлопушекъ и фейерверкеровъ.

Заслуга гг. Шталькнехтовъ и Лешгорна состоитъ въ томъ, что они вывели изъ забвенія настоящія сокровища, каковы трио Гайдна. Трио эти хотя и относятся къ молодости великаго учителя, но неменѣе того заключаютъ въ себѣ много прекраснаго, достаточнаго для прославленія ихъ гениальнаго композитора.

Что лучшаго могли выбрать они для начала своихъ концертовъ, какъ не трио въ *mi bemol maggiore* Гайдна? Соединеніе четырехъ струнныхъ инструментовъ въ одно цѣлое (квартеты) представляетъ наслажденіе, котораго трудно достигнуть другими музыкальными средствами, — соединеніе-же двухъ струнныхъ инструментовъ съ фортецяно образуетъ художественную форму, которая возбуждаетъ живѣйшій интересъ противоположностями звуковъ и требуетъ еще болѣе искусства, для приданія имъ единства. Здѣсь соединяются столько трудностей, что только одни гени, каковы Гайднъ, Моцартъ, Бетговенъ, Мендельсонъ, Шубертъ, счастливо преодолевали ихъ, и произвели сочиненія, дышущія нѣжностью, даже въ самыхъ рѣзкихъ противоположностяхъ. Но для подобныхъ композицій требуются и достойные исполнители, понимающіе всю великость предстоящаго имъ труда. И гг. Шталькнехтъ и Лешгорнъ достигли высшей степени совершенства. Звуки фортецяно получаютъ подъ руками г. Лешгорна столько мягкости и упругости, что сродняются съ звуками скрипки и виолончели. Инструменты же гг. Шталькнехтъ приближаются, въ отрывистыхъ скорыхъ пассажахъ, къ выразительному характеру фортецяна. Съ одной стороны продолжительность, съ другой моментальность тоновъ соединяются, сливаются другъ съ другомъ и проявля-

ются цѣлымъ, въ которомъ нѣкоторыя части выдаются впередъ только для того, ятобъ болѣе характеризовать и разнообразить основную идею композиціи. Virtuозность этихъ музыкантовъ истинно-классическая. Трудности пассажей преодолеваютъ они съ глубокимъ, душевнымъ чувствомъ, которое безъ всякой принѣси зловѣста всегда готово сгладиться предъ блескомъ товарищей, чтобы только придать цѣлому изящный колоритъ.

Сверхъ-того, въ концертахъ этихъ г. Ленгорнъ явился довольно замѣчательнымъ пѣанистомъ и композиторомъ, и заслужилъ искреннюю благодарность слушателей за превосходное исполненіе сочиненныхъ имъ Tarentelle, Il martellate, Valse impromptu, а въ особенности La belle amazone.

Г. Ю. Шталькнехтъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ виолончелистовъ, которыхъ привелось намъ слышать; къ этому таланту онъ присоединяетъ еще прекрасный даръ композиціи, видный въ его Adieux à la Suisse, Souvenir de St. Petersbourg... Confession d'Amour.

Исполненная брагьями Шталькнехтъ фантазія ихъ сочиненія: Die Walpurgis-Nacht принадлежитъ къ числу тѣхъ фантастическихъ пѣсь, которыя иногда доставляютъ славу композиторамъ, но которыя какъ-то странно встрѣчать въ концертахъ классической музыки. Мы не поклонники натянутыхъ эффектовъ, рассчитанныхъ на щичкатахъ, стакатахъ, тремолахъ и т. п., а потому умолчимъ объ этой фантазіи и перейдемъ къ г. Совле, флейтисту короля нидерландскаго, давшему два концерта и участвовавшему въ нѣсколькихъ другихъ.

Въ немъ видимъ мы опять весьма замѣчательный талантъ, и хотя не очень пристрастны къ флейтѣ и совершенно раздѣляемъ мнѣніе одного изъ извѣстнѣйшихъ композиторовъ, отвѣтившаго на вопросъ: Qui'y a-t'il de plus embêtant qu'une flûte? — Deux flûtes?.. но все-таки скажемъ, что флейта г. Совле одна изъ лучшихъ, до-сихъ-поръ слышанныхъ нами.

Совле соединяетъ въ себѣ не только красоту и отчетливость исполненія, но и утонченность игры, непринужденность, естественность, однимъ-словомъ, все тѣ качества, посредствомъ которыхъ артисты производятъ сильное и пріятное впечатлѣніе.

Въ особенности хорошо выходятъ у него пассажи, гдѣ до слуха долетаютъ звуки двухъ флейтъ, какъ въ его венеціанскомъ карнавалѣ, и равно эхо, чрезвычайно выразительно и чисто выдѣлываемое имъ въ варіанціяхъ на извѣстную нѣмецкую пѣсню: Du, du liegst mir im Herzen.

Это представляется какъ-будто передаваемое горами и скалами, и переноситъ слушателя въ средину богатой и роскошной природы Тироля и Швейцаріи...

Теперь мы должны сдѣлать вопросъ: что такое гитара, и какое мѣсто занимаетъ она въ ряду инструментовъ? Гитара годится для аккомпаниента, но рассматривая ее собственно какъ инструментъ, она, по незначительности тона и ограниченности техническихъ средствъ, принадлежитъ къ неблагоудатѣйшимъ и незначительнѣйшимъ инструментамъ. Все это справедливо, только не въ отношеніи гитары Щепановскаго, въ рукахъ котораго она приобретаетъ удивительную силу и прелесть.

Уроженецъ г. Кракова, Станиславъ Щепановскій молодость провелъ въ горахъ Шотландіи. Дикая природа, воодушевлявшая Вальтеръ-Скота и Байрона, произвела на молодаго артиста глубокое впечатлѣніе, и развила въ немъ страсть къ музыкѣ. Предавшись совершенно этому искусству, онъ обратилъ все вниманіе на гитару, и послѣ долгихъ и многолѣтнихъ опытовъ, изобрѣлъ совершенно новое и оригинальное средство обращаться съ этимъ инструментомъ. Способъ его весьма простой, но требуетъ много ловкости, опытности и упражненія. Г. Щепановскій не щиплетъ (pince) струны гитары, но употребляетъ пальцы свои вмѣсто смычка и поводитъ ими по нимъ, чрезъ что вибрація струнъ дѣлается продолжительнѣе, а самый тонъ звучнѣе, мягче и нѣжнѣе. Къ этому приему присоединяетъ онъ еще нѣсколько другихъ, весьма эффектныхъ, какъ то, удареніе верхней частью ладони по резонансовой доскѣ, съ поддержаніемъ нѣкоторыхъ струнъ, переборъ послѣднихъ на верхнихъ ладахъ лѣвою рукой, и такъ далѣе, что все вмѣстѣ даетъ ему возможность производить на гитарѣ самые эффектные и неожиданные пассажи. Убѣдившись въ совершенствѣ своей metody, онъ далъ, въ 1840 году, съ большимъ успѣхомъ, концерты въ Единбургѣ и Лондонѣ. Потомъ отправился въ Парижъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Шопена, Листа, Калькбренера, Габенка. Рубини такъ восхитился его игрою, что участвовалъ во всѣхъ его концертахъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ критиковъ, дѣлая перечень всѣмъ извѣстнымъ гитаристамъ, говоритъ что въ наше время г. Щепановскій занимаетъ между-ними первое мѣсто. Съ-тѣхъ-поръ объѣхалъ онъ всю Европу, и даже въ Мадридѣ, гдѣ гитара еще въ большой модѣ, приобрѣлъ огромный успѣхъ. Сверхъ-того г. Щепановскій замѣчательный виолончелистъ и въ концертахъ своихъ игралъ попеременно на обѣихъ инструментахъ.

Несмотря на незначительность гитары, мы смѣло причисляемъ г. Щепановскаго къ великимъ артистамъ. Съ истинною любовью посвя-

тилъ оцъ молодые годы на усовершенствованіе неблагодарнаго инструмента, и приобрѣлъ несомнѣнное право на названіе преобразователя гитары. Изъ композицій его, лучше всѣхъ намъ понравились: *Une nuit à Cadix*, варьяціи на качучу и переложеніе венеціанскаго карнавала, съ подражаніемъ голосамъ молодой дѣвушки и старухи. Г. Щепановскій давалъ два концерта и участвовалъ въ другихъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ концертовъ, одинъ давалъ г. Бальфъ, г. Стигелли три; сверхъ-того шли на Александринскомъ театрѣ концерты г-жи Леоновой, гг. Каратыгина, А. Н. Лядова и Сѣркова. Всѣ эти концерты болѣе или менѣе похожи были на концерты г. Кажинскаго, а потому излишне распространяться объ нихъ. Только въ концертѣ г-жи Леоновой случился весьма странный *qui-pro-quo*, весьма сильно говорящій въ пользу гениальности одного изъ нашихъ воспрославленныхъ артистовъ. Въ концертѣ этомъ участвовалъ нѣкто г. Табаровскій; по фигурѣ, приѣмамъ и свойству своей игры онъ былъ принятъ публикою за г. Апполинарія Контскаго, и вызванъ подъ этимъ именемъ.

Г. Табаровскій дѣйствительно усвоилъ себѣ до такой изумительной степени всѣ качества игры своего подлинника, что еслибъ въ, кажется, поставить за ширмы и заставить поочередно играть одну и ту же пьесу, то трудно было-бы рѣшить, кто именно ее исполняетъ. Мы отъ души радуемся, что нашелся еще *genій* скрипки, и нашелся даже у насъ въ Петербургѣ, который оспариваетъ первенство у г. Контскаго. Все-же лучше, когда въ мірѣ есть два первыхъ виртуоза, чѣмъ одинъ.

24-го числа, въ залѣ Дворянскаго Собранія былъ второй концертъ Филармоническаго общества, въ которомъ исполняли знаменитый *Requiem* Моцарта, съ содѣйствіемъ въ партіяхъ-соло г-жи Віардо-Гарси и Мортъеде-Фонтена, Петрова и Стигелли. Благотворительная цѣль этого концерта не дозволяетъ намъ распространяться объ исполненіи ни этаго *chef-d'oeuvre* безсмертнаго Моцарта, ни слѣдующей за нимъ патетической сонаты Бетговена. Въ-заключеніе пѣла г-жи Віардо псаломъ Марчелла, извѣстнаго преобразователя духовной музыки, жившаго въ XVII столѣтіи, и какъ всегда, была осыпана громкими аплодисманами.

Въ Большомъ Театрѣ былъ концертъ въ пользу инвалидовъ, въ которомъ участвовали всѣ оркестры гвардейскихъ полковъ. И наконецъ, 29-го марта данъ былъ въ Дворянскомъ Собраніи третій праздникъ въ пользу Убѣжища взрослыхъ дѣвицъ. Праздникъ этотъ назывался концертомъ съ нечаянностями. Мы хотѣли поговорить объ этихъ нечаянностяхъ, какъ насъ посѣтила нечаянность совершенно другаго

рода, — извѣстіе, что г. Таборовскій; основываясь, вѣроятно, на неожиданномъ успѣхѣ, по случаю сходства его съ г. Аполлинаріемъ Контскимъ, даетъ концертъ 8-го апрѣля. Мы не были также въ концертѣ г. Коссовскаго, который, какъ говорятъ, одаренъ талантомъ.

2-го апрѣля былъ концертъ г. Дмитріева-Свѣчина, и даровитый артистъ нашъ порадовалъ слушателей своей превосходной, отчетливой игрою.

5-го числа начались утра классической музыки г. Леопольда Маурера. Ихъ назначили четыре, по одному каждое воскресенье. Въ первомъ участвовалъ г. Леонардъ и большой оркестръ.

Былъ еще одинъ концертъ г-жи Віардо-Гарси и два концерта Гг. Контскихъ. Концертъ г-жи Гарси, гениальнѣйшей артистки, которая владѣетъ такимъ инструментомъ, какимъ ни одинъ изъ прославленныхъ концертистовъ похвалиться не можетъ, былъ далеко не полонъ. У гг. Контскихъ зато все было биткомъ набито и букето-бросаніе было сильнѣе. И все это отъ нашей музыкальности!!!!

Наконецъ былъ концертъ въ Пользу Общества Посѣщенія Бѣдныхъ, составленный г. Даргомыжскимъ, исключительно изъ его сочиненій. Въ концертѣ этомъ принимали участіе лучшіе артисты и любители. Пальма первенства принадлежала г-жамъ Шиловской и Віардо. Поклонники г. Даргомыжскаго поднесли ему серебряный капельмейстерскій жезлъ

Этимъ русскимъ концертомъ заключился сезонъ, богатый обиліемъ звуковъ, но не талантовъ.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Погода. — Путешествіе по Петербургу и побѣдки за городъ. — Пѣзика въ Стверию Америку, не выѣзжая изъ Петербурга. — Двѣ тысячи миль въ два часа. — Въ двѣ минуты изъ Америки въ Европу. — Палермо и Берлинъ. — Петербургскія улицы и новый способъ мошенія ихъ. — Музыка, музыка и музыка. — Хоръ къ тысячу двадцать пять человекъ. — Исторія арфы по поводу одного музыкальнаго вечера. — Театральные слухи и вѣсти — Два анекдота о Брянскомъ. — Два слова къ біографіи Гусевой. — Вѣсти о Вольнѣхъ Плесси. — Открытіе Шахматнаго Общества. — Бѣдствіе Невскаго проспекта. — Приближеніе праздниковъ. — Портреты В. А. Каратыгина. — Новое изобрѣтеніе. — Наряды и костюмы.

Сердись на насъ, читатель, сколько тебѣ угодно, а мы начнемъ сегодняшнюю бесѣду нашу съ погоды. Знаешь, что это предметъ избѣ-

тый, осмѣянный тысячу тысячъ разъ, предметъ устарѣвшій и скучный, но для петербургскаго фельетониста онъ всегда новъ, потому—что петербургская погода прихотлива и пережѣнчива, и все не скученъ, потому—что выручаетъ фельетониста, когда не о чемъ говорить. А о чемъ прикажете говорить фельетонисту востомъ, особенно когда одинъ изъ его товарищей по журналу рассказалъ уже о всѣхъ литературныхъ востяхъ, а другой о всѣхъ концертахъ? Поневолѣ заговоримъ о погодѣ. Притомъ же Май не за горами: на улицахъ нѣтъ уже снѣгу, южный вѣтерокъ уже нѣсколько разъ пріятно щекоталъ наше обоняніе тепло—пахучимъ воздухомъ, который поэты называли когда—то *дыханіемъ весны*. Воля ваша, а мы не можемъ удержаться, чтобъ не сказать нѣсколько словъ о погодѣ. Да вы и не потребуете такой жертвы отъ петербургскаго фельетониста, если вы только бывали въ Петербургѣ и, слѣдовательно, знаете какое значеніе имѣеть въ нашей жизни приближеніе весны.

А весна близка! Почти весь мартъ мѣсяцъ былъ свѣтелъ отъ яркѣйшаго цѣлый день солнца, на Невскомъ началъ показываться весенняя пальто; ватныя платья заиѣнили шѣковые салоны. Апрельъ былъ также хорошъ, хотя петербургское небо, издавна приучившее насъ къ печальностямъ, не разъ играло съ любителями весны и прогулокъ не совсемъ любезныя шутки. Оно внезапно перывалось облаками, куда-то далеко прятало солнце, и совершенно неожиданно обдавало то снѣгомъ, то дождемъ, покрывая местовую самымъ неблагоприятнымъ и непріятнымъ киселемъ. Но мы привыкли къ этимъ печальностямъ, которыя иногда не заставятъ петербургскаго жителя въ располохъ, и не пренебрегли безъ пользы ни одного яснаго дня, пользовались каждою свѣтлою минутою, путешествовали то въ экипажѣ, то въ саняхъ, то на колесахъ, но все въ углахъ и закоулкахъ, гдѣ былъ призывъ, хоть что—нибудь пожебе на общественную жизнь. Мы были даже за городомъ.—Раненъко, скажете вы; что можете интересоваться теперь за городомъ? — А развѣ вы не знаете, что люди благоразумные и предусмотрительные нанимаютъ дачу заблаговременно, особенно если дача нужна въ близкихъ окрестностяхъ города, гдѣ все, даже самыя незатѣливыя домики разбираются на расхватъ. Притомъ же вы очень ошибаетесь, говоря, что теперь нечего дѣлать за городомъ. Мы, напримеръ, провели однажды цѣлый день въ великолѣпныхъ теплицахъ Ботаническаго Сада, цѣлый часъ почти просидѣли въ пальмовой теплицѣ, мечтая надъ журчаніемъ фонтана; были мы и въ теплицахъ графа Нессельроде, гостепріимно отворенныхъ для посѣтителей, любовались тамъ великолѣпными камеліями, которыя не знаемъ подоб-

нытъ; были въ затѣйливыхъ теплицахъ г. Гарфункеля; были на дѣтѣ г. Блока, на третьей верстѣ по Петергофской дорогѣ, катались тамъ съ подтаявшихъ уже горъ и завтракали въ *новь-открытомъ*, какъ гласятъ газетныя объявленія, *заведеніи Дорданъ*, гдѣ будетъ гѣтому играть оркестръ г. Шиндлера; были мы, наконецъ, въ Сѣверной Америкѣ... Впрочемъ — это уже не загородомъ, а въ самомъ центрѣ Петербурга, въ Караванной улицѣ. Вы смѣетесь, думаете, что мы шутимъ, и даже очень неостроумно шутимъ, а между-тѣмъ мы говоримъ, какъ нельзя болѣе серьезно. Мы даже намекали уже вамъ однажды о томъ, какинъ-образомъ побывать въ Сѣверной Америкѣ, не выѣзжая изъ Петербурга, и проѣхать всю Миссиссипи, т. е. слишкомъ тысячу пять сотъ миль, въ два часа и не вставая съ мѣста. Для этого стоить только отправиться въ Караванную улицу, взять билетъ въ панораму Рислея, и сѣсть на стулъ. Вотъ и все. Мы действительно были въ Сѣверной Америкѣ, и проплыли всю Миссиссипи, начиная отъ истоковъ ея до самаго устья; мы видѣли знаменитый водопадъ, видѣли... не позволяте лучше рассказать вамъ все по порядку, въ короткихъ словахъ.

У восточнаго берега рѣки дика и представляютъ сначала необработанныя поля, конусообразные утесы, называемые bluffs, хижины индѣйцевъ; но скоро пейзажъ оживляется. Вотъ городъ, выстроенный изъ красныхъ, небѣленыхъ кирпичей, вотъ свинцовые рудники, разрабатываемые съ XVIII столѣтія, вотъ плодоносные луга и пажити, вотъ Икарія и устье Миссури, которая, впадая въ Миссиссипи, придаетъ быстрѣйшее теченіе ея водамъ, протекавшимъ до-сихъ-поръ только двѣ мили въ часъ.

Далѣе — городъ Сенъ-Луи, одна изъ важнѣйшихъ пристаней въ Соединенныхъ Штатахъ; у набережныхъ его тѣснятся огромные пароходы, изъ которыхъ многіе въ нѣсколько этажей; нѣкоторые заключаютъ въ себѣ пловучіе театры, на которыхъ даютъ драмы, комедіи и даже оперы; — большая же часть перевозитъ пассажировъ, огромные грузы хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника, цѣлыя стада домашнихъ животныхъ. Предъ вами проходятъ, одинъ за другимъ, города, мелькаютъ острова, наконецъ появляется Новый Орлеанъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ по торговлѣ городовъ въ Южныхъ Штатахъ, не далеко отъ котораго Миссиссипи вливаетъ струи свои въ мутныя воды Мексиканскаго залива.

Если вы охотники до подобныхъ путешествій, то можете не бѣжать, какъ черезъ двѣ минуты, очутиться въ Палермо; вамъ для этого не потребуются ни парохода, ни даже лодки: Палермо, то есть, Сицилія, находится въ Петербургѣ и отдѣляется отъ Сѣверной Америки по

океаномъ, какъ вы имѣете нѣкоторое право предполагать, а широкою Караванной улицы. И Берлинъ въ Петербургъ, а не въ Пруссіи, и стоять на Фонтанкѣ, а не на Шпре, какъ вы также имѣете нѣкоторое основаніе думать. Изъ Палермо и Америки можете дойти туда пѣшкомъ въ пять минутъ, обогнувъ Караванную у Симеоновскаго моста; съ помощію извозчика вы достигнете еще скорѣе. Есть даже надежда, что какой-нибудь новый Кукъ, или Бернингъ откроетъ туда кратчайшій путь въ какія-нибудь сквозныя ворота, проходящія съ Караванной прямо на Фонтанку. Путешествіе, какъ изволите видѣть, вовсе не продолжительное и нисколько не затруднительное, а это важныя обстоятельства въ настоящую распутицу, господствующую на петербургскихъ улицахъ.

Кстати объ улицахъ. Недавно въ газетахъ нашихъ было напечатано объявленіе о новомъ способѣ мощенія улицъ, посредствомъ каменныхъ плитокъ, отличающихся, по словамъ объявленія, необыкновенной прочностію и имѣющихъ ту выгоду, что плитки ложатся гладко, какъ торцы, долго выдерживаютъ ѣзду и не требуютъ частой починки, какъ наши обыкновенныя и торцевыя мостовыя. Въ Большой Морской открыта уже контора, для приѣма заказовъ на эти новыя мостовыя.

Не знаемъ еще, на сколько справедливы всѣ обѣщанія газетныхъ объявленій, но мы не могли умолчать объ этомъ новомъ изобрѣтеніи, потому-что оно, въ случаѣ удачи, будетъ имѣть важное значеніе въ петербургской жизни, для домохозяевъ, обязанныхъ содержать мостовыя въ порядкѣ передъ своими домами, для всѣхъ имѣющихъ экипажи и ѣздящихъ въ нихъ, въ особенности-же для неимѣющихъ своихъ экипажей и принужденныхъ, въ-слѣдствіе этого, ѣздить на томъ мудреномъ снарядѣ, который называютъ дрожками.

Отъ мостовыхъ перейдемъ къ музыкѣ.

— Какъ, опять о музыкѣ! восклицаете вы.

— А что-же прикажете дѣлать! Вѣдь мы рассказываемъ вамъ объ общественной жизни Петербурга, а жизнь эта сосредоточивается въ теченіе пяти недѣль на музыкѣ. Можно даже сказать, что наша общественная жизнь, въ настоящее время, есть безконечная симфонія, ораторія, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Успокойтесь, впрочемъ, мы расскажемъ вамъ объ одномъ только концертѣ, и то потому, что это былъ концертъ не совсѣмъ обыкновенный, концертъ, не возвѣщенный афишами, безвозмездный, бывший доступнымъ только небольшому числу приглашенныхъ.

Мы говоримъ о духовномъ концертѣ въ Батальонѣ Кантонистовъ,

данномъ въ субботу на четвертой недѣлѣ. Въ эту недѣлю воспитанники Батальона, какъ и воспитанники бѣльшей части другихъ военно-учебныхъ заведеній, говѣютъ; по окончаніи-же говѣнія, начальство устроило духовный концертъ, какъ занятіе, наиболѣе соответствовавшее проведенной ими недѣлѣ. Извѣстный композиторъ нашъ А. О. Львовъ присутствовалъ при репетиціяхъ, и мы не сомнѣваемся, что успѣхъ концерта много зависѣлъ отъ его совѣтовъ.

Въ концертѣ участвовали воспитанники Батальона Военныхъ Кантонистовъ и Аудиторскаго Училища, что составило хоръ изъ тысячи слишкомъ голосовъ. Эффектъ былъ поразительный, потому-что огромный хоръ этотъ пѣлъ чрезвычайно согласно — какъ одинъ человекъ. Нѣкоторые нумера были исполнены всѣмъ хоромъ, другіе только пѣвчими Батальона, пользующимися въ Петербургѣ вполне заслуженною извѣстностью; къ числу первыхъ относится: *Отче нашъ*, *Херувимская* (№ 7) Бортнянскаго, *Спаси Господи люди твоя*, *Ангель вопіюще* Макарова и нашъ народный гимнъ *Боже, Царя храни!* Одни пѣвчіе исполнили: *Достойно есть* Бортнянскаго, его-же *Чертогъ твой ежиду* и *Достойно есть* А. О. Львова. Концертомъ управляетъ г. Мамышевъ, регентъ въ Пѣвческой Капелли и учитель въ Батальонѣ. Считаеиъ долгомъ замѣтить, что ученики его дѣлаютъ ему величайшую честь.

Хочется мнѣ разсказать еще одну музыкальную исторію, по моему мнѣнію, очень любопытную; если же вамъ музыкальныя исторіи надоели, то вамъ очень легко отъ нея избавиться: стоить только перевернуть страницу.

Недавно я были приглашенъ къ господину X., у котораго жена музыкантша. Въ запискѣ, которою меня приглашали, было просто сказано: *Venez passer la soirée avec nous; nous aurons quelques communs amis, et j'espère que vous ne vous ennuyerez pas trop. M-rs N. Y. Z. et M-mes R. S. T. ont promis de venir.* О музыкѣ ни слова. Признаюсь, я не совсѣмъ повѣрилъ отсутствію музыки, хотя и не было въ запискѣ обычнаго выраженія: *on fera de la musique*, но отказаться не было возможности.

Въ девять часовъ вечера я подѣхалъ къ ярко освѣщенному подъѣзду, у котораго стояло уже нѣсколько экипажей. Съ бішеніемъ сердца сталъ я подниматься по лѣстницѣ, напрягая слухъ и трепеща услышать каждую минуту звукъ какого-нибудь музыкайскаго орудія, или даже нѣсколькихъ такихъ орудій вѣстѣ. Но все было тишь,

и только отдаленный гулъ разговора долетѣлъ до ушей моихъ. — Ну прекрасно, подумалъ я, кажется музыки не будетъ; но войдя въ первую залу, въ которой встрѣтилъ меня лакей, въ бѣломъ галстухѣ и такихъ же перчаткахъ, я окинулъ ее взоромъ, боясь встрѣтить гдѣ-нибудь на стулѣ, или столѣ знакомую мнѣ и знаменитую своею ветхостію шляпу одного извѣстнаго пѣвиста, съ бѣлокурой прической, или скрипичный ящикъ другаго, столько же бѣлокураго виртуоза. Ни шляпы, ни ящика не было. Я уже гораздо смѣлѣе вошелъ въ слѣдующую комнату, и совершенно храбро перешелъ изъ нея въ гостиную, гдѣ слышны были стукъ чайныхъ чашекъ и говоръ десятковъ двухъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Но вообразите мой ужасъ... въ залѣ стояла арфа!

Я позабылъ вамъ сказать, что хозяйка дома играетъ на арфѣ; прежде она рѣдко выказывала свое дарованіе въ публикѣ, но съ-тѣхъ-поръ, какъ побывала въ Петербургѣ Джонъ Томасъ и госпожа Парришъ—Альварсъ, возстановившіе репутацію нѣкогда воспѣтой, а потомъ преданной забвенію арфы, она стала еженедѣльно угощать гостей своихъ своимъ искусствомъ.

Я догадался, что придется удивляться таланту хозяйки; но бѣжать было уже поздно. Хозяинъ дома самъ принесъ попитръ съ нотами; всѣ успѣлись, водворилось молчаніе и... мы прослушали три пьесы, изъ которыхъ одна была сочиненіе самой виртуозки. Все это, сказать правду, было очень недурно, и я провелъ вечеръ гораздо пріятнѣе, нежели ожидалъ.

Послѣ музыки завязался разговоръ о ней, который также, къ величайшему моему удивленію, нисколько мнѣ не наскучилъ. Говорили, разумеется, всего болѣе объ арфѣ и о томъ, отчего этотъ прекрасный инструментъ вышелъ изъ моды.

Одинъ изъ собесѣдниковъ, человекъ весьма рѣзкаго характера, замѣтилъ, что арфа вышла изъ моды потому, что это очень бѣдный инструментъ.

— Отчего-же бѣдный? спросила его хозяйка дома.

Рѣзкій господинъ не нашелъ, что отвѣчать, и сказалъ нѣсколько несвязныхъ словъ, смыслъ которыхъ былъ такой: арфа бѣдный инструментъ потому, что она бѣдный инструментъ.

Госпожа Х*** едва замѣтно улыбнулась, и доказала своему антагонисту, что, благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ, арфа можетъ выдержать соперничество съ фортепяно и даже скрипкой.

— А я такъ думаю, сказала блондурий артистъ съ разстрепанной прической, что причина упадка арфы заключается именно въ соперничествѣ ея съ фортепяно.

— Распространеніе фортепяно могло, разумѣется, повредить арфѣ, возразила хозяйка, но быть причиною упадка ея оно не могло; вѣдь не вытѣснило-же оно скрипку, кларнетъ, флейту и другіе инструменты, употребляемые въ обществѣ...

— Но эти инструменты не были въ соперничествѣ съ фортепяно, замѣтилъ кто-то: арфа инструментъ преимущественно женскій, точно такъ-же, какъ и фортепяно состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ прекраснаго пола. Мода, одна только мода, этотъ необъяснимый законъ, основанный на случайностяхъ, на прихоти, была причиною забвенія арфы.

— Нѣтъ не мода, а женщины во всемъ виноваты! раздался вдругъ чей-то голосъ изъ-за плюшеваго трельяжа, отдѣлявшаго диванъ, около котораго происходило наше засѣданіе.

Всѣ съ удивленіемъ обратились въ ту сторону. За трельяжемъ дремала въ мягкихъ креслахъ старушка француженка, воспитывавшая хозяйку дома и мать ея, и оставшаяся доживать свой вѣкъ въ домѣ, который полвѣка тому назадъ гостеприимно принималъ ее, когда она, лишившись, во-время смуты первой французской революціи, почти всей семьи своей, прѣѣхала искать убѣжища въ нашемъ миромъ отечествѣ.

Старушка вышла изъ-за плюща и сѣла среди насъ.

Надо вамъ сказать, что она была, говорятъ, въ свое время красавица, вскружила не одну голову въ напудреномъ парикѣ, и сохранила, въ глубокой старости, веселый и живой характеръ. Несмотря на пятьдесятъ лѣтъ, проведенные ею въ Россіи, она безпрестанно вспоминала о своей belle France и о своемъ молодомъ времени, легкіе нравы котораго оставили на ней неизгладимый отпечатокъ.

— Да, женщины погубили арфу, повторила она: худенькія женщины.

Всѣ съ удивленіемъ и недоумѣніемъ посмотрѣли на француженку, думая, что она собирается шутить; но она пресерьозно продолжала:

— Вы понимаете, продолжала француженка, съ улыбкой, вызванной, вѣроятно, воспоминаніемъ о ея веселой молодости, вы понимаете, что арфа давала женщинамъ средство выказать всѣ свои достоинства, дѣлала изъ нея что-то въ родѣ музыки; если виртуозка была

одарена полною, стройною, аристократическою, породистою ручкою—une main de gace, и недурнымъ личкомъ, то торжество ея бывало полное и обливало жечью и досадою сердца всѣхъ дурныхъ и худенькихъ.

— Такъ вы думаете, что худенькія женщины...

— Повѣрьте моему опыту; худенькія женщины способны на все—*les femmes maigres, voyez vous, sont capables de tout!* Вы не можете себѣ представить, сколько клеветъ распустили онѣ на счетъ бѣдной арфы. Онѣ преувеличили число порванныхъ струнъ, увѣрили всѣхъ, что постоянное занятіе этимъ инструментомъ уродуетъ талию, дѣлаетъ криво-бокими, и, въ заключеніе, стали по восьми часовъ въ сутки работать надъ фортепяно. Славный инструментъ, нечего сказать! Когда я смотрю на женщину, сидящую за фортепяно, мнѣ все кажется, что она сидитъ за конторкою въ какомъ-нибудь магазинѣ. На фортепяно можетъ безнаказано играть даже уродъ, съ толстыми, какъ у слона, ногами. Это ужасно! *A quelle époque vivons nous, mon Dieu!*

— Ахъ! сказала она послѣ короткой паузы: что оставалось дѣлать бѣдной арфѣ противъ восьми или десяти тысячъ худенькихъ женщинъ, неугомонно ее преслѣдовавшихъ?

— Умереть! сказалъ я, трагическимъ голосомъ.

— И умерла она, или, лучше сказать, бѣжала съ поля битвы, не устоявъ противъ озлобленія худенькихъ женщинъ

Это мнѣніе о причинахъ упадка арфы произвело на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе, особенно на двухъ, или трехъ худенькихъ женщинъ, составлявшихъ часть нашего кружка. Но я, сказать вамъ откровенно, принималъ рѣчь милой старушки за шутку, за невинную мистификацію, и нисколько не раздѣляю ея мнѣнія. Опровергнуть ее легко однимъ уже тѣмъ, что арфа опять входитъ въ моду, несмотря на то, что число худенькихъ женщинъ (противъ которыхъ, скажу кстати, я не имѣю никакого предубѣжденія) по всей вѣроятности не уменьшилось. А что арфа входитъ, даже вошла уже въ моду, очевидно: въ Европѣ появилось нѣсколько замѣчательныхъ арфистовъ, изъ которыхъ мы слышали, нынѣшнимъ постомъ, двухъ: Джона Томаса и госпожу Парриш-Альварсъ; у насъ въ Петербургѣ есть нѣсколько хорошихъ арфистокъ, которыхъ мы потому только не называемъ здѣсь, что боимся оскорбить ихъ скромность. Арфа возродилась, и ей смѣло можно предсказать прежніе успѣхи, тѣмъ болѣе, что Англія, моды которой преобладаютъ теперь во всемъ образованномъ обществѣ, приняла арфу подъ свое покровительство.

По нашему правному результату, причина упадка арфы заключалась въ недостатокъ сочиненій для нея, точно такъ-же, какъ причина ея возрожденія заключается въ томъ, что въ послѣднее время появилось нѣсколько даровитыхъ композиторовъ, пишущихъ для нея.

Въ то время, когда цыано было уже любимымъ инструментомъ великихъ музыкантовъ, какъ Моцартъ, Бетховенъ, Гуммель, арфа оставалась въ рукахъ бездарныхъ композиторовъ въ родѣ Дальвимара, Вернье, Марена, Дезаргюса и другихъ, имъ подобныхъ. Понятно, что арфа должна была упасть въ общественномъ мнѣнii. Но когда появился Недерманъ, виртуозъ и даровитый композиторъ, арфа возродилась и приобрѣла многихъ приверженцевъ. Составилось что-то въ родѣ школы арфистовъ, въ главѣ которой стояли ученики Недермана, въ томъ числѣ извѣстный Лабаръ. Къ сожалѣнiю, Лабаръ, неизмѣнный соперникъ какъ исполнитель, притомъ композиторъ съ большимъ дарованiемъ, избралъ ложный путь: желая доставить арфѣ торжество надъ фортепяно, онъ вздумалъ перенести на нее творенiя великихъ музыкантовъ. Попытка эта не удалась, потому-что у каждаго инструмента свой характеръ, свои средства, ему одному только свойственныя. Не все то исполнимо на арфѣ, что написано для фортепяно, и на оборотъ. Лабаръ упалъ духомъ, и отказался отъ начатаго имъ дѣла. Но эти дѣла не кончилось. Почитатели арфы приняты было въ отчаянiе и съ ужасомъ предвидѣли уже то время, когда ихъ любимый инструментъ займетъ мѣсто въ лавкѣ торговцевъ древностями, посреди мандолинъ, гитаръ, лютней, цимбаловъ, клавишниковъ и другихъ забытыхъ инструментовъ; классъ арфы въ Парижской Консерваторiи совершенно смутился; но двинулся въ Парижъ Годафруа, и арфа опять вошла въ моду.

Годафруа былъ превосходный артистъ, прожившiй нѣсколько лѣтъ въ Англии, потому-что во Францiи его не оцѣнили; возвратясь въ отечество съ независимымъ состоянiемъ и упроченною уже репутацiею, онъ не нуждался, какъ прежде, въ сочувствii своихъ соотечественниковъ, и поэтому самому обратилъ на себя ихъ вниманiе. Первый концертъ его былъ истиннымъ триумфомъ; за этимъ триумфомъ последовали новые, и арфа снова заняла мѣсто свое въ гостиницѣхъ Парижа, стала моднымъ инструментомъ, какъ въ Лондонѣ. А такъ какъ Лондонъ и Парижъ издавна предвѣщаютъ законы модному свѣту, то, понятнo, что арфа стала мало-по-малу появляться и въ другихъ большихъ городахъ Европы. Мы уже говорили, что и у насъ въ Петербургѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ виртуозовъ или, лучше сказать, виртуозокъ на этомъ инструментѣ.

Вотъ вамъ исторія величія, паденія и возрожденія арфы, которую мы считали себя въ правѣ разсказать вамъ, потому-что арфа предстоитъ играть роль въ нашей общественной жизни.

Текущихъ театральныхъ новостей довольно много, но мы уже упоминали о нихъ въ прошедшей книжкѣ «Пантеона», и можетъ прибавить къ нимъ только одну: П. С. Федоровъ перевелъ комедію Sullivan, имѣвшую большой успѣхъ на нашей михайловской сценѣ. На русскомъ эта комедія будетъ называться *Любовь и Предразсудокъ*. Читатели Пантеона скоро съ нею познакомятся, такъ-же, какъ и посѣтители Александринскаго театра, на которомъ ее скоро дадутъ.

Поговариваютъ о какомъ-то дебютантѣ на драматическія роли, но мы еще не знаемъ на этотъ счетъ ничего положительнаго.

Много, въ театральномъ мірѣ, толковъ и воспоминаній объ умершихъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ артистахъ. Вотъ что недавно слышали мы о Брянскомъ, отъ одного изъ близко-знавшихъ его.

Брянскій очень любилъ охоту и часто, лѣтомъ, въ свободное отъ службы время, проводилъ по три и по четыре дня въ лѣсахъ и на болотахъ. Случалось иногда, что выйдя изъ дому на нѣсколько часовъ, онъ пропадалъ нѣсколько, дней. Кто любитъ охоту, тотъ знаетъ, какъ она завлекательна, и пойметъ, что утки, тетерева, или вальдшнепы способны завести охотника невѣсть куда. А Брянскій былъ страстный охотникъ.

Однажды онъ отправился, въ сопровожденіи Д*, одного изъ близкихъ друзей своихъ, и гребца, управлявшаго лодкою, пострѣлять дикихъ утокъ, обѣщаясь скоро возвратиться. Онъ жилъ тогда на Рѣзвомъ островѣ, и отправился водою. Прошелъ день — Брянскаго нѣтъ. Домашніе знали его страсть, и потому не беспокоились; но прошелъ другой, третій день, и безпокойство немолжно овладѣло домашними, тѣмъ болѣе, что въ одну изъ проведенныхъ Брянскимъ въѣ дома ночей была бурная погода на заливѣ, а лодочка, въ которой онъ отправился, была очень наденъкая, какъ разряда тѣхъ, которыя называютъ у насъ *душегубками*. Брянскій явился черезъ нѣсколько дней.

— Гдѣ-же это вы пропадали? спросили его.

— За Выборгомъ...

Не найдя ничего въ окрестностяхъ Петербурга, онъ поплылъ вдоль берега, и встрѣтивъ новую неудачу, пустился далѣе, и такимъ-образомъ очутился, въ одно прекрасное утро, за Выборгомъ, откуда возвратился все въ той же лодочкѣ-душегубкѣ.

— Ну, а гдѣ вы были въ бурную ночь?

— Въ морѣ. .

— Да вѣдь волненіе было очень сильное.

— Помните, что за волненіе: всего-то три колмачка было.

— Онъ называетъ колмачками волны, которыя перебѣгали чрезъ нашу лодку, пояснилъ товарищъ Брянскаго.

Этотъ анекдотъ ничего не прибавитъ, разумеется, къ художественной биографіи покойнаго артиста, но показываетъ одну изъ сторонъ его человѣческаго характера, общую многимъ художникамъ: беззаботность.

Вотъ и еще анекдотъ изъ охотничьей жизни Брянскаго

Брянскій былъ отличный стрѣлокъ и мастеръ отыскивать дичь даже тамъ, гдѣ другіе ровно ничего не находили. Однажды онъ настрѣлялъ такую пропасть дичи, что ягдташъ его былъ набитъ биткомъ. Онъ уже рѣшился воротиться домой, какъ остановилъ его сторожъ, приставленный помѣщикомъ, на землѣ котораго Брянскій охотился.

— Много, баринъ, настрѣляла птишекъ, сказалъ сторожъ, почесывая затылокъ и не зная, какъ-бы спросить у охотника, есть ли у него билетъ. Охотникъ-то казался ему человѣкомъ несговорчивымъ и думнымъ, съ которымъ, пожалуй, не раздѣляешься даромъ.

— Да дичи довольно въ этихъ мѣстахъ, отвѣчалъ Брянскій.

— А что знать съ нашимъ баринкомъ, ахъ съ конторщикомъ знакомы; есть, чай, билетъ?

— Какой билетъ?

— Известно какой; что въ конторѣ выдаютъ, чтобъ дичь стрѣлять. А безъ билета у насъ стрѣлять не позволено.

— Будто-бы? что-ты говоришь? А я и не зналъ.

— Да, не позволено. Вѣрно отбирать ружье, сумку и собаку.

— Э! неужели?

— Точно такъ-съ. Ужъ вы, какъ вамъ угодно, а пожалуйста ружьиншко-то, и сумку, и собаку-то.

— Экой грѣхъ, право! А я и не зналъ. Ну, да дѣлать нечего, возьми. Только вотъ собаку-то какъ возьмешь? Вѣдь она не дастся, грызаться станетъ. Развѣ дойдемъ вмѣстѣ до усадьбы?

— Дойдемъ, пожалуй, до усадьбы. Да ты я чай усталъ, а до деревни-то версты четыре будетъ, отвѣчалъ мужикъ, нѣсколько удивленъ.

ный благодушiемъ охотника и даже почувствовавшiй къ нему нѣкоторое презрѣнiе, такъ, что началъ говорить ему ты.

— Далеко, далеко до деревни. Ну а не ближе-ли будетъ до села, что на большой дорогѣ.

— Ближе. До-толева будетъ версты двѣ, не больше.

— Ну такъ туда и пойдемъ, а тамъ я спрошу веревку, да и привяжу собаку; тогда она пойдетъ за тобой.

Сторожъ согласился. Брянскiй надѣлъ на него свой полный ягдташъ, пороховницу, дробницу и ружье, что, казалось, не очень понравилось сторожу; онъ, вѣроятно, въ-слѣдствiе русской поговорки, что *парь костюей не ломить*, былъ въ армякѣ, несмотря на тридцатиградусный жаръ. Когда они прошли около версты, сторожъ снялъ шляпу и началъ обтирать потъ, ручьями струившiйся по его лицу; онъ, по веѣмъ признакамъ, очень тяготился своей ношей и былъ-бы, можетъ-быть, радъ, возвратитъ своему спутнику все отобранное, да не зналъ, какъ это сдѣлать и молчалъ. Наконецъ, дошли до большой дороги. Брянскiй предложилъ сторожу рюмку водки; сторожъ принялъ предложенiе. Зашли въ трактиръ.

— Такъ у васъ безъ билета охотиться не позволяютъ?

— Не позволяютъ, отвѣчалъ сторожъ.

— Жаль, что я не зналъ, а то захватилъ бы билетъ... Э! да постой, никакъ онъ со мной?.. Такъ и есть, со мной, какой-же я безпачтливый!

Брянскiй вынулъ и подалъ билетъ удивленному сторожу, смотрѣвшему на него, вышуча глаза.

— Ишь онъ какой, этотъ баринъ, думалъ онъ, вѣроятно, про себя: билетъ за пазухой, а онъ навъючиваетъ человѣка, какъ лошадь, въ влажной жаръ...

Бѣдный мужикъ и не подозревалъ, что баринъ-то очень хорошо помнилъ о билетѣ, но съ умысломъ утаилъ его, потому-что былъ очень утомленъ и хотѣлъ воспользоваться дужими плечами мужика.

Вотъ кстати нѣсколько биографическихъ подробностей о Гусевой. Она выпущена изъ Театрального Училища въ 1809 году, 11 августа, служила, слѣдовательно, театру слишкомъ *сорокъ три года*. Въ дѣвункахъ она называлась Ежовой, потомъ вышла замужъ за актера Глухарева и носила его фамилию, а послѣ его смерти вступила во вторичный бракъ съ г. Гусевымъ, служившимъ, въ чинѣ титулярнаго советника, секретаремъ въ департаментѣ Камеръ-Коллегiи.

Къ театральнымъ же службамъ можно отнести вѣсти, полученныя нами изъ Франціи, объ артисткѣ нашего Михайловскаго театра, госпожѣ Вольшисъ и Плесси. Обѣ онѣ уже въ Парижѣ. Первая поѣхала туда для свиданія съ дочерью и на крестины внука, или внучки; вторая, если не ошибаеся, для устройства какихъ-то денежныхъ дѣлъ. Французскіе журазлы говорятъ, что госпожи Плесси будетъ играть на *Первомъ Французскомъ Театрѣ*, вѣстѣ съ госпожою Рашель, въ бенефисъ известнаго актера и писателя Самсона (Samson), который былъ драматическимъ наставникомъ обѣихъ артистокъ.

Мы рассказывали недавно нашимъ читателямъ о предположеніи основать въ Петербургѣ, съ дозволенія Правительства, общество любителей шахматной игры; предположеніе это приведено уже въ исполненіе. Открытіе этого Общества происходило 27 марта, въ 8 часовъ по-полуночи, въ домѣ графа Кумелева-Безбородко. Сперва были провозглашены имена членовъ, потомъ избрали, на основаніи одного изъ параграфовъ устава Общества, трехъ старшинъ, которые останутся въ этой званіи до 27 марта 1854 года. Старшинами провозглашены единогласно: генерал-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, генералъ-лейтенантъ Ключфельдъ и тайный совѣтникъ графъ Кумелевъ-Безбородко, а секретаремъ отличный игрокъ въ шахматы, известный своими сочиненіями объ этой игрѣ, надворный совѣтникъ Янишъ. Сообщаемъ каталогъ и спискомъ действительныхъ членовъ новаго общества: графъ А. В. Адлербергъ, Н. А. Бахметьевъ, Н. И. Бахтинъ, С. Д. Безобразовъ, А. В. Веневитиновъ, П. П. Винклеръ, П. А. Вренскій, Л. В. Гечечевичъ, М. К. Глипиусъ, Ф. Г. Головинъ, В. П. Давыдовъ, И. Казимковъ, В. Ф. Ключфельдъ, Н. И. Колязинъ, О. И. Корбутъ, баронъ Н. И. Корфъ, баронъ П. И. Корфъ, графъ А. Г. Кумелевъ-Безбородко, графъ Г. А. Кумелевъ-Безбородко, графъ Н. А. Кумелевъ-Безбородко, Д. Н. Лонгиновъ, баронъ Е. Ф. Мейендорфъ, баронъ В. Мейендорфъ, В. М. Михайловъ, графъ А. И. Муслиль-Пушкинъ, Т. А. Неффъ, А. М. Потемкинъ, К. О. Розенбергеръ, баронъ И. Ф. Розенъ, П. О. Рязанцевъ, И. Э. Рытвинскій, А. В. Сабуровъ, князь Д. П. Салтыковъ, П. А. Свѣчинъ, князь Д. С. Урусовъ, В. А. Честноковъ, А. И. Философовъ, баронъ Н. А. Фредериксъ, С. И. Храповицкій, С. Шерръ, И. С. Шумовъ и К. А. Янишъ.

Шахматная игра имѣетъ много приверженцевъ, и въ очень многихъ большихъ городахъ Евразы даже уже существуютъ шахматныя общества; въ Петербургѣ такое общество не доставало.

Что сказать вамъ еще новаго? Да! Невскій проспектъ вновь въ немилости у нашей аристократической публики, часть которой дезерти-

ронала съ его великолѣпныхъ тротуаровъ и гуляетъ съ нѣкотораго времени по Дворцовой набережной, какъ нѣкогда гуляла по Англійской.

Вышла три портрета В. А. Каратыгина: первый, изданный однимъ изъ сослуживцевъ покойнаго, довольно похожій, но несовѣтъ хорошо нарисованный, продается почти во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ; другой, болѣе похожій и лучше выполненный, выдѣли мы въ магазинѣ гравера В. Деноткина; третій появился въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ», издаваемомъ В. О. Тиммомъ. Последний срисованъ съ лагерротипа, дѣланнаго извѣстнымъ художникомъ нашимъ С. Л. Левшинымъ, похожѣ двухъ первыхъ, но уступаетъ имъ въ томъ, что на немъ В. А. Каратыгинъ безъ усовъ, которые онъ носилъ въ послѣднее время своей жизни.

Вотъ и весь нашъ запасъ новостей; остается только сказать объ одномъ новомъ изобрѣтеніи и о дамскихъ нарядахъ.

Г. Марциневичъ изобрѣлъ составъ, истребляющій моль и предохраняющій отъ нея нѣтъ и вообще всѣ вещи, подверженныя ея нападеніямъ; онъ намазываетъ этимъ составомъ полскоровые нѣшки, въ которые опускаетъ шубы, платье, ковры и т. п., а для мебели употребляетъ ленты, нашитыя тѣмъ-же составомъ. Мы нецѣтали составъ г. Марциневича, и смѣло рекомендуемъ его нашимъ читателямъ, въ полной увѣренности, что они, въ особенности—же иногородные, поблагодарятъ насъ. Но предупреждаемъ, что составъ имѣетъ сильный запахъ и что, следовательно, нашитыя имъ нѣшки надо класть въ отдаленной комнатѣ, а покрывать мебель лентами всего удобнѣе при переездѣ на дачу.

Теперь перейдемъ къ объясненію того, что дѣлаютъ наши

ДАМСКІЕ НАРЯДЫ.

Съ наступленіемъ весны, мода приняла у насъ опредѣлительный и точный характеръ. Хорошъ-ли онъ, дуренъ-ли—мы не беремся судить, а представляемъ нашимъ читательницамъ нѣтъ нарядовъ натурою, въ томъ видѣ, какъ намъ удалось ихъ сфотографировать на лету—на гульбищахъ Дворцовой и Англійской набережныхъ, въ послѣднихъ концертахъ г-жи Віардо и г. Даргомыжскаго и наконецъ въ лучшихъ магазинахъ Невскаго Проспекта и Морскихъ.

Первый нарядъ: Шляпка атласная, подъ модами обшита блондою. Съ боку маленькое страусовое перо, загнутое назадъ. Мантилья бархатная, отдѣланная мелкимъ марабу изъ перьевъ: (такъ-какъ атаке марабу, особенно приготавлиаемаго въ Парижѣ не вездѣ можно достать, то мы

совѣтуемъ замѣнить его плюшемъ или лебяжьимъ пухомъ.) Платье шелковое съ затканными разноцвѣтными букетами.

Второй нарядъ: Головной уборъ изъ цвѣтовъ и черныхъ кружевъ, придерживаемый съ обѣихъ сторонъ ниткою изъ самоцвѣтныхъ камней, или жемчугу, проходящею по лбу. Платье атласное, съ тремя воланами. Внизу каждаго волана нашиты кружки изъ чернаго бархата, въ видѣ пуговицъ, а сверхъ ихъ воланы изъ черныхъ кружевъ. Кружевная берта à la Вальерь. Рукавчики едва замѣтны. Браслеты.

Третій нарядъ: Головной уборъ блондовый à la Марія-Стуартъ, обшитый аграмантомъ изъ несученаго шелку. Платье гласе, съ пятью воланами, изъ шелковой бахрамы, подъ, цвѣтъ, надъ которыми бѣгутъ два ряда маленькихъ шелковыхъ пуговокъ, фигурую похожихъ на бусы. Корсажъ въ видѣ фламандской кофточки съ бертою, отдѣланный бахромою и пуговками, также, какъ и юбка. Подъ нимъ шениветка изъ брюссельскихъ кружевъ — application. Рукава къ локтю идутъ суживаясь, а отъ локтя раструбомъ, такъ, что вмѣстѣ съ двойными подрукавниками, и бантами изъ лентъ образуютъ родъ букета. Браслетки изъ разноцвѣтныхъ камней.

Четвертый нарядъ: Шляпка сборчатая изъ крепъ—крепа и атласу; подъ фестонными полями, приподнятыми къ верху, въ видѣ ореолы, уборка изъ цвѣтовъ. Страусовое бѣлое перо.

Платье шелковое, такъ называемаго венеціанскаго покроя. Кофточка, съ маленькими, округленными фалдочками. Рукава до сгиба въ локтю—почти узкіе, въ сгибѣ—спереди придерживаются большими бантами, а сзади ниспадають такъ—называемыми нагодами. Подрукавники глухіе, гладкіе, въ кисть съ вышитыми обшлагами. Платье съ тремя воланами; воланы, кофта и рукава обшиты шахматной лентой подъ цвѣтъ, или совершенно перстрой, въ шотландскомъ вкусѣ.

Пятый нарядъ: Прическа гладкая, съ уборкою изъ широкихъ бархатныхъ лентъ. Коса придерживается гребенкою, отдѣленною золотомъ. Капотъ бархатный, съ высокой таліей и полудлинными рукавами, снизу отъ локтя прорѣзанными. Капотъ спереди, сверху внизъ, и около рукавовъ—обшить темно-сѣрымъ плюшемъ. Подрукавники глухіе, съ набѣгающими на кисть шитыми манжетами.

Головные наряды; шляпки, чепцы, наколки и лучшіе французскіе цвѣты—мы видѣли у мадамъ Флаксіонъ, въ Малой Милліонной, напротивъ Англійскаго магазина. Всѣ ея уборы сдѣланы къ Святой, по образцамъ, нарочно выписаннымъ изъ Парижа.

Для причёсокъ новѣйшей моды—рекомендуемъ художника—коаффера Вотье, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Голицына.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ 4 РУКИ.

- BEETIENI.** Grand duo sur l'opéra: Moïse de Rossini. (2 p. 29 к.) Trois duos sur des motifs de Bellini, № 1. 2. 3. Chaque. (1 p. 43 к.)
- БЮРОН.** Polonaise fantaisie op. 61. (1 p. 72 к.) Grande sonate, op. 65 (2 p. 58 к.)
- DUVERNOY.** Deux petites pièces sur des motifs favoris. op. 159, № 1. 2. Chaque (85 к.) Marcel tambour. Fantaisie. op. 165. (85 к.) Petite fantaisie. sur des motifs de la Muette de Portici. op. 172. (85 к.)
- ГАННА.** Камаринская (новое издание). (1 p. 15 к.)
- HENSELT.** Nouvelle Polka. (1 p. 15 к.)
- HERZ.** Fantaisie sur l'opéra: Parisina (2 p.) Grand duo concertant sur le Désert de David. (2 p.)
- HARKS.** Potpourri sur l'opéra: Le siège de Gand de Meyerbeer. (2 p. 30 к.)
- WILLMERS.** Deux études de concert. № 1. 2. Chaque. (1 p. 43 к.)
- WOLFF.** Souvenir du Val d'Andorre. Duo brillant. (2 p. 30 к.) Grand duo sur l'opéra: Siège de Gand. (1 p. 72 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СКРИПКИ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- BERICI.** Grand duo sur l'opéra: le Caid de Thomas. (1 p. 72 к.) Grand duo sur l'opéra: L'Enfant Prodigue d'Auber. (2 p. 30 к.) Duo concertant sur l'opéra: Giralda d'Adam. (1 p. 72 к.) Duo brillant sur opéra: La Reine de Chypre. (2 p. 30 к.)
- КАЛЕВЕНДЕРЪ И РАНОУКА.** Grand duo sur l'opéra: Charles VI, de Halevy. (2 p.) Duo concertant sur l'opéra: La Reine de Chypre de Halevy. (2 p.)
- KULLAC.** Andante. op. 70. (1 p. 72 к.)
- LEONARD H.** Souvenir de Haydn. Fantaisie. op. 2. (1 p. 72 к.) Fantaisie sur des thèmes russes. op. 3. (1 p. 15 к.) Regrets et Prière. Fantaisie. op. 4. (1 p. 30 к.) Souvenir de Gretry. Fantaisie Pastorale. (1 p. 72 к.) 1-er Concerto. op. 10. (2 p. 30 к.) Romance. op. 11. (1 p. 43 к.) Elegie. op. 12. (1 p. 15 к.) 2-me Concerto. op. 14. (4 p.) Grande fantaisie militaire. op. 15. (2 p.) 3-е Concerto. (4 p.) Morceau de Salon sur l'opéra: Lucia. (1 p. 30 к.)
- LEHT.** Grand duo brillant sur une romance de Lafont. (2 p. 58 к.)
- ROSKILLER ET DANCLA.** Duo brillant sur l'opéra: Zampa. (2 p. 58 к.)
- SCHUBERT.** Duo concertant sur l'opéra: Rienzi. (2 p.)
- SPONR.** 3-е Duo concertant. op. 112. (4 p.)
- TRALBERS ET РАНОУКА.** Grand duo sur l'opéra: Beatrice di Tenda, de Bellini
- TRALBERS ET BERICI.** Duo concertant sur l'opéra: Semiramide, de Rossini (2 p.)
- WOLFF ET VILHELMST.** Duo sur l'opéra: Raymond. (2 p. 30 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ И ФОРТЕПЬЯНО.

- ДАРГОМИНСКІЙ.** Скажи, что такъ задумчивъ ты, слова В. Жуковскаго. Трио для тенора и двухъ басовъ, или для сопрано и двухъ контраalto (1 р. 50). Я все еще его люблю. (50 к.)
- ГЛЕНКА И.** Слышу ли голосъ твой (60 к.) Не искушай меня безъ нужды (50 к.) Ходить вѣтеръ у воротъ. (50 к.) Сомнѣніе (новое изданіе). (85 к.) Жаворонокъ (новое изданіе) (85 к.) Голосъ съ того свѣта. (70 к.) Всѣ нумера изъ оперъ: Жизнь за Царя и Русланъ и Людмила отдѣльно.
- ГУРИЛЕВЪ.** Прости, прощай. (75 к.) Незабвенная. (75 к.) Долго ли же будешь сердце ты томиться. (50 к.)
- ТОЛСТОЙ.** Пѣснь война. (60 к.)
- ВАРЛАМОВЪ.** Такъ и рвется душа. (60 к.) На небо взглянуть (60 к.) Листья шумѣли уныло. (60 к.) Садъ роскошенъ и цвѣтеть. (70 к.) Ангелъ (новое изданіе) (70 к.) Я любилъ васъ сердцемъ. (75 к.) Рано цвѣтникъ въ полѣ распустился. (75 к.) Не отходи отъ меня (новое изданіе) (60 к.) Перстенецкиъ золотой (60 к.) Не отходи отъ меня на два голоса. (60 к.)
- ВИРСТОВСКІЙ.** Мы живемъ среди полей. (50 к.) Близко города Славянска и заходилъ чарочки по столикамъ. (85 к.) Въ старину жевали дѣды (85 к.) Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ (85 к.) Ахъ недруженки (60 к.)

ШКОЛА ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

сочиненіе извѣстнаго и любимаго русскаго гитариста А. Сахры. Третье исправленное и дополненное изданіе, съ многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одной, двухъ и трехъ гитаръ, и для гитары съ фортепьяно съ отлично-литографированнымъ и весьма похожимъ портретомъ автора.

Цѣна 3 руб. сер.

Всѣ эти новости можно получить

въ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и гдѣ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб. получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ; а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Конскимъ, Эристомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ онымъ струнамъ раздается безденежно.

РЕВЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 4.

ПРЕЖДЕ СКОУЧАЛИСЬ,

ПОТОМЪ ПОВЪНЧАЛИСЬ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. АКТЕРА МАКСИМОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ОСНІЪ ОХДОРОВИЧЪ, ХИМСТИКОВЪ.

СЕРГѢЙ ОСНОВИЧЪ, сынъ его.

ЛИЗАВИТА ИВАНОВНА КВАШИННА.

МАРЬЯ ХРИСТОФОРОВНА.

АПОЛЛОНЪ ХРИСТОФОРЫЧЪ. } оя дѣти

ШАРОА, кухарка Химстикова.

ИВАНЪ, слуга Квашинной,

Г. Мартыновъ.

Г. Смирновъ.

Г-жа Сосницкая.

Восп. Алексиа.

Г. Максимовъ 1.

Г-жа Гусева.

Г. Огородовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ парадную гѣстаницу. На первомъ планѣ: нѣкто отъ зрителя, дверь въ квартиру Хлыстиковыхъ, направо, въ квартиру Кеашинныхъ; на заднемъ планѣ: гѣстаница, ведущая вверхъ и внизъ.

I.

МОЛОДОЙ ХЛЫСТИКОВЪ И МАША (за дверью).

ХЛЫСТИКОВЪ (*говоритъ въ дверь Кеашинныхъ*). Машинька, душенька, выйдите сюда на одну минуту; мнѣ нужно сообщить вамъ очень важную новость.

МАША. Извините, мнѣ нельзя.

ХЛЫСТИКОВЪ. Отчего нельзя?

МАША. Я занята дѣломъ.

ХЛЫСТИКОВЪ. Да вѣдь и я зову васъ не отъ бездѣлья.

МАША. Я не то, что занята... а не смѣю выйти...

ХЛЫСТИКОВЪ. Это почему?

МАША (*выходя*). Развѣ вы забыли, что маменька запретила мнѣ видѣться съ вами.

ХЛЫСТИКОВЪ. Вотъ вздоръ какой, мало ли что запрещается.

МАША (*выходитъ*). Ахъ! какой вы безотвязный!

ХЛЫСТИКОВЪ. И такъ, въ силу моей безотвязчивости, пожалуйста вашу ручку. (*Цѣлуетъ у нея руку*).

МАША. Ну-съ! Что же вамъ угодно?

ХЛЫСТИКОВЪ. Мнѣ угодно во-первыхъ, поцѣловать вашу ручку, а во-вторыхъ васъ обрадовать, Марья Христофоровна! Знаете-ли: вѣдь меня вчера повысили въ должности.

МАША (с радостію). Неужели?!.. А жалованья прибавили?
ХЛЫСТИКОВЪ. Какъ же-съ! Теперь остается только повысить васъ и сдѣлать мою женою.

МАША (печально). Ахъ! это совершенно зависить отъ васъ самихъ!
ХЛЫСТИКОВЪ. То-есть, отъ моихъ долговъ, хотите вы сказать, да вы о нихъ, пожалуйста, не беспокойтесь; съ ними покончить трудъ не великъ.

МАША (обрадовавшись). Неужели?!..

ХЛЫСТИКОВЪ. Честное слово!

МАША. Какимъ манеромъ?

ХЛЫСТИКОВЪ. Очень простымъ: стоить только... заплатить, такъ вотъ и чисто...

МАША (с сердцемъ). Сумасшедшій!.. Нѣтъ, это ужасно! Вы совершенно беззаботный человекъ... вы меня нисколько не любите, а я... (Плача) я... (Сильно) и я тоже не-на-вижу васъ! Вотъ вамъ!..

ХЛЫСТИКОВЪ (с удивленіемъ). Чтѣ-съ? И вы это говорите не шутя? (Идетъ внизъ по лѣстницѣ). Прощайте, Марья Христофоровна!

МАША (оробѣвъ). Куда вы?

ХЛЫСТИКОВЪ (спокойно). Въ контору. Десятый часъ, пожалуй опоздаешь.

МАША. А помириться вы не хотите?

ХЛЫСТИКОВЪ (останавливаясь). А вы развѣ не сердитесь?

МАША. Нѣтъ, хоть вы и жестоко обидѣли меня.

ХЛЫСТИКОВЪ (выходя на сцену). О! невыразимая доброта!.. Вы просто кладъ, а не дѣвушка! Да, я много виноватъ передъ вами; но для честного слова, что исправлюсь; всѣми силами буду стараться выкупать-ся изъ долговъ, буду трудиться день и ночь... только простите меня.

МАША. Ну, да вѣдь ужъ сказано ..

ХЛЫСТИКОВЪ. О! душечка! (цѣлуетъ руку).

МАША. Однако, вамъ и въ-самомъ-дѣлѣ пора отправляться.

ХЛЫСТИКОВЪ. Иду, прощайте! (Цѣлуетъ у нея объ руку завертываясь).

МАША. До свиданья!...

ХЛЫСТИКОВЪ. Позвольте еще, разникъ, такъ-сказать: про запасъ!.. (цѣлуетъ).

МАША. Нѣтъ-съ, вы начинаете шалить... прощайте-съ... идите... не хорошо забывать свои обязанности. (Идетъ, Маша провожаетъ его глазами; онъ, дойдя до лѣстницы, останавливается, смотритъ на Машу, потомъ идетъ на лѣстницу и встываетъ съ Квашининымъ). Мое почтеніе, Аполлонъ Христофоровичъ! (Ублещаетъ пальцемъ). «О! любовь царяца свѣта!»

II.

КВАШНИНЪ, потомъ старикъ **ХЛЫСТИКОВЪ** и кухарка.

КВАШНИНЪ (молча кланяется *Хлыстикову*. *Разсуждая самъ съ собою*.) Любовь! что такое любовь? Химера, больше ничего! (*Подойдя къ своей двери*). Какъ пріятно послѣ долгаго странствованія возвратиться подъ отчій кровъ, прижать къ сердцу родную сестру...

СТАРИКЪ ХЛЫСТИКОВЪ (*кухаркѣ, которая идетъ впереди его съ кулькою*). Ладно, обойдемся и безъ вѣжливости, ты соблюдай ее въ иныхъ случаяхъ, а по лѣстницѣ кто не йди впередъ, я или ты, это все равно.

КУХАРКА (*съ кулькою*). Нѣту, батюшка, ужъ такъ заведено. Какъ-же это я съ кулькою-то впереди барина...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Пустое! какъ баринъ велитъ, такъ и дѣлай. (*Выкидываетъ ключъ изъ кармана и отпираетъ дверь*). Нутка, безъ церемоній, проваливай. (*Пропускаетъ кухарку*).

III.

КВАШНИНЪ = **СТ. ХЛЫСТИКОВЪ**.

КВАШНИНЪ. Чистая правда, совершенная логика!.. Здравствуйте почтеннѣйшій Осипъ Федоровичъ!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Мое почтеніе! здоровы ли?

КВАШНИНЪ. Помаленьку. Вы какъ поживаете?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Охъ! ужъ мое здоровье! на лѣстницу войдешь и задохнешься.

КВАШНИНЪ. Да зачѣмъ же вы беспокоитесь, сами ходите въ рынокъ?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. А то какъ же-съ? На слугъ-то плохо полагаться; что самъ не доглядишь, то и пиши пропало... Нынче служащій народъ страшно избалованъ! изъ гривны наровитъ двѣнадцать ко екъ себѣ выгадать...

КВАШНИНЪ. Хмъ! Неужели двѣнадцать копѣекъ?!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. То-есть, это такъ къ примѣру... Съ ними ну-женъ глазъ да и глазъ... изъ рынка идешь, такъ кухарку впередъ пустишь, въ нихъ до того вкоренилась страсть таскать, что если деньгами не поживится, такъ хоть морковку, или рѣпку изъ кульки да въ карманъ, и если это будетъ каждый день случаться, то въ годъ-то в много набѣжить...

КВАШНИНЪ. Да, въ годъ составится триста шестдесятъ пять морювокъ, или рѣпокъ; это въ простой, если же высококъ—то 366.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да, батюшка, это я только такъ къ пригѣру говорю, что этимъ людямъ нельзя ничего довѣрять... Ужъ дѣлать нечего, терпѣшь униженіе, а идешь сзади кухарки.

КВАШНИНЪ (*взлмнувъ вверхъ, кричитъ въ испугъ*). Берегитесь! карнизъ падаетъ!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*отскакиваетъ въ испугъ*). Ахъ!.. Чтò это у васъ за непріячныя шутки; меня безъ того одышка мучить, а вы еще пугаете.

КВАШНИНЪ (*самодовольно усмѣхнувшись*). Ничего, ничего, такъ, хотѣлось пошутить.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Въ прошедшій понедѣльникъ ночью, вы также ловко пошутили: во всемъ домѣ только что улеглись, вы вдругъ на лѣстницѣ заревѣли во все горло: «пожаръ!» Всѣ вскочили, забѣгали, женщины попадали въ обморокъ! я самъ едва не умеръ! Выбѣгав сюда, а вы изволите хохотать .. вамъ это любо!..

КВАШНИНЪ. Еще бы!.. Я возвращался изъ гостей, вхожу въ домъ, вижу всѣ спятъ, мнѣ и пришло въ голову: дай моль испытаю, скоры ли они на ногу. Крикнулъ и въ одну минуту весь домъ обратился, какъ говорится, въ муравейникъ, наполненный этими трудолюбивыми насекомыми...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Показали бы вамъ трудолюбивыхъ насекомыхъ, еслибъ кто-нибудь изъ жильцевъ пожаловался квартальному. Да я и самъ этаго не сдѣлалъ единственно изъ уваженія къ вашей матушкѣ.

КВАШНИНЪ (*усмѣхнувшись*). Хмъ!.. Но оставимъ прошедшее и обратимся къ настоящему. Вы говорите, что здоровье ваше страдаетъ отъ ходьбы по лѣстницѣ, а вы каждый день утруждаете себя хожденіемъ въ рынокъ; отъ чего бы вамъ не употреблять на это вашего сына?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Какъ-бы не такъ! Пойдетъ Сергѣй въ рынокъ! Онъ уйдетъ въ свою контору, да и знать ничего не хочетъ. Дастъ въ мѣсяць-то двадцать рублей серебромъ, да чтобъ ему все было готово: квартира, столъ и освѣщеніе... Нѣтъ, батюшка, выиѣстная молодежь не туда смотреть; знаетъ только франтить, да въ картишки поигрывать.

КВАШНИНЪ. Я, вамъ скажу, и самъ люблю это; къ тому-же молодому человѣку необходимо быть одѣтымъ, какъ говорится, *comme il faut*, и имѣть при себѣ деньги... Жизнь коротка! надо ею пользоваться! Надо, какъ говорится, ловить минуты счастья.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да, ловите ихъ!.. мой Сергѣй тоже ловить,

ловилъ, да и наловилъ: двѣ тысячи рубликовъ долгу—серебрякомъ-съ...
Охъ, плохъ! нынче не то, что въ старину...

Жить нынче рано начинаютъ. —
Отецъ лишь дѣтямъ волю далъ,
Они въ полгода промотаютъ,
Что вѣкъ трудомъ онъ наживалъ.
Сынъ жизнь иначе понимаетъ;
Не хочетъ по отцовски жить! —
Жизнь коротка, онъ разсуждаетъ,
И надо счастье ловить. —
И смотришь, франтомъ разодѣлся,
Карету, лошадей купилъ,
Въ театрѣ въ первый рядъ усѣлся,
Заволочился, закутилъ...
И всѣмъ онъ русскимъ недоволенъ;
И все, что русское, бранить,
Отъ русскаго климата—болѣть...
Лишь денегъ русскихъ не хулить!..
Онъ вѣкъ въ кофейныхъ точить бабы,
Вставляя стеклышко въ глаза, —
Глядитъ въ парижскіе журналы,
А самъ не смыслить ни аза!..
Франтитъ себѣ, да все мотааетъ,
А какъ умножился расходъ —
Такъ, что наличныхъ не хватаетъ, —
Онъ векселя пускаетъ въ ходъ. —
За то гремить о франтѣ слава:
Онъ левъ,—завидуютъ ему;
А глядъ законная расправа
Равставила тенета льву!
Куда дѣвалась карета,
И волокитству часъ приспѣлъ —
Блеснулъ нашъ фертикъ, какъ комета,
И въ Долговое улетѣлъ!..

КВАШНИНЪ. Истинная правда, чистѣйшая логика! Однако-жъ этого нельзя принять къ вашему сыну: теперь онъ сталъ совершеннымъ скромникомъ... больше ни у кого не занимается.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да, потому-что никто не вѣритъ.

КВАШНИНЪ. Хмъ! славно сказано! чистѣйшая логика! Но вы, какъ родитель, могли-бы уплатить по его заемнымъ письмамъ.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Нѣтъ-съ, благодарю покорно! Онъ долженъ, онъ и плати, я не люблю соваться не въ свои дѣла.

КВАШНИНЪ. Опять ловко сказано!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Это послужитъ ему урокомъ.

КВАШИННЪ. Да впрочемъ, что такое деньги! Въ моихъ глазахъ они ничто!.. Золото!.. что такое золото?.. презрѣнный металл!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да, вы презираете деньги оттого, что у вашей матушки ихъ много, и послѣ ея смерти половина капиталъ перейдетъ къ вамъ.

КВАШИННЪ. Нисколько. *(Одушевляясь)*. Ну, согласитесь сами... вашъ сынъ, какъ говорится, безъ ума отъ моей сестры, онъ видитъ въ ней свой идеалъ, предлагаетъ ей свою руку; сестра согласна; они оба въ упорительномъ ожиданіи брака; но вдругъ между ними становится, какъ грозный призракъ, или, какъ говорится, непреборимая преграда, какой-то докучливый кредиторъ. О! родитель! зачѣмъ-же вы лишаете счастья свое родное дѣтище, нѣзъ адухъ выдать рублемъ! Вамъ стоить произнести лишь одно слово, заключающее въ себѣ счастье двухъ нѣжныхъ, пламенныхъ сердецъ!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. А позвольте спросить, что это за слово, имѣющее такую силу?

КВАШИННЪ. Это слово — *(Торжественно)* «Плачу!»

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Нѣтъ-съ, слуга покорный, этого я не хочу! Но если вы желаете составить ихъ счастье, то повторите эту убедительную рѣчь вашей матушкѣ; она точно также можетъ очастивить дочь свою тѣмъ-же самымъ словомъ, то-есть: «Согласна могу заплатить за зятя долги изъ приданаго моей дочери»...

КВАШИННЪ. Я ужъ ей говорилъ, но она, знаете, женщина, существо слабое, имѣющее свои капризы.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Вотъ видите-ли, и я тоже существо не изъ самыхъ вѣрныхъ.

КВАШИННЪ. Хмъ! славно сказано!.. Я теперь однако ясно вижу, что въ людяхъ надъ всеми страстями преобладаетъ одна, самая презрѣнная, а именно: скудность!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ *(обидясь)*. Что-съ?.. Прощайте съ! *(Уходитъ къ себѣ и запираетъ дверь)*.

КВАШИННЪ. Гмъ! чудакъ, разсердился! Не понравился! *(Звонитъ къ себѣ)*.

ГОЛОСЪ ИВАНА. Кто тамъ?

КВАШИННЪ. Развѣ не узнаешь по голосу—это я! *(Уходитъ къ себѣ)*.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, МОЛОДОЙ ХЛЫСТИКОВЪ, вѣснотъ по дѣйствицѣ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*продолжая разговаривать*). Вѣрно, батюшка, вы сегодня, по случаю повышения, пораньше изъ должности-то ушли. Ужъ теперь, конечно, трудовъ-то вамъ поменьше будетъ?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Нѣтъ-съ, напротивъ, съ повышеніемъ растутъ и труды; но я ушелъ рано для того, чтобы заняться домъ; оно знаетъ поудобнѣе, меньше развлеченія.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ну, а что-жъ, батюшка, жалованьяца-то прибавилось?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да-съ, триста рублей, не въ примѣръ другимъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Слава Богу! Теперь значить, вы дѣляшки-то свои и поскорѣй исправите.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да, буду стараться всѣми силами, что только отъ меня зависитъ... Лизавета Ивановна, вѣдь вы не совершенно прогнѣвались на меня?.. Я смѣю еще надѣяться?..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Конечно, батюшка... Вѣдь я, право, тебѣ душевно люблю... Ты человекъ хороший, но вотъ долги-то проклятые. (*Трещя его по плечу*). Постарайся-ко, голубчикъ, поскорѣй спихнуть ихъ съ шейки, да веселымъ пиркомъ и за свадебку!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Ахъ! какъ ни старайся, а изъ жалованья и въ три года не заплатишь!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Шутка-ли! вѣдь вы оба, голубчики, знаете въ разлукѣ. Да ты бы какъ-нибудь умаслилъ своего батюшку; вѣдь ему ровно ничего не стоить заплатить за тебя. Онъ тебя такъ любитъ.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да! но къ несчастію онъ деньги любитъ больше.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Эхъ! страхъ какой! промѣнять родное дѣтище на деньги! Охъ! скупость, скупость, великое зло!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*всторону, ея тономъ*). Не ты бы говорила, не я-бы слушала!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. И я то на старости успокоилась-бы, пристроивши Машеньку за человека хорошаго.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*конфузая и не зная, какъ начать*). Лизавета Ивановна!.. по моему тутъ расчетъ совершенно вѣрный... не знаю, какъ по вашему?.. Извольте видѣть: вы согласны отдать за меня вашу дочь?..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Не прочь, хоть сію минуту.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. И такъ-же не прочь дать за мою приданое?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, батюшка, семь тысячъ серебромъ чистогану! Это наследство послѣ покойнаго ея дяди.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Ну-съ!... такъ вотъ что-съ. . вы дайте мнѣ въ приданое только пять тысячъ. а остальные употребите на уплату моихъ долговъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. И! что ты, батюшка, какъ можно!.. Слѣю-ли я распорядиться дочеринимъ капиталомъ, и за что-же я отниму у васъ двѣ тысячи!..

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Съ насъ довольно и пяти. Я даже согласенъ вотъ на что: уплатите только долги, и больше мнѣ ничего не надо.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Нѣтъ, батюшка, на одно твое жалованье трудно жить; вы оба люди молодые.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Пожалуй, и того не нужно, я самъ ихъ уплачу. Только дайте намъ ваше согласіе.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Твое безкорыстіе дѣлаетъ тебѣ честь;—я вижу и радуюсь, что ты любишь мою дочь истинно; но съ моей стороны.... Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, что хочешь, но я противъ чести ни шагу.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (всторону). Охъ! бѣда имѣть дѣло съ этими честными душами. (Ей). Лизавета Ивановна!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Что батюшка?

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Я вижу, что вы непреклонны, и готовъ ждать. Но позвольте просить одной милости, не лишите меня послѣдняго утѣшенія, позвольте мнѣ иногда посѣщать васъ, чтобы видѣть Марью Христофоровну.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ни, ни! ни! сказала одинъ разъ навсегда: не могу этого дозволить. Конечно, хоть ты человекъ благородный, а душевно люблю тебя и совершенно надѣюсь... Но, знаешь, свѣтъ, толки, сплетни! Дѣвухѣ репутація дороже всего.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Но если вы согласны на нашу свадьбу, то я буду посѣщать домъ вашъ въ качествѣ жениха. Обручите насъ, тогда не будетъ никакихъ толковъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Нѣтъ, батюшка! злые языки найдутъ къ челу привязаться!.. Дѣлать нечего, голубчикъ, потерпи... авось все перемелится.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (всторону). Эхъ ты, пустая мельница!.. Тебѣ хорошо разсуждать, а каково-то мнѣ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (трепая его по щеckъ). Да, голубчикъ, вы много ждали, подождите-же еще немножко... До свиданія, родной... (Звонитъ къ себѣ).

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (кланяется ей и продолжаетъ качать веселье)

ей головой, пока Анзавета Ивановна не уйдет за дверь. Потеряв терпение). Нѣтъ! Ее и бомбой не своротить!.. Вѣдь это хочетъ показать твердость характера, свою стойкость, вотъ молъ, какъ я умѣю держать свое слово... А. не думаетъ о томъ, что отнимаетъ счастье у родной дочери.

—
V.

МОЛОДОЙ ХЛЫСТИКОВЪ и МАША выходятъ.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (не видя ея). Да гдѣ имъ понимать!.. Она вблизи въ свою пустую башку: давши слово держись. А кто ее просилъ давать это слово!..

МАША. Сергѣй Осипычъ, что съ вами? На кого это вы изливаете вашу желчь?!

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. На вашу матушку, ужъ не взыщите!.. Я просто ошалѣлъ!.. Но все это отъ любви къ вамъ!

МАША. Подите, можете-ли вы любить меня, когда такъ говорите про маменьку.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Ахъ! виновать!.. я совсѣмъ потерялъ голову! Пожалуйте меня!.. Вы не знаете, что я терплю! Право, не будь я то, что есть, я-бы... заплакалъ... (Плача). Да чего же лучше?.. Смотрите... смотрите... слезы...

МАША (плача). Ахъ! бѣдный Сереженька! въ-самомъ-дѣлѣ слезы...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Машенька! Да о чемъ же вы то плачете?.. Ну, пусть я одинъ страдаю, а то вы то... Перестаньте!.. (Вытираетъ ей глаза своимъ платкомъ). Мнѣ ужъ за-одно... Нынче надо-бы всю ночь писать, дѣло очень нужное, а я вплоть до утра проплачу!...

МАША. Нѣтъ, ненадо плакать, будетъ голова болѣть... и глаза распухнуть: завтра всѣ замѣтятъ. Сереженька не плачьте.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Нѣтъ, не могу!

МАША. Если любите меня!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Охъ! оттого-то я и плачу!..

МАША. Ну, пожалуйста? (Утираетъ ему глаза, онъ цѣлуетъ ей руки).

VI.

ТЪМЪ • ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Батюшки-свѣты!.. Это что?!..

МАША (отскакиваетъ отъ него). Ахъ!..

МА. ХЛЫСТИКОВЪ (всторону). Вотъ некстати! Я только-что разнѣжился!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ахъ, ты безстыдница! Такъ вотъ ты на что пустилась!.. Выбѣгать къ чужому мужицкѣ, на шею вѣшаться, и двинуть въ комнату, а то на лѣстницѣ, гдѣ всякой можетъ увидать! Что подумаютъ?!.. что скажутъ?!..

МА. ХЛЫСТИКОВЪ. Лизавета Ивановна.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Молчите, сударь! съ вами послѣ! (Дочери). Ну, а ты сударыня, что скажешь?

МАША. Маменька!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Молчи! Еще ты смѣешь возражать! И я, дура, повѣрила ей, думала въ-самомъ-дѣлѣ она пошла къ сестрѣ за выкройкой, а она вотъ гдѣ!.. вотъ она какіе фасоны выкраиваетъ!

МАША. Да я нечаянно...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Что?!.. Нечаянно?..

МА. ХЛЫСТИКОВЪ. Лизавета Ивановна!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Молчи, сударь! съ тобой еще уесть!.. (Дочери). Такъ-то ты слушаешь мои приказанія? Что я тебѣ говорила? а? отвѣчай-же.

МАША. Да право, маменька...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Молчи!.. погоди!.. вотъ я съ тобой сдѣлаюсь.

МА. ХЛЫСТИКОВЪ (всторону). Тьфу ты! шальная баба!.. то отвѣчай, то молчи!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (хватая дочь за руку). Ну, да съ тобой, я дома сдѣлаюсь! (Вталкиваетъ ее въ дверь). Теперь, сударикъ, съ тобою... (Наступаетъ на Хлыстикова, тотъ отступаетъ отъ нея).

МА. ХЛЫСТИКОВЪ. Лизавета Ивановна!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Молчи!.. И тебѣ это вестыдно?.. Заставить дѣвчонку забыть свои обязанности? Ну-ка, скажи?

МА. ХЛЫСТИКОВЪ. Лизавета Ивановна!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Молчать!..

МА. ХЛЫСТИКОВЪ. Опять!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Я считала тебя за человѣка добраго и че-

стнаго, радовалась, что могу пристроить за тебя дочь свою; а ты, вот что устроишь! ты опозоришь мою семью годову... Да знаешь-ли...

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*выйдя из себя*). Прощу васъ замолчать!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*отступая отъ него*). Что?!

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*наступая на нее*). Молчать! Тарифы мое лопнуло! И вамъ это нестыдно, губить изъ молочныхъ расчетовъ дочь! заставить ее вѣкъ страдать и мучиться изъ-за того только, чтобы не разлучаться съ деньгами! Вы упрекаете ее за то, что она меня любить; но вы сами довели ее до этого!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Что?!

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Молчать! Да; ты одна всему причиною! Если-бы ты дала намъ свое согласіе, мы не сходились бы на лестницъ; я приходилъ бы къ вамъ въ квартиру!.. Люди ничего бы не знали и не было бы никакихъ слуховъ!..

VII.

ТЪЖЕ. — **СТ. ХЛЫСТИКОВЪ.**

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Что за шумъ? Что за окаяніе!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ахъ! Осипъ Ѳедорычъ, заступитесь! Уйдите вашего сына; онъ меня просто прибить!

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*не видя отца*). Да не знаю, что меня удерживаетъ!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Слышите?!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*ставъ между ними*). Сережа! Нехорошо! Такъ съ дамами не обращаются!..

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Какая она дама?.. Она просто Ахъ, это вы, батюшка!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*хладнокровно*). Да, это я... Успокойся; выходить изъ себя неприлично человѣку благовоспитанному; во-вторыхъ, это вредно для здоровья; въ-третьихъ: можно отвѣтить полиціи за такіе поступки!.. Человѣкъ хладнокровный во всемъ и всегда выигрываетъ!..

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да развѣ можно быть хладнокровнымъ съ этимъ народомъ?!.. (*Ходитъ по сценѣ*). Вѣдь еслибъ вы слышали...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, еслибъ вы слышали, какъ онъ меня ругалъ...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*хладнокровно*). Что жъ, можетъ—быть вы ему надѣляли большихъ неприятностей?.. А вы знаете, всему есть границы — онъ человекъ вспыльчивый!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Слышите!.. Я же и виновата! Я надѣла ла ему неприятностей!.. Вы спросите—ка его, что онъ сдѣлалъ съ моею дочерью...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*нюхая табакъ*). Сережа! что ты сдѣлалъ съ ихъ дочерью?..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Слушайте ее!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*Лизаветь Ивановну*). Онъ не отвѣчаетъ!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Вы, какъ отецъ, можете заставить его отвѣчать.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Нѣтъ, я не люблю насилія!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Папенька! однимъ—словомъ, эта старуха взбѣсилась оттого, что я поцѣловалъ руку у Марьи Христофоровны!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*Лизаветь Ивановну*). Что жъ, тутъ нѣтъ никакого преступленія, вѣдь они почти женихъ и невѣста...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, были!.. Но теперь между нами все кончено! Съ этихъ поръ сынъ вашъ хоть звѣзды хватай, а моею дочери не видать ему, какъ ушей своихъ.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Почему же такъ?.. Сынъ мой человекъ достойный, хотя своихъ и не хватать.

КВАШНИНЪ (*выглядывая изъ двери*). Что это значитъ?.. Сестра заперлась въ своей комнатѣ и рыдаетъ, а здѣсь какъ—будто ссора!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Сударыня, Лизавета Ивановна! Успокойтесь и выслушайте...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Говорите, батюшка, я спокойна... Я умѣю прощать обиды.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Я прошу у васъ прощенія за моего сына. Молодость, необузданная страсти!.. Но онъ человекъ добрый, онъ любить дочь вашу, она его также... Не лишайте ихъ счастья! Благословите ихъ... Онъ и вамъ будетъ добрымъ сыномъ. Сережа! Что жъ ты ничего не говоришь?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да, я образумился!.. Простите меня, Лизавета Ивановна! Я виноватъ передъ вами... Я забылся!.. Но, клянусь вамъ, причиною всему моя любовь къ вашей дочери...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*успоковаясь*). Вотъ то—то, батюшка! Не надо быть слишкомъ горячимъ!.. Ну, да такъ и быть, я не сердусь! Только впередъ не дѣлай этого.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (сыну). Сережа уйди: я съ нѣмъ поговорю за тебя. (Молчаніе. Хлыстиковъ уходитъ).

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Сергѣй Осипычъ, куда же вы?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Извините; я нарочно его услаля, чтобы намъ удобнѣй было объясниться о ихъ бракѣ...

КВАШНИНЪ (показываетъ). А вотъ оно что!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Я согласна; но вы знаете причину?...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Долги моего сына, знаю. Но онъ ихъ уплатитъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Когда?!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Послѣ свадьбы...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Нѣтъ, благодарю покорно! Сказала разъ навсегда, что этого не будетъ; а я госпожа своего слова. Вотъ заплачуте-ка вы его долги, васъ не раззорятъ какія-нибудь двѣ тысячи цѣлковыхъ.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Двѣ тысячи! легко сказать! Да вѣдь это будетъ семь тысячъ ассигнаціями.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ну, вотъ видите, какіе пустяки! Стоятъ ли хлопотать?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (начиная терять терпѣніе). Сударыня, это я знаю—пустяки, или нѣтъ; при вашемъ состояніи, неспорно, можетъ быть и пустяки!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (теряя терпѣніе). Ахъ, батюшка; да что вы считали мое состояніе что ли?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Считать не считалъ, а ужъ это всѣмъ извѣстно, что у васъ въ ломбардѣ довольно.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Мало ли что извѣстно! Я же не говорю, сколько у васъ дома въ сундукѣ; а вѣдь тоже всѣ знаютъ!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (потерявшись). Что-съ?! Какая нелѣпость! (Всторону). Вѣрно Марфутка подглядѣла! Завтра же съ двора долой! А то пожалуй еще воровъ подведетъ.

КВАШНИНЪ (въ дверяхъ). Вотъ что называется — нашла коса на камень. (Скрывается).

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, батюшка, и куда вы копите?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Матушка! вы то кому бережете?!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Умрете, все останется!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да вѣдь и вамъ долге своего вѣка не жить.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Какъ душа вонъ изъ тѣла, такъ сундучекъ-то распечатаютъ!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (всторону). Зловѣщая ворона! (Ей). Да вѣдь и вы ломбардныхъ-то билетовъ съ собой не возьмете.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Одумайтесь, батюшка! Не берите грѣхъ на душу!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Тьфу, ты! голова кругомъ!.. Моё почтеніе, сударыня! (*Кланяется и уходитъ*).

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ахъ, ты скрага! Какъ онъ меня разстроилъ! Пойти, принять Гофманскихъ канцель! (*Уходитъ къ себѣ*).

VIII.

ИИ. ХЛЫСТИКОВЪ, ПОТОМЪ КВАШИННЪ.

ХЛЫСТИКОВЪ (*въ блонъ пальто*). Писать не могу, руки дрожать; поѣду къ Ильинымъ на дачу, авось хоть немножко развѣсь. Завтра же въ должность не идти. (*Уходитъ внизъ по лестницѣ*).

КВАШИННЪ (*выходитъ*). Просто, нѣтъ средствъ усидѣть дома; — сестра рыдаетъ, мать всёхъ ругаетъ. Пойду въ Пассажъ. (*Идетъ и возвращается*). Ахъ, славная мысль! Новая шутка... (*Звонитъ у дверей Хлыстикова*). Осипъ Ѳедорычъ!.. Осипъ Ѳедорычъ!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*Отпирая*). Чтò вамъ угодно?

КВАШИННЪ (*съ отчаяніемъ*). Вообразите, какое несчастіе постигло домъ нашъ, — моя бѣдная сестра. (*Закрываетъ платкомъ глаза*)

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*съ испугомъ*). Чтò съ нею?!

КВАШИННЪ. Умерла!.. отъ расширенія жилы къ сердцу!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*пораженъ*). О! батюшки! (*Захлопываетъ дверь*).

КВАШИННЪ. Славно!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*за дверью*). Чтò это, двери настежь! (*Выходя*). Аполлонъ! Чтò ты тутъ дѣлаешь?

КВАШИННЪ (*всторону*). Ну-ка, теперь пугнемъ другую! (*Ея*). Ахъ! Я въ отчаяніи! Все погибло! ,

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*съ испугомъ*). Чтò, чтò такое?

КВАШИННЪ. Бѣдный Сергѣй Осиповичъ! Сейчасъ былъ совершенно здоровъ и вдругъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*въ испугъ*). Ну!.. Чтò съ нимъ?

КВАШИННЪ. Сію минуту умеръ отъ удара!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. О! ужасъ! (*Захлопываетъ дверь*).

КВАШИННЪ (*самодовольно усмѣхаясь*). Хмъ! Эхъ, а нѣтъ драматичъ! Теперь пойду въ Пассажъ.

Въ дѣлахъ серьезныхъ не шучу я...
Не стану въ шутку надувать,
Шутя, обидѣть не хочу я, —
Иль въ шутку друга обыграть,
Для шутки завлевать дѣвицу,
Иль, у кого добро отбить...
Вводить на ближнихъ небывицу,
Ихъ има доброе чернить;
Я шуткой не коснуся чести,
Шутя друзей не продаю...
Шутя не измѣню невѣсть...
Словъ честныхъ въ шутку не даю...
Шутя — я одного желаю:
Свою шуткой посмѣшить...
Но не всегда въ томъ успѣваю. —
На всѣхъ не шутка угодить.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Ночь. Тамъ декорация. Сцена освѣщена полусвѣтомъ отъ фонаря.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, МАША и СЛУГА.

I.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*печальна и очень нѣжна съ дочерью*).
Повзжай, Машенька, Иванъ проводитъ тебя; погостишь у тетки; у нея
весело, садъ—что твоя дача.

МАША. Маменька, да право мнѣ и дома весело!.. Я лучше бы
желала остаться съ вами...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Полно, голубушка, ужъ какое дома веселье!..
Со мной, со старухой, какая тебѣ компанія? Повзжай же.

МАША. Маменька! позвольте мнѣ остаться.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да что ты, глупенькая, вѣдь я конечно те-
бя не принуждаю. (*Всторону*). Чудесная мысль! (*Ей*). Но видишь-ли
что, хотѣла было сдѣлать тебѣ сюрпризъ, да ужъ видно надо сказать.
Я хочу передѣлать твою комнату, и завтра чѣмъ свѣтъ придутъ обои-
щнки...

МАША. Неужели?.. Мамаша! какіе вы добренькія!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Кого-же мнѣ и побаловать, какъ не тебя,
вѣдь ты у меня одна отрада. (*Цѣлуетъ ее*). Ну, побъжай-же!

МАША. Такъ, до свиданія, мамаша.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ну, Иванъ, провожай барышню.

МАША (*уходя, всторону*). Что это съ мамашей? Она никогда изъ
была такъ ласкова. (*Уходитъ съ Иваномъ, Лизавета Ивановна
проводжаетъ ее до лѣстницы*).

II.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА одна.

Бѣдняжка! Она и не подозреваетъ, для чего я ее усала изъ дому.
А жаль, очень жаль бѣднаго Сергѣя Осиповича!.. (*Раздумываясь*).
Странно однако... умеръ ударомъ—человѣкъ молодой... Ужъ не оттого-
ли, что я не соглашалась отдать за него Машу! Странно! Странно
быть причиною смерти... Но могла-ли я думать. (*Закрываетъ лицо
платкомъ*).

III.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА и СТАРШІЙ ХАНСТИКОВЪ. Выйдя, запираетъ дверь на ключъ, и вл-
деть его въ карманъ.

СТ. ХАНСТИКОВЪ. Нѣтъ, пойду опять на улицу, все легче. Легъ
было спать, но лишь только закрою глаза, тѣтъ покойница и вер-
тится, и голось ея слышится. (*Увидя Лизавету Ивановну*). Ахъ!
вотъ она, бѣдная мать!.. Вышла на лѣстницу поплакать... Ну, да въ

комнатахъ конечно тяжелѣ, безпрестанно на глазахъ... У меня, у самого сердце точно въ тискакъ... Тоша страшная!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*слыша послѣднія слова*). Ахъ! вотъ онъ, несчастный отецъ! И не плачетъ даже... Ну, конечно, сердце окаянъ было. Жалко потерять сына такихъ лѣтъ...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. (*про себя*). Надо-бы ей сказать что-нибудь въ утѣшеніе, да не знаю, какъ начать.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*про себя*). И ждала-бы его хоть нѣсколько успокоить. Да пожалуй хуже расстроившись.

ХЛЫСТИКОВЪ. Въ такихъ случаяхъ, утѣшенія только разстроятъ...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Впрочемъ, если я начну, онъ, можетъ-быть, заплачетъ, тогда ему будетъ легче.

ХЛЫСТИКОВЪ. Однако долгъ велитъ утѣшать страждущаго... (*Ей съ собою замованіемъ*). Что, Лизавета Ивановна?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*также*). Что, батюшка, Осипъ Федорычъ?

ХЛЫСТИКОВЪ. Не стало, матушка...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, отецъ, не стало!..

ХЛЫСТИКОВЪ (*вздыхнувъ*). Что дѣлать...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*также*). Вѣрно такъ Богу угодно...

ХЛЫСТИКОВЪ (*восторжну*). Я не ожидалъ въ ней такой твердости... Потерять единственную дочь... (*Кѣ*). Надо покориться... пережить безропотно!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Конечно, батюшка... (*Восторжну*). Признаюсь, не ожидала, что онъ такъ холодно перенесетъ потерю единственнаго сына.

ХЛЫСТИКОВЪ. Можно-ли было ожидать!.. Давно-ли, кажется, мы съ вами видѣли нашихъ дѣтей вѣсѣтъ, здоровыми и счастливыми... и вдругъ неумолимая смерть...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, еще недавно мы любовались ими, радовались, и вдругъ... (*Тяжело вздохнувъ*). Но что дѣлать!!

ХЛЫСТИКОВЪ. А, какъ бы вы думали, какая была причина смерти?..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Боюсь и вздумать, что причина-то огорченіе... Но можно-ли было ожидать?.. Я съ радостію благословила бы ихъ, если-бъ предвидѣла!.. Что жъ такое, уплатили бы долги Машенькинымъ приданымъ...

ХЛЫСТИКОВЪ. Да если-бы и я зналъ, то конечно, заплатилъ-бы за моего сына... Вѣдь я не отъ жадности-же не дѣлалъ этого; но хотѣлъ его немножко проучить!.. И вотъ до чего это дошло!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Страшно подумать!.. Но развѣ могли вы это предвидѣть... Вы, какъ отецъ, ему-же добра желали...

ХЛЫСТИКОВЪ. Конечно-съ. (*Всторону*). Меня поражаетъ ея хладнокровіе... Даже и не плачетъ! (*Ей*). Тяжко на старости гдѣтъ остаться одинокимъ, безъ утѣшенія! (*Тяжело вздыхаетъ*). Но какъ быть...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, батюшка, что дѣлать! (*Всторону*). Просто непонятно, какъ онъ холодно разсуждаетъ... слезъ и слѣда нѣтъ... Конечно, батюшка, всё мы смертны!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да-съ! конечно-съ! (*Всторону*). Непостижимо, чтобы мать была такъ холодна... Какая мысль!.. Неужели причина ея холодности та, что дочерній капиталъ остался въ ея пользу?.. (*Ей*). Страшно, тяжело намъ видѣть мертвымъ то существо, которое было дороже всего на свѣтѣ. Но что-же дѣлать?..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВА. Да, батюшка, воля Божія! (*Всторону*). Несчастный! Онъ разсуждаетъ такъ, какъ будто это до него нисколько не касается; но тѣ люди, которые не плачутъ, всегда страдаютъ болѣе, и даже иногда теряютъ разсудокъ! Надо-бы довести его до слезъ. (*Ему*). Подумаешь, жизнь-то человѣческая! Въ одну минуту, какъ и не было... вотъ мы, старики, остались, а кому-бы только что жить...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*всторону*). Нѣтъ, эта холодность не даромъ; она такъ скупа.... (*Ей*). Лизавета Ивановна! Я думаю, вамъ эта потеря очень чувствительна?..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*удивясь*). Мнѣ?! — Какъ-же, батюшка, вѣдь я очень любила...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*всторону*). Очень любила! И эти слова она проноситъ такъ покойно.. другая на ея мѣстѣ залилась-бы слезами. (*Ей, рѣшительно*). Послушайте, Лизавета Ивановна! Я дѣло другое... но и мнѣ очень жаль...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*всторону*). Какъ! Что такое: «И мнѣ очень жаль». И это онъ говорить о сынѣ. Несчастный отецъ! Кажется, онъ потерялъ разсудокъ. (*Ему*). Какъ же, батюшка, не жалѣть, вѣдь это и со стороны до кого доведись.... Но вѣдь что-жъ дѣлать... не воротись...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. (*всторону*). Тьфу ты, проклятая скудость!.. Ей не только не жаль дочь, но кажется, она рада, что избавилась. (*Ей*). Лизавета Ивановна! что еслибы, примѣрно,—я былъ на вашемъ мѣстѣ?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Такъ что-жъ бы, батюшка?..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Вы меня извините, конечно всякій чувствуетъ по своему...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Что-же, батюшка? — я не понимаю...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Простите, пожалуйста!.. Но я, на вашемъ мѣстѣ не пережилъ-бы этого... Потеря слишкомъ тяжела...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*всторону*), Несчастный! — рѣхнулся! — рѣхнулся!.. (*Патится отъ него къ своей двери*). Какъ-же, батюшка... Но вѣдь что-же дѣлать...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. И вы это такъ спокойно произносите? Да я бы на вашемъ мѣстѣ... (*Подстунаетъ къ ней*).

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Такъ, такъ, батюшка! (*Всторону*). Уйти отъ него... А то сердце такъ и надрывается!.. Экой несчастный!.. (*Ему*). Прощайте, батюшка!.. подите ка; успокойтесь... Что-жъ дѣлать-то. (*Уходитъ и запираетъ дверь ключемъ*).

IV.

СТАРШІЙ ХЛЫСТИКОВЪ, одинъ.

Что-жъ дѣлать-то!.. И это говорить мать!.. И говорить такимъ тономъ, какъ-бы сказала: что-жъ дѣлать-то, что говядина дороже!.. О! скупость, скупость! (*Размышляя*). А что, еслибы мой сынъ, — былъ такъ-же чувствителенъ, какъ ея покойная дочь, и умеръ бы отъ огорченія, что я не плачу его долги? Что-бы со мною было?.. Меня совѣсть замутила бы до смерти!.. Охъ! Что-то будетъ съ Сергѣемъ, какъ онъ узнаетъ о смерти своей невѣсты?.. Ужъ не заплатитъ ли мнѣ за него?! Это хоть нѣсколько усладитъ его горестъ, а то, пожалуй, и онъ въ слѣдъ за нею... Да, заплачу! (*Помолчавъ*). Впрочемъ, сынъ мой, кажется, не такого чувствительнаго сложенія, авось перенесетъ; къ тому же, вѣдь онъ хлопоталъ заплатить поскорѣе долги затѣмъ, чтобы жениться на Квашниной, а теперь ее ужъ вѣтъ, стало и торопиться не затѣмъ... Вотъ, еслибы я раньше зналъ, что Машенька умретъ отъ этого, то право заплатилъ-бы... Оно хоть и неумышленно, но быть отчасти причиною смерти ближняго прискорбно!.. Страшно!.. только подумаю, то совѣсть такъ и возстаетъ.. Хотѣлось бы взглянуть на покойницу, но не смѣю; — не смѣю даже проститься съ нею. (*Задумывается*).

V.

СТАРШІЙ ХЛЫСТИКОВЪ И МАША (*входитъ не замѣченная имъ и звонитъ къ себѣ*).

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Впрочемъ, что-же, вѣдь я нисколько невиновать

передъ нею!.. я всегда любилъ ее отъ души. — Поѣду, прошусь, надо отдать послѣдній долгъ. (*Поворачивается, и видя Машу, которая стоитъ къ нему спиною, вздрагиваетъ*). Тьфу! что это! и здѣсь мерещится! (*Убѣгаетъ къ себѣ*).

VI.

МАША И ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, отъ себя.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*отворяя дверь*). Что это значить?.. Зачѣмъ ты вернулась?

МАША. Ни тетеньки, ни сестеръ нѣтъ дома, они уѣхали въ Крошадѣ на цѣлую недѣлю.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Экая жалость! — Ну, дѣлать нечего, ступай, душечка, ложись спать; а дверь заперать не вели, я сію минуту вернусь... только схожу къ Аннѣ Васильевнѣ. (*Маша уходитъ*). Посоветуюсь съ нею, какъ приготовить Машинку къ этому ужасному извѣстію... Хуже, если она нечаянно узнаетъ. (*Уходитъ наверхъ*).

VII.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ, всходить снизу.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. И въ обществѣ не могъ найти развлечения! Тоска страшная! — Просто, хоть со свѣта бѣги! — Что-то дѣлаетъ Машенька? — Я думаю, страдаетъ не меньше моего. (*Подходитъ къ дверямъ Кошкиныхъ и смотритъ въ заманъ*). Ничего не видать.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*сходя съ лестницы и не видя Хлыстикова*). Экая жалость! Анна Васильевна спитъ уже. Дѣлать нечего, надо оставить до завтрага. (*Увидя Хлыстикова, приходитъ въ ужасъ*). О! баюшки, что это?! (*Протираетъ глаза; Хлыстиковъ въ это время оборачивается къ ней лицомъ*). Ахъ! онъ! — онъ! — помогите!

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*не узнавъ ее*). Кто тутъ?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*закрывая руками глаза*). Ай! его голось! — помог...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Лизавета Ивановна! это вы?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Зоветь!.. умиряю!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*подходя къ ней*). Что съ вами?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*хочетъ бѣжать навстрѣхъ и не можетъ*).
Анн! Анна Васильевна!

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Лизавета Ивановна, ужъ не захворалили вы?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Помилуй!.. Не дай умереть, не простясь съ дочерью! Охъ! дыханье захватило!.. охъ!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Такъ надо скорѣй послать за докторомъ. Позвольте, я васъ сведу домой! (*Хочетъ взять ее подъ руку*).

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*собравшись съ силою поднимается мѣсячко-ко ступенекъ выше, и опять садится отъ изнеможенія*). Охъ! чего ты отъ меня хочешь? Зачѣмъ ты встаешь?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да я и не ложился, а только что возвращаюсь домой...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Да, теперь ты дома... Насталъ конецъ твоимъ страданіямъ!

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Я васъ не понимаю...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Вѣдь твой расчетъ со всѣми конченъ.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*обрадовавшись*). Какъ? Развѣ батюшка заглянулъ за меня?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. И дочь моя не можетъ принадлежать тебѣ...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Какъ! Развѣ вы опять разсердились?! А! вамъ вѣрно на меня насплетничали? Кто это сочинилъ такую штуку?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Нѣтъ, о тебѣ и при жизни никто не отзвался дурно.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. При жизни?! (*Всторону*). Чортъ знаетъ, что она такое городить? (*Ей*). Лизавета Ивановна! сдѣлайте милость объясните, чѣмъ вы недовольны?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Довольна! всѣмъ довольна... только сѣройся!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Вы сказали, что забываете мое оскорбленіе, и я повѣрилъ моему счастью, — опять получилъ надежду и рѣшился ждать.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Ждать! моей смерти?..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Я придумалъ маленькій оборотъ, и надѣюсь скоро соединиться съ вами.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*задыхаясь*). Соединиться?!. Стало мнѣ не долго осталось?...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да, недолго — можетъ-быть завтра-же...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Такъ скоро? (*Рыдая*). О! несчастная! Да неужели я ничѣмъ не могу искупить себя?!;

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*въ изумленіи*). Что-съ!?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВА (*падая на колѣна*). Помилуй! сжался! клянусь исполнить все, что ты прикажешь... но только пощади!..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Какъ-съ?..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Хочешь-ли, я заплачу всѣмъ твоимъ кредиторамъ?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*обрадовавшись*). Неужели? О! добрыйшая Лизавета Ивановна! Но встаньте, пожалуйста, мнѣ совѣстно ..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*не встаетъ*). Ты согласенъ?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Еще бы!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Такъ завтра-же; — но послѣ этого успокоившись ли ты?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Ужъ какъ успокоюсь-то!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. А я, останусь-ли въ покоѣ?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Отъ этого мы всѣ будемъ счастливы, а тамъ я съ вами разочтусь...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Разочтешься? — Значить, я уже не жилица на бѣломъ свѣтѣ!.. Позволь же хоть нѣсколько часовъ, чтобы распродаться...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*всторону*). Что это за чепуха!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Удались же, скройся. Позволь мнѣ войти къ себѣ въ квартиру...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Сдѣлайте милость, не перемоньтесь, будьте, какъ дома!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Но отойди подальше, при тебѣ я не смѣю сдѣлать шагу.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Извольте, если вамъ угодно... хоть и не понимаю, къ чему это. (*Уходитъ въ противоположную сторону*).

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Наслаут-то. (*Идетъ къ себѣ, держась о стѣну, и со страхомъ озирается*.) Такъ вотъ жизнь-то человѣческая! — Еще утромъ я была совершенно здорова! Охъ! душно! душно!!

VIII.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ, потомъ СТ. ХЛЫСТИКОВЪ и КУХАРКА.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Изъ всего того, что она говорила, я ровно ничего не понималъ!.. Ужъ не случилось ли у нихъ чего-нибудь въ мое отсутствие?.. Хоть бы Машенька вышла сюда, она бы мнѣ все пояснила. (*Подходитъ къ дверямъ Квашинныхъ, Старый Хлыстиковъ отпираетъ дверь и пропускаетъ впередъ кухарку, а сама*

остается за дверью). Ступай, осмотри хорошенько сѣни — не стоить ли еще...

КУХАРКА (со свѣчей въ рукахъ). Да нѣту, батюшка, никого не видать.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (стоя въ дверяхъ). Ну, такъ слушай-же, я уѣду, можетъ-быть до утра не возвращусь, — ты смотри хорошенько за домомъ, — безъ спросу никому не отпирай...

КУХАРКА. Ладно, батюшка...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Ну, запри дверь на ключъ и проводи меня внизъ со свѣчей. (Всторону). Просто нѣтъ силъ усидѣть дома; въ каждомъ углу мерещится покойница. (Ей). Постой, посмотри; не стоить ли кто-нибудь у тѣхъ дверей?

КУХАРКА (смотря). Стоить кто то въ бѣломъ...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (захлопывая дверь). Въ бѣломъ!.. Она!

КУХАРКА. Да что съ нимъ сдѣлалось, живыхъ людей боится! (Подойдя къ м. Хлыстикову). Ахъ, да это вы, баринъ!.. Осипъ Федорычъ! Идите, не бойтесь, это Сергѣй Осипычъ!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (отпирая дверь). Слышь! А я такъ и обмерь! (Бросаясь къ нему на шею). Сережа! — на свлу-то ты пріѣхалъ... я безъ тебя едва не погибъ.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Что съ вами случилось, папенька?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (со страхомъ). Я видѣлъ... Ахъ, да ты еще ничего не знаешь... вообрази... Нѣтъ не могу сказать... лучше пусть ктонибудь другой поразитъ тебя... А я, какъ отецъ, не въ силахъ.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (съ безпокойствомъ). Но что же такое?.. вы пугаете меня...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (обнимая его нѣжно). Другъ мой! Человѣкъ долженъ быть готовъ во всякое время переносить удары рока! — и человѣкъ благоразумный не долженъ приходиться въ отчаяніе...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Но, батюшка, сдѣлайте милость, объясните...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Потерпи, завтра утромъ ты узнаешь — а теперь я хочу устроить свои дѣла; — нынче я перенесъ ужасныя мученія; — но это узнаешь послѣ. А теперь, какъ добрый отецъ, я хочу уплатить всѣ твои долги.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Неужели?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да. Я убѣдился выѣшній вечеръ, что деньги соръ! (Вынимаетъ бумажникъ) Вотъ, Сережа, здѣсь ровно двѣ тысячи серебромъ; возьми, раздай своимъ кредиторамъ, и будь счастливъ... (Тяжело вздохнувъ) если можешь.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*цѣлуя у него руку*). Милый, добрый паночко, какъ васъ благодарить?..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Къ чему благодарить — долгъ отца платись о дѣтищѣ!..

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. О! я теперь такъ счастливъ, что не знаю, какъ и сказать!.. Квашнины еще не спятъ — пойду, обрадую Машеньку.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Машеньку! Другъ мой, не торопись, погоди до завтра! (*Обнимая его*) Но умоляю тебя, будь твердъ! ты мужчина.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Батюшка! вы пугаете меня! — Вѣрно у нихъ что-нибудь случилось?.. Старуха была такъ расстроена...

IX.

ТОНЯ И КВАШНИНЪ.

КВАШНИНЪ. Мое почтеніе! Вы еще не спите?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*сыну*). Вотъ отъ него можешь все узнать; но повторяю — будь твердъ!..

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Аполлонъ Христофорычъ, объясните, пожалуйста, что у васъ случилось?

КВАШНИНЪ. У насъ? Ничего.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Отчего ваша матушка такъ встревожена?

КВАШНИНЪ. Не знаю.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. А сестрица ваша — что?..

КВАШНИНЪ. Ничего — она вѣроятно спитъ!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*всторону*). Да, сномъ безмятежнымъ. (*Квашнину*) Аполлонъ Христофорычъ! скрывать не-для-чего, вѣдь рано, или поздно, онъ узнаетъ.

КВАШНИНЪ (*въ недоумѣніи*). Узнаетъ? — что?

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Нѣтъ, вы что-то скрываете; скажите, не лучше ли мнѣ!..

КВАШНИНЪ. Да что вамъ сказать, если и самъ ничего не понимаю?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*отведя Квашнина всторону*). Послушайте... у вашей сестрицы осталось что-то на душѣ, что знаетъ она усвоено... она встанетъ... ходить!..

КВАШНИНЪ. Хитъ! что-ль такое, что ходить?..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*со угадками*). Я ее видѣлъ самъ, вотъ на этомъ мѣстѣ.

КВАШНИНЪ. Ну-съ?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Я глядѣлъ на нее также, какъ на васъ теперь — глядѣлъ на вашу сестру, понимаете...

КВАШНИНЪ. Чтѣ-жъ такое? Сестра моя не дневное свѣтло, она не издаетъ отъ себя тѣхъ свѣтозарныхъ лучей, на которые не въ силахъ взрвать очи смертныхъ! Хмъ! Каково сказано?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*тихо сыну*). Несчастный! Онъ, кажется, помѣшался отъ любви къ сестрѣ.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Батюшка, я въ ужасномъ положеніи... Я почувствую какое-то несчастье. Не скрывайте же отъ меня, вѣдь я не ребенокъ, сумею перенести. Скажите, чтѣ съ Машей?—Она больна?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ И КВАШНИНЪ. Нѣтъ...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Впрочемъ, скрывать пользы нѣтъ... Другъ мой! собери все твое мужество. Она!.. Маша!.. Несчастливая...

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Ну? чтѣ съ ней?..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Она!.. она!.. (*Маша отпираетъ дверь*).

КВАШНИНЪ. Да вотъ она!..

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*увидя Машу*). О! ужась! явилась и при другіхъ!.. (*Бросается къ себѣ и запираетъ дверь, кухарка уходитъ за нимъ же*).

—
X.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ, КВАШНИНЪ И МАША.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*Машѣ*). Наконецъ-то вы пришла! — успокойте меня! — Вы здоровы?

МАША. Здорова. Но тоскую страшно!

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Вы здоровы, и я счастливъ!.. Тоскѣ нашей конецъ!.. Я квитъ съ моими кредиторами...

МАША (*весело*). Неужели? какимъ случаемъ?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Батюшка платитъ мои долги; но зато, вы не можете представить, какъ онъ напугалъ меня, и вотъ еще Аполлонъ Христофорычъ.

КВАШНИНЪ. Я?!.. Да чтѣ же я такое?..

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Чтѣ вы мнѣ говорили про вашу сестру.

КВАШНИНЪ. Ничего, — я сказалъ, что она спитъ, а это очень естественно.

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Такъ надо спросить папеньку?... (*Звокаетъ къ себѣ*) Папенька! пожалуйста сюда!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*за дверью*). Не могу! — боюсь!

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Помните, чего-жъ бояться, мы здѣсь одни.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*отпирая дверь*). Одни?.. то-есть, какъ одни?..

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Я, Аполлонъ Христофорычъ...

КВАШИННЪ. Чудакъ! чего онъ боится?..

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. И Марья Христофоровна здѣсь...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*заклопывая дверь*). И она здѣсь!.. Ты ее видишь?

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Гдѣ же, Папенька! Папенька пожалуйста сюда.

МАША. Папенька! выйдите къ намъ! — Позвольте мнѣ назвать васъ этимъ именемъ. Добрый папенька!.. Обвините вашу дочь.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*отпирая дверь*). Да что же это такое? Я совершенно теряюсь — или я съ ума сошелъ? Марья Христофоровна! это вы?

МАША. Я! папенька... (*Хочетъ подойти къ нему*).

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Позвольте, позвольте! не трудитесь подходить, — поговоримъ издали... Да это вы, дѣйствительная? живая?!

МАША и ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Что это значить? Я не понимаю.

КВАШИННЪ. А! Такъ я понялъ. У меня вѣдь изъ головы вонь. Успокойтесь, почтеннѣйшій Осниъ Федорычъ! Это была штука: — сестра-то не умерала — это я подшутилъ надъ вами.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*разсердясь*). Опять вы же? Хотя-бы стѣнъ-то постыдился, вѣдь вы своей умной шуткой чуть съ ума не свели меня.

КВАШИННЪ. Неужели?—Хмъ!—значить, я очень поразилъ васъ?

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Да-съ! Вы всегда отличаетесь вашими поразительными шутками! Это доказываетъ то, что съ-молоду васъ мало учили. (*Показываетъ рукою взмахъ розги*).

КВАШИННЪ (*усмѣхнувшись*). Хмъ! А что вы думаете!

—
XI.

ТЪЖЕ, и ЛЕЗАВЕТА ИВАНОВНА.

ЛЕЗАВЕТА ИВАНОВНА (*не видя мол. Хлыстикова, смѣльно встревоженная, и говоритъ слабымъ голосомъ*) Дочь моя, зачѣмъ ты меня оставила?.. Аполлона! и ты вернулся... Идите сюда... побудьте при мнѣ послѣднее время.

МАША (*подходя къ ней*). Последнее время?.. что это значить?..
Маменька, вы такъ растроены?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*обнявъ сына*). Аполлонъ! береги сестру твою!
Ты одинъ останешься ей опорой и утѣшеніемъ — послѣ моей смерти,
замѣни ей мать.

ВОВ (*окружая ее*). Что это значить?..

КВАШНИНЪ (*трагически*). О! маменька! что вы говорите!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Осипъ Федоровичъ! скажите мнѣ, сколько было
долговъ на вашемъ сынѣ.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Помилуйте, къ чему это?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Я хочу заплатить за него...

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Вы? Съ какой стати...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Я должна это сдѣлать для его успокоенія.—
Короче сказать, вы не должны мнѣ противорѣчитьъ, на это есть моя воля,
(*Вздохнув*) моя последняя воля.

МАША (*плача*). Маменька! что съ вами?

КВАШНИНЪ. Вѣрно вы скушали что-нибудь обременительное?

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Надо скорѣй послать за докторомъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*увидя мл. Хлыстикова*). Батюшки! онъ
здѣсь!

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ. Сережа! Съѣзди поскорѣе!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВА (*въ недоумѣніи*). Сережа?!.. Вы говорите съ
нимъ!.. Да развѣ, сынъ вашъ живъ? — Что же это значить?.. Кто
сказалъ?.. А! вспомнила! (*Кричитъ на сына*) Это опять твоя вы-
думка!.. опять твое дурачество!..

КВАШНИНЪ. Маменька! Я это сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы заставить
васъ посмѣяться...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Нѣтъ, ужъ видно ты, Аполлонъ Христофо-
рычъ, до старости доживешь дуракомъ.

МЛ. ХЛЫСТИКОВЪ. Лизавета Ивановна, наконецъ я могу назваться
вашимъ сыномъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Какъ, батюшка?

МАША. Да, мамаша, Осипъ Федоровичъ заплатилъ Сережины дол-
ги... Благословите насъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА. Очень рада! — Стало-быть мнѣ платить не
надобно? (*Уходитъ, прозя Аполлону*) Ну, ты тутъ; въ другой разъ
я тебѣ такъ отшучу, что ты самъ ноги протанешь.

СТ. ХЛЫСТИКОВЪ (*уходя, Квашнину*). Да, да, ваша умная шутка
стоитъ мнѣ двѣ тысячи рублей серебромъ! У! (*Уходитъ*).

КВАШНИНЪ. Неужели? что такъ дорого?

ИЛ. ХЛЫСТИКОВЪ (*жметъ руку Квашицу*): Анолово Христофору! благодарю васъ! Вашей шуткѣ я обязанъ моимъ счастьемъ.

КВАШНИНЪ. Булто-бы? Стало-быть, я ловко подшутилъ?

ГОЛОСЪ ЛЕЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ. Мама! иди же!

МАМА. Сю минуту! До свиданія Сережа!

ИЛ ХЛЫСТИКОВЪ. До завтра! (*Цѣлуетъ ей руку, она уходитъ*).
До свиданья, братъ! Спасибо! удружилъ! (*Уходитъ*).

ХІІІ.

КВАШНИНЪ (*одинъ*). Вотъ что значитъ разность воспитанія! Одни благодарятъ меня за шутку, другіе разсердились; а въ особенности почтеннѣйшій Осипъ Федоровичъ, онъ, кажется, съ большимъ-бы удовольствіемъ съѣлъ меня... Хмъ! чудакъ! — что значитъ слабое образованіе!..

(Помолчавъ, къ публикѣ).

Мы только пошутить хотѣли
За что и просимъ васъ простить...
И неужли вы въ-самомъ-дѣлѣ,
За шутку станете бранить?

ОГЛАВЛЕНЕ VIII ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВЕНСКОІ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ *Н. Д. Хооцинской.* Часть вторая и последняя. (Кн. 3).

КВАРТИРА ВЪ ТАТАРОКОМЪ КВАРТАЛѢ. Изъ разказовъ *Я. И. Полонскаго.* (Кн. 3).

ПЕРЮМАЛЬ МАГУ. Малабарскій разказъ. (Кн. 3).

МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМЪ И МОСКВОЮ. Разказъ въ шести станціяхъ *В. Р. Зотова.* (Кн. 4).

МАЛЕНЬКІЙ МОНТЕ-КРИСТО СЪ БОЛЬШИМИ СТРАННОСТЯМИ. Позавчерашняя исторія, разказанная, а можетъ-быть и вымышленная, господиномъ З***, и съ его словъ написанная. *С. Калошнымъ.* (Кн. 4).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЭМЫ, АДВОКАТСТВО ЖЕНЩИНЫ. *Евгеніи Сарафановой.* (Кн. 4).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ШОПЕНЪ. Статья Франца Листа. (Кн. 3).

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ. А. Сьрова. (Кн. 4).

МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя Дикенсомъ.
(Кн. 3).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Французская пословица. — Россияни и полный каталогъ его оперъ. — Беллини. — Эллигическій стиль. — Верди — Ultra-декламационный стиль. — Риголетто. — Второй періодъ Верди. — Мейерберъ. — Пслѣднія его оперы. Статья Ростислава. (Кн. 3).

Модная наука. — Статистическій обзоръ прошлаго опернаго сезона. — Донизетти и его оперы. — Разборъ «Алексира». — Донъ-Жуанъ Моцарта. — Артисты Итальянской Оперы. — (Кн. 4).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Драма изъ романовъ и *Три Мушкетера*. — Бенефисъ Мондидье. — Бенефисъ Бертона. — Возобновленныя пьесы. — Водевиль въ бенефисъ г-жи Мила. — *Edgard et sa bonne*. — Бенефисъ г-жи Мейеръ. — Пьесы Баяра — *Урна*. Новая драма Эмиля Ожье. — Водевиль въ бенефисъ г-жи Вольвисъ. — Комедія изъ оперы и новая пьеса со старымъ сюжетомъ. — Статистическіе выводы изъ обзора прошлагодней дѣятельности французской труппы. — Составъ труппы, ея согласіе и усовершенствованіе. (Кн. 3).

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

НЪМАЯ СИРОТКА ЛИЗА, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Аппа.
(Кн. 3).

МЕНИХЪ ПО ОШЕВКЪ, или ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ ПОГОНЕННЫМЪ НИ ОДНОГО НЕ ПОЙМАЕШЬ, оперетта въ одномъ дѣйствіи. (Кн. 3).

ДИПЛОМАТІЯ ЖЕНЬ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго г. *Н. Крестовскимъ*. (Кн. 3).

ВИДЪ ЗА ПЕЧАТЬЮ, шутка въ одномъ дѣйствіи, заимствованная съ польскаго г. *Онисеомъ*. (Кн. 3).

(*Бенефисъ г-жи Самойловой 1*).

СУМАСНѢДШІЙ, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ соч. *Жемчужникова*. (Кн. 3).

ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Корженевскаго*. (Кн. 3).

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ЛЕБЕДЯ, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. графа *С. Потемкина*. (Кн. 3).

ОЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШИллера «МАРІА СТУАРТЪ». (Кн. 3).

(*Прощальный бенефисъ г-жи Самойловой 2*).

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. *Островскаго*. (Кн. 3).

Г-ЖА ЧИТАУ И Г. БУРДИНЪ. ДЕБЮТАНТКИ. (Кн. 3).

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *Г. Островскаго*. (Кн. 4).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

Нѣсколько словъ о *Севастопольскомъ театрѣ*. — Г. Жураховскій и его старые сотрудники: г-жа Шульцъ, г. Лебедевъ, Алексѣевъ, Зубовичъ и Струковъ. — *Кишиневскіе театры*: Труппы гг. Соколова и Прункула. Актеры и актрисы. — *Кіевскіе театры*: Труппы гг. Федецаго и Мориса-Піонъ. — Артисты польскіе и русскіе. — *Харьковскій театр*: Артисты: г-жи Федорова, Микульская, Червинская и Пронская, и гг. Алексѣевъ, Львовъ, Виноградовъ, Пронскій и Михайловъ. — *Курскій театр*: Труппа г. Вощенко-Захарченко. — Появленіе гг. Живокини и г. Орлова. — Антипренеръ Малѣевъ. — Паденіе театра. — *Театръ въ Костромѣ*. — (Кн. 3).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. *Письмо изъ Парижа; отъ 10/23 марта.*

Трогательное положеніе корреспондента. — Бальныя наслажденія и бальныя послѣдствія. — Бархатный фракъ и кружевное жабо, — Годовая девятнадцатаго столѣтія на туловищѣ восемнадцатаго. — Водевильныя сцены при разъѣздѣ. — Похожденія мѣра и мѣра терпѣнія его супруги. — Водевиль безъ музыки. — Раздача премій. — Баяръ. — Нѣжное сердце Жюль-Жанена. — Кстати, еще маленькій процессъ. — Вторженіе Абд-эль Кадера во французскую поэзію. — Академія Музыки: «Луиза Миллеръ», опера Верди, сокращенная и дополненная. — Комическая Опера: «Глухой», опера Адольфа Адана; «Свадьба Жюльетты», опера Виктора Массе; «Зеркало», опера Гастинелли. — Французскій Театръ: «Леди Тартюфъ», ком. г-жи Жирарденъ. — Т. Разнообразія: «Будутъ молоть вздоръ», вод. Лабяша, Деланда и Делакюра. Еще три водевила. — Т. Веселости. «Дядя Томъ», драма Анисе Буржуа, Вальи и Текесе; «Маленькій Проводель», водевиль. — Фарсы театра Драматическихъ Шалостей. — Пале-Ройяль. «Вотъ извольте жить въ своемъ домѣ», вод. Баяра. — Пара извѣстій изъ Новаго-свѣта. — (Кн. 3).

АНГЛІЯ. *Письмо изъ Лондона; отъ 11/23 февраля 1853 г.*

Англійская литература. — Мистръ Горъ, леди Джорджіана Фоллertonъ и Корреръ Бель. — Романъ автора «Джени Эйръ». — «Вальетта». — Больверъ. — Лондонскіе театры. — Макбетъ. — Новая пьеса Дугласа Джерольда. — Сентъ-Джемскій театръ и французская труппа. — Комикъ Равель. — Концерты. — (Кн. 3).

ЗАГРАНИЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. *Письмо изъ Парижа; отъ 9/11 апрѣля.*

Потопъ концертовъ. — Путешествія артистовъ. — Мосье Мире и мадамъ Фасоль. — Слѣпые музыканты. — Вѣтанъ. — Сивори. — Герць. — Новый Веберъ и новый Диомедъ. — Совѣщательный кабинетъ Пансерона. — Музыкальный вкусъ химика. — Еще двѣ могилы. — Анекдоты о Тальдѣ. — Гдѣ Тальма изучалъ физиономію. — Продолженіе авторскихъ претензій. — Вліяніе клакеровъ на благополучіе директоровъ. — Отчего процвѣтають театры. — Каталани прошлаго вѣка. — Комическая Опера. *Тонелли*, опера Амбруаза Тома. — Т. Сентъ Мартенскихъ

вероть. *Смарра*, балетъ. Резниковый человекъ. — Пале-Рояль. *Драматическія шалости*, пародія, Димануара и Клервила — Т. Водевиля. *Бокаччю*, комедія. Посмертное торжество Баира.—Т. Веселости. *Собирательница льсу*, драма, Теодора Баррьера. *Ст. А. Банавентуры* — (Кн. 4).

СМЪСЪ.

УРНА. Комедія въ одномъ дѣйствіи. *Октава Фелье*.

НАСТЕГЪ. Разказъ *В. Иванецкаго*.

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО СУШЪ И МОРЕМЪ. Листки изъ записокъ бывалаго человека, собранные *В. Сазиновымъ*. Инкерманская скала (Кн. 4).

ЗАПИСКИ МОЛОДОЙ ЖЕНЫ. *Альберика В—го*. (Кн. 4).

ВЪ ЛОРУСИИ. Въ характеричеекнѣ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ. *Павла Шпилевскаго* (Кн. 4).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Новалисъ (Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ. — Очеркъ современной поэзіи. — Дочь Седена.—ТЕАТРЫ, МУЗЫКА И ИСКУССТВА.—Исторія одного музыканта, разказанная Арсеюмъ Гуссе. — Предказаніе г-жи Ленорманъ. — Вызовъ автора. — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Зимнее воздушное путешествіе. — Тайны химіи.—МЕЛКІЕ РАЗКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ. — Плещущіе деревни въ Канрѣ. — Пѣздка на Чинчайскіе острова за гуаво. — Встрѣча двухъ каравановъ. — Жизнь въ Корейкѣ. — Суецъ и пустыня. — Необыкновенное сходство. — Роза и Октавія. — (Кн. 3).

ЛИТЕРАТУРА.—Вордсвортъ (*статья Диккенса*). — Очеркъ современной германской поэзіи (*статья вторая и послѣдняя*). — ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА. — Снигъ-Сонгъ, Театръ въ Китаѣ. — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Машины Эриксона. — МЕЛКІЕ РАЗКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ. — Жизнь свѣтшагоса червячка, имъ самъ описанная. — Ручной левъ. — Ночь проведенная между аллигаторами. — Наполеонъ и Евгенія. — (Кн. 4).

МОСКОВСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

Неожиданное посѣщеніе. — Геній фельетона и его рѣчь. — Январь и февраль. — Извиненіе. — Свадьбы и разговоры о свадьбахъ. — Балы

разнаго рода и маскирады. — Ныѣшняя зима въ-сравненіи съ прошлыми. — Концерты. — Бѣги. — Литература, газеты и «Москвитиницъ». — Фактъ изъ жизни Гоголя. — (Кн. 3).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА: «Отечественныя записки». — Слабыя статьи послѣднихъ книгъ этого журнала. — Переводъ Иліады для образованной публики. — Какъ объясняются боги и герои у г. Ордынского. — Елена Аріанка. — Прощаніе Гектора съ Андромахой. — Шиллеръ, Гомеръ и г. Ордынский. — *Гостинницы въ древности. Китай въ 1849 и 1850 году.* — *Святки* — г. Михайлова. — *Огненный змѣй* — г. Авдѣева и его крестьяне. — *Дина* — г-жи Т. Ч., характеры и событія этого романа. — Дѣвушки должны выходить замужъ не раньше тридцати лѣтъ. — Невыдержанные характеры и невозможныя приключенія. — Какой урокъ можно почерпнуть изъ походовъ Нади. — Неровность слога. — Ноябрьская книга «Сына Отечества» и мартовская «Библіотеки для Чтенія». — Иногородный подписчикъ исчезъ изъ этого номера. — Мартовская книга «Современника». — *Набѣгъ.* — Судія и незанимательныя статьи. — Стихотворенія. — Пустой человѣкъ и его сужденія о музыкѣ. — Забѣтки о французскихъ журналахъ по поводу русской журналистики. — Портретъ редактора журнала *le Venton* въ pendant къ портрету редактора *Revue des deux mondes*.

II. НОВЫЯ КНИГИ: Библіографія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Сочиненіе *Сергія Смирнова*. — Дочь булочнаго мастера. Сочиненіе *К. Г-на*. — **III. МУЗЫКА:** Кое-что о преувеличеніяхъ. — Музыкальное утро. — Дива и пuffy. — Фельетонное клакертво. — Концертъ г. Мортъе де-Фонтена. — Г-жа де-Фонтенъ. — Г. Соколь и его замѣчательный экспромтъ. — Балъ и концертъ въ пользу «Убѣжища Взрослыхъ Дѣвицъ». — Цыгане. — Онгеръ и его гармоника. — Маленькое слово о великомъ дѣлѣ. — Г. Кажинскій и его заслуги, признанныя имъ самимъ и его поклонниками. — Концертъ его.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ: Масляница. — Адмиралтейская площадь. — Дѣятельность театровъ во-время масляницы. — Число сыгранныхъ пьесъ и актовъ. — Смерть Я. Р. Брянскаго, Е. И. Гусевой и В. А. Каратыгина. — Прощаніе съ публикой В. В. Самойловой 2. — Нѣсколько словъ г. де-Сень Жюльену по поводу его сужденій, о русской литературѣ и русской публикѣ. — Переводъ стихотворенія Лермонтова. — Публичныя лекціи. — Публичная Библіотека. — (Кн. 3).

I. ЖУРНАЛИСТИКА: *Первое апрѣля* русскихъ журналовъ. — неудачно замѣчаніе «Современника». — Апрельская книга «Отечественныхъ Записокъ». — Серьезныя статьи. — Г. Ковалевскій и его «Китай въ 1849 и 1850 году». — Критика г. Кудрявцева на статьи г. Грановскаго. — Новое направленіе исторіи. — Вліяніе на нее естественныхъ наукъ. — Преувеличеніе вліянія природы и физиологіи на историческія событія. — *Журналистика* «Отечественныхъ Записокъ», ея правильныя сужденія и неправильный языкъ. — Разказы г. Небольсина. — Фельетны «Отечественныхъ Записокъ». — Скачка съ препятствіями и коньки. — Портретъ литератора, у котораго свой конекъ. — Англійскіе романы. — Новый романъ г. Крестовскаго: «Кто же ослѣдъ доволенъ?» **II. НОВЫЯ КНИГИ:** Повѣсти и разказы. **A. О. Пшемскаго.** — Давидъ Копперфильдъ. Романъ Чарльза Дикенса. Периодъ съ англійскаго **И. И. Введенскаго.** **III. МУЗЫКА:** Обиліе и цѣна концертовъ. — Дороговизна входныхъ цѣнъ. — Направленіе музыки въ настоящее время. — Истинные жрецы искусства. — Г. и г-жа Леонардъ. — Замѣчательныя композиціи этого артиста и его концерты. — Многогубчивость фельетоновъ. — Г. Антуанъ Контскій. — Его игра и композиціи. — Его права на гениальность. — Утощеніе гг. концертистовъ. — Г. Лещетицкій и характеристика его игры. Его концерты и композиціи. — Братья Шталькнехтъ и Лешгорнъ и ихъ трио. — Г. Совле. — Г. Щенявскій и его новая метода. — Разныя концерты. — Концерты: Филармоническаго общества, въ пользу инвалидовъ, съ нечаянностями. — Нечаянность другаго рода. — Г. Коссовскій. — Концертъ г. Дмитріева Свѣчина — Музыкальныя утра г. Леопольда Мауерера. — Концерты г-жи Віардо, Гарціи, гг. Контскихъ и г. Даргомыжскаго. — Заключение. — **IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Погода. — Путешествіе по Петербургу и поѣздки за городъ. — Поѣздка въ Сѣверную Америку, не выѣзжая изъ Петербурга. — Двѣ тысячи миль въ два часа. — Въ двѣ минуты изъ Америки въ Европу. — Палермо и Берлинъ. — Петербургскія улицы и новый способъ мощенія ихъ. — Музыка, музыка и музыка. — Хоръ въ тысячу двадцать пять чело-вѣкъ. — Исторія арфы по поводу одного музыкальнаго вечера. — Театральныя слухи и вѣсти. — Два анекдота о Брянскомъ. — Два слова къ біографіи Гусевой. — Вѣсти о Вольнигъ, и Плесси. — Открытіе Шахматнаго Общества. — Бѣдствіе Невскаго проспекта. — Приближеніе праздниковъ. — Портреты В. А. Каратыгина. — Новое изобрѣтеніе. — Дамскіе наряды. (Кн. 4).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ДИПЛОМАТИЯ ЖЕНЫ. Комедія съ пѣніемъ, въ одномъ дѣйствіи, подражаніе французской пословицы г жи Бертонъ. *Н. Крестовскаго.* (Кн. 3).

✓ **ПРЕЖДЕ СКОНЧАЛСЯ, ПОТОМУ ПОВЪЧИЛСЯ.** Водовиль въ двухъ дѣйствіяхъ. *Соч. Максимова.* (Кн. 4).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

Первое апрѣля русскихъ журналовъ. — Неудачное замѣчаніе «Современника». — Последняя книга «Сына Отечества». — Апрельская книга «Отечественныхъ Записокъ». — Серьезныя статьи. — Ковалевскій и его «Китай въ 1849 и 1850 году». — Критика г. Кудравцева на статьи г. Грановскаго. — Новое направленіе исторіи. — Вліяніе на нее естественныхъ наукъ. — Преувеличеніе вліянія природы и физиологій на историческія событія. — *Журналистика* «Отечественныхъ Записокъ», ея правильныя сужденія и неправильный языкъ. — Разказы г. Небольсина. — Фельетонъ «Отечественныхъ Записокъ». — Скачка съ препятствіями и коньки. — Портретъ литератора, у котораго свой конекъ. — Англійскіе романы. — Новый романъ г. Крестовскаго: *Кто-же остался доволенъ?*

II. НОВЫЯ КНИГИ:

НОВОСТИ И РАЗСКАЗЫ. А. Ф. Писемскаго. **ДАВИДЪ КОННЕРФЕЛЬДЪ.** Романъ Чарльза Дикенса. Переводъ съ Англійскаго. И. И. Веденскаго.

III. МУЗЫКА:

Обиліе и пустота концертовъ. — Дороговизна входныхъ цѣвъ. — Направленіе музыки въ настоящее время. Истинные жрецы искусства. — Г. и г-жа Леонардъ. — Замѣчательныя композиціи этого артиста и его концерты. — Многогрѣчивость фельетоновъ. — Г. Антуанъ Контскій. — Его игра и композиціи. — Его права на гениальность. — Угощеніе гг. концертистовъ. Г. Лещетницкій и характеристики его игры, Его концерты и композиціи. Братья Штальнехтъ и Лешгорнъ и ихъ тріо. — Г. Соле. — Г. Щепановскій и его новая метода. — Концерты: Филармоническаго общества, въ пользу инвалидовъ, и съ нечаяностями. — Незачинность другаго рода. — Г. Коссовскій. — Концертъ г. Дмитріева-Свѣчна. — Музыкальна утра г. Леопольда Маурера. — Концерты г-жи Вярдо Гарсиа, гг. Контскихъ и г. Даргомыжскаго. — Заключеніе.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Погода. — Путешествіе по Петербургу и поздніе за городъ. — Поѣздка въ Сѣверную Америку, не выѣзжая изъ Петербурга. — Двѣ тысячи миль въ два часа. — Въ двѣ минуты изъ Америки въ Европу. — Палермо и Берлинъ. — Петербургскія улицы и новый способъ мошенія ихъ. — Музыка, музыка и музыка. — Хоръ въ тысячу двадцать пять человѣкъ. — Исторія арфы по поводу одного музыкальнаго вечера. — Театральные слухи и вѣсти. — Два анекдота о Брянскомъ. — Два слова къ біографіи Гусевой. — Вѣсти о Вольнишъ и Плесси. — Открытіе Шахматнаго Общества. — Бѣдствіе Невскаго проспекта. — Приближеніе праздниковъ. — Портреты В. А. Каратыгина. — Новое изобрѣтеніе. — Дамскіе наряды.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 4.

ПРЕЖДЕ ОКОНЧАЛИСЬ, ПОТОМЪ ПОВЪЗЧАЛИСЬ. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. актера Максимова.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ: Я. Г. БРЯНСКАГО.
2. Музыка: *Cracovienne favorite, par M. VOLANGE.*

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, съ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕНЕРТУАРА РУССКОЙ СДѢЛКИ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ русскихъ аноманитныхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новѣйшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ Н. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или средѣ года, непремѣнно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, со **ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ**.

Имѣющие нужду до Редакціи или желающие помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **СЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.»

MAY 2 - 1934

